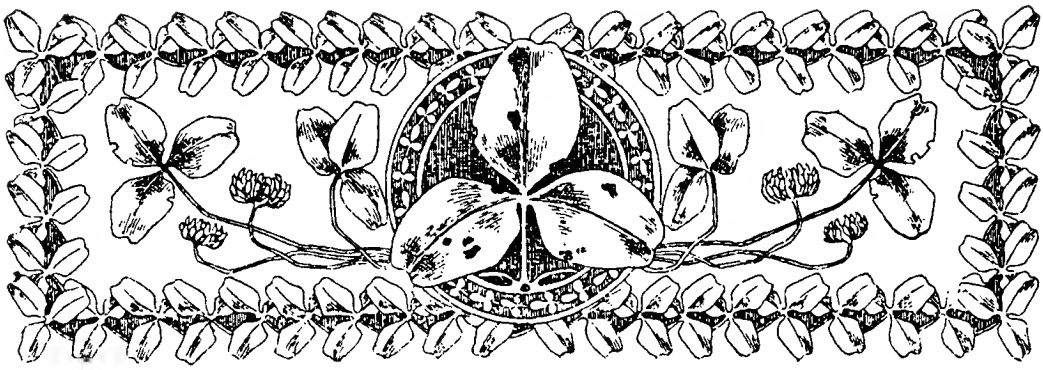
ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

МѢСЯЦЪ ДЕКАБРЬ



День первый

ПАМЯТЬ

СВЯТАГО ПРОРОКА

НАУМА

Святый пророкъ Наумъ — одинъ изъ двѣнадцати, такъ называемыхъ, малыхъ пророковъ — происходилъ изъ Галилеи, изъ селенія Елкоша[1]).

Главное содержаніе книги Наума есть пророчество о паденіи и погибели Ниневіи[2]), предсказаніе бѣдствій, какія праведный Господь наведетъ на сей городъ, и самое живое изображеніе окончательнаго и совершеннаго разрушенія этого великаго и

---

[1]) Почему пророкъ и называетъ себя *Елкошеянниномъ* или *Елкосеянниномъ* (см. русск. переводъ Библіи, кн. прор. Наума, гл. 1, ст. 1). По славянскому и другимъ переводамъ пророкъ Наумъ значится *сыномъ Елкесіевымъ;* но большинство толковниковъ (напр., бл. Іеронимъ, св. Кириллъ Іерусалимскій, Епифаній и друг.) принимаютъ еврейское слово *Елкоши* (переведенное по-славянски *сынъ Елкесіевъ*) за наименованіе мѣста рожденія Наума. По преданію, записанному блаженнымъ Іеронимомъ, селеніе Елкоша находилось на сѣверѣ Галилеи, въ царствѣ Израильскомъ.

[2]) *Ниневія* была главнымъ городомъ ассирійцевъ, съ которыми Евреи тогда находились во враждебныхъ отношеніяхъ. Ниневія лежала на восточномъ берегу рѣки Тигръ въ Месопотаміи. Это былъ многолюднѣйшій и богатѣйшій городъ въ древнемъ мірѣ; имѣлъ около 84 верстъ въ окружности.

сильно укрѣпленнаго города. Пророкъ Наумъ предсказываетъ разрушеніе Ниневіи какъ наказаніе за ея беззаконія и особенно—за разрушеніе Израильскаго царства и за хулу Сеннахирима[1]) на Іегову[2]). Такимъ образомъ, Наумъ повторяетъ то грозное пророчество, которое было изречено на Ниневію Пророкомъ Іоною; пророчество Іоны о погибели Ниневіи[3]) не было отмѣнено, но лишь отсрочено. Ниневитяне, покаявшись на малое время послѣ проповѣди Пророка Іоны, видя, что на нихъ не сбылось его пророчество, снова обратились къ прежнимъ своимъ злымъ дѣламъ; этимъ они снова прогнѣвали Бога и оскорбили Его долготерпѣніе.

Поводомъ къ пророчеству послужило слѣдующее: когда войско Сеннахирима было чудеснымъ образомъ истреблено подъ стѣнами Іерусалима и Сеннахиримъ съ угрозою удалился, Евреи, хотя и рады были этому освобожденію, но боялись, что Сеннахиримъ, разгнѣванный неудачею, снова соберетъ войско, даже больше прежняго, и снова явится, какъ угрожалъ, подъ стѣнами Іерусалима. Чтобы успокоить и ободрить народъ еврейскій, Пророкъ Наумъ и выступилъ съ своей рѣчью, въ которой предсказалъ уже окончательную погибель Ниневіи, которая будетъ разрушена сильнымъ разливомъ водъ, а сокровища города будутъ разграблены и истреблены огнемъ[4]).

Вся книга Пророка Наума представляетъ собою одно послѣдовательное изложеніе грознаго опредѣленія Божія о погибели Ниневіи за то, что изъ нея произошелъ умысливший зло противъ Іеговы (т. е. Сеннахиримъ), а Іудейскому царству предсказывается

---

[1]) *Сеннахиримъ*—царь Ассирійскій, сынъ и преемникъ Салманассара, разрушившаго царство Израильское.

[2]) *Іегова* (по-славян. *Сущій*)—одно изъ Именъ Божіихъ. Оно означаетъ самобытность, вѣчность и неизмѣняемость Существа Божія и постоянно употребляется въ Св. Писаніи объ одномъ Истинномъ Богѣ.

[3]) Кн. Прор. Іоны, гл. 2, ст. 2.

[4]) Это пророчество о погибели Ниневіи *отъ воды* и *огня* исполнилось буквально. Ниневія, осажденная врагами (Ціаксаромъ, царемъ Мидійскимъ, и Набопаласаромъ, царемъ Вавилонскимъ, около 600 г. до Р. Хр.), три года стойко выдерживала осаду, и только разлившъ рѣки Тигръ, подмывшій городскія стѣны, далъ возможность врагамъ, прежде чѣмъ ниневитяне успѣли воздвигнуть новую стѣну, войти въ городъ и разрушить его до основанія (Кн. Прор. Наума гл. 3, ст. 14). Царь Ниневійскій Сарданапалъ, отчаявшись въ своемъ спасеніи и боясь плѣна, велѣлъ сложить въ самомъ дворцѣ большой костеръ, собралъ сюда всѣ свои сокровища и сжегъ себя вмѣстѣ со всѣми наложницами. Такъ исполнились грозныя слова Наума и другаго великаго Пророка — Исаіи (Кн. Прор. Исаіи, гл. 30, ст. 33).

освобожденіе отъ ига Ассиріи. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе осады и самое разрушеніе Ниневіи и, наконецъ, разъясняется, что Ниневія вполнѣ заслужила такую участь своимъ идолопоклонствомъ, особенно же своимъ развратомъ и волшебствомъ, чрезъ которое она порабощала народы. Посему никакія средства защиты не спасутъ ее, и всѣ народы будутъ радоваться, что избавились отъ такого жестокаго притѣснителя[1]).

Время служенія пророка Наума относится ко второй половинѣ царствованія Іудейскаго царя Езекіи, т. е. къ 745—714 годамъ до Р. Хр.,— послѣ разрушенія царства Израильскаго.

О другихъ обстоятельствахъ жизни Пророка ничего не извѣстно. По преданію, онъ умеръ на 45-мъ году жизни и былъ погребенъ въ своей отечественной землѣ.

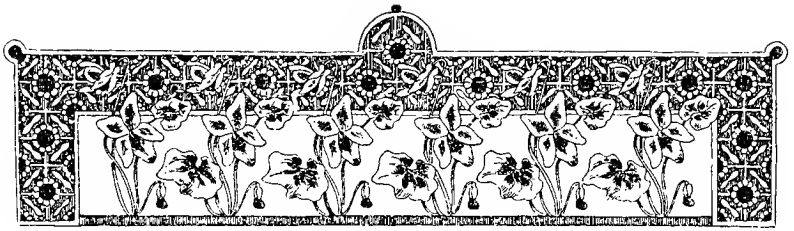
Ст҃ы́й прⷪ҇ро́къ
НАУ́МЪ

Конда́къ прⷪ҇ро́ка, гла́съ д҃:

Просвѣти́вшеесѧ дх҃омъ чи́стое твоѐ се́рдце, прⷪ҇ро́чества бы́сть свѣтлѣ́йшагѡ прїѧ́телище: зри́ши бо ꙗ҆́кѡ настоѧ̑щаѧ дале́че сꙋ́щаѧ. сегѡ̀ ра́ди тѧ̀ почита́емъ, прⷪ҇ро́че бл҃же́нне, наꙋ́ме сла́вне.

---

[1]) Кромѣ пророчества о паденіи Ниневіи, въ книгѣ Пророка Наума можно находить и мессіанскія черты. «Наумъ изрекаетъ—говоритъ блаж. Θеодоритъ—гибель Ниневіи, ея войску и городу за то, что они, хотя и покаялись послѣ проповѣди Іоны, но вскорѣ забыли о ней и пошли съ оружіемъ на Израиля; но,—продолжаетъ онъ,—есть въ книгѣ и пророчество о Спасителѣ такое: взы́де вдыха́ѧй въ лицѐ твоѐ (Кн. Прор. Наума, гл. 2, ст. 1); ибо какъ въ Адама Богъ вдунулъ дыханіе жизни, такъ и Владыка Христосъ, возобновляя сей образъ, дꙋ́нꙋ на Апостоловъ и҆ глаго́ла: прїими́те дх҃ъ ст҃ъ. Поэтому и подъ всѣмъ сокрушеннымъ царствомъ ассиріянъ, въ книгѣ Наума, мы разумѣемъ власть діавола, побѣжденную Владыкою Христомъ, а подъ ликующимъ Іудою разумѣемъ ликующую о спасеніи Вселенную.»—За Богослуженіемъ Правосл. Церкви книга Прор. Наума не употребляется.



ЖИТІЕ

СВЯТАГО ПРАВЕДНАГО

ФИЛАРЕТА МИЛОСТИВАГО

Блаже́ни ми́лостивіи, ꙗ҆́кѡ тіи поми́лованіи бꙋ́дꙋтъ [1]),—сказалъ Господь. Сіе сбылось на блаженномъ Филаретѣ Милостивомъ, который за свое великое милосердіе къ нищимъ получилъ отъ Бога богатое воздаяніе и въ настоящей жизни, и въ будущей — какъ свидѣтельствуетъ о семъ его блаженная жизнь.

Блаженный Филаретъ жилъ въ Пафлагоніи [2]) въ селеніи, называвшемся Амнія [3]). Благородные родители его, Георгій и Анна, съ дѣтства воспитали его въ благочестіи и страхѣ Божіемъ, и жизнь его украшалась цѣломудріемъ и всякими другими добродѣтелями. Достигнувъ совершеннаго возраста, Филаретъ вступилъ въ супружество съ благородной и богатой дѣвицей, по имени Ѳеозвою, отъ которой у него родились трое дѣтей: сынъ—Іоаннъ и двѣ дочери—Ипатія и Евانѳія. Богъ благословилъ блаженнаго Филарета, какъ въ прежнія времена праведнаго Іова,—и умноженіемъ его имущества, и изобильнымъ богатствомъ. Были у него и многочисленныя стада и села, плодоносныя нивы и изобиліе во всемъ; сокровищницы его были полны всякихъ земныхъ благъ, и многое множество рабовъ и рабынь служили при домѣ его. И былъ извѣстенъ Филаретъ какъ одинъ изъ знаменитыхъ

---

[1]) Еванг. отъ Матѳея, гл. 5, ст. 7.

[2]) *Пафлагонія*—область на сѣверѣ Малой Азіи, на востокъ отъ Виѳиніи.

[3]) *Амнія*—селеніе, расположенное на живописныхъ берегахъ рѣки того же имени.

вельможъ той страны. Обладая такимъ великимъ богатствомъ и видя, какъ въ то же время многіе бѣдствуютъ отъ бѣдности и крайней нищеты, онъ чувствовалъ къ нимъ состраданіе и, въ умиленіи души, говорилъ себѣ:

«Неужели такъ много благъ получилъ я отъ руки Господней только ради того, чтобы самому одному ими питаться и жить въ наслажденіи, угождая своему чреву? Не долженъ ли я раздѣлить дарованное мнѣ Богомъ великое богатство съ нищими, вдовами, сиротами, странниками и убогими, которыхъ Господь на Страшномъ Судѣ передъ Ангелами и людьми не постыдится назвать Своими братьями, такъ какъ Онъ говоритъ: **Поне́же сотвори́сте є҆ди́номꙋ си́хъ бра́тїй мои́хъ ме́ньшихъ, мнѣ̀ сотвори́сте**[1])? И какую пользу принесутъ мнѣ въ день Страшнаго Суда всѣ имѣнія мои, если я, по скупости своей, сохраню ихъ для одного себя, ибо на томъ судѣ не получатъ милости тѣ, кто не оказалъ милости[2]). Будутъ ли мои имѣнія для меня въ будущей жизни безсмертною пищею и питіемъ? Послужатъ ли мнѣ тамъ мои мягкія одежды нетлѣннымъ одѣяніемъ? Нѣтъ, сего не будетъ! Ибо такъ говоритъ Апостолъ: **Ничто́же бо внесо́хомъ въ мі́ръ се́й, ꙗ҆́вѣ, ꙗ҆́кѡ нижѐ и҆знестѝ что̀ мо́жемъ**[3]). Итакъ, если ничего изъ нашего земнаго имущества взять съ собою мы отсюда не можемъ, то гораздо лучше отдать сіе Богу, какъ бы взаймы, руками нищихъ; Богъ же никогда не оставитъ ни меня, ни жены моей, ни дѣтей моихъ. Въ этомъ увѣряетъ меня пророкъ Давидъ, говоря: **Ю҆нѣ́йшїй бы́хъ, и҆ не ви́дѣхъ пра́ведника ѡ҆ста́влена, нижѐ сѣ́мене є҆гѡ̀ просѧ́ща хлѣ́бы**[4]).

Такъ размышляя въ душѣ, блаженный Филаретъ сталъ милостивъ къ нищимъ, какъ отецъ къ своимъ дѣтямъ: кормилъ голодныхъ, одѣвалъ нагихъ, принималъ въ свой домъ странниковъ и съ любовію доставлялъ имъ всякій покой. И былъ сей праведный человѣкъ подобенъ древнему страннопріимцу Аврааму[5]) и нище-

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. **25**, ст. 40.—Все, сдѣланное человѣкомъ въ земной жизни для ближнихъ или послѣдователей Христовыхъ, Господь относитъ къ Себѣ и награждаетъ какъ бы за сдѣланное Ему Самому.

[2]) Срав.: Посл. Іакова, гл. **2**, ст. 13.

[3]) 1 Посл. къ Тимоѳ., гл. **6**, ст. 7.

[4]) Псаломъ **36**, ст. 25.

[5]) Т. е. ветхозавѣтному библейскому патріарху Аврааму. Въ своей жизни Авраамъ представляетъ намъ образецъ весьма многихъ и самыхъ поучительныхъ добродѣтелей, какъ напримѣръ: человѣколюбія, кротости, правоты, терпѣнія, миролюбія, великодушія, безкорыстія, гостепріимства, и особенно—благочестія, твердой и непоколебимой вѣры и упованія на Бога, глубочайшаго смиренія и благоговѣнія предъ Нимъ, совершенной покорности Ему и всецѣлой преданности въ волю Его.—См.: Кн. Бытія, гл. **11** и далѣе.

любцу Іову[1]). Посему невозможно было утаиться подъ спудомъ такому свѣтильнику, украшенному дѣлами милосердія, и онъ прославился по всей странѣ, какъ городъ, красующійся на вершинѣ горы[2]). Въ домъ его, какъ въ надежное прибѣжище, спѣшили пріютиться всѣ нищіе и убогіе. И кто изъ нихъ чего просилъ у него: пищи ли, одежды ли, коня, вола, осла или чего-либо другаго—то и доставлялъ ему Филаретъ съ благожелательною щедростію.

Но вотъ наступило время, когда Человѣколюбецъ Господь, все устрояющій на пользу человѣка, допустилъ и Филарета праведнаго, подобно древнему угоднику Своему Іову, подвергнуться искушенію, дабы и терпѣніе святаго могло проявиться подобно терпѣнію Іова и чтобы онъ, очищенный искушеніемъ, какъ золото въ горнилѣ, явился бы достойнымъ рабомъ Божіимъ. Началось съ того, что блаженный Филаретъ сталъ впадать въ нищету: однако сіе нисколько не измѣнило его сострадательности и милосердія къ нищимъ, и онъ продолжалъ раздавать нуждавшимся изъ того, что̀ оставалось у него.

Въ то время, по Божію попущенію, на ту страну, въ которой жилъ Филаретъ, напали Измаильтяне[3]); подобно вихрю сокрушающему и пламени пожигающему, они опустошили всю страну и увели въ плѣнъ множество жителей; уведены были и у Филарета всѣ его стада овецъ и воловъ, коней и ословъ, и взяты были въ плѣнъ многіе изъ рабовъ его. Тогда сей милосердый мужъ дошелъ до такого разоренія, что у него остались, наконецъ, только два раба, пара воловъ, лошадь и корова. Остальное же все имущество Филарета или роздано было бѣднымъ его щедрою рукою, или раз-

---

[1]) *Іовъ* —ветхозавѣтный великій праведникъ; хранитель истиннаго откровенія и богопочтенія въ родѣ человѣческомъ во время усиленія языческаго суевѣрія послѣ разсѣянія народовъ; извѣстенъ своимъ благочестіемъ и непорочностію жизни; былъ испытанъ отъ Бога всѣми несчастіями, среди которыхъ, однако, остался непоколебимымъ въ вѣрѣ и добродѣтели. Исторія Іова подробно изложена въ книгѣ его имени.

[2]) Еван. отъ Матѳея, гл. 5, ст. 14.

[3]) Подъ *Измаильтянами* (т. е. потомками Измаила) здѣсь разумѣются Арабы—магометане, могущество которыхъ въ VIII столѣтіи по Р. Хр. было въ полномъ расцвѣтѣ. Быстрый и необычайный ростъ магометанскаго могущества былъ несчастіемъ для Византіи. Магометане вели съ Греками непрестанныя и опустошительныя войны. Знаменитый халифъ Арабскій—Гарунъ-аль-Рашидъ восемь разъ предпринималъ опустошительные походы противъ Византіи; отъ этихъ набѣговъ прежде всего страдали всегда области Малой Азіи, гдѣ жилъ праведный Филаретъ. При приближеніи свирѣпыхъ враговъ жители спѣшили укрыться въ горныя ущелья, въ лѣса, оставляя на произволъ судьбы свои дома и хозяйство. Нерѣдко, по уходѣ враговъ, цвѣтущія области обращались въ пустыни. Такъ это именно и было во времена праведнаго Филарета.

граблено Измаильтянами; селами же его, садами и нивами завладѣли живущіе вокругъ земледѣльцы, одни—просьбами, другіе—насиліемъ. И остался у Филарета только тотъ домъ, въ которомъ онъ жилъ, да одна нива. Претерпѣвая такую нищету, лишенія и такія напасти, сей добрый мужъ никогда не скорбѣлъ и не роптал и, какъ второй Іовъ праведный, ни въ чемъ не согрѣшилъ предъ Богомъ,—ни даже словомъ,—**и не дадѐ безꙋміѧ бгꙋ**[1]). Но подобно тому, какъ кто радуется множеству своего богатства, такъ и онъ радовался своей нищетѣ, которую вмѣнялъ за великое сокровище, разумѣя, что бѣдность есть болѣе вѣрный путь ко спасенію, чѣмъ богатство, какъ и Господь сказалъ, что **неꙋдобь богатый внидетъ въ цр҃твіе нб҃ное**[2]).

Ст҃ый Філаретъ

Однажды, взявъ двухъ своихъ воловъ, Филаретъ пошелъ воздѣлывать оставшееся у него поле. Работая, онъ восхвалялъ и радостно благодарилъ Бога, что начинаетъ, по заповѣди Его святой, въ потѣ лица своего ѣсть хлѣбъ свой[3]) и что трудъ спасаетъ его отъ лѣности и праздности—этихъ учительницъ всякому злу.

Вспоминалъ онъ и слова Апостола, возбраняющаго ѣсть лѣнивому и любящему праздность человѣку: **аще кто не хощетъ дѣлати**,—сказалъ Апостолъ,—**нижѐ да ꙗстъ**[4]). И воздѣлывалъ свою землю блаженный Филаретъ, чтобы не оказаться ему недостойнымъ ѣсть хлѣбъ свой.

---

[1]) Кн. Іова, гл. 2, ст. 10. **Не дадѐ безꙋміѧ бгꙋ**,—т. е. не произнесъ никакой хулы на Бога.

[2]) Еванг. отъ Матѳея, гл. 19, ст. 23. «Трудно богатому войти въ Царство Небесное.» По поводу сихъ словъ Спасителя святый Іоаннъ Златоустъ говоритъ: «Христосъ сими словами не богатство порицаетъ, но тѣхъ, кои пристрастились къ нему».

[3]) Кн. Бытія, гл. 3, ст. 19.

[4]) 2 Посл. къ Солун., гл. 3, ст. 10.

Въ тотъ же день воздѣлывалъ свое поле и одинъ поселянинъ. И вотъ, внезапно одинъ изъ воловъ его заболѣлъ и палъ. Горько заплакалъ земледѣлецъ и скорбѣлъ неутѣшно, тѣмъ болѣе, что и волы у него были не свои,—онъ едва выпросилъ ихъ у своего сосѣда для обработки нивы. Тогда вспомнилъ онъ о блаженномъ Филаретѣ и сказалъ:

— Ахъ, если бы не обнищалъ самъ этотъ милостивый нищелюбецъ! Сейчасъ пошелъ бы къ нему и получилъ бы отъ него навѣрно не только одного, но даже двухъ воловъ. Но онъ и самъ теперь въ большой нуждѣ, и ему нечѣмъ помочь другому, какъ бы этого ни желало его сердце. Однако же, пойду я все-таки къ нему,—онъ, по крайней мѣрѣ, пожалѣетъ меня и хотя словомъ своимъ утѣшитъ меня и облегчитъ мою тяжелую скорбь и печаль.

Взявъ свой посохъ, поселянинъ отправился къ блаженному Филарету и, встрѣтивъ его за работою въ полѣ, поклонился ему и со слезами разсказалъ о своемъ горѣ—неожиданной гибели вола. Блаженный Филаретъ, видя, какъ огорченъ этотъ человѣкъ, сейчасъ же выпрягъ изъ-подъ ярма одного изъ своихъ воловъ, отдалъ его поселянину и сказалъ:

— Возьми, братъ, этого вола моего и ступай обрабатывать свою землю, благодаря Господа.

Съ благодарностію поклонился поселянинъ блаженному Филарету, принимая его щедрое подаяніе, и сказалъ:

— Господинъ мой! Велико и достойно удивленія твое рѣшеніе и угодно Богу твое милосердіе, но не хорошо разлучать двухъ воловъ, трудившихся вмѣстѣ, и съ однимъ трудно будетъ обойтись тебѣ самому.

— Возьми, братъ, вола, котораго я тебѣ дарю,—отвѣчалъ ему праведникъ,—и иди съ миромъ; у меня же есть еще волъ дома.

Земледѣлецъ поклонился блаженному до земли и, взявъ вола, отошелъ, прославляя Бога и благодаря милостиваго благотворителя.

Филаретъ, взявъ оставшагося вола и взваливъ ярмо на свои плечи, пошелъ домой. Когда онъ подходилъ къ воротамъ своего дома, то жена его, увидѣвъ, что волъ идетъ впереди, а мужъ ея слѣдуетъ за нимъ съ ярмомъ на своихъ плечахъ, сказала ему:

— Господинъ мой! Гдѣ же у тебя другой волъ?

Филаретъ же отвѣчалъ ей:

— Въ то время, какъ я отдыхалъ послѣ работы, а волы паслись на свободѣ, то одинъ изъ нихъ ушелъ и заблудился или, можетъ быть, кто-нибудь взялъ его и увелъ къ себѣ.

Услышавъ сіе, жена Филарета сильно огорчилась и поспѣшила послать своего сына розыскать пропавшаго вола. Обойдя много полей, юноша, наконецъ, нашелъ своего вола въ ярмѣ у того земледѣльца. Признавъ вола, онъ съ гнѣвомъ сказалъ земледѣльцу:

— Злой, нечестный человѣкъ! Какъ смѣлъ запрячь ты чужаго вола и работать на немъ? Гдѣ и какимъ образомъ ты досталъ этого вола и припрегъ къ своему? Развѣ это не тотъ самый волъ, который пропалъ у моего отца? А ты, найдя его, похитилъ, какъ волкъ, и присвоилъ его себѣ. Отдай мнѣ вола, а если не отдашь, то отвѣтишь на судѣ за него какъ воръ!

Земледѣлецъ кротко отвѣчалъ ему:

— Не гнѣвайся на меня, юноша, сынъ святаго мужа, и не обижай меня безъ всякой вины съ моей стороны. Вѣдь отецъ твой, сжалившись надъ моей бѣдой и нищетой, добровольно далъ мнѣ этого вола своего, такъ какъ мой волъ, работая подъ ярмомъ, вдругъ неожиданно палъ.

Услышавъ сіе, юноша устыдился своего напраснаго гнѣва. Поспѣшивъ домой, онъ разсказалъ обо всемъ этомъ своей матери. Она же, выслушавъ его, со слезами воскликнула:

— Горе мнѣ, бѣдной женѣ немилостиваго мужа!

И рвала на себѣ волосы, и, съ крикомъ и воплями прибѣжавъ къ своему мужу, упрекала его:

— Безчеловѣчный ты, съ каменнымъ сердцемъ человѣкъ! Зачѣмъ ты задумалъ преждевременно уморить насъ голодомъ? Вотъ, за грѣхи наши мы уже лишились всего своего имущества, но Господь, милующій и грѣшниковъ, оставилъ намъ двухъ воловъ, чтобы мы, съ помощію ихъ, могли прокормить дѣтей нашихъ; ты же, жившій прежде въ большомъ богатствѣ и никогда не работавшій своими руками, находясь теперь въ нищетѣ, облѣнился и не хочешь трудиться и воздѣлывать землю, но желаешь сладко почивать въ своей комнатѣ. И потому не ради Бога ты отдалъ своего вола поселянину, но ради себя самого, чтобы не трудиться впрягать его въ ярмо, а жить въ лѣности и праздности. Однако же, какой отвѣтъ дашь ты Господу, если изъ-за твоей лѣности я съ дѣтьми твоими погибну отъ голода?

Взглянувъ на жену свою, блаженный Филаретъ съ кротостію отвѣтилъ ей:

— Послушай, что говоритъ Самъ Богъ, богатый милостію: **Воззрите на птицы небныя, ꙗкѡ не сѣютъ, ни жнутъ, ни соби-**

ра́ютъ въ жи̂тницы, и̂ о̂цъ ва́шъ нб҃ный пита́етъ и̂хъ[1]): ужели не пропитаетъ Онъ насъ, несравненно болѣе дорогихъ Ему, чѣмъ птицы? Онъ сторицею обѣщаетъ воздать тѣмъ, кои ради Его и Евангелія раздаютъ свое имущество бѣднымъ. Итакъ, подумай: если за одного вола мы пріобрѣтемъ сто, то зачѣмъ намъ скорбѣть о томъ волѣ, котораго я во Имя Господа отдалъ нуждающемуся?

Говорилъ же сіе милостивый мужъ не потому, что онъ утѣшалъ себя надеждою на воздаяніе сторицею въ земной жизни, но для того, чтобы успокоить свою малодушную жену. И она замолкла, не находя возраженій на благоразумныя слова своего мужа.

Не прошло послѣ того и пяти дней, какъ и тотъ волъ, котораго подарилъ поселянину блаженный Филаретъ, наѣлся ядовитаго растенія и палъ. Это привело въ недоумѣніе поселянина, и, снова придя къ Филарету, онъ сказалъ ему:

— Господинъ! Согрѣшилъ я предъ тобою и передъ дѣтьми твоими, что разлучилъ пару воловъ твоихъ; вѣрно, потому и не допустилъ меня праведный Богъ получить пользу отъ вола твоего, ибо онъ объѣлся какого-то зелія и издохъ.

Не промолвивъ ни одного слова, блаженный Филаретъ быстро привелъ своего послѣдняго вола и, отдавъ его поселянину, сказалъ:

— Возьми, братъ, этого вола и уведи его; я же долженъ отбыть въ дальнюю страну и не хочу, чтобы рабочій волъ оставался безъ меня въ дому моемъ празднымъ.

Сказалъ же сіе блаженный ради того, чтобы человѣкъ тотъ не отказался принять отъ него и другаго вола. Поселянинъ же, принявъ вола, возвратился въ домъ свой, удивляясь великому милосердію блаженнаго мужа. Между тѣмъ въ домѣ Филарета скоро всѣ узнали объ его поступкѣ. Дѣти принялись плакать вмѣстѣ съ матерью и говорили:

— Поистинѣ немилосердъ отецъ нашъ и не любитъ дѣтей своихъ, потому что расточаетъ наше послѣднее имущество; только и осталось у насъ, что два вола, чтобы намъ не умереть съ голода, и тѣхъ отдалъ онъ чужому человѣку.

Видя скорбь и слезы дѣтей своихъ, блаженный Филаретъ обратился къ нимъ съ такими словами:

— Дѣти! Зачѣмъ предаетесь скорби? Зачѣмъ терзаете себя и меня? Ужели вы считаете меня жестокосердымъ? Ужели я въ самомъ дѣлѣ задумалъ погубить васъ? Успокойтесь: у меня въ одномъ

[1]) Еванг. отъ Матѳея, гл. 6, ст. 26.

мѣстѣ, которое неизвѣстно вамъ, хранится столько богатства и столько сокровищъ, что хватитъ вамъ на сто лѣтъ жизни, хотя бы вы и ничего не дѣлали и ни о чемъ не заботились. Я даже и самъ не могу счесть всѣхъ тѣхъ сокровищъ, приготовленныхъ для васъ.

Говоря это, праведный Филаретъ не обманывалъ своихъ дѣтей, но поистинѣ прозиралъ своими духовными очами то, чему предстояло сбыться впослѣдствіи.

Вскорѣ послѣ этого въ ту страну пришло царское повелѣніе: собраться всѣмъ воинамъ въ свои полки и выступить противъ нечестивыхъ варваровъ, возставшихъ на Греческую имперію; при этомъ требовалось, чтобы всякій воинъ явился въ полномъ вооруженіи и съ двумя конями. Причисленъ былъ къ одному изъ тѣхъ полковъ и одинъ бѣдный воинъ, именемъ Мусилій; у него былъ только одинъ конь, но и тотъ, какъ разъ въ это самое время, внезапно заболѣлъ и палъ. Не имѣя средствъ купить коня, бѣдный воинъ пошелъ къ блаженному Филарету и сказалъ ему:

— Господинъ мой! Сжалься надо мною, помоги мнѣ. Знаю я, что ты и самъ обѣднялъ до крайности, и у тебя самого только одинъ конь. Но, ради милосердаго Господа, умоляю тебя, дай мнѣ твоего коня, чтобы мнѣ не попасться въ руки тысящника и чтобы не избилъ онъ меня жестоко.

Блаженный Филаретъ сказалъ ему на это:

— Возьми, братъ, моего коня и ступай съ миромъ; но только знай, что не ради страха наказанія отъ тысящника даю я его тебѣ, а ради милости Божіей.

Воинъ же, взявъ коня отъ святаго, ушелъ отъ него, славя Бога. И осталось тогда у святаго Филарета изъ всего имущества только корова съ теленкомъ, одинъ оселъ да нѣсколько ульевъ пчелъ. Между тѣмъ, одинъ бѣднякъ изъ дальней стороны, услышавъ о Филаретѣ Милостивомъ, пришелъ къ нему и сталъ просить его, говоря:

— Господинъ мой! Дай мнѣ одного теленка изъ стада твоего, чтобы и мнѣ послужилъ твой даръ въ благословеніе отъ тебя, потому что мнѣ извѣстно, что даяніе твое приноситъ благословеніе въ домъ и всячески обогащаетъ его.

Съ радостію привелъ тогда своего единственнаго теленка блаженный Филаретъ и отдалъ его просящему, сказавъ:

— Господь да ниспошлетъ тебѣ Свое благословеніе, братъ, и да дастъ тебѣ изобиліе во всемъ, что тебѣ требуется.

И поклонился Филарету тотъ человѣкъ, и ушелъ отъ него, уведя съ собою теленка. Между тѣмъ корова, не видя своего теленка, стала искать его и, не находя нигдѣ, подняла жалобный ревъ на весь дворъ. Всѣ домашніе Филарета сильно жалѣли о коровѣ, особенно же огорчилась жена Филарета. Со слезами она стала упрекать мужа, говоря:

— Долго ли намъ все это терпѣть отъ тебя? Кто не посмѣется надъ твоимъ безразсудствомъ? Вижу ясно я теперь, что ты нисколько не заботишься обо мнѣ, женѣ твоей, и дѣтей своихъ заморилъ ты; а теперь даже не пожалѣлъ и безсловесной скотины, кормящей своего теленка, и безъ милосердія отнялъ его отъ матери. Кому же ты этимъ сдѣлалъ благодѣяніе? И домъ свой лишилъ и огорчилъ, и того, кто выпросилъ у тебя теленка, не обогатилъ, потому что и у него теленокъ безъ матери погибнетъ, и у насъ безъ теленка своего корова будетъ тужить и ревѣть; итакъ, какая же польза и намъ, и тому человѣку?

Слыша такія слова отъ жены своей, праведный Филаретъ отвѣчалъ ей съ кротостію:

— Вотъ теперь ты истинную правду сказала, жена моя! Дѣйствительно, я не милостивъ и не милосердъ, такъ какъ разлучилъ малаго теленка съ его матерью; но теперь я лучше поступлю.

И поспѣшивъ вслѣдъ за человѣкомъ, уведшимъ теленка, Филаретъ сталъ звать его:

— Возвратись, братъ, возвратись съ теленкомъ; корова безъ теленка не даетъ намъ покоя, реветъ и мычитъ у воротъ дома.

Бѣднякъ, услышавъ сіе отъ Филарета, подумалъ, что онъ хочетъ отнять у него подареннаго ему теленка, и сказалъ самъ себѣ: «Видно, недостоинъ я получить отъ сего праведнаго мужа даже одну эту малую скотину; вѣроятно, онъ пожалѣлъ о немъ и зоветъ меня, чтобы отнять его у меня». Когда человѣкъ тотъ возвратился къ Филарету, теленокъ, увидавъ мать свою, побѣжалъ къ ней, такъ же и мать съ радостнымъ мычаніемъ бросилась къ нему. Теленокъ, припавъ къ сосцамъ ея, долго не отходилъ отъ своей матери, и Ѳеозва, жена Филарета, видя это, радовалась, что теленокъ былъ возвращенъ въ домъ. Блаженный же Филаретъ, увидѣвъ бѣдняка, печально стоявшаго и не осмѣливающагося даже выговорить ни слова, сказалъ ему:

— Братъ! Жена моя говоритъ, что я согрѣшилъ, разлучивъ теленка съ его матерью, и это правду она сказала. Посему возьми

вмѣстѣ съ теленкомъ и корову и ступай съ миромъ; Господь да благословитъ тебя и да умножитъ и твое стадо, какъ нѣкогда и мое!

И взялъ человѣкъ тотъ корову съ теленкомъ, и пошелъ съ радостію домой. И благословилъ Богъ домъ его ради угодника Своего Филарета; отъ данной ему коровы съ теленкомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, у него было уже больше двухъ стадъ воловъ и коровъ.

Вскорѣ послѣ того наступилъ голодъ въ той странѣ, и праведный Филаретъ дошелъ до послѣдней крайности нищеты; не имѣя чѣмъ прокормить свою жену и дѣтей, Филаретъ взялъ осла, который только одинъ остался у него,—и пошелъ въ другую сторону къ одному своему другу; взявъ у него взаймы шесть мѣръ пшеницы и навьючивъ ее на осла, онъ въ радости возвратился въ домъ свой и насытилъ жену и дѣтей. Когда же Филаретъ отдыхалъ у себя дома послѣ дороги, то пришелъ къ нему нищій и просилъ дать ему одно рѣшето пшеницы.

— Жена!—сказалъ тогда сей достойный подражатель Авраама, обращаясь къ ней въ то время, какъ она сѣяла пшеницу.—Я хотѣлъ бы дать этому нищему одну мѣру пшеницы.

Жена отвѣчала ему:

— Подожди, пока насытятся твои дѣти и твоя жена, и прежде всего дай мнѣ одну мѣру и твоимъ дѣтямъ по мѣрѣ и также работницѣ нашей, а что останется сверхъ того, то отдай кому хочешь.

Онъ же посмотрѣлъ на нее и, засмѣявшись, сказалъ:

— А для меня ничего не оставишь?

— Да вѣдь ты Ангелъ,—возразила ему Ѳеозва,—а не человѣкъ и въ пищѣ не нуждаешься; если бы ты нуждался въ пищѣ, то не раздавалъ бы другимъ взятую взаймы пшеницу.

Филаретъ, молча отсыпавъ двѣ мѣры пшеницы, отдалъ ихъ нищему. Тогда жена Филарета окончательно вышла изъ себя отъ огорченія и досады и закричала ему:

— Дай нищему уже и третью мѣру, потому что у тебя много пшеницы.

Филаретъ отмѣрилъ еще мѣру и отпустилъ бѣдняка. Раздраженная на него Ѳеозва раздѣлила оставшуюся пшеницу между собою и своими дѣтьми. Между тѣмъ, взятая въ долгъ пшеница скоро вышла, и Ѳеозвѣ съ ея дѣтьми опять пришлось голодать.

Тогда она пошла къ сосѣдямъ, попросила у нихъ полъ-хлѣба взаймы, приварила къ нему лебеды и дала голоднымъ дѣтямъ и сама напиталась съ ними, а старца даже и не вспомнили позвать къ своей трапезѣ.

Между тѣмъ, о бѣдственномъ положеніи Филарета услыхалъ одинъ изъ его старинныхъ друзей, человѣкъ богатый. Онъ послалъ ему четыре воза, нагруженныхъ пшеницею, каждый по десяти мѣръ, и при этомъ написалъ ему: «Возлюбленный братъ нашъ, человѣкъ Божій! Посылаю тебѣ сорокъ мѣръ пшеницы на пропитаніе тебѣ и твоимъ домашнимъ, а когда все выйдетъ у тебя, тогда пришлю тебѣ еще столько же; а ты помолись о насъ Богу».

Принявъ этотъ даръ, Филаретъ, въ чувствѣ благодарности за милость Господа, палъ на землю; затѣмъ, поднявшись и простирая руки къ Небу, произнесъ:

— Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты не оставилъ меня, раба Твоего, возложившаго на Тебя все упованіе.

Видя такую милость Божію, жена Филарета успокоилась и съ кротостію сказала мужу:

— Господинъ мой! Отдѣли мнѣ пшеницы, сколько найдешь нужнымъ, и дѣтямъ нашимъ, а также отдай и взятое взаймы у сосѣдей,—себѣ же возьми свою часть и поступай съ нею, какъ хочешь.

Филаретъ такъ и поступилъ по словамъ жены своей и раздѣлилъ пшеницу, оставивъ себѣ пять мѣръ, которыя и роздалъ бѣднымъ въ два дня. Это снова привело въ негодованіе Ѳеозву, и она не захотѣла даже ѣсть съ нимъ вмѣстѣ, но обѣдала съ дѣтьми отдѣльно и скрытно отъ него. Однажды нечаянно засталъ ихъ за обѣдомъ блаженный Филаретъ и сказалъ имъ:

— Дѣти! Примите и меня къ своей трапезѣ, если не какъ отца вашего, то какъ гостя и странника.

Тѣ засмѣялись и приняли его къ себѣ; въ то время, какъ они ѣли, жена его сказала ему:

— Господинъ мой! Долго ли ты будешь скрывать отъ насъ то сокровище, которое, какъ ты говоришь, гдѣ-то хранится у тебя? Можетъ быть, ты смѣешься надъ нами и дразнишь насъ, какъ неразумныхъ дѣтей, ложными обѣщаніями? Если же это правда, то покажи намъ твое сокровище,—тогда мы возьмемъ его и купимъ себѣ пищи, и опять будемъ обѣдать вмѣстѣ, какъ было и прежде.

— Подождите еще немного,—отвѣчалъ блаженный Филаретъ,— и въ скоромъ времени вамъ будетъ показано и дано великое сокровище.

Наконецъ, святый Филаретъ дошелъ до такой нищеты, что не имѣлъ уже больше ничего, кромѣ нѣсколькихъ ульевъ съ медомъ, отъ котораго питался самъ, жена его и дѣти. Но и въ такой нуждѣ, если къ нему приходили нуждающіеся, то онъ, за неимѣніемъ хлѣба, дѣлился съ ними медомъ. Домашніе его, видя, что они такимъ образомъ лишаются и послѣдняго пропитанія, потихоньку отправились къ пчеламъ, чтобы обобрать весь оставшійся медъ, но они нашли только одинъ улей, изъ котораго и взяли себѣ весь запасъ. А на другое утро опять пришелъ нищій къ Филарету и просилъ у него милостыни. Филаретъ отправился къ улью, но онъ оказался уже пустъ; видя, что нищему нечего дать, блаженный Филаретъ снялъ съ себя верхнюю одежду и отдалъ ему. Когда же онъ пришелъ въ домъ въ одной нижней одеждѣ, то жена сказала ему:

— Гдѣ же твоя одежда? Неужели и ту ты отдалъ нищему?

— Ходилъ я около ульевъ,—отвѣчалъ Филаретъ женѣ,—тамъ и оставилъ ее.

Тогда сынъ его пошелъ на то мѣсто и, не найдя отцовской одежды, сказалъ о томъ своей матери. Та, стыдясь видѣть мужа въ неподобающемъ видѣ, перешила ему свою одежду на мужскую и надѣла на Филарета.

Въ тѣ времена престолъ Греческаго царства занимала христолюбивая царица Ирина съ сыномъ своимъ Константиномъ[1]). Такъ какъ онъ достигъ уже совершеннолѣтія, то разосланы были по всему Греческому царству избранные надежные и благоразумные люди, чтобы отыскать красивую добродѣтельную и благородную дѣвицу, которая была бы достойна вступить въ бракъ съ юнымъ царемъ Константиномъ. Посланные мужи, желая успѣшнѣе исполнить царское повелѣніе, тщательно обходили всѣ области, города

---

[1]) *Императрица Ирина* — супруга императора Льва IV-го Хазара, иконоборца. За свое ревностное иконопочитаніе она потерпѣла гоненіе отъ своего мужа. Послѣ его смерти Ирина вступила на престолъ вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ Константиномъ (780 г.). При ней было возстановлено иконопочитаніе и, по ея настоянію, созванъ былъ VII Вселенскій Соборъ, на которомъ провозглашена истина иконопочитанія и осуждено иконоборство. [Соборъ происходилъ въ Никеѣ въ 787 г.] Сынъ Ирины и Льва IV-го Константинъ царствовалъ подъ именемъ *Императора Константина VI, Порфиророднаго* до 797 года. Ирина царствовала и послѣ сына—до 802 года.

и даже глухія мѣстечки; между прочимъ, пришли они и въ селеніе Амнію въ Пафлагоніи.

Приближаясь къ нему, они издалека еще увидали красивый и высокій домъ Филарета, красотою превосходившій всѣ прочіе. Думая, что тамъ живетъ какой-нибудь знатный и богатый владѣлецъ той мѣстности, они послали туда своихъ слугъ, чтобы тѣ приготовили имъ тамъ помѣщеніе и трапезу. Но одинъ изъ воиновъ, сопровождавшихъ царскихъ пословъ, сказалъ имъ:

— Не ходите въ тотъ домъ, господа, потому что онъ, хотя великъ и красивъ снаружи, но внутри пустъ, такъ что въ немъ нельзя найти не только какихъ-нибудь удобствъ, но—даже самаго необходимаго; въ немъ живетъ одинъ старецъ, бѣднѣе котораго нѣтъ никого въ этой мѣстности.

Однако царскіе посланные не повѣрили словамъ воина и велѣли своимъ слугамъ идти и исполнить то, что имъ было поручено.

Блаженный же Филаретъ, какъ только увидалъ подходящихъ къ его дому людей, взялъ свой посохъ и вышелъ къ нимъ навстрѣчу; поклонившись имъ до земли, онъ принялъ ихъ съ радостію и сказалъ:

— Господь, вѣрно, привелъ васъ, господа мои, ко мнѣ—рабу вашему; почитаю великою честію для себя, что удостоился принять такихъ гостей въ моемъ убогомъ жилищѣ.

Поспѣшивъ затѣмъ къ своей женѣ, блаженный сказалъ ей:

— Дорогая Ѳеозва! Приготовь хорошій ужинъ, чтобы угостить почетныхъ гостей, пришедшихъ издалека; они очень понравились мнѣ.

Ѳеозва возразила на это:

— Изъ чего же мнѣ приготовить хорошій ужинъ? Во всемъ нашемъ домѣ нѣтъ ни ягненка, ни даже курицы. Только и могу я сварить лебеду, которою мы сами питаемся, и то безъ масла; о маслѣ же и о винѣ я и вспомнить не могу, когда они были въ нашемъ домѣ.

Но мужъ снова сказалъ ей:

— Разведи хотя только огонь и приготовь верхнюю палату, и вымой нашъ старый обѣденный столъ изъ слоновой кости. Господь же, питающій всякую плоть, дастъ и намъ пищу, которою мы угостимъ тѣхъ мужей.

Ѳеозва принялась исполнять повелѣніе и желаніе своего мужа. Между тѣмъ, зажиточные жители того селенія, узнавъ, что царскіе

посланцы остановились въ домѣ Филарета, поспѣшили принести туда овецъ, барановъ, куръ и голубей, хлѣбъ и вино, и вообще все, нужное для принятія столькихъ гостей. Получивъ эти приношенія, Ѳеозва стала приготовлять изъ нихъ разныя кушанья и устроила ужинъ въ верхней комнатѣ. Сюда и собрались ужинать царскіе послы и удивлялись и великолѣпію комнаты въ домѣ совершенно бѣднаго человѣка, и роскошному обѣденному столу изъ слоновой кости, блистающему золотомъ. Но болѣе всего ихъ трогало глубокозадушевное гостепріимство хозяина, который и видомъ своимъ и обращеніемъ походилъ на самого Авраама Страннопріимца. Въ то время, какъ гости сидѣли за столомъ, вошелъ сюда сынъ блаженнаго Филарета—Іоаннъ, похожій на своего отца, и собрались также внуки блаженнаго, которые и стали усердно прислуживать гостямъ за столомъ. Смотря на нихъ, гости любовались ихъ чиннымъ и приличнымъ обхожденіемъ и спросили Филарета:

— Скажи намъ, честнѣйшій мужъ, есть ли у тебя супруга?

— Есть, господа мои,—отвѣчалъ имъ Филаретъ,—а вотъ эти молодые люди—мои дѣти и внуки.

И сказали ему послы царскіе:

— Пусть же придетъ сюда супруга твоя и привѣтствуетъ насъ.

Ѳеозва пришла. Видя ее, хотя и красивую еще, но уже пожилую женщину, они спросили:

— А есть ли у васъ дочери?

— У старшей моей дочери,—отвѣчалъ имъ блаженный Филаретъ,—есть три дѣвицы—дочери.

Тогда гости продолжали:

— Пусть придутъ сюда тѣ отроковицы, чтобы намъ видѣть ихъ; ибо мы имѣемъ повелѣніе отъ пославшихъ насъ царей нашихъ осмотрѣть всѣхъ молодыхъ дѣвицъ во всѣхъ Греческихъ областяхъ и избрать изъ нихъ прекраснѣйшую—достойную царскаго брака.

Блаженный же сказалъ:

— Не относится сіе слово къ намъ, господа наши и властители, такъ какъ мы—рабы ваши, нищіе и убогіе. Однако же, кушайте теперь и пейте что Богъ послалъ и будьте веселы, и отдохните отъ пути, и усните, а завтра—воля Господня да будетъ!

Утромъ, когда уже взошло солнце, вельможные гости Филарета пробудились и сказали ему:

— Повели, господинъ, привести къ намъ своихъ внучекъ, чтобы намъ видѣть ихъ.

— Какъ прикажете, господа мои, такъ и будетъ,—отвѣчалъ имъ блаженный Филаретъ.—Однако же, при этомъ прошу васъ, выслушайте меня милостиво, благоволите сами пройти во внутренніе покои моего дома, гдѣ вы и увидите дѣвицъ нашихъ, такъ какъ онѣ никогда еще не выходили изъ бѣднаго жилья нашего.

Гости тотчасъ встали и пошли вслѣдъ за Филаретомъ въ его семейные покои; тамъ ихъ встрѣтили три дѣвицы, скромно и почтительно поклонившись при этомъ гостямъ. Когда же послы царскіе увидѣли при этомъ, что внучки Филарета—самыя красивыя изъ всѣхъ дѣвицъ, видѣнныхъ ими во всѣхъ Греческихъ областяхъ, то они не могли удержаться отъ выраженій восторженнаго удивленія и сказали:

— Благодаримъ Господа, давшаго намъ обрѣсти желаемое, потому что одна изъ сихъ дѣвицъ будетъ достойной невѣстой царю нашему—лучше ихъ намъ не найти, хотя бы пришлось пройти всю вселенную.

И, сообразно съ ростомъ царя, они избрали въ невѣсты для него старшую внучку блаженнаго Филарета, именемъ Марію, которая была ростомъ выше другихъ сестеръ. Довольные успѣхомъ своего дѣла, царскіе послы пригласили Марію вмѣстѣ съ отцомъ ея и матерью, дѣдомъ и со всѣми ихъ ближними—въ числѣ тридцати человѣкъ,—и отправились съ ними въ царскую столицу—Константинополь. Вмѣстѣ съ ними отправились и еще десять избранныхъ въ другихъ мѣстахъ дѣвицъ, между которыми была и красивая дочь нѣкоего знатнаго сановника Геронтія. Во время сего путешествія разумная и смиренная внучка блаженнаго Филарета обратилась къ подругамъ своимъ, другимъ дѣвицамъ, съ такими словами:

— О сестры мои, дѣвицы! Такъ какъ мы всѣ собраны здѣсь по одной и той же причинѣ,—чтобы быть представленными царю, то согласимся между собою, какъ поступить, когда Царь Небесный дастъ одной изъ насъ царство земное, назначивъ ее въ супруги царю. Такъ какъ невозможно всѣмъ намъ войти на сію высоту, но только одна изъ насъ будетъ избрана, то пусть вспомнитъ она въ своемъ царственномъ величіи и не оставитъ насъ своимъ покровительствомъ.

Дочь вельможи Геронтія отвѣтила на сіе Маріи:

— Пусть будетъ всѣмъ вамъ извѣстно, что ни одна изъ васъ не можетъ быть избранною въ супруги царю, кромѣ меня, такъ какъ я выше всѣхъ васъ по благородному происхожденію и по богатству, и по красотѣ, и по разуму; при вашей бѣдности, худородіи и простотѣ какъ вы можете надѣяться войти въ царскіе чертоги, разсчитывая только на красоту своего лица?

Услыхавъ эти безумныя и гордыя слова Марія замолчала, но предала себя волѣ Божіей и положилась на молитвы святаго старца, дѣда своего.

Наконецъ посольство достигло Константинополя, и дѣвицы были препровождены въ царскій дворецъ, гдѣ объ ихъ пріѣздѣ тотчасъ было доложено приближенному царя и завѣдующему его дворцомъ Ставрикію. Прежде всѣхъ представлена была Ставрикію дочь Геронтія. Ея гордость не укрылась отъ зоркаго взгляда опытнаго царедворца, и онъ сказалъ ей:

— Ты хороша и красива, дѣвица, но быть супругою царю ты не можешь.

И, щедро одаривъ ее, отпустилъ домой. Такъ сбылись слова Писанія: **всякъ возносяйся, смирится: смиряяй же себе, вознесется** [1]). Послѣ всѣхъ представлена была внучка праведнаго Филарета, Марія, вмѣстѣ съ матерью, съ дѣдомъ и со всѣми ближними ея. Увидѣвъ ихъ, поражены были душевной добротой и благоприличіемъ ихъ и царь, и его мать, и Ставрикій. Немало дивились всѣ и красотѣ Маріи, на лицѣ которой ясно выражены были ея добрыя качества: кротость, смиреніе и страхъ Божій. Скромно опустивъ глаза, стояла Марія передъ царемъ, между тѣмъ какъ яркій румянецъ разлился по ея щекамъ. И сильно понравилась она царю, и онъ обручилъ ее себѣ въ невѣсту. Вторую же сестру ея избралъ себѣ въ невѣсту одинъ изъ приближенныхъ къ царю вельможъ, знатный патрицій [2]) Константикій, а третья сестра была выдана замужъ за правителя Лонгобардовъ [3]), чтобы чрезъ этотъ родственный союзъ

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. **18**, ст. 14.

[2]) Титулъ *патриціевъ* принадлежалъ первоначально лишь дѣтямъ сенаторовъ, которые назывались по-латыни patres. Потомъ это названіе стало прилагаться ко всѣмъ лицамъ благороднаго римскаго происхожденія. Но императоръ Константинъ сдѣлалъ титулъ патриція личнымъ достоинствомъ, которое было даруемо высшимъ чиновникамъ, но не переходило по наслѣдству.

[3]) *Лонгобарды*—одинъ изъ народовъ Германскаго племени.

утвердить съ нимъ мирныя отношенія. Бракосочетаніе царя съ внучкою блаженнаго Филарета сопровождалось большими увеселеніями; въ нихъ принимали участіе и вельможи царскіе, и народъ, и вся семья блаженнаго Филарета. Царь искренно полюбилъ блаженнаго старца и, привѣтливо обнимая, цѣловалъ его почтенную голову. Похваливъ Филарета за благочестіе его и всей семьи его, царь окружилъ ихъ всѣхъ большими почестями и одарилъ серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными каменьями, роскошною одеждою, большими и красивыми домами и другимъ имуществомъ. Почтивъ блаженнаго такимъ образомъ и облобызавъ, царь отпустилъ его съ семействомъ въ дарованное имъ великолѣпное жилище.

Получивъ такіе богатые дары, жена Филарета и дѣти его, и всѣ домашніе его вспомнили слова Филарета, не разъ говорившаго имъ, что у него сохраняются въ тайномъ мѣстѣ сокровища, которыя Богъ приготовилъ для нихъ. Припавъ къ ногамъ святаго, они сказали ему:

— Прости намъ, владыко и господинъ нашъ, въ чемъ такъ безумно мы всѣ согрѣшили передъ тобой! Прости, что мы осуждали тебя и упрекали за твою щедрую милостыню нищимъ и убогимъ. Теперь только мы убѣдились, что **бл҃же́нъ человѣ́къ, разꙋмѣва́й на ни́ща и҆ ᲂу҆бо́га**[1]). Воистину все, что даетъ человѣкъ нуждающемуся брату, даетъ то Самому Богу, Который сторицею вознаграждаетъ его въ семъ мірѣ и даруетъ ему блаженную жизнь въ вѣчности. Вотъ и ради твоей милостыни къ бѣднымъ, человѣкъ Божій, послалъ тебѣ Господь богатую милость Свою, а ради тебя — и всѣмъ намъ.

Блаженный же старецъ простеръ руки къ Небу и воскликнулъ:

— Благословенъ Богъ, Коему было угодно сіе! **Бꙋ́ди и҆́мѧ гдⷭ҇не бл҃гослове́нно ѿ ны́нѣ и҆ до вѣ́ка**[2]).

Обратившись затѣмъ къ своей семьѣ, Филаретъ сказалъ:

— Послушайте совѣта моего: приготовимъ хорошій обѣдъ и умолимъ придти къ намъ на пиръ царя и владыку нашего со всѣми его вельможами.

— Какъ пожелаешь ты, — отвѣчали они, — такъ пусть и будетъ!

Когда все было готово для пира, то блаженный вышелъ изъ дома своего и сталъ ходить по городу и по окрестностямъ,

---

[1]) Псаломъ 40, ст. 2. *Разумѣваяй* — кто помышляетъ.

[2]) Псаломъ 112, ст. 2.

разыскивая нищихъ, прокаженныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, старыхъ и немощныхъ. Собравъ ихъ до двухъ сотъ человѣкъ, онъ привелъ ихъ въ свой домъ и, оставивъ сначала передъ воротами, пошелъ одинъ къ своимъ домашнимъ и сказалъ имъ:

— Дѣти мои! Царь приближается со своими вельможами. Все ли у васъ готово для угощенія?

— Все готово, честны́й отче,—отвѣчали они ему.

Блаженный далъ знакъ рукою нищимъ, и вотъ, къ неописанному изумленію домашнихъ, въ домъ вошло великое множество нищихъ и убогихъ; нѣкоторыхъ изъ нихъ Филаретъ посадилъ за столомъ, другимъ же, за недостаткомъ мѣста, пришлось сѣсть на полу, и между послѣдними помѣстился и самъ домохозяинъ. Увидѣвъ сіе, поняли домашніе Филарета, что, называя царя, онъ разумѣлъ Самого Христа, Который является теперь къ нимъ въ домъ въ образѣ нищихъ, а вельможи Царя Небеснаго—это вся убогая братія, которая много можетъ у Бога своими молитвами. И удивлялись домашніе великому смиренію своего отца, который, достигнувъ такой славы и будучи дѣдомъ царицы, не забылъ своей любви къ милостынѣ и теперь возлежитъ среди нищихъ и бѣдныхъ, и какъ рабъ служитъ имъ. И сказали они:

— Поистинѣ это — человѣкъ Божій и истинный ученикъ Христовъ, хорошо научившійся заповѣди Христа, сказавшаго: **наꙋчи́тесѧ ѿ менѐ, ꙗ҆́кѡ кро́токъ є҆́смь и҆ смире́нъ се́рдцемъ**[1]).

Повелѣлъ также блаженный и сыну Іоанну,—бывшему уже спаѳаріемъ[2]),—а также и внукамъ своимъ, быть при обѣденномъ столѣ и прислуживать возлежащей братіи. Призвавъ, затѣмъ, всю свою семью, блаженный сказалъ:

— Вотъ, дѣти мои, вы совершенно неожиданно получили богатство отъ Бога, какъ я и обѣщалъ вамъ, уповая на милость Божію. Сіе обѣщаніе исполнилось. Скажите мнѣ, не остается ли еще долга за мной?

Они же, припомнивъ прежнія его слова, заплакали и всѣ единодушно сказали:

— Поистинѣ, господинъ нашъ, ты провидишь будущее, какъ угодникъ Божій; а мы были безумны, что раздражали тебя, почтеннаго старца. Посему умоляемъ тебя: не вспоминай грѣховъ нашего невѣдѣнія!

---

[1]) Еванг. отъ Матѳея, гл. 11, ст. 24.

[2]) *Спаѳарій*—оруженосецъ, царскій тѣлохранитель.

Блаженный же сказалъ имъ:

— Милостивъ и щедръ Господь, воздавшій намъ сторицею за то немногое, что мы подавали нищимъ во Имя Его; если же вы хотите наслѣдовать и жизнь вѣчную, то пусть каждый изъ васъ отложитъ по десяти золотыхъ монетъ на сію убогую братію, и Господь приметъ ихъ отъ васъ, какъ двѣ лепты вдовицы[1]).

Отъ всей души поспѣшили они исполнить его желаніе. А блаженный Филаретъ, достаточно угостивъ нищихъ, далъ каждому изъ нихъ по золотой монетѣ и отпустилъ ихъ.

Чрезъ нѣсколько времени блаженный Филаретъ снова призвалъ жену свою и дѣтей и сказалъ:

— Господь нашъ сказалъ: **кꙋплю дѣйте, дондеже пріидꙋ**[2]). И я хочу слѣдовать сему Божественному наставленію; я хочу продать часть имущества, дарованнаго мнѣ царемъ; вы же купите у меня эту часть и дайте мнѣ золота, ибо оно нужно мнѣ; если же вы не согласны купить, то я все раздамъ моимъ братьямъ—нищимъ; мнѣ же достаточно того, чтобы называться дѣдомъ царицы.

Они разсмотрѣли его имущество, оцѣнили его и купили у него за 60 литръ[3]) золота. Получивъ сіе золото, блаженный роздалъ его нищимъ. Когда о семъ узнали царь и вельможи его, то были очень довольны щедростію Филарета и съ тѣхъ поръ стали давать праведнику много золота для раздачи нищимъ. Однажды Филаретъ устроилъ три ящика, совершенно одинаковыхъ по размѣрамъ и внѣшнему виду, и наполнилъ одинъ изъ нихъ золотыми монетами, другой—серебряными и третій—мѣдными. Надзоръ за ними поручилъ онъ своему вѣрному слугѣ Каллисту. Когда къ нему приходилъ какой-либо бѣднякъ съ просьбой о помощи, то Филаретъ приказывалъ Каллисту подавать просителю. Когда же слуга спрашивалъ, изъ какого ящика онъ долженъ помочь просящему, то святый отвѣчалъ ему:

— Изъ того, изъ какого тебѣ Богъ повелитъ, ибо знаетъ Богъ нужду каждаго—бѣднаго и богатаго—и насыщаетъ все живущее по Своему благоволенію[4]).

---

[1]) Еванг. отъ Марка, гл. **12**, ст. 42. *Лепта*—по-нашему $^1/_4$ копѣйки.

[2]) Еванг. отъ Луки, гл. **19**, ст. 13. «Кꙋплю дѣйте»,—т. е. употребляйте въ оборотъ.

[3]) *Литра*—фунтъ, византійская мѣра вѣса, равная 72 золотникамъ; въ серебрѣ стоила до 42 руб., а въ золотѣ до 506 руб. Эту мѣру нужно отличать отъ *литра*—мѣры сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ.

[4]) Псаломъ **144**, ст. 16.

Говорилъ же сіе праведный ради того, чтобы показать разницу между бѣдняками, просящими милостыни. Ибо бываютъ просители, которые прежде были богаты, но вслѣдствіе разныхъ бѣдъ и напастей разорились и лишились не только всего имущества, но и самаго хлѣба; однако, сохранивъ кое-что изъ прежней одежды, скрываютъ подъ нею нужду свою, стыдясь ея, и только ради крайности просятъ о помощи. Бываютъ и другіе просители, кои одѣваются нарочно въ бѣдную одежду и, скрывая свое богатство, подъ видомъ бѣдности выманиваютъ пособіе; этихъ уже можно назвать лихоимцами и идолослужителями. Имѣя все сіе въ умѣ своемъ, милостивый Филаретъ говорилъ:

— Богъ знаетъ нужду каждаго, и Онъ, какъ Ему угодно, такъ и направляетъ руку подающаго милостыню.

Такъ и самъ сей блаженный нищелюбецъ, подавая милостыню, влагалъ руку свою въ сокровищницу безъ разсмотрѣнія и что̀ случайно вынималъ изъ ящика—мѣдь, серебро или золото,—то и подавалъ просящему. И разсказывалъ сей почтенный старецъ съ клятвою, призывая Бога во свидѣтели, что сколько разъ онъ, видя человѣка въ приличномъ одѣяніи, опускалъ руку въ ящикъ, имѣя въ мысли достать мѣдную монету, такъ какъ, судя по одеждѣ, не считалъ такого человѣка бѣднымъ,—всякій разъ рука его невольно опускалась въ ящикъ съ серебромъ или золотомъ, которое онъ и выдавалъ тому просителю. Иногда же просилъ помощи у Филарета совсѣмъ иной, одѣтый въ рубище, и онъ уже протягивалъ руку, желая подать болѣе щедрую милостыню, а между тѣмъ рука его какъ бы останавливалась, и онъ вынималъ очень немного. Все же сіе происходило не случайно, а направлялось Промысломъ Божіимъ, которому извѣстны наши настоящія нужды.

Чрезъ каждые четыре года блаженный Филаретъ приходилъ въ царскій дворецъ для посѣщенія своей внучки—царицы, но никогда онъ здѣсь не облачался въ пурпурную одежду, съ золотымъ поясомъ. Когда же его принуждали одѣваться въ такую роскошную одежду, то онъ говорилъ:

— Оставьте меня,—я благодарю Бога моего и славлю великое и дивное Имя Его за то, что Онъ воздвигъ меня изъ нищеты и неизвѣстности на такую высоту. Развѣ мнѣ мало чести именоваться дѣдомъ царицы? И этого уже для меня вполнѣ достаточно.

И въ такомъ смиреніи пребывалъ блаженный, что не хотѣлъ даже пользоваться никакимъ саномъ, ни титуломъ, именуясь просто

Филаретомъ Амніатскимъ. Такъ проводя всю жизнь свою въ смиреніи и благотворительности, Филаретъ приблизился къ блаженному концу своей жизни. Извѣщенный о томъ отъ Бога, блаженный Филаретъ, будучи еще здоровымъ, тайно ото всѣхъ взялъ вѣрнаго своего слугу и отправился съ нимъ въ одинъ изъ Цареградскихъ монастырей, называвшійся «Родольфія», гдѣ спасались въ подвижнической жизни дѣвы-черноризицы. Вручивъ игуменіи значительную сумму золота на монастырскія нужды, онъ попросилъ доставить ему новый гробъ и сказалъ:

— Хочу я, чтобы вы знали, но никому объ этомъ не сообщали, что черезъ нѣсколько дней я покину земную жизнь и переселюсь въ иной міръ и къ иному Царю. И прошу васъ о томъ, чтобы тѣло мое было положено въ этомъ новомъ гробѣ.

И слугѣ своему запретилъ онъ говорить объ этомъ кому-либо, пока онъ самъ не откроетъ о томъ. Вскорѣ послѣ того, раздавъ все свое имущество нищимъ и убогимъ, Филаретъ заболѣлъ въ томъ монастырѣ и слегъ въ постель. На девятый день онъ призвалъ къ себѣ жену и дѣтей, и всю семью свою и сказалъ имъ привѣтливо, тихимъ голосомъ:

— Да будетъ вамъ извѣстно, дѣти мои, что Царь Святый призываетъ меня сегодня къ Себѣ, и вотъ, я оставляю васъ и иду къ Нему.

Они же, не понимая сихъ словъ, но думая, что Филаретъ говоритъ о земномъ царѣ, возразили ему:

— Невозможно тебѣ сегодня идти къ царю, такъ какъ ты лежишь больной.

Филаретъ же отвѣчалъ имъ:

— Вотъ, уже готовы тѣ, которые хотятъ взять меня и представить царю.

Тогда поняли они, что Филаретъ говоритъ имъ о своемъ отшествіи къ Царю Небесному, и подняли громкій плачъ, какъ въ древнія времена Іосифъ и братія его надъ отцомъ своимъ Іаковомъ[1]). Онъ же, сдѣлавъ имъ знакъ рукою, чтобы они замолчали, сталъ ихъ поучать и утѣшать, говоря:

— Дѣти мои, вы знали и видѣли, какую жизнь я проводилъ отъ юности моей, какъ и Богъ знаетъ, что я не чужимъ трудомъ жилъ, но своимъ трудомъ зарабатывалъ хлѣбъ свой; бо-

---

[1]) Кн. Бытія, гл. 50, ст. 1 и 10.

гатствомъ же, которое мнѣ далъ Богъ, я не превозносился, но, избѣжавъ гордости, возлюбилъ смиреніе ради послушанія Апостолу, который запрещаетъ **богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ высокомудрствовати**[1]). Также, когда я впалъ въ нищету, то не заскорбѣлъ и не хулилъ Бога, но, подобно праведному Іову, благодарилъ Его, что по любви Своей Онъ наказалъ меня, а видя мое благодарное терпѣніе, снова извелъ меня изъ убожества и возвелъ меня въ почетное общеніе и родство съ царями и князьями. Когда же и на такую высоту я былъ возведенъ, то всегда въ глубокомъ смиреніи пребывало сердце мое:—**Не вознесеся сердце моѐ, нижѐ вознесостѣся очи мои: нижѐ ходихъ въ великихъ, нижѐ въ дивныхъ паче менѐ**[2]). А богатства, которымъ одарилъ меня царь земной, я не употребилъ на земныя блага, но передалъ его Царю Небесному руками убогихъ. Такъ и васъ прошу, возлюбленные мои, подражайте данному вамъ примѣру; если же еще больше сдѣлаете добра, то удостоитесь еще большаго блаженства. Не дорожите скоротекущимъ богатствомъ, но посылайте его туда, куда я отхожу теперь. Не оставляйте имѣнія вашего здѣсь, чтобы не воспользовались имъ чужіе люди или враги, ненавидящіе васъ. Страннолюбія не забывайте[3]). Заступайтесь за вдовицъ, помогайте сиротамъ, посѣщайте болящихъ и заключенныхъ въ темницахъ. Не чуждайтесь общенія съ Церковію, чужаго не похищайте, никого не обижайте, не злословьте, не радуйтесь скорбямъ и бѣдствіямъ даже враговъ. Мертвыхъ погребайте и совершайте память о нихъ во святыхъ церквахъ; также и меня, недостойнаго, поминайте въ вашихъ молитвахъ, пока и сами не перейдете къ блаженному вѣчному житію.

Окончивъ свое душеполезное наученіе, блаженный Филаретъ сказалъ сыну своему Іоанну:

— Приведи ко мнѣ сыновей твоихъ—моихъ внуковъ.

Когда они пришли, то онъ имъ сказалъ о томъ, что произойдетъ съ ними въ ихъ жизни. Старшему внуку онъ сказалъ:

---

[1]) 1 Посл. къ Тимоѳею, гл. 6, ст. 17. «**Высокомудрствовати**»,—высоко думать о себѣ, превозноситься.

[2]) Псаломъ 130, ст. 1. Въ этомъ стихѣ Псалма Давидъ свидѣтельствуетъ предъ Богомъ, что онъ ни сердца высокомѣрнаго, ни очей надменныхъ не имѣлъ, но какъ былъ смиренъ сердцемъ, такъ и очами показывалъ смиреніе.—«**Нижѐ ходихъ въ великихъ, нижѐ въ дивныхъ паче менѐ**».—Ходить въ великихъ и дивныхъ означаетъ то же, что хвалиться великими и славными дѣлами. Псалмопѣвецъ смиренно признается, что онъ, стоя на высокой степени достоинства, утверждался болѣе на смиреніи, нежели на гордости; и потому ни словами, ни дѣлами не превозносился выше себя.

[3]) Посл. къ Евр., гл. 13, ст. 2.

— Ты изберешь себѣ подругу изъ дальней стороны и поживешь съ нею благочестиво и разумно.

Второму внуку сказалъ:

— Ты въ теченіе 24-хъ лѣтъ, въ чинѣ инока, добрѣ понесешь иго Христово и, Богоугодно поживъ, отойдешь ко Господу.

Такъ же и третьему своему внуку блаженный предрекъ будущее. И всѣ тѣ предсказанія блаженнаго впослѣдствіи сбылись на его потомкахъ. Подобно тому, какъ въ древнія времена патріархъ Іаковъ, такъ и сей блаженный человѣкъ, подобно Пророку, провидѣлъ все будущее и ясно предсказалъ судьбу своихъ внуковъ. Пришли къ Филарету вмѣстѣ съ другими и двѣ внучки его, дѣвицы, и сказали ему:

— Благослови и насъ, отче!

— И васъ благословитъ Господь,—сказалъ имъ Филаретъ. Вы проведете жизнь вашу въ дѣвствѣ, отчужденныя отъ сего грѣхолюбиваго міра и, не осквернившись плотскими его страстями и недолго, но богоугодно послуживши Господу, удостоитесь принять отъ Него великія блага!

И сбылись всѣ эти предсмертныя слова праведника; ибо обѣ эти благочестивыя дѣвицы поступили въ монастырь дѣвическій Пресвятой Богородицы, бывшій въ Царьградѣ, и послѣ 12-ти лѣтняго подвижничества въ дѣвственной чистотѣ, постѣ, молитвенномъ бдѣніи и другихъ иноческихъ трудахъ обѣ, въ одно время, съ миромъ почили о Господѣ.

Помолившись о своей супругѣ, о дѣтяхъ, о всѣхъ родныхъ своихъ и о всемъ мірѣ, блаженный Филаретъ просіялъ лицемъ, какъ солнце, и сталъ радостно воспѣвать Псаломъ Давидовъ: **Млⷭ҇ть и҆ сꙋ́дъ воспою̀ тебѣ̀ гдⷭ҇и**[1]). По окончаніи имъ Псалма вся комната наполнилась чуднымъ благоуханіемъ (какъ бы отъ пролитыхъ благовонныхъ ароматовъ). Послѣ Псалма того блаженный сталъ произносить молитву: **Ѻ҆́ч҃е на́шъ, и҆́же є҆сѝ на нбⷭ҇ѣхъ!**—и когда произнесъ: **да бꙋ́детъ во́лѧ твоѧ̀!** то, поднявъ руки къ Небу и вытянувшись на одрѣ, предалъ душу свою Господу; ему тогда было отъ роду 90 лѣтъ. Однако, и при такихъ преклонныхъ лѣтахъ лицо его не измѣнилось, но свѣтилось неизъяснимой красотой, какъ созрѣвшее яблоко.

Услышавъ о преставленіи святаго, въ монастырь поспѣшилъ прибыть царь съ царицею и съ вельможами своими, и цѣловали

---

[1]) Псаломъ 100, ст. 1.

святое лице Филарета и руки. И плакали всѣ о кончинѣ его, и подавали щедрую милостыню бѣднымъ въ память его[1]).

Когда же понесли гробъ Филарета къ мѣсту погребенія, то глазамъ всѣхъ представилось поразительное и трогательное зрѣлище: къ погребенію его собралось изъ разныхъ городовъ и селеній безчисленное множество нищихъ и убогихъ, и всѣ они съ воплями и рыданіями, какъ муравьи, тѣснились вокругъ гроба его, иные—хромая, иные—ползая и взывая:

— О Господи Боже! Зачѣмъ Ты лишилъ насъ такого отца и кормильца нашего? Кто безъ него напитаетъ и одѣнетъ насъ — нагихъ и голодныхъ? Кто пріютитъ въ домѣ своемъ странниковъ? Кто умершихъ, брошенныхъ на улицѣ, приберетъ и предастъ честно́му погребенію? Лучше бы всѣмъ намъ умереть прежде него, чѣмъ лишиться намъ благодѣтеля нашего!

Видя слезы и слыша вопли этихъ убогихъ, умилялись и плакали и самъ царь, и царица, и вельможи ихъ, шедшіе вмѣстѣ съ ними за гробомъ.

Въ то время, какъ несли тѣло блаженнаго къ приготовленной гробницѣ, вдругъ среди толпы появился одинъ убогій человѣкъ, по имени Кавококосъ, который часто принималъ милостыню отъ святаго Филарета. Отъ самаго рожденія своего этотъ человѣкъ былъ одержимъ нечистымъ духомъ, который много разъ повергалъ его то въ огонь, то въ воду—во время бѣснованія его въ новолуніе. Когда услышалъ сей убогій мужъ о кончинѣ Филарета и что святое тѣло его уже несутъ къ мѣсту погребенія, тотчасъ поспѣшилъ за его гробомъ. И вотъ, когда уже онъ добѣжалъ до гроба, то злой духъ, бывшій въ немъ, не стерпѣлъ такого усердія его къ святому и началъ мучить его, и возбудилъ его къ хулѣ на святаго; и лаялъ больной, какъ собака, и такъ крѣпко ухватился за одръ, на которомъ лежало тѣло усопшаго, что невозможно было его оторвать отъ него. Когда же одръ принесли уже къ приготовленной могилѣ, то злой духъ, поваливъ на землю страждущаго, вышелъ изъ него, и тотъ всталъ здоровымъ, хваля и славя Бога. Весь народъ дивился сему чуду и прославлялъ Бога, даровавшаго такую благодать рабу Своему Филарету. Послѣ того честно́е тѣло его положено было въ пред-

[1]) Святый Филаретъ жилъ послѣ брака внучки, бывшаго въ 788 г., четыре года,— слѣдовательно, скончался въ 792 году.

назначенномъ гробѣ въ монастырѣ дѣвическомъ, на томъ самомъ мѣстѣ, которое онъ избралъ себѣ еще при жизни.

Такъ ублажаетъ Богъ милостиваго и въ настоящей жизни (какъ мы видѣли изъ только что прочитаннаго), и въ будущей (о чемъ узнаемъ изъ дальнѣйшаго).

Одинъ изъ близкихъ друзей Филарета, человѣкъ разумный, благочестивый и Богобоязненный, призывая Бога во свидѣтели, сообщилъ съ клятвою слѣдующее:

«Однажды, чрезъ нѣсколько времени по кончинѣ блаженнаго Филарета,—разсказываетъ онъ,—ночью съ ужасомъ почувствовалъ я себя перенесеннымъ въ какое-то мѣсто, котораго нельзя и описать; тамъ я увидѣлъ какого-то человѣка, свѣтлаго видомъ, который показалъ мнѣ огненную рѣку, протекающую такъ шумно и грозно, что зрѣлища сего не могъ бы вынести никто изъ людей. По другую же сторону рѣки видѣнъ былъ прекрасный рай, полный невыразимой радости и веселія, благоухающій невыразимымъ ароматомъ; громадныя, красивыя и многоплодныя деревья колыхались тамъ отъ тихаго вѣтра и производили чудный шелестъ. И невозможно даже передать на словахъ о всѣхъ благахъ того рая, ꙗ҆̀же ᲂу҆гото́ва бг҃ъ лю́бѧщымъ є҆го̀ [1]). И тамъ я увидѣлъ множество людей въ бѣлыхъ одеждахъ, радующихся и вкушающихъ плоды тѣхъ райскихъ деревьевъ. Внимательно смотря на тѣхъ людей, я увидѣлъ одного мужа (то былъ Филаретъ, но я не узналъ его), облаченнаго въ свѣтлую одежду, сидящаго на золотомъ престолѣ посреди того сада; съ одной стороны возлѣ него стояли новопросвѣщенныя дѣти со свѣчами въ рукахъ, съ другой стороны—множество нищихъ и убогихъ въ бѣлыхъ одеждахъ, которые тѣснились вокругъ него, такъ какъ каждый изъ нихъ хотѣлъ поближе подойти къ нему. И вотъ, явился тамъ нѣкій юноша съ свѣтлымъ лицомъ, но страшный видомъ, державшій въ рукѣ своей золотой жезлъ. Тогда я, хотя со страхомъ и трепетомъ, дерзнулъ спросить его:

— Господи! Кто тотъ, что сидитъ на пресвѣтломъ престолѣ посреди тѣхъ свѣтлообразныхъ мужей? Не Авраамъ ли это?

И отвѣчалъ мнѣ свѣтлый юноша:

— Это—Филаретъ Амніатскій, который за великую свою любовь къ нищимъ и милостыню и за честну́ю и чистую свою жизнь, подобно Аврааму, здѣсь водворяется.

---

[1]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 2, ст. 9.

Послѣ того новый сей Авраамъ, святый и праведный Филаретъ, посмотрѣвъ на меня своимъ свѣтлымъ взглядомъ, началъ звать къ себѣ и тихо сказалъ:

— Чадо, приди и ты сюда, чтобы насладиться тѣми же благами.

Я же отвѣчалъ:

— Не могу, блаженный отче, дойти туда: устрашаетъ и препятствуетъ мнѣ сія огненная рѣка: проходъ чрезъ нее узкій, и мостъ неудобенъ для перехода, и множество людей въ ней сожигаются огнемъ; боюсь, чтобы и мнѣ не попасть туда же,—и кто меня тогда извлечетъ оттуда?

Святый же сказалъ:

— Не бойся и смѣло переходи, такъ какъ всѣ, которые теперь здѣсь находятся, пришли сюда тѣмъ же путемъ, и нѣтъ инаго пути, кромѣ сего. Такъ и ты, чадо, безъ всякаго страха переходи къ намъ, а я помогу тебѣ.

И простеръ онъ ко мнѣ руку, призывая меня. Я же, почувствовавъ смѣлость, началъ благополучно переходить черезъ рѣку, и когда приблизился къ рукѣ святаго и коснулся ея, то сіе чудное видѣніе тотчасъ исчезло; я проснулся и, горько заплакавъ, сказалъ себѣ: какъ же перейду я ту страшную рѣку и какъ достигну райскаго селенія?»

Сію повѣсть съ клятвою подтверждалъ одинъ изъ родственниковъ блаженнаго Филарета, дабы мы знали, какой милости удостоиваются отъ Бога подающіе милостыню бѣднымъ во Имя Его.

Блаженная же Ѳеозва, жена святаго Филарета, по погребеніи честнáго тѣла мужа своего возвратилась изъ Царьграда въ свое отечество, страну Пафлагонскую, и тамъ употребила богатство свое, полученное отъ царя и царицы, на построеніе и возобновленіе храмовъ Божіихъ, сожженныхъ Персами въ прежнее время. Снабдила также она тѣ храмы священными сосудами и одеждами. Учредила еще она тамъ монастыри, страннопріимные дома и убѣжища для нищихъ и больныхъ, и затѣмъ снова отправилась въ Константинополь къ внучкѣ своей, царицѣ Маріи. Здѣсь, проведя остальное время своей жизни въ служеніи Богу, она мирно почила о Господѣ и погребена была при могилѣ своего праведнаго мужа.

Молитвами ихъ да получимъ и мы въ день суда помилованіе отъ Единаго щедраго и милостиваго Господа нашего Іисуса Христа, Ему же со Безначальнымъ Его Отцемъ и Святымъ Духомъ подобаетъ честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь ст҃о́мꙋ, гла́съ д҃:

Авраа́мꙋ въ вѣ́рѣ подража́ѧ, і҆ѡвꙋ же въ терпѣ́нїи послѣ́дꙋѧ, ѻ҆́тче фїларе́те, блага̑ѧ землѝ раздѣлѧ́лъ є҆сѝ неимꙋ́щымъ, и҆ лише́нїе си́хъ терпѣ́лъ є҆сѝ мꙋ́жественнѣ. сегѡ̀ ра́ди свѣ́тлымъ тѧ̀ вѣнце́мъ ᲂу҆вѣнча̀ подвигополо́жникъ хр҃то́съ бг҃ъ на́шъ, є҆го́же молѝ сп҃сти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ г҃:

Истиннѡ всеизрѧ́днаѧ твоѧ̀ кꙋплѧ зри́тсѧ, и҆ мꙋдрою бы́ти сꙋдитсѧ всѣ́ми бл҃гомꙋдрствꙋющими: ѿда́лъ бо є҆сѝ дѡ́льнѧѧ и҆ кратковре́меннаѧ, взыскꙋ́ѧ го́рнихъ и҆ вѣ́чныхъ. тѣ́мже и҆ досто́йнѡ стѧжа́лъ є҆сѝ вѣ́чнꙋю сла́вꙋ, ми́лостиве фїларе́те.

День второй

ПАМЯТЬ
СВЯТАГО ПРОРОКА
АВВАКУМА

Святый Пророкъ Аввакумъ былъ сынъ Асафата и происходилъ изъ колѣна Симеонова, какъ повѣствуетъ о немъ святый Епифаній Кипрскій въ своей книгѣ «о жизни пророковъ». По преданію, записанному святыми Отцами[1]), родиной Аввакума было небольшое селеніе Бетзохаръ, иначе называемое Виѳзахиръ.

Самое имя—Аввакумъ[2]),—данное ему при рожденіи, предзнаменовало, что изъ него выйдетъ сильный духомъ подвижникъ. Придя въ возрастъ совершенный, онъ, ради славы Имени Божія, ревностно выступилъ на обличеніе беззаконій своего народа. Самъ же онъ, горя духомъ о Господѣ, строго соблюдалъ Заповѣди Божіи, твердо стоялъ на пути добродѣтели и былъ удостоенъ отъ Господа дара пророческаго.

Аввакумъ пророчествовалъ и жилъ послѣ царствованія благочестиваго Іудейскаго царя Езекіи, когда на престолѣ царствовали нечестивые цари: Манассія, сынъ Езекіи, и потомъ Амонъ, сынъ

---

[1]) Блаж. Епифаніемъ Кипрскимъ, блаж. Ѳеодоритомъ, блаж. Іеронимомъ, блаж. Августиномъ и св. Исидоромъ Испалійскимъ.

[2]) *Аввакумъ* — съ еврейскаго значитъ собственно: обнимающій, обхватывающій, а потомъ—сильный борецъ, подвижникъ.

Манассіи[1]). По свидѣтельству Священнаго Писанія[2]), въ народѣ Іудейскомъ при Манассіи были постоянные раздоры и злодѣйства: сильный угнеталъ слабаго, и негдѣ было искать суда справедливаго. Самъ царь Манассія былъ первымъ гонителемъ невинныхъ: онъ пролилъ весьма много невинной крови, такъ что наполнилъ ею Іерусалимъ отъ края и до края[3]). По преданію, въ числѣ невинныхъ пострадалъ въ это время и святый Пророкъ Исаія, равно какъ пострадали многіе другіе обличители неправдъ и нечестія царя и народа.

Впослѣдствіи царь Манассія, наказанный Богомъ и взятый въ плѣнъ Ассирійцами, раскаялся и обратился къ Истинному Богу. Но зло, посѣянное имъ, пустило уже глубокіе корни среди народа еврейскаго; Манассіи же наслѣдовалъ нечестивый сынъ Амонъ, подобно отцу своему преданный грубому идолопоклонству.

Пророкъ Аввакумъ глубоко скорбѣлъ о развращеніи своихъ современниковъ. Не находя нигдѣ правды, онъ изливалъ свою скорбь, взывая ко Господу:

«Доколѣ, Господи, я буду взывать — и Ты не слышишь меня, буду вопіять о насиліи—и Ты не спасаешь? Для чего даешь мнѣ видѣть злодѣйство и смотрѣть на бѣдствіе? Грабительство и насиліе предо мною, и возстаетъ вражда, и поднимается раздоръ. Отъ этого законъ потерялъ силу, и суда правильнаго нѣтъ: такъ какъ нечестивый одолѣваетъ праведнаго, то и судъ происходитъ превратный» [4]).

Такъ взывалъ Пророкъ ко Господу, видя беззаконія людскія, и ожидалъ праведнаго суда отъ Самого Бога. Въ отвѣтъ на сіе Господь возвѣстилъ Своему избраннику, что скоро должно наступить наказаніе за всеобщее нечестіе. По повелѣнію Божію Пророкъ Аввакумъ предсказалъ Евреямъ такое страшное событіе, которому въ его время даже трудно было повѣрить,—именно разрушеніе храма и самаго Іерусалима и плѣненіе Вавилонское[5]).

---

[1]) Начало пророческой дѣятельности Аввакума нужно отнести къ тѣмъ годамъ царствованія Маиассіи, когда сей нечестивый царь, взятый въ плѣнъ Асаргаддономъ, смирился и покаялся въ заточеніи. Пророчества Аввакума относятся къ періоду времени съ 660 г. и захватываютъ собою годы царствованія преемника Амона, благочестиваго царя Іосіи, до 611 г.

[2]) 2 Кн. Паралипом., гл. 33, ст. 9 и 4 Кн. Царствъ, гл. 21, ст. 2—10.

[3]) 4 Кн. Царствъ, гл. 21, ст. 16.

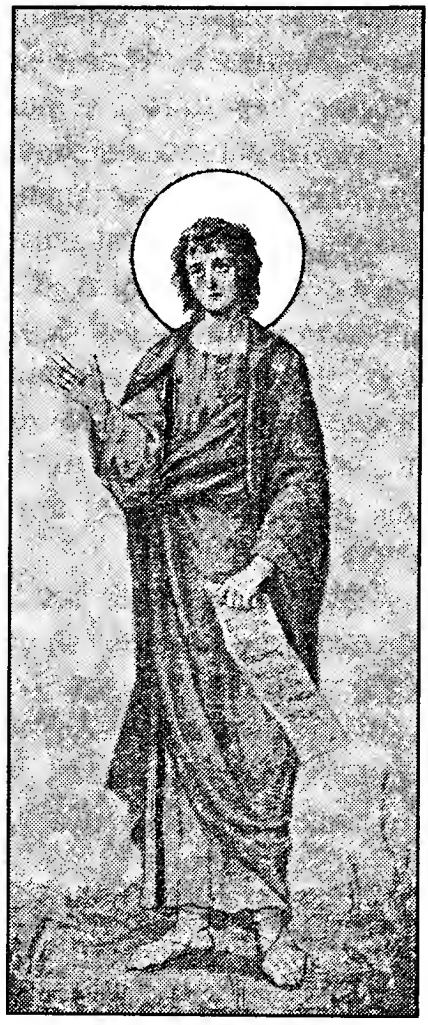
[4]) Книга Прор. Аввак., гл. 1, ст. 2—4.

[5]) Кн. Прор. Аввакума, гл. 1, ст. 5—12. Объ этомъ же наказаніи, за нечестіе народа въ царствованіе Манассіи и его сына, говорится въ 4-й Книгѣ Царствъ, гл. 21, ст. 12—14.

Пророкъ ясно указалъ, что орудіями сего наказанія Господь избралъ Халдеевъ[1]) — народъ свирѣпый и необузданный, который быстро проходитъ по пространствамъ земли, чтобы завладѣть чужими селеніями.

Въ трепетномъ ожиданіи грознаго нашествія Пророкъ Аввакумъ недоумѣвалъ: неужели праведный Господь попуститъ гордымъ и нечестивымъ Халдеямъ совершенно истребить избранный народъ Свой. Въ надеждѣ, что наказаніе это будетъ временнымъ, онъ ожидалъ новаго откровенія отъ Господа и въ своемъ молитвенномъ ожиданіи былъ подобенъ стражу, зорко смотрящему вдаль съ городской башни[2]), чтобы возвѣстить о приближеніи врага. Онъ пламенно молилъ Господа спасти народъ еврейскій отъ рабства Вавилонскаго, какъ нѣкогда Онъ спасъ его отъ рабства Египетскаго, и ждалъ, что возглаголетъ ему Господь.

Тогда Господь открылъ Пророку Своему, что все спасеніе избраннаго народа среди этихъ бѣдствій заклю-



Ст҃ый пр҃ро́къ
А҆ввакꙋ́мъ

[1]) *Халдеи* — по-еврейски: *хасидимъ* произошли отъ Хеседа, сына Нахорова, брата Авраама (Кн. Быт., гл. 22, ст. 22). Происходя отъ семитическаго корня, Халдеи первоначально жили въ сѣверной гористой странѣ Месопотаміи, ближе къ Арменіи, на югъ отъ озера Ванъ. Изъ этой древней мѣстности Халдеи разселились по теченію Евфрата, на югъ и востокъ по всей Месопотаміи и Вавилоніи и вскорѣ сдѣлались народомъ господствующимъ. Въ періодъ владычества ассиріянъ они съ послѣдними сдѣлали многія завоеванія и, по отдѣленіи Вавилоніи отъ Ассиріи, при Набополассарѣ и, особенно, при Навуходоносорѣ побѣдили многіе народы и царства. Всюду при завоеваніяхъ Халдеи отличались крайнею жестокостію и воинственностію.

[2]) Кн. Прор. Аввак. гл. 2, ст. 1. Образъ рѣчи взятъ отъ обычая устраивать сторожевыя башни на горахъ и высокихъ мѣстахъ для того, чтобы стражники благовременно узнавали объ опасности для селеній, возвѣщали бы о близости непріятеля, о побѣдѣ и пораженіи. Свв. Пророки были стражи, поставленные Богомъ какъ бы на нѣкоторой высотѣ для наблюденій и возвѣщенія воли Его. На этой *божественной* стражѣ святый Пророкъ Аввакумъ, отрѣшившись отъ всего земнаго, бодрствовалъ духомъ и пламенно молился Богу объ открытіи воли Его о Своемъ народѣ. Находясь въ такомъ состояніи, онъ благоговѣйно ожидалъ, когда лучъ свѣта Божія проникнетъ въ его умъ, озаритъ душевныя его очи, и что̀ возглаголетъ ему Господь.

чается въ вѣрѣ, а гордые и необузданные Халдеи сами должны будутъ испытать ту же участь, которую они приготовили побѣжденнымъ народамъ[1]). Послѣ того Пророкъ Аввакумъ, чтобы не повергнуть соотечественниковъ въ отчаяніе отъ предстоящаго имъ испытанія отъ Бога, произнесъ притчу на погибель Халдеевъ, возвѣстивъ пятикратное горе угнетателямъ[2]). Въ этой притчѣ онъ показалъ все ничтожество идоловъ и могущества Халдеевъ предъ величіемъ Бога Истиннаго, шествующаго во спасеніе людей Своихъ. Пророкъ, въ озареніи свыше, предвѣщалъ, что Богъ грядетъ для спасенія народа Своего отъ горы пріосѣненныя чащи (Фарана), для спасенія помазаннаго Своего, и наступитъ такое время, когда вся земля наполнится познаніемъ Славы Господа, какъ воды наполняютъ море[3]).

Когда Навуходоносоръ подступалъ къ Іерусалиму, то, по свидѣтельству преданія, Пророкъ Аввакумъ удалился изъ города. Зная, что бѣдствіе уже неотвратимо и что сопротивленіе столь сильному завоевателю будетъ безполезно, Пророкъ съ горестію оставилъ свое отечество, чтобы не видѣть разоренія его и избѣжать жестокости побѣдителя. По указанію Божію, Аввакумъ по-

---

[1]) Кн. Прор. Аввак., гл. 2, ст. 4.

[2]) Кн. Прор. Аввак., гл. 2, ст. 9—19.

[3]) Кн. Прор. Аввак., гл. 3, ст. 13. Здѣсь на только предрекается избавленіе Евреевъ изъ плѣна Вавилонскаго, но и спасеніе родъ человѣческаго. Такимъ образомъ, это пророчество—мессіанскаго характера. Указывая на южную страну по отношенію къ Палестинѣ, гдѣ и была гора Фаранъ, покрытая тѣнистымъ лѣсомъ, Аввакумъ открылъ Евреямъ, что они получатъ избавленіе отъ рабства Вавилонскаго чрезъ народъ, пришедшій съ южной стороны. Дѣйствительно, Киръ, царь Персидскій, привелъ Мидянъ и Персовъ съ юга по отношенію къ Палестинѣ и, покоривъ Вавилонянъ, освободилъ Евреевъ. Но взоръ Пророка провидѣлъ избавленіе еще отъ другого рабства—грѣховнаго рабства всего рода человѣческаго и его обновленія. По объясненію блаж. Ѳеодорита, Аввакумъ сими словами «предазвѣщаетъ вочеловѣченіе Бога и Спасителя нашего, совершившееся въ Виѳлеемѣ, который лежитъ къ югу отъ Іерусалима». Св. Церковь подъ горою пріосѣненною разумѣетъ Божію Матерь, какъ бы нѣкую гору добродѣтелей, осѣненную Святымъ Духомъ. «*Гору Тя благодатію Божіею пріосѣненную прозорливыма Аввакумъ усмотривъ очима*»,—воспѣваетъ Церковь въ Канонѣ,—«*изъ Тебе изыти Израилеву провозглашаше Святому, во спасеніе наше и исправленіе*». «*Христосъ грядый явственно Богъ нашъ, пріидетъ и не закоснитъ, отъ горы пріосѣненныя чащи, отроковицы раждающія неискусомужныя, пророкъ древле глаголетъ*» (4 пѣснь канона въ нед. Ваій). «*Христе отъ Дѣвы прозяблъ еси, изъ горы хвальный, пріосѣненныя чащи* (4 пѣснь на Рож. Хр.). Вообще, въ основаніе 4-й пѣсни всѣхъ церковныхъ Канововъ положено пророчество Аввакума о пришествіи Господа во спасеніе людей Своихъ «спасти помазанныя своя». Ввиду такого яснаго мессіанскаго значенія пророчествъ Аввакума Церковь христіанская усвоила ему наименованіе «Богоглаголиваго» (пасхальный Каноиъ, пѣснь 4-я, ирмосъ).—Вышеприведенная молитвенная пѣснь Аввакума служитъ основаніемъ 4-й пѣсни церковныхъ Канонов, изображающей всемогущество Бога и непостыдную надежду на Него.

селился въ землѣ Аравійской, въ городѣ Остракинѣ[1]) и жилъ здѣсь добровольнымъ изгнанникомъ до самаго удаленія враговъ изъ его отечества.

По удаленіи Халдеевъ онъ возвратился въ землю свою, оплакалъ бѣдствія ея и вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими изъ народа сталъ заниматься земледѣліемъ. Въ молитвѣ къ Богу за народъ свой ожидалъ онъ возвращенія плѣненныхъ изъ Вавилона.

Однажды во время жатвы Пророкъ сварилъ похлебку и, взявъ хлѣба, пошелъ въ поле, чтобы отнести этотъ обѣдъ жнецамъ. Но на пути ему предсталъ Ангелъ Господень и сказалъ:

— Отнеси этотъ обѣдъ въ Вавилонъ къ Даніилу, въ ровъ львиный.

Въ это время дѣйствительно Пророкъ Даніилъ, жившій при дворѣ царя Вавилонскаго, по ненависти нечестивыхъ вавилонянъ былъ ввергнутъ въ львиный ровъ.

Но Аввакумъ, не зная города Вавилона, отвѣчалъ Ангелу:

— Господи! Вавилона я никогда не видалъ и рва львинаго не знаю.

Тогда Ангелъ Господень силою духа своего восхитилъ Аввакума и, поднявъ его за волосы, перенесъ въ Вавилонъ и поставилъ прямо надо рвомъ, куда ввергнутъ былъ Даніилъ.

И воззвалъ Аввакумъ:

— Даніилъ! Даніилъ! Возьми обѣдъ, который Богъ послалъ тебѣ.

Даніилъ же возблагодарилъ Бога и сказалъ:

— Вспомнилъ Ты обо мнѣ, Боже, и не оставилъ любящихъ Тебя.

Даніилъ поднялся и вкусилъ пищи. Ангелъ же Господень мгновенно поставилъ Аввакума на его прежнее мѣсто.

Послѣ чудеснаго посѣщенія Даніила Пророкъ Аввакумъ возвратился къ жнецамъ своимъ во время обѣда ихъ и никому не сказалъ о случившемся. Онъ проразумѣлъ, что народъ Іудейскій возвращенъ будетъ Господомъ изъ Вавилона въ Іерусалимъ, подобно тому какъ совершилось чудесное перенесеніе его въ Вавилонъ и возвращеніе оттуда. Но это испытаніе народа Божія длилось 70 лѣтъ, и Аввакумъ не дожилъ до возвращенія Евреевъ

---

[1]) *Остракина*—городъ на границѣ Аравіи, Палестины и Египта.

изъ плѣна и умеръ въ старости, и погребенъ былъ съ честію на собственномъ полѣ[1]).

Конда́къ прⷪ҇ро́ка, гла́съ и҃:

Возгласи́вый вселе́ннѣй ѿ ю҆́га прише́ствїе бж҃їе ѿ дв҃ы, а҆ввакꙋ́ме бг҃оглаго́ливе, и҆ на бж҃е́ственнѣй стра́жи предстоѧ́нїемъ слы́шанїѧ, ѿ свѣтоно́сна а҆́гг҃ла, хрⷭ҇то́во воскрⷭ҇нїе возвѣсти́лъ є҆сѝ мі́рꙋ. сегѡ̀ ра́ди ве́селѡ зове́мъ тѝ: ра́дꙋйсѧ, прⷪ҇ро́кѡвъ свѣ́тлаѧ добро́то.

СТРАДАНІЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ

МИРОПІИ

Святая дѣва Миропія происходила изъ города Ефеса[2]). Родители ея были христіане. Когда отца ея уже не было въ живыхъ, воспріяла она Святое Крещеніе. Воспитываемая своею матерью въ страхѣ Божіемъ, имѣла она усердіе приходить ко гробу святой мученицы Ерміоніи[3])—одной изъ дочерей святаго Апостола Филиппа. Она брала цѣлебное мѵро, которое истекало отъ мощей святой Ерміоніи, и, подавая его больнымъ, исцѣляла ихъ.

Въ то время царствовалъ Декій[4]). Когда онъ воздвигъ гоненіе на христіанъ, мать Миропіи переселилась съ нею на островъ Хіосъ[5]), гдѣ у нея было родовое имѣніе. Здѣсь она пребывала съ дочерью,

---

[1]) Кончина *Прор. Аввакума* послѣдовала приблизительно за 600 лѣтъ до Р. Хр. По сказанію церк. историка IV вѣка Евсевія Кесарійскаго, гробницу св. Аввакума указывали въ Кеилѣ, или въ Килѣ, въ колѣнѣ Іудиномъ. По свидѣтельству церк. историка V в. Созомена, мощи сего св. Пророка, по Божественному Откровенію, были обрѣтены вмѣстѣ съ мощами св. Пророка Михея въ царствованіе Ѳеодосія II Младшаго (408—450 гг.). Тѣла обоихъ Пророковъ указаны были Божественнымъ сновидѣніемъ Зевеину, бывшему въ то время епископомъ церкви Елевѳеропольской.

[2]) *Ефесъ*—главный городъ Мало-Азійской провинціи Асіи; расположенъ при рѣкѣ Каистрѣ, недалеко отъ Эгейскаго моря, на западномъ берегу Малой Азіи. Ефесъ славился какъ торговый центръ. Здѣсь же былъ знаменитый языческій храмъ Артемиды, или Діаны. Христіанство проникло сюда еще во времена Апостоловъ: сначала ученики Іоанна Крестителя учили здѣсь, потомъ проповѣдывалъ Евангеліе Апостолъ Павелъ, написавъ послѣ къ жителямъ этого города свое Посланіе; затѣмъ тамъ проповѣдывалъ и жилъ св. Евангелистъ Іоаннъ Богословъ. Поэтому церковь Ефесская, по словамъ святаго Иринея, была истинной свидѣтельницею апостольскаго преданія. Въ настоящее время на мѣстѣ древняго Ефеса находится бѣдная турецкая деревушка Айя—Солюкъ.

[3]) Память ея празднуется сентября 4-го.

[4]) *Декій*—Римскій императоръ, царствовалъ въ 249—251 гг.

[5]) *Хіосъ*—островъ въ Эгейскомъ морѣ (Архипелагѣ), противъ города Смирны.

затворившись въ домѣ своемъ и молясь Богу. Однажды на этотъ островъ прибылъ князь Нумеріанъ. По его повелѣнію былъ взятъ, за исповѣданіе Христовой вѣры, блаженный Исидоръ[1]), мужъ чудный и благоговѣйный, по званію воинъ. Такъ какъ онъ не желалъ отречься отъ Христа и отвергалъ поклоненіе идоламъ, то князь, подвергнувъ его различнымъ мукамъ, осудилъ на казнь мечомъ. Затѣмъ тѣло его было брошено въ дебрь на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, въ нѣкоторомъ же отдаленіи была поставлена стража, чтобы христіане не украли тѣло мученика. Исполненная Божественною ревностію, святая дѣва Миропія пришла съ своими служанками ночью, взяла тайно тѣло мученика и, съ честію совершивъ погребальныя молитвы, похоронила его въ особо приготовленномъ мѣстѣ.

Узнавъ, что тѣло Исидора похищено, князь заключилъ стражей въ оковы и повелѣлъ водить ихъ по острову и пытать, объявивъ, что если они не найдутъ украденнаго тѣла до назначеннаго времени, то имъ отсѣкутъ головы.

Святая Миропія, увидѣвъ муки закованныхъ и влекомыхъ стражей и слыша, что имъ предстоитъ смертная казнь, умилилась душею и подумала:

«Если сіи стражи терпятъ муки и будутъ казнены изъ-за меня, тайно унесшей тѣло, то горе мнѣ будетъ на судѣ Божіемъ, и мучиться будетъ душа моя, повинная въ убійствѣ людей тѣхъ».

И, неожиданно для всѣхъ, она воскликнула къ воинамъ:

— Друзья! Тѣло погубленнаго вами взяла я въ то время, какъ вы спали.

Услыхавъ сіе, воины тотчасъ взяли ее и представили князю Нумеріану, говоря:

— Господинъ, вотъ кто укралъ мертвеца.

Князь спросилъ святую:

— Правда ли то, что они говорятъ о тебѣ?

— Правда,—отвѣчала святая.

— Какъ ты смѣла, проклятая женщина, сдѣлать это? —воскликнулъ князь.

Миропія отвѣчала:

— Смѣла, потому что презираю и плюю на твое окаянство и безбожіе.

---

[1]) Память его—мая 14-го.

Отъ этихъ словъ гордый князь пришелъ въ сильную ярость и тотчасъ повелѣлъ бить ее палками безъ милосердія. И били ее долго; потомъ, схвативъ за волосы, влачили по всему острову и истязали всѣ члены тѣла; наконецъ еле живую заключили въ темницу. Въ полночь, когда святая молилась, свѣтъ осіялъ всю темницу, и предъ нею предсталъ ликъ Ангеловъ, посреди ихъ былъ святый Исидоръ, и всѣ они пѣли Трисвятую пѣснь. Воззрѣвъ на мученицу, Исидоръ сказалъ:

— Миръ тебѣ, Миропія,—дошли молитвы твои до Бога, и вотъ ты будешь съ нами и пріимешь вѣнецъ, тебѣ уготованный.

Когда святый Исидоръ говорилъ сіи слова, святая мученица Миропія съ радостію предала духъ свой Богу[1]). И наполнилась темница неизреченнымъ благоуханіемъ, отъ котораго стражи темницы пришли въ ужасъ и изумленіе. Одинъ же изъ нихъ, хорошо все это видѣвшій и слышавшій, поспѣшилъ къ священнику, подробно ему все разсказалъ, принялъ Св. Крещеніе и впослѣдствіи самъ удостоился мученическаго вѣнца. Тѣло святой Миропіи христіане взяли и съ честію погребли, прославляя Бога.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО

АѲАНАСІЯ ПЕЧЕРСКАГО

А҆́зъ є҆́смь воскр҃сніе и҆ живо́тъ: вѣ́рꙋѧй въ мѧ̀, а҆́ще и҆ ᲂу҆́мретъ ѡ҆живе́тъ[2]). Исполнилъ Спаситель сіе слово, сказанное о Лазарѣ четверодневномъ, и на преподобномъ отцѣ нашемъ Аѳанасіи—затворникѣ Печерскомъ, желая, чтобы и мы исполнили слово богатаго, сказанное о нищемъ Лазарѣ: **а҆́ще кто̀ ѿ ме́ртвыхъ и҆́детъ къ ни́мъ, пока́ютсѧ**[3]).

Сей преподобный Аѳанасій былъ инокомъ въ святомъ монастырѣ Кіево-Печерскомъ, проводя святую и Богоугодную жизнь. Послѣ долгой болѣзни онъ умеръ. Братія отерли тѣло его и положили въ пелены, какъ подобаетъ умершему иноку. Усопшій лежалъ

[1]) Кончина *св. Миропіи* послѣдовала около 251 г., при императорѣ Декіи.

[2]) Еванг. отъ Іоанна, гл. 9, ст. 25.

[3]) Еванг. отъ Луки, гл. 16, ст. 1.

непогребеннымъ два дня по причинѣ нѣкотораго замедленія. Ночью игумену было явленіе, и онъ слышалъ голосъ:

— Человѣкъ Божій Аѳанасій два дня лежитъ непогребеннымъ, а ты объ этомъ не заботишься.

Какъ только наступило утро, игуменъ пришелъ съ братіею къ умершему, чтобы совершить его погребеніе,—и вдругъ они увидѣли, что онъ сидитъ и плачетъ. Всѣ пришли въ ужасъ, видя, что онъ живъ, и стали его спрашивать — какъ онъ ожилъ и что видѣлъ или слышалъ? Онъ же въ отвѣтъ говорилъ только одно:

— Спасайтесь!

Но они стали еще больше упрашивать его, желая услыхать отъ него что-нибудь для нихъ полезное. Тогда онъ сказалъ имъ:

— Если вамъ я скажу, то вы не повѣрите и не послушаете меня.

Братія же поклялись ему, что они соблюдутъ все, что̀ онъ скажетъ имъ. Тогда воскресшій сказалъ имъ:

— Имѣйте послушаніе во всемъ къ игумену, кайтесь каждый часъ и молитесь Господу Іисусу Христу, и Его Пречистой Матери, и преподобнымъ отцамъ Антонію и Ѳеодосію, дабы здѣсь, въ этой обители, кончить жизнь свою и удостоиться быть погребенными со святыми отцами въ пещерѣ: ибо эти три добродѣтели выше всѣхъ другихъ. И, если кто исполнитъ все сіе, какъ подобаетъ по чину, блаженъ будетъ, только бы не возгордился. О прочемъ не спрашивайте меня, но умоляю: простите меня.

Сказавъ это, онъ пошелъ въ пещеру и, затворивъ за собою двери, пробылъ тамъ безвыходно двѣнадцать лѣтъ. Никогда послѣ того онъ уже не видалъ солнца, безпрестанно день и ночь плакалъ; вкушалъ лишь немного хлѣба и воды, и то только черезъ день, и во все это время не сказалъ никому ни одного слова. Когда же приблизилось время кончины Аѳанасія, онъ призвалъ братію и сказалъ имъ все то, что̀ говорилъ прежде о послушаніи и покаяніи, и почилъ съ миромъ о Господѣ, и положенъ былъ съ честію въ той пещерѣ, гдѣ подвизался[1]).

По своемъ преставленіи преподобный Аѳанасій посредствомъ чудотворенія извѣстилъ братію о своемъ блаженномъ состояніи. Одинъ изъ иноковъ, по имени Вавила, страдавшій много лѣтъ

[1]) *Блаженный Аѳанасій* почилъ о Господѣ около 1176 г. Мощи его почиваютъ въ Антоніевой пещерѣ.

болѣзнію ногъ, принесенъ былъ къ мощамъ блаженнаго сего Аѳанасія и, прикоснувшись къ тѣлу его, тотчасъ же исцѣлѣлъ, и съ того времени до самой своей смерти никогда не страдалъ никакою болѣзнію. О семъ явленіи своего преподобнаго исцѣлителя Вавила такъ повѣдалъ братіи, среди которыхъ былъ и Симонъ святый, списатель житія сего[1]):

— Когда я лежалъ и кричалъ отъ боли, внезапно вошелъ блаженный сей Аѳанасій и сказалъ мнѣ: пріиди ко мнѣ,—и я исцѣлю тебя. Я хотѣлъ было его спросить, какимъ образомъ и когда пришелъ онъ сюда? Но онъ вдругъ сталъ невидимъ. Повѣровавъ явившемуся мнѣ, я попросилъ, чтобы меня принесли къ нему, и вотъ, нынѣ получилъ исцѣленіе.

Съ этого времени уразумѣли всѣ, что преподобный затворникъ Аѳанасій угодилъ Господу и удостоился блаженства. По его святымъ молитвамъ да сподобимся и мы, воскреснувъ отъ смерти грѣховной, пожить Богоугодно и въ покаяніи и потомъ получить жизнь вѣчную о Христѣ Іисусѣ, Жизнодавцѣ нашемъ, Ему же слава съ Богомъ Отцемъ, и Животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ЖИТІЕ СВЯТАГО

СТЕФАНА,

царя Сербскаго[2])

Святый Стефанъ Урошъ былъ сынъ знаменитаго Сербскаго государя Стефана Душана[3]), который, объединивши подъ своею властью почти всѣ сербскія земли и завоевавши нѣсколько областей, принадлежавшихъ Греческому царству, провозгласилъ себя царемъ Сербовъ и Грековъ. Стефанъ Урошъ родился[4]) отъ брака

---

[1]) *Св. Симонъ* — сначала инокъ Кіево-Печерскаго монастыря, впослѣдствіи епископъ Владимірскій, † 1226 г.; извѣстенъ какъ авторъ 8 повѣстей о 8 печерскихъ инокахъ, писанныхъ къ его другу, печерскому иноку Поликарпу, и «Повѣсти объ основаніи Печерской обители». Память его 10-го мая.

[2]) Житіе составлено по старинному сербскому житію, церковной службѣ, помѣщаемой въ «Сербляке» (печатномъ оборникѣ службъ сербскимъ святымъ) и сербскимъ лѣтописямъ.

[3]) *Стефанъ Душанъ* правилъ съ 1331 г. по 1355 г.

[4]) Годъ рожденія его—1337.

Душана съ Еленой, сестрой Болгарскаго царя Александра Асеня. Дѣтство Уроша протекло во время самой кипучей дѣятельности его отца. Принявшій царскій титулъ въ 1346 году Стефанъ Душанъ вѣнчался вмѣстѣ съ своею супругою царскимъ вѣнцемъ, а сына Уроша, которому шелъ только десятый годъ, вѣнчалъ королевскимъ вѣнцомъ и съ титуломъ краля сталъ именовать его въ грамотахъ. Такимъ образомъ съ ранняго дѣтства Урошъ сталъ кралемъ «младымъ»—прозваніе, оставшееся за нимъ навсегда.

По смерти своего родителя, Стефана Душана, послѣдовавшей въ 1355 году, Стефанъ Урошъ вѣнчался на царство, будучи осмьнадцати лѣтъ, и долженъ былъ принять въ свое управленіе обширное Сербское царство. Дѣло это было весьма трудное. Самъ Стефанъ Душанъ, чтобы управлять многочисленными областями съ разнороднымъ населеніемъ (сербскимъ, болгарскимъ, албанскимъ и греческимъ), отдавалъ ихъ во власть вельможъ, получавшихъ отъ царя по греческому обычаю разные титулы—кесаря, деспота и другіе. Эти вельможи, пользуясь почти полной самостоятельностью, могли оказывать царю сопротивленіе, и нужна была твердая рука Душана, чтобы содержать ихъ въ повиновеніи.

Молодой преемникъ Душана Стефанъ Урошъ отъ природы отличался тѣлесною красотою, душевною кротостію и простотою ума. Править обширнымъ государствомъ ему было трудно. По примѣру отца, онъ долженъ былъ управлять при посредствѣ вельможъ, но онъ не имѣлъ твердаго характера и умѣнья, чтобы держать ихъ въ должномъ повиновеніи. Правители разныхъ областей стали руководиться своеволіемъ, а не указаніями царя. Особенную силу въ государствѣ получили вельможи Марняновичи, братья Волкашинъ, Углеша и Гойко. Волкашинъ получилъ отъ царя сначала титулъ кесаря, а потомъ и сербскаго краля, такъ что отъ своего имени писалъ и королевскія грамоты. Дѣйствительной власти Стефанъ Урошъ не имѣлъ, онъ довольствовался однимъ титуломъ царя. Много пришлось ему испытать горя, нужды и униженія, но онъ все переносилъ съ кротостью.

Честолюбивымъ вельможамъ этого было, впрочемъ, недостаточно: имъ хотѣлось совсѣмъ устранить Уроша. Особенно къ сему стремился король Волкашинъ, поддерживаемый своими братьями. Урошъ, лишенный власти, проживалъ попеременно въ разныхъ сербскихъ городахъ и областяхъ; одно время онъ жилъ у князя Лазаря,

правившаго, подобно Волкашину, особою областію—Подунайскою, но относившагося къ Урошу доброжелательно.

По внѣшности и Волкашинъ обнаруживалъ доброжелательность къ Урошу и старался успокоивать еще остававшуюся въ живыхъ мать его Елену, вдову послѣ Стефана Душана, которая боялась за судьбу своего сына. Желая засвидѣтельствовать свое расположеніе къ Урошу, Волкашинъ однажды пригласилъ его вмѣстѣ съ собой на охоту въ горную страну близъ Косова Поля. Во время этой охоты Волкашинъ улучилъ возможность убить предательски Уроша. Тѣло ночью тайно было положено въ готовую гробницу при храмѣ Успенія Пресвятой Богородицы близъ замка Петрича, служившаго нерѣдко мѣстожительствомъ сербскихъ государей[1]).

Волкашинъ показывалъ, что Урошъ гдѣ-то отсталъ на охотѣ и что онъ не знаетъ о его мѣстопребываніи. Пораженныя горемъ мать Уроша Елена и супруга его Анна[2]) приняли всѣ мѣры къ розысканію пропавшаго царя, но напрасно. Однако нѣтъ тайны, которая не стала бы явною. Распространились слухи о ночномъ погребеніи кого-то въ церкви Успенія близъ Петрича.

Когда сняли плиту съ гробницы, то увидѣли тѣло невинно погибшаго страдальца, царя Стефана Уроша. Мать и супруга, и всѣ окружающіе горько оплакали усопшаго и торжественно, по-царски совершили обрядъ погребенія въ той же церкви Успенія. Стефанъ Урошъ былъ послѣднимъ сербскимъ царемъ и послѣднимъ государемъ изъ знаменитаго рода Нѣманичей.

Святыя мощи царя Стефана Уроша долго почивали въ томъ храмѣ, гдѣ онъ былъ погребенъ, но потомъ изъ опасенія поруганія со стороны мусульманъ перенесены были православными сербскими переселенцами изъ Турціи въ Австрійскій Сремъ, въ монастырь Ясакъ.

Подобно всѣмъ сербскимъ государямъ, Стефанъ Урошъ построилъ себѣ задушбину—монастырь Рождества Богородицы въ г. Скоплѣ. Церковная служба Стефану Урошу воспѣваетъ его какъ святаго, который «отъ юности преданъ былъ Господу, отечески покоилъ вдовъ и сиротъ, умирялъ ссоры и утверждалъ миръ, миловалъ нищихъ, защищалъ обижаемыхъ».

---

[1]) *Петричъ* находился выше Неродимля въ *Езерской планинѣ*, т. е. горномъ хребтѣ, отдѣляющемъ Подриньe,—край, прилегающій къ городу Призрѣну,—отъ Косова Поля.

[2]) Она была дочерью валашскаго воеводы Александра Бассарабы.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНЫХЪ

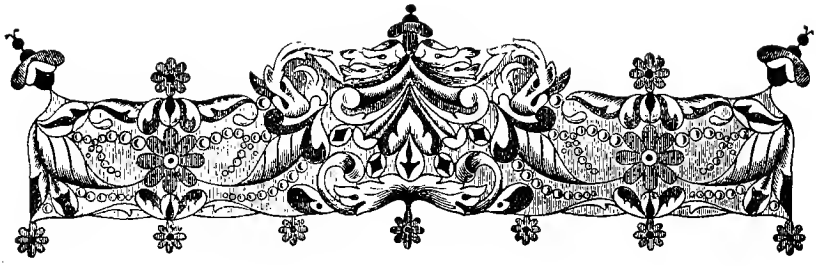
ІОАННА, ИРАКЛЕМОНА, АНДРЕЯ и ѲЕОФИЛА

Преподобные отцы Іоаннъ, Ираклемонъ, Андрей и Ѳеофилъ — родомъ изъ города Оксириха[1]) — были дѣти христіанскихъ родителей. Съ юныхъ лѣтъ они упражнялись въ чтеніи душеполезныхъ книгъ, а потомъ, движимые желаніемъ проводить жизнь богоугодную, удалились во внутреннюю пустыню своей страны[2]), гдѣ и были наставляемы Богомъ: тамъ, въ пустынѣ, они встрѣтили одного святаго мужа, достигшаго уже глубокой старости, и прожили съ нимъ, пользуясь отъ него духовнымъ назиданіемъ, одинъ годъ. Когда мужъ тотъ умеръ, они остались въ томъ же пустынномъ мѣстѣ и въ продолженіе шестидесяти лѣтъ проводили подвижническое житіе, соблюдая строгій постъ. Питались они дикими овощами и водою, но и то вкушали только два раза въ недѣлю. Въ будничные дни они разлучались и каждый уединенно проводилъ время въ окрестныхъ горахъ и пещерахъ; въ субботы же и воскресные дни они собирались вмѣстѣ и совокупно возсылали благодареніе Богу, причемъ отъ Божественнаго Ангела сподоблялись святаго Причащенія, и такъ съ миромъ почили. О семъ повѣдалъ великій Пафнутій пустынникъ (Ѳиваидскій), который самъ видѣлъ мужей тѣхъ и описалъ ихъ житіе[3]).

[1]) Въ среднемъ Египтѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Нила.

[2]) Т. е. *Ѳиваидскую*. Ѳиваидская пустыня находилась въ Верхнемъ (южномъ) Египтѣ и была излюбленнымъ мѣстомъ подвиговъ древнихъ пустынниковъ.

[3]) Въ IV вѣкѣ.



День третій

ПАМЯТЬ
СВЯТАГО ПРОРОКА
СОФОНІИ

Святый Софонія, одинъ изъ двѣнадцати малыхъ пророковъ[1]), сынъ Хусія, внукъ Годолія, правнукъ Аморіи и праправнукъ Езекіи, происходилъ, по преданію, изъ колѣна Симеонова, изъ горной страны Сараваѳа, или Вараѳа[2]). Онъ былъ знатнаго рода[3]) и жилъ при іудейскомъ царѣ Іосіи, сынѣ Амона, за 600 съ лишкомъ лѣтъ до пришествія на землю Господа нашего Іисуса Христа. Въ его время благочестивый царь Іосія, усердно заботясь о возстановленіи истиннаго Богопочитанія, почти забытаго Іудеями, искоренялъ идолопоклонство въ своемъ народѣ. Онъ возстановилъ въ прежнемъ величіи храмъ Соломона, пришедшій въ полный упадокъ, разрушилъ языческіе жертвенники, умертвилъ идольскихъ жрецовъ и повелѣлъ всѣмъ строго соблюдать Законъ Моисея. Но, несмотря на такую ревность царя къ возстановленію истинной вѣры, трудно было народъ, уже укоренившійся въ не-

---

[1]) Раздѣленіе пророковъ на *большихъ* и *малыхъ* основывается не на личныхъ, душевныхъ качествахъ ихъ, а на краткости написанныхъ ими книгъ.

[2]) *Колѣно Симеоново,* гдѣ находилась гора Сараваѳъ, занимало юго-западную пограничную часть Палестины.

[3]) Это можно утверждать на томъ основаніи, что Софонія перечисляетъ въ началѣ книги своихъ предковъ. По тогдашнему обычаю, это могли дѣлать только люди знатные по происхожденію.

Ст҃ый пр҃ро́къ
Софо́нїя

честіи, обратить къ Богу. Іудеи изъ страха предъ властію царскою перестали открыто служить идоламъ, но въ сердцѣ своемъ таили приверженность къ языческому нечестію. Поэтому Господь,—говоритъ Священное Писаніе,—не отложилъ великой ярости гнѣва Своего, какою воспылалъ на Іуду[1]). Народъ созрѣвалъ для суда Божія, который вскорѣ и долженъ былъ разразиться надъ нимъ. Среди такого нечестія и языческой тьмы Софонія сіялъ благочестіемъ какъ свѣтлая звѣзда ночью. Какъ истинный израильтянинъ онъ глубоко скорбѣлъ о нечестіи своего народа, а какъ стражъ Господень и созерцатель таинъ Божіихъ[2]), чистый умомъ и сердцемъ, горячо молился объ обращеніи соотечественниковъ на путь истины и спасеніи ихъ отъ погибели. И вотъ, какъ бы въ отвѣтъ на эту молитву, «было къ Софоніи слово Господне»[3]). Богъ, видящій сердца человѣческія, избралъ его Своимъ пророкомъ и повелѣлъ ему возвѣстить Іудеямъ грозныя кары, которыя ожидаютъ ихъ за нечестіе и служеніе богамъ ложнымъ. Исполняя повелѣніе Господне, Софонія пошелъ по городамъ и селамъ іудейскимъ, всюду побуждая народъ къ исправленію и покаянію. Не пространна была его проповѣдь, но по силѣ и глубинѣ напоминала пламенныя рѣчи великихъ Пророковъ Исаіи и Іереміи.

— Вотъ что говоритъ Господь,—такъ началъ свое пророчество Софонія.—Все истреблю съ лица земли: истреблю людей и

[1]) Кн. Царствъ, гл. **23**, ст. 29.

[2]) Такъ толкуется имя *Софоніи* (тайнозритель), происходящее отъ еврейскаго глагола *цафа*—наблюдать, сторожить, или же отъ глагола *цафанъ*, что значитъ—таить, укрывать.

[3]) Кн. пр. Софоніи, гл. **1**, ст. 1.

скотъ, истреблю птицъ небесныхъ и рыбу морскую, и изглажу беззаконныхъ съ лица земли. И простру руку Мою на Іуду, и на всѣхъ жителей Іерусалима, и уничтожу тѣхъ, кто отступаетъ отъ Господа и не ищетъ Его. Поэтому, убойтесь всѣ предъ лицемъ Господа: Онъ готовитъ жертву, и день ея уже близокъ. Это будетъ день гнѣва, день скорби и стѣсненія, день смятенія и волненія, день тьмы и мрака. Тогда люди будутъ ходить какъ слѣпые—за то, что они погрѣшили противъ Господа; и польется кровь ихъ, какъ песокъ, и трупы ихъ будутъ, какъ навозъ[1]).

Возвѣщая такое наказаніе Іудеямъ, Софонія, вмѣстѣ съ тѣмъ, предсказывалъ и близкую гибель языческихъ народовъ. «Филистимляне, Моавитяне, Аммонитяне, Еѳіопляне, Ассиріяне [2]),—говорилъ онъ,—будутъ истреблены, ихъ земли подвергнутся опустошенію и станутъ, подобно Содому и Гоморрѣ, поляной, заросшей колючей травой и вѣчной пустыней. Это имъ за величавость ихъ, за то, что они ругались и превозносились надъ народомъ Божіимъ»[3]). Обращаясь затѣмъ снова къ родному Іерусалиму, пророкъ съ прискорбіемъ видитъ, что онъ не вразумляется примѣрами наказанія нечестивыхъ языческихъ народовъ и остается упорнымъ въ своемъ

---

[1]) Кн. пр. Софоніи, гл. 1, ст. 2—4, 14—18.

[2]) *Филистимляне*—сосѣдній Евреямъ народъ, занимавшій западную часть Палестины, по самому берегу Средиземнаго моря. Они произошли отъ Каслухима и Кафторима, сыновъ Мицраима, сына Хама, родоначальника Египтянъ (Кн.: Быт., гл. 10, ст. 14; Втор., гл. 2, ст. 23; 1 Пар., гл. 1, ст. 12; Прор. Іерем., гл. 47, ст. 4; Прор. Амос., гл. 9, ст. 7). Они—не природные жители Палестины, но пришельцы, переселенцы, какъ то показываетъ самое слово *Пелиштимъ* (Филистимляне)—странствовать, переселяться. Происходя отъ Каслухеевъ и Кафтореевъ, которые жили въ какой-либо части Сѣвернаго Египта, Филистимляне еще въ глубокой древности переселились сначала на островъ Критъ, а потомъ въ Палестину. *Моавитяне*—народъ семитическаго племени, потомки Моава, незаконнаго сына Лота отъ старшей дочери его (Кн. Быт., гл. 19, ст. 30—37). Они занимали гористыя, но прекрасныя плодоносныя земли по восточной сторонѣ Мертваго моря. Съ запада границею въ было Мертвое море, а съ Востока—пустыня. *Аммонитяне*—народъ, родственный Моавитянамъ, происшедшій отъ Аммона, сына Лота, и его младшей дочери Бенъ-Амми (Кн. Быт., гл. 19, ст. 38). Они жили на восточной сторонѣ Іордана, около горъ Галаадскихъ, между рѣками Іавокомъ и Арноном. *Еѳіопляне*, или *Кушиты*, произошли отъ Куша, или Хуша, сына Хамова. Въ древности названіе Еѳіоповъ давалось всѣмъ народамъ смуглаго цвѣта (сѣверо-восточной Африки и юго-западной Азіи); но потомъ это названіе стало усвояться жителямъ собственно Еѳіопіи, лежавшей къ югу отъ Египта, между Чернымъ моремъ, Ливійскою степью и Абиссинскою возвышенностію. *Ассиріяне*—народъ семитическаго племени, произшедшій отъ Ассура, сына Сима, сына Ноева. Ихъ царство, одно изъ самыхъ могущественныхъ во всей Азіи, занимало области по рѣкѣ Тигръ, между Арменіей, Месопотаміей, Мидіею и Вавилоніею.

[3]) Кн. прор. Софоніи, гл. 2. Пророчества эти исполнились при Навуходоносорѣ, царѣ Вавилонскомъ, который покорилъ, вмѣстѣ съ Іудеями, и Моавитянъ, и Аммонитянъ, и Филистимлянъ. Ассирія же погибла при отцѣ Навуходоносора—Набопалассарѣ.

заблужденіи. Іерусалимъ, по словамъ пророка, не «пріемлетъ увѣщанія, не слушаетъ гласа, на Господа не надѣется и къ Богу своему не приближается. Князья его—львы рыкающіе, судьи его—волки вечерніе, люди—горды, священники оскорбляютъ святыню и разрушаютъ Законъ. За это,—говорилъ пророкъ,—нечестивый городъ будетъ разоренъ, а съ нимъ погибнетъ и земля Іудейская»[1]).

Но Софонія не ограничился только печальными предсказаніями; его пророческой взоръ проникалъ въ тѣ благодатныя времена, когда долженъ былъ явиться Утѣха Израилева и Чаяніе языковъ, а съ Нимъ—радость и миръ для всей земли. Созерцая наступленіе этихъ временъ, Софонія говорилъ, что не весь Израиль и не вся земля будутъ уничтожены въ великій день Суда Господня. Послѣ грозныхъ наказаній Господь дастъ оставшимся народамъ уста чистыя, чтобы они призывали Имя Его и единодушно служили Ему. А отъ Израиля останутся только люди кроткіе и смиренные, которые будутъ благоговѣть предъ Господомъ. Сей остатокъ Израиля уже не будетъ творить неправды и за это успокоится, никѣмъ изъ враговъ не тревожимый[2]). Указывая на эти благодатныя времена, пророкъ забываетъ о предсказанныхъ грозныхъ и близкихъ бѣдствіяхъ и въ восторгѣ восклицаетъ:

— Радуйся, дщерь Сіонова, проповѣдуй, дщерь Іерусалимля, украшайся и веселись отъ всего сердца; ибо отъялъ Господь всѣ неправды твои и избавилъ тебя отъ руки враговъ твоихъ; Господь воцарится посреди тебя, и ты не узришь больше зла. Въ тотъ день Господь скажетъ Іерусалиму: дерзай, Сіонъ, и да не ослабѣютъ руки твои, потому что Господь Богъ твой въ тебѣ; сильный,—Онъ спасетъ тебя, и наведетъ на тебя веселіе, и обновитъ тебя въ любви Своей[3]).

Святая Церковь видитъ въ этихъ словахъ Софоніи ясное указаніе на благодатныя Мессіанскія времена вообще, и въ частности

[1]) Наказаніе дѣйствительно не замедлило постигнуть нечестивыхъ. Еще при Іосіи вторглись сильные тогда враги Египтяне. Царь ихъ, Фараонъ Нехао, въ битвѣ при Меггедонѣ въ долинѣ Ездрелонской (на югѣ Палестины) разбилъ Іудеевъ. Благочестивый Іосія палъ въ этой битвѣ. Съ этого злополучнаго дня началось наказаніе Іудеевъ и исполненіе угрозъ пророческихъ. Вскорѣ послѣ смерти Іосіи Іудеи были порабощены Египтянами и обложены тяжкою данью, а потомъ Вавилоняне стали вторгаться въ Іудею. Въ 607 г. до Рож. Хр. царь ихъ Навуходоносоръ взялъ Іерусалимъ, разрушилъ его, а народъ отвелъ въ плѣнъ, гдѣ онъ пробылъ 70 лѣтъ. Такъ исполнились пророчества о наказаніи Іудеевъ за нечестіе.

[2]) Кн. пр. Софоніи, гл. 3, ст. 9—14; Пророчество Софоніи объ остаткѣ Израилевѣ Блаж. Ѳеодоритъ относитъ къ апостоламъ, которые были кротки и смиренны сердцемъ.

[3]) Кн. пр. Софоніи, гл. 3, ст. 14—17.

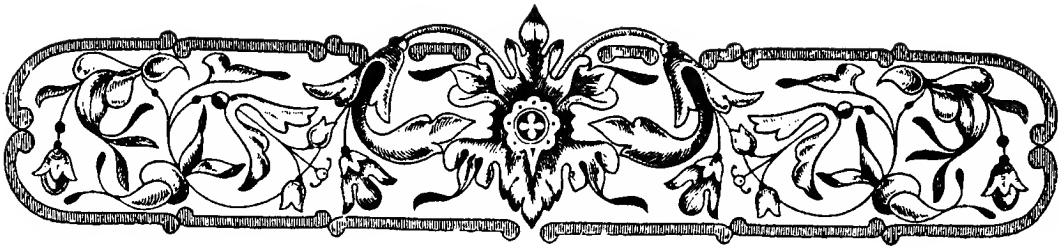
на торжественный входъ Господа Іисуса Христа во Іерусалимъ, когда весь Сіонъ, съ ваіями въ рукахъ, съ восторженными криками: «осанна, сыну Давидову» встрѣчалъ Его какъ царя, имѣющаго быть посреди Своего народа. Поэтому въ Вербное Воскресеніе и положено читать паремію изъ книги святаго Софоніи, именно то мѣсто, гдѣ пророкъ говоритъ о радостномъ днѣ, ожидающемъ Сіонъ.

Такъ пророчествовалъ Софонія, предсказывая грозные суды Божіи, чтобы возбудить грѣшниковъ къ покаянію, и возвѣщая безпредѣльныя милости Господни—устроеніе Царства Божія на землѣ во дни Мессіи, дабы надеждою на нихъ утѣшить и укрѣпить смиренныхъ.

Онъ скончался въ чаяніи всеобщаго воскресенія и былъ, по преданію, погребенъ въ своемъ домѣ.

Конда́къ прⷪ҇ро́ка, гла́съ д҃.

Ꙗви́лсѧ є҆сѝ свѣтоза́ренъ бж҃е́ственнымъ дх҃омъ, прⷪ҇ро́че софо́нїе, бж҃їе ꙗ҆вле́нїе возгласи́въ: ра́дꙋйсѧ ѕѣлѡ̀ дщѝ сїѡ́нѧ, і҆ерⷭ҇ли́мова проповѣ́ждь: сѐ цр҃ь тво́й грѧде́тъ сп҃са́ѧй.



ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА МОЛЧАЛЬНИКА

Молчаливый[1]), неумолкающихъ похвалъ достойный, святый и преподобный отецъ нашъ Іоаннъ родился въ Никополѣ Армянскомъ[2]), отъ отца Енкратія и матери Евфиміи, въ четвертый годъ царствованія благочестиваго императора Маркіана[3]), въ восьмой день января, и былъ просвѣщенъ Святымъ Крещеніемъ. Родители Іоанна были благовѣрные христіане и по своему богатству и значенію славились во всей Арменіи; отецъ его былъ воеводой и имѣлъ большую власть у царя, такъ какъ пользовался его полнымъ благоволеніемъ: сыномъ столь славнаго отца былъ блаженный Іоаннъ. Сіе сказано не для того, чтобы прославлять и похвалять Іоанна за знатность (ибо святые прославляются за добродѣтели, а не за знатность), но дабы извѣстно было, отъ какой славы и до какого смиренія дошелъ сей угодникъ Божій.

Іоаннъ былъ воспитанъ съ своими братьями въ добрыхъ примѣрахъ и вполнѣ усвоилъ себѣ Божественныя Писанія. Онъ былъ еще юнъ, когда родители его отошли къ Господу, оставивъ дѣтямъ своимъ много имѣнія. Когда это имѣніе было раздѣлено между

---

[1]) *Молчальниками,* или *безмолвниками,* назывались преподобные мужи, давшіе и исполнившіе обѣтъ добровольнаго безмолвія. Изъ строгихъ хранителей безмолвія, кромѣ преподобнаго Іоанна, извѣстенъ еще преподобный Исихій, основатель аѳонскаго скита исихитовъ, безмолвствовавшій въ теченіе 12 лѣтъ (память его 3-го Октября). О важности подвига словеснаго воздержанія см. въ Еванг. отъ Матѳ. гл. 1, ст. 36; Посл. къ Ефес. гл. 4, ст. 29; гл. 5, 3—4; Посл. Іаков. гл. 3, ст. 2 и др.

[2]) *Арменія*—область, находящаяся къ западу отъ Малоазійскаго полуострова, къ югу отъ Иверіи, или Кавказа, къ сѣверу отъ Тигра и Евфрата. *Никополь* — одинъ изъ главныхъ городовъ Арменіи.

[3]) *Маркіанъ,* Восточно-Римскій императоръ, царствовалъ съ 450 г. по 457. Слѣдовательно, Іоаннъ родился въ 454 году.

братьями, блаженный Іоаннъ на свою часть построилъ въ городѣ Никополѣ церковь во имя Пречистой и Преблагословенной Дѣвы Маріи. Отказавшись затѣмъ отъ міра, онъ, въ восемнадцатый годъ жизни своей, принялъ иноческій образъ и жилъ при этой церкви съ другими десятью иноками, подвизаясь подвигомъ добрымъ. Въ теченіе всей юности своей онъ прилагалъ великое стараніе, чтобы плоть поработить духу, не быть рабомъ чрева и не дозволить страстямъ, особенно гордости, обладать собой. И былъ онъ мужемъ дивнымъ въ добродѣтеляхъ, добрымъ и искуснымъ наставникомъ и игуменомъ своимъ братіямъ.

Когда Іоанну минуло двадцать восемь лѣтъ, скончался епископъ города Колонійскаго [1]). Граждане отправились къ митрополиту Севастійскому [2]) и просили его о поставленіи новаго епископа. Во время избранія лица, которое было бы достойно этого сана, у всѣхъ на устахъ было имя Іоанна, игумена Никопольскаго монастыря,—какъ достойнаго занять престолъ Колонійской Церкви. Знавшіе великое его смиреніе полагали, что онъ не пожелаетъ принять епископскій санъ; поэтому митрополитъ послалъ за нимъ подъ предлогомъ нѣкоего церковнаго дѣла и, когда святый пришелъ, то убѣдилъ его быть епископомъ. Тогда его посвятили и возвели на престолъ Колонійской Церкви. Принявъ церковное правленіе, Іоаннъ не измѣнилъ своего иноческаго правила и подвиговъ. Такъ, онъ никогда не входилъ въ баню и даже не омывалъ тѣла своего изъ опасенія, чтобы не только кто изъ постороннихъ не видалъ наготы тѣла его, но даже чтобы и самому не видѣть себя когда-либо нагимъ: онъ помнилъ наготу Адамову [3]). Благоугождать Богу постомъ, молитвами, чистотой тѣлесной и душевной, очищать всѣ свои помышленія, смирять въ себѣ всякую гордость, противящуюся разуму Божію, и отдавать разумъ въ послушаніе Христу [4]),—вотъ въ чемъ заключались всѣ попеченія Іоанна. Такъ добродѣтельно живя, онъ былъ и для другихъ примѣромъ добраго житія; взирая на него, и прочіе исправлялись и начинали жить добродѣтельно. Въ числѣ такихъ былъ Пергамій,

---

[1]) *Колонія*—городъ въ римской Арменіи.

[2]) *Севастія*—главный городъ Арменіи, находившійся недалеко отъ истоковъ рѣки Галиса.

[3]) Кн. Бытія, гл. 3, ст. 7, 10, 11. Сознаніе наготы явилось у Адама слѣдствіемъ грѣхопаденія; потомкамъ Адама оно служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаніемъ о грѣхѣ праотца и о печальныхъ послѣдствіяхъ этого грѣха для всего человѣчества.

[4]) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 10, ст. 5.

братъ его по плоти, мужъ славный и находившійся въ большомъ почетѣ у царя Зенона, также и у Анастасія, царствовавшаго послѣ Зенона[1]). Видя, что братъ его, блаженный Іоаннъ, живетъ свято, Пергамій умилялся душою и прилагалъ великое стараніе, чтобы угодить Богу. Также и племяннику Іоанна Ѳеодору, который впослѣдствіи былъ въ великомъ почетѣ у благочестиваго царя Юстиніана[2]), послужило на пользу ангелоподобное житіе дяди его. Ѳеодоръ со всѣми домашними своими жилъ Богоугодно и былъ такъ добродѣтеленъ, что и самъ царь и бояре дивились честному житію его и разуму, правой вѣрѣ и милосердію. Во всемъ этомъ Ѳеодоръ успѣлъ, имѣя примѣръ непорочнаго житія въ блаженномъ дядѣ своемъ Іоаннѣ.

Десятый годъ уже епископствовалъ божественный и богоносный отецъ Іоаннъ, управляя ко благу Церковью Христовой, когда правителемъ Арменіи сдѣлался мужъ сестры его Маріи, по имени Пасиникъ. По наущенію бѣса, онъ началъ смущать ввѣренную Іоанну Церковь и причинять ей зло, а блаженному огорченіе: вмѣшиваясь въ церковныя дѣла, онъ силою извлекалъ изъ храмовъ тѣхъ, кто искалъ тамъ защиты отъ наказанія[3]), и не дозволялъ служителямъ и строителямъ Церкви заботиться о церковныхъ дѣлахъ. Много разъ блаженный Іоаннъ со смиреніемъ просилъ его: не входить въ церковныя дѣла и не причинять Церкви зла и насилія. Но правитель оставался неумолимымъ и не исправлялся; по отшествіи же изъ міра сестры блаженнаго сталъ поступать еще хуже. Глубоко болѣя сердцемъ о причиняемомъ Церкви злѣ, святый вынужденъ былъ отправиться въ Царьградъ къ царю Зенону и здѣсь нашелъ себѣ поддержку въ архіепископѣ Царьградскомъ Евѳиміи[4]), который своимъ ходатайствомъ помогалъ ему у царя.

Видя суету и мятежъ міра сего, блаженный Іоаннъ замыслилъ оставить епископство и, удалившись во Святый Градъ Іерусалимъ, въ безмолвіи трудиться для Бога. Совершивъ Божественную службу, онъ отпустилъ бывшихъ съ нимъ пресвитеровъ и клириковъ, а самъ, тайно отъ всѣхъ, удалился на берегъ моря, сѣлъ на корабль и отплылъ въ Святый Градъ Іерусалимъ. Придя въ

---

[1]) *Зенонъ*, Греческій императоръ, царствовалъ съ 474 по 491 г.; *Анастасій*—съ 491 по 527 г.

[2]) *Юстиніанъ Великій* царствовалъ съ 527 г. по 565.

[3]) Рѣчь идетъ о существовавшемъ въ древности правѣ преслѣдуемыхъ и осужденныхъ искать убѣжища въ церквахъ.

[4]) *Евѳимій*—Патріархъ Константинопольскій съ 490 по 496 г.

первую больницу Святаго Града, при которой былъ молитвенный домъ во имя святаго великомученика Георгія, онъ пребывалъ здѣсь нѣкоторое время подъ видомъ нищаго. При видѣ суеты народной Іоаннъ сильно скорбѣлъ, желалъ безмолвнаго мѣста и со слезами молилъ Бога, да покажетъ ему мѣсто безмятежное, располагающее и удобное ко спасенію. Однажды ночью, во время усердной о семъ молитвы, взглянулъ онъ вверхъ и увидѣлъ внезапно явившуюся пресвѣтлую звѣзду, наподобіе креста; она приближалась къ нему, и отъ сіянія звѣзднаго услышалъ онъ голосъ:

«Если хочешь спастись, слѣдуй за симъ сіяніемъ».

Преподобный тотчасъ радостно пошелъ и былъ приведенъ звѣздою въ великую Лавру преподобнаго и богоноснаго отца нашего Саввы[1]), на тридцать девятомъ году жизни своей, въ бытность Саллюстія Патріархомъ Іерусалимскимъ[2]).

Іоаннъ обрѣлъ преподобнаго Савву во главѣ ста сорока братій пустынножителей, пребывавшихъ въ великой нищетѣ тѣлесной, но во многомъ богатствѣ душевномъ. И принялъ преподобный Савва блаженнаго Іоанна, и поручилъ эконому возложить на него монастырскіе труды, не вѣдая, какое сокровище божественной благодати скрывалось въ Іоаннѣ. Хотя святый Савва и обладалъ даромъ прозорливости, но Богъ утаилъ отъ него тайну, что Іоаннъ—епископъ, что онъ оставилъ для Бога свою епископію и пришелъ къ нему какъ простой человѣкъ. Пусть никто не дивится тому, что и прозорливые не всегда провидятъ: ибо они провидятъ и пророчествуютъ лишь то, что Богъ имъ открываетъ, а чего не открываетъ, о томъ и не вѣдаютъ. Поэтому и Пророкъ Елисей сказалъ слугѣ своему о Соманитянкѣ: **ѡ҆ста́ви ю҆̀, ꙗ҆́кѡ дꙋ́ша є҆ѧ̀ болѣ́знена въ не́й, и҆ гдⷭ҇ь ᲂу҆кры̀ ѿ менѐ, и҆ не возвѣ́сти̑ мнѣ̀**[3]). Принятый въ Лавру, Іоаннъ съ полной покорностью и усердіемъ исполнялъ назначаемыя ему экономомъ различныя послушанія. Въ то время

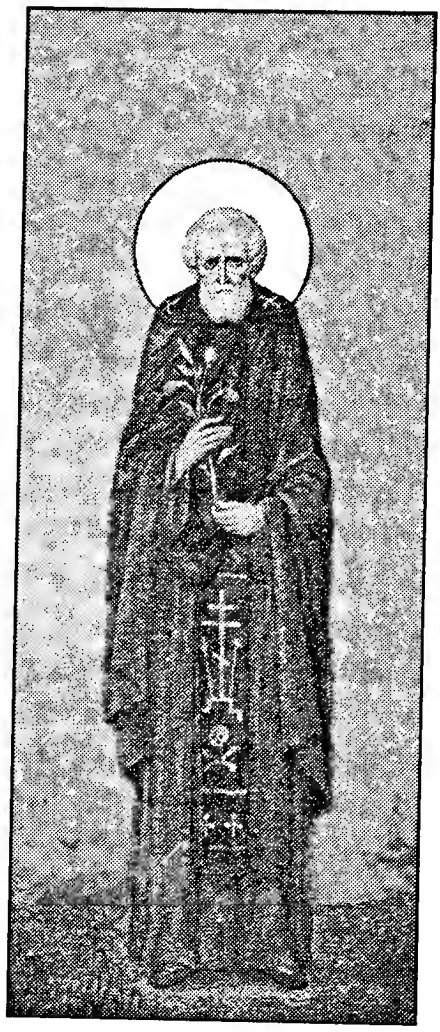
---

[1]) Лавра преп. Саввы Освященнаго, память коего празднуется 5-го декабря, находилась въ 12 верстахъ на востокъ отъ Іерусалима.

[2]) *Саллюстій*—Патріархъ Іерусалимскій съ 486 по 494 г.

[3]) 4 Кн. Царствъ, гл. 4, ст. 27. У одной женщины изъ Сомана, оказывавшей гостепріимство пророку Елисею, умеръ сынъ. Пораженная горемъ, она отправилась къ Пророку на гору Кармилъ. Увидавъ ее издали, Елисей послалъ слугу своего Гіезія встрѣтить ее и спросить о здоровьѣ мужа и дѣтей. Когда она подошла и, не говоря ни слова, въ великой скорби упала къ ногамъ Елисея, а Гіезій хотѣлъ отстранить ее,—Елисей обратился къ нему съ приведенными выше словами, показывавшими, что Пророкъ видѣлъ скорбь женщины, но не зналъ о причинѣ ея.

созидался въ Лаврѣ страннопріимный домъ, и блаженный Іоаннъ былъ приставленъ служить работавшимъ. Онъ варилъ имъ пищу, носилъ воду, подавалъ камни и принималъ участіе во всѣхъ работахъ, производившихся въ зданіи.



Прп҃бный Іѡа́ннъ

Чрезъ два года послѣ прибытія въ Лавру Іоанну было поручено принимать странниковъ; и здѣсь со смиреніемъ, кротостью и любовью послужилъ онъ ближнимъ. Потомъ преподобный Савва началъ созидать киновію[1]) для поступающихъ въ иночество, дабы тѣ, кои желаютъ отречься міра, сначала наставлялись въ киновіи, а потомъ уже принимались въ Лавру.

— Какъ плоду предшествуетъ цвѣтъ,—говорилъ святый,—такъ жизни пустынной должна предшествовать жизнь киновійская; пусть поступающій процвѣтетъ, какъ дерево посаженное, начатками трудовъ въ киновіи, а плоды совершенныхъ подвиговъ принесетъ въ Лаврѣ.

Лавра преподобнаго была въ пустынѣ, киновія ближе къ міру, и когда созидалась, то блаженный Іоаннъ опять былъ приставленъ служить при работахъ. Тогда двѣ службы одновременно несъ преподобный трудолюбецъ: странникамъ служилъ въ страннопріимномъ домѣ, а строителямъ киновіи носилъ на плечахъ своихъ хлѣбы и различныя яства; киновія же отстояла отъ страннопріимнаго дома болѣе, чѣмъ на десять стадій[2]). Когда въ такой службѣ онъ

[1]) *Киновіями* — (отъ греч. κοινός—общій, и βίος—жизнь) называются общежительные монастыри, въ которыхъ братія не только столъ, но и одежду и т. п. получаютъ отъ монастыря, по распоряженію настоятеля, а съ своей стороны весь свой трудъ и его плоды представляютъ обязательно на общую потребу монастыря. Жизнь въ этихъ монастыряхъ не такъ трудна, какъ жизнь въ пустынѣ, связанная съ полнымъ отреченіемъ отъ всякихъ удобствъ.

[2]) *Стадія*—мѣра длины у грековъ, равняющаяся приблизительно 88 нашимъ саженямъ.

потрудился одинъ годъ, добрѣ послуживъ братіи, преподобный Савва далъ ему келлію для безмолвія; въ ней блаженный Іоаннъ прожилъ три года. Пять дней въ недѣлю онъ пребывалъ въ келліи безвыходно, ничего не вкушалъ въ эти дни и никому не показывался, только съ однимъ Богомъ имѣя общеніе, въ субботу же и воскресенье раньше всѣхъ приходилъ въ церковь и стоялъ со страхомъ и умиленіемъ; потоки слезъ непрестанно исходили изъ очей его во время Божественной службы, и вся братія дивились такому въ немъ дару слезъ. Въ тѣ два дня онъ принималъ и пищу съ братіею. Черезъ три года блаженный Іоаннъ былъ поставленъ экономомъ; трудами и служеніемъ его, при благословеніи Божіемъ, благосостояніе Лавры весьма умножилось, ибо Богъ во всемъ споспѣшествовалъ ему.

Видя, что Іоаннъ исполнилъ ко благу службу эконома, преподобный Савва пожелалъ поставить его во пресвитера—какъ инока достойнаго и достигшаго совершенства. Онъ отправился съ нимъ во Святый Градъ Іерусалимъ, разсказалъ Патріарху Иліи[1]) (преемнику Саллюстія) о добродѣтельномъ житіи Іоанна и просилъ рукоположить Іоанна въ пресвитера. Патріархъ призвалъ Іоанна въ церковь и хотѣлъ рукоположить. Видя, что ему нельзя избѣжать сего, Іоаннъ сказалъ святому Патріарху:

— Пречестнѣйшій отче, есть у меня нѣкая тайная рѣчь къ твоей святынѣ; повели мнѣ наединѣ переговорить съ тобой, и если признаешь меня достойнымъ сана пресвитера, то отказываться не буду.

Когда же Патріархъ отошелъ съ нимъ въ сторону, преподобный Іоаннъ повергся къ стопамъ богоугоднаго Иліи, заклиная его, да не повѣдаетъ никому тѣхъ словъ, которыя онъ будетъ ему говорить. Патріархъ обѣщалъ хранить тайну. Іоаннъ сказалъ:

— Отче! Я былъ епископомъ Колонійскимъ; по множеству грѣховъ моихъ оставилъ я епископію, бѣжалъ и, будучи крѣпокъ тѣломъ, осудилъ себя на служеніе братіямъ, дабы ихъ молитвы помогали немощной душѣ моей.

Ужаснулся Патріархъ Илія, услышавъ это, призвалъ преподобнаго Савву и сказалъ:

— Іоаннъ повѣдалъ мнѣ о сокровенныхъ дѣлахъ своихъ, которыя препятствуютъ ему быть пресвитеромъ; пусть отнынѣ онъ безмолвствуетъ, и никто да не докучаетъ ему.

Такъ сказалъ Патріархъ и отпустилъ обоихъ.

---

[1]) Съ 494 по 517 г.

Весьма опечалился преподобный Савва. Удалившись отъ великой Лавры своей за тридцать стадій въ нѣкую пещеру, онъ повергся на землю предъ Богомъ со слезами и говорилъ:

— За что, Господи, презрѣлъ Ты меня, утаивъ отъ меня жизнь Іоанна? Обманулся я, считая его достойнымъ сана пресвитера! Открой мнѣ о немъ хотя нынѣ, Господи: **прискорбна ѥсть душа моѧ даже до смерти**[1]). Неужели сосудъ, который считалъ я избраннымъ, святымъ, потребнымъ и достойнымъ принять въ себя мѵро,—предъ Твоимъ величіемъ и непотребенъ, и недостоинъ?

Такъ всю ночь со слезами молился преподобный Савва. Тогда явился ему Ангелъ Божій и сказалъ:

— Іоаннъ есть не непотребный, а избранный сосудъ, но онъ—епископъ, и не можетъ быть поставленъ въ пресвитера.

Такъ сказалъ Ангелъ и сталъ невидимъ. А преподобный Савва радостно поспѣшилъ къ Іоанну въ келлію, обнялъ его и сказалъ:

— Отче Іоаннъ! Ты утаилъ предо мною, какой въ тебѣ даръ Божій, но Богъ открылъ мнѣ его.

— Скорблю о семъ, отче,—отвѣчалъ Іоаннъ,—я желалъ, чтобы никто не зналъ тайны сей, но вы узнали ее. Не могу жить въ сей странѣ.

Савва поклялся Іоанну, что никому не повѣдаетъ его тайны. Съ того времени блаженный Іоаннъ началъ безмолвствовать, пребывая въ келліи. Онъ не выходилъ даже въ церковь, ни съ кѣмъ не бесѣдовалъ, и къ нему не входилъ никто, кромѣ одного служившаго ему послушника. Однажды только, въ праздникъ Пречистой Богородицы Приснодѣвы Маріи, во имя Коей была освящена лаврская церковь, когда прибылъ въ Лавру на праздникъ Патріархъ Илія, Іоаннъ вышелъ изъ келліи своей поклониться Патріарху. Патріархъ любилъ Іоанна и весьма почиталъ его за смиреніе. Четыре года безмолвствовалъ Іоаннъ. Потомъ преподобный отецъ Савва отправился въ страну Скиѳопольскую[2]) и замедлилъ тамъ, а блаженный Іоаннъ, стремясь къ уединеннѣйшему пустынному житію, удалился, на пятидесятомъ году отъ рожденія своего, въ пустыню, называемую Рува[3]), и провелъ въ ней девять лѣтъ,

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 26, ст. 38. Еванг. отъ Марка, гл. 14, ст. 34.

[2]) *Скиѳополь*—городъ, лежавшій въ 620 стадіяхъ отъ Іерусалима. Въ то время онъ былъ въ цвѣтущемъ состояніи и назывался Воротами рая, городомъ пальмъ и маслинъ. Теперь это—бѣдная деревня среди безплодной пустыни.

[3]) Іудейская пустыня, въ которой спасался Іоаннъ, раздѣлялась на нѣсколько частей. Внутренняя часть ея у сѣверо-западныхъ береговъ Мертваго моря называлась *Рува*.

питаясь травой, которая растетъ въ той пустынѣ и зовется мелагрія[1]). Въ первое время своей пустынной жизни, собирая однажды эту траву на пищу себѣ, Іоаннъ заблудился въ дебряхъ и стремнинахъ, не нашелъ убѣжища своего и, въ изнеможеніи отъ ходьбы, упалъ едва живымъ; но внезапно, невидимою Божіею силою, какъ нѣкогда Пророкъ Аввакумъ[2]), былъ восхищенъ и поставленъ въ убѣжищѣ своемъ. Со временемъ преподобный изслѣдовалъ пути той пустыни и узналъ, что разстояніе отъ убѣжища его до того мѣста, гдѣ онъ заблудился, составляло пять поприщъ[3]). Послѣ того пришелъ къ нему одинъ братъ и прожилъ съ нимъ немного времени. Приближался праздникъ Пасхи, и сказалъ братъ старцу:

— Отче, пойдемъ въ Лавру, отпразднуемъ тамъ день Пасхи и потомъ возвратимся. Такой великій праздникъ, а у насъ здѣсь нечего ѣсть, кромѣ сихъ мелагрій!

Святый Іоаннъ не хотѣлъ идти, потому что преподобный Савва еще не возвратился въ Лавру изъ странъ Скиѳопольскихъ, и на зовъ брата отвѣтилъ:

— Братъ! Намъ не дòлжно уходить отсюда. Будемъ вѣровать, что Тотъ, Кто въ теченіе сорока лѣтъ питалъ въ пустынѣ шестьсотъ тысячъ народа Израильскаго,—и насъ здѣсь напитаетъ и въ праздникъ Пасхи пошлетъ намъ не только необходимое, но и изобильное. Въ Писаніи сказано: **не и҆́мамъ тебѐ ѡ҆ста́вити, нижѐ и҆́мамъ ѿ тебѐ ѿстꙋпи́ти**[4]); и въ Евангеліи: **не пецы́тесѧ, глаго́люще, что̀ ꙗ҆́мы, и҆лѝ что̀ пїе́мъ, вѣ́сть бо ѻ҆ц҃ъ ва́шъ и҆б҃ный, ꙗ҆́кѡ тре́бꙋете си́хъ всѣ́хъ. И҆щи́те пре́жде цр҃твїѧ бж҃їѧ и҆ пра́вды є҆гѡ̀, и҆ сїѧ̀ всѧ̀ приложа́тсѧ ва́мъ**[5]). Терпи, чадо, и шествуй путемъ скорбей; покой тѣлесный и ослабленіе въ мірѣ семъ раждаютъ вѣчную казнь, а умерщвленіе тѣла готовитъ покой безконечный.

Не послушалъ братъ сихъ увѣщаній преподобнаго, оставилъ его и ушелъ въ Лавру. По его уходѣ явился къ преподобному нѣкій человѣкъ, совершенно неизвѣстный ему; оселъ его былъ навьюченъ многимъ добромъ: были здѣсь хлѣбы чистые и теплые, вино и елей, сыры свѣжіе, яйца и ведро меда. Все это пришед-

---

[1]) *Мелагрія*—малоизвѣстное пустынное растеніе Палестины горьковатаго вкуса.

[2]) Кн. Прор. Дан., гл. 14, ст. 39. Пророку Аввакуму было повелѣніе отъ Бога—доставить пищу Даніилу, томившемуся во рвѣ львиномъ. Аввакумъ былъ чудесно перенесенъ для сего Ангеломъ изъ Іудеи въ Вавилонъ и подобнымъ же образомъ возвращенъ въ Іудею.

[3]) *Поприще* — немного болѣе нашей версты.

[4]) Посл. къ Евр., гл. 13, ст. 5.

[5]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 31—33.

шій человѣкъ положилъ передъ Іоанномъ и тотчасъ удалился. Видя въ семъ Божіе посѣщеніе, преподобный радостно благодарилъ Бога. Братъ же, ушедшій въ Лавру, сбился съ дороги, три дни блуждалъ по пустынѣ и непроходимымъ мѣстамъ, весьма усталъ и, голодный и жаждущій, въ изнеможеніи отъ трудной ходьбы едва могъ найти снова убѣжище преподобнаго. Удивился онъ обилію брашенъ и питій, ниспосланныхъ отъ Бога на праздникъ преподобному; стыдясь своего маловѣрія, не смѣя смотрѣть въ глаза святому старцу, онъ упалъ къ ногамъ его и просилъ прощенія. Святый простилъ его и сказалъ:

— Убѣдись, братъ, что Богъ можетъ и въ пустынѣ уготовать трапезу рабамъ Своимъ.

Въ то время Аламундарь, вождь сарацинскій[1]), подвластный Персіи, вторгся въ Аравію[2]) и Палестину, съ великимъ ожесточеніемъ нападая на жителей и захватывая ихъ въ плѣнъ. Множество варваровъ разсѣялось тогда по пустынѣ, гдѣ пребывалъ Іоаннъ, и пропла вѣсть по монастырямъ, чтобы были готовы встрѣтить нашествіе варваровъ. Отцы великой Лавры дали знать о варварахъ Іоанну Молчальнику и совѣтовали ему возвратиться въ Лавру и пребывать въ его келліи. Но блаженный Іоаннъ, хотя отчасти и боялся варваровъ, все же не хотѣлъ оставить безмолвнаго своего пребыванія въ пустынѣ. Онъ говорилъ въ себѣ: «Гдⷭ҇ь защи́титель живота̀ моего̀, ѿ кого̀ оу҆страшꙋ́сѧ[3]). Если же Господь не защищаетъ меня, не заботится обо мнѣ, то зачѣмъ мнѣ и жить?» И, въ такомъ упованіи на помощь Вышняго, онъ остался на мѣстѣ своемъ безъ колебанія. Богъ же, пекущійся всегда о рабахъ Своихъ и сохраняющій ихъ во всѣхъ путяхъ ихъ, пожелалъ и сего угодника Своего соблюсти здравымъ и невредимымъ и послалъ ему стражемъ льва великаго и страшнаго, который неотступно днемъ и ночью стерегъ его; и сколько разъ варвары ни нападали на святаго, всегда этотъ левъ съ великой яростью устремлялся на нихъ, поражалъ и обращалъ въ бѣгство, а блаженный Іоаннъ благодарилъ Бога, ꙗ҆́кѡ не ѡ҆ста́ви гдⷭ҇ь жезла̀ грѣ́шныхъ на жре́бій пра̑ведныхъ[4]).

---

[1]) *Сарацинами* обыкновенно называются арабскія разбойническія племена, кочующія въ Аравіи. Иногда же этимъ именемъ означаются всѣ вообще мусульманскіе народы.

[2]) *Аравія* занимаетъ обширный юго-западный полуостровъ Азіи, омываемый водами Персидскаго залива.

[3]) Псал. 26, ст. 1.

[4]) Псал. 124, ст. 3.

Когда преподобный Савва возвратился въ Лавру свою, то пришелъ къ блаженному Іоанну въ пустыню и сказалъ ему:

— Вотъ, Господь сохранилъ тебя отъ нашествія варваровъ, давъ тебѣ видимаго стража. Но все же ты долженъ поступить, какъ и другіе люди: собирайся и бѣги, какъ и прочіе отцы пустынные сдѣлали.

Много и другого говорилъ Іоанну въ увѣщаніе преподобный и убѣдилъ его оставить пустыню. Приведя его въ великую Лавру, онъ далъ ему келлію,—и снова блаженный Іоаннъ сталъ жить въ Лаврѣ, на пятьдесятъ шестомъ году отъ рожденія своего.

Кромѣ святѣйшаго Патріарха Иліи и преподобнаго Саввы, никто не зналъ тайны Іоанна, что онъ епископъ,—а тѣ скрывали ее. Но прошло много времени, и Богъ благоволилъ открыть о томъ всѣмъ братіямъ. Произошло это такъ. Прибылъ изъ страны Асійской нѣкій мужъ, именемъ Еѳерій, почтенный саномъ архіепископа; поклонившись Животворящему Древу Креста Господня и Святымъ мѣстамъ и раздавъ много золота нищимъ и монастырямъ, онъ рѣшилъ возвратиться въ отечество свое, оставилъ Святый Градъ и сѣлъ на корабль. Послѣ недолгаго плаванія поднялся въ морѣ противный вѣтеръ, принудившій Еѳерія вернуться въ Аскалонъ [1]). Пробывъ здѣсь два дня, онъ хотѣлъ снова начать плаваніе, но Ангелъ Господень явился ему во снѣ и сказалъ:

— Прежде, чѣмъ поплывешь въ отечество свое, ты долженъ возвратиться въ Святый Градъ и пойти въ Лавру аввы [2]) Саввы, тамъ найдешь авву Іоанна Молчальника, мужа праведнаго и добродѣтельнаго, епископа, для Бога все оставившаго и смирившаго себя добровольною нищетою и послушаніемъ.

Пробудившись, Еѳерій возвратился въ Іерусалимъ, пришелъ въ Лавру преподобнаго Саввы и спросилъ объ Іоаннѣ Молчальникѣ; ему указали келлію Іоанна. Онъ вошелъ и пробылъ у него два дня, моля его и заклиная Именемъ Божіимъ открыть ему о своемъ родѣ, отечествѣ и епископствѣ. Усматривая въ семъ волю Божію, Іоаннъ разсказалъ все подробно. Съ того времени стало извѣстно всей Лаврѣ, что Іоаннъ Молчальникъ—епископъ, и всѣ весьма дивились великому смиренію его.

---

[1]) *Аскалонъ* — палестинскій городъ съ гаванью, лежавшій на Восточномъ берегу Средиземнаго моря, въ 520 стадіяхъ отъ Іерусалима.

[2]) *Авва* — отецъ; это наименованіе присваивалось преимущественно начальникамъ монастырей.

Въ семидесятый годъ житія Іоанна[1]) въ 5-й день декабря преподобный и богоносный отецъ Савва отошелъ ко Господу. Не пришлось Іоанну быть при разлученіи души отъ тѣла Саввы преподобнаго, и онъ весьма скорбѣлъ о томъ духомъ и плакалъ. Но преподобный Савва явился ему въ видѣніи и сказалъ:

— Не скорби объ отшествіи моемъ, отче Іоанне: если тѣлесно я и разлученъ съ тобою, то духомъ съ тобою пребываю.

Іоаннъ сказалъ ему:

— Моли Господа, отче, да возьметъ и меня съ тобою.

— Нынѣ сего быть не можетъ,—отвѣчалъ Савва,—ибо великое испытаніе ожидаетъ Лавру; Богу же угодно, чтобы ты послужилъ къ укрѣпленію тѣхъ, кто за благочестивую вѣру будетъ стоять противъ еретиковъ.

Это видѣніе и бесѣда съ преподобнымъ Саввою исполнили духовною радостью блаженнаго Іоанна, сердце же его скорбѣло о предстоящемъ испытаніи. Потомъ явилось у него желаніе видѣть, какъ душа разлучается съ тѣломъ; и когда онъ молился о томъ Богу, былъ восхищенъ умомъ въ святый Виѳлеемъ[2]) и видѣлъ преставленіе жившаго при тамошней церкви странника, душу котораго Ангелы съ сладкимъ пѣніемъ возносили къ Небу. Видѣлъ это блаженный Іоаннъ умственными очами. Тотчасъ отправился онъ въ Виѳлеемъ и нашелъ тѣло преставльшагося мужа, лежавшее при церкви, какъ было открыто ему въ видѣніи: мужъ сей преставился въ тотъ часъ, въ который Іоаннъ, сидя въ келліи, видѣлъ душу его, возносимую Ангелами съ пѣснопѣніемъ къ Небу. Съ любовью обнявъ тѣло и облобызавъ, Іоаннъ похоронилъ его на томъ же мѣстѣ и возвратился въ келлію свою.

Два ученика блаженнаго Іоанна, Ѳеодоръ и Іоаннъ, повѣдали монаху Кириллу, описавшему житіе его, слѣдующее:

«По преставленіи преподобнаго Саввы мы были посланы отцомъ нашимъ съ однимъ порученіемъ въ Ливіаду[3]). При переходѣ черезъ Іорданъ встрѣтили насъ нѣкіе люди и сказали: берегитесь, впереди васъ левъ. Мы же помыслили: силенъ Богъ сохранить насъ молитвами отца нашего, по повелѣнію котораго путешествуемъ. Такъ мы сказали и пошли дальше. Вдругъ уви-

---

[1]) Преподобный Савва преставился въ 532 г.

[2]) *Виѳлеемъ*—городъ, въ которомъ родился Іисусъ Христосъ, къ югу отъ Іерусалима.

[3]) *Ливіада*—мѣстность на востокъ отъ Іордана.

дѣли мы страшнаго льва, который шелъ навстрѣчу. Устрашились мы, оставила насъ сила наша, такъ что бѣжать мы не могли и были какъ бы мертвые. И вотъ, внезапно явился между нами отецъ нашъ преподобный Іоаннъ, повелѣвая намъ не бояться. Тогда левъ, какъ бы прогнанный ударомъ бича, бѣжалъ отъ насъ, а отецъ сталъ невидимъ. Отдохнувъ, мы двинулись въ путь невредимые. Исполнивъ повелѣнное намъ послушаніе, мы возвратились къ отцу, и онъ при встрѣчѣ сказалъ: видите, чада, что я оказался въ послушаніи съ вами, да и здѣсь усердно молилъ Бога о васъ, и Онъ сотворилъ съ вами милость».

Вотъ что еще повѣдалъ Кириллу одинъ ученикъ Іоанна. Сей великій воздержникъ много лѣтъ питался однимъ только хлѣбомъ, вмѣсто же соли обыкновенно употреблялъ пепелъ и съ пепломъ ѣлъ хлѣбъ свой. Однажды забылъ онъ затворить оконце келліи во время трапезы своей; ученикъ приникъ ко оконцу и увидѣлъ, какъ Іоаннъ ѣлъ хлѣбъ съ пепломъ. Опечалился старецъ, что видѣли таковое пощеніе его, ученикъ же, желая утѣшить его, сказалъ: «Не ты одинъ дѣлаешь такъ, отче, но и многіе отцы этой Лавры исполняютъ слово Писанія: пе́пелъ ꙗ҆́кѡ хлѣ́бъ ꙗ҆дѧ́хъ»[1]— и этимъ утѣшилъ старца.

Въ то время возникла ересь Оригена. Многіе прельщались ею и смущали Церковь Божію, а иные твердо противились ереси, и таковые нашли себѣ поддержку въ преподобномъ Іоаннѣ Молчальникѣ, который тогда оставилъ безмолвіе и словомъ устъ своихъ, какъ мечомъ, поражалъ еретиковъ, посѣкая и истребляя хульныя ученія Оригена. Объ этомъ-то испытаніи, долженствовавшемъ постичь Лавру, и было предсказано Іоанну Саввою преподобнымъ въ видѣніи: ибо немалое гоненіе отъ еретиковъ было на Лавру, такъ что даже многіе изъ отцовъ-подвижниковъ, заразившись еретическими ученіями, впадали въ сомнѣнія и колебались умомъ. Вотъ ради чего благоизволилъ Богъ, чтобы Іоаннъ здравствовалъ въ Лаврѣ той къ утѣшенію малодушныхъ и укрѣпленію немощныхъ. Въ то время пришелъ къ нему изъ Скиѳопольскаго округа Кириллъ, который впослѣдствіи описалъ житіе его. Кириллъ повѣствуетъ о себѣ самомъ такъ:

«Когда я хотѣлъ оставить домъ мой и идти къ Святому Граду Іерусалиму, чтобы тамъ въ какомъ-либо монастырѣ воспріять иноческое житіе, христолюбивая мать моя заповѣдала мнѣ, чтобы

[1]) Псал. 101, ст. 10.

безъ совѣта и повелѣнія блаженнаго Іоанна не начиналъ я никакихъ дѣлъ для спасенія души моей, «чтобы не поддаться тебѣ какъ-нибудь,—сказала она,—ереси Оригена и не пасть въ началѣ подвига твоего». Достигнувъ Іерусалима, я пришелъ въ Лавру святаго Саввы, поклонился достоблаженному Іоанну, открылъ ему мысль мою и просилъ у него полезнаго совѣта. Онъ сказалъ мнѣ:

— Если хочешь спастись, иди въ монастырь великаго Евѳимія.

Отошелъ я отъ него и, какъ юный и неразумный, не послушалъ повелѣнія его, но, достигнувъ Іордана, вошелъ въ монастырь, называемый Арундинитскій (тростный). Путь мой не былъ благопріятнымъ; я впалъ въ тяжкую болѣзнь, овладѣли мною скорбь и тоска о томъ, что я—странникъ и немощенъ тѣломъ. Тогда явился мнѣ во снѣ преподобный Іоаннъ и сказалъ:

— Такъ какъ ты ослушался меня, то и наказанъ этою болѣзнью. Теперь встань и иди въ Іерихонъ[1]); тамъ въ страннопріимномъ домѣ аввы Евѳимія найдешь нѣкоего стараго инока, слѣдуй за нимъ въ монастырь Евѳимія—и спасешься.

Тотчасъ пробудившись, я почувствовалъ себя вполнѣ здоровымъ и пошелъ, по повелѣнію святаго отца, въ Іерихонъ; тамъ нашелъ, какъ онъ и сказалъ мнѣ, инока стараго, добродѣтельнаго и благоразумнаго, который привелъ меня въ монастырь Евѳимія Великаго, гдѣ я поселился. Часто приходилъ я и въ Лавру святаго Саввы къ преподобному Іоанну и получалъ отъ него великую пользу душѣ моей. Разъ я былъ смущенъ и обремененъ помыслами сатанинскими, но когда исповѣдалъ ихъ преподобному, то молитвами его святыми немедленно получилъ облегченіе, и миръ возвратился въ сердце мое.

Такъ повѣдалъ о себѣ инокъ Кириллъ. Сего-то Кирилла преподобный Іоаннъ посылалъ въ Лавру Сукійскую съ книгами къ преподобному Киріаку отшельнику[2]).

Однажды Кириллъ сидѣлъ у оконца келліи преподобнаго Іоанна. И вотъ, пришелъ нѣкій человѣкъ, именемъ Георгій, ведя сына

---

[1]) *Іерихонъ*—одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ Палестины—находился въ разстояніи 6 часовъ пути отъ Іерусалима, на западномъ берегу Іордана.

[2]) Память его—сентября 29-го.—*Лавра Сукійская* (по Сирскому наименованію, а по-гречески—Старая Лавра) была основана преп. Харитономъ въ первой половинѣ IV в. и находилась въ дикой отдаленной мѣстности въ пустынѣ Іудейской.

своего, мучимаго бѣсомъ, повергъ его передъ оконцемъ и самъ отошелъ. Святый Іоаннъ позналъ, что лежащій и плачущій отрокъ одержимъ духомъ нечистымъ; движимый милосердіемъ, онъ сотворилъ молитву и помазалъ его святымъ елеемъ, и тотчасъ духъ нечистый оставилъ отрока, и онъ съ того часа сталъ здоровъ.

Авва Евстаѳій, подвизавшійся послѣ Сергія въ пещерѣ преподобнаго Саввы, мужъ духовный и благочестивый, повѣдалъ о себѣ: «Нѣкогда нашелъ на меня духъ хулы и весьма смущалъ меня помыслами хульными на Бога и божественное, и былъ я въ великой скорби. Пришелъ я къ блаженному Іоанну Молчальнику, разсказалъ ему бѣду мою и прибѣгъ къ помощи святыхъ его молитвъ. Іоаннъ помолился обо мнѣ Богу и потомъ сказалъ мнѣ: «Благословенъ Богъ, чадо мое! Помыслъ хульный уже не приблизится болѣе къ тебѣ». Слова старца исполнились, ибо съ того времени я не испытывалъ въ себѣ помысла хульнаго».

Нѣкая женщина родомъ изъ Каппадокіи [1]), по имени Василина, діаконисса [2]) святой Константинопольской церкви, пришла въ Іерусалимъ съ племянникомъ своимъ, человѣкомъ знатнымъ; это былъ мужъ поистинѣ добродѣтельный, хотя держался неправомыслія Севера [3]) и потому не находился въ общеніи съ Святой Каѳолической Церковію. Благочестивая діаконисса прилагала много старанія, чтобы обратить его къ благовѣрію и присоединить къ Святой Церкви, и усердно просила каждаго изъ святыхъ отцовъ

---

[1]) *Каппадокія* — самая восточная провинція Малой Азіи, родина великихъ отцевъ и учителей Церкви: Григорія Назіанзина, друга его Василія Великаго и Григорія Чудотворца, епископа Неокесарійскаго.

[2]) *Діаконисса* — съ греч. языка: *служительница*. Такъ назывался особый родъ служебныхъ лицъ въ Церкви, учрежденіе которыхъ восходитъ ко временамъ апостольскимъ (Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 1; 1 Посл. Тимоѳ., 5, 3—10). На должность діакониссъ избирались пожилыя (не моложе 40 л.) дѣвственницы или вдовы. Обязанностями ихъ было наставлять обращающихся женъ и дѣвицъ, какъ онѣ должны держать себя во время Крещенія, прислуживать епископу при ихъ Крещеніи и вмѣсто него совершать помазаніе другихъ частей тѣла, кромѣ чела, и т. д.; наблюдать за порядкомъ и благочиніемъ среди женщинъ во время Богослуженія; посѣщать больныхъ, бѣдствующихъ, заключенныхъ въ темницы; служить исповѣдникамъ и мученикамъ, содержимымъ подъ стражей; помогать неимущимъ и т. под. При Константинопольской церкви полагалось до 40 діакониссъ. Относительно діакониссъ есть нѣсколько каноническихъ правилъ, а именно: IV-го Вселенскаго Собора Правило 15, VI-го Правило 14 и св. Василія Великаго Правило 44-е.

[3]) *Северъ* — Патріархъ Антіохійскій съ 512 по 518 г. — одинъ изъ умѣренныхъ представителей монофизитской ереси, признававшей во Христѣ только одну природу — Божественную, которая будто бы совершенно поглотила въ Немъ человѣческое естество. Но Северъ, настаивая на единой природѣ Христа, допускалъ, однако, въ ней различіе свойствъ божескихъ и человѣческихъ и признавалъ, что плоть Христова до воскресенія была, подобно нашей, тлѣнной.

помолиться о немъ Богу. Услышавъ о святомъ Іоаннѣ, она пожелала и ему поклониться; когда же узнала, что женщины не входятъ въ Лавру, призвала Ѳеодора, ученика Іоанна, и просила его, чтобы онъ пришедшаго съ нею человѣка отвелъ къ святому старцу. Она вѣровала, что Богъ молитвами Іоанна смягчитъ жестокосердіе неправомыслящаго и сотворитъ его достойнымъ общенія съ Каѳолическою Церковію. Ѳеодоръ взялъ поврежденнаго ересью мужа, пришелъ съ нимъ къ старцу, поклонился по обычаю и сказалъ:

— Благослови насъ, отче!

Тогда старецъ сказалъ ученику:

— Тебя благословлю, но пришедшему съ тобою нѣтъ благословенія.

— Нѣтъ, отче,—возразилъ ученикъ,—обоихъ насъ благослови.

Старецъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, не благословлю другаго, пока не отречется онъ отъ злаго еретическаго мудрованія и не обѣщается присоединиться къ Каѳолической Церкви.

Неправомыслящій подивился благодатному прозрѣнію старца; чудо это произвело въ немъ перемѣну, и онъ дѣйствительно обѣщался присоединиться къ правовѣрнымъ. Тогда старецъ благословилъ его, боговдохновенными своими наставленіями разрѣшилъ всѣ сердечныя сомнѣнія его, пріобщилъ его Пречистыхъ Таинъ и отпустилъ его съ миромъ, обративъ къ правовѣрію. Узнавъ о семъ, благочестивая діаконисса Василина прониклась еще сильнѣйшимъ желаніемъ видѣть своими очами святаго старца. Она задумала надѣть мужескія одежды, прійти къ нему въ Лавру и исповѣдать свои помышленія. Извѣщенный Ангеломъ о намѣреніи Василины старецъ послалъ къ ней сказать:

— Знай, что если и такъ прійдешь ко мнѣ, какъ задумала,— все же не увидишь меня; поэтому не трудись, но оставайся на мѣстѣ, гдѣ теперь находишься, я же явлюсь тебѣ въ сновидѣніи, выслушаю, что ты хочешь сказать мнѣ, и самъ скажу, что Богъ укажетъ мнѣ возвѣстить тебѣ.

Ужаснулась діаконисса такой прозорливости преподобнаго Іоанна, что онъ издалека провидитъ помышленія человѣческія, и осталась, ожидая явленія его. Въ одну изъ ночей явился ей въ сновидѣніи преподобный и сказалъ:

— Вотъ, Богъ посылаетъ меня къ тебѣ; скажи же мнѣ, чего ты хочешь?

Она исповѣдала ему помышленія свои и приняла отъ него подобающее врачеваніе душевное. Преподавъ ей наставленіе, преподобный сталъ невидимъ, а Василина, пробудившись, воздала благодареніе Богу.

Мѣсто, гдѣ стояла келлія преподобнаго, было каменисто и сухо; жесткость почвы, совершенно лишенной влаги, не позволяла тамъ расти ни дереву, ни травѣ. Однажды преподобный взялъ сѣмя смоковное[1]) и сказалъ ученикамъ своимъ Ѳеодору и Іоанну:

— Слушайте меня, чада: если, по благодати Божіей, сѣмя это дастъ ростки на семъ твердомъ камнѣ, пуститъ вѣтви и принесетъ плодъ, то знайте, что Богъ даруетъ мнѣ мѣсто упокоенія въ Царствіи Небесномъ.

Сказавъ сіе, онъ посадилъ сѣмя на камнѣ близъ келліи своей. Богъ же, по изволенію Коего процвѣлъ сухой жезлъ Аарона, далъ влагу твердому камню и сѣмени смоковному—произрастеніе, дабы показать, какую имѣетъ у Него благодать вѣрный рабъ Его. Изъ земли выросла смоковница и, понемногу поднимаясь, достигла даже до кровли келліи, потомъ и всю келлію покрыла вѣтвями своими, и со временемъ принесла плодъ—три смоквы. Снявъ ихъ, старецъ со слезами благодарилъ Бога, облобызалъ и вкусилъ ихъ съ учениками. По вкушеніи смоквъ тѣхъ началъ онъ приготовляться къ кончинѣ, уже будучи въ глубокой старости[2]). Проживъ всѣхъ лѣтъ жизни своей сто четыре, онъ скончался[3]) о Господѣ Спасителѣ нашемъ, Емуже слава во вѣки. Аминь.

---

[1]) *Смоковница*—очень распространенное въ Іудеѣ дерево, съ широкими листьями, дававшее очень акусные плоды—смокаы.

[2]) *Преп. Іоаннъ Молчальникъ* скончался въ 558 году. Мощи его, какъ бы живаго, видѣлъ русскій паломникъ игуменъ Даніилъ аъ монастырѣ Саввы Осаященнаго въ началѣ XII вѣка.

[3]) Когда святый достигъ глубокой старости, ученикъ его отворилъ его келлію, чтобы служить ему. «Тогда я—повѣствуетъ онъ,—вошедши къ нему и видя страшное чудо съ растеніемъ, внимательно обдумывалъ, какъ оно укоренилось и нѣтъ ли трещины въ камнѣ, но не могъ ее найти, такъ что въ удиаленіи сказалъ: ѿ глꙋбина̀ бога́тства и҆ премꙋ́дрости и҆ ра́зꙋма бж҃їѧ: ꙗ҆́кѡ неисны́тани сꙋ́дове є҆гѡ̀, и҆ неизслѣ́дованн пꙋтїѐ є҆гѡ̀ (Посл. къ Римл. гл. 11, ст. 33); ибо долгое время жиаущіе въ Лаарѣ знаютъ, что ни иа открытомъ, ни иа закрытомъ мѣстѣ не растетъ смоковница или какое-либо другое дерево, по причинѣ большаго жара и сухости аоздуха Лавры. Если кто укажетъ на деревья малой киновіи Лавры, что при дорогѣ, тотъ да знаетъ, что они суть дѣло молитвы блаженнаго Саваы, нашедшаго глубокую землю и обильныя аоды зимняго потока, раано и дѣло отцовъ киновіи, доиынѣ ао всю зиму иапояющихъ эти дереаья водою изъ потока; притомъ многіе старались иадъ деревьями у потока, гдѣ была глубокая земля и, напояя ихъ въ продолженіе цѣлой зимы, едва въ годъ могли получить произрастеніе, по причинѣ сухости и большаго жара».

ПРЕСТАВЛЕНІЕ ПРЕПОДОБНАГО

САВВЫ СТОРОЖЕВСКАГО

Преподобный отецъ нашъ Савва съ самыхъ юныхъ лѣтъ возлюбилъ Христа и возненавидѣлъ міръ. Онъ пришелъ къ преподобному Сергію Радонежскому и принялъ отъ него постриженіе. Въ иноческомъ образѣ онъ, стремясь къ небеснымъ благамъ, уготованнымъ отъ Господа угодившимъ Ему, съ особенною ревностію боролся со страстями и упражнялся въ добродѣтеляхъ. Много испыталъ онъ отъ бѣсовъ искушеній и соблазновъ, но, помощію Божіею, всѣ ихъ побѣдилъ, непрестанно пребывая въ постѣ, бдѣніи, молитвѣ и другихъ подвигахъ духовныхъ.

Утвердившись въ добродѣтеляхъ, преподобный Савва стяжалъ себѣ добрую славу и уваженіе князей. Христолюбивый князь Георгій Димитріевичъ[1]) пришелъ въ обитель преподобнаго къ блаженному Саввѣ и упросилъ его создать въ его отчинѣ на удобномъ мѣстѣ обитель. Тогда Савва оставилъ обитель преподобнаго Сергія и поселился въ пустынномъ мѣстѣ на горѣ, называемой Сторожи, въ верховьяхъ Москвы-рѣки, близъ Звенигорода, верстахъ въ 50 отъ царствующаго града Москвы; это мѣсто онъ и избралъ для будущей обители. Здѣсь святый Савва жилъ въ совершенномъ безмолвіи и уединеніи, терпя холодъ и зной. Недолго, однако, преподобному пришлось жить одному. Молва объ его подвигахъ и святой жизни начала быстро распространяться, и къ святому Саввѣ стали приходить отовсюду иноки и міряне съ просьбами руководить ими въ духовной жизни. Всѣхъ, приходившихъ къ нему, преподобный принималъ съ любовію, подавая имъ примѣръ въ смиреніи и иноческихъ трудахъ: самъ черпалъ въ рѣкѣ воду, носилъ ее на своихъ плечахъ на высокую гору и исполнялъ другія необходимыя работы. Этимъ онъ желалъ пріучить братію къ труду, чтобы они не губили своихъ дней въ праздности, которая есть мать всѣхъ пороковъ.

---

[1]) Князь Звенигородскій, младшій сынъ Великаго князя Московскаго Димитрія Донскаго.

Послѣ этого христолюбивый князь Георгій Димитріевичъ далъ преподобному необходимыя средства для сооруженія храма, и Савва воздвигъ храмъ въ честь честнáго и славнаго Рождества Пречистыя Богоматери и устроилъ обитель, чудную и великую, для душеспасительнаго пребыванія въ ней иноковъ.

Преподобный былъ добрымъ пастыремъ собраннаго въ этой обители стада Христова и, возведя его на духовную пажить, утвердилъ его во многихъ добродѣтеляхъ. Достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, святый Савва впалъ въ болѣзнь и, созвавъ братію, довольно научилъ ихъ въ Божественныхъ Писаніяхъ, убѣждая ихъ хранить тѣлесную чистоту, жить въ любви между собою, украшаться смиреніемъ и непрестанно пребывать въ постѣ и молитвахъ. Послѣ сего преподобный, поставивъ надъ ними игуменомъ одного изъ своихъ учениковъ, заповѣдалъ всѣмъ братіямъ пребывать у игумена въ послушаніи и повиновеніи. Преподавъ всѣмъ миръ и послѣднее цѣлованіе, святый Савва въ добромъ исповѣданіи предалъ душу свою въ руцѣ Божіи въ 3-й день декабря мѣсяца[1]).

Вѣсть о преставленіи святаго угодника быстро разнеслась по окрестностямъ, и всѣ христолюбивые граждане Звенигорода, какъ знатные, такъ и простой народъ, съ великою любовію собрались на погребеніе почившаго святаго, неся съ собою недужныхъ и больныхъ. Совершивъ надъ почившимъ надгробное пѣніе, съ честію похоронили его въ созданной имъ церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Честны́я мощи преподобнаго Саввы и донынѣ источаютъ многія и различныя исцѣленія всѣмъ, съ вѣрою къ нимъ притекающимъ, во славу Христа Бога нашего, творящаго чрезъ Своихъ угодниковъ и по преставленіи ихъ преславныя чудеса. Господу нашему слава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Сказаніе о чудесахъ преподобнаго Саввы

Спустя много лѣтъ по кончинѣ святаго Саввы, игуменъ его обители Діонисій однажды ночью, совершивъ обычное правило, легъ уснуть. И вотъ, ему явился честны́й инокъ, благообразный и украшенный сѣдинами, и сказалъ ему:

— Діонисій, встань скорѣе и напиши мой образъ.

[1]) Въ 1407-мъ году.

Діонисій спросилъ старца:

— Кто ты, отче, и какъ твое имя?

Благолѣпный старецъ отвѣчалъ:

— Я — Савва, начальникъ мѣста сего.

Пробудившись отъ сна, Діонисій немедленно позвалъ нѣкоего старца, по имени Аввакума, который былъ одинъ изъ учениковъ преподобнаго Саввы, и спросилъ, каковъ былъ собою блаженный Савва. Аввакумъ повѣдалъ игумену, каковъ былъ собою его авва и учитель и въ какомъ возрастѣ онъ скончался. Игуменъ сказалъ ему:

— Именно таковымъ явился мнѣ преподобный Савва въ сію ночь и повелѣлъ изобразить себя на иконѣ.

Такъ какъ Діонисій былъ самъ иконописецъ, то онъ поспѣшилъ написать икону преподобнаго Саввы.

Прп҃бный
Са́вва

Въ обитель преподобнаго Саввы былъ приведенъ бѣсноватый, по имени Іуда. Во время совершенія молебна святому Саввѣ бѣсноватый закричалъ:

— Тяжко мнѣ: я сгораю, — и тотчасъ же сдѣлался здоровъ.

Когда его спросили, почему онъ такъ сильно закричалъ, — онъ сказалъ:

— Я видѣлъ благолѣпнаго старца. Онъ стоялъ на гробѣ преподобнаго Саввы, держалъ крестъ и осѣнилъ имъ меня. Отъ этого креста явилось великое пламя и опалило меня всего. Вотъ отчего я закричалъ, и этимъ пламенемъ отогнанъ былъ отъ меня нечистый духъ.

Однажды иноки обители святаго Саввы возроптали на своего игумена Діонисія. Они составили на него ложный доносъ великому князю Іоанну. Князь повѣрилъ ихъ клеветѣ и велѣлъ игумену немедленно явиться къ себѣ. Узнавъ объ этомъ, игуменъ

былъ въ великой скорби. И вотъ, ночью во снѣ ему явился блаженный Савва и сказалъ:

— Что скорбишь, брате: иди къ великому князю и смѣло говори ему, не предавайся сомнѣнію, ибо Господь Богъ будетъ съ тобою и пошлетъ тебѣ помощь.

Угодникъ Божій явился также и нѣкоторымъ изъ роптавшихъ на игумена и сказалъ имъ:

— Для того ли вы удалились отъ міра, чтобы въ роптаніи совершать свой подвигъ? Вы ропщете, а игуменъ молится за васъ со слезами: что̀ одолѣетъ — ваши ли клеветы, или молитвы отца вашего?

Когда игуменъ и братія явились предъ княземъ и объяснились на судѣ, то клеветники были посрамлены, а игуменъ съ честію возвратился въ монастырь.

Одинъ изъ иноковъ обители преподобнаго Саввы долго и тяжко страдалъ болѣзнію глазъ и совершенно не могъ глядѣть на свѣтъ. Онъ пришелъ ко гробу святаго Саввы, палъ предъ нимъ на колѣна и со слезами просилъ исцѣленія. Свои же больные глаза сталъ онъ отирать покровомъ, лежавшимъ на гробѣ святаго угодника. Увидѣвъ это, другой инокъ, стоявшій тутъ, началъ поносить его, говоря:

— Не получишь ты исцѣленія, а только запылишь свои глаза еще больше пескомъ.

Инокъ, припавшій съ вѣрою ко гробу святаго Саввы, получилъ исцѣленіе, а насмѣхавшійся надъ нимъ братъ внезапно пораженъ былъ слѣпотою и услышалъ голосъ, говорившій ему:

— Ты получилъ, чего добивался, чтобы чрезъ тебя и другіе были научены не смѣяться и не хулить чудесъ, проистекающихъ отъ угодника Божія.

Тогда ослѣпленный съ великимъ страхомъ и рыданіемъ палъ предъ гробомъ преподобнаго Саввы и просилъ прощенія, которое и получилъ, но не тотчасъ, а послѣ многихъ молитвъ, слезъ и покаянія.

Однажды ночью пришли въ монастырь воры, намѣреваясь обокрасть церковь Пречистыя Богородицы. Но когда они подошли къ окну надъ гробомъ преподобнаго, вдругъ предъ ними явилась огромная гора, на которую взойти было совершенно невозможно. Тотчасъ напалъ на нихъ страхъ и трепетъ, и они ушли съ пустыми руками. Все это впослѣдствіи разсказали сами воры, придя въ обитель съ раскаяніемъ, и остальное время своей жизни провели въ покаяніи.

Послѣ того въ обитель пришелъ нѣкій бояринъ, Иванъ Ртищевъ, неся на одрѣ больнаго сына своего, Георгія, который отъ великой слабости не могъ уже говорить. Совершивъ о здравіи Георгія молебное пѣніе, иноки влили больному въ уста монастырскаго кваса. Больной тотчасъ заговорилъ, вкусилъ хлѣба отъ трапезы иноковъ и сталъ здоровъ. Сильно обрадованный исцѣленіемъ сына, родитель его принесъ великое благодареніе Богу и Его угоднику, святому Саввѣ, и сказалъ преподобному, какъ бы живому:

— Преподобный отче! У меня въ домѣ много рабовъ и рабынь, которые страдаютъ различными недугами; вѣрую, если ты захочешь, то и тѣхъ ты можешь исцѣлить.

Попросивъ у игумена кваса, бояринъ возвратился вмѣстѣ съ исцѣленнымъ сыномъ. Когда онъ прибылъ въ домъ свой, то приказалъ привести къ себѣ одну изъ своихъ рабынь, по имени Ирину, страдавшую глухотою и слѣпотою, влилъ ей въ уши монастырскаго кваса и помазалъ имъ ея слѣпыя очи. Тотчасъ Ирина стала видѣть и слышать. Всѣ въ ужасѣ дивились величію Божію. Такъ же, призвавъ одного изъ своихъ рабовъ, Артемія, который семь лѣтъ страдалъ глухотою, бояринъ влилъ ему въ уши того же кваса, и рабъ получилъ исцѣленіе. Послѣ сего онъ привелъ слѣпую дѣвицу, именемъ Кикилію, и она получила исцѣленіе, какъ только ея очи были помазаны квасомъ. Но всѣ таковыя чудеса совершались не отъ кваса, а по молитвамъ преподобнаго Саввы и по великой вѣрѣ боярина Ивана. Спустя нѣсколько времени, заболѣлъ и самъ бояринъ. Употребивъ то же лѣкарство, и онъ получилъ исцѣленіе.

Игуменъ обители преподобнаго Саввы Сторожевскаго Мисаилъ тяжко заболѣлъ и, потерявъ всякую надежду на выздоровленіе, находился при смерти. Однажды пономарь обители Гурій шелъ звонить къ Утрени. Когда онъ проходилъ мимо дверей въ церковь, его встрѣтилъ благолѣпный старецъ и сталъ его спрашивать:

— Какъ здоровье вашего игумена?

Гурій разсказалъ ему о болѣзни игумена. Тогда благолѣпный старецъ сказалъ:

— Иди и скажи игумену, чтобы онъ обратился съ мольбою о помощи ко Пресвятой Богородицѣ и начальнику мѣста сего, старцу Саввѣ,—тогда онъ выздоровѣетъ; ты же, братъ, отвори мнѣ двери, и я войду въ церковь.

Гурій усумнился и не хотѣлъ отворить двери раньше звона, но и не осмѣлился спросить старца, кто онъ и откуда. Явившійся старецъ, не говоря болѣе ни слова, пошелъ къ церковнымъ дверямъ. Двери тотчасъ сами отворились, и старецъ вошелъ ими въ церковь. Гурій въ страхѣ возвратился въ келлію и сталъ упрекать своего помощника:

— Почему ты вечеромъ не заперъ дверей церковныхъ? Сейчасъ я видѣлъ, какъ неизвѣстный мужъ вошелъ въ церковь черезъ открытыя двери.

Но помощникъ Гурія съ клятвою утверждалъ, что онъ съ вечера крѣпко заперъ двери въ церкви. Тогда они зажгли свѣчи, поспѣшили къ церкви и нашли, что двери хорошо заперты, такъ какъ помощникъ Гурія дѣйствительно съ вечера затворилъ двери и тщательно ихъ заперъ. По окончаніи Утрени Гурій повѣдалъ братіи все, что онъ видѣлъ и слышалъ. Всѣ единогласно рѣшили, что явившійся старецъ былъ самъ святый Савва. Игуменъ Мисаилъ, услышавъ о семъ, приказалъ нести себя ко гробу преподобнаго и, усердно прося исцѣленія, и, по молитвамъ Пресвятой Богородицы и преподобнаго Саввы, сталъ совершенно здоровымъ.

Много и другихъ чудесъ и исцѣленій совершилось отъ гроба угодника Божія. И нынѣ они подаются притекающимъ съ вѣрою, благодатію Божіею и по молитвамъ Пресвятой Богородицы и преподобнаго Саввы, коему будемъ молиться и мы, чтобы онъ уврачевалъ наши болѣзни душевныя и тѣлесныя своимъ теплымъ предстательствомъ ко Христу Господу Богу нашему, Емуже слава во вѣки. Аминь.

Тропа́рь прп҃бномꙋ, гла́съ и҃:

Пꙋсты́ни ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ до́брое прозѧбе́нїе прп҃бне: ѿ ю҆́ности бо и҆зво́лилъ є҆сѝ чи́стое житїѐ, дх҃о́вномꙋ твоемꙋ̀ ᲂу҆чи́телю послѣ́дꙋѧ, и҆ тогѡ̀ ᲂу҆че́нїемъ ᲂу҆́мъ къ нб҃нымъ впери́въ, и҆ ста́дꙋ твоемꙋ̀ премꙋ́дръ наста́вникъ показа́лсѧ є҆сѝ тѣ́мъ и҆ хр҃то́съ, ꙗ҆́кѡ пресвѣ́тла тѧ̀ свѣти́льника, чꙋдесы̀ ѡ҆богатѝ: са́вво ѻ҆́тче на́шъ, молѝ сп҃сти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Бж҃днимъ жела́нїемъ распали́всѧ, стра́сти плѡтскі́ѧ воздержа́нїемъ ѿтрѧ́съ, бж҃е́ственнагѡ свѣ́та незаходи́мое свѣти́ло ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ: чꙋде́съ лꙋча́ми всѣ́хъ просвѣща́еши, притека́ющихъ къ ра́цѣ моще́й твои́хъ, са́вво прп҃бне ѻ҆́тче на́шъ.

День четвертый

ЖИТІЕ и СТРАДАНІЕ

СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ

ВАРВАРЫ

Въ царствованіе Максиміана[1]), нечестиваго царя Римскаго, жилъ на Востокѣ, въ Иліополѣ[2]), одинъ человѣкъ знатнаго рода, богатый и знаменитый, по имени Діоскоръ, по происхожденію и по вѣроисповѣданію язычникъ. Онъ имѣлъ дочь, Варвару, которую берегъ какъ зѣницу ока, ибо, кромѣ нея, не было у него больше дѣтей. Когда она начала приходить въ возрастъ, то становилась весьма красивою лицомъ, такъ что во всей той мѣстности не было дѣвицы, подобной ей по красотѣ, почему Діоскоръ соорудилъ для нея высокую и искусно устроенную башню, а въ башнѣ устроилъ великолѣпныя палаты. Въ нихъ онъ заключилъ дочь свою, приставивъ къ ней надежныхъ воспитательницъ и служанокъ, ибо ея мать уже умерла. Сдѣлалъ онъ это для того, чтобы такую красоту ея не могли видѣть простые и незнатные люди; ибо онъ полагалъ, что глаза ихъ недостойны видѣть пре-

---

[1]) Здѣсь разумѣется *Максиміанъ Галерій*, зять и соправитель императора Діоклетіана въ восточной половинѣ Римской имперіи и затѣмъ его преемникъ въ 305—311 г.

[2]) Здѣсь разумѣется *Иліополь Финикійскій*—къ сѣверу отъ Палестины, въ Келесиріи, въ нынѣшней Сирійской области Азіатской Турціи, въ глубокой древности бывшій главнымъ мѣстопочитаніемъ языческаго финикійскаго бога Ваала и центральнымъ пунктомъ для всего восточнаго язычества, но въ концѣ IV в. ставшій разсадникомъ христіанства; впослѣдствіи городъ этотъ былъ постепенно разрушенъ.

красное лицо его дочери. Живя на башнѣ въ высокихъ палатахъ, отроковица находила для себя утѣшеніе въ томъ, что съ этой высоты смотрѣла на горнія и дальнія созданія Божіи — на свѣтила небесныя и на красоту земнаго міра. Однажды, взирая на небо и наблюдая сіяніе солнца, теченіе луны и красоту звѣздъ, она спросила жившихъ съ нею воспитательницъ и служанокъ:

— Кто сотворилъ это?

Также, взглянувъ на красоту земную, на покрытыя зеленью поля, рощи и сады, на горы и воды, спрашивала:

— Чьею рукою все это создано?

Тѣ сказали ей:

— Все это создали боги.

Дѣвица спросила:

— Какіе боги?

Служанки отвѣчали ей:

— Тѣ боги, которыхъ чтитъ твой отецъ и имѣетъ въ своемъ дворцѣ—золотыхъ, серебряныхъ и деревянныхъ—и которымъ поклоняется,—они создали все то, что передъ твоими очами.

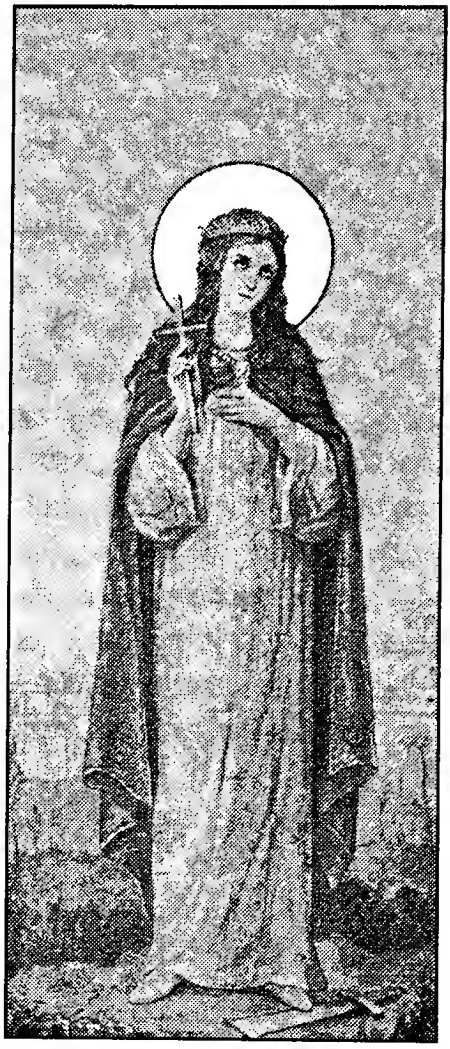
Слыша такія слова ихъ, дѣвица усомнилась и разсуждала сама съ собою:

«Боги, которыхъ почитаетъ мой отецъ, дѣланы руками человѣческими: золотыхъ и серебряныхъ сдѣлалъ мастеръ золотыхъ дѣлъ, каменныхъ—каменосѣчецъ, деревянныхъ—рѣзчикъ по дереву. Какъ же эти сдѣланные боги могли создать такое пресвѣтлое высокое небо и такую красоту земную, когда сами не могутъ ни ходить ногами, ни дѣлать руками?

Размышляя такимъ образомъ, она часто, и днемъ, и ночью, смотрѣла на небо, стараясь по творенію узнать Творца. Однажды, когда она долго смотрѣла на небо и была объята сильнымъ желаніемъ узнать, кто сотворилъ такую прекрасную высоту, ширь и свѣтлость неба, внезапно въ сердцѣ ея возсіялъ свѣтъ Божественной благодати и открылъ умственныя очи ея къ познанію Единаго Невидимаго, Невѣдомаго и Непостижимаго Бога, премудро создавшаго Небо и землю. Она говорила въ себѣ:

«Единъ долженъ быть такой Богъ, Котораго создала не рука человѣческая, но Самъ Онъ, имѣющій собственное бытіе, рукою Своею создаетъ все; Единъ долженъ быть Тотъ, Кто простеръ широту неба, утвердилъ основанія земли и просвѣщаетъ свыше всю Вселенную лучами солнца, сіяніемъ луны и блистаніемъ звѣздъ,

а внизу—украшаетъ землю различными деревьями и цвѣтами и напояетъ рѣками и источниками; Единъ долженъ быть Богъ, Который все содержитъ, всему даетъ жизнь и обо всѣхъ промышляетъ.



Ст҃а́ѧ великомч҃нца
ВАРВА́РА

Такъ отроковица Варвара училась отъ творенія познавать Творца; и сбывались на ней слова Давида: **поꙋчи́хсѧ во всѣ́хъ дѣ́лѣхъ твои́хъ, въ творе́нїихъ рꙋкꙋ̀ твое́ю поꙋча́хсѧ**[1]). Въ такихъ размышленіяхъ разгорѣлся въ сердцѣ Варвары огонь любви божественной и распалилъ ея душу пламеннымъ стремленіемъ къ Богу, такъ что она не имѣла покоя ни днемъ, ни ночью, думая лишь объ одномъ, желая лишь одного: чтобы точно узнать о Богѣ и Создателѣ всего. Среди людей она не могла найти себѣ наставника, кто открылъ бы ей тайны святой вѣры и наставилъ ее на путь спасенія; ибо никому нельзя было къ ней входить, кромѣ приставленныхъ служанокъ, потому что отецъ ея Діоскоръ окружилъ ее бдительною стражею. Но Самъ Премудрѣйшій Учитель и Наставникъ, Духъ Святый, внутреннимъ вдохновеніемъ невидимо поучалъ ее тайнамъ благодати Своей и сообщалъ уму ея познаніе Истины. И жила дѣвица въ своей башнѣ, какъ одинокая птица на кровлѣ[2]), размышляя о небесномъ, а не о земномъ; ибо сердце ея не прилѣплялось ни къ чему земному: не любила она ни золота, ни дорогихъ жемчуговъ и драгоцѣнныхъ камней, ни нарядныхъ одеждъ, ни какихъ-либо дѣвическихъ украшеній, никогда она не помышляла о бракѣ, но вся мысль ея была обращена къ Единому Богу, и она плѣнена была любовію къ Нему.

---

[1]) Псал. **142**, ст. 5.

[2]) Псаломское изреченіе. Ср. Псал. **101**, ст. 8.

Когда пришло время выдать отроковицу замужъ, многіе богатые, благородные и знатные юноши, услышавъ о дивной красотѣ Варвары, просили у Діоскора руки ея. Взойдя на башню къ Варварѣ, Діоскоръ сталъ говорить ей о бракѣ и, указывая ей различныхъ хорошихъ жениховъ, спрашивалъ, съ кѣмъ изъ нихъ она пожелала бы обручиться. Слыша отъ отца такія слова, цѣломудренная дѣвица покраснѣла лицомъ, стыдясь не только слушать, но и подумать о бракѣ; она всячески отказывалась отъ него, не склоняясь на желаніе отца; ибо считала большимъ для себя лишеніемъ дать увянуть цвѣту своей чистоты и потерять безцѣнный бисеръ дѣвства. На неотступныя увѣщанія отца подчиниться его волѣ она много ему возражала и наконецъ объявила:

— Если, отецъ мой, ты еще станешь говорить объ этомъ и будешь принуждать меня къ обрученію, то больше уже не будешь называться отцомъ, ибо я убью себя, и ты лишишься своего единственнаго дѣтища.

Слыша это, Діоскоръ пришелъ въ ужасъ и вышелъ отъ нея, не смѣя больше принуждать ее къ браку. Онъ полагалъ, что лучше будетъ обручить ее по доброй волѣ, а не насильно, и надѣялся, что придетъ время, когда она сама одумается и пожелаетъ выйти замужъ. Послѣ этого онъ замыслилъ отправиться по дѣламъ въ далекій путь, полагая, что Варвара безъ него будетъ скучать, а когда онъ возвратится, то ему легче будетъ убѣдить ее послушаться его повелѣнія и совѣта. Отправляясь въ путь, Діоскоръ приказалъ строить при находившейся въ саду купальнѣ роскошную баню, а въ банѣ сдѣлать два окна, обращенныя на югъ. Приставленнымъ же къ дочери лицамъ онъ приказалъ, чтобы они не препятствовали ей свободно сходить съ башни, куда захочетъ, и дѣлать все, что̀ ей будетъ угодно. Діоскоръ думалъ, что дочь его, бесѣдуя со многими людьми и видя, что многія изъ дѣвицъ обручены и вступили въ бракъ, и сама пожелаетъ выйти замужъ.

Когда Діоскоръ отправился въ путь, Варвара, пользуясь свободою выходить изъ дома и безпрепятственно бесѣдовать съ кѣмъ хочетъ, подружилась съ нѣкоторыми христіанскими дѣвицами и отъ нихъ услыхала Имя Іисуса Христа. Она возрадовалась духомъ о Имени томъ и старалась точнѣе узнать отъ нихъ о Немъ. Новыя ея подруги повѣдали ей все о Христѣ: о Его не-

изреченномъ Божествѣ, о воплощеніи Его отъ Пречистой Дѣвы Маріи, о Его вольномъ страданіи и воскресеніи, также о будущемъ Судѣ, о вѣчномъ мученіи идолопоклонниковъ и нескончаемомъ блаженствѣ вѣрующихъ христіанъ въ Царствѣ Небесномъ. Слушая обо всемъ этомъ, Варвара ощущала сладость въ сердцѣ, пламенѣла любовію ко Христу и желала принять Крещеніе. Случилось въ то время одному пресвитеру придти въ Иліополь, подъ видомъ купца. Узнавъ о немъ, Варвара пригласила его къ себѣ и тайно научилась отъ него познанію Единаго Создателя всего и Вседержителя Бога и вѣрѣ въ Господа нашего Іисуса Христа, чего издавна горячо желала. Пресвитеръ, изложивъ ей всѣ тайны святой вѣры, крестилъ ее во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа и, наставивъ ее, удалился въ свою страну. Просвѣщенная Крещеніемъ, святая Варвара воспламенилась еще большею любовію къ Богу и подвизалась въ постѣ и молитвѣ день и ночь, служа Господу своему, Ему же уневѣстилась, давши обѣтъ сохранять въ непорочности свое дѣвство.

Тѣмъ временемъ производилась, согласно приказанію Діоскора, стройка бани. Однажды святая Варвара сошла съ своей башни посмотрѣть на постройку и, увидѣвъ въ банѣ два окна, спросила рабочихъ.

— Зачѣмъ вы устроили только два окна? Не лучше ли сдѣлать три окна? Тогда и стѣна будетъ красивѣе, и баня свѣтлѣе.

Работники отвѣчали:

— Такъ велѣлъ намъ отецъ твой, чтобы мы устроили на югъ два окна.

Но Варвара настоятельно требовала, чтобы они устроили и третье окно (во образъ Святой Троицы). И когда они не хотѣли этого сдѣлать, боясь ея отца, она сказала имъ:

— Я заступлюсь за васъ предъ отцомъ и отвѣчаю за васъ; а вы сдѣлайте то, что я вамъ приказываю.

Тогда рабочіе, по ея желанію, сдѣлали въ банѣ третье окно. Была тамъ, какъ сказано, купальня, при которой баня и строилась. Купальня эта обложена была тесаными мраморными камнями. Святая Варвара, прійдя однажды къ этой купальнѣ и возрѣвъ на востокъ, начертала перстомъ на мраморѣ изображеніе Святаго Креста, которое такъ ясно отпечатлѣлось на камнѣ, какъ бы выбито было желѣзомъ. Кромѣ того, у той же бани, также на камнѣ, отпечатлѣлся и слѣдъ дѣвической ноги ея; изъ слѣда этого

стала истекать вода, и впослѣдствіи здѣсь было много исцѣленій приходящимъ съ вѣрою[1]).

Прохаживаясь однажды по палатамъ своего отца, святая Варвара увидѣла боговъ его, бездушныхъ идоловъ, стоявшихъ на почетномъ мѣстѣ, и глубоко вздохнула о погибели душъ тѣхъ людей, которые служатъ идоламъ. Затѣмъ она оплевала лица идоловъ, говоря:

— Да будутъ подобны вамъ всѣ, кто вамъ поклоняется и отъ васъ, бездушныхъ, ожидаетъ помощи!

Сказавъ это, она взошла на свою башню. Тамъ она, по обычаю, предалась молитвѣ и посту, всѣмъ умомъ своимъ углубляясь въ богомысліе.

Между тѣмъ, отецъ ея возвратился изъ путешествія. Осматривая домашнія постройки, онъ подошелъ къ вновь выстроенной банѣ и, увидѣвъ въ стѣнѣ ея три окна, началъ съ гнѣвомъ бранить слугъ и рабочихъ, зачѣмъ они ослушались его приказанія и сдѣлали не два, а три окна. Тѣ отвѣчали:

— Не наша была на то воля, но—твоей дочери Варвары: она намъ приказала устроить три окна, хотя мы того не желали.

Діоскоръ тотчасъ призвалъ Варвару и спросилъ ее:

— Зачѣмъ ты велѣла устроить въ банѣ третье окно?

Она отвѣчала:

— Три лучше, чѣмъ два; ибо ты, отецъ мой, приказалъ сдѣлать два окна въ соотвѣтствіе, какъ мнѣ думается, двумъ свѣтиламъ небеснымъ — солнцу и лунѣ[2]), чтобы они освѣщали баню; а я велѣла сдѣлать и третье, во образъ Троичнаго Свѣта, ибо у Неприступнаго, Неизреченнаго, Незаходимаго и Немерцающаго Свѣта Троичнаго Три Окна[3]), Коими просвѣщается всякій человѣкъ, приходящій въ міръ.

---

[1]) И баня съ тремя окнами, строенными въ образъ Святой Троицы, и мраморный камень при источникѣ съ изображеніемъ Креста, и слѣдъ ноги святой Варвары—все это сохранялось въ цѣлости до временъ Симеона Метафраста, который, послѣ Іоанна Дамаскина, описалъ страданія сей святой мученицы. Въ своей исторіи онъ говоритъ объ этомъ такъ: «До сего дня существуетъ сей источникъ, исцѣляющій всякія болѣзни у христолюбивыхъ людей; если бы кто захотѣлъ сравнить его со струями Іордана, или источникомъ Силоамскимъ, или съ Виѳездою, тотъ не погрѣшилъ бы противъ истины, ибо и въ этомъ источникѣ одинаково много чудесъ совершаетъ сила Христова».

[2]) Финикіяне, главнымъ образомъ, обоготворяли свѣтила небесныя. Главными божествами своими они признавали Ваала, или Молоха, въ лицѣ котораго обоготворяли Солнце, и Астарту, въ лицѣ которой обоготворяли Луну.

[3]) Разумѣются Три Ѵпостаси или Лица Единаго, въ Троицѣ славимаго, Бога.

Отецъ пришелъ въ смущеніе отъ новыхъ, поистинѣ дивныхъ, но для него не понятныхъ, словъ дочери. Приведя ее къ тому мѣсту купальни, гдѣ былъ изображенъ на камнѣ перстомъ святой Варвары Крестъ, котораго онъ еще не разсмотрѣлъ, Діоскоръ сталъ спрашивать ее:

— Что такое ты говоришь? Какимъ образомъ свѣтъ трехъ оконъ просвѣщаетъ всякаго человѣка?

Святая отвѣчала:

— Выслушай внимательно, отецъ мой, и пойми, что я говорю: Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, Три Лица Единаго въ Троицѣ Бога, живущаго во свѣтѣ неприступномъ, просвѣщаютъ и оживляютъ всякое дыханіе. Для того я и велѣла устроить въ банѣ три окна, чтобы одно изъ нихъ изображало Отца, другое—Сына, третье—Духа Святаго: такъ, чтобы и самыя стѣны прославляли Имя Святой Троицы.

Затѣмъ, указавъ рукою на Крестъ, изображенный на мраморѣ, она сказала:

— Я также изобразила и знаменіе Сына Божія: по благоволенію Отца и содѣйствіемъ Святаго Духа для спасенія людей воплотился Онъ отъ Пречистой Дѣвы и волею пострадалъ на Крестѣ, изображеніе котораго ты видишь. Начертала я здѣсь знаменіе Креста для того, чтобы сила крестная отгоняла отсюда всю силу бѣсовскую.

Это и многое другое говорила еще премудрая дѣва жестокосердому своему отцу о Святой Троицѣ, о воплощеніи и страданіи Христовомъ, о силѣ Креста и прочихъ тайнахъ святой вѣры, чѣмъ привела его въ страшную ярость.

Діоскоръ воспылалъ гнѣвомъ и, забывъ естественную любовь къ дочери, извлекъ свой мечъ и хотѣлъ пронзить ее, но она обратилась въ бѣгство. Съ мечомъ въ рукахъ Діоскоръ погнался за ней, какъ волкъ за овцою. Онъ уже настигалъ непорочную агницу Христову, въ то время какъ путь неожиданно заградила ей каменная гора. Святая не знала, куда убѣжать отъ руки и меча отца, или лучше сказать—мучителя своего; она имѣла одно только прибѣжище—Бога, у Котораго и просила помощи и защиты, возведя къ Нему душевныя и тѣлесныя очи. Всевышній скоро услышалъ рабу Свою и предварилъ ее Своею помощію, повелѣвъ каменной горѣ разсѣсться предъ нею надвое, какъ нѣкогда предъ первомученицею Ѳеклою, когда она бѣжала отъ развратни-

ковъ[1]). Святая дѣва Варвара скрылась въ образовавшуюся разсѣлину, и тотчасъ скала сомкнулась за нею, давъ святой свободный путь на верхъ горы. Поднявшись туда, она скрылась тамъ въ одной пещерѣ. Жестокій и упорный Діоскоръ, не видя предъ собою бѣгущей дочери, удивился. Недоумѣвая, какимъ образомъ она скрылась изъ глазъ его, онъ старательно искалъ ее долгое время. Обходя гору и разыскивая Варвару, увидалъ онъ на горѣ двухъ пастуховъ, пасущихъ стада овецъ. Пастухи эти видѣли, какъ святая Варвара поднялась на гору и скрылась въ пещерѣ. Подойдя къ нимъ, Діоскоръ спросилъ, не видали ли они бѣжавшей дочери его. Одинъ изъ пастуховъ, человѣкъ сострадательный, видя, что Діоскоръ исполненъ гнѣва, не захотѣлъ выдать неповинную дѣвицу и сказалъ:

— Я не видалъ ея.

Но другой, молча, указалъ рукою на то мѣсто, гдѣ святая скрывалась. Діоскоръ устремился туда, а пастуха, который выдалъ святую, постигла на томъ же мѣстѣ казнь Божія: самъ онъ превратился въ каменный столпъ, а овцы его—въ саранчу.

Найдя въ пещерѣ дочь свою, Діоскоръ сталъ безжалостно бить ее; бросивъ ее на землю, онъ топталъ ее ногами и, схвативъ за волосы, потащилъ къ своему дому. Затѣмъ онъ заключилъ ее въ тѣсной темной хижинѣ, заперъ двери и окна, приложилъ печать, приставилъ стражу и морилъ заключенную голодомъ и жаждою. Послѣ того Діоскоръ отправился къ правителю той страны, Мартіану, и разсказалъ ему все о своей дочери, и повѣдалъ, что она отвергаетъ ихъ боговъ и вѣруетъ въ Распятаго; онъ просилъ правителя, чтобы тотъ, угрозою различныхъ мученій, склонилъ ее къ вѣрѣ отца. Затѣмъ онъ вывелъ святую изъ заключенія, привелъ къ правителю и отдалъ въ его руки, говоря:

— Я отрекаюсь отъ нея, потому что она отвергаетъ боговъ моихъ, и если она не обратится къ намъ снова и не поклонится имъ со мною вмѣстѣ, то не будетъ мнѣ дочерью, а я не буду ей отцомъ; мучай ее, державный правитель, какъ будетъ угодно твоей волѣ.

Увидѣвъ предъ собою дѣвицу, правитель удивился необычайной ея красотѣ и сталъ говорить съ ней кротко и ласково, восхваляя

---

[1]) Память *первомученицы Ѳеклы* сентября 24-го.

красоту и благородство ея. Онъ увѣщавалъ ее не отступать отъ древнихъ отеческихъ законовъ и не противиться волѣ отца, но поклониться богамъ и во всемъ слушаться своего родителя, чтобы не лишиться права получить въ наслѣдство все его имѣніе. Но святая Варвара, изобличивъ мудрою рѣчью тщету языческихъ боговъ, исповѣдывала и прославляла Имя Іисуса Христа, и отрекалась отъ всей суеты земной, богатства и мірскихъ утѣхъ, стремясь къ благамъ небеснымъ. Правитель все еще продолжалъ убѣждать ее не безчестить своего рода и не губить прекрасной и цвѣтущей юности своей. Наконецъ, онъ сказалъ ей:

— Пожалѣй себя, прекрасная дѣва, и поспѣши съ усердіемъ принести вмѣстѣ съ нами жертву богамъ, ибо я милосердъ къ тебѣ и хочу пощадить тебя, не желая предать такую красоту на муки и раны; если же не послушаешься меня и не покоришься, то заставишь меня, хотя бы и противъ моей воли, жестоко тебя мучить.

Святая Варвара отвѣчала:

— Я всегда приношу Богу моему жертву хвалы и хочу сама быть Ему жертвою, ибо Онъ Единъ есть Истинный Богъ, Творецъ неба и земли и всего, что на нихъ; а твои боги—ничто и ничего не создали, какъ бездушные и бездѣйственные, они сами—дѣло рукъ человѣческихъ, какъ говоритъ Пророкъ Божій: **ї҆дѡли ꙗ҆зы̑къ сребро̀ и҆ зла́то, дѣла̀ рꙋ́къ человѣ́ческихъ, и҆ всѝ бо́зи ꙗ҆зы̑къ бѣ́сове: гдⷭ҇ь же нб҃са̀ сотворѝ**[1]). Эти пророческія слова я признаю и вѣрую въ Единаго Бога, Создателя всего, а о вашихъ богахъ исповѣдую то, что они ложны и что напрасна ваша надежда на нихъ.

Разгнѣванный такими словами святой Варвары, правитель тотчасъ повелѣлъ обнажить ее. Это первое мученіе — стоять нагою предъ глазами многихъ мужей, безъ стыда и упорно смотрящихъ на обнаженное дѣвственное тѣло—было для цѣломудренной и чистой дѣвы страданіемъ болѣе тяжкимъ, чѣмъ самыя раны. Затѣмъ мучитель велѣлъ положить ее на землю и сильно бить воловьими жилами долгое время, и земля обагрилась ея кровію. Прекративъ, по приказанію правителя, бичеваніе, мучители стали, усиливая ея страданія, тереть раны святой дѣвы власяницею и острыми черепками. Однако всѣ эти мученія, устремившіяся сильнѣе бури и

[1]) Псал. 113, ст. 12; Псал. 95, ст. 5.

вѣтра на храмъ юнаго и слабаго дѣвическаго тѣла, не поколебали крѣпкой въ вѣрѣ мученицы Варвары, ибо вѣра была основана на камнѣ—Христѣ Господѣ, ради Коего она съ радостію терпѣла такія тяжкія страданія.

Послѣ того правитель велѣлъ заключить ее въ темницу, пока не придумаетъ для нея самыхъ жестокихъ мученій. Еле живая отъ тяжкихъ истязаній, святая Варвара со слезами молилась въ темницѣ возлюбленному Жениху своему, Христу Богу, чтобы Онъ не оставилъ ея въ такихъ тяжкихъ страданіяхъ, и говорила словами Давида: не ѿста́ви мене̑, гдⷭ҇и, бж҃е мо́й, не ѿступи̑ ѿ мене̑: вонми̑ въ по́мощь мою̑[1]). Когда она такъ молилась, въ полночь озарилъ ее великій свѣтъ; страхъ и вмѣстѣ радость ощутила святая въ сердцѣ своемъ: къ ней приближался Нетлѣнный Женихъ ея, желая посѣтить Свою невѣсту. И вотъ, Самъ Царь Славы явился ей въ неизреченной славѣ. О, какъ возрадовалась она духомъ и какую почувствовала на сердцѣ сладость, когда увидѣла Его! Господь же, съ любовію взирая на нее, сказалъ ей Своими сладчайшими устами:

— Дерзай, невѣста Моя, и не бойся, ибо Я съ тобою; Я охраняю тебя; Я взираю на подвигъ твой и облегчаю твои болѣзни; за твои страданія Я уготовляю тебѣ въ Моемъ небесномъ чертогѣ вѣчную награду; итакъ, претерпи до конца, чтобы вскорѣ насладиться вѣчными благами въ Царствіи Моемъ!

Внимая словесамъ Господа Христа, святая Варвара, какъ воскъ отъ огня, таяла отъ желанія соединиться съ Богомъ и, какъ рѣка во время разлива, была преисполнена любовію къ Нему. Утѣшивъ возлюбленную невѣсту Свою Варвару и усладивъ ее Своею любовію, Сладчайшій Іисусъ исцѣлилъ ее и отъ ранъ, такъ что не осталось и слѣда ихъ на ея тѣлѣ. Послѣ того Онъ сталъ невидимъ, оставивъ ее въ неизреченной духовной радости. И пребывала святая Варвара въ темницѣ какъ бы на Небѣ, пылая, подобно Серафимамъ, любовію къ Богу, славословя Его сердцемъ и устами и воздавая благодареніе Господу за то, что Онъ не презрѣлъ, но посѣтилъ рабу Свою, страждущую Имени Его ради.

Жила въ томъ городѣ нѣкая жена, по имени Іуліанія, вѣрующая во Христа и Богобоязненная. Съ той поры, какъ святая Варвара была схвачена мучителями, Іуліанія слѣдила за нею издалека

---

[1]) Псал. 37, ст. 22—23.

и смотрѣла на ея страданія, а когда святая была брошена въ темницу, приникала къ окну темницы, удивляясь тому, что такая юная дѣва, въ самомъ разцвѣтѣ юности и красоты, презрѣла отца своего, весь родъ, богатство и всѣ блага и утѣхи міра и не пощадила своей жизни, но съ усердіемъ положила ее за Христа. Видя же, что Христосъ исцѣлилъ святую Варвару отъ ранъ, она пожелала и сама пострадать за Него и стала приготовляться къ такому подвигу, молясь Подвигоположнику Іисусу Христу, чтобы Онъ послалъ ей терпѣніе въ страданіяхъ. Съ наступленіемъ дня святая Варвара была выведена изъ темницы на нечестивый судъ, для новаго истязанія; Іуліанія издали слѣдовала за нею. Когда святая Варвара стала предъ правителемъ, онъ и бывшіе съ нимъ съ изумленіемъ увидѣли, что дѣва совершенно здорова, свѣтла лицемъ и прекрасна еще больше, чѣмъ прежде, а на тѣлѣ ея нѣтъ никакихъ слѣдовъ понесенныхъ ею ранъ. При видѣ этого правитель сказалъ:

— Видишь ли, дѣвица, какъ заботятся о тебѣ наши боги? Вчера ты была жестоко истерзана и изнемогала отъ страданій, а нынѣ они совершенно тебя исцѣлили и даровали тебѣ здравіе. Будь же благодарна за такое ихъ благодѣяніе — поклонись имъ и принеси жертвы.

Святая отвѣчала:

— Что ты говоришь, правитель, будто исцѣлили меня твои боги, которые сами слѣпы, нѣмы и безчувственны?! Они не могутъ даровать ни слѣпымъ прозрѣнія, ни нѣмымъ—слова, ни глухимъ—слухъ, ни хромымъ—способность ходить, они не могутъ исцѣлять больныхъ, ни воскрешать мертвыхъ: какъ же могли они исцѣлить меня, и за что имъ поклоняться? Исцѣлилъ меня Іисусъ Христосъ, Богъ мой, Который врачуетъ всякія болѣзни и мертвымъ подаетъ жизнь; Ему я съ благодарностію поклоняюсь и себя приношу Ему въ жертву. Но умъ твой ослѣпленъ, и ты не можешь видѣть Сего Божественнаго Цѣлителя и недостоинъ того.

Такая рѣчь святой мученицы привела правителя въ ярость: онъ приказалъ повѣсить мученицу на деревѣ, строгать тѣло ея желѣзными когтями, опалять горящими свѣчами ребра ея и бить по головѣ молотомъ. Святая Варвара претерпѣвала мужественно всѣ эти страданія. Отъ такихъ мученій невозможно было бы остаться въ живыхъ не только ей, юной отроковицѣ, но даже и сильному мужу, если бы не укрѣпляла агницу Христову невидимо сила Божія.

Въ толпѣ народа, смотрѣвшаго на мученія святой Варвары, стояла и Іуліанія. Взирая на великое страданіе святой Варвары, Іуліанія не могла удержаться отъ слезъ и сильно плакала. Исполнившись ревности, она возвысила голосъ изъ народа и начала обличать немилосердаго правителя въ безчеловѣчномъ мучительствѣ и хулить языческихъ боговъ. Тотчасъ она была схвачена и, на вопросъ о томъ, какой она вѣры, объявила, что она—христіанка. Тогда правитель повелѣлъ мучить ее такъ же, какъ Варвару. Іуліанія была повѣшена вмѣстѣ съ Варварою, и ее строгали желѣзными гребнями. А святая великомученица Варвара, видя сіе и испытывая сама мученія, возвела взоръ свой горѣ, къ Богу, и молилась:

— Боже, испытующій сердца человѣческія, Ты знаешь, что я всю себя принесла Тебѣ въ жертву и отдала себя во власть Твоей всесильной десницѣ, стремясь къ Тебѣ и любя Твои святыя заповѣди. Не оставь меня, Господи, но, милостиво призрѣвъ на меня и на сострадальницу мою Іуліанію, укрѣпи насъ обѣихъ и дай намъ силы совершить настоящій подвигъ: дꙋ́хъ оу҆́бѡ бо́дръ, пло́ть же немощна̀[1]).

Такъ молилась святая, и небесная помощь къ мужественному терпѣнію страданій невидимо подавалась мученицамъ. Послѣ сего мучитель велѣлъ отрѣзать у обѣихъ сосцы. Когда это было исполнено и страданіе мученицъ усилилось, святая Варвара, снова возведя очи къ Врачу и Цѣлителю своему, возопила:

— Не ѿве́ржи насъ ѿ лица̀ твоегѡ̀, Христе, и҆ дꙋ́ха твоегѡ̀ ст҃а́гѡ не ѿими̑ отъ насъ, воздаждь намъ, Господи, ра́дость спасе́нїѧ и҆ дꙋ́хомъ вл҃чнымъ оу҆твердѝ насъ въ любви Твоей[2]).

Послѣ такихъ мученій правитель велѣлъ отвести святую Іуліанію въ темницу, а святую Варвару, для большаго посрамленія ея, водить нагою по городу, съ издѣвательствами и побоями. Святая дѣва Варвара, покрываясь стыдомъ, какъ бы одеждою, возопила къ возлюбленному Жениху своему Христу Богу:

— Боже, одѣвающій небо облаками и землю мглою, какъ пеленами[3]), повивающій, Ты Самъ, Царю, покрой наготу мою и

---

[1]) Еванг. отъ Мате., гл. 26, ст. 41; Еванг. отъ Марка, гл. 14, ст. 38.

[2]) Псал. 50, ст. 13—14.

[3]) Выраженія, заимствованныя изъ Св. Писанія. Ср. Псал. 146, ст. 9. Кн. Іова, гл. 38, ст. 10.

сотвори, чтобы очи нечестивыхъ не видѣли тѣла моего и чтобы не до конца была осмѣяна раба Твоя!

Господь Іисусъ Христосъ, взиравшій свыше со всѣми Своими святыми Ангелами на подвигъ рабы Своей, тотчасъ поспѣшилъ къ ней на помощь и послалъ къ ней свѣтлаго Ангела съ свѣтозарною одеждою — покрыть наготу святой мученицы. Послѣ того нечестивые не могли уже больше видѣть обнаженнаго тѣла мученицы, и она обратно была приведена къ мучителю. Послѣ нея водили по городу, также нагою, святую Іуліанію. Наконецъ, мучитель, видя, что не можетъ отвратить ихъ отъ любви ко Христу и склонить къ идолопоклонству, осудилъ обѣихъ на усѣченіе мечомъ.

Діоскоръ, жестокосердый отецъ Варвары, такъ ожесточенъ былъ отъ діавола, что не только не поскорбѣлъ при видѣ великихъ мученій своей дочери, но и не постыдился даже быть ея палачомъ. Схвативъ свою дочь и держа въ рукѣ обнаженный мечъ, Діоскоръ повлекъ ее къ мѣсту казни, которое было назначено на одной горѣ, за городомъ, а одинъ изъ воиновъ велъ за ними святую Іуліанію. Когда онѣ шли, святая Варвара такъ молилась Богу:

— Безначальный Боже, простершій небо какъ покровъ и основавшій на водахъ землю, повелѣвающій солнцу Своему сіять на благихъ и злыхъ и изливающій дождь на праведныхъ и неправедныхъ[1]), услышь и нынѣ молящуюся Тебѣ рабу Твою, услышь, о Царь, и подай благодать Свою всякому человѣку, который будетъ воспоминать меня и мои страданія; да не приблизится къ нему внезапная болѣзнь и да не похититъ его нечаянная смерть, ибо Ты знаешь, Господи, что мы—плоть и кровь и твореніе пречистыхъ рукъ Твоихъ.

Когда она такъ молилась, послышался съ Неба голосъ, призывавшій ее съ Іуліаніей въ горнія селенія и обѣщавшій ей исполненіе просимаго. И шли на смерть обѣ мученицы, Варвара и Іуліанія, съ великою радостію, желая скорѣе разрѣшиться отъ тѣла и предстать предъ Господомъ. Дойдя до назначеннаго мѣста, агница Христова Варвара склонила подъ мечъ свою голову, и была усѣчена руками немилосердаго своего отца, и исполнилось

---

[1]) Выраженія Св. Писанія. Ср. Псалмы 103, ст. 2 и 135, ст. 6. Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 45.

сказанное въ Писаніи: предастъ на смерть отецъ чадо[1]). Святую же Іуліанію обезглавилъ воинъ. Такъ совершили они свой подвигъ[2]). Святыя души ихъ радостно отошли къ своему Жениху-Христу, встрѣченныя Ангелами и съ любовію принятыя Самимъ Владыкою. Діоскора и правителя Мартіана внезапно постигла казнь Божія. Тотчасъ по совершеніи казни тотъ и другой были убиты грозою, и тѣла ихъ молнія сожгла въ пепелъ.

Въ томъ городѣ жилъ одинъ благочестивый человѣкъ, по имени Галентіанъ. Взявъ честныя мощи святыхъ мученицъ, онъ принесъ ихъ въ городъ, похоронилъ съ подобающею честію и устроилъ надъ ними церковь, въ которой много бывало исцѣленій отъ мощей святыхъ мученицъ молитвами и благодатію Отца, и Сына, и Святаго Духа, Единаго въ Троицѣ Бога, Емуже слава во вѣки. Аминь.

О честныхъ мощахъ великомученицы Варвары

Впослѣдствіи честныя мощи святой великомученицы Варвары были перенесены изъ Греціи на Русь, въ Кіевъ, когда, послѣ просвѣщенія русской земли Святымъ Крещеніемъ, русскіе князья находились въ особенно близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ съ греческими царями и брали себѣ въ супруги ихъ сестеръ и дочерей[3]). Во время такихъ близкихъ и дружественныхъ отношеній между греческими и русскими правителями Кіевъ и получилъ изъ Греціи безцѣнный даръ — цѣлебныя мощи святой великомученицы Варвары, какъ объ этомъ повѣствуетъ сказаніе, написанное въ 1670 году игуменомъ Кіевскаго Михайловскаго Златоверхаго монастыря[4]), іеромонахомъ Ѳеодосіемъ Сафоновичемъ[5]) — мужемъ, достойнымъ довѣрія.

---

[1]) Евванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 21. Еванг. отъ Марка, гл. 13, ст. 12.

[2]) Блаженная кончина *св. великомученицы Варвары* и *Іуліаніи* послѣдовала въ 306 г.

[3]) Такъ *св. равноапостольный князь Владиміръ* взялъ себѣ въ жены царевну Анну, сестру Греческихъ императоровъ Василія и Константина. Его внукъ, сынъ Ярослава, *великій князь Всеволодъ*, который княжилъ въ Кіевѣ послѣ старшаго брата Изяслава Ярославича, также имѣлъ женой дочь Греческаго императора Константина Мономаха, отъ которой у него родился сынъ *Владиміръ Мономахъ*, впослѣдствіи Великій князь Кіевскій.

[4]) Михайловскій Златоверхій мужской монастырь, по древнему преданію, построенъ въ первые годы по введеніи на Руси христіанства первымъ митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси Михаиломъ, крестившимъ кіевлянъ въ Днѣпрѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ главный идолъ Перунъ. Но, по первымъ лѣтописнымъ сказаніямъ, онъ основанъ въ 1108 г. Великимъ княземъ Кіевскимъ Святополкомъ Изяславичемъ.

[5]) *Ѳеодосій Сафоновичъ* — учитель и проповѣдникъ кіевскій, съ 1665-го года — игуменъ Златоверхаго Михайловскаго монастыря.

Первою супругою Великаго князя Кіевскаго Святополка Изяславича[1]), нареченнаго во Святомъ Крещеніи Михаиломъ, была греческая царевна Варвара, дочь Византійскаго императора Алексія Комнена[2]). Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Царьграда на Русь царевна Варвара упросила своего отца даровать ей мощи святой великомученицы Варвары, которыя и привезла съ собою въ Кіевъ. Мужъ ея, Великій князь Михаилъ, выстроивъ въ 1108 г. въ Кіевѣ каменную церковь во имя святаго Архистратига Михаила, заступника своего, съ честію положилъ въ ней святыя мощи великомученицы[3]). Во время нашествія на Русскую землю татарскаго хана Батыя[4]) мощи святой великомученицы были сокрыты церковнослужителями въ тайномъ мѣстѣ подъ ступенями каменной лѣстницы, ведшей на верхъ храма. Спустя много лѣтъ послѣ Батыева погрома честныя мощи, по благоизволенію Божію, были обрѣтены, вынуты изъ-подъ спуда и открыто положены съ честію въ томъ же храмѣ.

Въ 1644 году при великомъ ревнителѣ Православія Кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ[5]) Кіевъ посѣтилъ канцлеръ польскаго королевства, Георгій Осолинскій. Придя въ церковь Михайловскаго монастыря для поклоненія честнымъ мощамъ великомученицы Варвары, онъ разсказалъ слѣдующее:

«Я питаю глубокую вѣру въ помощь святой великомученицы Варвары, ибо многіе свидѣтельствуютъ, что тотъ, кто вручаетъ себя ея заступленію, не умретъ безъ покаянія и причастія Божественныхъ Таинъ. Я былъ въ Римѣ и въ западныхъ странахъ и вездѣ спрашивалъ, гдѣ находятся мощи святой великомученицы Варвары—на Западѣ или на Востокѣ. Мнѣ сказали, что на Западѣ не обрѣтается мощей святой великомученицы, нѣтъ ихъ также и на Востокѣ, какъ утверждаютъ бывшіе тамъ, но что онѣ пребываютъ въ здѣшнихъ странахъ. Нынѣ вѣрую, что именно

[1]) *Святополкъ Изяславичъ*—внукъ Ярослава Мудраго и правнукъ св. равноапостольнаго князя Владиміра—княжилъ въ великомъ княжествѣ Кіевскомъ въ 1093—1114 гг.

[2]) *Алексій I Комненъ,* Византійскій императоръ, царствовалъ въ 1081—1118 гг.

[3]) Въ Златоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ, гдѣ мощи св. великомученицы Варвары почиваютъ и донынѣ, положенныя въ 1847 г. въ богатую сребропозлащенную раку. (Ныне мощи св. великомученицы пребывают во Владимирском соборе г. Киева, находящемся в руках анафематствованных раскольников. — *Ред.*)

[4]) Нашествіе Батыя было въ 1240 г.

[5]) *Петръ Могила*—знаменитый поборникъ Православія, былъ мнтрополитомъ Кіевскимъ въ 1631—1646 гг.; извѣстенъ своею борьбою за Православіе съ католиками и уніатами, устройствомъ Кіево-братской школы, изданіемъ богослужебныхъ и душеполезныхъ книгъ, своими проповѣдями и др. сочиненіями.

здѣсь, въ Кіевѣ, находятся истинныя мощи святой великомученицы Варвары».

Поклонившись съ усердною молитвою святымъ мощамъ и съ благоговѣніемъ облобызавъ ихъ, канцлеръ просилъ, чтобы ему дана была нѣкая часть сихъ святыхъ мощей. Ради его великой вѣры ему была дана часть перста правой руки святой великомученицы, которую онъ и принялъ съ великою благодарностію.

Въ 1650 году, при митрополитѣ Кіевскомъ Сильвестрѣ Коссовѣ[1]), литовскій гетманъ князь Янушъ Радзивиллъ взялъ приступомъ городъ Кіевъ. По его желанію ему даны были двѣ части мощей святой великомученицы Варвары, взятыя отъ персей и отъ ребра. Часть отъ персей великомученицы гетманъ отдалъ своей женѣ, княгинѣ Маріи, благочестивой дочери молдовлахійскаго господаря Василія. Когда же Марія скончалась, то хранившаяся у нея часть мощей досталась Кіевскому митрополиту Іосифу Тукальскому[2]) и была принесена имъ въ городъ Каневъ[3]), а по его смерти была перенесена въ городъ Батуринъ[4]), гдѣ и нынѣ почиваетъ въ монастырѣ святаго Николая Чудотворца и, благоговѣйно почитаемая, источаетъ чудесныя исцѣленія. Другую же часть—отъ ребра великомученицы—тотъ же князь Радзивиллъ послалъ въ даръ Виленскому католическому епископу Георгію Тишкевичу, исполняя его желаніе и усердныя просьбы. Принявъ этотъ даръ, епископъ хранилъ его съ честію въ своей палатѣ въ богато украшенномъ ковчегѣ. Спустя нѣкоторое время домъ епископа сгорѣлъ, но ковчегъ съ частію мощей святой великомученицы Варвары остался цѣлъ и невредимъ. Узнавъ объ этомъ, всѣ пришли въ великое изумленіе и прославили Бога и святую великомученицу Варвару. Вѣсть объ этомъ чудѣ была принесена въ Михайловскій монастырь въ 1657 году. А за годъ передъ этимъ, въ 1656 году, былъ въ Кіевѣ Антіохійскій Патріархъ Макарій[5]). Съ великою вѣрою и любовію и со слезами онъ поклонился честнымъ мощамъ святой великомученицы и повѣдалъ слѣдующее:

---

[1]) *Силъвестръ Коссовъ* — митрополитъ Кіевскій, святительствовалъ въ Кіевѣ въ 1647—1657 гг.

[2]) *Іосифъ Нелюбовичъ-Тукалъскій* — съ 1663 г. митрополитъ Кіевскій, извѣстный поборникъ Православія; впослѣдствіи заточенъ былъ Поляками и скончался въ Чигиринѣ.

[3]) *Каневъ* —уѣздный городъ Кіевской губерніи на р. Днѣпрѣ.

[4]) *Батуринъ* —городъ Черниговской губерніи, Конотопскаго уѣзда.

[5]) *Макарій* — Патріархъ Антіохійскій въ 1648—1672 гг.

«Въ моей патріархіи, недалеко отъ Антіохіи, есть городъ Иліополь, въ которомъ пострадала святая великомученица Варвара. Когда я тамъ разспрашивалъ о ея святыхъ мощахъ, то мнѣ сказали, что съ глубокой древности ихъ нѣтъ не только тамъ, но и ни въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ на Востокѣ, но что онѣ пребываютъ въ Русской землѣ, которая нѣкоторыми называется страною варварскою. Нынѣ несомнѣнно вѣрую, что здѣсь почиваютъ истинныя мощи святой великомученицы».

Патріархъ усердно просилъ, чтобы ему дана была часть отъ сихъ святыхъ мощей. Его просьба была исполнена Кіевскимъ митрополитомъ Сильвестромъ, и Патріархъ принялъ часть святыхъ мощей съ великою радостію и благодареніемъ.

Много чудесъ и исцѣленій отъ святыхъ мощей великомученицы совершалось и совершается въ Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ. Чудотворенія сильнѣе громкихъ трубъ провѣщаваютъ всему міру и всѣхъ увѣряютъ въ истинности мощей и благодатной силѣ, черезъ нихъ дѣйствующей. О нѣкоторыхъ изъ этихъ чудесъ предложимъ здѣсь краткія повѣствованія.

Архіепископъ Черниговскій Лазарь Барановичъ[1]) еще прежде, чѣмъ занять епископскую каѳедру, съ 1640 года трудился надъ проповѣданіемъ Слова Божія. Проповѣдуя, между прочимъ, въ праздникъ святыя великомученицы Варвары при честныхъ ея мощахъ, онъ съ глубокою благодарностію и умиленіемъ прославилъ чудо своего исцѣленія отъ тяжкой болѣзни, полученное отъ тѣхъ святыхъ мощей. И, непрестанно прославляя сіе чудо, повѣдалъ о немъ въ своей книгѣ «Труды праздничные», напечатанной въ 1674 году, слѣдующее: «Одержимый тяжкою болѣзнію, я не обращался ни къ какому другому врачу, но прибѣгъ съ мольбою къ мощамъ святыя великомученицы Варвары, съ вѣрою пилъ воду, въ которой была омочена рука великомученицы, и чаша этой воды была мнѣ во спасеніе».

Настоятель Свято-Михайловскаго Златоверхаго Кіевскаго монастыря іеромонахъ Ѳеодосій повѣствуетъ, что когда онъ, по благословенію Кіевскаго митрополита Сильвестра Коссова, въ 1655 г. принялъ начальство надъ обителью, то въ тотъ годъ пришелъ къ нему нѣкій гражданинъ Слуцкій и принесъ ему сдѣланную

---

[1]) *Лазарь Барановичъ* — архіепископъ Черниговскій въ 1657—1693 гг., извѣстный дѣятель Русской Церкви, извѣстенъ своею полемикой съ іезуитами и другими сочиненіями, а также своей проповѣднической дѣятельностью.

изъ серебра руку, которую и просилъ повѣсить при мощахъ святой великомученицы Варвары. Когда же пришедшаго спросили, для чего онъ это сдѣлалъ,—онъ откровенно разсказалъ слѣдующее:

«Рука моя была поражена тяжкою болѣзнію и такъ была скорчена, что я не могъ даже разогнуть ее. Страдая такою неисцѣльною болѣзнію, я вспомнилъ о чудесахъ, проистекающихъ отъ честныхъ мощей святыя великомученицы Варвары. Я помолился святой великомученицѣ объ исцѣленіи моей руки и далъ обѣтъ идти на поклоненіе ея святымъ мощамъ. И вотъ, помощію святой Варвары, скорченная рука моя исцѣлилась; я же, исполняя обѣтъ свой, пришелъ сюда съ благодареніемъ и эту серебряную руку, въ знакъ исцѣленія моей руки, принесъ къ святымъ мощамъ великомученицы».

Тотъ же Ѳеодосій повѣствуетъ, что въ 1660 году во время бывшей тогда междоусобной войны онъ глубоко скорбѣлъ о скудости своего монастыря и объ опасностяхъ для здоровья и жизни. Однажды во время сна онъ увидѣлъ, что стоитъ онъ при мощахъ святой великомученицы Варвары и видитъ, что рака ея полна елея. Святая великомученица ему сказала:

— Не смущайся, я съ вами.

Проснувшись, онъ сталъ размышлять о бывшемъ ему видѣніи и, вспомнивъ, что въ Священномъ Писаніи елей означаетъ милость [1]), сказалъ себѣ:

«Рака, наполненная елеемъ, въ коемъ я видѣлъ лежащую великомученицу, является знаменіемъ того, что, по ея святымъ молитвамъ, въ монастырѣ не будетъ больше скудости и бѣдствій».

Такъ и случилось на самомъ дѣлѣ.

Въ 1666 году Рождественскимъ постомъ, въ который и празднуется память святой великомученицы, два воина, по имени Андрей и Ѳеодоръ, задумали похитить находившееся на мощахъ великомученицы драгоцѣнное украшеніе. Придя ночью въ монастырь, они взломали южныя двери Михайловской церкви и устремились къ мощамъ святыя Варвары. Когда они приблизились къ ея честной ракѣ, внезапно ударилъ страшный громъ, и отъ раки святой на нихъ посыпались огненныя искры. Въ страхѣ воры пали на землю, какъ мертвые, и одинъ изъ нихъ тотчасъ же оглохъ, а другой сошелъ съ ума. Придя немного въ себя, оглохшій, познавъ на себѣ кару Божію и святой великомученицы, вывелъ своего

[1]) Ἔλεος—съ греческаго значитъ: *милость, милосердіе.*

обезумѣвшаго товарища изъ церкви, затворилъ опять церковныя двери и, ничего не взявъ, возвратился домой. Сіе чудо черезъ семь дней съ сокрушеніемъ сердца исповѣдалъ самъ оглохшій предъ своимъ духовнымъ отцомъ, іеромонахомъ Симеономъ, придя въ Михайловскую церковь вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ. Духовникъ наставилъ ихъ, насколько могъ, принести истинное покаяніе и отпустилъ съ надеждою на помощь и исцѣленіе отъ святой великомученицы. Послѣ того Симеонъ, приступая къ совершенію Божественной Литургіи, передъ святымъ алтаремъ повѣдалъ о случившемся настоятелю своему игумену Ѳеодосію.

Въ 1669 году, августа 12 дня, одинъ воинъ, придя въ церковь къ честнымъ мощамъ святой великомученицы Варвары, поклонился имъ съ великимъ благоговѣніемъ и, воздохнувъ, повѣдалъ пономарю и многимъ другимъ слѣдующее:

«Великаго и чудеснаго заступленія святой великомученицы я сподобился. Однажды, находясь въ полку, поѣхалъ я съ другими товарищами на сѣнокосъ, и вотъ напали на насъ Татары и всѣхъ моихъ товарищей взяли въ плѣнъ, спасся одинъ только я. Когда я благодарилъ Бога за свое избавленіе и сожалѣлъ о своихъ товарищахъ, явилась мнѣ святая дѣва Варвара точно въ такой же одеждѣ и вѣнцѣ, какъ она лежитъ здѣсь, и сказала мнѣ: «Знай, что я мученица Варвара, которая освободила тебя отъ Татаръ». И вотъ, я пришелъ сюда къ святымъ ея мощамъ, чтобы возблагодарить ее за ея чудесное заступленіе, а вамъ повѣдать объ этомъ чудѣ».

Въ слѣдующемъ, 1670-мъ году, одинъ кіевлянинъ, по имени Іоаннъ, бывшій сперва простымъ человѣкомъ, а впослѣдствіи и бурмистромъ, заболѣлъ горячкою. Долго страдая этимъ недугомъ, онъ вспомнилъ о святой великомученицѣ Варварѣ, подающей чудесныя исцѣленія отъ своихъ честныхъ мощей. Не имѣя силы, по болѣзни, встать съ постели и дойти до церкви, онъ съ вѣрою въ исцѣленіе послалъ въ Михайловскій монастырь, прося, чтобы ему дали воды, возливаемой на раку святой Варвары. Въ то же время самъ онъ лежалъ въ такомъ страшномъ жару, что языкъ его ссохся. Домашніе совѣтовали ему выпить чего-нибудь, что бы охладить жаръ. Но онъ отвѣчалъ:

— Хотя бы мнѣ пришлось и умереть, я не буду пить ничего до тѣхъ поръ, пока не будетъ принесена вода отъ раки святой великомученицы.

Такъ велика была вѣра его къ святой великомученицѣ. Когда же была принесена отъ ея святыхъ мощей вода, Іоаннъ принялъ ее съ радостію и, съ вѣрою помолившись, выпилъ. Тотчасъ же онъ крѣпко уснулъ, тогда какъ прежде совершенно не могъ спать. И вотъ во снѣ онъ увидалъ, будто бы онъ въ церкви святаго Архистратига Михаила и прекрасная дѣвица говоритъ ему:

— Знаешь ли ты, кто я?

Когда онъ отвѣтилъ, что не знаетъ, дѣвица снова сказала:

— Знай же, что я—мученица Варвара. Много есть людей, которые не вѣруютъ, что въ Михайловскомъ монастырѣ почиваютъ нетлѣнныя мои мощи. Убѣдись теперь самъ въ истинности моихъ мощей и проповѣдуй всѣмъ, чтобы они вѣровали этому; въ знаменіе же сего отнынѣ будь здравъ.

Сказавъ сіе, она сама возлегла въ своей, стоящей на украшенномъ мѣстѣ, ракѣ, а Іоаннъ, тотчасъ же проснувшись, почувствовалъ себя совершенно здоровымъ и какъ бы не болѣвшимъ никогда. Возблагодаривъ Бога и святую Варвару, онъ повѣдалъ не только старшему своему брату—игумену Михайловскаго монастыря Ѳеодосію, но и всѣмъ о чудесномъ своемъ исцѣленіи помощію святой великомученицы и о свидѣтельствѣ ея объ истинности ея мощей.

Слѣдуетъ здѣсь также упомянуть и о лѣвой рукѣ святой великомученицы, съ древнихъ лѣтъ ненаходящейся при ея нетлѣнномъ тѣлѣ; она была оставлена въ Греціи. По прошествіи многихъ лѣтъ при Кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ она принесена была въ Польшу переселившимся туда грекомъ Мозелемъ. Онъ происходилъ изъ царскаго рода Кантакузиныхъ и былъ искуснымъ учителемъ врачебной науки. Принесенная имъ рука была положена въ сооруженной имъ каменной братской церкви въ честь Воздвиженія Креста Господня, въ Волынскомъ городѣ Луцкѣ. Спустя много лѣтъ, при православномъ епископѣ Луцкомъ Гедеонѣ (изъ рода князей Четвертинскихъ), бывшемъ впослѣдствіи митрополитомъ Кіевскимъ[1]), евреи обокрали Луцкую церковь и ту святую руку, лежавшую въ серебряномъ ковчегѣ, похитили вмѣстѣ съ прочею церковною утварью и бросили въ разжженную винокурную печь, гдѣ она, весь день и всю ночь палимая огнемъ, осталась невредимою. Увидя это, безбожные похитители вынули изъ разжжен-

[1]) *Луцкъ*—уѣздный городъ Волынской губерніи. — Гедеонъ святительствовалъ въ Кіевѣ въ 1685—1690 гг.

ной печи чудесно неповрежденную святую руку и тайно ночью старались сокрушить ее желѣзными молотами и, послѣ упорныхъ трудовъ, раздробивъ ее на малыя части, снова бросили въ ту же горящую печь. Дивными судьбами Божіими, это злодѣяніе безбожныхъ евреевъ было вскорѣ обнаружено тщательнымъ разслѣдованіемъ совершившейся кражи и свидѣтельствомъ сосѣдей, что они слышали ночью стукъ молотовъ. Подвергнутые пыткамъ, похитители не хотѣли признаться въ своемъ злодѣяніи. Тогда допрашивающимъ пришла благочестивая мысль выгрести изъ печи пепелъ и просѣять его черезъ рѣшето. Тотчасъ обнаружились малыя частицы сокрушенной руки великомученицы; тамъ же нашли и коралловое украшеніе, бывшее на той рукѣ, которое не обратилось въ пепелъ, но только отъ огня побѣлѣло. Послѣ сего и сами безбожные евреи, вновь подвергнутые пыткамъ, признались въ своемъ злодѣяніи. Съ разрѣшенія епископа Гедеона святая рука великомученицы, сокрушенная злодѣями, вложена была, со всѣми найденными частицами ея и кораллами, въ благолѣпный ковчегъ, нарочно для сего устроенный. Этотъ ковчежецъ съ Крестнымъ ходомъ и свѣчами въ сопровожденіи всего Освященнаго Собора и множества народа съ честью былъ внесенъ въ Луцкую соборную церковь святаго Іоанна Богослова. Чрезъ нѣсколько лѣтъ епископъ Гедеонъ, переселяясь вслѣдствіе гоненія на Православіе изъ Луцка въ Малороссію, привезъ съ собою и тотъ ковчегъ съ раздробленною святою рукою великомученицы Варвары. Когда онъ возведенъ былъ на престолъ Кіевской митрополіи, тогда и святую руку ту, въ томъ же ковчегѣ, съ подобающею честію положилъ въ алтарѣ соборной церкви Кіевской митрополіи въ честь святой Софіи—Премудрости Божіей, гдѣ она и нынѣ благоговѣйно почитается[1]).

---

[1]) Кромѣ того, часть мощей св. великомученицы Варвары—палецъ—хранится въ Москвѣ, въ церкви имени св. великомученицы, на Варваркѣ; есть также и на Аѳонѣ нѣкоторыя части мощей святой Варвары.—Къ вышеприведеннымъ чудесамъ по молитвенному предстательству ея должно присовокупить и чудеса позднѣйшаго времени. Такъ, по чудесному заступленію ея въ 1710 году во время болѣе десяти мѣсяцевъ свирѣпствовавшей и страшно опустошившей Кіевъ и всю Малороссію чумы,—смертоносная язва не коснулась Златоверхаго Свято-Михайловскаго монастыря, гдѣ почиваютъ мощи святой Варвары, и ни одинъ изъ иноковъ обители не умеръ отъ этой болѣзни, хотя ворота монастыря и были постоянно открыты для всѣхъ, желающихъ молитвеннаго утѣшенія. То же благодатное и чудесное заступленіе было явлено святою великомученицею Варварою и въ 1770 году, при вторично опустошившей Южную Россію чумѣ, и нѣсколько разъ въ наше время при холерныхъ эпидеміяхъ. Ежегодно 4 декабря — въ день, посвященный празднованію святой великомученицѣ, — ея честныя мощи торжественно обно-

Тропа́рь великомч҃нцѣ, гла́съ и҃:

Варва́рꙋ ст҃ꙋю почти́мъ: вра̑жїѧ бо сѣ́ти сокрꙋши̑, и̑ ꙗ҆́кѡ пти́ца и̑зба́висѧ ѿ ни́хъ, по́мощїю и̑ ѻ҆рꙋ́жїемъ кр҃та̀, всеч҃тна́ѧ.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Въ тр҃цѣ бл҃гоче́стнѡ пѣва́емомꙋ, послѣ́довавши бг҃ꙋ ст҃ртоте́рпице, і҆дѡльскаѧ притꙋпи́ла є҆сѝ чти́лища: посредѣ́ же по́двига страда́льчествꙋющи, варва́ро, мꙋчи́телей прещє́нїѧ не ᲂу҆страши́ласѧ є҆сѝ мꙋжемꙋ́дреннаѧ, велегла́снѡ пою́щи при́снѡ: тр҃цꙋ чтꙋ̀, є҆ди́но бж҃ество̀.

сятся аокругъ церкаи Михайловскаго монастыря при многочисленномъ стечеиіи народа. Въ началѣ XVIII а. Кіевскимъ митрополитомъ Іоасафомъ Крокоаскимъ (1708—1718 г.) состааленъ Акаенстъ са. аеликомученицѣ Вараарѣ, который и понынѣ поется предъ ея са. мощами.—По народиому вѣрованію, са. аеликомученицѣ Вараарѣ дана отъ Бога особая благодать—спасать отъ неожиданной и нвпрасной смерти, отъ мора, и др. внезапныхъ бѣдствій. Такое аѣрованіе осноаывается отчасти на самомъ житійномъ сказаніи о ней, по которому она молала Бога избаалять отъ аиезапной болѣзни и нечаянной смерти всякаго челоаѣка, который будетъ молитаенно аоспомннать ее и ея страданія,—отчасти—иа аышеприаедеиныхъ чудесахъ ся аъ Саято-Михайлоаскомъ монастырѣ ао арамя эпидемичаскихъ болѣзней.

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ДАМАСКИНА

Преподобный Іоаннъ Дамаскинъ родился въ столицѣ Сиріи Дамаскѣ[1]) отъ знатныхъ и благочестивыхъ родителей[2]), пламенная вѣра коихъ во Христа, испытанная въ скорбяхъ и искушеніяхъ, явилась крѣпче и драгоцѣннѣе гибнущаго, хотя и огнемъ испытаннаго, золота. Тяжкое тогда было время. Сарацины завоевали ту страну и, взявъ сей славный городъ, причиняли всякія бѣды христіанамъ, однихъ—убивая, другихъ—продавая въ рабство и никому не дозволяя открыто исповѣдывать Христа. Въ это время родители Іоанна, покрываемые Промысломъ Божіимъ, были сохранены въ безопасности и здравіи со всѣмъ своимъ имѣніемъ; соблюли они и святую вѣру, ибо Богъ даровалъ имъ возможность снискать благоволеніе у Сарацинъ, какъ нѣкогда Іосифу у Египтянъ[3]) и Даніилу у Вавилонянъ[4]), такъ что злочестивые

---

[1]) *Дамаскъ*—главный, богатѣйшій торговый городъ Сиріи, одинъ изъ древнѣйшихъ во всемъ мірѣ; лежитъ къ сѣверо-востоку отъ Палестины, при р. Барадѣ, протекающей чрезъ него, въ прекрасной и плодоносной равнинѣ, при восточной подошвѣ Анти-Ливана. И въ настоящее время Дамаскъ, входящій въ составъ Турецкой имперіи,—одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Азіи, съ населеніемъ свыше 150 000 чел. жителей.

[2]) *Св. Іоаннъ Дамаскинъ* родился около 680 г. Родовое прозваніе его было Мансуръ.

[3]) Кн. Быт., гл. 41, ст. 37.

[4]) Кн. Прор. Даніила, гл. 2, ст. 48.

Агаряне[1]) не запрещали родителямъ святаго вѣровать во Христа и открыто прославлять Его святое Имя. Кромѣ того, отца святаго Іоанна они поставили городскимъ судіею и начальникомъ народныхъ построекъ[2]). Живя въ такомъ благополучіи, онъ сдѣлалъ много добраго для своей единовѣрной братіи: выкупалъ плѣнныхъ, заключенныхъ въ темницахъ освобождалъ отъ оковъ и избавлялъ отъ смерти и всѣмъ страждущимъ подавалъ руку помощи. Родители преподобнаго были въ Дамаскѣ среди Агарянъ какъ свѣтильники въ ночи, какъ сѣмя во Израили, какъ искра въ пеплѣ. Для того они и сохранены были Богомъ, чтобы черезъ нихъ возгорѣлся въ Церкви Христовой свѣтильникъ, ясно свѣтящій всему міру,—блаженный Іоаннъ Дамаскинъ. Родивъ его по плоти, они поспѣшили сдѣлать его чадомъ свѣта и чрезъ Крещеніе, — что было дѣломъ весьма труднымъ въ то время. Агаряне никому не дозволяли принимать Крещенія, родители же святаго безпрепятственно возродили свое дитя Крещеніемъ и нарекли ему имя, означающее благодать Божію[3]). Отецъ отрока очень заботился, чтобы онъ былъ воспитанъ въ добромъ ученіи и научился не сарацинскимъ обычаямъ, не храбрости воинской, не охотѣ звѣриной, не другому какому-либо мірскому искусству, но кротости, смиренію, страху Божію и познанію Божественныхъ Писаній. Поэтому усердно просилъ онъ Бога послать сыну человѣка мудраго и благочестиваго, который былъ бы для отрока хорошимъ учителемъ и наставникомъ въ добрыхъ дѣлахъ. Родитель святаго услышанъ былъ Богомъ и получилъ желаемое такимъ образомъ.

Дамасскіе разбойники совершали и на сушѣ, и съ моря частые набѣги на сосѣднія страны, захватывали въ плѣнъ христіанъ и, приводя въ свой городъ, однихъ—продавали на рынкахъ, другихъ—предавали смерти. Однажды случилось имъ плѣнить нѣкоего инока, именемъ Косму,—благообразнаго видомъ и прекраснаго душою, происходившаго изъ Италіи. Вмѣстѣ съ прочими плѣнниками они рѣшили продать его на рынкѣ. Тѣ же, которыхъ разбойники хо-

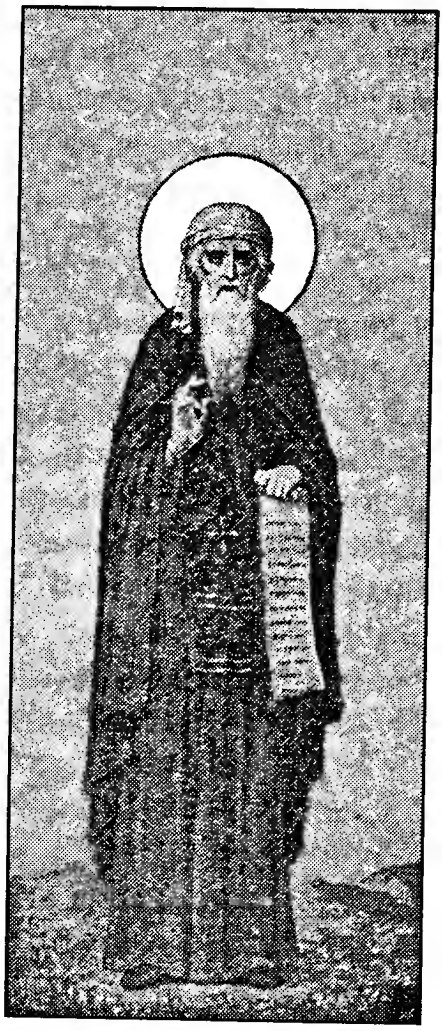
---

[1]) *Агаряне*, или иначе *Сарацины*,—арабскіе бедуины. Наименованіе Агарянъ, означавшее первоначально это кочующее племя, впослѣдствіи распространено было христіанскими писателями на всѣхъ Арабовъ, а затѣмъ стало означать вообще мусульманъ. Агарянами арабскіе бедуины назывались оттого, что, по еврейскому преданію, они были потомками Измаила, сына Агари, рабыни Авраамовой.

[2]) Отецъ св. Іоанна Дамаскина, Сергій Мансуръ, исправлялъ при халифѣ Дамасскомъ Абд-Альмаликѣ (685—705) должность собственно главнаго логоѳета, т. е. распорядителя казною, казначея.

[3]) *Іоаннъ*, въ переводѣ съ еврейскаго, значитъ: *Божія благодать*.

тѣли усѣчь мечомъ, припавъ къ ногамъ сего инока со слезами умоляли его помолиться Богу о душахъ ихъ. Видя, какое почтеніе воздается иноку обреченными на смерть, Сарацины спросили его, какимъ саномъ и почетомъ пользовался онъ въ своемъ отечествѣ среди христіанъ.



Прп҃бный
Іѡа́ннъ дамаски́нъ

Онъ же отвѣтилъ:

— Я не имѣлъ никакого сана, даже не былъ удостоенъ священства; я только грѣшный инокъ, наученный философіи, и не только христіанской, но и той, которую измыслили языческіе мудрецы!

Сказавъ сіе, инокъ горько заплакалъ. Невдалекѣ стоялъ родитель Іоанна; видя плачущаго старца и узнавъ въ немъ по одеждѣ инока, онъ подошелъ къ нему и, желая утѣшить его въ скорби, сказалъ:

— Напрасно, человѣкъ Божій, ты плачешь о потерѣ міра, котораго ты давно отрекся и для котораго умеръ, какъ я вижу по твоему виду и одеждѣ.

— Я плачу,—отвѣтилъ инокъ,—не о потерѣ міра,—для него, какъ ты сказалъ, я умеръ,—и не забочусь ни о чемъ мірскомъ, зная, что есть другая жизнь—лучшая, безсмертная и вѣчная, приготовленная рабамъ Христовымъ, которую надѣюсь и я получить при помощи Божіей; плачу же о томъ, что ухожу изъ сего міра бездѣтнымъ, не оставивъ послѣ себя наслѣдника.

Изумился родитель Іоанна словамъ инока и сказалъ:

— Отче, ты—инокъ, посвятившій себя Богу для сохраненія чистоты, а не для рожденія дѣтей: зачѣмъ ты скорбишь о дѣтяхъ?

Инокъ отвѣтилъ:

— Ты не понимаешь, господинъ, сказаннаго мною: я говорю не о плотскомъ сынѣ и не о земномъ наслѣдствѣ, но о духовномъ. Я, какъ самъ ты видишь, инокъ бѣдный и не имѣю ничего,

но у меня есть большое богатство мудрости, которымъ я обогатился, съ юныхъ лѣтъ трудясь при помощи Божіей. Я изучилъ различныя человѣческія науки: изучилъ риторику, діалектику, философію, преподанную Стагиритомъ и сыномъ Аристона[1]),—знаю землемѣріе и музыку, хорошо изучилъ движеніе небесныхъ тѣлъ и теченіе звѣздъ, такъ что отъ красоты творенія и его премудраго устройства могу придти къ болѣе ясному познанію Самого Творца; наконецъ, я хорошо изучилъ и составленное греческими и римскими богословами ученіе о тайнахъ Православія. Имѣя самъ такія познанія, я никому ихъ не преподалъ, и тому, чему научился, никого не могу теперь учить, ибо не имѣю ни времени, ни ученика, и думаю, что я здѣсь умру отъ меча Агарянъ и явлюсь предъ моимъ Господомъ,—какъ дерево, не принесшее плода, какъ рабъ, сокрывшій въ землю талантъ господина своего[2]). Вотъ о чемъ я плачу и рыдаю. Какъ отцы по плоти скорбятъ о томъ, что, находясь въ супружествѣ, не имѣютъ дѣтей, такъ и я скорблю и тужу, что не имѣю ни одного духовнаго сына, который былъ бы послѣ меня наслѣдникомъ моего богатства мудрости.

Услыхавъ такія слова, отецъ святаго Іоанна обрадовался тому, что нашелъ давно желаемое сокровище, и сказалъ старцу:

— Не печалься, отче; Богъ можетъ исполнить желаніе сердца твоего.

Сказавъ сіе, онъ поспѣшно пошелъ къ сарацинскому князю и, припавъ къ ногамъ его, усердно просилъ отдать ему плѣннаго инока и не получилъ отказа: ему отданъ былъ княземъ сей даръ, который дѣйствительно былъ драгоцѣннѣе многихъ другихъ даровъ. Съ радостію родитель Іоанна привелъ блаженнаго Косму въ свой домъ и утѣшалъ послѣ долгаго страданія, предоставивъ ему удобство и покой.

— Отче,—сказалъ онъ,—будь господиномъ моего дома и соучастникомъ всѣхъ моихъ радостей и скорбей.

---

[1]) *Стагиръ*—городъ на Халкидонскомъ полуостровѣ, гдѣ родился греческій философъ Аристотель (IV в. до Р. Хр.), названный поэтому Стагиритомъ. Сыномъ Аристона здѣсь названъ греческій философъ Платонъ (IV в. до Р. Хр.). *Философія*—наука, занимающаяся изслѣдованіемъ высшихъ вопросовъ бытія: о Богѣ, о началѣ сущности, о законахъ міра и человѣка, о предназначеніи человѣка и конечныхъ цѣляхъ существованія міра и т. п.—*Риторика* и *діалектика*—науки, изслѣдующія законы мышленія и способы ихъ выраженія.

[2]) Евангельское выраженіе изъ притчи о талантахъ. Еванг. отъ Матѳ., гл. 25, ст. 15.

И еще прибавилъ:

— Вотъ, Богъ не только даровалъ тебѣ свободу, но и желаніе твое исполнилъ. Я имѣю сихъ двухъ дѣтей, одинъ—мой сынъ по плоти Іоаннъ, а другой—отрокъ, принятый мною вмѣсто сына, родомъ изъ Іерусалима, сирота съ дѣтства; онъ имѣетъ одно имя съ тобою, ибо его тоже зовутъ Космой. Молю тебя, отче, научи ихъ мудрости и добрымъ нравамъ и наставь ихъ на всякое доброе дѣло, содѣлай ихъ духовными сыновьями своими, возроди и воспитай ученіемъ, и оставь ихъ послѣ себя наслѣдниками того духовнаго богатства, котораго никто не можетъ похитить.

Возрадовался блаженный старецъ Косма, прославилъ Бога и сталъ усердно воспитывать и учить обоихъ отроковъ. Отроки же были разумны, усвояли все преподаваемое учителемъ и успѣшно учились. Іоаннъ, какъ орелъ, парящій по воздуху, постигалъ высокія тайны ученія, а духовный братъ его Косма, какъ корабль, быстро несущійся при попутномъ вѣтрѣ, скоро постигалъ глубину мудрости. Учась усердно и старательно, навыкли они въ короткое время премудрости, изучили грамматику, философію и ариѳметику и сдѣлались подобными Пиѳагору и Діофану[1]); изучили они и землемѣріе такъ, что ихъ можно было признать за новыхъ Евклидовъ[2]). О томъ, какъ они усовершенствовались въ поэзіи, свидѣтельствуютъ составленныя ими церковныя пѣснопѣнія и стихи. Не оставили они и астрономіи, а также хорошо изучили и богословскія тайны. Кромѣ того, они научились добрымъ нравамъ и добродѣтельной жизни и стали вполнѣ совершенными въ знаніи мудрости духовной и мірской. Особенно преуспѣвалъ Іоаннъ. Ему удивлялся самъ учитель, котораго онъ превзошелъ въ нѣкоторыхъ областяхъ премудрости. И былъ Іоаннъ великимъ богословомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ Богодухновенныя и богомудрыя его книги. Но онъ не гордился такой своей мудростью. Какъ дерево плодовитое—чѣмъ больше возроститъ плодовъ, тѣмъ ниже преклоняется къ землѣ вѣтвями, такъ и Іоаннъ — чѣмъ болѣе преуспѣвалъ въ мудрости, тѣмъ менѣе о себѣ думалъ и умѣлъ укрощать въ себѣ суетныя мечтанія юности и помышленія страстныя, душу же свою, какъ свѣтильникъ, наполненный елеемъ, возжигать огнемъ Божественнаго желанія.

---

[1]) *Пиѳагоръ* — знаменитый греческій философъ VI в. до Р. Хр. *Діофанъ* — александрійскій математикъ IV в. по Р. Хр.

[2]) *Евклидъ* — математикъ III в. до Р. Хр.

И сказалъ однажды учитель Косма отцу Іоанна:

— Желаніе твое, господинъ, исполнилось: отроки твои хорошо научились, такъ что и меня уже превосходятъ мудростію: такимъ ученикамъ недостаточно быть равными своему учителю. Благодаря большой памяти и непрестаннымъ трудамъ они въ совершенствѣ постигли всю глубину премудрости; Богъ же умножилъ ихъ дарованіе. Дальше ихъ учить мнѣ не требуется: они сами уже способны учить другихъ. Поэтому умоляю тебя, господинъ, отпусти меня въ монастырь, гдѣ я самъ буду ученикомъ и научусь высшей мудрости отъ совершенныхъ иноковъ. Та мірская философія, которой я научился, посылаетъ меня къ философіи духовной, которая достойнѣе и чище мірской, ибо она приноситъ пользу и спасаетъ душу.

Услыхавъ сіе, отецъ Іоанна опечалился, не желая лишиться таковаго достойнаго и мудраго наставника. Однако онъ не осмѣлился удерживать старца, чтобы не опечалить его, исполнилъ его желаніе и, щедро наградивъ, отпустилъ съ миромъ. Инокъ же удалился въ Лавру преподобнаго Саввы[1]) и, благополучно поживъ тамъ до своей смерти, отошелъ къ совершеннѣйшей Премудрости—Богу. Черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ и отецъ Іоанна. Князь сарацинскій, призвавъ Іоанна, предложилъ ему стать первымъ своимъ совѣтникомъ; Іоаннъ отказывался, имѣя другое желаніе—въ безмолвіи работать Богу. Однако онъ принужденъ былъ повиноваться и противъ желанія принять начальство,— и получилъ онъ въ городѣ Дамаскѣ власть большую, чѣмъ его родитель[2]).

---

[1]) *Преподобный Савва,* т. н. *Освященный,* великій пустынникъ Палестинскій (память его—5-го декабря), ученикъ и сподвижникъ преподобныхъ Евѳимія и Ѳеодосія Великихъ, впослѣдствіи подвизался уединенно въ пустынѣ близъ Іерусалима, гдѣ въ 484 году основалъ въ 12 верстахъ отъ Іерусалима монастырь, извѣстный послѣ подъ именемъ Лавры Саввы Освященнаго.

[2]) Высшей власти при дворѣ св. Іоанъ Дамаскинъ достигъ при калифѣ Велидѣ (705—715 г.), у котораго онъ былъ ближайшимъ совѣтникомъ и министромъ. Но, принявъ на себя обязанности новаго званія, онъ никогда не забывалъ своего высшаго служенія— Іисусу Христу и всегда старался быть вѣрнымъ истинѣ Христовой и полезнымъ св. Церкви. Возвѣщеніе Истины Христовой и обличеніе лжеученій стало для Іоанна главнымъ дѣломъ жизни. И онъ, съ первыхъ же поръ своей дѣятельности, выступилъ на борьбу съ еретиками того времени: съ пользовавшимися покровительствомъ въ Сиріи *несторіанами,* разделявшими человѣческое и Божеское естество въ Іисусѣ Христѣ и учившими, что отъ Дѣвы Маріи родился человѣкъ Іисусъ, съ Которымъ, съ момента зачатія Его, соединился Богъ Слово Своею благодатію и обиталъ въ Немъ, какъ въ храмѣ; и съ *монофизитами,* или *яковитами,* признававшими во Христѣ одно Божественное естество, которое будто бы поглотило въ Немъ человѣческое естество. Противъ послѣднихъ Іоаннъ Дамаскинъ

Въ то время въ Греціи царствовалъ Левъ Исаврянинъ[1]), который звѣрски, подобно рыкающему льву, возсталъ на Церковь Божію. Извергая иконы изъ святыхъ храмовъ, онъ предавалъ ихъ пламени, а православно вѣрующихъ и поклоняющихся святымъ иконамъ немилосердно терзалъ лютыми мученіями. Услыхавъ о семъ, Іоаннъ возгорѣлся ревностію благочестія, подражая Иліи Ѳесвитянину и одноименному себѣ Предтечѣ Христову. Взявъ мечъ Слова Божія, онъ началъ имъ отсѣкать, какъ бы голову, еретическое мудрованіе нечестиваго царя; онъ разослалъ много посланій о почитаніи святыхъ иконъ тѣмъ правовѣрнымъ, которые ему были извѣстны. Въ сихъ посланіяхъ, на основаніи Св. Писанія и древняго преданія Богоносныхъ отцовъ,—онъ мудро показалъ, какъ нужно воздавать должное поклоненіе святымъ иконамъ. Тѣхъ, кому онъ писалъ, Іоаннъ просилъ показать его Посланія другимъ единовѣрнымъ братіямъ для утвержденія ихъ въ Православіи. Такъ стремился святый наполнить всю вселенную Богодухновенными своими Посланіями[2]). Распространившись по всему Греческому царству, они утверждали православныхъ въ благочестіи, а еретиковъ поражали какъ бы остнами[3]). Слухъ о семъ дошелъ до самого царя Льва, который, не вынося обличенія своего нечестія, призвалъ къ себѣ единомышленныхъ ему еретиковъ и повелѣлъ имъ, чтобы они,

---

написалъ довольно пространное, основательное сочиненіе въ защиту чистой, православной вѣры. Кромѣ того, онъ боролся съ выродившимся изъ монофизитства *монофелитствомъ,* признававшимъ въ Христѣ одну только волю Божественную; и съ остатками древнихъ ученій гностическихъ, соединенными съ лжеученіями манихейскими—съ ересью т. н. *павликіанъ,* признававшихъ, кромѣ благаго Бога, сотворившаго чистаго Духа и открывшагося въ христіанствѣ, еще злое начало—деміурга, сотворившаго видимый міръ и тѣло человѣческое и открывшагося въ іудействѣ и язычествѣ; воплощеніе Сына Божія, по ученію павликіанъ было только кажущимся; всѣ обряды и внѣшнія учрежденія Церкви они отрицали. Наконецъ, Іоаннъ Дамаскинъ написалъ также апологію противъ магометанства, которое въ то время господствовало въ Сиріи.

[1]) *Левъ Исаврянинъ* царствовалъ въ Византійской имперіи въ 716—741 гг.

[2]) Св. Іоаннъ Дамаскинъ написалъ сочиненіе въ защиту св. иконъ и послалъ его въ Константинополь, гдѣ, между прочимъ, писалъ: «сознавая мое недостоинство, безъ сомнѣнія я долженъ бы молчать и только оплакивать грѣхи мои предъ Богомъ; но видя, что Церковь Божія волнуется жестокою бурею, думаю, что теперь не время молчать; боюсь Бога болѣе, чѣмъ государя земнаго, между тѣмъ власть государя такъ велика, что легко можетъ увлекать народъ». Но оскорбительнаго въ этомъ сочиненіи по отношенію къ императору Льву св. Іоаннъ ничего не сказалъ. По просьбѣ друзей своихъ, Іоаннъ написалъ еще одно за другимъ два Посланія въ защиту св. иконъ. Посланія Іоанна съ жаждою читали въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ; немощные поддержаны были ими въ Православіи, а сильные укрѣплялись въ силѣ.

[3]) *Остенъ, остна, оснъ*—остроконечная трость, употреблявшаяся для побужденія ословъ и воловъ идти скорѣе.

принявъ ложный видъ благочестія, отыскали между православными какое-нибудь посланіе Іоанна, писанное его собственной рукой, и попросили почитать какъ бы для своей пользы. Послѣ многихъ стараній соучастники сего злобнаго замысла нашли гдѣ-то у вѣрующихъ одно Посланіе, написанное собственною рукою Іоанна, и, льстиво выпросивъ, отдали его въ руки царю. Царь же поручилъ искуснымъ писцамъ, чтобы они, смотря на письмо Іоанна, такими же буквами написали отъ лица святаго посланіе къ нему—царю Льву, какъ будто писанное собственноручно Іоанномъ и присланное изъ Дамаска. Посланіе же сіе было таково:

«Радуйся, царь, и я радуюсь твоей державѣ во имя общей вѣры нашей, и воздаю поклоненіе и подобающую честь царскому твоему величеству. Извѣщаю тебя, что городъ нашъ Дамаскъ, находящійся въ рукахъ Сарацинъ, плохо охраняется и совсѣмъ не имѣетъ крѣпкой стражи, войско въ немъ—слабое и малочисленное. Умоляю тебя, будь милостивъ къ сему городу, ради Бога, пошли мужественное твое войско. Показавъ видъ, что оно намѣревается идти въ другое мѣсто, оно можетъ нечаянно напасть на Дамаскъ, и тогда ты безъ труда возьмешь городъ въ свое владѣніе; въ семъ много помогу и я, потому что городъ и вся страна—въ моихъ рукахъ».

Написавъ себѣ отъ лица Іоанна такое посланіе, хитрый царь повелѣлъ написать отъ себя сарацинскому князю такъ:

«Нѣтъ ничего лучше, думаю я, какъ имѣть миръ и находиться въ дружбѣ, ибо сохранять мирныя обѣщанія — весьма похвально и Богу любезно; посему и миръ, заключенный съ тобою, я желаю сохранить честнымъ и вѣрнымъ до конца. Однако нѣкій христіанинъ, живущій въ твоемъ государствѣ, частыми своими посланіями ко мнѣ побуждаетъ меня нарушить миръ и обѣщаетъ мнѣ отдать городъ Дамаскъ въ мои руки безъ труда, если я неожиданно пришлю свое войско. Посылаю тебѣ одно изъ тѣхъ посланій, которыя писалъ сей христіанинъ,—это убѣдитъ тебя въ моей дружбѣ; а въ томъ, кто осмѣливается такъ писать мнѣ, ты увидишь измѣну и вражду и будешь знать, какъ казнить его».

Сіи два письма нечестивый царь Левъ послалъ съ однимъ своимъ приближеннымъ въ Дамаскъ къ князю Сарацинъ. Принявъ и прочтя ихъ, князь призвалъ Іоанна и показалъ ему то лживое

письмо, которое было писано къ царю Льву. Іоаннъ, читая и разсматривая посланіе, сказалъ:

— Буквы въ этой хартіи нѣсколько походятъ на письмо моей руки, однако не моя рука писала сіе, ибо мнѣ никогда и въ умъ не приходило писать царю Греческому; не можетъ быть, чтобы я своему господину служилъ лукаво.

Іоаннъ понялъ, что сіе было дѣломъ вражеской, злой, еретической хитрости. Но князь, придя въ ярость, повелѣлъ отсѣчь неповинному Іоанну правую руку. Іоаннъ усердно просилъ князя, чтобы онъ подождалъ и далъ ему нѣсколько времени для выясненія своей невинности и той ненависти, какую питаетъ къ нему злой еретическій царь Левъ, но онъ не достигъ просимаго. Сильно разгнѣванный князь повелѣлъ тотчасъ совершить казнь. И отрубили правую руку у Іоанна — ту руку, которая укрѣпляла правовѣрныхъ о Богѣ; эта рука, обличавшая своими писаніями ненавидящихъ Господа, вмѣсто чернилъ, коими писала о почитаніи иконъ, была омочена своею собственною кровью. Послѣ казни рука Іоанна повѣшена была на рынкѣ, среди города, а самъ Іоаннъ, изнемогшій отъ боли и потери крови, былъ отведенъ въ домъ свой. При наступленіи вечера, узнавъ, что гнѣвъ князя уже прошелъ, блаженный послалъ къ нему такую просьбу:

«Увеличивается болѣзнь моя, и невыразимо меня мучаетъ; не могу имѣть отрады до тѣхъ поръ, пока усѣченная моя рука будетъ висѣть на воздухѣ; молю тебя, господинъ мой, прикажи отдать мнѣ мою руку, чтобы я могъ похоронить ее въ землѣ, ибо я полагаю, что если она будетъ погребена, то получу облегченіе въ моей болѣзни».

Мучитель внялъ сей просьбѣ и повелѣлъ снять руку съ общественнаго мѣста и отдать Іоанну. Взявъ усѣченную руку, Іоаннъ вошелъ въ свою моленную комнату и, павши на землю предъ святою иконою Пречистой Богоматери, изображенной съ Богомладенцемъ на рукахъ, приложилъ отсѣченную руку къ суставу и сталъ молиться со слезами и воздыханіемъ, исходящимъ изъ глубины сердечной:

«Владычице Пречистая Мати, рождшая Бога Моего, вотъ, правая моя рука отсѣчена ради Божественныхъ иконъ. Ты знаешь, что привело Льва во гнѣвъ; поспѣши же на помощь и исцѣли мою руку. Десница Вышняго, воплотившаяся изъ Тебя, ради молитвъ Твоихъ совершаетъ многія чудеса, посему молю я, чтобы и

мою десницу исцѣлилъ Онъ по Твоему ходатайству. О Богомати! Пусть сія рука моя напишетъ то, что Ты Сама позволишь въ восхваленіе Тебя и Сына Твоего, и да поможетъ своими писаніями православной вѣрѣ. Ты можешь все сдѣлать, если захочешь, потому что Ты—Матерь Божія».

Говоря сіе со слезами, Іоаннъ уснулъ и увидѣлъ во снѣ Пречистую Богоматерь, взирающую съ иконы на него свѣтлыми и милосердными очами и говорящую:

— Рука твоя теперь здорова, не скорби объ остальномъ, но усердно трудись ею, какъ обѣщался мнѣ; сдѣлай ее тростію скорописца.

Проснувшись, Іоаннъ ощупалъ свою руку и увидалъ ее исцѣленною. Онъ возрадовался духомъ о Богѣ Спасителѣ своемъ и Его Пренепорочной Матери, что Всемогущій сотворилъ надъ нимъ такое чудо. Возставъ и воздѣвъ руки къ Небу, онъ вознесъ благодареніе Богу и Богоматери. И радовался онъ всю ночь со всѣмъ домомъ, воспѣвая новую пѣснь:

— **Десни́ца твоѧ̀, гдⷭ҇и, просла́внсѧ въ крѣ́пости**[1]); десная Твоя рука исцѣлила мою усѣченную десницу и сокрушитъ враговъ, не почитающихъ честна́го Твоего и Твоей Пречистой Матери образа, и уничтожитъ ею, для возвеличенія славы Твоей, враговъ, уничтожающихъ иконы.

Когда Іоаннъ такимъ образомъ радовался съ домашними и воспѣвалъ благодарственныя пѣсни, услышали сіе сосѣди и, узнавъ о причинѣ радости и веселія его, очень удивлялись. Вскорѣ узналъ о семъ и князь сарацинскій и, тотчасъ призвавъ Іоанна, приказалъ показать ему усѣченную руку. На суставѣ, отъ котораго была отсѣчена рука, оставался наподобіе красной нити знакъ, образовавшійся изволеніемъ Богоматери для очевиднаго показанія бывшаго отсѣченія руки. Увидавъ сіе, князь спросилъ:

— Какой врачъ и какимъ лѣкарствомъ такъ хорошо присоединилъ руку къ суставу, и такъ скоро исцѣлилъ и оживилъ ее, какъ будто она и не была отсѣченною и мертвою?

Іоаннъ не скрылъ чуда и во всеуслышаніе сказалъ о немъ:

— Господь Мой, Всемогущій Врачъ, услышавъ чрезъ Пречистую Свою Матерь мою усердную молитву, исцѣлилъ Всемогущею Своею силою мою рану и сдѣлалъ здоровою руку, которую ты повелѣлъ отсѣчь.

[1]) Кн. Исх., гл. 15, ст. 6.

Тогда князь воскликнулъ:

— Горе мнѣ! Не разсмотрѣвъ клеветы, неправедно осудилъ я и невинно казнилъ тебя, человѣкъ добрый; прошу тебя, прости намъ, что мы такъ скоро и неразумно осудили тебя, пріими отъ насъ прежній санъ твой и прежнюю честь и будь нашимъ первымъ совѣтникомъ. Съ этихъ поръ безъ тебя и твоего совѣта ничего не будетъ совершаться въ нашемъ государствѣ.

Но Іоаннъ, упавъ въ ноги князю, долго просилъ, чтобы онъ отпустилъ его отъ себя и не препятствовалъ ему слѣдовать за Господомъ своимъ съ тѣми иноками, которые отверглись себя и подъяли на себя иго Господне. Князю же не хотѣлось отпустить его, и онъ старался убѣдить Іоанна остаться начальникомъ надъ домомъ его и распорядителемъ всего его государства. И былъ между ними долгій споръ: одинъ другого просилъ, одинъ другого старался побѣдить просьбой. Съ трудомъ Іоаннъ достигъ своего: хотя и нескоро, но все же упросилъ онъ князя, и ему дана была свобода дѣлать то, что ему угодно.

Возвратившись въ свой домъ, Іоаннъ тотчасъ роздалъ свои безчисленныя имѣнія нуждающимся, рабовъ отпустилъ на свободу, а самъ съ соученикомъ своимъ Космою[1]) отправился въ Іерусалимъ. Тамъ, поклонившись Святымъ мѣстамъ, пришелъ онъ въ Лавру святаго Саввы и сталъ умолять игумена, чтобы онъ принялъ его, какъ заблудшую овцу, и пріобщилъ къ избранному своему стаду. Игуменъ и вся братія узнали святаго Іоанна, потому что онъ былъ уже въ славѣ и его знали всѣ благодаря его власти, почестямъ и великой премудрости. И радовался игуменъ тому, что такой человѣкъ пришелъ въ смиреніе и нищету и хочетъ быть инокомъ. Принявъ его съ любовію, игуменъ призвалъ одного изъ братій, наиболѣе опытнаго и потрудившагося въ подвигахъ, желая поручить ему Іоанна подъ начало, чтобы онъ научилъ его и духовному любомудрію, и иноческимъ подвигамъ[2]). Но тотъ отказался, не желая быть учителемъ такого человѣка, который своею ученостію превосходилъ многихъ. Игуменъ позвалъ другого инока, но и этотъ не пожелалъ; также

---

[1]) Соученикъ и другъ Дамаскина *Косма*, впослѣдствіи *епископъ Маюмскій*, одинъ изъ величайшихъ пѣснописцовъ Восточной Православной Церкви. Память его празднуется Церковію 12-го октября.

[2]) По уставу св. Саввы Освященнаго, каждый новопоступающій поручаемъ былъ для испытанія, надзора и вразумленія старцу, опытному въ духовной жизни. Такъ поступили и съ Іоанномъ, несмотря на то, что его благочестивая жизнь и обширная ученость были извѣстны по всему Востоку.

и третій и четвертый и всѣ прочіе отказались, каждый изъ нихъ сознавался, что онъ недостоинъ быть наставникомъ такого премудраго мужа; кромѣ того, всѣ стѣснялись и знатности Іоанна. Послѣ всѣхъ позванъ былъ одинъ простой нравомъ, но разумный старецъ; онъ не отказался быть наставникомъ Іоанна. Принявъ Іоанна въ свою келлію и желая положить въ немъ основаніе добродѣтельной жизни, старецъ прежде всего далъ ему такія правила: чтобы онъ ничего не дѣлалъ по своей волѣ; чтобы труды и усердныя молитвы приносилъ Богу какъ нѣкую жертву; чтобы онъ проливалъ слезы изъ очей, если желаетъ очистить грѣхи прошедшей жизни, ибо сіе предъ Богомъ цѣннѣе всякаго дорогого ѳиміама. Сіи правила были основаніемъ для тѣхъ дѣлъ, какія совершаются тѣлесными трудами. Тому же, что̀ приличествуетъ душѣ, старецъ положилъ такія правила: чтобы Іоаннъ не имѣлъ въ умѣ своемъ ничего мірского; не только не представлялъ въ воображеніи какихъ-либо неприличныхъ образовъ, но хранилъ бы умъ свой неприкосновеннымъ и чистымъ отъ всякаго суетнаго пристрастія и пустой гордыни; чтобы не хвалился своею мудростью и тѣмъ, чему научился, и не думалъ бы, что можетъ постигнуть все въ совершенствѣ до конца; чтобы не домогался какихъ-либо откровеній и познанія сокровенныхъ тайнъ; не надѣялся бы до конца жизни на то, что разумъ его непоколебимъ и не можетъ согрѣшить и впасть въ заблужденіе; напротивъ, пусть знаетъ, что помышленія его немощны и разумъ можетъ погрѣшать, а поэтому пусть старается не допускать разсѣяваться помышленіямъ своимъ и пусть заботится сосредоточить ихъ воедино, чтобы, такимъ образомъ, умъ его просвѣтился отъ Бога, душа освятилась и тѣло очистилось отъ всякой скверны; пусть тѣло и душа его соединятся съ умомъ и будутъ три во образъ Святой Троицы, и содѣлается человѣкъ ни плотскимъ, ни душевнымъ, но во всемъ духовенъ, измѣнившись добрымъ изволеніемъ изъ двухъ частей человѣка—тѣла и души, въ третью и важнѣйшую, то есть въ умъ. Такія отецъ духовный своему духовному сыну и учитель ученику предписалъ уставы, присоединивъ еще и слѣдующія слова:

— Не только не пиши никому посланій, но даже и не говори о чемъ-либо изъ свѣтскихъ наукъ. Соблюдай молчаніе съ разсужденіемъ; ибо ты знаешь, что не только наши философы учатъ молчанію, но и Пиѳагоръ завѣщалъ ученикамъ своимъ долговременное молчаніе, и не думай, что безвременно говорить хорошее

есть благо. Послушай Давида, сказавшаго: оумолчахъ ѿ благъ[1]). Какую же онъ отъ сего получилъ пользу?—послушай: согрѣяся сердце моѐ во мнѣ[2]), т. е. огнемъ Божественной любви, который возжегся въ Пророкѣ размышленіемъ о Богѣ.

Все сіе наставленіе старца упало въ сердце Іоанна, какъ сѣмя на добрую землю, и, давши ростокъ, укоренилось, ибо Іоаннъ, живя долгое время при Богодухновенномъ томъ старцѣ, внимательно исполнялъ всѣ наставленія его и слушалъ приказанія его, повинуясь ему нелицемѣрно, безъ прекословія и всякаго ропота; даже въ мысляхъ никогда не противился онъ велѣніямъ старца. Вотъ что начерталъ онъ въ сердцѣ своемъ, какъ на скрижаляхъ[3]): «Всякую заповѣдь отца, по ученію апостольскому, должно исполнять безъ гнѣва и сомнѣнія»[4]). Да и какая будетъ польза находящемуся въ послушаніи имѣть въ рукахъ дѣла, а въ устахъ ропотъ, исполнять приказаніе, а языкомъ или умомъ прекословить, и когда такой человѣкъ будетъ совершеннымъ? Никогда. Напрасно такіе люди трудятся и думаютъ, что живутъ добродѣтельно; соединяя послушаніе съ ропотомъ, они носятъ въ глубинѣ своей змія.

Блаженный же Іоаннъ, какъ истинный послушникъ, во всѣхъ заповѣданныхъ ему службахъ являлся безропотнымъ.

Однажды старецъ, желая испытать послушаніе и смиреніе Іоанна, собралъ много корзинъ, плетеніе которыхъ составляло ихъ занятіе, и сказалъ Іоанну:

— Я слышалъ, чадо, что въ Дамаскѣ корзины продаются дороже, чѣмъ въ Палестинѣ, у насъ же не хватаетъ въ келліяхъ многаго самаго необходимаго, какъ ты и самъ видишь. Итакъ, возьми эти корзины, пойди скорѣе въ Дамаскъ и продай ихъ тамъ. Но смотри, не продавай ихъ дешевле назначенной цѣны.

И назначилъ старецъ цѣну корзинамъ гораздо выше, чѣмъ онѣ стоятъ. Истинный послушникъ ни словомъ, ни въ умѣ не прекословилъ, не сказалъ, что тѣ корзины не стоятъ назначенной цѣны и что дорога очень дальная; не помыслилъ даже того, что ему стыдно идти въ тотъ городъ, гдѣ его всѣ знаютъ и гдѣ онъ былъ раньше всѣмъ извѣстенъ по своей власти; ничего подобнаго не

---

[1]) Псал. 38, ст. 3.

[2]) Псал. 38, ст. 4.

[3]) *Скрижали*—каменныя доски, служившія въ древности для начертанія письменъ; на скрижаляхъ были начертаны на Синаѣ Десять заповѣдей Закона Божія. Въ переносномъ смыслѣ скрижали означаютъ сердце человѣческое.

[4]) 1 Посл. къ Тимоѳ., гл. 2, ст. 8.

сказалъ онъ и не помыслилъ, являя себя подражателемъ покорному до смерти Владыкѣ Христу.

Сказавъ: «Благослови, отче» и принявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, Іоаннъ тотчасъ взялъ на плечи корзины и поспѣшилъ къ Дамаску. Одѣтый въ разорванныя одежды, ходилъ Іоаннъ по городу и продавалъ на рынкѣ свои корзины. Желающіе купить тѣ корзины спрашивали, почемъ онѣ продаются, и, узнавъ высокую ихъ цѣну, бранились и смѣялись, оскорбляли и укоряли Іоанна. Знакомые блаженнаго не узнавали его, потому что онъ, нѣкогда носившій златотканныя одежды, былъ одѣтъ въ рубище нищихъ, лице его измѣнилось отъ поста, щеки высохли и красота увяла. Но одинъ гражданинъ, который нѣкогда былъ у Іоанна слугою, вглядѣвшись внимательно въ лицо его, узналъ святаго и удивился его нищенскому виду. Сжалившись и воздохнувъ отъ сердца, подошелъ онъ къ Іоанну, какъ къ незнакомому человѣку, и далъ ему за всѣ корзины цѣну, назначенную святымъ,—не потому, что онъ нуждался въ корзинахъ, а изъ сожалѣнія къ такому человѣку, который отъ великой славы и богатства пришелъ, ради Бога, въ такое смиреніе и нищету. Взявъ плату за корзины, Іоаннъ возвратился къ пославшему его, какъ бы нѣкій побѣдитель съ войны, низвергшій на землю послушаніемъ и смиреніемъ врага діавола, а съ нимъ и гордость съ суетною славою.

По прошествіи нѣкотораго времени умеръ одинъ инокъ той Лавры. Родной братъ его, оставшись одинокимъ послѣ умершаго, неутѣшно плакалъ по немъ. Іоаннъ много и долго утѣшалъ его, но не могъ утѣшить безгранично огорченнаго и опечаленнаго брата. Онъ со слезами началъ просить Іоанна, чтобы тотъ для утѣшенія и ослабленія его печали написалъ для него какую-нибудь умилительную надгробную пѣснь. Іоаннъ отказывался, боясь нарушить заповѣдь старца, который приказалъ ему ничего не дѣлать безъ своего повелѣнія. Но сѣтующій братъ не переставалъ молить Іоанна, говоря:

— Почему ты не смилуешься надъ моей скорбною душею и не подашь мнѣ хотя малаго лѣкарства въ моей великой сердечной болѣзни? Если бы ты былъ врачъ тѣлесный и случилась со мною какая-нибудь тѣлесная болѣзнь, и я просилъ бы тебя полѣчить меня, неужели бы, имѣя возможность врачевать, ты отвергъ бы меня, и я умеръ бы отъ той болѣзни? Не далъ ли бы ты отвѣта Богу за

меня, потому что могъ мнѣ помочь и отказался? Теперь же я больше страдаю отъ сердечной болѣзни и ищу отъ тебя самой малой помощи, ты же пренебрегаешь мною. А если я умру отъ печали, то не дашь ли ты за меня бо́льшаго отвѣта Богу? Если ты боишься приказаній старца, то я такъ скрою у себя написанное тобой, что твой старецъ не узнаетъ и не услышитъ объ этомъ.

Іоаннъ наконецъ склонился на такія рѣчи и написалъ слѣдующіе надгробные тропари:

— «**Ка́ѧ жите́йскаѧ сла́дость**», «**Всѧ̑ сꙋета̀ человѣ́ческаѧ**», «**Человѣ́цы, что̀ всꙋе мѧте́мсѧ**», и прочіе, которые и до сего времени поются въ церкви при отпѣваніи умершихъ[1]).

Однажды, когда старецъ ушелъ куда-то изъ келліи, Іоаннъ, сидя въ ней, пѣлъ составленные имъ тропари. Чрезъ нѣкоторое время старецъ возвратился и, приближаясь къ келліи, услыхалъ пѣніе Іоанна. Тотчасъ онъ поспѣшно вошелъ въ келлію и сталъ съ гнѣвомъ говорить ему:

— Что такъ скоро забылъ ты свои обѣщанія и, вмѣсто того, чтобы плакать, радуешься и веселишься, напѣвая себѣ какія-то пѣсни?

Іоаннъ разсказалъ причину своего пѣнія и, объясняя, что онъ былъ вынужденъ слезами брата написать пѣсни, сталъ просить у старца прощенія, павши ницъ на землю. Однако старецъ, неумолимый, какъ твердый камень, тотчасъ отлучилъ блаженнаго отъ своего сожительства и выгналъ изъ келліи. Изгнанный Іоаннъ вспомнилъ изгнаніе Адама изъ рая, случившееся за непослушаніе, и горько плакалъ предъ келліею старца, какъ нѣкогда Адамъ предъ раемъ. Послѣ сего пошелъ онъ къ другимъ отцамъ, которыхъ признавалъ совершенными въ добродѣтели, и молилъ ихъ, чтобы они пошли къ старцу и упросили его простить ему согрѣшеніе. Они пошли и молили старца, чтобы онъ простилъ своего ученика и принялъ въ свою келлію; но тотъ остался непреклоннымъ къ ихъ просьбамъ. Одинъ изъ отцовъ сказалъ ему:

---

[1]) Таковы, напр., «**Оу҆вы̀ мнѣ̀, ꙗ҆ковы́й по́двигъ и҆́мать дꙋша̀ разлꙋча́ющисѧ ѿ тѣлесѐ**», «**Гдѣ̀ є҆́сть мі́рско́е пристра́стїе**», «**Помѧнꙋ́хъ пр҃ро́ка вопїю́ща: а҆́зъ є҆́смь землѧ̀ и҆ пе́пелъ**», «**пла́чꙋ и҆ рыда́ю**» и другіе, такъ называемые, «*самогласны*». Всѣ они отличаются необыкновенною трогательностью; естественно и съ силою при гробѣ сыновъ Адамовыхъ изображаются въ нихъ участь сына персти, и суета, и тлѣнность всего земнаго и возносятся къ Богу умилительныя моленія о упокоеніи усопшаго. Всѣ они вошли въ послѣдованія погребенія усопшихъ и употребляются въ Православной Церкви до настоящаго времени.

— Наложи на согрѣшившаго епитимію[1]), но не отлучай отъ сожительства съ тобою.

Старецъ сказалъ:

— Вотъ какую епитимію налагаю я на него, если онъ хочетъ получить прощеніе за свое непослушаніе: пусть онъ очиститъ своими руками проходы всѣхъ келлій и вымоетъ всѣ смрадныя мѣста въ Лаврѣ.

Отцы устыдились такихъ словъ и въ смущеніи ушли, дивясь жестокому и непреклонному нраву старца. Встрѣтивъ ихъ и по обычаю поклонившись, Іоаннъ спросилъ, что сказалъ имъ отецъ. Повѣдавъ о жестокости старца, они не осмѣлились сказать про то, что̀ ему назначилъ старецъ для испытанія: имъ совѣстно было передавать о такихъ повелѣніяхъ старца. Но Іоаннъ неотступно просилъ ихъ сказать, что назначилъ ему отецъ, и, узнавъ, возрадовался сверхъ ихъ ожиданія, принимая съ охотою назначенное ему дѣло, хотя оно и возбуждало стыдъ. Тотчасъ, приготовивъ сосуды и орудія для чистки, началъ онъ съ усердіемъ исполнять повелѣніе, касаясь нечистотъ тѣми руками, которыя прежде умащалъ разными ароматами, и оскверняя нечистотами ту десницу, которая чудесно была исцѣлена Пречистою Богородицею. О глубокое смиреніе чуднаго мужа и истиннаго послушника! Умилился старецъ, увидавъ такое смиреніе Іоанна, и, придя къ нему, обнялъ его и цѣловалъ голову, плечи и руки его, говоря:

— О, какого страдальца о Христѣ сдѣлалъ я? Вотъ истинный сынъ блаженнаго послушанія!

Іоаннъ же, стыдясь словъ старца, палъ ницъ передъ нимъ, какъ передъ Богомъ, и, не превозносясь похвальными рѣчами отца, но еще больше смиряясь, молилъ, чтобы онъ простилъ прегрѣшеніе его. Взявъ Іоанна за руку, старецъ ввелъ его въ свою

---

[1]) *Епитимія,* съ греческаго значитъ: *возмездіе, наказаніе, запрещеніе.* Епитимія установлена въ Церкви для кающихся въ глубокой древности и основывается на словахъ Ап. Павла, который, давая коринѳянамъ совѣтъ, или правило (канонъ), прощать грѣхи кающемуся и принимать его въ свое общеніе, говоритъ: *довольно таковому запрещеніе* (ἐπιτίμια) и присоединяетъ, что если они примутъ его въ любовь свою, то и онъ—также. Въ Требникѣ епитимія называется «канономъ (правиломъ) удовлетворенія». Такимъ образомъ, по указанію Апостола, епитимія состоитъ въ запрещеніи согрѣшившему на время имѣть общеніе съ Церковію, почему она и есть наказаніе. Но въ то же время она не имѣетъ значенія мѣры карательной, лишенія правъ члена Церкви; она является лишь «врачествомъ духовнымъ». На языкѣ церковныхъ каноновъ епитимія означаетъ добровольное исполненіе исповѣдавшимся, по назначенію духовника, тѣхъ или иныхъ дѣлъ благочестія (продолжительная молитва, милостыня, усиленный постъ, паломничество и т. п.).

келлію. Іоаннъ такъ обрадовался сему, какъ будто ему возвратили рай, и жилъ онъ со старцемъ въ прежнемъ согласіи.

Спустя немного времени Владычица міра, Пречистая и Преблагословенная Дѣва, въ ночномъ видѣніи явилась старцу и сказала:

— Зачѣмъ ты заградилъ источникъ, могущій источать сладкую и изобильную воду,—воду, которая лучше истекшей изъ камня въ пустынѣ[1]),—воду, которую желалъ пить Давидъ[2]),—воду, которую обѣщалъ Христосъ самарянкѣ[3])? Не препятствуй источнику течь: изобильно потечетъ онъ, и всю вселенную протечетъ и напоитъ; покроетъ моря ересей и претворитъ ихъ въ чудную сладость. Пусть жаждущіе стремятся къ сей водѣ, и тѣ, которые не имѣютъ сребра чистой жизни, пусть продадутъ свои пристрастія и подражаніемъ добродѣтели Іоанна пусть пріобрѣтутъ у нея чистоту въ догматахъ и въ дѣлахъ. Онъ возьметъ гусли Пророковъ, Псалтирь Давида, воспоетъ новыя пѣсни Господу Богу и превзойдетъ Моисея и пѣсни Маріами[4]). Ничто въ сравненіи съ нимъ безполезныя пѣсни Орфея[5]), о которыхъ повѣствуется въ басняхъ; онъ воспоетъ духовную небесную пѣснь и будетъ подражать херувимскимъ пѣснопѣніямъ. Всѣ церкви Іерусалимскія сдѣлаетъ онъ какъ бы отроковицами, играющими на тимпанахъ, чтобы онѣ пѣли Господу, возвѣщая смерть и воскресеніе Христа; онъ напишетъ догматы православной вѣры и обличитъ еретическія лжеученія; **се́рдце є҆гѡ̀ ѿры́гнетъ сло́во бла́го, и҆ и҆зрече́тъ дѣла̀ царе́ва пречꙋднѣ́йшаѧ**[6]).

Наутро старецъ, позвавъ Іоанна, сказалъ ему:

— О чадо послушанія Христова! Открой уста твои, чтобы привлечь духъ, и то, что воспріялъ сердцемъ, скажи устами; пусть они говорятъ о премудрости, которой ты научился размышленіемъ о Богѣ. Открой уста твои не для повѣствованій, а для словъ истины, и не для гаданій, а для догматовъ. Говори къ

---

[1]) Кн. Числъ, гл. **20**, ст. 11. Здѣсь говорится о водѣ, чудесно изведенной Моисеемъ изъ скалы ударомъ жезла.

[2]) 2 Кн. Царст., гл. **23**, ст. 15.

[3]) Еванг. отъ Іоан., гл. **4**, ст. 14. Господь обѣщалъ самарянкѣ воду живую, текущую въ жизнь вѣчную, т. е. благодать Святаго Духа.

[4]) Кн. Исх., гл. **20**. Какъ извѣстно, пѣснопѣнія Моисея и Маріами по переходѣ израильтянъ чрезъ Чермное море вошли въ составъ многихъ пѣснопѣній Іоанна Дамаскина и, между прочимъ, послужили основаніемъ 1-й пѣсни каноновъ.

[5]) *Орфей* — пѣвецъ, герой греческихъ миѳовъ, сила пѣнія котораго была столь велика, что онъ приводилъ въ движеніе деревья и скалы и укрощалъ дикихъ звѣрей.

[6]) Ср. Псал. **44**, ст. 2.

сердцу Іерусалимскому, созерцающему Бога, т. е. къ умиротворенной Церкви; говори не пустыя слова, на воздухъ бросаемыя, но тѣ, которыя Духъ Святый начерталъ на твоемъ сердцѣ. Взойди на высокій Синай Боговидѣнія и откровенія Божественныхъ Таинъ и за великое твое смиреніе, путемъ котораго ты сошелъ до послѣдней глубины, взойди теперь на гору церковную и проповѣдуй, благовѣствуя Іерусалиму. Крѣпко возноси голосъ твой, ибо много славнаго мнѣ сказала о тебѣ Богоматерь. Меня же, молю, прости за то, что я тебѣ былъ препятствіемъ по своей грубости и невѣдѣнію.

Съ того времени блаженный Іоаннъ началъ писать божественныя книги и слагать сладкозвучныя пѣснопѣнія. Онъ составилъ октоихъ, которымъ, какъ духовною свирѣлью, и до сего времени увеселяетъ церковь Божію. Первую свою книгу Іоаннъ началъ такими словами:

«Твоѧ побѣдѝтельнаѧ десни́ца бг҃олѣпнѡ въ крѣ́пости просла́висѧ» [1]).

---

[1]) 1-й ирмосъ 1-го гласа въ октоихѣ. Октоихъ былъ однимъ изъ первыхъ пѣсненныхъ трудовъ св. Іоанна Дамаскина. По словамъ Патріарха Іерусалимскаго Іоанна, св. Дамаскинъ, непоколебимый исповѣдникъ и страдалецъ за почитаніе св. иконъ, воодушевленный чудеснымъ исцѣленіемъ руки его, отсѣченной врагами вѣры, воспѣлъ сію торжественную пѣснь: твоѧ̀ побѣдѝтельнаѧ десни́ца бг҃олѣпнѡ въ крѣ́пости просла́висѧ, въ основаніе которой положена была побѣдная, благодарственная пѣснь Моисея при переходѣ израильтянъ чрезъ Чермное море,—послѣ чего слѣдовали ряды другихъ священныхъ пѣсней, составившихъ изъ себя октоихъ, или осьмогласникъ (воскресныя службы, раздѣленныя на 8 гласовъ), появленіе котораго произвело перемѣну во всемъ составѣ церковной службы. Еще при жизни св. Дамаскина октоихъ его принятъ былъ по всему Востоку, а чрезъ нѣсколько времени перешелъ и на Западъ; впослѣдствіи октоихъ былъ умноженъ пѣснопѣніями другихъ христіанскихъ пѣснотворцевъ, но и въ настоящемъ видѣ службы на воскресные дни въ главномъ своемъ составѣ принадлежатъ св. Іоанну Дамаскину. Октоихъ содержитъ въ себѣ службу на каждый день седмицы, совершаемую по одному изъ осьми гласовъ, или напѣвовъ, чинопослѣдованія Вечерни, Повечерія, Утрени и Литургіи для будничныхъ дней, а для воскресныхъ, кромѣ того,—малой Вечерни и Полунощницы. Пѣніе октоиха начинается въ будни послѣ воскресенья (недѣли) Всѣхъ Святыхъ и оканчивается предъ субботою недѣли Мясопустной; въ воскресные же дни начинается съ воскресенья, слѣдующаго за недѣлей Всѣхъ Святыхъ, и продолжается до 5-й недѣли Великаго Поста. Не употребляется октоихъ при Богослуженіи, кромѣ указанныхъ промежутковъ, еще въ двунадесятые праздники и въ предпраздниства ихъ, случающіяся въ будни. Октоихъ придалъ церковной службѣ бо́льшую опредѣленность и единообразіе. Сообщивъ церковному пѣнію и правильное единообразіе, и чувства, достойныя христіанскаго служенія, св. Дамаскинъ тѣмъ самымъ положилъ своимъ октоихомъ преграду господствовавшему до него въ церковномъ пѣніи неустройству. Изъ многоразличныхъ мелодій онъ избралъ для церковныхъ пѣснопѣній преимущественно такія, кои способны выражать чувствованія, приличныя христіанамъ, и оставилъ тѣ, кои могутъ возбуждать чувствованія, несообразныя съ важностью христіанства. Онъ ограничился осмью гласами для того, чтобы молящіеся не развлекались разнообразіемъ и частою

По поводу же чудеснаго исцѣленія своей десницы онъ, въ восторгѣ радости, такъ воззвалъ къ Богородицѣ:

«Ѡ тебѣ ра́дꙋетсѧ, бл҃года́тнаѧ, всѧ́каѧ тва́рь» [1]) и прочая.

Платъ, коимъ была обвита отсѣченная его рука, Іоаннъ, въ воспоминаніе дивнаго чуда Пречистой Богородицы, носилъ на своей головѣ. Написалъ онъ и житія нѣкоторыхъ святыхъ; составилъ праздничныя слова и разныя умилительныя молитвы, изложилъ догматы вѣры и многія таинства Богословія; писалъ онъ и противъ еретиковъ, въ особенности противъ иконоборцевъ; составилъ и другія душеполезныя сочиненія, коими и до сего

перемѣною напѣвовъ и чтобы опредѣленное число мелодій, удерживая вниманіе на достойныхъ и вмѣстѣ понятныхъ для каждаго напѣвахъ, возбуждало опредѣленныя и достойныя качества и утверждало въ общемъ вниманіи духъ и содержаніе воспѣваемыхъ молитвъ. Та же опредѣленность напѣвовъ положила конецъ произвольнымъ вымысламъ изысканнаго, разсѣяннаго, неблагоговѣйнаго искусства, а простота напѣвовъ осьмогласника, выражая смиренную простоту молитвы христіанской, располагаетъ душу къ такой же молитвѣ и, исторгая ее изъ шума суеты, какъ бы возноситъ къ Престолу Божію. Въ то же время восемь гласовъ какъ бы указываютъ на восемь голосовъ небесной іерархіи, непрестанно славословящей Бога: Божію Матерь, Ангеловъ, пророковъ, апостоловъ, святителей, мучениковъ, преподобныхъ и праведныхъ, и посему пѣніе октоиха можетъ духовно и таинственно знаменовать немолчное молебное пѣніе по подобію святыхъ, вѣчно ликующихъ на Небеси предъ Престоломъ Божіимъ.—Музыкальные знаки октоиха св. Іоанна Дамаскина были крюковые.

[1]) Впослѣдствіи сія торжественная пѣснь въ честь и прославленіе Пресвятой Богородицы вошла въ составъ Литургіи Василія Великаго въ качествѣ задостойника.—Среди другихъ многочисленныхъ пѣснопѣній св. Іоанна Дамаскина вообще особенно много имъ было составлено пѣснопѣній въ честь Богородицы, подъ особымъ благодатнымъ покровительствомъ и заступленіемъ Которой онъ находился. Таковы, напр., его каноны на Благовѣщеніе, Успеніе, Рождество Богородицы, «Милосе́рдїѧ две́ри ѿве́рзи на́мъ», «Пресла́внаѧ приснодв҃о, мт҃и хр҃та̀ бг҃а, принеси̑ на́шꙋ мл҃твꙋ сн҃ꙋ твоемꙋ̀», «Мнѡ́гаѧ мно́жества мои́хъ, бг҃оро́дице, прегрѣше́нїй», «Всѐ ᲂу҆пова́нїе моѐ на тѧ̀ возлага́ю» и другія. Вообще, какъ церковный пѣснопѣвецъ, Дамаскинъ болѣе высокъ, чѣмъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, и положительно неподражаемъ, почему за свои пѣснопѣнія и названъ «Златоструйнымъ», и это имя вполнѣ принадлежитъ ему: всѣ его пѣснопѣнія заслуживаютъ наименованія пѣсней образцовыхъ; во всѣхъ нихъ видно замѣчательное одушевленіе, свойственное высокому пѣвцу. Изъ 64-хъ составленныхъ имъ каноновъ самый возвышенный, торжественный и свѣтлорадостный—канонъ на св. Пасху. Св. Іоанномъ Дамаскинымъ составлена и вся Пасхальная служба, послѣ которой въ образцахъ человѣческаго творчества нельзя найти другой пѣсни, болѣе полной чувствованіями столько же живыми, сколько и высокими, восторгами святыми и истинно неземными. Каноны на Рождество Христово, Богоявленіе Господне, Вознесеніе Господне со стихирами приближаются къ Пасхальному. Воскресныя службы его столько же превосходны по поэтической силѣ, сколько и по догматическому содержанію. Дамаскинымъ же написанъ прекрасный тропарь: «Пречⷭ҇томꙋ твоемꙋ̀ ѡ҆́бразꙋ покланѧ́емсѧ, бл҃гі́й». Замѣчательны также его антифоны и пѣсни надгробныя—образцовыя и трогательныя пѣсни кающейся души. Дамаскинымъ же составлено было много стихиръ и другихъ церковныхъ пѣснопѣній. Вообще Дамаскинъ—такой пѣснописецъ, выше котораго ни прежде, ни послѣ не было въ Церкви.

времени вѣрные питаются, какъ духовною пищею, и изъ которыхъ пьютъ, какъ изъ сладкаго ручья[1]).

Къ такимъ трудамъ преподобнаго Іоанна поощрялъ блаженный Косма, который росъ съ нимъ и учился у одного учителя. Онъ побуждалъ его къ писанію Божественныхъ книгъ и составленію церковныхъ пѣсней и самъ помогалъ ему. Впослѣдствіи Косма былъ поставленъ Іерусалимскимъ Патріархомъ во епископа Маюмскаго. Послѣ сего тотъ же Патріархъ, призвавъ преподобнаго Іоанна, посвятилъ его во пресвитера. Но Іоаннъ не хотѣлъ долго оставаться въ мірѣ. Уклоняясь отъ мірской славы, возвратился онъ въ обитель преподобнаго Саввы и, уединившись въ своей келліи, какъ птица въ гнѣздѣ, прилежно занимался писаніемъ Божественныхъ книгъ и дѣломъ своего спасенія. Собравъ всѣ написанныя имъ прежде книги, Іоаннъ опять прочиталъ ихъ и тщательно исправилъ въ нихъ то, что считалъ нужнымъ исправить, особенно въ Словахъ и рѣчахъ, чтобы въ нихъ ничего не оставалось неяснымъ. Въ такихъ трудахъ, полезныхъ для себя и важныхъ для Церкви Христовой, и въ подвигахъ иноческихъ Іоаннъ

---

[1]) Кромѣ своихъ пѣснопѣній, св. Іоаннъ Дамаскинъ прославился своими богословскими сочиненіями, которыя даютъ ему почетное мѣсто между великими Отцами Церкви. Тщательное изученіе философіи греческаго ученаго Аристотеля образовало въ немъ мыслителя отчетливаго, точнаго въ своихъ понятіяхъ и словахъ. Св. Іоаннъ первый изъ Отцовъ Церкви изложилъ въ стройномъ, систематическомъ порядкѣ богословское ученіе Православной Церкви, въ чемъ его неотъемлемая слава. Въ своихъ сочиненіяхъ Дамаскинъ является догматикомъ и полемикомъ, историкомъ и философомъ, ораторомъ и поэтомъ церковнымъ. Тремъ главнѣйшимъ своимъ сочиненіямъ: діалектикѣ, книгѣ о ересяхъ и изложенію вѣры, совершенно различнымъ по предмету, онъ далъ одно общее названіе— «Источникъ знанія». Важнѣйшимъ изъ нихъ является «Изложеніе православной вѣры», составляющее стройно и послѣдовательно изложенное систематическое ученіе о созерцательныхъ истинахъ Откровенія, служившее образцомъ для богослововъ восточныхъ и западныхъ. Кромѣ того, въ такомъ же строгомъ порядкѣ св. Іоанномъ написаны: «Священныя параллели»—сличенія изреченій Св. Писанія объ уставахъ вѣры и благочестія съ изреченіями Отцовъ и учителей Церкви; предметы здѣсь расположены — для того, чтобы быть ближе къ общему разумѣнію,—по алфавиту; «Руководство»—объясненіе важнѣйшихъ богословскихъ выраженій, неправильное пониманіе которыхъ въ древности было причиною ересей; нѣсколько небольшихъ сочиненій по догматикѣ: «О правильномъ размышленіи»—съ объясненіемъ ученія шести Вселенскихъ Соборовъ; «О Св. Троицѣ», «Объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ», «О природѣ человѣка» и проч. Между сочиненіями св. Іоанна противъ еретиковъ первое мѣсто занимаютъ три Слова его противъ порицающихъ иконы; ему же принадлежитъ апологія противъ магометанъ и сочиненія противъ несторіанъ, монофизитовъ, монофелитовъ и манихеевъ. Далѣе должно отмѣтить краткія толкованія на посланія Ап. Павла, обширное воспоминаніе о св. мученикѣ Артеміи и его проповѣди, напр. на Преображеніе Господне, Рождество и Успеніе Богородицы, Слово объ усопшихъ въ вѣрѣ, наставленіе о восьми злыхъ помыслахъ и т. д. Наконецъ, важную услугу Дамаскинъ оказалъ чину Богослуженія, пересмотрѣвъ и дополнивъ Уставъ іерусалимскій, составленный преп. Саввою Освященнымъ, и составивъ Мѣсяцесловъ.

провелъ много времени и достигъ совершеннаго иночества и святости. Угодивъ Богу, онъ отошелъ ко Христу и Пречистой Его Матери[1]), и нынѣ, поклоняясь Имъ не въ иконахъ, но созерцая Лица Ихъ въ небесной славѣ, молится о насъ, чтобы и мы сподобились того же Божественнаго созерцанія, святыми его молитвами и благодатію Христа, Емуже съ Препѣтою и Преблагословенною Его Матерью да будетъ честь, слава и поклоненіе во вѣки. Аминь.

Тропа́рь прп҃бнагѡ, гла́съ и҃:

Правосла́вїѧ наста́вниче, бл҃гочести́ѧ оу҆чи́телю и҆ чистоты̀, вселе́нныѧ свѣти́льниче, мона́шествꙋющихъ бг҃одꙋхнове́нное оу҆добре́нїе, і҆ѡа́ннѐ премꙋ́дре, оу҆че́ньми твои́ми всѧ̑ просвѣти́лъ є҆сѝ, цѣвни́це дх҃о́внаѧ. молѝ хр҃та̀ бг҃а, сп҃сти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Пѣснопи́сца и҆ честна́го бг҃оглаго́льника, цр҃кве наказа́телѧ и҆ оу҆чи́телѧ, и҆ врагѡ́въ сопротивобо́рца і҆ѡа́нна воспои́мъ: ѻ҆рꙋ́жїе бо взе́мъ, кр҃тъ гдⷭ҇ь, всю̀ ѿразѝ є҆ресе́й пре́лесть, и҆ ꙗ҆́кѡ те́плый предста́тель къ бг҃ꙋ, всѣ́мъ подае́тъ прегрѣше́нїй проще́нїе.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ІОАННА ПОЛИВОТСКАГО

Святый Іоаннъ съ юныхъ лѣтъ воздерживался отъ усладительной для вкуса пищи и уклонялся отъ мірскихъ удовольствій, украшая свою жизнь болѣе всего постомъ, цѣломудріемъ и милосердіемъ; потому и удостоился онъ поставленія во епископа Поливотскаго[2]), пройдя, впрочемъ, прежде того въ законномъ порядкѣ всѣ церковныя степени. Когда, такимъ образомъ, ему поручено было высшее управленіе и попеченіе о людяхъ, онъ усилилъ и свои

---

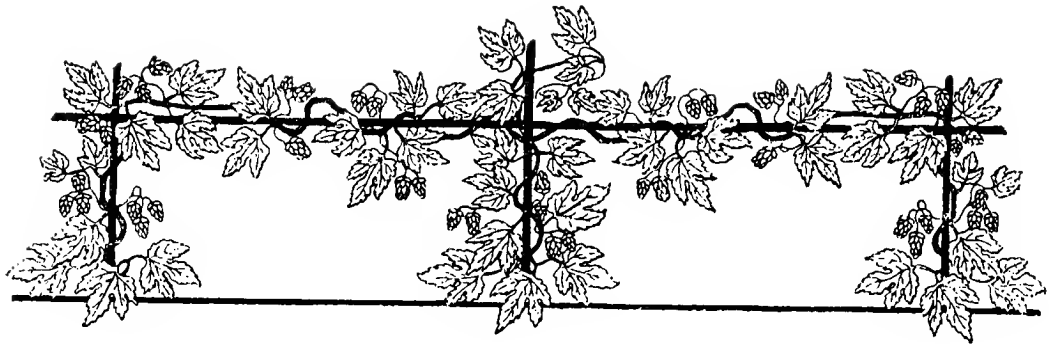
[1]) Святый Іоаннъ Дамаскинъ скончался около 777 г., 104 лѣтъ отъ роду, и былъ погребенъ въ Лаврѣ Саввы Освященнаго подлѣ раки св. основателя Лавры. При императорѣ Византійскомъ Андроникѣ II Палеологѣ (1282—1328 г.) св. мощи его перенесены были въ Константинополь.

[2]) Въ Асійской Фригіи, въ VIII вѣкѣ.

подвиги, къ прежнимъ трудамъ присоединяя новые труды. Въ то время императоръ Левъ Исаврянинъ[1]), недостойно занявшій царскій престолъ, началъ хулить святыя иконы: преподобный отецъ сильно обличалъ такое нечестіе царя и своимъ исповѣданіемъ вѣры сохранилъ паству отъ еретическаго заблужденія—иконоборства. Въ его же время однажды Агаряне осадили городъ Амморію[2]), но были съ помощію Божіею отражены; всѣ христіане, попавшіе въ плѣнъ къ непріятелямъ, тогда получили свободу попеченіями сего святаго мужа. Тѣло его и доселѣ сохраняется нетлѣнно; въ день Пятидесятницы всякій разъ вынимается оно изъ раки и, по облаченіи въ архіерейскія одежды, сначала переносится къ святому Престолу и поставляется прямо, а потомъ возводится на Горнее мѣсто, и тамъ оно пребываетъ, поддерживаемое двумя іереями все время, пока совершается Божественная служба. О чудесахъ же, совершаемыхъ преподобнымъ отцомъ, объ исцѣленіяхъ имъ бѣсноватыхъ и уврачеваніяхъ недужныхъ невозможно, по множеству ихъ, и передать письменно.

[1]) Царствовалъ въ 717—741 гг.

[2]) Во Фригійской же области.



День пятый

ЖИТІЕ и ПОДВИГИ
ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО
САВВЫ ОСВЯЩЕННАГО

Преподобный Савва родился въ тридцать первый годъ царствованія Греческаго императора Ѳеодосія Младшаго[1]), въ странѣ Каппадокійской, въ селѣ, называвшемся Муталаска, которое зависѣло отъ Кесаріи[2]); оно сначала было неизвѣстно, но впослѣдствіи рожденіемъ въ немъ Саввы прославилось больше Армаѳема, въ которомъ выросъ Божественный пророкъ Самуилъ[3]). Родителями блаженнаго Саввы были Іоаннъ и Софія, люди благородные и благочестивые. Когда ребенку минуло пять лѣтъ, они отправились въ Александрію[4]), ибо Іоаннъ находился на службѣ царской и имѣлъ высокій воинскій санъ. По Божію провидѣнію, Савва былъ оставленъ вмѣстѣ съ родительскимъ имѣніемъ у брата его матери Ермія. Но такъ какъ жена у Ермія была злая и сварливая, то отрокъ много терпѣлъ и, наконецъ, ушелъ къ брату своего

---

[1]) *Ѳеодосій II,* или *Младшій,* внукъ Ѳеодосія Великаго, Византійскій императоръ, царствовалъ съ 408 по 450 г. Рожденіе преп. Саввы Освященнаго относится къ 439 году.

[2]) *Каппадокія*—восточная область Малой Азіи. *Кесарія*—главный городъ Каппадокіи. *Муталаска*—нынѣ Таласи—селеніе въ 8 верстахъ отъ Кесаріи.

[3]) 1 Кн. Цар., гл. 1, ст. 1 и слѣд.

[4]) *Александрія* — приморскій городъ въ Африкѣ на сѣверномъ берегу Египта, ведшій обширную торговлю и бывшій оплотомъ языческой учености, а затѣмъ средоточіемъ христіанскаго богословія.

отца Григорію, жившему въ другомъ селѣ, называвшемся Сканда[1]). Вслѣдствіе сего возникла вражда между дядьями Саввы. Родители его долго оставались въ Александріи, а Ермій съ Григоріемъ ссорились между собою, и каждый изъ нихъ хотѣлъ не столько имѣть у себя отрока, сколько попользоваться имуществомъ его отца. Блаженный отрокъ, еще съ юнаго возраста отличавшійся зрѣлымъ разумомъ, видя раздоры и свары своихъ дядьёв, отказался отъ всего имущества и, удалившись въ монастырь Флавіановъ[2]), отстоявшій отъ Муталаски на три съ половиной версты, принялъ на себя ангельскій образъ восьми лѣтъ отъ роду; живя тамъ, онъ вскорѣ изучилъ Псалтирь и прочія книги Священнаго Писанія, преуспѣвалъ въ добрыхъ дѣлахъ и во всемъ слѣдовалъ иноческому уставу. Немного времени спустя дядья блаженнаго Саввы помирились между собой, пришли къ нему въ монастырь и начали соблазнять его, совѣтуя уйти изъ-за стѣнъ святой обители и, взявъ себѣ жену, жить въ отцовскомъ имѣніи. Но онъ, желая оставаться въ домѣ Божіемъ, а не жить въ селеніяхъ грѣшниковъ[3]), и любя монастырскую жизнь болѣе мірской, не послушался своихъ дядьёв и отвергъ ихъ соблазнительное предложеніе:

— Какъ отъ змѣй,—говорилъ онъ,—убѣгаю я отъ тѣхъ, которые совѣтуютъ мнѣ сойти съ пути Божія, ибо худыя общества развращаютъ добрые нравы[4]), и боюсь навлечь на себя проклятіе, которымъ Пророкъ проклинаетъ уклоняющихся въ развратъ: **проклѧти**,—сказалъ онъ,—**оуклонѧющїисѧ ѿ заповѣдей твоихъ**[5]).

Съ такими словами онъ отослалъ отъ себя дядьёв своихъ ни съ чѣмъ, а самъ сталъ подвизаться еще съ большимъ усердіемъ, умерщвляя свое тѣло трудами и воздержаніемъ и порабощая его духу.

Когда былъ побѣжденъ сей змій, который имѣніемъ и женитьбою соблазнялъ его уйти изъ обители, какъ изъ райскаго селенія,—другой искуситель сталъ искушать святаго—бѣсъ чревообъяденія. Однажды, работая въ монастырскомъ саду, Савва увидѣлъ прекрасное яблоко, висящее на деревѣ; не утерпѣлъ онъ, сорвалъ яблоко и хотѣлъ съѣсть его раньше положеннаго времени и обычнаго благословенія. Но, вспомнивъ, что симъ плодомъ змій въ Раю

---

[1]) Селеніе *Сканда* отстояло отъ Муталаски на три стадіи, т. е. немногимъ болѣе $^1/_2$ версты (римская стадія равнялась $86^2/_4$ саженямъ).

[2]) Нынѣ монастырь св. Іоанна Предтечи, въ деревнѣ Зиидзедере, на краю скалы.

[3]) Псаломское выраженіе. См. псаломъ 83, ст. 11.

[4]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 15, ст. 33.

[5]) Псаломъ 118, ст. 21.

ввелъ въ грѣхъ перваго человѣка[1]), Савва удержался, не сталъ ѣсть его и осуждалъ самъ себя, говоря:

— Красивъ былъ для взора и пріятенъ для вкуса и тотъ плодъ, который умертвилъ Адама.

И, бросивъ яблоко на землю, онъ растопталъ его ногами, попирая съ нимъ вмѣстѣ и помыслъ свой и, болѣе того, сокрушая главу бѣсу чревообъяденія,—и далъ себѣ обѣтъ не ѣсть яблокъ всю жизнь. Съ тѣхъ поръ онъ всякое плотское вожделѣніе побѣждалъ воздержаніемъ: мало ѣлъ, мало спалъ, постоянно пребывалъ въ трудахъ, и руки его простирались только на молитву или на работу.

Прп҃бный
Са́вва

И вскорѣ святый, несмотря на свою юность, сравнялся добродѣтелью со всѣми старцами, бывшими въ томъ монастырѣ.

Случилось нѣкогда одному изъ тамошней братіи, который имѣлъ послушаніе печь хлѣбы, промокнуть отъ дождя; а такъ какъ время было зимнее, солнце не свѣтило, и ему негдѣ было просушить одежду, то онъ положилъ ее въ хлѣбную печь на дрова и забылъ о ней. Немного времени спустя братія собрались печь хлѣбы и затопили печь, не зная, что пекарь положилъ туда просушить одежду. Когда дрова уже сильно разгорѣлись, пекарь вспомнилъ о своей одеждѣ и очень горевалъ о ней. Былъ тутъ и блаженный Савва; увидѣвъ печаль брата, онъ не подумалъ о себѣ и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, вошелъ въ топившуюся печь. И, о чудо! Какъ нѣкогда отроки въ печи вавилонской не сгорѣли[2]) по своей вѣрѣ, такъ и отрокъ Савва за свою любовь къ брату вышелъ изъ печи

[1]) Кн. Бытія, гл. 3.
[2]) Кн. Прор. Дан., гл. 3.

невредимымъ съ нетронутой огнемъ одеждой брата въ рукахъ, и его собственная одежда также осталась неопаленной.

Братія, увидавъ сіе чудо, ужаснулись и говорили другъ другу:

— Каковъ будетъ этотъ отрокъ въ будущемъ, если онъ отъ юности уже сподобился отъ Бога такой благодати!

Въ томъ монастырѣ блаженный пробылъ десять лѣтъ, восходя отъ силы въ силу и отъ славы въ славу. Потомъ захотѣлось ему пойти въ Іерусалимъ поклониться Святымъ мѣстамъ и посѣтить отцовъ, жившихъ тамъ въ окрестной пустынѣ, воспользоваться ихъ бесѣдою и найти тамъ и себѣ мѣсто для пустынножительства. Онъ обратился къ архимандриту съ просьбой отпустить его въ Святый Градъ съ молитвой и благословеніемъ. Но тотъ не хотѣлъ его отпустить, говоря:

— Нехорошо тебѣ, такому юному, странствовать, лучше побудь на одномъ мѣстѣ.

Но Богъ, все устрояющій на пользу, повелѣлъ архимандриту не удерживать Савву.

«Отпусти Савву послужить Мнѣ въ пустынѣ»,—открылъ Онъ архимандриту въ видѣніи.

Тогда, призвавъ блаженнаго, архимандритъ далъ ему благословеніе и отпустилъ его съ молитвою въ путь. Онъ же, направляемый десницею Всевышняго, пришелъ въ Іерусалимъ на восемнадцатомъ году отъ роду, въ концѣ царствованія Маркіана[1]) и патріаршества Ювеналія во Святомъ Градѣ. Онъ прибылъ въ монастырь святаго Пассаріона въ зимнее время, былъ принятъ архимандритомъ Елпидіемъ и порученъ руководительству нѣкоего старца Каппадокійскаго. У него Савва провелъ зиму, мечтая о безмолвной жизни пустынника, къ чему давно стремился душою. Услышавъ о Евѳиміи Великомъ[2]), сіяющемъ добродѣтелью и чудесами въ Пустынѣ, находящейся на востокъ отъ Іерусалима, Савва захотѣлъ

---

[1]) *Маркіанъ* —Византійскій императоръ, царствовалъ въ 450 по 457 г. *Св. Ювеналій* — Патріархъ Іерусалимскій въ 420—458 гг. Удаленіе преп. Саввы Освященнаго въ монастырь аввы Пассаріона послѣдовало въ 456 г. *Преп. Пассаріонъ* — основатель одной изъ іерусалимскихъ обителей, епископъ и наставникъ преп. Евѳимія Великаго, подвизался въ первой половинѣ V-го вѣка. Память его совершается 11-го августа и въ субботу Сырной седмицы.

[2]) Память *преп. Евѳимія Великаго*, скончавшагося въ 473 году, празднуется 20-го января. Имъ основаны двѣ обители въ предѣлахъ іерихонскихъ: первая, которую Евѳимій передалъ въ управленіе друга своего и сподвижника преп. Ѳеоктиста, находилась въ 14 верстахъ отъ Іерусалима, на сѣверо-востокѣ; вторая была основана преп. Евѳиміемъ въ 4 верстахъ отъ первой и состояла подъ его собственнымъ управленіемъ.

видѣть его. Испросивъ у начальствующихъ благословеніе, онъ отправился въ путь и, прибывъ въ Лавру Великаго Евѳимія, пробылъ тамъ нѣсколько дней, ожидая, когда можно будетъ увидѣть его, такъ какъ преподобный не всегда приходилъ въ соборъ, а одинъ или два раза въ недѣлю и въ извѣстные дни. Когда наступила суббота, Савва увидѣлъ преподобнаго Евѳимія, шедшаго въ церковь, и припалъ къ нему съ усердной просьбой принять его въ свою Лавру. Но Евѳимій, видя его юность, отослалъ его въ монастырь, находившійся еще далѣе отъ Іерусалима, подъ начало къ блаженному Ѳеоктисту[1]), повелѣвая ему заботиться о семъ юномъ монахѣ,—и пророчествовалъ о немъ, что онъ въ скоромъ времени, благодатію Христовой, просіяетъ въ иноческомъ житіи болѣе многихъ другихъ, будетъ славнымъ образцомъ для всѣхъ палестинскихъ отшельниковъ и воздвигнетъ лавру бо́льшую, чѣмъ всѣ лавры въ той странѣ.

Принятый Ѳеоктистомъ въ монастырь, Савва весь предался Богу и исполнялъ всѣ монастырскія службы безропотно и послушно, со смиреніемъ и усердіемъ. Будучи способенъ и весьма ревностенъ къ совершенію Божественнаго служенія, онъ прежде всѣхъ входилъ въ церковь и выходилъ изъ нея послѣ всѣхъ. При великихъ душевныхъ силахъ онъ и тѣломъ былъ великъ и силенъ,—почему, когда всѣ монахи рубили въ пустынѣ только по одной связкѣ прутьевъ для корзинъ и носили въ киновію[2]), то Савва рубилъ и носилъ по три. Сверхъ сего, иногда носилъ онъ и воду, и дрова, и, такимъ образомъ, старался всѣмъ услужить. Былъ онъ довольно долгое время смотрителемъ надъ лошаками, исправлялъ и другія различныя должности, и все сіе исполнялъ неукоризненно и безропотно, такъ что отцы киновіи удивлялись столь великому усердію и услужливости юнаго Саввы.

Тогда діаволъ, желая воспрепятствовать ему, измыслилъ слѣдующее. Былъ въ томъ монастырѣ одинъ братъ, родомъ изъ Александріи, по имени Іоаннъ. Сей братъ получилъ извѣстіе о смерти своихъ родителей. И вотъ, діаволъ внушилъ ему неподобающую для инока мысль позаботиться объ устройствѣ оставшагося послѣ родителей имѣнія, и онъ докучалъ игумену Ѳеоктисту частыми просьбами отпустить его въ Александрію и, кромѣ того, отпу-

---

[1]) Память *преп. Ѳеоктиста,* спостника преп. Евѳимія Великаго, празднуется 3-го сентября; преп. Ѳеоктистъ преставился въ 467 году.

[2]) О *киновіяхъ* см. на стр. 57, примѣч. 1-е.

стить съ нимъ и Савву, потому что онъ какъ человѣкъ сильный тѣломъ могъ ему оказать большую помощь въ дорогѣ. Ѳеоктистъ уступилъ настойчивымъ просьбамъ инока и отпустилъ его на родину, а съ нимъ отпустилъ согласно его просьбѣ и Савву. И такъ они отправились. Когда они прибыли въ Александрію и стали хлопотать по устройству оставшагося послѣ умершихъ имѣнія, родители блаженнаго Саввы, Іоаннъ и Софія, случайно бывшіе тамъ (ибо отецъ Саввы по своей военной должности часто бывалъ посылаемъ въ Александрію по царскому повелѣнію), узнали его. Тогда блаженному Саввѣ представился новый подвигъ и явилась борьба больше первой, когда дядья его влекли изъ монастыря въ міръ, отъ монашества къ женитьбѣ: родители Саввы то слезными просьбами, то ласковыми и заманчивыми словами еще болѣе склоняли его снять черныя одежды и надѣть свѣтлыя, жить по ихъ примѣру и поступить въ военную службу. Блаженный же, понявъ, что онъ встрѣтился съ родителями и былъ узнанъ ими по вражескому наважденію, упорно сопротивлялся своему природному чувству. Онъ сдержалъ въ себѣ естественную любовь къ родителямъ, отвергъ ихъ настойчивыя мольбы и слезы и, непоколебимый въ своемъ добромъ рѣшеніи, отвѣчалъ родителямъ:

— Боюсь Сказавшаго: **и҆́же лю́битъ ѻ҆тца̀ и҆лѝ ма́терь па́че менѐ, нѣ́сть менѐ досто́инъ, и҆ и҆́же не прїи́метъ креста̀ своего̀, и҆ въ слѣ́дъ менѐ грѧде́тъ, нѣ́сть менѐ досто́инъ**[1]). Какъ же я могу предпочесть васъ Богу, суетную вашу жизнь—кресту своему, военную службу мірскую—воинству духовному? Если и земные цари караютъ воиновъ, убѣжавшихъ изъ полковъ, то тѣмъ болѣе Царь Небесный не пощадитъ тѣхъ, которые вписались въ Его славное воинство и потомъ убѣгаютъ изъ избраннаго полка.

Въ заключеніе блаженный Савва прибавилъ еще:

— Если вы будете продолжать уговаривать меня покинуть прекрасное воинствованіе Христово, то я не буду болѣе называть васъ своими родителями.

Тогда Іоаннъ и Софія, увидѣвъ, что сердце сына ихъ непреклонно, перестали его уговаривать и съ горькими рыданіями, скрѣпя сердце, отпустили его, а при разставаніи просили его взять съ собою на дорогу что только ему ни потребуется и давали сорокъ золотыхъ монетъ; онъ же ничего не хотѣлъ брать, однако, чтобы

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 37—38.

не оскорбить совсѣмъ своихъ родителей, взялъ только три монеты, и тѣ, возвратившись, отдалъ въ руки игумену Ѳеоктисту.

Къ концу десятаго года пребыванія Саввы въ монастырѣ преподобный Ѳеоктистъ преставился; на его мѣсто преподобнымъ Евѳиміемъ поставленъ былъ одинъ добродѣтельный инокъ, по имени Маринъ; но и онъ черезъ два года умеръ, послѣ чего мѣсто настоятеля занялъ одинъ добродѣтельный инокъ, по имени Лонгинъ. Блаженному Саввѣ въ то время минуло тридцать лѣтъ отъ роду. Онъ обратился къ игумену Лонгину съ просьбой позволить ему для болѣе уединенной жизни затвориться въ пещерѣ, бывшей около монастыря, къ югу на одномъ утесѣ. Лонгинъ донесъ о семъ желаніи его Великому Евѳимію. Евѳимій, много наслышавшись о непорочной жизни Саввы, о его постѣ и молитвахъ, кротости и смиреніи и о другихъ его богоугодныхъ дѣлахъ, написалъ Лонгину: «Не запрещай Саввѣ подвизаться такъ, какъ онъ хочетъ».

Сначала повелѣно было блаженному пребывать въ пещерѣ пять дней въ недѣлю, а потомъ, по его просьбѣ, ему разрѣшили и пятилѣтнее въ ней пребываніе. Жизнь его въ пещерѣ проходила такъ: пять дней онъ постился, не вкушая ничего и не выходя изъ пещеры; занимался же онъ тамъ плетеніемъ корзинъ, которыхъ онъ плелъ по десяти въ день,—а въ устахъ и въ мысли у него постоянно были молитвы къ Богу. Съ наступленіемъ субботы, рано утромъ, онъ выходилъ изъ пещеры въ монастырь, неся съ собою пятьдесятъ корзинъ; въ субботу и воскресенье онъ участвовалъ въ общей молитвѣ и, подкрѣпивъ свое тѣло пищею, вечеромъ въ воскресенье опять уходилъ въ пещеру, захвативъ финиковыхъ вѣтвей, сколько нужно было ихъ для сплетенія пятидесяти корзинъ. Въ такихъ трудахъ и постѣ пробылъ онъ въ той пещерѣ пять лѣтъ, послѣ чего Великій Евѳимій взялъ его съ собою на пустынническіе труды — какъ совершеннаго инока, который, несмотря на свои молодые годы, сравнялся съ отцами, состарившимися въ добродѣтеляхъ. Евѳимій называлъ его поэтому молодымъ старцемъ: будучи молодъ тѣломъ, онъ былъ сѣдъ своею духовною мудростью и старъ своею непорочною жизнью. Въ 14-й день января вышелъ вмѣстѣ съ нимъ великій Евѳимій изъ Лавры, взявъ съ собою еще блаженнаго Дометіана[1]), и отправились они

[1]) Память *преп. Дометіана Палестинскаго* совершается въ субботу Сыриую.

въ большую пустыню Руву[1]) на весь Великій Постъ до Вербнаго воскресенья.

Однажды старецъ захотѣлъ пройти чрезъ всю пустыню, лежащую выше Мертваго моря, на югъ и пришелъ съ обоими учениками своими, Дометіаномъ и Саввою, въ безводную мѣстность. Палилъ зной, и блаженный Савва усталъ, изнемогъ отъ жажды и упалъ, не будучи въ состояніи идти дальше. Евѳимій сжалился надъ нимъ и, отойдя отъ него на такое разстояніе, на какое можно бросить камень, сталъ молиться такъ:

«Господи Боже! Дай воду въ сей безводной землѣ, чтобы утолить жажду изнемогающему брату».

Кончивъ молиться, онъ копнулъ три раза землю попавшейся ему палкой, и тотчасъ потекла ключевая вода. Савва вкусилъ воды и укрѣпился, и съ тѣхъ поръ получилъ Божественную силу терпѣть жажду въ пустынѣ. Когда наступило Вербное воскресенье, они вернулись въ Лавру.

Спустя немного времени, преподобный и богоносный Евѳимій преставился; это было при Патріархѣ Іерусалимскомъ Анастасіи[2]). По преставленіи Евѳимія и по смерти нѣкоторыхъ другихъ старѣйшихъ отцовъ Лавры Савва, видя, что уставы монастырскіе измѣняются, ушелъ въ восточную пустыню около Іордана, которую въ то время, какъ свѣтлая звѣзда, просвѣщалъ своей жизнью преподобный Герасимъ[3]). Блаженному Саввѣ былъ тридцать пятый годъ отъ роду, когда онъ поселился въ пустынѣ одинъ, упражняясь въ постѣ и непрестанныхъ молитвахъ и содѣлывая умъ свой чистымъ зеркаломъ божественныхъ предметовъ. Тогда діаволъ началъ строить противъ него козни. Однажды въ полночь, когда святый послѣ трудовъ спалъ на землѣ, діаволъ обратился въ множество змѣй и скорпіоновъ и, приблизившись къ Саввѣ, хотѣлъ устрашить его. Онъ же тотчасъ всталъ на молитву, произнося слова Псалма Давидова: **не оу҆бои́шисѧ ѿ стра́ха нощна́гѡ: на а҆́спїда и҆ васїлі́ска настꙋ́пиши**[4]). При сихъ словахъ бѣсъ со своими ужасами тотчасъ исчезъ. Черезъ нѣсколько дней діаволъ обратился въ

---

[1]) *Пустыня Рува* находилась у сѣверо-западныхъ береговъ Мертваго моря — между симъ послѣднимъ, нынѣшнею Іерусалимскою дорогою и Лаврою преп. Саввы Освященнаго.

[2]) Въ 473 г. *Анастсій I* — Патріархъ Іерусалимскій въ 458—478 гг.

[3]) Память преп. Герасима, иже на Іорданѣ, совершается 4-го марта. Скончался онъ въ 475 году.

[4]) Псаломъ **90**, ст. 5, 13.

страшнаго льва и кинулся на святаго, какъ бы желая его съѣсть; бросаясь, онъ пятился назадъ, опять бросался и опять пятился назадъ. Видя, что звѣрь то бросается, то отступаетъ, преподобный сказалъ ему:

— Если у тебя есть отъ Бога власть съѣсть меня, то чего же ты пятишься назадъ? Если же—нѣтъ, то зачѣмъ ты трудишься понапрасну? Ибо силою Христа моего я осилю тебя, левъ!

И тотчасъ бѣсъ, явившійся въ звѣриномъ видѣ, отбѣжалъ съ позоромъ. Съ этихъ поръ Богъ покорилъ Саввѣ всѣхъ звѣрей и змѣй, и сталъ онъ ходить между ними, какъ между кроткими овцами.

Ходя по пустынѣ, Савва встрѣтилъ однажды четырехъ Сарациновъ [1]), очень голодныхъ и усталыхъ; онъ велѣлъ имъ сѣсть и высыпалъ имъ изъ своей одежды коренья, называемыя мелагріей, которыми самъ питался, и тростниковую сердцевину [2]). Они поѣли и подкрѣпились, и, замѣтивъ мѣсто, гдѣ находился Савва, ушли; а черезъ нѣсколько дней они пришли къ нему съ хлѣбомъ, сыромъ и финиками въ благодарность за его доброту, что въ день голода онъ накормилъ ихъ. Савва умилился и со слезами произнесъ въ душѣ своей:

«О горе, душа моя! Сіи люди за малое благодѣяніе, одинъ разъ имъ оказанное, такъ благодарны! Что же дѣлаемъ мы: получаемъ ежечасно неизреченные дары Божіи и бываемъ неблагодарны, живемъ въ лѣности и нерадѣніи, не исполняя Его святыхъ повелѣній!»

Послѣ того пришелъ къ Саввѣ одинъ добродѣтельный монахъ, по имени Анѳъ [3]), который раньше долго жилъ съ преподобнымъ Ѳеодосіемъ [4]); онъ полюбилъ блаженнаго Савву, привязался къ нему и сталъ жить съ нимъ. Однажды напали на нихъ Агаряне [5])

---

[1]) *Сарацины*—иначе Арабы, обитавшіе на Аравійскомъ полуостровѣ и въ Сиріи, частію и въ Палестинѣ.

[2]) *Мелагрія*—малоизвѣстное пустынное растеніе Палестины горьковатаго вкуса.—Подъ *тростникомъ* здѣсь слѣдуетъ разумѣть такъ называемый тростникъ благовонный—растеніе, отличающееся ароматическимъ и пріятнымъ, но горькимъ на вкусъ корнемъ. Оно употреблялось обыкновенно для составленія благовоній ѳиміама, для Богослуженій, а также цѣлебныхъ ароматическихъ маслъ и мазей; но пустынники свѣжіе побѣги и мягкую сердцевину этого растенія употребляли и въ пищу.

[3]) Память его — 12-го декабря.

[4]) Преп. *Ѳеодосій Великій*—киновіархъ Палестинскій, начальникъ и устроитель иноческаго общежитія на Востокѣ; скончался въ 529 году. Память его празднуется Церковію 11-го января.

[5]) *Агаряне*, иначе *сарацины*,—аравійскіе бедуины. Агарянами они назывались оттого, что, по еврейскому преданію, были потомками Измаила, сына Агари, рабыни

и послали впередъ одного изъ своей среды убить ихъ; но, по молитвѣ преподобныхъ отцовъ, вдругъ разверзлась земля и поглотила Агарянина, а остальные Агаряне, увидѣвъ сіе чудо, испугались и бѣжали.

Черезъ сожителя своего Анѳа блаженный Савва познакомился потомъ съ преподобнымъ Ѳеодосіемъ, и они возъимѣли большую любовь другъ къ другу. Въ концѣ четвертаго года пребыванія въ пустынѣ святый Савва во время своихъ странствій по пустынѣ взошелъ однажды на одинъ высокій холмъ[1]), гдѣ блаженная царица Евдокія, супруга царя Ѳеодосія Младшаго, приняла нѣкогда съ радостью душеполезное поученіе отъ Великаго Евѳимія[2]). Тамъ Савва провелъ ночь въ обычныхъ молитвахъ. И было ему видѣніе. Онъ увидѣлъ свѣтлаго Ангела Божія, показывавшаго ему долину, по которой когда-то протекалъ потокъ на югъ отъ Силоама[3]), и сказавшаго:

— Если ты хочешь пустыню сію населить подобно городу, то обратись къ восточной сторонѣ сего потока, и ты увидишь предъ собою пещеру, которая никѣмъ не была занята; взойди и поселись въ ней. Кто даетъ **скотѡ́мъ пи́щꙋ и҆̀хъ, и҆ пте́нцемъ вра́нѡвымъ призыва́ющымъ є҆го̀**[4]), Тотъ и о тебѣ будетъ промышлять.

Когда видѣніе исчезло и наступилъ день, Савва сошелъ съ того холма, при помощи Божіей нашелъ пещеру, которую показалъ ему въ видѣніи Ангелъ, и поселился въ ней. Тогда ему было сорокъ лѣтъ отъ роду. Въ этомъ году скончался Патріархъ Іерусалимскій Анастасій, оставивъ послѣ себя на святительской каѳедрѣ Мартирія[5]); въ томъ же году царь Зенонъ, убивъ мучителя Василиска, возвратилъ себѣ царскую власть[6]).

Авраамовой. Наименованіе это, означавшее первоначально это кочующее племя, впослѣдствіи распространено было христіанскими писателями на всѣхъ Арабовъ, а затѣмъ стало означать вообще мусульманъ.

[1]) Холмъ сей—нынѣшній Мунтаръ.

[2]) Императрица Евдокія, жена Ѳеодосія Младшаго, скончалась въ 460 году въ Іерусалимѣ.

[3]) *Силоамъ*—источникъ, или водоемъ Силоамскій, и устроенная при немъ купальня Силоамская находились на юго-восточной сторонѣ Іерусалима при подошвѣ горъ Сіонъ и Моріа.

[4]) Псаломъ 146, ст. 9.

[5]) Это было въ 478 году. *Мартирій*—Патріархъ Іерусалимскій въ 478—486 гг.

[6]) *Зенонъ*—Византійскій императоръ въ 474—491 гг. Въ 475 г. Василискъ отнялъ у него императорскую власть и царствовалъ до конца 477 года, когда былъ заключенъ Зенономъ въ крѣпость, гдѣ и умеръ голодною смертію со всѣмъ своимъ семействомъ.

Пещера, въ которой поселился преподобный Савва, имѣла очень неудобный входъ; поэтому онъ повѣсилъ веревку, по которой и спускался изъ пещеры, чтобы ходить за водою къ озеру, называемому Ептастомъ и отстоявшему отъ пещеры на пятнадцать стадій [1]). Живя въ сей пещерѣ, преподобный питался сначала травами, растущими около нея. Богъ же,—повелѣвшій Саввѣ тамъ поселиться, послалъ ему и пищу черезъ людей, варваровъ [2]), какъ нѣкогда черезъ вороновъ—Иліи пророку въ Хораѳѣ [3]). Немного времени спустя проходили мимо четыре сарацина, нашли пещеру преподобнаго Саввы и хотѣли влѣзть въ нее, но не могли: такъ неудобенъ былъ входъ въ нее. Увидѣвъ ихъ сверху, блаженный подалъ имъ веревку, чтобы они по ней вошли къ нему. Вошедши въ пещеру, Сарацины ничего не нашли у Саввы; они удивились его жизни и благочестію и, смиловавшись, согласились приносить ему пищу. Такъ они часто приходили къ нему и приносили хлѣбъ, сыръ, финики и другую пищу. И пробылъ преподобный одинъ въ пещерѣ пять лѣтъ, бесѣдуя съ однимъ только Богомъ и побѣждая невидимыхъ враговъ своими неустанными молитвами. Потомъ Богъ благоволилъ ввѣрить ему души многихъ и сдѣлалъ его наставникомъ и пастыремъ словесныхъ овецъ. А именно, по прошествіи пяти лѣтъ безмолвнаго пребыванія его въ пещерѣ стали приходить къ нему многіе изъ разныхъ мѣстъ, желая жить при немъ; онъ же принималъ всѣхъ охотно и указывалъ каждому удобное мѣсто для жительства. Они построили себѣ келліи и жили богоугодно, смотря какъ на образецъ на добродѣтельную жизнь преподобнаго Саввы. Въ короткое время собралось къ нему до семидесяти братій; изъ нихъ выдавались слѣдующіе: Іоаннъ, бывшій потомъ игуменомъ новой лавры [4]), Іаковъ, построившій потомъ лавру на Іорданѣ, такъ называемую Пиргіонъ [5]), Фирминъ и Севиріанъ, изъ которыхъ одинъ устроилъ лавру въ Махмасѣ [6]), а другой—монастырь въ Варихѣ, Іуліанъ, строитель лавры на Іорданѣ, называвшейся

---

[1]) *Ептастъ*, въ переводѣ съ греческаго значитъ «Семиустное» (отъ греч. словъ ἑπτά—семь и στόμα—устье). 15 стадій—около 4 верстъ.

[2]) Т. е. дикихъ иноплеменниковъ, каковыми въ настоящемъ случаѣ были кочующіе сарацины.

[3]) 3 кн. Царствъ, гл. 17, ст. 5—6.

[4]) Здѣсь разумѣется *преп. Іоаннъ Молчальникъ*, епископъ Колонійскій, память котораго празднуется 3-го ноября.

[5]) Такое наименованіе монастырь получилъ отъ своихъ укрѣпленныхъ башенъ, отъ греч. слова πύργος—башня, крѣпость. *Пиргіонъ* значитъ—монастырь съ башнями.

[6]) Нынѣшній *Михмасъ*.

Несклерава[1]), и многіе другіе святые мужи, имена коихъ написаны въ книгахъ жизни вѣчной; надъ всѣми ими настоятельствовалъ преподобный Савва. Каждому приходящему къ нему онъ давалъ приличествующее мѣсто, на которомъ находилась небольшая пещера и келлія. Благодатію Божіею, число подвижниковъ, ревнующихъ о равноангельскомъ житіи, возросло до семидесяти человѣкъ, и всѣхъ ихъ начальникомъ, путеводителемъ и пастыремъ былъ Савва. Онъ вознамѣрился построить башню на горѣ, которая была бы оплотомъ ихъ обители, собралъ своихъ учениковъ и началъ строить ее, и она послужила основаніемъ его великой Лавры.

Когда, такимъ образомъ, число братіи стало умножаться и начала устраиваться Лавра[2]) на холмѣ, на сѣверной сторонѣ потока, преподобный построилъ небольшую церковь въ долинѣ, посреди высохшаго потока, и когда къ нему приходилъ кто-нибудь изъ посвященныхъ въ санъ пресвитера, онъ просилъ того отслужить святую Литургію, самъ же, по смиренію своему, не хотѣлъ принять посвященія и никого изъ братіи не возводилъ въ степень священства. Такъ какъ источникъ былъ далеко отъ того мѣста, то воды не хватало. И вотъ, въ одну ночь святый молился, говоря:

— Господи Боже силъ! Если есть на то воля Твоя, чтобы населилось мѣсто сіе во славу Пресвятаго Твоего Имени, призри на насъ, рабовъ Твоихъ, и даруй намъ воду для утоленія жажды нашей!

Во время сей молитвы послышался святому какой-то голосъ отъ потока; онъ посмотрѣлъ туда и при свѣтѣ полной луны увидѣлъ дикаго осла, который копалъ ногой землю и, прикладывая губы къ ямѣ, пилъ воду. Преподобный тотчасъ сошелъ внизъ и началъ самъ копать на томъ мѣстѣ, гдѣ видѣлъ осла; покопавъ

---

[1]) Монастырь въ Вврихѣ, или Кврпавариха, — нынѣ Бени-Нвимъ, къ югу отъ Хеврона. Всѣ эти иноческія обители были расположены въ пустынѣ по теченію рѣки Іорданъ, неподалеку отъ него.

[2]) Нынѣшняя Лавра преп. Свввы Освященнвго.—Что квсается нвименованія обители его Лаврою, то знвченіе его представляется въ слѣдующемъ видѣ. Лаврв—съ греческаго—чвсть городя, переулокъ—собственно рядъ келлій, расположенныхъ вокругъ жилища настоятеля въ видѣ переулковъ въ городѣ, обнесенный оградой или стѣной. Иноки въ лаврвхъ вели отшельнический обрвзъ жизни и подвизались квждый въ своей келліи, собираясь вмѣстѣ для Богослуженія въ первый и послѣдній день недѣли, а въ остальные дни сохраняя строгое безмолвіе; жизнь въ лаврахъ была много труднѣе, чѣмъ въ другихъ обителяхъ. Съ глубокой древности названіе лавры примѣняется къ многолюднымъ и важнымъ по своему значенію монастырямъ. Впервые появилось оно въ Египтѣ и затѣмъ въ Палестинѣ. Въ настоящее время имя лавры употребляется у насъ исключительно въ смыслѣ почетнвго нязвания.

немного, Савва нашелъ ключевую воду, и образовался тамъ обильный источникъ, достаточный для всей Лавры и никогда не уменьшавшійся[1]).

Еще въ другую ночь, когда Савва ходилъ около потока и пѣлъ Давидовы Псалмы, явился на краю пропасти, бывшей на западъ отъ потока, огненный столпъ, утвержденный въ землѣ, вершиною же своею касающійся неба; и стоялъ святый на молитвѣ до утренней зари. На разсвѣтѣ пошелъ онъ на то мѣсто, гдѣ видѣлъ столпъ, и нашелъ большую чудную пещеру, вродѣ церкви, устроенную Божіею, а не человѣческою рукою; входъ въ нее былъ съ юга, и отъ солнечныхъ лучей въ ней достаточно было свѣта. Украсивъ ту пещеру, Савва устроилъ тамъ церковь и велѣлъ братіи каждую субботу и воскресенье собираться въ нее для Богослуженія: онъ самъ переселился туда, устроилъ себѣ келлію близъ сей нерукотворенной церкви на высокомъ утесѣ и сдѣлалъ тайный ходъ въ церковь; черезъ него онъ ходилъ въ церковь молиться день и ночь.

Число братіи ежедневно увеличивалось—ихъ собралось около полутораста,—келліи уже строились по обѣимъ сторонамъ потока. Въ то же время отцы завели и рабочій скотъ—какъ для строенія Лавры, такъ и для другихъ потребностей. Ибо Савва заботился, чтобы всѣ необходимыя вещи были въ Лаврѣ и чтобы по сей причинѣ братія не принуждены были выходить изъ Лавры въ міръ и соприкасаться съ мірскимъ мятежомъ и суетой. Иноки же, добрѣ пасомые преподобнымъ, приносили плоды, достойные своего званія, и тѣло свое содѣлывали духовнымъ прежде того нетлѣнія, которое получить надѣемся въ будущей жизни. Но освященіе упомянутой пещеры, т. е. той созданной Богомъ церкви, Савва отлагалъ, не желая принять рукоположенія въ санъ пресвитера и считая, по своему смиренію, желаніе быть причисленнымъ къ клиру началомъ и корнемъ честолюбивыхъ мыслей. На возвышавшейся надъ церковію высокой и утесистой скалѣ преподобный Савва построилъ себѣ башню и внутри пещеры, какъ въ раковинѣ, нашедши скрытный путь, ведущій къ башнѣ, удалялся въ нее для совершенія правила и подвиговъ

---

[1]) Списатель житія преп. Саввы монахъ Кириллъ, описывавшій жизнь Саввы со словъ его учениковъ, прибавляетъ къ сему: «Посему даже и донынѣ находится вода посреди Лавры: она доставляетъ великое утѣшеніе отцамъ, и ни зимою не умножается, ни лѣтомъ не умаляется, хотя почти всѣ ее черпаютъ».

постническихъ. Увеличивалась и слава преподобнаго Саввы, и много золота приносили ему боголюбивые люди, а онъ употреблялъ золото на построеніе Лавры. Также и святѣйшій Патріархъ Іерусалимскій Мартирій весьма любилъ Савву и почиталъ, и посылалъ ему необходимое.

Блаженный Мартирій скончался на восьмомъ году своего патріаршества, а послѣ него престолъ принялъ Саллюстій[1]); преподобному Саввѣ шелъ тогда сорокъ восьмой годъ жизни. Въ сіе время явились въ Лаврѣ нѣкоторые иноки развращенные, плотоугодники, дꙋха не имꙋще, какъ сказано въ Писаніи[2]), которые издавна несправедливо обвиняли святаго и всячески его огорчали. Какъ часто среди пшеницы вырастаютъ плевелы и тернъ въ винограде, такъ и изъ числа апостоловъ одинъ оказался предателемъ[3]), и у Елисея былъ невѣрный ученикъ Гіезій[4]). Сіи развращенные братія, лучше сказать — лжебратія, замыслили зло на святаго и пошли во Святый Градъ къ Патріарху съ просьбой поставить имъ игумена. На вопросъ, откуда они, они отвѣчали:

— Мы живемъ при одномъ пустынномъ потокѣ.

Такимъ отвѣтомъ они хотѣли скрыть имя блаженнаго Саввы, такъ какъ знали, что имя его славно и всѣ съ любовію помнятъ о немъ.

Много разъ спрашивалъ ихъ Патріархъ и добивался отвѣта, откуда они. Они противъ воли сказали, что они отъ потока, который зовется по имени нѣкоего инока Саввы. Патріархъ спросилъ:

— Гдѣ же Савва?

Они же, не отвѣчая на вопросъ, начали клеветать на блаженнаго, говоря, что это—грубый, неумѣлый человѣкъ, что онъ не можетъ руководить такою многочисленною братіею, не можетъ, по своей грубости и невѣжеству, управлять такою Лаврой. Они прибавили къ своей клеветѣ и то еще, что Савва ни самъ не хочетъ принять посвященія, и никому изъ братій не позволяетъ. При этой клеветѣ ихъ передъ Патріархомъ случилось быть одному честному и достопамятному мужу, по имени Кирику, пресвитеру

---

[1]) *Саллюстій*— Патріархъ Іерусалимскій въ 486—494 гг.

[2]) Посл. Ап. Іуды, гл. 1, ст. 19.

[3]) Т. е. Іуда Искаріотскій.

[4]) 4 Кн. Царствъ, гл. 5, ст. 20—27. Получивъ обманомъ два таланта серебра и двѣ перемѣны одежды за исцѣленіе Неемана прор. Елисеемъ отъ проказы, Гіезій самъ былъ наказанъ за корыстолюбіе проказою и удаленъ отъ Пророка.

преславной церкви Воскресенія Христова и хранителю Животворящаго Креста Господня. Услышавъ клевету, онъ спросилъ:

— Вы приняли Савву на то мѣсто или Савва васъ принялъ?

Они отвѣчали:

— Савва принялъ насъ, но онъ грубъ и не можетъ управлять нами, когда мы умножились.

Тогда Кирикъ сказалъ имъ:

— Если Савва могъ собрать васъ въ томъ пустынномъ мѣстѣ, то тѣмъ болѣе онъ можетъ, съ помощью Божіею, и пасти васъ.

Они ничего не могли отвѣтить на сіе и замолчали. А Патріархъ, отложивъ испытаніе до утра, тотчасъ послалъ за святымъ Саввою, съ честью приглашая его, какъ будто по какому-то другому дѣлу. Прибылъ блаженный, а Патріархъ ничего не сказалъ ему о клеветникахъ, и клеветникамъ не сказалъ ничего и не обличалъ ихъ, но тотчасъ посвятилъ преподобнаго Савву, хотя и противъ его воли, въ пресвитера[1]). Посвятивъ его, онъ сказалъ клеветникамъ:

— Вотъ вамъ отецъ вашъ и игуменъ вашей Лавры, избранный свыше Богомъ, а не людьми. Я только утвердилъ Божественное избраніе.

Сказавъ сіе, Патріархъ взялъ съ собою святаго Савву и иноковъ тѣхъ и отправился въ Лавру, освятилъ созданную Богомъ церковь, благословилъ всю Лавру и, наказавъ всей братіи повиноваться своему игумену блаженному Саввѣ, возвратился назадъ.

Когда блаженному Саввѣ шелъ пятьдесятъ третій годъ отъ роду, воцарился, по смерти Зенона, Анастасій[2]). Въ тотъ же годъ пришелъ въ Лавру одинъ богоугодный мужъ, родомъ армянинъ, по имени Іеремія, съ двумя учениками—Петромъ и Павломъ. Преподобный Савва весьма обрадовался имъ, далъ имъ ту пещеру, въ которой сначала жилъ самъ, когда одинъ былъ на потокѣ, и позволилъ имъ въ малой церкви совершать молитвенное правило по-армянски по субботамъ и воскресеньямъ; такъ мало-помалу умножились армяне въ Лаврѣ. Въ то же время пришелъ въ Лавру и преподобный отецъ нашъ Іоаннъ, прозванный Молчальникомъ;

---

[1]) Отсюда онъ и получилъ наименованіе «Освященнаго», т. е., по нынѣшнему словоупотребленію, *іеромонаха:* ибо въ тѣ времена монахи и игумены вообще въ рѣдкихъ случаяхъ принимали священство.

[2]) *Анастасій I Дикоръ,* или *Ѳракіецъ,*— Византійскій императоръ, царствовалъ съ 491 по 518 г.

онъ былъ епископомъ въ городѣ Колонахъ, но ради Бога оставилъ свою епископію и, скрывъ свой санъ, трудился въ Лаврѣ какъ простой инокъ.

Преподобный Савва подражалъ святому Евѳимію Великому, который каждый годъ обыкновенно уходилъ въ пустыню въ 14-й день января и проводилъ тамъ весь Великій Постъ. Въ подражаніе ему такъ же поступалъ и преподобный Савва въ томъ же мѣсяцѣ январѣ, но не въ тотъ же день, потому что ожидалъ двадцатаго числа, чтобы совершить въ Лаврѣ память Великаго Евѳимія; по совершеніи ея онъ уходилъ въ пустыню и, удалившись отъ людей и приближаясь къ Богу мыслями и молитвами, оставался тамъ до Вербной субботы.

Однажды, по обычаю, вышелъ онъ изъ Лавры и, ходя около Мертваго моря, увидалъ маленькій пустынный островъ[1]); онъ пожелалъ на немъ провести дни поста и пошелъ къ нему; но зависть бѣсовская помѣшала ему, и онъ упалъ въ какую-то встрѣтившуюся на пути яму, изъ которой, какъ бы изъ темной печи, выходили дымъ и огонь. Савва опалилъ себѣ лицо и бороду, повредилъ и другія части тѣла и сильно захворалъ. Когда онъ возвратился въ Лавру, братія узнали его только по голосу: такъ было опалено его лицо. И лежалъ онъ многіе дни безъ голоса, доколѣ Божественная Сила не сошла на него свыше и не исцѣлила его, и не даровала ему власть на нечистыхъ духовъ. Борода же его не выросла уже потомъ такою, какъ была прежде, стала небольшою и рѣдкою, а онъ благодарилъ Бога за уменьшеніе бороды, чтобы не тщеславиться ему красотою ея.

На другой годъ опять по обычаю ушелъ онъ въ пустыню, вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Агапитомъ. Черезъ нѣсколько дней Агапитъ легъ на песокъ отъ утомленія и голода и уснулъ, а блаженный Савва въ нѣкоторомъ отдаленіи стоялъ отъ него и молился; вдругъ явился огромный левъ, остановился надъ спящимъ Агапитомъ и началъ его обнюхивать съ ногъ до головы. Увидѣвъ льва надъ ученикомъ, блаженный Савва испугался, какъ бы онъ не съѣлъ спящаго, и тотчасъ прилежно помолился о своемъ ученикѣ, чтобы Богъ сохранилъ его отъ звѣря. Богъ услышалъ Своего раба, заградилъ пасть льву, и левъ, не причинивъ никакого вреда Агапиту, какъ бы ударяемый кнутомъ, побѣжалъ въ пустыню.

[1]) Это—единственный островъ на Мертвомъ морѣ, недалеко къ западу отъ устья Іордана.

Убѣгая, онъ ударилъ хвостомъ по лицу спящаго; тотъ проснулся, затрепеталъ при видѣ льва и побѣжалъ къ святому отцу, а Савва сталъ поучать его не предаваться долгому сну, чтобы не сдѣлаться когда-нибудь пищей звѣрямъ, особенно невидимымъ.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ годовъ блаженный такимъ же образомъ по обычаю съ тѣмъ же ученикомъ ходилъ по пустынѣ къ сѣверу отъ Іордана и нашелъ въ одной горѣ пещеру, а въ ней—прозорливаго отшельника. Когда онъ сотворилъ молитву и приступилъ къ бесѣдѣ, отшельникъ съ удивленіемъ спросилъ:

— Что заставило тебя, чудный Савва, придти къ намъ? Или кто тебѣ показалъ мѣсто сіе? Вотъ, тридцать восемь лѣтъ я здѣсь, по милости Божіей, и не видалъ ни одного человѣка: какъ ты пришелъ сюда?

Блаженный же Савва отвѣчалъ:

— Богъ, открывшій тебѣ мое имя, показалъ мнѣ и мѣсто сіе.

Послѣ душеполезной бесѣды они облобызались, и Савва съ своимъ ученикомъ ушелъ въ пустыню. Приближалось время возвращенія въ Лавру, и сказалъ Савва ученику:

— Пойдемъ, братъ, простимся съ рабомъ Божіимъ въ пещерѣ.

Пришедши, они нашли его колѣнопреклоненнымъ, лицомъ къ востоку; они подумали, что онъ молится, и долго ждали. День сталъ склоняться къ вечеру, и Савва, видя, что старецъ все не встаетъ съ молитвы, сказалъ:

— Благослови насъ, отче.

Но отвѣта не было.

Савва подошелъ поближе къ нему и увидѣлъ, что онъ скончался. Тогда Савва обратился къ ученику со словами:

— Приближься, сынъ мой, предадимъ погребенію тѣло святаго: для сего насъ сюда Богъ и послалъ.

Совершивъ надъ почившимъ обычное надгробное пѣніе, они погребли его въ той же пещерѣ, загородили входъ камнемъ и возвратились въ Лавру.

Въ тотъ годъ, когда была освящена созданная Богомъ церковь, умеръ въ Александріи родитель блаженнаго Іоаннъ, пользовавшійся большою властью въ Исаврійскомъ округѣ[1]), а блаженная мать его Софія, уже весьма состарѣвшаяся, распродавъ все

---

[1]) *Исаврія*—небольшая гористая область на югѣ Малой Азіи.

свое имущество, пришла въ Іерусалимъ къ сыну своему Саввѣ со множествомъ денегъ. Онъ принялъ ее и убѣдилъ постричься въ монахини; немного поживъ въ иноческомъ образѣ, она преставилась ко Господу. Принесенныя же ею деньги Савва истратилъ на монастырскія нужды и на постройку страннопріимныхъ домовъ: одинъ онъ построилъ при Іерихонѣ[1]), а другой — въ Лаврѣ съ тѣмъ, чтобы въ первомъ помѣщались путники изъ мірянъ, а въ другомъ — иноки. Во время постройки страннопріимнаго дома въ Лаврѣ преподобный Савва послалъ одного брата съ монастырскимъ скотомъ въ Іерихонъ, чтобы оттуда привезти лѣсу на постройку. На обратномъ пути было очень знойно, и иноку сильно захотѣлось пить, а такъ какъ воды нигдѣ не было, ибо мѣстность та была пустынная и безводная, то онъ упалъ на землю въ изнеможеніи отъ жары. Тогда онъ вспомнилъ святаго старца и произнесъ:

— Господи Боже аввы моего Саввы, не оставь меня!

И тотчасъ явилось надъ нимъ облако, испустило росу и прохладило его и скотъ, везшій бревна; и шло это облако надъ нимъ до самой Лавры, осѣняя его и прохлаждая отъ зноя. Сіе произошло по молитвамъ святаго отца его Саввы, имя котораго онъ призвалъ въ своей бѣдѣ.

Однажды во время поста преподобный Савва захотѣлъ взойти на гору Кастеллійскую, отстоящую къ сѣверу отъ Лавры на двадцать стадій[2]); гора была недоступна для людей и страшна своимъ опаснымъ и неудобнымъ всходомъ и ужасами, случавшимися на ней: много бѣсовъ гнѣздилось на той горѣ и пугало проходившихъ различными явленіями. Преподобный же, избравъ, по слову Псалмопѣвца, Вышняго прибѣжищемъ себѣ[3]), взошелъ на ту гору, окропилъ ее со всѣхъ сторонъ елеемъ, взятымъ изъ лампады отъ Святаго Креста, и, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ какъ необоримою стѣною, жилъ тамъ все время Великаго Поста. Но сначала каждый день ему приходилось бороться съ бѣсами; они нападали на него то въ видѣ звѣрей, то, обратившись въ гадовъ, то въ птицъ, испускали крикъ, вопль и шумъ, такъ что преподобный какъ человѣкъ устрашился и думалъ было сойти съ горы. Но Кто нѣкогда укрѣпилъ Антонія Великаго въ такой

---

[1]) *Іерихонъ* — городъ на западномъ берегу Іордана, недалеко отъ Іерусалима.

[2]) *Кастеллій* — нынѣшній Хирбетъ Мирдъ, въ разстояніи около 3½ верстъ отъ Лавры Саввы Освященнаго.

[3]) Ср. Псал. 90, ст. 9.

же борьбѣ съ бѣсами[1]), Тотъ, явившись и сему святому, повелѣлъ быть смѣлымъ, надѣясь на силу крестную. И жилъ блаженный безъ страха, молитвою и крестнымъ знаменіемъ прогоняя далеко отъ себя всѣ ужасы, наводимые бѣсами. Въ концѣ Великаго Поста, когда святый ночью стоялъ на молитвѣ объ очищеніи сего мѣста отъ гнѣздившихся въ немъ нечистыхъ духовъ, бѣсы вдругъ начали противъ него послѣднюю и самую страшную борьбу: многое множество ихъ явилось,—какъ обыкновенно являются они въ образахъ звѣрей, гадовъ, птицъ,—и напало на святаго съ громкимъ крикомъ; казалось, вся гора тряслась. Но святый нимало не испугался, а продолжалъ молиться Богу. Тогда бѣсы закричали:

— О горе! Что мы терпимъ отъ тебя, Савва! Мало тебѣ было заселить долину при потокѣ, мало тебѣ было пещеры и скалы: ты и пустыню, черезъ которую проходилъ, сдѣлалъ обитаемой! Ты и сюда пришелъ въ наше жилище, чтобы изгнать насъ отсюда! Вотъ, мы уже уходимъ отсюда, не можемъ противиться тебѣ, потому что тебѣ помогаетъ Богъ!

И тотчасъ съ рыданіемъ и воплемъ, громкимъ говоромъ и страшнымъ шумомъ они, въ видѣ вороновъ, улетѣли съ горы въ ту ночь. Недалеко отъ той горы ночевали пастухи съ своими стадами; они видѣли, какъ бѣсы летѣли прочь отъ горы, слышали ихъ вопль и пришли къ преподобному Саввѣ сказать о семъ. Онъ же, возблагодаривъ Бога за изгнаніе бѣсовъ, по прошествіи дней поста возвратился въ Лавру справлять вмѣстѣ съ братіей наступающій праздникъ Воскресенія Христова. По прошествіи дней праздника, взявъ нѣсколькихъ изъ братій, онъ пришелъ опять въ Кастеллій и сталъ очищать мѣсто и строить келліи: во время работы они нашли подъ холмомъ большой домъ со сводомъ, прекрасно выложенный хорошимъ камнемъ и удобный для житья; они очистили и украсили сей домъ, сдѣлали въ немъ церковь и освятили. Такъ устроилъ здѣсь преподобный киновію. Во время устройства сей киновіи однажды вышла вся пища. И вотъ, Ангелъ Господень явился въ видѣніи настоятелю киновіи близъ св. Виѳлеема[2]), по имени Маркіану, и сказалъ:

---

[1]) Т. е. Господь Іисусъ Христосъ, Который, среди жесточайшихъ искушеній, явился преп. Антонію Великому въ видѣ свѣтлаго облака и укрѣплялъ его, ободряя божественнымъ гласомъ, что Онъ всегда съ нимъ.

[2]) *Виѳлеемъ* — небольшой городокъ въ колѣнѣ Іудиномъ, въ 2 часахъ пути къ югу отъ Іерусалима,—мѣсто Рождества Христова.

— Вотъ, ты, Маркіанъ, сидишь покойно, у тебя есть все, что нужно, а рабъ Божій Савва трудится въ Кастелліи съ братіею изъ любви къ Богу, и нѣтъ у него необходимой пищи и питья, и некому принести ему то, что нужно. Итакъ, безъ отлагательства пошли имъ пищи, чтобы они не изнемогли отъ голода.

Маркіанъ тотчасъ навьючилъ скотъ различной пищей и послалъ ее въ Кастеллій къ преподобному Саввѣ; преподобный же, принявъ присланное, возблагодарилъ Бога, промышляющаго о рабахъ Своихъ.

Устроивъ киновію, Савва собралъ туда достаточное число братіи и поручилъ ее одному пустыннику Павлу, жившему долгое время съ ученикомъ его Ѳеодоромъ. Но Павелъ черезъ нѣсколько времени преставился, все же управленіе принялъ на себя Ѳеодоръ. Онъ привелъ въ монастырь своего брата Сергія и другого Павла, своего дядю, которые послѣ начальствовали въ Кастелліи, а потомъ были епископами въ Аилѣ и Амаѳунтѣ[1]).

Основавъ въ Кастелліи киновію, преподобный Савва употреблялъ всевозможное стараніе населить ее мужами добродѣтельными, въ подвигахъ и искупленными иноками; мірскимъ же людямъ, желавшимъ постричься, а также безбородымъ юношамъ онъ не позволялъ жить ни въ Кастеллійской киновіи, ни въ Лаврѣ; для нихъ онъ построилъ еще маленькую киновію на сѣверной сторонѣ и далъ имъ опытныхъ наставниковъ, чтобъ поучать начинающихъ правиламъ монастырской жизни. Начинающіе прежде всего должны были выучивать Псалтирь и весь чинъ молитвеннаго пѣнія, а также узнать весь иноческій уставъ, затѣмъ пріучаться къ подвигамъ и трудамъ, соблюдать свой умъ отъ мірскихъ суетныхъ воспоминаній и противиться злымъ помысламъ, обуздывать свою волю и быть послушными, кроткими, смиренными, молчаливыми, бодрыми и осторожными, охранять себя отъ соблазновъ вражескихъ. Кто успѣшно усваивалъ себѣ сіи начала иноческой жизни, того преподобный переводилъ въ большую киновію или въ Лавру, а нѣкоторыхъ изъ начинающихъ, особенно помоложе, онъ отсылалъ къ преподобному отцу Ѳеодосію, который тогда уже оставилъ Каѳисматную церковь и устроилъ монастырь въ тридцати пяти стадіяхъ на западъ отъ

---

[1]) *Амаѳунтъ*—городъ на о. Кипрѣ, нынѣ Палео-Лимиссо. *Аила*—крайній южный городъ Палестины, находившійся въ глубинѣ залива Краснаго моря, нынѣ—развалины близъ Акабы.

Лавры[1]). Оба они, Савва и Θеодосій, были во всемъ единодушны и согласны другъ съ другомъ; поэтому Іерусалимляне называли ихъ новой апостольскою двоицею, подобною двоицѣ Петра и Павла. Имъ было ввѣрено начальство надъ всѣми монашествующими. Это произошло слѣдующимъ образомъ. По смерти блаженнаго архимандрита Маркіана собрались всѣ иноки изъ лавръ и монастырей, изъ горъ и пустынь въ епископскій домъ къ Патріарху Саллюстію, который былъ тогда боленъ, и, по общему согласію, представили ему Θеодосія и Савву, чтобы онъ поставилъ ихъ архимандритами и начальниками всѣхъ монастырей, находящихся около Святаго Града, потому что сіи святые мужи были пустынники, не имѣли никакого имущества, украшены были и жизнію, и словомъ и исполнены Божественныхъ даровъ. Съ того времени преподобный Θеодосій начальствовалъ надъ общежительными монастырями, а преподобный Савва—надъ отцами отшельниками.

Когда, по преставленіи Патріарха Саллюстія, вмѣсто него на престолъ былъ возведенъ Илія[2]), въ то время блаженный Савва торговалъ одну землю, прилегавшую къ его Лаврѣ; онъ хотѣлъ на ней построить келліи для приходящихъ издалека иноковъ. Владѣлецъ же просилъ много золота, а у старца въ то время было только ползлатицы[3]); однако, возложивъ надежду на Бога, въ Коего съ любовію глубоко вѣрилъ, Савва сказалъ продававшему:

— Возьми, братъ, теперь сіе въ задатокъ до утра, а если утромъ я не отдамъ всей суммы, то пусть я лишусь задатка.

Ночью, уже подъ утро, стоялъ святый на молитвѣ; вдругъ вошелъ какой-то незнакомецъ и, давъ ему въ руки сто семьдесятъ золотыхъ монетъ, тотчасъ ушелъ, не сказавъ, кто онъ и откуда. Удивившись Промыслу Божію и возблагодаривъ Бога, преподобный

---

[1]) *Кависматная* церковь, въ переводѣ съ греческаго, значитъ «Сѣдалищная»; была устроена одной благочестивой вдовой въ честь Пресвятой Богородицы на мѣстѣ, называемомъ «Ветхое сѣдалище», въ окрестностяхъ Іерусалима. Мѣсто это получило свое наименованіе отъ «Сѣдалища», или возвышенія, устроеннаго на немъ Константиномъ Великимъ, гдѣ долгое время потомъ совершался обрядъ Воздвиженія Креста Господня. Въ это время преп. Θеодосій Великій оставилъ сію церковь и устроилъ общежительный монастырь, въ которомъ подвизалось около 700 человѣкъ братій. Монастырь находился отъ Лавры преп. Саввы въ разстояніи 6 съ лишкомъ верстъ; нынѣ *хирбетъ дейтъ ибнъ-Обейдъ*, или *дейтъ Дози*.

[2]) *Илія II* — Патріархъ Іерусалимскій въ 494—517 гг.

[3]) *Златица*—золотой, червонецъ.

отдалъ деньги продавцу и построилъ вторую гостинницу для помѣщенія братіи, приходящей изъ дальнихъ странъ. Также и для Кастеллійской киновіи онъ купилъ два страннопріимныхъ дома, одинъ—во Святомъ Градѣ, близъ башни Давида[1]), а другой—въ Іерихонѣ.

Въ то время пришли въ Лавру два родные брата, родомъ изъ Исавріи, по имени Ѳеодулъ и Геласій, какъ бы вторые Веселеилъ и Еліавъ, искусные строители скиніи[2]), которыхъ Богъ послалъ къ преподобному Саввѣ; при помощи ихъ онъ окончательно отстроилъ Лавру. Онъ пристроилъ еще келлій, построилъ больницу и пекарню, купель при потокѣ и большую церковь во имя Пречистой Богородицы; ибо та нерукотворенная церковь, которую Богъ указалъ преподобному огненнымъ столпомъ, стала уже тѣсна и во время службы не могла вмѣщать всей братіи, которой собралось уже очень много; поэтому близъ нея Савва построилъ другую церковь, больше и просторнѣе, во имя Пречистой Богоматери; ее освятилъ Патріархъ Илія. Въ сію церковь Пресвятой Богородицы Савва велѣлъ собираться на славословіе Божіе, а въ Богоявленскую церковь перевелъ армянъ и учредилъ тамъ всенощное пѣніе въ воскресенья и въ большіе праздники.

Нѣкоторые изъ братій-армянъ слѣдовали тогда суетному еретическому ученію Петра, по прозванію Фуллона[3]): къ ангельскому трисвятому пѣнію они прибавляли слова:

«Распныйся за ны, помилуй насъ».

Чтобы уничтожить это заблужденіе среди братіи, блаженный Савва велѣлъ армянамъ пѣть Трисвятое не по-армянски, а по-гре-

---

[1]) Башня Давидова лежитъ на сѣверномъ углу Сіона, гдѣ послѣдній горною цѣпью соединяется съ сѣверными холмами, близъ Яффскихъ воротъ, гдѣ нынѣ цитадель ель-Калаа, состоящая изъ нѣсколькихъ башенъ различной величины и неправильнаго вида.

[2]) Кн. Исх., гл. 31, ст. 2, 6.

[3]) Во время распространенія монофизитской ереси (во 2-й половинѣ V в.), утверждавшей, что въ Іисусѣ Христѣ пребывало тайно одно естество Божеское, поглотившее природу человѣческую, нѣкто *Петръ Фуллонъ*, онъ же Кнафей, что значитъ *валяльщикъ сукна*, такъ какъ въ молодости онъ занимался этимъ ремесломъ (Фуллонъ—латинское изваніе валяльщика, а Кнафей—греческое), еще будучи пресвитеромъ (впослѣдствіи онъ былъ лжепатріархомъ Антіохійскимъ) прибавлялъ къ Трисвятому («Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ»)—«распныйся за ны». Такъ какъ онъ былъ монофелитъ (т. е. признавалъ во Христѣ не два, но одно естество Божественное), то этою прибавкою хотѣлъ выразить, что въ страданіяхъ Спасителя страдало не только Его Божество, но даже и вся Св. Троица. Послѣдователи Петра составили особую секту Ѳеопасхитовъ, сильно волновавшую православный міръ. Впослѣдствіи эта прибавка, къ соблазну православныхъ Церкви Восточной, проникла вслѣдствіе недоразумѣній и непониманія греческихъ терминовъ и словоизраженій и въ оставшуюся вѣрною Православію Армянскую Церковь, гдѣ и доселѣ употребляется при Богослуженіяхъ.

чески. Такъ они и пѣли всю службу по-армянски, а Трисвятое по-гречески, и, такимъ образомъ, тѣ ошибочныя слова Фуллона къ Трисвятому армянами уже не прибавлялись.

Такъ хорошо управлялъ всѣмъ Савва. Но опять тѣ клеветники, о которыхъ было говорено выше, по наущенію бѣсовскому позавидовали его доброму управленію и съ ненавистью возстали на него. Они привлекли на свою сторону до сорока братій, неопытныхъ въ монастырской жизни, развращенныхъ нравомъ и неблагоразумныхъ, и причиняли святому много непріятностей. Тогда Савва, браннолюбивый съ бѣсами, но кроткій въ отношеніи къ людямъ, уступая ихъ несправедливому гнѣву, оставилъ Лавру, ушелъ въ страну Скиѳопольскую[1]) и остановился въ пустынѣ при рѣкѣ, называемой Гадаринской[2]). Найдя львиную пещеру, онъ вошелъ туда и, помолившись, легъ спать на львиномъ логовищѣ, ибо настала ночь. Въ полночь пришелъ левъ и, найдя на своемъ логовищѣ спящаго старца, схватилъ его зубами за одежду и потащилъ изъ пещеры, чтобы тотъ уступилъ ему его мѣсто. Преподобный проснулся, однако не испугался, увидѣвъ страшнаго льва, но тотчасъ, вставъ, началъ совершать полуночныя молитвы, а левъ вышелъ и ждалъ, пока онъ совершитъ положенныя молитвы. Окончивъ полунощницу, старецъ сѣлъ опять на томъ же мѣстѣ, гдѣ лежалъ левъ, а левъ вошелъ опять и, схвативъ зубами за край одежды, сталъ тащить изъ пещеры святаго отца. Тогда старецъ сказалъ льву:

— Звѣрь! Пещера просторна, намъ обоимъ ся хватитъ, и мы можемъ жить оба вмѣстѣ: одинъ Творецъ насъ создалъ. Если же ты не хочешь быть со мной вмѣстѣ, то ты лучше уйди отсюда: я достойнѣе тебя, потому что созданъ рукою Божіею и почтенъ Его образомъ.

Услыхавъ сіе, левъ устыдился старца и ушелъ.

Узнали скиѳопольцы и гадаринцы, что блаженный живетъ въ той пещерѣ, и начали приходить къ нему. Въ числѣ ихъ былъ юноша по имени Василій, который оставилъ міръ, постригся у преподобнаго отца Саввы и сталъ жить съ нимъ. Услышали о

---

[1]) *Скиѳополь,* нынѣ *Бейсанъ,*—городъ Палестинскій, лежалъ на большой древней караванной дорогѣ изъ Дамаска въ Египетъ, шедшей по восточной сторонѣ Геннисаретскаго озера, переходившей чрезъ Іорданъ и тянувшейся дальше по направленію къ Египту. Скиѳополь находился въ разстояніи 100 верстъ отъ Іерусалима.

[2]) Въ Заіорданьѣ, близъ нынѣшняго Мкеса при рѣкѣ Ярмукѣ, нынѣ шеріатъ ель-Менадире, недалеко отъ города Гадары при Геннисаретскомъ озерѣ.

постриженіи Василія разбойники и подумали, что онъ много золота принесъ со собой въ пещеру къ преподобному Саввѣ, такъ какъ сей юноша былъ изъ благородныхъ и богатыхъ. Ночью разбойники напали на нихъ, но ничего не нашли и, подивившись ихъ нестяжательности, ушли. И вдругъ видятъ: навстрѣчу имъ идутъ два большихъ, страшныхъ льва. Они подумали, что это Богъ ихъ наказываетъ за то, что они осмѣлились напасть на рабовъ Его. И закричали они звѣрямъ громкимъ голосомъ:

— Заклинаемъ васъ молитвами отца Саввы, уйдите съ дороги, не встрѣчайтесь намъ!

Услышавъ имя святаго Саввы, львы отбѣжали, какъ будто ихъ прогнали бичомъ. Разбойники же, удивившись сему чуду, возвратились къ преподобному и разсказали о томъ, что случилось, раскаялись въ своихъ злыхъ дѣлахъ, перестали заниматься разбоемъ и начали жить своими трудами.

Когда разнеслась молва о семъ происшествіи, то многіе начали приходить къ Саввѣ: ибо онъ въ немногіе дни построилъ себѣ и келлію. Но какъ скоро Савва увидѣлъ, что мірскіе люди начали его безпокоить, то, какъ птица, ищущая уединенія и безмолвія, тайно удалился въ другое пустынное мѣсто; братію же поручилъ Господу, поставивъ надъ нею игумена. Довольно долго пробывъ въ безмолвіи, преподобный возвратился опять въ Лавру, надѣясь, что недовольные перестали роптать и злобствовать; но оказалось, что они не исправились, а продолжали пребывать въ своей злобѣ, и стало ихъ еще больше, всего человѣкъ до шестидесяти. Онъ оплакивалъ ихъ, какъ погибшихъ, и отечески увѣщевалъ ихъ: дерзости ихъ онъ противопоставилъ долготерпѣніе, ненависти—любовь и слова свои одушевлялъ духовною мудростію и искренностію; но потомъ, видя, что они еще болѣе укрѣпляются во злѣ, поступаютъ безстыдно и не хотятъ идти путемъ смиренія, оставилъ Лавру и удалился въ страну Никопольскую[1]); тамъ онъ поселился подъ такъ называемымъ Рожковымъ деревомъ[2]). Савва питался плодами того дерева и укрывался подъ его вѣтвями. Владѣлецъ той мѣстности, узнавъ о Саввѣ, пришелъ къ нему и

---

[1]) Нынѣшній *Амвасъ*, по дорогѣ изъ Ромлэ въ Іерусалимъ.

[2]) *Рожковое дерево*, или *рожечникъ*, весьма извѣстное въ Сиріи и на Востокѣ, имѣетъ шероховатый и толстый стволъ съ пепельно-сѣрою корою и множествомъ кривыхъ развѣсистыхъ сучьевъ и вѣтвей, покрытыхъ толстыми листьями; плоды его извѣстны у насъ въ сушеномъ видѣ подъ именемъ цареградскихъ стручковъ.

построилъ ему на семъ мѣстѣ келлію, и черезъ нѣсколько дней, благодатію Христовою, собрались къ преподобному братія; такъ образовалась на томъ мѣстѣ киновія. Блаженный Савва жилъ тамъ, а ненавистники его въ Лаврѣ распустили слухъ между братіею, что Савва съѣденъ въ пустынѣ звѣрями; они отправились къ блаженному Патріарху Иліи и сказали:

— Отецъ нашъ во время странствованій по пустынѣ около Мертваго моря растерзанъ львами; просимъ твою святыню дать намъ игумена.

Блаженный же Илія, зная жизнь Саввы съ юности, сказалъ инокамъ:

— Я не вѣрю вамъ, ибо знаю, что Господь правосуденъ: Онъ не презритъ столькихъ добрыхъ дѣлъ отца вашего и не попуститъ ему быть съѣдену звѣрями; идите лучше поищите отца вашего или посидите у себя въ келліяхъ и помолчите, пока Богъ не откроетъ его.

И такъ возвратились враги Саввы со стыдомъ.

Наступилъ праздникъ обновленія храма Воскресенія Господня въ Іерусалимѣ[1]), и собрались всѣ палестинскіе епископы и игумены; пришелъ и преподобный Савва съ нѣсколькими братіями изъ Никопольскаго монастыря. Патріархъ очень обрадовался, увидавъ его, и наединѣ сталъ уговаривать опять возвратиться въ Лавру. Онъ же отказывался, говоря, что свыше его силъ управлять и заботиться о такомъ множествѣ братій, и просилъ прощенья. Но Патріархъ сказалъ:

— Если не исполнишь моей просьбы и совѣта, то не являйся мнѣ на глаза: не могу я терпѣть, чтобы трудами твоими владѣли другіе.

Тогда блаженный Савва, хотя и противъ желанія своего, открылъ Патріарху о причинѣ своего ухода изъ Лавры:

— Пусть не буду я повиненъ въ ссорахъ и расколахъ братіи, — прибавилъ онъ и разсказалъ о возстающихъ на него ненавистникахъ.

Ослушаться Патріарха Савва не могъ и повиновался: Никопольскому монастырю онъ поставилъ игуменомъ своего ученика, при-

---

[1]) Память Обновленія или Освященія храма Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ, созданнаго Константиномъ Великимъ въ 335 г. на Голгоѳѣ, празднуется Церковію 13-го сентября. Этотъ праздникъ въ Іерусалимѣ совершался и донынѣ совершается съ особою торжественностью и привлекаетъ въ Іерусалимъ множество паломниковъ.

шедшаго вмѣстѣ съ нимъ изъ Никополя, а самъ отправился въ свою Лавру. Патріархъ послалъ съ нимъ слѣдующій указъ къ братіи:

«Объявляю вамъ, братіямъ о Христѣ, что отецъ вашъ Савва живъ, а не съѣденъ звѣрями, какъ вы слышали и разсказывали: онъ пришелъ ко мнѣ на праздникъ, и я удержалъ его, считая несправедливымъ дѣломъ, чтобы онъ оставилъ свою Лавру, которую устроилъ съ помощью Божіею своими трудами, убѣдилъ возвратиться въ нее. Итакъ, примите своего отца радушно и съ должною честію и повинуйтесь ему во всемъ, такъ какъ не вы избрали его, а онъ васъ собралъ. Если же нѣкоторые изъ васъ, гордые и непокорные, не захотятъ смириться и покоряться ему, тѣмъ мы повелѣваемъ тотчасъ уйти изъ Лавры: не подобаетъ сему отцу не занимать своего мѣста».

Когда сіе посланіе было прочтено въ Лаврѣ посреди церкви, враги Саввы, ослѣпленные злобой, подняли крикъ и смятеніе, обвиняя неповиннаго и чистаго сердцемъ святаго отца; одни укоряли его, бранили, злословили, другіе, взявъ свои одежды и вещи, собирались уйти изъ Лавры, а нѣкоторые, схвативъ топоры и ломы, устремились къ келліи, которую построилъ самъ преподобный Савва, въ неистовствѣ разорили ее до основанія, побросали дерево и камень внизъ, въ потокъ, и ушли въ Сукійскую Лавру[1]). Игуменъ же той лавры Аквилинъ, человѣкъ богоугодный, зная о злобѣ ихъ, не принялъ ихъ и прогналъ изъ своей Лавры. Тогда они пошли къ Ѳекойскому потоку[2]), тамъ построили себѣ келліи и поселились. Такъ были вырваны сіи плевелы изъ Лавры, а оставшіеся братія, какъ пшеница, были плодомъ, угоднымъ Богу и, умножаясь, безпрепятственно приносили Богу чистоту сердца. Прошло немного времени, и услышалъ святый Савва, гдѣ находятся ушедшіе изъ Лавры и о томъ, что они терпятъ большую нужду; тогда онъ навьючилъ много пищи на лаврскихъ лошадей и ословъ и отправился съ этимъ къ нимъ: съ одной стороны, желая утолить ихъ гнѣвъ, съ другой,—помочь имъ въ ихъ нуждѣ. Нѣко-

---

[1]) *Сукійская Лавра* была основана преп. Харитономъ (память его — 28-го сентября) во внутренней пустынѣ Іудейской, при пещерѣ, гдѣ онъ сначала подвизался въ уединеніи, къ югу отъ Виѳлеема; нынѣ—могаретъ Харейтуиъ. Сукійская Лавра—сирское ея наименованіе, по-гречески же она именовалась *Старою Лаврою*.

[2]) *Ѳекойскій потокъ* протекалъ по Ѳекойской пустынѣ, составлявшей часть великой пустыни Іудейской, къ югу отъ Сукійской Лавры.

торые же изъ нихъ, увидѣвъ, что блаженный Савва идетъ къ нимъ, стали говорить:

— Ну, и сюда пришелъ этотъ лицемѣръ!

И другія злословія произносили они въ гнѣвѣ и ярости. Онъ же, незлобивый, съ любовію посмотрѣлъ на нихъ, сказалъ имъ доброе слово и утѣшилъ пищею. Увидѣвъ ихъ тѣсноту, нужду и безпорядокъ,—ибо они были, какъ овцы безъ пастыря,—онъ увѣдомилъ обо всемъ Патріарха и просилъ его позаботиться о нихъ. Патріархъ поручилъ ихъ ему, давъ на постройку литру золота[1]) и еще много необходимаго. Савва отправился къ нимъ, пробылъ у нихъ пять мѣсяцевъ, построилъ имъ церковь, пекарню и устроилъ новую лавру[2]); туда изъ старой Лавры онъ перевелъ одного изъ опытныхъ отцовъ, по имени Іоанна, человѣка прозорливаго, имѣвшаго даръ пророческій, и поставилъ имъ его игуменомъ. Послѣ сего онъ возвратился въ свою Лавру.

Іоаннъ начальствовалъ надъ сей новой лаврою семь лѣтъ и преставился ко Господу[3]). Передъ кончиной онъ предсказалъ будущее о новой лаврѣ; онъ прослезился и сказалъ окружавшимъ его:

— Вотъ, наступаютъ дни, въ которые жители мѣста сего отпадутъ отъ правой вѣры и въ гордости возмечтаютъ о себѣ, но дерзость ихъ разрушится, и величіе ихъ внезапно падетъ, и они будутъ изгнаны.

Послѣ Іоанна игуменомъ былъ Павелъ, родомъ римлянинъ; онъ былъ весьма простъ сердцемъ и сіялъ Божественными добродѣтелями, но начальствовалъ только шесть мѣсяцевъ и, не стерпѣвъ несогласій, бѣжалъ во Аравію, гдѣ и скончался въ монастырѣ Севиріановомъ[4]). Узнавъ о бѣгствѣ Павла, Савва поставилъ въ игумена новой лаврѣ ученика своего Агапита. Агапитъ нашелъ, что нѣкоторые изъ братій держатся ученія Оригенова[5]): оно было, какъ

---

[1]) *Литра*—фунтъ, византійская мѣра вѣса, равная 72 золотникамъ; въ золотѣ она стоила до 506 р.

[2]) Нынѣ хирбетъ елъ-Кусеиръ, при соединеніи потоковъ воды Мухта елъ-Жуссъ и вади Муалленъ. Основаніе сей обители относится къ 507 году.

[3]) Это было въ 514 году. По сказанію списателя житія преп. Саввы Освященнаго, инока Кирилла, сей Іоаннъ былъ чудотворецъ. Память его совершается въ субботу Сырную.

[4]) Иначе—въ монастырѣ въ Варихѣ, или Карпарварихѣ. См. на стр. 130 прим. 1.

[5]) Въ своихъ сочиненіяхъ Оригенъ придерживался нѣкоторыхъ неправославныхъ мыслей, не высказывая ихъ, однако, какъ непреложныя истины; но крайніе послѣдователи его ученія, настойчиво проповѣдуя и распространяя ихъ, смущали православныхъ и волновали Церковь Христову. Такъ, Оригенъ неправо мыслилъ о Христѣ: развивая неправославное ученіе о предсуществованіи душъ и полагая, что Богъ создалъ опредѣ-

ядъ змѣиный въ ихъ устахъ и какъ болѣзненная язва подъ языкомъ. Въ числѣ ихъ первымъ былъ нѣкоторый палестинецъ, по имени Нонпъ, который казался истиннымъ христіаниномъ, съ виду благочестивымъ, внутри же полонъ былъ языческихъ и іудейскихъ лжеученій и пагубныхъ ересей: Манихейской[1]), Дидимовой, Евагріевой[2]) и Оригеновой. Нашедши такихъ братій, Агапитъ изъ боязни, какъ бы и другіе не заразились тѣми же ересями, сообщилъ

леніи число духовныхъ существъ равнаго достоинства, онъ далѣе высказывалъ, что одинъ изъ этихъ сотворенныхъ духовъ съ такою пламенною любовію устремился къ Божеству, что неразрывно соединился съ Божественнымъ Словомъ и сталъ его тварнымъ носителемъ и что это, будто, и есть та человѣческая душа, посредствомъ которой Богъ-Слово могъ воплотиться на землѣ, такъ какъ непосредственное воплощеніе Божества, будто бы, немыслимо. Далѣе, Оригенъ въ неправославномъ смыслѣ понималъ и крестную смерть Христову, представляя ее чѣмъ-то духовно повторяемымъ въ духовномъ мірѣ и имѣющимъ тамъ дѣйствіе на освобожденіе Ангеловъ и приписывая въ дѣлѣ спасенія слишкомъ многое дѣйствію обыкновенныхъ силъ, коими одарена наша природа. Неправо мыслилъ Оригенъ и въ нѣкоторыхъ пунктахъ своего ученія о воскресеніи и будущей жизни, напр., о томъ, что діаволъ можетъ спастись, и въ толкованіи Св Писанія слишкомъ многое преувеличенно понималъ въ мистическомъ, таинственномъ смыслѣ, уничтожая чрезъ то истинный историческій смыслъ Писанія.

[1]) *Манихейство*—ересь, которая образовалась въ Персіи подъ вліяніемъ попытки объединенія христіанства съ началами персидской религіи Зороастра, проповѣдывавшей дуализмъ, т. е. существованіе отъ вѣка двухъ самостоятельныхъ началъ, или царствъ,—добраго и злого. Основатель манихейства, Манесъ (жилъ въ III в.), сначала былъ языческимъ магомъ, потомъ, принявъ христіанство, сдѣлался даже пресвитеромъ, но вскорѣ былъ отлученъ отъ Церкви за свою склонность къ языческой персидской религіи. По его ученію, Христосъ есть лишь свѣтлый эонъ (духъ), происшедшій отъ Отца Свѣта чрезъ истеченіе; одна половина Его была поглощена матеріей и составила душу видимаго міра, т. е. страждущаго Іисуса, вторая, съ помощію другого эона, Животворящаго Духа, освободилась отъ матеріи и помѣстилась въ солнцѣ; это—т. е. безстрастный Іисусъ. Воплощеніе Христа, по ученію манихеевъ, есть сошествіе съ солнца безстрастнаго Іисуса для освобожденія страждущаго Іисуса, свѣтлыя частицы котораго сатана, будто бы, собралъ и, для большаго удобства обладанія ими, заключилъ въ лицѣ человѣка. По этому ученію, воплощеніе Христа было только призрачнымъ (докетизмъ). Въ нравственномъ отношеніи оно проповѣдывало борьбу съ матеріей, для освобожденія отъ нея свѣта, чрезъ постепенное умерщвленіе въ себѣ плоти. Ересь манихеевъ была особенно распространена въ IV и V вв.

[2]) Дидимъ и Евагрій не были собственно еретиками, хотя въ своемъ ученіи и придерживались нѣкоторыхъ неправославныхъ мнѣній. *Дидимъ*—древній замѣчательнѣйшій богословъ IV вѣка,—несмотря на свою слѣпоту, былъ однимъ изъ величайшихъ ученыхъ своего времени и болѣе 50 лѣтъ завѣдывалъ знаменитымъ Александрійскимъ огласительнымъ училищемъ. По своимъ знаніямъ въ грамматикѣ, риторикѣ, діалектикѣ, географіи, астрономіи, въ Св. Писаніи и Богословіи онъ былъ чудомъ вѣка. Въ то же время онъ былъ строгимъ подвижникомъ. Дидимъ боролся противъ аріанъ и манихеевъ. Но онъ былъ ревностнымъ послѣдователемъ Оригена, за что и подвергся нареканіямъ; при этомъ онъ придерживался нѣкоторыхъ неправославныхъ мнѣній Оригена.—*Евагрій*—ученикъ Дидима-Слѣпца, діаконъ при св. Григоріи Богословѣ, позднѣе египетскій подвижникъ и пустынникъ. Это былъ мужъ весьма ученый и строгій; онъ въ иноческихъ подвигахъ писалъ много полезнаго, преимущественно аскетическія сочиненія; но потерялъ многое въ мнѣніи многихъ за свое уваженіе къ Оригену.

о нихъ Патріарху и, по его совѣту, изгналъ ихъ изъ обители. Черезъ пять лѣтъ Агапитъ преставился. Послѣ него игуменство вручено было нѣкоему Маманту. Ноннъ же со своими единомышленниками, услышавъ о смерти Агапита, возвратился въ новую лавру, но боялся Саввы и скрывалъ ядъ своей ереси. А преподобный Савва въ сіе время нашелъ одну пещеру въ десяти стадіяхъ отъ своей старой Лавры, на сѣверъ около Кастеллія, и занятъ былъ постройкой тамъ обители, которую назвалъ пещерною[1]). Ему помогалъ своими средствами пресвитеръ святаго Сіона Маркіанъ со своими сыновьями: Антоніемъ и Іоанномъ. Сей Іоаннъ былъ Патріархомъ въ Іерусалимѣ послѣ Иліи[2]).

На горѣ, гдѣ царица Евдокія построила башню[3]), въ восточной пустынѣ жили два инока, державшіеся ереси Несторія[4]). Преподобный Савва весьма скорбѣлъ о нихъ, что отступили они съ праваго пути, и съ великимъ прискорбіемъ переносилъ ихъ близкое присутствіе надъ тремя его монастырями. Въ сіе время явилось ему такое видѣніе: ему казалось, что онъ находится въ церкви святаго Воскресенія, въ собраніи народа, среди котораго онъ увидѣлъ тѣхъ двоихъ несторіанъ. Когда пришло время причащенія, всѣ братія безпрепятственно приступали къ Божественнымъ Таинамъ и причащались; когда же сіи два еретика хотѣли приступить къ причастію, внезапно явились грозные воины, отгоняющіе ихъ отъ причащенія и изгоняющіе ихъ изъ церкви. Блаженный сталъ просить воиновъ оставить сихъ двухъ иноковъ въ церкви съ братіею и позволить имъ причаститься. Воины же отвѣчали:

— Нельзя позволить причаститься имъ Божественныхъ Таинъ, ибо они—явные іудеи и не признаютъ Христа Богомъ, а Пречистую Дѣву Марію — Богородицею.

Послѣ сего видѣнія блаженный еще больше возскорбѣлъ, жалѣя о погибели ихъ душъ; много потрудился онъ, постясь и молясь

---

[1]) Нынѣ—Биръ елъ-Кетаръ.

[2]) Патріаршествовалъ въ Іерусалимѣ подъ именемъ Іоанна III съ 517 по 524 г.

[3]) Это была самая высочайшая гора по всей восточной пустынѣ. Нынѣ—Мунтаръ. См. прим. на стр. 128.

[4]) *Несторій,* бывшій одно время Патріархомъ Константинопольскимъ (въ 428—431 г.), училъ, что отъ Дѣвы Маріи родился человѣкъ Іисусъ, съ которымъ, съ момента зачатія Его, соединялся Богъ Слово Своею благодатію и обиталъ въ немъ, какъ въ храмѣ; поэтому Пресвятую Дѣву онъ называлъ Христородицею, а не Богородицею. Такимъ образомъ Несторій раздѣлялъ въ Христѣ божеское и человѣческое естество. Ересь Несторія была осуждена Церковію на III-мъ Вселенскомъ (Ефесскомъ) Соборѣ въ 431 г.

о нихъ Богу, чтобы Онъ просвѣтилъ ихъ свѣтомъ познанія Истины. И часто ходилъ онъ къ нимъ, уча и наставляя, прося и увѣщевая, пока, наконецъ, благодатію Божіею не привлекъ ихъ вновь въ Православную Церковь Христову: такъ заботился онъ о спасеніи человѣческихъ душъ. Онъ увелъ ихъ съ того холма и отдалъ въ монастырь Ѳеодосіевъ, а холмъ, вмѣсто нихъ, отдалъ одному изъ своихъ учениковъ, Іоанну Византійцу: тамъ, съ помощью Божіею, черезъ нѣсколько времени устроился монастырь.

Былъ въ великой Лаврѣ одинъ монахъ, по имени Іаковъ, родомъ изъ Іерусалима, дерзкаго и гордаго нрава. Онъ сговорился съ нѣсколькими подобными ему иноками и, въ отсутствіе блаженнаго Саввы, который тогда проводилъ время Великаго Поста по своему обычаю въ пустынѣ, въ совершенномъ безмолвіи,—ушелъ изъ Лавры и началъ строить себѣ монастырь при вышеупомянутомъ озерѣ Гептастомѣ, желая сравняться съ преподобнымъ Саввою. Когда же отцы Лавры начали негодовать на сіе и препятствовать его дѣлу, онъ обманулъ ихъ и сказалъ, что святый отецъ ему то приказалъ. Возвратившись изъ пустыни и узнавъ о поступкѣ Іакова, Савва пошелъ къ нему и сталъ уговаривать его оставить свой замыселъ, говоря, что не будетъ пользы въ томъ, что происходитъ отъ дерзости и высокомѣрія; но тотъ не внималъ старцу и не слушался его словъ. Тогда святый сказалъ ему:

— Если не послушаешься, смотри—какъ бы тебѣ не подвергнуться наказанію.

Съ сими словами онъ ушелъ въ свою келлію. А на Іакова напалъ ужасъ и трепетъ; онъ сильно заболѣлъ и лежалъ шесть мѣсяцевъ, будучи почти не въ состояніи сказать ни слова. Отчаявшись уже въ жизни, онъ велѣлъ нести себя къ блаженному Саввѣ, чтобы попросить прощенія передъ смертью. Савва, увидѣвъ его, обратился къ нему съ отеческимъ наставленіемъ, потомъ подалъ ему руку и поднялъ его съ постели. Іаковъ сталъ здоровъ, какъ будто и не хворалъ совсѣмъ. Причастивъ его Пречистыхъ Таинъ, Савва далъ ему ѣсть. Іаковъ уже не возвращался къ своей новой стройкѣ.

Между тѣмъ, Патріархъ Илія, услыхавъ о происшедшемъ, повелѣлъ разрушить постройку Іакова. Святый же Савва, взявъ изъ Лавры нѣсколько сильныхъ иноковъ, пришелъ на мѣсто, отстоявшее отъ разрушеннаго строенія къ сѣверу около пяти стадій, построилъ часовню и келліи вокругъ нея и, поставивъ тамъ настоятелями

нѣкоторыхъ иноковъ изъ великой Лавры, по имени Павла и Андрея, поселилъ тамъ также и другихъ братьевъ и основалъ на семъ мѣстѣ лавру, наименовавъ ее семиустною[1]). Возвратившись въ великую Лавру, онъ посылалъ братіямъ, находящимся въ упомянутомъ мѣстѣ, святые дары и благословенные хлѣбы и имѣлъ великое попеченіе о семъ мѣстѣ.

По прошествіи нѣкотораго времени упомянутый Іаковъ опредѣленъ былъ на послушаніе служить въ гостиницѣ странникамъ. Небрежно относясь къ своей службѣ, онъ однажды сварилъ слишкомъ много бобовъ, больше чѣмъ нужно было; бобовъ осталось отъ обѣда столько, что и на другой день съ избыткомъ бы хватило на обѣдъ, но онъ выбросилъ остатокъ за окно, въ потокъ; и сіе онъ дѣлалъ не одинъ разъ, а много. Увидѣвъ сіе, преподобный Савва сошелъ незамѣтно въ потокъ, собралъ выброшенные бобы, принесъ въ свою келлію и посушилъ немного на солнцѣ. Немного спустя преподобный сварилъ сіи бобы и, приготовивъ изъ нихъ кушанье, позвалъ къ себѣ Іакова обѣдать. За обѣдомъ старецъ сказалъ Іакову:

— Прости меня, братъ, что я не угостилъ тебя такъ, какъ хотѣлъ, и, можетъ быть, не угодилъ тебѣ кушаньемъ; не умѣю хорошо готовить.

Іаковъ же сказалъ:

— Право, отче, ты прекрасно приготовилъ сіи бобы, я давно не ѣдалъ такого кушанья.

Старецъ отвѣчалъ:

— Повѣрь мнѣ, чадо, что это тѣ самые бобы, которые ты высыпалъ въ потокъ; знай же, что кто не можетъ горшка бобовъ приготовить въ мѣру, чтобы ничего не пропало даромъ, тотъ не можетъ завѣдывать монастыремъ и управлять братіею. Такъ и Апостолъ говоритъ: «а҆́ще кто̀ своегѡ̀ до́мꙋ не ᲂу҆мѣ́етъ пра́вити, ка́кѡ ѡ҆ це́ркви бж҃їей прилежа́ти возмо́жетъ?»[2])

Услышавъ сіе, Іаковъ устыдился и своего прежняго любоначалія, и своей нерадивой службы, раскаялся и просилъ прощенія.

Сего Іакова въ его келліи искушалъ бѣсъ тѣлесной похотью и нечистыми помыслами: долго не прекращалось сіе искушеніе, и не могъ болѣе терпѣть Іаковъ: онъ взялъ ножъ и оскопилъ себя. Когда поднялась страшная боль, онъ началъ звать на помощь

---

[1]) По имени озера Гептастома, или Семиустнаго.

[2]) 1 Посл. къ Тимоѳ., гл. 3, ст. 5.

жившихъ поблизости братій. Пришли братія и, увидѣвъ, что случилось, насколько могли, стали унимать лѣкарствами его боль; и черезъ долгое время едва могли его вылѣчить. Дошло сіе и до преподобнаго Саввы, и выгналъ старецъ изъ Лавры Іакова, уже выздоровѣвшаго отъ раны, какъ страшнаго преступника. Тотъ пошелъ къ преподобному Ѳеодосію, разсказалъ ему о своей бѣдѣ и объ изгнаніи и умолялъ попросить за него преподобнаго Савву, чтобы онъ опять принялъ его въ монастырь въ келлію. Ѳеодосій, уступая просьбамъ брата, пошелъ къ блаженному Саввѣ и просилъ за изгнаннаго брата. По просьбѣ такого великаго отца и друга своего Савва принялъ Іакова, наложивъ на него заповѣдь: ни съ кѣмъ не разговаривать, кромѣ прислужащаго ему, не имѣть общенія съ братіей, даже не выходить изъ своей келліи, и, сверхъ того, отлучилъ его отъ причащенія Пречистыхъ и Божественныхъ Таинъ. Такъ пребывалъ Іаковъ въ молчаніи, пребывая въ покаяніи, изливая многія слезы передъ Богомъ, пока не было свыше даровано ему прощеніе и блаженному Саввѣ возвѣщено было Божественнымъ откровеніемъ, что Іакову прощенъ его грѣхъ. Однажды преподобный Савва увидѣлъ въ видѣніи свѣтоноснаго мужа, стоящаго неподалеку, и какого-то мертвеца, который лежалъ въ ногахъ у Іакова и о воскресеніи котораго молился Іаковъ; и послышался голосъ свыше:

— Іаковъ! Услышаны твои молитвы, прикоснись къ мертвецу и подними его.

И когда Іаковъ по сему приказанію коснулся мертваго, тотчасъ мертвый воскресъ; а свѣтоносный мужъ сказалъ Саввѣ:

— Вотъ, мертвецъ воскресъ,—и ты разрѣши узы, возложенныя на воскресившаго.

Увидѣвъ сіе, Савва тотчасъ послалъ за Іаковомъ, снялъ съ него епитимію, разрѣшилъ ему входить на соборъ и вмѣстѣ съ братіей причащаться Пречистыхъ Таинъ. Черезъ семь дней послѣ своего прощенія Іаковъ отошелъ ко Господу.

Въ великой Лаврѣ были два брата по плоти, по имени Заннъ и Веніаминъ, и единодушно пребывали въ смиренномъ служеніи Богу, украшенные божественными добродѣтелями. Оба они единодушно просили святаго Савву, чтобы онъ далъ имъ ту пустынную келлію, которую онъ самъ себѣ построилъ въ разстояніи около пятнадцати стадій отъ Лавры къ Ливіи[1]). Зная, что они—

[1]) Нынѣшній дейръ есъ-Сенне противъ бейтъ Сауръ елъ-Атика, на лѣвой сторонѣ дороги изъ Іерусалима въ Лавру преп. Саввы Освященнаго.

истинные дѣлатели Божіи, старецъ согласился на ихъ просьбу и далъ имъ ту келлію. Итакъ, они имѣли у себя одну келлію пустынную, а другую — въ Лаврѣ свою. При пустынной келліи они своими трудами основали, при помощи великаго аввы своего, киновію; ибо онъ доставлялъ имъ потребное для издержекъ и прочія нужныя вещи. Когда въ семъ мѣстѣ умножились братія,—Савва попеченіемъ своимъ построилъ церковь, освятилъ ее и ввелъ въ сію киновію правила другихъ своихъ киновій.

И былъ преподобный отецъ нашъ Савва подобенъ чудному древу, отъ котораго произрастаютъ прекрасныя вѣтви; такъ, образцомъ святой жизни своей и прилежными молитвами къ Богу онъ увеличивалъ въ своей Лаврѣ число святыхъ отцовъ и подвижниковъ, и были они святы, какъ и онъ, по Писанію: **а҆́ще ко́рень свѧ́тъ, то̀ и҆ вѣ́тви**[1]). Изъ сихъ святыхъ вѣтвей слѣдуетъ помянуть блаженнаго старца Анѳима изъ Виѳиніи, проводившаго жизнь во многихъ иноческихъ подвигахъ. Въ началѣ своего пребыванія въ Лаврѣ онъ построилъ себѣ небольшую келлію по ту сторону потока на восточной сторонѣ, противъ столпа преподобнаго Саввы, и пробылъ въ ней тридцать лѣтъ. Въ старости онъ обезсилѣлъ, впалъ въ болѣзнь и лежалъ на постели. Видя его такимъ дряхлымъ и больнымъ, блаженный Савва хотѣлъ взять его въ одну изъ келлій около церкви, чтобы тамъ можно было братіи навѣщать его и ходить за нимъ безъ труда; но онъ просилъ оставить его умереть тамъ, гдѣ поселился сначала. Такимъ образомъ онъ былъ оставленъ въ своей келліи больнымъ. Однажды ночью преподобный Савва, по обычаю своему вставъ на молитву прежде утренняго пѣнія, услышалъ какіе-то прекрасные голоса, какъ будто многіе пѣли; онъ подумалъ, что поютъ Утреню въ церкви, и удивлялся, какъ это безъ него и безъ его обычнаго благословенія поютъ Утреню. Но, подойдя сейчасъ же къ церкви, онъ никого не нашелъ тамъ, и двери ея были заперты; онъ возвратился, удивляясь, что за голоса онъ слышалъ, и вдругъ опять услыхалъ то же прекрасное пѣніе; пѣли же они слѣдующее:

— **Пройдꙋ въ мѣ́сто селе́нїѧ ди́вна, да́же до до́мꙋ бж҃їю, во гла́сѣ ра́дованїѧ и҆ и҆сповѣ́данїѧ шꙋ́ма пра́зднꙋющагѡ**[2]).

Понявъ, что сіи дивные голоса слышались съ той стороны, гдѣ была келлія блаженнаго Анѳима, Савва догадался, что Анѳимъ

[1]) Посл. къ Римл., гл. 11, ст. 16.
[2]) Псаломъ 41, ст. 5.

преставился. Тотчасъ разбудивъ церковника, онъ приказалъ ударить въ било, чтобы собралась братія; взявъ съ собой нѣсколькихъ изъ братіи, онъ пошелъ въ келлію къ старцу со свѣчами и ладаномъ. Войдя внутрь, они никого не нашли, только лежало мертвое тѣло блаженнаго Анѳима, душа же его съ ангельскимъ пѣніемъ отошла къ Господу. Они взяли честно́е тѣло, принесли въ церковь и, отпѣвъ, погребли со святыми отцами.

Одинъ братъ изъ Ѳеодосіева монастыря, человѣкъ сильный, по имени Афродисій [1]), былъ посланъ по дѣлу; въ пути разсердился онъ на лошака, на которомъ везъ пшеницу, и сильно ударилъ его; лошакъ отъ удара упалъ и издохъ. За сіе Афродисій былъ изгнанъ преподобнымъ Ѳеодосіемъ изъ его обители. Тогда онъ пришелъ къ преподобному Саввѣ и разсказалъ ему о своемъ поступкѣ, прося его совѣта. Преподобный Савва далъ ему келлію и сказалъ:

— Живи въ келліи своей, въ другую келлію не переходи, изъ Лавры не выходи, обуздывай свой языкъ, умѣряй требованія чрева своего и спасешься.

Афродисій, принявъ сію заповѣдь, ни въ чемъ не преступалъ ее и въ продолженіе тридцати лѣтъ не выходилъ изъ Лавры, не имѣлъ у себя ничего, даже какого-либо сосуда для пищи и кровати, спалъ на древесныхъ вѣтвяхъ, покрываясь рогожей, въ пищу бралъ себѣ остатки вареной непитательной пищи изъ овощей. Ночной плачъ его мѣшалъ спать живущимъ. Наконецъ онъ удостоился дара предвѣдѣнія, ибо за недѣлю предузналъ день своей кончины. Послѣ сего онъ просилъ Савву отпустить его въ обитель блаженнаго Ѳеодосія. Преподобный послалъ съ нимъ двухъ братій и велѣлъ сказать Ѳеодосію:

— Вотъ, общаго нашего брата Афродисія, котораго я нѣкогда принялъ отъ тебя человѣкомъ, я посылаю къ тебѣ нынѣ по благодати Христовой Ангеломъ.

Ѳеодосій съ любовію принялъ его, простилъ и отпустилъ съ миромъ; Афродисій же возвратился къ святому Саввѣ и, послѣ непродолжительной болѣзни, почилъ о Господѣ.

Часто приходили къ преподобному жители города Медава [2]), лежащаго на другой сторонѣ Іордана, почерпали у него весьма великую пользу душевную и приносили ему въ Лавру хлѣбъ въ

[1]) Память *преп. Афродисія Палестинскаго* 24-го декабря.

[2]) Нынѣ—Медеба въ Заіорданьѣ.

зернахъ и овощи и получали отъ него благословеніе. Среди нихъ былъ одинъ почетный мужъ, по имени Геронтій; онъ прибылъ въ Святый Градъ и заболѣлъ. Желая отправиться на Елеонскую гору помолиться, онъ упалъ съ лошади, расшибся и разболѣлся еще больше, такъ что не надѣялся остаться въ живыхъ. Преподобный Савва помазалъ его святымъ елеемъ и исцѣлилъ. Однажды, обѣдая съ сыномъ Геронтія Ѳомою, Савва обратилъ уксусъ въ хорошее вино, когда вдругъ вина не оказалось. Случилось такъ, что сваренныя для рабочихъ тыквы оказались горькими; Савва крестнымъ знаменіемъ сдѣлалъ ихъ сладкими. Нѣкогда шелъ преподобный изъ Іерихона къ Іордану съ юнымъ ученикомъ своимъ, и встрѣтилось имъ много горожанъ, а среди нихъ—красивая дѣвушка. Когда они прошли мимо, старецъ, желая испытать ученика, сказалъ:

— Какова дѣвушка, что̀ прошла? Мнѣ показалось, она слѣпа на одинъ глазъ.

Ученикъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, оба глаза ея видятъ.

— Ты ошибся,—сказалъ старецъ,—дѣвушка съ однимъ глазомъ.

Но ученикъ настаивалъ, говоря, что у ней здоровые глаза. Старецъ спросилъ:

— Какъ же ты узналъ?

— Я, отче,—отвѣчалъ ученикъ,—внимательно смотрѣлъ на ея лицо и видѣлъ, что у ней оба глаза видятъ.

Тогда сказалъ ему старецъ:

— Если ты такъ внимательно смотрѣлъ на ея лицо, то какъ же ты не вспомнилъ о заповѣди въ Священномъ Писаніи: **сы́не, да не побѣди́тъ тѧ̀ добро́ты по́хоть, нижѐ ᲂу҆локле́нъ бꙋ́ди твои́ма ѻ҆чи́ма, нижѐ да совосхи́тишисѧ вѣ́ждами є҆ѧ̀**[1]). Знай же, что отнынѣ не будешь со мной въ келліи, такъ какъ не хранишь своихъ глазъ,— и отослалъ его въ наказаніе въ Кастеллій.

Послѣ того, какъ онъ прожилъ тамъ нѣкоторое время и довольно научился всемѣрно наблюдать за своими глазами и бдѣть надъ своими мыслями, Савва принялъ его снова въ Лавру и далъ ему келлію.

Однажды, когда преподобный былъ въ пустынѣ, такъ называемой Рува, встрѣтился ему на пути левъ съ занозой въ лапѣ и,

---

[1]) Кн. Притч., гл. 6, ст. 25.

упавъ къ ногамъ святаго, сталъ съ ревомъ показывать ему свою лапу, какъ бы прося вылѣчить его. Святый вынулъ занозу изъ лапы льва и тѣмъ облегчилъ ему боль; послѣ сего левъ сталъ ходить за святымъ и служилъ ему. Былъ тогда при старцѣ ученикъ, по имени Флаисъ, и имѣли они осла. Когда Савва посылалъ ученика за какимъ-либо дѣломъ, то приказывалъ льву стеречь осла: левъ бралъ въ зубы поводъ и такъ водилъ осла пастись, а вечеромъ, напоивши его, приводилъ опять къ старцу. По прошествіи нѣсколькихъ дней Флаисъ былъ посланъ за какимъ-то дѣломъ и по бѣсовскому навожденію впалъ въ нечистый грѣхъ; въ то же время левъ на пастбищѣ съѣлъ осла. Флаисъ понялъ, что за его грѣхъ левъ съѣлъ осла, чтобы обличить его, и боялся показаться старцу. Съ горемъ онъ ушелъ въ какое-то село, и старецъ долго искалъ его, наконецъ нашелъ, привелъ къ себѣ и, затворивъ въ клѣти, наложилъ на него покаяніе. Онъ принесъ сердечное покаяніе и многими слезами очистился отъ своего грѣха при помощи молитвъ святаго старца, который весьма заботился о спасеніи душъ человѣческихъ.

Подобаетъ воспомянуть попеченіе Саввы и о благосостояніи Церкви Божіей во время поѣздокъ его по дѣламъ церковнымъ въ Царьградъ; посылаемъ же онъ былъ туда по слѣдующему поводу. Царь Анастасій, еретикъ, отвергалъ Четвертый Вселенскій Соборъ святыхъ отцовъ въ Халкидонѣ[1]) и произвелъ въ то время большую смуту въ Церкви. Онъ изгналъ Евѳимія, Патріарха Царьградскаго[2]), и гнѣвался на Флавіана Антіохійскаго[3]) и Илію Іерусалимскаго, которыхъ тоже хотѣлъ изгнать, такъ какъ они не одобряли его ереси. Желая склонить царя къ умиротворенію Церкви, Илія послалъ къ нему игуменовъ палестинскихъ пустынь, среди которыхъ былъ и Савва, съ такою письменной просьбой:

«Избранныхъ рабовъ Божіихъ, благихъ и вѣрныхъ пустынножителей, а съ ними и Савву, главу всей пустыни и всей Палестины свѣтильника, съ моленіемъ посылаемъ къ вашей державѣ. Ты же, о царь, принявъ ихъ труды и стараніе, прекрати вражду

---

[1]) На семъ Соборѣ осуждена была ересь Евтихія (монофизитская), признававшая во Христѣ одно божеское естество и утверждавшая, что человѣческое естество въ Іисусѣ Христѣ при ѵпостасномъ соединеніи поглощено Божескимъ.

[2]) *Евѳимій* — Патріархъ Константинопольскій въ 490—496 гг.

[3]) *Флавіанъ* — Патріархъ Антіохійскій въ 506—512 гг.

въ Церкви и не позволяй умножаться злу: мы знаемъ, что ты печешься объ угожденіи Богу, давшему тебѣ царскій вѣнецъ».

Игумены прибыли въ Константинополь, и когда входили въ царскія палаты, то Савва шелъ позади всѣхъ. Сторожа, стоявшіе у дверей, увидѣвъ его въ худой и заплатанной одеждѣ, приняли его за нищаго и не пустили войти. Царь, принявъ съ честію пришедшихъ къ нему отцовъ и прочитавъ посланіе Патріарха, спрашивалъ, кто изъ нихъ Савва, котораго такъ хвалитъ Патріархъ въ своемъ посланіи? Отцы оглядѣлись вокругъ и говорили, что онъ шелъ вмѣстѣ съ ними, но они не знаютъ, гдѣ онъ остался. Тотчасъ царь велѣлъ его искать, и его насилу нашли стоящимъ гдѣ-то въ углу и читающимъ Псалмы Давидовы. Когда его вели къ царю, тотъ увидѣлъ идущаго передъ нимъ свѣтоноснаго Ангела и, догадавшись, что Савва человѣкъ Божій, почтилъ его, вставъ съ престола, а затѣмъ велѣлъ всѣмъ сѣсть. Во время продолжительной бесѣды блаженный Савва подвизался больше всѣхъ отцовъ, бывшихъ тамъ, богодухновенными словами увѣщавая царя умиротворить Церковь и обѣщая ему за то отъ Бога побѣду надъ врагами. Мало успѣха имѣли присланные отцы и были отпущены домой, а преподобный Савва остался, пока не убѣдитъ царя и не примиритъ его съ Патріархомъ Иліею. Преподобный перезимовалъ въ Византіи, часто бывая у царя и бесѣдуя съ нимъ о Православіи и объ Іерусалимскомъ Патріархѣ. Ему позволенъ былъ безпрепятственный доступъ во дворецъ; онъ могъ, когда хотѣлъ, входить и уходить, безъ всякихъ задержекъ и справокъ со стороны сторожей, и за сіе время убѣдилъ царя не гнѣваться на Патріарха и даровать миръ палестинскимъ церквамъ. Затѣмъ онъ возвратился въ Іерусалимъ, богато одаренный царемъ на дорогу. Онъ получилъ отъ царя до двухъ тысячъ золотыхъ монетъ, которыя принесъ къ себѣ и раздѣлилъ между своими монастырями, а извѣстную часть послалъ въ Муталасское селеніе, гдѣ родился, чтобы въ отцовскомъ домѣ построили церковь во имя святыхъ мучениковъ Космы и Даміана.

Блаженный Патріархъ Илія, пріобрѣвъ, благодаря святому Саввѣ, миръ для палестинскихъ Церквей и для себя, недолго пожилъ въ спокойствіи: еретики не переставали наговаривать царю и возстановлять его противъ Церкви Христовой и ея пастырей, чтобъ досадить имъ. Поэтому царь назначилъ Соборъ въ

Сидонѣ[1]), поставивъ во главѣ его двухъ епископовъ, раздѣлявшихъ зловѣріе Евтихія и Діоскора[2]), а именно: Сотериха, епископа Кесаріи Каппадокійской, и Филоксена Іерапольскаго[3]) съ тѣмъ, чтобы на томъ Соборѣ прокляли Соборъ Халкидонскій, а Флавіана и Илію низложили съ престоловъ. Такъ и случилось: собрался беззаконный Соборъ, и нечестивцы съ помощью царя изгнали съ безчестіемъ блаженнаго Флавіана, Патріарха Антіохійскаго, не пожелавшаго присоединиться къ ихъ Собору, а вмѣсто него престолъ принялъ нечестивый Северъ[4]) и много бѣдъ причинилъ православнымъ, не желавшимъ имѣть съ нимъ общенія. Онъ послалъ свое исповѣданіе вѣры, принятое на Соборѣ, и къ Иліѣ Іерусалимскому[5]); тотъ же, не принявъ еретическихъ правилъ, отослалъ ихъ обратно. Узнавъ о семъ, царь весьма разгнѣвался на блаженнаго Илію и велѣлъ опять послать Северово исповѣданіе вѣры въ Іерусалимъ съ нѣсколькими клириками и значительнымъ отрядомъ войска, чтобы силою принудить Патріарха Іерусалимскаго согласиться на принятіе правилъ Сидонскаго Собора. Когда они прибыли въ Іерусалимъ, произошло большое смятеніе, и Патріархъ находился въ большомъ затрудненіи. Тогда преподобный Савва собралъ всѣхъ иноковъ изъ своихъ монастырей и, войдя во Святый Градъ, разогналъ присланныхъ служителей Севера и войско, самого же Севера съ его единомышленниками предалъ передъ всѣми анаѳемѣ. Еретики возвратились со стыдомъ къ пославшимъ ихъ, разсказывая о великой смѣлости православныхъ и о своемъ позорѣ. Тогда царь, въ несказанномъ гнѣвѣ, послалъ въ Іерусалимъ Олимпія, епарха[6])

---

[1]) Это было въ концѣ 511-го года.— *Сидонъ* —древнѣйшій городъ Финикіи, на берегу Средиземнаго моря, недалеко отъ горнаго хребта Ливана съ прекрасною гаванью. Христіанство появилось въ Сидонѣ весьма рано, и еще при земной жизни Іисуса Христа у Него было тамъ много учениковъ. Впослѣдствіи Сидонъ былъ нѣсколько разъ разрушаемъ, потомъ возстановляемъ и, наконецъ, окончательно упалъ; въ настоящее время извѣстенъ подъ именемъ Санды, съ 10 000 жителей, преимущественно мусульманъ.

[2]) Представители и ересіархи монофизитовъ: *Евтихій*—настоятель и архимандритъ одного изъ Константинопольскихъ монастырей, *Діоскоръ*—въ 444—451 гг. Александрійскій Патріархъ.

[3]) Самые ревностные и изувѣрные послѣдователи монофизитства, особенно Іерапольскій епископъ Филоксенъ, по прозвищу Ксенайя, силою заставившій мѣстное населеніе, чрезъ присланныхъ ему шаекъ фанатическихъ монаховъ, принять монофизитскую ересь, при чемъ православный Антіохійскій Патріархъ былъ замученъ до смерти.

[4]) О Северѣ и его ереси см. на стр. 66 прим. 3.

[5]) Въ 513 году.

[6]) *Областеначальника.* Палестинскіе епархи пользовались большею властію сравнительно съ другими и назывались иначе еще *игемонами* (греческое наименованіе), или *прокураторами* (римское).

палестинскаго, съ большимъ войскомъ и велѣлъ, безъ всякаго закона и суда, царской властью свергнуть Патріарха Илію съ престола. Олимпій пришелъ съ большой военной силой и тотчасъ исполнилъ царское повелѣніе, свергъ Патріарха безъ суда и послалъ въ заточеніе въ Аилу[1]), а на его мѣсто возвелъ Іоанна[2]), сына пресвитера Маркіана, который обѣщался проклясть Халкидонскій Соборъ и имѣть общеніе съ Северомъ. Узнавъ о семъ, блаженный Савва снова, какъ въ первый разъ, собралъ свое духовное воинство и, какъ воевода, пошелъ во Святый Градъ, но уже не засталъ тамъ епарха Олимпія; тотъ совершилъ повеленное ему злодѣяніе и довольный возвратился къ царю. Весьма скорбѣлъ блаженный объ изгнаніи невиннаго Иліи и плакалъ о немъ. Видя, что новый Патріархъ—Іоаннъ еретически мудрствуетъ, Савва горячо убѣждалъ его не имѣть общенія съ Северомъ, а защищать Халкидонскій Соборъ и стоять за него до послѣдней капли крови; если же онъ не сдѣлаетъ сего, то, какъ еретикъ, будетъ проклятъ всѣми отцами пустынниками. Іоаннъ устыдился, а вмѣстѣ съ тѣмъ и побоялся столькихъ Боговдохновенныхъ отцовъ, пришедшихъ вмѣстѣ со святымъ Саввою, отвергся Севера и всей его ереси, принялъ Православіе, утвержденное на Халкидонскомъ Соборѣ,—и успокоились святые отцы.

Вскорѣ стало извѣстно царю, что новопоставленный Патріархъ Іоаннъ отвергаетъ Сидонскій Соборъ, а принимаетъ Халкидонскій. Царь разгнѣвался на Олимпія и лишилъ его сана за то, что избралъ такого Патріарха, а вмѣсто Олимпія поставилъ епархомъ всей Палестины нѣкоего Анастасія и послалъ его въ Іерусалимъ, чтобы онъ или склонилъ Патріарха Іоанна къ общенію съ Северомъ, или свергнулъ его съ престола. Анастасій пришелъ и, тотчасъ схвативъ Патріарха, заключилъ его въ темницу. Патріархъ просилъ епарха смилостивиться надъ нимъ, обѣщаясь исполнить всѣ приказанія, съ тѣмъ только, чтобы не казалось, что онъ исполняетъ царскую волю по принужденію, и обѣщался въ слѣдующее воскресенье передъ всѣмъ народомъ въ церкви проклясть Халкидонскій Соборъ, а Сидонскій прославить и вступить въ общеніе съ Северомъ. Патріархъ былъ выпущенъ изъ темницы и тайно послалъ къ преподобнымъ отцамъ Саввѣ и Ѳеодосію, чтобы они постарались собрать всѣхъ отцовъ и прійти къ нему въ день воскресный въ

[1]) Объ Аилѣ см. на стр. 138 прим. 1.

[2]) Патріаршествовалъ подъ именемъ Іоанна III съ 517 по 524 г.

церковь. Случилось тогда быть въ Іерусалимѣ на богомольѣ и Ипатію, царскому родственнику; въ день воскресный пришли оба настоятели Савва и Ѳеодосій, а вмѣстѣ съ ними до десяти тысячъ черноризцевъ[1]). Въ церкви[2]), куда пришли и епархъ Анастасій, и Ипатій — царскій родственникъ — со своими воинами, и сошлось множество народа, Патріархъ вошелъ на амвонъ вмѣстѣ съ Саввою и Ѳеодосіемъ; тогда весь народъ съ черноризцами закричали Патріарху:

— Прокляни еретиковъ и утверди Халкидонскій Соборъ!

Патріархъ ободрился и сказалъ громкимъ голосомъ:

— Кто думаетъ одинаково съ Евтихіемъ, Несторіемъ, Северомъ и Сотерихомъ, да будетъ анаѳема!

Также и блаженный Ѳеодосій съ преподобнымъ Саввою громко воскликнули:

— Кто не принимаетъ четырехъ Соборовъ, какъ четырехъ Евангелистовъ, да будетъ проклятъ!

Увидѣвъ сіе, епархъ Анастасій испугался множества черноризцевъ и народа, поспѣшно вышелъ изъ церкви и бѣжалъ въ Кесарію. А родственникъ царскій поклялся отцамъ, что пришелъ не утверждать Северово ученіе, а поклониться Святымъ мѣстамъ и присоединиться къ святой Каѳолической Церкви. И далъ онъ преподобнымъ отцамъ Саввѣ и Ѳеодосію много золота, чтобы они раздѣлили между пришедшими съ ними черноризцами. Послѣ сего преподобные отцы отъ лица всего собора написали царю слѣдующее:

«Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Царь всѣхъ вѣчный и Богъ, по Своей благости отдалъ въ вашу власть скипетры земного царства, чтобы черезъ васъ подать истинныя блага міра всѣмъ Церквамъ и особенно матери Церквей—святому Сіону; всѣ знаютъ, что въ сей Церкви началось великое таинство правой вѣры и распространилось до конца земли. Мы, жители сихъ божественныхъ мѣстъ, приняли его отъ святыхъ Апостоловъ, сохранили цѣлымъ и невредимымъ до сего дня и сохранимъ вовѣки Христовой благодатію, не давая противникамъ отклонить насъ отъ праваго пути, не поддаваясь ихъ сквернымъ и суетнымъ рѣчамъ. Въ сей непо-

---

[1]) Это было въ началѣ 517 года.

[2]) Въ храмѣ св. первомученника и архидіакона Стефана, къ сѣверу отъ нынѣшнихъ Дамасскихъ воротъ. Храмъ сей былъ избранъ для сего случая архіепископомъ вслѣдствіе своей обширности, такъ какъ соборная церковь не могла вмѣстить множества собравшихся.

рочной и ненарушенной вѣрѣ и вы, царь, воспитались и возросли,—и мы дивимся теперь, какъ во дни вашего царствованія въ Святомъ Градѣ Іерусалимѣ произошли такой мятежъ и такое волненіе, что они не миновали даже служителей, Божіихъ пресвитеровъ и иноковъ, возлюбившихъ отъ юности добродѣтель и избравшихъ себѣ кроткую жизнь въ безмолвіи; на глазахъ у Іудеевъ и другихъ невѣрныхъ ихъ влекутъ отъ самаго святаго Сіона по городскимъ улицамъ и изгоняютъ въ неплодныя мѣста. Ихъ даже принуждаютъ творить неподобающее правой вѣрѣ, такъ что приходящіе сюда для молитвы, вмѣсто пользы для души, получаютъ вредъ и возвращаются съ соблазномъ. Молимъ, посему, вашу державу, избавь насъ отъ столькихъ золъ, виновникъ коихъ Северъ, которому отдана, по грѣхамъ нашимъ, Антіохійская Церковь—на погибель души его же самого и всѣмъ Церквамъ на соблазнъ. Какъ намъ, Іерусалимлянамъ, можно теперь поучаться вѣрѣ безъ соблазна? Какъ будто мы, бывшіе для всѣхъ отцами и наставниками въ словѣ благочестія, теперь только, такъ поздно, познали правое исповѣданіе! Да развѣ мы не знаемъ, что новоявленное мнимое исправленіе правой и здравой вѣры, завѣщанной отцами, не исправленіе на самомъ дѣлѣ, а развращеніе и порча и принимающимъ его готовитъ въ награду погибель души? Не потерпимъ никакой прибавки къ исповѣданію вѣры, сверхъ установленнаго тремя стами восемнадцатью святыхъ отцовъ Никейскихъ и тремя другими бывшими потомъ Вселенскими Соборами[1]), и никакой перемѣны, но готовы за сіе положить души наши и принять безчисленныя, если бы можно было, смерти. Миръ же Божій, превосходящій всякій умъ[2]), пусть да сохранитъ святую нашу вѣру и поднятую противъ нея бурю да усмиритъ къ святой Своей славѣ и къ украшенію вашего же царства».

Получивъ такое посланіе святыхъ отцовъ, царь сильно разгнѣвался и рѣшилъ изгнать изъ предѣловъ іерусалимскихъ Патріарха Іоанна съ обоими игуменами: Саввою и Ѳеодосіемъ. Но Промыслъ Божій не попустилъ совершиться сему злодѣянію. Случилась въ то время война съ какими-то варварами, и поэтому царь отложилъ до времени гоненіе на Церковь и на преподобныхъ отцовъ и сталъ готовиться къ войнѣ съ варварами.

---

[1]) Разумѣются Вселенскіе Соборы: I (Никейскій) въ 325 г., II-й (Константинопольскій) въ 381 г., III-й (Ефесскій) въ 431 г. и IV-й (Халкидонскій) въ 451 г.

[2]) Выраженіе Апостола. См. Посл. къ Филип., гл. 4, ст. 13.

Послѣ несправедливаго изгнанія святаго Патріарха Иліи, по праведному суду Божію, случился голодъ и засуха, и великій неурожай во всей Палестинѣ, какъ во дни Пророка Иліи[1]): затворилось небо и не давало дождя, и пересохли источники воды: сверхъ того, появилась во множествѣ саранча, покрыла всю землю и истребила всю траву на поляхъ и листья на деревьяхъ. Такая казнь Божія продолжалась до пяти лѣтъ, и многіе умерли отъ голода и жажды. И говорили жители Іерусалима, что Богъ наказываетъ Палестину голодомъ за несправедливое изгнаніе Патріарха Иліи. Въ то время блаженный Савва созвалъ настоятелей семи построенныхъ имъ монастырей и не велѣлъ имъ заботиться ни о чемъ плотскомъ, напоминая имъ евангельскія слова: **не пецы́тесѧ, глаго́люще: что̀ ꙗ҆́мы, и҆лѝ что̀ пі́емъ, и҆лѝ чи́мъ ѡ҆де́ждемсѧ; всѣ́хъ бо си́хъ ꙗ҆зы́цы и҆щꙋ́тъ: вѣ́сть бо ѻ҆́цъ ва́шъ небе́сный, ꙗ҆́кѡ тре́бꙋете си́хъ всѣ́хъ. и҆щи́те же пре́жде ца́рствїѧ бж҃їѧ и҆ пра́вды є҆гѡ̀, и҆ сі́ѧ всѧ̑ приложа́тсѧ ва́мъ**[2]). И питаемы были они всемогущимъ Промысломъ Божіимъ.

Однажды передъ воскресеніемъ экономъ великой Лавры сказалъ преподобному:

— Нельзя, отче, ударить въ било въ сію субботу и воскресенье къ Божественной службѣ, потому что не только отцамъ нечего предложить ѣсть, когда они соберутся, но даже для святаго приношенія не найдется хлѣба: такъ обнищали мы.

Святый же отвѣчалъ:

— Я не оставлю службы изъ-за недостатка въ пищѣ: справедливъ Тотъ, Кто не велѣлъ заботиться о завтрашнемъ днѣ и можетъ пропитать насъ во время голода; пусть церковникъ пошлетъ продать въ городъ сосудъ или одежду и купить нужное для святой Литургіи.

Такъ отвѣчалъ святый эконому и, возложивъ надежду на Бога, ждалъ. И еще до наступленія воскресенья вдругъ приходятъ къ нему какіе-то отроки, посланные Божіимъ Промысломъ, ведя съ собою тридцать ословъ, навьюченныхъ хлѣбомъ, пшеницею, виномъ и масломъ, и разною другою пищей, и отдали все сіе преподобному. Онъ возблагодарилъ Бога и сказалъ эконому:

— Что скажешь, братъ,—не слѣдуетъ ли намъ запретить ударить въ било въ сію субботу и воскресенье, потому что нечего предложить собравшимся отцамъ?

---

[1]) 3 Кн. Царствъ, гл. 17. Посл. Ап. Іак., гл. 5, ст. 17—18.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 25.

Экономъ подивился великой вѣрѣ святаго и великому Промыслу Божію о нихъ и просилъ прощенія за свое невѣріе.

Послѣ сего преподобный пожелалъ посѣтить святѣйшаго Патріарха Іерусалимскаго Илію въ изгнаніи; Саввѣ было тогда весемьдесятъ лѣтъ [1]). Онъ взялъ съ собой двухъ игуменовъ, Стефана и Евѳалія, и отправился. Увидѣвъ Савву и пришедшихъ съ нимъ, Илія обрадовался и удержалъ ихъ у себя нѣсколько дней. Всѣ тѣ дни онъ выходилъ изъ своей келліи въ девятомъ часу [2]), такъ какъ отъ отпуста вечерни до девятаго часа онъ никому не показывался, но, затворивши двери, пребывалъ въ безмолвіи, а въ девятомъ часу выходилъ къ нимъ, обѣдалъ съ ними и наслаждался духовными бесѣдами; послѣ же вечерняго отпуста онъ опять уходилъ въ свою безмолвную келлію. Однажды, девятаго іюля, онъ не вышелъ къ нимъ какъ обыкновенно. Они прождали его весь день и не вкусили пищи. Въ шестомъ часу ночи [3]) Патріархъ вышелъ съ заплаканными глазами и сказалъ имъ:

— Вы вкушайте; мнѣ же нѣтъ времени, я занятъ однимъ дѣломъ.

На ихъ заботливый вопросъ, отчего онъ такъ долго не шелъ и о чемъ онъ такъ плачетъ, онъ, тяжело вздохнувъ и заплакавъ, сказалъ святому Саввѣ:

— Отецъ блаженный, увы, сейчасъ скончался царь Анастасій, черезъ десять дней и мнѣ подобаетъ оставить сію жизнь и судиться съ нимъ передъ Страшнымъ Судомъ Божіимъ.

Такъ и случилось: черезъ десять дней Святѣйшій Патріархъ Илія преставился [4]), немного похворавъ передъ своей кончиной; преподобный Савва похоронилъ его съ честію и возвратился въ свою Лавру. О смерти же царя Анастасія разсказывается, что въ ту ночь, когда было о немъ явленіе Патріарху Иліи, загремѣлъ громъ и молнія ударила въ царскую палату; она гнала царя съ мѣста на мѣсто, отъ одного угла къ другому, наконецъ настигла его въ одномъ углу и убила. Такъ злой и погибъ злою смертью.

---

[1]) Это было въ 518 году.

[2]) По еврейскому счисленію, оставшемуся и въ христіанской богослужебной практикѣ, девятый часъ равнялся тремъ часамъ пополудни.

[3]) Въ двѣнадцатомъ.

[4]) 20-го іюля 517-го года.

По смерти нечестиваго царя Анастасія на престолъ вступилъ благочестивый Юстинъ[1]) и разослалъ во всѣ концы своего царства повелѣніе, чтобы возвратить изъ изгнанія православныхъ и чтобы каждый изъ нихъ получилъ опять свой санъ и свое мѣсто; опредѣленія Халкидонскаго Собора были бы вписаны въ святыя книги, и пусть въ Церкви Христовой воцарился бы миръ. Когда сіе царское повелѣніе достигло Святаго Града Іерусалима, всѣ весьма возрадовались, а Патріархъ Іоаннъ просилъ преподобнаго Савву пойти въ Кесарію[2]) и Скиѳополь[3]), объявить сіе царское посланіе и вписать въ церковныя книги опредѣленія Халкидонскаго Собора. Хотя преподобный былъ уже слабъ тѣломъ отъ старости и изнуренъ многими иноческими подвигами, однако для Церкви Христовой не отказался исполнить сіе приказаніе, не полѣнился предпринять столь трудный путь, но отправился вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими начальствующими иноками и былъ встрѣченъ въ Кесаріи святымъ Іоанномъ Хозевитомъ[4]), который былъ тогда тамъ іерархомъ. Въ Скиѳополѣ преподобный былъ съ честію принятъ митрополитомъ Ѳеодосіемъ и всѣми гражданами и сотворилъ тамъ чудеса. Онъ пророчествовалъ объ одномъ знатномъ самарянинѣ Сильванѣ, возстававшемъ на христіанъ, что онъ сгоритъ отъ огня посреди города,—о чемъ будетъ сказано ниже; исцѣлилъ кровоточивую женщину и бѣсноватую отроковицу и, принесши, такимъ образомъ, много пользы Церкви, возвратился въ Іерусалимъ.

Къ концу четвертаго года бездождія въ Палестинѣ, при большомъ недостаткѣ въ водѣ, братія хотѣли разойтись и просили святаго отпустить ихъ. Упрекнувъ ихъ за нетерпѣніе, святый повелѣлъ имъ надѣяться на Бога, и на третій день появилось надъ Лаврою дождевое облако, пошелъ дождь и наполнились водою рвы

---

[1]) *Юстинъ*—Византійскій императоръ съ 518 по 527 годъ. Когда означенное опредѣленіе Юстина было привезено въ Іерусалимъ, то собралось безчисленное множество монаховъ и мірскихъ, прибылъ также святый Савва и много епископовъ, и 6-го августа въ праздникъ Преображенія Господня опредѣленія четырехъ (Вселенскихъ) Соборовъ, по замѣчанію списателя житія преп. Саввы Освященнаго, внесены были въ священныя постановленія. «Такимъ образомъ,—заключаетъ списатель житія,—пророчество Божественнаго старца исполнилось на императорѣ Анастасіи».

[2]) О *Кесаріи* см. на стр. 59 прим. 2.

[3]) Здѣсь разумѣется Кесарія Палестинская.

[4]) Память *св. Іоанна Хозевита*, епископа Кесарійскаго, совершается Церковію 3-го октября. Наименованіе «Хозевита» онъ получилъ отъ лавры Хузивской, въ которой онъ провелъ большую часть своего иноческаго житія (въ пустынной дикой мѣстности между Іерусалимомъ и Іерихономъ).

лаврскіе; дождь сей былъ только въ Лаврѣ, а въ окрестныхъ мѣстахъ не было ни капли росы. Тогда пришли къ старцу игумены изъ окрестныхъ монастырей и сказали:

— Въ чемъ мы согрѣшили противъ тебя, отче, что ты позабылъ о насъ и испросилъ отъ Бога дождя только своей Лаврѣ?

Онъ ласково утѣшалъ ихъ и обнадеживалъ, что и у нихъ въ монастыряхъ не изсякнетъ вода, пока не дастъ Богъ дождя всей Палестинѣ. Насталъ пятый голодный годъ; воды настолько нехватало, что въ Святомъ Градѣ нищіе умирали отъ жажды: отъ засухи и бездождія изсякли источники, пересохли колодези, пруды и ручьи. Патріархъ Іоаннъ горько скорбѣлъ и, посѣщая тѣ мѣста, которыя когда-то были болотистыми и сырыми, приказывалъ копать рвы и колодези, чтобъ найти воду, но воды не находили. На мѣстѣ Силоамскаго источника съ большимъ трудомъ много рабочихъ прокопали до сорока саженей—и не нашли воды; Патріархъ въ отчаяніи оплакивалъ общее бѣдствіе всего города. Былъ мѣсяцъ сентябрь, и приближался праздникъ обновленія. Узнавъ, что преподобный Савва своей молитвой свелъ дождь на Лавру, Патріархъ послалъ за нимъ и просилъ помолиться Богу, чтобы Онъ помиловалъ людей Своихъ и не истребилъ посредствомъ голода и жажды. Преподобный же Савва отказывался, говоря:

— Кто я такой, чтобы прекратить гнѣвъ Божій? Я самъ грѣшенъ.

Патріархъ же еще сильнѣе умолялъ его. Тогда преподобный сказалъ:

— Ради послушанія я пойду въ келлію и буду молить Бога о благости; если пройдетъ три дня и не будетъ дождя, то знайте, что не услышалъ меня Богъ; молитесь и вы, чтобы моя молитва дошла къ Богу.

Съ этими словами онъ ушелъ. На слѣдующее утро былъ страшный зной; множество рабочихъ копали весь день въ вышеупомянутомъ рвѣ, а вечеромъ оставили всѣ свои сосуды и корзины, надѣясь опять съ утра прійти на работу. Наступила ночь, и подулъ вѣтеръ съ юга, разразилась гроза, и всю ночь шелъ ливень, такъ что наполнились водостоки и отовсюду текли потоки. Въ то мѣсто, гдѣ копали, натекла вода, и земля, которую съ такимъ трудомъ и такъ долго вынимали изо рва, сразу ушла на свое мѣсто, покрыла сосуды и корзины, и сравнялось то мѣсто съ землею, такъ что нельзя было узнать, гдѣ копали; всѣ водоемы Святаго Града, по

молитвамъ преподобнаго Саввы, наполнились водою, и всѣ въ радости благодарили Бога.

На восемьдесятъ шестомъ году жизни преподобнаго Саввы скончался Патріархъ Іоаннъ, оставивъ себѣ преемникомъ добродѣтельнаго мужа, Петра Елевѳерополита[1]). Потомъ черезъ три года царь Юстинъ, по старости и болѣзни, оставилъ престолъ, поручивъ царство племяннику Юстиніану[2]). Патріархъ Петръ любилъ преподобнаго Савву и почиталъ его, какъ и прежніе Патріархи, и часто посѣщалъ его въ пустынѣ. У Патріарха была сестра, по имени Исихія, женщина благочестивая и добродѣтельная. Она впала въ жестокую болѣзнь, такъ что врачи отчаялись излѣчить ее. Тогда Патріархъ просилъ святаго Савву прійти въ домъ больной и помолиться о ней. Онъ пришелъ и троекратно осѣнилъ больную крестнымъ знаменіемъ, и она тотчасъ встала, славя Бога.

Въ началѣ девяноста перваго года жизни преподобнаго Саввы скончался святый авва Ѳеодосій[3]). Въ сіе время самаряне[4]), жившіе въ Палестинѣ, отпали отъ власти царя Греческаго, выбрали себѣ царя изъ своего племени, по имени Юліана, возстали противъ христіанъ и причинили много зла: захватили много церквей и сожгли ихъ, нападали на села и города, избили множество христіанъ, особенно въ Неапольскихъ предѣлахъ[5]), гдѣ мѣстнаго епископа Самона схватили и убили мечомъ, а бывшихъ съ нимъ пресвитеровъ разрубили на части и, смѣшавъ съ мощами святыхъ мучениковъ, сожгли. Узнавъ о семъ, царь послалъ противъ самарянъ большое войско, и царь самарянскій Юліанъ былъ убитъ въ битвѣ; тогда же и Сильванъ, погибель котораго предсказалъ

---

[1]) Патріархъ Іерусалимскій Іоаннъ скончался въ 524 году. Преемникъ его, Патріархъ Петръ, патріаршествовалъ съ 524 по 544 г. Елевѳерополитомъ онъ названъ по своей родинѣ—городу Елевѳерополю въ Южной Палестинѣ.

[2]) Юстинъ еще при жизни своей, по причинѣ старости и тѣлесной слабости, по согласію всего Сената, при рукоположеніи отъ Константинопольскаго Патріарха Епифанія, возвелъ на императорскій престолъ своего племянника Юстиніана, еще ранѣе того управлявшаго государственными дѣлами. Юстиніанъ царствовалъ съ 527 по 565 г.

[3]) Въ 529 году, 12-го января.

[4]) *Самаряне*—жители Самаріи, срединной области Палестины, на западъ отъ Іордана, получившіе свое имя отъ столичнаго города Самаріи. Самаряне представляли изъ себя враждебную Іудеямъ секту, признававшую изъ священныхъ книгъ лишь одно Пятокнижіе Моисеево за истинное Откровеніе Божіе, отвергавшую всѣ прочія книги Писанія и іудейскія преданія и утверждавшую нѣкоторыя неправильныя мысли о Мессіи, объ Ангелахъ, о воскресеніи мертвыхъ и будущей жизни и т. д.

[5]) *Неаполисъ*—нынѣ *Наблусъ*—древній *Сихемъ*, городъ въ долинѣ между горами Гаризимъ, гдѣ былъ храмъ самарянскій, и Гевалъ, въ прекрасно цвѣтущей донынѣ мѣстности.

преподобный Савва[1]), былъ плѣненъ христіанами и сожженъ въ Скиѳополѣ посреди города. Сынъ его Арсеній отправился въ Царьградъ и вскорѣ—неизвѣстно какимъ образомъ—добился царскаго расположенія, былъ въ большомъ почетѣ при дворѣ и, войдя въ довѣріе къ царю, сталъ клеветать и взводить ложныя обвиненія на палестинскихъ христіанъ (самъ онъ держался самарянскаго нечестія), будто бы они были виновны въ возстаніи самарянъ и въ отпаденіи ихъ отъ подданства царю. Царь повѣрилъ клеветѣ самарянина Арсенія и разгнѣвался на палестинянъ. Узнавъ о семъ, Патріархъ Іерусалимскій Петръ и подвластные ему епископы просили блаженнаго Савву взять на себя трудъ отправиться въ Царьградъ, чтобы смягчить гнѣвъ царя и попросить его о многихъ нуждахъ церковныхъ и гражданскихъ. Преподобный Савва, хотя и былъ уже очень старъ, однако поспѣшилъ отправиться, ставя нужды Церкви выше своего покоя. Узнавъ о его прибытіи, благочестивый царь Юстиніанъ и Константинопольскій Патріархъ Епифаній[2]) послали ему навстрѣчу знатныхъ лицъ. Когда же онъ входилъ къ царю, Богъ открылъ глаза царю Юстиніану, какъ нѣкогда Анастасію: и увидѣлъ онъ благодать Божію, свѣтло блиставшую надъ головой преподобнаго Саввы, испускавшую солнечные лучи и окружавшую его голову, какъ вѣнцомъ. Испугавшись, онъ всталъ съ престола и съ поклономъ просилъ благословенія; потомъ, взявъ преподобнаго за голову, съ любовью и радостью облобызалъ его и просилъ старца, чтобы онъ и царицу его Ѳеодору сподобилъ своего благословенія. Когда царица увидѣла преподобнаго Савву, то поклонилась ему и сказала:

— Помолись за меня, отче, чтобы мнѣ имѣть дѣтей.

Старецъ же сказалъ:

— Богъ, Владыка всѣхъ, да сохранитъ ваше царство!

Царица снова сказала:

— Помолись, отче, Богу, чтобы Онъ разрѣшилъ мое неплодіе и даровалъ мнѣ родить сына.

Старецъ опять сказалъ:

— Богъ славы да соблюдетъ царство ваше въ благовѣріи и подастъ побѣду надъ врагами.

---

[1]) См. выше на стр. 162.

[2]) *Св. Епифаній* — Патріархъ Константинопольскій въ 520—535 гг. Память его—25-го августа.

Въ третій разъ царица просила старца о разрѣшеніи ея неплодія и услышала то же, что и раньше, и была смущена. Когда преподобный вышелъ отъ царицы, бывшіе съ нимъ отцы спросили его:

— Почему, отче, ты огорчилъ царицу и не согласился помолиться о ней?

Старецъ отвѣчалъ имъ:

— Повѣрьте мнѣ, отцы, не выйдетъ изъ ея чрева плодъ, чтобы не напитаться ему Северова ученія и не возмутить больше Анастасія Церковь Христову.

Сими словами преподобный далъ понять, что царица втайнѣ держалась ереси. Царь внялъ просьбѣ преподобнаго, гнѣвъ свой съ палестинскихъ христіанъ перенесъ на самарянъ и издалъ законъ, чтобы самаряне не устраивали собраній, чтобы дѣти ихъ лишались наслѣдства послѣ своихъ родителей, наконецъ, чтобы зачинщики ихъ возстанія были казнены смертію. Тогда и Арсеній—самарянинъ—скрылся, такъ какъ царь приказалъ казнить его, а послѣ онъ прибѣгъ къ святому Саввѣ, упалъ въ ноги и просилъ у святаго Крещенія, чтобы, такимъ образомъ, избавиться отъ царскаго гнѣва и избѣжать смерти; и крещенъ былъ онъ самъ и всѣ домашніе его.

Царь, желая показать свое благоволеніе и угодить преподобному Саввѣ, велѣлъ ему просить у себя, что ему требуется, и взять золота на нужды своихъ монастырей, сколько хочетъ. Преподобный же, не богатства желая для себя, а пользы христіанамъ, упросилъ царя сложить взимаемыя для царя дани въ Палестинѣ, такъ какъ люди разорены Самарянской войной; возстановить на царскій счетъ сожженныя самарянами церкви; построить въ Святомъ Градѣ страннопріимный домъ, чтобы пріютить христіанъ, приходящихъ издалека на поклоненіе Гробу Господню; соорудить тамъ же больницу для странниковъ и приставить къ нимъ врачей; довершить постройку церкви Пресвятой Богородицы, основанной Патріархомъ Иліею; заложить городъ въ пустынѣ ниже его монастырей и поставить тамъ сторожевыя войска для защиты отъ варварскаго нашествія; больше же всего онъ просилъ царя постараться искоренить въ своемъ царствѣ ереси Арія, Несторія и Оригена и другихъ еретиковъ, волнующихъ Церковь Божію,—а за все сіе онъ обѣщалъ царю отъ Бога снова присоединеніе къ Греческому царству Рима и Африки,—

тѣхъ странъ, которыя потеряли прежніе цари. Царь согласился на все сіе и повелѣлъ исполнить просьбу святаго, стараясь самъ о томъ, чтобы желаніе преподобнаго во всемъ было какъ можно скорѣе приведено въ исполненіе. Когда царь обсуждалъ съ своими совѣтниками и казначеями просьбу святаго, преподобный, отойдя немного, сталъ читать Давидовы Псалмы, совершая часъ третій. А одинъ изъ его учениковъ, по имени Іеремія, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Честный отче, что же ты отошелъ отъ царя, когда онъ такъ старается объ исполненіи твоей просьбы, и стоишь въ сторонѣ?

Сказалъ ему старецъ:

— Чадо, они свое дѣло дѣлаютъ, а мы — свое.

Послѣ сего царь далъ святому письменное удостовѣреніе и отпустилъ его съ миромъ. Богъ воздалъ царю въ тысячу разъ за оказанную блаженному Саввѣ милость и за исполненіе его просьбы. Сбылось пророчество старца: черезъ нѣсколько времени царь дѣйствительно одержалъ двѣ славныя побѣды надъ врагами, пріобрѣлъ Римъ и Африку и обоихъ царей: Виттига Римскаго[1]) и Гелимера Карѳагенскаго[2]) онъ увидѣлъ приведенныхъ плѣнниками въ Царьградъ. Преподобный же Савва возвратился въ Іерусалимъ и по просьбѣ Патріарха и епископовъ опять отправился въ Кесарію и Скиѳополь объявить царскій указъ[3]); тамъ онъ увидѣлъ маленькаго отрока Кирилла (составителя сего житія), назвалъ его своимъ ученикомъ и предсказалъ о немъ, что онъ будетъ инокомъ въ его Лаврѣ.

Вскорѣ по возвращеніи оттуда Савва заболѣлъ; узнавъ о семъ, Патріархъ Петръ пришелъ его навѣстить и, увидѣвъ, что въ келліи у старца ничего нѣтъ, даже самаго необходимаго при его болѣзни,

---

[1]) *Виттигъ* — одинъ изъ послѣднихъ королей Остготскаго государства въ Италіи, основаннаго Теодорихомъ Великимъ въ 493 г. Виттигъ царствовалъ въ 537—538 г. Остготское королевство было завоевано знаменитыми полководцами Византійскаго императора Юстиніана Велизаріемъ и окончательно Нарзесомъ въ 554 году.

[2]) *Гелимеръ* — послѣдній король Вандальскаго государства въ Сѣверной Африкѣ, на мѣстѣ древняго Карѳагена. Вандальское королевство было разрушено и завоевано Византійскимъ полководцемъ Велизаріемъ въ 534 году. Взятый въ плѣнъ, Гелимеръ отосланъ былъ въ Константинополь, гдѣ сопровождалъ Велизарія въ его тріумфальномъ шествіи.

[3]) Царскій указъ касался, главнымъ образомъ, уничтоженія ересей аріанской, монофизитской, Несторіевой и Оригеновой и самарянскихъ лжеученій и объ утвержденіи Православія.

кромѣ небольшаго количества стручковъ и старыхъ финиковъ, взялъ его и на носилкахъ перенесъ въ свою епископію и самъ заботился о немъ, служа ему своими руками. По прошествіи нѣсколькихъ дней преподобному Саввѣ было нѣкое Божественное видѣніе, возвѣщавшее ему о скоромъ его преставленіи.

Онъ разсказалъ о видѣнномъ Патріарху и просилъ отпустить его въ Лавру, чтобы скончаться въ своей келліи. Патріархъ, всячески желая угодить ему, отослалъ его въ келлію со всѣмъ необходимымъ для покоя больнаго. Старецъ легъ въ своей келліи, призвалъ всѣхъ отцовъ и братій, простился съ ними въ послѣдній разъ и поставилъ вмѣсто себя игуменомъ нѣкоего достойнаго мужа, по имени Мелита, завѣщавъ ему сохранить нерушимо всѣ монастырскія преданія. Четыре дня онъ ничего не ѣлъ и ни съ кѣмъ не говорилъ. Въ субботу вечеромъ онъ попросилъ Пречистыхъ Таинъ и, причастившись, сказалъ послѣднее слово:

— Господи, въ руцѣ Твои предаю духъ мой!

Такъ скончался онъ пятаго декабря, проживъ девяносто четыре года, и перешелъ въ нестарѣющую жизнь въ сопровожденіи Ангеловъ Божіихъ и святыхъ мучениковъ[1]).

По всѣмъ предѣламъ Іерусалимскимъ разнеслась вѣсть о кончинѣ преподобнаго, и собралось изо всѣхъ лавръ и монастырей безчисленное множество иноковъ; прибылъ и Патріархъ съ епископами и гражданскими начальниками. Отпѣвъ, погребли съ честію тѣло его между обѣими церквами, на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда преподобный видѣлъ огненный столпъ[2]). А что душу его святую проводили на Небо Ангелы и мученики, узнали изъ слѣдующаго. Жилъ въ Святомъ Градѣ одинъ художникъ серебряныхъ дѣлъ, родомъ изъ Дамаска, по имени Ромулъ, первый изъ діаконовъ, служащихъ при св. Геѳсиманіи; онъ самъ разсказалъ, какъ во время

---

[1]) Преп. Савва Освященный преставился въ 532 году.

[2]) См. на стр. 131. О мощахъ преп. Саввы списатель его житія, инокъ Кириллъ, много времени спустя писалъ: «Тѣло его до настоящаго дня сохранилось во гробѣ въ цѣлости и нетлѣніи. Это я самъ своими глазами видѣлъ въ прошедшій индиктіонъ. Когда открыли драгоцѣнный гробъ, дабы положить въ него останки блаженнаго Кассіана, то я сошелъ въ него, чтобы поклониться мощамъ божественнаго старца, и увидѣлъ, что онѣ были цѣлы и нетлѣнны». Мощи преп. Саввы, какъ живаго, видѣлъ въ его Лаврѣ русскій паломникъ начала VII в., игуменъ Даніилъ. Обитель его доселѣ стоитъ у потока Кедрона, около 13 верстъ на востокъ отъ Іерусалима и пользуется широкою извѣстностію на Востокѣ и славой строгой, подвижнической жизни своихъ иноковъ. Впослѣдствіи мощи преп. Саввы перенесены были латинянами въ Венецію, гдѣ нынѣ почиваютъ въ церкви св. Марка.

кончины преподобнаго отца Саввы воры подкопались подъ его домъ и украли много серебра—и его собственнаго, и чужого, бывшаго у него, всего до ста литръ[1]). Въ тяжкой печали Ромулъ пришелъ въ церковь святаго мученика Θеодора и въ теченіе пяти дней плакалъ и возжигалъ свѣчу передъ алтаремъ. Въ пятую ночь онъ уснулъ и увидѣлъ святаго мученика Θеодора, который спросилъ его:

— Что съ тобой, братъ? Что ты такъ тужишь и плачешь?

Онъ отвѣчалъ:

— У меня пропало серебро — и мое, и чужое, воры меня обокрали, потому я плачу и тужу, и молюсь, но безъ успѣха: ты не услышалъ меня.

Святый же сказалъ:

— Повѣрь мнѣ, братъ, меня не было здѣсь въ сіи дни; намъ, всѣмъ мученикамъ, повелѣно было собраться встрѣтить святую душу преподобнаго Саввы, вышедшую изъ тѣла, и проводить ее на мѣсто упокоенія; а теперь не плачь, а пойди на такое-то мѣсто (онъ назвалъ мѣсто) и найдешь украденное.

Ромулъ тотчасъ всталъ, взялъ нѣкоторыхъ своихъ знаемыхъ, пошелъ съ ними на указанное мѣсто и нашелъ все такъ, какъ было сказано святымъ Θеодоромъ въ явленіи.

Нельзя умолчать и о нѣкоторыхъ другихъ чудесахъ, бывшихъ по кончинѣ преподобнаго. Два страннолюбивыхъ брата имѣли виноградникъ и часто давали пріютъ братіямъ, приходившимъ къ нимъ изъ Лавры блаженнаго Саввы; они заболѣли какою-то тяжкою болѣзнью въ самое время сбора винограда, такъ что отчаялись получить и вино, и остаться въ живыхъ. Они вѣрили въ небесное предстательство преподобнаго Саввы и часто поминали его, призывая на помощь; святый же скоро услышалъ ихъ молитву, явился каждому отдѣльно и сказалъ:

— Я помолился Богу о вашемъ здоровьѣ, и Онъ далъ вамъ по просьбѣ вашей; вставайте и идите на свою работу.

Прійдя въ себя, они почувствовали себя здоровыми, прославили Бога и благодарили святаго. Съ тѣхъ поръ каждый годъ — въ тотъ день, когда совершилось сіе чудо,— они справляли большой праздникъ.

---

[1]) *Литра* — византійская мѣра вѣса, равная 72 золотникамъ, стоила въ серебрѣ до 42 р.; такимъ образомъ сто литръ серебра равнялись съ лишкомъ тысячѣ рублей.

Нѣкая благочестивая и добродѣтельная женщина, по имени Гинара, обѣщалась пожертвовать двѣ завѣсы на украшеніе церквей въ Кастеллій и въ пещеру, но, по лѣности ткачихи, тѣ завѣсы долго не были готовы. Гинара очень печалилась о семъ. Тогда ей явился преподобный Савва и сказалъ:

— Не скорби, завтра дѣло пойдетъ успѣшно, ибо приношеніе твое будетъ угодно.

Онъ явился также и ткачихѣ и съ гнѣвомъ упрекалъ ее за лѣность. Наутро одна другой разсказала видѣнное, и работа вскорѣ была готова.

Экономъ великой Лавры нанялъ сарацинскихъ верблюдовъ для перевозки отъ Мертваго моря купленной пшеницы. Когда верблюды пришли съ пшеницею въ Лавру, одинъ изъ нихъ сошелъ съ дороги направо, упалъ съ берега съ ношею въ потокъ и лежалъ въ болотѣ. Хозяинъ верблюда, сарацинъ, воскликнулъ:

— Отче Савва, помоги и не дай погибнуть моему верблюду.

И тотчасъ, въ одно мгновеніе, онъ увидѣлъ честна́го старца, сидящаго на верблюдѣ; онъ побѣжалъ другимъ путемъ, сошелъ въ потокъ и нашелъ своего верблюда невредимымъ, но сидѣвшаго на немъ уже не видѣлъ. Пшеница также оказалась цѣла. Съ тѣхъ поръ каждый годъ сей сарацинъ приходилъ въ Лавру для поклоненія гробу преподобнаго Саввы.

Однажды послѣдователи Оригена, собравшись изъ разныхъ мѣстъ подъ начальствомъ нѣкоего Леонтія, намѣревались внезапно напасть на великую Лавру и разогнать правовѣрное стадо преподобнаго Саввы, а Лавру разорить всю до основанія. Заготовивъ для сего множество ломовъ и другого желѣзнаго орудія, а также и оружія, они пошли цѣлымъ полчищемъ въ великой ярости. Былъ второй часъ дня, и вдругъ нашла на нихъ въ пути тьма и туманъ; весь день они проблуждали и не нашли Лавры, но забрели въ непроходимыя мѣста, гдѣ застигла ихъ ночь; съ трудомъ, на слѣдующій день они очутились близъ монастыря святаго Маркіана [1]). Понявъ, что имъ ничего не удастся, они разошлись каждый къ себѣ съ позоромъ; и сбылись на нихъ слова Исаіи Пророка: **сокрꙋше́нїе и҆ бѣ́дность въ пꙋте́хъ и҆́хъ, ѡ҆сѧ́жꙋтъ ꙗ҆́кѡ слѣпі́и стѣ́нꙋ, и҆ ꙗ҆́кѡ сꙋ́ще безъ̀ ѻ҆че́съ ѡ҆сѧза́ти бꙋ́дꙋтъ, и҆ падꙋ́тсѧ въ полꙋ́дни, ꙗ҆́кѡ въ полꙋ́нощи** [2]). Богъ же хранилъ Лавру ради

[1]) Киновія св. аввы Маркіана находилась около Виѳлеема.

[2]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 29, ст. 7—10.

угодника Своего, преподобнаго Саввы, славно въ ней потрудившагося. Его святыми молитвами и насъ да сохранитъ отъ всѣхъ золъ Преблагій Единый въ Троицѣ Богъ — Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, Емуже слава во вѣки, аминь[1]).

Кондакъ прпбнагѡ, гласъ ѝ:

Ꙗкѡ ѿ младенства бг҃ꙋ жертва непорочнаѧ принесеся ѥси добродѣтелїю, саввo блаженне, садодѣлатель бывъ благочестїѧ: тѣмже былъ ѥси прпбныхъ оудобренїе, гражданинъ же пꙋстынный достохваленъ. тѣмже зовемъ тѝ: радꙋйсѧ, саввo пребогате.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНЫХЪ

КАРІОНА МОНАХА

и сына его

ЗАХАРІИ

Жилъ въ Египтѣ[2]) одинъ человѣкъ, по имени Каріонъ. У него было двое дѣтей, которыхъ онъ оставилъ своей женѣ, а самъ ушелъ въ скитъ[3]) и сталъ инокомъ. Черезъ нѣсколько времени случился голодъ въ Египтѣ; жена Каріона, натерпѣв-

---

[1]) Преп. Савва Освященный написалъ первый Уставъ послѣдованія церковныхъ службъ, извѣстный подъ именемъ Іерусалимскаго и принятый всѣми палестинскими монастырями. По свидѣтельству Симеона Солунскаго, «божественный отецъ нашъ Савва изложилъ Уставъ, принявъ его отъ преподобныхъ Евѳимія и Ѳеоктиста (бывшихъ первыми наставниками Саввы въ подвигахъ пустынныхъ), а они приняли отъ бывшихъ прежде нихъ и отъ исповѣдника Харитона», скончавшагося въ 270 году, т. е. короче по преданію апостольскому. Впослѣдствіи Уставъ Саввы Освященнаго обогащенъ былъ многими необходимыми и важными дополненіями, согласно требованіямъ благочестія; еще позднѣе онъ затерялся и былъ возобновленъ Софроніемъ, Патріархомъ Іерусалимскимъ.

[2]) *Египетъ* — сѣверо-восточная страна Африки, по рѣкѣ Нилу.

[3]) *Скитъ* — египетское слово — значитъ вѣсы, испытаніе сердца. Другіе производятъ отъ греческаго σκύτος — кожа, каковое словопроизводство указываетъ на то, что первоначальные скитники-подвижники не имѣли правильно устроенныхъ домовъ, а довольствовались устройствомъ кожаныхъ прикрытій изъ шкуръ дикихъ звѣрей. Скитомъ назывался особый видъ иноческихъ обителей въ смыслѣ отдѣльныхъ келлій для одинокихъ отшельниковъ. Это имя, прежде всего, прилагалось къ извѣстной мѣстности, въ разстояніи 25—30 верстъ отъ горы Нитрійской, въ сѣверо-западной части Египта.

шись нищеты, пошла къ скиту, неся съ собою дѣтей: одного—мальчика, по имени Захарію, другую—дѣвочку, и сѣла подъ деревомъ на берегу источника. Въ скитѣ былъ обычай: если придетъ какая женщина для бесѣды съ инокомъ, то они должны были разговаривать издали, черезъ рѣку. И сія женщина черезъ рѣку сказала Каріону:

— Вотъ ты—инокъ, а теперь большой голодъ: кто же прокормитъ твоихъ дѣтей?

Каріонъ сказалъ женѣ:

— Возьми ты себѣ ребенка женскаго пола и уходи, а мнѣ пусть останется мальчикъ.

И взялъ себѣ Каріонъ ребенка Захарію, воспиталъ его въ скиту, и всѣ знали, что это—его сынъ. Когда отрокъ выросъ, произошло изъ-за него неудовольствіе среди иноковъ. Услыхавъ о семъ, Каріонъ сказалъ Захаріи:

— Встань и уйди отсюда, потому что изъ-за тебя ропщутъ на меня отцы.

Захарія же отвѣчалъ:

— Я—твой сынъ; куда я пойду отъ тебя?

Тогда они оба, отецъ Каріонъ съ сыномъ, взяли и ушли въ Ѳиваиду[1]), и прожили тамъ въ келліи нѣсколько дней. Но и тамъ поднялся ропотъ, и они опять вернулись въ скитъ, хотя братія и здѣсь не переставала роптать. Тогда Захарія пошелъ къ озеру съ ядовитой водой, погрузился до ноздрей въ воду и пробылъ такъ часъ; послѣ сего онъ сталъ похожъ на прокаженнаго, и отецъ съ трудомъ узналъ его. Когда онъ пришелъ къ святому Причащенію, то святому пресвитеру Исидору было откровеніе о Захаріи, и тотъ сказалъ ему:

— Чадо, въ прошлое воскресенье ты пришелъ причаститься, какъ человѣкъ, а теперь, какъ Ангелъ.

Когда же Каріонъ готовился преставиться къ Богу, то сказалъ братіи:

— Многіе труды исполнилъ я, подвизаясь болѣе сына моего Захаріи, но не дошелъ до такой степени смиренія и безмолвія, какъ онъ.

---

[1]) *Ѳиваида*—область знаменитаго въ древности египетскаго города Ѳивы; этимъ же именемъ назывался, по имени главнаго города, и вообще весь Верхній (южный) Египетъ. Пустыня Ѳиваидская была однимъ изъ самыхъ излюбленныхъ мѣстъ подвижничества древнехристіанскихъ иноковъ.

И преставился старецъ. Послѣ сего сказалъ отецъ Моисей[1]) Захаріи:

— Скажи мнѣ, что сдѣлать мнѣ, чтобы спастись?

Захарія бросился ему въ ноги, говоря:

— Тебѣ ли спрашивать меня, отче?

А старецъ сказалъ ему:

— Повѣрь мнѣ, чадо Захарія, я видѣлъ Духа Святаго, сошедшаго на тебя, потому я и спросилъ тебя.

Тогда Захарія снялъ клобукъ со своей головы, положилъ его у ногъ, растопталъ его и сказалъ:

— Если не сотрется человѣкъ вотъ такъ, не можетъ быть инокомъ.

Когда Захарія готовился преставиться, Моисей спросилъ его:

— Что видишь, братъ?

Онъ же отвѣчалъ:

— Не лучше ли молчать, отче?

Тогда Моисей сказалъ:

— Да, чадо, молчи.

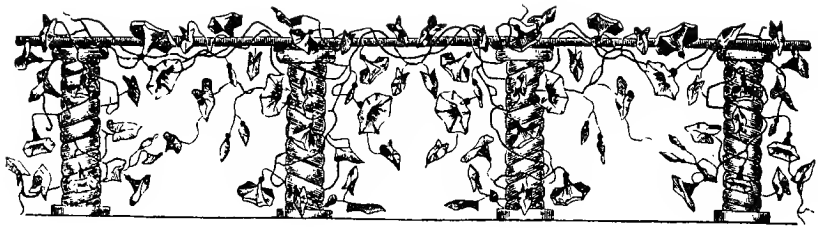
Въ самый же часъ его кончины отецъ Исидоръ, посмотрѣвъ на небо, сказалъ:

— Радуйся, чадо мое Захарія, тебѣ отверзлись врата Царствія Небеснаго!

И тогда Захарія предалъ душу свою Богу[2]) и былъ погребенъ честными отцами въ скиту.

[1]) Здѣсь разумѣется *преп. Моисей Муринъ,* память котораго празднуется 28-го августа.

[2]) *Преп. Захарія* скончался въ концѣ IV вѣка по Р. Хр.



День шестой

ЖИТІЕ

СВЯТИТЕЛЯ И ЧУДОТВОРЦА

НИКОЛАЯ,

архіепископа Мурликійскаго

Святителя Христова Николая, великаго Чудотворца, скораго помощника и изряднаго ходатая предъ Богомъ, возрастила страна Ликійская. Онъ родился въ городѣ Патарѣ[1]). Родители его, Ѳеофанъ и Нонна, были люди благочестивые, знатные и богатые. Сія благословенная чета за свою богоугодную жизнь, многія милостыни и великія добродѣтели удостоилась произрастить святую вѣтвь и ꙗ҆́кѡ дре́во насажде́нное при и҆схо́днѡнхъ во́дъ даде̑ пло́дъ сво́й во вре́мѧ свое̑[2]). Когда родился сей благословенный отрокъ, ему дали имя *Николай,* что значитъ *побѣдитель народовъ.* И онъ, по благословенію Божію, воистину явился побѣдителемъ злобы, на благо всему міру. Послѣ его рожденія матерь его Нонна тотчасъ же освободилась отъ болѣзни и съ того времени до самой своей кончины оставалась неплодною. Этимъ сама природа какъ бы засвидѣтельствовала, что у жены сей не могло быть другого сына,

---

[1]) *Патара* былъ приморскимъ торговымъ городомъ въ Мало-Азійской провинціи Ликія (нынѣ Анатолія). Основанъ финикіянами; нынѣ въ развалинахъ.

[2]) Псал. 1, ст. 3.

подобнаго святому Николаю: онъ одинъ долженствовалъ быть первымъ и послѣднимъ. Освященный еще въ утробѣ матери Богодухновенною благодатію, онъ явилъ себя благоговѣйнымъ почитателемъ Бога ранѣе, чѣмъ увидѣлъ свѣтъ, сталъ творить чудеса прежде, чѣмъ началъ питаться молокомъ матери, и былъ постникомъ прежде, чѣмъ привыкъ вкушать пищу. По своемъ рожденіи еще въ купели Крещенія онъ три часа простоялъ на ногахъ, никѣмъ не поддерживаемый, воздавая симъ честь Пресвятой Троицѣ, великимъ служителемъ и предстателемъ Коей онъ долженъ былъ явиться впослѣдствіи. Въ немъ можно было узнать будущаго чудотворца даже по тому, какъ онъ приникалъ къ сосцамъ матери; ибо онъ питался молокомъ одной правой груди, знаменуя тѣмъ будущее стояніе свое одесную Господа вмѣстѣ съ праведными. Свое изрядное постничество онъ проявилъ въ томъ, что по средамъ и пятницамъ вкушалъ молоко матери только одинъ разъ, и то вечеромъ, по совершеніи родителями обычныхъ молитвъ. Отецъ и мать его весьма сему удивлялись и провидѣли, какимъ строгимъ постникомъ будетъ сынъ ихъ въ своей жизни. Навыкнувъ отъ младенческихъ пеленъ такому воздержанію, святый Николай всю свою жизнь до самой кончины проводилъ среду и пятницу въ строгомъ постѣ. Возрастая съ годами, отрокъ возрасталъ и въ разумѣ, совершенствуясь въ добродѣтеляхъ, коимъ былъ научаемъ отъ благочестивыхъ родителей. И былъ онъ—какъ нива плодоносная, принимающая въ себя и возращающая доброе сѣмя поученія и приносящая каждый день новые плоды благонравія. Когда пришло время поучаться Божественному Писанію, святый Николай силою и остротою своего ума и помощію Святаго

Ст҃и́тель
Нїколаи́й

Духа въ малое время постигъ многую премудрость и успѣлъ въ книжномъ ученіи такъ, какъ подобаетъ доброму кормчему Христова корабля и искусному пастырю словесныхъ овецъ. Достигши совершенства въ словѣ и ученіи, онъ показалъ себя совершеннымъ и въ самой жизни. Онъ всячески уклонялся суетныхъ друзей и праздныхъ бесѣдъ, избѣгалъ разговоровъ съ женщинами и даже не смотрѣлъ на нихъ. Святый Николай хранилъ истинное цѣломудріе, чистымъ умомъ всегда созерцая Господа и усердно посѣщая храмъ Божій, слѣдуя Псалмопѣвцу, глаголющему: **и҆зво́лихъ примета́тисѧ въ домꙋ̀ бг҃а моегѡ̀**[1]). Въ храмѣ Божіемъ онъ проводилъ цѣлые дни и ночи въ богомысленной молитвѣ и чтеніи божественныхъ книгъ, поучаясь разуму духовному, обогащаясь божественною благодатію Святаго Духа и созидая въ себѣ, по словамъ Писанія, достойное для Него жилище: **вы̀ хра́мъ бж҃їй є҆стѐ и҆ дх҃ъ бж҃їй живе́тъ въ ва́съ**[2]). Духъ Божій поистинѣ обиталъ въ семъ добродѣтельномъ и чистомъ юношѣ, и, служа Господу, онъ горѣлъ духомъ. Въ немъ не замѣчалось никакихъ привычекъ, свойственныхъ юности: по своему нраву онъ былъ подобенъ старцу, почему всѣ уважали его и удивлялись ему. Старый человѣкъ, если выказываетъ юношескія увлеченія, для всѣхъ служитъ посмѣшищемъ; наоборотъ, если юноша имѣетъ нравъ старца, то отъ всѣхъ съ удивленіемъ почитается. Неумѣстна въ старости юность, но достойна уваженія и прекрасна въ юности старость.

Былъ у святаго Николая дядя, епископъ города Патары, соименный племяннику, который въ честь его и былъ названъ Николаемъ. Сей епископъ, видя, что его племянникъ преуспѣваетъ въ добродѣтельномъ житіи и всячески устраняется отъ міра, сталъ совѣтовать его родителямъ, чтобы они отдали своего сына на службу Богу. Тѣ послушались совѣта и посвятили Господу свое чадо, которое сами приняли отъ Него какъ даръ. Ибо въ древнихъ книгахъ о нихъ повѣствуется, что они были неплодны и уже не надѣялись имѣть дѣтей, но многими молитвами, слезами и милостынями испросили себѣ у Бога сына и теперь не пожалѣли принести его въ даръ Даровавшему его. Епископъ, принявъ сего юнаго старца, имѣющаго **сѣди́нꙋ мꙋ́дрости и҆ во́зрастъ ста́рости, житїѐ нескве́рно**[3]), возвелъ его въ пресвитерскій санъ.

---

[1]) Псал. 83, ст. 11.

[2]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 3, ст. 16.

[3]) Прем. Солом., гл. 4, ст. 9.

Когда онъ рукополагалъ святаго Николая во священника, то, по внушенію Святаго Духа, обратившись къ народу, бывшему въ церкви, пророчески сказалъ:

— Я вижу, братіе, новое солнце, восходящее надъ землею и являющее собою милостивое утѣшеніе для скорбящихъ. Блаженно то стадо, которое удостоится имѣть его у себя пастыремъ, ибо сей добрѣ упасетъ души заблуждшихъ, препитаетъ ихъ на пажити благочестія и явится милосердымъ помощникомъ въ бѣдахъ и скорбяхъ.

Сіе пророчество впослѣдствіи дѣйствительно исполнилось, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго повѣствованія.

Принявъ пресвитерскій санъ, святый Николай прилагалъ труды къ трудамъ; бодрствуя и пребывая въ непрестанной молитвѣ и постѣ, онъ, будучи смертенъ, старался подражать безплотнымъ. Проводя такое равноангельское житіе и день ото дня все болѣе процвѣтая красотою души, онъ былъ вполнѣ достоинъ управлять Церковію. Въ это время епископъ Николай, желая идти въ Палестину на поклоненіе святымъ мѣстамъ, вручилъ управленіе Церковію племяннику своему. Сей іерей Божій святый Николай, заступивъ мѣсто своего дяди, заботился о дѣлахъ Церкви такъ же, какъ и самъ епископъ. Въ это время его родители преселились въ вѣчную жизнь. Получивъ въ наслѣдство ихъ имѣніе, святый Николай роздалъ его нуждающимся. Ибо онъ не обращалъ вниманія на скоропреходящее богатство и не заботился о его умноженіи, но, отрекшись отъ всякихъ мірскихъ желаній, со всѣмъ усердіемъ старался предать себя Единому Богу, взывая:

— Къ тебѣ, гдⷭ҇и, воздвигохъ дꙋшꙋ мою. Научи мѧ творити волю твою, ꙗкѡ ты еси бгъ мой. Къ тебѣ приверженъ есмь ѿ ложеснъ, ѿ чрева матере моеѧ бгъ мой еси ты[1]).

И была рука его простерта къ нуждающимся, на коихъ она изливала пребогатую милостыню, какъ многоводная рѣка, изобилующая струями. Вотъ одно изъ многихъ дѣлъ его милосердія.

Жилъ въ городѣ Патарѣ нѣкій мужъ, знатный и богатый. Придя въ крайнюю нищету, онъ потерялъ прежнее свое значеніе, ибо жизнь вѣка сего непостоянна. Сей человѣкъ имѣлъ трехъ дочерей, которыя были очень красивы собою. Когда уже онъ лишился всего необходимаго, такъ что нечего было ѣсть и не

[1]) Псал. 24, ст. 1; 142, 10; 21, 11.

во что одѣться, онъ, ради своей великой нищеты, замыслилъ отдать своихъ дочерей на любодѣяніе и обратить свое жилище въ домъ блуда, чтобы такимъ образомъ добывать себѣ средства къ жизни и пріобрѣтать и себѣ и дочерямъ одежду и пищу. О горе, къ какимъ недостойнымъ мыслямъ приводитъ крайняя нищета! Имѣя сію нечистую мысль, мужъ сей хотѣлъ уже исполнить свое злое намѣреніе. Но Всеблагій Господь, не хотящій видѣть человѣка въ погибели и человѣколюбно помогающій въ бѣдахъ нашихъ, вложилъ благую мысль въ душу угоднику Своему, святому іерею Николаю, и тайнымъ вдохновеніемъ послалъ его къ погибающему душею мужу для утѣшенія въ нищетѣ и предупрежденія отъ грѣха. Святый Николай, услыхавъ о крайней бѣдности того мужа и Божіимъ откровеніемъ узнавъ о его зломъ намѣреніи, почувствовалъ къ нему глубокое сожалѣніе и рѣшилъ своею благодѣтельною рукою извлечь его вмѣстѣ съ дочерьми, какъ изъ огня, изъ нищеты и грѣха. Однако онъ не пожелалъ оказать свое благодѣяніе тому мужу открыто, но задумалъ подать ему щедрую милостыню тайно. Такъ святый Николай поступилъ по двумъ причинамъ. Съ одной стороны, онъ хотѣлъ самъ избѣжать суетной человѣческой славы, слѣдуя словамъ Евангелія: внемлите милостыни вашеѧ не творити предъ человѣки[1]), съ другой стороны, онъ не желалъ оскорбить мужа, бывшаго нѣкогда богачомъ, а теперь пришедшаго въ крайнюю нищету. Ибо онъ зналъ, какъ тяжела и оскорбительна милостыня для того, кто отъ богатства и славы перешелъ въ убожество, потому что она напоминаетъ ему о прежнемъ благоденствіи. Посему святый Николай счелъ за лучшее поступить по ученію Христа: да не оувѣсть шоуица твоѧ, что творитъ десница твоѧ[2]). Онъ такъ избѣгалъ человѣческой славы, что старался утаить себя даже и отъ того, кому благодѣтельствовалъ. Онъ взялъ большой мѣшокъ золота, пришелъ въ полночь къ дому мужа того и, бросивъ этотъ мѣшокъ въ окно, самъ поспѣшилъ возвратиться домой. Утромъ мужъ тотъ всталъ и, найдя мѣшокъ, развязалъ его. При видѣ золота онъ пришелъ въ великій ужасъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ, потому что ниоткуда не могъ ожидать такого благодѣянія. Однако, перебирая монеты пальцами, онъ убѣдился, что предъ нимъ въ самомъ дѣлѣ золото. Возвеселившись духомъ и удивляясь

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 1.
[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 3.

сему, онъ плакалъ отъ радости, долго размышлялъ о томъ, кто бы могъ оказать ему такое благодѣяніе, и ничего не могъ придумать. Приписавъ сіе дѣйствію Божественнаго Промысла, онъ непрестанно благодарилъ въ душѣ своего благодѣтеля, воздавая хвалу пекущемуся о всѣхъ Господу. Послѣ сего онъ выдалъ замужъ старшую свою дочь, давъ ей въ приданое чудесно дарованное ему золото. Святый Николай, узнавъ о томъ, что мужъ сей поступилъ по его желанію, возлюбилъ его и рѣшилъ сотворить такую же милость и второй дочери, намѣреваясь законнымъ бракомъ оградить и ее отъ грѣха. Приготовивъ другой мѣшокъ золота, такой же, какъ и первый, онъ ночью, тайно отъ всѣхъ, черезъ то же окно бросилъ его въ домъ мужа. Вставъ поутру, бѣднякъ опять нашелъ у себя золото. Снова онъ пришелъ въ удивленіе и, павъ на землю и обливаясь слезами, говорилъ:

— Боже милостивый, Строитель нашего спасенія, искупившій меня самою Кровію Твоею и нынѣ искупляющій златомъ домъ мой и моихъ дѣтей отъ сѣтей вражіихъ, Самъ Ты покажи мнѣ слугу Твоего милосердія и человѣколюбивой Твоей благости. Покажи мнѣ того земного Ангела, который сохраняетъ насъ отъ грѣховной погибели, чтобы я могъ узнать, кто исторгаетъ насъ отъ угнетающей насъ нищеты и избавляетъ отъ злыхъ мыслей и намѣреній. Господи, по Твоей милости, тайно творимой мнѣ щедрою рукою неизвѣстнаго мнѣ Твоего угодника, я могу отдать замужъ по закону и вторую свою дочь и тѣмъ избѣжать сѣтей діавола, который хотѣлъ скверным прибыткомъ умножить и безъ того великую мою погибель.

Помолившись такъ Господу и возблагодаривъ Его благостыню, мужъ тотъ отпраздновалъ бракъ второй своей дочери. Уповая на Бога, отецъ питалъ несомнѣнную надежду, что Онъ и третьей дочери подастъ законнаго супруга, снова даровавъ тайно благодѣтельствующею рукою потребное для сего золото. Чтобы узнать, кто и откуда приноситъ ему золото, отецъ не спалъ ночи, подстерегая своего благодѣтеля и желая его видѣть. Немного прошло времени, какъ ожидаемый благодѣтель явился. Христовъ угодникъ Николай тихо пришелъ и въ третій разъ и, остановившись на обычномъ мѣстѣ, бросилъ въ то же окно такой же мѣшокъ золота и тотчасъ поспѣшилъ къ своему дому. Услыхавъ звонъ золота, брошеннаго въ окно, мужъ тотъ насколько могъ быстро побѣжалъ вслѣдъ за угодникомъ Божіимъ. Догнавъ его и узнавъ, потому что

нельзя было не знать святаго по его добродѣтели и знатному происхожденію, мужъ сей палъ ему въ ноги, лобызая ихъ и называя святаго избавителемъ, помощникомъ и спасителемъ душъ, пришедшихъ въ крайнюю погибель.

— Если бы,—говорилъ онъ,—не возставилъ меня твоими щедротами Великій въ милости Господь, то я, несчастный отецъ, давно уже погибъ бы вмѣстѣ съ своими дочерьми въ огнѣ Содомскомъ. Нынѣ же мы спасены тобою и избавлены отъ ужаснаго грѣхопаденія.

И еще много подобныхъ словъ говорилъ онъ святому со слезами. Едва поднявъ его съ земли, святый угодникъ взялъ съ него клятву, что онъ во всю свою жизнь никому не повѣдаетъ о томъ, что съ нимъ было. Сказавъ ему еще многое на пользу, святый отпустилъ его въ домъ свой.

Изъ многихъ дѣлъ милосердія угодника Божія мы повѣдали только объ одномъ, чтобы было извѣстно, насколько онъ былъ милостивъ къ нищимъ. Ибо не достало бы намъ времени, если бы повѣствовать подробно о томъ, какъ онъ былъ щедръ къ нуждающимся, сколько голодныхъ онъ напиталъ, сколько одѣлъ нагихъ и сколькихъ выкупилъ у заимодавцевъ.

Послѣ сего преподобный отецъ Николай пожелалъ отправиться въ Палестину, чтобы видѣть и поклониться тѣмъ Святымъ мѣстамъ, гдѣ Господь Богъ нашъ, Іисусъ Христосъ, ходилъ Пречистыми Своими стопами. Когда корабль плылъ около Египта и путники не знали, что ихъ ожидаетъ, находившійся среди нихъ святый Николай предвидѣлъ, что вскорѣ поднимется буря, и возвѣстилъ о семъ своимъ спутникамъ, сказавъ имъ, что онъ видѣлъ самого діавола, вошедшаго въ корабль съ тѣмъ, чтобы всѣхъ ихъ потопить въ глубинѣ морской. И въ тотъ самый часъ неожиданно небо покрылось облаками, и сильная буря подняла страшное волненіе на морѣ. Путники пришли въ великій ужасъ и, отчаявшись въ своемъ спасеніи и ожидая смерти, молили святаго отца Николая помочь имъ, погибающимъ въ пучинѣ морской.

— Если ты, угодникъ Божій,—говорили они,—не поможешь намъ своими молитвами ко Господу, то мы тотчасъ погибнемъ.

Повелѣвъ имъ мужаться, возложить надежду на Бога и безъ всякихъ сомнѣній ожидать скораго избавленія, святый сталъ усердно молиться Господу. Тотчасъ море успокоилось, настала великая тишина, и всеобщая скорбь превратилась въ радость.

Обрадованные путники воздали благодареніе Богу и Его угоднику, святому отцу Николаю, и вдвойнѣ удивлялись—и предсказанію его о бурѣ, и прекращенію скорби. Послѣ того одному изъ корабельщиковъ нужно было подняться на верхъ мачты. Спускаясь оттуда, онъ оборвался и упалъ съ самой высоты на средину корабля, убился до смерти и лежалъ бездыханнымъ. Святый Николай, готовый на помощь прежде, чѣмъ ее потребуютъ, тотчасъ воскресилъ его своею молитвою, и тотъ всталъ какъ бы пробудившись отъ сна. Послѣ сего, поднявъ всѣ паруса, путники продолжали благополучно свое плаваніе при попутномъ вѣтрѣ и спокойно пристали къ берегу Александріи. Исцѣливъ здѣсь многихъ больныхъ и бѣсноватыхъ и утѣшивъ скорбящихъ, угодникъ Божій, святый Николай, снова отправился по намѣченному пути въ Палестину.

Достигнувъ Святаго Града Іерусалима, святый Николай пришелъ на Голгоѳу, гдѣ Христосъ Богъ нашъ, простерши на крестѣ Свои пречистыя руки, содѣлалъ спасеніе роду человѣческому. Здѣсь угодникъ Божій излилъ отъ горящаго любовію сердца теплыя молитвы, возсылая благодареніе Спасителю нашему. Онъ обошелъ всѣ Святыя мѣста, вездѣ творя усердное поклоненіе. И когда ночью онъ хотѣлъ войти въ святую церковь[1]) на молитву, замкнутыя церковныя двери отверзлись сами собою, открывая невозбранный входъ тому, для кого были отверсты и небесныя врата. Пробывъ въ Іерусалимѣ довольно долгое время, святый Николай намѣревался удалиться въ пустыню, но былъ остановленъ свыше Божественнымъ Гласомъ, увѣщававшимъ его возвратиться на свою родину. Господь Богъ, все устрояющій на пользу нашу, не благоволилъ, чтобы тотъ свѣтильникъ, который по волѣ Божіей долженъ былъ свѣтить Ликійской митрополіи, оставался сокрытымъ подъ спудомъ, въ пустынѣ. Придя на корабль, угодникъ Божій уговорился съ корабельщиками, чтобы они доставили его въ родную страну. Но они замыслили обмануть его и направили свой корабль не въ Ликійскую, а въ иную страну. Когда они отплыли отъ пристани, святый Николай, замѣтивъ, что корабль плыветъ по другому пути, палъ корабельщикамъ въ ноги,

[1]) Это была небольшая церковь на Сіонской горѣ, единственная въ то время во всемъ городѣ Іерусалимѣ, населенномъ язычниками и носившемъ названіе Эліи Капитолины. Церковь эта, по преданію, была построена въ томъ домѣ, гдѣ Господь Іисусъ Христосъ установилъ Таинство Причащенія и гдѣ потомъ было Сошествіе Святаго Духа на Апостоловъ.

умоляя ихъ направить корабль въ Ликію. Но они не обратили на его мольбы никакого вниманія и продолжали плыть по намѣченному пути: не знали они, что Богъ не оставитъ Своего угодника. И вдругъ налетѣла буря, повернула корабль въ другую сторону и быстро понесла его по направленію къ Ликіи, угрожая злымъ корабельщикамъ совершенною погибелью. Такъ носимый Божественною силою по морю, святый Николай прибылъ, наконецъ, въ свое отечество. По своему незлобію онъ не сотворилъ никакого зла своимъ злокозненнымъ врагамъ. Онъ не только не разгнѣвался и ни однимъ словомъ не упрекнулъ ихъ, но съ благословеніемъ отпустилъ ихъ въ свою страну. Самъ же онъ пришелъ въ обитель, основанную его дядею, Патарскимъ епископомъ, и названную святымъ Сіономъ, и здѣсь для всей братіи оказался желаннымъ гостемъ. Принявъ его съ великою любовію, какъ Ангела Божія, они наслаждались его Богодухновенною рѣчью и, подражая добрымъ нравамъ, коими украсилъ Богъ Своего вѣрнаго раба, назидались равноангельнымъ его житіемъ. Найдя въ этомъ монастырѣ безмолвное житіе и тихое пристанище для богомыслія, святый Николай надѣялся и остальное время своей жизни провести здѣсь неисходно. Но Богъ указывалъ ему иной путь, ибо не хотѣлъ, чтобы такое богатое сокровище добродѣтелей, коимъ долженъ обогатиться міръ, пребывало заключеннымъ въ обители, подобно сокровищу, закопанному въ землю, но чтобы оно было для всѣхъ открыто и имъ совершалась духовная купля, многія души пріобрѣтающая. И вотъ, однажды святый, стоя на молитвѣ, услышалъ Гласъ свыше:

— Николай, если ты желаешь удостоиться отъ Меня вѣнца, иди и подвизайся на благо міру.

Услышавъ сіе, святый Николай пришелъ въ ужасъ и сталъ размышлять о томъ, чего желаетъ и требуетъ отъ него Гласъ сей. И снова услышалъ:

— Николай, не здѣсь та нива, на которой ты долженъ принести ожидаемый Мною плодъ; но обратись и иди въ міръ, и да будетъ прославлено въ тебѣ Имя Мое.

Тогда святый Николай уразумѣлъ, что Господь требуетъ отъ него оставить подвигъ безмолвія и идти на служеніе людямъ для ихъ спасенія.

Онъ сталъ размышлять, куда ему направиться: въ отечество ли свое, городъ Патару, или въ иное мѣсто. Избѣгая суетной

славы среди своихъ согражданъ и опасаясь ея, онъ замыслилъ удалиться въ другой городъ, гдѣ бы его никто не зналъ. Въ той же самой Ликійской странѣ былъ славный городъ Мѵры, бывшій митрополіею всей Ликіи[1]). Въ этотъ городъ и пришелъ святый Николай, водимый Божіимъ Промысломъ. Здѣсь онъ не былъ извѣстенъ никому; и пребывалъ онъ въ этомъ городѣ, какъ нищій, не имѣя, гдѣ приклонить главу. Только въ домѣ Господнемъ и находилъ онъ себѣ пріютъ, имѣя въ Богѣ единственное пристанище. Въ то время скончался архіерей того города Іоаннъ, архіепископъ и первопрестольникъ всей Ликійской страны. Посему въ Мѵры собрались всѣ епископы Ликіи, чтобы избрать на освободившійся престолъ достойнаго. Много мужей, почитаемыхъ и благоразумныхъ, было намѣчено въ преемники Іоанну. Среди избирающихъ было большое несогласіе, и нѣкоторые изъ нихъ, подвигнутые Божественною ревностію, сказали:

— Избраніе епископа на сей престолъ не подлежитъ рѣшенію людей, но есть дѣло Божія строенія. Намъ подобаетъ совершить молитву, чтобы Самъ Господь открылъ, кто достоинъ принять такой санъ и быть пастыремъ всей Ликійской страны.

Добрый сей совѣтъ встрѣтилъ всеобщее одобреніе, и всѣ предались усердной молитвѣ и посту. Господь, исполняющій желанія боящихся Его, внимая молитвѣ епископовъ, такъ открылъ старѣйшему изъ нихъ Свою благую волю. Когда сей епископъ стоялъ на молитвѣ, предъ нимъ явился свѣтлообразный мужъ и повелѣлъ ему ночью отправиться къ дверямъ церковнымъ и наблюдать, кто прежде всѣхъ войдетъ въ церковь.

— Сей,—сказалъ Онъ,—и есть Мой избранникъ; примите его съ честію и поставьте во архіепископы; имя мужу сему—Николай.

О такомъ божественномъ видѣніи архіерей возвѣстилъ прочимъ епископамъ, и они, слыша сіе, усугубили свои молитвы. Удостоившійся откровенія епископъ сталъ на томъ мѣстѣ, гдѣ было ему указано въ видѣніи, и ожидалъ прихода желаннаго мужа. Когда настало время утренней службы, святый Николай, побуждаемый духомъ, пришелъ къ церкви прежде всѣхъ, ибо онъ имѣлъ обычай вставать въ полночь на молитву и раньше другихъ приходить къ утренней службѣ. Какъ только онъ вошелъ въ притворъ, епископъ, удостоившійся откровенія, остановилъ его

[1]) *Мѵры* (нынѣ *Мири*, у турокъ *Дембре*) были главнымъ городомъ древней Ликіи и находились близъ моря, на рѣкѣ Андракъ, у устья которой была гавань Андріаке.

и просилъ сказать свое имя. Святый Николай молчалъ. Епископъ снова спросилъ его о томъ же. Святый кротко и тихо отвѣтилъ ему:

— Имя мое—Николай, я рабъ твоей святыни, Владыко.

Благочестивый епископъ, услыхавъ такую краткую и смиренную рѣчь, уразумѣлъ какъ по самому имени — Николай, предсказанному ему въ видѣніи, такъ и по смиренному и кроткому отвѣту, что предъ нимъ тотъ самый мужъ, коему Богъ благоволилъ быть первопрестольникомъ Мѵрской Церкви. Ибо онъ зналъ изъ Священнаго Писанія, что Господь призираетъ на кроткаго, молчаливаго и трепещущаго предъ Словомъ Божіимъ. Великою радостію онъ возрадовался, какъ бы получивъ нѣкое тайное сокровище. Тотчасъ взявъ святаго Николая за руку, онъ сказалъ ему:

— Слѣдуй за мною, чадо.

Когда онъ съ честію привелъ святаго къ епископамъ, тѣ исполнились Божественной сладости и, утѣшаясь духомъ, что обрѣли указаннаго Самимъ Богомъ мужа, повели его въ церковь. Молва о томъ разнеслась повсюду, и быстрѣе птицъ къ церкви стеклось безчисленное множество народа. Епископъ, удостоившійся видѣнія, обратился къ народу и воскликнулъ:

— Пріимите, братіе, своего пастыря, коего помазалъ Самъ Духъ Святый и коему Онъ вручилъ попеченіе о душахъ вашихъ. Не человѣческимъ собраніемъ поставленъ онъ, но Самимъ Богомъ. Нынѣ мы имѣемъ того, кого желали, и нашли и приняли, кого искали. Подъ его правленіемъ и наставленіемъ мы не лишимся надежды, что предстанемъ предъ Богомъ въ день Его явленія и откровенія.

Весь народъ воздавалъ благодареніе Богу и радовался неизреченною радостію. Не перенося человѣческихъ похвалъ, святый Николай долго отрекался принять священный санъ; но уступая усерднымъ мольбамъ Собора епископовъ и всего народа, противъ своей воли вступилъ на архіерейскій престолъ. Къ этому его побуждало Божественное видѣніе, бывшее ему еще прежде смерти архіепископа Іоанна. Объ этомъ видѣніи повѣствуетъ святый Меѳодій, Патріархъ Константинопольскій. Однажды,—говоритъ онъ,—святый Николай ночью увидѣлъ, что предъ нимъ стоитъ Спаситель во всей Своей славѣ и подаетъ ему Евангеліе, украшенное золотомъ и жемчугомъ. По другую сторону себя святый Николай увидѣлъ Пресвятую Богородицу, воз-

лагающую на его рамена святительскій омофоръ. Послѣ этого видѣнія прошло немного дней, и Мѵрскій архіепископъ Іоаннъ скончался.

Вспоминая это видѣніе и видя въ немъ явное благоволеніе Божіе и не желая отказать усерднымъ мольбамъ Собора, святый Николай принялъ паству. Соборъ епископовъ со всѣмъ церковнымъ клиромъ совершили надъ нимъ посвященіе и свѣтло праздновали, веселясь о дарованномъ Богомъ пастырѣ, святителѣ Христовомъ Николаѣ. Такимъ образомъ Церковь Божія приняла свѣтлаго свѣтильника, который не остался подъ спудомъ, но былъ поставленъ на подобающемъ ему архіерейскомъ и пастырскомъ мѣстѣ. Удостоенный сего великаго сана, святый Николай право правилъ слово истины и мудро наставлялъ свою паству въ ученіи вѣры.

Въ самомъ началѣ своего пастырства угодникъ Божій такъ говорилъ себѣ:

— Николай! Принятый тобою санъ требуетъ отъ тебя иныхъ обычаевъ—чтобы ты жилъ не для себя, но для другихъ.

Желая научить своихъ словесныхъ овецъ добродѣтелямъ, онъ не скрывалъ уже, какъ прежде, своего добродѣтельнаго житія. Ибо прежде онъ проводилъ свою жизнь, втайнѣ служа Богу, Который Единъ только вѣдалъ его подвиги. Теперь же, по принятіи имъ архіерейскаго сана, жизнь его стала открыта для всѣхъ, не по тщеславію предъ людьми, но ради ихъ пользы и умноженія славы Божіей, чтобы исполнилось слово Евангельское: **та́кѡ да просвѣти́тсѧ свѣ́тъ ва́шъ пред̾ человѣ́ки, ꙗ̑кѡ да ви́дѧтъ ва̑ша дѡ́бра́ѧ дѣла̀ и҆ просла́вѧтъ ѻ҆ц̑а̀ ва́шего, и҆̀же на небесѣ́хъ**[1]). Святый Николай по своимъ добрымъ дѣламъ былъ какъ бы зерцаломъ для своего стада и, по слову Апостола, **ѡ҆́бразъ вѣ́рнымъ сло́вомъ, житїе́мъ, любо́вїю, дꙋ́хомъ, вѣ́рою и чистото́ю**[2]). Онъ былъ нравомъ кротокъ и незлобивъ, смиренъ духомъ и избѣгалъ всякаго тщеславія. Одежды его были просты, пища—постническая, которую онъ всегда вкушалъ только одинъ разъ въ день, и то вечеромъ. Весь день онъ проводилъ въ приличныхъ его сану трудахъ, выслушивая просьбы и нужды къ нему приходящихъ. Двери его дома были открыты для всѣхъ. Онъ былъ добрымъ и доступнымъ для всѣхъ: сиротамъ онъ былъ отецъ,

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 16.

[2]) 1 Посл. къ Тимоѳ., гл. 4, ст. 12.

нищимъ—милостивый податель, плачущимъ—утѣшитель, обиженнымъ—помощникъ и всѣмъ—великій благодѣтель. Въ помощь себѣ въ церковномъ управленіи онъ избралъ двухъ добродѣтельныхъ и благоразумныхъ совѣтниковъ, облеченныхъ пресвитерскимъ саномъ. Это были извѣстные во всей Греціи мужи—Павелъ Родосскій и Θеодоръ Аскалонскій.

Такъ святитель Николай пасъ ввѣренное ему стадо словесныхъ Христовыхъ овецъ. Но завистливый змій лукавый, никогда не престающій воздвигать брань на рабовъ Божіихъ и не переносящій процвѣтанія среди людей благочестія, воздвигъ гоненіе на Церковь Христову чрезъ нечестивыхъ царей Діоклетіана и Максиміана[1]). Въ то самое время отъ сихъ царей вышло повелѣніе по всей имперіи, чтобы христіане отверглись отъ Христа и поклонялись идоламъ. Тѣхъ, кто не повиновался этому повелѣнію, было предписано принуждать къ тому темничнымъ заключеніемъ и тяжкими муками и, наконецъ, предавать смертной казни. Эта дышущая злобою буря по усердію ревнителей тьмы и нечестія вскорѣ достигла и Мурскаго града. Блаженный Николай, бывшій въ томъ градѣ руководителемъ всѣхъ христіанъ, свободно и дерзновенно проповѣдывалъ Христово благочестіе и былъ готовъ пострадать за Христа. Посему онъ былъ схваченъ нечестивыми мучителями и заключенъ вмѣстѣ со многими христіанами въ темницу. Здѣсь онъ пробылъ немалое время, перенося тяжкія страданія, претерпѣвая голодъ и жажду и тѣсноту темничную. Своихъ соузниковъ онъ питалъ словомъ Божіимъ и напоялъ сладкими водами благочестія; утверждая въ нихъ вѣру во Христа Бога, укрѣпляя ихъ на нерушимомъ основаніи, онъ убѣждалъ быть твердыми въ исповѣданіи Христа и усердно страдать за Истину. Тѣмъ временемъ христіанамъ снова была дарована свобода, и благочестіе возсіяло, какъ солнце послѣ темныхъ тучъ, и наступила какъ бы нѣкая тихая прохлада послѣ бури. Ибо Человѣколюбецъ Христосъ, призрѣвъ на Свое достояніе, истребилъ нечестивыхъ, низринувъ съ царскаго престола Діоклетіана и Максиміана и уничтоживъ власть ревнителей еллинскаго нечестія. Явленіемъ Своего Креста царю Константину Великому, коему

---

[1]) *Императоры Діоклетіанъ и Максиміанъ* (съ 284 по 305 г.) были соправителями: первый—царствовалъ на Востокѣ, второй—на Западѣ. Воздвигнутое Діоклетіаномъ гоненіе отличалось особенною жестокостью. Оно началось въ городѣ Никомидіи, гдѣ въ самый день Пасхи было сожжено въ храмѣ до 20 000 христіанъ.

Онъ благоволилъ вручить Римскую державу, и **воздвиже** Господь Богъ людемъ своимъ **рогъ спасенія**[1]). Царь Константинъ, познавъ Единаго Бога и на Него возложивъ всю надежду, силою Честнаго Креста побѣдилъ всѣхъ своихъ враговъ и, повелѣвъ разорить идольскія капища и возстановить христіанскіе храмы, разсѣялъ суетныя надежды своихъ предшественниковъ. Онъ освободилъ всѣхъ, заключенныхъ за Христа въ темницахъ, и, почтивъ ихъ какъ мужественныхъ воиновъ великими похвалами, возвратилъ сихъ исповѣдниковъ Христовыхъ—каждаго въ свое отечество. Въ то время и городъ Мѵры снова принялъ своего пастыря, великаго архіерея Николая, удостоившагося вѣнца мученическаго. Нося въ себѣ Божественную благодать, онъ, какъ и прежде, исцѣлялъ страсти и недуги людей, и не только вѣрныхъ, но и невѣрныхъ. Ради великой благодати Божіей, въ немъ пребывавшей, многіе прославляли его и удивлялись ему и всѣ любили. Ибо онъ сіялъ чистотою сердца и былъ надѣленъ всѣми дарами Божіими, служа Господу своему въ преподобіи и правдѣ. Въ то время еще много оставалось еллинскихъ капищъ, къ которымъ нечестивые люди привлекаемы были дьявольскимъ внушеніемъ, и многіе изъ мѵрскихъ жителей пребывали въ погибели. Архіерей Бога Вышняго, одушевленный ревностію Божіею, прошелъ по всѣмъ этимъ мѣстамъ, разоряя и обращая въ прахъ идольскія капища и очищая свое стадо отъ скверны діавольской. Такъ ратоборствуя съ духами злобы, святый Николай пришелъ въ храмъ Артемиды[2]), который былъ очень великъ и богато украшенъ, представляя собою пріятное для бѣсовъ жилище. Святый Николай разорилъ сей храмъ скверны, сравнялъ высокое его зданіе съ землею и самое основаніе храма, бывшее въ землѣ, разметалъ по воздуху, ополчившись болѣе на бѣсовъ, нежели на самый храмъ. Лукавые духи, не перенося пришествія угодника Божія, испускали скорбные вопли, но, побѣжденные молитвеннымъ оружіемъ непобѣдимаго воина Христова, святителя Николая, должны были бѣжать изъ своего жилища.

Благовѣрный царь Константинъ, желая утвердить Христову вѣру, повелѣлъ созвать въ городѣ Никеѣ Вселенскій Соборъ. Святые Отцы Собора изложили правое ученіе, предали проклятію

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 69.

[2]) *Артемида*—иначе *Діана*—извѣстная греческая богиня, олицетворявшая собою Луну и считавшаяся покровительницей лѣсовъ и охоты.

аріанскую ересь и вмѣстѣ съ нею самого Арія[1]) и, исповѣдуя Сына Божія равночестнымъ и соприсносущнымъ Богу Отцу, возстановили миръ въ святой Божественной Апостольской Церкви. Среди 318-ти Отцовъ Собора былъ и святитель Николай. Онъ мужественно стоялъ противъ нечестиваго ученія Арія и вмѣстѣ со святыми Отцами Собора утвердилъ и передалъ всѣмъ догматы православной вѣры. Инокъ Студійскаго монастыря Іоаннъ повѣствуетъ о святителѣ Николаѣ, что одушевленный, подобно пророку Иліѣ, ревностью по Богѣ, онъ посрамилъ сего еретика Арія на Соборѣ не только словомъ, но и дѣломъ, ударивъ въ ланиту. Отцы Собора вознегодовали на святителя и за его дерзкое дѣяніе постановили лишить его архіерейскаго сана. Но Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Преблагословенная Его Матерь, взирая свыше на подвигъ святителя Николая, одобрили его смѣлый поступокъ и похвалили его божественную ревность. Ибо нѣкоторымъ изъ святыхъ Отцовъ Собора было такое же видѣніе, коего удостоился и самъ святитель еще прежде своего поставленія на архіерейство. Они видѣли, что съ одной стороны святителя стоитъ самъ Христосъ Господь съ Евангеліемъ, а съ другой— Пречистая Дѣва Богородица съ омофоромъ и подаютъ святителю знаки его сана, которыхъ онъ былъ лишенъ. Уразумѣвъ изъ сего, что дерзновеніе святителя было угодно Богу, Отцы Собора перестали упрекать святителя и воздали ему честь, какъ великому угоднику Божію[2]). Возвратясь съ Собора къ своему стаду, святитель Николай принесъ ему миръ и благословеніе. Своими медоточивыми устами онъ преподалъ всему народу здравое ученіе, пресѣкъ въ самомъ корнѣ неправыя мысли и умствованія и, обличивъ ожесточенныхъ, безчувственныхъ и закоренѣлыхъ въ злобѣ еретиковъ, прогналъ ихъ отъ Христова стада. Какъ мудрый земледѣлецъ очищаетъ все, находящееся на гумнѣ и въ точилѣ, отби-

---

[1]) Арій отвергалъ Божество Іисуса Христа и не признавалъ Его единосущнымъ Богу Отцу. Созванный равноапостольнымъ царемъ Константиномъ Первый Вселенскій Соборъ состоялся въ 325 году подъ предсѣдательствомъ самого императора и ввелъ въ церковное употребленіе Символъ вѣры, впослѣдствіи дополненный и законченный на Второмъ Вселенскомъ Соборѣ, бывшемъ въ Константинополѣ въ 381 году.

[2]) По свидѣтельству А. Н. Муравьева, въ Никеѣ доселѣ сохраняется, даже среди турокъ, преданіе о семъ. Въ одной изъ бойницъ этого города показываютъ темницу св. Николая. Здѣсь онъ, по преданію, былъ заключенъ за то, что поразилъ на Соборѣ Арія, и содержался въ узахъ, доколѣ не былъ оправданъ свыше по небесному суду, который ознаменовался явленіемъ Евангелія и омофора, какъ это пишется на иконахъ святителя (Письма съ Востока, СПб., 1851, ч. 1-я, 106—107).

раетъ лучшія зерна и оттрясаетъ плевелы, такъ благоразумный дѣлатель на гумнѣ Христовомъ святитель Николай наполнялъ духовную житницу добрыми плодами, плевелы же еретической прелести развѣвалъ и далеко отметалъ отъ пшеницы Господней. Посему-то святая Церковь и называетъ его лопатою, Аріевы плевельныя ученія развѣвающую. И былъ онъ поистинѣ свѣтъ міру и соль земли, ибо житіе его было свѣтло и слово его было растворено солію премудрости. Сей добрый пастырь имѣлъ великое попеченіе о своемъ стадѣ, во всѣхъ его нуждахъ, не только питая его на духовной пажити, но заботясь и о тѣлесной его пищѣ.

Однажды въ Ликійской странѣ былъ великій голодъ, и въ городѣ Мѵрахъ ощущался крайній недостатокъ въ пищѣ. Сожалѣя о несчастныхъ людяхъ, погибающихъ отъ голода, архіерей Божій явился ночью во снѣ одному купцу, находившемуся въ Италіи, который нагрузилъ житомъ весь свой корабль и намѣревался плыть въ другую страну. Давъ ему въ залогъ три золотыхъ монеты, святитель повелѣлъ ему плыть въ Мѵры и продавать тамъ жито. Проснувшись и найдя въ рукѣ золото, купецъ пришелъ въ ужасъ, удивляясь такому сну, который сопровождался чудеснымъ явленіемъ монетъ. Купецъ не рѣшился ослушаться повелѣнія святителя, отправился въ городъ Мѵры и распродалъ свой хлѣбъ его жителямъ. При этомъ онъ не скрылъ отъ нихъ о бывшемъ ему во снѣ явленіи святаго Николая. Пріобрѣтя такое утѣшеніе въ голодѣ и слушая разсказъ купца, граждане воздавали Богу славу и благодареніе и прославляли своего чудеснаго питателя, великаго архіерея Николая.

Въ то время въ великой Фригіи поднялся мятежъ. Узнавъ о семъ, царь Константинъ послалъ трехъ воеводъ съ ихъ войсками умиротворить мятежную страну. Это были воеводы Непотіанъ, Урсъ и Ерпиліонъ. Съ великою поспѣшностію они отплыли изъ Константинополя и остановились въ одной пристани Ликійской епархіи, которая называлась Адріатскимъ берегомъ. Здѣсь былъ городъ. Такъ какъ сильное морское волненіе препятствовало дальнѣйшему плаванію, то они стали въ этой пристани ожидать тихой погоды. Во время стоянки нѣкоторые воины, выходя на берегъ для покупки необходимаго, многое брали насиліемъ. Такъ какъ это случалось часто, то жители того города озлобились, вслѣдствіе чего на мѣстѣ, называемомъ Плакомата, происходили между ними и воинами споры, раздоры и брань. Узнавъ о семъ, святи-

тель Николай рѣшилъ самъ отправиться къ тому городу, чтобы прекратить междоусобную брань. Услышавъ о его пришествіи, всѣ граждане вмѣстѣ съ воеводами вышли ему навстрѣчу и поклонились. Святитель спросилъ воеводъ, откуда и куда они держатъ путь. Они сказали ему, что посланы царемъ во Фригію подавить возникшій тамъ мятежъ. Святитель увѣщавалъ ихъ держать своихъ воиновъ въ повиновеніи и не позволять имъ притѣснять людей. Послѣ сего онъ пригласилъ воеводъ въ городъ и радушно угостилъ ихъ. Воеводы, наказавъ провинившихся воиновъ, утишили волненіе и удостоились благословенія отъ святаго Николая. Когда сіе происходило, пришли изъ Мѵръ нѣсколько гражданъ, сѣтуя и плача. Припавши къ ногамъ святителя, они просили защитить обиженныхъ, разсказывая ему со слезами, что въ его отсутствіе правитель Евстаѳій, подкупленный завистливыми и злыми людьми, осудилъ на смерть трехъ мужей изъ ихъ города, которые ни въ чемъ не были повинны.

— Весь нашъ городъ,—говорили они,—сѣтуетъ и плачетъ и ожидаетъ твоего возвращенія, Владыко. Ибо, если бы ты былъ съ нами, то правитель не осмѣлился бы сотворить такой неправедный судъ.

Услышавъ объ этомъ, архіерей Божій душевно возскорбѣлъ и, въ сопровожденіи воеводъ, тотчасъ отправился въ путь. Достигнувъ мѣста, по прозванію Левъ, святитель встрѣтилъ нѣкіихъ путниковъ и спросилъ ихъ, не знаютъ ли они чего объ осужденныхъ на смерть мужахъ. Они отвѣчали:

— Мы оставили ихъ на полѣ Кастора и Поллукса, влекомыхъ на казнь.

Святитель Николай пошелъ быстрѣе, стремясь предупредить неповинную смерть тѣхъ мужей. Достигнувъ мѣста казни, онъ увидалъ, что тамъ собралось множество народа. Осужденные мужи, со связанными крестъ-накрестъ руками и съ закрытыми лицами, уже преклонились къ землѣ, протянули обнаженныя шеи и ожидали удара меча. Святитель видѣлъ, что палачъ, суровый и неистовый, извлекъ уже свой мечъ. Такое зрѣлище приводило всѣхъ въ ужасъ и скорбь. Соединивъ съ кротостью ярость, святитель Христовъ свободно прошелъ среди народа, безъ всякой боязни вырвалъ изъ рукъ палача мечъ, бросилъ его на землю и затѣмъ освободилъ осужденныхъ мужей отъ узъ. Все сіе онъ сдѣлалъ съ великимъ дерзновеніемъ, и никто не смѣлъ его остановить, по-

тому что слово его было властно и въ дѣйствіяхъ его являлась Божественная сила: онъ былъ великъ предъ Богомъ и всѣми людьми. Избавленные отъ смертной казни мужи, видя себя неожиданно возвращенными отъ близкой смерти къ жизни, проливали горячія слезы и испускали радостные вопли, а весь народъ, собравшійся тамъ, воздавалъ благодареніе своему святителю. Прибылъ сюда и правитель Евстаѳій и хотѣлъ подойти къ святителю. Но угодникъ Божій съ презрѣніемъ отвернулся отъ него и, когда тотъ упалъ ему въ ноги, то оттолкнулъ его. Призывая на него мщеніе Божіе, святый Николай грозилъ ему мученіемъ за неправедное правленіе и обѣщалъ сказать о его дѣйствіяхъ царю. Обличаемый своею совѣстію и устрашенный угрозами святителя, правитель со слезами просилъ милости. Каясь въ своей неправдѣ и желая примиренія съ великимъ отцомъ Николаемъ, онъ слагалъ вину на городскихъ старѣйшинъ, Симонида и Евдоксія. Но ложь не могла не открыться, ибо святитель хорошо зналъ о томъ, что правитель осудилъ на смерть невинныхъ, будучи подкупленъ золотомъ. Долго умолялъ правитель простить его, и только тогда, какъ онъ съ великимъ смиреніемъ и со слезами созналъ свой грѣхъ, Христовъ угодникъ даровалъ ему прощеніе.

При видѣ всего происшедшаго прибывшіе вмѣстѣ со святителемъ воеводы удивлялись ревности и благости великаго Божія архіерея. Удостоившись его святыхъ молитвъ и принявъ отъ него благословеніе на свой путь, они отправились во Фригію, чтобы исполнить данное имъ царское повелѣніе. Прибывъ на мѣсто мятежа, они быстро подавили его и, исполнивъ царское порученіе, возвратились съ радостію въ Византію. Царь и всѣ вельможи воздали имъ великую хвалу и почести, и они удостоились участія въ царскомъ совѣтѣ. Но злые люди, завидуя такой славѣ воеводъ, возъимѣли къ нимъ вражду. Замысливъ на нихъ зло, они пришли къ правителю города Евлавію и клеветали на тѣхъ мужей, говоря:

— Не добро совѣтуютъ воеводы, ибо, какъ мы слышали, они вводятъ новшества и замышляютъ зло противъ царя.

Чтобы склонить правителя на свою сторону, они дали ему много золота. Правитель донесъ царю. Услышавъ о семъ, царь безъ всякаго разслѣдованія повелѣлъ заключить тѣхъ воеводъ въ темницу, опасаясь, какъ бы они не бѣжали тайно и не исполнили

бы своего злого умысла. Томясь въ заключеніи и сознавая свою невинность, воеводы недоумѣвали, за что ихъ бросили въ темницу. Спустя немного времени клеветники стали опасаться, что ихъ клевета и злоба обнаружатся и они могутъ пострадать сами. Посему они пришли къ правителю и усердно его просили, чтобы онъ не оставлялъ такъ долго жить тѣхъ мужей и поспѣшилъ бы осудить ихъ на смерть. Запутавшись въ сѣтяхъ златолюбія, правитель долженъ былъ довести обѣщанное до конца. Онъ тотчасъ отправился къ царю и, какъ вѣстникъ зла, предсталъ предъ нимъ съ унылымъ лицемъ и скорбнымъ взоромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ онъ показать, что онъ весьма заботится о жизни царя и вѣрно ему преданъ. Стараясь возбудить царскій гнѣвъ на неповинныхъ, онъ сталъ держать льстивую и хитрую рѣчь, говоря:

— О царь, ни одинъ изъ заключенныхъ въ темницу не желаетъ раскаяться. Всѣ они упорствуютъ въ своемъ зломъ умыслѣ, не переставая строить противъ тебя козни. Посему повели немедленно предать ихъ мукамъ, чтобы они не предупредили насъ и не довершили свое злое дѣло, которое замыслили противъ воеводъ и тебя.

Встревоженный такими рѣчами, царь тотчасъ осудилъ воеводъ на смерть. Но такъ какъ былъ вечеръ, то казнь ихъ отложена до утра. Узналъ о семъ темничный стражъ. Проливъ наединѣ много слезъ о такомъ бѣдствіи, грозящемъ неповиннымъ, онъ пришелъ къ воеводамъ и сказалъ имъ:

— Для меня было бы лучше, если бы я не зналъ васъ и не наслаждался бы пріятною бесѣдою и трапезою съ вами. Тогда я легко перенесъ бы разлуку съ вами и не скорбѣлъ бы такъ душею о пришедшей на васъ напасти. Настанетъ утро, и насъ постигнетъ послѣдняя и ужасная разлука. Я уже не увижу дорогихъ мнѣ лицъ вашихъ и не услышу вашего голоса, ибо царь повелѣлъ васъ казнить. Завѣщайте мнѣ, какъ поступить съ имѣніемъ вашимъ, пока есть время и смерть еще не помѣшала вамъ выразить вашу волю.

Свою рѣчь онъ прерывалъ рыданіями. Узнавъ о своей ужасной судьбѣ, воеводы раздрали свои одежды и рвали на себѣ волосы, говоря:

— Какой врагъ позавидовалъ жизни нашей? Ради чего мы, какъ злодѣи, осуждены на казнь? Что сотворили мы такого, за что надлежало бы предать насъ смерти?

И призывали они по именамъ своихъ сродниковъ и друзей, поставляя Самого Бога во свидѣтели, что они не сдѣлали никакого зла, и горько плакали. Одинъ изъ нихъ, по имени Непотіанъ, вспомнилъ о святителѣ Николаѣ, какъ тотъ, явившись въ Мурахъ преславнымъ помощникомъ и благимъ заступникомъ, избавилъ трехъ мужей отъ смерти. И воеводы стали молиться:

— Боже Николая, избавившій трехъ мужей отъ неправедной смерти, призри нынѣ и на насъ, ибо отъ людей не можетъ быть намъ помощи. Пришла на насъ великая бѣда, и нѣтъ никого, кто бы избавилъ насъ отъ напасти. Голосъ нашъ прервался прежде исшествія изъ тѣла душъ нашихъ, и языкъ нашъ пресыхаетъ, сожигаемый огнемъ сердечной скорби, такъ что и молитву мы не можемъ принести Тебѣ. **Скорѡ да предварѧтъ ны щедрѡты твоѧ, гдⷭ҇и. Ѿзми насъ ѿ рꙋки ѿщꙋщихъ дꙋшы нашѧ** [1]). Завтра хотятъ насъ умертвить, поспѣши же къ намъ на помощь и избави насъ неповинныхъ отъ смерти.

Внимающій молитвамъ боящихся его и, какъ отецъ, изливающій щедроты на чадъ своихъ, Господь Богъ послалъ осужденнымъ на помощь святаго своего угодника, великаго архіерея Николая. Въ ту ночь во время сна предсталъ предъ царемъ святитель Христовъ и сказалъ:

— Встань скорѣе и освободи томящихся въ темницѣ воеводъ. На нихъ тебѣ наклеветали, и они страдаютъ невинно.

Святитель подробно объяснилъ царю все дѣло и прибавилъ:

— Если ты меня не послушаешь и ихъ не отпустишь, то я воздвигну на тебя мятежъ, подобный бывшему во Фригіи, и ты погибнешь злою смертію.

Удивившись такому дерзновенію, царь сталъ размышлять, какъ сей мужъ осмѣлился войти во внутренніе покои ночью, и сказалъ ему:

— Кто ты такой, что смѣешь угрожать намъ и державѣ нашей?

Тотъ отвѣчалъ:

— Мое имя—Николай, я—архіерей Мурской митрополіи.

Царь пришелъ въ смущеніе и, вставъ, сталъ размышлять, что значитъ сіе видѣніе. Между тѣмъ въ ту же ночь святитель явился

---

[1]) Псал. 78, ст. 8.

и правителю Евлавію и возвѣстилъ ему объ осужденныхъ то же, что и царю. Воспрянувъ отъ сна, Евлавій убоялся. Пока онъ размышлялъ о семъ видѣніи, пришелъ къ нему посланный отъ царя и разсказалъ ему о томъ, что царь видѣлъ во снѣ. Поспѣшивъ къ царю, правитель повѣдалъ ему свое видѣніе, и оба они удивлялись тому, что видѣли одно и то же. Тотчасъ царь повелѣлъ привести воеводъ изъ темницы и сказалъ имъ:

— Какими волхвованіями вы навели на насъ такіе сны? Явившійся намъ мужъ сильно гнѣвался и угрожалъ намъ, похваляясь вскорѣ навести на насъ брань.

Воеводы съ недоумѣніемъ обратились другъ къ другу и, ничего не зная, смотрѣли другъ на друга умиленнымъ взоромъ. Замѣтивъ сіе, царь смягчился и сказалъ:

— Не бойтесь никакого зла, повѣдайте истину.

Они со слезами и рыданіемъ отвѣчали:

— Царь, мы не знаемъ никакихъ волхвованій и не замышляли никакого зла противъ твоей державы, да будетъ въ томъ свидѣтелемъ Самъ Всевидящій Господь. Если же мы тебя обманываемъ и ты узнаешь о насъ что-нибудь дурное, то пусть не будетъ никакой милости и пощады ни намъ, ни роду нашему. Отъ отцовъ нашихъ мы научились чтить царя и прежде всего быть вѣрными ему. Такъ и теперь мы вѣрно охраняемъ твою жизнь и, какъ свойственно сану нашему, неуклонно исполняли твои порученія намъ. Съ усердіемъ служа тебѣ, мы смирили мятежъ во Фригіи, прекратили междоусобную вражду и свое мужество достаточно доказали самимъ дѣломъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ тѣ, кому сіе хорошо извѣстно. Твоя держава прежде осыпала насъ почестями, нынѣ же ты съ яростію вооружился на насъ и безжалостно осудилъ на мучительную смерть. Итакъ, царь, мы думаемъ, что страдаемъ только за одно къ тебѣ усердіе, за него мы осуждены и, вмѣсто славы и почестей, кои мы надѣялись получить, насъ постигъ страхъ смерти.

Отъ такихъ рѣчей царь пришелъ въ умиленіе и раскаялся въ своемъ необдуманномъ поступкѣ. Ибо вострепеталъ онъ предъ судомъ Божіимъ и устыдился своей царской багряницы, видя, что онъ, будучи для другихъ законодателемъ, готовъ былъ сотворить судъ беззаконный. Милостиво взиралъ онъ на осужденныхъ— и кротко съ ними бесѣдовалъ. Съ умиленіемъ слушая его рѣчи, воеводы вдругъ увидѣли, что рядомъ съ царемъ сидитъ святитель

Николай и знаками обѣщаетъ имъ прощеніе. Царь прервалъ ихъ рѣчь и спросилъ:

— Кто сей Николай, и какихъ мужей онъ спасъ? Разскажите мнѣ объ этомъ.

Непотіанъ разсказалъ ему все по порядку. Тогда царь, узнавъ, что святый Николай—великій угодникъ Божій, удивился его дерзновенію и великой его ревности въ защитѣ обидимыхъ, освободилъ тѣхъ воеводъ и сказалъ имъ:

— Не я дарую вамъ жизнь, а великій служитель Господень Николай, котораго вы призывали на помощь. Идите къ нему и принесите ему благодареніе. Скажите ему и отъ меня, что я исполнилъ твое повелѣніе, да не гнѣвается на меня Христовъ угодникъ.

Съ этими словами онъ вручилъ имъ златое Евангеліе, златое кадило, украшенное каменьями, и два свѣтильника и повелѣлъ все сіе отдать въ Мѵрскую церковь. Получивъ чудесное спасеніе, воеводы тотчасъ отправились въ путь. Прибывъ въ Мѵры, они радовались и веселились тому, что снова сподобились видѣть святителя. Они принесли святому Николаю великое благодареніе за его чудесную помощь и воспѣвали:

— **Гдⷭ҇и, гдⷭ҇и, кто̀ подо́бенъ тебѣ̀; и҆збавлѧ́й ни́ща и҆з̾ рꙋ́ки крѣ́пльшихъ є҆гѡ̀**[1]).

Они роздали щедрую милостыню нищимъ и убогимъ и возвратились благополучно домой.

Таковы дѣла Божіи, коими Господь возвеличилъ Своего угодника. Слава о нихъ, какъ на крыльяхъ, пронеслась повсюду, проникла за море и распространилась по всей вселенной, такъ что не было такого мѣста, гдѣ бы не знали о великихъ и дивныхъ чудесахъ великаго архіерея Николая, которыя онъ сотворилъ благодатію, дарованною ему отъ Всемогущаго Господа.

Однажды путники, плывя на кораблѣ изъ Египта въ Ликійскую страну, подверглись сильному морскому волненію и бурѣ. Паруса были уже изорваны вихремъ, корабль содрогался отъ ударовъ волнъ, и всѣ отчаялись въ своемъ спасеніи. Въ это время они вспомнили о великомъ архіереѣ Николаѣ, котораго они никогда не видали и только слышали о немъ, что онъ— скорый помощникъ всѣмъ, призывающимъ его въ бѣдахъ. Они

---

[1]) Псаломъ 34, ст. 10.

обратились къ нему съ молитвою и стали призывать его на помощь. Святитель тотчасъ явился предъ ними, вошелъ въ корабль и сказалъ:

— Вы призывали меня, и я пришелъ на помощь къ вамъ; не бойтесь!

Всѣ видѣли, что онъ взялъ кормило и сталъ управлять кораблемъ. Подобно тому, какъ нѣкогда Господь нашъ Іисусъ Христосъ запретилъ вѣтру и морю[1]), святитель тотчасъ повелѣлъ бурѣ прекратиться, памятуя слова Господни: «**Вѣ́рꙋѧй въ мѧ̀, дѣла̀, ꙗ҆̀же а҆́зъ творю̀, и҆ то́й сотвори́тъ**»[2]).

Такъ вѣрный слуга Господа повелѣвалъ и моремъ и вѣтромъ, и они были ему послушны. Послѣ сего путники при благопріятномъ вѣтрѣ пристали къ городу Мѵрамъ. Выйдя на берегъ, они пошли въ городъ, желая видѣть того, кто избавилъ ихъ отъ бѣды. Они встрѣтили святителя на пути въ церковь и, узнавъ въ немъ своего благодѣтеля, припали къ его ногамъ, принося ему благодареніе. Дивный Николай не только избавилъ ихъ отъ бѣды и смерти, но и проявилъ заботу объ ихъ душевномъ спасеніи. По своей прозорливости онъ усмотрѣлъ въ нихъ духовными своими очами грѣхъ любодѣянія, который удаляетъ человѣка отъ Бога и отклоняетъ отъ соблюденія заповѣдей Божіихъ, и сказалъ имъ:

— Чада, умоляю васъ, поразмыслите въ себѣ и исправьтесь сердцами вашими и мыслями для благоугожденія Господу. Ибо, хотя бы мы и утаились отъ многихъ людей и сами считали себя праведными, но отъ Бога утаиться ничто не можетъ. Посему потщитесь со всякимъ усердіемъ сохранять святость души и чистоту тѣла. Ибо такъ говоритъ Божественный Апостолъ Павелъ: **хра́мъ бж҃їй є҆стѐ, а҆́ще кто̀ бж҃їй хра́мъ растли́тъ, растли́тъ сего̀ бг҃ъ**[3]).

Поучивъ тѣхъ мужей душеполезными рѣчами, святитель отпустилъ ихъ съ миромъ. Ибо святитель нравомъ своимъ былъ, какъ чадолюбивый отецъ, и взоръ его сіялъ Божественною благодатію, какъ у Ангела Божія. Отъ его лица исходилъ, какъ отъ лица Моисея, пресвѣтлый лучъ, и тѣмъ, кто только взиралъ на него, была великая польза. Тому, кто былъ отягчаемъ какою-либо

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 8, ст. 26.

[2]) Еванг. отъ Іоанна, гл. 14, ст. 12.

[3]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 3, ст. 16—17.

страстію или душевною скорбію, довольно было обратить свой взоръ на святителя, чтобы получить утѣшеніе въ своей печали; и тотъ, кто бесѣдовалъ съ нимъ, уже преуспѣвалъ въ добрѣ. И не только христіане, но и невѣрные, если кому изъ нихъ приходилось слышать сладкія и медоточивыя рѣчи святителя, приходили въ умиленіе и, отметая укоренившуюся въ нихъ съ младенческихъ лѣтъ злобу невѣрія и воспринимая въ свое сердце правое слово истины, вступали на путь спасенія.

Великій угодникъ Божій прожилъ много лѣтъ въ городѣ Мѵрахъ, сіяя Божественною добротою, по слову Писанія: **ꙗ҆́кѡ ѕвѣзда̀ ᲂу҆́треннѧѧ посреди̇̀ ѻ҆блакѡ́въ, а҆́ки лꙋна̀ полна̀ во дне́хъ свои́хъ, ꙗ҆́кѡ со́лнце, сїѧ́ющее на цр҃ковь бг҃а вы́шнѧгѡ и҆ ꙗ҆́кѡ крі́нъ при и҆схо́дищихъ воды̀ и҆ ꙗ҆́кѡ многоцѣ́нное мѵ́ро всѣ́хъ ѡ҆благоꙋха́ѧ**[1]). Достигнувъ глубокой старости, святитель отдалъ долгъ человѣческой природѣ и, послѣ непродолжительной тѣлесной болѣзни, добрѣ скончалъ временное житіе. Съ радостью и Псалмопѣніемъ онъ перешелъ въ вѣчную блаженную жизнь, въ сопровожденіи святыхъ Ангеловъ и встрѣченный ликами святыхъ. На его погребеніе собрались епископы Ликійской страны со всѣмъ клиромъ и иноками и безчисленное множество народа изъ всѣхъ городовъ. Честно́е тѣло святителя съ честію было положено въ соборной церкви Мѵрской митрополіи въ шестой день декабря мѣсяца[2]). Отъ святыхъ мощей угодника Божія совершалось множество чудесъ. Ибо его мощи источали благовонное и цѣлебное мѵро, коимъ помазывались больные и получали исцѣленіе. По этой причинѣ къ его гробу притекали люди со всѣхъ концовъ земли, ища исцѣленія своимъ болѣзнямъ и получая его. Ибо тѣмъ святымъ мѵромъ исцѣлялись не только тѣлесные недуги, но и душевные, и были прогоняемы духи лукавые. Ибо святитель не только при своей жизни, но и по своемъ преставленіи вооружался на бѣсовъ и побѣждалъ ихъ, какъ побѣждаетъ и нынѣ.

Нѣкоторые богобоязненные мужи, жившіе при устьѣ рѣки Танаиса, слыша о мѵроточивыхъ и цѣлебныхъ мощахъ святителя Христова Николая, почивающихъ въ Мѵрахъ Ликійскихъ, задумали плыть туда моремъ на поклоненіе мощамъ. Но лукавый бѣсъ,

---

[1]) Кн. Іис. с. Сирах. гл. **50**, ст. 6—8.

[2]) Годъ кончины *святителя Николая* въ точности неизвѣстенъ: по однимъ, угодникъ Божій умеръ въ 341-мъ году, а по другимъ, годъ его кончины полагается между 345—352 годами.

нѣкогда изгнанный святителемъ Николаемъ изъ капища Артемиды, видя, что корабль готовится плыть къ сему великому отцу, и гнѣваясь на святителя за разрушеніе капища и за свое изгнаніе, замыслилъ воспрепятствовать этимъ мужамъ совершить намѣченный путь и тѣмъ лишить ихъ святыни. Онъ обратился въ женщину, несущую сосудъ, наполненный елеемъ, и сказалъ имъ:

— Я желала бы принести сей сосудъ ко гробу святителя, но очень боюсь морского путешествія, ибо опасно для слабой и страдающей болѣзнью желудка женщины плыть по морю. Посему умоляю васъ, возьмите сей сосудъ, принесите его ко гробу святаго и вылейте елей въ лампаду.

Съ этими словами бѣсъ вручилъ боголюбцамъ сосудъ. Неизвѣстно, съ какими бѣсовскими чарованіями смѣшанъ былъ тотъ елей, но онъ былъ предназначенъ для вреда и погибели путниковъ. Не зная гибельнаго дѣйствія сего елея, они исполнили просьбу и, взявъ сосудъ, отчалили отъ берега и цѣлый день плыли благополучно. Но поутру поднялся сѣверный вѣтеръ, и плаваніе ихъ стало затруднительно. Бѣдствуя много дней въ неблагополучномъ плаваніи, они потеряли терпѣніе отъ продолжительнаго морского волненія и рѣшили возвратиться назадъ. Они уже направили корабль въ свою сторону, какъ передъ ними явился святитель Николай въ небольшой ладьѣ и сказалъ:

— Куда плывете, мужи, и почему, оставивъ прежній путь, возвращаетесь назадъ. Вы можете утишить бурю и сдѣлать путь удобнымъ для плаванія. Вамъ препятствуютъ плыть дьявольскія козни, потому что сосудъ съ елеемъ данъ вамъ не женщиною, а бѣсомъ. Бросьте сосудъ въ море, и тотчасъ плаваніе ваше станетъ благополучно.

Услышавъ сіе, мужи бросили бѣсовскій сосудъ въ пучину морскую. Тотчасъ изъ него вышелъ черный дымъ и пламя, воздухъ наполнился великимъ смрадомъ, море разверзлось, вода закипѣла и заклокотала до самаго дна, и водяные брызги были подобны огненнымъ искрамъ. Находившіеся на кораблѣ люди пришли въ великій ужасъ и отъ страха кричали, но явившійся имъ помощникъ, повелѣвъ имъ мужаться и не страшиться, укротилъ бушующую бурю и, избавивъ путниковъ отъ страха, сдѣлалъ путь ихъ въ Ликію безопаснымъ. Ибо тотчасъ на нихъ повѣялъ прохладный и благовонный вѣтеръ, и они съ веселіемъ благополучно доплыли до желаннаго города. Поклонившись мироточивымъ мо-

щамъ скораго помощника и заступника своего, они принесли благодареніе всесильному Богу и совершили молебное пѣніе великому отцу Николаю. Послѣ сего они возвратились въ свою страну, вездѣ и всѣмъ разсказывая о томъ, что было съ ними на пути.

Много великихъ и преславныхъ чудесъ сотворилъ на землѣ и на морѣ великій сей угодникъ. Онъ помогалъ сущимъ въ бѣдахъ, спасалъ отъ потопленія и выносилъ на сушу изъ глубины морской, освобождалъ изъ плѣна и приносилъ освобожденныхъ домой, избавлялъ отъ узъ и темницы, защищалъ отъ посѣченія мечомъ, освобождалъ отъ смерти и подавалъ многимъ многія исцѣленія: слѣпымъ—прозрѣніе, хромымъ—хожденіе, глухимъ—слухъ, нѣмымъ—даръ слова. Онъ обогатилъ многихъ, бѣдствующихъ въ убожествѣ и крайней нищетѣ, подавалъ голоднымъ пищу и всѣмъ являлся во всякой нуждѣ готовымъ помощникомъ, теплымъ заступникомъ и скорымъ предстателемъ и защитникомъ. И нынѣ онъ также помогаетъ призывающимъ его и избавляетъ ихъ отъ бѣдъ. Чудесъ его исчислить невозможно точно такъ же, какъ невозможно и описать всѣ ихъ подробно. Сего великаго чудотворца знаетъ Востокъ и Западъ, и во всѣхъ концахъ земли извѣстны его чудотворенія. Да прославится въ немъ Тріединый Богъ—Отецъ и Сынъ, и Святый Духъ и его святое имя да похваляется устнами всѣхъ во вѣки. Аминь.

ЧУДЕСА СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ,

бывшія по кончинѣ его

Много чудесъ сотворилъ святитель Николай, не только при жизни, но и по смерти. Кто не удивится, слыша о дивныхъ чудесахъ его! Ибо не одна страна и не одна область, но вся поднебесная исполнилась чудесъ святаго Николая. Иди къ Грекамъ, и тамъ дивятся имъ; иди къ Латинамъ—и тамъ имъ изумляются, и въ Сиріи восхваляютъ ихъ. По всей землѣ дивятся святителю Николаю. Приди въ Русь и увидишь, что нѣтъ ни града, ни села, гдѣ бы во множествѣ не было чудесъ святаго Николая.

При Греческомъ царѣ Львѣ и при Патріархѣ Аѳанасіи совершилось слѣдующее преславное чудо святаго Николая[1]). Великій Николай, архіепископъ Мѵрскій, въ полночь явился въ ви-

[1]) Это было въ половинѣ VIII вѣка, при царѣ Львѣ Исаврянинѣ.

дѣніи нѣкоему благочестивому старцу, нищелюбивому и странно-пріимному, именемъ Θеофану, и сказалъ:

— Пробудись, Θеофанъ, встань и иди къ иконописцу Аггею и вели ему написать три иконы: Спаса нашего Іисуса Христа Господа, сотворившаго Небо и землю и создавшаго человѣка, Пречистой Госпожи Богородицы и молитвенника за родъ христіанскій Николая, архіепископа Мурскаго, ибо мнѣ подобаетъ явиться въ Константинополѣ. Написавъ сіи три иконы, представь ихъ Патріарху и всему Собору. Иди скорѣе и не ослушайся.

Сказавъ сіе, святый сталъ невидимъ. Пробудившись отъ сна, боголюбивый тотъ мужъ Θеофанъ устрашился видѣнія, тотчасъ пошелъ къ иконописцу Аггею и молилъ его написать три великихъ иконы: Спаса Христа, Пречистой Богородицы и святителя Николая. Изволеніемъ милостиваго Спаса, Пречистой Его Матери и святаго Николая, Аггей написалъ три иконы и принесъ ихъ Θеофану. Тотъ взялъ иконы, поставилъ ихъ въ горницѣ и сказалъ женѣ:

— Сотворимъ трапезу въ домѣ своемъ и помолимся Богу о своихъ прегрѣшеніяхъ.

Она согласилась съ радостію. Θеофанъ пошелъ на рынокъ, купилъ пищи и питія на тридцать златниковъ и, принеся домой, устроилъ для Патріарха трапезу благолѣпно. Затѣмъ онъ пошелъ къ Патріарху и просилъ его и весь Соборъ, чтобы онъ благословилъ домъ его и вкусилъ брашна и питія. Патріархъ согласился, пришелъ съ Соборомъ въ домъ Θеофана и, войдя въ горницу, увидѣлъ, что тамъ стоятъ три иконы: на одной изображенъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, на другой — Пречистая Богородица, а на третьей — святый Николай. Подойдя къ первой иконѣ, Патріархъ сказалъ:

— Слава Тебѣ, Христе Боже, создавшему всю тварь. Достойно было написать образъ сей.

Затѣмъ, подойдя ко второй иконѣ, сказалъ:

— Хорошо, что написанъ и сей образъ — Пресвятой Богородицы и молитвенницы за весь міръ.

Подойдя къ третьей иконѣ, Патріархъ сказалъ:

— Это образъ Николая, архіепископа Мурскаго. Не слѣдовало бы изображать его на такой великой иконѣ. Вѣдь онъ былъ сынъ простыхъ людей, Θеофана и Нонны, происходившихъ изъ поселянъ.

Призвавъ господина дома, Патріархъ сказалъ ему:

— Θеофанъ, не вели писать Аггею образъ Николая въ такомъ большомъ размѣрѣ.

И велѣлъ онъ вынести образъ святителя, говоря:

— Неудобно ему стоять въ рядъ со Христомъ и Пречистою.

Благочестивый мужъ Θеофанъ, вынеся съ великою печалью икону святаго Николая изъ горницы, поставилъ ее въ клѣти на почетномъ мѣстѣ и, избравъ отъ собора клирошанина, мужа дивнаго и разумнаго, именемъ Каллиста, упросилъ его стать предъ иконою и величать святаго Николая. Самъ же онъ весьма былъ опечаленъ словами Патріарха, велѣвшаго вынести изъ горницы икону святаго Николая. Но въ Писаніи сказано: прославлѧ́щыѧ мѧ̀ просла́влю[1]). Такъ сказалъ Господь Іисусъ Христосъ, Коимъ, какъ увидимъ, прославится самъ святитель.

Прославивъ Бога и Пречистую, Патріархъ сѣлъ за столъ со всѣмъ соборомъ своимъ, и была трапеза. Послѣ нея Патріархъ всталъ, возвеличилъ Бога и Пречистую и, выпивъ вина, веселился вмѣстѣ со всѣмъ соборомъ. Каллистъ же въ это время славилъ и величалъ великаго святителя Николая. Но вотъ недостало вина, а Патріархъ и сопровождавшіе его хотѣли еще пить и веселиться. И сказалъ одинъ изъ собравшихся:

— Θеофанъ, принеси еще вина Патріарху и сдѣлай пиръ пріятнымъ.

Тотъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ больше вина, господинъ мой, а на рынкѣ уже не торгуютъ, и купить его негдѣ.

Запечалившись, онъ вспомнилъ о святомъ Николаѣ, какъ тотъ явился ему въ видѣніи и велѣлъ написать три иконы: Спасителя, Пречистой Богоматери и свою. Тайно войдя въ клѣть, онъ палъ предъ образомъ святителя и говорилъ со слезами:

— О святый Николай! Рожденіе твое чудно и житіе свято, ты исцѣлилъ много недужныхъ. Молю тебя, яви нынѣ чудо у меня, худого, прибавь мнѣ вина.

Сказавъ сіе и благословившись, онъ пошелъ туда, гдѣ стояли сосуды отъ вина; и молитвою святаго чудотворца Николая тѣ сосуды были полны виномъ. Взявъ вино съ радостію, Θеофанъ принесъ его къ Патріарху. Тотъ выпилъ и похвалилъ, говоря:

---

[1]) 1 Кн. Царствъ, гл. 2, ст. 30.

— Не пивалъ я такого вина.

И говорили пившіе, что Ѳеофанъ сохранилъ лучшее вино къ концу пира. А тотъ утаилъ предивное чудо святаго Николая.

Въ веселіи Патріархъ и соборъ удалились въ домъ при святой Софіи. Утромъ пришелъ къ Патріарху нѣкій вельможа, именемъ Ѳеодоръ, изъ села, называвшагося Сіердальскимъ, отъ Мурскаго острова, и молилъ Патріарха, чтобы тотъ поѣхалъ къ нему, ибо единственная дочь его одержима бѣснымъ недугомъ, и прочелъ надъ главою ея святое Евангеліе. Патріархъ согласился, взялъ Четвероевангеліе, вошелъ со всѣмъ соборомъ въ корабль и отплылъ. Когда они были въ открытомъ морѣ, буря подняла сильное волненіе, корабль опрокинулся, и всѣ упали въ воду и плавали, вопія и моля Бога, Пречистую Богородицу и святаго Николая. И умолила Пречистая Богородица Сына Своего, Спасителя нашего Іисуса Христа о соборѣ, чтобы священническій чинъ не погибъ. Тогда корабль выпрямился, и, милостію Божіею, весь соборъ снова вошелъ въ него. Утопая, Патріархъ Аѳанасій вспомнилъ свой грѣхъ предъ святымъ Николаемъ и, вопія, молился и говорилъ:

— О святитель великій Христовъ, архіепископъ Мурскій, чудотворецъ Николай! Согрѣшилъ я предъ тобою, прости и помилуй меня, грѣшнаго и окаяннаго, спаси меня отъ пучины морской, отъ горькаго сего часа и отъ напрасной смерти.

О преславное чудо!—высокоумный смирился, а смиренный чудно возвеличился и честно прославился.

Внезапно явился святый Николай, шествуя по морю, какъ по сушѣ, приблизился къ Патріарху и взялъ его за руку со словами:

— Аѳанасій, или тебѣ понадобилась въ безднѣ морской помощь отъ меня, происходящаго изъ простыхъ людей?

Онъ же, едва въ состояніи открыть уста свои, истомленный, сказалъ, горько плача:

— О святый Николай, святитель великій, скорый на помощь, не вспоминай моего злаго высокоумія, избавь меня отъ напрасной сей смерти въ пучинѣ морской, и я буду славить тебя всѣ дни жизни моей.

И сказалъ ему святитель:

— Не бойся, братъ, вотъ избавляетъ тебя рукою моею Христосъ. Ты же не грѣши больше, чтобы не случилось съ тобою худшее. Войди въ корабль свой.

Сказавъ сіе, святый Николай взялъ Патріарха изъ воды и поставилъ его на корабль со словами:

— Ты спасенъ, иди опять на свое служеніе въ Константинополь.

И сталъ святый невидимъ.

Увидѣвъ Патріарха, всѣ возопили:

— Слава Тебѣ, Христе Спасе, и Тебѣ, Пречистая Царица Госпожа Богородица, избавившіе нашего господина отъ потопленія!

Какъ бы пробудившись отъ сна, Патріархъ спросилъ ихъ:

— Гдѣ я, братіе?

— На своемъ кораблѣ, господинъ,—отвѣчали тѣ,—и мы всѣ невредимы.

Заплакавъ, Патріархъ сказалъ:

— Братіе, согрѣшилъ я предъ святымъ Николаемъ, воистину великъ онъ: ходитъ по морю, какъ по сушѣ, взялъ меня за руку и поставилъ на корабль; поистинѣ онъ скоръ на помощь всѣмъ, призывающимъ его съ вѣрою.

Корабль быстро приплылъ назадъ къ Константинополю. Выйдя изъ корабля со всѣмъ соборомъ, Патріархъ со слезами пошелъ въ церковь святой Софіи и послалъ за Ѳеофаномъ, веля ему тотчасъ принести ту чудную икону святителя Николая. Когда Ѳеофанъ принесъ икону, Патріархъ палъ предъ нею со слезами и сказалъ:

— Согрѣшилъ я, о святый Николай, прости меня, грѣшнаго.

Сказавъ сіе, онъ взялъ икону на руки, съ честью облобызалъ ее вмѣстѣ съ соборянами и отнесъ въ церковь святой Софіи. На другой день онъ заложилъ въ Константинополѣ каменную церковь во имя святаго Николая. Когда церковь была построена, самъ Патріархъ освятилъ ее въ день памяти святаго Николая. А святитель исцѣлилъ въ тотъ день 40 недужныхъ мужей и женъ. Затѣмъ Патріархъ далъ на украшеніе церкви 30 литръ злата и много селъ и садовъ. И устроилъ онъ при ней монастырь честенъ. И многіе приходили туда: слѣпые, хромые и прокаженные. Прикоснувшись къ той иконѣ святаго Николая, всѣ они уходили здоровыми, славя Бога и чудотворца Его.

Въ Константинополѣ жилъ нѣкій мужъ, именемъ Николай, кормившійся рукодѣліемъ. Будучи благочестивымъ, онъ положилъ

завѣтъ никогда не проводить дни, посвященные памяти святителя Николая, безъ воспоминанія объ угодникѣ Божіемъ. Сіе неослабно соблюдалъ онъ, по слову Писанія: чтѝ гдⷭ҇а ѿ пра́ведныхъ твои́хъ трꙋдѡ́въ[1]), и всегда твердо сіе помнилъ. Такъ онъ достигъ глубокой старости и, не имѣя силъ работать, впалъ въ нищету. Приближался день памяти святаго Николая; и вотъ, размышляя о томъ, какъ ему поступить, старецъ сказалъ женѣ своей:

— Настаетъ день чтимаго нами великаго архіерея Христова Николая; какъ же намъ бѣднымъ, при нашей скудости, отпраздновать день сей?

Благочестивая жена отвѣчала мужу своему:

— Ты знаешь, господинъ мой, что насталъ конецъ жизни нашей, ибо и тебя и меня постигла старость; если даже и нынѣ пришлось бы окончить намъ жизнь, ты не измѣняй твоего намѣренія и не забывай о твоей любви къ святому.

Она показала мужу коверъ свой и сказала:

— Возьми коверъ, пойди и продай его и купи все, необходимое для достойнаго празднованія памяти святаго Николая. Другого ничего у насъ нѣтъ, а сей коверъ намъ не нуженъ, ибо мы не имѣемъ дѣтей, которымъ его можно было бы оставить.

Услышавъ сіе, благочестивый старецъ похвалилъ жену свою и, взявъ коверъ, пошелъ. Когда онъ шелъ по площади, гдѣ стоитъ столпъ святаго царя Константина Великаго, и миновалъ церковь святаго Платона, его встрѣтилъ всегда готовый на помощь святый Николай, во образѣ честна́го старца, и сказалъ несшему коверъ:

— Другъ милый, куда ты идешь?

— Нужно мнѣ на рынокъ,—отвѣчалъ тотъ.

Подойдя ближе, святый Николай сказалъ:

— Доброе дѣло. Но скажи мнѣ, за сколько ты хочешь продать коверъ сей, ибо я хотѣлъ бы купить твой коверъ.

Старецъ сказалъ святому:

— Коверъ этотъ былъ въ свое время купленъ за 8 златниковъ, теперь же я возьму за него сколько ты мнѣ дашь.

Святый сказалъ старцу:

— Согласенъ ли ты взять за него 6 златниковъ?

— Если ты даешь мнѣ столько,—сказалъ старецъ,—я возьму съ радостью.

[1]) 1 Кн. Притч., гл. 3, ст. 9.

Святый Николай опустилъ руку въ карманъ своей одежды, вынулъ оттуда злато и, давъ 6 великихъ златниковъ въ руки старцу, сказалъ ему:

— Возьми это, другъ, и дай мнѣ коверъ.

Старецъ съ радостію взялъ злато, ибо коверъ стоилъ дешевле сего. Взявъ коверъ изъ рукъ старца, святый Николай удалился. Когда они разошлись, присутствовавшіе на площади сказали старцу:

— Не привидѣніе ли ты видишь, старецъ, что ты одинъ разговариваешь?

Ибо они видѣли только старца и слышали его голосъ, святый же былъ невидимъ и неслышимъ для нихъ. Въ это время святый Николай пришелъ съ ковромъ къ женѣ старца и сказалъ ей:

— Мужъ твой—мой старинный другъ; встрѣтивъ меня, онъ обратился ко мнѣ съ такою просьбою: любя меня, отнеси сей коверъ моей женѣ, ибо мнѣ нужно отнести одну вещь, ты же сохрани его, какъ свой.

Сказавъ сіе, святитель сталъ невидимъ. Видя честнаго мужа, сіяющаго свѣтомъ, и взявъ отъ него коверъ, женщина отъ страха не смѣла спросить, кто онъ. Думая, что мужъ ея забылъ слова, сказанныя ею, и свою любовь къ святому, женщина разгнѣвалась на своего мужа и сказала:

— Горе мнѣ бѣдной, мужъ у меня законопреступный и исполненъ лжи!

Говоря сіи слова и подобныя имъ, она не хотѣла и глядѣть на коверъ, горя любовію къ святому.

Не вѣдая о случившемся, мужъ ея купилъ все необходимое для празднованія дня памяти святаго Николая и шелъ къ хижинѣ своей, радуясь продажѣ ковра и тому, что ему не придется отступить отъ своего благочестиваго обычая. Когда онъ пришелъ домой, разгнѣванная жена встрѣтила его злыми словами:

— Отнынѣ уйди отъ меня, ибо ты солгалъ святому Николаю. Истинно сказалъ Христосъ, Сынъ Божій: никто́же, возло́жь ру́ку свою̀ на ра́ло, и҆ зрѧ̀ вспѧ́ть, оу҆пра́вленъ є҆́сть въ цр҃твіи бж҃іи[1]).

Сказавъ сіи слова и подобныя имъ, она принесла коверъ къ мужу своему и сказала:

— Вотъ возьми, меня же ты больше не увидишь; ты солгалъ святому Николаю, и поэтому потеряешь все, чего достигъ празд-

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 9, ст. 62.

нованіемъ его памяти. Ибо написано: **а҆́ще сотвори́тъ человѣ́къ всѐ ѡ҆правда́нїе, согрѣши́тъ же во є҆ди́номъ, всѣ́мъ є҆́сть пови́ненъ.**

Услышавъ сіе отъ жены своей и видя свой коверъ, старецъ удивлялся и не находилъ словъ отвѣтить женѣ своей. Долго стоялъ онъ и понялъ наконецъ, что святый Николай сотворилъ чудо. Вздохнувъ изъ глубины сердца и исполнившись радости, онъ поднялъ руки свои къ Небу и сказалъ:

— Слава Тебѣ, Христе Боже, творящему чудеса черезъ святаго Николая!

И сказалъ старецъ женѣ своей:

— Ради страха Божія, скажи мнѣ, кто тебѣ принесъ коверъ сей, мужъ или женщина, старецъ или юноша?

Жена ему отвѣчала:

— Старецъ свѣтлый, честны́й, одѣтый въ свѣтлыя одежды, принесъ намъ коверъ сей и сказалъ мнѣ: мужъ твой—другъ мнѣ, поэтому, встрѣтивъ меня, онъ упросилъ донести коверъ сей къ тебѣ, возьми его. Взявъ коверъ, я не смѣла спросить пришедшаго, кто онъ, видя его сіяющаго свѣтомъ.

Слыша это отъ жены, старецъ дивился и показалъ ей оставшуюся у него часть злата и все купленное имъ для празднованія дня памяти святаго Николая: яства, вино, просфоры и свѣчи.

— Живъ Господь!—воскликнулъ онъ.—Мужъ, купившій у меня коверъ и снова принесшій въ домъ къ намъ, убогимъ и смиреннымъ рабамъ, воистину есть святый Николай, ибо говорили видѣвшіе меня въ бесѣдѣ съ нимъ: не привидѣніе ли ты видишь? Они меня одного видѣли, а онъ былъ невидимъ.

Тогда оба, старецъ и жена его, воскликнули, вознося благодареніе Всемогущему Богу и хвалу великому архіерею Христову Николаю, скорому помощнику всѣмъ, призывающимъ его съ вѣрою. Исполнившись радости, они тотчасъ пошли въ церковь святителя Николая, неся злато и коверъ, и повѣдали въ церкви о случившемся всему клиру и всѣмъ, бывшимъ тамъ. И всѣ люди, услышавъ разсказъ ихъ, прославили Бога и святаго Николая, творящаго милосердіе съ рабами своими. Затѣмъ они послали къ Патріарху Михаилу[1]) и повѣдали ему все. Патріархъ повелѣлъ дать старцу пособіе отъ имѣнія церкви святой Софіи. И сотворили они праздникъ честенъ, съ вознесеніемъ хвалы и пѣснопѣніями.

---

[1]) Михаилъ Керулларій—съ 1043 по 1058 годъ.

Жилъ въ Константинополѣ благочестивый мужъ, именемъ Епифаній. Былъ онъ оченъ богатъ и почтенъ великою честію отъ царя Константина[1]) и имѣлъ много рабовъ. Однажды онъ захотѣлъ купить отрока въ слуги себѣ и въ третій день декабря мѣсяца, взявъ литру злата въ 72 златника, сѣлъ на коня и поѣхалъ на рынокъ, гдѣ купцы, пріѣзжіе съ Руси, продаютъ рабовъ. Купить раба не удалось, и онъ возвратился домой. Сойдя съ коня, онъ вошелъ въ палату, вынулъ изъ кармана злато, которое онъ бралъ на рынокъ, и, положивъ его гдѣ-то въ палатѣ, забылъ о мѣстѣ, куда его положилъ. Сіе ему случилось отъ исконнаго злаго врага, діавола, который непрестанно воюетъ съ родомъ христіанскимъ, чтобы умножить честь на землѣ. Не терпя благочестія мужа того, онъ задумалъ ввергнуть его въ бездну грѣха. Утромъ вельможа призвалъ отрока, служившого ему, и сказалъ:

— Принеси мнѣ злато, которое я тебѣ далъ вчера, мнѣ надо ѣхать на рынокъ.

Услышавъ сіе, отрокъ испугался, ибо господинъ не давалъ ему злата, и сказалъ:

— Ты не давалъ мнѣ злата, господинъ.

Господинъ сказалъ:

— О злая и лживая голова, скажи мнѣ, куда ты положилъ злато, данное тебѣ мною?

Тотъ, не имѣя ничего, клялся, что не понимаетъ, о чемъ говоритъ его господинъ. Вельможа разгнѣвался и приказалъ слугамъ связать отрока, бить его безъ милосердія и заковать въ оковы.

Самъ же сказалъ:

— Рѣшу его участь, когда пройдетъ праздникъ святаго Николая, — ибо праздникъ сей долженъ былъ быть на другой день.

Заключенный одинъ въ храминѣ, отрокъ со слезами возопилъ ко всемогущему Богу, избавляющему находящихся въ бѣдѣ:

— Господи Боже мой, Іисусе Христе, Вседержителю, Сыне Бога Живаго, живый во свѣтѣ неприступнѣмъ! Вопію къ Тебѣ, ибо Ты знаешь сердце человѣческое, Ты—Помощникъ сиротамъ, Избавленіе находящихся въ бѣдѣ, Утѣшеніе скорбящимъ: избавь меня отъ невѣдомой мнѣ сей напасти. Сотвори милостивое избавленіе, чтобы и господинъ мой, избавившись отъ грѣха и неправды,

[1]) Разумѣется *Константинъ Мономахъ*, царствовавшій съ 1042 по 1060 годъ.

причиненной мнѣ, прославилъ Тебя съ веселіемъ сердца и чтобы я, худый рабъ Твой, избавившись отъ сей напасти, неправедно постигшей меня, вознесъ Тебѣ благодареніе за человѣколюбіе Твое.

Говоря со слезами сіе и подобное сему, прилагая молитву къ молитвѣ и къ слезамъ слезы, отрокъ возопилъ къ святому Николаю:

— О честны́й отче, святый Николай, избавь меня отъ бѣды! Ты знаешь, что я невиненъ въ томъ, что говоритъ господинъ на меня. Завтра настанетъ твой праздникъ, а я нахожусь въ великой бѣдѣ.

Настала ночь, и утомленный отрокъ уснулъ. И явился ему святый Николай, всегда скорый на помощь всѣмъ, призывающимъ его съ вѣрою, и сказалъ:

— Не тужи: Христосъ избавитъ тебя мною, рабомъ Своимъ.

Тотчасъ спали съ ногъ его оковы, и онъ всталъ и вознесъ хвалу Богу и святому Николаю. Въ тотъ же часъ святитель явился и господину его и упрекалъ его:

— Зачѣмъ неправду сотворилъ ты рабу своему, Епифаній? Ты виноватъ самъ, ибо ты забылъ, гдѣ положилъ злато, отрока же мучилъ безъ вины, а онъ вѣренъ тебѣ. Но такъ какъ ты не самъ замыслилъ сіе, а тебя научилъ исконный злой врагъ діаволъ, то я и явился, чтобы не изсякла любовь твоя къ Богу. Встань и освободи отрока: если же ослушаешься меня, то тебя самого постигнетъ великое несчастіе.

Затѣмъ, указывая перстомъ мѣсто, гдѣ лежало злато, святый Николай сказалъ:

— Встань, возьми свое злато и освободи отрока.

Сказавъ сіе, онъ сталъ невидимъ.

Вельможа Епифаній пробудился въ трепетѣ, дошелъ до мѣста, указаннаго ему въ палатѣ святымъ, и нашелъ злато, положенное имъ самимъ. Тогда, одержимый страхомъ и исполненный радости, онъ сказалъ:

— Слава Тебѣ, Христе Боже, Надежда всего рода христіанскаго; слава Тебѣ, Надежда безнадежныхъ, отчаявшихся скорое Утѣшеніе; слава Тебѣ, показавшему свѣтило всему міру и скорое возстаніе падшихъ во грѣхѣ — святаго Николая, который исцѣляетъ не только тѣлесные недуги, но и душевные соблазны.

Весь въ слезахъ, палъ онъ предъ честны́мъ образомъ святителя Николая и сказалъ:

— Благодарю тебя, отче честный, ибо ты спасъ меня, недостойнаго и грѣшнаго, и пришелъ ко мнѣ, худому, очищая меня отъ грѣховъ. Что я тебѣ воздамъ за то, что ты призрѣлъ на меня, придя ко мнѣ.

Сказавъ сіе и подобное сему, вельможа пришелъ къ отроку и, видя, что оковы спали съ него, впалъ еще въ большій ужасъ и весьма упрекалъ себя. Тотчасъ онъ велѣлъ освободить отрока и всячески успокоить его; самъ же всю ночь бодрствовалъ, благодаря Бога и святаго Николая, избавившаго отъ такого грѣха. Когда зазвонили къ Утренѣ, онъ всталъ, взялъ злато и пошелъ съ отрокомъ въ церковь святаго Николая. Здѣсь онъ съ радостію повѣдалъ всѣмъ, какой милости удостоилъ его Богъ и святый Николай. И всѣ прославили Бога, творящаго таковыя чудеса угодниками Своими. Когда отпѣли Утреню, господинъ сказалъ въ церкви отроку:

— Чадо, не я грѣшный, но Богъ твой, Творецъ Небу и земли, и святый угодникъ Его, Николай, да освободятъ тебя отъ рабства, чтобы и мнѣ когда-нибудь была прощена неправда, которую я, по невѣдѣнію, сотворилъ тебѣ.

Сказавъ сіе, онъ раздѣлилъ золото на три части; первую часть онъ далъ въ церковь святаго Николая, вторую — роздалъ нищимъ, а третью далъ отроку, говоря:

— Возьми это, чадо, и ты не будешь долженъ никому, кромѣ единаго святителя Николая. Я же буду пещись о тебѣ, какъ чадолюбивый отецъ.

Возблагодаривъ Бога и святаго Николая, Епифаній удалился въ домъ свой съ радостію.

Однажды въ Кіевѣ, въ день памяти святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, множество людей стеклось изъ всѣхъ градовъ и селъ на праздникъ святыхъ мучениковъ. Нѣкій кіевлянинъ, имѣвшій великую вѣру къ святому Николаю и къ святымъ мученикамъ Борису и Глѣбу, сѣлъ въ ладью и поплылъ къ Вышгороду поклониться гробу святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба[1]), взявъ съ собою свѣчи, ѳиміамъ и просфоры—все, необходимое для достойнаго празднованія. Поклонившись мощамъ святыхъ и возрадовавшись духомъ, онъ отправился во-

[1]) Мощи *святыхъ Бориса и Глѣба* находились тогда еще въ Вышгородѣ Кіевскомъ. Чудо, о которомъ идетъ рѣчь, было между 1087 и 1091 годами.

свояси. Когда онъ плылъ по рѣкѣ Днѣпру, жена его, державшая на рукахъ ребенка, задремала и уронила ребенка въ воду, и тотъ утонулъ. Отецъ сталъ рвать волосы на головѣ своей, восклицая:

— Горе мнѣ, святый Николай, для того ли я имѣлъ великую вѣру къ тебѣ, чтобы ты не спасъ мое дитя отъ потопленія! Кто будетъ наслѣдникомъ моего имѣнія; кого научу я творить въ память тебя, заступника моего, свѣтлое торжество? Какъ повѣдаю твое великое милосердіе, которое ты излилъ на весь міръ и на меня бѣднаго, когда утонуло дитя мое? Я хотѣлъ воспитать его, просвѣщая его чудесами твоими, чтобы по смерти хвалили меня за то, что плодъ мой творитъ память святому Николаю. Но ты, святитель, не мнѣ только даровалъ печаль, но и себѣ, ибо вскорѣ должно прекратиться самое воспоминаніе о тебѣ въ домѣ моемъ, ибо я старъ и жду кончины. Если бы ты хотѣлъ спасти дитя, ты могъ бы спасти его, но ты самъ попустилъ утонуть ему и не избавилъ единородное чадо мое отъ морской пучины. Или ты думаешь, что я не вѣдаю чудесъ твоихъ? Имъ нѣтъ числа, и языкъ человѣческій не можетъ передать ихъ, и я, отче святый, вѣрую, что тебѣ все возможно, что ты захочешь сотворить, но беззаконія мои превозмогли. Теперь я понялъ, терзаемый печалью, что, если бы я сохранилъ Заповѣди Божіи непорочно, мнѣ бы вся тварь покорялась, какъ Адаму въ Раю до грѣхопаденія. Нынѣ же вся тварь возстаетъ на меня: вода потопитъ, звѣрь растерзаетъ, змій поглотитъ, молнія сожжетъ, птицы исклюютъ, скотъ разсвирѣпѣетъ и потопчетъ все, люди умертвятъ, хлѣбъ, данный намъ въ пищу, не насытитъ насъ и, по волѣ Божіей, будетъ намъ въ погибель. Мы же, одаренные душою и разумомъ и сотворенные по образу Божію, не исполняемъ, однако, какъ надлежитъ, волю Творца своего. Но не прогнѣвайся на меня, святый отче Николае, что я столь дерзновенно говорю, ибо я не отчаяваюсь въ своемъ спасеніи, имѣя тебя помощникомъ.

Жена же его терзала свои волосы и била себя по ланитамъ. Наконецъ, доѣхали они до города и скорбные вошли въ домъ свой. Настала ночь, и вотъ скорый на помощь всѣмъ призывающимъ его, архіерей Христовъ Николай совершилъ дивное чудо, какого не было въ прежнее время. Ночью онъ взялъ изъ рѣки утонувшее дитя и положилъ на хорахъ храма святой Софіи, живымъ и невредимымъ. Когда настало время утренней молитвы, вошелъ въ церковь пономарь и услышалъ дѣтскій плачъ на хорахъ. И долго онъ стоялъ въ раздумьѣ:

— Кто это пустилъ на хоры женщину?

Онъ пошелъ къ завѣдывавшему порядкомъ на хорахъ и началъ выговаривать ему; тотъ говорилъ, что ничего не знаетъ, но пономарь упрекалъ его:

— Ты уличенъ на дѣлѣ, ибо дѣти кричатъ на хорахъ.

Завѣдывавшій хорами испугался и, подойдя къ замку, увидалъ его нетронутымъ и услышалъ дѣтскій голосъ. Войдя на хоры, онъ увидалъ передъ образомъ святаго Николая ребенка, всего вымокшаго въ водѣ. Не зная, что и думать, онъ повѣдалъ о семъ митрополиту. Отслуживъ Утреню, митрополитъ послалъ собрать людей на площадь и спросить ихъ, чье дитя лежитъ на хорахъ въ церкви святой Софіи. Всѣ граждане пошли въ церковь, дивясь, откуда это взялось на хорахъ дитя, мокрое отъ воды. Пришелъ и отецъ ребенка, чтобы подивиться чуду, и, увидавъ, узналъ его. Но, не вѣря себѣ, онъ пошелъ къ женѣ своей и разсказалъ ей все по ряду. Она же тотчасъ стала укорять мужа своего, говоря:

— Какъ это ты не понимаешь, что сіе—чудо, сотворенное святымъ Николаемъ?

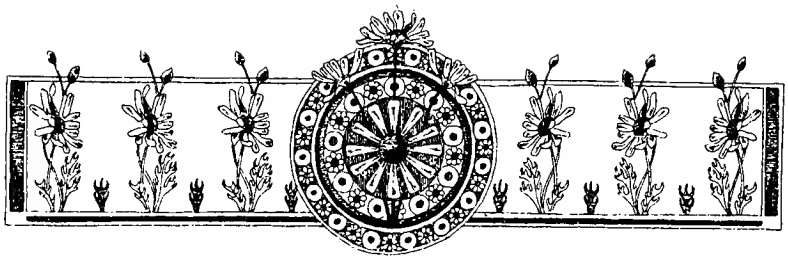
Поспѣшно пошла она въ церковь, узнала дитя свое и, не трогая его, пала предъ образомъ святаго Николая и молилась, съ умиленіемъ и слезами. Мужъ ея, стоя вдали, проливалъ слезы. Услышавъ о семъ, всѣ люди стеклись посмотрѣть на чудо, и собрался весь городъ, славя Бога и святаго Николая. Митрополитъ же сотворилъ честный праздникъ, какой творится въ день памяти святаго Николая, прославляя Святую Троицу—Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Тропа́рь ст҃и́телѧ, гла́съ д҃:

Пра́вило вѣ́ры и҆ ѡ҆́бразъ кро́тости, воздержа́нїѧ ᲂу҆чи́телѧ ꙗ҆вѝ тѧ̀ ста́дꙋ твоемꙋ̀, ꙗ҆̀же вещє́й и҆́стина: сегѡ̀ ра́ди стѧжа́лъ є҆сѝ смире́нїемъ высѡ́каѧ, нището́ю бога̑таѧ, ѻ҆́тче ст҃ѣннонача́льниче нїко́лае, молѝ хр҃та̀ бг҃а, спсти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ г҃:

Въ мѵ́рѣхъ ст҃е ст҃ѣннодѣ́йствитель показа́лсѧ є҆сѝ: хр҃то́во бо прп҃бне є҆ѵ҆а̑ґґеліе и҆спо́лнивъ, положи́лъ є҆сѝ дꙋ́шꙋ твою̀ ѡ҆ лю́дехъ твои́хъ, и҆ спа́слъ є҆сѝ неповѝнныѧ ѿ сме́рти. сегѡ̀ ра́ди ѡ҆ст҃и́лсѧ є҆сѝ, ꙗ҆́кѡ вели́кїй та́инникъ бж҃їѧ бл҃года́ти.



День седьмой

ЖИТІЕ
СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО
АМВРОСІЯ,
епископа Медіоланскаго

Святый Амвросій былъ сыномъ вельможи Амвросія, Римскаго намѣстника Галліи[1]) и другихъ западныхъ странъ. Изъ любви къ сыну своему сей вельможа назвалъ его тѣмъ же именемъ, какое носилъ самъ.

Еще въ младенчествѣ святаго было предзнаменованіе того, какую духовную сладость доставитъ онъ нѣкогда Церкви Христовой. Однажды среди дня спеленатый младенецъ Амвросій лежалъ на открытомъ воздухѣ и спалъ съ открытыми устами. Вдругъ прилетѣлъ рой пчелъ, сѣлъ на младенца и покрылъ все лицо его и уста, и можно было видѣть, какъ пчелы входили въ уста младенца и выходили оттуда, оставляя на языкѣ у него свой медъ. Кормилица, видя это, хотѣла согнать пчелъ, такъ какъ боялась,

---

[1]) Подъ именемъ *Галліи* въ древнемъ мірѣ извѣстна была обширная страна, обнимавшая собою, кромѣ нынѣшней Франціи, еще и Бельгію, часть Нидерландовъ, Зарейнскія области Германіи и большую часть Швейцаріи. Сверхъ того, отецъ св. Амвросія Медіоланскаго, по имени также Амвросій, былъ намѣстникомъ также Испаніи. У него были и другія дѣти, старше Амвросія—дочь Марцеллина и сынъ Сатиръ, Западною Церковію также причисленные къ лику святыхъ.—Амвросій Медіоланскій родился около 340 года въ городѣ Трирѣ, гдѣ жили тогда его родители.

что онѣ причинятъ вредъ ребенку. Но отецъ Амвросія, на глазахъ у котораго произошло сіе, остановилъ кормилицу, такъ какъ хотѣлъ видѣть, чѣмъ окончится это чудо. И вотъ, немного времени спустя, пчелы поднялись и полетѣли вверхъ, пока не исчезли изъ глазъ. Отецъ младенца изумился и сказалъ:

— Если дитя сіе вырастетъ, то будетъ великимъ среди людей.

Такъ еще въ младенческіе годы раба Своего Господь показывалъ уже, что надъ нимъ сбудутся слова Писанія: «со́тове медо́внїи словеса̀ дѡ́браѧ, сла́дость же и҆́хъ и҆сцѣле́нїе дꙋши̇»[1]). Ибо рой пчелъ изображалъ тѣ усладительныя поученія и писанія святаго Амвросія, которыми созидалъ онъ духовные соты, веселящіе сердца людей и поднимающіе ихъ отъ земли къ небу. Когда онъ сталъ подрастать и жилъ въ Римѣ съ матерью, уже вдовою, давшею Богу обѣтъ дѣвства, случилось ему однажды увидать, что у епископа цѣловали руку. Послѣ этого, играя въ домѣ родительскомъ, онъ протянулъ руку свою домашнимъ со словами:

Ст҃ы́й
А҆мвро́сїй

— Цѣлуйте, ибо и я также буду епископомъ[2]).

Эти слова говорилъ чрезъ него Духъ Святый въ предзнаменованіе будущаго, но взрослые, не понимая того, что благодать Божія, жившая въ отрокѣ, предъуготовляетъ его къ святительскому сану, останавливали его, какъ будто онъ говорилъ рѣчи необдуманныя.

По смерти родителя святаго Амвросія мать его переселилась въ Римъ и дала ему и старшему брату его Сатиру самое высо-

[1]) Кн. Притч., гл. 16, ст. 24.

[2]) По выраженію составителя житія св. Амвросія, діакона и секретаря его Павлина, въ этомъ случаѣ «въ немъ говорилъ духъ Господень, который пріуготовлялъ его къ священству».

кое образованіе, а сестра его—дѣвственница развила въ немъ любовь къ дѣвству [1]).

Изучивъ искусство краснорѣчія, Амвросій сталъ и самъ извѣстнымъ ораторомъ, обладавшимъ силою убѣжденія. Защищалъ онъ обиженныхъ, помогалъ несчастнымъ, обличалъ поступавшихъ несправедливо, содѣйствовалъ выясненію на судѣ правды. За его мудрость главный начальникъ города Рима—Пробъ взялъ его къ себѣ въ качествѣ совѣтника. Затѣмъ Амвросій былъ назначенъ намѣстникомъ Римскихъ областей—Лигуріи [2]) и Эмиліи [3]). Въ это время въ городѣ Медіоланѣ [4]) умеръ епископъ Авксентій, бывшій аріаниномъ и занимавшій архіерейскій престолъ послѣ православнаго епископа Діонисія, который умеръ въ заточеніи. Между православными и аріанами происходили большіе раздоры и несогласія, такъ какъ каждая сторона хотѣла возвести на освободившійся въ Медіоланѣ престолъ епископа своего вѣроисповѣданія. Смуты и волненія не прекращались среди жителей Медіолана. Узнавъ о семъ, начальникъ города Рима—Пробъ далъ Амвросію порученіе отправиться въ Медіоланъ и усмирить возникшій тамъ мятежъ, причемъ сказалъ ему:

— Отправляйся туда и дѣйствуй не какъ судья, а какъ епископъ [5]).

Прибывъ въ Медіоланъ, Амвросій вошелъ въ храмъ, гдѣ происходили выборы, и со всею силою краснорѣчія сталъ убѣждать народъ, чтобы привести спорившихъ къ согласію и миру. Вдругъ грудной младенецъ, еще не умѣвшій говорить, закричалъ изъ среды народа:

— Амвросій—епископъ!

Услышавъ сіе, весь находившійся въ церкви народъ подхватилъ слова младенца и началъ громко и единодушно восклицать:

---

[1]) Въ Римѣ, недалеко отъ Капитолія, доселѣ еще показываютъ домъ, въ которомъ воспитывался св. Амвросій. Домъ обращенъ въ церковь и монастырь дѣвъ его имени.

[2]) *Лигурія*—страна, границы которой на западѣ со стороны Галліи составляли: рѣка Варусъ и приморскіе Альпы, на юго-востокѣ со стороны Италіи р. Макра, на сѣверѣ—р. Падусъ, на югѣ—Лигурійскій заливъ. Такимъ образомъ эта страна обнимала нынѣшнюю южную Францію, пограничную съ Италіей, и часть сѣверо-западной Италіи, Ниццу, Геную, Южный Піемонтъ и западную часть Пармы и Піаченцы.

[3]) *Эмилія*—провинція Галліи, расположенная между Лигуріей и Фламиніей, приблизительно въ средней части нынѣшней сѣверной Италіи.

[4]) *Медіоланъ*—древній городъ т. н. Цизальпинской Галліи, или нынѣшней сѣверной Италіи,—центръ процвѣтанія наукъ и искусствъ; нынѣ—главный цвѣтущій городъ Итальянской области Ломбардіи, съ многочисленнымъ населеніемъ.

[5]) Эти слова какъ бы пророчески предзнаменовали будущее славное святительское служеніе св. Амвросія въ семъ городѣ.

— Амвросій—епископъ! Амвросій—епископъ!

Такъ, дѣйствіемъ благодати Божіей младенецъ, которому не настала еще пора говорить, провѣщалъ, и обѣ противныя стороны—какъ правовѣрные, такъ и аріане—пришли къ миру и согласію и пожелали имѣть епископомъ только Амвросія, хотя онъ еще не былъ просвѣщенъ Святымъ Крещеніемъ, а только былъ оглашенъ.

Слыша восклицанія народа, Амвросій вышелъ изъ храма и, чтобы выказать себя недостойнымъ столь великаго сана, сѣвъ на мѣстѣ судіи, сталъ, противъ своего обыкновенія, безъ всякаго милосердія терзать преступниковъ. Онъ дѣлалъ сіе съ тою цѣлью, чтобы граждане, видя его немилосердіе, возненавидѣли его и не захотѣли имѣть епископомъ. Но народъ не переставалъ кричать, что желаетъ имѣть Амвросія епископомъ. Амвросій всячески отказывался, объявлялъ, что онъ—великій грѣшникъ и до сихъ поръ еще не крещенъ, но всѣ отвѣчали ему на это:

— Грѣхъ твой будетъ на насъ,— ибо они знали, что Святое Крещеніе очищаетъ человѣка отъ всѣхъ грѣховъ.

Амвросій въ смущеніи возвратился домой и задумалъ оставить свою должность и избрать себѣ житіе нищаго странника, какъ это дѣлали тогда многіе изъ греческихъ философовъ, но ему помѣшали въ исполненіи этого намѣренія. Тогда онъ изобрѣлъ другую хитрость, чтобы избѣжать епископскаго сана, а именно: приказалъ открыто приводить къ себѣ въ домъ распутныхъ женщинъ, чтобы жители Медіолана, видя это, возъимѣли къ нему отвращеніе и отказались бы отъ него какъ отъ блудника. Но народъ еще усиленнѣе заявлялъ:

— Пусть будетъ твой грѣхъ на насъ, только прими Крещеніе и епископство.

Видя, что невозможно уклониться отъ желанія всего народа, Амвросій рѣшилъ изъ города укрыться. Ночью, тайно отъ всѣхъ, онъ вышелъ изъ города и полагалъ, что идетъ къ другому городу—Тицину[1]) и что далеко уже ушелъ по этой дорогѣ, но когда разсвѣло, то оказалось, что онъ находится у воротъ того же самаго города Медіолана, называемыхъ Римскими. Это произошло потому, что Богъ, Который готовилъ въ Амвросіи для Своей Каѳолической Церкви какъ бы стѣну противъ враговъ, воспрепятствовалъ его бѣг-

[1]) *Тицинъ*—древній городъ въ Цизальпинской Галліи, на главной дорогѣ изъ Рима въ Галлію,—нынѣ Павія, значительный городъ сѣверной Италіи при р. Тичино, недалеко отъ впаденія ея въ По.

ству и Своею силою возвращалъ его съ задуманнаго пути. Когда граждане Медіолана узнали о сей попыткѣ, то стали стеречь Амвросія, чтобы онъ не убѣжалъ; вмѣстѣ съ тѣмъ послали они императору Валентиніану Старшему[1]) съ просьбою, чтобы онъ повелѣлъ Амвросію принять на себя санъ епископа. Императоръ возрадовался тому, что лица, назначаемыя имъ на свѣтскія должности, удостоиваются избранія въ великій духовный санъ. Обрадовался и главный начальникъ Рима—Пробъ, ибо исполнилось его предсказаніе, которое сдѣлалъ онъ Амвросію, посылая его въ Медіоланъ, а именно: Пробъ сказалъ ему, чтобы, увѣщавая народъ къ взаимному согласію, онъ поступалъ не какъ судья, но какъ епископъ. Пока жители Медіолана ожидали возвращенія посланныхъ къ императору и отвѣта царскаго, Амвросій опять бѣжалъ и скрылся въ помѣстьѣ одного сановника, по имени Леонтія. Но когда пришло царское повелѣніе, то Леонтій объявилъ о мѣстопребываніи Амвросія и привелъ его въ Медіоланъ къ народу. Такъ невозможно было нигдѣ утаиться тому, кого Богъ соблаговолилъ поставить на степень святительства, «ꙗ҆́кѡ гра́дъ вєрхꙋ́ горы̀»[2]) «и҆ ꙗ҆́кѡ свѣщꙋ́ на свѣ́щницѣ»[3]), и сдѣлать пастыремъ словесныхъ Своихъ овецъ.

Тогда Амвросій, убѣдившись въ томъ, что Богу благоугодно, чтобы онъ былъ епископомъ, повиновался царскому повелѣнію и желанію народа. Однако онъ не захотѣлъ принять Крещенія отъ аріанскаго епископа, но пожелалъ быть крещеннымъ отъ православнаго, такъ какъ весьма остерегался еретической вѣры аріанской. Принявъ Святое Крещеніе, онъ прошелъ въ семь дней всѣ степени церковныя, а на восьмой былъ возведенъ въ епископскій санъ[4]) къ невыразимой радости всего народа. При рукоположеніи его присутствовалъ

---

[1]) *Валентиніанъ I,* или *Старшій,*—императоръ Западной Римской имперіи, царствовалъ съ 364 по 375 г.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 14.

[3]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 15.

[4]) Это было 7-го декабря 374 г. Св. Амвросію въ это время было всего 34 года. Посвященіе Амвросія одинаково одобрили епископы какъ Восточной, такъ и Западной Церкви, считая его дѣло исключительнымъ. Правда, это рукоположеніе не было строго-каноническимъ, но канонъ Никейскаго Собора дѣлалъ исключеніе, когда нареченіе обусловливалось высшимъ божественнымъ указаніемъ, какъ это и было въ настоящемъ случаѣ. Св. Василій Великій, въ отвѣтъ на извѣщеніе его о посѣщеніи Амвросія, написалъ письмо, въ которомъ благодарилъ Бога за избраніе. «Богъ, содѣлавшій пророка изъ пастуха Амоса,—пишетъ вселенскій учитель въ этомъ письмѣ,—теперь содѣлалъ епископа изъ Амвросія, человѣка благороднаго происхожденія, высокаго сана, возвышеннаго характера и изумительнаго красноречія, который тѣмъ не менѣе презрѣлъ всѣ эти земныя отличія, чтобы пріобрѣсть Христа... Мужайся же, о мужъ Божій».

самъ императоръ, какъ повѣствуетъ о томъ Ѳеодоритъ[1]), и радостно произнесъ:

— Благодарю Тебя, Всесильный Господи, Спаситель нашъ, что тому человѣку, которому поручалъ я тѣлесную жизнь подданныхъ, Ты ввѣрилъ души и тѣмъ показалъ, что мое сужденіе о немъ было справедливо.

По прошествіи нѣсколькихъ дней случилось, что святый Амвросій въ прямодушной бесѣдѣ съ императоромъ обличалъ неправильныя дѣйствія городскихъ судовъ. Императоръ отвѣтилъ ему:

— Давно мнѣ извѣстна правдивая смѣлость твоей рѣчи; поэтому я не только не препятствовалъ твоему избранію во епископы, но и самъ содѣйствовалъ ему. Итакъ, исправляй наши погрѣшности, какъ велитъ Божественный законъ, и исцѣляй неправды душъ нашихъ.

Въ началѣ своего епископства Амвросій просилъ Римскаго папу Дамаса[2]), чтобы тотъ прислалъ ему въ помощь разсудительнаго мужа по собственному выбору. Папа послалъ къ нему священника Симплиціана. Сего священника Амвросій почиталъ, какъ отца, и слушался его совѣтовъ[3]). Завѣдованіе домашними своими дѣлами Амвросій поручилъ своему брату Сатиру[4]), а самъ всецѣло посвятилъ себя дѣламъ церковнымъ, ежедневно совершалъ Богослуженіе и поучалъ народъ Священному Писанію[5]).

---

[1]) *Ѳеодоритъ, епископъ Киррскій,* — церковный историкъ V вѣка.

[2]) *Дамасъ I-й* — Римскій папа въ 366—384 гг.; извѣстенъ въ исторіи Церкви своими ревностными трудами въ защиту Православія въ борьбѣ съ аріанствомъ и другими ересями.

[3]) *Святый Амвросій* слушалъ устныя наставленія сего Симплиціана, котораго любилъ, какъ своего отца, который имѣлъ огромное вліяніе на образованіе Амвросія въ дѣлѣ вѣры и впослѣдствіи сдѣлался его преемникомъ по епископской каѳедрѣ въ Медіоланѣ (Миланѣ). Кромѣ того, Амвросій ревностно читалъ и изучалъ творенія знаменитаго Оригена, Дидима, святаго Василія Великаго, съ которымъ находился въ близкомъ дружественномъ общеніи, святаго Григорія Богослова и другихъ выдающихся отцовъ и учителей Церкви. По словамъ блаженнаго Августина, впослѣдствіи епископа Иппонійскаго и знаменитаго учителя Церкви, обращеннаго изъ язычества въ христіанство святымъ Амвросіемъ, послѣдній сидѣлъ въ своемъ домѣ въ теченіе короткихъ промежутковъ непрерывныхъ занятій, устремивъ свои глаза на книгу и забывая о всемъ, что происходило вокругъ него. При такихъ ревностныхъ занятіяхъ, обладая высокими способностями и знаніемъ свѣтскихъ наукъ, особенно же греческой литературы, Амвросій оказалъ въ короткое время удивительные успѣхи и въ христіанской наукѣ.

[4]) *Сатиръ* среди этого подвига и скончался—по однимъ въ 378 году, по другимъ позднѣе (Римская Церковь чтитъ его въ святыхъ 17 сентября, равно какъ и сестру святаго Амвросія Марцеллину подъ 17 іюля).—Самъ же Амвросій, немедленно по вступленіи на епископскую каѳедру, освободился отъ всякаго мірскаго попеченія должнымъ распредѣленіемъ своихъ имѣній. Серебро и золото онъ предоставилъ въ пользу бѣдныхъ, имѣнія были отданы Церкви, причемъ сестрѣ своей онъ предоставилъ пожизненное пользованіе ими.

[5]) Усвоивъ своимъ умомъ и сердцемъ Святое Писаніе и истины святой вѣры, Амвросій съ великимъ усердіемъ сталъ проповѣдывать народу, не оставляя его ни въ одинъ воскре-

Святый Амвросій прилагалъ большія заботы и къ улучшенію клира церковнаго. Живя среди нихъ, онъ самъ подавалъ имъ примѣръ, какъ соединять строгую подвижническую жизнь съ обязанностями пастыря Церкви. Онъ былъ мужемъ великаго воздержанія, долгихъ бдѣній и трудовъ; ежедневно онъ умерщвлялъ свою плоть постомъ, который прерывалъ только по субботамъ и воскресеньямъ и въ праздники знаменитѣйшихъ мучениковъ. Онъ прилежалъ молитвѣ днемъ и ночью и не уклонялся отъ труда писать книги своею рукою, если не былъ удерживаемъ отъ сего болѣзнію тѣлесною. Будучи строгъ къ себѣ, онъ былъ добръ, ласковъ и доступенъ ко всѣмъ. Бѣдные находили въ немъ защитника и друга. Онъ радовался съ радующимися и плакалъ съ плачущими. Если кто, падши, исповѣдывалъ ему грѣхъ свой, онъ такъ плакалъ, что и того возбуждалъ къ слезамъ.

Заботясь о клирѣ, святый Амвросій покровительствовалъ инокамъ и любилъ обитель ихъ, находящуюся близъ Медіолана. Онъ заботился также объ учрежденіи женскихъ монастырей, и едва прошло три года послѣ его посвященія, какъ дѣвственницы[1]) прибыли въ Медіоланъ изъ Плаценціи[2]), Болоньи[3]) и даже Мавританіи[4]).

сный и праздничный день безъ поученія и пользуясь всякимъ случаемъ къ тому, а иногда не одинъ разъ въ день восходилъ на церковную каѳедру; слово его было удобопонятно для слуха, голосъ его тихъ, и потому въ храмѣ, во время его проповѣди, царствовала удивительная тишина, и народъ, любившій префекта Амвросія, еще болѣе слушалъ слова епископа Амвросія. Особенную ревность также онъ имѣлъ въ дѣлѣ наставленія оглашенныхъ ко Святому Крещенію.

[1]) Въ древней Церкви, еще до появленія женскихъ иноческихъ обителей и въ первое время ихъ, существовалъ особый классъ дѣвъ, посвящавшихъ себя всецѣло служенію Богу и дававшихъ обѣтъ дѣвства. Такія лица назывались *дѣвственницами*, и онѣ пользовались въ Церкви большимъ уваженіемъ и считались ея украшеніемъ. Онѣ собирались для подвиговъ безмолвія, Богомыслія и молитвы въ частныхъ домахъ подъ руководствомъ опытныхъ въ духовной жизни старицъ—*наставницъ*. Весьма часто Церковь поручала ихъ руководству и надзору наиболѣе уважаемыхъ изъ діакониссъ. Общины дѣвственницъ во времена святаго Амвросія Медіоланскаго были въ полномъ развитіи, и сама Марцеллина, сестра его, была дѣвственницей, ибо иноческія женскія обители въ то время только что стали возникать.

[2]) *Плаценція*—нынѣ Піаченца—римская колонія въ Цизальпинской Галліи (нынѣшней Сѣверной Италіи) на правомъ берегу Пада, неподалеку отъ впаденія его въ Требію. Значеніе ея основывалось, главнымъ образомъ, на томъ, что она лежала на дорогѣ изъ Медіолана въ Парму.

[3]) *Болонья*—главный городъ итальянской провинціи того же времени; основана въ глубокой древности и доселѣ имѣетъ большое значеніе какъ одинъ изъ центровъ Итальянской образованности и торговли благодаря своему выгодному географическому положенію на дорогѣ изъ Сѣверной въ среднюю Италію.

[4]) *Мавританія*—нынѣ Фецъ, Марокко и западная часть Алжирін—Римская провинція на сѣверѣ Африки.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ Амвросій поѣхалъ въ родной свой городъ Римъ. Тамъ засталъ онъ въ живыхъ сестру свою и одну рабыню изъ давнишнихъ слугъ дома; мать же его уже скончалась. Когда онѣ цѣловали его руку, Амвросій слегка улыбнулся и сказалъ рабынѣ:

— Вотъ ты и цѣлуешь епископскую руку, какъ я тебѣ когда-то говорилъ.

Такъ исполнилось предсказаніе самого Амвросія, о которомъ было упомянуто раньше, а именно, что онъ еще ребенкомъ протягивалъ свою правую руку домашнимъ и говорилъ:

— Цѣлуйте, ибо и я буду епископомъ.

Во время пребыванія Амвросія въ Римѣ одна уважаемая женщина, жившая за рѣкою Тибромъ [1]), попросила его совершить Божественную Литургію въ ея домѣ [2]). Узнавъ о семъ, другая женщина, разслабленная, приказала нести себя туда,—и въ то время, какъ святитель Божій молился, прикоснулась къ краю его ризы, поцѣловала ее и тотчасъ же стала здоровою. И разнесся слухъ объ этомъ чудѣ по всему Риму.

По смерти императора Валентиніана Старшаго скипетръ Западной Римской Имперіи перешелъ къ сыну его Граціану [3]). Когда тотъ готовился къ войнѣ противъ Готовъ [4]), то выразилъ святому Амвросію желаніе, чтобы онъ письменно изложилъ для него исповѣданіе Святой Вѣры. Святитель Амвросій написалъ для императора книги [5]) о вѣрѣ, предсказалъ ему побѣду надъ врагами и благословилъ его знамена, на которыхъ было начертано Имя Христово. И одержалъ Граціанъ славную побѣду надъ Готами по молитвамъ угодника Божія и его благословенію.

---

[1]) *Тибръ* —рѣка, на которой стоитъ г. Римъ, вытекаетъ изъ Аппенинской горной цѣпи на сѣверо-востокѣ древней области Италіи—Этруріи.

[2]) Во времена святаго Амвросія Медіоланскаго допускалось еще, по обычаю временъ апостольскихъ, совершеніе Литургіи въ частныхъ домахъ. Святые Апостолы, какъ видно изъ кн. Дѣяній Ап. (гл. **20**, ст. 7-8), собирались для совершенія Евхаристіи въ горницѣ. Христіане временъ гоненій не могли имѣть общественныхъ храмовъ, а собирались въ частныхъ домахъ, въ подземныхъ пещерахъ—катакомбахъ, при гробахъ мученическихъ. Церковный историкъ Евсевій передаетъ о томъ слѣдующее свидѣтельство святаго Діонисія Александрійскаго: «Во время гоненія всякое мѣсто, какъ то: поле, корабль, гостинница, темница—были намъ хвалебнымъ вмѣстилищемъ».

[3]) *Граціанъ,* старшій сынъ и преемникъ императора Валентиніана I-го, съ 367-го года соправитель отца, царствовалъ съ 375 по 383 годъ.

[4]) *Готы*—многочисленный народъ Германскаго племени, обитавшій за Дунаемъ и раздѣлявшійся на Остготовъ (восточныхъ) и Вестготовъ (западныхъ).

[5]) Сочиненіе святаго Амвросія Медіоланскаго «О вѣрѣ» состояло изъ 5 книгъ.

Жена умершаго Валентиніана старшаго, мачеха Граціана Юстина, была аріанкой, ненавидѣла святаго Амвросія и причиняла ему зло. Такъ, когда въ Сирміи[1]) умеръ епископъ, Юстина отправилась туда, желая возвести на епископскій престолъ единовѣрца ея—аріанина. Туда же прибылъ и святый Амвросій, ибо городъ тотъ принадлежалъ къ его паствѣ. Пренебрегая женскимъ гнѣвомъ, онъ старался о томъ, чтобы во епископы былъ избранъ одинъ благочестивый мужъ, по имени Анемій. Въ одинъ изъ дней, когда всѣ собрались въ храмъ и святый Амвросій занялъ свое мѣсто на амвонѣ, царица Юстина, находившаяся тамъ же, подослала одну аріанку, научивъ ее схватить епископа за одежду, столкнуть его съ мѣста и привлечь туда, гдѣ стояли женщины, чтобы тѣ прибили Амвросія своими женскими руками и выгнали изъ церкви. Но когда эта безстыдная женщина съ дерзостью подошла къ святому Амвросію, чтобы исполнить то, что было ей приказано, то святый сказалъ ей:

— Хотя и недостоинъ я носимаго мною сана, однако не слѣдуетъ тебѣ поднимать руку ни на кого изъ Божіихъ іереевъ; страшись суда Божія, чтобы тебя не постигло неожиданное несчастіе.

Эти слова святаго Амвросія дѣйствительно исполнились надъ тою дерзкою женщиною: на слѣдующее утро она внезапно умерла, и святый Амвросій самъ же похоронилъ ее, воздавая добромъ за зло. Устрашенные этимъ чудомъ, аріане и царица Юстина не посмѣли болѣе препятствовать тому, чтобы святый Амвросій посвятилъ во епископа мужа славнаго. Такимъ образомъ, Амвросій безъ сопротивленія посвятилъ во епископа того именно, кого желалъ, послѣ чего возвратился въ Медіоланъ.

Случилось разъ, что другіе два аріанина—изъ постельничихъ царя Граціана — выразили желаніе имѣть всенародное состязаніе по вопросамъ вѣры со святымъ Амвросіемъ; предметомъ состязанія должно было быть воплощеніе Господа Іисуса Христа. Въ назначенное время святый Амвросій съ народомъ ожидалъ ихъ въ церкви. Онъ былъ готовъ состязаться съ ними, такъ какъ имѣлъ въ себѣ Духа Божія. Но упомянутые аріане, по гордости своей и изъ желанія нанести обиду святому, не пришли на споръ, а сѣли, вмѣсто того, на коней и уѣхали изъ города въ поле. Когда они доѣхали до возвышеннаго мѣста, то лошади ихъ внезапно испу-

---

[1]) *Сирмій* — древній главный городъ въ Нижней Паннонія у рѣки Саввы, притока Дуная, въ нынѣшней Иллиріи.

гались, и аріане, упавъ съ горы, убились до смерти. Святитель же Амвросій, ничего не зная объ этомъ случаѣ, долго ожидалъ ихъ и, наконецъ, видя, что они не являются, взошелъ на амвонъ и произнесъ къ народу извѣстное свое поученіе, начинающееся словами: «Стараюсь, братія, ожидать должнаго, но не нахожу своихъ вчерашнихъ заимодавцевъ» (и т. д., какъ это значится въ сочиненіи святаго Амвросія—о воплощеніи Господа Іисуса Христа).

Вскорѣ послѣ того Граціанъ былъ предательски убитъ въ Галліи возмутившимся противъ него военачальникомъ Максимомъ[1]). Императорскій престолъ въ Римѣ занялъ тогда Валентиніанъ Младшій со своей матерью Юстиною; но такъ какъ полководецъ Максимъ овладѣлъ уже Испаніею и Галліею, то сопротивляться ему было невозможно; поэтому аріанка Юстина была вынуждена обратиться ко святому Амвросію, чтобы тотъ отправился къ Максиму съ просьбою о пощадѣ и испросилъ бы у него миръ для ея юнаго сына. Добрый пастырь отправился къ мятежнику, ибо готовъ былъ и жизнь свою положить за овецъ своихъ словесныхъ.

Своими мудрыми и смиренными рѣчами Амвросій такъ убѣдилъ Максима, что послѣдній не двинулся въ тотъ годъ на Италію, а остался въ Галліи.

Но Юстина за такой трудъ святителя Божія отплатила ему неблагодарностью: не переставая враждовать противъ него, она послала къ Амвросію требованіе отъ имени своего сына, чтобы онъ отдалъ во владѣніе аріанамъ соборную Медіоланскую церковь со всѣми сокровищами, въ ней находившимися. Но святый Амвросій съ мужествомъ воспротивился царскому повелѣнію. Онъ отвѣтилъ:

— Въ томъ, что мнѣ принадлежитъ, я не отказываю царю, я готовъ за него и здоровьемъ своимъ пожертвовать, но того, что принадлежитъ Богу, дать не могу;—да и царю брать того нельзя.

Послѣ сего присланъ былъ Юстиною, отъ имени императора, отрядъ войска, которому дано было приказаніе отнять храмъ силою, а епископа изъ него выгнать. Народъ, услыхавъ объ этомъ, сбѣжался къ церкви, затворился внутри ея вмѣстѣ съ святымъ своимъ епископомъ Амвросіемъ и не впускалъ туда воиновъ. Три дня пробыли вѣрующіе заключенными въ храмѣ, воспѣвая и славословя Бога. Они стойко сопротивлялись аріанамъ и не дозволили

[1]) Это было въ 383 году.

имъ изгнать епископа и отнять церковь. А святый Амвросій, отвѣчая на требованія посланныхъ отъ царя, повторялъ:

— Не выйду я добровольно изъ церкви и не оставлю ея, не выдамъ измѣннически волкамъ обители овецъ Христовыхъ и не позволю тѣмъ, которые произносятъ хулы на Бога, завладѣть церковію Божіею. Если дано изволеніе меня убить, то пусть буду я здѣсь, въ стѣнахъ храма, пронзенъ мечомъ или копьемъ: я готовъ такую смерть принять охотно и съ любовію.

Царица Юстина, когда донесли ей обо всемъ этомъ, устыдилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ и испугалась мужественнаго сопротивленія православныхъ и не осмѣлилась болѣе возбуждать открыто борьбы противъ Церкви. Но, стыдясь своего пораженія, она послала тайно наемнаго убійцу въ домъ къ Амвросію, чтобы умертвить святителя. Злодѣй проникъ съ обнаженнымъ мечомъ въ спальню епископа и уже поднялъ руку, чтобы ударить мечомъ святаго мужа, какъ вдругъ рука его засохла, такъ что онъ не могъ опустить ее. Его схватили, и онъ признался въ томъ, отъ кого и съ какою цѣлью былъ онъ посланъ. Святый Амвросій, по своему незлобію, исцѣлилъ его засохшую руку и отпустилъ его съ миромъ[1]).

Въ это время[2]) Богъ открылъ въ видѣніи угоднику Своему Амвросію о мощахъ святыхъ мучениковъ Протасія и Гервасія[3]), почивавшихъ въ землѣ. Когда сіи святыя мощи были откопаны, то отъ нихъ истекло много чудесъ. Такъ, одинъ слѣпецъ, по имени Северъ, лишь только прикоснулся къ одеждѣ мучениковъ, тотчасъ прозрѣлъ; также изгонялось много нечистыхъ духовъ изъ одержимыхъ ими людей.

---

[1]) Это было въ 385 году предъ праздникомъ Пасхи. Другой подобный же случай повторился въ слѣдующемъ, 386 году, когда Юстина убѣдила Валентиніана издать законъ въ пользу аріанъ и потомъ около Пасхи воздвигла столь жестокое гоненіе на святаго Амвросія, что онъ, заключившись въ церкви и простершись предъ алтаремъ, просилъ о помощи свыше. Народъ, боясь, чтобы его не взяли силою, окружилъ его и днемъ и ночью молился съ нимъ въ храмѣ. Святитель Божій занималъ въ это время народъ чтеніемъ Святаго Писанія, изъясненіемъ его и пѣніемъ Псалмовъ и гимновъ. Съ этого времени и вошло въ Медіоланской церкви введенное въ употребленіе святымъ Амвросіемъ въ Западной Церкви, по примѣру Восточной, такъ называемое антифонное пѣніе, т. е. пѣніе на два лика. Между тѣмъ воины, посланные Юстиною, стали впускать въ храмъ народъ, а выходить изъ церкви не дозволяли. Они такъ поражены были пѣніемъ православныхъ, что сами снаружи вторили ему. Въ это время возглашаемы были и возвышенные гимны самого Амвросія во славу Пресвятыя Троицы. Молитвы вѣрныхъ были услышаны, и святитель оставленъ при своей паствѣ.

[2]) Въ томъ же 386 году.

[3]) Память *святыхъ мучениковъ Протасія и Гервасія* совершается Церковію 14-го октября.

Между тѣмъ въ царскомъ дворцѣ многіе аріане вмѣстѣ съ царицею Юстиною насмѣхались и глумились надъ благодатію Божіею, дарованною Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ святой Церкви въ прославленіи Своихъ мучениковъ. Аріане увѣряли, будто Амвросій нанимаетъ людей за деньги, чтобы тѣ притворялись бѣсноватыми, приводитъ ихъ къ гробницѣ мучениковъ и дѣлаетъ видъ, какъ будто эти мнимые бѣсноватые исцѣлились, а затѣмъ распространяетъ въ народѣ славу о такихъ ложныхъ чудесахъ.

Въ то время, какъ эти придворные вели между собою подобные нечестивые разговоры, внезапно, по Божію попущенію, напалъ на одного изъ нихъ бѣсъ и сталъ мучить его. Мучимый человѣкъ испускалъ страшные вопли и кричалъ:

— Да будетъ то же, что и со мною, со всѣми хулящими святыхъ мучениковъ, а также съ невѣрующими въ Тройческое Единство, Которому научаетъ вѣровать Амвросій!

Всѣ присутствовавшіе при этомъ пришли въ ужасъ, но, вмѣсто того, чтобы раскаяться и увѣровать, схватили мучимаго человѣка и утопили, бросивъ его въ озеро. Другой разъ случилось, что нѣкто, принадлежавшій къ числу сихъ нечестивыхъ аріанъ, вошелъ въ храмъ, когда святый епископъ Амвросій поучалъ въ немъ народъ. И увидѣлъ сей аріанинъ, что Ангелъ Божій шепчетъ что-то на ухо Амвросію. Этимъ видѣніемъ обнаруживалось, что святый епископъ возвѣщаетъ народу рѣчи, внушенныя ему Ангеломъ. Увидѣвъ сіе, аріанинъ немедленно присоединился къ Православію и, по благодати всемогущаго Бога, сдѣлался защитникомъ той вѣры, которую раньше преслѣдовалъ.

Между тѣмъ царица Юстина не переставала враждовать противъ святителя и, въ стараніи своемъ погубить его, нашла себѣ помощника въ лицѣ одного вельможи, по имени Евѳимія. Она уговорила его, подкупивъ подарками, чтобы онъ тайнымъ образомъ захватилъ Амвросія и отвезъ въ какую-нибудь далекую страну въ заточеніе. Стараясь осуществить желаніе царицы, Евѳимій построилъ себѣ домъ вблизи отъ храма, чтобы удобнѣе ему было выбрать подходящее къ тому время и схватить святителя Божія. Онъ приготовилъ особую колесницу, на которой хотѣлъ везти святаго Амвросія въ изгнаніе, но, судомъ Божіимъ, «ѡ҆брати́тсѧ болѣ́знь є҆гѡ̀ на главꙋ̀ є҆гѡ̀, и҆ на вѣ́рхъ є҆гѡ̀ непра́вда є҆гѡ̀ сни́де»[1]).

[1]) Псаломъ 7, ст. 17.

А именно въ тотъ самый день, въ который Евѳимій намѣревался схватить святаго Амвросія, неожиданно получено было повелѣніе императора, чтобы Евѳимій немедленно былъ отправленъ въ изгнаніе. И повезли его въ изгнаніе на той самой колесницѣ, которую онъ, нечестивый, приготовилъ для изгнанія святителя Амвросія.

Когда мятежникъ Максимъ вновь началъ свои военныя дѣйствія противъ Италіи, Юстина поспѣшила примириться съ Амвросіемъ и стала, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, умолять его, чтобы онъ снова отправился умолять мятежника. Не помня зла, святый Амвросій поѣхалъ къ Максиму, но на этотъ разъ не имѣлъ никакого успѣха въ своемъ ходатайствѣ предъ этимъ безчувственнымъ и гордымъ бунтовщикомъ. Видя его непреклонность, святый Амвросій обнаружилъ такую смѣлость, что предъ всѣми предалъ его проклятію—какъ убійцу, коварствомъ погубившаго невиннаго своего государя, и отлучилъ его отъ Святой Церкви. Максимъ вторгся въ Италію и бралъ городъ за городомъ. Юный императоръ не могъ воспротивиться ему и бѣжалъ вмѣстѣ со своею матерью въ Ѳессалонику[1]), въ Грецію къ восточному императору—Ѳеодосію Великому[2]), чтобы просить у него помощи. Ѳеодосій собралъ войско, двинулся противъ Максима и побѣдилъ его. Максимъ былъ убитъ[3]); его смерть была возмездіемъ за неповинную кровь императора Граціана. Однако императрицѣ Юстинѣ не суждено было дождаться этой счастливой побѣды, такъ какъ она, вскорѣ по прибытіи своемъ въ Грецію, умерла. Сынъ же ея Валентиніанъ послушался увѣщаній императора Ѳеодосія и присоединился къ Православію.

Послѣ смерти Юстины случилось однажды, что одинъ волхвъ былъ преданъ суду и пыткамъ. Во время истязаній онъ кричалъ, что его больше мучаетъ Ангелъ хранитель святаго Амвросія, чѣмъ сами палачи. Когда его спросили, за какое же преступленіе наказываетъ его Ангелъ, кудесникъ сознался въ слѣдующемъ:

— Когда была жива императрица Юстина, то я намѣревался своимъ волхвованіемъ возбудить въ населеніи Медіолана вражду

---

[1]) *Ѳессалоника*, или *Солунь*,—значительный древній городъ Македоніи у Солунскаго, или большого Ѳермейскаго, залива. Ѳессалоника была средоточіемъ христіанской общины, основанной святымъ Апостоломъ Павломъ. Нынѣ Салоники послѣ Константинополя первый торговый городъ въ Европейской Турціи, съ весьма многочисленнымъ населеніемъ.

[2]) *Ѳеодосій Великій*—императоръ Восточной Римской имперіи, впослѣдствіи присоединившій подъ свою власть и Западную; царствовалъ съ 379 по 395 годъ.

[3]) Въ 388 году.

противъ епископа этого города—Амвросія. Съ сею цѣлью въ полночь я взобрался на крышу церкви и тамъ приносилъ жертвы бѣсамъ; но, чѣмъ болѣе я старался о томъ, чтобы посредствомъ злыхъ козней сдѣлать Амвросія ненавистнымъ народу, тѣмъ болѣе на моихъ глазахъ росли любовь и привязанность этого народа къ своему пастырю и тѣмъ болѣе преуспѣвала эта паства въ православной каѳолической вѣрѣ. Видя безъуспѣшность своихъ усилій, я сталъ посылать бѣсовъ въ домъ къ Амвросію, чтобы они умертвили его, но злые духи возвѣстили мнѣ, что не только къ епископу, но даже къ дверямъ дома его они не могутъ приблизиться, такъ какъ изъ дверей его выходитъ огонь и опаляетъ ихъ.

Вотъ что объявилъ волхвъ во время пытокъ, ибо воистину страшенъ былъ бѣсамъ Амвросій. Такъ, однажды нѣкіе люди повели одержимаго нечистымъ духомъ отрока къ святому Амвросію; не успѣли они дойти съ нимъ до Медіолана, какъ злой духъ вышелъ изъ бѣсноватаго и пришелъ онъ къ архіерею Божію исцѣленнымъ. Отрокъ сей довольно долго оставался при святомъ Амвросіи. Затѣмъ онъ удалился изъ Медіолана, направляясь къ себѣ на родину, и вотъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде оставилъ его демонъ, лукавый врагъ опять напалъ на отрока и сталъ его мучить. Когда заклинатели[1]) спросили злаго духа, почему не мучилъ онъ отрока въ Медіоланѣ, то демонъ отвѣтилъ:

— Я боялся Амвросія и потому, не доходя до Медіолана, бѣжалъ прочь отъ отрока и поджидалъ его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оставилъ его; увидавъ его возвращающимся назадъ, я снова вошелъ въ него.

По смерти мятежника Максима прибылъ въ Медіоланъ императоръ Ѳеодосій; святитель же Амвросій находился въ то время въ Аквилеѣ[2]). И произошло тогда слѣдующее событіе. Въ одномъ изъ городовъ Востока христіанами была предана огню еврейская

---

[1]) Въ древнѣйшей христіанской Церкви существовала особая низшая церковная должность заклинателей. Эта обязанность изгонять злыхъ духовъ изъ одержимыхъ ими возлагалась на низшихъ церковнослужителей съ тою цѣлью, чтобы показать презрѣніе Церкви Христовой къ суетной силѣ діавола. Заклинатели должны были произносить запретительныя или заклинательныя молитвы также и надъ оглашенными, т. е. приготовлявшимися къ принятію Таинства Св. Крещенія. Нынѣ эти заклинательныя молитвы, предшествующія Таинству Святаго Крещенія, читаются самимъ священникомъ, совершающимъ Крещеніе. Въ требникѣ Петра Могилы имѣется особое послѣдованіе объ изгнаніи нечистыхъ духовъ изъ одержимыхъ ими.

[2]) *Аквилея*—значительный торговый городъ на рѣкѣ Натисонѣ, недалеко отъ берега Адріатическаго моря.

синагога за то, что евреи нанесли оскорбленіе инокамъ. Когда правитель Востока довелъ объ этомъ до свѣдѣнія императора, тотъ немедленно повелѣлъ, чтобы епископъ того города построилъ для евреевъ новую синагогу. Святый Амвросій, узнавъ объ этомъ повелѣніи, послалъ императору письмо (такъ какъ лично не могъ немедленно къ нему ѣхать); въ этомъ письмѣ онъ доказывалъ императору несправедливость его постановленія и просилъ его отмѣнить свой указъ и не отдавать христіанъ на поруганіе евреямъ. Но Ѳеодосій оставилъ письмо Амвросія безъ вниманія. Тогда архіерей Божій, вернувшись въ Медіоланъ, всенародно обличилъ императора въ церкви во время проповѣди. Обратившись къ нему, Амвросій сказалъ ему отъ лица Божія слѣдующее:

— Я вывелъ тебя изъ ничтожества и сдѣлалъ царемъ. Я предалъ въ твои руки врага твоего и покорилъ тебѣ всѣ его полчища. Я даровалъ царскій престолъ твоему потомству. Я сдѣлалъ то, что ты безъ труда одержалъ побѣду, а ты даешь поводъ къ торжеству надо Мною моимъ врагамъ.

Императоръ Ѳеодосій, тронутый сими словами, перемѣнилъ свое рѣшеніе и отмѣнилъ повелѣніе о возстановленіи христіанами еврейской синагоги.

Въ то же время случилось другое происшествіе: народъ въ Ѳессалоникѣ возмутился противъ правителя своего Ботериха[1]) и умертвилъ его. Императоръ въ сильномъ гнѣвѣ послалъ войско въ тотъ городъ, и умерщвлено было тогда до семи тысячъ его жителей; при этомъ многіе безвинно погибли отъ острія меча, такъ какъ воины, при нападеніи своемъ на городъ, вовсе не искали виноватыхъ въ убійствѣ правителя, а убивали на улицахъ всѣхъ — и старыхъ, и юношей, и даже младенцевъ.

Когда Амвросій услыхалъ объ этомъ, то чрезвычайно опечалился и вознегодовалъ на царя праведнымъ гнѣвомъ за такое безразсудное кровопролитіе. И вотъ однажды въ праздничный день, когда императоръ торжественно шествовалъ въ церковь, архіерей Божій безбоязненно вышелъ къ нему, загородилъ ему входъ во храмъ и сталъ обличать его въ несправедливомъ убійствѣ слѣдующими словами:

— Не надлежитъ тебѣ, царь, приступать къ Святому Причащенію вмѣстѣ съ вѣрными христіанами послѣ того, какъ ты

---

[1]) *Ботерихъ* — правитель Ѳессалоники, другъ императора Ѳеодосія Великаго.

сдѣлался виновникомъ такихъ убійствъ и не принесъ въ томъ покаянія. Какъ же ты примешь Тѣло Христово руками[1]), обагренными неповинною кровію, или какъ станешь пить Кровь Господню тѣми устами, которыми отдалъ повелѣніе о жестокомъ избіеніи людей?

— Вѣдь и Давидъ согрѣшилъ,—возразилъ ему императоръ,— онъ совершилъ убійство и прелюбодѣяніе, однако не былъ лишенъ милосердія Божія.

Но святитель отвѣчалъ Ѳеодосію:

— Если ты подражалъ Давиду въ его грѣхахъ, то подражай ему и въ покаяніи.

Императоръ возвратился въ свой дворецъ смущеннымъ, скорбя о грѣхѣ своемъ. И вскорѣ онъ принесъ то покаяніе, которое наложилъ на него святитель Амвросій: онъ каялся открыто, какъ простолюдинъ, повергался ницъ передъ церковію и стоялъ вмѣстѣ съ прочими кающимися, проливая обильныя слезы. Между тѣмъ наступилъ праздникъ Рождества Христова, и Ѳеодосій въ слезахъ сидѣлъ во дворцѣ, размышляя, что слугамъ и нищимъ открытъ храмъ Божій, а ему и въ такое время онъ недоступенъ: нѣкто Руфинъ, министръ, пользовавшійся особеннымъ благоволеніемъ царя, узнавъ о причинѣ слезъ его, побѣжалъ къ святому Амвросію, чтобы склонить его къ снятію съ царя епитиміи. За нимъ пошелъ въ храмъ и самъ Ѳеодосій. Святитель Божій сначала принялъ его сурово и, зная раздражительный характеръ его, потребовалъ, чтобы онъ издалъ законъ, по которому бы приговоры суда о лишеніи жизни или имуществъ утверждались спустя 30 дней. Царь изъявилъ согласіе, и былъ принятъ въ храмъ. Онъ показалъ здѣсь знаки глубокаго раскаянія: терзалъ руками свои волосы, ударяясь челомъ и обливая помостъ потоками слезъ. Послѣ того Амвросій допустилъ, наконецъ, императора до Святаго Причащенія. Императоръ вошелъ, было, въ алтарь, такъ какъ думалъ причащаться вмѣстѣ съ священнослужителями; но святый Амвросій выслалъ къ нему архидіакона съ приказаніемъ ожидать причащенія предъ алтаремъ, вмѣстѣ съ прочими мірянами, «ибо,—сказалъ святитель,— порфира сообщаетъ лишь царское, а не священническое достоинство». Императоръ со смиреніемъ выслушалъ повелѣніе епископа и вышелъ изъ алтаря. «Въ Царьградѣ существуетъ такой обычай,—

[1]) Въ то время и міряне, когда пріобщались Св. Христовыхъ Таинъ, получали Тѣло Христово въ руки. См. Житіе преп. Ѳеоктисты Лезвійской подъ 9 ноября.

замѣтилъ онъ,—чтобы цари причащались вмѣстѣ съ священниками въ алтарѣ». Но послѣ этого Ѳеодосій ждалъ времени Причащенія вмѣстѣ съ остальнымъ народомъ въ церкви. Впослѣдствіи, когда императоръ Ѳеодосій находился уже въ Царьградѣ, то онъ не вошелъ причащаться въ алтарь и на вопросъ Патріарха Нектарія[1]), почему онъ не по царскому обычаю, а внѣ алтаря, съ простымъ народомъ ожидалъ Причащенія, со вздохомъ отвѣтилъ:

— Не зналъ я различія между царемъ и епископомъ, а теперь знаю, научившись отъ учителя правды—Амвросія, который одинъ заслуживаетъ того, чтобы называться епископомъ.

Слава объ епископѣ Амвросіи распространялась повсемѣстно. Такъ, въ Медіоланъ пришли изъ Персіи два весьма ученыхъ мудреца. Много наслышавшись о премудрости святаго Амвросія, они захотѣли убѣдиться въ ней и подготовили, поэтому, много вопросовъ, которые предложили ему на разрѣшеніе. Долго бесѣдовали они съ нимъ и дивились глубинѣ его богословствованія и высотѣ ума. Они засвидѣтельствовали предъ царемъ, что изъ-за одного Амвросія предприняли столь далекій путь отъ востока къ западу, такъ какъ желали видѣть его и насладиться его премудростью.

Послѣ того, какъ императоръ Ѳеодосій вернулся изъ Италіи въ Константинополь, а Валентиніанъ Младшій внезапно, по наущенію начальника своихъ тѣлохранителей — Арбогаста, былъ умерщвленъ въ городѣ Віеннѣ[2]), на императорскій престолъ былъ возведенъ Евгеній[3]), который только по имени былъ христіаниномъ, по внутреннимъ же своимъ наклонностямъ являлся идолослужителемъ и любителемъ языческихъ суевѣрій и волхвованій. Онъ, желая понравиться Римскимъ властямъ (а въ Римѣ еще много было идолопоклонниковъ и служителей бѣсовъ), приказалъ открыть идольскіе храмы и совершать бѣсовскія жертвоприношенія. Когда онъ приближался къ Медіолану, то святый Амвросій, не желая видѣть такого императора, который лицемѣрно выдавалъ себя за христіанина, а въ сущности былъ безнравственнымъ не-

---

[1]) *Св. Нектарій* патріаршествовалъ въ Констаитинополѣ съ 381 по 397 г.

[2]) *Віенна* —нынѣ *Віеннь* —древняя римская колонія и потомъ столица различныхъ государствъ, основанныхъ германскими племенами; расположена на лѣвомъ берегу Роны. Въ настоящее время городъ богатъ остатками римскихъ древностей.

[3]) *Евгеній* —незнатнаго происхожденія—былъ секретаремъ императора Валентиніана II, по умерщвленіи котораго былъ возведенъ Арбогастомъ на престолъ. Но Ѳеодосій Великій выступилъ съ своимъ войскомъ противъ Арбогаста, побѣдилъ его и велѣлъ казнить Евгенія.

честивцемъ, удалился изъ Медіолана въ Бононію[1]), а затѣмъ во Флоренцію, лежащую въ Тускіи[2]); не злобы неправеднаго властелина боялся онъ, а гнушался свиданіемъ съ нимъ. Онъ безбоязненно писалъ къ нему, увѣщавалъ и угрожалъ ему Судомъ Божіимъ, однако не успѣлъ усовѣстить безчувственнаго сердцемъ Евгенія. Во Флоренціи угодникъ Божій пробылъ нѣкоторое время и жилъ въ домѣ одного благочестиваго и правовѣрнаго мужа, по имени Децента, у котораго сынъ, малолѣтній отрокъ Пансофій, былъ мучимъ нечистымъ духомъ. Святый Амвросій исцѣлилъ отрока молитвою и возложеніемъ рукъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней неожиданно отрокъ этотъ занемогъ и умеръ; мать его, женщина благочестивая, полная вѣры и страха Божія, отнесла сына въ комнату Амвросія и, такъ какъ святителя не было тамъ, то положила свое дѣтище къ нему на постель и ушла. Святый Амвросій, возвратившись въ комнату, которую занималъ, увидѣлъ, что отрокъ умершій лежитъ у него на постели. Тогда онъ затворилъ за собою двери и сталъ на молитву, а затѣмъ, подобно пророку Елисею[3]), подошелъ къ постели, наклонился надъ отрокомъ и дунулъ на него. Отрокъ воскресъ, и Амвросій отдалъ его матери живымъ.

Между тѣмъ Евгеній выступилъ изъ Медіолана въ походъ противъ императора Ѳеодосія. Выходя изъ города, нечестивый Евгеній похвалился, что, когда вернется съ побѣдою, то обратитъ храмъ Медіоланскій въ конюшню, а священнослужителей опояшетъ мечами. Однако той чрезвычайной злобѣ, которою дышали эти угрозы, суждено было остаться безсильною: Евгеній безславно погибъ въ сраженіи, побѣжденный императоромъ Ѳеодосіемъ. Святитель Божій торжественно встрѣтилъ благочестиваго императора Ѳеодосія какъ побѣдителя, но Ѳеодосій, припавъ къ ногамъ святаго Амвросія, приписывалъ свою побѣду его молитвамъ.

---

[1]) *Бононія*—весьма извѣстный городъ въ верхней Италіи, въ Цизальпинской Галліи, на т. н. Эмиліевой дорогѣ; нынѣ—*Болонья,* главный городъ Итальянской провинціи того же имени, извѣстный своею образованностью и обширною торговлею, съ весьма многочисленнымъ населеніемъ.

[2]) *Тускія*—иначе *Этрурія*—древняя область средней Италіи, на западѣ, граничившая между Тирренскимъ моремъ и Аппенинскими горами, на сѣверъ отъ Рима.—*Флоренція,* на р. Арнѣ, населенный городъ Италіи, славящійся развитіемъ наукъ и искусствъ.

[3]) 4 Кн. Царствъ, гл. 4, ст. 32—35.

Немного времени спустя императоръ Ѳеодосій мирно скончался[1]); царствовалъ онъ богоугодно и перешелъ въ нескончаемое Царство Христово, а земное царство получили послѣ него сыновья его: Аркадій[2])—на Востокѣ, Гонорій[3])—на Западѣ. Во время царствованія Гонорія были обрѣтены святымъ Амвросіемъ мощи мучениковъ Назарія и Келсія[4]), о чемъ пресвитеръ Павлинъ[5]) передаетъ слѣдующее.

Въ то время Амвросій перенесъ въ церковь святыхъ Апостоловъ мощи святаго мученика Назарія, которыя найдены были въ загородномъ саду. Мы увидѣли во гробѣ, гдѣ лежали мощи мученика, кровь, какъ будто бы она только что вытекла; голова съ волосами и бородою сохранилась въ такомъ нетлѣніи, какъ будто она только что положена была во гробъ, а лицо мученика было такое свѣтлое, какъ бы сейчасъ только омытое. И что же въ семъ удивительнаго, когда Самъ Господь въ Своемъ Евангеліи далъ такое обѣтованіе: «и̑ власъ главы̀ ва́шеѧ не поги́бнетъ»[6])? Ощутили же мы такое благоуханіе, которое превосходило всякіе ароматы. Послѣ перенесенія мощей святаго мученика Назарія на колесницу мы тотчасъ перешли со святымъ Амвросіемъ къ мощамъ святаго мученика Келсія, которыя лежали въ той же мѣстности. Отъ владѣльцевъ этого сада мы узнали, что имъ было отъ предковъ заповѣдано, чтобы они не покидали этого мѣста, а сохраняли бы у себя изъ рода въ родъ, такъ какъ великія сокровища положены здѣсь. И поистинѣ велики эти сокровища, которыхъ ни моль, ни ржавчина не истребляетъ, и воры не подкапываютъ и не крадутъ[7]). Хранитель ихъ—Господь, а мѣсто для тѣхъ, для которыхъ жизнь—Христосъ, и смерть—пріобрѣтеніе[8]), есть водвореніе на Небесахъ. Когда же внесены были мощи святыхъ мучениковъ въ церковь Апостоловъ, то святитель Амвросій сказалъ народу поученіе. Въ это время кто-то изъ народа, имѣвшій въ себѣ нечистаго духа, громко закричалъ:

— Меня мучаетъ Амвросій!

---

[1]) Въ 395 году. Св. Амвросій почтилъ память Ѳеодосія Великаго словомъ.

[2]) *Аркадій* — императоръ Восточной Римской имперіи, царствовалъ съ 390 по 408 годъ.

[3]) *Гонорій* — императоръ Западной Римской имперіи, царствовалъ съ 390 по 423 годъ.

[4]) Память ихъ празднуется 14-го октября.

[5]) *Пресвитеръ Павлинъ* —ученикъ и секретарь св. Амвросія Медіоланскаго, впослѣдствіи написавшій его житіе по просьбѣ ученика его, блаж. Августина, епископа Иппонійскаго.

[6]) Еванг. отъ Лукн, гл. 21, ст. 18.

[7]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 20.

[8]) Посл. къ Филип., гл. 1, ст. 21.

Но святый, обратившись въ его сторону, сказалъ:

— Онѣмѣй, діаволъ! Не Амвросій, а вѣра мучениковъ тебя мучаетъ, а также твоя зависть, такъ какъ ты видишь, что люди восходятъ туда, откуда ты низверженъ. Амвросій же не умѣетъ надмеваться гордостью.

Послѣ этихъ словъ святаго Амвросія бѣсъ замолкъ, повергнувъ одержимаго имъ человѣка ницъ на землю.

Слухъ о святомъ Амвросіи дошелъ до царицы Маркомановъ[1]— Фритигильды, и она послала просить святаго, чтобы Амвросій научилъ ее вѣрѣ во Христа. Амвросій написалъ ей подробное наставленіе въ вѣрѣ христіанской и убѣдилъ ее въ истинѣ христіанства. Фритигильда обратила къ вѣрѣ во Христа и своего супруга, а также уговорила его заключить мирный договоръ съ Римской имперіей. Сильно желала Фритигильда увидать своего наставника— святаго Амвросія и съ этимъ намѣреніемъ отправилась послѣ того въ Медіоланъ, но уже не застала въ живыхъ святителя, отшедшаго незадолго предъ тѣмъ ко Господу.

Святый Амвросій былъ мужемъ великаго воздержанія и трудолюбія, полнымъ духовной бодрости; постился онъ постоянно, кромѣ субботъ, воскресныхъ и праздничныхъ дней и дней памяти мучениковъ. Онъ пребывалъ въ непрестанной молитвѣ и днемъ, и ночью; дѣлами занимался онъ съ прилежаніемъ и даже собственноручно писалъ книги, если не былъ удерживаемъ отъ сего болѣзнію тѣлесною. Онъ былъ преисполненъ попечительной заботливости о всѣхъ церквахъ епархіи и столь много трудился для выполненія возложенныхъ на него Богомъ обязанностей, что послѣ его смерти пять епископовъ едва могли совладать съ этой работой. Не поддается также никакому описанію попечительность его о нищихъ, убогихъ и находившихся въ плѣну: онъ тратилъ на нихъ всѣ свои послѣднія средства. Тотчасъ послѣ принятія епископскаго сана Амвросій роздалъ все принадлежавшее ему золото, серебро и остальное имущество на украшеніе храмовъ Божіихъ, на прокормленіе нищихъ и сиротъ и на выкупъ плѣнныхъ; только незначительную часть своего состоянія онъ отдѣлилъ на содержаніе своей сестрѣ, себѣ же не оставилъ ничего, чтобы, освободившись отъ всякаго имущества, удобнѣе слѣдовать за Христомъ Господомъ своимъ, Который обнищалъ насъ ради, дабы мы обогатились

[1]) *Маркоманы*—германское племя, обитавшее въ Богеміи и нерѣдко производившее опустошительные набѣги на пограничныя провинціи Римской имперіи.

Его нищетою[1]). Угодникъ Божій Амвросій всѣмъ былъ всѣ[2]): онъ радовался съ радующимися, плакалъ съ плачущими. Если кто приходилъ къ нему, чтобы исповѣдать грѣхи свои, то Амвросій самъ такъ плакалъ надъ нимъ, что даже окаменѣвшаго сердцемъ грѣшника приводилъ въ сокрушеніе и возбуждалъ къ умиленію и слезамъ.

Когда святый Амвросій достигъ престарѣлаго возраста, то предъузналъ отшествіе свое къ Богу и сказалъ своему клиру:

— Я только до Пасхи останусь съ вами.

Вышеупомянутый пресвитеръ Павлинъ, описавшій житіе святаго Амвросія, разсказываетъ еще о слѣдующемъ событіи, которому самъ былъ очевидцемъ. «Незадолго до своей болѣзни святый Амвросій былъ занятъ толкованіемъ на Псаломъ 43-й, а я,—говоритъ Павлинъ,—записывалъ со словъ его то, что онъ объяснялъ, такъ какъ самъ Амвросій по старости и слабости не могъ уже писать много. Какъ вдругъ, взглянувъ на него, увидѣлъ я огонь на подобіе щита вокругъ его головы; этотъ огонь, постепенно свиваясь, вошелъ въ уста его; тогда лицо Амвросія сдѣлалось бѣлымъ, точно снѣгъ. Это видѣніе привело меня въ такой ужасъ, что я отъ страха не могъ писать, но затѣмъ лицо Амвросія приняло опять обычный свой видъ. Я сообщилъ объ этомъ достоуважаемому діакону Кастулу, а послѣдній, самъ исполненный благодати Божіей, объяснилъ мнѣ, что это я видѣлъ Духа Святаго, сошедшаго, въ видѣ огня, на нашего епископа, какъ нѣкогда сошелъ Онъ на святыхъ Апостоловъ.»

Полководецъ Стилихонъ[3]), услыхавъ о томъ, что Амвросій смертельно боленъ, воскликнулъ:

— Италія погибнетъ, если умретъ этотъ святитель!

И послалъ къ больному святителю уважаемыхъ гражданъ медіоланскихъ—такихъ, о которыхъ зналъ, что святый Амвросій ихъ любитъ,—чтобы они умоляли святаго выпросить себѣ у Господа продленіе земной жизни на пользу другихъ. Амвросій отвѣчалъ на это:

---

[1]) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 8, ст. 9.

[2]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 9, ст. 22.

[3]) *Стилихонъ*—знаменитый полководецъ Западной Римской имперіи при дворѣ Гонорія, нѣсколько разъ спасавшій ее отъ паденія,—родомъ вандалъ, но впослѣдствіи, несмотря на свои услуги государству, вслѣдствіе придворныхъ интригъ убитый по приказанію Гонорія за мнимую измѣну.

— Не такъ я жилъ среди васъ, чтобы мнѣ стыдиться жить далѣе; но не боюсь я и смерти, ибо мы имѣемъ Всеблагаго Господа.

Въ то время, какъ Амвросій лежалъ на одрѣ болѣзни, въ значительномъ разстояніи отъ его постели у дверей комнаты сидѣли діаконы Кастулъ, Полемій, Венерій и Феликсъ. Они бесѣдовали между собою, но говорили шепотомъ и такъ тихо, что разговоръ ихъ слышенъ былъ только для нихъ самихъ. Разсуждали они о томъ, кому быть епископомъ послѣ Амвросія; при этомъ упомянули пресвитера Симплиціана. Вдругъ святый Амвросій, лежавшій далеко отъ нихъ, поднялъ голосъ и три раза, какъ будто велъ съ ними бесѣду, повторилъ: «онъ старъ, но бодръ»; этими словами онъ назначилъ, чтобы пресвитеръ Симплиціанъ послѣ его смерти принялъ на себя епископство.

Во время болѣзни своей святый Амвросій, находясь въ молитвѣ, увидѣлъ Господа нашего Іисуса Христа, Который шелъ къ нему съ любвеобильною улыбкою, являя ему Свой божественный ликъ; Амвросій повѣдалъ объ этомъ сидѣвшему тогда подлѣ него епископу Лавдійскому[1]) Вассіану. Когда приблизилось время разлученія души святаго Амвросія отъ тѣла, то епископъ церкви Верцелльской[2]) Гонораторъ, отдыхавшій въ верхней части дома, услыхалъ три раза голосъ свыше, который говорилъ ему:

— Вставай скорѣе и поспѣши къ Амвросію, онъ сейчасъ отойдетъ.

Тогда пресвитеръ всталъ, взялъ съ собою Пречистыя Тайны и спустился внизъ къ больному. Святый Амвросій помолился, причастился Божественныхъ Даровъ и предалъ святую свою душу въ руцѣ Господа своего на разсвѣтѣ дня святой Пасхи[3]). Святое тѣло

---

[1]) *Лавдъ* — городъ въ Сѣверной Италіи, между Медіоланомъ и Кремономъ. Нынѣ — *Лоди Веккіо.*

[2]) *Верцеллы* — городъ недалеко на западъ отъ Медіолана.

[3]) Это было 4-го апрѣля 397 года. Св. Амвросій скончался 57 лѣтъ. Жизнеописатель его, пресвитеръ Павлинъ, присоединяетъ къ этому, что многія крещенныя тогда (въ пасхальную ночь) дѣти, послѣ того какъ вышли изъ воды, видѣли Амвросія — одни сидящимъ на каѳедрѣ, другія показывали пальцемъ своимъ родителямъ на него какъ на ходящаго, но тѣ, видя, не видали его, не имѣя очищенныхъ очей; многіе говорили, что они видѣли звѣзду надъ тѣломъ его. Церковь совершаетъ память его 7-го декабря, въ день постановленія его въ епископа, потому, вѣроятно, что день кончины его совпадаетъ съ днями поста или пасхальными. — Св. Амвросій Медіоланскій оставилъ послѣ себя множество сочиненій; одни изъ нихъ относятся къ изъясненію Св. Писанія, въ другихъ раскрываются догматы св. вѣры, въ нѣкоторыхъ преподаются высокія нравственныя наставленія и т. д. Таковы его толкованія на Евангеліе Луки, шесть книгъ на Шестодневъ, пять книгъ о вѣрѣ, изъясненіе Символа вѣры, книга о воплощеніи, 3 книги о Св. Духѣ, книга о Таинствахъ, 2 книги о покаяніи, ученіе о воскресеніи, изложенное въ 2 книгахъ

его было положено въ большой Медіоланской церкви, а душа его предстала съ Ангелами Престолу Святой Троицы — Отца, и Сына, и Святаго Духа, Единаго Бога, Емуже слава во вѣки, аминь.

Конда́къ ст҃и́телѧ, гла́съ г҃:

Бж҃е́ственными догма́ты ѡ҆блиста́ѧ, помрачи́лъ є҆сѝ а҆́рїевꙋ пре́лесть, сщ҃еннотаи́нниче и҆ па́стырю а҆мвро́сїе: чꙋдодѣ́йствꙋѧ же си́лою дх҃а, стра́сти разли́чныѧ ꙗ҆́вѣ и҆сцѣли́лъ є҆сѝ. О҆́тче прп҃бне, хр҃та̀ бг҃а молѝ, сп҃сти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО

НИЛА СТОЛОБЕНСКАГО,

Новгородскаго чудотворца

Преподобный Нилъ родился въ одномъ селеніи Новгородской области, Деревской Пятины[1]), Жабенскаго погоста[2]). Кто были родители его—неизвѣстно; извѣстно только, что онъ былъ

о смерти своего брата и въ двухъ словахъ на смерть императоровъ Валентиніана и Ѳеодосія Великаго, объ удаленіи отъ міра, о дѣвствѣ, о вдовицахъ, о патріархѣ Іаковѣ и о блаженной жизни, объ Иліѣ и постѣ съ похвалами воздержанію, о патріархѣ Іосифѣ какъ образцѣ цѣломудрія и др. добродѣтелей и т. д. Между всѣми сочиненіями Амвросія 3 книги его «о должностяхъ» (пресвитеровъ церковныхъ) занимаютъ первое мѣсто. Весьма важны также труды св. Амвросія для устройства Богослуженія; онъ устроилъ чинъ какъ Литургіи, такъ и другихъ службъ для своей церкви, распространившійся по всей Сѣверной Италіи. Чинъ этотъ соблюдается въ Миланѣ и доселѣ, и Миланская Литургія и понынѣ отличается отъ Римской многими особенностями, кои обнаруживаютъ въ Амвросіи явное желаніе сближенія съ обрядами Церкви Восточной. Въ чинѣ службы св. Амвросій ввелъ слѣдующее: 1) лекціонарій, гдѣ означилъ начала и окончанія чтеніямъ изъ Евангелія, Апостола и Пророковъ; 2) чинъ совершенія Евхаристіи съ молитвами и предисловіями; 3) антифонарій, бывшій вполнѣ нововведеніемъ, принятымъ съ Востока. Св. Амвросій написалъ какъ ноты, такъ и гимны для антифонарія. Между подлинными гимнами св. Амвросія слѣдуетъ отмѣтить особенно гимнъ: *Тебе, Бога, хвалимъ*. Эта благодарственная, торжественная пѣснь, доселѣ повторяющаяся при каждомъ торжественномъ благодареніи Господу, была составлена св. Амвросіемъ по одержаніи совершенной побѣды надъ аріанами.

[1]) *Пятины*—такъ назывались пять частей, на которыя дѣлилась Новгородская область. Онѣ носили названія: Вотская, Шелонская, Обонежская, Деревская и Бѣжецкая.

[2]) Что нынѣ въ Валдайскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи. Погостъ сей и нынѣ находится въ Новгородскомъ округѣ; въ память же того, что преподобный Нилъ былъ родомъ изъ сего погоста, въ немъ и теперь есть придѣльный храмъ во имя преподобнаго Нила.

постриженъ въ одномъ изъ монастырей Псковской области, называемомъ «Крыпецъ»[1]). Изъ этого монастыря онъ ушелъ въ пустыню въ Ржевскій уѣздъ и тамъ поселился близъ рѣки Черемхи[2]). Питался онъ здѣсь травами и желудями съ дуба, проводя время въ постѣ и молитвѣ. Сего не могъ выносить діаволъ, и потому вооружился на святаго съ великою злобою, дабы отгнать его отъ того мѣста. Діаволъ устрашалъ Нила различными привидѣніями, являясь передъ нимъ въ видѣ звѣрей и всякихъ гадовъ, которые устремлялись на преподобнаго съ дикимъ свистомъ и воплемъ. Но святый молитвами, какъ мечомъ, отгонялъ всѣ эти искушенія и злыя козни врага, ограждая тѣло свое знаменіемъ крестнымъ и молясь непрестанно Богу. Такое житіе Нилъ проводилъ тринадцать лѣтъ, проводя время во многихъ подвигахъ и трудахъ пустынныхъ.

Прп҃бный Ні́лъ

Однажды послѣ долговременной молитвы Нилъ уснулъ и услыхалъ голосъ, повелѣвавшій ему:

— Нилъ! Выйди отсюда и иди на островъ Столобенскій; тамъ ты можешь спастись.

Получивъ сіе повелѣніе, преподобный исполнился великой радости, потому что видѣлъ, что Господь не презрѣлъ его моленій. Нилъ началъ разспрашивать объ островѣ христолюбивыхъ людей, приходившихъ къ нему. Тѣ повѣдали ему, что островъ тотъ находится на озерѣ Селигерѣ, въ семи верстахъ отъ города Осташкова, Тверской губерніи. Преподобный отправился туда, достигъ острова и былъ радостно пораженъ его красотой. Обошедъ весь тотъ островъ, Нилъ увидѣлъ, что онъ очень удо-

[1]) Монастырь этотъ упраздненъ; на его мѣстѣ находится нынѣ погостъ, называемый «Рожекъ».

[2]) Рѣка *Черемха,* или *Серемха,* находится въ Валдайскомъ уѣздѣ и принадлежитъ Ниловой пустыни. Донынѣ часовня и келлія его, окруженныя группою вѣковыхъ деревьевъ, остаются памятникомъ пребыванія преподобнаго Нила на р. Черемхѣ, составляя предметъ благоговѣйнаго уваженія для окрестныхъ жителей.

бенъ для уединенія, и посему возрадовался духомъ и возвеселился. На островѣ томъ была гора и большой лѣсъ. Взойдя на гору, Нилъ сотворилъ молитву и сказалъ:

— Здѣсь покой мой, здѣсь вселюсь во вѣкъ вѣка.

И возблагодарилъ Бога за указаніе ему сего мѣста. Здѣсь въ горѣ онъ выкопалъ себѣ пещеру, въ которой прожилъ первую зиму; послѣ же устроилъ тамъ келлію и часовню. Нилъ проводилъ на островѣ жизнь въ великихъ подвигахъ и молитвахъ, въ постѣ и трудахъ; пищею ему служили злаки и ягоды, росшіе на островѣ, а также овощи и плоды отъ земли, которую онъ воздѣлывалъ своими руками. Но діаволъ и здѣсь не переставалъ вооружаться на святаго и устрашалъ его всевозможными видѣніями. Такъ, однажды діаволъ явился съ цѣлымъ полчищемъ бѣсовъ и окружилъ келлію преподобнаго, когда тотъ совершалъ въ ней молитву свою; оцѣпивъ келлію веревками, діаволъ съ неистовымъ крикомъ грозилъ стащить ее въ озеро, но святый молитвою своею отогналъ бѣсовское полчище.

Безсильною же осталась и ненависть противъ святаго Нила людей, а только послужила къ большему его прославленію. Однажды нечестивые жители, обитавшіе близъ Столобнаго острова, вознамѣрились согнать святаго съ острова и для сего нарубили дровъ и зажгли лѣсъ, думая, что огонь дойдетъ до его келліи и сожжетъ ее. Видя сіе, святый сталъ на молитву и со многими слезами молился объ избавленіи отъ напасти. Милосердый Господь не оставилъ моленія раба Своего, уповающаго на Него, и сохранилъ его по благодати Своей: пламень внезапно погасъ, какъ только дошелъ до горы. Преподобный же, увидѣвъ скорую милость Божію, возрадовался духомъ, а враги его со стыдомъ возвратились домой.

Однажды, когда преподобный находился на работѣ внѣ келліи, разбойники напали на святаго и съ угрозою требовали отъ него, чтобы онъ отдалъ имъ свое сокровище; святый же сказалъ имъ:

— Все мое сокровище—въ углу келліи; войдите туда и возьмите его.

Въ углу же томъ была икона Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. Разбойники вошли въ келлію и внезапно ослѣпли; тогда они со слезами стали умолять святаго о прощеніи; преподобный помолился Богу, и разбойники прозрѣли. Послѣ сего святый обратился къ нимъ съ наставленіемъ о душевномъ спасеніи и запре-

тилъ имъ никому не передавать о случившемся съ ними; они тогда умолчали, но послѣ кончины святаго Нила разсказали обо всемъ.

За свои подвиги и терпѣніе напастей преподобный Нилъ пріялъ даръ прозрѣвать тайныя дѣла людей и согрѣшающихъ направлять на путь истины.

Одинъ человѣкъ пришелъ къ святому, будучи въ плотской нечистотѣ. Святый обличилъ его о томъ грѣхѣ и, наказавъ не творить сего, отпустилъ съ миромъ. Съ того времени человѣкъ тотъ пришелъ въ страхъ Божій и, поживъ богоугодно, скончался.

Богобоязненные жители, занимавшіеся близъ острова рыболовствомъ, почитая святаго, посылали ему на пропитаніе рыбу отъ своего улова. Однажды они послали къ нему съ рыбою одного изъ своихъ товарищей. Святый, провидя духомъ своимъ, что рыбарь осквернилъ себя прелюбодѣяніемъ, закрылъ предъ нимъ оконце келліи и не принялъ отъ него рыбу. Рыбарь, возвратясь къ товарищамъ, повѣдалъ имъ о случившемся. Они послали другаго къ преподобному съ рыбою, и преподобный съ радостію принялъ отъ него рыбу и, благословивъ, отпустилъ.

Въ другое время одинъ человѣкъ хотѣлъ было на островѣ нарубить лѣсу для постройки дома, но вдругъ загремѣлъ страшный громъ и послышался голосъ, воспрещавшій рубить лѣсъ. Однако тотъ не убоялся сего и сталъ нагружать деревьями возъ, но лошадь не могла сдвинуть его съ мѣста. Увидя сіе чудо, человѣкъ тотъ со страхомъ ушелъ, обѣщаясь никогда болѣе не дѣлать того.

Преподобный подвизался на островѣ Столобномъ двадцать семь лѣтъ и прежде кончины своей ископалъ въ землѣ (въ часовнѣ) своими руками мѣсто для погребенія и поставилъ тамъ гробъ. Приходя туда на всякій день, онъ плакалъ надъ тѣмъ гробомъ, говоря себѣ:

— Се покой мой, се жилище мое!

Когда, наконецъ, святый почувствовалъ приближеніе кончины своей, то молилъ Господа удостоить его причастія Св. Таинъ. По молитвѣ святаго желаніе его исполнилось. На островъ прибылъ игуменъ Никольскаго монастыря Сергій и причастилъ Нила Св. Таинъ. Послѣ сего преподобный, войдя въ келлію, сотворилъ обычныя молитвы и, взявъ кадильницу, окадилъ святыя иконы и всю келлію; потомъ, опершись руками на деревянные костыли, на которыхъ онъ обычно отдыхалъ отъ тѣлесной усталости[1]),

[1]) Эти «крюки», или костыли, были вбиты въ стѣны келліи преподобнаго Нила; они

преставился ко Господу въ 1554 году, декабря въ седьмый день[1]).

Богу нашему слава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь прп҃бнагѡ, гла́съ д҃:

Ꙗ҆́кѡ свѣти́льникъ всесвѣ́телъ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ во ѻ҆́стровѣ селиге́ра є҆́зера, прп҃бне ѻ҆́тче ні́ле: ты́ бо кр҃тъ хр҃то́въ ѿ ю҆́ности своеѧ̀ на ра́мо взе́мъ, ᲂу҆се́рднѡ томꙋ̀ послѣ̀довалъ є҆сѝ, чистото́ю бг҃ови приближи́всѧ, ѿонꙋ̀дѹже и҆ чꙋде́съ дарова́нїемъ ѡ҆богати́лсѧ є҆сѝ. тѣ́мъ и҆ мы̀ притека́юще къ ра́цѣ мощє́й твои́хъ, ᲂу҆мі́льнѡ глаго́лемъ: ѻ҆́тче прп҃бне, молѝ хр҃та̀ бг҃а, сп҃стисѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ и҆:

Ѻ҆тече́ства прп҃бне ᲂу҆дали́всѧ, къ пꙋсты́ню всели́лсѧ є҆сѝ, и҆ на ѻ҆́стровъ селиге́ра є҆́зера возше́дъ, же́стоко житїѐ показа́лъ є҆сѝ, и҆ мно́гихъ добродѣ́тельми ᲂу҆диви́въ, дарова̑нїѧ чꙋде́съ ѿ хр҃та̀ прїѧ́лъ є҆сѝ. помина́й на́съ чтꙋ́щихъ па́мѧть твою̀, да зове́мъ ти̑: ра́дꙋйсѧ, ні́ле ѻ҆́тче на́шъ.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

АѲИНОДОРА

Святый мученикъ Аѳинодоръ, изъ Сирской Месопотаміи[2]), съ юныхъ лѣтъ проводилъ иноческое житіе. По доносу онъ былъ схваченъ и приведенъ къ правителю страны Елевсію, предъ которымъ и исповѣдалъ Христа, за что тогда же и осужденъ былъ

служили ему вмѣсто креселъ; опираясь на нихъ, онъ и пользовался кратковременнымъ отдыхомъ.

[1]) На мѣстѣ подвиговъ преподобнаго Нила въ 1594 году іеромонахомъ Германомъ основанъ Ниловъ Столобенскій монастырь.—Обрѣтеніе мощей преподобнаго Нила совершилось 1667 года 27 мая, каковый день и постановлено праздновать каждогодно. Нынѣ святыя мощи преподобнаго почиваютъ въ серебряной ракѣ. При мощахъ преподобнаго хранятся: келейная его Владимірская (т. н. Селигерская) икона Богоматери, а также извѣстная по чудесамъ схима его, лежавшая въ землѣ 112 лѣтъ. Въ 27-й день мая, въ день открытія мощей, каждый годъ бываетъ Крестный ходъ изъ г. Осташкова въ Нилову пустынь, при многочисленномъ стеченіи народа.

[2]) *Сирская Месопотамія — Междурѣчіе* — обширная страна между рр. Тигромъ и Евфратомъ, отъ Арменіи, Палестины и Финикіи до Персидскаго залива.

на жестокія мученія: его растягивали между двухъ столбовъ, и всѣ члены тѣла его опаляли горящими свѣчами; подкладывали ему подъ мышки раскаленное желѣзо, а ноздри его проткнули заостренными спицами; потомъ распростерли его на разожженной мѣдной доскѣ, которая, однако, чудеснымъ образомъ охладилась; потомъ его бросили въ раскаленнаго мѣднаго вола и подвергали его многимъ другимъ истязаніямъ, но святый мученикъ оставался невредимымъ, избавляемый заступленіемъ Ангеловъ. Такія чудныя явленія расположили и невѣрныхъ обратиться къ Божественной вѣрѣ: святый Аѳинодоръ привелъ ко Христу сначала пятьдесятъ язычниковъ, а потомъ и еще тридцать. За сіе осудили его на усѣченіе мечомъ; но какъ только палачъ приступилъ къ своему дѣлу, то споткнулся и упалъ какъ мертвый, а рука его съ мечомъ отторглась отъ плеча. Послѣ того уже никто не дерзнулъ приблизиться ко святому, и онъ, помолившись, предалъ духъ свой Господу Богу[1]).

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ПАВЛА ПОВИННИКА*)

Родители преподобнаго Павла имѣли достаточное состояніе и съ малолѣтства заботливо обучали сына своего Священному Писанію. Когда святый достигъ совершеннолѣтія, у него явилось стремленіе оставить мірскую жизнь. И вотъ онъ поступилъ въ одну изъ иноческихъ обителей своего города, гдѣ принялъ святый ангельскій чинъ и, подвизаясь во всѣхъ добродѣтеляхъ, достигъ такого совершенства, что превзошелъ всѣхъ братій своего монастыря и содѣлался сокровищницею добродѣтелей, такъ что пріялъ даръ творить великія и дивныя знаменія.

Однажды преподобный Павелъ вмѣстѣ съ другими братіями варилъ въ кузницѣ смолу. Когда смола растопилась и закипѣла, то, клокоча, начала переливаться черезъ края котла. Блаженный, не имѣя подлѣ себя ничего, чѣмъ бы можно было промѣшать кипящую смолу, обнажилъ свою руку, опустилъ ее въ котелъ и

[1]) Около 304 года.

*) *Повинникъ* — то же, что *послушливый*, —наименованіе, данное преподобному Павлу за его глубокое смиреніе и полное отреченіе отъ своей воли.

помѣшалъ смолу, и тотчасъ клокотаніе прекратилось. Рука святаго осталась цѣла и невредима, и самъ онъ не измѣнился въ лицѣ и ничѣмъ не пострадалъ. Видя то, братія ужаснулись, и одни изъ нихъ признали его человѣкомъ Богоноснымъ, другіе же отнеслись къ тому съ большимъ недовѣріемъ. Самъ же Павелъ считалъ себя прахомъ и пепломъ и называлъ себя псомъ смердящимъ. Чрезъ нѣсколько времени ему поручено было иное послушаніе. Въ это время настоятель монастыря созвалъ братію и провелъ съ ними много дней въ молитвѣ и постѣ. Послѣ сего они воззвали къ Богу:

— Господи, хотя мы и недостойны сего, но открой намъ, сколько возможно для нашего вразумленія, что такое есть братъ нашъ Павелъ?—какой мѣры духовнаго совершенства достигъ онъ и чего онъ удостоенъ?

Богъ, исполняющій желанія боящихся Его, исполнилъ ихъ прошеніе. Въ одну ночь во время сна братія, мановеніемъ Божіимъ, восхищены были въ Рай, исполненный красоты. Въ то время какъ они удивлялись сему преславному чуду, вдругъ предъ ними явился тамъ инокъ Павелъ. Братія привѣтствовали его и просили объяснить, что̀ значитъ это явленіе. Павелъ съ великимъ смиреніемъ отвѣчалъ:

— То, что вы видите, есть Рай Божій, и все это случилось для васъ, братія, ибо въ своихъ усердныхъ молитвахъ вы пожелали достигнуть сего мѣста, куда пришелъ и я. Возьмите же отсюда себѣ, кто что̀ хочетъ, что̀ кому нравится и желательно, и идите съ миромъ; а на дѣло, къ которому я былъ приставленъ въ монастырѣ, назначьте другаго, потому что меня болѣе уже не увидите.

Простившись съ Павломъ, братія удалились, взявъ съ собою изъ святаго Рая кто—цвѣтокъ, кто—вѣточку, иной—прекрасную листву, иной—траву.

Пробудившись отъ сна и собравшись вмѣстѣ, братія повѣдали другъ другу видѣніе и радостно славили Бога, при этомъ одинъ показывалъ цвѣтокъ, взятый изъ Рая, другой—говорилъ: «А вотъ я взялъ пальмовую вѣтку», иной сообщалъ о неземномъ благоуханіи, другой держалъ въ рукахъ прекрасную листву: и всѣ воздавали хвалу Богу.

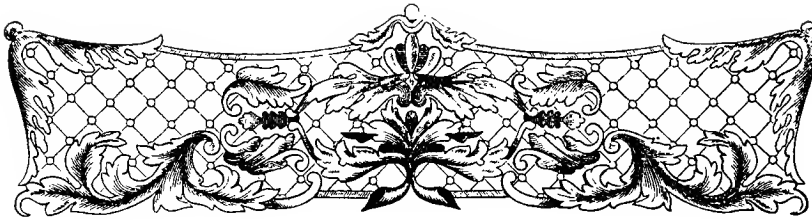
Блаженный Павелъ послѣ того пошелъ въ Іерусалимъ; посѣтивши тамъ Святыя мѣста и помолившись, отправился оттуда на островъ Кипръ. Тамъ онъ взошелъ на высокую гору и много лѣтъ подвизался духовно, проводя жизнь въ уединеніи. А такъ

какъ слухъ о его святой жизни распространился въ той окрестности, и многіе начали приходить къ нему, то онъ удалился оттуда и поселился въ Византійскихъ предѣлахъ. Проводя Богоугодную жизнь, здѣсь онъ сподобился услышать, какъ въ древности Боговидецъ Моисей, Гласъ Божій, призывавшій его:

— **Взы́де, па́велъ, на горꙋ̀ и҆ прїими̑ коне́цъ житїѧ̀**[1]).

И взошелъ блаженный Павелъ, по Божію повелѣнію, на одну изъ горъ, называемую Паригорія, и черезъ нѣкоторое время почилъ о Господѣ.

[1]) Кн. Второзак., гл. 32, ст. 48—50.



День восьмой

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ПАТАПІЯ

Въ Египтѣ на рѣкѣ Нилѣ былъ городъ, называвшійся Ѳивы[1]). Въ этомъ городѣ родился блаженный Патапій. Родители его были христіане и воспитали своего сына въ благочестіи и страхѣ Божіемъ. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ презрѣлъ суету міра сего и, оставивъ домъ свой, родителей и друзей, принялъ иночество. Удалившись въ пустыню Египетскую, онъ жилъ для Бога, подвизаясь въ постѣ, молитвахъ и многоразличныхъ отшельническихъ трудахъ. Когда о немъ узнали и многіе стали приходить къ нему и прославлять его за добродѣтельную жизнь, онъ возскорбѣлъ, что безмолвіе его нарушается и что его хвалятъ уста человѣческія. Оставивъ Египетъ, онъ пришелъ въ Константинополь. Здѣсь онъ затворился въ келліи, устроивъ ее близъ Влахернъ [2]), при городской стѣнѣ, и пребывалъ въ безмолвіи, какъ бы въ пустынѣ, никѣмъ невѣдомый, кромѣ Единаго Бога, бесѣдуя только съ Богомъ въ непрестанной молитвѣ. Но какъ не можетъ укрыться городъ, стоящій на вершинѣ горы [3]), такъ не мо-

---

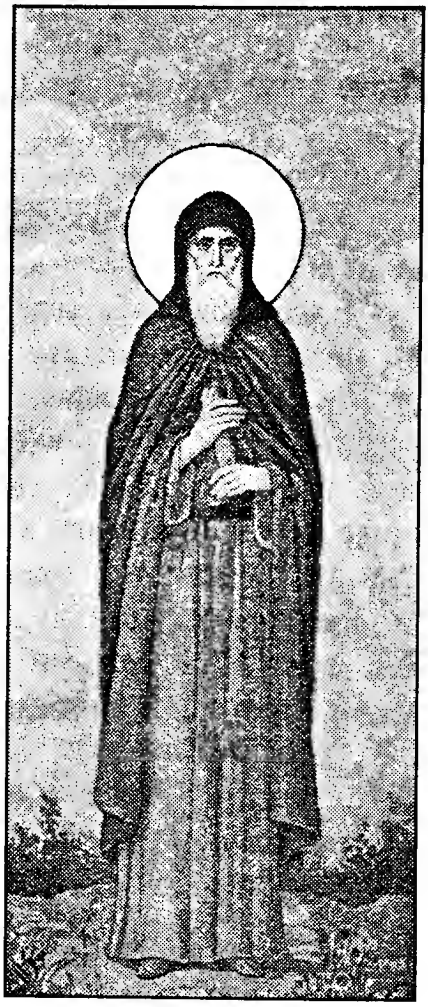
[1]) *Ѳивы* — древняя столица Верхняго (Южнаго) Египта.

[2]) *Влахерны* — мѣстность въ Константинополѣ на западномъ углу города; во времена процвѣтанія Византійской имперіи славилась по всему Востоку своими святынями.

[3]) Евангельское выраженіе. Ср. Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 14.

жетъ находиться въ неизвѣстности и человѣкъ добродѣтельный, достигшій совершенной святости. Самъ Богъ прославляетъ прославляющихъ Его и исполнившихся благодати Его и открываетъ другимъ на пользу. Такъ и сей мужъ, совершенный въ святости и обильно надѣленный благодатью чудотворенія, открываемый и прославляемый Богомъ, скоро былъ обрѣтенъ, какъ сокровище, сокрытое на полѣ[1]). Ибо одинъ христіанскій юноша, будучи слѣпъ отъ рожденія, руководимый Самимъ Богомъ пришелъ къ келліи преподобнаго отца Патапія и просилъ блаженнаго помолиться Богу о дарованіи ему зрѣнія, дабы видѣть все твореніе Божіе и отъ него приходить въ совершеннѣйшее познаніе Самого Творца и прославлять Его. Преподобный, видя его вѣру, умилосердился надъ нимъ и сказалъ:

— Во Имя Іисуса Христа, дающаго слѣпымъ свѣтъ, а мертвымъ— жизнь, прозри.



Прпбный
ПАТАПІЙ

И тотчасъ раскрылись у слѣпорожденнаго глаза, и онъ сталъ видѣть, и прославилъ, и возблагодарилъ Бога. Юноша былъ извѣстенъ многимъ; посему видя, что онъ прозрѣлъ, всѣ удивились и стали спрашивать, какъ это случилось; онъ же не скрылъ имени чудотворца и благодѣтеля своего, чрезъ коего получилъ отъ Бога исцѣленіе. Слава объ этомъ чудѣ и о преподобномъ пронеслась въ народѣ, и съ тѣхъ поръ многіе стали приходить къ Патапію, испрашивая его молитвъ.

Одинъ знатный византіецъ страдалъ водянкой, и все тѣло его опухло. Много тратилъ онъ на врачей денегъ, ища отъ нихъ исцѣленія и не получая. Услышавъ о святомъ Патапіи, онъ по-

[1]) Выраженіе Евангельской притчи. Ср. Еванг. отъ Матѳ., гл. 14, ст. 44.

велѣлъ нести себя къ нему и со слезами просилъ святаго, чтобы онъ исцѣлилъ его тѣлесную немощь цѣлебною благодатію Божіею. Безмездный врачъ сначала усердно помолился о немъ Богу, затѣмъ осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и помазалъ святымъ елеемъ, и потомъ вся вода, отягчавшая его тѣло, вытекла естественными путями, вся внутренность его очистилась, и онъ сталъ совершенно здоровъ.

Другой юноша страдалъ отъ злого бѣса, который гонялъ его по горамъ и пустынямъ, то повергая въ огонь и воду, чтобы погубить его, то низвергая его съ высокихъ и крутыхъ горъ, чтобы разбить и сокрушить все тѣло его. Онъ и погубилъ бы юношу, если бы укрѣпляющая сила Божія не предохраняла его отъ постоянной злобы врага и совершенной гибели. Однажды бѣсъ, со страшной быстротой гоня этого юношу на берегъ моря, съ цѣлію потопить его въ пучинѣ, встрѣтилъ на пути преподобнаго Патапія, вышедшаго для сего изъ своей келліи, по Божію повелѣнію, чтобы освободить твореніе, созданное по образу Божію, отъ рабства діавольскаго. Увидѣвъ блаженнаго еще издали, бѣсъ устремился къ нему, вращая глазами, испуская пѣну, скрежеща зубами и грозя избить его. Приблизившись къ святому, онъ закричалъ:

— О горе! И здѣсь снова Патаній! Что мнѣ дѣлать, куда дѣваться, гдѣ жить мнѣ послѣ столькихъ трудовъ? Едва обрѣлъ я себѣ жилище, и вотъ теперь меня силою гонятъ изъ него. Поистинѣ страшенъ ты, Назарянинъ[1]), и власть Твоя повсюду и надъ всѣми. Куда мнѣ идти? Если я пойду въ пустыню, или въ городъ, или куда-либо еще,—ты тамъ прежде меня и прогоняешь меня однимъ крестнымъ знаменіемъ и единымъ твоимъ именемъ. Я побѣжденъ, сокрушенъ и изгнанъ!

Говоря это, нечистый бросилъ юношу на воздухъ, а чудотворецъ Патаній, изобразивъ въ воздухѣ перстомъ крестное знаменіе, запретилъ духу, говоря:

— Изыди, нечистый духъ, и удались въ пустыню; такъ повелѣваетъ тебѣ чрезъ меня Христосъ, силу Котораго ты невольно исповѣдалъ.

Какъ только святый произнесъ это, бѣсъ повергъ юношу на землю и вышелъ изъ него чрезъ уста, какъ дымъ. Придя въ себя,

---

[1]) Разумѣется Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Которому Евреи, а вслѣдъ за ними язычники усвоили это наименованіе.

юноша плакалъ отъ радости и приписывалъ свое избавленіе отъ нечистаго духа прежде всего Богу, а также и преподобному Патапію.

У одной женщины болѣла грудь. Признанная врачами безнадежною, она пришла къ преподобному, когда болѣзнь ея усилилась и въ ранѣ появились во множествѣ черви. Припавши къ ногамъ его, она съ рыданіемъ и усердной мольбой просила его объ исцѣленіи. Святый, осѣнивъ язву крестнымъ знаменіемъ, тотчасъ же исцѣлилъ ее.

Совершивъ множество другихъ чудесъ, преподобный отецъ нашъ Патапій приблизился къ блаженной своей кончинѣ и въ глубокой старости отошелъ къ Богу, Коему угождалъ всю свою жизнь[1]). Погребенъ онъ былъ съ честію въ церкви святаго Іоанна Предтечи, во славу Христа Бога нашего во святыхъ Своихъ прославляемаго, Ему же со Отцемъ и Святымъ Духомъ подобаетъ честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

Конда́къ прп҃бнагѡ, гла́съ г҃:

Хра́мъ тво́й ст҃е, дꙋхо́вное врачевство̀ лю́дїе ѡ҆брѣ́тше, со тща́нїемъ къ немꙋ̀ приходѧ́ще, цѣльбꙋ̀ недꙋгѡвъ про́сѧтъ прїѧ́ти, рѣше́нїе же въ житїѝ прегрѣше́нныхъ: ты́ бо всѣ́хъ сꙋщихъ въ нꙋ́ждахъ предста́тель ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ, пата́пїе прп҃бне.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ АПОСТОЛОВЪ

СОСѲЕНА, АПОЛЛОСА, КИФЫ, ТИХИКА, ЕПАФРОДИТА и КЕСАРЯ

Святые апостолы Сосѳенъ, Аполлосъ, Кифа, Тихикъ, Епафродитъ и Кесарь принадлежали къ лику 70 апостоловъ, избранныхъ Господомъ Іисусомъ Христомъ для благовѣстія Христова спустя нѣкоторое время послѣ избранія и посольства на проповѣдь двѣнадцати Апостоловъ[2]).

---

[1]) Преп. Патапій скончался въ началѣ VII вѣка. У св. Андрея Критскаго есть два слова на день Патапія и сказаніе о чудесахъ и успеніи его. Жизнь его написана св. Андреемъ вслѣдствіе явленія ему Патапія во снѣ, такъ какъ св. Андрей, сначала слыша много чудеснаго о Патапіи, съ пренебреженіемъ и недовѣріемъ относился къ сему.

[2]) Еванг. отъ Луки, гл. 10, ст. 1—24.

Апостолъ Сосѳенъ во время пребыванія Апостола Павла въ Коринѳѣ[1]) былъ начальникомъ Іудейской синагоги[2]). Во время возмущенія, произведеннаго здѣсь противъ апостола требовавшими его осужденія, когда проконсулъ Галліонъ[3]), находя это дѣло неподсуднымъ себѣ, прогналъ обвинителей отъ судилища, прогонявшіе ихъ и съ ними и всѣ еллины, бывшіе тамъ, схватили Сосѳена какъ начальника синагоги и били его предъ судилищемъ[4]). Но впослѣдствіи онъ обращенъ былъ апостоломъ къ вѣрѣ во Христа и сталъ его сотрудникомъ въ дѣлѣ благовѣствованія Христова. Впослѣдствіи Сосѳенъ былъ епископомъ въ Колофонѣ[5]).

Апостолъ Аполлосъ происходилъ изъ Александріи и былъ мужъ краснорѣчивый, ученый и свѣдущій въ Писаніяхъ. Наставленный сначала только въ начаткахъ ученія Христова, онъ, горя духомъ, говорилъ и училъ о Господѣ правильно, но зналъ лишь одно крещеніе Іоанново, не имѣя познаній о возрождающей силѣ христіанскаго Крещенія. Въ непродолжительномъ времени, когда Аполлосъ съ своею проповѣдію о Христѣ достигъ Ефеса, Акила и Прискилла[6]), узнавъ о немъ, съ любовію приняли его и преподали ему подробное наставленіе въ ученіи Господнемъ. Потомъ, когда онъ вознамѣрился идти въ Ахаію, то братія послали къ тамошнимъ ученикамъ, располагая ихъ принять его, и онъ, прибывъ туда, много содѣйствовалъ увѣровавшимъ благодатію; ибо онъ сильно опровергалъ Іудеевъ, всенародно доказывая Писаніемъ, что

---

[1]) *Коринѳъ* — древнѣйшій, знаменитый и богатый городъ древней Греціи—въ Ахаіи, на Коринѳскомъ перешейкѣ, соединяющемъ Пелопоннесъ (Южную Грецію) съ среднею Греціею, въ прекрасной и плодоносной равнинѣ на юго-восточномъ углу Коринѳскаго залива между Іоническимъ и Эгейскимъ морями. Начало христіанства въ Коринѳѣ положено Апостоломъ Павломъ.—Въ настоящее время развалины древняго Коринѳа находятся близъ нынѣшняго Коринѳа, называемаго Куронто и имѣющаго лишь около 5 000 жителей.

[2]) *Синагоги* (съ греч.—собраніе)—мѣста религіозныхъ собраній Іудеевъ, представлявшія собою открытыя зданія для совершенія общественнаго богослуженія и поученій, для рѣшенія спорныхъ церковныхъ вопросовъ, веденія судебныхъ дѣлъ; эти зданія служили также мѣстами собраній для преній, школами для дѣтей и библіотеками.

[3]) *Галліонъ* —римскій проконсулъ (намѣстникъ) Ахаіи при императорѣ Клавдіи, братъ римскаго философа Сенеки.

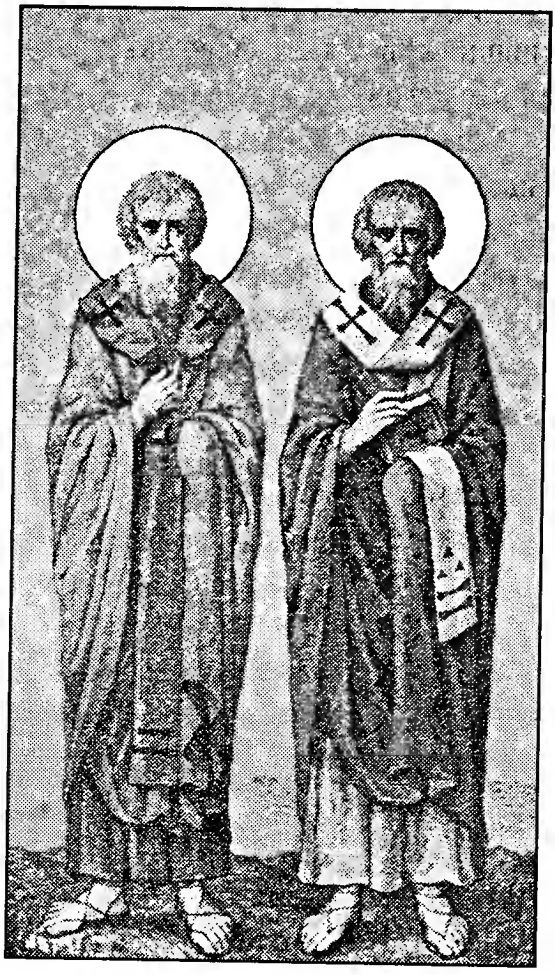
[4]) Кн. Дѣян. Ап., гл. 18, ст. 12—17.

[5]) *Колофонъ* — древній городъ Лидіи, въ сѣверо-западной части Малой Азіи. Въ недавнее время открыты развалины этого города.

[6]) *Акила* —еврей, родомъ изъ Понта, *Прискилла* — жена его; жили, занимаясь дѣланіемъ палатокъ; въ христіанство обращены Ап. Павломъ и были его вѣрными учениками, много содѣйствовавшими успѣхамъ Евангелія. Впослѣдствіи они переселились въ Коринѳъ, а оттуда — въ Ефесъ. Акила причисленъ къ лику 70 апостоловъ.

Ст҃іи а҆п҃ли
Сѡсѧе́нъ, ки́фа и҆ ту́хїкъ

Іисусъ—Христосъ[1]). Послѣ того Аполлосъ много потрудился въ Коринѳѣ надъ обращеніемъ язычниковъ[2]). Въ Коринѳѣ любовь къ нему учениковъ произвела даже нѣкоторое раздѣленіе въ Церкви, которое потомъ обличено было Апостоломъ Павломъ: **є҆гда́ бо глаго́летъ кто̀** (изъ васъ,—писалъ онъ къ Коринѳянамъ), **а҆́зъ ᲂу҆́бѡ є҆́смь па́ѵловъ: дрꙋгі́й же, а҆́зъ а҆поллѡ́совъ: не пло́тстїи ли є҆стѐ; кто̀ ᲂу҆́бѡ є҆́сть па́ѵелъ; кто́ же ли а҆поллѡ́съ: но то́чїю слꙋжи́телїе, и҆́миже вѣ́ровасте, и҆ комꙋ́ждо, ꙗ҆́коже гдⷭ҇ь дадѐ; а҆́зъ насади́хъ, а҆поллѡ́съ напои̇̀, бг҃ъ же возрасти̇̀**[3]).



Ст҃і́и а҆пⷭ҇ли є҆пафроді́тъ и҆ ке́сарь

Во время написанія перваго Посланія Апостола Павла къ Коринѳянамъ Аполлосъ находился вмѣстѣ съ нимъ въ Ефесѣ[4]) и хотѣлъ придти къ нимъ, когда будетъ удобно[5]).

Впослѣдствіи Аполлосъ былъ въ Критѣ[6]) и еще позднѣе былъ епископомъ Кесаріи[7]).

---

[1]) Кн. Дѣян. Ап., гл. **18**, ст. 24—28.

[2]) Кн. Дѣян. Ап., гл. **19**, ст. 1. 1 Посл. къ Коринѳ., гл. **3**, ст. 6.

[3]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. **3**, ст. 4—7.

[4]) Объ *Ефесѣ* см. на стр. 40, прим. 2.

[5]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. **16**, ст. 14.

[6]) *Критъ*—большой островъ Средиземнаго моря (называемый иначе *Кандія*—отъ главнаго города того же имени) въ восточной части его, къ югу Эгейскаго моря. По своей обширности и плодородію назывался прежде «царицею острововъ» Средиземнаго моря. Первыя начала христіанства положены были очевидцами событія Сошествія Св. Духа на Апостоловъ, ибо при семъ были и критяне (Кн. Дѣян. Ап., гл. **2**, ст. 11); потомъ христіанство было здѣсь утверждено и распространено Апостоломъ Павломъ.—Въ XVII-мъ вѣкѣ Критъ перешелъ во владѣніе Турокъ.

[7]) *Кесарія*—городъ палестинскій, на восточномъ берегу Средиземнаго моря. Начало христіанства здѣсь было положено св. Ап. Петромъ обращеніемъ сотника Корнилія со всѣмъ домомъ его (Кн. Дѣян. Ап., гл. **10**). По разрушеніи Іерусалима Кесарія была глав-

Апостолъ Кифа, вмѣстѣ съ другими апостолами много потрудившійся въ дѣлѣ благовѣствованія Христова, былъ епископомъ въ Колофонѣ.

Апостолъ Тихикъ происходилъ изъ Малой Азіи и былъ ученикомъ святаго Апостола Павла, который въ своихъ Посланіяхъ называетъ его возлюбленнымъ братомъ и вѣрнымъ о Господѣ служителемъ и сотрудникомъ[1]). Во время третьяго апостольскаго путешествія святаго Апостола Павла, когда онъ возвращался изъ Македоніи и Греціи въ Іерусалимъ, Тихикъ сопутствовалъ ему, раздѣляя труды его[2]). Потомъ онъ былъ съ Апостоломъ Павломъ и въ Римѣ во время перваго его заключенія, откуда Павелъ посылалъ его съ Посланіями отъ себя къ Ефесянамъ[3]) и Колоссянамъ съ другими церквами[4]), чтобы извѣстить ихъ о себѣ и утѣшить сердца ихъ; его же посылалъ онъ для исполненія своихъ порученій на Критъ[5]). Тихикъ былъ при Апостолѣ и во время вторичнаго заключенія его въ Римѣ, и въ другой разъ Апостолъ посылалъ его оттуда въ Ефесъ[6]). Впослѣдствіи святый апостолъ Тихикъ былъ епископомъ въ Колофонѣ послѣ апостола Сосѳена.

Апостолъ Епафродитъ былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ и сподвижникомъ святаго Апостола Павла. Во время пребыванія Апостола въ узахъ въ Римѣ святый Епафродитъ былъ посланъ отъ Церкви Филиппійской съ пособіемъ для святаго Павла. Усердіе сіе было весьма пріятно для Апостола потому, главнымъ образомъ, что, свидѣтельствуя о любви къ нему Филиппійцевъ и искреннемъ ихъ участіи въ его скорби, ручалось за ихъ усердіе къ самой вѣрѣ[7]). Къ прискорбію Апостола, Епафродитъ, находясь у него, впалъ въ опасную болѣзнь; но Господь не восхотѣлъ къ печали Апостола приложить новую печаль: больной выздоровѣлъ и обратно отправленъ былъ къ Филиппійцамъ съ трогательнымъ

нымъ городомъ Палестины и мѣстопребываніемъ епископа, которому подчиненъ былъ Іерусалимъ, пока, наконецъ, на IV Вселенскомъ Халкидонскомъ Соборѣ (451 г.) Іерусалимъ сдѣлался независимою патріархіею.—Въ настоящее время отъ древней Кесаріи не осталось даже и развалинъ.

[1]) Посл. къ Колос., гл. **4**, ст. 7. Посл. къ Ефес., гл. **6**, ст. 21.

[2]) Кн. Дѣян. Ап., гл. **20**, ст. 1—5.

[3]) Посл. къ Ефес., гл. **6**, ст. 21.

[4]) Посл. къ Колос., гл. **4**, ст. 7—9. 16.

[5]) Посл. къ Тит., гл. **3**, ст. 12.

[6]) 2 Посл. къ Тимоѳ., гл. **4**, ст. 12.

[7]) Посл. къ Филипп., гл. **4**, ст. 10—17.

Посланіемъ отъ Апостола. Впослѣдствіи святый Епафродитъ былъ епископомъ Адріаки[1]).

Апостолъ Кесарь, много также потрудившійся въ дѣлѣ проповѣди евангельской, былъ епископомъ Диррахіи[2]).

Добрѣ упасши стадо Христово, всѣ сіи святые апостолы съ миромъ предали души свои Господу и нынѣ, предстоя предъ Престоломъ Божіимъ въ вѣчномъ веселіи, пріемлютъ отъ Бога воздаянія за многочисленные свои подвиги и труды[3]).

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ,

въ Африкѣ отъ аріанъ пострадавшихъ

Сіи святые мученики жили во времена Зенона, царя Греческаго[4]), когда Африкой правилъ, по смерти отца своего Гензериха, Гуннерихъ[5]), аріанинъ по вѣрѣ. По совмѣстному совѣщанію съ единомышленными ему епископами—аріанами Кирилломъ и Вилимандисомъ — онъ воздвигъ на православныхъ столь жестокое гоненіе, что превзошелъ времена Діоклетіана и Максиміана. По всѣмъ подвластнымъ ему городамъ и странамъ онъ разослалъ пятнадцать тысячъ воиновъ, повелѣвъ имъ изгонять отовсюду всѣхъ православныхъ іереевъ. Въ это время православные собрались какъ-то въ одну церковь и совершали тамъ тайно божественную службу. Узнавъ о семъ, варвары тайно, обнаживъ мечи, усѣкнули всѣхъ вѣрующихъ, воспѣвающихъ и славящихъ Бога. Такъ они дѣйствовали, исполняя повелѣніе Гуннериха внезапно убивать всѣхъ, некрещающихся въ аріанское крещеніе. Тѣ, кото-

---

[1]) *Адрія,* или *Адріака,*—городъ во Ѳракіи при Черномъ морѣ, недалеко отъ Филиппъ, города Македонскаго, лежавшаго на границѣ съ Ѳракіей.

[2]) *Диррахія* —городъ въ Беотіи, древней области Средней Греціи.

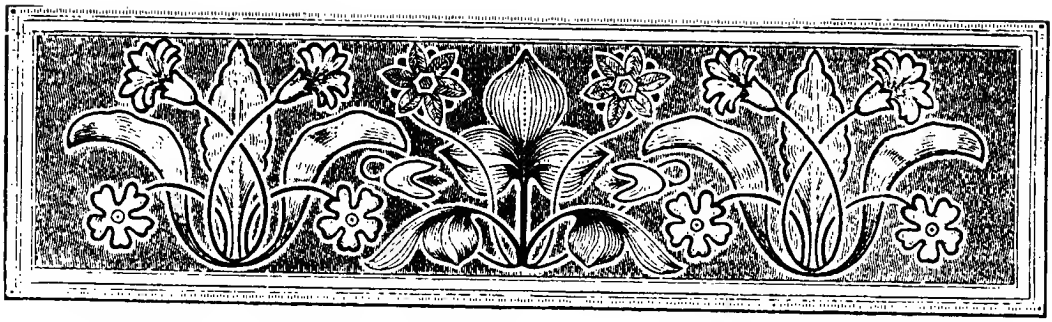
[3]) Вмѣстѣ съ сими святыми апостолами Церковь воспоминаетъ въ сей день и апостола Онисифора, память и изображеніе коего см. 7 сентября. Въ церковной службѣ нынѣ воспѣваются всѣ семь свв. апостоловъ.

[4]) *Зенонъ* —Византійскій императоръ съ 474 по 491 г.

[5]) *Гензерихъ* — король и основатель Вандальскаго королевства въ Сѣверной Африкѣ. *Гуннерихъ,* сынъ его, царствовалъ съ 477 по 485 г.—*Вандалы* —народъ Германскаго племени, пришедшій съ береговъ Балтійскаго моря, послѣ перешедшій въ Паннонію, на правый берегъ Дуная, затѣмъ завладѣвшій Пиринейскимъ полуостровомъ и, наконецъ, обосновавшійся въ Сѣверной Африкѣ.

рые не могли перенести мученій, искали спасенія въ бѣгствѣ, оставляя дома свои и села; тѣ же, которые были тверды въ православной вѣрѣ, добровольно предавали себя на мученія. Такимъ образомъ 300 человѣкъ, утвердившихся въ истинной вѣрѣ и отказавшихся мудрствовать по-аріански, было усѣчено мечомъ. Священники же были воспламенены еще большею ревностію о Православіи и за то пострадали еще болѣе: два изъ нихъ были сожжены; шестидесяти же краснорѣчивѣйшимъ изъ нихъ были изрѣзаны языки отъ самыхъ развилинъ. Послѣ того они разсѣялись по всей землѣ греческой. И вотъ на нихъ явилась великая чудодѣйственная сила Божія: лишенные языковъ, они дерзновенно проповѣдывали, ясно говоря и разсѣевая лжеученія аріанскія, такъ что всѣ, видѣвшіе и слышавшіе ихъ, приходили въ изумленіе. И они исповѣдали предъ вандалами Сына Божія Единосущнымъ Отцу.

Въ то же время въ Римѣ жена градоначальника римскаго Сунильда, недугствовавшая аріанскою ересью, принуждала жену нѣкоего вельможи римскаго, по имени Анѳису, принять аріанское крещеніе, но не могла убѣдить ее и въ отвѣтъ слышала лишь, что она «водою и духомъ» крещена епископомъ Медіоланскимъ Амвросіемъ. Тогда Сунильда въ гнѣвѣ сожгла святую Анѳису. Мужъ святой мученицы пришелъ въ страхъ, добровольно пошелъ и крестился аріевымъ крещеніемъ. Вскорѣ послѣ этого онъ, желая покататься, сѣлъ на коня; но, во время поѣздки, когда онъ находился противъ градской церкви, вдругъ на него ниспала молнія и зажгла его; онъ былъ низверженъ съ коня и сгорѣлъ. Такъ совершился надъ нимъ судъ Божій прежде будущаго, вѣчнаго огня геенскаго.



День девятый

ЗАЧАТІЕ
СВЯТЫЯ БОГОПРАМАТЕРИ
АННЫ,
когда зачала святую Богородицу

Господь нашъ и Богъ, желая создать для себя живую Церковь и святый Домъ для пребыванія Своего, послалъ Ангела Своего къ праведнымъ Іоакиму и Аннѣ. Отъ нихъ Онъ восхотѣлъ пріуготовить по плоти Матерь Свою и предвозвѣстилъ о зачатіи безчадной и неплодной Анны и о рожденіи ею Дѣвы. Такъ зачата была святая Дѣва Марія и рождена, по обѣтованію отъ Бога, хотя и чрезъ плотское соединеніе. Ибо только одинъ Господь и Богъ Іисусъ Христосъ родился отъ Пресвятой Дѣвы Маріи безъ мужа и безъ брака, неизреченно и несказанно, отъ Духа Святаго, родившись совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ Человѣкомъ. Господь для Своего воплощенія въ совершенствѣ воспринялъ все необходимое для человѣческаго естества, подобно тому, какъ изначала Онъ сотворилъ и содѣлалъ и самое человѣческое естество. Говорили же нѣкоторые, будто Пресвятая Дѣва родилась черезъ 7 мѣсяцевъ—и родилась безъ мужа, но это несправедливо. Она родилась дѣйствительно черезъ девять мѣсяцевъ и путемъ

человѣческаго соединенія. Совершается же празднество въ честь Зачатія въ пречестномъ храмѣ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, что въ *Евораніяхъ*, близъ святой Великой церкви[1]).

Тропа́рь зача́тїѧ ст҃ы́ѧ а҆́нны, гла́съ д҃:

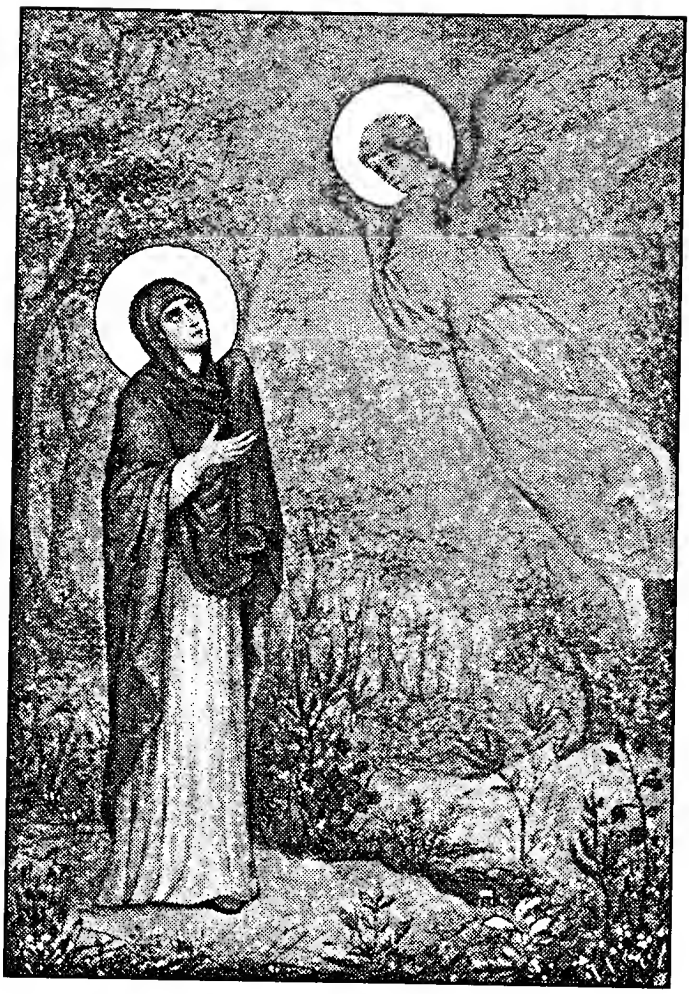
Дне́сь безча́дїѧ оу҆́зы разрѣша́ютсѧ, і҆ѡакі́ма бо и҆ а҆́ннꙋ оу҆слы́шавъ бг҃ъ, па́че наде́жды, роди́ти тѣ́мъ ꙗ҆́вѣ ѡ҆бѣщава́етъ бг҃оотрокови́цꙋ, и҆з҆ неѧ́же са́мъ роди́сѧ, неѡпи́санный, человѣ́къ бы́въ, а҆́гг҃ломъ повелѣ́въ вопи́ти є҆́й: ра́дꙋйсѧ, бл҃года́тнаѧ, гдⷭ҇ь съ тобо́ю.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Пра́зднꙋетъ дне́сь вселе́ннаѧ а҆́ннино зача́тїе, бы́вшее ѿ бг҃а: и҆́бо та̀ породѝ па́че сло́ва сло́во ро́ждшꙋю.

---

[1]) Подробное сказаніе о зачатіи и рожденіи Пресвятыя Богородицы находится въ житіи святыхъ Богоотецъ Іоакима и Анны, въ Минеяхъ-Четіихъ подъ 9 сентября. Веселіе праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны въ храмѣ Іерусалимскомъ и живая благодарность ихъ Богу, разрѣшившему ихъ неплодство и отнявшему отъ нихъ поношеніе между ближними, и было собственно началомъ празднованія Зачатія. Въ Зачавшейся не только Ея праведные родители, но и весь міръ имѣлъ вѣрный залогъ искупленія, потому что зачатіе Ея было по особенному благодатному смотренію Божію. Но начало собственно церковнаго празднованія Зачатію Богородицы съ точностью опредѣлить трудно, по недостатку письменныхъ памятниковъ, но можно съ довѣренностью полагать, что это празднованіе началось съ древнихъ временъ; ибо всѣ обстоятельства жизни Богоматери для христіанъ древнихъ и православныхъ были важны и священны. Преп. Андрей Критскій въ VII в. на день Зачатія Богоматери написалъ Канонъ и бесѣду. День Зачатія отнесенъ къ 9 декабря, потому что этотъ день бываетъ за 9 мѣсяцевъ до дня Рождества Богородицы. Въ Константинополѣ празднество въ честь Зачатія Богородицы въ сей день было совершено въ Евораніяхъ, по другому чтенію—Уранахъ, близъ храма св. Софіи. Здѣсь храмъ Богородицы построенъ былъ однимъ сенаторомъ еще при Константинѣ Великомъ.



зача́тіе ст҃ы́ѧ а҃нны

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ ПРОРОЧИЦЫ

АННЫ,

матери пророка Самуила

Святая и блаженная Анна пророчица происходила изъ города Армаѳема, находившагося въ нагорной сторонѣ удѣла сыновъ Ефремовыхъ[1]), и состояла въ супружествѣ съ Елканою, мужемъ изъ колѣна Левіина[2]). Такъ какъ она была неплодна и не рождала дѣтей, то Елкана, мужъ ея, взялъ себѣ другую жену—Феннану, которая рождала ему дѣтей, и онъ радовался съ нею. Огорчаемая поношеніемъ безчадства[3]) не только отъ соперницы своей—Феннаны, но и отъ мужа, хотя и любившаго ее, и отъ сосѣдей, и родственниковъ, Анна сильно скорбѣла и много молилась Богу, ревностно исполняя заповѣди Закона Божія; каждое утро и каждый вечеръ возносила она свои святыя приношенія, чтобы Господь избавилъ ее отъ этого поношенія и даровалъ ей чадородіе. Елкана каждогодно со всѣмъ семействомъ своимъ ходилъ въ положенное Закономъ время изъ своего города въ Силомъ[4]), чтобы рукою первосвященника Илія[5]) приносить жертву Господу Богу Вседержителю[6]).

---

[1]) *Армаѳемъ,* иначе *Рама,*—городъ въ области Цуфъ, прилегавшій къ удѣлу колѣна Веніаминова. Въ этомъ городѣ имѣлъ свой домъ Самуилъ, когда былъ судіею Израильскаго народа; здѣсь онъ и проживалъ тогда и помазалъ Саула на царство (1 кн. Царствъ, гл. **7**, ст. 17; гл. **9**, ст. 5—27 и гл. **10**, ст. 1—2).

[2]) Колѣно Левія не имѣло своего удѣла; левиты жили среди другихъ колѣнъ (Кн. Второзакон., гл. **18**, ст. 1—2).

[3]) Чадородіе у Евреевъ знаменовало благословеніе Божіе, а безчадство, наоборотъ, почиталось знаменіемъ неблаговоленія Божія и поношенія среди людей.

[4]) *Силомъ*—городъ въ колѣнѣ Ефремовомъ, почти въ срединѣ Земли Обѣтованной, по эту сторону Іордана. Здѣсь, по переходѣ чрезъ Іорданъ и по завоеваніи Земли Обѣтованной, поставлена была скинія Моисеева (походный храмъ Іудейскій); здѣсь Евреи молились, справляли свои праздники и имѣли свои совѣщанія. Нынѣ остались однѣ развалины древняго города.

[5]) *Илій*—первосвященникъ и вмѣстѣ судія Ізраильскій, изъ рода Иеамара, младшаго сына Ааронова, первый, соединившій въ своемъ лицѣ и духовную, и свѣтскую власть. Онъ имѣлъ кроткій характеръ, внушавшій къ нему любовь и довѣріе, и нелицемѣрное правосудіе, за которое народъ благословлялъ его; но доброта его доходила до слабости, что особенно обнаружилось въ его отношеніяхъ къ своимъ сыновьямъ—Офни и Финеесу, которые, будучи священниками, позволяли себѣ разныя безчинія въ скиніи, почему Господь, послѣ неоднократнаго вразумленія, наказалъ ихъ позорною смертію въ плѣну.

[6]) Согласно Закону Моисееву, см. Кн. Исх., гл. **23**, ст. 17.

И вотъ, однажды послѣ жертвоприношенія Богу Елкана, раздѣляя между членами своей семьи остатки жертвы, одну часть роздалъ Феннанѣ и ея сыновьямъ и дочерямъ, а другую отдалъ Аннѣ, такъ какъ онъ любилъ ее болѣе Феннаны, хотя у нея и не было дѣтей: отъ этого завистію и досадою исполнилось сердце Феннаны, а для Анны это послужило источникомъ новыхъ, еще большихъ огорченій и оскорбленій. Смущаемая завистливыми укоризнами, она плакала и не ѣла, и не находила отрады въ утѣшеніяхъ своего любящаго мужа[1]); лицо ея огорчилось, и она не знала, что дѣлать. По окончаніи жертвенной трапезы, Анна, отпустивъ мужа съ семействомъ, одна поспѣшила къ скиніи и, повергшись на землю, излила предъ Богомъ сердечную скорбь свою и дала слѣдующій обѣтъ:

— Господи Саваоѳъ! Если Ты призришь на скорбь рабы Твоей, вспомнишь обо мнѣ и не забудешь рабы Твоей и дашь рабѣ Твоей дитя мужескаго пола, то я отдамъ его Господу въ даръ на всѣ дни жизни его.

Между тѣмъ какъ Анна молилась такъ долгое время, первосвященникъ Илій, сидѣвшій у дверей скиніи, обративъ на нее вниманіе и замѣтивъ, что уста ея двигаются, а голоса не слышно, сказалъ ей:

— Доколѣ ты будешь пьяною? Вытрезвись отъ вина твоего и иди отъ лица Господня!

— Нѣтъ, господинъ мой,—отвѣчала Анна,—я жена, скорбящая духомъ, вина я не пила; но изливаю душу мою предъ Богомъ, не считай рабы твоей негодною женщиною, ибо отъ великой печали моей и отъ скорби моей я говорила доселѣ.

Тогда Илій сказалъ:

— Иди съ миромъ, и Богъ Израилевъ исполнитъ прошеніе твое.

И Богъ дѣйствительно не отвергъ моленія Анны, и не только устами Илія сподобилъ, такимъ образомъ, даровать ей плодъ, но и сподобилъ родившагося потомъ отъ нея сына пророческаго дара.

Воспріявши съ несомнѣнною вѣрою обѣтованіе Божіе, Анна съ радостію возвратилась къ мужу своему, и чрезъ нѣсколько времени зачала и родила Самуила[2]), бывшаго впослѣдствіи пророкомъ и руководителемъ народа Израильскаго. Когда младенецъ

[1]) Кн. Царствъ, гл. 1, ст. 5 и 8.

[2]) Съ еврейскаго языка: «услышанный Богомъ», «испрошенный отъ Бога».

вскормленъ былъ грудью, Анна въ надлежащее время взяла его съ собою и пошла въ сопровожденіи мужа въ Силомъ. Тамъ она опять поверглась предъ Господомъ Богомъ, воздавая Ему благодареніе. По принесеніи жертвы, отецъ и мать подвели Самуила къ первосвященнику Иліи, и Анна сказала ему:

— Господинъ мой! Я—та женщина, которая здѣсь при тебѣ стояла и молилась Господу о семъ дитяти, и исполнилъ Господь прошеніе мое, чего я просила у Него; и я отдаю его Господу на всѣ дни жизни его—служить Господу.

Илій благословилъ Анну и сказалъ:

— Да подастъ Господь тебѣ дѣтей вмѣсто Самуила.

Возрадовалась Анна и, поклонившись предъ святилищемъ, въ избыткѣ сердца воспѣла молитвенную пѣснь: **оу҆твердѝсѧ сердце моѐ въ гдⷭ҇ѣ, вознесесѧ рогъ мо́й въ бг҃ѣ моемъ, расширѝшасѧ оу҆ста̀ моѧ̀ на враги̇̀ моѧ̀, возвеселѝхсѧ ѡ҆ сп҃сенїи твоемъ**[1]).

Послѣ сего Елкана съ благочестивою супругою своею возвратились въ Армаѳемъ; Самуилъ же остался при скиніи служить Господу. Впослѣдствіи Анна имѣла еще трехъ сыновей и трехъ дочерей и уже въ глубокой старости переселилась въ вѣчныя обители[2]).

---

[1]) Эта чудно-возвышенная, полная пророческаго созерцанія таинъ Промыслительнаго домостроительства, проникнутая глубокимъ смиреніемъ пѣснь изложена во 2-й главѣ первой книги Царствъ и читается такъ: «Возрадовалось сердце мое въ Господѣ; вознесся рогъ мой въ Богѣ моемъ; широко разверзлись уста мои на враговъ моихъ, ибо я радуюсь о спасеніи Твоемъ. Нѣтъ столь святаго, какъ Господь, ибо нѣтъ другаго, кромѣ Тебя; и нѣтъ твердыни, какъ Богъ нашъ. Не умножайте рѣчей надменныхъ; дерзкія слова да не исходятъ изъ устъ вашихъ; ибо Господь есть Богъ вѣдѣнія, и дѣла у Него взвѣшены. Лукъ сильныхъ преломляется, а немощные препоясываются силою; сытые работаютъ изъ хлѣба, а голодные отдыхаютъ; даже безплодная раждаетъ семь разъ, а многочадная изнемогаетъ. Господь умерщвляетъ и оживляетъ, низводитъ въ преисподнюю и возводитъ; Господь дѣлаетъ нищимъ и обогащаетъ, унижаетъ и возвышаетъ. Изъ праха подъемлетъ Онъ бѣднаго, изъ бренія возвышаетъ нищаго, посаждая съ вельможами, и Престолъ Славы даетъ въ наслѣдіе; ибо у Господа основанія земли, и Онъ утвердилъ на нихъ вселенную. Стопы святыхъ Своихъ Онъ блюдетъ, а беззаконные во тьмѣ исчезаютъ; ибо не силою крѣпокъ человѣкъ. Господь сотретъ препирающихся съ Нимъ; съ Небесъ возгремитъ на нихъ. Господь святъ. Да не хвалится мудрый мудростію своею, и да не хвалится сильный силою своею, и да не хвалится богатый богатствомъ своимъ, но желающій хвалиться да хвалится тѣмъ, что разумѣетъ и знаетъ Господа. Господь будетъ судить концы земли и дастъ крѣпость Царю Своему и вознесетъ рогъ Помазанника Своего».

Имя *Мессіи* произнесено въ первый разъ; оно соотвѣтствуетъ наименованію Царя, и означаетъ *Помазанника,* получившаго свыше особенные дары Святаго Духа. Царемъ-*Мессіею,* или *Христомъ,* здѣсь названъ Тотъ обѣтованный Избавитель, Котораго Іаковъ, въ благословеніи Іудѣ, предрекъ подъ именемъ Примирителя, Которому должны покориться народы (Кн. Бытія, гл. 4, ст. 10), и Самъ Богъ въ бесѣдѣ съ Моисеемъ нарекъ *Пророкомъ* изъ среды братьевъ его (Кн. Второзаконія, гл. 18, ст. 18—19).

[2]) За 1 100 лѣтъ до Рождества Христова.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

СТЕФАНА НОВОСІЯТЕЛЯ[1])

Преподобный Стефанъ родился и воспитаніе получилъ въ Константинополѣ. Родители его, Захарія и Ѳеофанія, отличались благочестіемъ и добродѣтелями христіанскими; жили они недалеко отъ святаго храма первомученика архидіакона Стефана. Ѳеофанія, мать преподобнаго, еще во время беременности имъ соблюдала строгое воздержаніе относительно пищи: до самаго рожденія его она вкушала только хлѣбъ съ овощами и воду, въ своей матерней утробѣ уже пріуготовляя подвижника. И какъ только родился младенецъ, у него на груди обнаружилось прекрасное изображеніе Креста, которое было видимымъ знаменіемъ того «распятія плоти со страстьми и похотьми»[2]), какое проявилъ онъ въ послѣдующей своей жизни. Воздержаніе онъ началъ соблюдать еще въ младенческихъ пеленахъ, когда питался грудью своей матери: онъ не принималъ молока матери, если она предлагала ему кормленіе по принятіи обильной пищи. И это случалось многократно и продолжалось тогда по два и по три дня, такъ что родственники святаго младенца, наблюдая то, недоумѣвали и сокрушались. Но это нисколько не вредило здоровью дитяти. Младенецъ былъ крещенъ, возрасталъ и былъ отнятъ отъ груди матерней. Достигнувъ отроческаго возраста, онъ охотно и съ прилежаніемъ занялся книжнымъ ученіемъ, соблюдая повиновеніе своимъ родителямъ. Когда же архіерейскую каѳедру занялъ святый Меѳодій[3]), то, по устроенію Божію, благочестивый Захарія, отецъ Стефана, удостоенъ былъ сана пресвитерскаго съ причисленіемъ къ клиру великой Константинопольской церкви; въ то же время и богомудрый Стефанъ принялъ постриженіе и поступилъ въ число клириковъ той же церкви и, между прочимъ, предсказалъ скорую кончину своему родителю. На восемнадцатомъ году по смерти своего отца преподобный Стефанъ подъялъ на себя подвигъ затворничества; уединясь въ церкви святаго и верховнаго Апостола Петра, онъ пребывалъ тамъ въ непрестанной молитвѣ и питался только овощами.

---

[1]) *Новосіятелемъ* преп. Стефанъ названъ потому, что сіялъ, подобно древнимъ подвижникамъ, святою жизнію.

[2]) Посл. Ап. Павла къ Галатамъ, гл. 5, ст. 24.

[3]) *Св. Меѳодій* — Патріархъ Константинопольскій въ 842—846 гг.

Здѣсь онъ вскорѣ получилъ въ своемъ подвигѣ ободреніе свыше: однажды ночью явился къ нему Апостолъ Христовъ и сказалъ:

— Миръ тебѣ, чадо. Да будетъ тебѣ во благо сіе начало добродѣтельнаго житія твоего, и да укрѣпитъ тебя въ томъ Господь.

Проживъ такъ три года, Стефанъ сподобился еще видѣнія священномученника Антипы[1]), который, явившись ему, сказалъ:

— Миръ тебѣ, чадо; будь внимателенъ къ себѣ; не оставлю тебя.

Это внушеніе расположило преподобнаго еще болѣе усилить свой подвижническій трудъ въ молитвѣ и постѣ; съ этого времени онъ только однажды или дважды въ недѣлю вкушалъ овощи и притомъ безъ соли. Проводя такъ жизнь, Стефанъ достигъ высокой степени нравственной чистоты, удостоился сана святительскаго и совершилъ многія чудеса.

На двѣнадцатомъ году царствованія благочестиваго царя Василія[2]) и сороковомъ—жизни Стефана произошло великое землетрясеніе, отъ котораго церковь святаго Антипы, при которой въ то же время обиталъ преподобный, разрушилась совершенно. И удалился преподобный съ того мѣста, и поселился въ одной гробовой пещерѣ, и провелъ въ ней двѣнадцать лѣтъ. Въ это время всѣ волосы на головѣ его и на бородѣ, а равно и зубы выпали и все тѣло его пришло въ разслабленіе, такъ какъ въ пещерѣ той была большая сырость; и преподобный дошелъ до крайней степени умерщвленія плоти своей. Изнуривъ такимъ образомъ плоть свою, онъ потомъ вышелъ изъ пещеры, но и послѣ того постелью ему служила простая доска, покрытая жесткимъ рубищемъ. Потомъ онъ принялъ ангельскій схимническій образъ и только въ Господскіе праздники, по совершеніи Божественной службы, вкушалъ по одной овощинкѣ и немного воды. Такъ питаясь, сей блаженный гражданинъ отечества небеснаго въ продолженіе пятидесяти лѣтъ проходилъ свой тѣсный, строго подвижническій путь жизни и на семьдесятъ третьемъ году всего житія[3]) своего, а лучше сказать умерщвленія плоти своей, предалъ духъ свой Богу.

---

[1]) Священномуч. Антипа, епископъ Пергама Асійскаго, скончался въ 95 г.; память его (11 апр.) была особо чтима въ Царьградѣ, куда при Ѳеодосіи Великомъ (379—395 гг.) былъ перевезенъ изъ Пергама тотъ быкъ, въ коемъ сожженъ былъ св. Антипа.

[2]) Василія Македонянина, т. е. въ 879 г.

[3]) Въ 912 году.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

СОФРОНІЯ,

архіепископа Кипрскаго

Преподобный Софроній былъ сыномъ христіанскихъ богомудрыхъ родителей, жившихъ на островѣ Кипрѣ. Онъ получилъ хорошее образованіе, но предпочтительно занимался писаніями святыхъ Отцевъ, день и ночь поучаясь въ Законѣ Божіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнь свою онъ благоустроялъ по Заповѣдямъ Господнимъ. И настолько онъ преуспѣвалъ въ благочестіи и добрыхъ дѣлахъ, что удостоился отъ Господа дара чудотворенія и совершилъ много чудесъ. По смерти епископа Кипрской церкви святаго Даміана священнымъ Соборомъ и всѣмъ народомъ Софроній избранъ былъ и поставленъ на его мѣсто. Занявъ святительскую каѳедру и принявъ управленіе своею родною церковію, преподобный явилъ себя истиннымъ отцомъ своей паствы: печаловался о вдовицахъ и убогихъ, помогалъ сиротамъ и безпомощнымъ, защищалъ притѣсняемыхъ и обижаемыхъ. И такъ поживъ и благоугодивъ Богу, съ миромъ скончался[1]).

[1]) Въ VI вѣкѣ.

День десятый

СТРАДАНІЕ
СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ
МИНЫ, ЕРМОГЕНА и ЕВГРАФА

После того какъ римскіе цари Діоклетіанъ и Максиміанъ добровольно отказались отъ царства, не имѣя силъ истребить на землѣ святую вѣру Христову, на престолъ вступили: въ Римѣ—Максентій[1]), на Востокѣ—Максиминъ[2]), а въ Галліи—Константинъ[3]), который потомъ увѣровалъ во Христа и просвѣтилъ вселенную свѣтомъ вѣры Христовой. Гоненія на христіанъ не прекращались и при нихъ, особенно на Востокѣ, гдѣ земля и море какъ будто колебались и возмущались, возставая на умножавшуюся Церковь Христову. Но чѣмъ болѣе Церковь Христова была гонима, тѣмъ болѣе она возрастала и процвѣтала, будучи обагрена мученическою кровію, подобно лиліи, растущей среди тернія. Нечестивый же царь Максиминъ былъ сильнымъ ревнителемъ своего многобожнаго нечестія и великимъ ненавистникомъ и гонителемъ христіанскаго благочестія. Ему было донесено, что вся Александрія, славнѣйшій въ Египтѣ городъ, возмутилась

---

[1]) Съ 305—312 годъ.

[2]) *Максиминъ Дака* —императоръ восточной половины имперіи съ 305 по 313 годъ.

[3]) *Константинъ Великій* былъ императоромъ и царемъ Галліи съ 306 по 312 г., когда ему, послѣ пораженія Максентія, покорилась Италія и другія страны.

вслѣдствіе умноженія христіанъ и происшедшаго между ними и язычниками волненія. Не имѣя возможности самъ идти туда и имѣя нужду остаться въ Византіи, Максиминъ послалъ вмѣсто себя одного изъ своихъ вельможъ — человѣка благоразумнаго, въ греческихъ наукахъ свѣдущаго, искуснаго оратора по имени Мину, родомъ аѳинянина. Ему онъ поручилъ усмирить происшедшее въ Александріи возмущеніе и возстановить нарушенный порядокъ: христіанство въ городѣ истребить, а нечестивую ихъ отеческую вѣру утвердить и обратившихся изъ язычества ко Христу вновь возвратить къ нему. Мина по виду казался готовымъ поддерживать вѣру царя и исполнять его злочестивую волю; въ душѣ же онъ былъ истиннымъ христіаниномъ и хранителемъ Заповѣдей Божіихъ, но до времени скрывалъ свою истинную вѣру, дожидаясь Божественнаго призыва къ подвигу и мученическому вѣнцу.

Получивъ приказаніе царя, онъ быстро прибылъ въ Александрію и безъ труда усмирилъ тамъ возмущеніе: мудрыми убѣжденіями онъ примирилъ обѣ противныя стороны—христіанъ и язычниковъ, и позволилъ каждому безнаказанно исповѣдывать свою вѣру; исправивъ, затѣмъ, несправедливыя постановленія въ законахъ, Мина обо всемъ письменно донесъ царю. Немедленно же рѣшилъ онъ предъ всѣми исповѣдать и свою вѣру во Христа, которую онъ скрывалъ доселѣ, —намѣреваясь какъ послужить образцомъ благочестія и источникомъ спасенія для другихъ, такъ и самому выступить на подвигъ мученическій. Онъ такъ говорилъ самъ въ себѣ:

«Если я отдамъ себя на мученіе въ иное время, то буду вознагражденъ только я одинъ; нынѣ же я могу и другихъ привести къ мученическимъ вѣнцамъ».

Посему Мина началъ открыто прославлять Имя Іисуса Христа и учить святой вѣрѣ, убѣждая невѣрныхъ не одними только словами, но и дѣлами, ибо ему свыше ниспосланъ былъ даръ исцѣлять болѣзни посредствомъ призыванія Имени Христа и осѣненіемъ Святаго Креста. Однажды, когда Мина шелъ посреди города и народъ слѣдовалъ за нимъ, случилось ему увидать по дорогѣ множество калѣкъ, хромыхъ, слѣпыхъ, убогихъ, глухихъ и бѣсноватыхъ. Помолившись Богу, чтобы Онъ явилъ силу Свою чрезъ посредство его рукъ для обращенія къ вѣрѣ языческаго народа, онъ призвалъ Имя Христово; налагая затѣмъ руки свои на больныхъ, онъ творилъ на каждомъ изъ нихъ знаменіе Святаго Креста, и тотчасъ всѣ полу-

чили исцѣленіе: слѣпые—прозрѣли, нѣмые—заговорили, хромые — вскочили, какъ бы олени, и бѣсноватые освободились отъ нечистыхъ духовъ. При видѣ сего народъ пришелъ въ изумленіе, и многіе увѣровали во Христа; а святый Мина, научивъ ихъ истинной вѣрѣ, присоединилъ къ Церкви христіанской.

Ст҃ый мч҃нкъ Мина

Нѣкоторые же изъ ослѣпленныхъ невѣріемъ и злобою язычниковъ, коимъ пріятны были бѣсовскіе праздники, проводимые ими въ объяденіи, пьянствѣ и блудѣ, не любили честной и воздержной жизни; будучи сами сынами злобы, ненавидя свѣтъ и не желая переносить поруганія своихъ боговъ и уничиженія праздниковъ въ честь ихъ, они тайно увѣдомили царя, что Мина какъ самъ вѣруетъ въ распятаго Галилеянина[1]), такъ и весь народъ александрійскій развратилъ этою вѣрою и что уже храмы древнихъ боговъ опустѣли. Узнавъ объ этомъ, царь весьма разгнѣвался и, созвавъ своихъ вельможъ и совѣтниковъ, началъ жаловаться имъ на Мину, что онъ сдѣлалъ противное его приказанію и, вмѣсто того, чтобы уничтожить въ Александріи христіанство, распространилъ его, а Еллиновъ[2]), преданныхъ древнимъ отеческимъ законамъ, обратилъ въ новую, Галилейскую вѣру[3]). Вельможи совѣтовали царю послать туда кого-нибудь такого, который сумѣлъ бы возстановить все, нарушенное Миной, и самого его убѣдить или принудить снова обратиться къ языческимъ богамъ; избрать же для всего этого вельможи посовѣтовали кого-либо особенно преданнаго царю и

[1]) Т. е. Іисуса Христа, Которому язычники присвоили это наименованіе, ошибочно полагая, что Онъ родился въ Назаретѣ Галилейскомъ, въ которомъ Онъ провелъ все Свое дѣтство.

[2]) *Еллинами* до Христа назывались *Греки,* а въ Св. Писаніи этимъ именемъ называются язычники вообще — какъ Греки, такъ и другіе народы, потому что многіе изъ нихъ говорили по-гречески.

[3]) Т. е., въ вѣру Христову.

вѣрно ему служащаго, который бы старался сохранить и въ точности исполнить все ему приказанное. Когда они начали совѣтоваться между собою и подыскивать такого человѣка, то наиболѣе подходящимъ для этой цѣли показался всѣмъ начальникъ города по имени Ермогенъ—человѣкъ знатный и уважаемый; его и согласились всѣ послать, какъ могущаго исполнить все то, что будетъ ему приказано царемъ. И тотчасъ же Максиминъ послалъ Ермогена въ Александрію, давъ ему изъ Византіи военный отрядъ, чтобы онъ подвергъ Мину суду, а городъ очистилъ отъ христіанскаго, какъ онъ думалъ, заблужденія. Ермогенъ былъ родомъ точно такъ же изъ Аѳинъ; рожденъ и воспитанъ онъ былъ въ еллинскомъ нечестіи, но характера былъ добраго и мягкаго; хотя онъ не зналъ Христа, Истиннаго Бога, однако чтилъ Его дѣлами, христіанамъ только приличными, **и҆ не и҆мꙋ́щи зако́на, є҆стество́мъ закѡ́ннаѧ** творилъ[1]).

Когда Ермогенъ плылъ съ войскомъ въ Египетъ, на пути туда однажды ночью во снѣ явились ему три пресвѣтлыхъ мужа и сказали ему:

— Знай, Ермогенъ, что ни одно, хотя бы самое малое, доброе дѣло не бываетъ презрѣно Богомъ; посему и твои добрыя дѣла Богъ принимаетъ, и твое путешествіе, предпринятое съ намѣреніемъ погубить многихъ христіанъ, Онъ обратитъ въ источникъ твоей славы и награды на Небесахъ. Итакъ, не забудь нашихъ словъ, ибо чрезъ сіе путешествіе ты узнаешь Истиннаго и Вѣчнаго Царя. А мы пошлемъ тебѣ такого человѣка, который сдѣлаетъ тебя другомъ Того Благословеннаго Царя, и ты удостоишься отъ Него такой чести, какой нынѣшній твой владыка оказать тебѣ не можетъ.

Пробудившись отъ сна, Ермогенъ со страхомъ и изумленіемъ началъ обдумывать видѣнное имъ и недоумѣвалъ относительно того, что должно случиться съ нимъ; и надѣялся онъ получить какую-то высшую почесть, но при этомъ отъ царей, временно царствующихъ на землѣ, а не отъ Царя Вышняго, Котораго онъ еще не зналъ, такъ какъ духовныя очи его еще не были просвѣщены.

Пробывъ нѣсколько дней въ долговременномъ плаваніи, Ермогенъ присталъ къ берегу у города Александріи и со славой

---

[1]) Посл. къ Римл., гл. 2, ст. 14.

Ст҃ый мч҃нкъ
Ермоге́нъ

вступилъ въ городъ, при звукахъ тимпановъ и трубъ, а весь народъ встрѣтилъ и сопровождалъ его съ честію до царскихъ чертоговъ. Когда насталъ вечеръ и народъ разошелся, пришелъ къ Ермогену блаженный Мина, желая наединѣ побесѣдовать съ нимъ объ Истинномъ Богѣ и святой вѣрѣ, зная, что совѣтъ въ такомъ случаѣ лучше слушается и скорѣе принимается, если же что-нибудь сказано будетъ при этомъ непріятнаго, то и это легче переносится, нежели при народѣ.

Войдя къ Ермогену, Мина сказалъ:

— Слава Единому великому Богу, промышленіемъ Котораго ты пришелъ сюда!

Ермогенъ же, услышавъ о Единомъ Богѣ и увидавъ нѣсколькихъ стоявшихъ здѣсь царедворцевъ, тотчасъ же велѣлъ схватить Мину подъ стражу, опасаясь быть оклеветаннымъ предъ царемъ въ томъ, будто онъ принимаетъ царскаго врага въ особой бесѣдѣ. И сказалъ онъ, обращаясь къ предстоящимъ:

— Завтра узнаетъ этотъ тайный единомышленникъ Галилеянъ, какой я другъ врагамъ царя, и уразумѣетъ, одинъ ли богъ или ихъ много.

Утромъ, когда приготовлено было на площади мѣсто для суда и собралось множество народа, Ермогенъ сѣлъ на судейскомъ мѣстѣ, окруженный оруженосцами, и велѣлъ привести на судъ къ себѣ святаго Мину.

Воинъ Христовъ предсталъ предъ нимъ съ свѣтлымъ лицомъ, съ душою небоязненною,—пламенѣя ревностью по Богѣ. И сказалъ ему судья:

— Мина! Всякому человѣку приличествуетъ почитать царей и боговъ царя и быть благодарнымъ за ихъ благодѣянія, а ты не почитаешь ни боговъ, ни царей, забывъ ихъ благодѣянія.

Святый отвѣчалъ:

— Судья! До тѣхъ поръ приличествуетъ выражать благодарность своимъ благодѣтелямъ, пока это полезно—какъ благодѣтельствующему, такъ и благодѣтельствуемому. Когда же это обоимъ приноситъ вредъ, тогда надлежитъ отвергнуть какъ вредное благодѣяніе, такъ и благодѣтеля. Почитать царей—дѣло святое, ради ихъ власти и начальствованія; но когда цари неправильно и неблагочестно почитаютъ Бога, Который есть начало всего, и не воздаютъ Ему надлежащей чести, тогда чтить царей несправедливо; особенно же не слѣдуетъ безразсудно почитать ихъ боговъ, пока не изслѣдуемъ сначала, настолько ли они могущественны, какъ могущественъ Истинный Богъ. Безначальны ли, безконечны ли и безсмертны ли они? И если имъ недостанетъ при этомъ хотя какого-нибудь одного свойства, ихъ надо презирать; ибо какъ могутъ они быть богами, будучи несовершенными? Итакъ, съ добрымъ намѣреніемъ и съ чистымъ сердцемъ надлежитъ испытать, кто есть воистину Богъ. Когда я, какъ и самъ ты, судья, знаешь объ этомъ, былъ въ Аѳинахъ, то соблюдалъ законы отцовъ; съ юности покинувъ родителей, я съ великимъ желаніемъ и усердіемъ прилежалъ книгамъ и съ немалымъ трудомъ прошелъ все еллинское, на лживыхъ басняхъ основанное, ученіе. Узнавъ же, что и у христіанъ есть нѣкоторыя книги, я пожелалъ прочитать и ихъ. И когда я читалъ ихъ, то почувствовалъ такую сокрытую въ нихъ душевную пользу, что невозможно то и выразить; сопоставивъ христіанскія писанія съ еллинскимъ ученіемъ, я нашелъ ихъ имѣющими между собою великую разность и какъ бы другъ противъ друга направленными: въ первыхъ усмотрѣлъ я силу и правду, въ послѣднемъ же—заблужденіе и обманъ. Ибо то, что заключается въ христіанскихъ писаніяхъ, являетъ силу Христову, приличествующую Богу; еллинскія же сочиненія представляютъ бога, обладающимъ человѣческими немощами, страстями и похотями, исполненнымъ лжи, возмущенія, невоздержанія и безстыдства; они описываютъ боговъ ведущими междоусобныя брани, побѣжденными и ранеными со стороны даже смертныхъ людей; исполнены сочиненія эти и множествомъ всякаго инаго зла, лжи и басней. Вообще чтеніе христіанскихъ писаній приводитъ ко спасенію чрезъ познаніе Истины, еллинскія же сочиненія ведутъ къ несомнѣнной погибели, ниспаденію въ нечестіе и въ скверныя страсти и заблужденія. Но хотя христіанскія писанія

столь спасительны, я не тотчасъ рѣшился послѣдовать ихъ ученію, но задумалъ испытать силу Христову на дѣлѣ, чтобы научиться истинѣ на собственномъ опытѣ. И когда я встрѣтилъ одного разслабленнаго, призвалъ надъ нимъ Имя Христово, то больной тотчасъ же выздоровѣлъ. А я, познавъ Единаго Всесильнаго Бога, отрекся еллинскаго заблужденія и, принявъ Святое Крещеніе, предалъ себя Христу. Съ того времени и донынѣ я скоро и легко исцѣляю тяжкія болѣзни и неисцѣльныя страданія, однимъ только Богомъ врачуемыя,—исцѣляю чрезъ призываніе одного только Имени Христова. Свидѣтелемъ же всего мною сказаннаго является весь этотъ народъ, стоящій кругомъ этой площади, и никто не можетъ сказать, что слова мои лживы и обманчивы, такъ какъ все сказанное мною можно испытать на дѣлѣ и вамъ самимъ.

Ст҃ы́й мч҃нкъ
Є҆ѵгра́фъ

Пока святый говорилъ это и многое иное о Христѣ Богѣ, окружавшій народъ прилежно слушалъ его отъ третьяго часа до седьмаго и желалъ еще слушать рѣчи его, и тѣмъ болѣе не желалъ видѣть его страданія. Наконецъ, весь народъ, какъ бы едиными устами, воззвалъ къ Ермогену:

— Не трудись больше, добрый судья! Ибо мы всѣ—свидѣтели чудесъ, силой Христовой имъ сотворенныхъ; ни одного ложнаго слова не сказалъ онъ, и нѣтъ обмана въ устахъ его. И если бы ты самъ здѣсь былъ въ то время, то и ты позналъ бы истину и убѣдился, что не слѣдуетъ чтить инаго Бога, кромѣ Того, Котораго проповѣдуетъ Мина.

Ермогенъ, видя смѣлость народа и понявъ, что всѣ, слушая ученіе Мины, приклоняются ко Христу, побоялся подвергнуть его мукамъ; будучи же не въ состояніи что-либо возразить противъ Истины, устыдился и велѣлъ отвести его въ темницу, а самъ,

вставши, со скорбію ушелъ въ свои покои, народъ же разошелся по домамъ, восхваляя святаго Мину.

Будучи затворенъ въ темницѣ, святый воспѣвалъ:

— **Спа́слъ є҆сѝ на́съ, гдⷭ҇и, ѿ стѹжа́ющихъ на́мъ, и҆ ненави́дѧщихъ на́съ посрами́лъ є҆сѝ,** отверзъ **въ при́тчахъ ѹ҆ста̀ на̑ша,** провѣщалъ **гана̑нїѧ и҆спе́рва**[1]).

Между тѣмъ Ермогенъ отъ печали и тревоги не ѣлъ и не спалъ ночью, такъ какъ боялся и царя, и народа: народа — чтобы онъ не произвелъ изъ-за Мины шума и безпорядка; и еще болѣе — царя, чтобы тотъ не прогнѣвался на него, если онъ не подвергнетъ Мину мучительной смерти. И снова утромъ, сѣвъ на судилищѣ и приготовивъ орудія для пытки, онъ велѣлъ привести святаго связаннымъ и сказалъ ему:

— Скажи мнѣ, нечестивецъ, на что надѣясь, ты дерзнулъ возмутить народъ не повиноваться царю, безъ стыда хулить боговъ и почему увѣщалъ ихъ слушаться твоихъ лживыхъ рѣчей и принимать какую-то твою странную вѣру?

На это святый возразилъ:

— Не я возбуждаю народъ не повиноваться нечестивому царскому приказанію, а ревность Божія, ибо народъ ревнуетъ о Господѣ Своемъ, Котораго позналъ въ знаменіяхъ и чудесахъ. Если же я и отзывался худо о богахъ царя твоего предъ народомъ, то вѣдь всякому человѣку, имѣющему правильный взглядъ и здравое сужденіе о дѣлѣ, подобаетъ не любить, а ненавидѣть то, что онъ увидитъ и признаетъ ложнымъ; Истину же должно любить и почитать. А Истина для людей, относительно Которой нѣтъ никакого сомнѣнія, есть Самъ Христосъ!

Судья отвѣчалъ на это:

— Безумецъ, это тебѣ такъ кажется, что Истина есть Христосъ, но я тебѣ сейчасъ же покажу, что не слѣдуетъ поклоняться Распятому и что ложно все, вчера тобою сказанное: если я отсѣку или сожгу одинъ изъ членовъ твоего тѣла, — ты, поклоняющійся Христу, можешь ли этотъ отсѣченный или сожженный членъ снова сдѣлать здоровымъ?! И если ты сдѣлать этого не въ силахъ, то какое ты подашь исцѣленіе другимъ?

---

[1]) Псаломъ **43**, ст. 8; Псал. **77**, ст. 2.—*Гананія*—притчи, образъ рѣчи загадочный и приносящій сокровенную пользу.

Тогда святый снова сказалъ:

— Желаю, о судья, чтобы ты подвергъ меня за Христа всякимъ мученіямъ, и надѣюсь, что тогда и ты, презрѣвъ эту временную славу, которую теперь имѣешь, будешь однимъ изъ тѣхъ, надъ которыми царствуетъ Христосъ мой.

Будучи разгнѣванъ этими словами, судья приказалъ отрѣзать у Мины ступни ногъ, содрать кожу съ голеней его и въ такомъ видѣ поставить его предъ собою, чтобы, мучимый болью отъ ранъ, онъ не могъ уже отвѣчать ему на вопросы о богахъ. Святый же, когда срѣзано было мясо съ ногъ его, ставъ на самыя оголенныя кости, запѣлъ: «**нога̀ моѧ̀ ста̀ на правотѣ̀, въ це́рквахъ бл҃гословлю̀ тѧ̀, гдⷭ҇и**» [1]). И хотя изъ ногъ его обильно текла кровь, однако мученикъ съ радостнымъ лицемъ и мужественно переносилъ страданія; языкъ же его витійствовалъ еще свободнѣе, прославляя Единаго Истиннаго Бога и обличая безбожіе. Судья, увидѣвъ это, приказалъ отрѣзать Минѣ языкъ; и когда слуги намѣревались исполнить приказаніе, святый сказалъ мучителю:

— Если ты не только вырѣжешь мнѣ языкъ, но и выколешь глаза, то и этимъ меня не побѣдишь, ибо свѣтильникъ ногамъ моимъ—законъ Христовъ [2]); я надѣюсь даже, что послѣ того, какъ ты отрѣжешь языкъ мой, то и самъ повѣдаешь величіе Христа моего.

И дѣйствительно, когда у Мины урѣзанъ былъ языкъ и кровь текла изъ устъ его,—и тогда святый не измѣнилъ своему мужеству, но взоромъ показывалъ, что готовъ страдать за Христа всѣми членами тѣла своего.

Тогда судья приказалъ выколоть ему глаза, и когда это было исполнено, святый наклонилъ свою голову, стараясь хотя этимъ выразить благодарность Богу за то, что Онъ сподобляетъ его перенести за Него такія мученія. И снова онъ вверженъ былъ въ темницу, а судья ушелъ съ площади, говоря:

— Завтра я отдамъ тѣло его на съѣденіе птицамъ.

Святый лежалъ въ темницѣ, изнемогши отъ ранъ и будучи едва живъ отъ страданій. Ночью же, въ третьемъ часу, вдругъ озарилъ темницу свѣтъ, какъ бы молнія, и явился Самъ Христосъ Господь. Приблизившись къ тому мѣсту, на которомъ лежалъ мученикъ, Онъ прежде всего исполнилъ сердце святаго радости и

[1]) Псаломъ 25, ст. 12.

[2]) Псаломское выраженіе. Ср. Псал. 118, ст. 105.

мужества, затѣмъ исцѣлилъ ему языкъ, просвѣтилъ глаза, возстановилъ ноги и какъ бы воздвигъ и воскресилъ его изъ мертвыхъ, содѣлавъ всего его здравымъ и невредимымъ. Затѣмъ Онъ сказалъ мученику:

— Внимай, Мина! Я—Іисусъ Христосъ, за Котораго ты страдаешь. Пришелъ Я посѣтить тебя, хотя и прежде былъ недалеко отъ тебя, взирая на твой подвигъ и ожидая, чтобы твою любовь ко Мнѣ познали судьи и власти; но такъ какъ они уже познали ее, то отнынѣ Я буду явно защищать тебя. Ермогена же, враждующаго на Меня и нелюбящаго Имя Мое, ты завтра увидишь смирившимся и умоляющимъ тебя, а вскорѣ онъ будетъ и другомъ твоимъ по подвижничеству: ибо вмѣстѣ съ тобою будетъ онъ страдать, вмѣстѣ получитъ и вѣнецъ, такъ какъ несогласно съ Моею благостью, чтобы многія добрыя дѣла его погибли изъ-за его невѣдѣнія.

Сказавъ сіе, Спаситель дунулъ на Мину Святымъ Своимъ Духомъ и исполнилъ его неизреченной радости.

Между тѣмъ Ермогенъ, лежа на постели, размышлялъ о происхожденіи и родинѣ святаго Мины, о его премудрости и мужествѣ и о его прежней славѣ, когда онъ имѣлъ у царя большую силу и для многихъ испрашивалъ царскія милости. Размышляя обо всемъ этомъ, онъ называлъ себя окаяннымъ за то, что подвергъ мученіямъ такого человѣка; предполагая же, что тотъ уже умеръ отъ тяжкихъ страданій, онъ плакалъ о немъ и рѣшилъ съ честью похоронить его тѣло.

Когда насталъ день и собрался народъ со всего города Александріи, Ермогенъ снова сѣлъ на мѣсто судьи и послалъ стоящихъ передъ нимъ воиновъ вынести изъ темницы на площадь тѣло мученика. Отправившись, воины нашли темницу, которая ранѣе была весьма мрачна, наполненной небеснаго свѣта, а около святаго увидѣли двухъ прекрасныхъ и свѣтлыхъ мужей, подобныхъ воинамъ, и готовыхъ къ защитѣ и отраженію враговъ; Мину же святаго нашли не только живымъ, но и совершенно здоровымъ, ясно видящимъ, хорошо говорящимъ и поющимъ: **а҆́ще пойдꙋ̀ посредѣ̀ сѣ́ни сме́ртныѧ, не ᲂу҆боюсѧ ѕла̀, ꙗ҆́кѡ ты̀ со мно́ю є҆сѝ, гдⷭ҇и** [1]). Отъ изумленія они стояли молча, какъ нѣмые; удостовѣрившись вполнѣ, что они видятъ не привидѣніе, но

[1]) Псаломъ 22, ст. 4.

самую дѣйствительность, совершаемую силою Божіей, они воскликнули:

— Великъ Богъ христіанскій!

И тотчасъ же они увѣровали во Христа, и не возвратились къ пославшему ихъ. А судья, долго прождавъ съ народомъ тѣхъ воиновъ, смутился и послалъ еще больше воиновъ, приказавъ имъ принести тѣло мученика, такъ какъ онъ думалъ, что тотъ уже умеръ. Но и эти, увидѣвъ то же, что и первые, увѣровали во Христа и присоединились къ нимъ. Святый же, узнавъ отъ воиновъ, что весь городъ собрался на площадь и что судья сидитъ уже на судилищѣ, самъ пошелъ къ судьѣ и народу, сопровождаемый воинами, увѣровавшими во Христа. Приближаясь къ площади, онъ запѣлъ: «А҆́ще ѡ҆полчи́тсѧ на мѧ̀ по́лкъ, не ᲂу҆боѝтсѧ се́рдце моѐ»[1]). И тотчасъ всѣ устремили на него глаза свои и изумлялись, видя его живымъ и здоровымъ — ходящимъ, видящимъ и говорящимъ, хотя еще вчера онъ былъ полумертвъ, ослѣпленъ и безъ языка. И всѣ единогласно воскликнули:

— Велика сила Христова, самую смерть побѣждающая! Блаженъ ты, городъ Александрія, чрезъ посредство одного этого человѣка понявшій обольщеніе бѣсовское и познавшій Истину Христову: воистину это — власть и сила Божія! Радуйся, проповѣдникъ и подвижникъ Единаго Истиннаго Бога и Спасителя! Радуйся!

Судья еще болѣе изумился этому новому и дивному происшествію и, боясь, чтобы народъ на возсталъ на него, хотѣлъ уйти съ площади. Но народъ закричалъ ему:

— Не уходи, досточтимый судья, и не завидуй городу за такое его счастье, что онъ сегодня узнаетъ Единаго Истиннаго Бога и пойдетъ путемъ правды къ свѣту Истины.

Тогда судья, сдѣлавъ народу знакъ умолкнуть, приказалъ святому подойти къ нему и стать поближе, ибо онъ все еще считалъ видимое имъ за обманъ, не имѣя въ себѣ познанія о Христѣ. Онъ внимательно глядѣлъ на святаго и ощупывалъ его руками: дѣйствительно ли это Мина и дѣйствительно ли исцѣлился онъ отъ ранъ. Удостовѣрившись, что все это дѣйствительно такъ, Ермогенъ удивился и отъ изумленія молчалъ. Затѣмъ, едва придя въ себя, онъ проговорилъ:

---

[1]) Псаломъ 26, ст. 3.

— Скажи мнѣ, человѣче, что это за удивительныя и неожиданныя совершаются происшествія? Твой ли только Богъ, или и другой какой-либо можетъ это сдѣлать?

Отвѣчая на это, святый сначала подробно изложилъ ученіе о Безначальномъ Богѣ, затѣмъ—о созданіи человѣка и его грѣхопаденіи, потомъ — о воплощеніи Христа, о искупленіи рода человѣческаго, о крестномъ и добровольномъ страданіи, и наконецъ, въ заключеніе рѣчи, присоединилъ:

— Богъ, будучи благъ и милостивъ, сошелъ для спасенія людей на землю и никому не желаетъ погибели и лишенія вѣчныхъ благъ. Какъ мать печется о сынѣ своемъ, претерпѣвая причиняемыя имъ скорби и обиды, побѣждаемая естественною къ нему любовію, и не сердится на него, если онъ сдѣлаетъ что-либо неподобающее, такъ какъ онъ дѣлаетъ то по невѣдѣнію и безъ всякаго умысла, и потому терпѣливо дожидается его совершеннолѣтія и развитія, желая видѣть его мужемъ совершеннымъ и между людьми почитаемымъ и уважаемымъ, — такъ и Богъ нашъ, создавшій насъ, заботится о насъ и, какъ любящій отецъ, переноситъ все злое, по невѣдѣнію нами совершаемое, побѣждаемый Своею благостію. Онъ ничего такъ не желаетъ, какъ того, чтобы мы унаслѣдовали славу Его, возрасли въ мужа совершеннаго, въ мѣру возраста духовнаго. Видя же васъ погубляемыхъ діаволомъ, не приходящихъ къ познанію Истины, прогнѣвляющихъ Его своими идолослуженіями и почитаніемъ ложныхъ боговъ, Онъ сожалѣетъ о вашей погибели. Въ то же время заботясь о васъ, какъ о Своихъ дѣтяхъ, Богъ теперь обличилъ васъ чрезъ меня и побѣдилъ заблужденіе ваше и неразумную ревность вашу, какъ это признаютъ и всѣ, на меня взирающіе. Для того, чтобы каждый изъ васъ призналъ во мнѣ силу Христову, я, человѣкъ, уже достигшій старости, вчера изувѣченный, лишившійся всѣхъ тѣлесныхъ силъ и почти мертвецомъ вверженный въ темницу,—вотъ, я нынѣ стою предъ вами цѣлымъ и невредимымъ, и какъ бы снова сегодня рожденнымъ и явившимся въ міръ сей еще болѣе здоровымъ. И если кто хочетъ узнать, кто есть Истинный Богъ, тотъ да вѣруетъ, что Онъ есть Тотъ, Который возвратилъ мнѣ и языкъ, и глаза, и ноги, и совершенное здоровье; пусть тотъ вѣруетъ въ Того, Кто изначала сотворилъ сей міръ и все, что въ немъ, и даровалъ жизнь твари. Пойми это и ты, судія, и не будь незнающимъ Того, Кто заботится о тебѣ и ждетъ твоего обращенія. Надлежитъ

и тебѣ обратиться ко Христу, какъ мнѣ извѣщено объ этомъ отъ Него Самого. Радуйся же, что ты придешь ко Всеблагому и Вѣчному Царю и вмѣстѣ со мною пріобщишься мученическому подвигу!

Судья какъ человѣкъ, имѣвшій добрую и воспріимчивую къ благодати душу, началъ, отчасти изъ словъ святаго, отчасти же изъ совершившагося чуда, познавать Истиннаго Бога, послѣ того какъ Божественный свѣтъ коснулся его сердечныхъ очей. Теперь вспомнилъ онъ и о томъ видѣніи, которое видѣлъ, плывя на кораблѣ, и почувствовалъ, что Богъ хочетъ пріобщить его къ Своимъ вѣрнымъ рабамъ и друзьямъ. Посему онъ, подобно получившему какое-нибудь великое пріобрѣтеніе, возрадовался и сомнѣвался лишь относительно того, какъ можетъ онъ быть достойнымъ милости Бога, послѣ того какъ столь долгое время пребывалъ въ нечестіи.

Когда онъ размышлялъ объ этомъ, Божественная благодать, призывающая его къ Истинѣ, удостоила его дивнаго видѣнія: онъ, вмѣстѣ съ друзьями своими, увидѣлъ двухъ мужей, стоящихъ около святаго Мины, свѣтлыхъ какъ молнія, имѣющихъ крылья и держащихъ вѣнецъ надъ главою мученика. Увидѣвъ ихъ, онъ весьма испугался и сталъ спрашивать друзей своихъ, бывшихъ съ нимъ, видятъ ли и они то, что видитъ онъ; тѣ сказали, что и они видятъ то же самое. Тогда Ермогенъ, вставъ съ сѣдалища своего и показавъ рукою на святаго, громогласно воззвалъ къ народу:

— Воистину — это слуга Бога Истиннаго, и великъ тотъ Богъ, почитанію Котораго онъ учитъ насъ; ибо Онъ чудесно подаетъ съ Небесъ помощь рабамъ Своимъ, защищаетъ ихъ и даетъ имъ возможность одолѣвать своихъ противниковъ. Безуменъ былъ я до настоящаго дня, самъ предаваясь служенію бѣсамъ и стараясь привести къ нимъ и васъ, желающихъ право вѣровать во Христа.

Сказавъ это, онъ хотѣлъ припасть къ ногамъ мученика, но, видя ангельскіе лики, боялся приблизиться. Когда же Ангелы стали невидимы, Ермогенъ подошелъ къ св. Минѣ, обнялъ его честныя ноги и сталъ цѣловать ихъ, говоря:

— Молись за меня, истинный слуга Божій, молись, прошу тебя во Имя той самой Истины, которую ты проповѣдуешь, молись, чтобы и мнѣ, недостойному, сподобиться стать служителемъ твоего Бога,—и если я сподоблюсь Его благодати, то начну каяться въ прежнемъ моемъ заблужденіи и безуміи.

Святый сказалъ ему на это:

— Успокойся, добрый судія, и не сомнѣвайся въ милости Божіей. Ибо я знаю, что Онъ благоутробенъ и милосердъ, и надѣюсь, что Онъ не только не отринетъ тебя, приходящаго къ Нему, но и впишетъ имя твое въ книгу жизни; принимая твою усердную вѣру въ Него, открылъ Онъ мнѣ о тебѣ, что желаетъ, чтобы и ты прославилъ мученичествомъ Его Божественное Имя.

Сказавъ это, святый вспомнилъ, что народъ весь день пребываетъ голоднымъ; ибо всѣ позабыли о пищѣ, видя происходящее и удивляясь ему, такъ что никто не хотѣлъ уходить съ площади при видѣ дивнаго чуда того и внимая сладкословеснымъ рѣчамъ исповѣдника Христова. Припомнивъ это, святый и самъ ушелъ съ площади и народу велѣлъ расходиться, обѣщая утромъ опять придти на площадь, еще подробнѣе говорить о святой вѣрѣ и научить ихъ тому, что имъ нужно дѣлать. Ермогенъ же не отлучался отъ святаго Мины, но всю ночь провелъ съ нимъ, наставляемый имъ познанію Истиннаго Бога и тайнамъ вѣры Христовой.

Утромъ на площади собралось столько народа изъ Александріи, что ихъ не могла вмѣстить и вся площадь. Когда святый Мина съ Ермогеномъ стали подходить къ площади, великое множество Еллиновъ, встрѣчая ихъ, единодушно взывало:

— Всѣ мы вѣруемъ въ проповѣдуемаго тобою Бога, Ему Единому обѣщаемся служить, а всего нашего прежняго заблужденія отрицаемся.

Въ отвѣтъ на это святый благодарилъ Бога, обращающаго къ Себѣ ожесточенныхъ язычниковъ и наставляющаго заблудшихъ на путь Истины. Восхвалялъ онъ ихъ скорое обращеніе къ Богу и утѣшалъ богомудрыми наставленіями, поучая возлагать свои надежды на благость Божію, которой они будутъ сподоблены во Святомъ Крещеніи. Войдя на площадь и ставъ на ней, святый, обращаясь ко всему народу, сказалъ:

— Богъ да усовершитъ васъ Своимъ знаменіемъ и да содѣлаетъ васъ расположенными ко всякому доброму дѣлу!

Послѣ этого онъ велѣлъ каждому изъ нихъ спрашивать о Богѣ и поучаться, кто чему хочетъ. Судья со всѣмъ народомъ отвѣтилъ на это:

— Святѣйшій человѣкъ Божій! Нѣтъ у насъ никакого сомнѣнія относительно твоего Бога. Всѣ мы съ очевидностью познали Его

и потому вѣруемъ всему, тобою сказанному, и объ одномъ только просимъ, чтобы соединиться съ Богомъ чрезъ Крещеніе.

Нѣкоторые же изъ народа, видя Ермогена, обращающимся ко Христу, прибавили:

— Воистину нѣтъ лицепріятія у Бога, ибо и язычнику далъ Онъ познать Себя и помиловалъ его за великую щедрость къ нищимъ.

Въ скоромъ времени пришли въ Александрію изъ окрестныхъ мѣстъ и пустынь епископы[1]): одни — для того, чтобы посѣтить своихъ словесныхъ овецъ, другіе—желая видѣть подвиги мучениковъ, и собралось ихъ около 30 человѣкъ; тогда, приготовивъ воду, святый Мина повелѣлъ Ермогену преклонить главу свою предъ епископами. А они, возливая воду на его главу, сказали:

— Получаетъ баню возрожденія Ермогенъ, во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа[2]).

Такъ былъ крещенъ предъ всѣмъ народомъ судія, и всѣ люди прославляли Христа Бога. Крестилось и множество народа, и была во всемъ городѣ великая радость, такъ какъ вѣрующіе люди веселились о Господѣ Богѣ своемъ.

Черезъ нѣсколько дней Ермогенъ былъ поставленъ епископомъ города Александріи,—все свое имѣніе онъ роздалъ при этомъ нуждающимся. Вмѣстѣ со всѣмъ своимъ духовнымъ стадомъ онъ началъ рѣшительную борьбу съ діаволомъ: въ короткое время разорилъ бѣсовскія капища, уничтоживъ идоловъ, а на мѣстѣ ихъ основалъ церкви и крестилъ безчисленное множество Еллиновъ, обращая ихъ ко Христу. Призываніемъ Имени Христова и осѣненіемъ Его Святаго Креста, онъ исцѣлялъ всякія болѣзни и изго-

---

[1]) Въ это время вслѣдствіе гоненій епископы Церкви, смотря по нуждамъ ея, не всегда оставались среди своихъ пасомыхъ, а иногда, для ихъ же блага, дабы не лишить ихъ своего духовнаго руководства, укрывались по пустынямъ, лишь изрѣдка являясь для назиданія паствы и укрѣпленія ея. Но когда надлежало укрѣпить падающій духъ пасомыхъ собственнымъ примѣромъ, тогда святители предавали себя мученіямъ истязателей.

[2]) Этотъ видъ Св. Крещенія (чрезъ обливаніе, а не погруженіе) не былъ обычнымъ въ древней Церкви, онъ употреблялся (и доселѣ употребляется) лишь въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда нельзя достать потребное количество воды, особенно для большого числа людей, какъ въ настоящемъ случаѣ, и при другихъ подобныхъ крайнихъ затрудненіяхъ.—Выраженіе: «получаетъ баню возрожденія» совершенно равнозначуще съ обычнымъ выраженіемъ: «крещается». Оно заимствовано изъ Посланія Апостола Павла къ Титу (гл. 3, ст. 5) и означаетъ ту мысль, что вода Крещенія, омывая тѣло, вмѣстѣ съ тѣмъ возрождаетъ человѣка и духовно, уничтожая его грѣхи, подобно тому какъ баня тѣлесная омываетъ нечистоту тѣлесную.

нялъ изъ людей нечистыхъ духовъ; онъ училъ всѣхъ людей благочестію и чистотѣ, смиренію и любви, кротости и другимъ добродѣтелямъ, подавая примѣръ стаду и своимъ собственнымъ житіемъ.

Когда все это происходило, нѣкій жестокосердный Еллинъ, по имени Рустикъ, одинъ изъ членовъ царскаго синклита[1]), отправившись къ царю, разсказалъ ему обо всемъ, случившемся въ Александріи: о томъ, какъ епархъ Ермогенъ, послѣдуя ученію Мины, сталъ христіаниномъ и о томъ, какъ весь народъ александрійскій послѣдовалъ за Ермогеномъ и Миною, принявъ ту же самую вѣру. Царь Максиминъ, услыхавъ объ этомъ, сильно разгнѣвался не только на Ермогена и Мину, но и на весь городъ Александрію; немедленно собравшись, онъ отправился въ Александрію, взявъ съ собою 10 тысячъ вооруженныхъ воиновъ. Прибывъ въ городъ, онъ тотчасъ же схватилъ Мину и Ермогена, и какъ только было приготовлено мѣсто для суда, приказалъ собраться на площадь всѣмъ жителямъ города, а самъ занялъ мѣсто судьи. Когда святые приведены были къ нему на судъ и притомъ, по приказанію его, обнаженными, мучитель, увидавъ ихъ, громко воскликнулъ:

— О боги! Что̀ это значитъ, что тѣ, которымъ оказана была съ нашей стороны особенная честь, добровольно презрѣли ее, а избрали себѣ жизнь презрѣнную и недостойную и стали по виду своему какъ бы какіе-нибудь скоморохи?

Затѣмъ онъ началъ говорить Ермогену:

— Скажи мнѣ, несчастный, для чего я поручалъ тебѣ власть надъ всей этой землей и моремъ, какъ не для того, чтобы и самъ ты оставался вѣрнымъ нашимъ богамъ и намъ, а Мину, совратившагося въ заблужденіе, возвратилъ бы къ отечественной религіи; ты же не только не вернулъ его отъ заблужденія, но и самъ сталъ единомышленникомъ его.

Когда гордый царь такъ гнѣвался и пылалъ мщеніемъ, Всеблагій Небесный Царь милостиво призрѣлъ съ высоты на рабовъ Своихъ, ибо внезапно къ нимъ явились Ангелы, вселяя въ нихъ мужество, приготовляя къ страданіямъ и повелѣвая не страшиться царскаго гнѣва, такъ какъ конечное торжество будетъ на ихъ сторонѣ. Тогда Ермогенъ въ отвѣтъ царю сказалъ:

— Царь! Если ты хочешь съ терпѣніемъ выслушать меня, почему я добровольно отвергъ то, что представляется тебѣ вер-

[1]) *Синклитъ* — правительство воинское и гражданское изъ самыхъ важныхъ и вліятельныхъ совѣтниковъ и сановниковъ.

хомъ благополучія, и предпочелъ сдѣлаться какъ бы неразумнымъ нищимъ, поруганнымъ и лишеннымъ чести, т. е. стать христіаниномъ и быть готовымъ идти за Христа на огонь, мечъ, на зубы звѣриные и даже желать смерти за Него болѣе, чѣмъ жизни,—я открою тебѣ, но только слушай.

Царь сказалъ ему на это:

— Если ты будешь говорить мнѣ истину, я стану тебя слушать, но остерегайся говорить ложь вмѣсто правды.

И Ермогенъ началъ повѣствовать предъ нимъ слѣдующимъ образомъ:

— Царь! Я имѣлъ пламенное желаніе преслѣдовать христіанъ и ихъ ученіе, чтить же боговъ языческихъ и повиноваться твоей волѣ—ты это знаешь, ибо ты самъ послалъ меня въ этотъ городъ для того, чтобы соблазнами или угрозами возвратить къ древней вѣрѣ Мину премудраго. Для этого ты и послалъ меня сюда съ столь великою воинскою силою, такъ что даже и самъ нынѣ пришелъ съ меньшею силою. Всѣ жители этого города пусть будутъ свидѣтелями моими предъ тобою въ томъ, какимъ я былъ вначалѣ, когда ласкательствомъ, угрозами и всѣми другими средствами старался отвратить Мину отъ христіанства; не зналъ я, неразумный, что встрѣтилъ человѣка безстрашнаго и мужественнаго, всегда готоваго къ отвѣту, и съ сердцемъ, жаждущимъ лучше терпѣть муки и всѣ лютѣйшія страданія, нежели отречься отъ Христа. Когда я увидѣлъ, что онъ не соглашается поклониться богамъ, не боится власти, не страшится мукъ, не слушается увѣщаній, то я подвергъ его мукамъ, потому что поведеніе его казалось мнѣ оскорбленіемъ для боговъ, тѣмъ болѣе что и народъ сочувствовалъ ему, раздѣляя всѣ его мудрованія о вѣрѣ. Сначала я велѣлъ отрубить ему ступни у ногъ до самыхъ костей, потомъ отрѣзать языкъ и выколоть глаза; а когда онъ обезсилѣлъ отъ ранъ и едва уже дышалъ, я велѣлъ бросить его въ темницу. Говоря по истинѣ, я тяжко болѣлъ за него душою какъ за своего согражданина, что погибъ такой премудрый и краснорѣчивый человѣкъ. Утромъ я велѣлъ вынести тѣло его, полагая, что онъ уже умеръ. И вдругъ вижу его живымъ—вижу, что онъ даже самъ идетъ ко мнѣ, смотритъ глазами и говоритъ языкомъ. Увидавъ его, я подумалъ, что это привидѣніе, и потому закрылъ глаза свои, чтобы не видѣть и подобія того, кто былъ врагомъ боговъ. Но когда потомъ я всталъ со своего мѣста и вмѣстѣ съ прочими

началъ внимательно разсматривать явившагося, то, не довѣряя однимъ только своимъ глазамъ, а и руками осязая,—я убѣдился, что это дѣйствительно былъ Мина. И я тотчасъ же былъ побѣжденъ Истиною, имѣя неложнымъ своимъ свидѣтелемъ—совѣсть. Впрочемъ, царь, вотъ самъ онъ стоитъ предъ тобою! Вотъ и народъ, видѣвшій мученія его: пусть онъ засвидѣтельствуетъ предъ тобою или же ты самъ разузнай, какъ хочешь: дѣйствительно ли это чудо. Итакъ скажи мнѣ,—заклинаю тебя твоими богами,—если бы кто-нибудь увидѣлъ, подобно мнѣ, Христа, такъ внезапно исцѣляющаго и оживляющаго человѣка и проявляющаго въ такомъ чудѣ Свою силу, тотъ понялъ бы, что это—Богъ Единый Истинный. Онъ есть Единый Творецъ перваго человѣка и обѣщалъ вѣрующимъ въ Него вѣчное Царство на Небесахъ. Если бы кто-нибудь увидѣлъ все это и постигъ, неужели бы онъ отвергся такого Бога и не захотѣлъ назваться другомъ Его? И неужели бы отвергся онъ такой благодатной силы, чтобы быть въ состояніи, подобно Самому Богу, слѣпымъ давать зрѣніе, хромыхъ исцѣлять, горы переставлять, мертвыхъ воскрешать,—и всякій сотворенный предметъ передвигать однимъ своимъ словомъ или однимъ мановеніемъ руки своея, имѣя при этомъ надежду на вѣчное блаженство и Царство Небесное? Неужели кто оставилъ бы таковаго Бога и пренебрегъ такимъ блаженствомъ, а предпочелъ бы почитать вашихъ боговъ и быть начальникомъ и царемъ. Какого мнѣнія ты былъ бы о такомъ человѣкѣ? Не показался ли бы онъ тебѣ безумцемъ и невѣждою, не имѣющимъ никакого понятія о томъ, что такое добро и истинная польза? Потому-то, царь, и я отвергъ всѣ заблужденія, ваши басни и вашихъ мерзкихъ боговъ, и всѣ временныя суетныя блага и обратился къ Единому Истинному Богу, пожелавъ лучше показаться въ глазахъ вашихъ безумцемъ, какъ самъ ты назвалъ меня, и терпѣть злополучія, чѣмъ считаться премудрымъ и избраннымъ между вами. Итакъ, о насъ ты все уже слышалъ теперь. Если же ты хочешь постигнуть силу Христову, то немедленно испытай это на дѣлѣ: придумай для насъ какое-нибудь величайшее мученіе; если же ты не можешь придумать его, то позволь мнѣ самому указать тебѣ виды всевозможныхъ мученій и привести ихъ на память предъ тобою: вѣдь я немалое время былъ судьей и мучителемъ, и потому являюсь въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно искуснымъ. Отдай насъ на съѣденіе звѣрямъ, низвергни насъ съ горы въ пропасть, брось

въ море, закопай живыми въ землю, усѣки мечомъ, сожги огнемъ, каждому отдѣльному члену нашего тѣла придумай соотвѣтствующее мученіе, потому что и я, когда былъ ослѣпленъ нечестіемъ, дѣлалъ все это со святымъ Миной, моимъ свѣтильникомъ, въ познаніе Истины меня приведшимъ.

Въ то время, какъ святый Ермогенъ столь безбоязненно говорилъ предъ царемъ, народъ дивился его дерзновенной и мужественной рѣчи и подтвердилъ, что чудо, бывшее со святымъ Миною, дѣйствительно совершилось на глазахъ у всѣхъ. Царь же ни одного слова не могъ сказать въ отвѣтъ Ермогену. Зная же, что если бы онъ и вступилъ съ Ермогеномъ въ какое-нибудь продолжительное словопреніе, то былъ бы только пристыженъ, а боги унижены,— приказалъ сейчасъ же отсѣчь ему руки до плечъ, а ноги до колѣнъ, и бросить ихъ въ огонь на глазахъ у мученика, чтобы самъ онъ видѣлъ, какъ будутъ горѣть члены его тѣла. Но мученикъ, поднявъ немного голову, при видѣ рукъ и ногъ своихъ въ огнѣ, сказалъ:

— Какъ счастливъ я, что Богъ принимаетъ въ жертву и приношеніе Ему тѣ самыя руки мои, которыя я нѣкогда воздвигалъ съ мольбою къ богамъ ложнымъ, и тѣ самыя ноги, которыми я ходилъ по пути заблужденія!

Затѣмъ чрево его было пронзено копьемъ, и оттуда выпали всѣ внутренности его, а остатки его еле дышущаго тѣла палачи бросили, по приказанію царя, въ рѣку. Что касается до святаго Мины, то царь боялся испытывать его на словахъ, дабы не быть пристыженнымъ его дерзновеннымъ повѣствованіемъ о тѣхъ чудесахъ, о которыхъ онъ уже достовѣрно слышалъ, и чтобы не отторгнуть чрезъ это отъ вѣры въ боговъ своихъ и остатокъ единовѣрныхъ себѣ людей. Посему онъ прямо, безъ всякихъ разспросовъ, приказалъ отвести Мину въ мрачную темницу и повѣсить тамъ, связавши руки, а къ ногамъ привязать весьма большой камень; это сдѣлалъ царь съ тою цѣлью, чтобы умертвить Мину насильственною смертью послѣ продолжительнаго висѣнія и послѣ того, какъ всѣ составы его тѣла будутъ растянуты отъ сильнѣйшей тяжести. Святый же Мина, терпя все это, имѣлъ на устахъ своихъ слова Псалма: **ви́ждь**,—говорилъ онъ,—**смире́нїе моѐ, и҆ тру́дъ мо́й**[1]), и слова Апостола:— **недостѡ́йны стра̑сти ны́нѣшнѧгѡ вре́мене къ хотѧ́щей сла́вѣ ꙗ҆ви́тисѧ въ на́съ**[2]).

[1]) Псаломъ **24**, ст. 18.

[2]) Посл. къ Римл., гл. **8**, ст. 18.

Потомъ, когда всѣ составы тѣла святаго мученика были исторгнуты со своихъ мѣстъ и все тѣло его стало вытянутымъ, какъ струна, и мученія отъ этого чрезвычайно усилились, онъ умолкъ. Но Богъ, проявляющій дивную силу Свою во святыхъ Своихъ, не только не оставилъ страстотерпцевъ во время ихъ мученій, но и сотворилъ съ ними поразительное чудо: по Его Божественному мановенію какъ только святый Ермогенъ, едва живой, былъ брошенъ въ рѣку, тотчасъ же явились святые Ангелы: они вынули его изъ воды и вынесли на берегъ; отсѣченныя руки и ноги его исцѣлили и сдѣлали его совершенно здоровымъ и невредимымъ, какъ будто онъ только родился сейчасъ новымъ человѣкомъ. Съ наступленіемъ же ночи они повели его къ святому Минѣ, который висѣлъ въ темницѣ и былъ едва живъ; освободили тамъ и святаго Мину отъ оковъ и, исцѣливъ его, стали утѣшать ихъ обоихъ ожидающимъ ихъ на Небесахъ воздаяніемъ, что тамъ для нихъ уже приготовлены вѣнцы и Самъ Подвигоположникъ ждетъ, пока они мужественно окончатъ свой подвигъ. Такъ укрѣпляя ихъ на страданіе, Ангелы пробыли съ мучениками до самаго утра.

Какъ только насталъ день, царь весьма рано приказалъ собраться всему народу на площадь. Придя затѣмъ и самъ, онъ сѣлъ на своемъ престолѣ и, зная, что уже весь городъ вѣруетъ во Христа, раздваивался въ мысляхъ своихъ, думая самъ про себя: «Нехорошо и оставить горожанъ безъ наказанія, но безполезно и всѣхъ наказывать смертью». Посему, притворившись какъ бы ничего не знающимъ объ ихъ вѣрѣ во Христа, онъ началъ къ народу такую рѣчь:

— Я знаю, что всѣ вы и жертвы приносите и поклоняетесь нашимъ великимъ богамъ, а царямъ своимъ оказываете во всемъ надлежащее повиновеніе со страхомъ; но такъ какъ съ самаго начала вы не возстали противъ этихъ мерзкихъ людей, которые дерзнули распространять ученіе Распятаго, и не побили ихъ камнями до нашего къ вамъ пришествія, то черезъ это вы навлекли на себя великій гнѣвъ боговъ. Хотя я самъ никому изъ васъ не желаю впасть ни въ какую, попускаемую богами, бѣду, тѣмъ не менѣе не могу оставить васъ и безъ всякаго наказанія; а посему, отомщая вамъ за прогнѣваніе боговъ, повелѣваю отнять отъ города вашего давнишнюю честь его: такъ, чтобы никто изъ васъ не могъ отнынѣ ни получить высшаго сана, ни удостоиться высокой власти. Знайте же и то, что Распятый не только никого не

избавляетъ отъ бѣдствій, а, наоборотъ, доводитъ вѣрующихъ въ Него еще до всевозможныхъ несчастій и позорной смерти. А что все сказанное мною истинно,—пусть свидѣтелями въ этомъ будутъ два вчерашнихъ волхва, Ермогенъ и Мина, которые до мученія своего обѣщали мертвыхъ воскрешать, а бывъ же по винѣ своей наказаны мною тяжелыми мученіями, и себѣ самимъ не были въ состояніи помочь. Итакъ, гдѣ же сила сего обольстителя, Христа?

Въ то время, какъ царь говорилъ эти позорныя рѣчи и хулилъ Имя Христово, весь народъ негодовалъ и роптал между собою, замышляя что-то новое противъ самого царя. Но едва лишь глашатаи дали знакъ народу замолчать и только что царь снова захотѣлъ обратиться къ народу съ рѣчью, какъ внезапно предстали предъ царя святые Мина и Ермогенъ. Всѣ съ удивленіемъ обратили свой взоръ на нихъ и воскликнули какъ бы однимъ языкомъ и одними устами:

— Воистину одинъ есть только Богъ—Богъ христіанскій!

Увидѣвъ ихъ, царь былъ пораженъ великимъ изумленіемъ и ужасомъ.

Въ это время одинъ изъ стоявшихъ среди народа, по имени Евграфъ, человѣкъ свѣдущій въ греческихъ наукахъ и самъ бывшій однимъ изъ писателей въ то время, когда святый Мина по званію судьи правилъ городомъ, сей Евграфъ, видя святыхъ мучениковъ живыми и здоровыми, исполнился божественной ревности и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, съ дерзновеніемъ вышелъ на средину площади и сталъ предъ царемъ, говоря ему:

— Царь! И я—христіанинъ, не признающій твоихъ приказаній; вотъ я—предъ тобою и не щажу своего тѣла для Христа; не думай побѣдить меня угрозами или ласкою; и не только меня одного, но и никого изъ насъ, христіанъ, ты не въ силахъ побѣдить: ибо для насъ пребываніе съ вами равносильно смерти, а умереть за Христа—значитъ поистинѣ пріобрѣсти жизнь. Ты пришелъ въ нашъ городъ, какъ левъ, желая поглотить стадо Христово и истребить святую вѣру идолопоклонствомъ, но мы презираемъ твою ярость, готовы идти на смерть за благочестіе и смѣемся надъ тобой, какъ надъ льстивой лисицей.

Услыхавъ это, царь распалился гнѣвомъ и, быстро соскочивъ съ престола, бросился на христіанъ; выхвативъ у одного изъ предстоявшихъ предъ нимъ мечъ, онъ своими руками разсѣкъ

святаго Евграфа и отъ великаго гнѣва началъ рубить его на части. Святый же, будучи разсѣкаемъ, продолжалъ, пока могъ, укорять мучителя за безбожіе и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарить Бога за то, что идетъ къ Нему ранѣе другихъ, и что умираетъ не отъ одного усѣченія, но вслѣдствіе многочисленныхъ ранъ, вселяющихъ въ него надежду на многіе вѣнцы отъ Бога. Такъ предалъ онъ свою душу въ руцѣ Божіи, будучи разсѣченъ посреди площади.

Царь же, снова сѣвши на своемъ престолѣ, обратился къ святымъ мученикамъ Минѣ и Ермогену и сказалъ:

— Клянусь силою боговъ моихъ, что никогда еще я не видалъ такихъ чародѣевъ, какъ эти! Неудивительно, что простой народъ слушаетъ ихъ, ибо они, прельщая невѣждъ своимъ хитрымъ чародѣйствомъ, отторгаютъ ихъ отъ своихъ боговъ и внушаютъ имъ рѣшимость умирать за Распятаго. А посему я сейчасъ же изобличу васъ окаянныхъ,—привидѣнія ли вы, только глаза затмѣвающія, или же на самомъ дѣлѣ обновленныя тѣла.

На это святые отвѣчали:

— Такъ какъ умъ твой несмысленъ, душа ослѣплена и сердце ожесточено, то отъ этого и дѣйствительный предметъ кажется тебѣ привидѣніемъ; ибо не являешься ли ты на самомъ дѣлѣ слѣпотствующимъ, если не вѣришь дѣлу, сіяющему свѣтлѣе самаго солнца? Если ты сомнѣваешься, то испытай со всѣмъ тщаніемъ, дѣйствительно ли это мы; а если ты въ гнѣвѣ угрожаешь, то снова испытай насъ посредствомъ мученій и ранъ и познай, что мы суть плоть, а не привидѣніе. Если ты хочешь привлечь насъ къ себѣ чрезъ обѣщаніе временныхъ благъ, то знай, что если бы ты отдалъ намъ и самое царство свое, которое почитается у васъ драгоцѣннѣе всего, то и имъ ты насъ не соблазнишь. Итакъ, произнеси надъ нами твой окончательный приговоръ и знай, что ты ничѣмъ насъ не побѣдишь.

Царь, видя, что это—не привидѣнія, но живые люди, ибо многіе осязали ихъ руками и удостовѣрялись, что тѣла ихъ свободны отъ ранъ,—приказалъ отсѣчь имъ головы, а самъ, вставши, удалился въ свои палаты, будучи пристыженъ, что ничѣмъ не могъ одолѣть воиновъ Христовыхъ. Когда же святыхъ повели на мѣсто казни, то за ними пошелъ и весь народъ; они же, возведши очи свои къ Небу, долго стояли такъ, моля Бога, чтобы Онъ даровалъ церквамъ и всему христіанству миръ и тишину и чтобы никто, просящій у нихъ помощи, не возвращался безпомощнымъ; затѣмъ,

обнявъ другъ друга и простившись другъ съ другомъ, они преклонили свои честныя головы подъ мечъ и были усѣчены воиномъ.

А такъ какъ великій Мина, еще будучи живымъ, просилъ царя о томъ, чтобы его тѣло было погребено въ Византіи (что̀ онъ еще разъ заповѣдалъ исполнить тѣмъ вѣрнымъ, которые стояли около него предъ его кончиною), то царь Максиминъ приказалъ сдѣлать желѣзный ковчегъ и, положивши въ него тѣла святыхъ мучениковъ, бросить ихъ въ море, чтобы христіане не имѣли возможности почитать ихъ. Самъ же, видя народную молву и большой ропотъ народа на него, спѣшно выбылъ изъ города и направился къ Византіи, опасаясь, какъ бы не поднялся противъ него бунтъ.

Между тѣмъ желѣзный ковчегъ съ мощами святыхъ мучениковъ не потонулъ въ морѣ, но, управляемый въ водахъ Силою Божіею, предварилъ самого царя и быстро доплылъ до Византіи, несясь какъ бы съ быстротою летящей птицы. Епископу же Византійскому было ночью нѣкоторое божественное видѣніе, повелѣвавшее ему немедленно идти къ морскому берегу и съ честію взять ковчегъ съ мощами святыхъ. Епископъ въ ту же ночь, созвавъ свой клиръ и нѣкоторыхъ именитыхъ людей изъ числа вѣрующихъ горожанъ, вышелъ съ ними къ морю; и увидѣли всѣ они свѣтъ, сходящій съ неба на море въ видѣ столпа и спускающійся въ какую-то лодку; въ лодкѣ той сидѣли два свѣтоносныхъ мужа и плыли къ берегу, на которомъ стоялъ епископъ съ клиромъ.

Когда плывшіе приблизились къ берегу, стоявшіе на берегу увидѣли, что это плыветъ не лодка, а ковчегъ, управляемый на водѣ двумя свѣтоносными Ангелами, которые тотчасъ же стали невидимыми, какъ только поставили ковчегъ на берегу. Епископъ съ народомъ, принявъ ковчегъ съ радостью и узнавъ, что онъ желѣзный, весьма удивились тому, что столь великая тяжесть желѣза не потонула въ пучинѣ морской, но, какъ легкое дерево, плавала по водамъ. Облобызавъ честныя мощи святыхъ мучениковъ, они помѣстили ихъ до времени въ тайномъ мѣстѣ.

Царя же Максимина, бывшаго еще въ пути, постигло Божіе наказаніе: уже давно, будучи душевно слѣпымъ, онъ лишился и тѣлесныхъ очей, при этомъ онъ самъ разсказалъ своимъ домашнимъ и друзьямъ, что былъ наказанъ чьими-то невидимыми руками; чрезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ, нечестивый, умеръ.

Епископъ по смерти царя съ великимъ почетомъ похоронилъ

мощи святыхъ мучениковъ у городской стѣны, да будутъ они какъ бы стражами городу, хранителями для плавающихъ по морямъ и врачами для одержимыхъ болѣзнями во славу великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь[1]).

Тропа́рь мч҃нкѡвъ, гла́съ и҃:

Воздержа́нїемъ страсте́й ѻ҆гнепа̑льныѧ ᲂу҆мертви́вше зра́ки и҆ движе́нїѧ, хрⷭ҇тѡ́вы мч҃нцы прїѧ́ша бл҃года́ть недꙋ́ги ѿгонѧ́ти немощны́хъ, и҆ жи́вше и҆ по кончи́нѣ чꙋдодѣ́йствовати. воистиннꙋ чꙋ́до пресла́вно, ꙗ҆́кѡ кѡ́сти на́ги и҆сточа́ютъ и҆сцѣле́нїѧ: сла́ва є҆ди́номꙋ и҆ созда́телю бг҃ꙋ.

Конда́къ, гла́съ а҃:

Ни́нꙋ чꙋ́днаго, є҆рмоге́на бж҃е́ственнаго, и҆ є҆ѵгра́фа кꙋ́пнѡ, сщ҃е́нными сладкопѣ́нїи почти́мъ всѝ, ꙗ҆́кѡ почествова́вшыѧ гдⷭ҇а, и҆ страда́льчествовавшыѧ за него̀, и҆ ли́ка безпло́тныхъ на нб҃сѣ́хъ дости́гшыѧ, и҆ чꙋдеса̀ точа́щыѧ.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

ГЕМЕЛЛА

Святый Гемеллъ происходилъ изъ области Пафлагонской[2]). Услыхавъ, что императоръ Юліанъ Отступникъ[3]) находится въ городѣ галатійскомъ Анкирѣ[4]), онъ отправился туда и, представъ предъ царемъ, безбоязненно обличалъ его въ вѣроотступ-

---

[1]) Святые мученики пріяли мученическую кончину около 313 г.—Обрѣтеніе мощей св. мученика Мины (послѣд. въ IX в.) празднуется 17-го февраля. Святый Мина за свое краснорѣчіе извѣстенъ еще подъ именемъ *Калликелада* (Красноглаголиваго).—Въ IX вѣкѣ Іосифъ Пѣснописецъ написалъ Канонъ въ честь сихъ мучениковъ, гдѣ говорится и объ исцѣленіяхъ отъ мощей ихъ.

[2]) *Пафлагонія* —древняя область Малой Азіи, на южномъ берегу Чернаго моря.

[3]) *Императоръ Юліанъ* царствовалъ съ 361 по 363 г. Сдѣлавшись императоромъ, онъ отступилъ отъ христіанской вѣры и поставилъ задачею своей жизни возстановленіе язычества, почему и извѣстенъ подъ именемъ *Отступника*.

[4]) *Анкира* —главный городъ Малоазійской области Галатіи,—нынѣ *Ангора*, значительный городъ Малой Азіи съ 30 000-мъ населеніемъ. Галатія занимала самую средину Малоазійскаго полуострова; Анкира же находилась на сѣверо-западной окраинѣ провинціи.

ничествѣ и враждѣ противъ святой христіанской вѣры. Юліанъ пришелъ въ сильный гнѣвъ и подвергъ его жестокимъ мученіямъ. На Гемелла возложенъ былъ желѣзный обручъ, до того раскаленный, что отъ него отлетали горящія искры, и изъ тѣла мученика лилась кровь. Въ такомъ видѣ онъ былъ отправленъ въ въ городъ Едесъ[1]), куда прибылъ и самъ вѣроотступникъ. Когда святый мученикъ приведенъ былъ въ этотъ городъ, ему растерзали раскаленными желѣзными кольями плечи, въ голову же его были вбиты желѣзные гвозди; потомъ растянули его на землѣ и отъ ногъ до головы содрали съ него кожу. Наконецъ онъ былъ распятъ, и ноги его были пригвождены ко кресту. Такъ скончался сей многострадалецъ, вознося благодареніе Богу[2]).

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ѲОМЫ ДЕФУРКИНА[3])

Преподобный Ѳома родился въ Виѳиніи[4]). Родители его были простаго званія и жили въ довольствѣ. Но Ѳома уже съ юныхъ лѣтъ отвращался отъ всякихъ житейскихъ, суетныхъ удовольствій и обнаруживалъ сильную склонность къ иноческому житію. Увлекаемый примѣрною жизнію нѣкоего инока, подвизавшагося въ одномъ изъ окрестныхъ монастырей, онъ привязался душевно къ святой обители; съ малолѣтства привыкъ онъ соблюдать постъ и, охотно занимаясь свойственнымъ дѣтскому возрасту книжнымъ ученіемъ, изучилъ Псалтирь, апостольскія писанія и всю церковную службу. Такимъ образомъ, первоначальная жизнь Ѳомы протекала мирно, въ благочестіи, и добрыя сѣмена, посѣянныя въ его душѣ, успѣли укорениться для дальнѣйшаго возрастанія. Когда же Богобоязненный отрокъ достигъ совершеннаго возраста, то, облекшись въ иноческую одежду, съ непоколебимою твердостію вступилъ на подвигъ духовной брани со врагомъ спасенія. И настолько утвердился и усовершился онъ душою своею

---

[1]) *Едесъ* —городъ въ Киликіи, юго-восточной области Малой Азіи.

[2]) Мученическая кончина святаго Гемелла послѣдовала около 361 года.

[3]) Это было прозвище, данное преподобному Ѳомѣ.

[4]) *Виѳинія*—сѣверо-западная область Малой Азіи, лежавшая по берегамъ Чернаго моря, Босфора и Константинопольскаго пролива.

въ добродѣтельномъ житіи, что его духовная красота явно обнаруживалась предъ всѣми.

Въ то время одинъ изъ Византійскихъ вельможъ, по имени Галоликтъ, основалъ при рѣкѣ Сагарисѣ новый монастырь и просилъ епископа той области собрать въ этотъ монастырь мужей достойнѣйшихъ и разумныхъ. Начальникомъ этой новой обители былъ избранъ и поставленъ преподобный Ѳома — какъ инокъ опытный, утвердившійся въ духовной жизни и крѣпкій хранитель воздержанія. Сообщено было объ этомъ и Собору епископовъ съ объясненіемъ, что Ѳома уже много лѣтъ подвизался въ духовномъ дѣланіи и что всѣ его почитаютъ сосудомъ, исполненнымъ различныхъ добродѣтелей, хотя самъ онъ, по смиренію своему, и старался скрывать тò отъ другихъ.

Между тѣмъ, такое неожиданное поставленіе блаженнаго Ѳомы начальникомъ обители, по навѣту діавола, попущеніемъ Промыслителя Бога, дало поводъ къ нѣкоторому раздору. Огорченный этимъ, Ѳома, обвиняя себя, говорилъ себѣ съ укоризною:

— Что я мечтаю о себѣ!

И уразумѣвъ, что настало время исполненія завѣтныхъ его желаній, простившись съ братіей и исповѣдавъ предъ ними скорбь сердца своего и преподавъ имъ духовное утѣшеніе, онъ удалился изъ монастыря для безмолвія въ одну пустыню. Оставшись безъ начальника, какъ овцы безъ пастыря, иноки пожелали возвращенія преподобнаго; они отправились на поиски и долго искали его, пока не дошли до той самой пустыни, гдѣ поселился преподобный, въ безмолвіи перенося и зимнюю стужу, и солнечный зной, вмѣняя первую въ тепло, а второй—въ прохладу. И умоляли они преподобнаго возвратиться въ монастырь, а чтобы утишить скорбь его, говорили:

— Зачѣмъ ты изнуряешь себя столь суровымъ житіемъ?—Подумай: вѣдь мы созданы изъ персти земной, и уже по сему самому носимъ въ себѣ немощь, такъ что намъ не по силамъ совершенно отрѣшиться отъ свойственной намъ немощи.

Но Ѳома остался непреклоненъ и только, уступая желанію монаховъ, позволилъ имъ устроить для себя небольшую келлію. Когда она была устроена, преподобный вошелъ въ нее и, преклонивъ колѣна на землю, произнесъ:

— Да будетъ сіе благоугодно Тебѣ, Господи; пришедшихъ же къ моему недостоинству мужей сподоби возвратиться.

Иноки удалились, оставивъ своего вождя духовнаго въ пустынномъ уединеніи. Но послѣ того, какъ бы по нарочитому извѣщенію, къ святому подвижнику начали со всѣхъ сторонъ приходить благочестивые люди—міряне, желавшіе принять иноческое постриженіе, и просили преподобнаго, чтобы онъ позволилъ имъ жить у него въ послушаніи. Всѣхъ таковыхъ, какъ приходящихъ на служеніе Господу, онъ облекалъ въ монашескую одежду и двоихъ, какъ первыхъ учениковъ Христовыхъ, нарекъ именами апостоловъ,—одному давъ имя Іоанна, а другому Петра, и съ ними возносилъ усиленнѣйшія молитвы Богу.

Но для виновника зла—діавола нестерпимо было видѣть свои козни и злоумышленія побѣжденными. И вотъ они навели на преподобнаго, прежде всего, комаровъ въ такомъ множествѣ, что блаженный не могъ даже говорить: комары нападали на него и когда онъ лежалъ, и когда вставалъ на молитву,—набиваясь ему въ ротъ, они проникали даже до гортани. И скудная пища, и все, что было въ келліи святаго, всегда наполнялось множествомъ комаровъ. Три года продолжалась такая напасть, но преподобный не только безъ ропота и воздыханій претерпѣвалъ сіе, но еще благодарилъ Бога, испрашивая себѣ отпущенія грѣховъ. Потомъ, когда, по волѣ Божіей, нападеніе комаровъ прекратилось, появились большія мухи, которыя кусали преподобнаго и какъ бы острыми стрѣлами пронзали его изнуренное воздержаніемъ тѣло. Миновала и эта напасть, продолжавшаяся также три года. Но послѣ того на преподобнаго напали муравьи, которые заползали къ нему и въ глаза, и въ ноздри, но онъ, какъ крѣпкій дубъ, оставался непоколебимъ въ подъятомъ имъ подвигѣ терпѣнія. Видя такую твердость блаженнаго старца, переносившаго эти девятилѣтнія напасти какъ бы мимолетныя, однодневныя, искуситель напалъ на него еще съ большею, неистовѣйшею злобою. Зная, что человѣку, отъ созданія почтенному образомъ Божіимъ, присуще по природѣ отвращеніе къ змѣѣ какъ орудію перваго грѣха[1]), коварникъ, чтобы разрушить душевный миръ преподобнаго и вселить въ его сердцѣ чувство озлобленія, равно какъ и у его сподвижниковъ, наслалъ на него множество змѣй. Это многимъ можетъ показаться невѣроятнымъ, но то̀ не было какимъ-либо только привидѣніемъ. Змѣи являлись не въ воображеніи преподобнаго Ѳомы, но на самомъ дѣлѣ подползали, окружали его, и не однажды или дважды, а постоянно.

[1]) Кн. Бытія, гл. 3, ст. 1—6, 14—15.

И не одинъ годъ или два года, но цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ святый окружаемъ былъ ими, и ни разу не произнесъ онъ ропота. Отъ змѣй не свободно было и ложе его; онѣ гнѣздились и тамъ во время его отдыха. Но, охраняемый Промышленіемъ Божіимъ, преподобный оставался невредимъ отъ нихъ.

Однажды блаженный отецъ совершалъ Божественную безкровную службу; служеніе приближалось къ концу, и вотъ откуда-то выползъ громадный змѣй и, какъ кольцомъ, опоясалъ собою всю церковь, въ которой совершалось священнодѣйствіе. Прислуживавшій преподобному инокъ вышелъ предъ тѣмъ изъ церкви, чтобы принести потребную при священнодѣйствіи теплоту, а змѣй, сначала какъ бы опоясавшій собою церковь, въ это время свернулся у порога церковнаго, представляя собою огромный клубокъ. И вотъ, произошло дивное чудо: совершавшій Богослуженіе преподобный, удивляясь, почему не подается по обычаю своевременно теплота, оглянулся и увидѣлъ чудовище, лежащее у порога, а прислуживавшаго инока стоящимъ въ трепетномъ ужасѣ, и, исполнившись Духа Святаго, сказалъ брату:

— Входи и не бойся.

Самъ же продолжалъ святое дѣло. Ободренный отеческимъ повелѣніемъ инокъ, какъ бы на крыльяхъ, перескочилъ черезъ змѣя и вошелъ въ церковь. По окончаніи Божественной службы блаженный старецъ въ священномъ облаченіи подошелъ къ порогу, гдѣ лежало чудовище, и сказалъ:

— Если это появленіе твое здѣсь, змѣй, означаетъ кончину твою помощію Бога моего, то слѣдуй за мною.

Змѣй схватился зубами своими за край одежды святаго и послѣдовалъ за нимъ; Ѳома же отошелъ отъ церкви на разстояніе полета стрѣлы изъ лука и, зайдя въ дебрь, гдѣ была глубокая яма, остановился и началъ молиться; ко многимъ молитвамъ онъ присоединилъ и такую:

— Боже, давшій власть вѣрующимъ въ Тебя наступать на змѣй и скорпіоновъ, благоволи, Господи, и мнѣ меньшему наступить на гортань змѣя, по слову Твоему[1])!

Какъ только преподобный произнесъ сію молитву, змѣй тотчасъ поднялся съ мѣста и низвергся въ пропасть; съ нимъ осыпались и края этой пропасти, такъ что на томъ мѣстѣ обра-

[1]) Евангел. отъ Луки, гл. 10, ст. 19.

зовалась заравненная котловина. Возблагодаривъ Бога, старецъ возвратился въ свою келлію. А затѣмъ послѣдовало и новое дивное чудо: змѣи, гнѣздившіяся подъ келліею преподобнаго и столько лѣтъ устрашавшія его, при видѣ его святаго лица, какъ бы спасаясь отъ огненнаго опаленія, внезапно всѣ ушли въ то мѣсто, гдѣ погибъ и змѣй-чудовище. Тамъ, волею Божіею, ихъ погибло многое множество, и птицы нападали на нихъ и поѣдали.

Съ того времени святый Ѳома, освободившись отъ искушенія и напастей, получилъ отъ Бога даръ исцѣленій и прорицаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще съ большимъ стараніемъ заботился онъ о своемъ духовномъ совершенствованіи, устремляя свое вниманіе особенно на соблюденіе подвига безмолвія. А такъ какъ къ нему безпрестанно приходили искавшіе наставленій и вынуждали его нарушать безмолвіе, то онъ началъ обыкновенно удаляться въ нагорное мѣсто своей пустыни; предъизбранные же имъ приближенные ученики по его завѣту руководствовали и братію, и приходящихъ: Іоаннъ распоряжался при совершеніи молитвъ и службъ церковныхъ, а Петръ назидалъ по благодатному дару прозорливства. И хотя все это такъ устроилось, но духовная сила отеческаго наставничества не была ослаблена тѣмъ, потому что во всемъ проявлялось одно произволеніе,—всѣхъ окормляла воля старца-отца, любовію котораго всѣ окрылялись и направлялись на путь спасенія.

Когда, такимъ образомъ, въ уединенной обители все шло установившимся порядкомъ, однажды благочестивый Греческій царь Левъ, сынъ Василія[1]), имѣя въ сердцѣ своемъ нѣкое недоумѣніе, изложилъ о томъ въ письмѣ и, запечатавъ его своею царскою печатью, отправилъ оное съ нарочитымъ посломъ къ преподобному старцу, желая получить отъ него разрѣшеніе своего недоумѣнія. Царскій посолъ отправился, и едва приблизился онъ къ порогу келліи блаженнаго отца, послѣдній, выходя ему навстрѣчу, подалъ свое запечатанное письмо и сказалъ:

— Пріими сіе, братъ, и возвратись къ пославшему тебя.

Такое обстоятельство привело посланнаго въ ужасъ, и онъ, недоумѣвая, возразилъ:

---

[1]) *Левъ VI Мудрый,* сынъ Василія Македонянина, Византійскій императоръ, царствовалъ съ 886 по 911 г.

— Какой же отвѣтъ я дамъ пославшему меня касательно его письменнаго запроса, когда ты даже и въ руки не взялъ царскаго писанія?

На это преподобный отвѣчалъ ему:

— Довольно, чадо: такъ хочетъ Богъ.

Принявъ отъ святаго Ѳомы посланіе, посланный возвратился и разсказалъ царю о случившемся и весьма удивилъ его. Когда же царь прочиталъ отвѣтъ старца и нашелъ въ немъ разрѣшеніе своего недоумѣнія, то выразилъ настойчивое желаніе лично видѣть преподобнаго. Но Ѳома чуждался міра и по своему смиренномудрію уклонился отъ представленія царю. Объ этомъ, впрочемъ, уже только впослѣдствіи и притомъ кратко сообщено было однимъ изъ учениковъ его. Всякій, кто имѣлъ какую-либо душевную потребность, безбоязненно, не смущаясь дальностію разстоянія и времени, обращался къ преподобному и получалъ ожидаемое духовное утѣшеніе, а равно и тѣлесное здоровье. И такъ много лѣтъ и многихъ руководствуя въ духовной жизни, достигнувъ глубокой старости, преподобный отецъ, послѣ непродолжительной болѣзни, предалъ духъ свой Богу[1]).

[1]) Преп. Ѳома Дефуркинъ скончался въ X вѣкѣ.

День одиннадцатый

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ДАНІИЛА СТОЛПНИКА

Преподобнаго отца нашего Даніила Столпника, сію вѣтвь райскую, возрастила Месопотамія[1]). Онъ родился въ селѣ, называемомъ Виѳара и лежавшемъ около города Самосатъ[2]), отъ христіанскихъ родителей Иліи и Марѳы. Мать его была неплодна и не рождала, и черезъ это должна была переносить немало непріятностей и укоризнъ какъ отъ своего мужа, такъ и поношеній со стороны родственниковъ и родственницъ. Однажды въ полночь, находясь въ состояніи сердечной тоски, она потихоньку вышла изъ своего дома и, простерши руки къ Небу, обратилась къ Богу съ такою многослезною молитвою:

— Господи Царю! Ты изначала создалъ мужа и жену и сказалъ имъ: расти́тесѧ и̂ мно́житесѧ[3]). Ты даровалъ Саррѣ на старости Исаака[4]), Аннѣ—Самуила[5]), Елисаветѣ—Іоанна[6]). Умилосер-

---

[1]) *Месопотамія* (въ переводѣ съ греческаго—междурѣчье)—страна, лежащая между рѣками Тигромъ и Евфратомъ. Здѣсь именно, по библейскому сказанію и преданію другихъ народовъ, находился рай, обиталище первозданныхъ людей.

[2]) *Самосаты*—главный городъ Сирійской провинціи Коммагены, на западномъ берегу рѣки Евфрата.

[3]) Кн. Бытія, гл. 1, ст. 28.

[4]) Кн. Бытія, гл. 21, ст. 1—3 и далѣе.

[5]) 1 Кн. Царствъ, гл. 1, ст. 20.

[6]) Еванг. отъ Луки, гл. 2, ст. 60.

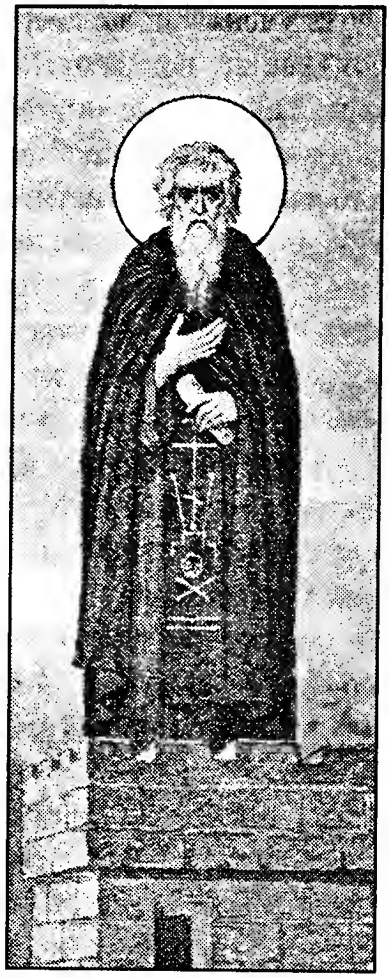
дись же и надъ моимъ такимъ же несчастіемъ и, милостиво призрѣвъ на меня, разрѣши мое неплодство, сними съ меня позоръ и дай плодъ моему неплодному чреву, дабы я могла данное Тобою принести въ даръ Тебѣ, какъ нѣкогда Анна принесла Тебѣ Самуила.

Помолившись такъ сокрушеннымъ своимъ сердцемъ и духомъ смиреннымъ, Марѳа вернулась къ себѣ въ домъ и едва лишь заснула, какъ увидала во снѣ два большихъ и весьма свѣтлыхъ свѣтильника, похожіе видомъ на блюдо, постепенно спускающіеся съ неба на ея голову. Утромъ, вставъ, она разсказала о видѣніи своему мужу и роднымъ, и они, всякій по-своему, старались объяснить ей ея сонъ. Между тѣмъ, этотъ дивный сонъ былъ предзнаменованіемъ того, что отъ нея родится сынъ, который сіяніемъ добродѣтелей своихъ затмитъ какъ бы самыя звѣзды. Вскорѣ послѣ этого Марѳа зачала во чревѣ своемъ и родила сына; рожденіемъ этимъ она освободилась отъ причинявшаго ей такую скорбь своего неплодства. Столь знаменательно было начало жизни блаженнаго Даніила на землѣ, и такъ чудесно появился на свѣтъ тотъ, кто сталъ впослѣдствіи поистинѣ сыномъ свѣта.

До пяти лѣтъ отрокъ росъ безъ имени, потому что родители не хотѣли сами дать сыну своему имя, но желали, чтобы тотъ, кто родился по дару отъ Бога, отъ Бога же получилъ себѣ и имя. Поэтому они привели его въ одинъ монастырь, принеся сюда и дары Богу, и просили игумена наречь имя ихъ сыну. Игуменъ, вдохновленный Богомъ, отвѣчалъ, что его надо назвать тѣмъ именемъ, которое откроетъ Самъ Богъ. Смотря на отрока, онъ велѣлъ подать себѣ книгу изъ алтаря церковнаго и, разгнувъ ее, нашелъ въ ней нѣкоторыя слова святаго Пророка Даніила. Понявъ изъ этого, что такъ благоволилъ сдѣлать Самъ Богъ, чтобы имя этого Пророка дано было и отроку, онъ назвалъ его Даніиломъ. Сіе же было предзнаменованіемъ того, что отрокъ сей будетъ подобенъ великому Пророку—какъ по имени, такъ и по благочестію. Родителямъ хотѣлось, чтобы ихъ сынъ тотчасъ же былъ посвященъ на служеніе Богу при этомъ монастырѣ, но игуменъ не согласился на это, потому что отрокъ былъ еще слишкомъ малъ. Поэтому родители возвратились съ нимъ домой, по Промышленію Божію, дабы отрокъ сей впослѣдствіи избралъ доброе житіе не по желанію другихъ, а по своему разумѣнію и добровольно. Но и по младенческому возрастанію сего отрока можно было судить о томъ, что изъ него выйдетъ человѣкъ добродѣтельный,—подобно тому,

какъ и дерево доброе со дня своего насажденія даетъ уже признаки послѣдующаго плодоношенія; покровъ добродѣтельности всюду сопровождалъ его, ибо онъ ходилъ во свѣтѣ благодати Божіей.

Когда отроку исполнилось 12 лѣтъ, онъ ушелъ изъ дома отца своего, никому не сказавъ о своемъ уходѣ и намѣреніи, а между тѣмъ онъ рѣшилъ уже совсѣмъ покинуть ради Христа своихъ родителей, родину, сродниковъ и друзей и направился въ монастырь, находившійся на разстояніи 20 стадій[1]) отъ его роднаго села. Упавъ на колѣни предъ игуменомъ, Даніилъ умолялъ его о принятіи въ число братіи и постриженіи въ ангельскій образъ[2]).



Прп҃бный
Даніи҃лъ

Но игуменъ, ссылаясь на слабость силъ и юношескій возрастъ просящаго, отвѣтилъ Даніилу, что онъ, какъ совсѣмъ еще юный отрокъ, не въ состояніи будетъ выносить тѣхъ многихъ трудовъ иноческихъ, нелегкихъ для людей совершеннолѣтнихъ, каковы, наприм., непрестанныя бдѣнія, земные поклоны, посты, тѣлесное цѣломудріе и совершенное отреченіе отъ своей воли и отъ всякаго плотскаго желанія. А посему онъ совѣтывалъ отроку вернуться обратно къ родителямъ и пробыть тамъ нѣкоторое время, а не браться за такіе труды, которые превосходятъ его юныя силы.

— Я для того и пришелъ сюда,—отвѣчалъ Даніилъ игумену,— чтобы жить для Христа и умереть для міра; если бы даже отъ совершеннѣйшихъ иноческихъ подвиговъ мнѣ пришлось и умереть, то все же это несравненно лучше, чѣмъ уйти отсюда ни съ чѣмъ и—скажу словами Евангелія: **возложшꙋ рꙋкꙋ свою на рало и зрѧщꙋ вспѧть возвратитьсѧ**[3]).

---

[1]) *Стадія*—около 88 саженъ, 20 стадій—нѣсколько болѣе $3^1/_2$ верстъ.

[2]) Такъ называется постриженіе въ иноческій санъ, ибо главное назначеніе иночества—уподобленіе безплотнымъ чинамъ чрезъ молитву и подвижничество.

[3]) Еванг. отъ Луки, гл. 9, ст. 62.

Игуменъ снова долго увѣщевалъ Даніила отказаться отъ своего намѣренія, но и отъ него услышалъ много возраженій. Наконецъ, будучи не въ состояніи отговорить Даніила отъ его намѣренія и усмотрѣвъ въ немъ твердую рѣшимость и искреннюю любовь къ Богу, игуменъ созвалъ братію и совѣтовался съ нею, можно ли принять въ монастырь столь юнаго отрока. Братія, удивляясь мужеству отрока и твердости его духа и усматривая въ немъ призваніе Божіе, соизволили принять его въ сожительство съ собою. Даніилъ же пламенѣлъ духомъ, преуспѣвая въ добродѣтели и жизни по Богѣ.

Между тѣмъ, по прошествіи нѣкотораго времени родители Даніила узнали, что онъ находится въ томъ монастырѣ. Они возрадовались, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удивлялись тому, что столь юный отрокъ самъ себя отдалъ на служеніе Богу. Отправившись къ нему и увидѣвши его еще непостриженнымъ и ходящимъ среди иноковъ еще безъ иноческаго одѣянія, они стали просить игумена о томъ, чтобы онъ постригъ ихъ сына на ихъ глазахъ и облекъ бы его въ одежду иноческую. Въ воскресный день, послѣ совѣщанія съ братіей, игуменъ постригъ Даніила въ иноческій чинъ, причемъ не велѣлъ родителямъ приходить къ сыну часто. Послѣ этого они съ радостію возвратились въ свой домъ; блаженный же Даніилъ преуспѣвалъ и укрѣплялся духомъ, возрастая не только лѣтами, но и добродѣтелями.

Началомъ досточуднаго сего житія и источникомъ всѣхъ происшедшихъ отсюда послѣдствій было слѣдующее. Сердце Даніила воспылало божественною любовію и онъ возъимѣлъ непреодолимое желаніе поклониться Святымъ мѣстамъ, гдѣ пострадалъ за насъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, гдѣ Онъ былъ погребенъ и воскресъ и откуда Онъ вознесся на Небеса. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ горѣлъ духомъ увидать великаго подвижника того времени—святаго Симеона Столпника[1]). Пришедши къ игумену, онъ открылъ предъ нимъ свое желаніе и просилъ отпустить его въ избранное имъ путешествіе. Игуменъ на этотъ разъ удержалъ Даніила; но потомъ, самъ имѣя надобность ради нуждъ церковныхъ идти въ Антіохію[2]),

---

[1]) Память его празднуется Церковію 1-го сентября.

[2]) *Антіохія Сирійская* — одинъ изъ древнихъ и богатѣйшихъ городовъ Сиріи, столичный ея городъ; лежитъ при р. Ороптѣ, верстахъ въ 10 отъ впаденія ея въ Средиземное море, между горными хребтами Ливана и Тавра; основана за 300 лѣтъ до Р. Хр. Селевкомъ Никаторомъ и названа такъ по имени Антіоха, отца его. Для христіанской Церкви Антіохія имѣетъ особенную важность какъ второе послѣ Іерусалима великое

взялъ съ собою Даніила и еще нѣсколько человѣкъ изъ братіи. Когда они дошли до селенія, называемаго Тиланиссой, въ недалекомъ разстояніи отъ котораго подвизался святый Симеонъ Столпникъ, то отправились къ его столпу. Видѣли они суровость той мѣстности, высоту столпа и узнали, что несмотря ни на что, сей подвижникъ терпитъ на столпѣ своемъ и зимній холодъ, и лѣтній зной, и вѣтры, и дожди. Нѣкоторые неразумные думали, что святый претерпѣваетъ все это изъ тщеславія; но блаженный Даніилъ не только удивлялся его терпѣнію, но и самъ побуждался къ подражанію ему. Когда пришедшіе иноки, стоя внизу, окликнули, святый Симеонъ, взглянувъ на нихъ сверху, велѣлъ приставить лѣстницу и, если хотятъ, войти къ нему. Тогда и обнаружилось, кто какъ относится къ преподобному: одинъ сказался больными ногами, другой отказался за старостью, а иные уклонились и еще по нѣкоторымъ другимъ немощамъ; Даніилъ же, взойдя на лѣстницу, быстро вошелъ по ней и съ радостью привѣтствовалъ великаго Симеона. И не напрасны оказались труды его, ибо сначала онъ выслушалъ отъ подвижника наставленіе и подвигся чрезъ это еще болѣе къ добродѣтельной жизни; затѣмъ Даніилъ сподобился отъ него благословенія, подаваемаго чрезъ возложеніе рукъ, и, наконецъ, услыхалъ отъ него о своей будущей жизни. Подвижникъ, обращаясь къ нему, пророчески говорилъ ему:

— Мужайся, чадо, и да укрѣпится сердце твое, ибо тебѣ предстоитъ подъять на себя ради Христа трудно переносимые подвиги; но Самъ же Христосъ будетъ для тебя во всемъ и помощникомъ: Онъ укрѣпитъ и утѣшитъ твой духъ.

Послѣ такой исполненной любви, довольно продолжительной бесѣды со святымъ блаженный Даніилъ сошелъ внизъ, а затѣмъ возвратился въ монастырь.

Черезъ нѣсколько времени, когда игуменъ того монастыря отошелъ ко Господу, братія принуждала Даніила принять послѣ

средоточіе христіанства и какъ мать христіанскихъ Церквей изъ язычниковъ. Знаменитая Церковь Антіохійская насаждена первоначально свв. Апп. Павломъ и Варнавою, а впослѣдствіи утверждена еще и Ап. Петромъ. Въ Антіохіи было немало замѣчательныхъ Соборовъ пастырей Церкви во время еретическихъ (аріанскихъ и несторіанскихъ) распрей. Церковь Антіохійская издревле пользовалась особенными преимуществами, наравнѣ съ церквами Александрійскою, Іерусалимскою, Константинопольскою и Римскою; настоятели ея имѣли и до настоящаго времени имѣютъ титулъ и преимущества Патріарха. Въ настоящее время Антіохія находится подъ турецкимъ владычествомъ и представляетъ собою небольшой и бѣдный городокъ, въ которомъ насчитывается до 10 тысячъ жителей.

него игуменскую власть, но онъ, указавъ имъ вмѣсто себя другаго, началъ самъ искать безмолвія, говоря самъ себѣ:

«Вотъ, Даніилъ, ты сталъ свободенъ, и наступило время для исполненія того, къ чему ты прежде такъ стремился; посему иди по желанному пути и исполни свое намѣреніе».

Такъ рѣшивъ, Даніилъ вышелъ тайно изъ монастыря и пришелъ къ той оградѣ, которая была около столпа святаго Симеона; пробывъ здѣсь четырнадцать дней, онъ хотѣлъ уже уйти. Но святый Симеонъ, любя Даніила, посовѣтовалъ ему остаться съ нимъ; Даніилъ же, имѣя сильное желаніе видѣть Святыя мѣста въ Іерусалимѣ и уйти во внутреннюю пустыню на подвигъ безмолвія, пошелъ въ путь по направленію къ Палестинѣ. Въ Палестинѣ въ то время происходили войны: самаряне возстали противъ христіанъ,—и оттого дорога по той мѣстности была небезопасною. Все это Даніилъ зналъ, но всѣмъ этимъ онъ пренебрегъ и съ твердымъ намѣреніемъ и безбоязненнымъ сердцемъ, не страшась смерти, началъ путь свой, весь объятый однимъ только сильнѣйшимъ желаніемъ совершить свой путь, издавна намѣченный. Пройдя довольно значительное разстояніе, онъ встрѣтилъ нѣкоего почтеннаго инока—преклоннаго годами, благообразнаго на видъ, съ сѣдыми волосами, по всему похожаго на преподобнаго Симеона Столпника. Обнявъ Даніила, старецъ спросилъ его по-сирійски, куда онъ идетъ. Даніилъ отвѣчалъ, что если Богъ благословитъ, то ко Святымъ мѣстамъ. Старецъ сказалъ:

— Вѣрно сказалъ ты,—если Богъ благословитъ; теперь же знай навѣрное, что твое настоящее путешествіе не съ Божіяго благословенія. Развѣ ты не слыхалъ про мятежи и распри въ Палестинѣ?

Даніилъ отвѣчалъ:

— Слышалъ, но я надѣюсь на Бога: Онъ будетъ мнѣ помощникомъ, и потому я думаю, что со мною не случится ничего худаго; а если и случится что-нибудь такое, то я не боюсь: ибо **а҆́ще живе́мъ, а҆́ще ᲂу҆мира́емъ, гдⷭ҇ни є҆́смы**[1]).

Но старецъ въ отвѣтъ на это привелъ Даніилу слово пророческое: **не да́ждь во смѧте́нїе ногѝ твоеѧ̀, нижѐ воздре́млетъ хранѧ́й тѧ̀**[2]) Ангелъ. Даніилъ же, возражая старцу, высказалъ готовность даже и умереть за Христа во время этого путешествія.

[1]) Посл. къ Римл., гл. 14, ст. 8.
[2]) Псаломъ 120, ст. 3.

Тогда старецъ съ гнѣвомъ отвернулъ отъ него лице свое и произнесъ:

— Богъ не повелѣлъ намъ безвременно подвергать себя смерти и какъ бы поневолѣ идти на вѣрную смерть, когда изрекъ: **а҆́ще гонѧтъ вы̀ во гра́дѣ се́мъ, бѣ́гайте въ дрꙋгі́й**[1]).

Даніилъ началъ склоняться къ совѣту старца и сказалъ ему:

— Если, отче, тебѣ представляется такъ, я готовъ возвратиться назадъ.

Старецъ же отвѣчалъ:

— Я совѣтую тебѣ не совсѣмъ оставить свое рѣшеніе, а указываю лишь на то, что было бы неразумно идти тебѣ туда въ настоящее неблагопріятное время. Теперь же иди въ Византію, по обилію святынь представляющую собою второй Іерусалимъ, благодать котораго нынѣ почиваетъ на ней по повелѣнію Божію; тамъ ты можешь посѣтить очень многія церкви и насытиться созерцаніемъ многихъ святынь. Если же рѣшишься посвятить себя подвигу безмолвія — въ верхней ли Ѳракіи или при самомъ устьѣ моря,—то это будетъ для тебя спасительно, и Богъ поможетъ тебѣ въ этомъ. Вообще, возлюбленный, не слѣдуетъ думать, что ты можешь найти Бога въ Іерусалимѣ, а не въ Византіи; ибо Богъ не ограниченъ никакимъ пространствомъ.

Пока они такимъ образомъ бесѣдовали другъ съ другомъ, солнце начало закатываться, и встрѣтился имъ на пути монастырь, къ которому для ночлега нужно было свернуть съ дороги; они и направились къ этому монастырю. Старецъ сказалъ Даніилу:

— Иди ты впереди, а я пойду слѣдомъ за тобою.

Даніилъ подумалъ, что старцу нужно зачѣмъ-либо остановиться, и онъ пошелъ впередъ и, пришедши ко вратамъ монастырскимъ, сѣлъ подождать старца. Но такъ какъ старецъ не являлся, то Даніилъ подумалъ, что онъ пошелъ для ночлега въ другое мѣсто. Войдя въ монастырь, онъ привѣтствовалъ игумена и братію и вкусилъ предложенной ему пищи. Когда затѣмъ онъ заснулъ, то снова явился ему во снѣ тотъ старецъ и снова сталъ совѣтовать ему: исполнить то, что онъ говорилъ ему во время пути, и поскорѣе направиться къ Византіи. Пробудившись отъ сна и никого около себя не видя, Даніилъ размышлялъ, кто это явился ему: человѣкъ или Ангелъ. А былъ то Симеонъ, великій столпникъ.

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 23.

Послѣ такого видѣнія Даніилъ, совершивъ утреннія молитвы и пожелавъ мира обитавшимъ въ монастырѣ томъ инокамъ, направился къ Византіи.

Дойдя до морскаго берега, преподобный вошелъ въ церковь святаго Архистратига Михаила, Воеводы Силъ Небесныхъ, и пробылъ въ ней семь дней. Здѣсь онъ услыхалъ о томъ, что въ Анаплѣ[1]) есть одинъ пустой идольскій храмъ, въ которомъ живетъ много нечистыхъ духовъ, такъ что никому нельзя было проходить мимо того мѣста: плывущихъ они потопляли въ водѣ, а на проходящихъ нападали, какъ разбойники, и убивали. Услыхавъ объ этомъ, святый рѣшилъ идти туда и жить тамъ, вспоминая о Великомъ Антоніи[2]), который претерпѣлъ много зла отъ бѣсовъ и, наконецъ, съ помощію Божіею побѣдивъ ихъ, сподобился великихъ почестей. Посему Даніилъ отправился въ пустой храмъ[3]), вооружась однимъ непобѣдимымъ оружіемъ Святаго Креста и вмѣстѣ съ тѣмъ воспѣвая: **гдⷭ҇ь просвѣще́нїе моѐ и҆ сп҃си́тель мо́й, когѡ̀ ᲂу҆бою́сѧ**[4]). И прежде борьбы полчище бѣсовское пришло уже въ ужасъ. А сей духовный воинъ, обходя углы храма, ограждалъ ихъ крестнымъ знаменіемъ, каждый разъ преклоняя колѣна и молясь Богу. Когда насталъ вечеръ, пришелъ начальникъ бѣсовъ и началъ бросать въ святаго камнями; затѣмъ послышался страшный ревъ и вопли, поднялся шумъ; но Даніилъ, безбоязненно стоя на молитвѣ, говорилъ: **а҆́ще ѡ҆полчи́тсѧ на мѧ̀ по́лкъ, не ᲂу҆бои́тсѧ се́рдце моѐ**[5]). Такимъ образомъ провелъ онъ первую и вторую ночи. Въ третью же ночь увидалъ онъ множество бѣсовъ въ видѣ величайшихъ исполиновъ съ мрачными лицами, страшныхъ, какъ людоѣды, скрежещущихъ зубами, пламенѣющихъ гнѣвомъ на святаго и говорящихъ:

— Кто тебѣ, несчастный, посовѣтовалъ придти сюда, гдѣ мы, давно обитая, являемся хозяевами этого мѣста?

Говоря это, они устремились на Даніила: одни — желая бросить его въ море, другіе—усиливаясь побить его камнями; однако ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился приблизиться къ святому. Святый же,

---

[1]) *Анаплъ* —предмѣстье Константинополя.

[2]) Здѣсь разумѣется преподобный *Антоній Великій*, первый учредитель монашескаго житія, преставившійся въ 356 году; память его празднуется Церковію 17-го января.

[3]) Это было въ царствованіе Византійскаго императора Льва I, во второй половинѣ V-го вѣка.

[4]) Псаломъ 26, ст. 1.

[5]) Псаломъ 26, ст. 3.

вспомнивъ слова Господа: «**сей родъ ничимже можетъ изыти, токмѡ молитвою и постомъ**»[1]), поступилъ такъ: затворивъ всѣ входы храма, онъ оставилъ одно только небольшое окошко, а самъ началъ поститься и молиться. Въ непродолжительное время все бѣсовское полчище силою Божіею прогнано было оттуда, и народъ сталъ проходить мимо того мѣста безъ всякой опасности.

Это сдѣлалось извѣстнымъ повсюду, и многіе изъ окрестныхъ жителей стали приходить къ святому Даніилу, изумляясь, что въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было обиталище бѣсовъ, днемъ и ночью раздается славословіе Божіе. Но діаволъ, ненавидя добро и не желая видѣть себя побѣжденнымъ отъ святаго, внушилъ нѣкоторымъ изъ клириковъ зависть,—и они начали говорить между собою:

— Откуда это онъ пришелъ сюда, и всѣ идутъ къ нему и повсюду прославляютъ его? Пойдемъ,—наговоримъ на него Патріарху, чтобы онъ удалилъ его отсюда.

Отправившись къ Патріарху Цареградскому Анатолію[2]), они наклеветали ему на святаго. Но Патріархъ отвѣчалъ имъ:

— Зачѣмъ вы клевещете на человѣка, о которомъ не знаете, откуда онъ и какова его жизнь. Если онъ проводитъ жизнь праведную, то и намъ должно сдѣлаться подражателями его святости; а если онъ живетъ нечестиво, то, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ изгнанія. Однако же надлежитъ не тотчасъ подвергнуть его изгнанію, но послѣ тщательнаго предварительнаго разсмотрѣнія.

Будучи пристыжены такимъ отвѣтомъ Патріарха, клеветники должны были замолчать.

Діаволъ же, видя неуспѣхъ коварства своего, началъ досаждать святому сильнѣйшими, чѣмъ прежде, привидѣніями и ужасами, какъ бы устремляясь на него со всѣмъ своимъ воинствомъ: то пытаясь утопить его въ морѣ, то похваляясь убить его. Но діаволу не удалось нисколько повредить святому. Ставъ на молитву, Даніилъ взывалъ къ Богу:

— Господь мой Іисусъ Христосъ, въ Котораго я вѣрую, Тотъ потопитъ васъ самихъ въ пропастяхъ ада.

Едва произнесъ онъ это, раздались крики и вопли, какъ бы плачущихъ, и святый увидѣлъ бѣсовъ летящими, какъ летучія мыши, и удаляющимися отъ того мѣста. Но и послѣ этого бѣсы

---

[1]) Еванг. отъ Марка, гл. 9, ст. 29.

[2]) *Анатолій*—Патріархъ Константинопольскій съ 449 по 458 г.

не переставали причинять святому огорченія; они снова стали возбуждать противъ него клеветниковъ, которые, пришедши къ патріарху, сказали:

— Владыка! Даніилъ—волшебникъ и обманщикъ; онъ обольщаетъ народъ волшебствомъ, и потому мы не можемъ выносить его.

Патріархъ, призвавъ Даніила, спросилъ его, кто—онъ, откуда, зачѣмъ пришелъ въ эти страны и какъ вѣруетъ въ Бога. Даніилъ тотчасъ же исповѣдалъ свою православную вѣру, затѣмъ сказалъ о своей странѣ и происхожденіи, а также и о томъ, что онъ пришелъ въ Византію, будучи призванъ откровеніемъ Божіимъ. Услыхавъ это, Патріархъ всталъ и обнялъ его, почитая за человѣка Божія, и потомъ отпустилъ его съ миромъ. Черезъ нѣсколько дней Патріархъ тотъ впалъ въ тяжелую болѣзнь; тотчасъ же, призвавъ къ себѣ Даніила, онъ просилъ его помолиться Богу, чтобы ему, Патріарху, исцѣлиться. Какъ только святый помолился, Патріархъ тотчасъ же всталъ здоровымъ; безмездный же врачъ за исцѣленіе просилъ у Патріарха только того, чтобы онъ простилъ тѣхъ лицъ, кои оклеветали его предъ Патріархомъ. Патріархъ сказалъ:

— Какъ не простить тѣхъ, которые сдѣлались виновниками столь великаго добра, что я сподобился и видѣть тебя, и получить исцѣлѣніе чрезъ тебя.

Патріархъ просилъ святаго пребывать вмѣстѣ съ нимъ, но Даніилъ предпочелъ быть отпущеннымъ на свое мѣсто и, придя туда, снова затворилъ за собою двери, оставивъ лишь небольшое отверстіе для приходящихъ къ нему.

По прошествіи девяти лѣтъ такого тяжкаго житія, Богъ восхотѣлъ призвать преподобнаго на совершеннѣйшій подвигъ. Ему послѣдовало для сего особое Божіе откровеніе: онъ видѣлъ въ видѣніи стоящій передъ собою столпъ, высотою превосходившій облака; на верху столпа стоялъ преподобный Симеонъ и съ нимъ два свѣтлыхъ юноши; и слышитъ онъ голосъ столпника, который говорилъ съ высоты столпа:

— Даніилъ! Войди сюда ко мнѣ.

Даніилъ будто бы отвѣчалъ:

— Господинъ! Какъ же войти мнѣ на такую высоту?

Тогда преподобный Симеонъ приказалъ сойти къ нему двумъ юношамъ и, взявши Даніила, привести его къ нему. Юноши тотчасъ же исполнили приказанное и поставили его предъ Симеономъ. Преподобный же, обнявши Даніила, громогласно воззвалъ къ нему:

— Мужайся, Даніилъ! Будь великодушенъ и крѣпокъ! Стой твердо и мужественно!

Когда святый Симеонъ говорилъ это, голосъ его казался голосомъ грома, и отъ сего голоса Даніилъ пробудился. Видѣніе это предуказывало то, что и Даніилу надлежитъ, подобно святому Симеону Столпнику, войти на столпъ и приблизиться къ нему тѣломъ и душою.

Въ это время пришелъ изъ Антіохіи къ царю ученикъ преподобнаго Симеона Столпника Сергій и принесъ ему кукуль[1]) преподобнаго Симеона, присланный въ даръ царю на защиту его отъ всякаго зла. Но такъ какъ душа царева была направлена на земныя попеченія и онъ весь поглощенъ былъ мірскими занятіями, то Сергій надумалъ уйти отъ него и вернуться назадъ; и захотѣлось ему побывать въ монастырѣ Неусыпающихъ[2]). Когда онъ вмѣстѣ съ другими плылъ мимо того мѣста, гдѣ подвизался преподобный Даніилъ, нѣкоторые вспомнили о немъ — въ какомъ терпѣніи проводитъ онъ жизнь свою, а также и то, что онъ получилъ отъ Бога даръ исцѣлять недуги и прогонять бѣсовъ. Услыхавъ о семъ, Сергій велѣлъ кораблю пристать къ берегу и отправился къ преподобному Даніилу. Тотъ принялъ его съ любовію, и Сергій, послѣ довольно продолжительной бесѣды убѣдившись въ томъ, что на Даніилѣ почиваетъ духъ Симеона, какъ духъ Иліи на Елисеѣ[3]), отдалъ ему тотъ даръ, который онъ несъ съ собою, то есть кукуль Симеона, ибо ему, Даніилу, онъ приличествовалъ болѣе, чѣмъ кому-либо иному.

Послѣ этого во снѣ Сергій видѣлъ трехъ юношей, пришедшихъ къ нему и говорящихъ:

---

[1]) *Кукуль* — въ переводѣ съ греч. шапочка — первоначально былъ общемонашескимъ головнымъ покровомъ, служившимъ символомъ безмолвія, чистоты и незлобія, молчаливаго пребыванія въ Богомысліи и тщательнѣйшаго къ себѣ вниманія; иногда на кукуль нашивался крестъ. Впослѣдствіи, какъ и теперь, кукуль сталъ принадлежностью исключительно однихъ схимниковъ, принявшихъ великую схиму. Онъ употребляется вмѣсто клобука, который въ первоначальномъ постриженіи въ монашество возлагается на камилавку и отличается отъ клобука тѣмъ, что кругомъ покрываетъ голову и плечи; наглавникъ его — остроконечный съ пятью крестами.

[2]) Общежительный монастырь т. н. *Неусыпающихъ* былъ основанъ въ концѣ IV вѣка преп. Александромъ; сначала онъ находился въ глубокомъ уединеніи при р. Евфратѣ, но впослѣдствіи былъ перенесенъ въ Константинополь. Чиноположенія и иноческое житіе насельниковъ этого монастыря отличалось особою строгостью. Свое наименованіе монастырь получилъ отъ того, что братія его, раздѣляясь на 24 чреды по числу 24 часовъ дня и ночи, непрерывно на два лика славословили Господа, поя протяжно Псалмы Давидовы, такъ что Богослуженіе въ этомъ монастырѣ совершалось непрерывно и никогда не прекращалось.

[3]) 4 Кн. Царствъ, гл. 2, ст. 15.

— Встань, Сергій, и скажи Даніилу, что время житія его въ томъ храмѣ уже окончилось; пусть онъ, Сергій, передастъ о своемъ видѣніи Даніилу.

Пробудившись, Сергій повѣдалъ объ этомъ Даніилу, а тотъ, понявъ, что Богъ повелѣваетъ ему подражать житію преподобнаго Симеона, попросилъ Сергія отправиться въ пустыню и подъискать для него удобное мѣсто, гдѣ бы можно поставить столпъ. Сергій, обойдя одинъ холмъ, по указанію Божію пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ надлежало построить столпъ; остановившись здѣсь для отдыха отъ тяжелаго пути, онъ увидалъ такое видѣніе: надъ нимъ пролетѣлъ бѣлый голубь, и Сергій старался поймать его. Вдругъ онъ слышитъ съ Неба Голосъ:

— Не думаешь ли ты изловить голубя сѣтями? Его нужно ловить руками.

Но голубь улетѣлъ въ вышину и послѣ этого сталъ невидимъ. Понявъ изъ этого, что Богъ указываетъ ему здѣсь мѣсто къ устроенію столпа, Сергій возвратился къ Даніилу и передалъ ему о всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ. Обрадованный Даніилъ упросилъ друга своего, нѣкоего Марка, устроить ему столпъ. Маркъ, при помощи Божіей, быстро выстроилъ столпъ. Когда окончена была постройкою и крыша его, преподобный Даніилъ вышелъ ночью изъ того храма, чтобы никто о немъ не зналъ, и, придя къ столпу, помолился Богу:

— Слава Тебѣ, Христе Боже, что Ты сподобляешь меня такой жизни! Ты знаешь, Господи, что Тобою я утверждаюсь, и, на Тебя надѣясь, восхожу на сей столпъ. Итакъ, пріими жертву мою, укрѣпи меня на подвигъ и приведи въ исполненіе мое начинаніе.

Такъ помолившись, онъ взошелъ на столпъ и началъ жить въ безмолвномъ уединеніи между небомъ и землею для Единаго Бога, устраняясь всего земнаго и приближаясь тѣломъ и душею къ горнему. Но діаволъ, всегда завидующій рабамъ Божіимъ, началъ и здѣсь досаждать святому, возставивъ противъ него владѣльца того мѣста, по имени Геласія. Сей послѣдній, узнавъ, что въ его владѣніи устроили безъ его согласія столпъ и что на немъ сталъ жить, безъ его вѣдома, какой-то инокъ, пришелъ въ сильный гнѣвъ и увѣдомилъ объ этомъ царя и Патріарха Геннадія[1]), преемника Анатоліева. Царь не обратилъ на это никакого вниманія, Патріархъ же не только велѣлъ свести святаго Даніила со столпа,

[1]) Св. Геннадій—Константинопольскій Патріархъ съ 458—471 г.

но хотѣлъ даже наказать его, предоставивъ Геласію съ позоромъ удалить его со столпа. Геласій, въ ярости, направился уже приводить свое желаніе въ исполненіе, но Богъ, предотвращая его отъ злого намѣренія, ниспослалъ внезапно въ ясный день дождь и большую грозу, громъ и молнію. Геласій, однако, не устрашился и не оставилъ своего злаго рѣшенія; сердце его пылало злобою, ибо самъ діаволъ возбуждалъ въ немъ ярость. Подошедши къ столпу, Геласій началъ съ досажденіемъ и укоризнами кричать на святаго, чтобы онъ тотчасъ же сошелъ со столпа, угрожая въ противномъ случаѣ насильственно свергнуть его внизъ. Нѣкоторые изъ сопровождавшихъ Геласія останавливали его, говоря:

— Оставь его, вѣдь онъ не дѣлаетъ тебѣ никакого зла; да и самый столпъ этотъ не на твоей землѣ; нѣтъ тебѣ отъ этого и никакого ущерба, а, наоборотъ, тебѣ же лучше имѣть такого сосѣда, который бы молился за тебя.

Но Геласій не послушалъ ихъ и съ гнѣвомъ приказалъ святому разъ навсегда оставить столпъ. Когда святый сталъ сходить внизъ и спустился уже на шестую ступеньку, всѣ увидали, что ноги его стали какъ бы бревна и затекли отъ непрестаннаго дневнаго и ночнаго стоянія. Тогда всѣ сжалились надъ нимъ и даже самъ Геласій склонился на милость и сталъ просить его опять войти на свое мѣсто и простить, что онъ, Геласій, дерзнулъ оскорбить его. Послѣ того Геласій устроилъ для святаго еще болѣе высокій столпъ и съ тѣхъ поръ сталъ оказывать ему почетъ, и предъ самимъ царемъ прославлялъ добродѣтельность преподобнаго мужа.

Однажды пришелъ къ святому изъ Ѳракіи[1]) одинъ старый и почтенный человѣкъ и привелъ съ собою своего единственнаго бѣсноватаго сына; положивъ его у столпа, отецъ со слезами умолялъ святаго сжалиться надъ нимъ и помиловать его:

— Вотъ,—говорилъ онъ,—тридцатый уже день, какъ онъ, одержимый бѣсомъ, непрестанно упоминаетъ твое, угодникъ Божій, имя.

Преподобный же, будучи милосердымъ, отвѣчалъ ему:

— Если ты вѣруешь, что Господь мой Іисусъ Христосъ исцѣлитъ чрезъ меня сына твоего, да будетъ тебѣ по вѣрѣ твоей!

---

[1]) *Ѳракія* въ древности обнимала собою нынѣшнюю восточную часть Венгріи, Трансильванію, Бессарабію, Молдавію, Валахію, Болгарію, Сербію и восточную часть Румеліи.

Послѣ этого онъ велѣлъ напоить бѣсноватаго святымъ елеемъ. Когда это было исполнено, бѣсъ повергъ его на землю и, сильно потрясая, воскликнулъ: «выхожу, выхожу»,—и затѣмъ дѣйствительно вышелъ. Отецъ же, видя сына здоровымъ, отдалъ его въ монастырь, гдѣ и сталъ онъ искуснымъ инокомъ. Затѣмъ явился другой человѣкъ, по имени Киръ[1]), мужъ разумный и краснорѣчивый. Этотъ, имѣя дочь, по имени Александру, мучимую бѣсомъ, тоже привелъ ее къ святому. И какъ только святый помолился Богу и возложилъ руки на бѣсноватую, бѣсъ тотчасъ же вышелъ изъ нея, и она стала здоровой. Съ тѣхъ поръ Киръ сталъ питать большую любовь и усердіе къ преподобному. Однажды онъ привелъ къ святому жену своего воина, тоже бѣсноватую, и та, по молитвамъ блаженнаго, получила исцѣленіе; за это Киръ, изъ чувства благодарности, написалъ на столпѣ святаго стихи слѣдующаго содержанія:

— Здѣсь твердо стоитъ мужъ, обуреваемый отвсюду: но ни вѣтровъ не боится, ни непогоды; пища его—манна небесная, безкровная. Отрасль Симеонова двѣ стѣны столпомъ двойнымъ подкрѣпляетъ, прославляя Сына Матери, не познавшей брака.

Греческій царь, Левъ Великій[2]), не имѣвшій, но желавшій имѣть сына—наслѣдника, просилъ преподобнаго Даніила исходатайствовать ему отъ Бога полученіе желаемаго. Преподобный, будучи и самъ сыномъ молитвы, ибо онъ рожденъ былъ по молитвамъ своей матери, подавалъ уже молитвами своими милость Божію и другимъ имѣть дѣтей. Посему и въ этотъ разъ, помолившись Богу, онъ предсказалъ царю, что на будущій годъ у него родится сынъ. Это предсказаніе дѣйствительно и сбылось. Царь, радуясь о рожденіи сына, въ благодарность за такія молитвы святаго соорудилъ ему третій столпъ.

Когда слава о святомъ Даніилѣ распространилась повсюду, пришла къ нему царица Евдокія, супруга царствовавшаго ранѣе Ѳеодосія Младшаго[3]); она просила Даніила сойти со столпа и идти въ ея область, гдѣ имѣлось, по ея словамъ, много пустынныхъ мѣстъ. Блаженный, похваливъ ея добрую мысль и

---

[1]) *Киръ*—знаменитый поэтъ и пѣснописецъ христіанскій, градоначальникъ Константинополя при императорѣ Ѳеодосіи Младшемъ (въ первой половинѣ V-го вѣка), впослѣдствіи епископъ Смирнскій.

[2]) *Св. Левъ I*—императоръ Византійскій съ 457 по 474 г.

[3]) Съ 408 по 450 г.

усердіе, однако не пожелалъ уйти оттуда, гдѣ повелѣлъ ему жить Господь; благословивъ царицу, онъ отпустилъ ее съ миромъ, а самъ взошелъ на высочайшій столпъ, который устроенъ былъ Геласіемъ.

Въ это время нѣкоторые еретики, бывшіе въ Византіи, склонили большими деньгами одну блудницу, по имени Вассіану, идти къ святому и соблазнить на худое дѣло—или его самого, или кого-нибудь изъ его учениковъ. Она, безстыдная и нечистая, отправилась къ цѣломудренному и святому, воображая, что блаженный прельстится съ перваго же взгляда на нее и возъимѣетъ желаніе согрѣшить съ нею: ибо она была одѣта въ сотканныя изъ золота одежды и украшена различными нарядами. Пришедши, она притворилась больною и жила на полѣ, которое было противъ столпа, около ограды словесныхъ овецъ добраго пастыря; притворилась же больною съ тою цѣлію, чтобы принести душевный вредъ если не самому святому, то, по крайней мѣрѣ, его ученикамъ. Пробывъ тамъ немалое время и видя, что не имѣетъ никакого успѣха, ибо никакъ не смогла прельстить того, умъ котораго не прилѣпился къ землѣ, но всегда пребывалъ съ Богомъ горѣ, она ушла ни съ чѣмъ. Потомъ, пришедши къ нанявшимъ ее еретикамъ, она, несчастная, солгала, будто Даніилъ, соблазнившись ею и сильно возжелавъ ея красоты, велѣлъ ученикамъ привести ее къ себѣ на столпъ; «но я,—прибавила она,—не согласилась на это; они же, боясь, чтобы это нечестивое желаніе ихъ не стало извѣстно народу, задумали меня убить, и я едва увернулась изъ ихъ рукъ и убѣжала».

Такъ лгала на святаго несчастная блудница, а еретики распространяли слова ея въ народѣ, клевеща на неповиннаго и чистаго Даніила съ цѣлію отвратить отъ него народъ. Но судъ Божій постигъ лживую и скверную клеветницу: на нее внезапно напалъ злой духъ и началъ мучить; тогда невольно она созналась, что подговорена была еретиками. Такъ посрамлены были хулители угодника Божія. А народъ, схвативши ее, привелъ къ святому и просилъ его избавить ее отъ мученія бѣсовъ. Тогда Даніилъ, будучи истиннымъ ученикомъ Христа, завѣщавшаго любить враговъ и повелѣвающаго прощать согрѣшающимъ до седмижды семидесяти разъ [1]), не заплатилъ ей за зло зломъ, но сдѣлалъ ей, злоумышлен-

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 18, ст. 21—22.

ницѣ своей, добро: онъ, сотворивъ за нее молитву предъ Богомъ, велѣлъ ей дать выпить святаго елея, и та, получивъ исцѣленіе, начала цѣловать столпъ святаго, открыто исповѣдуя предъ всѣми грѣхъ свой и прося прощенія. Съ этого времени она начала проводить цѣломудренную жизнь, оставивъ жизнь грѣховную.

Преподобный не только имѣлъ отъ Бога власть изгонять бѣсовъ и исцѣлять недуги, но не лишенъ былъ и дара пророчества, т. е. предвидѣть и предсказывать будущее. Провидѣвъ гнѣвъ Божій и наказаніе, имѣющее постигнуть городъ, онъ послалъ извѣстить объ этомъ Патріарха Геннадія[1]) и царя Льва и совѣтывалъ раза два на недѣлѣ совершать молебствія для того, чтобы предотвратить праведный гнѣвъ Божій. Но на совѣтъ блаженнаго не обратили никакого вниманія, а потому за грѣхи свои и на самомъ дѣлѣ они увидали исполненіе его пророчества, какъ о семъ будетъ сказано ниже. Въ то время царь, подвигнутый Духомъ Божіимъ, предписалъ Патріарху отправиться къ великому Даніилу и посвятить его въ пресвитеры. Патріархъ съ клиромъ своимъ отправился и, достигнувъ столпа, сказалъ преподобному, что давно уже онъ желалъ увидѣть его, но такъ какъ былъ отягощенъ церковными дѣлами, то не могъ исполнить этого.

— Теперь же,—сказалъ онъ,—я пришелъ повидать тебя и сподобиться твоихъ молитвъ и бесѣды.

Потомъ Патріархъ просилъ у него позволенія поставить лѣстницы и допустить его къ себѣ. Но святый отвѣтилъ ему:

— Напрасно пославшій тебя къ намъ возложилъ на тебя столь большіе труды.

Когда святый произнесъ это, Патріархъ удивился и ужаснулся: какъ онъ могъ узнать, что пришествіе его, Патріарха, было не добровольное, а подневольное, ибо онъ не пошелъ бы къ нему, если бы не былъ убѣжденъ къ тому царемъ. Долго Патріархъ съ бывшими при немъ упрашивалъ святаго приказать приставить лѣстницы, чтобы взойти имъ къ нему, но тотъ всячески отказывалъ. Между тѣмъ, была жара, солнце сильно пекло, и Патріархъ, видя изнеможеніе многихъ отъ зноя и жажды, повелѣлъ архидіакону, стоя внизу, начать обычныя при посвященіи молитвы. Молясь самъ и читая тѣ молитвы, которыя положены при посвященіи во священника, онъ посвятилъ святаго Даніила въ пресвитеры, хотя тотъ и находился отъ нихъ высоко на столпѣ.

[1]) Св. Геннадій патріаршествовалъ съ 459 по 471 г.

Весь же собравшійся народъ восклицалъ: «аксіосъ»[1]). Послѣ этого блаженный Даніилъ, усматривая въ этомъ изволеніе Божіе, велѣлъ приставить къ столпу лѣстницы и получилъ изъ рукъ Патріарха священническое облаченіе, причастился съ нимъ Пречистыхъ и Божественныхъ Таинъ и, помолившись за всѣхъ, пришедшихъ къ столпу, отпустилъ всѣхъ съ миромъ. Царь, узнавъ, что преподобный Даніилъ принялъ посвященіе, возрадовался и поспѣшилъ ко столпу. Снявъ съ себя царское одѣяніе, онъ со смиреніемъ взошелъ къ преподобному на столпъ и припалъ къ его ногамъ. Увидѣвъ же, что отъ долгаго стоянія ноги преподобнаго отекли и загнили, онъ подивился его великому терпѣнію и, получивъ благословеніе, съ радостію возвратился домой. Между тѣмъ наступило время исполниться пророчеству святаго, которое изречено было имъ относительно гнѣва Божія, имѣвшаго постигнуть тотъ городъ. Въ мѣсяцѣ сентябрѣ, на память святаго мученика Маманта[2]), которая обыкновенно торжественно праздновалась въ Византіи,— въ то время, когда въ церкви его имени начиналось съ вечера Всенощное бдѣніе, вдругъ поднялся въ огромномъ столичномъ городѣ сильнѣйшій пожаръ; пожаръ этотъ быстро достигъ такихъ размѣровъ, что охватилъ едва не весь городъ, начиная отъ приморской стѣны, называемой корабельной, продолжаясь до торга Константинова и доходя даже до Юліанова берега[3]), окруживъ такимъ образомъ всю середину города; великій Гнѣвъ Божій постигъ населеніе: ибо огонь истребилъ не только множество большихъ домовъ съ имуществомъ, красивыхъ дворцовъ и святыхъ храмовъ, но и людей безъ числа; одни были превращены огнемъ въ пепелъ, другіе — опалены до половины; у третьихъ — повреждены были руки или ноги, глаза или голова. И никакъ нельзя было потушить пожара; чѣмъ болѣе старались тушить, тѣмъ болѣе разрасталось пламя: то Богъ наказывалъ людей Своихъ за грѣхи. Такъ Константинополь погибалъ отъ огня почти равнаго тому, отъ котораго нѣкогда погибъ городъ Содомъ[4]). Тогда-то и вспомнили пророчество преподобнаго Даніила, когда онъ предсказывалъ объ этомъ наказаніи и призывалъ народъ къ молитвѣ и покаянію; и отправились къ

---

[1]) Ἄξιος—съ греч. «Достоинъ»—возгласъ, коимъ обозначается согласіе вѣрующихъ на посвященіе рукополагаемаго.

[2]) Память его празднуется 2-го сентября.

[3]) Мѣстности, получившія наименованія по императорамъ: св. равноапостольному Константину Великому и его двоюродному брату Юліану Отступнику.

[4]) Кн. Бытія, гл. 19, ст. 24—25.

нему съ слезною просьбою, чтобы онъ умилостивилъ Бога своими молитвами и угасилъ огненное пламя. Святый со слезами укорялъ ихъ, что они не слушали его тогда, когда онъ предсказывалъ имъ о настоящемъ несчастіи, и не выполнили совѣты его—по дважды на недѣлѣ совершать общественные молебны. Затѣмъ, поднявъ руки къ Небу, онъ съ умиленіемъ помолился Богу за городъ и жителей, а послѣ молитвы объявилъ, что пожаръ прекратится черезъ семь дней. Такъ дѣйствительно и случилось. И самъ царь убоялся Гнѣва Божія и, вмѣстѣ съ царицей, пришелъ къ преподобному, прося у Бога милосердія по ходатайству преподобнаго.

По прошествіи лѣта наступила столь холодная осень, что трудно описать ея суровость. Однако же она не только не могла одолѣть мужественнаго подвижника, но и сама была имъ побѣждена: въ теченіе 4 дней казалось, какъ будто съ неба низвергаются цѣлыя рѣки; нѣкоторыя горы отъ множества потоковъ были размыты, села потоплены; все время дули сильные противоположные вѣтры, какъ бы борясь между собою; вихри же и бури были настолько сильны, что силою ихъ сломаны были тѣ желѣзные крюки, на которыхъ держались два столпа преподобнаго. А преподобный терпѣливо стоялъ на высотѣ, въ то время какъ столпъ колебался, и самъ онъ шатался на немъ отъ вѣтра, какъ бы вѣтка на деревѣ; ученики же святаго снизу взирали на него со слезами, опасаясь, какъ бы онъ не умеръ отъ такого холода или не упалъ бы вмѣстѣ со столпомъ на землю. Но надежда преподобнаго Даніила на Господа оставалась непоколебимою, и онъ продолжалъ безбоязненно стоять на столпѣ, утверждаясь на немъ какъ на каменномъ основаніи. Ибо чего было бояться смерти тому, для котораго земная жизнь представлялась узами и темницей, а смерть—разрѣшеніемъ и свободой, и который повторялъ слова Давидовы: ѝзведѝ ѝз̾ темни́цы, т. е. изъ тѣла, дꙋ́шꙋ мою̀ [1])? Чѣмъ болѣе сильный холодъ преподобный переносилъ, тѣмъ съ болѣе горячими молитвами обращался онъ къ Господу. И дѣйствительно, воззвалъ праведникъ—и Господь услышалъ его [2]), и какъ нѣкогда изъ ладьи [3]), такъ и теперь съ вышняго Неба запретилъ вѣтрамъ, и вдругъ наступила величайшая тишина и вёдро.

Когда, послѣ этого, прибылъ царь къ святому, чтобы посмотрѣть, не принесли ли ему какого-нибудь вреда бывшіе дожди и

[1]) Псаломъ 141, ст. 8.
[2]) Выраженіе Псалма 33, ст. 18.
[3]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 8, ст. 26.

вѣтры, и когда увидалъ сломанными желѣзные крюки, то приказалъ какъ можно лучше укрѣпить столпы и возвратился отъ преподобнаго, получивъ отъ него благословеніе. Дорогой же случилось съ нимъ слѣдующее: лошадь, на которой онъ сидѣлъ, чего-то испугавшись, вскочила на дыбы и, упавши назадъ, сбросила съ себя царя, такъ что и вѣнецъ съ головы его далеко отскочилъ и разломился, а жемчугъ и драгоцѣнные камни съ вѣнца разсыпались. Конюхомъ царскимъ былъ нѣкто Іорданъ, по вѣрѣ аріанинъ; видя паденіе съ лошади, онъ испугался, что на него падетъ за это вся отвѣтственность и онъ будетъ казненъ. Поэтому вернувшись назадъ, онъ пришелъ къ преподобному и со слезами просилъ его ходатайства предъ царемъ, причемъ отрекался отъ ереси аріанской и просилъ присоединить его къ Православію. Преподобный, во уваженіе къ его благочестію, написалъ царю, что такъ какъ Іорданъ отрекся аріанскаго зловѣрія и присоединился къ христіанскому правовѣрію, то онъ достоинъ помилованія. На это царь отвѣчалъ святому:

— Виновникомъ моего паденія былъ не кто иной, какъ самъ же я, ибо я имѣлъ дерзновеніе сѣсть на коня еще на твоихъ глазахъ, не отойдя пѣшкомъ подальше отъ твоего святаго столпа; посему и на Іордана не только не гнѣваюсь, но и радуюсь тому, что мое паденіе съ лошади стало для него причиной возстанія отъ паденія душевнаго.

Въ послѣдующее затѣмъ время царь относился къ святому съ такимъ уваженіемъ, что не только самъ почиталъ его, но и въ глазахъ другихъ представлялъ его какъ носителя небесной силы; такъ, напр., когда одному правителю иноплеменнаго царства, по имени Губазію, пришлось прибыть для заключенія перемирія къ Льву, царю Греческому, то царь привелъ его къ преподобному Даніилу Столпнику и, указывая на него, сказалъ:

— Вотъ чудо въ моемъ царствѣ!

Губазій же, удивившись терпѣнію преподобнаго, сталъ кланяться не только самому святому, но и столпу, на которомъ онъ стоялъ, и со слезами говорилъ:

— Благодарю Тебя, Царь Небесный, что меня, пришедшаго къ царю земному, Ты сподобилъ увидать мужа небеснаго и его жилище.

Вернувшись въ свою страну, Губазій часто вспоминалъ о преподобномъ въ кругу своихъ приближенныхъ и посылалъ къ

нему письма съ просьбою о его святыхъ молитвахъ для защиты своего царства. И былъ преподобный предметомъ великаго удивленія для всѣхъ — какъ ближнихъ, такъ и дальнихъ, своихъ и пришельцевъ, царей и простыхъ, грековъ, римлянъ и иноплеменниковъ, кои приходили къ нему, какъ къ Ангелу Божію, а отходя, призывали его на помощь себѣ,—и всѣ они получали просимое по его святымъ молитвамъ.

Мужественное терпѣніе преподобнаго, съ коимъ онъ, стоя на столпѣ, переносилъ всѣ перемѣны воздуха, достаточно засвидѣтельствовано вышесказанными дождями и бурями; но, чтобы не опустить изъ вниманія чего-либо достойнаго памяти святаго, припомнимъ еще слѣдующее.

Однажды стояла чрезвычайно суровая зима, дули сильнѣйшіе вѣтры, гораздо болѣе нестерпимые, чѣмъ тѣ, о которыхъ говорилось выше: былъ и снѣгъ, и ледъ, и морозы; а преподобный не только не имѣлъ надъ своимъ столпомъ никакой крыши, но лишился даже отъ вѣтра и того кожанаго кукуля, который былъ на его головѣ и который унесенъ былъ вѣтромъ далеко въ пустыню. Такъ стоялъ добровольный мученикъ цѣлую ночь, перенося суровость зимы и лютость мороза. Днемъ же поднялась такая сильная вьюга, что ученики святаго не могли ни глазъ своихъ поднять къ столпу, ни оказать святому какой-либо помощи. По прошествіи дня наступила еще болѣе суровая ночь, а затѣмъ опять такой же день и такая же ночь, и лишь на третій день буря нѣсколько утихла. Тогда только, приставивъ лѣстницы, ученики поднялись на столпъ къ преподобному и нашли его всего, съ ногъ до головы, обледенѣвшимъ, еле дышущимъ и едва отогрѣли его, обтирая тѣло теплой водой и губкой. Придя въ себя, преподобный сказалъ ученикамъ:

— Зачѣмъ вы хлопочете около меня? Зачѣмъ вы разбудили меня отъ сладкаго сна? Я только что заснулъ съ молитвой на устахъ; однако, благодарю васъ, дѣти мои, что вы имѣете заботу обо мнѣ, отцѣ вашемъ.

Христолюбивый царь, узнавъ объ этомъ, долго упрашивалъ святаго со слезами и кланяясь ему въ землю, чтобы онъ позволилъ придѣлать къ столпу только какую-нибудь крышу.

— Пощади себя,—говорилъ онъ ему,—если не для себя, то хотя для нашей пользы, дабы не умереть тебѣ преждевременно и не оставить насъ сирыми.

Видя слезную просьбу царя, преподобный позволилъ устроить крышу надъ своимъ столпомъ, но не для своего облегченія, а ради усердной просьбы царя, который имѣлъ къ святому такую любовь и уваженіе, что приводилъ всѣхъ приходившихъ къ нему пословъ и Великихъ князей къ столпу преподобнаго — то самъ лично, то со своими придворными вельможами. Приходившіе же удивлялись столь великому мужеству преподобнаго отца, съ которымъ онъ переносилъ днемъ и ночью и стужу, и жаръ, и обыкновенно уходили отъ него съ чувствомъ духовнаго умиленія и съ великою духовною пользой для себя.

Черезъ нѣкоторое время Гензерихъ, король Вандальскій [1]), объявилъ войну противъ Грековъ и подошелъ къ Александріи съ многочисленнымъ войскомъ. Греческій императоръ, смущенный этимъ нашествіемъ иноземцевъ, пришелъ со своимъ синклитомъ къ преподобному Даніилу Столпнику, желая получить помощь отъ его святыхъ молитвъ. Провидя будущее, преподобный предсказалъ царю, что Гензерихъ не только не возьметъ Александріи, но и во всѣхъ своихъ замыслахъ потерпитъ неудачу и вернется домой безъ всякаго успѣха. Все, предсказанное преподобнымъ, дѣйствительно сбылось, и въ благодарность за это благочестивый царь пожелалъ устроить при столпѣ преподобнаго келліи для помѣщенія въ нихъ его учениковъ; преподобный же просилъ царя соорудить, вмѣсто того, церковь во имя преподобнаго Симеона Столпника и перенести въ нее изъ Антіохіи святыя мощи его. Царь немедленно устроилъ въ честь преподобнаго Симеона церковь на сѣверной сторонѣ отъ столпа Даніилова и при церкви—страннопріимный домъ, а затѣмъ, согласно желанію преподобнаго Даніила, перенесъ въ новоустроенный храмъ съ подобающею честію честныя мощи святаго Симеона. Преподобный Даніилъ былъ глубоко обрадованъ этимъ и по случаю перенесенія мощей обратился къ народу съ надлежащимъ поученіемъ.

Нравомъ своимъ преподобный былъ незлобивъ и ко врагамъ своимъ относился съ любовію. Однажды нѣкто поносилъ святаго, а когда слушавшій его народъ возмутился этимъ, онъ, показывая ему печеную рыбу, говорилъ:

— Вотъ что ѣстъ вашъ постникъ!

Когда, послѣ этого, и самъ онъ, и жена его съ дѣтьми поѣли этой рыбы, то они сейчасъ же впали въ сильный недугъ, отъ

[1]) О *Гензерихѣ Вандальскомъ* см. на стр. 251, прим. 5.

котораго преподобный исцѣлилъ ихъ своею молитвою, не памятуя зла и не воздавая обидой за обиду. Въ благодарность за столь великую къ нимъ милость незлобиваго отца они соорудили изъ серебра его изображеніе, на коемъ они были представлены лежащими у ногъ преподобнаго и были подписаны имена ихъ; икону сію они поставили въ церкви святаго Михаила Архистратига Небесныхъ Силъ.

При своемъ незлобіи преподобный Даніилъ имѣлъ еще великій даръ столь благодатнаго слова, что слушатели отъ его наставленій приходили въ глубокое умиленіе и очень многіе получали отъ нихъ великую духовную пользу, исправляя свою жизнь. При царскомъ дворѣ находился одинъ именитый воинъ, по имени Едрань, по происхожденію галатянинъ, отличавшійся здоровьемъ и воинскими доблестями. Пришедши къ блаженному Даніилу и услыхавъ его душеполезныя поученія, онъ пришелъ въ сердечное умиленіе, немедленно же отрекся отъ міра и вмѣстѣ съ двумя своими друзьями присоединился къ ученикамъ преподобнаго. Услыхавъ объ этомъ, царь весьма сожалѣлъ о немъ какъ о храбромъ воинѣ и послалъ уговорить его вернуться къ нему во дворецъ. Но тотъ пренебрегъ вниманіемъ царя:

— **Ка́ѧ по́льза человѣ́кꙋ,**—сказалъ онъ,—**а҆́ще мі́ръ ве́сь пріѡбрѧ́щетъ, дꙋ́шꙋ же свою̀ ѿтщети́тъ**[1]).

Послѣ сего, принявъ постригъ отъ руки преподобнаго, онъ сталъ подражателемъ ему въ воздержаніи, вкушая пищи лишь столько, сколько нужно для того, чтобы не умереть съ голоду; равнымъ образомъ и спалъ онъ очень мало и то—стоя или нѣсколько присаживаясь на привѣшенную веревку. Впослѣдствіи за свою добродѣтельную жизнь онъ пріобрѣлъ любовь царя, и тотъ навѣщалъ его, когда приходилъ къ преподобному Даніилу. Проживъ такимъ образомъ довольно продолжительное время, онъ съ миромъ преставился. Послѣ того подражателемъ житія сего подвижника, въ иночествѣ Тита, былъ слуга его Антоній.

Спустя нѣкоторое время, царь Левъ выдалъ дочь свою Аріадну замужъ за Зенона Исаврянина[2]), котораго и послалъ съ войскомъ противъ варваровъ, вторгшихся во Ѳракію. Передъ походомъ Зенонъ отправился къ преподобному Даніилу Столпнику, и святый предсказалъ ему весь исходъ войны, съ которой онъ вернется

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 9, ст. 25.

[2]) Впослѣдствіи императоръ Византійскій—съ 474 по 491 г.

невредимымъ и затѣмъ послѣ тестя своего, царя Льва, получитъ царскій скипетръ, но, по зависти родныхъ, лишится царской власти, а потомъ снова получитъ ее. Все это въ свое время и сбылось. Когда Зенонъ воцарился послѣ смерти Льва и процарствовалъ три года, то противъ него возсталъ Василискъ[1]), братъ Верины, жены покойнаго царя Льва. Удаливъ Зенона, онъ захватилъ престолъ Греческій и, будучи приверженцемъ ереси Евтихія, возбудилъ большую смуту въ Церкви Христовой, отвергая Соборъ Халкидонскій[2]) и распространяя еретическое ученіе. Тогда Акакій, Патріархъ Константинопольскій[3]), собравъ православныхъ епископовъ, хотя и съ боязнію противился царю, но не имѣлъ никакого успѣха. Поэтому онъ послалъ нѣсколькихъ епископовъ къ преподобному Даніилу съ слезною просьбою сойти со столпа и явиться къ нимъ въ столицу на помощь Церкви Воинствующей.

Преподобному весьма не хотѣлось сходить съ своего мѣста, хотя бы и на малое время; однако, видя нужду Церкви и будучи призываемъ къ тому же и Божественнымъ Голосомъ свыше, сошелъ со столпа и явился въ городъ къ Патріарху и находившимся при немъ епископамъ. Съ честію встрѣченъ былъ онъ епископами и принятъ былъ ими съ несказанною радостью. Услыхавъ о прибытіи преподобнаго и не желая встрѣчаться съ нимъ, царь удалился изъ города въ свое помѣстье, находившееся около столицы, но преподобный послѣдовалъ за нимъ и туда. Но такъ какъ онъ не имѣлъ возможности дойти туда самъ, ибо отъ продолжительнаго стоянія ноги его отекли и покрылись многочисленными ранами, то его понесли на рукахъ вѣрующіе. По дорогѣ попался имъ навстрѣчу одинъ прокаженный человѣкъ. Увидѣвъ преподобнаго, онъ началъ съ рыданіемъ просить его объ исцѣленіи; сжалившись надъ нимъ, преподобный помолился о немъ и велѣлъ ему вымыться въ находившемся возлѣ морѣ. Тотъ омылся и вышелъ совершенно чистымъ и здоровымъ. Слухъ объ этомъ чудѣ тотчасъ же повсемѣстно распространился, и къ преподобному стало стекаться множество народа съ больными, кои, по молитвамъ преподобнаго, и получали исцѣленія. Окруженный такимъ

---

[1]) Царствовалъ съ 474—477 г.

[2]) *Соборъ Халкидонскій* — IV-й Вселенскій Соборъ; происходилъ въ 451 г.; на немъ осуждена ересь Евтихія, иначе—монофизитская, признававшая во Христѣ лишь одно, Божеское естество, будто бы поглотившее собою естество человѣческое.

[3]) Акакій патріаршествовалъ съ 471—489 г.

множествомъ народа, собравшагося къ нему ради чудесъ, преподобный приблизился къ царскому дворцу, находившемуся въ помѣстьѣ. Одинъ Готянинъ, нагнувшись сверху чрезъ окно и увидѣвъ святаго, несомаго на рукахъ, засмѣялся и сказалъ:

— Вотъ еще новый анѳипатъ![1])

Едва онъ произнесъ это, какъ тотчасъ подвергся наказанію Божію: онъ внезапно упалъ сверху на землю и разбился до смерти. Царь же, узнавъ о прибытіи святаго, распорядился не пускать его къ себѣ; и святый удалился, отрясши прахъ отъ своихъ ногъ. Но затѣмъ царь тотчасъ же послалъ за преподобнымъ, испугавшись, какъ бы за непочтеніе къ святому съ нимъ, царемъ, не случилось какого-либо несчастія, и просилъ преподобнаго вернуться къ нему. Но онъ не только не послушалъ царя, но предсказалъ еще о его погибели.

— Прогнѣвляющій Царя Небеснаго,—сказалъ онъ,—пріумножаетъ себѣ обильныя бѣдствія и собираетъ гнѣвъ на День Суда.

Сказавъ сіе, онъ отправился въ путь свой. Едва гонцы, возвратившись, успѣли передать царю слова преподобнаго, какъ вдругъ тотчасъ же упалъ во дворцѣ одинъ изъ столбовъ; царь и всѣ присутствовавшіе весьма испугались: такъ даже и неодушевленный предметъ, по повелѣнію Божію, засвидѣтельствовалъ непреложность пророчества преподобнаго и своимъ паденіемъ ознаменовалъ близость низверженія царя съ престола. Возвращаясь въ городъ, преподобный Даніилъ исцѣлилъ по дорогѣ двухъ бѣсноватыхъ юношей и дочь вдовы; змія, нечаянно обвившагося около своей ноги, онъ удалилъ однимъ своимъ словомъ, не получивъ отъ сего никакого вреда. Въ самомъ же городѣ къ Даніилу приступила одна почтенная женщина, по имени Ираида, которая была неплодной; омывая слезами ноги его, она просила преподобнаго разрѣшить ея неплодство своими молитвами; святый предсказалъ ей о рожденіи ею сына и даже самое имя его: «ты, женщина,—сказалъ онъ ей,—родишь сына и назовешь его Зенономъ».

Между тѣмъ царь сталъ искать случая, какъ бы ему помириться и испросить у преподобнаго прощенія, потому что его весьма устрашило паденіе столба во дворцѣ во время донесенія ему отвѣта Даніилова. Сперва онъ умолялъ объ этомъ преподобнаго чрезъ почтенныхъ лицъ неискренно, потому что сердце его не

---

[1]) *Анѳипатъ*—областеначальникъ, иногда—правитель города.

переставало стремиться къ беззаконіямъ. Потомъ онъ явился къ преподобному лично, упалъ передъ нимъ на колѣни и просилъ о прощеніи. Но преподобный, провидя своими духовными очами злыя его помышленія, обличилъ его въ этомъ, сказавъ присутствовавшимъ:

— Это смиреніе и раскаяніе его притворно; въ немъ подъ овечьей одеждой скрывается жестокость волка; но вы скоро увидите надъ нимъ правосудный Гнѣвъ Божій, ибо всемогущая десница Всевышняго низлагаетъ съ престоловъ людей надменныхъ.

Послѣ всѣхъ этихъ событій преподобный возвратился на свой столпъ, а спустя немного времени Василискъ дѣйствительно былъ низвергнутъ съ престола, какъ и предсказалъ преподобный. Зенонъ же снова получилъ скипетръ царскій и, видя исполненіе предсказанія преподобнаго, пришелъ вмѣстѣ съ женою своей поклониться ему.

Послѣдующее время своей жизни преподобный безотлучно провелъ въ стояніи на столпѣ, совершивъ множество чудотвореній. Но, по своему смиренномудрію и во избѣжаніе прославленія среди людей, онъ приписывалъ силу чудотворенія не своей собственной добродѣтельности, а молитвамъ преподобнаго Симеона, и посему всѣхъ приходившихъ къ нему больныхъ онъ отсылалъ въ церковь Симеонову къ его святымъ мощамъ. Одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ принесъ къ преподобному своего сына, хромаго отъ рожденія, не имѣвшаго возможности даже ступить на ноги, но ползавшаго по землѣ, подобно червямъ, на чревѣ; отославъ его въ церковь преподобнаго Симеона, блаженный Даніилъ велѣлъ возложить мощи святаго Симеона на ноги хромаго отрока, и какъ только это сдѣлали, хромой вскочилъ и самъ дошелъ до столпа Даніилова, радуясь и славя Бога.

Другой человѣкъ, возвращаясь съ Востока, попалъ въ руки разбойниковъ. Весьма сильно избивъ его, сокрушивъ ему колѣна и ограбивъ его, они удалились, оставивъ его еле живымъ. Проходившіе мимо него путешественники, увидѣвъ его, изнемогающаго отъ ранъ, сжалились надъ нимъ и перенесли его въ городъ Анкиру[1]). Епископъ того города, приложивъ по отношенію къ больному всѣ свои попеченія, вызвалъ къ нему самыхъ опытныхъ

[1]) *Анкира*—нынѣ Ангора, древній городъ Галатіи (небольшой срединной области Малой Азіи),—нынѣ столица одной изъ областей Малой Азіи съ 30 000 жителей.

врачей и вылѣчилъ его отъ ранъ. Тѣмъ не менѣе, и поправившись отъ ранъ, тотъ не могъ ходить, потому что ноги его были сильно повреждены, и хотя всѣ раны на нихъ зажили, но достаточной для хожденія силы не было. Лишившись употребленія ногъ, больной сталъ просить епископа отнести себя къ преподобному Даніилу. Его положили неподвижнымъ, какъ бревно, въ повозку и повезли въ такомъ видѣ къ столпу сего безмезднаго врача. Даніилъ, отославъ хромаго въ церковь преподобнаго Симеона, велѣлъ помазать его елеемъ, взятымъ отъ святыхъ мощей, и этимъ тотчасъ же исцѣлилъ его: голени и ступни у него внезапно окрѣпли, онъ самъ поднялся на ноги и сталъ ходить, возсылая благодареніе Богу и Его святымъ угодникамъ— Симеону и Даніилу.

Одинъ испанскій сотникъ имѣлъ такую глубокую вѣру въ преподобнаго, что всякій разъ, какъ кто-нибудь изъ его слугъ, родныхъ и знакомыхъ заболѣвалъ, онъ писалъ преподобному и просилъ его исцѣлить заболѣвшаго. Когда, затѣмъ, къ нему приносили отъ преподобнаго отвѣтное письмо, онъ возлагалъ его на больнаго, и больной тотчасъ же получалъ исцѣленіе. Одна нищая, имѣя 12-ти лѣтняго сына, нѣмаго отъ рожденія, принесла его къ столпу преподобнаго и, поставивъ его около столпа, ушла. Преподобный, увидѣвъ отрока со столпа, велѣлъ своимъ ученикамъ взять его, чтобы онъ жилъ между ними. Ученики же, думая, что отрокъ молчитъ, наученный матерію, притворяясь нѣмымъ ради бѣдности и съ цѣлію болѣе легкаго снисканія себѣ пропитанія, причиняли ему немало зла, заставляя его то страхомъ, то побоями что-нибудь проговорить; иногда же они во время сна кололи его остроконечнымъ орудіемъ или ударяли колючими вѣтвями, чтобы, внезапно пробудившись, онъ произнесъ какое-нибудь слово. Но когда они окончательно убѣдились въ его нѣмотѣ, то донесли объ этомъ преподобному; онъ велѣлъ помазать языкъ нѣмаго святымъ елеемъ, и когда въ воскресенье за святой Литургіей діаконъ приготовлялся читать Святое Евангеліе, а присутствовавшіе по обычаю воспѣвали: «слава Тебѣ, Господи!»—то и отрокъ отчетливо и громко произнесъ: «слава Тебѣ, Господи!» И съ этого времени онъ сталъ хорошо говорить.

Достигнувъ глубокой старости, преподобный приблизился къ своей блаженной кончинѣ; провидя ее, онъ предсказалъ объ этомъ своимъ ученикамъ и написалъ имъ слѣдующее завѣщаніе:

«Чада и братія мои! Ибо вы для меня дѣйствительно и чада—потому, что духовно я породилъ васъ, и братья—потому, что общій всѣмъ намъ отецъ—Богъ, и къ общему нашему Отцу я и отхожу. Но я не оставляю васъ, моихъ возлюбленныхъ, плачущихъ о разлукѣ со мной сиротами, а поручаю заботу о васъ Отцу вашему, Который вмѣстѣ съ вами создалъ и меня. Посему Онъ, все сотворивъ разумомъ и премудростію, а затѣмъ преклонивъ Небеса и сойдя на землю, претерпѣлъ смерть и, воскресши насъ ради,—да будетъ съ вами, какъ премудрый охранитель васъ отъ діавола. Какъ Господь — Онъ будетъ сохранять васъ въ послушаніи Его святой волѣ, а какъ Отецъ вашъ — Онъ будетъ призывать васъ къ Себѣ съ милосердіемъ и съ распростертыми объятіями всякій разъ, какъ вы будете согрѣшать и падать. Какъ предавшій Себя на смерть за насъ, Онъ да соединитъ васъ взаимнымъ единодушіемъ и да привлечетъ васъ къ Своему Небесному Отцу. Стремитесь къ смиренію, будьте послушны, любите страннопріимство, посты, бдѣнія, нищету и особенно блюдите первѣйшую и главнѣйшую заповѣдь—заповѣдь любви, а также все то, что свойственно людямъ благочестивымъ; блюдите вѣру истинную, чуждайтесь еретическихъ лжеученій и ни въ чемъ не отпадайте отъ матери вашей—святой Церкви. Если все это исполните, будете совершенны въ добродѣтели».

Написавъ своимъ духовнымъ дѣтямъ такое духовное завѣщаніе, преподобный велѣлъ его прочитать имъ, а они плакали, готовясь къ разлукѣ съ нимъ.

За три дня до блаженной кончины преподобнаго, въ полночь, нѣкоторые изъ наиболѣе достойнѣйшихъ учениковъ его сподобились видѣть, какъ Даніила явились посѣтить всѣ святые угодники — пророки, апостолы, мученики; привѣтствовавъ его, они повелѣли ему удостоиться Божественныхъ Таинъ. Когда же насталъ самый день кончины преподобнаго, то прибылъ Патріархъ Евѳимій[1]), преемникъ Акакія, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ клиромъ; вышеупомянутая же богобоязливая женщина Ираида, у которой по молитвамъ Даніила разрѣшилось неплодіе, приготовила все необходимое къ досточестному погребенію святаго. Въ это время случился тутъ одинъ бѣсноватый человѣкъ, который, стоя у столпа, говорилъ, что видитъ Ангеловъ и много святыхъ, шествующихъ съ Неба къ

[1]) *Св. Евѳимій*—Патріархъ Константинопольскій съ 490 по 496 г.

преподобному, и даже называлъ по именамъ тѣхъ святыхъ, коихъ онъ видѣлъ. Преподобный же и богоносный отецъ нашъ Даніилъ, радуясь о кончинѣ своей, предалъ честну́ю и святую душу свою въ руцѣ Божіи, будучи 80 лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ отъ роду[1]).

Немедленно по преставленіи Даніила вышеупомянутый бѣсноватый избавился отъ мученія діавольскаго. Когда преподобный скончался, на небѣ появились противъ столпа его три звѣзды, наподобіе креста, которыя и днемъ, при свѣтѣ солнечномъ, сіяли съ неизреченною силою и были видны онѣ до тѣхъ поръ, пока не было погребено святое тѣло преподобнаго мужа тамъ же, у столповъ его. Вмѣстѣ съ нимъ положены были и мощи святыхъ трехъ отроковъ Вавилонскихъ — Ананіи, Азаріи и Мисаила, согласно предсмертному завѣщанію преподобнаго, для того чтобы приходящіе для поклоненія къ его могилѣ воздавали честь не его мощамъ, а мощамъ тѣхъ святыхъ отроковъ. Такъ смиренный во время жизни своей остался смиреннымъ и по кончинѣ, уклоняясь отъ человѣческаго прославленія, но Самъ Богъ прославилъ прославляющаго Его — какъ на землѣ предъ людьми чудесами, такъ и на Небѣ предъ Ангелами Своими, будучи и Самъ прославляемъ всею тварію во вѣки. Аминь.

Тропа́рь прп҃бнагѡ, гла́съ а҃:

Терпѣ́нїѧ сто́лпъ бы́лъ є҆сѝ, ревнова́вый пра́отцемъ прп҃бне: і҆ѡвꙋ во страсте́хъ, і҆ѡ́сифꙋ во и҆скꙋше́нїихъ, и҆ безпло́тныхъ жи́тельствꙋ, сы́й въ тѣлесѝ, данїи́ле ѻ҆́тче на́шъ, молѝ хрⷭ҇та̀ бг҃а сп҃сти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Ꙗ҆коже ѕвѣзда̀ многосвѣ́тлаѧ, ты̀ возше́дъ бл҃же́нне на сто́лпъ, мі́ръ просвѣти́лъ є҆сѝ прп҃бными дѣ́лы твои́ми, и҆ тьмꙋ̀ пре́лести ѿгна́лъ є҆сѝ ѻ҆́тче. тѣ́мже мо́лимъ тѧ̀: и҆ ны́нѣ ѡ҆блиста́й въ сердца́хъ ра̀бъ твои́хъ незаходѧ́щїй свѣ́тъ ра́зꙋма.

---

[1]) Преп. Даніилъ Столпникъ преставился 11 декабря въ 489 или 490 г. На столпѣ онъ подвизался болѣе 30 лѣтъ. Мощи его видѣлъ въ Константинополѣ въ 1200 году русскій паломникъ, инокъ Антоній.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО

НИКОНА

Сухаго, Печерскаго

Помина́йте ю҆́зники, а҆́ки съ на́ми свѧ́зани[1]),—такъ заповѣдалъ узникъ о Господѣ, святый Апостолъ Павелъ. Слѣдуя сей заповѣди, воспомянемъ о чудесахъ блаженнаго узника Никона, въ судьбахъ котораго съ несомнѣнностью проявилась сила Господа, освобождающая отъ оковъ узниковъ Своихъ.

Блаженный Никонъ былъ родомъ изъ города Кіева и происходилъ отъ знатныхъ родителей; придя въ Кіево-Печерскій монастырь, онъ прежде всего добровольно предалъ разумъ свой и всего себя въ послушаніе Христу и сталъ опытнымъ инокомъ. Затѣмъ, во время нашествія злочестивыхъ Половцевъ[2]), онъ былъ плѣненъ ими одновременно со святымъ Евстратіемъ Печерскимъ[3]), уведенъ изъ монастыря въ ихъ страну и содержался тамъ въ заключеніи. Одинъ христолюбивый гражданинъ города Кіева явился туда для выкупа плѣнныхъ, но блаженный Никонъ уклонился отъ этого человѣка; христолюбецъ тотъ подумалъ, что онъ поступаетъ такъ потому, что самъ имѣетъ въ Кіевѣ богатыхъ родственниковъ, которыми и желаетъ быть выкупленнымъ. Выкупивъ многихъ плѣнниковъ, человѣкъ тотъ возвратился въ Кіевъ и разсказалъ о блаженномъ Никонѣ. Узнавъ это, родственники его прибыли къ Половцамъ для выкупа Никона съ большими сокровищами, но блаженный Никонъ сказалъ имъ:

— Не тратьте для меня понапрасну достоянія вашего: если бы Господь желалъ моей свободы, то Онъ не предалъ бы меня въ руки сихъ беззаконниковъ: Онъ Самъ отдаетъ въ плѣнъ тѣхъ, кого

---

[1]) Посл. къ Евр., гл. 13, ст. 3.

[2]) Это нашествіе Половцевъ на Кіевъ подъ предводительствомъ хана Боняка произошло въ 1096-мъ году.—*Половцы*—кочевой народъ Тюркскаго племени, пришедшій во множествѣ въ южно-русскія степи изъ Закаспійскихъ степей во 2-й половинѣ XI вѣка и съ того времени до 20-хъ годовъ XIII вѣка производившій постоянныя опустошительныя нападенія на Русь, особенно южную.

[3]) Память *преп. Евстратія Печерскаго*—28-го марта.

хочетъ. А мы «а҆́ще блага̑ѧ прїѧ́хомъ ѿ рꙋки̑ гдⷭ҇ни, ѕлы́хъ ли не стерпи́мъ»[1]).

Родственники укорили блаженнаго, но принуждены были, не выкупивъ его, вернуться назадъ со всѣмъ множествомъ захваченнаго достоянія. Послѣ этого плѣнившіе блаженнаго и другіе Половцы, видя, что они не достигли своей цѣли, стали немилосердно мучить раба Божія. И цѣлыхъ три года блаженный непрестанно былъ утѣсняемъ ими, связываемъ, окованъ по рукамъ и ногамъ, мучимъ огнемъ, терзаемъ ножами, томимъ голодомъ и жаждой, лишаемъ пищи въ теченіе одного, двухъ, трехъ и болѣе дней; лѣтомъ по три дня держали его подъ палящими лучами солнца, а зимою выбрасывали на снѣгъ и на морозъ. Все это нечестивые Половцы причиняли ему съ тою цѣлію, чтобы онъ выкупилъ себя; но блаженный Никонъ за все лишь благодарилъ Господа и непрестанно молился Ему. Черезъ нѣсколько времени онъ объявилъ своимъ мучителямъ, что Христосъ даромъ освободитъ его изъ ихъ рукъ и что онъ получилъ уже объ этомъ извѣщеніе.

— Явился мнѣ,—говорилъ онъ,—братъ мой Евстратій, котораго вы предали жидамъ на распятіе[2]); за это они осуждены будутъ вмѣстѣ съ отцами своими, нѣкогда кричавшими: «кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ»[3]). Вы же, нечестивые, будете мучиться вмѣстѣ съ Іудою, предавшимъ Господа на крестныя страданія. Явившійся же мученикъ сказалъ мнѣ, что на третій день, по молитвамъ святыхъ отецъ Антонія и Ѳеодосія и прочихъ Печерскихъ угодниковъ, я буду возвращенъ въ обитель Печерскую.

Услыхавъ это, половчанинъ, взявшій преподобнаго въ плѣнъ, подумалъ, что онъ хочетъ убѣжать, а потому подрѣзалъ ему жилы подъ колѣнами, чтобы онъ не могъ уйти, и, кромѣ того, сталъ бдительнѣе стеречь его. И вотъ, на третій день, въ шестомъ часу дня, въ то самое время, когда вся стража окружала преподобнаго съ оружіемъ въ рукахъ, блаженный узникъ сталъ невидимъ, а стерегшіе его услышали только его голосъ, воспѣвавшій:

— Хвалите Господа съ небесъ!

---

[1]) Кн. Іова, гл. 2, ст. 10.

[2]) Преп. Евстратій былъ проданъ Половцами одному херсонскому еврею, который съ своими единовѣрцами, посредствомъ страшныхъ мученій, заставлялъ его отречься отъ Христа, но, не успѣвъ въ томъ, распялъ его на крестѣ, на которомъ св. мученикъ и предалъ Богу душу, пронзенный копьемъ еврея.

[3]) Разумѣются Евреи, требовавшіе отъ Пилата смерти Спасителя. (См. Еванг. отъ Матѳ., гл. 27, ст. 25.)

Такъ чудесно и ни для кого невидимо святый перенесенъ былъ въ Печерскую церковь Пресвятой Богородицы въ то самое время, когда на Божественной Литургіи стали пѣть запричастный стихъ. И тотчасъ вокругъ него собралась вся братія и стала вопрошать его, какимъ образомъ онъ попалъ сюда. Сначала онъ хотѣлъ было скрыть это дивное чудо, но всѣ окружавшіе его, видя его связаннымъ тяжелыми цѣпями, съ неизлѣчимыми ранами, гнойными струпьями, покрывшими все тѣло его, а особенно при видѣ крови, струившейся изъ разрѣзанныхъ голеней, всячески заставляли его повѣдать истину. Поэтому, вопреки своему желанію, онъ, наконецъ, разсказалъ имъ все, какъ было, но не позволялъ снять оковы съ рукъ и ногъ своихъ. На это игуменъ сказалъ ему:

— Братъ! Если бы Господь желалъ сихъ узъ твоихъ, то не освободилъ бы тебя отъ плѣна, а потому покорись нашей просьбѣ.

Послѣ сего, снявъ съ преподобнаго оковы, братія перековали ихъ на вещи, необходимыя для алтаря.

Спустя немного времени, когда уже съ Половцами заключенъ былъ миръ, прибылъ въ Кіевъ тотъ самый половчанинъ, который держалъ блаженнаго Никона въ плѣну. Прибывъ въ Кіевъ, онъ вошелъ въ Печерскій монастырь. Увидавъ здѣсь своего бывшаго плѣнника, блаженнаго Никона, онъ узналъ его и разсказалъ объ немъ все подробно игумену и братіи и уже не возвратился обратно въ страну свою, но, умилившись отъ всего происшедшаго, принялъ Святое Крещеніе и вмѣстѣ съ другими своими родичами— Половцами, также пришедшими въ Кіевъ, сдѣлался инокомъ и вмѣстѣ съ ними окончилъ жизнь въ покаяніи въ томъ же Печерскомъ монастырѣ, служа плѣннику своему—блаженному Никону.

Было много и другихъ удивительныхъ чудесъ сего блаженнаго и святаго отца нашего Никона, изъ которыхъ мы упомянемъ о слѣдующихъ.

Однажды, когда блаженный былъ еще въ плѣну, разболѣлись плѣнники отъ голода и недостатка до такой степени, что едва не умерли; будучи вмѣстѣ съ ними, блаженный запретилъ имъ хотя что-либо вкушать изъ пищи нечестивыхъ и молитвою своею подалъ всѣмъ имъ выздоровленіе и возможность невидимо ни для кого освободиться отъ заключенія.

Въ другой разъ, когда блаженный еще былъ въ плѣну, расхворался самъ плѣнившій его половчанинъ; совсѣмъ приближаясь уже къ смерти, онъ завѣщалъ своимъ женамъ и дѣтямъ распять плѣненнаго имъ Никона надъ своею могилою. Но блаженный сей плѣнникъ, провидя своими духовными очами, что на концѣ своей жизни половчанинъ этотъ покается, помолился о немъ и исцѣлилъ его, избавивъ, такимъ образомъ, и себя отъ смерти тѣлесной, и того половчанина не только отъ тѣлесной, но и отъ духовной.

Сей блаженный Никонъ называется «сухимъ» потому, что онъ еще заживо истекъ кровію, сгнилъ отъ множества ранъ и высохъ отъ мученій, такъ что могъ сказать о своемъ здоровьѣ, въ плѣну потерянномъ, словами пророка Давида: «**ѝзсше ꙗ҆́кѡ скѹде́ль крѣ́пость моѧ̀**»[1]) и другими: «**кѡ́сти моѧ̀ ꙗ҆́кѡ сѹши́ло сосхо́шасѧ**»[2]). Что можемъ сказать объ этомъ и мы, удивляясь его замѣчательной силѣ — не тѣлесной, а той, которая свойственна безплотнымъ Силамъ Небеснымъ, какъ не словами Апостола: «**и҆́мамы сїѐ сокро́вище въ скѹде́льныхъ сосѹдѣ́хъ**»[3]). Поистинѣ узникъ сей, чудесно освобожденный отъ оковъ, при всей своей тѣлесной немощи горѣлъ огнемъ Божественнымъ, свѣтя своими добрыми и богоугодными дѣлами. Потому и освобожденъ онъ былъ отъ тѣлесныхъ оковъ[4]) и, вмѣсто скоропреходящаго и быстро увядающаго здравія въ этой жизни, получилъ отъ Бога никогда не увядающее нетлѣніе своего тѣла, въ которомъ и донынѣ пребываетъ оно въ пещерѣ; духомъ же своимъ онъ удостоился «наслѣдія нетлѣннаго, чистаго, неувядаемаго, хранящагося на Небесахъ»[5]), при источникѣ жизни вѣчной, и получилъ неувядаемый вѣнецъ славы. Симъ вѣнцемъ, по молитвамъ преподобнаго угодника Божія Никона, да сподобимся быть увѣнчанными и мы отъ Царя славы Христа Бога, Которому слава со безначальнымъ Его Отцемъ, и съ Пресвятымъ, и Благимъ и Животворящимъ Духомъ теперь и всегда и въ безконечные вѣки. Аминь.

---

[1]) Псаломъ **21**, ст. 16.

[2]) Псаломъ **101**, ст. 4.

[3]) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. **4**, ст. 7.

[4]) Блаженная кончина *преп. Никона Сухаго Печерскаго* послѣдовала въ началѣ XII-го вѣка.

[5]) 1 Посл. Ап. Петра, гл. **1**, ст. **4**.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

АКЕПСІЯ и АИѲАЛА

Святые мученики Акепсій и Аиѳалъ происходили изъ Персіи, гдѣ они и пострадали. Акепсій былъ сначала языческимъ жрецомъ въ городѣ Арбелѣ[1]), но потомъ, услышавъ о вѣрѣ Христовой, рѣшился обратиться къ христіанскому епископу, надѣясь получить исцѣленіе отъ постигшей его въ то время болѣзни. Епископъ преподалъ ему наставленіе въ вѣрѣ и жизни христіанской и исцѣлилъ его своими молитвами отъ недуга. Послѣ сего Акепсій возвратился въ Арбелу, явился среди своихъ согражданъ проповѣдникомъ и учителемъ благочестія, будучи посвященъ въ санъ пресвитера. Объ этомъ было донесено областеначальнику, который вызвалъ къ себѣ сего новаго благовѣстника Христова и приказалъ отрѣзать ему ухо и заключить въ темницу.

Святый же Аиѳалъ былъ діакономъ Арбельской церкви. Схваченный за исповѣданіе Христа, онъ жестоко былъ избитъ и старѣйшиною жрецовъ отправленъ былъ къ Акепсію въ темницу. Потомъ оба святые снова приведены были къ правителю страны и еще разъ исповѣдали предъ нимъ свою вѣру во Христа и за то приговорены были къ отсѣченію главъ.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

МИРАКСА

Святый мученикъ Мираксъ былъ родомъ египтянинъ; родился онъ въ городѣ Тенестіи[2]) отъ христіанскихъ родителей, былъ крещенъ и воспитанъ въ истинномъ благочестіи. Но, по своему юношескому легкомыслію, онъ поддался вліянію врага всего доб-

[1]) Городъ въ Персіи —нынѣшній *Эрбиль*, въ Малой Азіи.

[2]) *Тенестія*, или *Теннесъ*, на сѣверѣ отъ Таниса, приморскій городъ на пути изъ Аравіи въ Александрію.

раго (діавола) и, явившись къ Амиру[1]), отрекся отъ Христа. Снявъ съ себя поясъ[2]) и поправъ святый крестъ, онъ взялъ въ руку воинскій мечъ и отчаянно громкимъ голосомъ воскликнулъ:

— Я—агарянинъ и отнынѣ болѣе уже не христіанинъ.

Чрезъ такое отступничество Мираксъ заслужилъ себѣ почетъ и уваженіе у Амира и его приближенныхъ. И много времени прошло съ той поры, какъ легкомысленный юноша, увлекшись суетною славою, пересталъ и думать о своемъ спасеніи. Между тѣмъ родители, скорбя о паденіи сына, не отчаявались и усердно молили Бога о возвращеніи на путь благочестія совратившагося отступника. И молитва ихъ не осталась безплодною. Господь призрѣлъ на прилежныя прошенія родителей, внялъ ихъ непрестаннымъ молитвамъ: благодать Божія озарила сердце Миракса, и онъ раскаялся. Пришелъ онъ послѣ того къ своимъ родителямъ и сказалъ:

— Досточтимые и любезные мои родители! Постигло меня помраченіе ума, и я совершилъ столь ужасное дѣло; но вотъ нынѣ я горько скорблю о томъ и молюсь, чтобы стать мнѣ снова христіаниномъ и быть съ вами.

На это родители отвѣчали ему:

— Мы, чадо, со времени твоего совращенія въ агарянство[3]) много слезъ пролили о тебѣ и безпрестанно молили Бога, чтобы Онъ даровалъ тебѣ познаніе Истины и возвратилъ тебя ко Христу. И нынѣ благодаримъ Его благость и щедроту, что не отвергъ Онъ слабыхъ молитвъ нашихъ. Но, какъ и самъ ты понимаешь, сынъ нашъ возлюбленный, мы опасаемся принять тебя, боясь гнѣва Амира, чтобы изъ-за тебя и насъ не постигла какая-либо напасть. Поэтому, если хочешь облегчить свою совѣсть, обременяемую страшнымъ паденіемъ, обрѣсти милость у Бога, нашу безопасность сохранить и о всѣхъ своихъ ближнихъ быть ходатаемъ, то иди къ Амиру и что̀ исповѣдалъ намъ здѣсь тайно, повѣдай тамъ явно какъ бы безъ нашего вѣдома. Господь да устроитъ о тебѣ все по Своей благой волѣ! Иди же, чадо

---

[1]) *Амиръ* сарацинскій былъ, какъ можно думать, *Амвру*, посланный Омаромъ въ 639 году для завоеванія Египта и взявшій въ 641 г. Александрію. *Амиромъ*, или *Эмиромъ*, назывались и вообще правители Египта.

[2]) Поясу христіане всегда усвояли символическое значеніе благодатной силы, укрѣпляющей ихъ въ борьбѣ съ духовными врагами. (Посл. Ефесянамъ, гл. 4, ст. 14.)

[3]) Т. е. *магометанство* (имя агарянъ,—собственно потомковъ Агари отъ сына ея Измаила,—Арабовъ, впослѣдствіи усвоено было всѣмъ вообще магометанамъ.)

наше возлюбленное, и мы, хотя и недостойны милости Бога нашего, надѣемся, что Онъ, Благій, услышитъ молитву нашу.

Мираксъ внялъ словамъ своихъ родителей и, ободрившись духомъ, съ упованіемъ на дѣйственность ихъ молитвы, рѣшился тогда же поступить по совѣту отца и матери: взявъ въ руки поясъ, онъ тотчасъ же отправился къ Амиру и его совѣтникамъ агарянскимъ. Ставъ предъ Амиромъ и его приближенными, Мираксъ опоясался и, осѣнивъ себя честнымъ крестомъ и облобызавъ его, началъ громко восклицать:

— Господи, Христе мой, помилуй и спаси меня!

Такое дерзновеніе его привело всѣхъ въ ужасъ. Амиръ схватилъ Миракса и спросилъ:

— Что такое стало съ тобою?

На это онъ отвѣтилъ:

— Я пришелъ въ себя послѣ постигшаго меня діавольскаго помраченія и возвратился ко Христу Богу моему, сталъ опять христіаниномъ, какъ былъ и прежде. И вотъ я *пришелъ въ себя*[1]), чтобы исповѣдать предъ тобою и твоими совѣтниками и предъ всѣми Господа Христа и повѣдать вамъ всѣмъ, что васъ и вѣру вашу я проклинаю.

Выслушавъ это, Амиръ велѣлъ посадить Миракса въ темницу и, продержавъ его тамъ три дня безъ пищи, подвергъ суду. На судѣ Мираксъ опять исповѣдалъ Христа и, избитый за то, посаженъ былъ снова въ темницу. Черезъ три дня онъ опять приведенъ былъ въ судилище и былъ избитъ еще болѣе. По прошествіи шести дней мученикъ снова приведенъ былъ въ судилище и опять безбоязненно исповѣдалъ Христа, и за то битъ былъ бичами изъ воловьихъ жилъ по язвамъ, образовавшимся на тѣлѣ его отъ прежнихъ побоевъ. Послѣ того Амиръ осудилъ его на смерть чрезъ усѣченіе главы. И взяли святаго исповѣдника слуги Амировы и, посадивъ съ собою въ корабль, отплыли съ нимъ отъ берега на девять поприщъ. Тамъ помолился онъ Богу, и голова его была усѣкнута, и онъ брошенъ былъ въ море[2]). Что потомъ случилось съ тѣломъ мученика—выплыло ли оно изъ моря—осталось неизвѣстнымъ; но честная глава его вышла изъ моря и обрѣтена была благочестивыми христіанами, которые и взяли ее

[1]) Выраженіе евангел. притчи о раскаявшемся блудномъ сынѣ. См. Евангел. отъ Луки, гл. 18, ст. 17.

[2]) Около 640 года.

какъ многоцѣнный даръ на храненіе. Когда же донесено было о томъ Амиру, то почитатели святаго дали выкупъ въ сто златницъ и, получивъ дозволеніе невозбранно хранить обрѣтенную главу мученика, устроили серебряный ковчегъ и въ немъ положили ее съ подобающею честію. Съ того времени и доселѣ сія глава святаго страдальца источаетъ благовонное мѵро и подаетъ всякія исцѣленія во славу Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, утверждая вѣру въ тѣхъ, въ которыхъ могло бы зародиться сомнѣніе или соблазнительное какое-либо недоумѣніе о святомъ мученикѣ.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ЛУКИ,

НОВАГО СТОЛПНИКА

Преподобный Лука столпникъ жилъ при Греческомъ царѣ Романѣ[1]) и при Константинѣ Порфирородномъ[2]), зятѣ царя Романа и сынѣ царя Льва Мудраго[3]). Патріаршескую каѳедру занималъ тогда Ѳеофилактъ[4]), сынъ царя Романа. Въ то время на Греческую имперію сдѣлали нападеніе болгары[5]), и Лука, по царскому повелѣнію, взятъ былъ въ ополченіе и принималъ участіе въ защитѣ отечества отъ враговъ. Во время сраженія въ греческомъ войскѣ произошло замѣшательство, и многія тысячи его были истреблены; но Лука, Промышленіемъ Божіимъ, остался невредимъ. Послѣ того онъ принялъ монашество и, преуспѣвая въ иноческомъ житіи, удостоился поставленія въ пресвитера. Ревнуя о высшемъ духовномъ совершенствѣ, онъ обложилъ тѣло свое желѣзными веригами и, взойдя на столпъ, соблюдалъ столь строгое воздержаніе, что въ продолженіе шести дней недѣли не принималъ никакой пищи и только въ седьмой день вкушалъ приносимую просфору и немного овощей: такъ на столпѣ провелъ онъ

---

[1]) *Романъ I Лаканенъ*, царствовалъ съ 919 по 944 г.

[2]) *Константинъ VII Порфирородный*, царствовалъ съ 912 по 959 г.

[3]) *Левъ VI Мудрый*, царствовалъ съ 886 по 911 г.

[4]) *Ѳеофилактъ*—Патріархъ Константинопольскій съ 933 по 956 г.

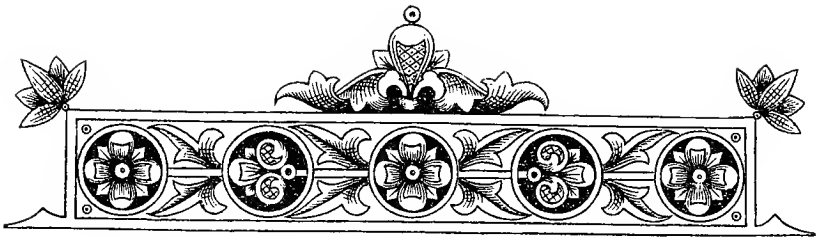
[5]) Болгарскій царь Симеонъ, умершій въ 927 году, воевалъ съ Греками и едва не сокрушилъ Греческую имперію въ 917 году.

три года. Потомъ, призываемый Божественнымъ внушеніемъ, пошелъ онъ на гору Олимпъ[1]), оттуда перешелъ въ Константинополь и, чтобы не нарушать своего обѣта молчальничества, вложилъ себѣ въ ротъ камень и, наконецъ, удалился въ городъ Халкидонъ[2]). Тамъ онъ также вошелъ на столпъ и, прославляемый многими чудесами, провелъ на немъ сорокъ пять лѣтъ. Такъ совершивъ благочестно путь земной жизни, святый Лука отошелъ въ обители Небеснаго Отца[3]).

[1]) Въ Виѳиніи, сѣверо-западной области Малой Азіи.

[2]) *Халкидонъ* — городъ въ Малой Азіи, на берегу Константинопольскаго (Босфорскаго.—*Ред.*) пролива, противъ Константинополя.

[3]) Около 970 года.



День двѣнадцатый

ЖИТІЕ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

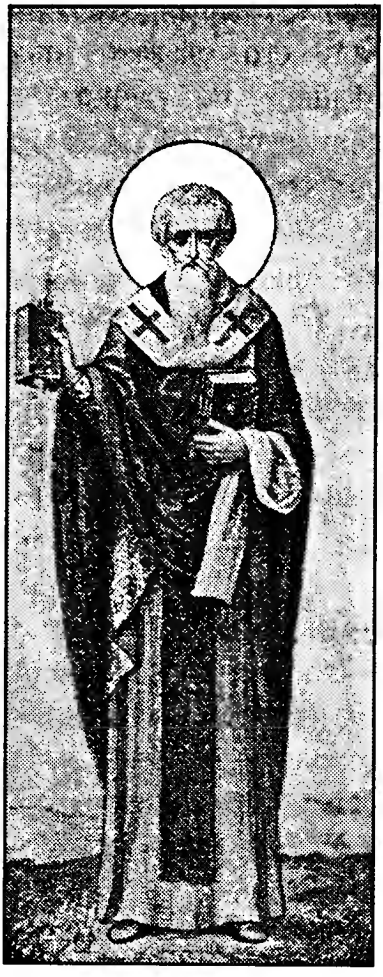
СПИРИДОНА ТРИМИФУНТСКАГО

Родиною дивнаго Спиридона былъ островъ Кипръ[1]). Сынъ простыхъ родителей и самъ простодушный, смиренный и добродѣтельный, онъ съ дѣтства былъ пастыремъ овецъ, а пришедши въ возрастъ, сочетался законнымъ бракомъ и имѣлъ дѣтей. Онъ велъ чистую и богоугодную жизнь, подражая Давиду—въ кротости, Іакову—въ сердечной простотѣ и Аврааму—въ любви къ странникамъ. Проживъ немного лѣтъ въ супружествѣ, жена его умерла, и онъ еще безпрепятственнѣе и усерднѣе сталъ служить Богу добрыми дѣлами, тратя весь свой достатокъ на принятіе странниковъ и пропитаніе нищихъ; этимъ онъ, живя въ міру, такъ благоугодилъ Богу, что удостоился отъ Него дара чудотворенія: онъ исцѣлялъ неизлѣчимыя болѣзни и однимъ словомъ изгонялъ бѣсовъ. За это Спиридонъ былъ поставленъ епископомъ города Тримифунта въ царствованіе императора Константина Великаго и сына его Констанція[2]). И на епископской каѳедрѣ онъ продолжалъ творить великія и дивныя чудеса.

---

[1]) *Кипръ* — большой островъ въ восточной части Средиземнаго моря, къ югу отъ Малой Азіи.

[2]) Св. равноапостольный *Константинъ Великій* царствовалъ въ западной половинѣ Римской имперіи съ 306 года и былъ полновластнымъ государемъ всей имперіи съ 324 по 337 г. *Императоръ Констанцій*, сынъ его, царствовалъ на Востокѣ съ 337 года и одинъ въ обѣихъ половинахъ имперіи — съ 353 по 361 годъ.



Ст҃ый
СПѴРІДѠНЪ

Однажды на о. Кипрѣ было бездождіе и страшная засуха, за которою послѣдовалъ голодъ, а за голодомъ моръ, и множество людей гибло отъ этого голода. Небо заключилось, и нуженъ былъ второй Илія или подобный ему, который бы отверзъ небо своею молитвою[1]): такимъ оказался святый Спиридонъ, который, видя бѣдствіе, постигшее народъ, и отечески жалѣя погибающихъ отъ голода, обратился съ усердною молитвою къ Богу,—и тотчасъ небо покрылось со всѣхъ сторонъ облаками и пролился обильный дождь на землю, не прекращавшійся нѣсколько дней; святый помолился опять, и настало вёдро. Земля обильно напоена была влагою и дала обильный плодъ: дали богатый урожай нивы, покрылись плодами сады и виноградники, и, послѣ голода, было во всемъ великое изобиліе, по молитвамъ угодника Божія Спиридона. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ за грѣхи людскіе, по попущенію Божію, опять постигъ страну ту голодъ, и богатые хлѣботорговцы радовались дороговизнѣ, имѣя хлѣбъ, собранный за нѣсколько урожайныхъ лѣтъ, и, открывъ свои житницы, начали продавать его по высокимъ цѣнамъ. Былъ тогда въ Тримифунтѣ одинъ хлѣботорговецъ, страдавшій ненасытною жадностью къ деньгамъ и неутолимою страстью къ наслажденіямъ. Закупивъ въ разныхъ мѣстахъ множество хлѣба и привезши его на корабляхъ въ Тримифунтъ, онъ не захотѣлъ, однако, продавать его по той цѣнѣ, какая въ то время стояла въ городѣ, но ссыпалъ его въ склады, чтобы дождаться усиленія голода и тогда, продавъ подороже, получить бо̀льшій барышъ. Когда голодъ сдѣлался почти всеобщимъ и усиливался со дня на день, онъ сталъ продавать свой хлѣбъ по самой дорогой цѣнѣ. И вотъ, пришелъ къ нему

[1]) 3 Кн. Царствъ, гл. 17.

одинъ бѣдный человѣкъ и, униженно кланяясь, со слезами умолялъ его оказать милость—подать немного хлѣба, чтобы ему, бѣдняку, не умереть съ голоду вмѣстѣ съ женою и дѣтьми. Но немилосердный и жадный богачъ не захотѣлъ оказать милость нищему и сказалъ:

— Ступай принеси деньги, и у тебя будетъ все, что̀ только купишь.

Бѣднякъ, изнемогая отъ голода, пошелъ къ святому Спиридону и съ плачемъ повѣдалъ ему о своей бѣдности и о безсердечіи богатаго.

— Не плачь,—сказалъ ему святый,—иди домой, ибо Духъ Святый говоритъ мнѣ, что завтра домъ твой будетъ полонъ хлѣба, а богатый будетъ умолять тебя и отдавать тебѣ хлѣбъ даромъ.

Бѣдный вздохнулъ и пошелъ домой. Едва настала ночь, какъ, по повелѣнію Божію, пошелъ сильнѣйшій дождь, которымъ подмыло житницы немилосерднаго сребролюбца, и водою унесло весь его хлѣбъ. Хлѣботорговецъ съ своими домашними бѣгалъ по всему городу и умолялъ всѣхъ помочь ему и не дать ему изъ богача сдѣлаться нищимъ, а тѣмъ временемъ бѣдные люди, видя хлѣбъ, разнесенный потоками по дорогамъ, начали подбирать его. Набралъ себѣ съ избыткомъ хлѣба и тотъ бѣднякъ, который вчера просилъ его у богача. Видя надъ собою явное наказаніе Божіе, богачъ сталъ умолять бѣднаго брать у него задаромъ столько хлѣба, сколько онъ пожелаетъ.

Такъ Богъ наказалъ богатаго за немилосердіе и, по пророчеству святаго, избавилъ бѣднаго отъ нищеты и голода.

Одинъ извѣстный святому земледѣлецъ пришелъ къ тому же самому богачу и во время того же голода съ просьбою дать ему взаймы хлѣба на прокормъ и обѣщался съ лихвою возвратить данное ему, когда настанетъ жатва. У богача, кромѣ размытыхъ дождемъ, были еще и другія житницы, полныя хлѣба; но онъ, недостаточно наученный первою своею потерею и не излѣчившись отъ скупости, и къ этому бѣдняку оказался такимъ же немилосерднымъ, такъ что не хотѣлъ даже и слушать его.

— Безъ денегъ,—сказалъ онъ,—ты не получишь отъ меня ни одного зерна.

Тогда бѣдный земледѣлецъ заплакалъ и отправился къ святителю Божію Спиридону, которому и разсказалъ о своей бѣдѣ. Святитель утѣшилъ его и отпустилъ домой, а наутро самъ при-

шелъ къ нему и принесъ цѣлую груду золота (откуда взялъ онъ золото,—объ этомъ рѣчь послѣ). Онъ отдалъ это золото земледѣльцу и сказалъ:

— Отнеси, братъ, это золото тому торговцу хлѣбомъ и отдай его въ залогъ, а торговецъ пусть дастъ тебѣ столько хлѣба взаймы, сколько тебѣ сейчасъ нужно для пропитанія; когда же настанетъ урожай и у тебя будетъ излишекъ хлѣба, ты выкупи этотъ залогъ и принеси его опять ко мнѣ.

Бѣдный земледѣлецъ взялъ изъ рукъ святительскихъ золото и поспѣшно пошелъ къ богатому. Корыстолюбивый богачъ обрадовался золоту и тотчасъ же отпустилъ бѣдному хлѣба, сколько ему было нужно. Потомъ голодъ миновалъ, былъ хорошій урожай, и, послѣ жатвы, земледѣлецъ тотъ отдалъ съ лихвою богачу взятый хлѣбъ и, взявъ отъ него назадъ залогъ, отнесъ его съ благодарностію къ святому Спиридону. Святый взялъ золото и направился къ своему саду, захвативъ съ собою и земледѣльца.

— Пойдемъ,—сказалъ онъ,—со мною, братъ, и вмѣстѣ отдадимъ это Тому, Кто такъ щедро далъ намъ взаймы.

Вошедши въ садъ, онъ положилъ золото у ограды, возвелъ очи къ Небу и воскликнулъ:

— Господи мой, Іисусе Христе, Своею волею все созидающій и претворяющій! Ты нѣкогда жезлъ Моисеевъ на глазахъ у царя Египетскаго превратилъ въ змія[1])—повели и этому золоту, ранѣе превращенному Тобою изъ животнаго, опять принять первоначальный видъ свой: тогда и сей человѣкъ узнаетъ, какое попеченіе имѣешь Ты о насъ, и самымъ дѣломъ научится тому, что̀ сказано въ Св. Писаніи,—что «Господь творитъ все, что хочетъ[2])»!

Когда онъ такъ молился, кусокъ золота вдругъ зашевелился и обратился въ змѣю, которая стала извиваться и ползать. Такимъ образомъ,—сначала змѣя, по молитвѣ святаго, обратилась въ золото, а потомъ такъ же чудесно изъ золота опять стала змѣею. При видѣ сего чуда земледѣлецъ затрепеталъ отъ страха, палъ на землю и называлъ себя недостойнымъ оказаннаго ему чудеснаго благодѣянія. Затѣмъ змѣя уползла въ свою нору, а земледѣлецъ, полный благодарности, возвратился къ себѣ домой и изумлялся величію чуда, сотвореннаго Богомъ по молитвамъ святаго.

---

[1]) Кн. Исх., гл. 7, ст. 10.

[2]) Псаломъ 134, ст. 6.

Одинъ добродѣтельный мужъ, другъ святаго, по зависти злыхъ людей былъ оклеветанъ предъ городскимъ судьею и заключенъ въ темницу, а потомъ и осужденъ на смерть безъ всякой вины. Узнавъ объ этомъ, блаженный Спиридонъ пошелъ избавить друга отъ незаслуженной казни. Въ то время въ странѣ было наводненіе, и ручей, бывшій на пути святаго, переполнился водою, вышелъ изъ береговъ и сдѣлался непереходимымъ. Чудотворецъ припомнилъ, какъ Іисусъ Навинъ съ Ковчегомъ Завѣта посуху перешелъ разлившійся Іорданъ[1]), и, вѣруя во всемогущество Божіе, приказалъ потоку, какъ слугѣ:

— Стань! Такъ повелѣваетъ тебѣ Владыка всего міра, дабы я могъ перейти и спасенъ былъ мужъ, ради котораго я спѣшу.

Лишь только онъ сказалъ это, тотчасъ потокъ остановился въ своемъ теченіи и открылъ сухой путь—не только для святаго, но и для всѣхъ, шедшихъ вмѣстѣ съ нимъ. Свидѣтели чуда поспѣшили къ судіи и извѣстили его о приближеніи святаго и о томъ, что̀ совершилъ онъ на пути, и судія тотчасъ же освободилъ осужденнаго и возвратилъ его святому невредимымъ.

Провидѣлъ также преподобный и тайные грѣхи людскіе. Такъ, однажды, когда онъ отдыхалъ отъ пути у одного странноприимца, женщина, находившаяся въ незаконномъ сожительствѣ, пожелала умыть, по тамошнему обычаю, ноги святому. Но онъ, зная ея грѣхъ, сказалъ ей, чтобы она къ нему не прикасалась. И это онъ сказалъ не потому, что гнушался грѣшницею и отвергалъ ее: развѣ можетъ гнушаться грѣшниками ученикъ Господа, ѣвшаго и пившаго съ мытарями и грѣшниками[2])? Нѣтъ, онъ желалъ заставить женщину вспомнить о своихъ прегрѣшеніяхъ и устыдиться своихъ нечистыхъ помысловъ и дѣлъ. И когда та женщина настойчиво продолжала стараться прикоснуться къ ногамъ святаго и умыть ихъ, тогда святый, желая избавить ее отъ погибели, обличилъ ее съ любовію и кротостію, напомнилъ ей о ея грѣхахъ и побуждалъ ее покаяться. Женщина удивлялась и ужасалась тому, что самыя, по-видимому, тайныя дѣянія и помыслы ея не скрыты отъ прозорливыхъ очей человѣка Божія. Стыдъ охватилъ ее, и съ сокрушеннымъ сердцемъ упала она къ ногамъ святаго и обмывала ихъ уже не водою, а слезами, и сама открыто созналась въ тѣхъ грѣхахъ, въ которыхъ была обличена. Она

[1]) Кн. Іис. Нав., гл. 3, ст. 14—17.

[2]) Еванг. отъ Мате., гл. 9, ст. 11.

поступила такъ же, какъ нѣкогда—блудница, упоминаемая въ Евангеліи, а святый, подражая Господу, милостиво сказалъ ей: **Ѿпꙋща́ются тебѣ грѣсѝ**.. и еще: **сѐ здра́ва є҆сѝ, ктомꙋ́ не согрѣша́й** [1]). И съ того времени женщина та совершенно исправилась и для многихъ послужила полезнымъ примѣромъ.

До сихъ поръ говорилось только о чудесахъ, какія совершилъ святый Спиридонъ при жизни; теперь дòлжно сказать и о ревности его по вѣрѣ православной.

Въ царствованіе Константина Великаго, перваго императора-христіанина, въ 325 году по Р. Хр. въ Никеѣ собрался I-й Вселенскій Соборъ—для низложенія еретика Арія, нечестиво называвшаго Сына Божія тварью, а не Творцомъ всего, и для исповѣданія Его Единосущнымъ съ Богомъ Отцемъ. Арія въ его богохульствѣ поддерживали епископы значительныхъ тогда Церквей: Евсевій Никомидійскій, Марисъ Халкидонскій, Ѳеогній Никейскій и др. Поборниками же Православія были украшенные жизнію и ученіемъ мужи: великій между святыми Александръ, который въ то время былъ еще пресвитеромъ и вмѣстѣ замѣстителемъ святаго Митрофана, Патріарха Цареградскаго [2]), находившагося на одрѣ болѣзни и потому не бывшаго на Соборѣ; также славный Аѳанасій [3]), который еще не былъ украшенъ и пресвитерскимъ саномъ и проходилъ діаконское служеніе въ церкви Александрійской. Эти двое возбуждали въ еретикахъ особое негодованіе и зависть именно тѣмъ, что многихъ превосходили въ уразумѣніи истинъ вѣры, не будучи еще почтены епископскою честію; съ ними вмѣстѣ былъ и святый Спиридонъ, и обитавшая въ немъ благодать была полезнѣе и сильнѣе въ дѣлѣ увѣщанія еретиковъ, чѣмъ рѣчи иныхъ, ихъ доказательства и краснорѣчіе. Съ соизволенія царя, на Соборѣ присутствовали и греческіе мудрецы, называвшіеся перипатетиками [4]); мудрѣйшій изъ нихъ выступилъ на помощь Арію и гордился

---

[1]) Еванг. отъ Лукн, гл. 7, ст. 48. Еванг. отъ Іоан., гл. 5, ст. 14.

[2]) *Св. Митрофанъ*—Патріархъ Константинопольскій съ 315 по 325 г. *Св. Александръ*—преемникъ его, патріаршествовалъ съ 325 по 340 г.

[3]) *Св. Аѳанасій Великій*—архіепископъ Александрійскій, ревностный и замѣчательнѣйшій защитникъ Православія во время аріанскихъ смутъ, стяжавшій себѣ имя «Отца Православія»; на I-мъ Вселенскомъ Соборѣ препирался съ аріанами еще въ санѣ діакона. Память его—18-го января.

[4]) *Перипатетиками* назывались послѣдователи Аристотелевой философіи. Эта философская школа (направленіе) появилась въ концѣ IV в. до Р. Хр. и просуществовала около восьми столѣтій; это философское направленіе впослѣдствіи имѣло послѣдователей и среди христіанъ. Свое наименованіе перипатетики получили отъ того, что основатель

своею особенно искусною рѣчью, стараясь высмѣять ученіе православныхъ. Блаженный Спиридонъ, человѣкъ неученый, знавшій только Іисуса Христа, и̑ сегѡ̀ ра́спѧта [1]), просилъ Отцовъ позволить ему вступить въ состязаніе съ этимъ мудрецомъ, но святые Отцы, зная, что онъ—человѣкъ простой, совсѣмъ не знакомый съ греческою мудростію, запрещали ему это. Однако, святый Спиридонъ, зная, какую силу имѣетъ премудрость свыше и какъ немощна предъ нею мудрость человѣческая, обратился къ мудрецу и сказалъ:

— Философъ! Во имя Іисуса Христа, выслушай, что̀ я тебѣ скажу.

Когда же философъ согласился выслушать его, святый началъ бесѣдовать.

— Единъ есть Богъ,—сказалъ онъ,—сотворившій Небо и землю и создавшій изъ земли человѣка и устроившій все прочее, видимое и невидимое, Словомъ Своимъ и Духомъ; и мы вѣруемъ, что Слово это есть Сынъ Божій и Богъ, Который, умилосердившись надъ нами заблудшими, родился отъ Дѣвы, жилъ съ людьми, пострадалъ и умеръ ради нашего спасенія и воскресъ и съ Собою совоскресилъ весь родъ человѣческій; мы ожидаемъ, что Онъ же придетъ судить всѣхъ насъ праведнымъ судомъ и каждому воздастъ по дѣламъ его; вѣруемъ, что Онъ одного существа съ Отцемъ, равной съ Нимъ власти и чести... Такъ исповѣдуемъ мы и не стараемся изслѣдовать эти тайны любопытствующимъ умомъ, и ты—не осмѣливайся изслѣдовать, какъ все это можетъ быть, ибо тайны эти выше твоего ума и далеко превышаютъ всякое человѣческое знаніе.

Затѣмъ, немного помолчавъ, святый спросилъ:

— Не такъ ли и тебѣ все это представляется, философъ?

Но философъ молчалъ, какъ будто ему никогда не приходилось состязаться. Онъ не могъ ничего сказать противъ словъ святаго, въ которыхъ видна была какая-то Божественная сила, во исполненіе сказаннаго въ Св. Писаніи: не въ словесѝ ца́рство бж҃іе, но въ си́лѣ [2]).

Наконецъ онъ сказалъ:

— И я думаю, что все дѣйствительно такъ, какъ говоришь ты.

этой школы Ѳеофрастъ подарилъ школѣ садъ съ алтаремъ и крытыми ходами (Περίπατοι—колоннады, крытыя галлереи).

[1]) Ср. 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 2, ст. 2.

[2]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 4, ст. 20.

Тогда старецъ сказалъ:

— Итакъ, иди и прими сторону святой вѣры.

Философъ, обратившись къ своимъ друзьямъ и ученикамъ, заявилъ:

— Слушайте! Пока состязаніе со мною велось посредствомъ доказательствъ, я выставлялъ противъ однихъ доказательствъ другія и своимъ искусствомъ спорить отражалъ все, что̀ мнѣ представляли. Но когда, вмѣсто доказательствъ отъ разума, изъ устъ этого старца начала исходить какая-то особая сила,—доказательства безсильны противъ нея, такъ какъ человѣкъ не можетъ противиться Богу. Если кто-нибудь изъ васъ можетъ мыслить такъ же, какъ я, то да увѣруетъ во Христа и вмѣстѣ со мною да послѣдуетъ за симъ старцемъ, устами котораго говорилъ Самъ Богъ.

И философъ, принявъ православную христіанскую вѣру, радовался, что былъ побѣжденъ въ состязаніи святымъ на свою же собственную пользу. Радовались и всѣ православные, а еретики потерпѣли великое посрамленіе.

По окончаніи Собора послѣ осужденія и отлученія Арія всѣ, бывшіе на Соборѣ, а равно и святый Спиридонъ, разошлись по домамъ. Въ это время умерла дочь его Ирина; время своей цвѣтущей юности она въ чистомъ дѣвствѣ провела такъ, что удостоилась Царства Небеснаго. Между тѣмъ, къ святому пришла одна женщина и, съ плачемъ, разсказала, что она отдала его дочери Иринѣ нѣкоторыя золотыя украшенія для сохраненія, а такъ какъ та въ скоромъ времени умерла, то отданное пропало безъ вѣсти. Спиридонъ искалъ по всему дому, не спрятаны ли гдѣ украшенія, но не нашелъ ихъ. Тронутый слезами женщины, святый Спиридонъ вмѣстѣ съ своими домашними подошелъ къ гробу дочери своей и, обращаясь къ ней, какъ къ живой, воскликнулъ:

— Дочь моя Ирина! Гдѣ находятся украшенія, ввѣренныя тебѣ на храненіе?

Ирина, какъ бы пробудившись отъ крѣпкаго сна, отвѣчала:

— Господинъ мой! Я спрятала ихъ въ этомъ мѣстѣ дома.

И она указала мѣсто.

Тогда святый сказалъ ей:

— Теперь спи, дочь моя, пока не пробудитъ тебя Господь всѣхъ во время всеобщаго воскресенія.

На всѣхъ присутствовавшихъ, при видѣ такого дивнаго чуда, напалъ страхъ. А святый нашелъ въ указанномъ умершею мѣстѣ епрятанное и отдалъ той женщинѣ.

По смерти Константина Великаго имперія его раздѣлилась на двѣ части. Восточная половина досталась старшему сыну его Констанцію. Находясь въ Антіохіи, Констанцій впалъ въ тяжкую болѣзнь, которую врачи не могли исцѣлить. Тогда царь оставилъ врачей и обратился ко Всемогущему цѣлителю душъ и тѣлесъ—Богу, съ усердною молитвою о своемъ исцѣленіи. И вотъ, въ видѣніи ночью императоръ увидѣлъ Ангела, который показалъ ему цѣлый сонмъ епископовъ и среди нихъ особенно—двоихъ, которые, по-видимому, были вождями и начальниками остальныхъ; Ангелъ повѣдалъ при этомъ царю, что только эти двое могутъ исцѣлить его болѣзнь. Пробудившись и размышляя о видѣнномъ, онъ не могъ догадаться, кто были видѣнные имъ два епископа: имена и родъ ихъ остались ему неизвѣстными, а одинъ изъ нихъ тогда, кромѣ того, не былъ еще и епископомъ. Долгое время царь былъ въ недоумѣніи и, наконецъ, по чьему-то доброму совѣту собралъ къ себѣ епископовъ изъ всѣхъ окрестныхъ городовъ и искалъ между ними видѣнныхъ имъ въ видѣніи двоихъ, но не нашелъ. Тогда онъ собралъ епископовъ во второй разъ, и теперь уже въ бо́льшемъ числѣ, и изъ болѣе отдаленныхъ областей, но и среди нихъ не нашелъ видѣнныхъ имъ. Наконецъ, онъ велѣлъ собраться къ нему епископамъ всей его имперіи. Царское приказаніе, лучше сказать, прошеніе достигло и острова Кипра и города Тримифунта, гдѣ епископствовалъ святый Спиридонъ, которому все уже было открыто Богомъ относительно царя. Тотчасъ же святый Спиридонъ отправился къ императору, взявъ съ собою ученика своего Трифиллія[1]), вмѣстѣ съ которымъ онъ являлся царю въ видѣніи и который въ то время, какъ сказано было, не былъ еще епископомъ. Прибывъ въ Антіохію, они пошли во дворецъ къ царю. Спиридонъ былъ одѣтъ въ бѣдныя одежды и имѣлъ въ рукахъ финиковый посохъ, на головѣ—митру, а на груди у него привѣшенъ былъ глиняный сосудецъ, какъ это было въ обычаѣ у жителей Іерусалима, которые носили обыкновенно въ этомъ сосудѣ елей отъ Святаго Креста. Когда святый въ такомъ видѣ входилъ во дворецъ, одинъ изъ дворцовыхъ служите-

[1]) *Трифиллій*, впослѣдствіи епископъ Левкусійскій, или Ледрскій, причисленъ къ лику святыхъ; память его—13-го іюня.

лей, богато одѣтый, счелъ его за нищаго, посмѣялся надъ нимъ и, не позволяя ему войти, ударилъ его по щекѣ; но преподобный, по своему незлобію и памятуя слова Господа[1]), подставилъ ему другую щеку; служитель понялъ, что предъ нимъ стоитъ епископъ, и, сознавъ свой грѣхъ, смиренно просилъ у него прощенія, которое и получилъ.

Едва только святый вошелъ къ царю, послѣдній тотчасъ узналъ его, такъ какъ въ такомъ именно образѣ онъ явился царю въ видѣніи. Констанцій всталъ, подошелъ къ святому и поклонился ему, со слезами прося его молитвъ къ Богу и умоляя объ уврачеваніи своей болѣзни. Лишь только святый прикоснулся къ головѣ царя, послѣдній тотчасъ же выздоровѣлъ и чрезвычайно радовался своему исцѣленію, полученному по молитвамъ святаго. Царь оказалъ ему великія почести и въ радости провелъ съ нимъ весь тотъ день, оказывая великое уваженіе къ своему доброму врачу.

Трифиллій тѣмъ временемъ былъ крайне пораженъ всей царской пышностію, красотой дворца, множествомъ вельможъ, стоящихъ предъ царемъ, сидящимъ на тронѣ,—причемъ все имѣло чудный видъ и блистало золотомъ,—и искусной службѣ слугъ, одѣтыхъ въ свѣтлыя одежды. Спиридонъ сказалъ ему:

— Чему ты такъ дивишься, братъ? Неужели царское величіе и слава дѣлаютъ царя болѣе праведнымъ, чѣмъ другіе? Развѣ царь не умираетъ такъ же, какъ и послѣдній нищій, и не предается погребенію? Развѣ не предстанетъ онъ одинаково съ другими Страшному Судіи? Зачѣмъ то, что̀ разрушается, ты предпочитаешь неизмѣнному и дивишься ничтожеству, когда до̀лжно прежде всего искать того, что̀ невещественно и вѣчно, и любить нетлѣнную небесную славу?

Много поучалъ преподобный и самого царя, чтобы памятовалъ о благодѣяніи Божіемъ и самъ былъ бы благъ къ подданнымъ, милосердъ къ согрѣшающимъ, благосклоненъ къ умоляющимъ о чемъ-либо, щедръ къ просящимъ и всѣмъ былъ бы отцомъ—любящимъ и добрымъ, ибо кто царствуетъ не такъ, тотъ долженъ быть названъ не царемъ, а скорѣе мучителемъ. Въ заключеніе святый заповѣдалъ царю строго держать и хранить правила благочестія, отнюдь не принимая ничего противнаго Церкви Божіей[2]).

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 39.

[2]) Нужно замѣтить, что императоръ Констанцій благоволилъ къ еретикамъ—аріанамъ.

Царь хотѣлъ возблагодарить святаго за свое исцѣленіе по его молитвамъ и предлагалъ ему множество золота, но онъ отказывался принять, говоря:

— Нехорошо, царь, платить ненавистью за любовь, ибо то, что̀ я сдѣлалъ для тебя, есть любовь: въ самомъ дѣлѣ, оставить домъ, переплыть такое пространство моремъ, перенести жестокіе холода и вѣтры—развѣ это не любовь? И за все это мнѣ взять въ отплату золото, которое есть причина всякаго зла и такъ легко губитъ всякую правду?

Такъ говорилъ святый, не желая брать ничего, и только самыми усиленными просьбами царя былъ убѣжденъ—но только принять отъ царя золото, а не держать его у себя, ибо тотчасъ же роздалъ все полученное просившимъ.

Кромѣ того, согласно увѣщаніямъ сего святаго императоръ Констанцій освободилъ отъ податей священниковъ, діаконовъ и всѣхъ клириковъ и служителей церковныхъ, разсудивъ, что неприлично служителямъ Царя Безсмертнаго платить дань царю смертному.

Разставшись съ царемъ и возвращаясь къ себѣ, святый былъ принятъ на дорогѣ однимъ христолюбцемъ въ домъ. Здѣсь къ нему пришла одна женщина—язычница, не умѣвшая говорить по-гречески. Она принесла на рукахъ своего мертваго сына и, горько плача, положила его у ногъ святаго. Никто не зналъ ея языка, но самыя слезы ея ясно свидѣтельствовали о томъ, что она умоляетъ святаго воскресить ея мертваго ребенка. Но святый, избѣгая тщетной славы, сначала отказывался совершить это чудо; и все-таки, по своему милосердію, былъ побѣжденъ горькими рыданіями матери и спросилъ своего діакона Артемидота:

— Что̀ намъ сдѣлать, братъ?

— Зачѣмъ ты спрашиваешь меня, отче,—отвѣчалъ діаконъ:— что̀ другое сдѣлать тебѣ, какъ не призвать Христа—Подателя жизни, столь много разъ исполнявшаго твои молитвы? Если ты исцѣлилъ царя, то неужели отвергнешь нищихъ и убогихъ?

Еще болѣе побуждаемый этимъ добрымъ совѣтомъ къ милосердію, святитель прослезился и, преклонивъ колѣна, обратился къ Господу съ теплою молитвою. И Господь, чрезъ Илію и Елисея возвратившій жизнь сыновьямъ вдовы сарептской и соманитянынѣ[1]), услышалъ и молитву Спиридона, и возвратилъ духъ жизни

[1]) 3 Кн. Царствъ, гл. 17, ст. 21; 4 Кн. Цар., гл. 4, ст. 35.

языческому младенцу, который, оживши, тотчасъ же заплакалъ. Мать, увидѣвъ свое дитя живымъ, отъ радости упала мертвою: не только сильная болѣзнь и сердечная печаль умерщвляютъ человѣка, но иногда то же самое производитъ и чрезмѣрная радость. Итакъ, женщина та умерла отъ радости, а зрителей ея смерть повергла,—послѣ неожиданной радости, по случаю воскрешенія младенца,—въ неожиданную печаль и слезы.

Тогда святый опять спросилъ діакона:

— Что̀ намъ дѣлать?

Діаконъ повторилъ свой прежній совѣтъ, и святый опять прибѣгъ къ молитвѣ. Возведя очи къ Небу и вознеся умъ къ Богу, онъ молился Вдыхающему духъ жизни въ мертвыхъ и Измѣняющему все единымъ хотѣніемъ Своимъ. Затѣмъ онъ сказалъ умершей, лежавшей на землѣ:

— Воскресни и встань на ноги!

И она встала, какъ пробудившаяся отъ сна, и взяла своего живаго сына на руки.

Святый запретилъ женщинѣ и всѣмъ присутствовавшимъ тамъ разсказывать о чудѣ кому бы то ни было; но діаконъ Артемидотъ послѣ кончины святаго, не желая умолчать о величіи и силѣ Божіихъ, явленныхъ чрезъ великаго угодника Божія Спиридона, повѣдалъ вѣрующимъ обо всемъ происшедшемъ.

Когда святый возвратился домой, къ нему пришелъ одинъ человѣкъ, желавшій купить изъ его стада сто козъ. Святый велѣлъ ему оставить установленную цѣну и потомъ взять купленное. Но онъ оставилъ стоимость девяноста девяти козъ и утаилъ стоимость одной, думая, что это не будетъ извѣстно святому, который, по своей сердечной простотѣ, совершенно чуждъ былъ всякихъ житейскихъ заботъ. Когда оба они находились въ загонѣ для скота, святый велѣлъ покупателю взять столько козъ, за сколько онъ уплатилъ, и покупатель, отдѣливъ сто козъ, выгналъ ихъ за ограду. Но одна изъ нихъ, какъ бы умная и добрая раба, знающая, что она не была продана своимъ господиномъ, скоро вернулась и опять вбѣжала въ ограду. Покупатель опять взялъ ее и потащилъ за собою, но она вырвалась и опять прибѣжала въ загонъ. Такимъ образомъ до трехъ разъ вырывалась она у него изъ рукъ и прибѣгала къ оградѣ, а онъ силою уводилъ ее и, наконецъ, взвалилъ ее на плечи и понесъ къ себѣ, причемъ она громко блеяла, бодала его рогами въ голову, билась и вырывалась, такъ что

всѣ, видѣвшіе это, удивлялись. Тогда святый Спиридонъ, уразумѣвъ, въ чемъ дѣло, и не желая въ то же время при всѣхъ обличить нечестнаго покупателя, сказалъ ему тихо:

— Смотри, сынъ мой, должно быть, не напрасно животное это такъ дѣлаетъ, не желая быть отведеннымъ къ тебѣ: не утаилъ ли должной цѣны за него? Не потому ли оно и вырывается у тебя изъ рукъ и бѣжитъ къ оградѣ?

Покупатель устыдился, открылъ свой грѣхъ и просилъ прощенія, а затѣмъ отдалъ деньги и взялъ козу,—и она сама кротко и смирно пошла въ домъ купившаго ее впереди своего новаго хозяина.

На островѣ Кипрѣ было одно селеніе, называвшееся Ериѳра. Пришедши туда по одному дѣлу, святый Спиридонъ вошелъ въ церковь и велѣлъ одному изъ бывшихъ тамъ діакону сотворить краткую молитву: святый утомился отъ долгаго пути тѣмъ болѣе, что тогда было время жатвы и стояли сильные жары. Но діаконъ началъ медленно исполнять приказанное ему и нарочно растягивалъ молитву, какъ бы съ нѣкоею гордостію произносилъ возгласы и пѣлъ, и явно похвалялся своимъ голосомъ. Гнѣвно посмотрѣлъ на него святый, хотя и добръ былъ отъ природы, и, порицая его, сказалъ: «замолчи»!—И тотчасъ же діаконъ онѣмѣлъ: онъ лишился не только голоса, но и самаго дара слова, и стоялъ, какъ совершенно не имѣющій языка. На всѣхъ присутствовавшихъ напалъ страхъ. Вѣсть о случившемся быстро разнеслась по всему селенію, и всѣ жители сбѣжались посмотрѣть на чудо и пришли въ ужасъ. Діаконъ упалъ къ ногамъ святаго, знаками умоляя разрѣшить ему языкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ умоляли о томъ же епископа друзья и родственники діакона. Но не сразу святый снизшелъ на просьбу, ибо суровъ былъ онъ съ гордыми и тщеславными, и, наконецъ, простилъ провинившагося, разрѣшилъ ему языкъ и возвратилъ даръ слова; при этомъ онъ, однако же, запечатлѣлъ на немъ слѣдъ наказанія, не возвративъ его языку полной ясности, и на всю жизнь оставилъ его слабоголосымъ, косноязычнымъ и заикающимся, чтобы онъ не гордился своимъ голосомъ и не хвалился отчетливостію рѣчи.

Однажды святый Спиридонъ вошелъ въ своемъ городѣ въ церковь къ вечернѣ. Случилось такъ, что въ церкви не было никого, кромѣ церковнослужителей. Но, несмотря на то, онъ велѣлъ возжечь множество свѣчей и лампадъ и самъ сталъ предъ алтаремъ въ духовномъ умиленіи. И когда онъ въ положенное время возгла-

силъ: «мѝръ всѣмъ»—и не было народа, который бы на возглашаемое святителемъ благожеланіе мира далъ обычный отвѣтъ, внезапно послышалось сверху великое множество голосовъ, возглашающихъ: «и҆ дꙋ҆хови твоемꙋ̀». Хоръ этотъ былъ великъ и строенъ и сладкогласнѣе всякаго пѣнія человѣческаго. Діаконъ, произносившій ектеніи, пришелъ въ ужасъ, слыша послѣ каждой ектеніи какое-то дивное пѣніе сверху: «гдⷭ҇и помѝлꙋй». Пѣніе это было услышано даже находившимися далеко отъ церкви, изъ коихъ многіе поспѣшно пошли на него, и, по мѣрѣ того, какъ они приближались къ церкви, чудесное пѣніе все болѣе и болѣе наполняло ихъ слухъ и услаждало сердца. Но когда они вошли въ церковь, то не увидали никого, кромѣ святителя съ немногими церковными служителями, и не слыхали уже болѣе небеснаго пѣнія, отъ чего пришли въ великое изумленіе.

Въ другое время, когда святый такъ же стоялъ въ церкви на вечернемъ пѣніи, въ лампадѣ не хватило елея, и огонь сталъ уже гаснуть. Святый скорбѣлъ объ этомъ, боясь, что, когда погаснетъ лампада, прервется и церковное пѣніе, и не будетъ, такимъ образомъ, выполнено обычное церковное правило. Но Богъ, исполняющій желанія боящихся Его, повелѣлъ лампадѣ переполниться елеемъ чрезъ края, какъ нѣкогда сосуду вдовицы во дни пророка Елисея[1]). Служители церковные принесли сосуды, подставили ихъ подъ лампаду и наполнили ихъ чудесно елеемъ.—Этотъ вещественный елей явно служилъ указаніемъ на преизобильную благодать Божію, коей былъ преисполненъ святый Спиридонъ и напояемо было имъ его словесное стадо.

На о. Кипрѣ есть городъ Кирина. Однажды сюда прибылъ изъ Тримифунта святый Спиридонъ по своимъ дѣламъ вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ, Трифилліемъ, который былъ тогда уже епископомъ Левкусійскимъ, на о. Кипрѣ. Когда они переходили черезъ гору Пентадактилъ и находились на мѣстѣ, называемомъ Паримна (отличающемся красотою и богатою растительностію), то Трифиллій прельстился этимъ мѣстомъ и пожелалъ и самъ пріобрѣсти для своей церкви какое-либо помѣстье въ этой мѣстности. Долго онъ размышлялъ объ этомъ про себя; но мысли его не утаились отъ прозорливыхъ духовныхъ очей великаго Отца, который сказалъ ему:

---

[1]) 4 Кн. Царствъ, гл. 4, ст. 2—6.

— Зачѣмъ, Трифиллій, ты постоянно думаешь о суетномъ и желаешь помѣстьевъ и садовъ, которые на самомъ дѣлѣ не имѣютъ никакой цѣны и только кажутся чѣмъ-то существеннымъ, и своей призрачною цѣнностію возбуждаютъ въ сердцахъ людей желаніе обладать ими? Наше сокровище неотъемлемое—на Небесахъ[1]), у насъ есть *храмина нерукотворенная*[2]),—къ нимъ стремись и ими заранѣе (чрезъ богомысліе) наслаждайся: они не могутъ переходить изъ одного состоянія въ другое, и кто однажды сдѣлается обладателемъ ихъ, тотъ получаетъ наслѣдіе, котораго уже никогда не лишится.

Эти слова принесли Трифиллію великую пользу, и впослѣдствіи онъ своею истинно христіанскою жизнію достигъ того, что сдѣлался избраннымъ сосудомъ Христовымъ, подобно Апостолу Павлу, и сподобился безчисленныхъ дарованій отъ Бога.

Такъ святый Спиридонъ, самъ будучи добродѣтельнымъ, направлялъ къ добродѣтели и другихъ, и тѣмъ, кто слѣдовалъ его увѣщаніямъ и наставленіямъ, они служили на пользу, а отвергавшихъ ихъ постигалъ худой конецъ, какъ это видно изъ слѣдующаго.

Одинъ купецъ, житель того же Тримифунта, отплылъ въ чужую страну торговать и пробылъ тамъ двѣнадцать мѣсяцевъ. Въ это время жена его впала въ прелюбодѣяніе и зачала. Вернувшись домой, купецъ увидѣлъ жену свою непраздною (беременною.—*Ред.*) и понялъ, что она безъ него прелюбодѣйствовала. Онъ пришелъ въ ярость, сталъ бить ее и, не желая съ нею жить, гналъ ее изъ своего дома, а потомъ пошелъ и разсказалъ обо всемъ святителю Божію Спиридону и просилъ у него совѣта. Святитель, сокрушаясь душевно о грѣхѣ женщины и о великой скорби мужа, призвалъ жену и, не спрашивая ее, дѣйствительно ли она согрѣшила, такъ какъ о грѣхѣ свидѣтельствовали уже самая беременность ея и плодъ, зачатый ею отъ беззаконія, прямо сказалъ ей:

— Зачѣмъ осквернила ты ложе мужа своего и обезчестила его домъ?

Но женщина, потерявъ всякій стыдъ, осмѣлилась явно солгать, что она зачала не отъ кого другаго, а именно отъ мужа. Присутствовавшіе вознегодовали на нее еще болѣе за эту ложь, чѣмъ за самое прелюбодѣяніе, и говорили ей:

---

[1]) 1 Посл. Петр., гл. 1, ст. 4.

[2]) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 5, ст. 4.

— Какъ же ты говоришь, что зачала отъ мужа, когда его двѣнадцать мѣсяцевъ не было дома? Развѣ можетъ зачатый плодъ двѣнадцать мѣсяцевъ и даже болѣе оставаться въ чревѣ?

Но она стояла на своемъ и утверждала, что зачатое ею дожидалось возвращенія своего отца, чтобы родиться при немъ. Отстаивая эту и подобную ложь и споря со всѣми, она подняла шумъ и кричала, что ее оклеветали и обидѣли. Тогда святый Спиридонъ, желая довести ее до раскаянія, кротко сказалъ ей:

— Женщина! Въ великій грѣхъ впала ты,—велико должно быть и покаяніе твое, ибо для тебя все-таки осталась надежда на спасеніе: нѣтъ грѣха, превышающаго милосердіе Божіе. Но я вижу, что въ тебѣ прелюбодѣяніемъ произведено отчаяніе, а отчаяніемъ—безстыдство, и было бы справедливо понести тебѣ достойное и скорое наказаніе; и все-таки, оставляя тебѣ мѣсто и время для покаянія, мы во всеуслышаніе объявляемъ тебѣ: плодъ не выйдетъ изъ чрева твоего, пока ты не скажешь истины, не прикрывая ложью того, что̀ и слѣпой, какъ говорится, видѣть можетъ.

Слова святаго въ скоромъ времени сбылись. Когда женщинѣ наступило время родить, ее постигла лютая болѣзнь, причинявшая ей великія мученія и удерживавшая плодъ въ ея чревѣ. Но она, ожесточившись, не захотѣла признаться въ своемъ грѣхѣ, въ которомъ и умерла, не родивши, мучительною смертію. Узнавъ объ этомъ, святитель Божій прослезился, пожалѣвъ, что онъ судилъ грѣшницу такимъ судомъ, и сказалъ:

— Не буду я больше произносить суда надъ людьми, если сказанное мною такъ скоро сбывается надъ ними на дѣлѣ.

Одна женщина, по имени Софронія, благонравная и благочестивая, имѣла мужа—язычника. Она не разъ обращалась къ святителю Божію Спиридону и усердно умоляла его постараться обратить ея мужа къ истинной вѣрѣ. Мужъ ея былъ сосѣдомъ святителя Божія Спиридона и уважалъ его, а иногда они, какъ сосѣди, бывали даже другъ у друга въ домахъ. Однажды собралось много сосѣдей святаго и язычника; были и они сами. И вотъ, вдругъ святый говоритъ одному изъ слугъ во всеуслышаніе:

— Вонъ у воротъ стоитъ вѣстникъ, присланный отъ работника, пасущаго мое стадо, съ вѣстью, что весь скотъ, когда работникъ заснулъ, пропалъ, заблудившись въ горахъ: ступай скажи

ему, что пославшій его работникъ уже нашелъ весь скотъ въ цѣлости въ одной пещерѣ.

Слуга пошелъ и передалъ посланному слова святаго. Вскорѣ затѣмъ, когда не успѣли еще собравшіеся встать изъ-за стола, пришелъ отъ пастуха другой вѣстникъ—съ извѣстіемъ, что все стадо найдено. Слыша это, язычникъ былъ несказанно удивленъ тѣмъ, что святый Спиридонъ знаетъ происходящее за глазами какъ совершающееся вблизи; онъ вообразилъ, что святый есть одинъ изъ боговъ, и хотѣлъ сдѣлать ему то, что̀ нѣкогда жители Ликаоніи сдѣлали Апостоламъ Варнавѣ и Павлу[1]), то есть, привести жертвенныхъ животныхъ, приготовить вѣнцы и совершить жертвоприношеніе. Но святый сказалъ ему:

— Я—не богъ, а только слуга Божій и человѣкъ, во всемъ подобный тебѣ. А что я знаю то, что̀ совершается за глазами,—это даетъ мнѣ мой Богъ, и если и ты увѣруешь въ Него, то познаешь величіе Его всемогущества и силы.

Съ своей стороны и жена язычника Софронія, улучивъ время, стала убѣждать мужа отречься отъ языческихъ заблужденій и познать Единаго Истиннаго Бога и увѣровать въ Него. Наконецъ, силою благодати Христовой, язычникъ былъ обращенъ къ истинной вѣрѣ и просвѣщенъ Святымъ Крещеніемъ. Такъ спасся «**мѹ́жъ невѣ́ренъ ѡ҆ женѣ̀ вѣ́рнѣ**»[2]), какъ говоритъ св. Апостолъ Павелъ.

Разсказываютъ также о смиреніи блаженнаго Спиридона,—какъ онъ, будучи святителемъ и великимъ чудотворцемъ, не гнушался пасти овецъ безсловесныхъ и самъ ходилъ за ними. Однажды воры ночью проникли въ загонъ, похитили нѣсколько овецъ и хотѣли уйти. Но Богъ, любя угодника Своего и охраняя его скудное имущество, невидимыми узами крѣпко связалъ воровъ, такъ что они не могли выйти изъ ограды, гдѣ̀ и оставались въ такомъ положеніи, противъ воли, до утра. На разсвѣтѣ святый пришелъ къ овцамъ и, увидѣвъ воровъ, связанныхъ силою Божіею по рукамъ и по ногамъ, своею молитвою развязалъ ихъ и далъ

---

[1]) Жители Ликаонскаго города Листры (въ Малой Азіи) приняли Апостоловъ Паала и Варнаву, послѣ исцѣленія Ап. Паалом хромаго отъ рожденія, за языческихъ боговъ—Зевса и Гермеса. (См. Кн. Дѣян. Апост., гл. 14, ст. 13.)

[2]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 7, ст. 14. Ап. Паалъ въ этихъ словахъ разумѣетъ собственно то, что нечистота язычника—отца какъ бы изглаждается чистотою матери—христіанки и не передается родившимся отъ такого брака дѣтямъ. Но при этомъ само собою разумѣется, что бракъ съ христіанкою (или христіаниномъ) для язычника (или язычницы) есть естественная ступень къ полному освященію, т. е. къ принятію имъ самимъ вѣры Христовой.

имъ наставленіе о томъ, чтобы не желали чужаго, а питались трудомъ рукъ своихъ; потомъ онъ далъ имъ одного барана, чтобы, какъ онъ самъ сказалъ, «не пропалъ даромъ ихъ трудъ и безсонная ночь», и отпустилъ ихъ съ миромъ.

Одинъ тримифунтскій купецъ имѣлъ обычай брать у святаго взаймы деньги для торговыхъ оборотовъ, и когда, по возвращеніи изъ поѣздокъ по своимъ дѣламъ, приносилъ взятое обратно, то святый обыкновенно говорилъ ему, чтобы онъ самъ положилъ деньги въ ящикъ, изъ котораго взялъ. Такъ мало заботился онъ о временномъ пріобрѣтеніи, что и не справлялся даже никогда, правильно ли уплачиваетъ должникъ! Между тѣмъ купецъ много разъ уже поступалъ такимъ образомъ, самъ вынимая, съ благословенія святаго, изъ ковчега деньги и самъ опять вкладывая туда принесенныя обратно, и дѣла его процвѣтали. Но однажды онъ, увлекшись корыстолюбіемъ, не положилъ принесеннаго золота въ ящикъ и удержалъ его у себя, а святому сказалъ, что вложилъ. Въ скоромъ времени онъ обнищалъ, такъ какъ утаенное золото не только не принесло ему прибыли, но и лишило успѣха его торговлю и, какъ огонь, пожрало все его имущество. Тогда купецъ опять пришелъ къ святому и просилъ у него взаймы. Святый отослалъ его въ свою спальню къ ящику съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ самъ. Онъ сказалъ купцу:

— Ступай и возьми, если самъ ты положилъ.

Купецъ пошелъ и, не нашедши въ ящикѣ денегъ, воротился къ святому съ пустыми руками. Святый сказалъ ему:

— Но вѣдь въ ящикѣ, братъ мой, не было до сихъ поръ ничьей другой руки, кромѣ твоей. Значитъ, если бы ты положилъ тогда золото, то теперь могъ бы опять взять его.

Купецъ, устыдившись, палъ къ ногамъ святаго и просилъ прощенія. Святый тотчасъ же простилъ его, но при этомъ сказалъ, въ назиданіе ему, чтобы онъ не желалъ чужаго и не осквернялъ совѣсти своей обманомъ и ложью. Такъ, неправдою пріобрѣтенная прибыль есть не прибыль, а въ концѣ концовъ— убытокъ.

Въ Александріи созванъ былъ однажды соборъ епископовъ: Патріархъ Александрійскій созвалъ всѣхъ подчиненныхъ ему епископовъ и хотѣлъ общею молитвою ниспровергнуть и сокрушить всѣ языческіе идолы, которыхъ тамъ было еще очень много. И вотъ, въ то время, когда приносились Богу многочисленныя усердныя мо-

литвы,—какъ соборныя,такъ и частныя,—всѣ идолы и въ городѣ, и въ окрестностяхъ пали, только одинъ особо чтимый язычниками идолъ остался цѣлъ на своемъ мѣстѣ. Послѣ того какъ Патріархъ долго и усердно молился о сокрушеніи этого идола, однажды ночью, когда онъ стоялъ на молитвѣ, явилось ему нѣкоторое Божественное видѣніе и повелѣно было не скорбѣть о томъ, что идолъ не сокрушается, и скорѣе послать въ Кипръ и призвать оттуда Спиридона, епископа Тримифунтскаго, ибо для того и оставленъ былъ идолъ, чтобы быть сокрушеннымъ молитвою сего святаго. Патріархъ тотчасъ же написалъ посланіе къ святому Спиридону, въ которомъ призывалъ его въ Александрію и говорилъ о своемъ видѣніи, и немедленно направилъ это посланіе въ Кипръ. Получивъ посланіе, святый Спиридонъ сѣлъ на корабль и отплылъ въ Александрію. Когда корабль остановился у пристани, называемой Неаполемъ, и святый сходилъ на землю,—въ ту же минуту идолъ въ Александріи съ его многочисленными жертвенниками рушился, почему въ Александріи и узнали о прибытіи святаго Спиридона. Ибо, когда Патріарху донесли, что идолъ палъ, Патріархъ сказалъ остальнымъ епископамъ:

— Друзья! Спиридонъ Тримифунтскій приближается.

И всѣ, приготовившись, вышли навстрѣчу святому и, съ честію принявъ его, радовались о прибытіи къ нимъ такого великаго чудотворца и свѣтильника міру.

Церковные историки Никифоръ[1]) и Созоменъ[2]) пишутъ, что святый Спиридонъ чрезвычайно заботился о строгомъ соблюденіи церковнаго чина и сохраненіи во всей неприкосновенности до послѣдняго слова книгъ Священнаго Писанія. Однажды произошло слѣдующее. На о. Кипрѣ было собраніе епископовъ всего острова по дѣламъ церковнымъ. Среди епископовъ находились святый Спиридонъ и упоминавшійся выше Трифиллій,—человѣкъ, искусившійся въ книжной премудрости, такъ какъ въ молодости своей онъ много лѣтъ провелъ въ Беритѣ[3]), изучая писаніе и науки.

---

[1]) *Никифоръ Каллистъ*—церковный историкъ, жилъ въ XIV вѣкѣ. Его «Церковная исторія», въ 18 книгахъ, доведена до смерти Византійскаго императора Фоки († 611 г.)

[2]) *Созоменъ*—церковный историкъ V вѣка, написалъ исторію Церкви отъ 323 до 439 года.

[3]) *Беритъ*—нынѣшній *Бейрутъ*—древній городъ Финикіи на берегу Средиземнаго моря; особенно процвѣталъ въ V вѣкѣ и славился своей высшей школой риторики, поэзіи и права; нынѣ—главный административный городъ Азіатско-Турецкой Сиріи и важнѣйшій пунктъ Сирійскаго побережья съ населеніемъ до 80 000 жителей.

Собравшіеся отцы просили его произнести въ церкви поученіе народу. Когда онъ поучалъ, пришлось ему помянуть слова Христа, сказанныя Имъ разслабленному: «**востáни и҆ возмѝ ѻ҆дръ твóй**[1]). Трифиллій слово *одръ* замѣнилъ словомъ *ложе* и сказалъ: «**востáни и҆ возмѝ лóже твоѐ**». Услышавъ это, святый Спиридонъ всталъ съ мѣста и, не вынося измѣненія словъ Христовыхъ, сказалъ Трифиллію:

— Неужели ты лучше сказавшаго *одръ*, что стыдишься употребленнаго Имъ слова?

Сказавъ это, онъ при всѣхъ вышелъ изъ церкви. И такъ поступилъ онъ не по злобѣ и не потому, что самъ былъ совсѣмъ неученымъ: пристыдивъ слегка Трифиллія, кичившагося своимъ краснорѣчіемъ, онъ научилъ его смиренію и кротости. Къ тому же святый Спиридонъ пользовался (среди епископовъ) великою честію— какъ самый старшій лѣтами, славный жизнію, первый по епископству и великій чудотворецъ, а потому, изъ уваженія къ лицу, всякій могъ уважать и его слова.

На преподобномъ Спиридонѣ почивала столь великая благодать и милость Божія, что во время жатвы въ самую жаркую пору дня его святая глава оказалась однажды покрытою прохладною росою, нисходившею свыше. Это было въ послѣдній годъ его жизни. Вмѣстѣ съ жнецами онъ вышелъ на жнитво (ибо былъ смиренъ и работалъ самъ, не гордясь высотою своего сана), и вотъ, когда онъ жалъ свою ниву, внезапно, въ самый жаръ, оросилась глава его, какъ это было нѣкогда съ руномъ Гедеоновымъ[2]), и всѣ, бывшіе съ нимъ на полѣ, видѣли это и дивились. Потомъ волосы на главѣ у него вдругъ измѣнились: одни сдѣлались желтыми, другіе—черными, иные—бѣлыми, и только Самъ Богъ зналъ, для чего это было и что̀ предзнаменовало. Святый осязалъ голову рукою и сказалъ бывшимъ при немъ, что приблизилось время разлученія души его съ тѣломъ, и сталъ поучать всѣхъ добрымъ дѣламъ, и особенно—любви къ Богу и ближнему.

По прошествіи нѣсколькихъ дней святый Спиридонъ во время молитвы предалъ свою святую и праведную душу Господу[3]), Которому въ праведности и святости служилъ всю свою жизнь, и былъ съ честію погребенъ въ церкви Святыхъ Апостоловъ въ Трими-

---

[1]) Еванг. отъ Марка, гл. 2, ст. 12.

[2]) Кн. Судей, гл. 6, ст. 38.

[3]) *Св. Спиридонъ* скончался около 348 года.

фунтѣ[1]). Тамъ и установлено было совершать ежегодно память его, и при гробѣ его совершаются многочисленныя чудеса во славу дивнаго Бога, прославляемаго во святыхъ Его, Отца, и Сына, и Святаго Духа, Которому и отъ насъ да будетъ слава, благодареніе, честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

Тропа́рь ст҃и́телѧ, гла́съ а҃:

Собо́ра не́рвагѡ показа́лсѧ є҆сѝ побо́рникъ, и҆ чꙋдотво́рецъ, бг҃оно́се спѵ҆рїдѡ́не ѻ҆́тче на́шъ. тѣ́мже ме́ртвꙋ ты̀ во гро́бѣ возгласи́въ, и҆ ѕмїю̀ въ зла́то претвори́лъ є҆сѝ: и҆ внегда̀ пѣ́ти тебѣ̀ ст҃ы́ѧ мл҃твы, а҆́гг҃лы сослꙋжа́щыѧ тебѣ̀ и҆мѣ́лъ є҆сѝ сщ҃е́ннѣйшїй. сла́ва да́вшемꙋ тебѣ̀ крѣ́пость, сла́ва вѣнча́вшемꙋ тѧ̀, сла́ва дѣ́йствꙋющемꙋ тобо́ю всѣ́мъ и҆сцѣле́нїѧ.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Любо́вїю хрⷭ҇то́вою ᲂу҆ѧзви́всѧ сщ҃е́ннѣйшїй, ᲂу҆́мъ впери́въ заре́ю дх҃а, дѣ́тельнымъ видѣ́нїемъ твои́мъ дѣѧ́нїе ѡ҆брѣ́лъ є҆сѝ бг҃опрїѧ́тне, же́ртвенникъ бж҃е́ственный бы́въ, просѧ̀ всѣ́мъ бж҃е́ственнагѡ сїѧ́нїѧ.

---

[1]) Честныя мощи св. Спиридона, благодатію Божіею, сохранились нетлѣнными и, что особенно замѣчательно, кожа плоти его имѣетъ обычную человѣческимъ тѣламъ мягкость. Въ Тримифунтѣ мощи его покоились до половины VII вѣка, когда, по причинѣ набѣговъ варваровъ, онѣ были перенесены въ Константинополь. Въ концѣ XII или въ самомъ началѣ XIII вѣка, по свидѣтельству новгородскаго архіепископа Антонія, странствовавшаго по Святымъ мѣстамъ, честная глава святителя находилась въ церкви святыхъ Апостоловъ въ Константинополѣ, а рука и мощи его покоились подъ алтаремъ храма св. Богородицы Одигитріи. Русскіе же паломники XIV и XV вѣковъ: Стефанъ новгородецъ (1350 г.), діаконъ Игнатій (1389), дьякъ Александръ (1391—1395) и іеродіаконъ Зосима (1420) видѣли св. мощи Спиридона и лобызали ихъ въ Константинопольской церкви святыхъ Апостоловъ. Въ 1453 году 29-го мая одинъ священникъ — Георгій, по прозванію Калохеретъ,—отправился съ мощами святителя въ Сербію, а оттуда въ 1460 году — на островъ Корфу. Въ первой половинѣ XVIII вѣка русскій паломникъ Барскій видѣлъ ихъ на этомъ островѣ, въ городѣ того же имени въ храмѣ св. Спиридона; мощи были въ полномъ составѣ, кромѣ десной руки, которая находится въ Римѣ въ церкви во имя Божіей Матери, называемой «Новой», близъ площади Пасквино.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

АЛЕКСАНДРА,

епископа Іерусалимскаго

Святый священномученикъ Александръ, доблестно подвизавшійся и пострадавшій за вѣру Христову, принадлежалъ къ многочисленнымъ ученикамъ, которыхъ знаменитѣйшій учитель Церкви III вѣка Климентъ Александрійскій[1]) собиралъ около себя въ Александріи, и находился въ тѣсной дружбѣ съ Оригеномъ[2]). Въ началѣ III вѣка святый Александръ былъ сдѣланъ епископомъ во Флавіи, въ Каппадокіи[3]). Въ гоненіе Септимія Севера[4]) за ревность къ вѣрѣ Христовой онъ претерпѣвалъ заключеніе въ темницѣ, въ которой томился нѣсколько лѣтъ. По освобожденіи изъ заключенія святый возъимѣлъ желаніе поклониться Святымъ мѣстамъ въ Іерусалимѣ[5]), гдѣ былъ встрѣченъ народомъ и пустынниками, извѣщенными свыше о его прибытіи, и, по ясному небесному откровенію, избранъ соправителемъ престарѣлаго Патріарха Іерусалимскаго Наркисса[6]). Въ теченіе цѣлаго поколѣнія — 38 лѣтъ святый Александръ мудро управлялъ Іерусалимскою Церковію[7]). Онъ былъ извѣстенъ своею любовію къ просвѣщенію.

---

[1]) *Климентъ Александрійскій* — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ христіанскихъ ученыхъ первыхъ вѣковъ († въ 217-мъ году), катехетъ (учитель) знаменитаго Александрійскаго, т. н. Огласительнаго, училища, по своему положенію въ центрѣ всемірной образованности и учености принявшаго характеръ богословско-ученаго образовательнаго заведенія, привлекавшаго въ свои стѣны массы образованныхъ слушателей.

[2]) *Оригенъ* — ученикъ Климента Александрійскаго, знаменитѣйшій христіанскій учитель III вѣка, первоначально бывшій выдающимся изъ преподавателей Александрійскаго Огласительнаго училища. Св. Александръ впослѣдствіи, когда управлялъ уже Іерусалимскою церковію, по уваженію и дружбѣ къ Оригену позволилъ ему говорить поученія въ своемъ присутствіи въ церкви Іерусалимской и за это позволеніе мірянину поучать въ Церкви въ присутствіи епископа подвергся осужденію Димитрія, епископа Александрійскаго, врага Оригенова, но св. Александръ указалъ ему на примѣръ другихъ церквей, послѣ онъ даже рукоположилъ Оригена въ пресвитера, чрезъ что опять возгорѣлся споръ между нимъ и Димитріемъ.

[3]) *Каппадокія* — обширная область въ восточной части Малой Азіи. *Флавія* — одинъ изъ городовъ Каппадокіи.

[4]) Около 209—210 года. — *Септимій Северъ* — Римскій императоръ, царствовалъ съ 193 по 211 г.

[5]) Это было въ 212 году.

[6]) *Наркиссъ* патріаршествовалъ ок. 196 года и потомъ вторично въ 212 году.

[7]) Съ 212 по 250 годъ.

При Іерусалимской церкви онъ устроилъ на свой счетъ значительную библіотеку изъ книгъ Священнаго Писанія и существовавшихъ въ то время твореній христіанскихъ писателей[1]). Въ гоненіе Декія святый Александръ былъ вытребованъ въ Кесарію Палестинскую[2]) на судъ и тамъ вторично исповѣдалъ Христа. Брошенный въ темницу, онъ пробылъ тамъ довольно продолжительное время и тамъ же предалъ духъ свой Господу[3]).

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

РАЗУМНИКА

Святый мученикъ Разумникъ[4]) родомъ былъ Римлянинъ и въ юношескомъ возрастѣ былъ отданъ своими родителями епископу Римскому для обученія божественнымъ книгамъ. И такъ какъ съ обученіемъ книгамъ онъ обнаружилъ и добрый нравъ, то возведенъ былъ въ должность церковнаго чтеца. Проходя эту должность, онъ многихъ училъ благочестію и истинной вѣрѣ, языческое же богопочтеніе обличалъ и порицалъ поклонявшихся идоламъ. Когда же донесено было о томъ царю и святый Разумникъ приведенъ былъ къ нему для допроса, то и предъ царемъ онъ съ дерзновеніемъ исповѣдалъ Христа. За это онъ былъ подвергнутъ жестокимъ мученіямъ, и такъ какъ остался непоколебимымъ и не отвергся отъ Христа, то, послѣ долгихъ мученій, осужденъ былъ на усѣченіе главы. Такъ скончался святый Разумникъ[5]).

---

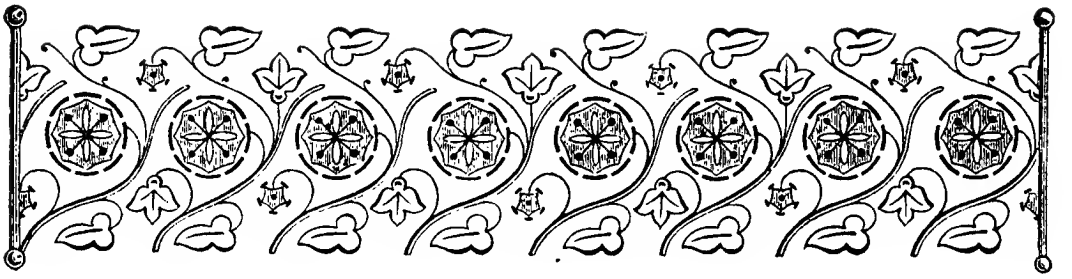
[1]) Этой библіотекой, между прочимъ, пользовался въ свое время (въ IV вѣкѣ) и знаменитый церковный историкъ Евсевій, который и сохранилъ въ своей исторіи свѣдѣнія о жизни св. Александра Іерусалимскаго.

[2]) *Кесарія Палестинская*—на восточномъ берегу Средиземнаго моря, одинъ изъ богатѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ городовъ Палестины; получила свое наименованіе въ честь Кесаря (Октавія) Августа отъ царя Іудейскаго Ирода, строившаго повсюду города и храмы въ честь Кесаря и украсившаго Кесарію. Нынѣ на мѣстѣ прежняго великолѣпнаго города разстилается совершенная пустыня съ однѣми грудами развалинъ.

[3]) *Св. Александръ Іерусалимскій* преставился въ 251 году.

[4]) У Римлянъ онъ называется Сиизій; у Грековъ Συνετός—разумный.

[5]) Разумникъ былъ чтецомъ при папѣ Сикстѣ (257—258 г.); пострадалъ же при царѣ Авреліанѣ (270—275 г.).—Мощи его въ 830 г. перенесены изъ Рима въ островъ и аббатство Рейхенау.



День тринадцатый

СТРАДАНІЕ

СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ЕВСТРАТІЯ, АВКСЕНТІЯ, ЕВГЕНІЯ, МАРДАРІЯ и ОРЕСТА

Въ царствованіе императоровъ Діоклетіана и Максиміана язычество господствовало во всей Римской имперіи и было какъ бы всеобщее взаимное соревнованіе въ служеніи идоламъ, въ особенности,—когда по всѣмъ городамъ и селеніямъ разсылались императорскіе указы начальникамъ областей и судьямъ, повелѣвавшіе приносить въ опредѣленные дни и праздники обильные дары и жертвы богамъ. Этими указами тѣмъ, кто усердно служитъ богамъ, обѣщалась царская благодарность, почести и высшія мѣста въ государствѣ; отказавшимся же поклониться идоламъ грозило сначала отнятіе имущества, а затѣмъ, послѣ всевозможныхъ мученій,—и смертная казнь. Гоненіе на христіанъ разлилось повсюду, и вездѣ начальники областей и вообще власти старались стереть совсѣмъ съ лица земли вѣру Христову.

Между тѣмъ, императоры были извѣщены, что вся великая Арменія и Каппадокія[1]) противятся ихъ повелѣніямъ—и, едино-

---

[1]) Здѣсь разумѣется такъ называемая *Малая Арменія*—римская область между верховьями рѣкъ Евфрата и Галаса, называвшаяся такъ въ отличіе отъ Великой Арменіи—обширной горной страны къ западу отъ Малоазійскаго полуострова между рѣкою Курою и верховьями Тигра и Евфрата, управлявшейся отъ II до V в. до Р. Хр. царями изъ своего племени.—*Каппадокія*—весьма обширная область въ срединѣ восточной части Малой Азіи къ западу отъ верховьевъ р. Евфрата; нѣкогда была однимъ изъ значитель-

душно вѣруя въ распятаго Христа и въ крѣпкой на Него надеждѣ, намѣреваются будто бы отпасть отъ Римской имперіи.

Раздраженный этимъ извѣстіемъ, императоръ Діоклетіанъ созвалъ всѣхъ своихъ вельможъ и три дня съ утра до вечера совѣщался съ ними, какъ бы совсѣмъ искоренить христіанство. Затѣмъ онъ прежде всего удалилъ отъ власти начальниковъ Арменіи и Каппадокіи — какъ неопытныхъ и неискусныхъ правителей ввѣренныхъ имъ областей, несъумѣвшихъ привести народъ къ повиновенію. На ихъ мѣста онъ выбралъ двухъ грековъ, Лизія и Агриколая, людей суровыхъ и жестокихъ, которыхъ и поставилъ надъ обѣими областями, поручивъ Лизію наблюденіе и охраненіе границъ, а Агриколаю—общее управленіе всею епархіею. Имъ были также подчинены и всѣ войска въ обѣихъ областяхъ.

Когда оба новые правителя прибыли на мѣсто своего назначенія, началось безпощадное истребленіе людей всякаго возраста, безъ всякаго разслѣдованія, по одной только пустой клеветѣ завистливыхъ враговъ на кого-нибудь изъ христіанъ: каждый день христіанъ разыскивали, схватывали и предавали для казни кровожаднымъ правителямъ, какъ бы плотояднымъ звѣрямъ. Лизій, имѣвшій пребываніе въ городѣ Саталіонѣ[1]), какъ только находилъ гдѣ-либо христіанъ,—мужчинъ или женщинъ,—послѣ многихъ пытокъ и мученій отсылалъ ихъ связанными и подъ крѣпкою стражею къ Агриколаю, чтобы не дать имъ умереть на родинѣ и быть погребенными по христіанскому обычаю родственниками и знакомыми, и они, убитые на чужой сторонѣ, какъ бы пропадали безъ вѣсти. Точно такъ же дѣлалъ и Агриколай, посылая христіанъ, схваченныхъ въ Севастіи[2]), къ Лизію въ Саталіонъ, такъ какъ оба начальника были въ великой дружбѣ и полномъ согласіи между собою и оба, поступая описаннымъ способомъ, имѣли ввиду одну цѣль—причинить христіанамъ еще большую муку, убивая ихъ внѣ ихъ отчизны.

Въ это время въ Саталіонѣ жилъ нѣкто Евстратій. Онъ былъ извѣстенъ всѣмъ своимъ согражданамъ; какъ первый въ городѣ

ныхъ государствъ Азіи, но потеряла самостоятельность и въ концѣ концовъ вошла въ составъ Римской имперіи какъ ея провинція (въ 17 или 18 году по Р. Хр.). Каппадокія граничила съ Малой Арменіей, и послѣдняя прежде долгое время причислялась къ первой.

[1]) *Саталіонъ*, иначе *Сатала*,—городъ въ Арменіи.

[2]) *Севастія*—городъ въ Арменіи, на сѣверо-востокъ отъ Малой Азіи.

по благородству происхожденія и по сану, онъ занималъ должность военачальника и въ то же время отличался благочестіемъ, богобоязненностію и безупречною жизнію. Видя непрестанное великое гоненіе христіанъ, онъ скорбѣлъ душою и печалился. Горько вздыхая и плача, проводя время въ постѣ и молитвѣ, взывалъ онъ къ Господу нашему Іисусу Христу о томъ, чтобы Господь оказалъ милость рабамъ Своимъ и, умилосердившись надъ людьми Своими, спасъ ихъ отъ бѣдъ и отвратилъ угрожающую имъ гибель. Вмѣстѣ съ тѣмъ Евстратій и самъ желалъ совершить подвигъ святыхъ мучениковъ и удостоиться быть участникомъ ихъ страданій; но, при мысли о многоразличныхъ мученіяхъ и жестокости мучителей, онъ испытывалъ страхъ. Въ концѣ концовъ онъ, однако, рѣшился на слѣдующее. Онъ отдалъ свой поясъ вѣрному слугѣ и велѣлъ отнести его въ церковь Аравракійскую, откуда и самъ онъ былъ родомъ и гдѣ пресвитеромъ въ то время былъ Авксентій, засвидѣтельствовавшій уже свою вѣрность Истинному Богу. Евстратій сказалъ своему слугѣ, чтобы онъ тайно положилъ поясъ въ алтарѣ, а самъ спрятался въ церкви и смотрѣлъ, кто первый изъ пришедшихъ возьметъ поясъ: если возьметъ пресвитеръ Авксентій, пришедши на молитву, то слуга, ничего ему не говоря, долженъ воротиться домой; если же ранѣе захочетъ взять кто-нибудь другой, то слуга ни въ какомъ случаѣ не долженъ допускать этого и долженъ принести поясъ назадъ. Пославъ слугу съ такимъ приказаніемъ, Евстратій рѣшилъ въ душѣ такъ: «Если поясъ возьметъ самъ пресвитеръ, то это будетъ знакомъ того, что Самъ Богъ благоизволитъ, чтобы Евстратій предалъ себя на мученія за Христа; если же захотѣлъ бы взять кто-нибудь другой, то это будетъ означать, что ему не дóлжно предавать себя на мученіе, а слѣдуетъ тайно хранить святую вѣру».—Въ непродолжительномъ времени слуга возвратился и повѣдалъ своему господину, что какъ только онъ положилъ поясъ въ алтарѣ, тотчасъ же пришелъ пресвитеръ Авксентій, какъ будто кто нарочно прислалъ его, и, вошедши въ алтарь, взялъ поясъ. Услышавъ это, Евстратій былъ весьма обрадованъ; лицо его сіяло радостью, чему весьма удивлялся одинъ изъ его друзей, по имени Евгеній.

Вскорѣ послѣ того блаженный Авксентій былъ схваченъ вмѣстѣ съ другими, допрошенъ на судѣ, мучимъ и заключенъ въ темницу, гдѣ и содержался въ узахъ. Затѣмъ среди города на возвышеніи снова было устроено мѣсто для суда, и Лизій, надменно сѣвъ

на судейскомъ креслѣ, приказалъ привести узниковъ на допросъ. Святый Евстратій, пришедши въ темницу, просилъ всѣхъ заключенныхъ въ узахъ за Христа помолиться о немъ, ибо и самъ онъ, по его словамъ, намѣревался въ тотъ же день раздѣлить съ ними ихъ подвигъ. Тогда всѣ святые узники, преклонивъ колѣна, помолились о немъ Богу. Когда они окончили молитву, воины, подъ предводительствомъ Евстратія, повели ихъ изъ темницы на судъ. Когда воинскій отрядъ остановился по обычаю предъ судіею, Лизій приказалъ приводить къ себѣ на судъ—по одному—тѣхъ, которые были уже на первоначальномъ допросѣ. Когда начался судъ, Евстратій сказалъ:

— По указу императорскому, изданному ранѣе и теперь на судѣ опять прочтенному, всѣ христіане, гдѣ бы они не находились и какое бы положеніе въ государствѣ не занимали, подлежатъ суду: по сему указу приведенъ сюда Авксентій — мужъ давно уже извѣстный своимъ происхожденіемъ и благочестивой жизнію, а теперь еще болѣе прославившійся мужествомъ и твердостію, съ какими объявилъ себя рабомъ Христа, Царя Небеснаго. Находясь въ семъ судѣ, онъ уже подвизался подвигомъ безсмертія и изобличилъ твое, судія, безбожіе, свидѣтельствуя словомъ и дѣлами и доблестно перенося мученія. Съ того дня онъ, какъ злодѣй, заключенъ былъ въ темницу, а сегодня ты приказалъ привести его на допросъ вмѣстѣ съ его святою дружиною: и вотъ, всѣ они стоятъ вмѣстѣ со мною, непоколебимо твердые духомъ и готовые посрамить и разрушить всѣ коварные замыслы, которымъ научаетъ тебя противъ нихъ отецъ твой—діаволъ!

Услышавъ это, Лизій пришелъ въ смущеніе отъ неожиданной смѣлости Евстратія. Грозно смотря на него и задыхаясь отъ гнѣва, онъ воскликнулъ грознымъ голосомъ:

— Никогда еще мнѣ не случалось производить болѣе строгій судъ, чѣмъ сегодня, когда этотъ гнусный нечестивецъ осмѣливается разглагольствовать предо мною! Пусть же съ него снимутъ поясъ и воинское одѣяніе, и да будетъ извѣстно всѣмъ, что онъ лишается сана, какой имѣлъ доселѣ, а затѣмъ пусть, обнаженный и связанный веревками по рукамъ и ногамъ и повергнутый на землю, онъ продолжаетъ свою рѣчь!

Слуги поспѣшно исполнили приказаніе Лизія, и тогда онъ сказалъ Евстратію:

— Не раскаешься ли ты въ своемъ пагубномъ намѣреніи? Тогда ты пріобрѣтешь мое расположеніе и совершенно избѣжишь наказанія. Во всякомъ случаѣ, ранѣе пытокъ объяви мнѣ свое имя и отечество и открой намъ свою вѣру.

Святый отвѣчалъ:

— Я родился въ городѣ Аравракѣ и имя мое—Евстратій, а на моемъ отечественномъ языкѣ Кирисикъ. Я—рабъ Владыки всего—Бога-Отца, и Сына Его Господа Іисуса Христа, и Святаго Духа и поклоняться Единому въ Троицѣ Богу и вѣровать въ Него научился отъ младенческихъ пеленъ.

Лизій сказалъ:

— Пусть воины скажутъ, сколько лѣтъ онъ находится на военной службѣ?

Воины отвѣтили:

— Вотъ уже двадцать седьмой годъ, какъ онъ началъ службу, когда былъ еще совсѣмъ юношею.

Тогда Лизій сказалъ святому:

— Евстратій! Ты самъ видишь, какую бѣду принесло тебѣ твое ослушаніе: оставь же теперь твое безумство, одумайся и не губи своей чести и сана, пріобрѣтенныхъ трудами столькихъ лѣтъ воинской службы; признай милость и могущество боговъ и склони къ себѣ кротость царскую и человѣколюбіе суда!

— Мерзкимъ бѣсамъ и глухимъ идоламъ—произведенію рукъ человѣческихъ,—отвѣчалъ святый,—никто изъ имѣющихъ здравый разсудокъ никогда не находилъ нужнымъ поклоняться, ибо въ Писаніяхъ нашихъ говорится: **бо́зи, и҆́же нб҃сѐ и҆ землѝ не сотворѝша, да погѝбнꙋтъ** [1]).

Судія сказалъ:

— Уже не тотъ ли имѣетъ здравый разсудокъ, кто поклоняется Богу Распятому, подобно вамъ, впавшимъ въ полное заблужденіе?!

— Если бы твои духовныя чувства,—отвѣчалъ ему святый Евстратій,—не были извращены служеніемъ суетѣ и если бы душа твоя не погружена была вся въ помыслы о земномъ, то я доказалъ бы тебѣ, что Сей Распятый есть Истинный Спаситель и Господь, и Создатель всей твари, прежде вѣкъ сущій во Отцѣ и по Своей неизреченной мудрости оживившій чрезъ возрожденіе нашу омертвѣлость.

---

[1]) Кн. Прор. Іереміи, гл. 10, ст. 11.

При этихъ словахъ судья прервалъ рѣчь святаго и сказалъ:

— Да будетъ этотъ дерзкій повѣшенъ на веревкахъ и пусть подъ нимъ разожгутъ костеръ изъ пакли, а сверху бьютъ его по плечамъ одновременно тремя палками: посмотримъ, насколько тогда онъ будетъ краснорѣчивъ!

Когда это было исполнено, святый долгое время былъ мучимъ, поджигаемый снизу и жестоко избиваемый сверху. Но и среди такихъ страданій онъ не испустилъ ни одного восклицанія отъ боли, не измѣнился лицомъ и, казалось, страдалъ не онъ, а кто-то другой, такъ что самъ мучитель пришелъ въ изумленіе. Наконецъ, Лизій велѣлъ пріостановить истязаніе и съ злобною улыбкою сказалъ святому:

— Какъ думаешь, Евстратій,—не хочешь ли,—я нѣсколько облегчу боль отъ нанесенныхъ тебѣ ранъ?

И онъ тотчасъ велѣлъ принести соленую воду, смѣшанную съ уксусомъ, и обильно поливать на обожженныя мѣста и въ то же время крѣпко растирать тѣло мученика острыми черепками. Но страдалецъ мужественно вынесъ и эту муку, какъ будто ему совсѣмъ не было больно. Мучитель думалъ даже, что святый Евстратій посредствомъ какого-либо волхвованія дѣлаетъ себя нечувствительнымъ къ боли.

Тогда святый Евстратій сказалъ ему:

— Подвергая меня такимъ мученіямъ, ты, вопреки своей же воле, оказалъ мнѣ благодѣяніе, такъ какъ этими мученіями ты разогналъ окружавшую меня тьму, происходившую отъ плотского огрубѣнія моей души, и сдѣлалъ меня побѣдителемъ давно уже досаждавшихъ мнѣ искушеній самовластнаго ума. Ты далъ мнѣ возможность одолѣть всѣ одержавшіе меня порывы страстей и душевныя тревоги. Ты сохранилъ мнѣ нетронутою никакими искушеніями внутреннюю твердость духа — залогъ безсмертной жизни, гдѣ собрано для всѣхъ вѣрующихъ богатство нетлѣнное, и указалъ мнѣ кратковременный и свободный отъ страданій путь, коимъ я могу достигнуть и въ семъ бренномъ тѣлѣ жизни ангельской, а въ вѣчности—блаженства небеснаго. Теперь я знаю, что я—церковь Бога Живаго и Святаго Духа, живущаго во мнѣ[1]). Итакъ, **ѿстꙋпи́те ѿ мене̑ всѝ дѣ́лающіи беззако́ніе, ꙗ҆́кѡ ᲂу҆слы́ша гдⷭ҇ь гла́съ пла́ча моегѡ̀, гдⷭ҇ь моли́твꙋ мою̀ пріѧ́тъ**[2]). Поистинѣ, **дꙋша̀ моѧ̀ возра́дꙋетсѧ ѡ҆ гдⷭ҇ѣ̀, воз-**

[1]) Ср. 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 3, ст. 16.

[2]) Псаломъ 6, ст. 9—10.

Ст҃і́и мч҃нцы
є҆ѵстра́тїй, а҆ѵзе́нтїй и҆ є҆ѵге́нїй

[illegible] тревоги. Ты сохранилъ [illegible] искушеніями внутреннюю твердость [illegible] жизни, [illegible] собрано для всѣхъ вѣрующихъ богатство [illegible], и указалъ мнѣ кратковременный и свободный отъ страданій путь, коимъ я могу достигнуть и въ семъ бренномъ тѣлѣ жизни ангельской, а въ вѣчности [illegible] небеснаго. Теперь я знаю, что я — церковь Бога Жи[illegible] [illegible] Итакъ, [illegible]

веселитсѧ ѡ҆ сп҃се́нїи є҆гѡ̀. Всѧ̑ кѡ́сти моѧ̑ рекꙋ́тъ: гд҃и, гд҃и, кто̀ подо́бенъ тебѣ̀; и҆збавлѧ́ѧй ни́ща и҆з̾ рꙋкѝ крѣ́пльшихъ є҆гѡ̀, и҆ ни́ща и҆ оу҆бо́га ѿ расхищаю́щихъ є҆го̀ [1]). Поспѣши же, слуга діавола, постарайся не оставить ни одного изъ имѣющихся въ твоемъ распоряженіи орудій мученія, пытай меня, какъ золото въ горнилѣ, или же и еще сильнѣе,—но ты не найдешь во мнѣ столь почитаемаго тобою нечестія, которому ты служишь самымъ дѣломъ. Служеніе ложнымъ богамъ, овладѣвшее тобою и твоимъ безумнымъ царемъ, достойно омерзенія.

Мучитель возразилъ:

— Мнѣ думается, что отъ сильной боли повредился у тебя разумъ,—оттого и говоришь ты такъ много нелѣпостей. Если бы твой, какъ ты говоришь, Богъ могъ сдѣлать тебя безсмертнымъ, то онъ избавилъ бы тебя и отъ этихъ ранъ. Итакъ, перестань обольщаться несбыточными надеждами и поторопись воспользоваться доставляемою тебѣ мною возможностію избавленія.

— Хочешь ли,—отвѣчалъ Евстратій,—ты, ослѣпленный всѣми своими чувствами человѣкъ, убѣдиться въ томъ, что для моего Бога нѣтъ ничего невозможнаго? Слушай и смотри на меня, котораго ты думаешь умертвить и погубить посредствомъ придуманныхъ тобою истязаній!

И вотъ, въ то время какъ всѣ съ великимъ вниманіемъ взирали на святаго, внезапно струпья спали съ его тѣла, какъ бы чешуя, и онъ сдѣлался совершенно здравымъ, не имѣя на тѣлѣ даже никакого слѣда отъ ранъ. И всѣ, при видѣ такого чуда, прославили Единаго Истиннаго Бога, а Евгеній, другъ, согражданинъ и сотоварищъ Евстратія по службѣ, воскликнулъ громкимъ голосомъ:

— Лизій! И я—христіанинъ и проклинаю твою вѣру, и отказываюсь повиноваться, какъ и господинъ мой Евстратій, царскому указу и тебѣ!

Разгнѣванный Лизій велѣлъ тотчасъ же схватить Евгенія и поставить посреди суда и сказалъ ему:

— Допросъ всѣхъ ихъ требуетъ много времени и труда, а, между тѣмъ, я долженъ теперь заняться другими общественными дѣлами. Посему я повелѣваю: этого чародѣя и волшебника Евстратія, а равно и Евгенія, который сегодня оказался его единомыш-

---

[1]) Псаломъ **34**, ст. 9—10.

ленникомъ, накрѣпко заковать въ цѣпи и бросить въ тюрьму вмѣстѣ съ другими христіанами, гдѣ и держать подъ стражею до слѣдующаго допроса.

Сказавъ это, Лизій всталъ съ своего мѣста и прекратилъ судъ. Святые же, обрадованные смѣлостью и терпѣніемъ Евстратія и явленнымъ на немъ спасительнымъ чудомъ Господа нашего Іисуса Христа, были отведены въ темницу. Когда они туда прибыли, то всѣ единогласно воспѣли Псаломъ, начинающійся словами: «сѐ что̀ добро̀, и҆ли̑ что̀ красно̀, но є҆́же жи́ти бра́тїи вку́пѣ» [1]);—и, совершивъ молитву, сѣли, а святый Евстратій поучалъ ихъ и приготовлялъ къ предстоящему подвигу.

Такъ окончился день. Ночью Лизій приказалъ сопровождавшимъ его воинамъ готовиться въ путь, такъ какъ онъ собирался идти въ городъ Никополь [2]). Въ то время какъ воины приготовлялись къ отправленію, самъ Лизій отправился къ темницѣ, велѣлъ вывести къ себѣ Евстратія и, лицемѣрно улыбаясь, сказалъ ему:

— Здравствуй, дорогой Евстратій!

Святый отвѣтилъ:

— Всемогущій Богъ, Которому я служу, да вознаградитъ тебя достойно за твое привѣтствіе, судія!

— Объ угожденіи Богу и заботься,—сказалъ Лизій,—а теперь возьми эти сапоги и обуйся, и съ веселіемъ отправляйся съ нами въ путь.

Сапоги же эти были желѣзные и подбитые длинными и острыми гвоздями. Ихъ крѣпко привязали къ ногамъ святаго ремнями, а Лизій запечаталъ узелъ своимъ перстнемъ и велѣлъ вести за собою святаго, связаннаго вмѣстѣ съ другими узниками, и во всю дорогу бить и понукать его, чтобы шелъ быстрѣе. Самъ Лизій съ своими воинами отправился впередъ. Чрезъ два дня они пришли въ городъ Араврак—на родину Евстратія и Евгенія.

Когда они приблизились къ Аврараку, всѣ жители вышли имъ навстрѣчу, желая посмотрѣть на блаженнаго Евстратія, но никто изъ друзей и знакомыхъ не осмѣлился подойти къ нему изъ боязни быть схваченнымъ, такъ какъ извѣстно было, что Лизій уже отдалъ соотвѣтственное приказаніе. Между прочимъ,

---

[1]) Псаломъ 132, ст. 1.

[2]) *Никополь* — часто встрѣчающееся въ древней исторіи наименованіе городовъ. Здѣсь разумѣется городъ въ Малой Арменіи на границѣ Понта при Лікусѣ, притокѣ Ирнса,—нынѣ *Эндересъ*.

по дорогѣ къ Аравраку жилъ нѣкто Мардарій, человѣкъ незнатнаго происхожденія и небогатый, но вполнѣ довольный своимъ положеніемъ. Когда проводили Евстратія и другихъ христіанъ, онъ занятъ былъ устройствомъ крыши на своемъ новомъ домѣ. Взглянувъ на проводимыхъ мимо святыхъ узниковъ, онъ узрѣлъ между ними, какъ бы свѣтлую звѣзду, святаго Евстратія и, немедленно слѣзши съ крыши внизъ, сказалъ своей женѣ по-армянски:

Ст҃іи мч҃нцы
Жардарій и Орестъ

— Видишь ли, жена, одного изъ начальниковъ этой страны, извѣстнаго своимъ родомъ и богатствомъ и удостоеннаго почестей за воинскую службу? Видишь ли, какъ онъ пренебрегъ всѣмъ и идетъ, чтобы быть жертвою, угодною Богу? Блаженъ тотъ, кто и въ сей жизни былъ славенъ, и у Владыки нашего Христа получитъ великую награду и будетъ удостоенъ неизреченнаго блаженства вмѣстѣ съ Ангелами.

Благочестивая женщина отвѣчала мужу:

— Возлюбленный супругъ мой! Что препятствуетъ и тебѣ идти тѣмъ же путемъ, какимъ идетъ онъ, и вмѣстѣ съ нимъ сподобиться святой кончины, чтобы быть заступникомъ на Небесахъ мнѣ и нашимъ малымъ дѣтямъ и всему твоему роду?

Мардарій сказалъ ей:

— Дай мнѣ обувь, и я пойду въ вожделѣнный путь.

Она съ радостію исполнила его просьбу. Мардарій, обувшись, одѣвшись и опоясавшись, обнялъ двухъ своихъ сыновей младенцевъ и, ставъ лицомъ къ востоку, началъ молиться.

— Владыко Боже Отче Вседержителю, Господи Іисусе Христе и Святый Душе,—говорилъ онъ,—Едино Божество и Едина Сила! Помилуй меня, грѣшнаго, умилосердись и будь хранителемъ сей рабѣ Твоей и обоимъ младенцамъ симъ —Ты, заступникъ вдовъ и хранитель сиротъ! И я, Владыко, съ великою радостію и сердечнымъ желаніемъ иду къ Тебѣ [1]).

Затѣмъ онъ поцѣловалъ дѣтей и сказалъ:

— Будь здрава, жена, и не скорби, не плачь, а радуйся и веселись, ибо тебя и дѣтей нашихъ и душу мою я вручаю Всемогущему и Всеблагому Богу нашему.

Съ этими словами онъ поспѣшно вышелъ изъ дому, а жена провожала его съ радостію. Мардарій направился къ одному именитому араврaкинскому гражданину Мукарору, человѣку богатому и знатному, привѣтствовалъ его и сказалъ:

— Вотъ, я иду къ твоему другу и родственнику Кирисику и, если Богу угодно будетъ, буду ему спутникомъ и вмѣстѣ съ нимъ понесу подвигъ мученическій. Будь, послѣ Бога, заступникомъ моей женѣ и моимъ дѣтямъ въ этой жизни, а я, если найду милость у Бога, помогу тебѣ въ тотъ день, когда всѣ мы предстанемъ предъ Нимъ, и ты получишь себѣ награду.

— Иди съ миромъ, сынъ мой,—отвѣчалъ ему благочестивый Мукароръ,—окончи добрый путь и не безпокойся ни о чемъ: я буду отцомъ твоей женѣ и твоимъ младенцамъ.

Тогда Мардарій простился съ Мукароромъ, пошелъ и нагналъ святыхъ уже около самаго города. Громко воззвалъ онъ къ Евстратію:

— Господинъ Кирисикъ! Какъ овца приходитъ къ своему пастырю, такъ и я пришелъ къ тебѣ, желая сопутствовать всѣмъ вамъ. Прими же меня и причисли къ своей святой дружинѣ и приведи меня, хотя и недостоинъ я того, къ подвигу мученическому, чтобы сдѣлаться мнѣ исповѣдникомъ Господа Іисуса Христа.

Затѣмъ еще громче онъ воскликнулъ:

— Слушайте, слуги діавола, слушайте! И я—христіанинъ, какъ и господинъ мой Евстратій.

---

[1]) Сія молитва св. мученика Мардарія читается въ заключеніе 3-го часа и на Полунощницѣ, въ слѣдующемъ видѣ: «Влⷣко бж҃е о҆́ч҃е вседержи́телю гдⷭ҇и сн҃е є҆диноро́дный і҆и҃се хрⷭ҇тѐ и҆ ст҃ы́й дш҃е, є҆ди́но бж҃ество̀, є҆ди́на си́ла, поми́лꙋй мѧ̀ грѣ́шнаго, и҆ и҆́миже вѣ́си сꙋдьба́ми сп҃си́ мѧ недосто́йнаго раба̀ твоего̀: ꙗ҆́кѡ бл҃гослове́нъ є҆сѝ во вѣ́ки вѣкѡ́въ, а҆ми́нь».

Тотчасъ же воины схватили его и, связавъ, вмѣстѣ съ остальными христіанами бросили въ темницу, о чемъ и извѣстили Лизія, который тотчасъ же открылъ судъ. Воины, по обычаю, стали приводить христіанъ изъ темницы. Приведенъ былъ, между прочими, и Авксентій—нагой и связанный по рукамъ веревками; прочіе же христіане стояли около и смотрѣли.

Судья сказалъ святому:

— Авксентій! Избавь насъ отъ труда, а себя отъ мученій, скажи: не оставилъ ли ты свое тщетное и пагубное для тебя неповиновеніе и не возвратился ли къ нашимъ милостивымъ богамъ?

— Выслушай немного, Лизій,—отвѣчалъ святый Авксентій:—клянусь тою Истиною, Которая выше всего и все провидитъ, что мой умъ неизмѣнно будетъ знать Единаго Бога и только Ему я буду поклоняться, хотя бы ты нанесъ мнѣ безчисленныя раны и обрекъ меня на мученія, бо̀льшія прежнихъ. Хотя бы ты и умертвилъ меня посредствомъ меча или огня, но ни въ какомъ случаѣ не будешь въ силахъ измѣнить мои мысли. Итакъ, лучше дѣлай, что хотѣлъ.

Тогда мучитель изрекъ слѣдующій смертный приговоръ:

— Авксентій, который, послѣ многихъ мученій, до сихъ поръ остается при своемъ безумствѣ, пусть лишенъ будетъ жизни чрезъ заслуженную имъ казнь посредствомъ усѣченія мечомъ. Исполненіе сего приговора должно быть совершено въ глухомъ лѣсу, чтобы его презрѣнное тѣло не могло быть погребено подобающимъ образомъ. А тотъ, который дерзнулъ недавно присоединиться къ узникамъ, пусть будетъ выведенъ сюда, на средину, сейчасъ же получить почесть, которой онъ добивается.

Пока воины освобождали Мардарія отъ веревокъ, онъ говорилъ святому Евстратію:

— Господинъ мой Кирисикъ! Умоляю тебя, молись за меня Богу и научи меня, что мнѣ отвѣчать губителю, чтобы какъ-нибудь не обольстилъ сей жестокій мучитель меня, простого и некнижнаго человѣка.

Святый Евстратій сказалъ ему:

— Повторяй, братъ мой Мардарій, неизмѣнно только одно: «я—христіанинъ», «я—рабъ Христовъ», и больше ничего не отвѣчай, чтобы онъ ни сталъ тебѣ говорить или съ тобою дѣлать.

Когда воины привели Мардарія предъ Лизія, они сказали:

— Вотъ узникъ, взятый недавно.

Лизій сказалъ:

— Пусть онъ назоветъ намъ свое имя, отечество, занятіе, мѣсто жительства и скажетъ, какой онъ вѣры?

— Я—христіанинъ,—отвѣчалъ Мардарій и на всѣ вопросы истязателей о его имени и отечествѣ продолжалъ восклицать: —Я—христіанинъ! Я—рабъ Христовъ!

Болѣе отъ него не могли ничего добиться. Лизій, видя его непоколебимость, приказалъ провертѣть ему ноги желѣзными кольями и, продѣвъ веревки, повѣсить его внизъ головою, потомъ колоть и опалять все его тѣло раскаленными желѣзными гвоздями. Долго висѣлъ и былъ мучимъ Мардарій и, наконецъ, воскликнулъ:

— Господи! Благодарю Тебя, что Ты сподобилъ меня сихъ благъ! Того лишь я и желалъ, чтобы быть спасеннымъ Тобою и къ сему стремился: пріими же душу мою въ мирѣ.

Произнесши это, онъ умеръ.

Когда тѣло Мардарія убрали съ мѣста мученія, Лизій сказалъ:

— Пусть введутъ Евгенія изъ Саталы[1]), который осмѣлился войти сюда во время допроса Евстратія. Я не утверждаю, что онъ—христіанинъ, какъ болтаютъ сами они, но нахожу, что онъ человѣкъ весьма вредный.

Когда Евгеній предсталъ предъ судомъ, служители сказали:

— Вотъ Евгеній.

Судья сказалъ:

— Скажи мнѣ, гнусный человѣкъ, какой злой бѣсъ научилъ тебя и толкнулъ на такую дерзость, что ты осмѣлился безъ всякаго стыда упрекать насъ, считая за ничто строгость настоящаго суда?

Святый Евгеній отвѣчалъ:

— Мой Богъ, ниспровергающій почитаемыхъ тобою бѣсовъ,—вотъ Кто далъ мнѣ силу и даровалъ смѣлость и свободу слова, для того чтобы я посмѣялся надъ тобою презрѣннымъ, песъ смердящій, сосудъ сатаны, который будетъ вмѣстѣ съ тобою преданъ на погибель.

Мучитель вскричалъ:

— Вырѣзать ему его ругательскій языкъ, отрубить обѣ руки и перебить ему голени, чтобы онъ смирнѣе велъ себя съ нами!

Во время этого истязанія и святый Евгеній предалъ духъ свой Богу.

---

[1]) О *Саталѣ* см. на стр. 354, прим. 1.

Вскорѣ послѣ этого Лизій отправился однажды за городъ производить смотръ войскамъ. Во время смотра, когда всѣ воины показывали свое умѣнье владѣть оружіемъ, одинъ изъ нихъ, по имени Орестъ, высокаго роста и видной наружности, долженъ былъ, по своему чину, представиться Лизію. Увидѣвъ его, Лизій похвалилъ его, назвалъ «настоящимъ воиномъ» и велѣлъ ему бросить копьемъ въ цѣль. Когда Орестъ намѣтилъ въ цѣль и замахнулся копьемъ, золотой крестъ, бывшій у него на груди, отъ сотрясенія выпалъ наружу, и это было замѣчено всѣми и самимъ Лизіемъ. Орестъ тотчасъ же былъ призванъ къ Лизію, который, взявъ у него съ груди крестъ и держа его, спросилъ:

— Что это такое? Неужели и ты изъ числа почитателей Распятаго?

— Я—рабъ Распятаго, Владыки моего и Бога,—отвѣчалъ Орестъ,—и это знаменіе Его ношу на себѣ для отогнанія всѣхъ угрожающихъ мнѣ золъ.

— Пусть и сей прекрасный воинъ,—сказалъ тогда Лизій,—будетъ связанъ вмѣстѣ съ состоящимъ подъ судомъ Евстратіемъ и будетъ ему сопутствовать до Никополя, гдѣ въ свое время имъ будетъ учиненъ допросъ.

По прибытіи Лизія въ Никополь великое множество воиновъ изъ стоявшаго въ этомъ городѣ полка явились къ нему, и всѣ единогласно восклицали:

— Лизій! И мы—воины Господа нашего Іисуса Христа: дѣлай съ нами что хочешь!

Лизій сначала пришелъ въ смущеніе. Онъ боялся, какъ бы явившіеся не замыслили чего-нибудь противъ него. Но, увидѣвъ, что они, снимая съ себя пояса, сами себя предаютъ, какъ бы беззащитныя овцы, велѣлъ всѣхъ ихъ схватить, перевязать и бросить въ тюрьму. Въ то же время онъ сталъ раздумывать, какъ бы подвергнуть казни всѣхъ объявившихся и вмѣстѣ не вызвать какого-либо возмущенія со стороны ихъ согражданъ или родственниковъ; больше же всего онъ боялся Евстратія, а именно—того, какъ бы этотъ христіанинъ во время своихъ мученій не сотворилъ опять чуда, подобнаго прежнему, и тѣмъ не только утвердилъ бы въ вѣрѣ христіанъ, но и язычниковъ не отвратилъ бы отъ служенія идоламъ и обратилъ въ свою вѣру. Поэтому Лизій рѣшилъ отослать наутро святыхъ Евстратія и Ореста въ городъ Севастію[1]) къ правителю Агриколаю.

---

[1]) О *Севастіи* см. на стр. 354, прим. 2.

Такъ онъ и распорядился съ наступленіемъ дня, причемъ отправилъ къ Агриколаю слѣдующее письмо:

«Его Высочеству Агриколаю правителю Лизій вождь желаетъ здравствовать. Божественные императоры наши, не зная во всей вселенной никого, кто бы могъ лучше тебя распознавать неизвѣстное, дали тебѣ власть управлять сими странами, ибо знаютъ, что ты дни и ночи проводишь въ устроеніи общественныхъ дѣлъ и что сонъ скорѣе одолѣетъ никогда не спящія звѣзды, чѣмъ твои глаза, до тѣхъ поръ пока будетъ совершено то, что ты стараешься исполнить для общей пользы. Однимъ словомъ, такъ какъ только въ тебѣ одномъ они находили великія достоинства, то и почтили тебя тою великою честію, какою ты теперь пользуешься. Потому и я, будучи свидѣтелемъ столькихъ превосходныхъ качествъ въ тебѣ, посылаю къ тебѣ сего узника Евстратія, одержимаго недугомъ христіанства, тѣмъ болѣе, что самъ я не могъ придумать ничего, что могло бы отвратить его отъ его заблужденій: удостоенный мною почетной должности въ подчиненномъ мнѣ войскѣ, онъ сдѣлался тѣмъ надменнѣе и причинилъ намъ много огорченій. Хотя я и прибѣгалъ къ угрозамъ, однако онъ въ своемъ высокомѣріи предсказываетъ будущее, подкрѣпляя себя своими чарами. И хотя онъ видѣлъ другихъ, подвергавшихся мученіямъ, однако не только не оставилъ своей дерзости, но и самыя мученія почиталъ скорѣе за благополучіе, чѣмъ за мученія. Его-то и съ нимъ Ореста, имѣющаго такой же образъ мыслей, посылаю на твой премудрый судъ, исполняя повелѣнія императорскія».

Съ этимъ письмомъ и съ написаннымъ допросомъ святыхъ мучениковъ воины, захвативъ съ собою святыхъ, отправились въ путь. Во время пути святые Евстратій и Орестъ пѣли: **пꙋ́ть за́повѣдей твои́хъ теко́хъ... Вразꙋми̑ мѧ̀, и̑ наꙋчꙋ́сѧ за́повѣдемъ твои̑мъ**[1]).

Затѣмъ Евстратій сказалъ:

— Братъ Орестъ! Скажи мнѣ, какъ скончался святый Авксентій и на какомъ мѣстѣ?

Святый Орестъ сказалъ:

— Послѣ объявленія судіею приговора онъ умолялъ воиновъ, которые уводили его съ суда, позволить ему пойти повидаться съ тобою и въ послѣдній разъ облобызать тебя, но никто не хотѣлъ

[1]) Псаломъ 118, ст. 32 и 73.

исполнить его желаніе, такъ какъ время было обѣденное и рабы чрева спѣшили какъ можно скорѣе исполнить приказанное имъ, и потому Авксентія тотчасъ же повели въ лѣсъ, на мѣсто, называемое *Орорія*. Дорогою святый пѣлъ Псаломъ: «Блже́ни непоро́чніи въ пꙋ́ть, ходѧ́щіи въ зако́нѣ гдни[1])» и прочее—до конца. Затѣмъ онъ преклонилъ колѣна, помолился, простеръ руки, какъ бы принимая какое-то приношеніе, и, сказавши: «аминь», осмотрѣлся кругомъ и, увидѣвъ меня,—я стоялъ вблизи,—подозвалъ къ себѣ и сказалъ:

— Братъ Орестъ! Скажи господину Евстратію, чтобы онъ помолился обо мнѣ, и что онъ скоро соединится со мною, и я его ожидаю.

Затѣмъ ему отсѣкли голову, причемъ отъ мѣста казни отогнаны были всѣ, кого подозрѣвали въ принадлежности къ христіанамъ. Святое тѣло его ночью было тайно взято пресвитерами аравракинскими. Но они не могли найти его главы и стали плакать и молиться Богу, чтобы Онъ указалъ имъ главу святаго мученика. И, по устроенію Божію, на одномъ дубѣ закаркалъ воронъ; пресвитеры пошли на его голосъ и нашли главу святаго, лежащею на развѣсистыхъ вѣтвяхъ того дерева, гдѣ сидѣлъ воронъ. Взявъ ее, пресвитеры приложили ее къ тѣлу и снесли на чистое и чтимое мѣсто, и тамъ погребли.

Услышавъ это, Евстратій заплакалъ и, помолившись Богу, сказалъ Оресту:

— Постараемся и мы, братъ, пойти вслѣдъ за святымъ Авксентіемъ.

По прошествіи пяти дней святые были приведены въ Севастію, и правитель Агриколай, получивъ письмо Лизія, отдалъ узниковъ подъ самую крѣпкую стражу. На другой день онъ возсѣлъ въ присутствіи народа на судебномъ мѣстѣ на площади и велѣлъ привести къ себѣ христіанъ, а прежде суда приказалъ прочитать во всеуслышаніе письмо, присланное Лизіемъ, и первоначальный допросъ узниковъ. Послѣ прочтенія письма онъ сказалъ:

— Не думай, Евстратій, что и здѣсь тебя ожидаютъ такія же мученія, какія ты претерпѣлъ отъ Лизія; лучше заранѣе окажи повиновеніе императорскимъ повелѣніямъ и принеси жертвы богамъ, чтобы тебѣ не погибнуть лютою смертью.

Святый Евстратій спросилъ его:

— О судія! Имѣютъ ли законы силу и для царей, или нѣтъ?

[1]) Псаломъ 118, ст. 1.

— Да,—отвѣчалъ правитель,—такъ какъ и цари соблюдаютъ законы.

— Итакъ,—продолжалъ Евстратій,—для одного тебя законы суть нѣчто только написанное, а не обязательное на дѣлѣ?

— Къ чему ты, нечестивецъ, говоришь это,—сказалъ правитель:—Кто и когда осмѣлился въ чемъ-нибудь противиться законамъ?

Святый Евстратій отвѣчалъ:

— Въ законахъ имперіи мы читаемъ слѣдующее: насилія не дòлжно совершать ни словомъ, ни дѣломъ, и народъ долженъ быть управляемъ преимущественно посредствомъ увѣщанія. Необходимо что-нибудь изъ двухъ: или чтобы начальствующій увѣщавалъ подчиненнаго, желая получить отъ него дòлжное, или—чтобы подчиненный, уже ранѣе наставленный въ чемъ дòлжно, свободно и добровольно исполнялъ повелѣнія закона; и, кромѣ того, въ законахъ находится еще слѣдующее мѣсто: повелѣваемъ, чтобы судія судилъ, соединяя строгость съ милосердіемъ такъ, чтобы судимые не чувствовали къ нему ненависти и не враждовали противъ него, будучи устрашаемы угрозами, и чтобы никто не осмѣливался нарушать законъ, надѣясь на его снисходительность.—Такъ ли написано, судія, или нѣтъ?

— Да,—отвѣчалъ правитель.

— Прошу тебя,—сказалъ тогда святый,—сохранить такой порядокъ судопроизводства и для меня.

— И для тебя, и для всѣхъ,—отвѣчалъ правитель,—законы необходимо соблюдать ненарушимо со всѣмъ дòлжнымъ къ нимъ уваженіемъ.

— Итакъ, прошу тебя,—замѣтилъ святый,—пусть твоя строгость будетъ соединена съ милосердіемъ, и ты, какъ мудрѣйшій изъ всѣхъ, благоволи больше выслушивать увѣщанія, чѣмъ увѣщавать самъ, разумно обсуждая всякій предметъ. Въ противномъ случаѣ, безъ всякихъ разсужденій и законовъ—мучь, убивай, дѣлай что хочешь.

— Говори смѣло и свободно, что хочешь,—отвѣчалъ правитель,—судъ будетъ основанъ болѣе на увѣщаніи, чѣмъ на страхѣ.

Святый Евстратій спросилъ:

— Какимъ богамъ прикажешь принести жертву?

— Сначала Зевсу,—отвѣчалъ правитель,—а потомъ Аполлону и Посейдону[1]).

— Отъ какихъ же мудрецовъ, или бытописателей, или пророковъ слышали вы, что дòлжно кланяться Зевсу и прочимъ мнимымъ богамъ?

— Отъ Платона, Аристотеля, Гермеса[2]) и другихъ философовъ,—сказалъ правитель,—и если бы ты зналъ ихъ, то чтилъ бы ихъ память, Евстратій, какъ мужей боговдохновенныхъ и дивныхъ.

— Мнѣ не безъизвѣстны ихъ ученія,—отвѣчалъ святый Евстратій,—такъ какъ я занимался ими съ юныхъ лѣтъ и хорошо изучилъ еллинскія науки и искусства; и если прикажешь, то начнемъ сперва съ Платона.

Правитель сталъ ссылаться на сочиненіе Платона «Тимей»[3]), изъ котораго будто бы ясно видно, что Платонъ усердно почиталъ языческихъ боговъ и богинь[4]). Евстратій, на основаніи того же сочиненія премудраго Платона, доказалъ, что онъ явно и сильно осуждалъ самого Зевса, котораго язычники считаютъ властителемъ боговъ и людей, неба и земли, и утверждалъ, что Богъ—источникъ и виновникъ всякаго блага, каковымъ, по языческимъ баснямъ, Зевсъ отнюдь не былъ; при этомъ святый указывалъ на

---

[1]) *Зевсъ*, или *Юпитеръ*,—греко-римскій богъ, почитавшійся язычниками властителемъ неба и земли, отцомъ всѣхъ боговъ и людей. *Аполлонъ*—одинъ изъ наиболѣе почитаемыхъ древними Греками и Римлянами языческихъ боговъ, считавшійся богомъ Солнца и умственнаго просвѣщенія, а также общественнаго порядка, охранителемъ закона и божествомъ прорицанія будущаго. *Посейдонъ (Нептунъ)* почитался братомъ Зевса и полновластнымъ повелителемъ морей, рѣкъ и всѣхъ источниковъ и водовмѣстилищъ.

[2]) *Платонъ*—знаменитый греческій философъ IV вѣка до Р. Хр., ученикъ знаменитаго и славнаго философа *Сократа*. Замѣчательно то, что въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ Платонъ, особенно въ ученіи о Богѣ, твореніи міра и загробной жизни, близко подходитъ къ христіанскому ученію.—*Аристотель*—извѣстный греческій философъ, ученикъ и современникъ Платона, воспитатель Македонскаго царя Александра Великаго; умъ его обнималъ всѣ извѣстныя древнему міру науки.—*Гермесъ*, такъ называемый *Трисмегистъ* (т. е. *трижды величайшій*),—вымышленный авторъ извѣстнаго древняго философскаго языческаго, такъ называемаго теософическаго, ученія, возникшаго въ III вѣкѣ по Р. Хр.; представлялся язычниками мудрымъ мужемъ, получающимъ высшее божественное откровеніе и чрезъ трехъ сыновей сообщающимъ его людямъ.

[3]) «*Тимей*»—одно изъ выдающихся сочиненій Платона, въ которомъ онъ въ формѣ бесѣды съ Тимеемъ—ученикомъ знаменитаго, уважаемаго философа Пиѳагора, котораго онъ отыскалъ для того, чтобы познакомиться съ ученіемъ послѣдняго, излагаетъ свои собственныя мысли о многихъ высшихъ вопросахъ бытія.

[4]) Агриколай ссылался при этомъ на то, что премудрый Платонъ нарочито ходилъ въ Пирею (въ Ѳессалію) на поклоненіе одной языческой богинѣ; но хотя мнѣнія и вѣрованія Платона не были чужды языческихъ заблужденій,—во всякомъ случаѣ, общій характеръ ихъ далеко возвышался надъ ними и иногда даже довольно близко подходилъ къ христіанскому ученію.

различныя басни язычниковъ, въ подтвержденіе приводя также и слова знаменитѣйшихъ языческихъ поэтовъ, какъ то: Гомера и Эсхила [1]).

— Я терплю твою дерзость,—сказалъ на это правитель,—только потому, что самъ люблю разсуждать. Итакъ скажи мнѣ, какъ можете вы признавать Богомъ Того, Котораго ты чтишь какъ Бога, когда Онъ былъ человѣкъ, который былъ осужденъ и пригвожденъ ко кресту?

Святый отвѣчалъ:

— Если ты согласенъ терпѣливо выслушать меня, то я спрошу тебя сначала о нѣкоторыхъ предметахъ, о которыхъ я собирался тебя спросить, а затѣмъ уже изложу тебѣ по порядку все, о чемъ ты меня спрашивалъ.

— Даю тебѣ право,—сказалъ правитель,—говорить рѣшительно все, чего бы только ты ни пожелалъ.

— Всякій человѣкъ,—продолжалъ Евстратій,—обладающій здравымъ умомъ, долженъ представлять себѣ Бога какъ праведнаго, непостижимаго, неописаннаго и неисповѣдимаго, неизмѣннаго и превышающаго все сущее Своими Божественными свойствами. Не такъ ли думаешь и ты, премудрый судія?

— Да, думаю такъ,—отвѣтилъ судія.

— Къ сему нужно прибавить,—замѣтилъ святый,—и то, что въ Богѣ нѣтъ никакого недостатка или несовершенства, но что Онъ—совершенъ во всемъ?

— Несомнѣнно такъ,—согласился Агриколай.

— Итакъ что же?—продолжалъ Евстратій далѣе.—Не признать ли намъ, что существуютъ еще и другіе нѣкоторые боги, имѣющіе совершенное и нетлѣнное божественное естество? Но это было бы нелѣпо, потому что если имъ чего-либо, хотя бы самаго малаго, недоставало изъ совершенства и свойствъ божественныхъ, то они, думаю, уже недостойны быть почитаемы людьми за боговъ: въ Богѣ нѣтъ никакого недостатка, какъ сказано нами ранѣе, и Ему должны вѣровать и поклоняться всѣ люди.

Агриколай сказалъ:

— Дѣйствительно, такъ.

---

[1]) *Гомеръ*—знаменитый древнѣйшій народный поэтъ Греціи, о личности котораго сохранились лишь одни баснословныя сказанія,—авторъ двухъ величайшихъ поэмъ древне-классической литературы: «Иліады» и «Одиссеи», въ которыхъ ярко отобразились вѣрованія древнихъ Грековъ.—*Эсхилъ*—древнѣйшій изъ великихъ греческихъ трагическихъ писателей, стяжавшій своими произведеніями заслуженную всемірную славу.

— Итакъ, что же? Быть можетъ, эти боги суть самыя свойства нетлѣннаго и безсмертнаго естества и, будучи только различными проявленіями единаго существа, сходятся всѣ какъ бы въ одной точкѣ—въ Божествѣ? Но тогда пусть они называются не различными богами, бо̀льшими и мѐньшими, а Единымъ Богомъ, Который одинъ только по Своему несравненному всемогуществу и имѣетъ имя Божества, а не какъ думаете вы,—что одинъ Богъ живетъ на Небѣ, другой—на землѣ, третій—въ морѣ.—Не такъ ли, судія?

Правитель Агриколай, не въ силахъ будучи возразить что-нибудь на это, долго молчалъ и, наконецъ, могъ только сказать:

— Оставь свои доказательства и многорѣчивыя возраженія и отвѣчай только на то, о чемъ тебя спрашивали: какъ можете вы почитать за Бога—Распятаго?

— Я начну,—отвѣчалъ святый,—словами вашего стихотворца Гезіода[1]): вначалѣ былъ Эребъ и Хаосъ[2]),—т. е. мракъ и водная бездна. Когда же Богъ привелъ міръ въ порядокъ и прекрасное бытіе, создавъ его не изъ существовавшей уже ранѣе матеріи, но приведя къ бытію изъ небытія, то Онъ сотворилъ человѣка по образу Своему и по подобію[3]). Но злой ангелъ[4]), облеченный властію надъ сонмомъ другихъ ангеловъ, по своей волѣ отступилъ отъ Сотворившаго его, возгордился и былъ лишенъ своего достоинства и изгнанъ съ Неба Богомъ[5]). Человѣка же Богъ поселилъ въ Раю и далъ ему заповѣдь о томъ, чтобы, пользуясь всѣми благами Рая, онъ не прикасался къ одному только извѣстному дереву и не вкушалъ его плодовъ[6]). Такой подвигъ Богъ назначилъ ему для того, чтобы человѣкъ не преступилъ заповѣди Божіей и не

---

[1]) *Гезіодъ*—знаменитый древній греческій поэтъ, который, по всеобщему мнѣнію древнихъ, жилъ одновременно съ Гомеромъ или даже раньше его. Въ оставшихся отрывкахъ его произведеній сохранилось много языческихъ басней и сказаній о богахъ древнихъ Грековъ.

[2]) *Хаосъ*, по вѣрованію древнихъ Грековъ, былъ зіяющимъ неизмѣримымъ міровымъ пространствомъ, существовавшимъ прежде всего,—темнымъ животворнымъ первоисточникомъ всякой жизни въ мірѣ, породившимъ *Эреба*—первичный мракъ и Ночь, и чрезъ перваго впослѣдствіи День, послѣ чего уже возникли земля (Гея), небо (Уранъ) и т. д. Все это древніе представляли въ образѣ божествъ; но и въ этихъ своихъ вѣрованіяхъ, затемнѣнныхъ грубыми языческими суевѣріями, они нѣсколько подходятъ къ истинному ученію о сотвореніи міра.

[3]) Кн. Быт., гл. 1.

[4]) Т. е. діаволъ, сатана.

[5]) Кн. Іова, гл. 4, ст. 18; 2 Посл. Петр., гл. 2, ст. 4; Посл. Іуд., гл. 1, ст. 6.

[6]) Кн. Бытія, гл. 2.

послѣдовалъ бы внушенію діавола, во всемъ строющаго человѣку козни, посрамилъ бы врага, завидующаго его великой чести, и могъ содѣлаться безсмертнымъ, не подлежащимъ тлѣнію. Въ противномъ случаѣ человѣкъ не могъ долѣе жить въ Раю и долженъ быть изгнанъ вонъ и, проживъ на землѣ извѣстное время, умереть. И вотъ злобный діаволъ, вооружившись изъ зависти противъ человѣка, употребилъ въ дѣло все свое коварство и чрезъ змія прельстилъ жену перваго человѣка и его самого довелъ до нарушенія заповѣди, за что тотъ изгнанъ былъ Богомъ изъ Рая и присужденъ на трудъ въ потѣ лица и на истлѣніе[1]). Такимъ образомъ всезлобный діаволъ одержалъ побѣду и похвалялся тѣмъ, что покорилъ человѣка, вслѣдствіе его грѣха, своей власти. И когда впослѣдствіи родъ человѣческій умножился, мучитель—діаволъ старался поработить себѣ всякую душу. Послѣ того какъ большинство людей впали въ беззаконіе, Богъ наказалъ міръ потопомъ, но сохранилъ при этомъ праведнаго мужа Ноя, доблестно боровшагося противъ злобнаго діавола, не побѣжденнаго имъ и спасшагося въ ковчегѣ вмѣстѣ съ женою и дѣтьми[2]). Возстановивъ послѣ потопа въ первоначальномъ видѣ землю, Богъ поселилъ на ней Ноя, какъ бы ея новаго обитателя[3]). Прошло много лѣтъ, люди опять размножились и снова возрасло всякое беззаконіе среди нихъ, и всѣ они отягощались грѣхами и, послѣ смерти, содержались въ оковахъ ада, увлекаемые въ погибель лукавымъ діаволомъ. Тогда Создатель нашъ Богъ умилосердился и, не восхотѣвъ оставить безъ помощи дѣло рукъ Своихъ, сначала даровалъ премудрость Еллинамъ, дабы они познали всесильнаго Бога и преодолѣли противника своего діавола. Но они, хотя, по-видимому, нѣсколько и образумились и какъ будто приблизились къ пути истиннаго богопочтенія, однако въ какомъ-то затменіи только разсуждали на словахъ, а на дѣлѣ опять впадали въ заблужденія своихъ предковъ, побѣжденные вѣрою въ ложныхъ боговъ, и, блуждая далеко отъ истиннаго пути, уклонились въ еще большее нечестіе. Но и при этомъ великая сила милосердія Божія не дала людямъ пасть окончательно, и Богъ далъ имъ Законъ, послалъ пророковъ и многоразличными способами указалъ путь спасенія народу Еврейскому. Несмотря на то, люди становились все хуже и опять повторяли грѣхи

[1]) Кн. Бытія, гл. 3.
[2]) Кн. Бытія, гл. 6—8.
[3]) Кн. Бытія, гл. 9.

праотцевъ своихъ и за свои грѣхи подлежали смерти. Наконецъ, Господь нашъ Богъ-Слово благоизволилъ понести одинаковый съ нами подвигъ и, сдѣлавшись подобнымъ намъ во всемъ, кромѣ грѣха, явилъ намъ побѣду надъ противникомъ—діаволомъ: Онъ уничижилъ Себя, принявъ образъ раба, родился отъ Дѣвы, оставаясь неизмѣннымъ по Божеству, и былъ Агнцемъ, чтобы лишить силы хищнаго волка—діавола. Воспользуемся теперь, судія, однимъ сравненіемъ, приличнымъ моему повѣствованію. Положимъ, что ты, будучи правителемъ этого города, увидѣлъ, что медвѣдь или другой какой-нибудь сильный звѣрь напалъ на жителей города, и ты послалъ своего раба убить его, а рабъ, исполняя твое приказаніе, вышелъ бы противъ звѣря, но, будучи неискусенъ и недостаточно силенъ, не въ состояніи былъ бы побороть его и, пораженный имъ, палъ мертвымъ и былъ бы съѣденъ: неужели ты рѣшился бы приказать другому такому же неискусному и малосильному рабу вступить въ борьбу со звѣремъ? И неужели ты, если бы былъ крѣпокъ и силенъ, и умѣлъ какъ слѣдуетъ вступить въ борьбу съ звѣремъ, самъ не вышелъ бы противъ него, какъ искусный и храбрый борецъ, и не убилъ его, и вышелъ бы именно не какъ господинъ, а совершенно такъ же, какъ и простой рабъ, только—умѣющій бороться? Примѣромъ же своимъ ты, конечно, научилъ бы остальныхъ рабовъ своихъ одолѣвать и убивать сильныхъ звѣрей въ случаѣ встрѣчи съ ними. Точно такъ же и Господь нашъ, Спаситель всѣхъ, когда рабы Его въ борьбѣ съ діаволомъ пали побѣжденные и уничтоженные, Самъ уничижилъ Себя, по неизреченному милосердію Своему, воплотился чрезъ Пречистую и Пренепорочную Дѣву и принялъ образъ раба и во всемъ уподобился намъ, кромѣ грѣха, и, выступивъ на общественное служеніе, какъ бы прикрылся отъ злобнаго діавола Своимъ вольнымъ и премудрымъ смиреніемъ, и побѣдилъ его, такъ какъ онъ напалъ на Него, Господа, какъ на простого человѣка, и Своими спасительными крестными страданіями сокрушилъ всю силу врага, научая и насъ, взирая на Его подвигъ, бороться съ діаволомъ такимъ же образомъ и преодолѣвать силу діавольскую. Онъ—Самъ принялъ на Себя наши грѣхи, а намъ даровалъ Свое безстрастіе, воскресилъ содержавшихся въ аду и далъ намъ возможность быть чадами Божіими, имѣющими въ Немъ непобѣдимую опору и надѣющимися на небесные вѣнцы за подвиги. Мы бываемъ побѣждаемы въ тѣлѣ, но побѣждаемъ духомъ, подлежимъ тлѣнію и смерти и

въ то же время—нетлѣнны и безсмертны: посему мы удаляемся отъ вашего невоздержанія и животной жизни и стремимся къ жизни равноангельской и бытію вѣчному. Мы не смотримъ внизъ, какъ бы животныя, а взираемъ на Небо и, находясь во плоти, подражаемъ въ жизни безплотнымъ. Мы знаемъ, что духъ нашъ безпрестанно борется съ плотію, своею мудростію и умѣренностію отклоняемъ себя отъ привязанности къ этому смертному тѣлу и, усиленно отвергая его сладострастіе и похотливыя стремленія, постоянно пріучаемся восходить мыслію къ Небу и терпѣніемъ и воздержаніемъ умерщвлять наши земные члены. Мы питаемся размышленіями о Пречистомъ Господѣ нашемъ, вѣра наша—непоколебима. Такія и еще большія блага даровалъ намъ Богъ, Самъ облекшійся въ плоть человѣческую. А вы, какъ всѣмъ извѣстно, поработили себя плоти и потому называете богами тѣхъ, которые, по вашимъ же сказаніямъ, совершали нечистыя и безстыдныя дѣянія, строите имъ капища и воздаете почести. Вы чуждаетесь общенія съ Небомъ и всегда находитесь въ безпокойствѣ — не только изъ страха какого-нибудь бѣдствія, но и потому, что усиленно стремитесь къ временному благополучію и наяву грезите, какъ во снѣ. Вы умираете не только тѣломъ, но и душою, и предаете себя на вѣчную погибель; мы же отъ Господа нашего Іисуса Христа научены, что плоть наша, истлѣвшая по всеобщему закону тлѣнія и смерти и обратившаяся въ прахъ, опять оживетъ, соединившись съ душою, и получитъ природу нетлѣнную.—Все это я сказалъ тебѣ вкратцѣ для того, чтобы ты, научившись Истинѣ отъ меня, отказался отъ своихъ ложныхъ боговъ.

Правитель Агриколай терпѣливо дослушалъ до конца премудрую рѣчь святаго Евстратія и потомъ сказалъ:

— Мы не имѣемъ права обсуждать рѣшенія и желанія императоровъ и должны только повиноваться ихъ законамъ и исполнять ихъ повелѣнія. Поэтому оставь ненужную болтовню и ступай и принеси жертву богамъ; если же нѣтъ, то ты примешь такія муки, о которыхъ никогда и не слыхивалъ.

Святый Евстратій отвѣтилъ:

— Тогда зачѣмъ же ты доставилъ намъ столько напраснаго труда и давно уже не начиналъ мучить насъ?

Послѣ того мучитель велѣлъ принести желѣзный одръ, раскалить его до послѣдней степени и сначала положить на него святаго Ореста; святому же Евстратію сказалъ:

— Тебѣ слѣдуетъ сперва посмотрѣть ожидающія тебя мученія на немъ, а потомъ ты и самъ уже подвергнешься имъ.

Между тѣмъ святый Орестъ, приблизившись къ раскаленному одру, почувствовалъ страхъ и, глядя на святаго Евстратія, сказалъ:

— Молись за меня, потому что страхъ овладѣваетъ мною.

— Не падай духомъ, братъ Орестъ,—отвѣчалъ ему святый Евстратій,—ибо все это только кажется страшнымъ и мучительнымъ; на самомъ же дѣлѣ ты не почувствуешь никакой тѣлесной боли, если только возляжешь смѣло на одръ и съ надеждою на Бога, такъ какъ Самъ Господь будетъ намъ помощникомъ и защитникомъ. Вспомни твердость духа святаго Авксентія и прочихъ святыхъ и не будь ниже ихъ: здѣшнія мученія оканчиваются скоро, а на Небѣ насъ ожидаетъ награда вѣчная!

Услышавъ это, святый Орестъ смѣло и твердо поднялся на раскаленный одръ, и, вставъ на него, ознаменовалъ себя крестнымъ знаменемъ, и тотчасъ же легъ на раскаленное ложе. Затѣмъ онъ громкимъ голосомъ воскликнулъ:

— Господи Іисусе Христе! Въ руцѣ Твои предаю духъ мой!

И онъ предалъ Господу святую свою душу, а святый Евстратій возгласилъ:

— Аминь!

Немедленно послѣ этого Агриколай приказалъ отвести святаго Евстратія въ темницу. Здѣсь Евстратій, помолившись, по обычаю, Богу, призвалъ бывшаго съ нимъ раба и сказалъ ему:

— Принеси, сынъ мой, хартію, и составимъ завѣщаніе, потому что надѣюсь, что завтра и я предстану Владыкѣ моему—Христу.

Когда хартія была принесена, онъ написалъ завѣщаніе, въ коемъ высказалъ желаніе, чтобы тѣло его было перенесено въ Аравракъ и чтобы никто не дерзалъ брать что-либо отъ его останковъ, но чтобы все тѣло въ цѣлости было положено на мѣстѣ, называемомъ Аналикозора, вмѣстѣ съ святыми Авксентіемъ, Орестомъ, Мардаріемъ и Евгеніемъ, ибо святые сіи заклинали Евстратія, чтобы послѣ ихъ кончины тѣла ихъ были въ нетронутомъ видѣ положены вмѣстѣ съ его тѣломъ. Всѣ имѣнія свои святый Евстратій завѣщалъ на содержаніе служителей церковныхъ, а движимое имущество приказалъ раздѣлить поровну: во-первыхъ, нищимъ и убогимъ, а во-вторыхъ, своимъ сестрамъ; всѣхъ же рабовъ своихъ велѣлъ отпустить на свободу и всѣмъ имъ назначилъ награды.

Написавъ завѣщаніе, святый цѣлый день постился, а всю слѣдующую ночь провелъ въ молитвѣ. Въ эту ночь къ нему, при помощи даннаго стражамъ золота, пришелъ блаженный Власій, епископъ Севастійскій[1]), скрывавшійся въ то время по причинѣ гоненія на христіанъ. Онъ слышалъ о великой премудрости Евстратія и о томъ, какъ тотъ посрамилъ правителя вмѣстѣ съ его богами. Вошедши въ темницу, онъ палъ на землю и поклонился святому, говоря:

— Блаженъ ты, сынъ мой Евстратій, что всемогущій Богъ такъ укрѣпилъ тебя. Умоляю тебя, помяни и меня въ молитвахъ своихъ.

— Не кланяйся мнѣ, отецъ духовный,—отвѣчалъ святый Евстратій,—но, помня дарованный тебѣ санъ, отъ насъ, мірянъ, ожидай должнаго тебѣ поклоненія.

Затѣмъ они сѣли, и Евстратій сказалъ епископу:

— Такъ какъ, по изволенію Божію, завтра въ третій часъ дня я, какъ мнѣ ясно было открыто, предстану Владыкѣ моему Христу, то возьми это завѣщаніе мое и прочти его.

Когда епископъ прочелъ, святый попросилъ его и пришедшихъ съ нимъ клириковъ подписаться подъ завѣщаніемъ и взялъ съ епископа клятву, что онъ самъ возьметъ тѣла: его, Евстратія и святаго Ореста, предастъ ихъ погребенію въ назначенномъ въ завѣщаніи мѣстѣ и постарается исполнить все остальное написанное, обѣщая ему за его труды и заботы награду отъ Господа нашего Іисуса Христа въ будущей жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ святый Евстратій умолялъ епископа сподобить его причащенія Божественныхъ Таинъ, такъ какъ онъ со времени самаго взятія на мученія не причащался сей святыни. Когда принесено было все потребное для служенія и совершена безкровная Жертва, Евстратій приступилъ и принялъ Святыя Таины. И внезапно въ темницѣ возсіялъ свѣтъ, подобный молніи, и послышался голосъ:

— Евстратій! Доблестно подвизался ты. И такъ шествуй и восходи на Небеса принять вѣнецъ свой!

Голосъ этотъ слышали всѣ, бывшіе тамъ, и всѣ пали ницъ на землю отъ страха. И всю эту ночь епископъ провелъ съ святымъ Евстратіемъ, услаждаясь бесѣдою съ нимъ; а когда занялась заря, ушелъ, обѣщаясь исполнить въ точности все, написанное въ завѣщаніи.

---

[1]) Память его совершается 11-го февраля.

Когда наступило утро, Агриколай сѣлъ на судейскомъ креслѣ на обычномъ мѣстѣ среди города и приказалъ привести святаго Евстратія. Когда же Евстратій явился, правитель вызвалъ его къ себѣ и сказалъ ему тайно отъ другихъ:

— Призываю, Евстратій, во свидѣтели всевидящую правду, что я сильно скорблю о тебѣ сердцемъ,—что ты не хочешь повиноваться императорскому повелѣнію. Но, по крайней мѣрѣ, хотя только для вида, предъ народомъ, притворись, что ты—одной съ нами вѣры, и только наружно поклонись богамъ; а про себя вѣруй и молись твоему Богу, и Онъ проститъ тебѣ то, что ты совершилъ не по своей волѣ, а по принужденію. Не желай погибнуть, какъ какой-нибудь злодѣй, ты, человѣкъ столь ученый и мудрый. Если бы мнѣ самому не угрожала отъ этого опасность, я бы отъ тебя и того не потребовалъ. Я предалъ смерти многихъ твоихъ единовѣрцевъ и ни надъ однимъ изъ нихъ не сжалился, а тебя чрезвычайно жалѣю и щажу, и изъ-за тебя всю эту ночь провелъ безъ сна и въ великой скорби.

— Не заботься объ этомъ,—отвѣчалъ святый Евстратій,—и не навлекай на себя бѣду изъ-за меня, а дѣлай то, что̀ повелѣно тебѣ твоими царями. Я же ни лицемѣрно, ни другимъ какимъ-либо образомъ не поклонюсь твоимъ богамъ, а буду исповѣдывать Бога моего предъ всѣми и среди всѣхъ буду восхвалять Его. Будь увѣренъ, что муки, какимъ ты меня подвергаешь, для меня блаженство, и, если хочешь, испытай это на дѣлѣ.

Правитель закрылъ лицо руками и долго плакалъ, такъ что это замѣтилъ и весь окружавшій его народъ. И всѣ поняли, что ему жалко невиннаго Евстратія, и громко заплакали. Великое рыданіе слышалось во всемъ городѣ. Наконецъ, святый Евстратій сказалъ судьѣ:

— Всевышній Богъ да уничтожитъ злую хитрость отца твоего—сатаны! Ибо сатана придумалъ этотъ плачъ на искушеніе мнѣ, чтобы поставить мнѣ препятствіе на пути къ ожидающей меня наградѣ. Дѣлай, что̀ задумалъ, ибо я—рабъ Владыки Христа и не покорюсь повелѣнію императоровъ, и гнушаюсь мерзости идоловъ: мерзки мнѣ и они сами, и тѣ, которые имъ поклоняются!

Агриколай увидѣлъ непоколебимую преданность Евстратія вѣрѣ христіанской и его великую любовь ко Христу и едва могъ произнести слѣдующее окончательное рѣшеніе о немъ:

— Евстратія, оказавшаго неповиновеніе повелѣнію императоровъ и не пожелавшаго принести жертву богамъ, повелѣваю сжечь, чтобы онъ за свое упорство погибъ въ огнѣ.

Сказавъ это, онъ всталъ и поспѣшно удалился въ преторіумъ[1]).

Когда святаго повели на сожженіе, онъ во всеуслышаніе молился такъ:

— Величаю и превозношу Тебя, Господи, за то, что призрѣлъ Ты на смиреніе мое и не оставилъ меня въ рукахъ вражіихъ, но спасъ отъ бѣдъ душу мою! И нынѣ, Владыка, да покроетъ меня рука Твоя и да пріидетъ на меня милость Твоя, ибо мятется душа моя и болитъ при исходѣ своемъ изъ окаяннаго моего и сквернаго сего тѣла. Да не встрѣтитъ ее никогда лукавый умыселъ супостата и не запнетъ ее во тьмѣ за невѣдомые и вѣдомые грѣхи, совершенные мною въ сей жизни! Милостивъ будь ко мнѣ, Владыка, и да не увидитъ душа моя мрачнаго вида лукавыхъ демоновъ, но да пріимутъ ее Ангелы Твои свѣтлые и пресвѣтлые! Прославь Имя Твое Святое и Твоею силою возведи меня на Божественный Твой судъ. Когда я буду судимъ, да не пріиметъ меня рука князя міра сего, чтобы низвергнуть меня, грѣшника, въ глубину ада; но предстань мнѣ и будь мнѣ Спасителемъ и Заступникомъ, ибо сіи тѣлесныя мученія суть радости для рабовъ Твоихъ. Помилуй, Господи, оскверненную страстями жизни сей душу мою и пріими ее, очищенную покаяніемъ и исповѣданіемъ. Ибо Ты—благословенъ во вѣки вѣковъ. Аминь[2]).

Когда святый окончилъ молитву и печь была уже раскалена, онъ сотворилъ крестное знаменіе и вошелъ въ нее, воспѣвая и говоря:

— Господи Іисусе Христе! Въ руцѣ Твои предаю духъ мой!

---

[1]) Такъ называлось въ древности внутреннее помѣщеніе военачальника въ лагерѣ, а также судьи.

[2]) Эта Предсмертная молитва святаго Евстратія принята въ церковное употребленіе и читается на Полунощницѣ субботнѣй, въ слѣдующемъ видѣ: величаѧ величаю тѧ гдⷭ҇и, ꙗ҆́кѡ призрѣ́лъ є҆сѝ на смире́ніе моѐ, и҆ не̑си менѝ затворѝлъ въ рꙋка́хъ враж҆і́ихъ: но сп҆а́лъ є҆сѝ ѿ нꙋ́ждъ дꙋ́шꙋ мою̀. и҆ нынѣ̀, ꙗ҆́ко, да покры́етъ мѧ̀ рꙋ́ка твоѧ̀, и҆ да прі̑детъ на мѧ̀ млⷭ҇ть твоѧ̀: ꙗ҆́кѡ смѧте́сѧ дꙋ́ша моѧ̀, и҆ болѣ́знѣнна є҆́сть во и҆схожде́ніи своѐмъ, ѿ ока́ннагѡ моегѡ̀ и҆ скверна́гѡ тѣ́лесѐ сегѡ̀: да не когда̀ лꙋка́вый сопостѧ́та совѣ́тъ сра́щетъ, и҆ пре-пнетъ ю҆ во тьмѣ̀, за невѣ́дѡмыѧ и҆ вѣ́дѡмыѧ въ житіи̑ сѐмъ бы́вшыѧ мѝ грѣ́хѝ. млⷭ҇тивъ бꙋ́ди мѝ ꙗ҆́ко, и҆ да не ᲂу҆зри́тъ дꙋ́ша моѧ̀ мра́чнагѡ вѕо́ра лꙋка́выхъ де́монѡвъ: но да прі-и́мꙋтъ ю҆ а҆́гг҆ли твои̑ свѣ́тлїи и҆ пресвѣ́тлїи. да́ждь сла́вꙋ и҆́мени твоемꙋ̀ сто́мꙋ, и҆ твоею̀ си́лою возведи̑ мѧ̀ на бж҃е́ственное твоѐ сꙋ́диѥ, внегда̀ сꙋ́дитисѧ мѝ, да не прі̑метъ мѧ̀ рꙋ́ка ки́ѧзѧ міра сегѡ̀, є҆́же и҆сто́ргнꙋти мѧ̀ грѣ́шника во глꙋ́бинꙋ а҆́дѡвꙋ: но предста́ни мѝ и҆ бꙋ́ди мѝ сп҆а́съ и҆ заступникъ, тѣлесна̀ бо и҆ сїѧ̀ мꙋ́ченїѧ, всесі̑лѧ сꙋ́ть рабо́мъ твои̑мъ. помѧ́нꙋй гдⷭ҇и ѡ҆скверни́вшꙋюсѧ страстьмѝ житїѧ̀ сегѡ̀ дꙋ́шꙋ мою̀, и҆ чи́стꙋ ю҆ покаѧ́нїемъ и҆ и҆сповѣ́данїемъ прі̑мѝ, ꙗ҆́кѡ бл҃гослове́нъ є҆сѝ во вѣ́ки вѣкѡ́въ, а҆́мѝнь.

Такъ онъ скончался. Огонь не повредилъ его святаго тѣла и даже не тронулъ ни одного волоса на немъ. Умеръ онъ въ 13-ый день декабря мѣсяца. Блаженный же Власій, епископъ Севастійскій, взялъ мощи святыхъ Евстратія и Ореста и исполнилъ все, что было написано въ завѣщаніи мученика[1]), славя Отца, и Сына, и Святаго Духа — Единаго въ Троицѣ Бога, Которому слава и держава во вѣки. Аминь.

Чудо святыхъ мучениковъ пяточисленныхъ

Близъ Константинополя былъ монастырь, называемый Олимпомъ, въ которомъ была устроена церковь во имя святыхъ пяти мучениковъ: Евстратія, Авксентія, Евгенія, Мардарія и Ореста. И издавна утвердился обычай, чтобы на праздникъ въ память святыхъ мучениковъ приходили въ этотъ монастырь императоръ и Патріархъ и жертвовали, сколько нужно, на пропитаніе инокамъ. Ибо основателемъ монастыря было заповѣдано, чтобы монахи его не занимались ни сельскими работами, ни воздѣлываніемъ винограда, но, предавшись совершенно предстательству святыхъ мучениковъ, заботились бы только о своемъ спасеніи. И такъ какъ иноки строго хранили эту заповѣдь основателя, то святые мученики никогда не переставали заботиться о нуждахъ монастырскихъ. Но милость Божія обычно бываетъ неразлучна съ испытаніемъ, дабы сдѣлалось болѣе очевиднымъ то, что надѣющіеся на Бога и взыскующіе Его *не лишатся всякаго блага*[2]) болѣе, чѣмъ полагающіеся на свое богатство.

И вотъ общій Промыслитель о всѣхъ Богъ, желая еще болѣе прославить посвященное страстотерпцамъ Его мѣсто и посѣтить Своею милостію въ лишеніяхъ и скорбяхъ подвизающихся здѣсь ихъ почитателей, устроилъ такъ, что во время праздника поднялась съ моря страшная буря и былъ сильный дождь и холодъ, такъ что изъ города на праздникъ никто не прибылъ. Иноки обители, отпѣвши вечерню и канонъ, были въ уныніи,

---

[1]) Свв. мученики Евстратій, Авксентій, Евгеній, Мардарій и Орестъ скончались въ началѣ IV-го вѣка. Впослѣдствіи въ родномъ ихъ городѣ Аравракѣ, гдѣ были погребены честныя мощи ихъ, въ честь ихъ сооружена была церковь, и отъ мощей ихъ творились чудеса. Передъ вратами Цареградскими была обитель въ честь этихъ мучениковъ, по имени Олимпъ. Здѣсь каждогодно служилъ Патріархъ въ день памяти ихъ. Въ настоящее время мощи ихъ почиваютъ въ Римѣ, въ церкви св. Аполлинарія Равеннійскаго.

[2]) Ср. Псаломъ 33, ст. 11.

такъ какъ имъ было совершенно нечего ѣсть, и даже укоряли святыхъ мучениковъ, говоря предъ ихъ иконою:

— Наутро мы уйдемъ отсюда и разойдемся кто куда искать себѣ пропитанія.

Когда наступили сумерки, привратникъ пришелъ къ игумену и сказалъ:

— Благослови, отче, привести къ тебѣ человѣка, прибывшаго отъ царя съ двумя нагруженными верблюдами.

Игуменъ далъ благословеніе, и къ нему вошелъ какой-то благолѣпный мужъ и сказалъ:

— Царь прислалъ вамъ съѣстныхъ припасовъ и вина.

Иноки, сотворивъ молитву, внесли присланное, и всѣ ѣли и пили, а оставшееся отложили про запасъ. И еще не успѣли они разойтись по келліямъ, привратникъ опять вошелъ и сказалъ, что прибылъ посланный отъ царицы, который и былъ введенъ и объявилъ игумену, что царица прислала имъ отборной рыбы и десять золотыхъ монетъ. Посланный не успѣлъ еще окончить своихъ словъ, какъ опять вошелъ привратникъ и доложилъ, что явился человѣкъ отъ Патріарха. Когда новаго посланнаго ввели, онъ отдалъ игумену церковные сосуды, говоря:

— Патріарху благоугодно завтра служить здѣсь Литургію[1]).

Игуменъ, обратившись къ пришедшимъ, сказалъ:

— Что̀ Богу угодно, то Онъ и сотворитъ. А вы—переночуете здѣсь или сейчасъ же уйдете?

Они отвѣчали:

— Если намъ найдется мѣсто, то останемся здѣсь до утра.

Игуменъ велѣлъ помѣстить ихъ на церковной паперти и, отпуская ихъ на ночь, спросилъ ихъ имена. Прибывшій отъ царя назвалъ себя Авксентіемъ, отъ царицы—Евгеніемъ, а принесшій сосудъ отъ Патріарха—Мардаріемъ.

Во время пѣнія Утрени въ церковь вошли два мужа. Послѣ каѳизмъ[2]) игуменъ велѣлъ читать, что положено, о страданіяхъ святыхъ мучениковъ, но иноки говорили:

---

[1]) Въ бѣдной Олимпской обители конечно не было всего нужнаго для благолѣпнаго служенія патріаршаго, и Патріархъ, если желалъ служить тамъ, естественно долженъ былъ посылать туда церковные сосуды, облаченія и проч. отъ себя.

[2]) *Каѳизмы* входятъ въ непремѣнную принадлежность утренняго Богослуженія и состоятъ изъ чтенія Псалмовъ съ присоединеніемъ краткихъ славословій. Вся Псалтирь, содержащая въ себѣ 150 Псалмовъ, раздѣляется на 20 каѳизмъ, изъ коихъ каждая дѣлится на три *Славы*. Это раздѣленіе произошло въ древнія времена.

— Не будемъ читать: вѣдь никто не пришелъ изъ города на праздникъ.

Тогда неизвѣстный мужъ, вошедшій въ церковь, сказалъ:

— Дайте мнѣ книгу, я прочту.

Ему дали, и, когда онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ написано: «*Евстратій былъ обутъ въ желѣзные сапоги съ острыми гвоздями*»,— онъ вздохнулъ и ударилъ въ церковный полъ жезломъ, который былъ у него въ рукѣ,—и воткнувшійся въ полъ жезлъ произрастилъ отъ себя вѣтви и превратился въ дерево.

Стоявшіе сзади поняли, кого они видятъ, и спросили:

— Для себя ли ты сдѣлалъ это, Евстратій?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—Бывшія страданія мои ничтожны въ сравненіи съ наградой за нихъ; сдѣлано же это для того, чтобы праздникъ нашъ не остался безъ приходящихъ изъ города.

И лишь только онъ сказалъ это, всѣ пять стали невидимы. А игуменъ, прійдя изъ церкви, нашелъ монастырскій погребъ полнымъ хлѣба и рыбы, и всѣ опустѣвшіе сосуды—полными вина. О совершившемся чудѣ поспѣшили извѣстить царя и Патріарха, которые прибыли въ обитель и всѣ прославили Бога и восхвалили святыхъ Его мучениковъ. Обращенный же въ дерево жезлъ раздѣлили и раздавали на благословеніе, и въ день тотъ были многія исцѣленія недужныхъ по молитвамъ святыхъ страстотерпцевъ.

Конда́къ мч҃нка є҆ѵстра́тїа, гла́съ в҃:

Свѣти́льникъ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ свѣтлѣ́йшїй во тьмѣ̀ невѣ́дѣнїѧ сѣдѧ́щымъ, стр҃тотéрпче: вѣ́рою бо ꙗ҆́кѡ копїе́мъ ѡ҆бложи́всѧ, врагѡ́въ шата́нїѧ не ᲂу҆боѧ́лсѧ є҆сѝ, є҆ѵстра́тїе, ри́торѡвъ сы́й бл҃гоѧзы́чнѣйшїй.

И҆́нъ конда́къ мч҃нка є҆ѵстра́тїа, гла́съ г҃:

Витíйствꙋѧ пред̾ пребеззако́ннꙋющими бж҃е́ственнаѧ, бїє́нїѧ претерпѣ́лъ є҆сѝ мꙋ́жественнѣйшимъ се́рдцемъ, ѡ҆блиста́лъ є҆сѝ бг҃озна́меньми пречꙋ́дне, ᲂу҆гаси́лъ є҆сѝ возвы́шенный пре́лести пла́мень. сегѡ̀ ра́ди тѧ̀ чествꙋ́емъ, всебл҃же́нне мч҃нче хр҃то́въ є҆ѵстра́тїе.

СТРАДАНІЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ

ЛУКІИ

Когда слава святой мученицы Агаѳіи [1]) распространилась по всей Сициліи [2]) и жители Сиракузъ [3]) стекались въ Катану [4]) на поклоненіе святому гробу мученицы, случилось одной дѣвицѣ, по имени Лукіи, благороднаго происхожденія и пользовавшейся уваженіемъ у всѣхъ Сиракузянъ, пойти на праздникъ вмѣстѣ съ другими и съ матерію своею Евтихіею, которая страдала кровотеченіемъ уже четыре года и не могла исцѣлиться никакимъ врачебнымъ средствомъ. Во время совершенія церковной службы при гробѣ мученицы читалось то Евангеліе, въ которомъ воспоминается кровоточивая женщина, исцѣлившаяся отъ прикосновенія къ краю одежды Христовой [5]). Во время чтенія Евангелія Лукія сказала своей матери:

— Если ты вѣришь, матушка, тому, что читается, то вѣрь и тому, что святая Агаѳія, пострадавшая за Имя Христово, удостоилась предстоять Тому, за Чье Имя она пострадала. Итакъ, прикоснись ко гробу ея съ вѣрою, и ты исцѣлишься.

Когда, по окончаніи церковной службы, народъ разошелся, мать съ дочерію пали предъ гробомъ святой мученицы и со слезами начали умолять ее о помощи. Долго молились онѣ, и, наконецъ, Лукія уснула и во снѣ увидѣла святую мученицу Агаѳію посреди Ангеловъ, украшенную драгоцѣнными камнями. Она сказала Лукіи:

— Сестра моя Лукія, дѣва Господня! Зачѣмъ просишь ты отъ меня того, что̀ сама можешь подать сейчасъ же? Твоя вѣра приноситъ помощь твоей матери, и она уже здорова. И какъ

---

[1]) *Св. мученица Агаѳія* скончалась въ гоненіе Декія въ 251 году. Въ послѣдующія времена отъ мощей ея совершались многія чудеса. Память ея празднуется Церковію 5 февраля.

[2]) *Сицилія* — одинъ изъ большихъ острововъ Средиземнаго моря у южныхъ береговъ Аппеннинскаго полуострова (Италіи).

[3]) *Сиракузы* — одна изъ первыхъ греческихъ колоній на восточномъ берегу о. Сицилія, впослѣдствіи самый большой и богатый городъ острова.

[4]) *Катана* — древній городъ на восточномъ берегу острова Сицилія; въ настоящее время процвѣтающій образованностью и торговлею, многолюдный городъ болѣе чѣмъ съ 100-тысячнымъ населеніемъ.

[5]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 9, ст. 20 и слѣд.; Еванг. отъ Марк., гл. 5, ст. 27.

мною славится городъ Катана, такъ тобою будутъ красоваться Сиракузы, ибо ты въ своемъ дѣвствѣ уготовала Христу благоугодное жилище.

Ст҃а́ѧ мч҃нца
Лꙋкі́а

Лукія тотчасъ пробудилась, въ трепетѣ встала и сказала матери:

— Матушка, матушка! Ты исцѣлилась! Умоляю же тебя именемъ той святой, которая исцѣлила тебя своими молитвами: не напоминай мнѣ больше никогда о женихѣ (она уже была обручена) и не желай видѣть смертнаго плода отъ моего грѣшнаго тѣла; но все, что̀ ты назначила дать мнѣ для выхода замужъ за смертнаго человѣка, отдай мнѣ, чтобы идти къ Безсмертному Жениху Христу Господу, Хранителю моего дѣвства.

Мать отвѣчала ей:

— Заботливо охраняя все, что̀ осталось отъ твоего отца въ теченіе девяти лѣтъ, я скорѣе увеличила, чѣмъ уменьшила твое наслѣдство; а что̀ пріобрѣла сама и еще могу пріобрѣсти, все это также въ твоемъ распоряженіи. Но похорони сначала меня, и тогда уже поступай со всѣмъ имѣніемъ какъ тебѣ угодно.

— Послушай, матушка, моего совѣта,—сказала ей Лукія.—Не особенно угоденъ Богу отдающій Ему то, чего не можетъ унести съ собою или употребить въ свою пользу. Но если ты хочешь совершить дѣло дѣйствительно угодное Богу, то отдай Ему то, что̀ можешь употребить для себя. Когда ты будешь умирать, тебѣ уже не будетъ нужно ничего изъ земнаго, и то, что̀ ты имѣешь дать тогда, уже не въ силахъ будешь унести того съ собою: посему пока ты жива и здорова отдай Христу свое имѣніе и все, что̀ хотѣла дать мнѣ, начни теперь же отдавать Ему.

Такъ Лукія повторяла матери каждый день, пока не началось, наконецъ, раздаяніе имущества и ежедневное употребленіе его на нужды убогихъ людей. О продажѣ имѣній, драгоцѣн-

ной утвари и камней узналъ женихъ Лукіи и, опечаленный этимъ, сталъ допытываться у кормилицы своей невѣсты:

— Чтò это значитъ,—спрашивалъ онъ,—что я слышу о внезапной продажѣ помѣстій и драгоцѣнностей?

Кормилица, женщина разумная, отвѣчала:

— Твоя невѣста узнала, что продается одно наслѣдственное имѣніе, цѣною до 1000 златницъ и болѣе, которое она желаетъ купить для тебя, и потому продаетъ нѣкоторыя вещи, чтобы собрать столько денегъ.

Женихъ повѣрилъ ея словамъ и, думая, что дѣло идетъ о вещественной покупкѣ, ничего не возражалъ и даже самъ располагалъ невѣсту и ея мать къ продажѣ имущества. Но какъ только онъ узналъ, что все роздано нищимъ и убогимъ, вдовамъ и сиротамъ и истрачено на странниковъ и служителей Божіихъ, тотчасъ же пошелъ и донесъ градоначальнику Пасхазію про свою невѣсту: что она—христіанка и, слѣдовательно, противница повелѣній царскихъ [1]).

Пасхазій вызвалъ къ себѣ Лукію и сначала словесно убѣждалъ ее принести жертву идоламъ.

Блаженная Лукія отвѣчала ему:

— Живая жертва и чистое и непорочное благочестіе предъ Богомъ и Отцемъ есть то, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ скорбяхъ [2]). За послѣдніе три года я ничего и не дѣлала, какъ только приносила жертву Живому Богу. Теперь мнѣ уже нечего приносить Ему и я приношу Ему самое себя, и пусть творитъ Онъ съ Своею жертвою, чтò угодно Ему.

— Эти слова,—замѣтилъ Пасхазій,—можешь разсказывать подобнымъ тебѣ христіанамъ, а мнѣ, наблюдающему за исполненіемъ царскихъ законовъ, напрасно объ этомъ говоришь.

— Ты царскимъ законамъ слѣдуешь,—отвѣчала Лукія,—а я повинуюсь Законамъ Божіимъ; ты царей боишься, а я Бога боюсь; ты царей не хочешь прогнѣвать, а я тщательно оберегаюсь прогнѣвать Бога; ты царямъ стараешься угодить, а я желаю благоугодить Единому Христу. Итакъ дѣлай, что тебѣ кажется полез-

---

[1]) Т. е. указовъ Римскихъ императоровъ о томъ, чтобы всѣ римскіе граждане приносили жертвы языческимъ богамъ.

[2]) Посл. Іакова, гл. 1, ст. 27. Полный и подлинный текстъ читается по-славянски такъ: вѣ́ра чиста̀ и҆ нескве́рна пред̾ бг҃омъ и҆ ѻ҆ц҃е́мъ сїѧ̀ є҆́сть, є҆́же посѣща́ти си́рыхъ и҆ вдови́цъ въ ско́рбехъ и҆́хъ, и҆ нескве́рна себѐ блюсти̑ ѿ мі́ра.

нѣйшимъ, я же буду дѣлать то, о чемъ знаю, что это послужитъ мнѣ на пользу.

— Ты прожила свое наслѣдіе и растратила вмѣстѣ съ твоими сожителями,—сказалъ Пасхазій,—а потому и сама говоришь, какъ блудница.

— Наслѣдство свое я помѣстила въ хорошемъ мѣстѣ,—отвѣтила ему Лукія,—и никогда не позволяла себѣ принимать растлителей души и тѣла.

Пасхазій спросилъ:

— А кого ты называешь растлителями души и тѣла?

Лукія отвѣчала:

— Вы—растлители души, о которыхъ Апостолъ говоритъ: **тлѧ́тъ ѡ҆бы́чаи бла́ги бесѣ́ды ѕлы̀** [1]): вы внушаете душамъ людей прелюбодѣяніе [2]), дабы они, оставивъ Небеснаго Жениха, т. е. Создателя своего, послѣдовали діаволу чрезъ служеніе безсильнымъ и бездушнымъ идоламъ. А растлители тѣла суть тѣ, которые временныя удовольствія предпочли вѣчному блаженству и преходящія наслажденія ставятъ выше радостей безконечныхъ.

Пасхазій сказалъ:

— Твои разглагольствованія прекратятся и замолкнутъ, когда дѣло дойдетъ до истязаній и ранъ.

Лукія отвѣчала:

— Слова Божіи не умолкнутъ никогда.

— Да развѣ ты—Богъ?—возразилъ Пасхазій.

— Я—раба Божія,—сказала Лукія,—и потому говорила Божіи Слова, какъ и Самъ Онъ сказалъ: «**Не вы́ бо бꙋ́дете глаго́лющїи** (предъ царями и правителями), **но дх҃ъ ѻ҆ц҃а̀ ва́шегѡ, глаго́лѧй въ ва́съ**» [3]).

Пасхазій сказалъ:

— Такъ неужели и въ тебѣ Духъ Святый, и не Онъ ли говоритъ чрезъ тебя?

Лукія отвѣчала:

— Апостолъ говоритъ, что ведущіе чистую жизнь суть храмы Божіи и Духъ Божій живетъ въ нихъ [4]).

---

[1]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. **15**, ст. 33. Русскій переводъ: «худыя сообщества развращаютъ добрые нравы».

[2]) Подъ прелюбодѣйствомъ на языкѣ церковномъ разумѣется не только беззаконный союзъ мужа съ чужою женою, срамныя дѣйствія, противныя Седьмой заповѣди, скверные помыслы, но иногда (какъ и здѣсь главнымъ образомъ) и нечестіе и идолопоклонство.

[3]) Еванг. отъ Матѳ., гл. **10**, ст. 20.

[4]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. **3**, ст. 16.

Пасхазій сказалъ:

— Такъ вотъ, я прикажу отвести тебя въ непотребный домъ, чтобы Духъ Божій отступилъ отъ тебя, когда ты будешь осквернена.

— Безъ произволенія Духа никогда не можетъ быть осквернено тѣло,—отвѣчала Лукія:—Если даже ты положишь мнѣ на руку ѳиміамъ и насильно бросишь его сею рукою на идольскій жертвенникъ, то Богъ только посмѣется тебѣ при видѣ сего, ибо Онъ осуждаетъ насъ за помыслы и произвольныя дѣянія, а не за дѣйствія, которыя насъ другіе принуждаютъ дѣлать насильно; и насильственное лишеніе дѣвства Онъ только попускаетъ, какъ попускаетъ искушенія, разбой, язычество. Посему, если ты и прикажешь надругаться надо мною, то этимъ только увеличишь награду за мою чистоту.

— Я велю до смерти безчестить тебя,—сказалъ Пасхазій,—если ты не послушаешься царскаго повелѣнія.

Лукія отвѣчала:

— Я уже сказала тебѣ, что мою волю ты никогда не склонишь къ согласію на грѣхъ; все, что̀ ты можешь сдѣлать съ моимъ тѣломъ,—все это презираетъ раба Христова.

Тогда Пасхазій, этотъ развратный и неправедный судія, призвалъ къ себѣ содержателей непотребныхъ домовъ и отдалъ имъ святую, говоря:

— Созовите народъ, и пусть надъ ней ругаются до тѣхъ поръ, пока не умретъ.

Когда святую повлекли на поруганіе, Богъ придалъ ей такую тяжесть, что ее невозможно было сдвинуть съ мѣста. Множество людей, по распоряженію мучителя, влекли ее и старались стронуть съ мѣста; но всѣ старавшіеся изнемогли и покрылись потомъ, а дѣва Господня стояла непоколебимо. Принесли веревки и, опутавъ ее ими по рукамъ и по ногамъ, опять старались изо всѣхъ силъ влечь ее, но она оставалась неподвижною, какъ бы гора. Пасхазій смутился и не зналъ, что̀ дѣлать. Онъ созвалъ гадателей, чародѣевъ и всѣхъ идольскихъ жрецовъ и велѣлъ имъ совершать волхвованія кругомъ Лукіи, чтобы подвинуть ее, но они ничего не достигли: она стояла какъ бы пригвожденная къ землѣ, и нельзя было сдвинуть ее ни на одинъ шагъ. Приведено было множество паръ воловъ, которые должны были сдвинуть ее и влечь, и она все-таки оставалась неподвижною.

Наконецъ, Пасхазій спросилъ ее:

— Что̀ за волшебство ты совершаешь?

— Это не волшебство мое,—сказала она,—а сила благодати Божіей.

— Какая же причина того, что тебя, слабую дѣвушку, не можетъ сдвинуть тысяча человѣкъ?

— Если ты приведешь хотя бы десять тысячъ человѣкъ, то и они почувствуютъ, что Духъ Святый говоритъ мнѣ: «**паде́тъ ѿ страны̀ твоеѧ̀ ты́сѧща и҆ тма̀ ѡ҆деснꙋ́ю тебѐ**» [1]).

Сильно мучился въ своей нечестивой душѣ жалкій судія. На него напало смятеніе.

— Что ты мучаешься,—спросила его святая дѣва,—и чѣмъ смущаешься? Вѣдь ты испыталъ уже, что я дѣйствительно—храмъ Бога Живаго, итакъ,—вѣруй въ это. Если же еще не убѣдился, то продолжай свое.

Пасхазій пришелъ въ еще большее негодованіе и смущеніе, видя, какъ посмѣевается надъ его ухищреніями святая. Онъ велѣлъ развести кругомъ нея громадный костеръ и поливать на нее смолу, сѣру и кипящее масло. Но она, ограждаясь Именемъ Господа нашего Іисуса Христа, осталась неподвижна и невредима и говорила мучителю:

— Я молила Господа нашего Іисуса Христа, чтобы этотъ огонь не имѣлъ власти надо мною и, дабы посмѣялись надъ тобою надѣющіеся на Христа,—просила продолженія моихъ мученій, чтобы вѣрующихъ избавить отъ страха мукъ, а невѣрующихъ—лишить возможности ругаться надъ христіанствомъ.

Тогда нѣкоторые изъ приближенныхъ Пасхазія, желая вывести его изъ тяжелаго и недоумѣннаго положенія, велѣли ударить святую мечомъ въ гортань и затѣмъ вмѣстѣ съ Пасхазіемъ удалились домой. Однако святая, какъ ни была сильно ранена, не потеряла силъ и бесѣдовала съ народомъ, говоря:

— Благовѣствую вамъ, что Церкви Божіей даруется миръ, ибо Діоклетіанъ отказался отъ царства, а Максиміанъ нынѣ умеръ. И подобно тому, какъ городъ Катана имѣетъ своею заступницею предъ Богомъ сестру мою о Богѣ святую Агаѳію,—такъ знайте и о семъ городѣ, что ему дана въ защиту Богомъ я, если только вы, исполняя волю Его, будете сему вѣровать.

---

[1]) Псаломъ **90**, ст. 7. *Тьма*—десять тысячъ.

Когда Лукія съ пронзенною мечомъ гортанью говорила эти слова, неожиданно предъ ея глазами провели Пасхазія, закованнаго въ желѣзныя узы. Дѣло въ томъ, что Сицилійцы тайно отъ своего правителя послали въ Римъ доносъ о томъ, какъ немилосердно разорялъ Пасхазій страну, отнимая у жителей ихъ достояніе при помощи всякихъ насилій. И вотъ, въ настоящее-то время изъ Рима пришелъ приказъ, чтобы Пасхазій въ оковахъ былъ приведенъ туда для суда надъ нимъ: тамъ онъ, послѣ допроса, былъ осужденъ на смерть и казненъ чрезъ усѣченіе мечомъ. Когда его въ оковахъ вели мимо святой, она еще была жива и, раненая смертельно, стояла, однако, не трогаясь, и жизнь не оставляла ее до тѣхъ поръ, пока не пришли священники и она не причастилась Пречистыхъ и Животворящихъ Таинъ Христовыхъ. И только тогда, когда всѣ, по окончаніи причащенія, произнесли: «Аминь», святая мученица предала свою чистую душу въ руцѣ Господа[1]). Ее съ честію погребли на мѣстѣ мученія и надъ ея мощами воздвигнута была церковь во имя ея и во славу Бога, Единаго въ Троицѣ, Отца, и Сына, и Святаго Духа, Емуже слава во вѣки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

АРСЕНІЯ ЛАТРСКАГО

Преподобный Арсеній родомъ былъ изъ Константинополя отъ знатныхъ и благочестивыхъ родителей. Онъ пріобрѣлъ благоволеніе царя и сдѣланъ былъ военачальникомъ и патриціемъ[2]) Киверріотскимъ[3]). Однажды ему случилось плыть съ войскомъ по морю, но поднялась страшная буря, и корабли съ плывшими на нихъ всѣ потонули; одинъ лишь онъ спасся. Послѣ того Арсеній отрекся отъ міра, принялъ иночество и предалъ всего себя молитвеннымъ подвигамъ, удручая плоть свою постомъ,

---

[1]) *Св. мученица Лукія* пріяла мученическую кончину въ 304 году. Мощи ея изъ Сиракузъ сначала перенесены въ Италію, потомъ въ Мецъ (прежде значительный французскій городъ въ Лотарингіи; нынѣ—первоклассная крѣпость въ нѣмецкой Лотарингіи); часть мощей, бывшая въ Царьградѣ, перенесена въ Венецію.

[2]) *Патриціями* называлось высшее сословіе въ Римской и послѣ Византійской имперіи, соотвѣтствующее нашему родовитому дворянству.

[3]) Въ Каріи—юго-западной области Малой Азіи.

непрестанными бдѣніями и тяжелыми веригами. Послѣ немалыхъ подвиговъ въ одной пустынной мѣстности онъ пришелъ на гору Латру въ Малой Азіи[1]), гдѣ умертвилъ молитвою и крестнымъ знаменіемъ смертоноснаго аспида[2]), потомъ переселился въ монастырь Келливарскій[3]), гдѣ былъ сдѣланъ игуменомъ, но изъ него удалился въ одну пещеру, откуда молитвою прогналъ заходившихъ дикихъ звѣрей. Къ нему собрались братія, коихъ онъ руководилъ спасительнымъ примѣромъ собственнаго житія и душеполезными наставленіями. Цѣлую недѣлю преподобный обыкновенно затворялся въ своей тѣсной келліи въ глубокомъ безмолвіи и уединеніи; въ воскресные же дни поучалъ братію и принималъ пищу. Столь тяжкими и многотрудными своими подвигами и добродѣтельною жизнію онъ достигъ такого совершенства, что питаемъ былъ Ангеломъ, жезломъ своимъ превратилъ горькія воды въ сладкія и, сотворивъ многія другія чудеса, скончался мирно среди братіи[4]).

[1]) *Гора Латра*—собственно Латмосъ, горная цѣпь въ Каріи, отдѣляющая береговую полосу у Средиземнаго моря отъ внутреннихъ областей Малой Азіи близъ городовъ Милета и Амисона; наименованіе Латросъ, что значитъ «гора службы», получила оттого, что здѣсь находилось 11 православныхъ монастырей, управлявшихся въ средніе вѣка однимъ архимандритомъ. Подъ турецкимъ владычествомъ монастыри были уничтожены. Теперь гора называется «Бешъ-Пармакъ-Дагъ» (т. е. «гора пяти пальцевъ», отъ пяти своихъ вершинъ).

[2]) *Аспидъ* — особый видъ змѣи, ядъ которой весьма силенъ и часто смертоносенъ.

[3]) Въ Каріи, на юго-западѣ Малой Азіи.

[4]) Время жизни *преп. Арсенія Латрскаго* точно неизвѣстно; приблизительно предполагаютъ его между VIII—X вѣками.

День четырнадцатый

СТРАДАНІЕ

СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ѲИРСА, ЛЕВКІЯ, КАЛЛИНИКА, ФИЛИМОНА, АПОЛЛОНІЯ

и прочихъ съ ними

Святые мученики Ѳирсъ, Левкій и Каллиникъ родились въ Виѳинской области[1]), а воспитались въ городѣ Кесаріи[2]). Пострадали они за Христа въ царствованіе императора Декія[3]) слѣдующимъ образомъ.

Одинъ изъ областныхъ правителей, по имени Кумврикій, прибылъ въ Кесарію изъ Никомидіи[4]) и ревностно утверждалъ здѣсь идолопоклонство, усердно заботясь объ идольскихъ капищахъ и жертвахъ и о всемъ, что̀ было пріятно врагу человѣческаго рода— діаволу. Къ тому же онъ принуждалъ и всѣхъ мѣстныхъ жителей, однихъ привлекая ласкою, другихъ — устрашая угрозами. Между тѣмъ въ числѣ кесарійскихъ гражданъ былъ нѣкто Левкій, человѣкъ честный, разумный, ученый и благородный. При видѣ совершаю-

---

[1]) *Виѳинія* — провинція Римскаго государства, на сѣверо-западѣ Малой Азіи.

[2]) Здѣсь разумѣется *Кесарія Палестинская*. См. о ней на стр. 249 прим. 7.

[3]) Царствовалъ съ 249 по 251 годъ по Р. Хр.

[4]) *Никомидія* — городъ въ Виѳиніи. Позднѣе, во времена Діоклетіана и Константина Великаго, былъ мѣстопребываніемъ Римскихъ императоровъ.

Ст҃іи мч҃нцы
Ѧ́ѵрсъ, Левкі́й и Калаї́нікъ

щихся беззаконій онъ сильно болѣлъ душою и разгорался все болѣе ревностію по Богѣ. Наконецъ, онъ не въ силахъ былъ таить долѣе горѣвшій въ душѣ его пламень ревности и не захотѣлъ болѣе скрывать исповѣдуемую имъ истинную вѣру. Неожиданно явился онъ къ правителю и сказалъ:

— Зачѣмъ, Кумврикій, вооружаешься ты, несчастный, на свою собственную душу, почитая безчувственныхъ и глухихъ идоловъ, и увлекаешь за собою къ тому же печальному заблужденію множество другихъ людей? Такіе люди представляются болѣе безчувственными, чѣмъ камни и деревья, ибо не хотятъ познать своего Истиннаго Бога и Спасителя и не желаютъ ходить во свѣтѣ, покинувъ тьму заблужденій.

Безумный правитель, не вынося высказываемой ему Истины, пришелъ въ ярость отъ этихъ словъ и тотчасъ же, безъ всякаго допроса велѣлъ подвергнуть Левкія біенію. Но Левкій, добровольно принимая мученія, благодарилъ Бога и тѣмъ привелъ мучителя въ еще большую ярость, за что и былъ подвергнутъ истязаніямъ до тѣхъ поръ, пока не обезсилѣли бившіе. Тѣло его, сокрушенное побоями, изнемогло, и онъ молился о полномъ освобожденіи своемъ отъ тѣла, желая преставиться ко Господу. Исполненію сего желанія способствовалъ самъ правитель, который велѣлъ вывести мученика за городъ и отсѣчь ему голову. Когда мучители вели святаго на казнь, онъ шелъ безъ всякаго страха и смущенія, ничѣмъ не обнаруживая въ лицѣ своемъ боли и муки, но весь сіялъ радостію и блаженствомъ, какъ будто его вели не на казнь, а на вѣнчаніе. Далеко за городомъ ему отсѣкли голову, и онъ отошелъ на Небеса принять за подвигъ свой вѣнецъ нетлѣнный.

Слухъ о жестокости Кумврикія скоро распространился по всѣмъ окрестнымъ странамъ, и христіане стали скрываться изъ страха предъ его свирѣпостію. Но блаженный Ѳирсъ (хотя онъ и не былъ еще крещенъ, а только состоялъ въ числѣ оглашенныхъ), вооружившись ревностію по Богѣ, явился къ мучителю и сказалъ:

— Привѣтъ тебѣ, свѣтлѣйшій правитель!

И когда тотъ отвѣчалъ ему взаимнымъ привѣтствіемъ, Ѳирсъ продолжалъ:

— Можно ли каждому предъ вами, судьями, говорить—что̀ онъ хочетъ, или же до́лжно дожидаться вашего приказанія и безъ того не произносить ни одного звука?

Правитель, какъ бы забывъ, что̀ онъ сдѣлалъ съ Левкіемъ, отвѣчалъ:

— Можно, и до сего дня эта свобода говорить не отнималась ни у кого, особенно если предстоитъ сказать что-либо, клонящееся къ общей пользѣ.

Тогда Ѳирсъ сказалъ:

— Что̀ же можно сказать полезнѣе того, что̀ полезно для души? И вотъ, я вижу, что ты многихъ утѣсняешь и лишаешь спасенія, отвлекая ихъ отъ истинной вѣры и по злобѣ своей привлекая къ служенію идоламъ. Чрезъ сіе ты на свою душу разжигаешь всю геенну огненную. Посему я рѣшился смѣло и свободно говорить съ тобою и узнать отъ тебя, ради чего ты поставилъ закономъ, оставивъ Создателя Неба и земли, и всѣхъ людей,—поклоняться дѣлу рукъ человѣческихъ, какъ бы говоря дереву: «ты мой отецъ» (какъ обличаетъ идолопоклонниковъ и святый Пророкъ Іеремія[1]) и камню: «ты меня родилъ?» И ради чего вся забота твоя—о томъ, чтобы убѣдить всѣхъ людей (если бы это было возможно) раздѣлить съ тобою твой пагубный образъ мыслей.

На это правитель сказалъ:

— Твоя несвоевременная и неумѣстная рѣчь показываетъ, что ты зараженъ христіанствомъ. Впрочемъ, предоставь эти суетные вопросы и ихъ ложныя рѣшенія тѣмъ людямъ, которые занимаются въ школахъ и не преданы попеченіямъ о дѣлахъ народныхъ, а теперь повинуйся императорскому приказанію и принеси жертву богамъ. Если же не исполнишь сего, то получишь отъ насъ возмездіе за свои слова—въ приготовленныхъ для тебя мученіяхъ.

— Такъ какъ вы—разумныя созданія Божіи,—отвѣчалъ святый,—то вамъ не до̀лжно совершать что-либо неразумно и безъ тщательнаго разслѣдованія. Но если ты хочешь повиноваться безумному повелѣнію твоего царя, то дѣлай, что тебѣ повелѣно.

Кумврикій сказалъ:

— Я думаю, что тебя дѣлаетъ такимъ заносчивымъ наша снисходительность. Но, видя, что ты человѣкъ разсудительный и умный, я совѣтую тебѣ оказать послушаніе и тѣмъ избѣжать мученій. Итакъ, ступай къ жертвеннику и воздай до̀лжное богамъ, ибо такимъ образомъ ты получишь прощеніе прежней своей вины, сдѣлаешься другомъ великаго царя и всю остальную жизнь свою проведешь съ нами въ великой чести.

[1]) Кн. Прор. Іерем., гл. 2, ст. 27.

— Много размышлялъ я о настоящемъ дѣлѣ, — отвѣчалъ блаженный,— и не думай, что ты засталъ меня неподготовленнымъ и не обдумавшимъ всего заранѣе. Вѣдь я сначала долгое время обсуждалъ все самъ съ собою и послѣ тщательнаго изслѣдованія убѣдился, что ваши боги суть бездушные идолы и храмы ихъ—нечисты; и я посмѣялся надъ ними и избралъ чистую и истинную христіанскую вѣру. Итакъ, не медли исполнить то, что тебѣ приказано царемъ относительно насъ, христіанъ.

Ст҃іи мч҃ницы
Фїлимѡ́нъ и Аполлѡ́нїй

Эти слова святаго привели мучителя въ ярость, и онъ тотчасъ же велѣлъ нѣкоторымъ изъ своихъ слугъ, отличавшимся силою, крѣпко бить святаго кулаками, а затѣмъ—привязать къ его рукамъ и ногамъ ремни и тянуть его изо всѣхъ силъ въ разныя стороны. Когда это было сдѣлано, члены тѣла его выходили и вырывались изъ суставовъ, но мученикъ терпѣливо и съ свѣтлымъ взоромъ переносилъ это. Мучитель приказалъ выколоть ему гвоздями глаза, перебить челюсти и выбить зубы мѣдными молотками. Святый же и среди мученій смѣялся надъ мучителемъ и тѣмъ еще болѣе раздражалъ его. Кумврикій приказалъ растопить олово, приготовить желѣзный одръ и положить на немъ мученика лицомъ внизъ, а самъ призвалъ своихъ волхвовъ и увѣщателей, дабы они обольстили мученика словами. Они стали уговаривать святаго, чтобы онъ, хотя бы только на время и наружно, оказалъ повиновеніе правителю.

— Чрезъ это,—говорили они,—ты избавишься отъ лютыхъ мученій и получишь многія блага, а твой Богъ проститъ тебя,

зная немощь человѣческой природы, и не прогнѣвается, будучи, какъ мы слышали, благъ и многомилостивъ.

Мученикъ отвѣчалъ:

— Потому-то я и терплю муки за Бога моего, что Онъ благъ и многомилостивъ: ибо, если вы, хотя и слышите о безконечныхъ мученіяхъ, васъ ожидающихъ, однако не обращаетесь отъ заблужденій на путь истинный, то почему же мнѣ не претерпѣть мужественно временныхъ страданій, воздаяніемъ за которыя будетъ Царство Небесное.

Послѣ такихъ словъ мученика его стали поливать кипящимъ оловомъ. Но принесенное въ котлѣ олово мгновенно разлилось потокомъ, обожгло и погубило многихъ изъ язычниковъ, стоявшихъ около. Святый же всталъ съ ложа невредимымъ и совершенно здравымъ, и глаза его снова стали видѣть по-прежнему. При видѣ сего чуда всѣ пришли въ ужасъ, и самъ правитель былъ крайне изумленъ. Однако, хотя ему и дóлжно было бы познать Того, Кто сотворилъ все бывшее, онъ по своей винѣ пребывалъ въ ослѣпленіи ума; такъ сбылись надъ нимъ слова Писанія: **видѣ́сте мно́гажды, и҆ не сохрани́сте: ѿве́рсты ᲂу҆́шы и҆мꙋ́ще, и҆ не слы́шасте**[1]).—И еще болѣе разгнѣвался онъ на мученика и, назвавши его волхвомъ и чародѣемъ, подвергъ его еще большимъ мученіямъ. Но святый все переносилъ мужественно; и слышанъ былъ свыше нѣкій укрѣпляющій подвижника Гласъ, которымъ язычники были приведены въ великій страхъ, а вѣрующіе утверждены въ вѣрѣ.

Убоявшись продолжать мученія во стыдъ себѣ, мучитель велѣлъ связать мученика и бросить въ темницу, а самъ отправился домой, раздумывая, какими бы еще болѣе жестокими мученіями истязать Ѳирса. Между тѣмъ, святый въ темницѣ усердно молился, чтобы Богъ сподобилъ его Святаго Крещенія. И вотъ внезапно, по благодати Божіей, ночью узы его развязались, и темничныя двери открылись сами собою. Выйдя изъ темницы, святый отправился къ епископу Кесарійскому, скрывавшемуся тогда отъ гоненія. Епископъ, увидѣвъ мученика, тотчасъ же палъ къ его ногамъ, ибо слышалъ уже о его мужествѣ и терпѣніи и чрезвычайно почиталъ его. Но мученикъ, поднявъ епископа и самъ припадая къ его ногамъ, говорилъ:

— Не дѣлай сего, честнѣйшій отче! Не предвосхищай поклоненія, которое долженъ воздать тебѣ я, ибо не благословить пришелъ я, а принять благословеніе.

[1]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 42, ст. 20.

Епископъ сказалъ ему:

— Тебѣ дòлжно благословить насъ — какъ явно показавшему великую силу добродѣтели и облекшемуся въ свѣтлѣйшую ризу Духа чрезъ то, что ты претерпѣлъ столь лютыя муки.

— Затѣмъ я и пришелъ сюда,—отвѣчалъ мученикъ,—чтобы облечься въ ризу нетлѣнія, возродившись водою и Духомъ, ибо я еще не сподобился Святаго Крещенія. Итакъ, исполни не медля желаніе мое и соверши надо мною Крещеніе.

Епископъ тотчасъ же крестилъ Ѳирса, который, вышедши изъ купели, воскликнулъ:

— Господи Іисусе Христе, Боже мой, сподобившій меня возродиться водою и Духомъ! Дай и мнѣ чрезъ страданіе сподобиться Крещенія, которымъ крестился Ты, и, испивъ Твою чашу страданій, быть причастникомъ Твоей смерти.

Затѣмъ, побесѣдовавъ съ епископомъ и простившись съ нимъ, Христовъ страдалецъ возвратился въ темницу, при чемъ ему предшествовалъ чудесный свѣтъ, а вслѣдъ за нимъ шли святые Ангелы, какъ ясно видѣли нѣкоторые изъ достойныхъ. Въ темницѣ онъ проводилъ время въ обычныхъ молитвахъ.

Въ это время одинъ сановникъ, по имени Сильванъ, родомъ персъ, человѣкъ жестокій и немилосердный, желая показать себя благожелателемъ и единомышленникомъ императора, просилъ послѣдняго даровать ему, Сильвану, власть изслѣдовать, дѣйствительно ли исполняютъ царскія повелѣнія мучители, поставленные для погибели христіанъ. Получивъ эту власть, онъ прибылъ въ Никею[1]) и Кесарію, всюду принося жертвы идоламъ и запечатлѣвая идольскіе праздники христіанскою кровію. Ему, между прочимъ, доложено было и относительно великаго Ѳирса, что онъ не можетъ быть побѣжденъ[2]) никакими мученіями и въ то же время изумляетъ людей знаменіями и чудесами. Тотчасъ же Сильванъ приказалъ привести его къ себѣ, а самъ сталъ совершать жертвоприношенія главному языческому богу Зевсу. На слѣдующій день онъ вмѣстѣ съ Кумврикіемъ сѣлъ на судейскомъ мѣстѣ и, призвавши Ѳирса, сначала велѣлъ прочитать во всеуслышаніе прежній его допросъ, а затѣмъ сказалъ мученику:

---

[1]) *Никея*—городъ въ западной части Виѳиніи; здѣсь были I-й и VII-й Вселенскіе Соборы (325 и 787 гг.)

[2]) Т. е., невозможно заставить его принести жертву идоламъ.

— Не думай, Ѳирсъ, что ты будешь страдать по-прежнему: ты примешь еще болѣе жестокія мученія, если останешься при своемъ упорствѣ.

Мученикъ отвѣчалъ:

— Тотъ, Кто далъ мнѣ силы перенести всѣ прежнія муки, Господь мой Іисусъ Христосъ, и нынѣ предстоитъ предо мною, избавляя меня изъ вашихъ рукъ, ибо Ему Единому я служу и Его Одного признаю за Бога, а вашихъ языческихъ идоловъ и боговъ считаю полнымъ заблужденіемъ. Впрочемъ, если ты желаешь склонить меня къ принесенію жертвы не принужденіемъ и насиліемъ, а благоразумнымъ совѣтомъ, добровольно, то скажи: кому и какъ долженъ я принести жертву? А я, увидѣвъ справедливость твоихъ словъ, охотно покорюсь и не буду напрасно противиться истинѣ.

Тогда Сильванъ взялъ святаго за руку и сказалъ:

— Пойдемъ въ храмъ, и тамъ тебѣ будетъ показано, кому ты долженъ будешь принести жертву.

Когда они пришли въ храмъ Аполлона, находившійся вблизи Сильванъ, указывая рукою на идола, сказалъ:

— Вотъ—богъ, котораго мы почитаемъ, и если ты, Ѳирсъ, помолишься ему, принеся жертву, то пріобрѣтешь себѣ великаго хранителя и получишь благодать у прочихъ боговъ.

Мученикъ сказалъ:

— Смотри же, какую я ему принесу жертву и какъ буду умолять его.

И когда всѣ со вниманіемъ обратили на него взоры, онъ, воздѣвши руки и возведши очи къ Небу, призвалъ неисповѣдимую силу Божію; внезапно загремѣлъ громъ, и идолъ Аполлона упалъ на землю и разсыпался въ прахъ. Святый же мученикъ, обратившись къ стоящимъ около, сказалъ:

— Смотрите: ваши боги суть только созданіе человѣческое и не могутъ вынести даже Имени Истиннаго Бога.

Сильванъ, пришедшій въ ярость, сказалъ на это:

— Я твое волшебство вконецъ уничтожу и истреблю.

И тотчасъ онъ велѣлъ острыми желѣзными гребнями терзать тѣло мученика до костей, такъ что плоть святаго кусками отпадала на землю, а мучитель говорилъ:

— Гдѣ же Богъ—помощникъ твой, Котораго ты чтишь и на Котораго надѣешься?

Мученикъ отвѣчалъ:

— Неужели ты не видишь дѣйствующую во мнѣ силу Христову, явно укрѣпляющую меня противъ вашихъ нападеній? Какимъ образомъ земное и немощное тѣло могло бы перенести такія муки, если бы не была подаваема ему Божественная помощь свыше?

Тогда Сильванъ приказалъ принести огромный котелъ, наполнить его водою и развести подъ нимъ огонь. Когда котелъ сильно закипѣлъ, мученика связали по ногамъ веревкою и опустили внизъ головою въ кипящую воду. Но святый призвалъ Имя Христово, и котелъ распался, вода разлилась, а самъ онъ остался невредимъ. Мучитель былъ посрамленъ и пришелъ въ ярость; но такъ какъ у него были еще и другія общественныя дѣла, то онъ велѣлъ отвести мученика въ темницу.

Вскорѣ Сильванъ вмѣстѣ съ Кумврикіемъ отправился въ приморскій городъ Апамею[1]), приказавъ вести за собою и святаго—связаннаго. Приблизившись къ городу, онъ остановился и, призвавъ къ себѣ мученика, сказалъ:

— Здѣсь, Ѳирсъ, или дай обѣщаніе принести жертву богамъ — и ты останешься живъ, или же ты лютымъ образомъ будешь лишенъ жизни.

Святый въ отвѣтъ сказалъ ему то же самое, что говорилъ и раньше, и при этомъ прибавилъ въ заключеніе:

— Скорѣе души ваши исторгнутся у васъ.

Мучители еще болѣе разгнѣвались на Ѳирса, велѣли влечь его съ побоями въ городъ и тамъ бросить за его, какъ они говорили, волшебства въ море, дабы онъ принялъ мучительную погибель и даже не удостоился по смерти обычнаго погребенія. Но не успѣли они еще войти въ городъ, какъ начало исполняться пророчество мученика: Сильванъ внезапно обезсилѣлъ, а Кумврикій заболѣлъ лихорадкою, и на четвертый день оба они жалкимъ образомъ окончили жизнь. Говорятъ, что даже земля не принимала ихъ нечистыхъ тѣлъ до тѣхъ поръ, пока не помолился о томъ святый мученикъ. И оставался святый въ Апамеѣ двадцать три дня, находясь въ узахъ, до прибытія новаго правителя.

Прибылъ новый правитель, по имени Вавда, характеромъ и злобою къ христіанамъ подобный своимъ предшественникамъ.

---

[1]) *Апамея*—городъ въ Виѳиніи, въ 1/4 часа пути отъ южнаго берега Кіанійскаго залива, съ гаванью.

Разсмотрѣвъ дѣла прежнихъ правителей и узнавъ о мученикѣ Ѳирсѣ, онъ призвалъ его на допросъ. Святый оказался по-прежнему непоколебимъ въ вѣрѣ христіанской и по-прежнему отказался повиноваться нечестивымъ требованіямъ языческимъ. Вавда приказалъ зашить его связаннымъ въ мѣхъ и бросить въ море за тридцать стадій [1]) отъ берега. Но мѣхъ внезапно разорвался, узы развязались, и видно было множество свѣтоносныхъ мужей, ходившихъ по морю, которые, взявъ мученика, вывели его на сушу. При видѣ сего слуги правителя въ страхѣ побѣжали къ нему и разсказали о случившемся. Тогда онъ самъ пошелъ на берегъ и, нашедши тамъ мученика, который стоялъ одинъ, сказалъ ему:

— Правда, удивительны ваши христіанскія волшебства и чары, если и само море повинуется вамъ, какъ я вижу, и если вы у самихъ законовъ природы отнимаете силу. Но, несмотря на то, никакія волшебства не помогутъ вамъ и будутъ для васъ только причиною еще болѣе жестокихъ мученій и лютой смерти.

Мученикъ отвѣчалъ:

— Долго ли ты останешься ослѣпленнымъ и, подобно своимъ богамъ, не будешь видѣть, имѣя очи? Какъ можетъ кто-либо волхвованіемъ поработить себѣ законы природы? Кто изъ вашихъ волхвовъ или изъ почитаемыхъ вами боговъ, въ которыхъ все суть обольщеніе волшебное и обманъ,—кто изъ нихъ сдѣлалъ такъ, чтобы человѣкъ, брошенный въ море, былъ поднятъ руками Ангеловъ и, невредимый и здоровый, ходя по морю, какъ по суху, вышелъ на землю?

Правитель велѣлъ схватить мученика, связаннаго вести за собою и при этомъ крѣпко бить палками, а самъ отправился въ Кесарію. Жители Кесаріи, узнавъ, что къ нимъ идетъ новый правитель и ведетъ съ собою святаго мученика Ѳирса, всѣ вышли изъ города, какъ будто для встрѣчи правителя, на самомъ же дѣлѣ—чтобы посмотрѣть на страдальца Христова, котораго всѣ хотѣли видѣть. Какъ только всѣ вступили въ городъ, мученикъ тотчасъ же былъ брошенъ въ темницу. Правитель долго раздумывалъ, какому бы роду казни подвергнуть мученика, и, наконецъ, рѣшилъ отдать его на съѣденіе звѣрямъ, находя эту смерть наиболѣе мучительною. Онъ велѣлъ собрать самыхъ свирѣпыхъ

---

[1]) *Стадія*—мѣра длины, равная приблизительно 88 саженямъ; 30 стадій—немного болѣе 4 верстъ.

звѣрей всякаго рода и морить ихъ голодомъ, чтобы они стремительнѣе бросились растерзать осужденнаго.

Когда въ теченіе 30 дней звѣри были подготовлены, мучитель собралъ весь народъ ко храму Зевса и принесъ ему торжественное жертвоприношеніе. Затѣмъ велѣлъ вывести изъ темницы Ѳирса, осужденнаго на съѣденіе звѣрямъ.

Между тѣмъ святаго, по тайному приказанію правителя, посѣщали въ заключеніи многіе друзья и знакомые и умоляли его смиловаться надъ самимъ собою и избѣжать страшной смерти, исполнивъ то, чего отъ него требовали.

— Такимъ образомъ,—говорили они,—ты избавишься отъ погибели, удостоишься почестей и сдѣлаешься угоденъ царю.

Но святый былъ, по слову Давида, **ꙗ҆́кѡ глꙋ́хъ не слы́шай, и҆ ꙗ҆́кѡ нѣ́мъ не ѿверза́й ᲂу҆́стъ свои́хъ**[1]). Когда же его привели къ правителю, который въ то время приносилъ жертвы, тотъ сказалъ ему:

— Мы были слишкомъ милостивы, давъ тебѣ столько времени на размышленіе. Итакъ, если желаешь себѣ пользы, то теперь, когда видишь все свое отечество приносящимъ жертвы великому богу Зевсу,—приступи и ты и принеси жертву, чтобы тебѣ избавиться отъ погибели. Если же нѣтъ, то когти и зубы звѣрей растерзаютъ тебя, и никто не поможетъ тебѣ и не избавитъ тебя отъ бѣды.

Мученикъ сдѣлалъ видъ, что онъ согласенъ, и сказалъ:

— Я давно уже рѣшилъ принести жертву вмѣстѣ съ своими согражданами. Но какъ бы не прогнѣвался Аполлонъ, если я, миновавъ его, принесу жертву одному только Зевсу.

Услышавъ это, правитель обрадовался и сказалъ:

— Принеси жертву одному только Зевсу, а я тебѣ порукою въ томъ, что ни одинъ изъ остальныхъ боговъ не разгнѣвается на тебя.

Мученикъ на глазахъ у всѣхъ приблизился къ идолу Зевса и, когда сотворилъ про себя молитву Истинному Богу, сдѣлалось страшное землетрясеніе, и идолъ Зевса упалъ на землю. Язычники въ страхѣ разбѣжались, и одинъ только мученикъ остался въ храмѣ. Исполненный ярости, мучитель велѣлъ вести святаго на съѣденіе звѣрямъ.

---

[1]) Псал. 37, ст. 14.

На зрѣлище это сошлось множество народа, и когда выпустили на святаго звѣрей, казалось, что онъ стоитъ среди звѣрей не одинъ, а съ какими-то другими тремя лицами; и звѣри ходили кругомъ него и кротко ласкались къ нему, какъ будто давно знали его. Онъ же, воздѣвъ руки кверху, сказалъ:

— Благодарю Тебя, Господи Іисусе Христе, за то, что прославилъ Ты во мнѣ Имя Твое Святое и явилъ на мнѣ милость Твою, заградивъ предо мною уста звѣрямъ, какъ нѣкогда предъ Даніиломъ, рабомъ Твоимъ. Ты, Владыко, какъ тогда, такъ и нынѣ творящій чудеса, сотвори такъ, чтобы дикіе звѣри эти ушли каждый въ свое жилище, не причинивъ вреда никому изъ находящихся здѣсь!

Затѣмъ, помолившись, онъ сказалъ звѣрямъ:

— Во Имя Истиннаго Бога, возвратитесь въ пустыню, каждый въ свое логовище, откуда вы выведены, и не причиняйте никому вреда.

И тотчасъ звѣри убѣжали, причемъ двери раскрылись предъ ними сами собою. Всѣ присутствовавшіе въ страхѣ разбѣжались, кто куда могъ, боясь вырвавшихся звѣрей, которые, однако, сами стремительно бросились бѣжать въ пустыню. При видѣ этого чуда многіе изъ язычниковъ обратились ко Христу.

Вавда, не зная, что дѣлать, повелѣлъ опять связать святаго и бросить его въ темницу. Но чрезъ нѣсколько дней, отправляясь въ городъ Аполлонію, отстоявшій недалеко отъ Кесаріи, велѣлъ и Ѳирса вести туда вслѣдъ за собою. Прибывъ въ Аполлонію, Вавда устроилъ тамъ въ храмѣ Аполлона всенародный праздникъ. Храмъ же этотъ былъ наполненъ идолами. Приведя туда Ѳирса, Вавда велѣлъ больно бить его предъ идолами палками. Но святый, терпѣливо перенося удары, какъ будто они наносились ему не въ дѣйствительности, а во снѣ, молился Богу, изсушающему бездны и ниспровергающему горы единымъ мановеніемъ.

— Да будетъ на мнѣ,—говорилъ онъ,—рука Твоя, Господи, не удали помощи Твоей отъ меня, но призри на меня и защити меня, дабы не постыдиться мнѣ, ибо я Тебя призвалъ.

Когда онъ помолился такимъ образомъ, внезапно произошло землетрясеніе въ городѣ, правителя постигла болѣзнь, руки бившихъ святаго ослабѣли, и многіе идолы попадали на землю и валялись, разбитые въ куски. А Ѳирсъ, полный радости по Богѣ, смѣялся надъ идолами и надъ мучителемъ и говорилъ:

— Что же ты не поможешь своимъ богамъ, валяющимся въ такомъ безчестіи на землѣ и просящимъ у тебя помощи, но оставляешь ихъ, брошенныхъ, на глазахъ у всѣхъ—на посмѣшище тѣмъ, кто не ослѣпленъ?

Хотя правитель и страдалъ отъ тяжкой болѣзни, но злоба его сохранилась во всей силѣ, и потому онъ сказалъ:

— Волхвованія мерзкаго Ѳирса дѣлаютъ для меня жизнь тяжелѣе смерти!

Въ это время въ Аполлоніи находился языческій жрецъ Каллиникъ. Видя съ самаго начала чудеса, совершаемыя святымъ мученикомъ Ѳирсомъ, онъ сталъ сознавать безсиліе своихъ боговъ. Пріемля въ свое сердце сѣмя истинной вѣры, онъ говорилъ въ себѣ:

— Боже, Ѳирсомъ проповѣдуемый, творящій дивныя и славныя чудеса! Ты и меня, какъ новоизбраннаго воина, пріими и укрѣпи и утверди противъ возстающихъ на Истину Твою!

Такъ бесѣдуя тайно съ Богомъ, онъ явился къ правителю и хитроумно посмѣялся надъ нимъ.

— Свѣтлѣйшій правитель,—сказалъ онъ—человѣкъ тотъ, претерпѣвая жестокія мученія, низвергъ на землю и уничтожилъ величайшаго бога Зевса, солнценоснаго Аполлона сокрушилъ уже въ третій разъ и самого Геркулеса[1]), непобѣдимаго въ брани, низложилъ—не руками, не оружіемъ, не мечомъ, а однимъ только словомъ и призываніемъ Христа, претерпѣвшаго крестъ и смерть. Итакъ, если угодно твоему могуществу, возстановимъ бога Геркулеса, помогающаго нѣкоторымъ въ бѣдахъ, и будемъ умолять его, чтобы, припомнивъ свое прежнее мужество, онъ пришелъ и помогъ такъ сильно обиженнымъ Зевсу—отцу и божественному Аполлону: ибо сами они, мнѣ кажется, спятъ крѣпкимъ сномъ.

Правитель, не понявъ насмѣшки, сказалъ:

— Такъ какъ я боленъ, то ступай одинъ, умоляй за насъ боговъ и возбуди ихъ скорѣе противъ этого чародѣя Ѳирса.

Каллиникъ же продолжалъ:

— Но я думаю, что велика сила Бога, низвергшаго ихъ, и боюсь, что наши боги не въ силахъ будутъ помочь даже и себѣ самимъ.

---

[1]) *Геркулесъ* —по вѣрованію древнихъ Грековъ, одинъ изъ богатырей греческихъ, отличавшійся необычайною силою и мужествомъ, совершившій множество подвиговъ и по смерти сдѣлавшійся полубогомъ.

Тогда правитель, понявъ, наконецъ, истинный смыслъ словъ Каллиника, сказалъ:

— Ужели и ты, Каллиникъ, обольщенъ волшебствомъ этого чародѣя?

Каллиникъ, не желая ни продолжать начатый разговоръ, ни скрывать долѣе свою вѣру, тотчасъ же отправился домой, остригъ волосы на головѣ и бороду, снялъ одежды своего сана и, принесши все это къ правителю, бросилъ къ его ногамъ.

— Возьми, правитель,—сказалъ онъ,—мои волосы и одежды, оскверненныя смрадомъ и дымомъ жертвъ, пролитіемъ крови и діавольскими таинствами: вмѣстѣ съ ними я отвергаю свое прежнее заблужденіе и начинаю новую жизнь, ибо я—уже христіанинъ.

Правитель былъ чрезвычайно удивленъ этой неожиданною перемѣною въ Каллиникѣ.

— Что съ тобою, Каллиникъ?—говорилъ онъ.—Развѣ чудеса этого чародѣя возымѣли надъ тобою такую силу, что даже твою благородную душу—душу служителя боговъ, получившаго отъ нихъ многія милости, отвратили отъ вѣры отцовъ и вовлекли въ окончательную погибель?

Каллиникъ сказалъ:

— Въ перемѣнѣ моей болѣе всего виновенъ самъ Геркулесъ, который совершивъ, какъ разсказывается о немъ, столько побѣдъ, теперь не могъ противостоять одному слову сего мужа и палъ столь жалкимъ образомъ, показывая, что смѣха достойны тѣ басни, которыя извѣстны у людей о немъ и о прочихъ богахъ.

— Вовсе нѣтъ,—возразилъ правитель:—но ты прельстился волшебствомъ Ѳирса и надѣешься, что и самъ ты посредствомъ чаръ будешь творить такія же чудеса. Однако, ни тому волхву, ни тебѣ христіанскія волшебства не принесутъ пользы, если ты не раскаешься и не воздашь по-прежнему чести богамъ.

Каллиникъ, желая явнымъ образомъ посрамить неразуміе правителя и твердо надѣясь, что и съ нимъ, Каллиникомъ, будетъ Богъ, какъ и съ Ѳирсомъ, сказалъ:

— Такъ какъ ты, правитель, въ настоящее время боленъ, а меня считаешь обольщеннымъ чарами, то обратимся, если тебѣ угодно, къ великому Асклипію[1]) и вмѣстѣ помолимся ему о твоемъ

---

[1]) *Асклипій* (*Эскулапъ*)—греческій врачъ, жившій въ глубокой древности; по вѣрованію Грековъ, онъ по смерти, подобно Геркулесу, причисленъ былъ къ сонму боговъ.

выздоровленіи: тогда ты узнаешь, что я не обольщенъ никакимъ волшебствомъ.

Правитель, не уразумѣвъ, какъ слѣдуетъ, словъ Каллиника и думая, что жрецъ снова возвращается къ своимъ богамъ, тотчасъ пошелъ съ нимъ въ храмъ. Когда они вошли туда, Каллиникъ началъ молиться въ душѣ, говоря:

— Господи Іисусе Христе, познанный мною какъ Богъ Истинный чрезъ раба Твоего Ѳирса и безъ числа мною прогнѣванный и, несмотря на то, не отвергшій меня! Возстани нынѣ въ помощь мнѣ и яви во мнѣ силу Твою!

Когда онъ такъ говорилъ про себя, послышался нѣкій Гласъ свыше, укрѣпляющій его и призывающій къ подвигу. И онъ, исполнившись дерзновенія и призвавъ Имя Христово, сталъ поносить идола Асклипія, и тотчасъ идолъ, какъ бы сверженный сильною рукою, упалъ къ его ногамъ. Тогда Каллиникъ, взглянувъ на правителя, сказалъ ему съ насмѣшкою:

— Видишь самъ, что богъ твой не можетъ встать, если ты самъ не поднимешь его. Убѣдись же, что это—не волшебство, а дѣйствіе чрезъ меня силы Божественной.

Но правитель, хотя въ душѣ скорбѣлъ о томъ и сожалѣлъ Каллиника, однако велѣлъ заключить его въ темницу, а наутро издалъ смертный приговоръ ему и Ѳирсу въ такихъ словахъ:

«Каллиника, отпавшаго отъ служенія богамъ и отъ ихъ почитанія и приставшаго къ христіанской лжи, повелѣваю умертвить мечомъ; Ѳирса же, гордящагося своими чудесами и прельстившаго ими окаяннаго Каллиника, повелѣваю положить въ деревянный ящикъ и перепилить пилою.

Каллиникъ немедленно былъ выведенъ воинами на казнь. Онъ испросилъ себѣ времени на молитву и, послѣ продолжительной молитвы, былъ усѣченъ мечомъ. Затѣмъ, когда мучители положили святаго Ѳирса въ ящикъ и взяли пилу, чтобы перепилить его, то пила сдѣлалась въ рукахъ ихъ необычайно тяжелою, такъ что они едва могли поднять и водить ею, а между тѣмъ на деревѣ ящика она была такъ легка, что не оставалось даже слѣда отъ ея зубьевъ. Долго, до пота трудились мучители, но ничего не добились; наконецъ, ящикъ внезапно открылся, и святый вышелъ изъ него съ свѣтлымъ лицемъ, и сердце его было полно неземной радости. Стоявшіе вокругъ пришли въ ужасъ, и никто не смѣлъ коснуться святаго, ради совершившагося чуда. И былъ слышанъ

Гласъ свыше, призывавшій мученика къ небесной наградѣ. Уразумѣвъ, что наступилъ конецъ подвига, святый воздвигъ руки, а вмѣстѣ и умъ свой къ Небу и воскликнулъ:

— Благодарю Тебя, Господи Іисусе Христе, за то, что Ты меня недостойнаго принимаешь какъ наслѣдника благъ Твоихъ и поставляешь меня въ числѣ благоугодившихъ Тебѣ. Пріими же нынѣ въ мирѣ душу мою и введи ее во святыя обители Твои къ неизреченному блаженству, Тобою даруемому!

Затѣмъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, Ѳирсъ предалъ въ руцѣ Божіи святую душу свою. Такимъ образомъ, тотъ, котораго не могли умертвить многочисленныя жестокія мученія и истязанія, окончилъ жизнь свою естественною смертію.

По прошествіи многихъ лѣтъ воцарился жестокій Діоклетіанъ[1]), и опять повсюду разосланъ былъ императорскій указъ о томъ, чтобы всѣ принимали участіе въ поклоненіи идоламъ, а отказывающіеся предавались бы смерти. Въ то время въ Ѳиваидѣ[2]) правителемъ былъ нѣкто Арріанъ. Стараясь въ точности исполнить нечестивое повелѣніе жестокаго царя, онъ, во время пребыванія своего въ городѣ Антиноѣ, схватилъ двухъ знатныхъ христіанъ, Аскалона и Леонида, и, послѣ различныхъ мученій, предалъ ихъ смерти. Затѣмъ онъ велѣлъ схватить всѣхъ присутствовавшихъ тамъ христіанъ и, разложивъ передъ ними орудія пытки, сказалъ:

— Вотъ, двоякая участь ожидаетъ васъ: принесите жертвы богамъ, и тогда вы останетесь цѣлыми и свободными, если же откажетесь повиноваться, то будете преданы на мученія и даже на смерть.

Лишь только правитель сказалъ это, тотчасъ тридцать семь мужей, смѣло и единодушно выступивъ впередъ, изъявили готовность скорѣе умереть, чѣмъ повиноваться безбожному повелѣнію. Но, послѣ многочисленныхъ пытокъ, одинъ изъ нихъ, по имени Аполлоній, церковный чтецъ, отъ вида многоразличныхъ мученій пришелъ въ ужасъ и, то трепеталъ при мысли о предстоящихъ мученіяхъ, то боялся погубить свою душу, отпадши отъ Христа. Онъ сталъ раздумывать, какъ бы ему избѣгнуть и жертвы идоламъ, и лютыхъ мученій — такъ, чтобы и душу спасти отъ власти діавола, и тѣло избавить отъ рукъ мучителей. Въ то время, какъ онъ колебался такимъ образомъ, около него стоялъ одинъ язычникъ, по имени Филимонъ, служившій музыкантомъ у правителя.

---

[1]) Римскій императоръ, царствовавшій съ 284 по 305 годъ.

[2]) *Ѳиваида* — область въ южной части Египта.

Замѣтивъ его, Аполлоній подозвалъ къ себѣ и пообѣщалъ ему четыре золотыхъ монеты, если онъ, подъ видомъ его, Аполлонія, принесетъ жертвы, прикрывшись его одеждою, чтобы не быть узнаннымъ. Филимонъ согласился: одѣлся въ одежду Аполлонія и, прикрывъ лицо, пошелъ къ жертвеннику. Но Богъ, дивно промышляющій о спасеніи всѣхъ людей, восхотѣлъ привлечь къ себѣ чрезъ Аполлонія Филимона, а чрезъ Филимона Аполлонія. И когда Филимонъ въ одеждѣ Аполлонія приближался къ идольскому жертвеннику, въ сердцѣ его возсіялъ свѣтъ благодати Господней, и отверзлись его духовныя очи къ познанію Истины. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, какъ христіанинъ, онъ сталъ предъ правителемъ. Послѣдній спросилъ окружающихъ:

— Кто это?

Они отвѣтили ему:

— Одинъ изъ христіанъ.

Правитель велѣлъ ему принести жертву, но онъ громогласно воскликнулъ:

— Не принесу! Я—христіанинъ, рабъ Христа, Бога Живаго.

Правитель сказалъ:

— Развѣ ты не видалъ недавно, какія мученія претерпѣли Аскалонъ и Леонидъ и какою лютою смертію они погибли?

Филимонъ, подъ видомъ Аполлонія, отвѣчалъ:

— То самое именно, что Аскалонъ и Леонидъ, пострадавшіе недавно за Христа, оставили намъ примѣръ мужественнаго терпѣнія, это и было для меня побужденіемъ безбоязненно идти на муки. Къ сему побудило меня еще то чудо, которое совершилось на твоей ладьѣ, когда ты хотѣлъ переѣхать черезъ рѣку, а ладья остановилась посреди рѣки, на самой глубинѣ, и не могла дойти до берега—за то, что ты не хотѣлъ назвать Христа Богомъ[1]).

Тогда правитель велѣлъ призвать музыканта Филимона, надѣясь, что онъ своею игрою на флейтѣ очаруетъ и смягчитъ духъ христіанина, легко дастъ другое направленіе его мыслямъ и склонитъ его къ жертвоприношенію идоламъ. Не зналъ онъ, безумный,

---

[1]) О семъ чудѣ подробнѣе сообщается въ Минеяхъ-Четьихъ подъ 20 мая, когда отдѣльно празднуется память святаго мученика Аскалона. Чудо состояло въ томъ, что, по молитвѣ Аскалона, лодка съ правителемъ дважды, силою Божіею, останавливалась, не допуская его переѣхать чрезъ рѣку, когда онъ не соглашался исполнить требованіе святаго—исповѣдать Единаго Истиннаго Бога; и только тогда, когда Арріанъ подписалъ сіе на бумагѣ, хотя и противъ воли, лодка двинулась съ мѣста, и правитель переплылъ на другой берегъ.

что предъ нимъ и есть самъ Филимонъ и что онъ говоритъ своимъ настоящимъ голосомъ, такъ какъ ранѣе правитель слышалъ только игру его на различныхъ инструментахъ, а теперь услыхалъ его раздѣльную рѣчь, внушенную ему Духомъ Святымъ. Филимона, между тѣмъ, всюду искали и не нашли. Призвали брата его Ѳеона и стали спрашивать, гдѣ находится Филимонъ. Онъ же, узнавъ брата въ одеждѣ Аполлонія, но не зная ничего о происшедшемъ, сказалъ:

— Вотъ Филимонъ стоитъ передъ вами.

Правитель приказалъ открыть лицо стоящаго и, увидѣвъ Филимона, началъ громко смѣяться, думая, что Филимонъ сдѣлалъ это въ насмѣшку надъ христіанами и для того, чтобы потѣшить присутствующихъ. Затѣмъ онъ велѣлъ Филимону сбросить чужую одежду и идти вмѣстѣ съ нимъ къ жертвеннику. Но Филимонъ объявилъ, что онъ—дѣйствительно христіанинъ, и сталъ смѣяться надъ языческими богами. Судія былъ чрезвычайно удивленъ этимъ и, смотря на Филимона, воскликнулъ:

— Во имя благополучія народа римскаго,—правда ли то, что ты сейчасъ дѣлаешь и говоришь, Филимонъ, или это придумано тобою въ насмѣшку надъ христіанами?

Филимонъ отвѣчалъ:

— Клянусь не римскимъ благополучіемъ, а своимъ собственнымъ спасеніемъ и Владыкою моимъ Царемъ Христомъ, что я не смѣюсь надъ христіанами, а заявляю о дѣйствительной перемѣнѣ, происшедшей въ моемъ сердцѣ, и исповѣдую мою вѣру во Христа, и утверждаю, что за это исповѣданіе я готовъ умереть не одинъ разъ, а тысячи.

Эти слова привели правителя въ бѣшенство, и онъ, обратившись къ окружающимъ, спрашивалъ ихъ, нужно ли убить Филимона немедленно за то, что онъ всенародно поносилъ боговъ, или дать ему время на размышленіе и раскаяніе. Народъ, любившій Филимона за его прекрасную игру на флейтѣ, умолялъ правителя не губить утѣхи всего города. Тогда правитель сказалъ Филимону:

— Смотри, какъ любитъ тебя народъ: тебя называютъ *общей утѣхою*. Итакъ, хотя бы изъ благодарности за это, соверши привычное для тебя дѣло — принеси жертву богамъ, хранителямъ города. Вотъ, наступаетъ великое празднество, на которомъ и тебѣ слѣдуетъ на трубахъ и свирѣляхъ воздать хвалу богамъ, и тѣмъ возвеселить самого себя и усладить нашъ слухъ.

— Этотъ праздникъ вашъ,—сказалъ Филимонъ,—приводитъ мнѣ на память праздникъ, совершаемый на Небѣ, а звуки трубъ возбуждаютъ во мнѣ желаніе услышать ангельскія пѣснопѣнія. Знай же, что ты напрасно трудишься, стараясь отвратить меня отъ моего исповѣданія: такимъ путемъ ты не только не добьешься никакого успѣха, но, напротивъ, возбудишь въ моемъ сердцѣ еще большее стремленіе ко Христу.

Правитель сказалъ:

— Но если ты даже и претерпишь, какъ обѣщаешься, всѣ муки за Христа,—что̀ пріобрѣтешь ты этимъ, когда ты—не вполнѣ христіанинъ, такъ какъ не принялъ подобающаго по ихъ Закону Крещенія?

Услышавъ это, Филимонъ воскликнулъ:

— О да пребудетъ со мною огонь духовный, возжженный въ сердцѣ моемъ!.. Правитель! Какою благодарностію обязанъ я тебѣ за то, что ты, хотя и противъ своего желанія, облагодѣтельствовалъ меня, напомнивъ мнѣ о Святомъ Крещеніи!

Сказавъ это правителю, онъ вышелъ на средину собранія и громко возгласилъ:

— Если между вами есть іерей христіанскій и если онъ ради истинной вѣры пренебрегаетъ мученіями, то умоляю его: пусть идетъ скорѣе сюда и преподастъ мнѣ Святое Крещеніе!

Видя, что всѣ одержимы страхомъ и никто не отваживается подойти къ нему и объявить себя христіанскимъ священникомъ, онъ болѣлъ сердцемъ и, наконецъ, съ горячими слезами воззвалъ къ Богу:

— Боже мой, Господи Іисусе Христе, милостиво призрѣвшій на меня и воззвавшій меня изъ глубины заблужденія! Не оставь меня безъ Святаго Крещенія, но, какимъ вѣдаешь образомъ, пошли мнѣ іерея и воду, дабы я крестился, какъ и прочіе христіане!

Тотчасъ послѣ его молитвы спустилось сверху облако и, окруживъ трижды, оросило его дождемъ, знаменуя тѣмъ надъ нимъ Святое Крещеніе, и затѣмъ опять поднялось кверху. Всѣ пришли въ изумленіе; ослѣпленный же злобою правитель сказалъ, что это—волшебство и помраченіе очей.

Потомъ святый помолился о томъ, чтобы всѣ его свирѣли и трубы, отданныя имъ Аполлонію въ то время, какъ оба они мѣнялись между собою одеждами, были сожжены и чтобы такимъ

образомъ не оставалось никакой памяти о его суетномъ искусствѣ, и никто изъ язычниковъ не могъ бы уже сказать:

— Вотъ трубы Филимона.

И дѣйствительно, огонь, сшедшій съ неба, зажегъ и уничтожилъ ихъ всѣ на глазахъ у Аполлонія.

Между тѣмъ, приближался часъ страданій и для самого Аполлонія, такъ какъ братъ Филимона Ѳеонъ, явившись къ правителю, подробно разсказалъ ему о томъ, какъ Аполлоній одѣлъ Филимона въ свою одежду и, заставивъ его, вмѣсто себя, пойти на подвигъ исповѣднической, сдѣлался виновникомъ его погибели. Немедленно былъ приведенъ и Аполлоній, и правитель Арріанъ, посмотрѣвъ на него съ великимъ гнѣвомъ и угрозою, сказалъ:

— Что это такое, негоднѣйшій изъ людей? Что̀ сдѣлалъ ты съ нами, со всѣмъ городомъ и съ этимъ жалкимъ человѣкомъ? Ты, изъ гордости презирая боговъ и законы, а по трусости уклоняясь отъ мученій, обмѣнялся съ нимъ одеждами и какимъ-то волшебствомъ извратилъ его сердце и лишилъ весь городъ его великой утѣхи. Если ты боялся мукъ, то тебѣ слѣдовало бы придти ко мнѣ и открыть мнѣ свою душу, и я, по закону человѣколюбія, простилъ бы тебѣ все и оставилъ бы тебя жить на свободѣ и безпечально.

На эти слова правителя Аполлоній отвѣчалъ:

— Хорошо и правильно поступаешь ты, укоряя и злословя меня, и я противъ этого не буду говорить ничего: я и самъ считаю себя виновнымъ—но не въ томъ, что я сдѣлался причиною столь великихъ благъ для Филимона, а въ томъ, что не себѣ первому исходатайствовалъ я эти блага—и не въ томъ, что онъ явился въ моей одеждѣ, а въ томъ, что самъ я скрылся подъ его одеждою. Но такъ какъ оба мы волею Божіею облеклись въ ризу спасенія[1]), то знай за несомнѣнное, что ни Филимонъ, ни Аполлоній никогда не принесутъ жертвы вашимъ богамъ; и если я ранѣе боялся мученій, то теперь, съ помощію Бога моего, явлю тѣмъ бо̀льшее мужество.

Разгнѣванный этими словами, мучитель велѣлъ, связавъ Аполлонія, оставить его въ этомъ положеніи для болѣе жестокихъ мученій, а пока приказалъ тремъ воинамъ бить Филимона по лицу и глазамъ. Народъ, увидя, какъ бьютъ Филимона, вознегодовалъ и

[1]) Т. е., оба уже крещены: одинъ—обычнымъ, а другой—чудеснымъ образомъ.

кричалъ воинамъ, чтобы они перестали. Послѣ того правитель сказалъ Филимону:

— Пожалѣй себя, Филимонъ, или же, по крайней мѣрѣ, пожалѣй народъ, который терзается изъ-за тебя сердцемъ. Тебѣ дòлжно размыслить о томъ, что если народъ такъ возмущенъ, видя это малое твое мученіе, то что̀ будетъ, когда тебя подвергнутъ еще бо̀льшимъ мукамъ? Принеси жертву, Филимонъ, и вознагради себя за настоящее страданіе имѣющими послѣдовать затѣмъ наслажденіями, такъ какъ мы будемъ пиршествовать въ храмѣ Сераписа[1]) и предадимся всякимъ наслажденіямъ.

— Мнѣ уготована вечеря на Небѣ,— отвѣчалъ Филимонъ и затѣмъ, обратившись къ народу, сказалъ:

— Зачѣмъ скорбите, видя, какъ меня бьютъ? Развѣ не били насъ приближенные правителя, когда я былъ еще среди васъ флейтистомъ? Иногда они дѣлали съ нами и хуже, а вы громко смѣялись: почему же не потѣшаетесь теперь? Но знайте, что въ то время, какъ вы скорбите, Ангелы радуются за меня, видя меня христіаниномъ и чтителемъ истинной вѣры.

Мучитель, видя непреклонность Филимона, велѣлъ просверлить голени ему и Аполлонію, связать ихъ веревками и влачить мучениковъ по всему городу. Затѣмъ Филимонъ былъ повѣшенъ на масличномъ деревѣ, и въ него стрѣляли изъ лука, но стрѣлы не касались его, а одна изъ нихъ отскочила къ правителю и выколола ему правый глазъ. Лишившись глаза и чувствуя сильнѣйшую боль, онъ изрыгалъ многія хулы и злословія на Христа и христіанъ, но, наконецъ, вынуждаемый болью, велѣлъ отвязать мученика и умолялъ его исцѣлить ему глазъ. Но святый отвѣчалъ:

— Сейчасъ я не стану исцѣлять тебя для того, чтобы ты не вздумалъ приписывать полученное тобою благодѣяніе волшебству. Но когда я разлучусь съ тѣломъ—ибо конецъ мой близокъ—ты придешь на мою могилу и, взявъ съ нея земли и приложивъ къ глазу, призовешь Имя Христово, и тотчасъ онъ исцѣлится.

Послѣ того по приказанію правителя обоимъ мученикамъ, Филимону и Аполлонію, отсѣкли головы, и честны́я тѣла ихъ были положены близъ святыхъ мучениковъ Аскалона и Леонида. А мучитель, глазъ котораго болѣлъ невыносимо, пришелъ, хотя и

---

[1]) *Серапись* —языческое божество древняго Египта. Почитался богомъ умершихъ душъ и призывался какъ спаситель отъ болѣзни и смерти, и поэтому многими отождествлялся съ Асклипіемъ.

противъ своего желанія, къ могилѣ святыхъ и, взявши земли съ нея, согласно съ словами Филимона, приложилъ къ своему больному глазу и сказалъ:

— Во Имя Твое, Іисусе Христе, ради Коего сіи мученики добровольно пошли на смерть, возлагаю землю на око мое, и если, исцѣлившись, я буду видѣть, то и самъ исповѣдую, что нѣтъ инаго бога, кромѣ Тебя.

Какъ только онъ сказалъ это, тотчасъ же получилъ двойное исцѣленіе—глаза и души: глазомъ онъ увидѣлъ солнце, а душою узрѣлъ свѣтлѣйшую солнца Правду и пошелъ, радостно восклицая:

— Я—христіанинъ!

Это онъ исповѣдалъ при многихъ свидѣтеляхъ и принялъ Святое Крещеніе со всѣмъ своимъ домомъ, а тридцать шесть христіанъ, содержавшихся за Христа въ узахъ, отпустилъ съ миромъ. Затѣмъ, взявъ плащаницы[1]) и драгоцѣнныя благовонія[2]), онъ со множествомъ народа и двумя епископами пришелъ на могилу святыхъ мучениковъ и съ честію совершилъ погребеніе ихъ.

Между тѣмъ слухъ о томъ, что Арріанъ изъ язычника сдѣлался христіаниномъ и не хочетъ уже болѣе приносить жертвы богамъ, достигъ до Діоклетіана. Императоръ послалъ въ Кесарію четверыхъ протикторовъ[3]), которымъ приказалъ привести Арріана, желая самъ разслѣдовать, правду ли о немъ говорятъ. Протикторы, взявши Арріана, торопили его скорѣе отправиться въ путь, но онъ умолялъ ихъ позволить ему сходить ко гробу святыхъ мучениковъ, и такъ какъ они не соглашались, то онъ далъ имъ восемьдесятъ золотыхъ монетъ и былъ, наконецъ, отпущенъ ими на могилу. Пришедши туда, онъ палъ ницъ и умолялъ святыхъ мучениковъ помочь ему въ подвигѣ. И вотъ изъ гроба послышался голосъ Филимона, говорившій:

— Мужайся, Арріанъ, и не бойся, ибо Самъ Господь призываетъ тебя къ Себѣ и ведетъ къ подвигу, и готовитъ тебѣ вѣнецъ мученическій,—и участниками въ твоемъ подвигѣ и воздаяніи за него ты будешь имѣть тѣхъ самыхъ четырехъ протикторовъ, которые пришли взять тебя.

---

[1]) *Плащаница*—большая полотняная ткань, въ которую завертывалось тѣло умершаго.

[2]) Благовоніями (маслами) умащалось на востокѣ тѣло усопшаго, какъ это сдѣлали напр., Іосифъ и Никодимъ съ Пречистымъ Тѣломъ Господа.

[3]) *Протикторъ*—оруженосецъ.

Услышавъ этотъ голосъ, Арріанъ пришелъ въ ужасъ и, вернувшись домой, вдохновленный благодатію Господнею предсказалъ своимъ домашнимъ о времени и образѣ своего мученія. Онъ призвалъ своихъ слугъ и сказалъ имъ:

— Вы пойдете съ нами до Александріи, а затѣмъ меня поведутъ къ императору и, при помощи Божіей, я совершу свой подвигъ. Въ восьмой день мѣсяца Фаменоѳа[1]) я буду зашитъ въ мѣхъ и брошенъ въ море. А вы въ одиннадцатый день того же мѣсяца въ шестомъ часу выйдите на берегъ: тамъ найдете вы мое тѣло, вынесенное на сушу дельфинами, возьмите его и положите съ прочими мучениками.

Затѣмъ Арріанъ отправился въ путь съ протикторами и, прибывъ къ царю, сначала былъ принятъ имъ ласково. Но вскорѣ, послѣ его прибытія, для императора приготовлена была баня, предъ зданіемъ которой стояла статуя Аполлона, и царь, отправляясь туда, взялъ съ собою и Арріана. Послѣ мытья, выходя изъ бани и приближаясь къ статуѣ, императоръ сказалъ Арріану:

— Принеси жертву великому богу Аполлону и пойдемъ съ веселымъ сердцемъ на вечерю.

Арріанъ отвѣчалъ ему:

— Какъ могу я сдѣлать это послѣ столь великихъ и многихъ чудесъ, совершенныхъ Христомъ, Истиннымъ Богомъ, которыя суть не басни, а несомнѣнная истина? Свидѣтели ихъ—мои глаза: какъ же могу я принести жертву бездушному и безчувственному идолу?

Разгнѣванный царь велѣлъ тотчасъ же связать Арріану руки желѣзными цѣпями, привязать къ ногамъ большіе камни, бросить его въ глубокую яму и, засыпавъ землею и камнями, сравнять насыпь съ землею. На верху же засыпанной ямы онъ велѣлъ поставить свой тронъ и сѣлъ на немъ, приказавъ воинамъ играть около себя на трубахъ, и говорилъ:

— Посмотримъ, придетъ ли его Христосъ и освободитъ ли его изъ этой ямы.

Потомъ онъ пошелъ во дворецъ, вошелъ въ свою опочивальню и увидѣлъ желѣзо и камни, которые были навязаны на Арріанѣ, висящими надъ своей постелью, а самого Арріана лежащимъ на постели.

При видѣ этого императоръ пришелъ въ ужасъ и смятеніе и подумалъ, что кто-нибудь изъ своихъ же измѣнилъ ему и строитъ тайныя козни. Но святый Арріанъ сказалъ ему:

[1]) *Фаменовъ* соотвѣтствовалъ нашему мѣсяцу марту.

— Не смущайся: никто не измѣнялъ тебѣ и не возставалъ противъ тебя; но я—дѣйствительно Арріанъ, ввергнувъ котораго въ яму, ты говорилъ: «Посмотримъ, придетъ ли его Христосъ освободить его». И вотъ, Христосъ освободилъ меня и повелѣлъ мнѣ лечь на твоей постели.

Изумленный Діоклетіанъ долго стоялъ молча и, наконецъ едва опомнившись, въ страхѣ и смятеніи громко воскликнулъ:

— О лукавое волшебство! Никто до сихъ поръ не видалъ ничего подобнаго!

И многое другое говорилъ и кричалъ онъ и наконецъ приказалъ завязать святаго въ мѣхъ съ пескомъ и бросить въ море на глубокомъ мѣстѣ. Между тѣмъ четыре упомянутыхъ протиктора, старѣйшимъ изъ которыхъ былъ Ѳеотихъ, явились къ императору и объявили себя христіанами. Они также были завязаны въ мѣхи съ пескомъ и брошены въ море вмѣстѣ съ Арріаномъ; дельфины[1]) же, принявъ на себя ихъ тѣла, отнесли ихъ на Александрійское взморье, гдѣ слуги Арріана, по его завѣщанію, ожидали ихъ на берегу. Они взяли изъ воды тѣла своего господина и четырехъ протикторовъ и съ честію погребли ихъ всѣ вмѣстѣ[2]), славя Бога—Отца, и Сына, и Святаго Духа, Коему и отъ насъ да будетъ слава во вѣки. Аминь.

Кондакъ мучнковъ, гласъ є:

Благочестія вѣры побѣдницы, злочестиваго мучителя ѡплевавше, ѡбличисте свѣрѡѡбразное єго кровопролитіе: и побѣдисте того тщетное противленіе, христовою помощію оукрѣпляеми, дерзе и левкіе: съ пострадавшими ѿ насъ молитеся.

---

[1]) *Дельфины*—морскія животныя изъ семейства млекопитающихъ.

[2]) Святые мученики пострадали около 287 г. За стѣною Константинополя ок. 397 года былъ построенъ Флавіемъ Кесаріемъ великолѣпный храмъ Ѳирсу, и въ немъ были его мощи. Потомъ онъ являлся въ видѣніи царицѣ Пульхеріи, повелѣвая положить около него мощи свв. 40 мучениковъ Севастійскихъ (память ихъ—9 марта), которыя были сокрыты въ землѣ и, по его указанію, открыты въ 450 году. Другой храмъ былъ построенъ ему императоромъ Юстиніаномъ Великимъ—недалеко отъ такъ называемаго рынка Ѳеодосія.

День пятнадцатый

СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ЕЛЕВѲЕРІЯ
и матери его
АНѲІИ

Во время царствованія Елія Адріана[1]), бывшаго ревностнымъ идолослужителемъ, возсіялъ, какъ бы свѣтлая звѣзда, дивный Елевѳерій. Родился онъ въ Римѣ отъ знатныхъ и богатыхъ родителей. Отецъ святаго Елевѳерія три раза былъ назначаемъ военачальникомъ, матерь же его стала достойною еще большей чести и славы, такъ какъ, просвѣщенная святымъ Апостоломъ Павломъ, приняла отъ него Крещеніе и была наречена Анѳіей. Она назвала сына своего Елевѳеріемъ и стала воспитывать его въ строгомъ благочестіи; когда же онъ сталъ приходить въ возрастъ, она руками папы Римскаго Анаклета[2]) посвятила его Богу какъ даръ, воистину достойный Господа. Архіепископъ, видя, что Елевѳерій—отрокъ благонравный, принялъ его въ свой клиръ, и когда

[1]) *Адріанъ*—Римскій императоръ, царствовалъ съ 117 по 138 годъ по Р. Хр. Онъ хотя и не воздвигалъ на христіанъ особаго, продолжительнаго гоненія, но былъ ревностнымъ служителемъ языческаго нечестія, и при немъ пострадало много мучениковъ христіанскихъ.

[2]) *Св. Анаклетъ*—папа Римскій съ 79 по 91 годъ.

ему минуло пятнадцать лѣтъ, посвятилъ его во діакона, а потомъ на восемнадцатомъ году рукоположилъ во священника; когда же святому наступило двадцать лѣтъ, архіепископъ Никита назначилъ его епископомъ Иллирика[1]). Здѣсь святый епископъ возсіялъ, какъ свѣтильникъ на свѣщницѣ, и свѣтилъ свѣтомъ Слова Божія, приводя многихъ къ познанію Единаго Господа. Но ненавистникъ—діаволъ не могъ этого снести и съ яростію возсталъ на святаго съ своею убійственною злобою.

Онъ внушилъ злочестивому царю Адріану возстать противъ Истины и начать преслѣдовать христіанъ, и прежде всего — убить Елевѳерія; онъ также хотѣлъ уничтожить и всѣхъ лучшихъ учителей благочестія,—какъ лучшіе плоды славы Христовой. И вотъ, царь съ грознымъ посланіемъ отправляетъ нѣкоего воеводу Филикса силою привести на царскій судъ Елевѳерія. Филиксъ, дойдя до Иллирика, улучилъ время, когда добрый пастырь въ храмѣ Господнемъ питалъ паству свою поучительнымъ словомъ, и, окруживъ церковь воинами, вторгнулся внутрь храма, дыша яростію и злобно озираясь. Увидя же Елевѳерія изливающимъ потокъ чистаго ученія и сладкогласно поучающимъ слушающихъ, онъ сталъ и самъ внимательно прислушиваться и удивляться проповѣдуемой имъ силѣ Христовой, и тотчасъ же, перемѣнивъ ярость на кротость, имѣя ниву сердца своего способною къ пріятію сѣмени Слова Божія, сталъ какъ бы овцою и изъ гонителя ученикомъ Христовымъ: какъ бы забывъ все прежнее, онъ изъ разбойника сталъ добрымъ и вѣрнымъ рабомъ Христа. Презрѣвъ повелѣніе царское, онъ припалъ къ ногамъ святаго епископа и послѣ того уже не отходилъ отъ учителя своего, просвѣщаясь его проповѣдію и утверждаясь во благочестіи.

Такъ Филиксъ отъ языческаго нечестія обратился ко благочестію и уже не помышлялъ возвратиться къ пославшему его. Святый же Елевѳерій, желая пострадать за святую вѣру Христову, торопился въ путь. Шелъ съ нимъ и Филиксъ, но уже не какъ воевода, ведущій узника, но слѣдовалъ за святымъ, какъ агнецъ за пастыремъ. Когда же во время пути они пришли къ источнику, Филиксъ сталъ какъ бы вторымъ евнухомъ Кандакіинымъ и, какъ тотъ отъ Апостола Филиппа[2]), принялъ Крещеніе отъ Божествен-

---

[1]) *Иллирикъ*, или *Иллирія*, обнимала все восточное прибрежье Адріатическаго моря съ лежащими за нимъ мѣстностями (теперешняя Далмація, Боснія и Албанія).

[2]) Кн. Дѣяній Ап., гл. 8, ст. 30—39.

наго Елевѳерія и совлекся тьмы идолобѣсія, какъ бы нѣкоей гнилой одежды.

Потомъ Филиксъ вмѣстѣ съ Елевѳеріемъ отправились въ путь.

Когда они пришли въ Римъ, христіане узнали, что Филиксъ присоединился къ Церкви Христовой; онъ же разсказалъ имъ все о Елевѳеріи. И вотъ Елевѳерій, по повелѣнію царскому, предсталъ предъ судилищемъ. Онъ мужественно и безбоязненно пришелъ сюда, позванный какъ бы не на судъ, а на праздникъ. Царь, взглянувъ на него, увидѣлъ, что онъ былъ еще юношею, благообразнымъ и одареннымъ всѣми естественными дарованіями, и сказалъ ему:

— Елевѳерій! Ты, оставивъ отеческую вѣру и ни во что вмѣнивъ почитаніе нашихъ боговъ, почитаешь нѣкоего новаго Бога, Который не только при всѣхъ умеръ, но и умеръ лютѣйшею смертію.

Елевѳерій на эти слова ничего не хотѣлъ отвѣчать,—подражая Христу, Который среди страданій ничего не говорилъ предъ Пилатомъ и ничего не отвѣчалъ Ироду. Тогда царь снова проговорилъ:

— Отвѣчай же, зачѣмъ ты сталъ столь безумнымъ, что присоединился къ безумной христіанской вѣрѣ? Повинись мнѣ и принеси жертву нашимъ непобѣдимымъ богамъ. Если ты послушаешь меня и исполнишь это, я почту тебя великою честію; если же не исполнишь, осужу тебя на тяжкія муки.

Елевѳерій же призвалъ Господа, сказавшаго: **не пецы́тесѧ, ка́кѡ и҆лѝ что̀ возглаго́лете, а҆́зъ бо ва́мъ да́мъ премꙋ́дрость, є҆́йже не возмо́гꙋтъ проти́витисѧ**[1]),—и отвѣчалъ:

— Какъ могу я служить такимъ богамъ или согласиться съ тѣми, кто имъ служитъ? Не лучше ли мнѣ посовѣтовать вамъ отступить отъ нихъ? Но такъ какъ вы не хотите послушать меня, то нужно плакать о вашемъ безуміи, ибо вы, будучи одарены отъ Бога разумомъ, стали хуже деревьевъ и каменьевъ, потому что стали ихъ считать своими богами, оставивъ Истиннаго Бога, премудростію Своею создавшаго всю вселенную: ибо небо и земля—дѣло рукъ Его, а мы, изъ того, что Онъ создалъ,—самое лучшее и благороднѣйшее твореніе. Между тѣмъ, мы заблуждаемся въ невѣдѣніи, ходя какъ бы въ ночи, и, не зная, что угодно или неугодно Господу, поднимаемъ брань противъ Него. А тѣхъ, кто

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 19. Еванг. отъ Лукн, гл. 21, ст. 15.

поистинѣ наши враги и супостаты,—говорю о діаволахъ,—о, какое безуміе считать ихъ своими господами и богами и возносить имъ почести и жертвы! Я же прилѣпился Господу моему и всегда буду вѣренъ Ему, и послужу Христу моему; все же ваше—почести ли то, или безчестіе и муки,—я считаю дѣтскою игрою или дѣтскою угрозою. Для меня, какъ говоритъ мой учитель—святый Павелъ,—**мі́ръ распѧ́сѧ и҆ а҆́зъ мі́рꙋ**[1]) и умереть за Христа—для меня наслажденіе и блаженство.

Тогда царь, исполнившись гнѣва, велѣлъ принести мѣдный одръ и подложить подъ него множество горячихъ углей, а на самый одръ возложить нагимъ мученика, и до тѣхъ поръ поддерживать огонь, пока онъ не погибнетъ. Когда былъ приготовленъ одръ, мученикъ самъ легъ на него всѣмъ тѣломъ. Собравшійся же на сіе зрѣлище народъ сталъ укорять мучителей за эти пытки и говорилъ:

— Зачѣмъ сей честный, благородный и извѣстный своею мудростью мужъ такъ жестоко погибаетъ—какъ какой-либо злодѣй?

Богъ же свыше облегчалъ страданіе мученика, который радовался, какъ бы охлаждаемый росою и какъ бы почивая на цвѣтущихъ розахъ. Тогда царь, укротивъ немного свою ярость,—повелѣлъ снять съ одра тѣло мученика, думая, что онъ уже умеръ. Мученикъ же всталъ съ одра живымъ и здоровымъ, нисколько не поврежденнымъ отъ огня; веселый и ликующій—онъ воспѣвалъ:

— **Вознесꙋ̀ тѧ̀, бж҃е мо́й, цр҃ю̀ мо́й, и҆ бл҃гословлю̀ и҆́мѧ твоѐ въ вѣ́къ: восхвалю̀ бг҃а**, утѣшающаго юность мою; **ро́дъ и҆ ро́дъ восхва́лѧтъ дѣла̀ твоѧ̀, гдⷭ҇и, и҆ си́лꙋ твою̀ возвѣстѧ́тъ, и҆ чꙋдеса̀ твоѧ̀ повѣ́дѧтъ**[2]).

Такъ прославивъ Бога, Елевѳерій еще дерзновеннѣе предсталъ предъ мучителемъ и сказалъ:

— О царь, смотри на меня, кого ты считалъ сожженнымъ огнемъ, и познай проповѣдуемаго мною Христа Бога, познай и немощь своихъ боговъ.

Царь же, вмѣнивъ эти дерзновенныя и свободныя слова мученика за безчестіе для себя и считая себя побѣжденнымъ, сталъ изобрѣтать еще бо̀льшія муки. Итакъ, на середину снова была вынесена желѣзная рѣшетка; подъ нею былъ зажженъ огонь,

---

[1]) Посл. къ Галат., гл. 6, ст. 14.

[2]) Псаломъ 144, ст. 1 и 4.

сверху же ее поливали масломъ, и, такимъ образомъ, она была въ сильномъ пламени. Но лишь только на эту рѣшетку положили мученика, огонь тотчасъ же погасъ, угли остыли, желѣзная же рѣшетка стала холодною, какъ будто она была облита не масломъ, а водою, и такимъ образомъ сохранила мученика цѣлымъ. Но что же? Угасла ли вмѣстѣ съ этимъ ярость царя? Нисколько. Объятый лютою яростію, онъ не сталъ лучшимъ: какъ бы слѣпой, онъ имѣлъ только одно намѣреніе—мученіемъ святаго угодить своимъ богамъ, кои были, въ сущности, бѣсами и человѣкоубійцами.

Потомъ царь велѣлъ принести сковороду, растопить на ней воску, смолы и сала и поджигать ее на сильномъ огнѣ, дабы снова положить на нее святаго. Когда все это было исполнено и сковорода разожглась, и воскъ кипѣлъ, мученикъ всталъ на нее, намѣреваясь перенести всѣ эти муки. Но царь сказалъ ему:

— Елевѳерій, находясь между смертію и жизнію, поспѣши избрать себѣ полезное. Вѣдь я очень забочусь, дабы ты не погибъ лютою смертію, и люблю тебя, какъ своего родного сына. Не хочу также—клянусь въ томъ богами,—чтобы мужъ столь благородный, столь благонравный, краснорѣчивый и прекрасный самъ себя безразсудно подвергалъ погибели,—и не изъ-за чего-либо другого, какъ только изъ-за гордой, суетной и безполезной непокорности.

Мученикъ же, стоя предъ царемъ, сталъ говорить ему съ дерзновеніемъ; отвѣчая на хитрое ласкательство его, онъ поносилъ его, называя волкомъ, нападающимъ на овецъ Христовыхъ. И при этомъ прибавилъ:

— Что бы ты ни дѣлалъ,—ты не убѣдишь меня оставить моей благочестивой жизни.

Тогда Адріанъ, пришедши въ ярость, оставилъ слова и приступилъ къ дѣлу. Онъ снова повелѣлъ положить его на сковороду. Когда это было исполнено, совершилось то же, что и прежде: огонь претворился въ росу, и прохладный вѣтеръ сталъ охлаждать святаго мученика. Адріанъ же, видя, что все дѣлается вопреки его волѣ, не зналъ, что предпринять, и, сидя, сталъ раздумывать. Въ это время находился здѣсь городской епархъ, по имени Коривъ; это былъ человѣкъ богоизбранный: онъ уже отчасти былъ знакомъ съ христіанскимъ ученіемъ, зналъ, какъ воевода Филиксъ сталъ христіаниномъ, и вообще, какъ бы нѣкое сѣмя, уже принялъ въ

сердце свое начатки христіанской вѣры, но, все еще слѣдуя языческому нечестію, весьма потворствовалъ царю.

Увидѣвъ царя весьма смущеннымъ и не знающимъ, что дѣлать съ мученикомъ, онъ посовѣтовалъ ему, чтобы онъ повелѣлъ разжечь мѣдную печь, испещренную острыми желѣзными прутьями, и ввергнуть въ нее Елевѳерія. Когда печь была накалена, мученикъ, возведя свои тѣлесныя и душевныя очи горѣ и весь умъ вперивъ на Небо, исполнился неизреченной радости и произнесъ:

— Благодарю Тебя, Господи Іисусе Христе Боже мой, что Ты сподобилъ меня столь великихъ благъ, что препоясалъ меня силою Своею и укрѣпилъ меня на сіи страданія за святое Имя Твое. И нынѣ призри съ Небесе и виждь, какъ совѣщаются противъ меня ненавидящіе меня, и избави душу мою отъ ихъ козней и отъ мужей кровей[1]), ибо Ты благъ; сохрани меня, да всѣ знаютъ Тебя—Единаго Бога по всѣмъ концамъ вселенной.

Потомъ, подобно святому первомученику Стефану, который молился о побивающихъ его камнями, Елевѳерій сталъ такъ молиться за мучителей своихъ:

— О Премилосердый Владыко: коснись сердца ихъ, дай познать имъ святое Имя Твое и да увѣдятъ Тебя—Единаго Истиннаго Бога и оставятъ пагубное поклоненіе идоламъ, яко Ты благословенъ еси во вѣки, аминь.

Когда мученикъ такъ молился, Коривъ внимательно прислушивался къ словамъ его молитвы, и тотчасъ же отъ сихъ благочестивыхъ словъ, какъ отъ горящихъ углей, сердце его воспламенилось, и онъ совершенно измѣнился. Онъ приступилъ къ царю и сказалъ:

— Зачѣмъ неповинно, какъ за какое-нибудь злодѣяніе, подвергается Елевѳерій такимъ мукамъ? И за какую вину предается такой лютой смерти?

Царь, услышавъ эти неожиданныя слова Корива, возмутился сердцемъ и, яростно взглянувъ на него, сказалъ:

— Ты ли это, всѣмъ намъ извѣстный Коривъ? Что сдѣлалось съ тобою? Или ты прельстился золотомъ, взятымъ у матери его, что́ такъ неожиданно тебя измѣнило? Развѣ тебѣ не довольно моихъ даровъ, богатства, славы, чести и имѣній, кои тебя сдѣлали славнымъ по всему Риму? Или ты желаешь бо́льшаго отъ меня?

---

[1]) *Мужи кровей* — выраженіе Псалмопѣвца (Псаломъ **5**, ст. 7; **54**, 54; **58**, ст. 3 и т. д.), обозначающее людей кровожадныхъ и свирѣпыхъ.

Это для тебя невозбранено. Вотъ всѣ мои сокровища передъ тобой открыты: почерпай обѣими руками, сколько тебѣ угодно, но не позволяй быть тайно подкупленнымъ женщиной за ничтожное золото.

Коривъ же, воодушевившись благимъ намѣреніемъ и просвѣщенный молитвою мученика, воскликнулъ:

— Да будетъ золото твое тебѣ въ погибель, ибо отъ него возгорится огнь вѣчный! Зачѣмъ же самовольно ты такъ ослѣпляешься и хочешь поколебать то, что непоколебимо? Вѣдь ты хорошо знаешь, что ни одинъ изъ твоихъ боговъ не можетъ сохранить отъ огня здѣсь стоящихъ, а Богъ, Коего почитаетъ Елевѳерій, содѣлалъ его крѣпче огня и выше всякой иной муки.

Услышавъ эти слова, мучитель воспламенился неизъяснимою яростію (поистинѣ большая дружба родитъ иногда и великую ненависть). Онъ приказалъ въ эту же ночь бросить епарха въ ту самую печь, которую тотъ посовѣтовалъ приготовить для Елевѳерія. Когда Коривъ былъ уже около печи, онъ воскликнулъ мученику Елевѳерію:

— Помолись за меня и вооружи меня тѣмъ же оружіемъ Христовымъ, коимъ ты вооружилъ и воеводу Филикса.

А потомъ, будучи назнаменованъ крестнымъ благословеніемъ отъ мученика, онъ былъ вверженъ въ печь, но остался въ ней невредимымъ и черезъ часъ вышелъ изъ нея, славя Бога. Наконецъ, Адріанъ, изнемогши въ своей ярости, повелѣлъ Кориву отсѣчь главу,—и такъ онъ пріялъ свою мученическую смерть и въ малое время пріобрѣлъ сокровище, для многихъ столь вожделѣнное.

Въ ту же ночь и Елевѳерій былъ вверженъ въ печь; въ ней его стали влачить по острымъ желѣзнымъ прутьямъ, но огонь, какъ и прежде, погасъ, печь остыла, а желѣзныя острія переломились, какъ будто воздавая честь тѣлу мученика; все сіе, обличая душевную слѣпоту мучителя, привлекало близстоящихъ къ познанію Господа, творившаго столь преславныя чудеса.

Тогда всѣ стоявшіе здѣсь воскликнули:

— Великъ Богъ христіанскій, проповѣдуемый Елевѳеріемъ!

И снова мучитель былъ въ великомъ недоумѣніи, что дѣлать, и повелѣлъ мученика отвести въ темницу. Самъ же, собравъ совѣтниковъ своихъ, весь день совѣщался, какъ бы погубить Елевѳерія. А святый мученикъ Елевѳерій томился въ темницѣ отъ го-

лода; но Тотъ, Кто нѣкогда питалъ Даніила чрезъ Аввакума и Илію чрезъ ворона[1]),—Сей и Елевѳерія не допустилъ умереть отъ голода. Господь питалъ его ангельскою пищею, посылая ее въ темницу при помощи голубя. Наконецъ, мучитель велѣлъ привести дикихъ воловъ и привязать къ нимъ мученика, дабы, влачимый и терзаемый ими, онъ былъ такимъ образомъ умерщвленъ.

Въ то время, какъ все это происходило, Ангелъ Господень, сошедши съ Неба, отвязалъ святаго отъ воловъ и, восхитивъ его изъ рукъ мучителей, возвелъ его на одну гору, находящуюся недалеко отъ города: это было пустынное мѣсто, и въ немъ находилось множество звѣрей. Но святый мученикъ Елевѳерій, возсылая хвалу Господу, жилъ съ ними, какъ бы съ овцами: мимо него проходили львы, медвѣди даже ласкались къ нему, какъ будто зная голосъ его, они, какъ рабы за господиномъ, всюду слѣдовали за нимъ, служа и охраняя его. Но чрезъ нѣсколько времени о святомъ узнали охотники на звѣрей; дошла объ этомъ вѣсть и до Адріана. Тогда онъ послалъ воиновъ схватить Елевѳерія. Когда воины нашли святаго, звѣри устремились на нихъ какъ бы на враговъ господина своего и едва не растерзали ихъ, но Елевѳерій запретилъ имъ это и повелѣлъ удалиться въ пустыню. Самъ же, съ радостію идя съ воинами на казнь, какъ бы на званный пиръ, бесѣдовалъ съ ними о Царствіи Божіемъ и о геенне огненной, уготованной идолопоклонникамъ.

На пути Елевѳерій просвѣтилъ ихъ ученіемъ Христовымъ и крестилъ, а съ ними и другихъ—до пятисотъ увѣровавшихъ. По приходѣ въ Римъ онъ былъ осужденъ на съѣденіе звѣрямъ. Когда святаго привели на мѣсто казни, на него сначала выпустили львицу, а потомъ льва; но они, какъ овцы, были кротки и стали лизать его ноги: и какъ они могли коснуться его, когда, по Божію повелѣнію, въ пустынѣ такъ много звѣрей служили ему какъ господину своему? Увидя это, весь народъ воскликнулъ:

— Великъ Богъ Елевѳеріевъ!

Другіе же порицали св. мученика, называя его волхвомъ и чародѣемъ, но ихъ внезапно постигла казнь Божія: нѣкоторые изъ этихъ хулителей онѣмѣли. Мучитель же, не зная, что болѣе дѣлать, повелѣлъ усѣчь мечомъ главу святаго. И когда это было исполнено, матерь Елевѳерія Анѳія, которая все время съ радо-

---

[1]) Кн. Прор. Дан., гл. 14, ст. 37; 3 Кн. Цар., гл. 17, ст. 6.

стію смотрѣла на подвигъ своего сына, обнявъ его мертвое тѣло, стала лобызать его. Ликуя и благодаря Бога, что пріятая отъ нея кровь излилась за Христа, она и сама, усѣченная мечомъ, пала мертвою надъ тѣломъ сына своего. Вѣрующіе же изъ Иллирика, находившіеся здѣсь, и римскіе, взявъ святыя тѣла угодниковъ Божіихъ, съ честію погребли ихъ, прославляя Господа, Коему да будетъ слава во вѣки[1]). Аминь.

Кондакъ сщенномучника, гласъ в:

Ꙗкѡ ѹ҆добрѣніе сщенникѡвъ прѣбне, и҆ предꙋвѣщаніе ст҃ръ҃тотерпцевъ всѝ восхвалѧемъ, и҆ просимъ тѧ, сщенномучнче ѥ҆леѵдерїе: любовїю памѧть твою праздꙋющыѧ, бѣдъ многоѡбразныхъ свободѝ, молѧ непрестаннѡ ѡ҆ всѣхъ насъ.

ЖИТІЕ СВЯТАГО

СТЕФАНА ИСПОВѢДНИКА,

архіепископа Сурожскаго

Преподобный отецъ нашъ Стефанъ родился въ Каппадокіи Великой[2]) отъ христіанскихъ родителей, которые воспитали его въ добромъ наказаніи. Съ дѣтскаго возраста онъ отличался благонравіемъ, удаляясь отъ обычныхъ дѣтскихъ забавъ. Семи лѣтъ родители отдали его для обученія грамотѣ; онъ оказался способнымъ къ ученію, и въ скоромъ времени хорошо навыкъ въ Божественномъ писаніи. Когда же ему исполнилось пятнадцать лѣтъ, онъ удалился изъ своего отечества и пришелъ въ Царьградъ, желая тамъ докончить свое образованіе. Сіе было

---

[1]) *Св. священномученикъ Елевѳерій и мать его Анѳія* пострадали около 120 г. Мощи священномученика Елевѳерія въ настоящее время находятся въ Римѣ, въ церкви мученицы Сосанны. Въ концѣ IV столѣтія при императорѣ Аркадіи былъ сооруженъ храмъ во имя его въ Константинополѣ близъ Ксиролоѳа (Василіемъ Патрикіемъ). Св. Іосифомъ пѣснописцемъ составленъ въ честь св. мученика Канонъ, въ восьмой Пѣсни котораго говорится, что рака его изливаетъ рѣки исцѣленій и чудесъ.

[2]) О *Каппадокіи* см. на стр. 119, примѣч. 2.

при царѣ Ѳеодосіи Адрамитенѣ[1]) и св. Патріархѣ Германѣ[2]). Тамъ св. Стефанъ продолжалъ усердно учиться и, обучившись философскимъ наукамъ, превзошелъ мудростію многихъ—даже самихъ учителей,—такъ что всѣ удивлялись его премудрости.

Услышавъ о Стефанѣ, св. Германъ, Патріархъ Цареградскій, призвалъ его и, благословивъ, спросилъ, изъ какой онъ страны. Стефанъ все разсказалъ ему о себѣ. Полюбивъ его благонравіе, премудрость и смиреніе, Патріархъ оставилъ Стефана жить у себя. Нѣсколько лѣтъ прожилъ блаженный Стефанъ у Патріарха, служа святой Церкви и живя въ воздержаніи и чистой совѣсти. Потомъ онъ, тайно отъ всѣхъ, ушелъ изъ Царьграда и, придя въ нѣкоторый монастырь, принялъ тамъ иноческое постриженіе, и подвизался въ добродѣтеляхъ. Затѣмъ, возжелавъ безмолвнѣйшаго житія, удалился изъ монастыря и, найдя уединенное и никому не извѣстное мѣсто, прожилъ тамъ довольно времени, работая Богу въ постѣ и молитвахъ.

Въ то время преставился епископъ, который былъ въ городѣ Сурожѣ[3]), и вотъ жители Сурожа пришли въ Царьградъ къ Святѣйшему Патріарху Герману, прося для Сурожа епископа. И когда происходило разсужденіе о поставленіи епископа, явилось несогласіе, такъ какъ одни желали одного, другіе—другаго. Сурожане же просили царя и Святѣйшаго Патріарха дать имъ епископа, могущаго хорошо управлять Церковью, ибо,— говорили они,—умножились ереси въ городѣ нашемъ.

Однажды, когда святый Германъ ночью стоялъ на молитвѣ, явился ему Ангелъ Господень и сказалъ:

— Завтра пошли въ то пустынное мѣсто, гдѣ живетъ избранникъ Божій Стефанъ: его поставь епископомъ для Сурожа, ибо онъ хорошо можетъ пасти Христово стадо и привести еретиковъ къ истинной вѣрѣ. Я же и къ нему посланъ отъ Бога съ повеленіемъ, чтобы онъ ни въ чемъ не ослушался тебя.

— О господинъ,—сказалъ Патріархъ,—какъ я узнаю мѣсто, гдѣ живетъ избранникъ Божій Стефанъ?

---

[1]) *Ѳеодосій III Адрамитенъ* —Византійскій императоръ съ 715 по 716 г.

[2]) *Св. Германъ* былъ Патріархомъ Константинопольскимъ съ 715 по 730 годъ. Память его празднуется 12-го мая.

[3]) *Сурожъ*, или *Сугдея*,—древній греческій городъ на южномъ берегу Крыма, нынѣ *Судакъ* — поселокъ Таврической губерніи.

Тогда Ангелъ, взявъ одного изъ слугъ Патріарха, показалъ ему мѣстопребываніе святаго, а слуга, возвратившись, повѣдалъ сіе Патріарху.

Къ святому же Стефану, который въ то время въ скрытомъ мѣстѣ своемъ молился Богу, явился тотъ же Ангелъ Господень въ бѣлой одеждѣ,—и убоялся св. Стефанъ, и въ трепетѣ палъ отъ страха на землю.

Взявъ святаго за руку, Ангелъ успокоилъ его, сказавъ:

— Я—Ангелъ Господень и посланъ отъ Христа Спасителя возвѣстить тебѣ радость и повелѣть идти въ городъ Сурожъ, чтобы ты научилъ людей Христовой вѣрѣ. Завтра Патріархъ призоветъ тебя и, посвятивъ, пошлетъ туда архіепископомъ, ты же не ослушайся его, да не прогнѣваешь Бога.

Затѣмъ, преподавъ ему миръ, Ангелъ возшелъ на Небо.

На другой день Патріархъ послалъ со слугою двухъ пресвитеровъ—за святымъ Стефаномъ, и тѣ съ великою честію привели его къ Патріарху.

Стый
СТЕФАНЪ

Съ радостію встрѣтилъ Патріархъ св. Стефана, и, посвятивъ, поставилъ его архіепископомъ Сурожа, и отпустилъ на кораблѣ въ порученную ему епархію.

Прибывъ въ городъ Сурожъ и вступивъ на архіепископскій престолъ, св. Стефанъ сталъ поучать людей отъ Божественнаго писанія и въ продолженіе пяти лѣтъ крестилъ весь городъ Сурожъ и всѣ его окрестности.

Въ то время въ Царьградѣ воцарился Левъ Исаврянинъ и воздвигъ иконоборство[1]), будучи наученъ сему двумя евреями. Сначала онъ повелѣлъ святыя иконы ставить высоко, говоря:

---

[1]) *Византійскій императоръ Левъ*, родъ коего происходилъ изъ малоазіатской области Исавріи, царствовалъ съ 717 по 741 г. Противъ иконопочитанія онъ выступилъ особенно въ 726 году. Это вызвало народное возстаніе противъ него.

— Кто чистъ, пусть цѣлуетъ ихъ.

Потомъ повелѣлъ поднимать иконы на воздухъ, поясняя, что не слѣдуетъ пригвождать иконы къ стѣнѣ. И многое другое предпринималъ окаянный противъ почитанія св. иконъ. Святый Патріархъ Германъ много увѣщевалъ его, чтобы онъ оставилъ свое злое начинаніе, бесѣдуя о семъ на основаніи Священныхъ книгъ [1]). Придя въ ярость отъ увѣщаній, иконоборецъ открыто проявилъ ядъ свой, который дотолѣ скрывалъ въ сердцѣ своемъ, и усиленно началъ изгонять святыя иконы, хулить ихъ и безчестить.

Затѣмъ Левъ разослалъ по всему городу и по многимъ окрестнымъ мѣстамъ указы, чтобы всѣ такъ же поступали со святыми иконами, и говорилъ:

— Если кто будетъ мнѣ противиться, того я буду мучить различными муками и предамъ смерти.

Въ царствующемъ градѣ тогда можно было видѣть различныя мученія православныхъ христіанъ. Патріарха же Германа злочестивый царь послалъ въ заточеніе, а вмѣсто него поставилъ патріархомъ Анастасія, родомъ сиріанина, который былъ единомышленникомъ съ нимъ въ его ереси.

Затѣмъ царь и Патріархъ отправили пословъ своихъ въ Сурожъ къ св. архіепископу Стефану съ злочестивымъ повелѣніемъ не поклоняться иконамъ и Кресту. Святый Стефанъ отвѣчалъ посламъ:

— Да не будетъ сего; не допущу я людей своихъ отступить отъ Закона Христова; не слушаю повелѣнія ни царя, ни окаяннаго Патріарха.

Ночью онъ пришелъ къ посламъ на корабль и вмѣстѣ съ ними прибылъ въ Царьградъ.

Облачившись въ одежды своего святительскаго сана, св. Стефанъ предсталъ предъ царемъ. Царь спросилъ его:

— Кто ты?

Святый же отвѣчалъ:

— Я—архіепископъ Сурожскій Стефанъ.

И сказалъ царь:

— Видишь ли соборъ сей, возсѣдающій со мною въ великой чести? Они пожгли и порубили иконы: и ты послушай меня, и будешь въ такой же великой чести съ нами.

---

[1]) При этомъ Патріархъ Германъ отказался подписать повелѣніе императора противъ иконопочитанія, говоря, что не можетъ вводить что-нибудь новое въ дѣлахъ вѣры безъ Вселенскаго Собора.

Святый Стефанъ отвѣчалъ:

— Да не будетъ сего. Хотя бы ты меня и сжегъ, или разсѣкъ на части, или какими-нибудь другими муками замучилъ,—за иконы и за Крестъ Господень все готовъ претерпѣть.

Затѣмъ святый сказалъ царю:

— Мы въ книгахъ нашли нѣкоторое пророчество, что въ Царьградѣ явится злочестивый царь, иконоборецъ, сжигающій святыя иконы. Но да не сотворитъ сего Богъ въ твое царствованіе!

— А нашли ли вы имя царя того?—спросилъ царь.

— Имя его—Конопъ,—отвѣчалъ Стефанъ.

И сказалъ царь:

— Справедливо, Стефанъ, ты нашелъ мое имя, ибо отецъ и мать назвали меня Конопомъ.

И сказалъ Стефанъ:

— О царь! Да не совершится сіе въ твое царствованіе! Если же ты совершишь сіе, то будешь предтечею антихриста!

Услышавъ сіе отъ святаго, окаянный царь желѣзною перчаткою избилъ его лицо, уста и зубы, восклицая:

— Какъ смѣлъ ты назвать меня предтечею антихриста?

И повелѣлъ царь схватить Стефана за волосы и за бороду, бить, влачить по землѣ и ввергнуть въ темницу. Влекомый мучителями, святый возсылалъ благодареніе Богу,—и былъ ввергнутъ въ темницу, гдѣ находились и иные святители. Затѣмъ царь снова повелѣлъ привести къ себѣ Стефана.

— Какъ дерзнулъ меня назвать такъ Сурожскій епископъ!—говорилъ онъ.—Съ побоями притащите его сюда.

Святый предсталъ предъ царемъ съ семью епископами.

Держа въ рукахъ своихъ икону Господа, Богородицы и Іоанна Предтечи, царь сказалъ святому:

— Почему ты назвалъ меня предтечею антихриста?

Святый отвѣчалъ:

— Потому, что ты творишь дѣла его; я уже сказалъ это и опять повторяю тебѣ то же.

Тогда царь плюнулъ на икону, сталъ топтать ее и сказалъ Стефану:

— Сдѣлай и ты то же самое съ сей иконой.

Святый же, прослезившись, сказалъ:

— Врагъ Божій, недостойный царства! Какъ не ослѣпли твои безумныя очи и не отсохли беззаконныя твои руки? Да

отыметъ вскорѣ Богъ царство твое и да прекратитъ жизнь твою!

Услышавъ сіе, царь во гнѣвѣ повелѣлъ бить святаго Стефана. Потомъ привязали его къ хвосту коня и повлекли въ темницу; святый же воздавалъ благодареніе Богу. Всѣ заключенные въ темницѣ молили Бога, и, по молитвѣ святыхъ, вскорѣ умеръ нечестивый царь, и воцарился сынъ его Константинъ Копронимъ. Супруга его, слыша о добродѣтеляхъ и чудесахъ святаго Стефана, просила мужа своего—царя Константина—отпустить святаго на престолъ свой. Въ то же время родился у царя сынъ, и святый Стефанъ крестилъ его. Наградивъ Стефана дарами, царь съ великою честію отпустилъ его къ паствѣ своей. Снова получилъ добрый пастырь престолъ свой и продолжительное время добрѣ пасъ порученное ему стадо Христово. Затѣмъ, провидя свое къ Богу отшествіе, поставилъ онъ вмѣсто себя архіепископомъ для Сурожа клирика своего Филарета и преставился къ Богу въ жизнь вѣчную, мѣсяца декабря въ 15-й день[1]).

Былъ въ Сурожѣ одинъ человѣкъ, по имени Ефремъ,—слѣпой отъ чрева матери своей, которому святый Стефанъ помогалъ пищею, питьемъ и одеждою. Услышавъ о смерти своего благодѣтеля, онъ заплакалъ, говоря:

— Кто теперь будетъ заботиться обо мнѣ? Ведите меня, дабы я могъ облобызать святыя ноги его.

И когда онъ былъ приведенъ къ тѣлу преставившагося святаго Стефана, съ плачемъ и рыданіемъ припалъ къ ногамъ его—и тотчасъ прозрѣлъ. Симъ чудомъ извѣстилъ Богъ о угодникѣ Своемъ, что онъ причтенъ со святыми къ лику чудотворцевъ и исповѣдниковъ. Святое же тѣло его святителями и всѣмъ сурожскимъ народомъ со многими слезами было съ честію предано погребенію, во славу всѣми славимаго и превозносимаго Бога, во вѣки. Аминь.

Тропа́рь ст҃и́телѧ, гла́съ д҃:

Ꙗ҆́кѡ ст҃и́тель со безпло́тными є҆диножи́тель бы́въ, сщ҃енномч҃нче стефа́не: воспрїе́мъ бо кр҃тъ ꙗ҆́кѡ ѻ҆рꙋ́жїе, и҆ ста́въ крѣ́пкѡ сопроти́въ і҆кѡноꙋкори́телѧ и҆ дꙋхобо́рцевъ, не покланѧ́ющихсѧ пречⷭ҇томꙋ ѡ҆́бразꙋ хрⷭ҇та̀ бг҃а на́шегѡ, и҆ ѿсѣ́клъ є҆сѝ всѧ́кꙋ є҆́ресь лꙋка́выхъ. тогѡ̀ ра́ди

---

[1]) Св. Стефанъ скончался около половины VIII вѣка.

прїемъ мꙋчéнїѧ вѣнéцъ, ѝзбáвилъ є҆сѝ грáдъ твóй сꙋрóжъ ѿ всѧ́кїѧ непрїѧ́зни. и҆ ны́нѣ мóлимъ тѧ̀ свѧ́те, да ѝзбáвиши нáсъ ѿ всѧ́кихъ злы́хъ ѝскꙋшéнїй, и҆ бѣ́дъ, и҆ вѣ́чныѧ мꙋ́ки.

Кондáкъ, глáсъ г҃:

Вы́шнѧгѡ си́лою сщéнне ѹ҆крѣпи́всѧ, царéва низложи́лъ є҆сѝ ї҆кѡнобѡ́рнаѧ шатáнїѧ. днéсь сꙋрóжꙋ и҆ нáмъ вѣ́рнымъ предлежáтъ слáва и҆ богáтство, ст҃ыѧ твоѧ̀ мóщи: и҆̀хже свы́ше дарономѧ́тъ а҆́гг҃льстїи чи́нове, пѣ́сньми и҆ пѣ́нїемъ славослóвѧтъ тѧ̀, вели́кїй сщéнный стефáне.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ПАВЛА ЛАТРСКАГО

Преподобный Павелъ Латрскій происходилъ изъ города Элея[1]), отъ благородныхъ родителей. Въ раннемъ возрастѣ лишившись отца своего, онъ воспитывался въ обители святаго Стефана во Фригіи[2]). Затѣмъ, похоронивъ въ непродолжительномъ времени и мать, онъ, будучи еще отрокомъ, посвятилъ себя всецѣло на служеніе Богу въ одномъ монастырѣ, находившемся на горѣ Латрѣ недалеко отъ Милета[3]). Умерщвляя плоть свою, святый подвижникъ никогда не ложился на постель или рогозину, а склонившись на дерево или камень, предавался непродолжительному сну. Часто, для преодолѣнія сна, онъ вѣшалъ два большихъ камня на спину и ходилъ до Утрени вокругъ монастыря или, удалившись на берегъ протекавшаго неподалеку ручья, подъ тѣнью дерева предавался слезной молитвѣ и Богомыслію. Не довольствуясь и сими подвигами, чтобы всецѣло предаться Христу, преподобный Павелъ удалился на безмолвіе въ пещеру; потомъ вошелъ на высокую гору и поселился на ней. Одинъ пастухъ, случайно обрѣт-

[1]) *Элей* — городъ въ Мизіи — сѣверо-западной области Малой Азіи близъ Пергама.

[2]) *Фригія* — большая область Малой Азіи, обнимавшая первоначально всю среднюю часть западной половины полуострова, кромѣ того, — позднѣе причислявшійся къ Мизіи южный берегъ Пропонтиды (Мраморнаго моря) до Геллеспонта (Дарданеллы).

[3]) О *Латрѣ* см. на стр. 391, примѣч. 1.

шій преподобнаго въ его уединеніи, доставлялъ ему пищу. Преуспѣвая въ духовномъ совершенствѣ, Павелъ стяжалъ отъ Бога даръ прозрѣвать въ міръ невидимый и творилъ чудеса. Слава о дивныхъ подвигахъ и святомъ житіи преподобнаго привлекла къ нему многихъ подвижниковъ, которые, поселившись у подошвы скалы, устроили монастырь. Императоръ Константинъ Порфирородный[1]) часто писалъ къ нему, прося его молитвъ и совѣтовъ; Петръ, царь Болгарскій, и папа Римскій[2]) почитали его за Богоугодную жизнь. Тяготясь, что безмолвіе его нарушается многочисленными посѣтителями, преподобный Павелъ дважды удалялся на островъ Самосъ[3]), гдѣ имъ была основана лавра и возстановлены три монастыря, разоренные Агарянами. По вторичномъ возвращеніи въ Латръ онъ предсказалъ часъ своей кончины. Потомъ сошелъ съ горы и, благословивъ братію, съ миромъ предалъ духъ свой Господу[4]).

Тропа́рь прп҃бнагѡ, гла́съ д҃:

Ꙗ҆́кѡ безпло́тныхъ є҆диновсе́льника, и҆ всѣ́мъ прп҃бнымъ соѡ́бщника, всесла́бне па́ѵле, пое́мъ тѧ̀, и҆ мо́лимъ тѧ̀: моли́сѧ всегда̀ ѡ҆ на́съ, ꙗ҆́кѡ да ѡ҆брѧ́щемъ мл҃ть.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Ѡ ю҆́ности, мꙋ́дре, ꙗ҆̀же па́че смы́сла вожделѣ́лъ є҆сѝ мꙋ́жески, мі́рскій мѧте́жъ ѡ҆ста́билъ є҆сѝ, и҆ бы́лъ є҆сѝ бж҃е́ственнагѡ ра́ди жи́тельства тр҃цы жили́ще, и҆ просвѣти́лъ є҆сѝ бѣ́рою пристꙋпа́ющыѧ тебѣ̀. тѣ́мъ зове́мъ: ра́дꙋйсѧ, па́ѵле пребога́те.

---

[1]) *Константинъ VI Порфирородный* — Византійскій императоръ, царствовалъ съ 912 по 959 г.

[2]) Здѣсь разумѣется *папа Агапитъ II*, занимавшій Римскую каѳедру съ 946 по 955 г.

[3]) *Самосъ* — одинъ изъ главныхъ острововъ Эгейскаго моря (Архипелага), вблизи западнаго берега Малой Азіи.

[4]) *Преподобный Павелъ Латрскій* скончался 15-го декабря 955 года.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ЕЛЕВѲЕРІЯ КУВИКУЛЯРІЯ[1])

Святый Елевѳерій былъ родомъ изъ Византіи и жизнь свою блистательно украсилъ цвѣтами благочестія. Воспитаніе онъ получилъ при царскомъ дворѣ, гдѣ вскорѣ достигъ почетнаго положенія. Въ это время онъ превосходилъ всѣхъ богатствомъ и славою, но при всемъ томъ не увлекался земной суетою. Памятуя о нетлѣнномъ и вѣчномъ, а все земное вмѣняя въ ничто, Елевѳерій предпочиталъ **приметáтися во двóрѣхъ гдⷭ҇нихъ, пáче нéже жи́ти въ селéніихъ грѣ́шничихъ**[2]); обращая свой внутренній, умный взоръ къ Богу, онъ ежедневно упражнялся въ пѣніи священныхъ пѣсней и украшалъ жизнь свою всякими добродѣтелями. Невыносимо было видѣть тò для врага-душерастлителя[3]), и онъ внушилъ одному изъ рабовъ блаженнаго оклеветать предъ царемъ господина своего.

Рабъ этотъ, явившись къ царю, донесъ ему:

— Господинъ мой принялъ Крещеніе, соорудилъ церковь[4]) и, вѣруя въ Распятаго, поноситъ царскіе указы; пріобрѣлъ онъ много священныхъ изображеній, совершаетъ службы христіанскому Богу и постомъ, со слезами и земными поклонами, изнуряетъ свое тѣло.

Выслушавъ этотъ доносъ раба на господина, царь сильно разгнѣвался и призвалъ къ себѣ святаго; но, когда святый явился, онъ, скрывая свою злобу, повелъ какъ бы мирную рѣчь и сказалъ:

— Елевѳерій! Какъ это такъ случилось, что ты отдалился, оставилъ насъ и пренебрегаешь нашей любовью къ придворнымъ вообще и даже особеннымъ къ тебѣ моимъ вниманіемъ?

На это святый отвѣтилъ:

— Царь! Меня заставляютъ поступать такъ различные недуги тѣла моего.

---

[1]) *Кувикулярій* —царскій постельничій.

[2]) Псаломъ **83**, ст. 11.

[3]) Т. е. діавола.

[4]) Въ своемъ имѣніи на азіатскомъ берегу Босфора, въ Виѳиніи, при р. Сангарѣ.

Тогда царь сказалъ:

— Почему же ты одинъ наслаждаешься въ своемъ помѣстьѣ благорастворенным воздухомъ? Нельзя ли и намъ посѣтить тебя и насладиться вмѣстѣ съ тобою благами загородной жизни?

Блаженный не обратилъ особеннаго вниманія на эти царскія слова и не придалъ имъ надлежащаго значенія. Къ вечеру онъ удалился въ свое любимое имѣніе и, затворившись, по обычаю, въ отдѣльной комнатѣ, предался Богомыслію, а когда уснулъ, то во снѣ увидѣлъ глубокую, какъ бы колодезь, пропасть, въ которую сошелъ онъ и увидѣлъ тамъ прекрасную церковь. Объятый трепетомъ отъ такого видѣнія, Елевѳерій наутро опять отправился къ царю. Царь опять началъ прельщать его ласковою рѣчью, стараясь поколебать его вѣру во Христа. Но напрасно потративъ слова и будучи не въ состояніи совратить святаго, царь приказалъ отсѣчь ему голову мечомъ, честно́е же тѣло его бросить на съѣденіе собакамъ и птицамъ. Такъ блаженный Елевѳерій предалъ духъ свой Богу. Тѣло же его, брошенное въ небреженіи, взялъ нѣкоторый, священническаго чина, христіанинъ и, помазавъ его елеемъ и покадивъ ѳиміамомъ, предалъ погребенію въ нарочитомъ мѣстѣ [1]).

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ПАРДА ОТШЕЛЬНИКА

Святый Пардъ [2]) былъ родомъ Римлянинъ и въ юности своей занимался извознымъ промысломъ. Однажды онъ отправился со своими верблюдами въ Іерихонъ и тамъ устроился при гостинницѣ. И вотъ, въ одно время попущеніемъ Божіимъ по дѣйству врага рода человѣческаго по недосмотру Парда попалъ подъ ноги верблюдамъ малый отрокъ: онъ былъ раздавленъ ими и умеръ. Это несчастіе сильно опечалило Парда и онъ, удалившись на гору Аріонъ, постригся тамъ въ монахи и постоянно сокрушался, съ рыданіемъ повторяя:

— Я погубилъ отрока и долженъ быть осужденъ, какъ убійца.

---

[1]) Мѣстомъ погребенія *св. Елевѳерія* признается его имѣніе въ Виѳиніи. Св. мученикъ пострвдалъ при Максиміанѣ въ началѣ IV вѣка.

[2]) *Преподобный Пардъ* подвизался въ VI вѣкѣ, въ Палестинѣ.

Недалеко отъ того мѣста, гдѣ жилъ Пардъ, въ долинѣ обиталъ левъ, и святый отецъ ходилъ въ его логовище, толкалъ звѣря рогатиною, чтобы тотъ, разсвирѣпѣвъ, растерзалъ его. Но левъ не причинялъ ему никакого вреда. Тогда старецъ, видя, что не достигаетъ своей цѣли, рѣшилъ лечь спать на томъ пути, по которому левъ ходилъ къ рѣкѣ на водопой, надѣясь, что звѣрь, проходя и увидя его, растерзаетъ, и, такимъ образомъ пострадавъ здѣсь, онъ избавится отъ мученія въ будущемъ вѣкѣ за убійство отрока. Какъ рѣшилъ поступить святый, такъ и сдѣлалъ: легъ на пути, снявъ съ себя одежду и положивъ ее подлѣ себя. И вотъ левъ, проходя тою тропою, перескочилъ, какъ бы человѣкъ, черезъ святаго, молча и не прикоснувшись къ нему. Тогда уразумѣлъ старецъ, что Господь простилъ ему грѣхъ тотъ и возвратился въ свое мѣстожительство на горѣ и оставался тамъ во всѣ годы послѣдующей жизни своей и до самой смерти своей всегда и всѣмъ являлъ собою образецъ мужа благонравнаго.

День шестнадцатый

ПАМЯТЬ

СВЯТАГО ПРОРОКА

АГГЕЯ

Святый Пророкъ Аггей происходилъ изъ колѣна Левіина[1]) и родился въ плѣну вавилонскомъ[2]). Еще будучи въ юношескомъ возрастѣ, онъ возвратился изъ Вавилона во Іерусалимъ и пророчествовалъ здѣсь со святымъ Пророкомъ Захарією[3]) тридцать шесть лѣтъ. Оба они жили за 500 съ лишкомъ лѣтъ до воплощенія Христова. Святый Аггей былъ современникомъ построенія втораго Іерусалимскаго храма, воздвигнутаго на мѣстѣ перваго—Соломонова. Построеніе сего храма было предпринято по возвращеніи изъ плѣна вавилонскаго Зоровавелемъ, предводителемъ Іудеевъ, отпущенныхъ на родину царемъ Персидскимъ Киромъ, который назначилъ его правителемъ Іудеи. Сооруженіе храма было сопряжено съ большими трудностями, ибо сему препятствовали Самаряне, участіе коихъ въ построеніи храма было отклонено Іудеями, желавшими сохранить чистоту и неприкосновенность

---

[1]) *Левій*—третій сынъ Іакова отъ Ліи.

[2]) Царь Халдеевъ Навуходоносоръ въ 587 г. до Р. Хр. взялъ Іерусалимъ и разрушилъ его. Лучшіе граждане съ семьями (отъ 14 до 18 тысячъ человѣкъ) были отведены плѣнниками въ столицу Халдеевъ—Вавилонъ. Въ плѣненіи вавилонскомъ Іудеи пребывали до 538 года, когда царь Мидянъ и Персовъ Киръ, ниспровергнувшій Халдейское царство, возвратилъ плѣнныхъ Іудеевъ (около 40 000 мужей) на родину.

[3]) *Захарія,* одинъ изъ 12-ти т. н. малыхъ Пророковъ; память его празднуется 8 февраля.

Богослуженія отъ всего нечистаго, языческаго. Самаряне подкупили начальниковъ нѣкоторыхъ персидскихъ областей, и тѣ клеветали на Іудеевъ предъ дворомъ персидскимъ. Но главнымъ препятствіемъ къ успѣшному сооруженію храма было то, что прежнее горячее усердіе Іудеевъ охладѣло. Они устремили свою дѣятельность на другое, занялись строеніемъ и украшеніемъ собственныхъ домовъ, полагая, что еще не приспѣло время строить домъ Божій, представляли они и иные предлоги для оправданія своей безпечности. И вотъ, въ сіе время посылаетъ Господь къ Іудеямъ Пророка Аггея съ обличеніемъ и угрозами, а также и обѣщаніемъ высшей помощи и славнымъ пророчествомъ о превосходствѣ и величіи втораго храма предъ первымъ. Съ помощію Божіею и при содѣйствіи Пророковъ Аггея и Захаріи Зоровавель преодолѣлъ козни враговъ и бездѣятельность Іудеевъ, и храмъ, начатый въ 520 г. до Р. Хр., былъ оконченъ въ 516 г., въ шестое лѣто правленія царя Персидскаго Дарія. **Рꙋцѣ зоровáвелевы**,—сказалъ Господь чрезъ Пророка,—**ѡ҆сновáша хрáмъ сéй, и҆ рꙋцѣ є҆гѡ̀ совершáтъ є҆гò** [1]). Всѣхъ рѣчей Пророка Аггея, относящихся къ сооруженію храма,—четыре [2]). Въ нихъ Пророкъ возбуждаетъ Іудеевъ къ строенію обличеніемъ ихъ безпечности и нерадѣнія о домѣ Божіемъ и указаніемъ безуспѣшности отъ сего въ дѣлахъ ихъ, безплодія земли и другихъ наказаній Божіихъ; онъ возбуждалъ ихъ также безопасностью и благовременностью строенія, увѣреніемъ присутствія и покровительства Божія въ семъ дѣлѣ, величіемъ и пре-

Ст҃ы́й пр҃ро́къ а҆ггє́й

[1]) Кн. Пр. Захаріи, гл. 4, ст. 9.

[2]) Кн. Пр. Аггея, гл. 1, ст. 2—15; гл. 2, ст. 1—9, 10—19, 20—23. Аггей былъ однимъ изъ 12-ти т. н. малыхъ Пророковъ; книга его, состоящая изъ двухъ главъ, занимаетъ 10-е мѣсто въ ряду книгъ сихъ Пророковъ.

восходствомъ новаго храма, необходимостью его для нихъ и обѣщаніемъ имъ благословенія Божія за исполненіе воли Господа. Величественно изображаетъ Пророкъ будущую славу сего храма и утвержденіе незыблемаго царства на землѣ, царства Христова: «сѝце глаго́летъ гдⷭ҇ь вседержи́тель: є҆щѐ є҆ди́ною а҆́зъ потрѧсꙋ̀ не́бомъ и҆ землѐю, и҆ мо́ремъ и҆ сꙋ́шею, и҆ сотрѧсꙋ̀ всѧ̑ ꙗ҆зы́ки, и҆ прїи́дꙋтъ и҆збра́ннѧѧ всѣ́хъ ꙗ҆зы́кѡвъ: и҆ и҆спо́лню хра́мъ се́й сла́вы... ве́лїѧ бꙋ́детъ сла́ва хра́ма сегѡ̀ послѣ́днѧѧ па́че пе́рвыѧ, глаго́летъ гдⷭ҇ь вседержи́тель: и҆ на мѣ́стѣ се́мъ да́мъ ми́ръ» [1]). И еще было слово Господне къ Пророку: «рцы̀ къ зорова́велю сынꙋ̀ саладїи́левꙋ ѿ колѣ́на і҆ꙋ́дова, глаго́лѧ: а҆́зъ потрѧсꙋ̀ не́бомъ и҆ землѐю, и҆ мо́ремъ и҆ сꙋ́шею. И҆ преврѧщꙋ̀ престо́лы царе́й, и҆ потреблю̀ си́лꙋ царе́й ꙗ҆зы́ческихъ... Въ то́й де́нь, глаго́летъ гдⷭ҇ь вседержи́тель, прїимꙋ̀ тѧ̀, зорова́велю саладїи́левъ, ра́бе мо́й, глаго́летъ гдⷭ҇ь, и҆ положꙋ̀ тѧ̀ ꙗ҆́кѡ печа́ть, поне́же тѧ̀ и҆збра́хъ, глаго́летъ гдⷭ҇ь вседержи́тель» [2]).

По кончинѣ своей святый Аггей съ честію былъ погребенъ близъ священническихъ гробовъ, ибо происходилъ изъ священническаго рода. Былъ онъ мужемъ, совершеннымъ въ добродѣтели, и, какъ славный и великій Пророкъ, былъ любимъ и чтимъ всѣми. Имя его, въ переложеніи съ еврейскаго языка на русскій— значитъ *праздникъ* или *празднующій* [3]).

Изображается святый Аггей старцемъ съ благообразнымъ лицемъ, обрамленнымъ круглою бородою, глава его частію была лишена волосъ.

ЖИТІЕ БЛАЖЕННОЙ ЦАРИЦЫ

ѲЕОФАНІИ

Блаженная Ѳеофанія родилась въ Царьградѣ и происходила изъ царскаго рода. Родители ея—Константинъ, имѣвшій санъ иллюстрія [4]), и мать Анна, живя въ честномъ супружествѣ, долгое время были безплодны, почему всегда скорбѣли о томъ, что не

---

[1]) Кн. Пр. Аггея, гл. 2, ст. 6—10.

[2]) Кн. Пр. Аггея, гл. 2, ст. 22—24.

[3]) Имя Пророка Аггея встрѣчается еще въ Св. Писаніи, въ надписаніи нѣкоторыхъ Псалмовъ (137, 145, 146), въ первой кн. Ездры (1, 5, 6, 14) и въ Посланіи св. Апост. Павла къ Евреямъ (гл. 12, ст. 26).

[4]) Такъ назывались въ Византіи высшіе сановники при царскомъ дворѣ.

имѣли дѣтей. Сильно желая имѣть плодъ своего супружества, они молились Пречистой Владычицѣ нашей Богородицѣ и, часто приходя въ Ея всечестный храмъ, бывшій въ Форакіи[1]), въ прилежномъ моленіи изливали предъ Нею сердца свои.

— Да разрѣшится,—молились они, — о Госпожа міра, безплодіе наше Твоимъ милосердіемъ, и да пріимемъ по ходатайству Твоему отъ Создателя чадородіе!

И такъ какъ они просили съ вѣрою, то и получили просимое благодатію Той, къ Которой усердно обращались съ молитвою: они пріяли разрѣшеніе своего безплодія и родили дитя женскаго пола, которое назвали Ѳеофаніею.

Съ шестилѣтняго возраста Ѳеофанію стали обучать грамотѣ и наставлять на всякое доброе дѣло. Еще въ дѣтскія лѣта ея можно было видѣть ясныя знаменія будущихъ ея великихъ добродѣтелей и святости. Видя ея благонравіе и умъ, родители Ѳеофаніи очень радовались и надѣялись впослѣдствіи утѣшаться ея благочадіемъ. Посему они искали юношу, подобнаго ей по знатности рода, благонравію и уму, чтобы сочетать ее по закону бракомъ, такъ какъ она уже приходила въ возрастъ и больше сверстницъ своихъ была украшена всѣми дарованіями.

Въ это время царь Василій Македонянинъ[2]) выискивалъ прекрасную и добродѣтельную дѣвицу для сочетанія бракомъ съ сыномъ своимъ Львомъ Мудрымъ[3]). Найдя Ѳеофанію лучшею всѣхъ другихъ дѣвицъ, онъ сочеталъ ее бракомъ съ сыномъ своимъ, уже объявленнымъ наслѣдникомъ престола. Царскій бракъ былъ совершенъ при всеобщей радости и ликованіяхъ.

Спустя нѣкоторое время лукавый врагъ посѣялъ плевелы въ домѣ царскомъ между отцомъ и сыномъ, и возсталъ съ гнѣвомъ великимъ отецъ на сына. Взявши его съ супругою его Ѳеофаніею, онъ заключилъ ихъ въ темницу и приставилъ крѣпкую стражу. Сіе совершилось по тайной злобѣ и хитрому коварству Ѳеодора Сантаварина, епископа Евхаитскаго,—волхва, котораго царь Левъ не любилъ.

Дѣло началось такъ: когда умеръ первенецъ царя Василія и старшій братъ царя Льва—Константинъ, царь Василій скорбѣлъ о немъ и безутѣшно плакалъ, ибо очень любилъ его. Тогда выше-

---

[1]) *Форакія*—мѣстность въ Константинополѣ.

[2]) *Василій I Македонянинъ* — Византійскій императоръ, царствовалъ въ 867—886 гг.

[3]) *Левъ VI Мудрый,* преемникъ Василія Македонянина, царствовалъ въ 886—911 гг.

упомянутый волхвъ, видя царя въ великой печали и желая его утѣшить, посредствомъ своихъ волхвованій показалъ царю умершаго сына его Константина живымъ, — сидящимъ на конѣ и ѣдущимъ къ нему навстрѣчу. Обнявъ сына и съ любовію облобызавъ его, царь снова потерялъ его изъ виду, ибо волшебное привидѣніе и мечтаніе исчезло. Удивился царь и ужаснулся и, сочтя видѣніе за дѣйствительность, сталъ очень почитать Сантаварина и, считая его своимъ искреннимъ другомъ, во всемъ его слушался. Юный же Левъ, будучи благоразуменъ и богобоязливъ, возгнушался тѣмъ волхвомъ и, ненавидя его, какъ врага Божія, презиралъ. Ѳеодоръ же, думая, чѣмъ бы отомстить царю Льву за такое презрѣніе, измыслилъ слѣдующую коварную хитрость. Выбравъ удобное время, онъ наединѣ приступилъ къ царю Льву и, притворившись доброжелательнымъ и расположеннымъ къ нему, сказалъ:

— Вотъ, ты молодъ и ѣздишь съ отцомъ своимъ на охоту. На всякій случай нужно тебѣ тайно носить небольшой мечъ для того, чтобы имѣть возможность иногда употребить его на звѣря, иногда же подать его въ нужное время отцу, или на тотъ случай, если бы какой домашній врагъ, коихъ отецъ твой имѣетъ немало, неожиданно и внезапно напалъ на отца твоего,—тогда бы ты, тотчасъ вынувъ тайно носимый мечъ, могъ поразить врага и сохранить жизнь отца своего.

Послушавшись этого коварнаго совѣта врага своего и не подозрѣвая его лукавства, Левъ сталъ тайно носить въ сапогѣ небольшой мечъ, когда ходилъ съ отцомъ своимъ на охоту или еще куда-нибудь.

Послѣ этого лукавый Сантаваринъ сказалъ тайно царю Василію:

— Сынъ твой Левъ хочетъ внезапно убить тебя, чтобы царствовать одному. Доказательствомъ его злого умысла послужитъ тебѣ слѣдующее: когда ты отправляешься на охоту, и онъ съ тобою, то онъ носитъ спрятанный въ сапогѣ при ногѣ мечъ, приготовленный для того, чтобы въ удобное время внезапно ударить тебя и убить. Если хочешь въ томъ убѣдиться, испытай на дѣлѣ— ступай на охоту, взявши и его съ собою и, когда придешь на поле, вели осмотрѣть, что онъ имѣетъ въ сапогѣ.

Вскорѣ царь Василій, взявъ юнаго царя, сына своего, отправился на охоту и, будучи на полѣ, повелѣлъ осмотрѣть, что имѣетъ

царь Левъ въ сапогѣ, и тамъ найденъ былъ спрятанный небольшой обоюдоострый мечъ. И воспылалъ тотчасъ Василій пламенемъ неизреченной ярости и гнѣва на сына своего, считая за правду повѣданное Сантаварином,— будто сынъ хотѣлъ убить его.

— Для того онъ и мечъ приготовилъ,—сказалъ онъ.

Левъ же, будучи ни въ чемъ не виновенъ, увѣрялъ, что носилъ мечъ не для смерти отца, а для сохраненія жизни его. Но, сильно разгнѣванный, отецъ, не желая слушать ни единаго его слова, тотчасъ заключилъ его, а также и супругу его, блаженную Ѳеофанію, въ нѣкоторомъ, бывшемъ въ царскихъ палатахъ, тайномъ помѣщеніи и приставилъ къ нимъ крѣпкую стражу. Такъ лукавый волхвъ Сантаваринъ отомстилъ царю Льву; самымъ же ужаснымъ при этомъ было то, что, по внушенію того же Сантаварина, отецъ хотѣлъ сыну выколоть и вынуть очи. И сіе дѣло непремѣнно бы совершилось, если бы Патріархъ и весь синклитъ не удержали царя.

Бл҃же́нная царица
Ѳеофа́нїа

Болѣе трехъ лѣтъ безвинный царь Левъ и блаженная Ѳеофанія, не сдѣлавшіе никакого зла, пробыли въ заключеніи. Тамъ они ни въ чемъ иномъ не упражнялись, какъ только въ молитвѣ и постѣ, скорбя о своемъ заключеніи и призывая Всевидящаго Бога во свидѣтели своей невинности. Нѣсколько разъ синклитъ хотѣлъ просить царя за сына, но не находилъ удобнаго времени. Наконецъ, выпалъ случай, когда можно было обратиться съ таковой просьбой. Это произошло такъ. Въ царской палатѣ была птица, попугай, наученная произносить человѣческимъ голосомъ нѣкоторыя слова и своимъ произношеніемъ забавлявшая царя и другихъ, кто слышалъ попугая. Однажды царь, совершая праздникъ святому Пророку Иліи, созвалъ къ себѣ на царскій обѣдъ всѣхъ своихъ

придворныхъ и, устроивъ пиршество, приглашалъ всѣхъ радоваться и веселиться съ собою. Птица же та, часто говоря по-человѣчески, повторяла, неизвѣстно наученная ли кѣмъ, или случайно, такія слова:

— Увы, увы, господинъ Левъ!

Слыша сіе, всѣ обѣдавшіе придворные сидѣли въ смущеніи, оставивъ пищу и питье. Видя же придворныхъ въ смущеніи, ни вкушающихъ, ни пьющихъ, царь спрашивалъ, почему они столь печальны. Тогда они, сочтя время удобнымъ, встали въ слезахъ и сказали:

— Если не имѣющая разума птица скорбитъ о своемъ, невинно страждущемъ, господинѣ и, рыдая и отыскивая его, говоритъ: «увы, увы, господинъ Левъ!»—какъ же мы, разумныя и словесныя твари, несомнѣнно знающія, что сынъ твой, а нашъ господинъ, страдаетъ невинно по злобѣ, и по клеветѣ терпитъ твой отеческій гнѣвъ,—какъ можемъ мы веселиться, ѣсть и пить?! Не еще ли болѣе мы должны скорбѣть? О царь! Если сынъ твой въ чемъ-либо согрѣшилъ противъ тебя, отца своего, и задумалъ поднять на тебя руку, дай намъ его сюда,—мы на части разсѣчемъ его. Если же онъ ни въ чемъ не повиненъ,—какъ намъ несомнѣнно извѣстно,—то зачѣмъ ты мучаешь кровь свою?

Отъ такихъ словъ царь пришелъ въ умиленіе и, подвигнутый сердцемъ и естественною жалостію, тотчасъ повелѣлъ вывести царя Льва изъ заключенія, остричь выросшіе у него во время заключенія волосы и, одѣвши въ царскія одежды, съ честію привести къ себѣ. Когда это было исполнено, царь поднялся въ слезахъ,—обнялъ сына, сталъ лобызать его и возвратилъ ему прежній царскій санъ.

Поживъ послѣ сего немного времени, царь Василій заболѣлъ и умеръ, оставивъ царскую власть сыну своему. Левъ же, по смерти отца, схвативъ волхва Сантаварина, повелѣлъ бить его, выколоть глаза и послалъ въ заточеніе въ городъ Аѳины[1]).

Такъ обратилась злоба волхва на собственную его голову. Сей Сантаваринъ былъ по вѣрѣ—манихей[2]), по ученію—волхвъ, по

---

[1]) *Аѳины* — столица древнегреческаго государства; славилась своими постройками, произведеніями искусствъ, развитіемъ торговли и промышленности и, особенно, школами и философскими училищами. Аѳины находились на восточномъ выступѣ средней Греціи при Архипелагѣ.

[2]) О *манихейской ереси* см. на стр. 146, прим. 1.

виду—христіанинъ, по сану—епископъ, а царемъ Василіемъ считался святымъ—ради чудесъ его, творимыхъ волшебствомъ.

Между тѣмъ блаженная Ѳеофанія, вступившая послѣ своего заключенія въ царскую жизнь, прилежно заботилась о своемъ душевномъ спасеніи, за ничто считая царскую славу и презирая, какъ соръ и сонъ, сладость и суету житейскую. Она непрестанно и днемъ, и ночью имѣла на устахъ своихъ Псалмы, духовныя пѣсни и молитвы и всю жизнь свою проводила, угождая Богу и взыскуя Его дѣлами милосердія. Она не заботилась о царскомъ украшеніи своего тѣла, и если совнѣ бывала одѣта съ нѣкоторымъ благолѣпіемъ, то, съ другой стороны, подъ одеждою, на тѣлѣ, носила грубую власяницу, которою была умерщвляема плоть ея. Жизнь ея была постническая—она питалась простымъ хлѣбомъ и сушеною зеленью; обильныя яства трапезы совершенно были изгнаны ею.

Поступившія въ ея руки богатства и драгоцѣнности были раздаваемы ею нуждающимся бѣднымъ и убогимъ, сиротамъ и вдовицамъ, драгоцѣнныя одежды и вещи отдавались имъ же. Бѣдныя келліи монашествующихъ и монастыри обновлялись ею и обогащались имѣніями и всѣмъ нужнымъ. Таковы были усердіе и попеченіе о всѣхъ той христолюбивой царицы! На слугъ и рабынь своихъ она смотрѣла какъ на братьевъ и сестеръ, и никого не звала просто—по имени,—но всѣхъ почитала званіемъ о Господѣ, уважая имя, чинъ и должность каждаго. И не изрекла она языкомъ своимъ клятвы, и не вышло никакое гнилое слово изъ устъ ея—ни ложь, ни клевета и вообще никакое непотребное слово. Ко всѣмъ она относилась съ любовію—плакала съ плачущими, радовалась съ радующимися. Хотя постель ея и была устлана виссономъ[1]) и украшена золотыми украшеніями, но она не спала на ней а, положивъ на получистую рогожу, покрывавшую острыя кости и зубы животныхъ, ложилась спать на нее и такое свое ложе на всякую ночь, по изреченію Пророка Давида, омочала слезами[2]) и послѣ очень непродолжительнаго сна тотчасъ вставала на славословіе Божіе. Отъ столь суровой, исполненной всякихъ лишеній жизни Ѳеофанія впала въ великую тѣлесную болѣзнь, однако не изнемогала душою отъ непрестанной молитвы, не переставала поучаться въ Божественномъ законѣ, читая Священныя книги

[1]) *Виссонъ* — драгоцѣнная, тонкая и мягкая, блестящая льняная ткань.

[2]) Псаломъ 6, ст. 7.

и исполняя прочитываемое. Всѣ ея попеченія были направлены къ тому, чтобы помогать обидимымъ, заступаться за вдовъ, заботиться о сиротахъ, утѣшать скорбящихъ, отирать слезы плачущимъ,—и была она матерью для всѣхъ, не имѣющихъ крова и помощи. Живя въ мірѣ, она отвергла все мірское; пребывая въ супружествѣ, она возлюбила благое иго Христово и, взявъ крестъ на рамо, понесла его, и, такимъ образомъ, угодила Богу.

Предчувствуя исходъ души своей изъ тѣла, блаженная Ѳеофанія повелѣла, чтобы всѣ приходили къ ней для прощанія. Затѣмъ, давъ всѣмъ конечное и послѣднее цѣлованіе, она переселилась отъ царства земнаго къ Небесному и предстала къ Царю славы, украшенная, какъ царскою багряницею [1]), многими своими добродѣтелями. Посему причтена она къ лику святыхъ, добродѣтелями Богу угодившихъ, а честно́е тѣло ея было съ честію предано погребенію [2]).

Мужъ Ѳеофаніи, царь Левъ Мудрый, еще при жизни ея, видя ея великую святость и почитая ее не какъ супругу, но какъ госпожу свою и ходатайницу предъ Богомъ, задумалъ заблаговременно построить храмъ во имя ея. Святая же, узнавъ о семъ, не только не соизволила сему, но и строго запретила дѣлать это. Посему начатый уже строиться во имя ея храмъ былъ переименованъ во имя Всѣхъ Святыхъ и тѣмъ же царемъ, по совѣту со всею церковью, въ первую недѣлю по Пятидесятницѣ былъ установленъ праздникъ Всѣхъ Святыхъ. Царь говорилъ:

— Если Ѳеофанія—святая, то пусть и ея память празднуется вмѣстѣ со всѣми святыми, во славу отъ всѣхъ святыхъ славимому Богу!

Ему и отъ насъ да будетъ слава во вѣки. Аминь.

---

[1]) *Багряница*—торжественная одежда багрянаго цвѣта, царская порфира—необходимая принадлежность Византійскихъ царей и знакъ ихъ царскаго достоинства.

[2]) Блаженная царица Ѳеофанія скончалась ок. 893 г. Она погребена въ церкви Всѣхъ Святыхъ, построенной ея мужемъ, близъ храма свв. Апостоловъ, гдѣ послѣ былъ устроенъ женскій монастырь. Русскій паломникъ Стефанъ Новгородецъ въ 1342 году называетъ сей монастырь монастыремъ св. Константина, а іеродіаконъ Зосима (1420 г.)—монастыремъ Филостратоса; оба въ немъ видѣли мощи св. царицы Ѳеофаніи съ мощами муч. Климента Анкирскаго, память котораго празднуется Церковію 23-го января. Въ настоящее время мощи Ѳеофаніи почиваютъ въ патріархіи Константинопольской.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

МАРИНА

Святый Маринъ жилъ въ царствованіе Карина[1]) и, будучи благороденъ по происхожденію, несмотря на свой юный возрастъ, носилъ званіе синклитика, или сенатора[2]). Какъ христіанинъ онъ былъ схваченъ и понуждаемъ принести жертву идоламъ. Но такъ какъ онъ не покорялся и не исполнялъ этого требованія, то его повѣсили и рубили мечами, потомъ положили на огонь. Послѣ того бросили его на раскаленную сковороду и затѣмъ въ кипящій котелъ; но, по благодати Божіей, Маринъ при всѣхъ этихъ пыткахъ оставался невредимъ. Тогда выпустили на святаго дикихъ звѣрей, львовъ и медвѣдей, но и тѣ не тронули его. Между тѣмъ, озлобленіе язычниковъ еще болѣе усиливалось противъ твердаго исповѣдника вѣры Христовой: они рѣшили было насильно ввести его въ идольское капище и заставить принести жертву. Святый же въ это время сказалъ:

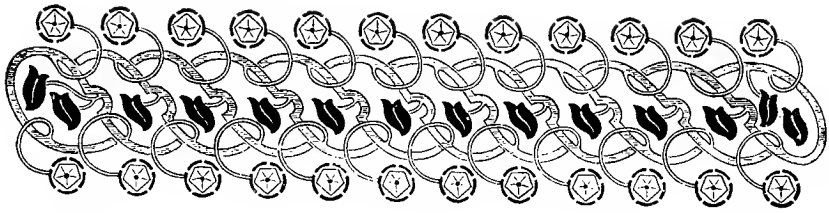
— Хочу принести жертву богамъ.

Слыша такое заявленіе мученика, царь и всѣ окружавшіе его обрадовались. Но Маринъ, вошедши со всѣми въ капище, обратился съ молитвою къ Господу Іисусу Христу, и идолы упали и сокрушились. Огорчился царь, пораженный такою неожиданностію, и немедленно приказалъ отсѣчь голову мученику. Такъ святый Маринъ предалъ духъ свой Господу; мощи же его благочестно погребены были богобоязненными христіанами[3]).

[1]) *Каринъ* — Римскій императоръ съ 282 по 283 г.

[2]) *Синклитиками* назывались одни изъ самыхъ важныхъ царскихъ совѣтниковъ и сановниковъ, составлявшіе собою синклитъ (царскій совѣтъ).

[3]) *Св. Маринъ* пострадалъ ок. 283 г.



День семнадцатый

ЖИТІЕ
СВЯТАГО ПРОРОКА
ДАНІИЛА
И СЪ НИМЪ СВЯТЫХЪ ТРЕХЪ ОТРОКОВЪ
АНАНІИ, АЗАРІИ и МИСАИЛА

Святый Пророкъ Даніилъ происходилъ изъ рода царскаго, изъ колѣна Іудина. Въ юныхъ лѣтахъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ Навуходоносоромъ[1]) и вмѣстѣ съ царемъ Іудейскимъ Іоакимомъ былъ отведенъ изъ Іерусалима въ Вавилонъ[2]); тамъ онъ еще въ

---

[1]) *Навуходоносоръ*—сынъ Набополассара, царь Вавилонскій (отъ 607 до 564 до Р. Хр.), одинъ изъ знаменитѣйшихъ завоевателей, о которыхъ говоритъ исторія. Онъ разбилъ войско Египетскаго царя—фараона Нехао и положилъ конецъ египетскому могуществу въ Азіи (Кн. Пр. Іерем., гл. **46**, ст. 2; 4 Кн. Цар., гл. **24**, ст. 7). Потомъ онъ обратилъ вниманіе на данника его, царя Іудейскаго, Іоакима. Послѣ краткой осады взявъ Іерусалимъ, онъ оставилъ Іоакима царемъ, сдѣлавъ его своимъ данникомъ; взялъ часть сосудовъ изъ храма и отправилъ въ Вавилонъ, также велѣлъ выбрать красивыхъ и даровитыхъ отроковъ изъ царскаго и княжескаго рода и переселилъ въ Вавилонъ, чтобы тамъ воспитать ихъ для служенія при дворѣ. И такъ какъ Іоакимъ чрезъ три года отрекся отъ покорности ему, то онъ снова сдѣлалъ нападеніе на Іудею и переселилъ изъ нея болѣе трехъ тысячъ Іудеевъ (597 г.), а въ слѣдующемъ году взялъ въ плѣнъ и самого царя (Седекію) и заключилъ въ оковы (2 Паралип., **36**, ст. 6).

[2]) *Вавилонъ*—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ міра; построенъ Нимродомъ, сыномъ Хуша, потомкомъ Хамовымъ, который городъ этотъ сдѣлалъ столицею своего царства (Кн. Быт., гл. **10**, ст. 6—10). Отъ имени этого города и вся земля эта стала называться Вавилонскою, или Вавилоніею. Она называется также землею Халдеевъ (Кн. Прор. Іер.,

юности прославился божественными дарованіями,—въ особенности же, когда мудро обличилъ неправедныхъ и беззаконныхъ судей и избавилъ отъ смерти неповинную Сусанну.

Въ то время Іудеи, находившіеся въ плѣну Вавилонскомъ, имѣли двухъ старцевъ—судей, избранныхъ разбирать случающіяся между ними распри. Въ опредѣленные дни старцы эти собирались въ домъ нѣкоего знатнаго и богатаго мужа—Іоакима и тамъ разбирали распри среди народа Іудейскаго.

У Іоакима была жена, по имени Сусанна, дочь Хелкія,—очень красивая и богобоязненная. Родители ея были люди праведные и воспитали дочь свою во всѣхъ правилахъ Закона Моисеева. Старцы же тѣ были люди беззаконные: подъ видомъ суда они творили неправду, такъ что исполнилось на нихъ слово Писанія: «ꙗ҆зы́де беззако́нїе и҆з̾ вавилѡ́на ѿ ста́рецъ ѕꙋде́й»[1]).

Эти-то старцы видѣли Сусанну, ежедневно входящую въ садъ мужа своего и выходящую оттуда, и въ нихъ родилась похоть къ ней. И извратили они умъ свой и уклонили глаза свои, чтобы не смотрѣть на небо и не вспоминать о праведныхъ судахъ; однако не открывали другъ другу о страсти своей, такъ какъ стыдились въ томъ признаться. Каждый изъ нихъ искалъ удобнаго времени для удовлетворенія своей страсти. И они прилежно сторожили каждый день, чтобы видѣть Сусанну, и говорили другъ другу:

— Пойдемъ домой, потому что—часъ обѣда,— и, вышедши, расходились другъ отъ друга, но, возвратившись, снова приходили на то же самое мѣсто и, когда допытывались другъ у друга о причинѣ того, признались въ похоти своей. Тогда они вмѣстѣ назначили время, когда бы могли найти ее одну.

Однажды, когда они выжидали удобнаго дня, Сусанна вошла, какъ всегда, съ двумя только служанками и захотѣла мыться въ саду, потому что было жарко. И не было тамъ никого, кромѣ

гл. 24, ст. 5; Кн. Прор. Іез., гл. 12, ст. 13)—отъ господствующаго здѣсь племени Халдеевъ, съ давнихъ временъ пришедшихъ сюда съ сѣвера, съ горъ Арменіи, и давшихъ свое имя землѣ этой. Земля эта находилась въ плодоносной равнинѣ Сеннаарской, въ бассейнѣ рѣкъ Тигра и Евфрата. Вавилонъ былъ расположенъ здѣсь по обѣимъ сторонамъ Евфрата, въ 15 миляхъ отъ Багдада, въ 40—отъ Персидскаго залива и въ 130—отъ Іерусалима. Богатства стекались въ Вавилонъ со всѣхъ сторонъ,—и, такимъ образомъ, онъ принадлежалъ къ величайшимъ, знаменитѣйшимъ и богатѣйшимъ городамъ Востока. По смерти Навуходоносора царство Вавилонское быстро стало клониться къ упадку. Нынѣ на мѣстѣ древняго Вавилона остаются только развалины.

[1]) Книга Прор. Даніила, гл. 13, ст. 5.

двухъ старцевъ, которые спрятались и сторожили ее. Сусанна сказала служанкамъ:

— Принесите мнѣ масла и мыла и заприте двери сада, чтобы мнѣ помыться.

Онѣ такъ и сдѣлали, какъ она сказала: заперли двери сада и вышли боковыми дверями, чтобы принести, что приказано было имъ, и не видали старцевъ, потому что они спрятались. И вотъ, когда служанки вышли, встали оба старца, и приблизились къ Сусаннѣ, и сказали:

— Вотъ, двери сада заперты, и никто насъ не видитъ, а мы имѣемъ похотѣніе къ тебѣ. Поэтому согласись съ нами и побудь съ нами. Если же не такъ, то мы будемъ свидѣтельствовать противъ тебя, что съ тобою былъ юноша и ты поэтому отослала отъ себя служанокъ твоихъ.

Тогда застонала Сусанна и сказала:

— Тѣсно мнѣ отвсюду: ибо если я сдѣлаю это, смерть мнѣ; а если не сдѣлаю, то не избѣгну отъ рукъ вашихъ. Лучше для меня не сдѣлать этого и впасть въ руки ваши, нежели согрѣшить предъ Богомъ.

И закричала Сусанна громкимъ голосомъ; закричали также и оба старца противъ нея. И одинъ побѣжалъ и отворилъ двери сада.

Когда же находившіеся въ домѣ услышали крикъ въ саду, вскочили боковыми дверями, чтобы видѣть, что случилось съ Сусанною. И когда старцы сказали слова свои, слуги ея чрезвычайно были пристыжены, потому что никогда ничего такого о Сусаннѣ говорено не было.

И было на другой день, когда собрался народъ къ Іоакиму, мужу ея, пришли и оба старца, полные беззаконнаго умысла противъ Сусанны, чтобы предать ее смерти. И сказали они предъ народомъ:

— Пошлите за Сусанною, дочерью Хелкія, женою Іоакима,— и послали.

И пришла она, и родители ея, и дѣти ея, и всѣ родственники ея. Сусанна была очень нѣжна и красива лицемъ. И эти беззаконники приказали открыть лице ея (такъ какъ оно было закрыто), чтобы насытиться красотою ея. Родственники же и всѣ знающіе ее плакали. А оба старца, вставши посреди народа, положили руки на голову ея. Она же въ слезахъ смотрѣла на

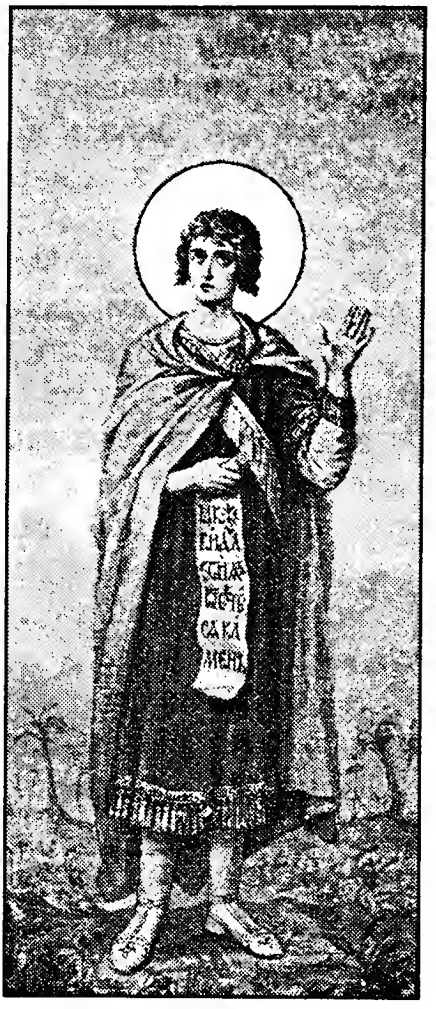
Небо, ибо сердце ея уповало на Господа. И сказали старцы:

— Когда мы ходили по саду одни, вошла эта женщина съ двумя служанками, и затворила двери сада, и отослала служанокъ. И пришелъ къ ней юноша, который скрывался тамъ, и легъ съ нею. Мы, находясь въ углу сада и видя такое беззаконіе, побѣжали къ нимъ и увидѣли ихъ вмѣстѣ, но юношу не могли удержать, потому что онъ былъ сильнѣе насъ, и, отворивъ двери сада, онъ выскочилъ. Но эту мы схватили и допрашивали: кто былъ тотъ юноша? Но она не захотѣла объявить намъ. Объ этомъ мы свидѣтельствуемъ.

И повѣрило имъ собраніе — какъ старѣйшинамъ народа и судіямъ, и осудили Сусанну на смерть.

Тогда возопила Сусанна громкимъ голосомъ и сказала:

— Боже вѣчный, вѣдающій сокровенное и знающій все, прежде бытія ихъ! Ты знаешь, что они ложно свидѣтельствовали противъ меня, и вотъ, я умираю, не сдѣлавъ ничего изъ того, что эти люди злостно выдумали на меня.



Ст҃ый прр҃окъ Даніи́лъ

И услышалъ Господь голосъ ея.

Когда она ведена была на смерть, Богъ возбудилъ Духомъ Святымъ молодаго юношу, по имени Даніила. И онъ закричалъ громкимъ голосомъ:

— Чистъ я отъ крови ея!

Тогда обратился къ нему весь народъ и сказалъ:

— Что это за слово, которое ты сказалъ?

Тогда Даніилъ, ставъ посреди нихъ, сказалъ:

— Такъ ли вы неразумны, сыны Израиля, что, не изслѣдовавъ и не узнавъ истины, осудили дочь Израиля? Возвратитесь на судъ, ибо эти старцы ложно противъ нея засвидѣтельствовали.

И тотчасъ весь народъ возвратился, и сказали старцы Даніилу:

— Садись посреди насъ и объяви намъ, потому что Богъ далъ тебѣ старѣйшинство.

И сказалъ Даніилъ народу:

— Отдѣлите ихъ другъ отъ друга подальше, и я допрошу ихъ.

Когда же они отдѣлены были одинъ отъ другаго, Даніилъ призвалъ одного изъ нихъ и сказалъ ему:

— Состарѣвшійся въ злыхъ дняхъ! Нынѣ обнаружились грѣхи твои, которые ты дѣлалъ прежде, производя суды неправедные, осуждая невинныхъ и оправдывая виновныхъ, тогда какъ Господь говоритъ: невиннаго и праваго не умерщвляй[1]). Итакъ, если ты видѣлъ сію женщину, скажи, подъ какимъ деревомъ видѣлъ ты ихъ, разговаривающими другъ съ другомъ?

Онъ сказалъ: «подъ мастиковымъ»[2]).

Даніилъ сказалъ:

— Точно солгалъ ты на твою голову, ибо вотъ, Ангелъ Божій, принявъ рѣшеніе отъ Бога, разсѣчетъ тебя пополамъ.

Удаливъ его, Даніилъ приказалъ привести другаго и сказалъ ему:

— Племя Ханаана, а не Іуды! Красота прельстила тебя, и похоть развратила сердце твое. Такъ поступали вы съ дочерьми Израиля, и онѣ изъ страха имѣли общеніе съ вами; но дочь Іуды не потерпѣла беззаконія вашего. Итакъ, скажи мнѣ: подъ какимъ деревомъ ты засталъ ихъ разговаривающими между собою?

Онъ сказалъ:

— Подъ зеленымъ дубомъ[3]).

Даніилъ сказалъ ему:

— Точно ты солгалъ на твою голову, ибо Ангелъ Божій съ мечомъ ждетъ, чтобы разсѣчь тебя пополамъ, чтобы истребить васъ.

Тогда все собраніе закричало громкимъ голосомъ и благословило Бога, спасающаго надѣющихся на Него, и возстало на обоихъ старцевъ, потому что Даніилъ ихъ устами обличилъ ихъ, что они ложно свидѣтельствовали. И поступили съ ними такъ, какъ они злоумыслили противъ ближняго, по Закону Моисееву, и умертвили

---

[1]) Ср.: Кн. Второз., гл. 25, ст. 1.

[2]) Въ слав. подъ терновымъ,—греч. σχίνος (мастиковое дерево).

[3]) Слав. подъ черемухой,—греч. πρίνος (т. н. каменный дубъ).

ихъ; и спасена была въ тотъ день кровь невинная. А Хелкія и жена его прославили Бога за дочь свою Сусанну съ Іоакимомъ, мужемъ ея, и со всѣми родственниками, потому что не найдено было въ ней постыднаго дѣла.

И Даніилъ сталъ великъ предъ народомъ съ того дня и потомъ— ради мудрости своей и бывшихъ въ немъ божественныхъ дарованій[1]).

Въ то время Навуходоносоръ, царь Вавилонскій, сказалъ Асфеназу, начальнику евнуховъ своихъ, чтобы онъ изъ плѣнныхъ сыновъ Израиля, изъ рода царскаго и княжескаго, привелъ отроковъ, у которыхъ нѣтъ никакого тѣлеснаго недостатка, красивыхъ видомъ и понятливыхъ для всякой науки, и смышленныхъ и годныхъ служить въ чертогахъ царскихъ, и чтобы научилъ ихъ книгамъ и языку халдейскому. И назначилъ имъ царь ежедневную пищу съ царскаго стола и вино, которое самъ пилъ, и велѣлъ воспитывать ихъ три года, по истеченіи которыхъ они должны были предстать предъ царя. Между ними были изъ сыновъ Іудиныхъ Даніилъ и съ нимъ три другихъ отрока, также царскаго рода: Ананія, Азарія и Мисаилъ. И переименовалъ ихъ начальникъ евнуховъ: Даніила—Валтасаромъ, Ананію—Седрахомъ, Мисаила—Мисахомъ и Азарію—Авденагò[2]). Даніилъ вмѣстѣ съ тремя товарищами своими положилъ въ сердцѣ своемъ не оскверняться яствами со стола царскаго и виномъ, какое пьетъ царь, и потому просилъ начальника евнуховъ о томъ, чтобы не оскверняться имъ. Богъ даровалъ Даніилу милость и благорасположеніе начальника евнуховъ, который сказалъ Даніилу:

— Боюсь я господина моего, царя, который самъ назначилъ вамъ пищу и питье; если онъ увидитъ лица ваши худощавѣе, нежели у отроковъ—сверстниковъ вашихъ, то вы сдѣлаете голову мою виновною предъ царемъ.

Тогда сказалъ Даніилъ Амелсару, котораго начальникъ евнуховъ приставилъ къ Даніилу, Ананіи, Азаріи и Мисаилу:

— Сдѣлай опытъ надъ рабами твоими въ теченіе десяти дней; пусть даютъ намъ въ пищу овощи и воду для питья. И потомъ пусть явятся предъ тобою лица наши и лица тѣхъ отроковъ, которые питаются царскою пищею, и затѣмъ поступай съ рабами твоими какъ знаешь.

---

[1]) Это сказаніе о Сусаннѣ находится въ гл. 13-й книги Прор. Даніила и относится къ неканоническимъ мѣстамъ Библіи.

[2]) Переименованы они были въ знакъ зависимости своей отъ Навуходоносора.

Онъ послушался ихъ въ этомъ и испытывалъ ихъ десять дней. По истеченіи же десяти дней лица ихъ оказались красивѣе, и тѣломъ они были полнѣе всѣхъ тѣхъ отроковъ, которые питались царскими яствами. Тогда Амелсаръ бралъ ихъ кушанье и вино для питья и давалъ имъ овощи. И даровалъ Богъ четыремъ симъ отрокомъ знаніе и разумѣніе всякой книги и мудрости, а Даніилу еще даровалъ разумѣть и всякія видѣнія и сны. По окончаніи тѣхъ дней, когда царь приказалъ представить ихъ, начальникъ евнуховъ представилъ ихъ Навуходоносору. И царь говорилъ съ ними, и изъ всѣхъ отроковъ не нашлось подобныхъ Даніилу, Ананіи, Азаріи и Мисаилу,—и стали они служить предъ царемъ. И во всякомъ дѣлѣ мудраго уразумѣнія, о чемъ ни спрашивалъ ихъ царь, онъ находилъ ихъ въ десять разъ выше всѣхъ тайновѣдцевъ и волхвовъ, какіе были во всемъ царствѣ его[1]).

Во второй годъ царствованія своего Навуходоносоръ видѣлъ сонъ, и возмутился духъ его, и сонъ удалился отъ него. И велѣлъ царь созвать тайновѣдцевъ, гадателей, чародѣевъ и халдеевъ[2]), чтобы они разсказали царю сонъ его. Они пришли и стали предъ царемъ. И сказалъ имъ царь:

— Сонъ снился мнѣ, и тревожился духъ мой; желаю знать этотъ сонъ.

И сказали халдеи царю:

— Царь! Во вѣки живи! Скажи сонъ рабамъ твоимъ, и мы объяснимъ значеніе его.

Отвѣчалъ царь и сказалъ халдеямъ:

— Слово отступило отъ меня; если вы не скажете мнѣ сновидѣнія и значенія его, то въ куски будете изрублены,

---

[1]) Сказаніе о воспитаніи при царскомъ дворѣ Даніила, Ананіи, Азаріи и Мисаила находится въ книгѣ Прор. Дан.: гл. 1, ст. 3—20.

[2]) *Обаятели* (русск.—*тайновѣдцы*), *волхвы* (русск.—*гадатели*), *чародѣи, халдеи*. Это различныя наименованія людей мудрыхъ, обладавшихъ высокими и обширными знаніями, особенно знаніемъ тайныхъ силъ природы, священныхъ письменъ (іероглифовъ), а также въ области астрономіи и медицины. Главнымъ занятіемъ ихъ было изученіе природы, наблюденіе за явленіями небесными, толкованіе сновъ, угадываніе будущаго; вмѣстѣ съ тѣмъ они были большею частію и жрецами. Такоыы волхвы, современные Іосифу (Кн. Быт., гл. 41, ст. 8) и Моисею (Кн. Исх., гл. 7, ст. 11), и волхвы, приходившіе на поклоненіе Іисусу Христу (Еванг. от Матѳ., гл. 2, ст. 1—2). Сюда же можно отнести Валаама (Кн. Числ., гл. 22, ст. 5) и Симона (Дѣян., гл. 8, ст. 1). Многіе изъ нихъ были людьми мудрыми и учеными въ лучшемъ смыслѣ этого слова и даже удостоивались иногда особенныхъ откровеній отъ Бога, какъ напр. Валаамъ и волхвы, приходившіе на поклоненіе Іисусу Христу, а другіе несомнѣнно къ научнымъ занятіямъ присоединяли и низкое ремесло: волшебства, ворожбы, заклинанія, разные обманы и т. п. Поэтому-то, вѣроятно, они и называются между прочимъ обаятелями и чародѣями.

и дома ваши обратятся въ развалины.

Халдеи отвѣчали царю и сказали:

— Нѣтъ на землѣ человѣка, который могъ бы открыть это дѣло царю, и потому ни одинъ царь, великій и могущественный, не требовалъ подобнаго ни отъ какого тайновѣдца, гадателя и халдея. Дѣло, котораго царь требуетъ, такъ трудно, что никто другой не можетъ открыть его царю, кромѣ боговъ, которыхъ обитаніе не съ плотію.

Стый
Ананія

Царь страшно разгнѣвался на это и приказалъ истребить всѣхъ мудрецовъ вавилонскихъ. Когда вышло повелѣніе убивать мудрецовъ, стали разъискивать Даніила и товарищей его, чтобы умертвить ихъ. Тогда Даніилъ обратился съ совѣтомъ и мудростію къ Аріоху, начальнику царскихъ тѣлохранителей, которому было повелѣно убивать мудрецовъ вавилонскихъ, и спросилъ его о причинѣ сего грознаго повелѣнія царя. Тогда Аріохъ разсказалъ все дѣло Даніилу. Даніилъ вошелъ и упросилъ царя дать ему время, для того чтобы представить истолкованіе сна. Получивъ просимое, Даніилъ возвратился въ домъ свой и разсказалъ обо всемъ Ананіи, Азаріи и Мисаилу, товарищамъ своимъ, чтобы они просили милости у Бога объ этой тайнѣ, дабы онъ, Даніилъ, и товарищи не погибли съ прочими мудрецами вавилонскими. И тогда открыта была тайна Даніилу въ ночномъ видѣніи, и Даніилъ прославилъ Бога. Послѣ сего Даніилъ пошелъ къ Аріоху, которому царь повелѣлъ умертвить мудрецовъ вавилонскихъ, и сказалъ ему:

— Не убивай мудрецовъ вавилонскихъ; введи меня къ царю, и я открою значеніе сна.

Аріохъ немедленно привелъ Даніила къ царю и сказалъ ему:

— Я нашелъ человѣка изъ плѣнныхъ сыновъ Іудейскихъ, который можетъ открыть царю значеніе сна.

Царь сказалъ Даніилу:

— Можешь ли ты сказать мнѣ сонъ, который я видѣлъ, и значеніе его?

Даніилъ отвѣчалъ царю:

— Тайны, о которыхъ царь спрашиваетъ, не могутъ открыть царю ни мудрецы, ни обаятели, ни тайновѣдцы, ни гадатели. Но есть на Небесахъ Богъ, Открывающій тайны,—и Онъ открылъ царю Навуходоносору, что̀ будетъ въ послѣдніе дни; по снисхожденію же къ нашему смиренію, Онъ и намъ открылъ сонъ твой, ибо я узналъ о немъ не по особенной своей мудрости, но по откровенію милосердаго Бога. Сонъ твой и видѣніе главы твоей на ложѣ твоемъ были такіе. Ты, царь, на ложѣ твоемъ думалъ, что̀ будетъ послѣ сего (т. е. кто будетъ послѣ тебя царствовать),—и Открывающій тайны показалъ тебѣ, что̀ будетъ. Тебѣ, царь, было такое видѣніе: вотъ, какой-то большой истуканъ; огромный былъ этотъ истуканъ; въ чрезвычайномъ блескѣ стоялъ онъ предъ тобою, и страшенъ былъ видъ его. У этого истукана голова была изъ чистаго золота. грудь его и руки его—изъ серебра, чрево его и бедра его—мѣдныя, голени его желѣзныя, ноги его—частію желѣзныя, частію—глиняныя. Ты видѣлъ его, доколѣ камень не оторвался отъ горы безъ содѣйствія рукъ, ударилъ въ истукана, въ желѣзныя и глиняныя ноги его, и разбилъ ихъ. Тогда все вмѣстѣ раздробилось: желѣзо, глина, мѣдь, серебро и золото сдѣлались, какъ прахъ на лѣтнихъ гумнахъ, и вѣтеръ унесъ ихъ, и слѣда не осталось отъ нихъ; а камень, разбившій истукана, сдѣлался великою горою и наполнилъ всю землю. Вотъ сонъ твой, царь! А значеніе его таково: голова золотая—это ты и бывшіе прежде тебя цари Вавилонскіе. Серебро означаетъ, что послѣ тебя возстанетъ другое царство, ниже твоего. Послѣ этого будетъ третье царство—мѣдное, которое будетъ владычествовать надъ всею землею[1]). Затѣмъ возстанетъ царство четвертое, которое будетъ крѣпко, какъ желѣзо, ибо какъ желѣзо разбиваетъ

[1]) Это царство не называется у Пророка по имени, но, по мнѣнію толковниковъ (блаж. Іеронимъ), это царство—Македонское, которое хотя уступало въ блескѣ предыдущимъ, подобно тому какъ мѣдь уступаетъ золоту и серебру, зато превосходило ихъ силою, насколько мѣдь прочнѣе золота и серебра. Такое пониманіе подтверждается и другими мѣстами Книги Пр. Даніила, гдѣ первымъ царствомъ послѣ Мидо-Персидскаго указывается именно царство Греческое, смѣнившее его (гл. 8, ст. 21—22; гл. 11, ст. 2—4).

и раздробляетъ все (и мѣдь, и серебро, и золото), такъ и оно будетъ все раздроблять и сокрушать. А что ты видѣлъ ноги и пальцы на ногахъ частію изъ желѣза, а частію изъ глины горшечной—это значитъ, что царство то будетъ раздѣлено и отчасти въ немъ будетъ твердость желѣзная, но будетъ нѣчто и рыхлое. Что же касается до смѣшенія желѣза съ глиною, то это значитъ, что они попытаются войти въ общеніе посредствомъ брачныхъ союзовъ; но не соединятся другъ съ другомъ, точно такъ же, какъ желѣзо не скрѣпляется глиною[1]). Во дни этихъ царей Богъ Небесный воздвигнетъ царство, которое вовѣки не разрушится. Оно раздробитъ и разрушитъ всѣ эти царства, а само останется на вѣки, и власть надъ нимъ не перейдетъ къ другому народу. Вотъ что означаетъ сонъ, и истолкованіе его вѣрно[2]).

Тогда царь Навуходоносоръ палъ на лице свое и поклонился Даніилу, и велѣлъ принести ему дары и благовонныя куренія. И сказалъ царь Даніилу:

— Истинно Богъ вашъ есть Богъ боговъ, Господь надъ господами, и Владыка царей, когда ты могъ открыть эту тайну[3]).

---

[1]) Подъ 4-мъ царствомъ слѣдуетъ разумѣть царство Сиро-Египетское. Контекстъ рѣчи даетъ основаніе разумѣть здѣсь то именно царство, которое въ историческомъ порядкѣ слѣдовало за Македонскимъ и предшествовало мессіанскому царству, а таковымъ было Сиро-Египетское. Царство Македонское, какъ извѣстно, по смерти своего основателя Александра Великаго, распалось на четыре: Сирійское, Ѳракійское, Македонское и Египетское. Эти царства, выдѣлившіяся одно изъ другаго, существовали параллельно другъ другу, подобно ногамъ статуи, никогда не соединяясь другъ съ другомъ. На эту особенность 4-го царства и указываетъ несоединимость желѣза съ глиною. Другая, указанная Пророкомъ черта, которая ближе всего подходитъ къ царству Сиро-Египетскому, это особенная враждебность этого царства въ отношеніи къ народу Божію (гл. 7, ст. 21—25; гл. 11, ст. 28). Дѣйствительно, исторія показываетъ, что злоба языческихъ царей къ евреямъ достигла особеннаго ожесточенія въ періодъ зависимости отъ царей Сирійскихъ и Египетскихъ. Особенно же враждебно было царство Сирійское, а изъ царей его—Антіохъ Епифанъ.

[2]) Камень, отпавшій отъ горы безъ содѣйствія рукъ и разбившій истукана,—это, по ученію Церкви,—Христосъ, Сынъ Божій, Который родится отъ Чистой и Неискусобрачной Дѣвы, безъ мужа. Онъ, сокрушивъ и разрушивъ всѣ временныя царства, воздвигнетъ царство, которое не сокрушится вовѣки, и царство это будетъ духовное.

[3]) Сонъ, видѣнный Навуходоносоромъ, не былъ простымъ сновидѣніемъ, но былъ откровеніемъ ему воли Божіей. Въ такой же формѣ получали откровенія отъ Бога и другіе языческіе цари, напр. Авимелехъ, царь Герарскій (Кн. Быт., гл. **20**, ст. 3), Фараонъ, царь Египетскій (Кн. Быт., гл. **41**, ст. 1—9), Елифасъ, царь Ѳеманскій (Кн. Іов., гл. **4**, ст. 12—18). Что языческіе цари получаютъ небесное откровеніе, это не должно казаться страннымъ. Языческіе цари, управлявшіе судьбами народовъ, были исполнителями воли Божіей, орудіями всемогущества Божія, отъ Бога получали свое высокое званіе; Богомъ же не-

Тогда возвысилъ царь Даніила и далъ ему много большихъ подарковъ, и поставилъ его надъ всею областію вавилонскою, и главнымъ начальникомъ надъ всѣми мудрецами вавилонскими. Также и товарищей Даніила—Ананію, Азарію и Мисаила—по просьбѣ Даніила почтилъ великими почестями, сдѣлавъ начальниками страны вавилонской[1]).

Въ осьмнадцатый годъ плѣна вавилонскаго Навуходоносоръ, царь Вавилонскій, сдѣлалъ золотого истукана, вышиною въ шестьдесятъ локтей, шириною въ шесть локтей, и поставилъ его на полѣ Деирѣ, въ области Вавилонской[2]). И послалъ царь Навуходоносоръ собрать сатраповъ[3]), намѣстниковъ, воеводъ, верховныхъ судей, казнохранителей, законовѣдцевъ, блюстителей суда и всѣхъ областныхъ правителей, чтобы они пришли на торжественное открытіе истукана, который поставилъ царь Навуходоносоръ. И собрались сатрапы, намѣстники, военачальники, верховные судьи, казнохранители, законовѣдцы, блюстители суда и всѣ областные правители на открытіе истукана, и стали предъ нимъ. На томъ же полѣ Навуходоносоръ устроилъ и раскаленную огнемъ пещь—для погубленія тѣхъ, кто не сталъ бы повиноваться его царскому повелѣнію. Тогда глашатай громко воскликнулъ:

— Объявляется вамъ, народы, племена и языки! Въ то время, какъ услышите звуки трубы, свирѣли, цитры, цѣвницы, гуслей и всякаго рода музыкальныхъ орудій, падите и поклонитесь золотому истукану, который поставилъ царь Навуходоносоръ. А кто не падетъ и не поклонится, тотчасъ будетъ брошенъ въ печь, раскаленную огнемъ.

Посему, когда всѣ народы услышали звукъ трубы, свирѣли, цитры, цѣвницы, гуслей и всякаго рода музыкальныхъ орудій, то пали всѣ народы, племена и языки, и поклонились золотому истукану.

видимо были руководимы и поддерживаемы въ своихъ дѣйствіяхъ (Кн. Ис., гл. 44, ст. 28 и друг.). Этимъ-то и объясняется, почему они удостаивались иногда непосредственныхъ откровеній отъ Бога.

[1]) Сказаніе о снѣ Навуходоносора и изъясненіе этого сна Пророкомъ Даніиломъ находится въ его же Книгѣ: гл. 2, ст. 1—49 (Изъ второй главы читается паремія на Рождество Христово: ст. 31—36; 44—45).

[2]) Какое значеніе усвоялось этой статуѣ, у Пророка не сказано: можетъ быть, это былъ идолъ одного изъ боговъ, которымъ служили вавилоняне, а можетъ быть, эта статуя была поставлена въ честь самого Навуходоносора.

[3]) *Сатрапы*—высшіе верховные сановники при персидскомъ дворѣ, управлявшіе отдѣльными областями царства.

Въ это самое время приступили нѣкоторые изъ халдеевъ и донесли царю на Ананію, Азарію и Мисаила, сказавъ:

— Богамъ твоимъ они не служатъ и золотому истукану, которого ты поставилъ, не поклоняются.

Тогда царь, призвавъ ихъ, сталъ спрашивать, правда ли то, что говорятъ про нихъ? Они же отвѣчали:

— Богъ нашъ, Которому мы служимъ, силенъ спасти насъ отъ печи, раскаленной огнемъ, и отъ руки твоей, царь, Онъ насъ избавитъ. Если же и не будетъ сего, то да будетъ извѣстно тебѣ, царь, что мы богамъ твоимъ служить не будемъ и золотому истукану, который ты поставилъ, не поклонимся.

Стый
Азарія

Тогда Навуходоносоръ исполнился ярости и повелѣлъ, разжегши печь въ семь разъ сильнѣе, нежели какъ обыкновенно разжигали ее, бросить въ нее связанными Ананію, Азарію и Мисаила. Воля царя была исполнена въ точности: мужи эти были скованы и во всей одеждѣ брошены въ средину раскаленной печи. При этомъ, такъ какъ повелѣніе царя было весьма строго и печь была раскалена чрезвычайно, то даже исполнители этой казни погибли отъ огня. А сіи три мужа— Ананія, Азарія и Мисаилъ, будучи скованы и ввержены въ самую средину пламени, не только не потерпѣли никакого вреда, но и свободно ходили посреди пламени, воспѣвая Бога и благословляя Господа. А между тѣмъ слуги царя, ввергшіе ихъ, не переставали разжигать печь нефтью, смолою, паклею и хворостомъ; и поднимался пламень надъ печью на сорокъ девять локтей; и вырывался, и сожигалъ тѣхъ изъ халдеевъ, которыхъ достигалъ около печи. Но Ангелъ Господень сошелъ въ печь вмѣстѣ съ Азаріею и бывшими съ нимъ. И выбросилъ пламень огня изъ печи, и сдѣ-

лалъ, что въ срединѣ печи былъ какъ бы шумящій влажный вѣтеръ, и огонь нисколько не прикоснулся къ нимъ, и не повредилъ имъ, и не смутилъ ихъ. Тогда сіи трое, какъ бы одними устами, воспѣли въ печи, и благословили и прославили Бога:

— Благословенъ Ты, Господи, Боже отцевъ нашихъ, и хвальный и превозносимый во вѣки и проч.[1])

Навуходоносоръ царь, услышавъ, что они поютъ, изумился и поспѣшно всталъ, и сказалъ вельможамъ своимъ:

— Не троихъ ли мужей бросили мы въ огонь связанными?

Они въ отвѣтъ сказали царю:

— Истинно такъ, царь!

На это онъ сказалъ:

— Вотъ я вижу четырехъ мужей несвязанныхъ, ходящихъ среди огня, и нѣтъ имъ вреда, и видъ четвертаго подобенъ Сыну Божію.

Тогда подошелъ Навуходоносоръ къ устью печи, раскаленной огнемъ, и сказалъ:

— Седрахъ, Мисахъ и Авденагò, рабы Бога Всевышняго, выйдите и подойдите!

Тогда Ананія, Азарія и Мисаилъ вышли изъ среды огня. И, собравшись, сатрапы, намѣстники, военачальники и совѣтники царя усмотрѣли, что надъ тѣлами мужей сихъ огонь не имѣлъ силы: волоса на головахъ ихъ не опалены, одежды ихъ не измѣнились и даже горѣлымъ отъ нихъ не пахло. И поклонился предъ ними царь Богу и сказалъ:

— Благословенъ Богъ Седраха, Мисаха и Авденагò, Который послалъ Ангела Своего и избавилъ рабовъ Своихъ, надѣявшихся на Него. И отъ меня дается повелѣніе, чтобы изъ всякаго народа, племени и языка—кто произнесетъ хулу на Бога Седраха, Мисаха и Авденагò, былъ изрубленъ въ куски и домъ его обращенъ въ развалины, ибо нѣтъ инаго Бога, Который могъ бы такъ спасать рабовъ Своихъ.

Послѣ того царь почтилъ трехъ отроковъ еще бóльшею честію, возвысивъ ихъ надъ всѣми и удостоивъ начальства надъ прочими Іудеями въ его царствѣ[2]).

---

[1]) Эта хвалебная пѣснь находится въ той же Книгѣ: гл. 3, ст. 52—90; пѣснь эта служитъ основаніемъ 7 и 8 пѣсней церковныхъ Каноновъ. Сказаніе о 3-хъ отрокахъ въ пещи Вавилонской въ Богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ нашей Церкви понимается какъ прообразъ нетлѣннаго пребыванія Спасителя во гробѣ. Посему-то глава 3-я изъ Кн. Прор. Даніила и читается въ церкви—на вечернѣ въ Великую Субботу.

[2]) Это чудо съ очевидностію свидѣтельствовало для Навуходоносора и его вельможъ, оклеветавшихъ предъ нимъ праведниковъ, равно свидѣтельствуетъ и для всѣхъ во всѣ

Между тѣмъ Навуходоносоръ, благоденствуя на престолѣ своемъ, очень возгордился и, спустя немного времени, увидалъ другой сонъ, который предзнаменовалъ его паденіе и смиреніе.

Онъ увидѣлъ во снѣ дерево посреди земли. Большое это было дерево и крѣпкое, и высота его достигала до неба, и оно видимо было до краевъ всей земли. Листья его были прекрасны, и плодовъ на немъ множество, такъ что можно было бы всѣмъ прокормиться отъ него; подъ нимъ находили тѣнь полевые звѣри, въ вѣтвяхъ его гнѣздились птицы небесныя, и отъ него питалась всякая плоть. И вотъ, низшелъ съ Небесъ Бодрствующій и Святый. Воскликнувъ громко, Онъ сказалъ: «Срубите это дерево, обрубите вѣтви его, стрясите листья съ него и разбросайте плоды его; пусть удалятся звѣри изъ-подъ него и птицы съ вѣтвей его; но главный корень его оставьте въ землѣ, и пусть онъ, въ узахъ желѣзныхъ и мѣдныхъ, среди полевой травы орошается небесною росою, и съ животными пусть обитаетъ въ травѣ земной. Сердце человѣческое отнимется отъ него, и дастся ему сердце звѣриное, и пройдутъ надъ нимъ семь временъ».

Этотъ сонъ смутилъ царя, и онъ, снова собравъ всѣхъ мудрецовъ вавилонскихъ, гадателей и чародѣевъ, повѣдалъ имъ сновидѣніе свое, чтобы они объяснили ему его значеніе. Но никто не могъ этого сдѣлать, доколѣ не былъ призванъ Даніилъ, на которомъ почивалъ Духъ Божій. Услышавъ сонъ царя и подумавъ, Даніилъ сказалъ:

— Господинъ мой! Твоимъ бы ненавистникамъ этотъ сонъ, и врагамъ твоимъ значеніе его! Дерево, которое ты видѣлъ, это— ты, царь, возвеличившійся и укрѣпившійся, и величіе твое возросло, и достигло до небесъ, и власть твоя—до краевъ земли. Но вскорѣ ты потеряешь царство: тебя отлучатъ отъ людей, и обитаніе твое будетъ съ полевыми звѣрями; травою будутъ кормить тебя, какъ вола; росою небесною ты будешь орошаемъ, и такъ пройдетъ семь лѣтъ, доколѣ ты не познаешь, что Всевышній владычествуетъ надъ царствомъ человѣческимъ и даетъ его, кому хочетъ. А что повелѣно было оставить главный корень дерева,— это значитъ, что царство твое останется при тебѣ до тѣхъ поръ, пока ты не познаешь власть небесную. Посему, царь, да будетъ благоугоденъ тебѣ совѣтъ мой: искупи грѣхи твои правдою и

времена, что для охраняемыхъ Богомъ праведниковъ, надѣющихся на Него, нестрашны никакія опасности (ср.: Кн. Пр. Исаіи, гл. **43**, ст. 2; Псал. **90**, ст. 1—7 и друг.).

беззаконія твои милосердіемъ къ бѣднымъ,—можетъ быть, Богъ и проститъ твои преступленія.

Такъ объяснилъ святый Даніилъ сонъ царю, и сбылось все, сказанное имъ.

По прошествіи двѣнадцати мѣсяцевъ, расхаживая по царскимъ чертогамъ въ Вавилонѣ, царь сказалъ:

— Это ли не величественный Вавилонъ, который построилъ я въ домѣ царства силою моего могущества и въ славу моего величества!

Еще рѣчь сія была въ устахъ царя, какъ съ Неба раздался Голосъ:

— Тебѣ говорятъ, царь Навуходоносоръ: царство отошло отъ тебя! И отлучатъ тебя отъ людей, и будетъ обитаніе твое съ полевыми звѣрями; травою будутъ кормить тебя, какъ вола, и семь временъ[1]) пройдутъ надъ тобою, доколѣ познаешь, что Всевышній владычествуетъ надъ царствомъ человѣческимъ и даетъ его, кому хочетъ!

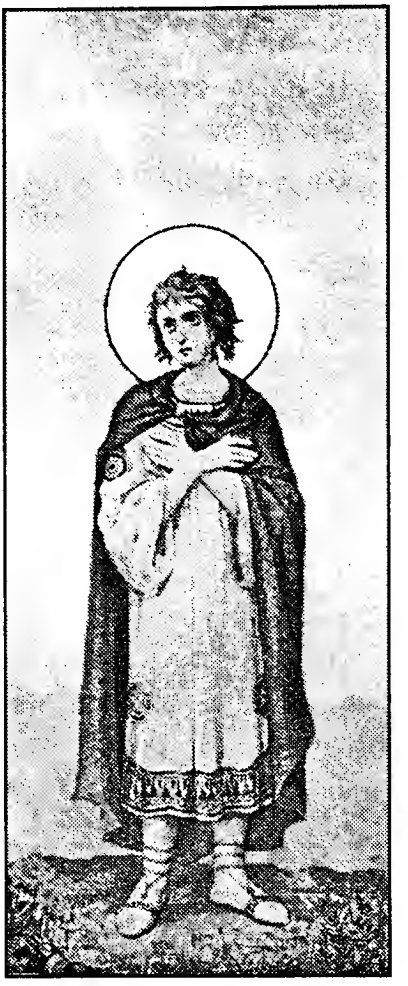
Тотчасъ же слово это исполнилось надъ Навуходоносоромъ: умъ его затмился, и онъ впалъ въ неистовство. Тогда оковали его цѣпями; и такъ какъ онъ не могъ быть спокоенъ подъ кровлею дворца, то его оставили подъ открытымъ небомъ, и отлученъ онъ былъ отъ людей, ѣлъ траву, какъ волъ, и орошалось тѣло его росою небесною, такъ что волосы у него выросли, какъ у льва, и ногти, какъ у птицы. По окончаніи семи лѣтъ, въ продолженіе которыхъ никто другой не смѣлъ занять его царство, Навуходоносоръ возвелъ глаза свои къ Небу, и разумъ его возвратился къ нему; и благословилъ онъ Всевышняго, восхвалилъ и прославилъ Присносущаго, Котораго владычество—владычество вѣчное, и Котораго царство въ роды и роды. «И всѣ, живущіе на землѣ—ничего не значатъ,—размышлялъ царь,—по волѣ своей Онъ дѣйствуетъ какъ въ Небесномъ Воинствѣ, такъ и среди живущихъ на землѣ; и нѣтъ никого, кто могъ бы противиться рукѣ Его и сказать Ему: что ты сдѣлалъ»? Въ то время возвратился къ царю разумъ его, и къ славѣ царства его возвратились къ нему сановитость и прежній видъ его; тогда взыскали его совѣтники его и вельможи его, и возстановленъ онъ былъ на царство свое и величіе его еще болѣе возвысилось[2]).

---

[1]) Т. е. лѣтъ.

[2]) Сказаніе о наказаніи Навуходоносора за его гордость находится въ Книгѣ Прор. Дан., глава 4-я.

И жилъ Навуходоносоръ, хваля, благословляя и прославляя Царя Небеснаго. Царствовалъ онъ всего сорокъ три года и скончался въ мирѣ. По смерти Навуходоносора царство Вавилонское наслѣдовалъ сынъ его Евильмеродахъ. Онъ освободилъ изъ дома темничнаго плѣннаго царя Іудейскаго Іехонію, содержимаго тамъ въ оковахъ. И бесѣдовалъ съ нимъ дружелюбно, и поставилъ престолъ его выше престоловъ царей, которые были у него въ Вавилонѣ; перемѣнилъ темничныя одежды его, и онъ всегда обѣдалъ у него, во всѣ дни жизни своей[1]).



Ст҃ый
Мі̏саи́лъ

По смерти Евильмеродаха воцарился зять Навуходоносора Набонидъ, сдѣлавшій соправителемъ своимъ сына своего, Валтасара. Въ его царствованіе Пророкъ Даніилъ удостоился многихъ видѣній, въ коихъ, подъ образомъ различныхъ звѣрей, было указано на послѣдующихъ царей и царства, на антихриста, кончину вѣка и страшный судъ[2]).

— Видѣлъ я, — говоритъ Даніилъ, — что поставлены были престолы, и возсѣлъ Ветхій днями; одѣяніе на Немъ было бѣло, какъ снѣгъ, и волосы главы Его, какъ чистая во̀лна; престолъ Его, какъ пламя огня, колеса Его — пылающій огонь. Огненная рѣка выходила и проходила предъ Нимъ; тысячи тысячъ служили Ему и тьмы темъ пред-

[1]) 4 Кн. Цар. гл. **25**, ст. 27—30; Кн. Пр. Іер. гл. **52**, ст. 31—34.

[2]) Видѣніе Даніила о большой брани (**10—12** гл.), по объясненію самой книги, относится къ Антіоху Епифану—этому злѣйшему врагу Іудеевъ — и означаетъ гоненія его на Іудеевъ и конечную погибель его самого. По мнѣнію нѣкоторыхъ толкователей, это пророчество, въ нѣкоторыхъ частностяхъ своихъ неприложимое къ Антіоху Епифану, прообразовательно говоритъ объ антихристѣ, его гоненіяхъ противъ вѣрующихъ и погибели. И Апост. Павелъ, предсказывая явленіе въ міръ антихриста, изображаетъ его чертами (2 Посл. къ Солун., гл. **2**, ст. 4), сходными съ тѣми, какія у Прор. Даніила усвояются Антіоху (гл. **8**, ст. 9—12; гл. **11**, ст. 28—31; 36—39).

стояли предъ Нимъ; судьи сѣли на судилище, и раскрылись книги»[1]).

И иныя страшныя и ужасныя откровенія были имъ видѣны, о чемъ достаточно записано въ его книгѣ[2]).

Въ одно время царь Валтасаръ сдѣлалъ большое пиршество для тысячи вельможъ своихъ, и предъ глазами ихъ пилъ вино. Вкусивъ вина, Валтасаръ приказалъ принести золотые и серебряные сосуды, — которые Навуходоносоръ, дѣдъ его, вынесъ изъ храма Іерусалимскаго, — чтобы пить изъ нихъ вино царю, вельможамъ его, женамъ и наложницамъ. Тогда принесены были золотые и серебряные сосуды, и пили изъ нихъ царь и вельможи его, жены его и наложницы его. Пили вино и славили идоловъ, золотыхъ и серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, деревянныхъ и каменныхъ, а Бога Вѣчнаго, имѣющаго власть надъ ними, не прославили. Въ тотъ самый часъ вышли персты руки человѣческой, и писали на стѣнѣ чертога царскаго, на которую падалъ свѣтъ отъ свѣтильника, и царь видѣлъ кисть руки, которая писала. Тогда царь измѣнился въ лицѣ своемъ; мысли смутили его, связи чреслъ его ослабѣли, и колѣни его стали биться одно о другое. Сильно

---

[1]) Кн. Прор. Даніила, гл. 7, ст. 9—10. *Ветхій днями* т. е. *Вѣчный* (слѣд. Богъ). — Подобное человѣкообразное представленіе невидимаго, безпристрастнаго и страшнаго суда Божія надъ грѣшниками находится и въ Апокалипсисѣ св. Іоанна Богослова (Апок., гл. 4, ст. 1—4 и друг.).

[2]) Самое ясное и точное мессіанское пророчество заключается въ третьемъ пророч. видѣніи Даніила (9 гл.) о *70-ти седминахъ,* имѣющихъ пройти со времени изданія указа о построеніи втораго храма (въ 453 г. до Р. Хр.) до явленія Христа и совершенія Имъ Новаго Завѣта. По смыслу даннаго Даніилу арх. Гавріиломъ объясненія, со времени указа Кира должно пройти 7 седминъ до созданія храма; послѣ слѣдующихъ 62 седминъ убитъ будетъ Помазанникъ, утвердится Новый Завѣтъ и упразднятся жертвы и затѣмъ мерзость запустѣнія станетъ *на мѣстѣ святѣ.* Черты, какими обрисованъ здѣсь этотъ *Помазанникъ,* вполнѣ приличествуютъ именно Іисусу Христу (Ср. гл. 7, ст. 24—27 съ Дѣян. гл. 20, ст. 43; Еванг. отъ Луки, гл. 3, ст. 24; Еванг. отъ Матѳ., гл. 11, ст. 16; Еванг. отъ Луки, гл. 24, ст. 25—27; гл. 21, ст. 20). Подъ *седминами* можно разумѣть только семилѣтія; ибо только при такомъ пониманіи ихъ между пророчествами Даніила и позднѣйшей исторіей будетъ полное соотвѣтствіе. Именно 7 первыхъ седминъ вполнѣ соотвѣтствуютъ 49 годамъ, протекшимъ отъ указа Кира до окончанія построенія города и храма Іерусалимскаго; слѣдующія 62 седмины=434 годамъ, которые въ соединеніи съ 49 годами первой седмины=483 годамъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ періоду до явленія Іисуса Христа на дѣло служенія роду человѣческому, въ 15 годъ Тиверія. По пророчеству, убіеніе Христа должно совершиться въ половинѣ послѣдней седмины, т. е. чрезъ $3^1/_2$ года послѣ того явленія, какъ дѣйствительно и было то по сказанію Евангелистовъ. Послѣ этой полседмины должна наступить *мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ,* т. е. разрушеніе Іерусалима, что въ свою очередь, указывая на слова Даніила, предсказалъ и Спаситель (Еванг. отъ Матѳ., гл. 24, ст. 15); такъ дѣйствительно и совершилось все это при разрушеніи Іерусалима Титомъ и Веспасіаномъ.

закричалъ царь, чтобы привели обаятелей, халдеевъ и гадателей, и сказалъ царь мудрецамъ вавилонскимъ:

— Кто прочитаетъ написанное и объяснитъ мнѣ значеніе его, тотъ будетъ облеченъ въ багряницу, и золотая цѣпь будетъ на шеѣ у него, и третьимъ властелиномъ будетъ въ царствѣ [1]).

И вошли всѣ мудрецы царя, но не могли прочитать написаннаго и объяснить царю значеніе его. Царь Валтасаръ чрезвычайно встревожился, и вельможи его смутились. Тогда въ палату пиршества вошла царица—бабка Валтасара, жена Навуходоносора—и повѣдала ему о Даніилѣ, имѣющемъ въ себѣ Духа Божія, который во дни дѣда его Навуходоносора былъ поставленъ начальникомъ надъ всѣми мудрецами, чародѣями, халдеями и гадателями—за великій разумъ и премудрость его и умѣнье объяснять сны и видѣнія. Тогда введенъ былъ Даніилъ, и царь сказалъ ему:

— Ты ли Даніилъ, одинъ изъ плѣнныхъ сыновъ Іудейскихъ, которыхъ дѣдъ мой, царь Навуходоносоръ, привелъ изъ Іудеи? Я слышалъ о тебѣ, что Духъ Божій въ тебѣ, и свѣтъ, и разумъ, и высокая мудрость найдена въ тебѣ. Итакъ, прочитай мнѣ написанное на стѣнѣ перстами невидимой руки и объясни значеніе его, чего не могли сдѣлать многіе мудрецы, волхвы и гадатели, приходившіе ко мнѣ. Итакъ, если можешь прочитать написанное и объяснить мнѣ значеніе его, то облеченъ будешь въ багряницу, и золотая цѣпь будетъ на шеѣ твоей, и третьимъ властелиномъ будешь въ моемъ царствѣ.

Тогда отвѣчалъ Даніилъ и сказалъ царю:

— Дары твои пусть останутся у тебя, и почести отдай другому; а написанное я прочитаю царю и значеніе объясню ему.

Сказавъ это царю, святый Даніилъ сначала началъ напоминать ему о дѣдѣ его Навуходоносорѣ, какъ тотъ за свою гордость былъ наказанъ Богомъ—потерялъ образъ человѣческій, былъ отлученъ отъ людей и питался травою. Далѣе Даніилъ сталъ обличать царя за гордость его, что онъ, позабывъ о наказаніи Божіемъ дѣда своего, не смирилъ сердца своего предъ Господомъ, но вознесся противъ Господа Небесъ и сосуды храма Его осквернилъ винопитіемъ на пиршествѣ съ вельможами и наложницами своими. Обличалъ онъ его также и за то, что тотъ, славя боговъ золо-

[1]) Т. е. первымъ послѣ царей Набонида и Валтасара.

тыхъ и серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, каменныхъ и деревянныхъ, которые ничего не видятъ, не слышатъ и не понимаютъ, не прославилъ Бога, въ рукахъ Котораго дыханіе его и вся судьба его. Обличивъ во всемъ этомъ царя, Даніилъ обратился къ написанному и началъ читать. И вотъ что было написано: манѝ, ѳеке́л, фа́рес. Написанное же Даніилъ объяснилъ такъ: манѝ—значитъ исчислилъ Богъ царство твое и положилъ конецъ ему; ѳеке́л—ты взвѣшенъ на вѣсахъ, и найденъ очень легкимъ; фа́рес—раздѣлено царство твое и дано Мидянамъ и Персамъ. Услышавъ это, царь, согласно обѣщанію своему, почтилъ Даніила, хотя и безпокоился духомъ изъ-за печальнаго предсказанія. И облекли Даніила въ багряницу, возложили златую цѣпь на шею его и царь возвѣстилъ о немъ, чтобы онъ былъ третьимъ властелиномъ въ царствѣ его.

Предсказаніе Даніила сбылось. Въ ту же самую ночь Валтасаръ, царь Вавилонскій, былъ убитъ, а Дарій Мидянинъ вмѣстѣ съ Киромъ Персидскимъ принялъ царство, будучи шестидесяти двухъ лѣтъ [1]).

Во время своего царствованія Дарій поставилъ въ царствѣ сто двадцать сатраповъ, а надъ ними—трехъ князей, изъ которыхъ одинъ былъ Даніилъ; эти сатрапы должны были давать имъ отчеты, чтобы царю не было никакого обремененія. Даніилъ превосходилъ прочихъ князей и сатраповъ, потому что въ немъ былъ высокій духъ, и царь помышлялъ уже поставить его главою надъ всѣмъ царствомъ.

Тогда князья и сатрапы начали искать предлога къ обвиненію Даніила по управленію царствомъ; но никакого предлога и погрѣшностей не могли найти, потому что онъ былъ вѣренъ. И эти люди сказали:

— Не найти намъ предлога противъ Даніила, если мы не найдемъ его противъ него въ Законѣ Бога его.

Тогда эти князья и сатрапы приступили къ царю и такъ сказали ему:

— Царь Дарій! Во вѣки живи! Всѣ князья царства, намѣстники, сатрапы, совѣтники и военачальники согласились между собою, чтобы сдѣлано было царское постановленіе и издано повелѣніе: кто въ теченіе тридцати дней будетъ просить какого-либо бога или человѣка, кромѣ тебя, царь, того бросить въ

[1]) Сказаніе о пирѣ Валтасара, о погибели его и паденіи царства Вавилонскаго находится въ Книгѣ Прор. Дан., гл. 5.

львиный ровъ, на съѣденіе. Итакъ, утверди, царь, это опредѣленіе и подпиши указъ, чтобы онъ былъ неизмѣненъ, какъ законъ Мидійскій и Персидскій, и не былъ нарушаемъ.

Царь Дарій, не понявъ лукаваго намѣренія ихъ, подписалъ указъ и это повелѣніе. Даніилъ, узнавъ, что подписанъ такой указъ, пошелъ въ домъ свой; окна же въ горницѣ его были открыты противъ Іерусалима, и онъ три раза въ день преклонялъ колѣна, и молился своему Богу, и славословилъ Его, какъ это дѣлалъ онъ и прежде того. Тогда эти люди подсмотрѣли и нашли Даніила молящимся и просящимъ милости предъ Богомъ своимъ. Потомъ пришли и напомнили царю объ его повелѣніи:

— Не ты ли, царь, подписалъ указъ, чтобы всякаго человѣка, который въ теченіе тридцати дней будетъ просить какого-либо бога или человѣка, кромѣ тебя, царь, бросать въ львиный ровъ?

Царь отвѣчалъ и сказалъ:

— Это слово твердо, какъ законъ Мидянъ и Персовъ, не допускающій измѣненія.

Тогда отвѣчали они и сказали царю, что Даніилъ, изъ плѣнныхъ сыновъ Іудеи, не обращаетъ вниманія ни на царя, ни на указъ, имъ подписанный, но три раза въ день молится своими молитвами. Царь, услышавъ это, сильно опечалился и положилъ въ сердцѣ своемъ спасти Даніила, и даже до захожденія солнца усиленно старался избавить его. Но тѣ люди приступили къ царю и сказали ему:

— Знай, царь, что по закону Мидянъ и Персовъ никакое опредѣленіе или постановленіе, утвержденное царемъ, не можетъ быть измѣнено.

Тогда царь повелѣлъ привести Даніила и бросить его въ ровъ львиный; при этомъ царь сказалъ Даніилу:

— Богъ твой, Которому ты неизмѣнно служишь, спасетъ тебя!

Послѣ того принесенъ былъ большой камень и положенъ на отверстіе рва, и царь запечаталъ его перстнемъ своимъ и перстнемъ вельможъ своихъ, дабы враги Даніила не сдѣлали ему чего-либо хуже: ибо злымъ людямъ онъ довѣрялъ не больше, чѣмъ лютымъ звѣрямъ. Затѣмъ царь пошелъ въ свой дворецъ, легъ спать безъ ужина и даже не велѣлъ вносить къ нему пищи, и сонъ бѣжалъ отъ него.

Богъ же заградилъ уста львовъ, и они не сдѣлали никакого вреда Даніилу.

Поутру царь всталъ на разсвѣтѣ и поспѣшно пошелъ ко рву львиному. И воскликнулъ царь громкимъ голосомъ:

— Даніилъ, рабъ Бога Живаго! Богъ твой, Которому ты неизмѣнно служишь, могъ ли спасти тебя отъ львовъ?

Тогда Даніилъ сказалъ царю:

— Царь! Во вѣки живи! Богъ мой послалъ Ангела Своего и заградилъ пасть львамъ, и они не повредили мнѣ, потому что я оказался предъ Нимъ чистъ, да и предъ тобою, царь, я не сдѣлалъ преступленія.

Тогда царь чрезвычайно возрадовался о Даніилѣ и повелѣлъ вывести его изо рва; и поднятъ былъ Даніилъ изо рва, и никакого поврежденія не оказалось на немъ. И приказалъ царь, и приведены были тѣ люди, которые обвиняли Даніила, и брошены въ львиный ровъ — какъ они сами, такъ и дѣти ихъ и жены ихъ; и еще не достигли они до дна рва, какъ львы овладѣли ими и сокрушили всѣ кости ихъ. Послѣ того царь Дарій написалъ всѣмъ народамъ, племенамъ и языкамъ, живущимъ по всей землѣ:

— Миръ вамъ да умножится! Мною дается повелѣніе, чтобы во всякой области царства моего трепетали и благоговѣли предъ Богомъ Даніиловымъ; потому что Онъ есть Богъ Живый и Присносущій, и Царство Его несокрушимо, и владычество Его безконечно. Онъ избавляетъ и спасаетъ, и совершаетъ чудеса и знаменія на небѣ и на землѣ; Онъ избавилъ Даніила отъ силы львовъ [1]).

И былъ Даніилъ въ великой чести у царя Дарія какъ никто болѣе, и царь объявилъ его своимъ самымъ первымъ другомъ. Въ такой же чести были три товарища Даніила: Ананія, Азарія и Мисаилъ.

Іудейскій историкъ Іосифъ Флавій повѣствуетъ о Даніилѣ, что онъ, какъ первый сановникъ, имѣлъ великую власть въ царствѣ Персидскомъ, и что въ городѣ Экбатанахъ [2]) онъ построилъ знаменитую башню, которая во времена означеннаго историка,

---

[1]) Сказаніе о чудесномъ спасеніи Даніила во рву львиномъ находится въ Книгѣ Прор. Даніила, гл. 6.

[2]) *Экбатаны* — главный городъ Мидіи и лѣтняя резиденція Персидскихъ, а впослѣдствіи Парѳянскихъ царей. Городъ былъ очень древній, славился своимъ укрѣпленнымъ замкомъ и необыкновенною роскошью.

спустя нѣсколько сотъ лѣтъ послѣ постройки, казалась новою, какъ будто бы сейчасъ была построена. Въ этой башнѣ погребались цари Мидійскіе и Персидскіе, а охраненіе ея было поручено одному изъ Іудейскихъ священниковъ.

Послѣ царя Дарія царь Киръ также имѣлъ святаго Даніила въ великой чести, ибо сдѣлалъ его наперсникомъ своимъ и посредникомъ между народомъ. И жилъ Даніилъ вмѣстѣ съ царемъ и былъ славнѣе всѣхъ друзей его.

Былъ у Вавилонянъ идолъ, по имени Вилъ[1]), и издерживали на него каждый день двадцать большихъ мѣръ пшеничной муки, сорокъ овецъ и вина шесть мѣръ. Царь чтилъ его и ходилъ каждый день поклоняться ему; Даніилъ же поклонялся Богу своему. И сказалъ ему царь:

— Почему ты не поклоняешься Вилу?

Онъ отвѣчалъ:

— Потому, что я не поклоняюсь идоламъ, сдѣланнымъ руками человѣческими, но поклоняюсь Живому Богу, сотворившему Небо и землю и владычествующему надъ всякою плотію.

Царь сказалъ:

—Не думаешь ли ты, что Вилъ не живой Богъ? Не видишь ли, сколько онъ ѣстъ и пьетъ каждый день?

Даніилъ, улыбнувшись, сказалъ:

— Не обманывайся, царь; ибо онъ внутри глина, а снаружи мѣдь, и никогда не ѣлъ и не пилъ.

Тогда царь, разгнѣвавшись, призвалъ жрецовъ своихъ и сказалъ имъ:

— Если вы не скажете мнѣ, кто съѣдаетъ все это, то умрете. Если же вы докажете мнѣ, что съѣдаетъ это Вилъ, то умретъ Даніилъ, потому что произнесъ хулу на Вила.

И сказалъ Даніилъ царю:

— Да будетъ по слову твоему.

Жрецовъ Вила было семьдесятъ, кромѣ женъ и дѣтей. И пришелъ царь съ Даніиломъ въ храмъ Вила, и сказали жрецы Вила:

— Вотъ, мы выйдемъ вонъ, а ты, царь, поставь пищу и, наливъ вина, запри двери, и запечатай перстнемъ твоимъ. И если завтра ты придешь и не найдешь, что все съѣдено Виломъ, то умремъ мы или же умретъ Даніилъ, который солгалъ на насъ.

---

[1]) *Вилъ*, или *Белъ*,—(финикійскій—*Ваалъ*) названіе главнаго вавилонскаго бога Солнца.

Они не обращали на это вниманія, потому что подъ столомъ сдѣлали потаенный входъ, и имъ всегда входили, и съѣдали пищу. Когда они вышли, царь поставилъ пищу предъ Виломъ, а Даніилъ приказалъ слугамъ своимъ, и они принесли пепелъ, и посыпали весь храмъ въ присутствіи одного царя, и вышедши заперли двери, и запечатали царскимъ перстнемъ, и ушли. Жрецы же, по обычаю своему, пришли ночью съ женами и дѣтьми своими и все съѣли и выпили.

На другой день царь всталъ рано и Даніилъ съ нимъ и спросилъ царь:

— Цѣлы ли печати, Даніилъ?

— Цѣлы, царь,—отвѣчалъ тотъ.

И какъ скоро отворены были двери, царь, взглянувъ на столъ, воскликнулъ громкимъ голосомъ:

— Великъ ты, Вилъ, и нѣтъ никакого обмана въ тебѣ!

Даніилъ, улыбнувшись, удержалъ царя, чтобы онъ не входилъ внутрь, и сказалъ:

— Посмотри на полъ и замѣть, чьи это слѣды?

— Вижу слѣды мужчинъ, женщинъ и дѣтей, — сказалъ царь.

И, разгнѣвавшись, царь приказалъ схватить жрецовъ, женъ ихъ и дѣтей, и они показали потаенныя двери, которыми они входили и съѣдали, что̀ было на столѣ. Тогда царь повелѣлъ умертвить ихъ, а Вила отдалъ Даніилу, и онъ разрушилъ его и храмъ его[1]).

Былъ на томъ мѣстѣ большой драконъ, и Вавилоняне чтили его.

И сказалъ царь Даніилу:

— Не скажешь ли и объ этомъ, что онъ мѣдь? Вотъ онъ живой, и ѣстъ и пьетъ; ты не можешь сказать, что этотъ богъ не живой; итакъ, поклонись ему.

Даніилъ сказалъ:

— Господу Богу моему поклоняюсь, потому что Онъ—Богъ Живой. Но ты, царь, дай мнѣ позволеніе, и я умерщвлю дракона безъ меча и жезла.

Царь сказалъ:

— Даю тебѣ.

---

[1]) Сказаніе о Вилѣ и драконѣ находится въ 14 гл., ст. 3—23; сказаніе это относится къ неканоническимъ мѣстамъ Книги.

Тогда Даніилъ взялъ смолы, жира и волосъ, сварилъ это вмѣстѣ и, сдѣлавъ изъ этого комъ, бросилъ его въ пасть дракону, и драконъ разсѣлся. И сказалъ Даніилъ:

— Вотъ ваши святыни!

Когда же Вавилоняне услышали о томъ, сильно вознегодовали и возстали противъ царя, и сказали:

— Царь сдѣлался Іудеемъ: Вила разрушилъ и убилъ дракона, и предалъ смерти жрецовъ.

И пришедши къ царю, сказали:

— Предай намъ Даніила, иначе мы умертвимъ тебя и домъ твой.

И когда царь увидѣлъ, что они сильно настаиваютъ, принужденъ былъ предать имъ Даніила. Они же бросили его въ ровъ львиный, и онъ пробылъ тамъ шесть дней. Во рвѣ было семь львовъ, и давалось имъ каждый день по два тѣла и по двѣ овцы; въ это время имъ не давали этой пищи, чтобы они съѣли Даніила. Но Богъ, какъ и прежде, заградилъ уста львовъ,—и Даніилъ во рвѣ сидѣлъ съ ними, какъ съ кроткими агнцами.

Былъ въ Іудеѣ пророкъ Аввакумъ, который, сваривъ похлебку и накрошивъ хлѣба въ блюдо, шелъ на поле, чтобы отнести это жнецамъ. Но Ангелъ Господень сказалъ Аввакуму:

— Отнеси этотъ обѣдъ, который у тебя, въ Вавилонъ къ Даніилу, въ ровъ львиный.

Аввакумъ сказалъ:

— Господинъ! Вавилона я никогда не видалъ и рва не знаю.

Тогда Ангелъ Господень взялъ его за темя и, поднявши его за волосы, поставилъ въ Вавилонѣ надъ рвомъ силою духа своего. И воззвалъ Аввакумъ, и сказалъ:

— Даніилъ! Даніилъ! Возьми обѣдъ, который Богъ послалъ тебѣ.

Даніилъ сказалъ:

— Вспомнилъ ты обо мнѣ, Боже, и не оставилъ любящихъ Тебя.

И всталъ Даніилъ, и ѣлъ; Ангелъ же Божій мгновенно поставилъ Аввакума на его мѣсто.

Въ седьмый день пришелъ царь, чтобы поскорбѣть о Даніилѣ, и, подошедши ко рву, взглянулъ въ него, и вотъ, Даніилъ сидѣлъ. И воскликнулъ царь громкимъ голосомъ, и сказалъ:

— Великъ ты, Господь Богъ Даніиловъ, и нѣтъ инаго, кромѣ Тебя!

И приказалъ вынуть Даніила, а виновниковъ его погубленія бросить въ ровъ,—и они тотчасъ были съѣдены въ присутствіи его[1]).

Даніилъ и три друга его достигли до глубокой старости.

Святый Кириллъ Александрійскій и нѣкоторые другіе повѣствуютъ, что по смерти Навуходоносора и прочихъ царей, у которыхъ были въ чести Даніилъ и его товарищи, воцарился другой царь, по имени Камбизъ[2]). Узнавъ объ ихъ вѣрѣ и будучи ими обличенъ въ своемъ нечестіи, онъ повелѣлъ отсѣчь голову сначала Ананіи. Азарія же, подставивъ одежду свою, принялъ ее. Отсѣченную же голову Азаріи принялъ Мисаилъ, голову же Мисаила, подставивъ одежду, принялъ Даніилъ. Наконецъ, отсѣкли голову и Даніилу. Говорятъ, что по усѣченіи ихъ каждая голова пристала къ своему тѣлу, и Ангелъ Господень, взявъ тѣла святыхъ, отнесъ ихъ на гору Гевалъ[3]), и тамъ они были положены подъ камнемъ. Чрезъ четыреста же лѣтъ, на день Воскресенія Господа нашего Іисуса Христа, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими и сіи воскресли и, явившись многимъ, снова почили[4]). Память ихъ святыми отцами положено совершать за семь дней до Рождества Христова, потому что и они происходили изъ колѣна Іудина, отъ котораго ведетъ свой родъ и Спаситель нашъ, и такимъ образомъ приходится по плоти сродникомъ сихъ святыхъ.

Молитвами сихъ святыхъ да устроитъ въ мирѣ житіе наше Христосъ Богъ нашъ, Которому слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь[5]).

---

[1]) Сказаніе о 6-ти дневномъ пребываніи Даніила во рву львиномъ находится въ 14 гл. Кн. Пророка, ст. 28—42.

[2]) *Камбизъ*—царь Персидскій, сынъ Кира (529—522 г.), отличался жестокостію.

[3]) *Гевалъ*—гора въ колѣнѣ Ефремовомъ, на сѣверной сторонѣ города Сихема.

[4]) По свидѣтельству Евангелиста Матѳея, при смерти Господа нашего Іисуса Христа гро́би ѿверзо́шасѧ, и҆ мнѡ́га тѣлеса̀ оу҆со́пшихъ ст҃ы́хъ воста́ша, и҆ и҆зше́дше и҆з̾ грѡ́бъ, по воскр҃нїи є҆гѡ̀, виндо́ша во ст҃ы́й гра́дъ, и҆ ꙗ҆ви́шасѧ мнѡ́зѣмъ (Еванг. от Матѳ., гл. 27, ст. 52—53).

[5]) Св. царица Елена принесла мощи Прор. Даніила въ Царьградъ и положила ихъ близъ церкви св. Романа. Ихъ видѣли русскіе паломники Антоній въ 1200 г., Стефанъ новгородецъ въ 1342 г., дьякъ Александръ въ XIV вѣкѣ и іеродіаконъ Зосима въ 1420 г. Гробъ его доселѣ показываютъ въ Сузахъ, столицѣ Персидскаго царства; онъ чтится даже и язычниками.

Тропа́рь, гла́съ в҃:

Ве́лїѧ вѣ́ры и҆справле́нїѧ[1]): во и҆сто́чницѣ пла́мене, ꙗ҆́кѡ на водѣ̀ ᲂу҆покое́нїѧ, ст҃і́и трїѐ ѻ҆́троцы ра́довахꙋсѧ, и҆ прⷪ҇ро́къ данїи́лъ львѡ́мъ па́стырь ꙗ҆́кѡ ѻ҆вца́мъ ꙗ҆влѧ́шесѧ. тѣ́хъ мл҃твами, хрⷭ҇тѐ бж҃е, сп҃сѝ дꙋ́шы на́шѧ.

Конда́къ прⷪ҇ро́ка, гла́съ г҃:

Просвѣти́вшеесѧ дх҃омъ чи́стое твоѐ се́рдце, проро́чества бы́сть свѣтлѣ́йшагѡ прїѧ́телище, зри́ши бо ꙗ҆́кѡ настоѧ̑щаѧ дале́че сꙋ́щаѧ: львы̀ ᲂу҆кроти́лъ є҆сѝ, вве́рженъ въ ро́въ. сегѡ̀ ра́ди тѧ̀ почита́емъ прⷪ҇ро́че бл҃же́нне, данїи́ле сла́вне.

Конда́къ ѻ҆трокѡ́мъ, гла́съ ѕ҃:

Рꙋкопи́саннагѡ ѡ҆́браза не поче́тше, но неѡпи́саннымъ сꙋщество́мъ защити́вшесѧ треблж҃е́ннїи, въ по́двизѣ ѻ҆гнѧ̀ просла́вистесѧ, средѣ́ же пла́мене нестерпи́магѡ стоѧ́ще, бг҃а призва́сте: ᲂу҆скорѝ, ѿ ще́дрый, и҆ потщи́сѧ ꙗ҆́кѡ мл҃тивъ въ по́мощь на́шꙋ, ꙗ҆́кѡ мо́жеши хотѧ́й.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ДАНІИЛА ИСПОВѢДНИКА

Преподобный Даніилъ былъ сначала владѣтелемъ одного острова, по имени Ниверты, иначе Веррои, находившагося близъ Гадира[2]). Пользуясь счастливымъ положеніемъ своего владѣнія на главномъ въ то время пути морскаго плаванія, Даніилъ пріобрѣлъ много богатства; но, какъ воспитанный въ христіанскомъ благочестіи, онъ предпочиталъ служить Богу, нежели маммонѣ[3]), вожделѣніямъ человѣческимъ,—а наконецъ «и отъ всего отказался: все почитая за соръ, чтобы пріобрѣсти Христа»[4]): оставилъ онъ власть и имущество дѣтямъ, а самъ удалился въ Римъ и тамъ принялъ монашество. Изъ Рима онъ отправился въ Константинополь, гдѣ бесѣдовалъ съ царями Романомъ и Кон-

---

[1]) И҆справле́нїе—успѣхъ, подвигъ.

[2]) *Гадира*—Кадиксъ на югѣ Испаніи, близъ Гибралтара.

[3]) Еванг. отъ Матѳея, гл. 6, ст. 24.

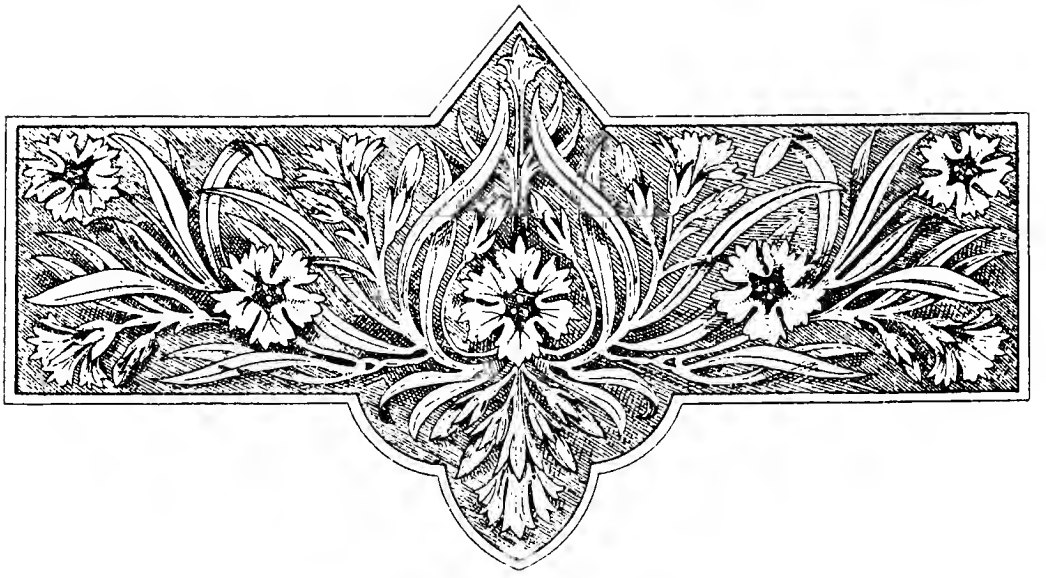
[4]) Послан. къ Филип., гл. 3, ст. 8.

стантиномъ[1]), у которыхъ испросилъ дозволеніе посѣтить Іерусалимъ. Въ Іерусалимѣ, поклонившись Святымъ мѣстамъ, Даніилъ принялъ отъ тамошняго Патріарха Христодула[2]) великую схиму съ именемъ Стефана, но тамъ же ему пришлось перенести много и досажденій и даже побоевъ отъ нечестивыхъ Сарацинъ. Оттуда онъ прошелъ въ Египетъ; здѣсь онъ схваченъ былъ и посаженъ въ темницу, въ которой томился въ продолженіе шести мѣсяцевъ съ посаженными вмѣстѣ съ нимъ двумя священниками, испытывая и голодъ, и жажду, и всякія злостраданія. Послѣ того присноминаемый святый представленъ былъ Амиру[3]) египетскому, который возложилъ на него тяжелыя оковы и принуждалъ отречься отъ Христа; но святый остался непоколебимъ и, не обинуясь, съ дерзновеніемъ исповѣдалъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть Истинный Богъ, за что̀ и подвергся многимъ и разнообразнымъ страданіямъ, изнемогая отъ которыхъ онъ и умеръ. О кончинѣ своей Даніилъ получилъ предвозвѣщеніе отъ Бога.

[1]) *Романъ I Лакапенъ* — Византійскій императоръ въ 917—944 гг. *Константинъ VII* — Византійскій императоръ въ 912—959 гг., царствовавшій одновременно съ Романомъ.

[2]) *Христофоръ*, или *Христодулъ*, былъ Патріархомъ Іерусалимскимъ съ 947 по 967 г.

[3]) Объ *Амирѣ* см. на стр. 325, прим. 2.



День восемнадцатый

ЖИТІЕ и СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО МУЧЕНИКА
СЕВАСТІАНА
и дружины его

Святый Севастіанъ родился въ городѣ Нарбонѣ[1]), а воспитаніе и обученіе наукамъ получилъ въ Медіоланѣ[2]). Нечестивые цари, Діоклетіанъ и Максиміанъ[3]), такъ полюбили его, что вручили ему начальство надъ дворцовой стражей и повелѣли ему всегда предстоять предъ лицомъ ихъ, ибо онъ былъ мужъ храбрый и умный, исполненъ премудрости, правдивъ въ словахъ, справедливъ въ судѣ, предусмотрителенъ въ совѣтѣ, на

---

[1]) *Нарбонъ* — нынѣ *Нарбонна* — цвѣтущій торговый городъ древнихъ Галловъ, впослѣдствіи (въ началѣ II-го вѣка) ставшій римской колоніей, въ юго-восточной Галліи при рѣкѣ Атакѣ; нынѣ довольно незначительный городъ Франціи, недалеко отъ Ліонскаго залива, на каналѣ того же имени, соединяющемъ Средиземное море съ Атлантическимъ океаномъ.

[2]) *Медіоланъ* — нынѣ *Миланъ* — значительный городъ древней Цизальпинской Галліи, или нынѣшней сѣверной Италіи. См. о немъ на стр. 214-й, примѣч. 4.

[3]) *Діоклетіанъ* и *Максиміанъ* — соимператоры Римской имперіи, царствовавшіе съ 284 по 305 годъ.

службѣ и во всѣхъ порученныхъ ему дѣлахъ вѣренъ и мужественнъ и изо всѣхъ выдѣлялся своею добродѣтелію и честностію. Воины его почитали какъ отца, а всѣ придворные очень любили и уважали его,—ибо онъ отличался истиннымъ благочестіемъ. Какъ и слѣдовало,—кого Богъ ущедрилъ Своими дарами, того и всѣ люди любили и почитали! Все время онъ прилежно работалъ Христу, молился и исполнялъ Его святыя заповѣди. Однако все сіе онъ дѣлалъ тайно, чтобы нечестивые цари не узнали о его вѣрѣ во Христа. Скрывалъ же онъ въ себѣ, подъ образомъ земной власти, воина Христова не потому, что боялся мукъ или любилъ почести и богатство и страшился лишиться его, но только для того, чтобы помогать христіанамъ, которые въ то время были жестоко гонимы и мучимы. Тѣхъ изъ нихъ, которымъ онъ не могъ испросить освобожденіе отъ узъ и мученій или облегчить ихъ страданія, онъ укрѣплялъ, совѣтуя и убѣждая мужественно положить жизнь свою за Господа, кровію Котораго они искуплены, и пролить кровь свою, въ чаяніи вѣчной награды, послѣ временныхъ мученій. Такъ старался онъ пріобрѣсти Богу души, которыя діаволъ хотѣлъ отторгнуть отъ Него и похитить себѣ, чтобы погубить ихъ. Онъ поступалъ по слову Писанія: укрѣплялъ опущенныя руки и разслабленныя колѣна вѣрныхъ [1]), малодушныхъ же, сомнѣвающихся и боящихся мукъ, посредствомъ увѣщаній утверждалъ въ мужествѣ и возбуждалъ къ подвигу. Видя предъ собою многихъ святыхъ, подвизавшихся добрымъ подвигомъ, претерпѣвшихъ страданія, сохранившихъ среди жестокихъ мученій вѣру Христову и получившихъ по отшествіи изъ сей жизни вѣнцы вѣчной жизни, Севастіанъ и самъ воспламенѣлъ желаніемъ пострадать за Христа и ожидалъ, когда Господь укажетъ ему удобное для того время. И вотъ, наконецъ, насталъ тотъ часъ, въ который онъ не могъ болѣе скрывать горящаго въ немъ огня Божественной любви и ревности и объявилъ всѣмъ, кто онъ: свѣтъ не могъ долѣе скрываться во тьмѣ.

Въ то время два честныхъ и благородныхъ мужа, Маркеллинъ и Маркъ, родные братья, были взяты за исповѣданіе Имени Христова и долго сидѣли въ темницѣ; къ нимъ часто приходилъ блаженный Севастіанъ и утѣшалъ ихъ, бесѣдуя о святой вѣрѣ и убѣждая отказаться отъ скоропреходящихъ земныхъ благъ и не бояться

[1]) Ср. Кн. Прор. Исаіи, гл. 35, ст. 3—4.

мученій. Они послушались его здраваго совѣта, мужественно перенесли наносимыя имъ мучителями раны и, пребывая непоколебимыми въ вѣрѣ, были осуждены на усѣченіе мечомъ. Но въ то самое время, когда они, готовые умереть, склонили головы подъ мечъ, вышло повелѣніе отпустить ихъ домой къ родителямъ, женамъ и дѣтямъ. Еще живы были престарѣлые родители ихъ, Транквиллинъ и Маркія. И родители, и всѣ домашніе просили римскаго правителя Агреста Хроматія продлить жизнь Маркеллину и Марку на 30 дней, въ теченіе которыхъ они могли бы уговорить сихъ братьевъ и склонить къ поклоненію языческимъ богамъ, ибо родители ихъ, и жены, и всѣ родственники ихъ были язычники. Когда просимое время было дано, родители, жены, дѣти, родственники и друзья окружили Маркеллина и Марка и съ рыданіемъ стали просить пощадить себя и ихъ и, оставивъ свое намѣреніе, сдѣлать угодное царямъ. Отецъ, указывая на свои сѣдины, старость и болѣзнь тѣлесную, просилъ, чтобы они до его смерти не измѣняли своей вѣры и похоронили бы его по обычаю; онъ уже ожидалъ скорой смерти и не могъ ходить самъ, а былъ всегда поддерживаемъ или переносимъ другими. Мать, указывая на грудь свою, которою вскормила ихъ, требовала отъ нихъ должнаго уваженія и сыновняго повиновенія, просила пощадить жизнь свою для нея и не отдавать себя на добровольную смерть. Маленькія дѣти простирали къ нимъ руки, припадали къ ногамъ и со слезами просили не оставлять ихъ сиротами. Другія же дѣти, которыя были еще въ пеленахъ и не умѣли говорить, однимъ видомъ своимъ напоминали о сиротствѣ и возбуждали въ родителяхъ жалость. Жены говорили о своемъ вдовствѣ и, проливая горячія слезы, умоляли не губить ихъ съ

Ст҃ый мч҃нкъ Севастїа́нъ

собою, избравъ себѣ смерть, а ихъ подвергая различнымъ бѣдствіямъ вдовьей жизни. Родные же убѣждали не наносить такого безчестія дому своему и всему роду и униженія отъ сосѣдей, предавая себя позорной смерти. И всѣ плакали и рыдали. Да и что оставалось дѣлать тѣмъ непобѣдимымъ по своему святому дерзновенію мужамъ? Ни одно мученіе не могло ихъ поколебать такъ, какъ эти искушенія; ихъ побѣждала естественная любовь къ престарѣлымъ родителямъ, женамъ, дѣтямъ и родственникамъ, сокрушала жалость; и они начали сомнѣваться и колебаться, какъ трость отъ вѣтра, и таять сердцемъ, какъ воскъ отъ огня. Они и сами плакали вмѣстѣ съ родными и уже почти готовы были уступить ихъ мольбамъ и отречься отъ святой вѣры.

Тогда святый Севастіанъ, находившійся въ то время тамъ, видя, что они готовы отречься и погубить свои души, сжалился надъ ними и, сознавая, что настало время и для его исповѣданія, чтобы и другимъ помочь, и самому пойти на подвигъ страданія, всталъ посреди присутствовавшихъ и, повелѣвъ всѣмъ замолчать, началъ говорить:

— О доблестные воины Христовы! О искуснѣйшіе ратники Божія воинства! Вотъ, вы чрезъ свое великодушіе уже приблизились мужественно къ торжеству, а теперь хотите изъ-за нечестивыхъ обольщеній своихъ ближнихъ сложить съ себя вѣнецъ вѣчный. Не дѣлайте сего, но научите нынѣ Христовыхъ воиновъ своимъ подвигомъ мужеству,—научите ихъ вооружаться болѣе вѣрою, чѣмъ желѣзомъ; не бросайте знамени вашихъ побѣдъ ради женскихъ слезъ и не давайте ослабы низложенной подъ вашими ногами главѣ врага, дабы онъ, получивъ опять силу, не началъ съ вами борьбу; ибо, если и прежнее его возстаніе было яростно, то, снова раздраженный, онъ придетъ въ еще бо́льшую ярость. Воздвигните же надъ земными пристрастіями славную хоругвь вашего подвига и не оставляйте ее ради безполезныхъ дѣтскихъ слезъ. Тѣ, коихъ вы видите плачущими, возрадовались бы теперь, если бы знали то, что вы знаете, ибо они думаютъ, что жизнь существуетъ только на землѣ, и когда она кончится и тѣло умретъ, то не останется ни одной части души живой. Если бы они знали, что есть другая жизнь—безсмертная и безболѣзненная, въ которой царствуетъ непрестающая радость, то непремѣнно пожелали бы войти въ нее съ вами и, презирая временную жизнь, старались бы получить вѣчную. Настоящая жизнь скоропреходяща и такъ непо-

стоянна и невѣрна, что даже люди, привязанные къ ней, теряютъ въ нее вѣру. Отъ самаго начала міра она погубляла всѣхъ, надѣющихся на нее, желавшихъ ея—обманула, надъ всѣми, гордящимися ею, насмѣялась, всѣмъ солгала, никого не оставила въ надеждѣ твердымъ и въ упованіи непосрамленнымъ и оказалась весьма лживою. О, если бы эта ложь была только въ мечтѣ, а на самомъ дѣлѣ не вводила бы въ горькія заблужденія! Но еще хуже то, что сія временная жизнь приводитъ своихъ приверженцевъ ко всякому беззаконію: чревоугодниковъ услаждаетъ объяденіемъ и пьянствомъ, сластолюбивыхъ вовлекаетъ въ любодѣяніе и во всякія скверны, вора научаетъ красть, раздражительнаго—сердиться, лжеца—обманывать; она разлучаетъ мужа съ женой, сѣетъ вражду между друзьями, ссору—между кроткими, неправду—между справедливыми, соблазнъ—посреди монашествующихъ; она отнимаетъ правосудіе у судей, цѣломудріе—у чистыхъ, искусство—у художниковъ и у всѣхъ добрые нравы. Вспомнимъ и самыя лютыя дѣянія, въ которыя она вводитъ своихъ приверженцевъ: когда братъ убиваетъ брата, или сынъ отца, или другъ умерщвляетъ друга—кто научаетъ этому? На что надѣются, когда совершаютъ такія беззаконія? Не ради ли сей, такъ много любимой жизни, ненавидятъ люди другъ друга, стараясь каждый устроить себѣ лучшее существованіе? Зачѣмъ разбойникъ убиваетъ путника, богатый—притѣсняетъ бѣднаго, гордый—обижаетъ смиреннаго и виноватый преслѣдуетъ невиннаго? Поистинѣ, все сіе зло дѣлаютъ тѣ, кто работаетъ настоящей жизни и желаетъ долгое время пребывать въ любви къ ней и наслаждаться ею. Она же, научая злу своихъ приверженцевъ и служителей, предаетъ ихъ діцери своей—вѣчной смерти, въ которую были ввергнуты и первые люди, потому что, хотя и были созданы для полученія вѣчной жизни, но прельстились жизнью временной и работали чревоугодію, сластолюбію и похоти очей[1]), отсюда же они ниспали во адъ, ничего не взявши съ собой изъ благъ земныхъ. И сія-то земная жизнь, возлюбленные друзья, такъ прельщаетъ васъ, что вы хотите своими неправедными совѣтами возвратить къ ней друзей вашихъ, которые идутъ къ вѣчной жизни! Она научаетъ васъ, почтенные родители, чтобы вы своими безумными рыданіями отвлекли сыновей вашихъ, идущихъ къ небесному воинству, нетлѣнной славѣ и милости Вѣчнаго Царя. Она убѣждаетъ

[1]) 1 Посл. Іоан., гл. 2, ст. 16.

васъ, цѣломудренныя жены святыхъ, чтобы вы своими ласками развратили умы мучениковъ, отторгли ихъ отъ добраго намѣренія и убѣдили пріять вѣчную смерть—вмѣсто жизни, рабство—вмѣсто свободы. Если они послѣдуютъ вашимъ совѣтамъ, то недолго поживутъ вмѣстѣ съ вами, а потомъ имъ надо будетъ разлучиться съ вами,—и разлучиться такъ, что вы не можете увидѣть другъ друга иначе, какъ въ мѣстѣ вѣчнаго мученія, гдѣ пламень пожигаетъ души невѣрныхъ, гдѣ адскія змѣи поѣдаютъ уста богохульныхъ, гдѣ аспиды терзаютъ грудь идолопоклонниковъ, гдѣ слышится горькій плачъ, тяжелые вздохи и непрестанное рыданіе въ мукахъ. Дайте же имъ избѣжать этихъ мученій и сами постарайтесь избавиться отъ нихъ, не препятствуйте имъ шествовать опять къ уготованному имъ вѣнцу небесному. Не бойтесь: они не разлучатся съ вами, а, напротивъ, приготовятъ вамъ на Небесахъ свѣтлыя обители, гдѣ вы, вмѣстѣ съ ними и съ дѣтьми вашими, будете наслаждаться вѣчными благами. Если вы даже любуетесь здѣсь красивыми зданіями, то тѣмъ болѣе вы будете любоваться красотой тѣхъ горнихъ обителей, въ которыхъ трапезы блестятъ чистымъ золотомъ, гдѣ чертоги сдѣланы изъ драгоцѣнныхъ камней, украшены жемчугомъ и сіяютъ славою, гдѣ сады вѣчно цвѣтутъ неувядаемыми цвѣтами, гдѣ плодоносныя поля орошаются сладкими потоками, гдѣ воздухъ всегда благорастворенъ, живой вѣтеръ обвѣваетъ чувства неописуемыми благовоніями, гдѣ немеркнущій день, незаходимый свѣтъ и непреходящая радость; и нѣтъ тамъ ни воздыханій, ни плача, ни скорби, ни какого-либо несовершенства, не видно ничего грѣховнаго, не ощущается никакого зловонія, не слышится никакого печальнаго, плачевнаго и страшнаго голоса, но видится одно лишь прекрасное, обоняется все ароматное и слышится одно радостное; тамъ, неумолкая, поютъ ангельскіе и архангельскіе лики, согласно славящіе Безсмертнаго Царя[1]). И какъ такую жизнь можно презирать, а къ временной прилѣпляться? Ради ли богатствъ?—Но онѣ скоро исчезаютъ. А тѣ, кто хочетъ вѣчно имѣть ихъ у себя, пусть послушаютъ, что возвѣщаютъ имъ ихъ богатства: «Вы такъ

[1]) Такими же образными чертами изображается Рай и въ Богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ, въ другихъ минейно-читейныхъ сказаніяхъ (напр. видѣніе Рая святымъ Андреемъ Юродивымъ) и въ твореніяхъ святыхъ Отцовъ Церкви, напр. Ефрема Сирина, причемъ послѣдній присоединяетъ, что всѣ эти черты и образы райскаго блаженства, носящіе характеръ чувственныхъ описаній, нужно понимать въ духовномъ смыслѣ и что будущее блаженство не можетъ быть описано на человѣческомъ языкѣ и недоступно человѣческимъ чувствамъ и земнымъ ощущеніямъ.

насъ любите,—говорятъ они,—какъ будто никогда не разстанетесь съ нами. Когда вы будете умирать, мы не можемъ идти за вами, пока же вы живы, мы можемъ сопутствовать вамъ, если только вы велите намъ или пошлете насъ передъ собой.» Пусть будутъ вамъ примѣрами лихоимный заимодавецъ и трудолюбивый земледѣлецъ: первый — даетъ человѣку взаймы золото, чтобы получить отъ него вдвое больше, второй—сѣетъ въ землю различныя сѣмена, чтобы собрать ихъ сторицею; должникъ отдаетъ своему заимодавцу золото вдвойнѣ, а земля возвращаетъ сѣятелю зерны сторицею. Не удвоитъ ли много разъ Богъ ваши богатства, если только вы ввѣрите ихъ Ему? Туда посылайте и сокровища ваши, и сами старайтесь придти. Какая польза отъ сей временной жизни? Если бы кто-нибудь прожилъ хотя бы и 100 лѣтъ, то когда настанетъ послѣдній день, не покажется ли ему, что всѣхъ прошедшихъ годовъ и всѣхъ житейскихъ удовольствій какъ будто бы никогда и не было? Не остается ли отъ сего только нѣкоторое воспоминаніе, какъ бы слѣды странника, пробывшаго съ нами одинъ день? О, поистинѣ только человѣкъ безумный, не познавшій истинныхъ благъ, можетъ не возлюбить будущую прекраснѣйшую жизнь! Поистинѣ только неразумный можетъ бояться потерять скоропреходящую жизнь, чтобы получить вѣчную, въ которой наслажденія, богатства и радость начнутся, чтобы не кончиться, но вѣчно пребывать. Кто не хочетъ быть служителемъ вѣчной жизни, тотъ и сію временную жизнь губитъ напрасно, получаетъ вѣчную смерть и пребываетъ связаннымъ во адѣ, гдѣ—неугасающій огонь, постоянная скорбь, вѣчныя муки, гдѣ живутъ злые духи, у которыхъ мышцы—змѣиныя головы, глаза испускаютъ огненныя стрѣлы, зубы велики, какъ у слоновъ, угрызаютъ они, какъ жало скорпіона, голоса подобны реву львовъ, самый видъ которыхъ наводитъ великій страхъ, производитъ лютую болѣзнь и горчайшую смерть. Не страшно ли умереть въ такихъ ужасахъ и мукахъ? Но еще страшнѣе, что для того живутъ, чтобы непрестанно умирать, ради того не истлѣваютъ, чтобы мучиться безъ конца, ради того бываютъ цѣлы, чтобы вѣчно быть снѣдаемыми зміями, и съѣденные члены опять обновляются, чтобы служить пищею ядовитымъ зміямъ и неусыпающимъ червямъ. О друзья, о родители, о славныя жены святыхъ! Не желайте сію святую двоицу отъ безконечной жизни низводить въ такую страшную вѣчную смерть; не отторгайте ихъ отъ радости къ рыданіямъ; не совѣтуйте идти отъ свѣта въ тьму;

не призывайте отъ сладкаго покоя въ горькую муку. О святая двоица, Маркеллинъ и Маркъ! Не дайте прельстить себя хитрому врагу, наносящему вамъ такое искушеніе чрезъ вашихъ домашнихъ, не ввергайте себя въ безконечное мученіе, не вдавайтесь въ руки бѣсовъ, не прельщайтесь любовію къ временной жизни красотами видимаго міра и суетными житейскими удовольствіями, не дайте побѣдить себя мольбами родителей, рыданіями женъ, слезами дѣтей, ласками родныхъ и друзей. Вспомните слова Господа: «**вразѝ человѣ́кꙋ дома́шнїи є҆гѡ̀**» [1]). Тѣ, которые разлучаютъ насъ съ Богомъ, не друзья намъ, а враги, и любовь ихъ къ намъ не истинна, но ложна, потому что они лишаютъ насъ столь великаго блага, отнимаютъ у насъ любовь Божію и Царство Небесное, уготованное любящимъ Бога. Не допускайте исторгнуть изъ рукъ вашихъ той награды, ради которой такъ потрудились; ибо вы уже истинно какъ бы въ рукахъ держите приготовленное для васъ благо, вы уже стоите у дверей небеснаго чертога. Се, нынѣ для васъ сплетены уже вѣнцы, и Подвигоположникъ Христосъ ждетъ, чтобы увѣнчать васъ и прославить передъ святыми Ангелами. Се, насталъ уже конецъ вашего пути: не обращайтесь же назадъ, какъ жена Лота, чтобы не сдѣлаться бездушнымъ столпомъ [2]), ибо тѣмъ погубите свои души. Не соблазняйтесь слишкомъ сильною любовію къ родителямъ, женамъ и дѣтямъ, чтобы не сдѣлаться недостойными Христа, сказавшаго: «**и҆́же лю́битъ ѻ҆тца̀ и҆лѝ ма́терь, сы́на и҆лѝ дще́рь па́че менѐ, нѣ́сть менѐ досто́инъ**» [3]). Не будьте такими неразумными, чтобы, начавши духомъ, окончить плотію [4]). О да подастъ мнѣ Христосъ Богъ мой пролить мою кровь за Него передъ вами, чтобы вы видѣли мое страданіе, и моя смерть могла бы послужить для васъ примѣромъ, какъ полагать души за вашего и моего Бога.

Когда святый Севастіанъ поучалъ такими и многими другими наставленіями, внезапно освѣтилъ его Божественный свѣтъ, и лицо его просвѣтилось, какъ лицо Ангела, и невѣрующіе испугались славы лица его. Нѣкоторые же видѣли семь Ангеловъ, облекавшихъ блаженнаго Севастіана въ свѣтлую одежду, и Прекраснѣйшаго Юношу, благословлявшаго его со словами:

— Ты всегда будешь со Мною.

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. **10**, ст. 36.

[2]) Кн. Быт., гл. **19**, ст. 26.

[3]) Еванг. отъ Матѳ., гл. **10**, ст. 37.

[4]) Ср. Посл. къ Галат., гл. **3**, ст. 3.

Все это происходило въ домѣ протоскриніарія[1]), по имени Никострата, у котораго Маркеллинъ и Маркъ были подъ стражею. Жена Никострата, именемъ Зоя, которая уже шесть лѣтъ была нѣмою отъ сильной болѣзни, но разумъ и слухъ имѣла невредимыми, слышала и поняла все, сказанное Севастіаномъ и, видя сіяніе вокругъ его лица, упала къ ногамъ его, знаками умоляя разрѣшить языкъ ея. Блаженный Севастіанъ сказалъ:

— Если я дѣйствительно—истинный рабъ Христовъ и истинно все то, что отъ меня услыхала и чему увѣровала сія жена, то да повелитъ Господь мой открыться устамъ ея и разрѣшиться языку, какъ нѣкогда у пророка Захаріи, отца Іоанна Предтечи[2]).

Сказавъ это, онъ осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ уста той женщины, и она тотчасъ же громко проговорила:

— Блаженъ ты, и благословенно слово, сказанное тобой, и блаженны вѣрующіе чрезъ тебя во Христа, Сына Бога Живаго, ибо я видѣла сошедшаго къ тебѣ съ неба Ангела, державшаго передъ тобой открытую книгу, по которой ты читалъ все сказанное тобой. Благословенны вѣрующіе всему, сказанному тобой, и да будутъ прокляты всѣ, сомнѣвающіеся хотя бы въ одномъ словѣ, слышанномъ отъ тебя. Какъ восходящая заря изгоняетъ тьму и даетъ свѣтъ очамъ, такъ свѣтъ словъ твоихъ изгналъ мракъ моего невѣдѣнія и ослѣпленія, осіялъ меня свѣтлымъ днемъ истинной вѣры и отверзъ послѣ шестилѣтней нѣмоты уста мои для восхваленія Бога.

Увидя такое чудо, всѣ присутствовавшіе увѣровали во Христа. Никостратъ, мужъ Зои, видя такую силу Христа, также припалъ къ ногамъ святаго, прося прощенія въ томъ, что, по повелѣнію царя, держалъ въ узахъ Маркеллина и Марка; и, снявъ съ рукъ ихъ желѣзныя оковы, обнималъ имъ колѣна, умолялъ ихъ уйти на свободу и говорилъ:

— О, если бы я могъ быть такъ счастливъ, чтобы за ваше освобожденіе потерпѣть узы! Проливъ свою кровь за васъ, я омылъ бы мои грѣхи и, избѣжавъ вѣчной смерти, получилъ бы ту жизнь, о которой намъ благоволилъ возвѣстить Богъ устами Севастіана!

---

[1]) *Протоскриніарій* — придворный казнохранитель, имѣвшій большую силу при епархѣ (правителѣ области), почему ему оказывалось особенное царское довѣріе и поручались разныя отвѣтственныя обязанности.

[2]) Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 64.

Когда же Никостратъ просилъ святыхъ уйти въ свои домы, они ему сказали:

— Чаши нашего страданія мы тебѣ оставить не хотимъ; щедръ и милостивъ Господь Христосъ нашъ, ибо даруетъ всѣмъ, приходящимъ и просящимъ у Него, Свою небесную милость; Онъ силенъ и тебя сподобить такой же чаши, если ты искренно ея желаешь. Ибо если вамъ, невѣровавшимъ, былъ данъ свѣтъ познанія Истины, то тѣмъ болѣе нынѣ, когда вы увѣровали, дастся все, чего ни попросите, потому что благодать Божія всегда готова подавать людямъ просимую помощь, особенно тѣмъ, которые вѣруютъ въ Него безъ всякихъ сомнѣній. Ваша вѣра зачалась съ сегодняшняго поученія, и въ одинъ часъ вы научились тому, чему едва ли кто могъ научиться въ цѣлый годъ, и ничто васъ, какъ мы видимъ, не удерживаетъ по вѣрѣ въ Господа нашего быть готовыми къ смерти за Него—ни родители, ни дѣти, ни богатство. Внезапно вы презрѣли то, что всегда любили, и ищете того, чего никогда не знали; вы пошли невѣдомымъ путемъ и тотчасъ пришли ко Христу, и желанія ваши уже устремлены къ Небу, такъ какъ вы не ищете на землѣ никакого утѣшенія. О, какой великой похвалы достойно сіе дѣло! О, сколь достоинъ подражанія такой примѣръ добродѣтели! Еще не соединились вы со Христомъ водою Крещенія, еще не видѣли начала войны, а уже поднимаете оружіе за Царя Истиннаго и, освобождая отъ узъ воиновъ Его, становитесь сами узниками и не боитесь отдать себя на убіеніе за осужденныхъ.

Всѣ умилились сердцемъ своимъ и плакали, раскаиваясь въ прежнемъ невѣдѣніи и въ томъ, что хотѣли отклонить отъ добраго подвига воиновъ Христовыхъ. Маркъ же сказалъ:

— Научитесь, о возлюбленные родители, и вы, жены, и вы, друзья! Научитесь мужественно противостоять врагу, взявъ щитъ вѣры, которымъ можете угасить разжженныя стрѣлы лукаваго [1]). Пусть возстаютъ и вооружаются на насъ слуги діавольскіе,—пусть терзаютъ наши тѣла, какими хотятъ муками: могутъ они убить тѣло, но душу, воинствующую за вѣру, побѣдить не въ силахъ. На убіеніе же и растерзаніе тѣла не будемъ обращать вниманія: раны, полученныя за царя, приносятъ славу воинамъ. Разъяряется же на насъ діаволъ мучительнымъ для него самого гнѣвомъ, ибо и самъ

[1]) Посл. къ Ефес., гл. 6, ст. 16.

мучится, видя наше терпѣніе; онъ причиняетъ намъ различныя мученія и угрожаетъ разнообразными смертями, чтобы, устрашивъ, отторнуть насъ отъ добраго подвига; гдѣ же муки не имѣютъ успѣха, тамъ онъ дѣйствуетъ лестью: обѣщаетъ жизнь, чтобы отнять жизнь; обѣщаетъ богатство, чтобы привести къ убожеству; даетъ славу, чтобы исполнить стыда; обѣщаетъ безпечальную жизнь, чтобы ввергнуть насъ, вмѣсто того, въ бѣду и вѣчную скорбь. Таковы ухищренія его нападеній, таковы его коварныя намѣренія— тѣло избавить отъ мукъ, а душу умертвить грѣхами. Пойдемъ же противъ него: презримъ плоть, чтобы помочь душѣ. Что намъ бояться смерти временной, если мы надѣемся жить вѣчно! Къ чему жалѣть сію жизнь, надѣясь получить лучшую? Пусть боятся смерти тѣ, кто не надѣется увидѣть будущей жизни. О, какъ много служителей сей жизни погубилъ нечаянный случай: или молнія поразила, или потопило море, поглотила пропасть, заклалъ мечъ! И сію-то жизнь несчастные потеряли со скорбію, а другой не обрѣли! Пусть же они и рыдаютъ о сей жизни, пусть они и трепещутъ смерти;—намъ же какая печаль отъ смерти? Какая забота о сей жизни намъ, ожидающимъ вѣчной блаженной жизни, уготованной для насъ Христомъ,—полной благъ, невиданныхъ очами, неслыханныхъ человѣческимъ слухомъ и непостижимыхъ умомъ?

Когда святый Маркъ говорилъ такъ, всѣ исполнились желаніемъ будущей жизни, настоящею же стали гнушаться; всѣ возгорѣлись любовію ко Христу, міръ же начинали ненавидѣть, и благодарили Бога, что Онъ просвѣтилъ тьму ихъ, отверзъ ихъ умственныя очи и избавилъ ихъ отъ погибели, показавъ путь спасенія. Такимъ образомъ тѣ, которые пришли отвратить святыхъ мучениковъ отъ Христа, сами были обращены ко Христу, и надѣявшіеся погубить другихъ, спаслись сами, а Никостратъ съ женой своей настоятельно просилъ святаго, говоря:

— Не буду ѣсть и пить, если надо мной не будетъ совершено Таинство христіанской вѣры.

— Измѣни службу твою,—отвѣчалъ Севастіанъ,—и начни служить болѣе какъ Христовъ протоскриніарій, нежели какъ епарховъ; послушай моего совѣта: собери всѣхъ, кого имѣешь въ узахъ и темницахъ, я же призову іерея Божія, и ты, вмѣстѣ со всѣми увѣровавшими, сподобишься отъ него Святыхъ Таинствъ. Если діаволъ старается отторгнуть отъ Христа святыхъ рабовъ Его, то

какъ должны заботиться мы, чтобы, отторгнувъ отъ діавола тѣхъ, коихъ онъ хочетъ погубить, обратить ихъ къ нашему Создателю!

Никостратъ возразилъ:

— Можетъ ли святыня быть дарована злодѣямъ и осужденнымъ на смерть преступникамъ?

Севастіанъ отвѣчалъ:

— Спаситель нашъ пришелъ въ міръ ради насъ грѣшныхъ и даровалъ Таинство Крещенія, коимъ отнимаются отъ людей грѣхи и беззаконія и подается Божественная благодать. Въ самомъ началѣ твоего обращенія принеси сей даръ Христу, позаботься о спасеніи другихъ, и будетъ тебѣ въ награду мученическій вѣнецъ, сплетенный изъ неувядаемыхъ цвѣтовъ многихъ добродѣтелей.

Услышавъ сіе, Никостратъ пошелъ къ комментарисію[1]) Клавдію и велѣлъ ему прислать къ себѣ въ домъ всѣхъ, осужденныхъ и содержимыхъ въ узахъ. Когда все это было сдѣлано и окованные желѣзомъ узники собрались, святый Севастіанъ обратился къ нимъ съ поучительнымъ словомъ спасенія и, найдя, что они пріуготовлены къ вѣрѣ Христовой и способны къ принятію Божественной благодати, велѣлъ освободить всѣхъ отъ узъ, пошелъ къ пресвитеру святому Поликарпу, скрывавшему свое званіе изъ-за гоненія, и разсказалъ ему все происходящее. Возблагодаривъ за сіе Бога, святый Поликарпъ пошелъ съ Севастіаномъ въ домъ Никострата и, обратившись ко всему собранію вѣрующихъ, сказалъ:

— Блаженны всѣ вы, слышавшіе Слово Господа нашего Іисуса Христа, говорящаго: «прїиди́те ко мнѣ̀ всѝ трꙋжда́ющїисѧ и҆ ѡ҆бремене́ннїи, и҆ а҆́зъ ᲂу҆поко́ю вы̀. Возми́те и҆́го моѐ на себѐ, и҆ наꙋчи́тесѧ ѿ менѐ, ꙗ҆́кѡ кро́токъ є҆́смь и҆ смире́нъ се́рдцемъ, и҆ ѡ҆брѧ́щете поко́й дꙋша́мъ ва́шымъ: и҆́го бо моѐ бла́го, и҆ бре́мѧ моѐ легко̀ є҆́сть»[2]). Вамъ же, братіе, которыхъ омоетъ вода Крещенія и, освятивъ, сотворитъ возлюбленными сынами Бога, необходимо покаяніе, чтобы получить прощеніе прежнихъ грѣховъ. Теперь же, когда вы являете такое усердіе ко Христу, Богу нашему, что, вѣруя въ Него, готовы умереть за Него, и отъ чего сначала хотѣли отвратить другихъ, теперь сами желаете того,—вы получили уже прощеніе и побѣду надъ невидимымъ врагомъ. Силенъ Хри-

---

[1]) *Комментарисій*—начальникъ надъ тюрьмами въ Римской имперіи и дѣлопроизводитель при судебныхъ процессахъ, производившій предварительныя разслѣдованія надъ обвиняемыми, особенно надъ христіанскими мучениками.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 11, ст. 28—30.

стосъ Господь нашъ изводить свѣтъ изъ тьмы и изъ отверженныхъ сосудовъ творить избранные; такъ сотворилъ Онъ изъ Савла Павла: изъ отступника—Апостола и изъ гонителя—учителя. Такъ и васъ сегодня призвалъ Онъ отъ язычества въ Церковь Свою, изъ невѣрныхъ сотворилъ вѣрными рабами Своими и изъ враговъ Своими друзьями. Объ обращеніи вашемъ плачетъ и рыдаетъ все сонмище бѣсовъ, сыновъ тьмы; всѣ же лики святыхъ небесныхъ Ангеловъ, сыновъ Свѣта, радуются и веселятся о вашемъ просвѣщеніи. Итакъ, пусть каждый изъ васъ напишетъ свое имя и подастъ мнѣ. Принятію же Крещенія пусть предшествуетъ постъ: поститесь до вечера; когда же вещественный свѣтъ зайдетъ, невещественный возсіяетъ вамъ въ Крещеніи.

Всѣ исполнились радости, и каждый сталъ готовиться къ Крещенію. Когда все это происходило, пришелъ Клавдій комментарисій къ дому Никострата и позвалъ его къ епарху, говоря:

— Узнавъ, что ты собралъ къ себѣ въ домъ всѣхъ узниковъ, епархъ разгнѣвался и велѣлъ призвать тебя; подумай, какъ отвѣтишь ему.

Никостратъ же, когда пришелъ въ домъ епарха и тотъ спросилъ его объ узникахъ, отвѣчалъ:

— По повелѣнію твоей свѣтлости, я взялъ подъ стражу въ мой домъ двоихъ христіанъ, Маркеллина и Марка, и, чтобы болѣе устрашить ихъ, присоединилъ къ нимъ другихъ — тяжко окованныхъ и крѣпко связанныхъ узниковъ, чтобы, смотря на нихъ, они и себѣ ожидали такого же страданія и, такимъ образомъ, повиновались бы вашему повелѣнію.

Начальникъ похвалилъ его и отпустилъ, говоря:

— Ты получишь большую награду отъ ихъ родителей, если они, обратившись чрезъ тебя къ единомыслію съ нами, будутъ отпущены цѣлыми и здравыми.

Возвращаясь съ Клавдіемъ домой, Никостратъ началъ ему повѣствовать о святомъ Севастіанѣ, что онъ—другъ царя, христіанинъ, искусенъ въ Божественномъ ученіи, утверждаетъ въ вѣрѣ христіанскія сердца и называетъ настоящую жизнь временною и скоропогибающею, а послѣ смерти возвѣщаетъ другую жизнь—лучшую и вѣчную; потомъ онъ разсказалъ, какъ просвѣтилось лицо Севастіана небеснымъ свѣтомъ и какъ онъ исцѣлилъ отъ шестилѣтней нѣмоты его жену, такъ что она стала говорить ясно. Услышавъ это отъ Никострата, Клавдій сказалъ:

— Мои два малолѣтніе сына очень больны: у одного—водяная болѣзнь, а у другого — по всему тѣлу раны; попрошу его исцѣлить сыновей моихъ: не сомнѣваюсь, что тотъ, кто разрѣшилъ нѣмоту твоей жены, можетъ исцѣлить и моихъ дѣтей.

Сказавъ сіе, Клавдій поспѣшно пошелъ въ домъ свой, взялъ обоихъ дѣтей на руки и отправился съ ними въ домъ Никострата. Тамъ онъ упалъ къ ногамъ святыхъ Божіихъ Севастіана и Поликарпа, говоря:

— Вѣрую безъ всякаго сомнѣнія, всѣмъ сердцемъ, что Христосъ, Котораго вы почитаете, есть Истинный Богъ; принесъ же я сюда сихъ больныхъ моихъ отроковъ для того, чтобы вы спасли ихъ отъ смерти.

Божественные мужи сказали ему:

— Всѣ, кто имѣетъ какую-либо болѣзнь, получатъ исцѣленіе сегодня же, въ то самое время, какъ только войдутъ во святую купель.

Клавдій снова говорилъ, что вѣруетъ во Христа и хочетъ быть христіаниномъ. Всѣ они стали готовиться ко Святому Крещенію, писали свои имена и подавали пресвитеру. Первымъ подалъ свое имя Транквиллинъ, отецъ Маркеллина и Марка, послѣ него шесть его друзей: Аристонъ, Крискентіанъ, Евтихіанъ, Урванъ, Виталій и Іустъ, потомъ Никостратъ съ братомъ своимъ Касторіемъ и Клавдій комментарисій, послѣ него два его сына — Симфоріанъ и Феликсъ, Маркія, мать Маркеллина и Марка, Симфороса, жена Клавдія, Зоя, жена Никострата, и весь домъ Никострата—до 33 душъ обоего пола, и, наконецъ, всѣ приведенные изъ темницы, числомъ 16. И было всѣхъ приготовившихся ко Крещенію 64 человѣка, и всѣ были крещены святымъ Поликарпомъ. Воспріемникомъ отъ купели былъ святый Севастіанъ, для женщинъ были воспріемницами Беатриса и Лукина. Прежде всѣхъ были введены въ купель дѣти Клавдія, и тотчасъ же исцѣлились отъ своихъ болѣзней, такъ что на тѣлѣ ихъ не осталось и слѣдовъ отъ бывшихъ язвъ. Послѣ нихъ привели Транквиллина; онъ былъ не только немощенъ отъ старости, но и боленъ ломотою рукъ и ногъ, такъ что его едва могли носить на рукахъ; сильно страдалъ онъ, когда съ него снимали передъ Крещеніемъ одежды. Святый Поликарпъ спросилъ его:

— Вѣруешь ли, не сомнѣваясь, что Единородный Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, имѣетъ власть дать тебѣ здоровье и отпустить грѣхи?

Транквиллинъ отвѣчалъ:

— Вѣрую, что Христосъ—Сынъ Божій и Богъ все можетъ, но я отъ Его благости ищу только прощенія грѣховъ, о тѣлесной же болѣзни не забочусь.

Всѣ стоявшіе около прослезились отъ радости и молили Господа, чтобы Онъ показалъ плодъ вѣры мученика. Когда началось Крещеніе, и Транквиллинъ былъ спрошенъ: «Вѣруешь ли въ Бога Отца, Сына и Святаго Духа?» и когда онъ отвѣчалъ: «Вѣрую», то не успѣло еще слово то сойти съ его устъ, какъ освободились отъ болѣзненныхъ узъ руки и ноги его, утвердились его ступни и колѣна, вся немощь старости отступила отъ него, обновилась, ꙗ҆́кѡ ѻ҆́рлѧ, ю҆́ность его[1]),—и онъ воскликнулъ:

— Ты—Единый Истинный Богъ, Коего не знаетъ сей окаянный міръ!

Послѣ него всѣ остальные крестились по одному. И въ продолженіе 16 дней, которые остались отъ даннаго Маркеллину и Марку времени, ночью и днемъ прославляли они Бога церковными пѣснями и Псалмами, утверждались въ вѣрѣ и готовились къ мученическому подвигу за Имя Христово.

Когда приближался конецъ 30-дневному сроку, епархъ города Рима Агрестій Хроматій призвалъ къ себѣ Транквиллина, отца Маркеллина и Марка, и спросилъ его о сыновьяхъ,—согласились ли они отступить отъ христіанства.

Транквиллинъ отвѣчалъ:

— Не нахожу словъ, чтобы благодарить тебя за твои благодѣянія: если бы ты, по своей кротости, не остановилъ и не отдалилъ на столько дней смертный приговоръ моихъ сыновей, то и я лишился бы ихъ, и сыновья мои лишились бы отца. Всѣ родные, любящіе друзья и, думаю, что и твоя свѣтлость порадуется со мной, такъ какъ мертвымъ дана жизнь, скорбнымъ веселіе, печальнымъ возвратилась радость.

Тогда епархъ, думая, что сыновья Транквиллина хотятъ поклониться богамъ, сказалъ:

— Приходите въ послѣдній день, и пусть сыновья твои произведутъ должное кажденіе ѳиміама богамъ.

---

[1]) Выраженіе Псалма 102-го, ст. 5.—Этимъ выраженіемъ показывается здѣсь, что старецъ Транквиллинъ, послѣ исповѣдыванія вѣры Христовой, сталъ силенъ и бодръ, какъ бы юноша. Сравненіе этого обновленія съ обновленіемъ орла можетъ основываться на живучести, зоркости, силѣ и высотѣ полета орла.

Услышавъ сіе, Транквиллинъ сказалъ:

— О свѣтлѣйшій мужъ! Если бы ты справедливо разсудилъ о томъ, что случилось со мною и сыновьями моими, то могъ бы понять, какъ велико и сильно имя христіанина.

Епархъ сказалъ:

— Не бѣснуешься ли ты, Транквиллинъ?

— До сихъ поръ я бѣсновался и тѣломъ, и душою,—отвѣчалъ Транквиллинъ,—но какъ только увѣровалъ во Христа, тотчасъ же получилъ здоровье души и тѣла.

— Какъ вижу,—сказалъ епархъ,—я не для того отдалилъ казнь твоимъ сыновьямъ, чтобы ты отвратилъ ихъ отъ ихъ заблужденія, но—чтобы они тебя склонили къ своему заблужденію!

Транквиллинъ отвѣчалъ:

— Умоляю твою свѣтлость разсудить, какія дѣла слѣдуетъ называть заблужденіемъ.

Епархъ сказалъ:

— Скажи самъ, что дòлжно называть заблужденіемъ.

— Первое заблужденіе,—отвѣчалъ Транквиллинъ,—заключается въ томъ, чтобы оставить путь жизни и идти путемъ смерти.

— Который же путь смерти?—спросилъ епархъ.

— Не думаешь ли ты,—отвѣчалъ Транквиллинъ,—что путь смерти—это давать имя божествъ смертнымъ людямъ и поклоняться ихъ изображеніямъ изъ дерева и камня?

Епархъ возразилъ:

— Развѣ не боги тѣ, которымъ мы поклоняемся?

Транквиллинъ отвѣчалъ:

— Поистинѣ, не подобаетъ считать богами тѣхъ, о которыхъ написано въ вашихъ же книгахъ, что они во грѣхахъ рождены, имѣли неправедныхъ, злыхъ и беззаконныхъ родителей, сами жили неправедно, беззаконно и лживо и во грѣхахъ умерли. Не было ли Бога на Небесахъ даже прежде того времени, когда надъ критянами царствовалъ Кронъ, который поѣдалъ плоть своихъ сыновей? Или Критъ имѣлъ своего царя, а Небеса не имѣли Бога? Много заблуждаются тѣ, кто думаетъ, что Дій, сынъ Крона, который былъ человѣкомъ, находившимся во власти злобы и плотской похоти, обладаетъ громомъ и мечетъ молніи. Кого только онъ не гналъ, если и отца своего не пощадилъ, и какими грѣхами не осквернился, если родную сестру свою взялъ себѣ въ жены? На торжищахъ, на улицахъ, въ домахъ и вездѣ говорится

и повѣствуется въ книгахъ о томъ, какъ нечестивая Гера тщеславится тѣмъ, что она сестра и жена Дія[1]). Не вѣришь ли ты, свѣтлѣйшій мужъ, что заблуждаешься, почитая боговъ, исполненныхъ такихъ злодѣяній, за которыя римскіе законы осуждаютъ человѣка на казнь и смерть? А ты таковыхъ почитаешь и, оставляя Всесильнаго, царствующаго на Небесахъ Бога, говоришь камню: «Ты богъ мой!» и дереву: «Помоги мнѣ!»

Епархъ сказалъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ начали хулить боговъ и отвращаться отъ поклоненія имъ, царство Римское подвергается многимъ бѣдствіямъ.

— Невѣрно это,—сказалъ Транквиллинъ,—прочти 10 книгъ Ливія[2]), и ты узнаешь, что въ одинъ день погибло болѣе 42 000 человѣкъ изъ римскаго войска, приносившаго жертву бѣсамъ; развѣ для тебя тайна, что франки взяли Капитолій и посмѣялись надъ римской силой[3])? Прежде, когда люди еще не начинали познавать истиннаго Бога, городъ Римъ потерпѣлъ множество бѣдствій, неслыханныя плѣненія и различныя убійства; теперь же, когда вѣрующіе почитаютъ невидимаго Истиннаго Бога, римское царство пребываетъ безмятежно и не посрамлено, потому что Богъ

[1]) Древніе греки вѣровали, что раньше почитаемыхъ ими боговъ въ мірѣ владычествовали другіе: *Кронъ*, и прочіе титаны—полубоги-полулюди, которымъ Греки приписывали болѣе человѣческія свойства. *Кронъ*, или *Сатурнъ*, по ихъ вѣрованіямъ, былъ младшимъ титаномъ, сыномъ *Урана* (неба) и *Геи* (земли), царствовалъ на островѣ Критѣ и потомъ присвоилъ себѣ владычество надъ всѣмъ міромъ; сочетавшись бракомъ съ сестрою своею *Реею*, имѣлъ отъ нея нѣсколькихъ сыновей и дочерей; но такъ какъ ему было предсказано отъ Геи, что онъ будетъ свергнутъ съ трона своими дѣтьми, то онъ проглатывалъ ихъ тотчасъ по рожденіи, за исключеніемъ *Зевса*, спасеннаго Реей, который впослѣдствіи свергъ Крона и заставилъ его извергнуть проглоченныхъ имъ дѣтей. *Зевсъ*, или *Дій*, почитался Греками отцомъ боговъ и людей, могущественнымъ и грознымъ властителемъ неба и всей вселенной, посылающимъ на землю громы и молніи. *Гера*, по вѣрованію Грековъ, была высшей богиней, супругой и вмѣстѣ сестрой Зевса, похвалявшейся своимъ высокимъ достоинствомъ и супружескими правами. Но, кромѣ того, греческіе миѳы приписываютъ Зевсу плотскую связь со многими другими второстепенными богинями и даже съ женами человѣческими. Въ такихъ же грубо-чувственныхъ чертахъ изображаются и другіе греческіе боги и богини, которымъ Греки усвояли всѣ человѣческія свойства, страсти и пороки. Вообще въ религіи древнихъ Грековъ и Римлянъ все содѣйствовало развитію нечестія, все указывало образцы для преуспѣянія въ немъ.

[2]) Здѣсь разумѣется *Титъ Ливій* —величайшій римскій историкъ конца I-го вѣка до Р. Хр. и начала I-го по Р. Хр. Исторія его состоитъ изъ 142 книгъ, изъ которыхъ до насъ дошло только 35.

[3]) *Капитолій*—внутренняя крѣпость Рима. Подъ Франками разумѣются Галлы, обитавшіе въ Цизальпинской Галліи (Сѣверной Италіи). Нашествіе Галловъ было во 2-й половинѣ IV вѣка до Р. Хр. и окончилось первоначально полнымъ пораженіемъ Римлянъ и разореніемъ Римской республики, отъ которого она долгое время не могла оправиться.

ради избранныхъ Своихъ оградилъ его миромъ. Впрочемъ, вы не признаете столь милосердаго Бога и всѣ благодѣянія, посылаемыя Создателемъ, приписываете Его созданію!

Такимъ образомъ, во время ихъ бесѣды начался разговоръ о Христѣ Іисусѣ, и Транквиллинъ разсказалъ, какъ и для чего Сынъ Божій сошелъ на землю, не оставляя Небесъ, и принялъ плоть, чтобы спасти человѣческую душу отъ погибели. И все, что самъ Транквиллинъ узналъ отъ святыхъ Севастіана и Поликарпа и чему еще болѣе наученъ былъ благодатію Господнею, вразумляющею вѣрующаго человѣка, онъ передалъ епарху, при чемъ Самъ Господь помогалъ ему говорить и подавалъ мудрость, на которую не могъ возражать его противникъ. Разсказалъ онъ и то, какъ, болѣя долгое время ломотою въ рукахъ и ногахъ, внезапно исцѣлился благодатію Христовою въ то самое время, когда всѣмъ сердцемъ увѣровалъ въ Него. Епархъ, давно страдавшій сильною ломотою въ ногахъ, велѣлъ предстоявшимъ взять и отвести Транквиллина какъ будто для того, чтобы на другой день допросить его; ночью же тайно послалъ за нимъ, призвалъ его къ себѣ и, предлагая ему дары, просилъ назвать то средство, которымъ онъ исцѣлился. Транквиллинъ же сказалъ:

— Пусть знаетъ твоя честь, что Богъ нашъ сильно гнѣвается на тѣхъ, кто хочетъ продать или купить Его благодать. Если же ты хочешь исцѣлиться отъ болѣзни твоей, вѣруй во Христа Сына Божія — и исцѣлишься, какъ и меня видишь исцѣленнымъ, ибо я страдалъ даже тогда, когда меня носили, и всѣ жилы и суставы мои 11 лѣтъ были скованы несказанною болѣзнію, такъ что другіе люди подносили къ устамъ моимъ пищу; когда же я увѣровалъ во Христа Бога, тотчасъ получилъ исцѣленіе и теперь цѣлъ и здоровъ благодатію Истиннаго Спаса моего.

Епархъ сказалъ:

— Прошу тебя, приведи ко мнѣ того, кто былъ посредникомъ твоего выздоровленія, и если онъ мнѣ подастъ исцѣленіе, то и я сдѣлаюсь христіаниномъ.

Транквиллинъ тотчасъ пошелъ и призвалъ святаго Поликарпа. Святый Севастіанъ также былъ призванъ и научилъ епарха Агрестія Хроматія и сына его Тивуртія святой вѣрѣ въ Господа Христа и сокрушилъ болѣе 200 бывшихъ у него въ домѣ идоловъ: деревянные сжегъ, каменные разбилъ, золотые и серебряные разсѣкъ на части и отдалъ нищимъ.

Когда идолы сокрушались и раздроблялись, епарху явился пресвѣтлый юноша и сказалъ:

— Господь нашъ Іисусъ Христосъ, въ Котораго ты увѣровалъ, послалъ меня даровать здоровье всѣмъ твоимъ членамъ.

Тотчасъ Хроматій почувствовалъ себя здоровымъ и быстро всталъ, желая припасть къ ногамъ явившагося и облобызать ихъ, но тотъ сказалъ:

— Смотри не прикасайся ко мнѣ, ибо ты не омытъ Святымъ Крещеніемъ отъ идольскаго смрада.

Сказавъ сіе, онъ сталъ невидимъ.

Тогда Хроматій съ сыномъ своимъ Тивуртіемъ припали къ ногамъ святыхъ и громко восклицали:

— Единъ есть Истинный Богъ нашъ, Господь Іисусъ Христосъ, Единородный Сынъ Всесильнаго Бога, Котораго вы, о добрые учители, проповѣдуете!

Святые совѣтовали Хроматію подъ предлогомъ болѣзни сложить съ себя санъ епарха, чтобы не производить судовъ, на которыхъ онъ долженъ истязать, судить и мучить христіанъ, и не посѣщать нечестивыхъ зрѣлищъ, но освободиться отъ всего для полученія духовной премудрости. Такъ онъ вскорѣ и сдѣлалъ.

Когда Хроматій приступалъ къ Крещенію, то на вопросъ: «Вѣруешь ли во Единаго Бога?» отвѣчалъ: «Вѣрую», и на вопросъ: «Отрекаешься ли отъ идоловъ?» сказалъ: «Отрекаюсь».

Послѣ сего іерей спросилъ его:

— Отрекаешься ли отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ?

Хроматій сказалъ іерею:

— О семъ нужно было въ началѣ спросить меня: я облекусь снова въ мои одежды и не приму Святаго Крещенія до тѣхъ поръ, пока не отрекусь отъ грѣховъ моихъ; примирюсь съ тѣмъ, съ кѣмъ имѣлъ вражду, и возлюблю тѣхъ, на кого гнѣвался; кто же на меня гнѣвается, у тѣхъ испрошу прощенія. Должникамъ моимъ прощу всѣ долги, если же самъ я у кого взялъ что-либо силой, тому возвращу сугубо. Послѣ смерти жены моей я имѣлъ двухъ наложницъ, ихъ отдамъ замужъ, наградивъ брачными дарами; освобожу рабовъ и рабынь, устрою по волѣ Бога всѣ мои служебныя и домашнія дѣла и тогда скажу съ дерзновеніемъ: «Отрекаюсь отъ всѣхъ грѣховъ моихъ и приму Святое Крещеніе».

Святымъ угодны были сіи слова Хроматія, и Крещеніе было отложено до того времени, когда онъ исполнитъ все, обѣщанное имъ.

Послѣ сего Агрестій Хроматій съ сыномъ Тивуртіемъ и со всѣмъ домомъ своимъ крестился во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, такъ что новопросвѣщенныхъ простиралось до 1 400 лицъ обоего пола.

Въ то время было сильное гоненіе на христіанъ; они не могли ни купить пищи, ни почерпнуть воды, такъ какъ вездѣ на площадяхъ, на улицахъ, около колодезей, при источникахъ и потокахъ, по повелѣнію нечестивыхъ, были поставлены небольшіе идолы и при нихъ бдительная стража — для того, чтобы всякій желающій купить что-нибудь съѣстное или почерпнуть воды сначала поклонился стоящему тамъ идолу. Такъ придумали нечестивые, чтобы удобнѣе было узнавать христіанъ и брать ихъ для мученія. При видѣ сего всѣ вѣрующіе опечалились, потому что безъ поклоненія идоламъ невозможно было достать пищи и питья, и рѣшили лучше терпѣть голодъ и жажду, чѣмъ поклоняться идоламъ. Тогда Хроматій велѣлъ всѣмъ вѣрующимъ въ Римѣ тайно брать пищу и питье изъ его дома, такъ какъ былъ очень богатъ, и въ домѣ его собирались всѣ вѣрующіе для славословія Бога.

Въ то время епископомъ въ Римѣ былъ родственникъ Діоклетіана блаженный Гаій[1]), родомъ изъ Далматіи; онъ совершалъ Литургію въ домѣ Хроматія и причащалъ Божественныхъ Таинъ новообращенныхъ христіанъ. Отъ жестокаго гоненія Хроматій долженъ былъ уѣхать изъ Рима въ Кампанію[2]), въ свои имѣнія, потому что боялся, что въ Римѣ откроется его вѣра во Христа; тамъ же онъ могъ жить, не опасаясь сего, и свободнѣе исповѣдывать святую вѣру. Онъ объявилъ всѣмъ христіанамъ, что желающіе укрыться отъ гоненія и жить спокойно могутъ идти въ его имѣнія, и обѣщалъ давать имъ нужное пропитаніе. Необходимо было, чтобы съ Хроматіемъ и идущими съ нимъ христіанами отправился кто-нибудь изъ двоихъ: или Севастіанъ, или Поликарпъ — для утѣшенія и укрѣпленія вѣрныхъ. По этому поводу между обоими святыми былъ благочестивый споръ, ибо каждый изъ нихъ желалъ остаться въ Римѣ для полученія мученическаго вѣнца. Во время ихъ спора святѣйшій епископъ Гаій сказалъ:

— Если вы оба, желая умереть за Христа, предадитесь въ руки мучителей, то лишите людей Христовыхъ духовнаго утѣше-

---

[1]) *Св. Гаій* былъ папою Римскимъ съ 283 до 296 года, въ которомъ пострадалъ за вѣру Христову 11-го августа.

[2]) *Кампанія*—приморская область древней Италіи, къ югу отъ Рима, на западномъ берегу Аппенинскаго полуострова.

нія; поэтому, думаю я, что ты, братъ Поликарпъ, какъ имѣющій санъ священства и исполненный Божественной премудрости, долженъ идти вмѣстѣ съ господиномъ Хроматіемъ, чтобы вѣрныхъ утѣшать ученіемъ, а сомнѣвающихся укрѣплять и питать Божественными Таинствами.

Услышавъ сіе, святый Поликарпъ повиновался повелѣнію епископа и ушелъ изъ Рима вмѣстѣ съ Хроматіемъ и другими христіанами. Въ воскресный день, совершивъ Св. Литургію, епископъ сказалъ вѣрующимъ:

— Господь нашъ Іисусъ Христосъ, зная немощь нашего естества, показалъ вѣрующимъ въ Него два пути: одинъ—путь мученичества, другой же—исповѣдничества; кто не можетъ идти путемъ мученичества, пусть идетъ путемъ исповѣдничества. Кто изъ васъ желаетъ идти съ нашими духовными чадами Хроматіемъ и Тивуртіемъ, тотъ пусть идетъ, кто же хочетъ остаться съ нами здѣсь, въ городѣ, пусть остается: никакое разстояніе не можетъ разлучить соединенныхъ благодатію Христовою; если я не увижу васъ тѣлесными очами, то моимъ духовнымъ очамъ вы всегда будете предстоять.

Когда епископъ говорилъ эти слова, Тивуртій воскликнулъ:

— Умоляю тебя, отче, позволь мнѣ не уходить отсюда, ибо очень желаю, если бы то было возможно, хотя бы тысячу разъ быть убитымъ за Бога, лишь бы получить отъ Него жизнь вѣчную и неотъемлемую!

Радуясь его вѣрѣ и такой ревности къ Богу, епископъ прослезился и молилъ Бога, чтобы всѣ остающіеся съ нимъ возмогли подвизаться подвигомъ добрымъ и сподобиться мученической славы. Съ святѣйшимъ епископомъ остались Маркеллинъ и Маркъ съ отцомъ ихъ Транквиллиномъ, святый Севастіанъ, прекрасный тѣломъ и еще прекраснѣйшій душою юноша Тивуртій, протоскриніарій Никостратъ съ братомъ Касторіемъ и женой Зоей, и Клавдій съ братомъ Викториномъ и сыномъ Симфоріаномъ, исцѣленнымъ отъ водяной болѣзни; только эти остались въ Римѣ, остальные же всѣ ушли съ Хроматіемъ и Поликарпомъ.

Послѣ ихъ отшествія святѣйшій епископъ поставилъ Маркеллина и Марка во діаконы, отца ихъ Транквиллина посвятилъ во пресвитера, а святаго Севастіана, какъ носящаго оружіе, поставилъ защитникомъ церкви. Такъ какъ они не имѣли такого тайнаго мѣста, гдѣ бы можно было совершать Божественныя службы,

то пребывали въ палатахъ одного царскаго сановника по имени Кастула. Домъ сей былъ избранъ какъ потому, что Кастулъ съ своими домашними былъ тайнымъ христіаниномъ, такъ и потому, что изданный о поклоненіи идоламъ законъ, распространяясь всюду, совсѣмъ не слѣдилъ за живущими въ царскихъ палатахъ, ибо никто не могъ и подумать, чтобы вѣра христіанская могла проникнуть сюда; поэтому святые могли удобно скрываться съ Божественными службами у Кастула. Тамъ они проводили дни и ночи въ молитвахъ, слезахъ и постѣ, все претерпѣвая и прося Бога сподобить ихъ мученическаго вѣнца. Къ нимъ тайно приходили мужи и жены, видѣвшіе подаваемыя ими исцѣленія, ибо, молитвами святыхъ больнымъ подавалось здоровье, слѣпымъ возвращалось зрѣніе и изгонялись изъ людей нечистые духи, ради чего многіе тайно принимали отъ святыхъ христіанскую вѣру.

Однажды святый Тивуртій шелъ по дорогѣ и, увидавъ человѣка, упавшаго съ крыши своего дома и разбившагося, и плачущихъ о немъ родителей и домашнихъ, исцѣлилъ его своею молитвою, и тотчасъ человѣкъ тотъ со всѣмъ своимъ домомъ увѣровалъ во Христа и принялъ Крещеніе.

Наконецъ, настало время страданія святыхъ, и первою пошла на страдальческій подвихъ блаженная Зоя, жена Никострата. Она была взята нечестивыми надсмотрщиками въ то время, когда молилась при гробѣ св. Апостола Петра, и была приведена на судъ, гдѣ ее принуждали принести жертву идолу языческаго бога Арея[1]). Она не повиновалась, за что и была ввержена въ мрачную темницу, гдѣ ее въ теченіе 6-ти дней морили голодомъ; затѣмъ Зоя была изведена изъ темницы и умерла, повѣшенная за волосы надъ смраднымъ дымомъ, исходившимъ отъ гніющихъ отбросовъ, тѣло же ея было брошено въ рѣку Тибръ.

Святая явилась въ видѣніи святому Севастіану и извѣстила его о своей кончинѣ. Севастіанъ разсказалъ о семъ Транквиллину, который воскликнулъ:

— Жены идутъ прежде насъ къ вѣнцу! Отчего же мы живемъ?

И пошелъ на то же самое мѣсто, ко гробу Апостола; тамъ нечестивые убили его камнями и бросили въ рѣку Тибръ. Никостратъ же, Касторій, Клавдій, Викторинъ и Симфоріанъ были взяты въ то время, когда ходили по берегу Тибра, отыскивая

---

[1]) *Арей* (римскій *Марсъ*), по вѣрованіямъ древнихъ Грековъ и Римлянъ, былъ богомъ войны.

тѣла святыхъ, и приведены къ епарху города Фавіану. Въ теченіе десяти дней епархъ старался ласками, угрозами и мученіями склонить ихъ къ жертвѣ идоламъ; не успѣвъ въ этомъ, онъ велѣлъ привязать имъ на шеи большіе камни и утопить въ морѣ. Святаго же юношу Тивуртія тайно предалъ язычникамъ одинъ лжехристіанинъ, по имени Торкватъ, уподобившись волку въ овечьемъ видѣ. Они взяли Тивуртія и, связавъ, привели вмѣстѣ съ Торкватомъ на судъ къ тому же Фавіану. На судѣ Торкватъ тотчасъ же открылъ свою хитрость, что онъ только назвался христіаниномъ, въ душѣ же исполненъ нечестія, и свидѣтельствовалъ противъ Тивуртія, обличая его въ томъ, что тотъ называлъ римскихъ боговъ бѣсами. Святый же Тивуртій явилъ себя на судѣ истиннымъ и мужественнымъ исповѣдникомъ Имени Іисуса Христа. Судія сказалъ ему:

— Не наноси посрамленія своему славному роду; ты—сынъ столь славнаго отца избралъ себѣ такую тяжкую и поно́сную (здесь: постыдную—*Ред.*) жизнь христіанскую, за которой слѣдуютъ безчестіе и муки, смерть и безславіе.

Святый Тивуртій отвѣчалъ:

— Премудрый мужъ и римскій судія! Ты говоришь, что я наношу безчестіе моему роду тѣмъ, что не хочу почитать и признать за боговъ сладострастную Венеру[1]), кровосмѣсителя Дія[2]), лживаго Ермія[3]) и чадоядца Крона[4]); я же говорю, что увеличиваю честь моего рода тѣмъ, что почитаю Единаго Истиннаго, царствующаго на Небесахъ Бога, поклоняюсь Ему и называюсь Его рабомъ. Угрожаешь ли ты мнѣ мученіемъ? Но развѣ намъ, христіанамъ, страшно пострадать за нашего Бога? Усѣченіемъ ли меча? Такъ мы, освободясь отъ плотской темницы, получимъ небесную

[1]) *Венера* (греческая *Афродита*), дочь Зевса и Діоны,—языческая богиня любви и красоты; въ періодъ упадка Римской имперіи, къ которому относится страданіе мученика Севастіана и дружины его, считалась богиней и нечистаго сладострастія, возбуждающей плотскія похоти; изображалась на статуяхъ въ безстыдно обнаженной формѣ и въ честь ея совершались шумныя празднества, сопровождавшіяся безнравственными обрядами.

[2]) См. на стр. 489, прим. 1.

[3]) *Ермій* — иначе *Гермесъ* (римскій *Меркурій*) почитался древними Греками и Римлянами сыномъ Зевса и Маіи, глашатаемъ боговъ, гонцомъ, исполняющимъ волю Зевса, посредникомъ между богами и людьми, а также богомъ разнообразныхъ открытій, изобрѣтеній и ремеслъ, богомъ промышленности и торговли, которыя будто бы только тогда и доставляютъ богатство, когда идутъ рука объ руку съ хитростью и обманомъ, даже кражей и ложной клятвой, лишь бы все это прикрывалось извѣстнаго рода благовидностью; отсюда Гермесъ—иногда покровитель даже кражи и обмана, одобряющій всякаго рода ложь и клятвопреступленія.

[4]) О *Кронѣ*, или *Сатурнѣ*, см. на стр. 489, прим. 1.

свободу; огнемъ ли? но мы угасили въ тѣлѣ бо́льшій пламень похоти, а сего огня не убоимся; изгнаніемъ ли? но Богъ нашъ вездѣ и, гдѣ мы съ Богомъ, тамъ мѣсто наше.

Тогда Фавіанъ велѣлъ принести горящихъ углей, чтобы поставить на нихъ святаго босымъ, и сказалъ:

— Или возложи на эти уголья кажденіе богамъ, или войди на нихъ самъ босыми ногами.

Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, святый Тивуртій сталъ босыми ногами на горящіе уголья, и, топча ихъ, ходилъ по нимъ, какъ по мягкимъ благоухающимъ цвѣтамъ.

— Оставь твое невѣріе,—сказалъ онъ судіи,—и убѣдись, что истиненъ есть Богъ мой, повелѣвающій стихіямъ[1]) и всему созданію. Если ты можешь, во имя твоего Дія, положи руку свою въ кипящую воду и посмотри, будетъ ли она невредима; я же во Имя Господа моего Іисуса Христа хожу по огню, какъ по орошеннымъ цвѣтамъ: видишь ли, какъ всякое созданіе покоряется нашему Создателю?

Судія сказалъ:

— Кто не знаетъ, что вашъ Христосъ научилъ васъ волшебствамъ!

— Умолкни, окаянный,—сказалъ святый,—и не осмѣливайся твоими ядоносными устами произносить съ хулой это великое и страшное Имя! Не оскорбляй слухъ мой хулой на Имя Бога моего!

Фавіанъ разгнѣвался на него и осудилъ на смерть. Тивуртій былъ отведенъ версты за 3 отъ города на Лавиканскую дорогу[2]), и тамъ, во время молитвы его Богу, усѣкли его мечомъ. Одинъ христіанинъ похоронилъ его на мѣстѣ кончины, и людямъ, приходившимъ къ могилѣ Тивуртія, подавалась его молитвами благодать Господня.

Послѣ сего тотъ же мнимый христіанинъ Торкватъ извѣстилъ нечестивыхъ о Кастулѣ, Маркеллинѣ и Маркѣ. Святый Кастулъ послѣ троекратнаго допроса, повѣшенія и мученія былъ брошенъ въ ровъ, гдѣ и скончался, засыпанный живымъ землею. Маркеллина же и Марка Фавіанъ поставилъ на одномъ пнѣ, прибивъ ихъ ноги желѣзными гвоздями, и сказалъ:

— До тѣхъ поръ будете стоять такъ, пока не поклонитесь богамъ.

---

[1]) *Стихія*—основное вещество всѣхъ тѣлъ, напр., огонь, земля, воздухъ, вода.

[2]) Эта дорога шла на юго-востокъ отъ Рима въ городъ Беневентъ.

Они же, пригвожденные къ одному дереву, пѣли:

— **Сѐ что̀ добро̀, и҆ли̑ что̀ красно̀, но є҆́же жи́ти бра́тїи вкꙋ́пѣ**[1]).

Такъ стояли они, молясь Богу день и ночь, утромъ же были прободены въ ребра копьями. Такъ приняли они конецъ своему мученію.

Послѣ страданій и кончины сихъ святыхъ былъ взятъ подъ стражу и святый Севастіанъ, и епархъ донесъ о немъ царю Діоклетіану. Призвавъ его къ себѣ, Діоклетіанъ сказалъ:

— Я считалъ тебя за перваго при моемъ дворѣ; ты же, замышляя противъ меня, сталъ врагомъ мнѣ и моимъ богамъ и до сихъ поръ скрывалъ свою злобу.

Святый Севастіанъ отвѣчалъ:

— Я всегда молилъ Христа о твоемъ здоровьѣ и просилъ мира всему Римскому царству; поклоняюсь же Царю Небесному, такъ какъ вижу, что несправедливо поклоняться камню и искать отъ него помощи: очевидно, что это изобрѣтеніе безумныхъ.

Разгнѣванный Діоклетіанъ велѣлъ вывести его за городъ и пронзить его стрѣлами посреди поля, привязавъ нагимъ къ дереву. Когда Севастіанъ былъ поставленъ, какъ бы цѣлью для стрѣльбы, множество воиновъ стали со всѣхъ сторонъ пускать стрѣлы въ его святое тѣло, такъ что пронзили ими все его тѣло. Думая, что Севастіанъ уже умеръ, они ушли, оставивъ его привязаннымъ къ дереву со стрѣлами въ тѣлѣ. Жена святаго мученика Кастула, по имени Ирина, придя ночью, чтобы взять и похоронить тѣло святаго Севастіана, нашла его живымъ и принесла въ домъ свой, гдѣ святый черезъ нѣсколько дней излѣчился отъ ранъ и сталъ совершенно здоровымъ. Пришедшіе къ нему тайно христіане уговаривали его уйти изъ Рима, какъ это сдѣлали многіе вѣровавшіе, чтобы опять не попасть въ руки язычниковъ. Онъ же, помолившись Богу, пошелъ и всталъ на ступеняхъ Геліогабала[2]); увидя здѣсь царей, которые шли мимо, онъ сказалъ:

— Жрецы вашихъ боговъ, цари, смущаютъ васъ своими нечестивыми волхвованіями, ложно разсказывая вамъ о христіанахъ, что они враги Римскому государству; знайте же, что христіане дѣлаютъ много полезнаго для васъ, ибо, не переставая, молятся о

---

[1]) Псаломъ 132, ст. 1.

[2]) *Геліогабалъ* — римскій императоръ, царствовалъ въ 218—222 гг. по Р. Хр. Онъ построилъ себѣ, какъ богу, храмъ на одномъ изъ холмовъ Рима, Палатинскомъ, рядомъ съ императорскимъ дворцомъ. Ступени Геліогабала—ступени его храма.

вашемъ царствованіи и о здравіи всего римскаго воинства, и молитвами ихъ преуспѣваетъ сей городъ.

Когда святый Севастіанъ говорилъ сіе, Діоклетіанъ взглянулъ на него и сказалъ:

— Ты ли Севастіанъ, котораго мы недавно велѣли разстрѣлять?

Святый отвѣчалъ:

— Господь мой Іисусъ Христосъ благоизволилъ воскресить меня, чтобы я пришелъ къ вамъ и передъ всѣми людьми былъ свидѣтелемъ вашей неправды, обличая васъ въ томъ, что вы несправедливо воздвигаете гоненія на христіанъ.

Діоклетіанъ велѣлъ взять его и вести на ипподромъ[1]); тамъ святый страстотерпецъ, громко прославляя Христа и обличая идоловъ и римское заблужденіе, былъ убитъ палками. Съ радостнымъ восклицаніемъ отошелъ онъ къ Подвигоположнику Христу, для того чтобы принять вѣнецъ побѣды за свой подвигъ. Святое же тѣло его нечестивые бросили ночью въ глубокій сорный ровъ[2]), чтобы кто-либо изъ христіанъ не нашелъ и не взялъ его. Но святый явился въ видѣніи благочестивой Лукинѣ и сказалъ ей:

— Дойди до сорнаго рва близъ цирка, тамъ найдешь ты мое тѣло, висящимъ на перекладинѣ; возьми его, отнеси въ катакомбы[3]) и погреби при входѣ въ пещеру, у пути апостольскаго.

Блаженная жена тотчасъ взяла своихъ рабовъ и, придя въ полночь къ означенному рву, благоговѣйно взяла тѣло мученика и съ честію похоронила его на указанномъ мѣстѣ[4]), вознося хвалу Христу Богу нашему, Которому слава во вѣки, аминь.

---

[1]) *Ипподромъ* —ристалище, мѣсто, гдѣ происходилъ бѣгъ коней, состязанія съ дикими звѣрями и т. н. гладіаторовъ другъ съ другомъ, что было любимымъ развлеченіемъ Римлянъ. Сюда же цари—мучители выводили христіанъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ.

[2]) Тѣло святаго Севастіана было брошено въ ровъ, предназначенный для стока городскихъ нечистотъ, называвшійся клоакой Максима и находившійся около ристалища, называвшагося: «Циркусъ Максимусъ», т. е. Величайшій циркъ.—Кончина святаго мученика Севастіана послѣдовала 18-го ноября 287-го года.

[3]) *Катакомбами* назывались подземные ходы и пещеры, которые были вырыты первыми христіанами въ окрестностяхъ Рима (также въ Неаполѣ, Сиракузахъ и во многихъ другихъ городахъ) для погребенія усопшихъ. Ранѣе назывались онѣ иначе, и впервые имя катакомбъ утвердилось за мѣстомъ погребенія святаго Стефана въ IV в. Въ стѣнахъ этихъ ходовъ были сдѣланы выемки, куда и полагались тѣла усопшихъ безъ гроба и затѣмъ замуровывались камнями. Рѣже въ нихъ строились отдѣльныя гробницы. Освѣщались катакомбы лампадами и отверстіями въ потолкѣ. Сюда къ могиламъ родныхъ, друзей, святыхъ и мучениковъ сходились вѣрующіе праздновать дни ихъ памяти, возсылать къ Богу общія молитвы и совершать Таинство Евхаристіи, соединявшееся съ общею вечерею, въ подражаніе вечери Іисуса Христа. Мраморныя плиты надъ могилами святыхъ и мучениковъ служили престоломъ при совершеніи Таинства Евхаристіи.

[4]) *Мощи св. муч. Севастіана* почиваютъ въ загородной церкви его имени въ Римѣ.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

МОДЕСТА,

архіепископа Іерусалимскаго

Святый Модестъ родился въ городѣ Севастіи[1]) отъ благочестивыхъ и богобоязненныхъ родителей. Съ юныхъ лѣтъ онъ почувствовалъ сердечное влеченіе къ Господу и, отрекшись отъ міра, проводилъ строгое иноческое житіе. Впослѣдствіи онъ былъ настоятелемъ обители Ѳеодосіевой въ Палестинѣ[2]). Въ это время Персидскій царь Хозрой сдѣлалъ опустошительное нашествіе на Сирію и Палестину[3]). Съ Персами соединились и Евреи, въ числѣ сорока тысячъ человѣкъ, съ цѣлію истребить всѣхъ христіанъ палестинскихъ. Жестокость враговъ Имени Христова излилась на Іерусалимъ и его окрестности во всей своей силѣ: погибли многія тысячи иноковъ и клириковъ, опустошены и сожжены были всѣ храмы, въ томъ числѣ храмъ Святаго Гроба Господня; Патріархъ Захарія[4]) со множествомъ народа и Святымъ Крестомъ Господнимъ отправлены въ плѣнъ въ Персію. Іудеи откупили у Персовъ нѣсколько тысячъ христіанъ и предали смерти. Число

Ст҃ый Модестъ

[1]) Здѣсь разумѣется *Севастія Каппадокійская,* на востокѣ Малой Азіи, на границѣ съ Арменіей.

[2]) Обитель преп. Ѳеодосія Великаго, начальника общежительнаго иноческаго житія, находилась въ Палестинѣ; на мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи возникла сія обитель, по преданію провели ночь волхвы, шедшіе изъ Виѳлеема на поклоненіе Воплотившемуся Господу Іисусу. Основана около IV вѣка.

[3]) *Хозрой II,* царь Персидскій, царствовалъ въ 590—628 гг. по Р. Хр. Нашествіе его на Сирію и Палестину было въ 614 году.

[4]) *Св. Захарія* патріаршествовалъ въ Іерусалимѣ съ 609 года по 633 г., въ томъ числѣ въ плѣну у Персовъ былъ съ 614 по 628 годъ.

всѣхъ умерщвленныхъ христіанъ простиралось до 90 000 человѣкъ. Святый Модестъ въ это тяжкое время избѣгъ погибели, и по окончаніи нашествія, за отсутствіемъ Патріарха, ему поручено было съ именемъ блюстителя патріаршей каѳедры управлять Палестинскою Церковію. Первымъ дѣломъ святаго Модеста было собрать остатки избіенныхъ въ обители святаго Саввы Освященнаго[1]) иноковъ и съ честію положить ихъ въ усыпальницу. Потомъ онъ со всею ревностію принялся за возстановленіе поруганныхъ Святыхъ мѣстъ. Не опасаясь ни злобы Іудеевъ, ни своеволія персидскихъ властей, святый возстановилъ храмъ Святаго Гроба и храмы Голгоѳскій и Виѳлеемскій, въ чемъ весьма много помогъ ему Іоаннъ Милостивый, Патріархъ Александрійскій[2]). Находившійся въ плѣну у Персовъ блаженный Захарія, Патріархъ Іерусалимскій, утѣшалъ святаго Модеста и паству письменными извѣстіями о себѣ и увѣщаніями быть твердыми въ вѣрѣ. Чрезъ четырнадцать лѣтъ Патріархъ Захарія вмѣстѣ съ Крестомъ Господнимъ возвратился изъ плѣна[3]), но, истомленный скорбями, скончался въ томъ же году. По его кончинѣ, на патріаршую каѳедру былъ возведенъ святый Модестъ[4]). Не болѣе пяти лѣтъ управлялъ святый Модестъ Іерусалимскою Церковію въ санѣ Патріарха. Добрѣ управляя ввѣренною ему паствою, святый Модестъ творилъ многія дивныя чудеса и исцѣленія. Достигнувъ престарѣлыхъ лѣтъ, святый Модестъ на девяносто седьмомъ году своей жизни съ миромъ предалъ духъ свой Господу и переселился въ вѣчныя небесныя обители[5]).

---

[1]) Объ обители св. Саввы Освященнаго см. въ житіи Саввы Освященнаго подъ 5 декабря.

[2]) *Св. Іоаннъ Милостивый*, Патріархъ Александрійскій, патріаршествовалъ съ 609 по 620 г. Память его празднуется Церковію 12-го ноября.—Щедрость св. Іоанна Милостиваго св. Модесту и палестинскимъ храмамъ и обителямъ выразилась, между прочимъ, въ томъ, что онъ прислалъ въ распоряженіе его 1 000 золотыхъ монетъ, 1 000 пудовъ желѣза, 1 000 овецъ, 1 000 кулей пшеницы и т. д.

[3]) Это было въ 628 году при Византійскомъ императорѣ Иракліи и при преемникѣ побѣжденнаго имъ Хозроя, персидскомъ царѣ Сироесѣ.

[4]) Въ 633 году.

[5]) 18-го декабря 634-го года.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

ФЛОРА,

епископа Амійскаго

Святый Флоръ жилъ въ царствованіе греческихъ императоровъ Іустина, Тиверія и Маврикія[1]); отецъ его носилъ то же имя—Флоръ, а мать называлась Евфиміею; родители дали ему хорошее образованіе. Потомъ онъ поступилъ на царскую придворную службу и удостоился званія патриція[2]); женился и имѣлъ дѣтей. Когда жена его умерла, а потомъ умерли и дѣти отъ оспы, онъ сильно опечалился и, находя въ такихъ обстоятельствахъ своей жизни указаніе Промысла Божія на то, что ему нужно озаботиться о своемъ спасеніи, оставилъ царскую придворную службу и поселился въ Анаплѣ[3]). Проводя тамъ благочестивую жизнь, Флоръ удостоился поставленія во епископа въ городъ Аминсъ[4]). Какъ добрый пастырь овецъ Христовыхъ онъ добрѣ пасъ порученное ему стадо, поучалъ пасомыхъ въ Православной вѣрѣ и наставлялъ ихъ соблюдать волю Божію и хранить заповѣди, и такъ скончался о Господѣ[5]).

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

МИХАИЛА СИНКЕЛЛА

Преподобный Михаилъ былъ родомъ изъ Іерусалима. Родители его, люди благочестивые, дали ему прекрасное образованіе. Онъ въ совершенствѣ знакомъ былъ съ древнегреческою литера-

---

[1]) Императоры византійскіе: Іустинъ II—съ 565 по 578 г.; Тиверій—съ 578 по 582 г.; святый Маврикій — съ 582 по 602 г.

[2]) *Патрицій*—довольно высокій чинъ византійской служебной іерархіи, дававшій право на званіе синклитика или сенатора.

[3]) *Анаплъ*—предмѣстье Царьграда.

[4]) Городъ *Аминсъ* — или *Амисъ*—въ Каппадокіи, восточной области Малой Азіи.

[5]) Въ началѣ VII вѣка.

турою, хорошо изучилъ также и христіанскихъ писателей-богослововъ и съ молодыхъ лѣтъ посвятилъ себя иноческой жизни. По смерти его отца мать его и сестры постриглись въ одномъ изъ монастырей. Проводя добрую и богоугодную жизнь при строгомъ соблюденіи воздержанія, Михаилъ удостоился пресвитерскаго сана. По своей скромности и горячей любви къ богомыслію онъ удалился было въ уединенное мѣсто, куда приходили къ нему Θеодоръ и Θеофанъ исповѣдники[1]) для совмѣстныхъ богословскихъ занятій; но Патріархъ Іерусалимскій[2]), желая воспользоваться его дарованіями для нуждъ церковныхъ, вызвалъ его оттуда и возвелъ въ званіе синкелла[3]). Потомъ ему дано было еще порученіе особой въ то время важности. Въ Римѣ тогда возгорѣлись оживленныя пренія по поводу иконоборческой ереси[4]); споры эти велись не только частно, въ домахъ, но и публично, на улицахъ города, и сопровождались народными волненіями. Папа Римскій обратился съ просьбой къ Патріарху Іерусалимскому Θомѣ о содѣйствіи искорененію ереси и утвержденію Православной вѣры по соборному свято-отеческому преданію и предложилъ ему нѣсколько вопросовъ о семъ. По этой просьбѣ Папы отъ Патріарха Іерусалимскаго посланъ былъ для умиротворенія Церкви и обличенія ереси синкеллъ Михаилъ съ его сотрудниками Θеодоромъ и Θеофаномъ и другими просить царя—иконоборца Льва Армянина[5]), дабы онъ удержался отъ гоненій на Православіе. Но Левъ подвергнулъ его пыткамъ и послалъ въ заточеніе. Хотя впослѣдствіи онъ былъ

---

[1]) *Θеодоръ* и *Θеофанъ* —такъ называемые *начертанные*—родные братья-близнецы носили тогда санъ іеромонаховъ; память перваго — 27 декабря, память втораго—творца Каноновъ—11 октября.

[2]) Патріархъ Іерусалимскій Θома I.

[3]) *Синкеллъ* — членъ патріаршаго совѣта, завѣдывавшаго дѣлами церковнаго управленія. Синкеллы исполняли разныя порученія Патріарховъ, были непосредственными свидѣтелями ихъ жизни, находившимися постоянно при нихъ, и послѣ смерти нерѣдко ихъ преемниками.

[4]) Иконоборческая ересь явно обнаружилась при императорѣ Львѣ Исаврянинѣ (717—741 г.), который былъ первымъ гонителемъ св. иконъ; ему наслѣдовали императоры—иконоборцы Константинъ Копронимъ (741—775 г.) и Левъ IV Хазаръ (775—680 г.). Ересь эта осуждена была Никейскимъ Вторымъ—Седьмымъ Вселенскимъ Соборомъ (787 г.) въ царствованіе Константина Порфиророднаго, когда управляла дѣлами, по малолѣтству царя, его мать—Ирина; но и послѣ соборнаго осужденія ересь эта еще долго существовала, до окончательнаго возстановленія иконопочитанія въ 842 г.

[5]) *Левъ Армянинъ*, царствовалъ съ 813 по 820 годъ. Преподобный Михаилъ синкеллъ посланъ былъ въ Константинополь въ 817 году. Еще ранѣе онъ зарекомендовалъ себя ревностнымъ поборникомъ Православія въ борьбѣ съ другими еретиками того времени, какъ то: павликіанами, монофизитами и несторіанами.

освобожденъ изъ сего заточенія, но въ царствованіе императора Θеофила иконоборца[1]), который, совершенно отвергши поклоненіе святымъ иконамъ, воздвигъ жестокое гоненіе на Церковь Божію, преподобный Михаилъ съ своими сподвижниками подвергся новымъ мукамъ. За исповѣданіе истины Θеодоръ и Θеофанъ подверглись слѣдующему поруганію: по повелѣнію нечестиваго царя на ихъ лицахъ разожженными желѣзными клеймами были отпечатлены—*начертаны*[2]) ругательныя слова; отобрана была и находившаяся при нихъ переписка Патріарха Іерусалимскаго съ папою Римскимъ, хотя они и старались ее скрыть отъ гонителей правой вѣры. Но преподобные и преславные отцы нисколько того не устрашились и въ своихъ убѣжденіяхъ не поколебались, но, какъ твердые адаманты[3]), воспротивились требованіямъ иконоборца и мужественно защищали православное ученіе. Многократно они вели пространныя бесѣды о православной вѣрѣ и произносили рѣчи противъ иконоборца—царя, за что̀ и осуждены были имъ на изгнаніе. Блаженный Михаилъ сначала заключенъ былъ въ дворцовую тюрьму вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ и сподвижникомъ Іовомъ, гдѣ на него возложены были тяжкія оковы, а потомъ, съ тѣмъ же Іовомъ, сосланъ былъ въ одинъ монастырь (Павеіадскій) въ ссылку. За все это время много было пролито святымъ горькихъ слезъ; страданія надломили его здоровье, тѣло его сгорбилось; но духомъ исповѣдникъ оставался непоколебимо твердъ. Когда же, по смерти Θеофила, воцарилась супруга его царица Θеодора[4]) съ сыномъ своимъ Михаиломъ и иконопочитаніе было окончательно утверждено[5]), а ревнители православнаго ученія возвращены изъ ссылокъ и возстановлены въ прежнихъ должностяхъ, правительница Θеодора предложила исповѣднику православной вѣры Михаилу занять каѳедру Константинопольскаго Патріарха вмѣсто низложен-

---

[1]) Θеофилъ царствовалъ съ 829 по 842 годъ.

[2]) Отселѣ усвоено имъ названіе *начертанные*.

[3]) *Адамантъ*—(алмазъ)—камень, имѣющій такую крѣпость, что чертитъ и рѣжетъ прочіе камни, не получая оттого вреда. Это названіе въ церковной литературѣ придается многимъ отцамъ и учителямъ Церкви, прославившимся твердостью своей вѣры и характера.

[4]) Θеодора царствовала съ 849 по 855 г., а Михаилъ, прозваный «пьянымъ»,—съ 855 по 867 г.

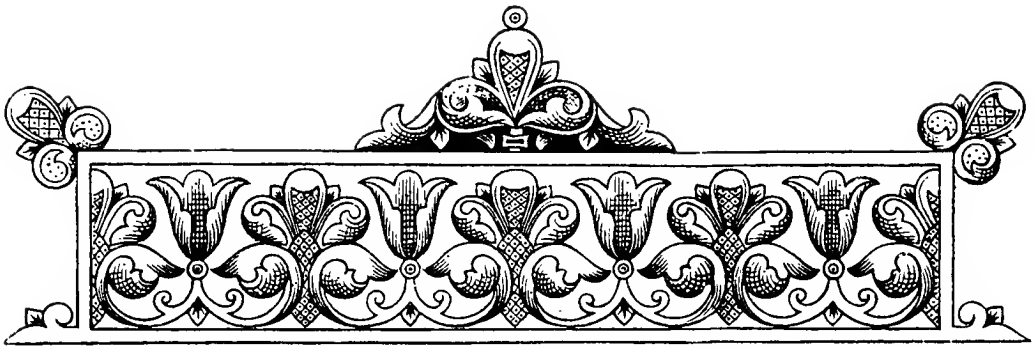
[5]) Возстановленіе иконопочитанія состоялось на Константинопольскомъ Соборѣ 842 года, и въ память сего торжества Православія тогда же былъ установленъ въ Церкви особый «Чинъ Православія», совершаемый и нынѣ въ первый воскресный день св. Четыредесятницы.

наго Патріарха иконоборца Іоанна Грамматика[1]), но онъ уклонился отъ этого, и Патріархомъ поставленъ былъ извѣстный поборникъ Православія святый Меѳодій[2]); Михаилъ же, въ званіи синкелла, получивъ въ свое завѣдываніе Великій Константинопольскій соборный храмъ, успокоился послѣ понесенныхъ имъ тяжкихъ испытаній. Благочестиво и богоугодно дожилъ онъ до 85-ти лѣтняго возраста и съ миромъ отошелъ ко Господу[3]).

[1]) *Іоаннъ VII,* прозваный за свою ученость Грамматикомъ, патріаршествовалъ съ 832 по 842 годъ.

[2]) *Святый Меѳодій I* патріаршествовалъ съ 842 по 846 г.

[3]) Преподобный Михаилъ Синкеллъ преставился 18-го декабря ок. 845 года. Св. мощи его въ константинопольскомъ монастырѣ *Пантократора* видѣли русскіе паломники: Стефанъ Новгородецъ—въ 1342 году и іеродіаконъ Зосима — въ 1420 году. Послѣ преподобнаго Михаила Синкелла осталось нѣсколько сочиненій, лучшее изъ которыхъ— «Исповѣданіе вѣры»; прочія его сочиненія представляютъ собою нѣсколько похвальныхъ словъ и нѣсколько пѣснопѣній, между прочимъ—на возстановленіе иконопочитанія.



День девятнадцатый

СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО МУЧЕНИКА
ВОНИФАТІЯ

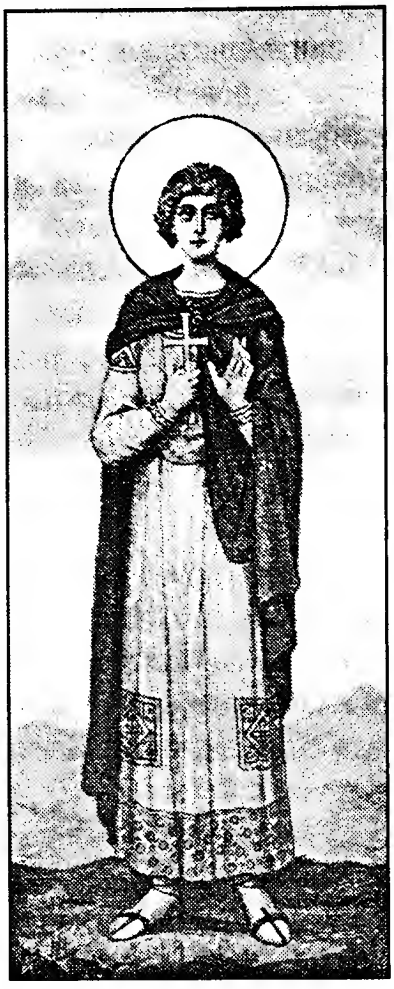
Нѣкогда въ Римѣ проживала одна женщина, по имени Аглаида; отецъ ея Акакій былъ нѣкогда начальникомъ города. Будучи молодой и красивой, обладая богатыми имѣніями, доставшимися по наслѣдству отъ родителей, и пользуясь свободной жизнію безъ законнаго мужа, она, побѣждаемая страстію немощной плоти, проводила дни свои въ любодѣяніи и грѣхахъ. Она имѣла у себя вѣрнаго раба, который былъ управителемъ надъ домомъ и имѣніями ея; онъ былъ молодъ и красивъ. Звали его Вонифатіемъ,— и Аглаида жила съ нимъ въ преступной связи, удовлетворяя свое плотское вожделѣніе. И нѣтъ стыда говорить о семъ, такъ какъ далѣе рѣчь будетъ о блаженномъ и чудномъ измѣненіи ихъ жизни; ибо когда святымъ воздается похвала, то не умалчивается и объ ихъ прежнихъ грѣхахъ, дабы показать, что не всѣ съ юныхъ лѣтъ были блаженны и праведны, а имѣли, подобно другимъ, растлѣнное тѣло, но истиннымъ покаяніемъ, доброй въ себѣ перемѣной и великими добродѣтелями прославились своею святостью. О семъ повѣствуется въ Житіяхъ Святыхъ для того, чтобы и мы, грѣшные, не отчаявались, но поспѣшили бы къ скорому исправленію, зная, что, при помощи Божіей, и послѣ грѣховъ

возможно быть святыми, если только сами того пожелаемъ и для того потрудимся. И дѣйствительно, прекрасно то, услаждающее сердце, повѣствованіе, въ которомъ мы слышимъ, что грѣшникъ, по-видимому не имѣющій надежды на спасеніе, становится сверхъ ожиданія святымъ, и притомъ мученикомъ Христовымъ, подобно святому Вонифатію, который во время любострастной жизни служилъ грѣху, а потомъ содѣлался исповѣдникомъ, доблестнымъ подвижникомъ и славнымъ страдальцемъ за Христа. Вонифатій во время своей распутной жизни былъ рабомъ грѣха, однако имѣлъ нѣкоторыя, достойныя похвалы, добродѣтели: онъ былъ милостивъ къ нищимъ, любвеобиленъ къ странникамъ и отзывчивъ ко всѣмъ, находящимся въ несчастіи: однимъ—оказывалъ щедрыя милостыни, другимъ—съ любовію доставлялъ успокоеніе, инымъ—съ сочувствіемъ оказывалъ помощь. Имѣя твердое желаніе исправиться, Вонифатій часто молился Богу, чтобы Онъ избавилъ его отъ діавольскихъ козней и помогъ ему сдѣлаться господиномъ надъ своими вожделѣніями и страстями. И Господь не презрѣлъ раба Своего и не попустилъ ему еще болѣе погрязнуть въ нечистотѣ грѣховной, но благоизволилъ устроить такъ, что нечистыя дѣла его были омыты пролитіемъ крови его, и чрезъ это самое душа его сдѣлалась какъ бы царскою багряницей и увѣнчалась вѣнцомъ мученическимъ. Это совершилось слѣдующимъ образомъ.

Въ то время было сильное гоненіе на христіанъ, глубокая идольская тьма покрывала весь Востокъ, и много вѣрующихъ было мучимо и убиваемо за Христа. Госпожѣ Вонифатія Аглаидѣ явилась спасительная мысль и сильное, непреодолимое желаніе имѣть въ своемъ домѣ мученическія мощи. Не имѣя изъ своихъ слугъ никого вѣрнѣе и исполнительнѣе Вонифатія, она позвала его, открыла ему свое желаніе и наединѣ сказала:

— Ты самъ знаешь, братъ о Христѣ, сколь многими грѣхами осквернены мы, совсѣмъ не заботясь о будущей жизни и спасеніи; какъ же мы предстанемъ на Страшный Судъ Божій, на которомъ должны по своимъ дѣламъ быть осуждены на тяжкія мученія? Но отъ одного благочестиваго мужа я слышала, что если кто имѣетъ у себя мощи мучениковъ Христовыхъ и чтитъ ихъ, тотъ получаетъ помощь ко спасенію и въ домѣ того грѣхъ не умножается, такъ что таковый можетъ даже достигнуть того вѣчнаго блаженства, какого сподобились святые мученики. Теперь многіе, говорятъ, совершаютъ подвиги за Христа и, отдавая тѣла свои на мученія, получаютъ

мученическіе вѣнцы. Послужи мнѣ: нынѣ наступило время показать тебѣ, дѣйствительно ли ты имѣешь любовь ко мнѣ. Скорѣе ступай въ тѣ страны, гдѣ воздвигнуто гоненіе на христіанъ, и постарайся принести мнѣ мощи одного изъ святыхъ мучениковъ, дабы съ честію положить ихъ у себя и построить храмъ тому мученику и всегда имѣть его своимъ хранителемъ, защитникомъ и постояннымъ ходатаемъ предъ Богомъ.



Ст҃ы́й мч҃нкъ
Вонїфа́тїй

Выслушавъ Аглаиду, Вонифатій съ радостію согласился на ея предложеніе и выразилъ полную готовность идти въ путь. Госпожа дала ему много золота, потому что нельзя было взять мученическихъ тѣлъ безъ подарковъ и золота: нечестивые мучители, видя сильную любовь и усердіе христіанъ къ мощамъ, не отдавали ихъ даромъ, но продавали по дорогой цѣнѣ и, такимъ образомъ, пріобрѣтали себѣ большіе доходы. Вонифатій взялъ у своей госпожи много золота — частію на выкупъ мученическихъ мощей, а частію на раздачу милостыни нищимъ, приготовилъ также много различны́хъ благовоній, полотна и всего, что потребно было для обвитія честныхъ мученическихъ тѣлъ. Взявъ съ собою еще много рабовъ, помощниковъ и коней, онъ собрался въ путь. Выходя изъ дому, онъ, смѣясь, сказалъ своей госпожѣ:

— А что будетъ, госпожа, если я не найду никакого тѣла мученика и мое тѣло, замученное за Христа, принесутъ къ тебѣ, — примешь ли ты его тогда съ честію?

Аглаида, разсмѣявшись, назвала его пьяницей и грѣшникомъ и, укоряя его, сказала:

— Нынѣ время, братъ мой, не для глумленія, а для благоговѣнія. Тебѣ слѣдуетъ во время пути тщательно охранять себя отъ всякаго безчинства и глумленія: святое дѣло до̀лжно совершать

честно и благочинно, и въ пути семъ тебѣ слѣдуетъ пребывать въ смиреніи и воздержаніи; помни, что ты собираешься служить святымъ мощамъ, до которыхъ мы не только коснуться, но даже и взглянуть на нихъ недостойны. Иди съ миромъ; Богъ же, зракъ раба принявшій и за насъ кровь Свою пролившій, да проститъ грѣхи наши и пошлетъ тебѣ Ангела Своего и направитъ тебя на добрый и благополучный путь.

Вонифатій принялъ къ сердцу приказаніе своей госпожи и отправился въ путь; размышляя въ умѣ о томъ, къ чему онъ долженъ будетъ прикасаться своими оскверненными, грѣшными руками, Вонифатій сталъ сокрушаться о своихъ прежнихъ грѣхахъ и рѣшилъ поститься: не ѣсть мяса, не пить вина, а усердно и часто молиться, чтобы придти въ страхъ Божій. Страхъ же—отецъ вниманія, а вниманіе—матерь внутренняго покоя, отъ котораго рождается начало и корень покаянія. Такъ Вонифатій насадилъ въ себѣ корень покаянія; начавши со страха Божія, вниманія къ себѣ и непрестанныхъ молитвъ, онъ стяжалъ себѣ желаніе къ совершенному житію.

Когда Вонифатій достигъ Малой Азіи и вошелъ въ знаменитый киликійскій городъ Тарсъ[1]), въ немъ тогда при царѣ Діоклетіанѣ и соправителѣ его Максиміанѣ было воздвигнуто жестокое гоненіе на христіанъ, и вѣрующіе подвергались тяжкимъ мученіямъ. Оставивъ рабовъ въ гостинницѣ, онъ повелѣлъ имъ отдохнуть, а самъ, не отдыхая, тотчасъ же пошелъ смотрѣть на страданія мучениковъ, о которыхъ раньше слышалъ. Придя на мѣсто мученія, Вонифатій увидалъ множество народа, собравшагося смотрѣть на производимыя христіанамъ мученія. Всѣмъ имъ была объявлена лишь одна вина: христіанская вѣра и благочестивая жизнь. Но муки на нихъ были налагаемы неравныя и неодинаковыя: одинъ висѣлъ внизъ головою, а на землѣ подъ нимъ былъ разведенъ огонь; другой былъ крестообразно привязанъ къ четыремъ столбамъ; иной—лежалъ перепиленный пилой, иного мучители строгали острыми орудіями; иному—выкалывали глаза; другому—отсѣкали члены тѣла; иного надѣвали на колъ и, поднявъ отъ земли, утверждали колъ въ землѣ, такъ что онъ проходилъ ему до шеи; у иного кости были сломаны, у иного—руки и ноги были отсѣ-

[1]) *Киликія*—юго-восточная римская провинція Малой Азіи.—*Тарсъ*—большой и населенный городъ этой провинціи, въ южной части ея, въ плодоносной равнинѣ при рѣкѣ Киднѣ, недалеко отъ него впадающей въ Средиземное море,—доселѣ довольно значительный торговый городъ.

чены, и онъ, подобно клубку, катался по землѣ; но на всѣхъ лицахъ была видна духовная радость, потому что, перенося нестерпимыя для человѣка мученія, они укрѣпляемы были благодатію Божіею. Блаженный Вонифатій со вниманіемъ смотрѣлъ на все это, то удивлясь мужественному терпѣнію мучениковъ, то желая себѣ такого же вѣнца; потомъ, исполнившись Божественной ревности и ставъ посреди того мѣста, началъ обнимать всѣхъ явившихъ себя мучениками, которыхъ было уже человѣкъ двадцать, и, въ слухъ всѣхъ, громко воскликнулъ:

— Великъ Богъ христіанскій! Великъ Онъ, ибо помогаетъ рабамъ Своимъ и укрѣпляетъ ихъ въ столь великихъ мукахъ!

Произнесши это, онъ снова сталъ лобызать мучениковъ и съ любовію цѣловать ихъ ноги, а у тѣхъ, которые не имѣли ногъ, остальныя части тѣла; обнимая мучениковъ, прижималъ онъ ихъ къ груди, называя ихъ блаженными, потому что, претерпѣвъ мужественно кратковременныя муки, они тотчасъ получатъ вѣчный покой, отраду и безконечную радость; при этомъ Вонифатій молился о себѣ, чтобы и ему быть содругомъ мучениковъ въ такомъ подвигѣ и причастникомъ вѣнца, который они получаютъ отъ Подвигоположника—Христа. Весь народъ устремилъ свои взоры на него, особенно судья, который мучилъ святыхъ страдальцевъ. Видя предъ собою въ лицѣ Вонифатія пришлеца и незнакомаго человѣка, онъ спросилъ: кто онъ и откуда. И тотчасъ приказавъ схватить его и привести къ себѣ, спросилъ:

— Кто ты?

— Христіанинъ!—отвѣчалъ святый.

Но судія хотѣлъ знать его имя и происхожденіе. Отвѣчая на это, святый сказалъ:

— Первое и самое любимое мое имя—христіанинъ; пришелъ же сюда я изъ Рима; а если хочешь узнать и то имя, которое мнѣ дано отъ родителей, то меня зовутъ Вонифатіемъ.

— Итакъ, Вонифатій,—сказалъ судья,—приступи къ нашимъ богамъ, пока я не растерзалъ твоей плоти и костей, и принеси имъ жертву. Тогда ты удостоишься многихъ благъ, умилостивишь боговъ, избавишься отъ грозящихъ тебѣ мукъ и отъ насъ получишь много даровъ.

Въ отвѣтъ на это Вонифатій сказалъ:

— Не слѣдовало бы мнѣ даже и отвѣчать на твои слова, но я снова скажу то, что уже много разъ повторялъ: я—христіанинъ,

и только это ты услышишь отъ меня, а если не желаешь слышать этого, то дѣлай со мной, что тебѣ угодно!

Когда Вонифатій произнесъ сіи слова, тотчасъ судья повелѣлъ раздѣть его, повѣсить вверхъ ногами и сильно бить. И святый былъ біенъ такъ сильно, что отъ тѣла его отпадали цѣлые куски мяса и обнажались кости. Онъ же, какъ бы не чувствуя страданій и не заботясь о получаемыхъ ранахъ, устремлялъ лишь глаза свои на святыхъ мучениковъ, видя въ ихъ страданіяхъ примѣръ для себя и утѣшаясь тѣмъ, что удостоился вмѣстѣ съ ними страдать за Христа. Потомъ мучитель повелѣлъ немного ослабить ему муки и, пытаясь снова убѣдить его словами, сказалъ:

— Вонифатій, это начало мученія пусть послужитъ тебѣ къ указанію, что тебѣ лучше избрать: вотъ, ты испыталъ нестерпимыя страданія, образумься же, окаянный, и принеси жертву, а то немедленно подвергнешься еще большимъ и лютѣйшимъ страданіямъ.

Святый возразилъ:

— Зачѣмъ повелѣваешь мнѣ непристойное, о безумный! Я не могу и слышать о твоихъ богахъ, а ты повелѣваешь мнѣ принести жертву имъ!

Тогда судья, въ сильномъ гнѣвѣ, повелѣлъ вонзить ему острыя иглы за ногти на рукахъ и ногахъ, но святый, возведя очи и умъ къ Небу, молча терпѣлъ. Затѣмъ судья придумалъ новое мученіе: онъ повелѣлъ растопить олово и влить въ ротъ святому. Когда олово растоплялось, святый, воздѣвъ къ Небу руки свои, молился:

— Господи Боже мой, Іисусе Христе, укрѣпившій меня въ перенесенныхъ мною мукахъ, пребуди и нынѣ со мною, облегчая мои страданія. Ты—единственное мое утѣшеніе: даруй же мнѣ явное знаменіе того, что Ты помогаешь побѣдить мнѣ сатану и этого неправеднаго судію: ради Тебя, какъ Самъ Ты знаешь, я страдаю.

Окончивъ эту молитву, Вонифатій обратился и къ святымъ мученикамъ съ просьбою, чтобы они своими молитвами помогли ему претерпѣть страшную муку. Мучители, приступивъ къ нему, открыли ему ротъ желѣзными орудіями и влили олово ему въ горло, но не причинили вреда святому. Присутствовавшіе при мученіяхъ, увидѣвъ такую жестокость, содрогнулись и стали восклицать:

— Великъ Богъ христіанскій! Великъ есть Царь—Христосъ! Всѣ вѣруемъ въ Тебя, Господи!

Такъ восклицая, всѣ обратились къ близнаходящемуся идольскому капищу, желая уничтожить его, на судію же громко негодовали и бросали въ него камнями, чтобы убить его. Судья, вставъ съ судейскаго мѣста, со стыдомъ убѣжалъ въ свой домъ, а Вонифатія повелѣлъ держать подъ стражей.

Утромъ, когда волненіе утихло и народное возстаніе пріостановилось, судья снова явился на судейское мѣсто и, призвавъ Вонифатія, хулилъ Имя Христово и глумился надъ тѣмъ, какъ распятъ былъ Христосъ. Святый, не терпя хуленій на Господа своего, самъ произнесъ много досадительныхъ для судьи словъ, въ свою очередь ругая бездушныхъ боговъ и обличая ослѣпленіе и безуміе поклоняющихся имъ. И тѣмъ самымъ еще болѣе разгнѣвалъ судью, который немедленно повелѣлъ растопить котелъ смолы и бросить въ него святаго мученика. Но Господь не оставилъ Своего раба: внезапно сошелъ съ Неба Ангелъ и оросилъ мученика въ котлѣ; когда же смола вылилась, то вокругъ образовалось сильное пламя, которое попалило многихъ стоявшихъ около нечестивыхъ язычниковъ. Святый же вышелъ здоровымъ, не получивъ отъ смолы и огня никакого вреда. Тогда мучитель, видя силу Христову, испугался, какъ бы ему самому не пострадать, и повелѣлъ тотчасъ усѣчь Вонифатія мечомъ. Воины, взявъ мученика, повели его на усѣченіе. Святый же, выпросивъ для себя нѣкоторое время для молитвы, обратился къ востоку и молился:

«Господи, Господи Боже! Сподоби меня милостей Твоихъ и буди мнѣ помощникомъ, чтобы врагъ за мои грѣхи, безумно содѣянные, не преградилъ пути къ Небу, но пріими съ миромъ мою душу и вчини меня вмѣстѣ съ святыми мучениками, пролившими за Тебя кровь и сохранившими вѣру до конца; стадо же, пріобрѣтенное Твоею честнóю Кровію, людей Твоихъ, Христе, близкихъ мнѣ, избавь отъ всякаго нечестія и языческаго заблужденія, ибо Ты благословенъ и пребываешь во вѣки!

Такъ помолившись, Вонифатій преклонилъ голову подъ мечъ и былъ усѣченъ; отъ раны его истекла кровь вмѣстѣ съ молокомъ. Невѣрные, видя чудо это, обратились тотчасъ ко Христу—числомъ около 550 человѣкъ и, оставивъ мерзкихъ идоловъ, присоединились къ вѣрнымъ. Такова была кончина святаго Вонифатія, который, отправляясь изъ дому въ путь, предсказалъ, смѣясь, своей госпожѣ то, что дѣйствительно доказалъ и совершилъ на дѣлѣ[1]).

[1]) *Св. мч. Вонифатій* пострадалъ и скончался 19-го декабря 290-го года.

Между тѣмъ друзья Вонифатія и рабы Аглаиды, пришедшіе съ нимъ для отысканія мощей, не зная ничего о случившемся, сидѣли въ гостинницѣ и ожидали Вонифатія. Видя, что онъ къ вечеру не возвращается, они удивлялись; не видя его и всю ночь, а также и утромъ на другой день, начали судить и дурно отзываться о немъ (какъ послѣ сами разсказывали), предполагая, что онъ гдѣ-нибудь напился пьянымъ и проводитъ время съ блудницами:

— Вотъ,—говорили они смѣясь,—какъ нашъ Вонифатій пришелъ отыскивать святыя мощи!

Но такъ какъ онъ не возвращается и въ другую ночь и на третій день, они недоумѣвали и начали искать его, ходя по всему городу и разспрашивая о немъ. Случайно, или, лучше сказать, по Божію усмотрѣнію, они встрѣтили человѣка, который былъ братомъ комментарисія [1]), и спросили его, не видѣлъ ли онъ одного человѣка, странника, пришедшаго сюда. Тотъ отвѣтилъ, что вчера нѣкоторый чужестранный мужъ, пострадавъ за Христа на мѣстѣ мученій, осужденъ былъ на смерть и усѣченъ мечомъ.

— Не знаю,—говорилъ онъ,—тотъ ли это, кого вы ищете? Скажите, каковъ онъ видомъ?

Они описали внѣшній видъ Вонифатія: что онъ невеликъ ростомъ, имѣетъ рыжіе волосы, передали также и о другихъ примѣтахъ его лица. Тогда человѣкъ тотъ сказалъ имъ:

— Навѣрное, это и есть тотъ, кого вы ищете!

Но они не повѣрили, говоря:

— Не знаешь ты того человѣка, котораго мы ищемъ.

И, бесѣдуя между собой, вспоминали прежній характеръ Вонифатія, ругались надъ нимъ и говорили:

— Развѣ пьяница и распутникъ будетъ страдать за Христа?!

Но братъ комментарисія настаивалъ на своемъ.

— По наружности такой, какъ вы говорите, человѣкъ вчера и и третьяго дня дѣйствительно былъ мучимъ на судѣ,—сказалъ онъ,—впрочемъ, что же препятствуетъ вамъ? Идите—и сами увидите тѣло его, лежащее на мѣстѣ, гдѣ онъ былъ усѣченъ.

Они отправились слѣдомъ за тѣмъ человѣкомъ, пришли на мѣсто мученія, гдѣ стояла военная стража, чтобы тѣла мучениковъ не были похищаемы христіанами. Шедшій впереди человѣкъ показалъ имъ на лежащаго усѣченнаго мученика и сказалъ:

— Не тотъ ли это, кого вы ищете?

[1]) О должности и обязанностяхъ комментарисія см. на стр. 484, прим. 1.

Когда они увидали тѣло мученика, тотчасъ же начали узнавать друга своего, а когда голову его, лежавшую отдѣльно, приложили къ туловищу, совершенно удостовѣрились, что это—Вонифатій, и весьма удивились, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали чувствовать и стыдъ, потому что думали и говорили о немъ дурно; боялись и того, чтобы не постигло ихъ наказаніе за то, что осуждали святаго и смѣялись надъ его жизнію, не зная его сердечныхъ помышленій и добраго намѣренія.

Когда они смотрѣли на лицо святаго и были въ сильномъ изумленіи, вдругъ увидѣли, что Вонифатій понемногу сталъ открывать глаза и милостиво смотритъ на нихъ, какъ на своихъ друзей: уста улыбаются, лицо свѣтится, какъ будто показывая видъ, что онъ прощаетъ имъ всѣ ихъ прегрѣшенія противъ него.

Они ужаснулись и вмѣстѣ обрадовались и, проливая теплыя слезы, плакали надъ нимъ, говоря:

— Рабъ Христовъ, забудь грѣхи наши, что мы неправедно осуждали твою жизнь и безразсудно ругались надъ тобой!

Затѣмъ они отдали нечестивымъ 500 золотыхъ монетъ и взяли тѣло и голову святаго Вонифатія; помазавъ благовонными мастями, повили ихъ чистыми плащаницами и, положивъ въ ковчегѣ, отправились къ себѣ домой, везя тѣло мученика госпожѣ своей. Когда они приближались къ Риму, Ангелъ Божій явился во снѣ Аглаидѣ и сказалъ:

— Готовься принять того, кто былъ раньше у тебя слугой, нынѣ же сталъ нашимъ братомъ и сослужителемъ; прими того, кто былъ рабомъ у тебя, а теперь будетъ твоимъ господиномъ, и благоговѣйно почитай его, потому что онъ—хранитель души твоей и защитникъ твоей жизни.

Она, проснувшись, ужаснулась; взявъ тотчасъ же нѣсколько почтенныхъ церковныхъ клириковъ, вышла навстрѣчу святому мученику Вонифатію, котораго раньше посылала въ путь какъ раба, а по возвращеніи приняла его въ домъ свой благоговѣйно, со слезами—какъ господина. И вспомнила она то пророчество, которое изрекъ святый, отходя въ путь, и благодарила Бога, устроившаго такъ, что святый Вонифатій за свои и ея грѣхи сталъ жертвою, благопріятною Богу. Въ имѣніи своемъ, отстоявшемъ отъ Рима въ 50 стадіяхъ[1]), Аглаида построила чудный храмъ

[1]) *Стадія*—мѣра длины въ 88 саженей; слѣд. 50 стадій равняются безъ малаго 9 верстамъ. Главу св. Вонифатія видѣлъ впослѣдствіи въ Константинополѣ въ 1200-мъ году

во имя святаго мученика Вонифатія и въ немъ поставила святыя мощи, уже послѣ того какъ многія чудеса стали совершаться по молитвамъ мученика: истекали многоразличныя исцѣленія больнымъ, изгонялись изъ людей бѣсы, и многіе молящіеся у гроба святаго получали исполненіе своихъ прошеній.

Послѣ и сама блаженная Аглаида, раздѣливъ все свое имѣніе нищимъ и убогимъ, отреклась отъ міра, и, проживъ еще 18 лѣтъ въ великомъ покаяніи, съ миромъ умерла и присоединилась къ святому мученику Вонифатію, будучи положена рядомъ съ его гробомъ[1]).

Такъ сія двоица святыхъ, чудесно измѣнивъ прежнюю свою жизнь, получила добрый конецъ: одинъ, кровію омывъ свои грѣхи, удостоился мученическаго вѣнца, другая же слезами и суровою жизнію очистила себя отъ плотской скверны; и оба явились оправданными и непорочными предъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, Которому слава во вѣки. Аминь.

ЖИТІЕ СВЯТАГО

ВОНИФАТІЯ МИЛОСТИВАГО,

епископа Ферентійскаго

Святый Вонифатій[2]) былъ родомъ изъ Тускійской области[3]), въ Италіи. Онъ еще съ дѣтства отличался любовью къ нищимъ: когда ему приходилось увидѣть кого-нибудь раздѣтымъ, то онъ

русскій паломникъ Антоній. Надъ храмомъ святаго Вонифатія въ Римѣ, построеннаго ему еще Аглаидою, послѣ сооруженъ болѣе обширный храмъ во имя св. Алексія, человѣка Божія, и мощи обоихъ святыхъ въ 1216 году перенесены изъ нижней церкви въ новую верхнюю, въ ризницѣ которой въ настоящее время честныя главы ихъ хранятся отдѣльно.

[1]) По римскимъ актамъ свв. мучениковъ и греческому Синаксарю Святогорца Николима, Аглаида послѣ подвиговъ удостоилась даже дара чудесъ и изгнанія демоновъ; она причислена къ лику святыхъ, и память ея празднуется вмѣстѣ съ св. мученикомъ Вонифатіемъ.

[2]) Святый Вонифатій Милостивый жилъ въ VI в.

[3]) *Тускія*, иначе *Этрурія*,—древняя область средней Италіи, расположенная между Тиррейскимъ моремъ и Аппенинскими горами; на сѣверъ отъ Римп.

Ст҃ый
Вонїфа́тїй ми́лостивый

снималъ съ себя одежду и одѣвалъ ею нагаго; посему приходилъ онъ домой то безъ хитона, то безъ свиты[1]), и мать его, сама бывшая бѣдной вдовой, часто сердилась на него и говорила:

— Напрасно ты такъ поступаешь, одѣвая нищихъ, самъ будучи нищимъ.

Однажды она вошла въ свою житницу, въ которой на весь годъ заготовленъ былъ хлѣбъ, и нашла ее пустою: Вонифатій, сынъ ея, тайно роздалъ все нищимъ; и начала мать плакать, ударяя себя по лицу и восклицая:

— Горе мнѣ, гдѣ я возьму пищи на весь годъ и чѣмъ буду кормить себя и семью свою?

Вонифатій, пришедши къ ней, началъ утѣшать ее; когда же и послѣ сильнаго плача не могъ успокоить ее рѣчами, то сталъ умолять ее выдти на время изъ житницы. Когда мать вышла, Вонифатій, затворивъ дверь въ житницѣ, упалъ на землю и сталъ молиться Богу,—и тотчасъ житница наполнилась пшеницею. Вонифатій, возблагодаривъ Бога, призвалъ свою мать; когда она увидала житницу полною хлѣба, то утѣшилась и прославила Бога. Съ того времени она не запрещала болѣе сыну раздавать нищимъ сколько онъ хочетъ, такъ какъ видѣла въ немъ столь великую вѣру, по которой онъ не бѣднѣетъ отъ подаянія и, сколько самъ попроситъ у Бога, получаетъ. Мать Вонифатія имѣла въ своемъ домѣ куръ, которыхъ похищала лисица, причиняя тѣмъ убытокъ бѣдной вдовѣ. Однажды отрокъ Вонифатій, стоя у своихъ дверей, увидалъ, какъ лисица по обыкновенію пришла, похитила птицу и убѣжала въ гору. Сожалѣя объ огор-

[1]) *Хитонъ*—греческое названіе нижней одежды (рубашки) у восточныхъ народовъ,—*свита*, или *свитка*,—верхняя простая грубая одежда.

ченіи матери, онъ побѣжалъ въ храмъ, палъ на землю и въ молитвѣ жаловался предъ Богомъ на лисицу, говоря:

— Господи, неужели благоугодно тебѣ, чтобы я не могъ питаться отъ трудовъ матери? А вотъ, между тѣмъ, лисица приходитъ и похищаетъ пищу нашу!

Послѣ молитвы Вонифатій возвратился домой и увидалъ ту же самую лисицу, пришедшую къ нимъ на дворъ и принесшую во рту похищенную птицу: она пустила ее живою предъ Вонифатіемъ, а сама тотчасъ издохла. Такъ Богъ слушаетъ надѣющихся на Него и въ малыхъ вещахъ, имѣя о насъ великое Промышленіе, чтобы мы, получая отъ Него малое, надѣялись получить, по возможности, и большее.

Святый Вонифатій былъ впослѣдствіи поставленъ епископомъ въ городѣ Ферентинѣ[1]), и объ его многихъ чудесахъ повѣствуетъ пресвитеръ Гавденцій, который былъ слугою святаго и видѣлъ своими глазами все, совершаемое имъ. Ферентійская епископія находилась въ большой бѣдности, которая людямъ благочестивымъ служитъ охранительницей смиренія; епископъ не имѣлъ на свое пропитаніе никакого церковнаго имущества, кромѣ одного дохода съ виноградника, принадлежавшаго церкви. Однажды былъ большой градъ и побилъ всѣ лозы съ ягодами, такъ что осталось лишь немного кистей винограда на нѣкоторыхъ лозахъ. Блаженный Вонифатій, войдя въ виноградникъ, увидѣлъ, что все побито, и началъ благодарить Бога, что въ такой своей бѣдности началъ терпѣть еще большую нищету. Когда же наступило время созрѣванія винограда, Вонифатій, по обыкновенію, поставилъ сторожа и повелѣлъ оставшіяся кисти винограда бдительно хранить. Въ одинъ день онъ велѣлъ пресвитеру Констанцію, своему внуку, вымыть всѣ, имѣвшіеся въ епископскомъ домѣ, сосуды для вина и, по обычаю, засмолить. Пресвитеръ, услыхавъ это, весьма удивился тому, что онъ, не имѣя вина, приказываетъ приготовить винные сосуды. Не осмѣливаясь спросить, для чего нужно готовить сосуды, но исполняя приказаніе, онъ сдѣлалъ все по обычаю. Вонифатій, войдя въ виноградникъ и собравъ кисти винограда, снесъ ихъ въ точило[2]) и повелѣлъ всѣмъ оттуда выдти,

---

[1]) *Ферентинъ* — городъ въ древней Этрурія, въ Италіи, нынѣ развалины Ференто.

[2]) *Точило* — яма, въ которой давили созрѣвшій виноградъ для приготовленія вина изъ его сока; давили виноградъ или посредствомъ особаго снаряда, или же просто ногами.

а самъ остался съ однимъ отрокомъ, которому велѣлъ всѣ эти немногочисленныя кисти выжать въ точилѣ. Когда вино понемногу начало течь изъ точила, святый взялъ его въ сосудъ и розлилъ по небольшой части во всѣ приготовленные кувшины, чтобы благословить ихъ, раздѣливъ все вино такъ, что сосуды едва омочились виномъ. Такимъ образомъ, Вонифатій благословилъ всѣ сосуды, призвалъ пресвитера и велѣлъ созвать нищихъ, чтобы, по обычаю, пришли и взяли новаго вина, находящагося въ сосудахъ. Тогда вино въ точилѣ начало умножаться, такъ что всѣ принесенные сосуды нищихъ наполнились. Святый, видя, что всѣмъ пришедшимъ достало вина, велѣлъ отроку выдти изъ точила; хранилище же съ виномъ затворилъ, приложилъ печать и ушелъ въ церковь. Черезъ три дня Вонифатій призвалъ пресвитера Констанція, и, помолившись, отворилъ дверь въ винное хранилище, и увидалъ, что всѣ сосуды и кувшины, въ которые для благословенія понемногу было налито вина, переполнены пѣнистымъ виномъ, такъ что оно лилось черезъ края, даже земля напиталась виномъ, и если бы епископъ немного замедлилъ войдти въ хранилище, то вся бы земля была покрыта вылившимся виномъ. Когда пресвитеръ, видя это, весьма удивился, то святый запретилъ ему говорить кому-либо объ этомъ, боясь и избѣгая суетной человѣческой славы. Въ другой разъ, когда праздновалась память святаго мученика Прокла[1]), одинъ благородный мужъ изъ того же города, по имени Фортунатъ, просилъ святаго Вонифатія, по совершеніи службы святому мученику, придти въ домъ его и преподать благословеніе; святый не отказалъ ему, потому что Фортунатъ просилъ его объ этомъ съ вѣрою и истинною любовію. Вонифатій, совершивъ Божественную службу, пришелъ на трапезу къ Фортунату. Прежде чѣмъ онъ по обычаю помолился предъ трапезою, одинъ изъ скомороховъ сталъ предъ дверями съ обезьяною и заигралъ на кимвалахъ[2]). Святый, услышавъ звуки кимвалъ, разсердился и сказалъ:

— Увы, мертвъ есть сей нечестивецъ, поистинѣ мертвъ; я пришелъ обѣдать и еще не успѣлъ открыть уста для обычнаго восхваленія Бога, какъ онъ предупредилъ меня, пришелъ съ обезьяною и заигралъ на кимвалахъ!

---

[1]) Память *святаго мученика Прокла* празднуется Церковію іюля 12-го дня.

[2]) *Кимвалъ* — древній ударный музыкальный инструментъ, состоящій изъ металлической тарелки, посреди которой прикрѣплялись ремень или веревка для надѣванія на правую руку. Кимвалъ ударяли о другой кимвалъ, надѣтый на лѣвую руку, отчего и получался звукъ.

При этомъ онъ присовокупилъ:

— Пойдите, дайте ему ѣсть и пить, но знайте, что онъ мертвъ.

Нечестивый же тотъ человѣкъ, взявъ хлѣбъ и вино, хотѣлъ было выйти изъ воротъ, но тотчасъ же большой камень сзади внезапно упалъ и ударилъ его по головѣ; скоморохъ упалъ на землю, и полумертвымъ былъ отнесенъ на рукахъ въ свой домъ, а на другой день, какъ предсказалъ святый, умеръ. Такъ дòлжно благоговѣть предъ святыми угодниками Божіими и почитать ихъ, ибо они суть храмы Божіи и Богъ пребываетъ въ нихъ. Когда святый прогнѣвается, вмѣстѣ съ нимъ гнѣвается и живущій въ немъ Богъ, и тогда святый можетъ однимъ словомъ покарать оскорбившаго его. Въ другой разъ тотъ же пресвитеръ Констанцій, внукъ святаго, продалъ своего коня за 20 золотыхъ монетъ и, положивъ ихъ въ ковчежецъ[1]), ушелъ по своему дѣлу. Неожиданно случилось, что много нищихъ пришли къ епископу и съ назойливостью приставали къ нему, прося чѣмъ-нибудь помочь имъ. Святый, не имѣя ничего, чтобы дать имъ, скорбѣлъ въ душѣ, не желая отпустить нищихъ безъ помощи; вспомнивъ же про деньги Констанція, взятыя за коня, пошелъ въ комнату, гдѣ былъ его ковчежецъ, и, благословенныя ради вины, открылъ его, взялъ золотыя монеты и отдалъ ихъ бѣднымъ. Когда пресвитеръ возвратился, и увидалъ ковчежецъ открытымъ, и не нашелъ въ немъ денегъ, то сильно оскорбился, поднялъ большой шумъ и сталъ съ гнѣвомъ кричать:

— Невозможно мнѣ жить здѣсь!

На его голосъ сошлись всѣ, бывшіе въ епископскомъ домѣ, пришелъ и самъ епископъ и сталъ утѣшать его, уговаривая добрыми словами. Онъ же съ досадой отвѣчалъ святому:

— Всѣ у тебя живутъ хорошо, одинъ я не имѣю мѣста и не могу пожить спокойно, отдай мнѣ мои деньги, и я уйду отъ тебя.

Епископъ пошелъ въ храмъ Пречистыя Богородицы, надѣлъ на себя фелонь[2]) и, поднявъ кверху руки и возведя глаза къ Небу, молился, чтобы Господь послалъ ему откуда-нибудь столько золотыхъ монетъ, сколько онъ взялъ у пресвитера, чтобы отдать ихъ ему и смяг-

---

[1]) *Ковчежецъ* —ящикъ небольшаго размѣра.

[2]) *Фелонь*—одно изъ священническихъ облаченій, риза. Въ древности фелонь надѣвалась при совершеніи Богослуженій — какъ священниками, такъ и епископами. Нынѣ въ нее облачаются лишь одни пресвитеры.

чить гнѣвъ его. Святый, молясь, обратилъ глаза на себя и увидѣлъ на фелони внезапно явившіяся двадцать золотыхъ монетъ, которыя лежали между рукъ, поднятыхъ кверху, и такъ блестѣли, какъ будто только что были сдѣланы и вынуты изъ огня. Возблагодаривъ Бога, епископъ вышелъ изъ церкви и бросилъ деньги на одежду гнѣвающемуся пресвитеру, сказавъ:

— Вотъ, возьми деньги, о которыхъ ты скорбѣлъ, и да будетъ тебѣ извѣстно, что по смерти моей за свою скупость ты не будешь епископомъ этой церкви!

Дѣйствительно, такъ и было: пресвитеръ для того и деньги копилъ, чтобы получить епископство, но слово, сказанное Божіимъ человѣкомъ, не бываетъ тщетно, и Констанцій окончилъ свою жизнь въ пресвитерскомъ санѣ.

Нѣкогда два готѳянина шли въ городъ Равенну[1]) и, какъ странники, съ любовію были приняты святымъ Вонифатіемъ въ епископскомъ домѣ. Когда они уходили, Вонифатій, провожая ихъ, самъ налилъ вина въ деревянный сосудъ и далъ имъ на дорогу въ знакъ благословенія. Сосудъ былъ малъ, такъ что вина должно было хватить только на одинъ обѣдъ. Они взяли и ушли, и въ потребное время пили вино изъ этого сосуда; и, однако, вино въ сосудѣ нисколько не убавлялось, и сосудъ всегда оставался полнымъ. Пробывши нѣсколько дней въ Равеннѣ, странники возвратились назадъ и пришли опять къ святому, благодаря его за благословеніе, и принесли ему сосудъ съ тѣмъ же виномъ, извѣщая, что во всю дорогу нигдѣ другого вина не пили, однако вино въ сосудѣ все-таки не истощилось.

Не дòлжно умолчать и о томъ, что разсказываетъ одинъ изъ клириковъ той страны, мужъ честный.

— Нѣкогда святый Вонифатій,—говоритъ клирикъ,—вошелъ въ свой виноградникъ и увидѣлъ такое множество гусеницъ, что весь виноградникъ былъ покрытъ ими, и вся зелень должна была погибнуть. И сказалъ святый гусеницамъ: заклинаю васъ Именемъ Господа нашего Іисуса Христа, уйдите отсюда, и не смѣйте больше ѣсть этой травы; и тотчасъ все множество гусеницъ, по слову

---

[1]) *Равенна*—городъ съ гаванью при Адріатическомъ морѣ, находился на сѣверо-восточномъ берегу Аппенинскаго полуострова. Императоръ Августъ сильно укрѣпилъ его, и онъ считался оплотомъ Италіи. Императоры Западной Римской имперіи, начиная съ Гонорія, имѣли здѣсь свое мѣстопребываніе. Равенна существуетъ доселѣ и представляетъ главный цвѣтущій городъ итальянской области того же имени.

угодника Божія, вышло изъ виноградника, такъ что не осталось ни одной.

Господь Богъ, прославляющій святыхъ Своихъ и исполняющій желаніе боящихся Его, да будетъ и Самъ прославляемъ въ нихъ во вѣки. Аминь.

ЖИТІЕ СВЯТАГО

ГРИГОРІЯ,

архіепископа Омиритскаго

Святый Григорій первоначально подвизался въ городѣ Медіоланѣ[1]), гдѣ, по Божественному избранію, свѣтилъ на свѣщницѣ церковнаго служенія въ чинѣ діаконскомъ; впослѣдствіи другіе города и села имѣли его проповѣдникомъ Имени Христова и искоренителемъ идольской лести. Григорій былъ сыномъ благочестивыхъ родителей Агапія и Ѳеодотіи, воспитанъ въ благочестіи и страхѣ Божіемъ и, отъ юности исполненный благодати Божіей, былъ чудотворцемъ и цѣлителемъ. Господь пріуготовлялъ его для служенія въ санѣ архіерейскомъ, о чемъ и возвѣщалъ ему чрезъ откровенія и прозорливыхъ отцовъ. Когда Григорій пришелъ въ Медіоланъ къ одному отшельнику, то тотъ предсказалъ ему все будущее, ибо былъ прозорливъ; онъ предвидѣлъ и самый приходъ къ себѣ Григорія, когда тотъ былъ еще за тридцать поприщъ[2]) отъ него, о чемъ отшельникъ и сказалъ своему слугѣ. Былъ тамъ еще другой старецъ схимникъ[3]), для Бога удалившійся отъ міра и жившій въ горахъ. Григорій, узнавъ о старцѣ, пошелъ къ нему. Когда онъ приближался къ горѣ, гдѣ жилъ сей отецъ, то увидѣлъ огненный столпъ въ воздухѣ и отъ страха упалъ на землю. Затѣмъ, ободрившись, всталъ и пошелъ посмотрѣть, что это за огненное видѣніе. Издали ему казался пламень, но когда онъ подо-

---

[1]) О *Медіоланѣ* см. на стр. 214, прим. 4.

[2]) *Поприще* — мѣра разстоянія; оно равнялось нашимъ 690 саженямъ. Тридцать поприщъ составляютъ разстояніе приблизительно въ 41 версту.

[3]) *Схимникъ* — монахъ, воспріявшій схиму. *Схима* — слово греческое (σχῆμα), означаетъ образъ, видъ, санъ. Схимой называется высшая степень монашества, соединенная съ иными, строжайшими обѣтами самоотверженія и служенія Христу — есть совершеннѣйшее отчужденіе отъ міра, вящшее желаніе разрѣшиться и со Христомъ быть (Посл: къ Филип., гл. 1, ст. 2).

шелъ ближе, то увидѣлъ отшельника, идущаго къ нему, который, приблизившись, поцѣловалъ его и назвалъ Григоріемъ, хотя никогда и не былъ съ нимъ знакомъ. Григорій жилъ у этого великаго старца два дня и здѣсь сподобился дивныхъ видѣній. Въ полночь онъ видѣлъ сего богоноснаго мужа, простиравшаго въ молитвѣ руки, поднявшагося отъ земли и стоявшаго въ воздухѣ. Григорій дивился этому видѣнію; старецъ же утромъ, призвавъ его къ себѣ, тихимъ и кроткимъ голосомъ сказалъ:

— Иди, другъ и братъ! И выслушай, что я повѣдаю тебѣ: для того ты и пришелъ ко мнѣ, чтобы узнать все, что мнѣ открыто о тебѣ. Ты увидишь Римъ, помолишься въ церкви святаго мученика Вонифатія и Аглаиды[1]), и оттуда тебѣ дòлжно отплыть въ Александрію[2]), затѣмъ въ Еѳіопіи[3]) проповѣдывать Слово Истины и придти въ омиритскій городъ Награнъ[4]), который завоеванъ Омиритскимъ царемъ Дунааномъ и нуждается въ проповѣдываніи апостольскаго ученія; тамъ, совершивъ великія и славныя дѣла, умрешь и переселишься въ обители праведныхъ. Однако много трудовъ ты долженъ будешь принять отъ живущихъ въ Омиритѣ непокорныхъ Іудеевъ и многихъ изъ нихъ обратишь къ Богу, имѣя Его благимъ Помощникомъ, умудряющимъ и наставляющимъ тебя. Тамъ же Патріархомъ Александрійскимъ ты будешь рукоположенъ во архіепископскій санъ.

Услышавъ это, блаженный Григорій сталъ говорить, что онъ недостоинъ того, что предсказываетъ ему старецъ, и пожелалъ еще остаться у отшельника. Прозорливый мужъ разсказалъ Григорію и то явленіе, которое видѣлъ самъ Григорій. Онъ видѣлъ

---

[1]) См. о нихъ и церкви въ честь ихъ на стр. 513 прим. 1.

[2]) Объ *Александріи* см. на стр. 119, прим. 4.

[3]) *Еѳіопія* — страна в Африкѣ, соотвѣтствуетъ нынѣшней Абиссиніи. Она находилась въ верховьяхъ рѣки Нилъ и граничила съ Ѳиваидскою областью Египта на сѣверѣ, съ Ливіею — на западѣ, съ южной Еѳіопіей — на югѣ и съ Аравійскимъ заливомъ и Красимъ моремъ—на востокѣ. Столичный городъ этой страны—Авксумы. Въ первые вѣка христіанства Еѳіопія была могущественною имперіею, ей принадлежала и часть Аравіи. Свѣтомъ христіанства жители Еѳіопіи были просвѣщены въ IV в. Эдесіемъ и Фрументіемъ.

[4]) *Омириты* —жители южной Аравіи, обитавшіе близъ Аравійскаго залива. Въ первые вѣка христіанства Аравію населяли 11 различныхъ племенъ, изъ которыхъ только два —Омиритовъ и Савеевъ—исповѣдывали христіанскую вѣру. Остальныя племена, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Іудеями, держались большею частію іудейскаго закона. Омириты были просвѣщены христіанствомъ Ѳеофиломъ Индійскимъ, вторымъ епископомъ еѳіопской столицы Авксумы.— *Награнъ,* или *Анагранъ,* —обширный и многолюдный городъ на берегу Аравійскаго залива, жители котораго всѣ безъ исключенія исповѣдывали христіанскую вѣру.

верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, возложившихъ омофоръ[1]) на рамена Григорія, что предзнаменовывало благодать архіерейства, которую долженъ будетъ получить Григорій. Много дивился блаженный Григорій этой дивной прозорливости старца, отъ котораго не скрылось и то, что онъ самъ видѣлъ наединѣ, и сказалъ:

— Слава Богу, дѣйствующему такъ въ любящихъ Его; да будетъ воля Господня!

Чрезъ два дня старецъ отпустилъ его отъ себя, съ любовію облобызалъ его, и Григорій ушелъ, жалѣя о разлукѣ съ такимъ божественнымъ мужемъ, горя къ нему пламенемъ любви и постоянно вспоминая о немъ. Григорій пришелъ оттуда прежде всего въ Карѳагенъ[2]) и долгое время жилъ тамъ, проповѣдуя Слово Божіе и исцѣляя всякія болѣзни. Затѣмъ, по Божію повелѣнію, отправился онъ въ Римъ и помолился въ храмѣ святаго мученика Вонифатія и Аглаиды. Когда онъ пришелъ ко гробу святаго Апостола Петра и со слезами упалъ на землю, то ему было видѣніе: предъ нимъ виднѣлись отверстыя небесныя двери и сіялъ необыкновенный свѣтъ. И вотъ, святый Апостолъ Петръ, имѣя въ правой рукѣ ключъ, вышелъ изъ небесныхъ дверей, направился къ нему съ великою славою и сіяющимъ лицомъ и сказалъ, глядя на него свѣтлымъ взоромъ:

— Я пришелъ сюда, чадо Григорій, по милости Господней, прежде же этого съ прочими Апостолами я былъ въ Награнѣ, омиритскомъ городѣ, предстоя страждущимъ за Господа нашего Іисуса Христа отъ Дунаана жидовина и укрѣпляя каждаго изъ нихъ въ благочестіи. При Божіей помощи, всѣ они воспротиви-

---

[1]) *Омофоръ* — (греч. раменоносникъ) одно изъ семи архіерейскихъ облаченій, возлагаемое на рамена и спускаемое спереди и сзади, при томъ имѣющее четыре креста. Въ символическомъ смыслѣ омофоръ являетъ заблудшее овча, то есть человѣчество, обрѣтши которое, Господь взялъ на рамена Свои и сочеталъ его со Своими овцами, т. е. Ангелами. Крестами же показуетъ архіерей свое промзволеніе послѣдовать страстямъ Христовымъ: какъ Онъ носилъ на рамѣ крестъ Свой и распялся, такъ и архіерей взнимаетъ на рамена свои крестъ Христовъ, не отрицаясь злостраданія: ибо крестъ—есть символъ злостраданія.

[2]) *Карѳагенъ* —древнѣйшая, знаменитая колонія финикіянъ на сѣверѣ Африки, достигшая въ древней исторіи высшей степени могущества и разрушенная въ 146 г. до Р. Хр.; на развалинахъ древняго Карѳагена при первыхъ Римскихъ императорахъ возникъ новый Карѳагенъ, который существовалъ съ большимъ блескомъ въ продолженія весьма долгаго времени. Въ Карѳагенѣ весьма сильно былъ развитъ языческій грекоримскій культъ, и какъ прямыя послѣдствія его въ продолженіе долгаго времени держались суевѣрія, чародѣйства и были развиты такъ называемыя «магическія искусства».

лись волѣ законопреступнаго еврея, твердо подвизались въ благочестіи, пострадали за истину и теперь находятся на Небесахъ съ отцами, которые сподобились безсмертной чести. Я пришелъ сюда посѣтить сей городъ; Павелъ же братъ, поборникъ церквей, разстался со мной въ Іерусалимѣ и ушелъ въ Персію. Ты же, чадо, проходя добрый путь, постарайся угодить Господу, постоянно поучаясь въ Законѣ Его, зная, что жизнь и красота этого міра проходятъ подобно сну и тѣни; ты будешь блаженнымъ, если такъ, какъ началъ, совершишь свой путь; ходя въ волѣ Господней, ты многихъ приведешь къ страху Божію. Вотъ, уже готовится тебѣ престолъ на Небесахъ отъ Самого Владыки, и ты получишь воздаяніе вмѣстѣ съ нами.

Ст҃ы́й
Григо́рїй

Сказавъ это, Апостолъ отошелъ, и видѣніе окончилось. Григорій, придя въ себя, опять упалъ на землю, называя себя окаяннымъ и грѣшникомъ. Послѣ долгой молитвы онъ ушелъ въ свое жилище и въ эту ночь во снѣ увидѣлъ святаго Апостола Павла, подающаго ему сосудъ съ елеемъ: это было предзнаменованіемъ предназначенной ему благодати священства и архіерейства. Григорій, во снѣ взявъ этотъ елей изъ апостольскихъ рукъ, тотчасъ проснулся, обрадовался и запѣлъ: «ѿры́гнꙋ се́рдце моѐ сло́во бла́го», ибо Богъ помазалъ меня елеемъ радованія[1]).

Послѣ сего онъ вышелъ изъ Рима и пошелъ въ Александрію, постоянно обращаясь сердцемъ къ Богу, все болѣе и болѣе совершенствуясь въ добродѣтеляхъ и исполняясь Божественной премудрости и разума и Божественныхъ великихъ дарованій.

[1]) Псал. 44, ст. 2 и 8.

Въ то время, когда царствовали благочестивые цари: въ Греціи—Іустинъ[1]), а въ Еѳіопіи—Елезвой, Дунаанъ, царствовавшій въ Омиритской странѣ, воздвигъ гоненіе на христіанъ и старался истребить изъ своего царства самое Имя Христово. Онъ хитростію овладѣлъ славнымъ городомъ Награномъ, гдѣ были вѣрующіе во Христа, и погубилъ безчисленное множество христіанъ: однихъ—сжегъ на огнѣ, другихъ—усѣкъ мечомъ, а благочестиваго князя Ареѳу[2]) со знатнѣйшими гражданами убилъ. Услыхавъ объ этомъ, благочестивые цари Іустинъ и Елезвой весьма сожалѣли о неповинно пролитой крови христіанъ; Іустинъ написалъ къ Елезвою[3]), уговаривая его идти войной противъ нечестиваго Дунаана, чтобы отомстить за невинно пролитую кровь. Достохвальный царь Елезвой, исполнившись ревности, собралъ все свое войско и пошелъ войной на нечестиваго царя Дунаана[4]). Во время этой великой войны Елезвой, при помощи Божіей, разбилъ полки Дунаана и все его войско уничтожилъ вконецъ, а его самого съ родственниками усѣкъ мечомъ. Овладѣвъ царствомъ Дунаана, Елезвой сталъ ревностно очищать его отъ еврейскихъ и языческихъ заблужденій, распространяя въ немъ славу Имени Господа нашего Іисуса Христа. Многіе изъ евреевъ и находившихся въ Омиритахъ язычниковъ пожелали креститься, но у нихъ не было ни епископа, ни священника, ни діакона, ни одного клирика, потому что весь церковный чинъ іерархіи былъ истребленъ Дунааномъ. Тогда блаженный Елезвой обратился съ просьбою къ Александрійскому Патріарху. Подробно разсказавъ ему о томъ, какъ Богъ помогъ возстановить христіанство въ Омиритской странѣ, царь умолялъ, чтобы Патріархъ выбралъ мужа—умнаго, добродѣтельнаго, знающаго Священное Писаніе—и, рукоположивъ его во епископа, прислалъ къ нимъ въ Омиритскую область со всѣмъ необходимымъ для Церкви. Когда это посланіе пришло въ Александрію, то Патріархъ со всѣми христіанами возрадовался Божіей помощи, посланной свыше христіанамъ противъ нечестивыхъ, и началъ тщательно

---

[1]) *Іустинъ I*, Византійскій императоръ, царствовалъ съ 518 по 527 г.

[2]) Память *святаго мученика Ареѳы* празднуется 24 октября.

[3]) Императоръ Византійскій принялъ горячее участіе въ судьбѣ жителей города Награна ввиду того, что этотъ городъ, какъ покоренный въ 25 г. по Р. Хр. римскимъ полководцемъ Эліемъ Галломъ, находился подъ покровительствомъ Римскихъ императоровъ.

[4]) Царь Еѳіопскій считалъ своимъ долгомъ выступить на защиту христіанъ-омиритовъ потому, что самое христіанство они приняли изъ Еѳіопіи и, по всей вѣроятности, находились въ церковной зависимости отъ Авксумской митрополіи.

искать достойнаго человѣка, чтобы, посвятивъ его во епископа, скорѣе послать къ Елезвою. Много мужей было приводимо къ Патріарху, но ни одинъ изъ нихъ не показался ему достойнымъ святительскаго сана. Тогда Патріархъ ночью обратился съ пламенной молитвой къ Богу, чтобы Самъ Господь выбралъ и указалъ ему человѣка, достойнаго проходить такое служеніе. Во время молитвы явился Патріарху въ видѣніи святый Апостолъ Маркъ, повелѣвая ему найти діакона Григорія, недавно пришедшаго въ Александрію и проживающаго у нѣкоего Леонтія, посвятить его во епископа и послать къ Елезвою, такъ какъ именно для этого Господь и привелъ Григорія сюда. Утромъ Патріархъ сейчасъ же послалъ розыскать домъ Леонтія и, нашедши его, призвалъ къ себѣ жившаго тамъ Григорія и разспросилъ его, кто онъ и откуда? Потомъ Патріархъ, разсказавъ ему о своемъ видѣніи и сообщивъ о нуждѣ Церкви, сталъ побуждать его принять святительскій санъ. Григорій же, вспомнивъ слова отшельника, который въ Медіоланѣ предсказалъ ему, какъ онъ воспріиметъ санъ архіепископа чрезъ рукоположеніе Александрійскаго Патріарха, прослезился и сказалъ:

— Да будетъ воля Господня: дѣлай, Владыко, какъ хочешь, по повелѣнію Господнему.

Патріархъ тотчасъ посвятилъ Григорія въ санъ пресвитера, а затѣмъ рукоположилъ и во архіепископа. При этомъ произошло дивное чудо: во время службы и посвященія лицо Григорія измѣнилось, сдѣлалось свѣтовиднымъ, какъ огонь, свѣтясь благодатію Святаго Духа, отъ одеждъ же его исходилъ дымъ благовоннаго мѵра и ароматъ, который своимъ благоуханіемъ наполнилъ весь храмъ. Это происходило въ продолженіе всей службы; глаза всѣхъ устремлялись на святаго Григорія, и всѣ дивились такому чуду. Видѣли это и послы Елезвоя, удивляясь сему, и послѣ передали о всемъ видѣнномъ царю. Послѣ рукоположенія и духовной бесѣды съ Патріархомъ святый Григорій былъ отпущенъ съ послами Елезвоя,— имѣя съ собою подобающій сану клиръ и все необходимое для устроенія Церкви. Скоро они достигли Еѳіопіи, а затѣмъ и Омиритской страны. Царь Елезвой весьма обрадовался приходу Григорія, а еще болѣе, когда узналъ, что Григорій былъ избранъ Божественнымъ Откровеніемъ и что благодать Святаго Духа чудесно проявилась на немъ во время хиротоніи[1]). Онъ встрѣтилъ

[1]) *Хиротонія*—рукоположеніе, посвященіе въ какую-нибудь священную степень.

Григорія съ большою честію, любезно принялъ его и отдалъ всю область въ его распоряженіе. Обходя съ Григоріемъ города въ Омиритской странѣ, царь строилъ новые храмы, украшалъ гробницы святыхъ мучениковъ, убитыхъ за Христа нечестивымъ Дунааномъ, и приводилъ невѣрныхъ ко Крещенію. Въ городѣ Награнѣ Елезвой поставилъ княземъ сына мученика Ареѳы и построилъ тамъ великолѣпный храмъ въ честь Воскресенія Христова, другой храмъ—въ честь Пречистой Богородицы, третій—во имя святаго мученика Ареѳы и пострадавшихъ съ нимъ, недалеко отъ того дома, гдѣ нѣкогда жилъ святый мученикъ. И въ другихъ городахъ построено было много церквей, которыя Григорій самъ освящалъ и поставлялъ сюда пресвитеровъ и діаконовъ, вручая имъ добрую паству овецъ Христовыхъ. Блаженный царь Елезвой почти 36 мѣсяцевъ послѣ смерти Дунаана оставался въ Омиритской землѣ и, все добрѣ здѣсь устроивъ, пожелалъ возвратиться на свой престолъ въ Еѳіопскую страну. Созвавъ со святымъ Григоріемъ всѣхъ вельможъ, князей, бояръ, совѣтниковъ, онъ сталъ совѣтоваться съ ними, какого бы мужа благовѣрнаго, разумнаго, кроткаго и богобоязненнаго избрать и помазать на Омиритское царство. Всѣ совѣтники отвѣчали царю:

— Кого ты знаешь и кого тебѣ Богъ откроетъ, того и поставь, такъ какъ у насъ нѣтъ ни одного подобнаго тебѣ разумомъ и достойнаго царскаго вѣнца.

Тогда царь, обратившись къ архіепископу, сказалъ:

— Это дѣло твое, честный отецъ и нашъ учитель! Вотъ, предъ твоимъ лицемъ всѣ князья, вельможи, воины, малые и большіе. Кого ты хочешь, призови и во Имя Господа нашего Іисуса Христа помажь на царство, мы же всѣ, пришедшіе изъ Еѳіопіи, если Богъ благоволитъ, желали бы возвратиться къ себѣ.

Святый архіепископъ отвѣчалъ:

— Хорошо ты предусмотрѣлъ, благочестивый царь: какъ твое сердце находится во власти Божіей, такъ и слово твое дано тебѣ отъ Бога. Хорошо всегда о всякомъ дѣлѣ сначала вопрошать Отца Небеснаго, Который на Небѣ, и какъ Онъ велитъ, такъ и дѣлать.

Сказавъ это, блаженный всталъ со своего мѣста, немного отошелъ отъ нихъ и, обратясь на востокъ, опустился на колѣна. Возведя глаза и умъ на Небо и воздѣвъ руки кверху, онъ усердно и долго молился, чтобы Богъ, знающій жизнь и мысли каждаго, указалъ имъ достойнаго на царство мужа. Во время молитвы архіепископа

вдругъ невидимая сила Господня подняла на воздухъ нѣкоего мужа, по имени Аврамія, и поставила его предъ царемъ Елезвоемъ. Всѣ съ ужасомъ долго восклицали:

— Господи, помилуй!

Архіепископъ же сказалъ:

— Вотъ, кого вы требовали помазать на царство, его и оставьте здѣсь царемъ, мы будемъ съ нимъ единомысленны, и Богъ намъ поможетъ во всемъ.

И великая радость была у всѣхъ о такомъ Божіемъ усмотреніи. Послѣ этого царь Елезвой взялъ явленнаго Богомъ мужа Аврамія, повелъ его въ храмъ Пресвятыя Троицы, который находился въ царствующемъ городѣ Афарѣ, надѣлъ на него царскую порфиру[1]) и возложилъ на главу его діадему[2]); затѣмъ святымъ Григоріемъ было совершено надъ нимъ помазаніе и принесена была безкровная жертва за царей и всѣхъ людей, и оба царя причастились Божественныхъ Таинъ изъ рукъ архіепископа. По окончаніи торжества всѣ присутствовавшіе восклицали:

— Многая лѣта Елезвою, царю Еѳіопскому. И Аврамію, Христолюбивому царю Омиритскому,—многая лѣта!

И снова обоимъ вмѣстѣ повторили:

— Елезвою и Аврамію, благочестивымъ и Боголюбивымъ царямъ,—многая лѣта!

И пѣли многолѣтіе по три раза. Потомъ всѣ возгласили:

— Григорію, святѣйшему архіепископу нашему, наставнику и учителю,—мирныя, здравыя и многія лѣта, всему христіанскому воинству и всѣмъ вѣрующимъ людямъ—многія лѣта!

Затѣмъ, войдя въ царскія палаты, всѣ веселились и пировали, радуясь о Господѣ Богѣ Спасителѣ своемъ и о благочестивыхъ царяхъ своихъ.

Елезвой оставался еще тридцать дней въ Омиритской землѣ, поучая и наставляя новаго царя благочестиво и справедливо устроять и управлять царствомъ и во всемъ слушаться святѣйшаго архіепископа Григорія, своего отца духовнаго. Избравъ изъ еѳіопскаго войска 15 тысячъ храбрыхъ мужей, Елезвой оставилъ ихъ новому царю для помощи и защиты царства и возвратился въ Еѳіопію. Здѣсь, спустя немного времени, оставивъ свое земное

---

[1]) *Порфира* — пурпуровая дорогая одежда, обычно составлявшая верхнюю, торжественную одежду государей.

[2]) *Діадема*—повязка, которую древніе цари носили на головѣ,—царскій вѣнецъ.

царство, онъ удалился въ пустыню, гдѣ близъ одного монастыря затворился въ темной келліи и не выходилъ изъ нея до самой смерти, принимая пищу чрезъ окно отъ живущихъ тамъ монаховъ, и, еще долго поживъ суровою жизнію подвижника, отошелъ въ Царство Небесное [1]). Столь знатный и богатый царь оставилъ всѣмъ примѣръ смиренія и добровольной нищеты! По его смерти былъ разсказанъ монахами такой случай. Одинъ юный братъ, посылаемый изъ монастыря на послушаніе, часто заходилъ въ харчевню, гдѣ, упиваясь виномъ, впадалъ въ грѣхъ нечистой плотской страсти. И вотъ однажды, совершивъ обычный грѣхъ и возвращаясь чрезъ пустыню въ монастырь, онъ зашелъ въ непроходимое мѣсто, и здѣсь устремился на него большой змѣй, чтобы ужалить. Инокъ бросился бѣжать и уклонялся туда и сюда, желая избавиться отъ змѣя, но змѣй быстро настигалъ его. Когда же инокъ, наконецъ, былъ такъ стѣсненъ, что уже бѣжать было некуда, змѣй устремился, чтобы пожрать его; но тутъ инокъ, вспомнивъ о блаженномъ царѣ Елезвоѣ, обратился къ змѣю и сказалъ:

— Молитвами праведнаго и святѣйшаго Елезвоя—отойди отъ меня.

Змѣй, какъ бы устыдившись святаго имени Елезвоя, остановился и, Божіимъ повелѣніемъ, получивъ человѣческій голосъ, сказалъ иноку:

— Какъ я могу тебя пощадить, когда Ангелъ Божій явился мнѣ и повелѣлъ съѣсть тебя за твою нечистоту и грѣхи, такъ какъ ты, давъ обѣтъ работать Господу въ чистотѣ, оскверняешь грѣхомъ свое тѣло и тѣмъ прогнѣвляешь Святаго Духа.

Инокъ, услышавъ змѣя, говорившаго человѣческимъ голосомъ и обличавшаго его дѣла, оставался безмолвнымъ, трепеща и съ клятвою умоляя змѣя пощадить его. Змѣй сказалъ ему:

— Зачѣмъ ты заклинаешь меня? Ты самъ прежде поклянись мнѣ, что больше не исполнишь своего плотскаго желанія, и тогда я оставлю тебя.

Инокъ сталъ кляться, говоря:

— Клянусь Богомъ, живущимъ на Небѣ, и молитвами честнаго царя Елезвоя, что не прогнѣваю больше Господа моего, Котораго нынѣ я прогнѣвалъ плотскою нечистотою.

---

[1]) Кончина блаженнаго Елезвоя, царя Еѳіопскаго, послѣдовала около 553—555 г. Память его совершается Церковію 24 октября.

Какъ только инокъ произнесъ это, внезапно огонь упалъ съ неба и попалилъ предъ нимъ змѣя. Объятый страхомъ и трепетомъ, пошелъ инокъ въ свой монастырь, и уже больше не грѣшилъ, но окончилъ свою жизнь въ чистомъ покаяніи.

Во время царствованія благочестиваго царя Аврамія архіепископъ Григорій, поставивъ во многихъ городахъ епископовъ, мужей ученыхъ и краснорѣчивыхъ, посовѣтовалъ царю, чтобы тотъ Іудеямъ и язычникамъ, находившимся въ его странѣ, повелѣвалъ креститься или, въ противномъ случаѣ, предавалъ ихъ смертной казни. По изданіи царскаго повелѣнія объ этомъ множество евреевъ и язычниковъ съ женами и чадами изъ боязни смерти стали приступать къ Св. Крещенію. Тогда старѣйшіе и искуснѣйшіе въ Законѣ евреи, собравшись ото всѣхъ городовъ, составили тайное собраніе, совѣщаясь, что имъ предпринять, и разсуждали между собою:

— Если мы не крестимся, то, по приказанію царя, будемъ убиты и мы, и наши жены, и дѣти.

Одни изъ нихъ говорили:

— Чтобы не умереть намъ преждевременною смертью—исполнимъ волю царскую, но втайнѣ будемъ держаться вѣры нашей.

Другіе же совѣтовали не лицемѣрно, но явно держаться своего еврейскаго закона, чтобы, избѣжавъ человѣческой руки (какъ говорили они), не впасть въ руки Отмстителя—Бога и еще хуже не погибнуть. Нѣкоторые возражали:

— Мы видимъ, что Богъ нашъ не требуетъ насъ къ этому подвигу, ибо благочестиваго царя нашего Дунаана и все войско его онъ предалъ въ руки Елезвоя; а что намъ дѣлать, мы не знаемъ.

Иные говорили:

— Если мы желаемъ и сохранить нашъ Законъ, и самимъ остаться невредимыми, то уйдемъ тайно, по одному, изъ этой страны, каждый взявши свое, дабы съ тѣломъ не погубить и своей души.

Другіе возражали:

— Если мы пожелаемъ убѣжать, то насъ увидятъ христіане и смертью погубятъ.

И всѣ недоумѣвали, что имъ дѣлать. Былъ же среди нихъ одинъ мудрѣйшій законоучитель, по имени Ерванъ, знавшій весь Ветхій Завѣтъ и весьма краснорѣчивый; онъ сказалъ имъ:

— Всѣ вы напрасно говорите, и тѣмъ, что вы предлагаете, нельзя воспользоваться; если же желаете послушать меня, то пойдемте вмѣстѣ со мною къ царю и архіепископу Григорію и скажемъ, чтобы они назначили отъ себя учителей, какихъ хотятъ, для состязанія съ нами въ вѣрѣ и Законѣ. Если они одолѣютъ насъ, то мы добровольно сдѣлаемся христіанами; если же будутъ обличены въ своихъ заблужденіяхъ, то сами увидятъ, что несправедливо побуждаютъ насъ отступить отъ нашего Закона. Испытаемъ ихъ и узнаемъ, какова ихъ вѣра. Если истинная, то увѣруемъ, что Мессія уже пришелъ, а мы того не знали. Если же окажется ложной ихъ вѣра, то намъ станетъ ясно, что мы умираемъ для Бога, и съ усердіемъ примемъ смерть.

Когда Ерванъ это произнесъ, то всѣ убоялись и сказали:

— Мы видимъ, что ты помогаешь христіанамъ. Развѣ ты не знаешь, что наша вѣра истинная: какъ мы оставимъ ее?

Ерванъ отвѣчалъ:

— Ни одного лукаваго слова я не сказалъ вамъ, братія, но знайте, что такъ или иначе вы принуждены будете креститься. Если вы не послушаете меня, то я невиновенъ буду предъ каждымъ изъ васъ, такъ какъ, если и не испытаете чрезъ преніе вѣру ихъ, то все же вы должны будете принять ее безъ испытанія и поступите такъ, какъ они велятъ, если же вы не примете ихъ вѣры, то они убьютъ васъ.

Всѣ, услыхавъ это, повиновались Ервану, и, написавъ прошеніе, отослали его царю. Царь, прочитавъ его, сильно разгнѣвался и уже хотѣлъ всѣхъ ихъ предать смерти, но удержался, не желая ничего предпринимать безъ совѣта Григорія, которому и отдалъ прошеніе. Блаженный, прочитавъ его, сказалъ:

— Хорошо и похвально говорятъ Іудеи, что лучше вѣровать добровольно, по убѣжденію, чѣмъ насильно. Оставь ихъ, царь, пусть они сначала поспорятъ съ нами, а потомъ, какъ хочешь, такъ и поступай съ ними.

Царь соизволилъ на совѣтъ святителя, и евреямъ дано было на приготовленіе къ пренію 40 дней, чтобы они нашли у себя учителей, какихъ пожелаютъ, и безъ боязни приходили на преніе. По истеченіи срока собралось безчисленное множество евреевъ, имѣя съ собою немало мудрѣйшихъ раввиновъ[1]), свѣдущихъ въ

[1]) *Раввинъ*—іудейскій учитель.

Законѣ и приготовившихся къ пренію. Преніе о вѣрѣ состоялось въ столичномъ городѣ Афарѣ, въ присутствіи царя со всѣмъ его синклитомъ, архіепископа со всѣмъ церковнымъ клиромъ и многочисленнаго христіанскаго народа, пришедшаго послушать преніе. На него явились и евреи съ своими книжниками, учеными и учителями. Іудеи поставили предъ епископомъ Ервана — какъ главнаго оратора, хорошо знающаго Законъ и пророческія книги и искуснаго въ философіи. Когда, по данному знаку, наступило молчаніе, началось собесѣдованіе и преніе между архіепископомъ и Ерваномъ[1]).

Сущность пренія была такова:

Послѣ долгаго молчанія, во время котораго всѣ приготовились внимать бесѣдѣ, святый архіепископъ Григорій началъ говорить мудрому еврейскому учителю Ервану и всему ихъ собранію такъ:

— Когда прошла ночь и возсіяло Солнце Правды, зачѣмъ вы препираетесь, противясь Его Свѣту и не вѣруя въ Него?

Ервань сказалъ:

— Если Солнце Правды возсіяло и мы противимся, какъ ты говоришь, свѣту Его, вѣруя въ Истиннаго Бога, то тѣмъ болѣе вы, какъ язычники, содержащіе чуждое ученіе, противитесь Свѣту Правды, укоряя Божественный Законъ, данный намъ отъ Бога.

Архіепископъ отвѣчалъ:

— Мы отъ язычниковъ, но чье мы—созданіе и твореніе?

Ервань отвѣчалъ:

— Явно, что—Божіе созданіе и твореніе.

Архіепископъ сказалъ:

— Если же мы, какъ и вы, творенія Божіи, то какое же бо̀льшее превосходство пріобрѣли вы, чѣмъ мы?

Ервань возразилъ:

— То, которое имѣемъ сравнительно съ Египтянами.

— Хорошо, что ты вспомнилъ о Египтянахъ,—отвѣчалъ архіепископъ,—покажи же свое превосходство предъ ними!

Ервань сказалъ:

— Развѣ ты не читалъ о великихъ чудесахъ въ Египетской землѣ, въ Чермномъ морѣ, въ пустынѣ, которыя Богъ творилъ

---

[1]) Объ этомъ преніи,—какъ пишетъ святый Димитрій,—въ Минеяхъ-Четьихъ Макарія находится особая книга, которая у него не изложена вслѣдствіе многочисленности рѣчей, предложенныхъ вопросовъ и отвѣтовъ и вообще по обилію чтенія.

чрезъ Моисея, по выходѣ Израиля: потопилъ Египтянъ, а Израиля спасъ?

Архіепископъ отвѣчалъ:

— Никакого нѣтъ различія между вами и египтянами, ибо ихъ Богъ потопилъ въ морѣ, а васъ за вашу злобу погубилъ на землѣ. Перейдя Чермное море, какъ посуху, вы потонули на пристани, въ страданіяхъ окончивъ жизнь въ пустынѣ, ибо больше чѣмъ изъ шести сотъ тысячъ людей только двое—Халевъ и Іисусъ Навинъ удостоились видѣть Обѣтованную Землю[1]). Чѣмъ же васъ Богъ почтилъ предъ Египтянами?

Ерванъ спросилъ:

— А кому послалъ Богъ въ пустынѣ манну?

Архіепископъ сказалъ:

— А тебѣ что лучше кажется: мясо, которое вы ѣли въ Египтѣ, или манна, посланная въ пустынѣ?

Ерванъ отвѣчалъ:

— Ясно, что манна лучше.

Архіепископъ возразилъ:

— Зачѣмъ же вы обратились мыслію назадъ, пожелавши свинаго мяса въ котлахъ и чесночнаго луку, и всякой египетской пищи[2]), а манну возненавидѣли?

Послѣ этого началось преніе о Пресвятой Троицѣ:

Ерванъ говорилъ:

— Какимъ образомъ христіане исповѣдаютъ трехъ Боговъ: Отца, Сына и Святаго Духа, когда Богъ сказалъ при Синаѣ: **слы́ши, І҆и҃лю: гдⷭ҇ь бг҃ъ на́шъ, гдⷭ҇ь є҆ди́нъ є҆́сть, и҆ па́че є҆гѡ̀ нѣ́сть и҆́нъ бг҃ъ?**[3]) Противно Закону, слѣдовательно, поступаютъ христіане, почитая не Единаго Бога, а Трехъ!

Архіепископъ, возражая, говорилъ, что Единаго Бога мы почитаемъ, Творца всѣхъ, только въ трехъ Лицахъ—Отца, Сына и Св. Духа, во Единомъ же Божествѣ, и въ доказательство приводилъ сіи слова Давида: «**Сло́вомъ гдⷭ҇нимъ нб҃са̀ ᲂу҆твердѝшасѧ, и҆ дх҃омъ ᲂу҆́стъ є҆гѡ̀ всѧ̀ си́ла и҆́хъ**»[4]). Смыслъ этого изреченія,—изъяснялъ Григорій,—таковый: Господь есть Богъ Отецъ, Слово Его есть Богъ Сынъ, Духъ устъ Его—есть Богъ Духъ Святый;

---

[1]) Кн. Числъ, гл. 14, ст. 24; 30; гл. 26, ст. 65; гл. 32, ст. 1; Кн. Второзак., гл. 1, ст. 36.
[2]) Кн. Числъ, гл. 11, ст. 5.
[3]) Кн. Второз., гл. 6, ст. 4.
[4]) Псал. 32, ст. 6.

такъ открываются три Божественныя Лица, Божество же едино, ибо Сынъ и Духъ соестественъ, собезначаленъ, соприсносущенъ и сопрестоленъ Отцу. Также о крестѣ и смерти Господа приводились святымъ Григоріемъ противъ евреевъ ветхозавѣтныя Писанія, пророчества и предсказанія, какъ то: **и҆ бꙋ́детъ живо́тъ твой ви́сѧщъ пред̾ о҆чи́ма твои́ма**[1]): **пріиди́те и҆ вложи́мъ дре́во въ хлѣ́бъ є҆гѡ̀»**[2]),—и о томъ, что ковчегъ Ноя былъ прообразомъ креста, о садѣ Савека, въ которомъ агнецъ замѣнилъ при жертвоприношеніи Исаака[3]), о жезлѣ Іосифа, на конецъ коего поклонился Іаковъ[4]), о крестообразномъ благословеніи Іаковомъ сыновей Іосифа[5]), о жезлѣ Моѵсея, раздѣлившемъ море[6]), о поднятіи рукъ вверхъ Моѵсеемъ для побѣды надъ Амаликитянами[7]), о мѣдномъ змѣѣ, повѣшенномъ въ пустынѣ[8]), о древѣ, усладившемъ горькія воды въ Меррѣ[9]) и многія другія таинственныя предсказанія, находящіяся въ Законѣ. И продолжалось преніе до вечера; каждая изъ обѣихъ сторонъ сильно спорила и одна другой давала возраженія, однако побѣдителемъ во всѣхъ разсужденіяхъ явился архіепископъ, потому что чрезъ него говорилъ Святый Духъ, какъ сказано въ Писаніи: «**не вы́ бо глаго́лющіи, но дх҃ъ о҆ц҃а̀ глаго́лѧй въ ва́съ**»[10]). Такъ какъ насталъ вечеръ, а преніе еще не окончилось, то царь всталъ съ своего сѣдалища, также и архіепископъ, и собраніе разошлось, отложивъ бесѣду до утра. Евреи же окружили Ервана, радуясь, обнимая и цѣлуя его, восхваляя за то, что онъ достаточно сильно возражалъ противъ христіанъ. На это Ервань говорилъ имъ:

— Молитесь, чтобы Истинный Богъ помогъ намъ, такъ какъ вы сами видите, какой архіепископъ хитрый человѣкъ и какъ трудно одолѣть его.

Они же ободряли его, чтобы онъ безъ боязни и смѣло говорилъ съ нимъ. Утромъ снова собралось собраніе, и когда царь и архіепископъ явились и пришли также евреи съ Ерваномъ,

---

[1]) Кн. Второз., гл. **28**, ст. 66.
[2]) Кн. Прор. Іерем., гл. **11**, ст. 19.
[3]) Кн. Быт., гл. **22**, ст. 13.
[4]) Кн. Быт., гл. **47**, ст. 31.
[5]) Кн. Быт., гл. **48**, ст. 13—15.
[6]) Кн. Исх., гл. **14**, ст. 11—29.
[7]) Кн. Исх., гл. **17**, ст. 8—14.
[8]) Кн. Числъ, гл. **21**, ст. 4—9.
[9]) Кн. Исх., гл. **15**, ст. 22—26.
[10]) Еванг. отъ Матѳ., гл. **10**, ст. 20.

тогда вновь началось преніе, но ни въ тотъ день, ни въ третій, ни въ четвертый, ни даже въ пятый преніе не было окончено. Во всѣ эти дни на преніяхъ присутствовалъ царь со всѣмъ синклитомъ, съ удовольствіемъ слушая говорящихъ и радуясь о Богомъ дарованныхъ премудрости и разумѣ святѣйшаго архіепископа своего. И дѣйствительно, было что слушать и о чемъ помнить, когда толковались многія пророческія изреченія и изъяснялись многія таинственныя мѣста Писанія. Въ бесѣдѣ о воплощеніи Іисуса Христа и о Пречистой Дѣвѣ архіепископомъ приводились слова Пророка Исаіи: сѐ дв҃а во чре́вѣ зачне́тъ, и҆ роди́тъ сн҃а»[1]). На возраженіе Ервана, что Марія родила только простаго человѣка, а не Бога, архіепископъ отвѣчалъ такими словами: «и҆ нарече́ши и҆́мѧ є҆мꙋ̀ є҆мманꙋ́илъ: є҆́же є҆́сть сказа́емо, съ на́ми бг҃ъ»[2]).

Ерванъ говорилъ:

— Какъ женское чрево вмѣстило страшное величіе Божества?

Архіепископъ отвѣчалъ:

— Такъ же, какъ жилище Авраама вмѣстило Бога подъ Маврійскимъ дубомъ, когда Онъ пришелъ вкусить съ Авраамомъ[3]).

Ерванъ возразилъ:

— Какъ же огонь Божества не сожегъ женское тѣло?

Архіепископъ отвѣчалъ:

— Какъ огонь не сожегъ купины въ Синаѣ[4]), такъ и Божество не повредило дѣвственной утробы: Дѣва родила, и Дѣвою пребыла.

Ерванъ возразилъ:

— Рожденіе отъ Дѣвы было призрачное, а не на самомъ дѣлѣ, потому что невозможно, чтобы при рожденіи не повредиться утробѣ, и ясно для всѣхъ, что это невѣрно.

Архіепископъ отвѣчалъ:

— Въ то время, когда Аввакумъ вошелъ къ Даніилу въ львиный ровъ, а двери рва были заперты и запечатаны печатью, скажи мнѣ, какъ онъ вошелъ и вышелъ, не отворивъ дверей и не повредивъ печатей[5])?

По окончаніи пренія, на третій день, Ерванъ покушался бѣжать, но прочіе евреи удерживали его, говоря:

---

[1]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 7, ст. 14.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 1, ст. 23.

[3]) См.: Кн. Быт., гл. 18.

[4]) См.: Кн. Исходъ, гл. 3, ст. 2—4.

[5]) См.: Кн. Прор. Даніила, гл. 14, ст. 30—40.

— Если ты оставишь насъ, мы всѣ погибнемъ. Останься еще, всячески возражая,—неужели Богъ не поможетъ намъ? Если же мы и будемъ побѣждены въ преніи, то имѣемъ другіе способы сопротивленія, въ которыхъ насъ не смогутъ побѣдить.

Когда Ерванъ началъ во время пренія укорять христіанъ въ томъ, что они поклоняются иконамъ, и сталъ называть иконы—идолами, а кланяющихся имъ—идолопоклонниками и противниками Божьяго Закона, и говорилъ, «что Богъ заповѣдалъ не дѣлать кумировъ и всякаго подобія»[1]),—тогда архіепископъ спросилъ его:

— Когда во дни Ноя былъ потопъ, какимъ образомъ онъ спасся?

Ерванъ отвѣчалъ:

— Ковчегомъ, сдѣланнымъ изъ дерева.

Архіепископъ возразилъ:

— Могъ ли Богъ безъ ковчега спасти Ноя отъ потопа, или не могъ, какъ ты думаешь?

Ерванъ отвѣчалъ:

— Думаю, что могъ, потому что сказано, что у Бога все возможно.

Архіепископъ возразилъ:

— А если Богъ могъ, то зачѣмъ же потребовался ковчегъ для спасенія праведнаго? Не слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы Ной за свое спасеніе принесъ благодареніе ковчегу, а не Богу?

Ерванъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ—подобаетъ воздавать хвалу Богу, а не бездушному творенію.

Архіепископъ сказалъ:

— Однако ты вѣруешь, что бездушнымъ твореніемъ—ковчегомъ устроилъ Богъ спасеніе Ною. Такъ и намъ Богъ ниспосылаетъ чрезъ эти видимыя иконы благодать Свою, ибо, хотя онѣ и бездушны, однако назначены для нашего спасенія. Взирая на иконы, мы возносимся умомъ къ первообразному и подъемлемся на Богоугодную ревность: изображаемъ же мы не идола, а Господа Іисуса Христа по человѣчеству, а не по Божеству, которое неописуемо. И какъ Ной о своемъ спасеніи въ ковчегѣ принесъ благодареніе Богу, создавъ жертвенникъ, такъ и мы благодаримъ Христа Бога, написуя образъ Его, чтобы плотскимъ созерцаніемъ

---

[1]) Вторая заповѣдь Десятословія.

Его избавляться отъ мысленнаго потопа. Мы какъ бы другимъ ковчегомъ признаемъ Его человѣчество, чрезъ которое Онъ понесъ наши грѣхи, и, освятивъ насъ Своимъ Божествомъ, вознесъ на Небо. Того, Кто былъ зримъ тѣлесными очами, мы пишемъ красками, изображая пречистое подобіе Его человѣчества, и, подъ видомъ тѣлеснаго подобія, поклоняемся вмѣстѣ и Божеству Его, и почитаемъ въ Немъ подобающимъ поклоненіемъ равно Отца и Святаго Духа.

Ерванъ же, продолжая хулить святыя иконы, говорилъ:

— Удивляюсь я вашимъ христіанскимъ баснямъ, гласящимъ, что Богъ посылаетъ Свою благодать иконамъ, написаннымъ на стѣнахъ и доскахъ, никогда не ходившимъ и не говорившимъ.

Архіепископъ въ опроверженіе спросилъ:

— Скажи мнѣ, Ерванъ, зачѣмъ Богъ далъ милоти[1]) Иліи Свою благодать, которой не далъ Елисею, и предпочелъ бездушную милоть живому Пророку, такъ какъ Пророкъ не могъ самъ перейти чрезъ Іорданъ, но раздѣлилъ воды милотью и прошелъ посуху, и какого чуда не могъ совершить Елисей, то могла сдѣлать бездушная милоть[2]). Почему не Моисею, совершавшему чудеса въ Египетской землѣ, но его жезлу Богъ даровалъ чудодѣйственную силу и превратилъ имъ воду въ кровь, раздѣлилъ море и совершилъ многія другія, страшныя и славныя чудеса? Кромѣ того, скинія[3]), Ковчегъ Завѣта[4]), золотая стамна[5]) съ манною[6]), скрижали, и жезлъ Аароновъ, жертвенникъ, кадильница и семисвѣщникъ — всѣ они не имѣли ли Божіей благодати, хотя и были мертвыми, сдѣланными изъ видимыхъ и осязаемыхъ вещей человѣческими руками? Однако осѣняемы были Божіей славой, наполняемы и окружаемы облакомъ и недоступны были никому, кромѣ священ-

---

[1]) *Милоть* — овечья кожа, овчина; — верхняя одежда, мантія, плащъ.

[2]) См.: 4 Кн. Царствъ, гл. 2, ст. 13—15.

[3]) *Скинія* — походный храмъ Евреевъ, построенный ими во времена странствованія по пустынѣ по повелѣнію и указанію Господа и существовавшій у нихъ до построенія Соломономъ великолѣпнаго храма въ Іерусалимѣ.

[4]) *Ковчегъ Завѣта* — ящикъ, сооруженный Моисеемъ по повелѣнію Господа и находившійся въ скиніи. Ковчегъ Завѣта составлялъ святыню еврейскаго народа. Онъ былъ устроенъ изъ кедроваго дерева и окованъ — какъ внутри, такъ и снаружи — чистѣйшимъ золотомъ. Въ немъ хранились Скрижали (каменныя доски), на которыхъ были написаны заповѣди Десятословія, золотой сосудъ съ манною, которою питались Евреи во время странствованія по пустынѣ, и жезлъ Аароиа, давшій цвѣты.

[5]) *Стамна* — сосудъ, имѣвшій форму кувшина.

[6]) *Манна* — чудесная пища, которую Богъ ниспосылалъ съ Неба Евреямъ во время ихъ сорокалѣтняго странствованія по пустынѣ.

никовъ и левитовъ, и никто не могъ касаться ихъ, такъ какъ они были Божественны и святы. Если же такъ было въ Ветхомъ Завѣтѣ, то зачѣмъ удивляться въ Новомъ Завѣтѣ благодати, подаваемой святымъ иконамъ?

Ерванъ снова возразилъ:

— Въ Псалмахъ сказано: ї҆дѡли ꙗ҆зы́къ сребро̀ и҆ зла́то, дѣла̀ рꙋ́къ человѣ́ческихъ[1]): поэтому и иконы ваши суть идолы, ибо сдѣланы руками человѣческими.

Архіепископъ возразилъ:

— Я ничего не возражаю противъ того, что идолы язычниковъ, не знающихъ Бога,—суть идолы, такъ какъ они являются подобіемъ тѣхъ, которые безбожно во всякихъ сквернахъ провели жизнь: волхвы, чародѣи, убійцы, любодѣи, и всѣ они отъ такой жизни погибли злою смертію; на память о нихъ нѣкоторые и сдѣлали идоловъ, а послѣдующій родъ, прельщенный и ослѣпленный сатаною, обратилъ ихъ въ боговъ и кланяется имъ. Вы то же дѣлали, поклоняясь истуканамъ, приносили имъ въ жертву сыновей и дочерей, проливали неповинную кровь — кровь вашихъ сыновей и дочерей, которыхъ приносили въ жертву ханаанскимъ истуканамъ, которые суть идолы. А что мы теперь пишемъ изображенія святыхъ Божіихъ, то это не идолы, а честны́я иконы. Мы написуемъ образъ тѣхъ, которые знали Бога, вѣровали въ Него, угодили Ему правдою, были мужами честными, святыми и возлюбленными Богомъ и совершили Божіею благодатію множество чудесъ. Они воскрешали мертвыхъ, исцѣляли больныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, разслабленныхъ, очищали прокаженныхъ, изгоняли бѣсовъ, кончина ихъ была честна и память вѣчна и славна: ибо ч҃тна̀ пред̾ гдⷭ҇емъ сме́рть прⷣбныхъ є҆гѡ̀, и па́мѧть прⷣбнагѡ съ похвала́ми, и въ па́мѧть вѣ́чнꙋю бꙋ́детъ прⷣбникъ[2]).

Когда Ерванъ опять такъ злословилъ, что иконы ничѣмъ не отличаются отъ идоловъ, архіепископъ сказалъ:

— Твоя одежда, Ерванъ, и скинія — обѣ сдѣланы изъ шерсти и льна, а равную ли онѣ имѣютъ силу? Твой жезлъ и жезлъ Аарона прозябшій имѣютъ ли одинаковую честь? Кувшинъ,—который дома у тебя, и стамна (сосудъ) съ манной—равны ли они? Ящикъ, въ которомъ ты кладешь потребное для тѣла, и Ковчегъ Завѣта—равную ли имѣютъ славу? Огонь и елей, который ты

[1]) Псал. 113, ст. 12.

[2]) Псал. 115, ст. 6. Псал. 111, ст. 6.

возжигаешь въ домѣ для освѣщенія, сравнишь ли ты съ золотымъ семисвѣщникомъ? Домъ, въ которомъ живешь, и храмъ, построенный Соломономъ,—уподобишь ли одинъ другому? Никоимъ образомъ, но несравненно больше почитаешь все это, потому что на тѣхъ пребывала иногда Божественная благодать. Такимъ образомъ уразумѣй и то, что иное есть идолъ—образъ сквернаго лица, низверженнаго во адъ, и иное есть икона святаго угодника Божія, отъ которой изливается намъ Божественная благодать Господня по молитвамъ на ней изображеннаго.

Ерванъ говорилъ и объ Ангелахъ, что они безплотны, какъ написано: творѧ́й а҆́гг҃лы своѧ̑ дꙋ́хи[1]), и что, тѣмъ не менѣе, христіане, не стыдясь, пишутъ ихъ на иконахъ, придавая безплотнымъ духамъ плотское изображеніе. На это архіепископъ отвѣчалъ:

— Ты не знаешь, что говоришь, ибо мы отъ васъ же самихъ научились писать Ангеловъ.

Ерванъ возразилъ:

— Никогда у насъ не было этого.

Архіепископъ спросилъ:

— Ты изучилъ весь Ветхій Завѣтъ, и не узналъ этого?

Ерванъ возразилъ:

— Клянусь Господомъ, что не знаю, чтобы когда-нибудь у насъ были написаны и почитаемы изображенія Ангеловъ!

Архіепископъ сказалъ на это:

— Поистинѣ, вы начали это дѣло: когда Соломонъ построилъ храмъ Богу, то не сдѣлалъ ли надъ святилищемъ Херувимовъ славы, осѣняющихъ алтарь? А также и надъ первыми дверями святилища, и надъ вторыми —не поставилъ ли Херувимовъ? Да и въ скиніи, устроенной Моисеемъ,—развѣ не было изображеній Херувимовъ надъ Ковчегомъ Завѣта, а также и на завѣсахъ не вышиты ли были лица Херувимовъ, и всѣ эти изображенія Ангеловъ не были ли вмѣстѣ со скиніею и храмомъ чтимы вами? Если же вы, изобразивши безтѣлесныя существа, почтили ихъ, то зачѣмъ укоряете насъ, изображающихъ и почитающихъ лица тѣхъ святыхъ, которые во плоти угодили Богу.

Это и многое сему подобное говорилось въ четвертый день пренія; когда же наступилъ вечеръ и царь съ архіепископомъ

[1]) Псал. 103, ст. 4.

встали со своихъ мѣстъ, то собраніе разошлось въ ожиданіи, что утромъ преніе будетъ окончено и возможно будетъ видѣть торжество побѣдителя. Евреи радовались за Ервана, что онъ хорошо отвѣчалъ и давалъ вопросы архіепископу, и, ободряя его, говорили ему:

— Ты хорошо подвизаешься, не бойся, но еще крѣпче стой, ибо мы видимъ, что Богъ съ тобой, не страшись сердцемъ, такъ какъ, видно, царь васъ обоихъ съ удовольствіемъ слушаетъ.

Ервань же отвѣчалъ къ нимъ:

— Братія, тотъ мужъ, какъ я вижу, много превосходитъ меня разумомъ и искусствомъ говорить, и мнѣ невозможно побѣдить его; вы сами слышали, какъ всѣ мои разсужденія, опровергнувъ и посрамивъ, онъ сдѣлалъ ничтожными.

Утромъ же очень рано, когда мудрѣйшіе евреи вновь пришли къ Ервану, онъ сказалъ имъ:

— Братія, по правдѣ вамъ скажу, что я буду побѣжденъ архіепископомъ, потому что ночью въ видѣніи я увидѣлъ Моисея и Іисуса, о Которомъ у насъ былъ споръ. Я видѣлъ ихъ какъ бы стоящихъ на кровлѣ какого-то святилища и бесѣдующихъ; и я видѣлъ Моисея кланяющимся Іисусу и держащимъ свои руки пригнутыми къ груди, какъ бы имѣя ихъ связанными, и со страхомъ предстоящимъ предъ Іисусомъ, какъ предъ своимъ Господомъ Богомъ. Я изумился этому и, когда открылись уста мои, сказалъ:

— Господине Моисей, хорошо ли то, что ты дѣлаешь?

Онъ же, обратившись, остановилъ меня, говоря:

— Перестань, не грѣшу я, поклоняясь моему Владыкѣ, такъ какъ я не изъ подобныхъ тебѣ и исповѣдаю моего Творца и Господа. Зачѣмъ ты затрудняешь праведнаго архіепископа, противляясь истинѣ? Въ наступающій же день ты будешь побѣжденъ имъ и поклонишься, какъ и я, Господу Іисусу Христу.

Это я видѣлъ, братія, а что̀ значитъ, не знаю, однако я буду продолжать возражать архіепископу, настаивая на нашемъ Законѣ до тѣхъ поръ, пока Самъ Богъ устроитъ такъ, какъ хочетъ.

Многіе, услышавъ это, усумнились и были въ недоумѣніи. Когда же насталъ день и устроился Соборъ, явился царь съ синклитомъ, архіепископъ съ клиромъ и стеклось множество народа,—предсталъ и Ервань съ помогавшими ему законоучителями, и опять началось преніе, какъ и въ прежніе дни. Одинъ

ученый нотарій[1]) архіепископа, котораго онъ привелъ съ собою изъ Александріи, будучи скорописцемъ, присутствуя тамъ, записывалъ всѣ рѣчи, произносимыя и архіепископомъ, и Ерваномъ. При помощи Св. Духа, дѣйствовавшаго въ устахъ архіепископа, сторона противныхъ побѣждалась, напа же о Господѣ препобѣждала. Архіепископъ во всѣхъ разсужденіяхъ являлся побѣдителемъ, а Ерванъ ослабѣвалъ, ослабѣвали и помогавшіе ему еврейскіе законоучители; однако злоба ослѣпила ихъ, ушами они плохо слышали, и глаза ихъ закрыты были отъ Истины. И нужно было, чтобы послѣ словъ святителя послѣдовала сила вѣры и чудо, которое бы обличило ожесточенныхъ злобою и устыдило бы невѣріе ихъ, что дѣйствительно и случилось слѣдующимъ образомъ.

Когда Ерванъ въ преніи уже окончательно побѣждался, то вскричалъ:

— Зачѣмъ мы теряемъ время въ долгихъ разсужденіяхъ! Я разрѣшу это преніе. Если хочешь, архіепископъ, чтобы я вѣровалъ въ Іисуса,—что Онъ Истинный Богъ, покажи мнѣ Его живаго, чтобы я видѣлъ Его, говорилъ съ Нимъ, и тогда я признаю, что вы, христіане, одолѣли и побѣдили насъ.

Когда Ерванъ сказалъ это, собраніе евреевъ закричало:

— Умоляемъ тебя, учитель, не прельщайся, чтобы тебѣ не стать христіаниномъ, мужайся больше и крѣпись въ истинѣ, ты же знаешь, что нѣтъ ничего болѣе истиннаго, какъ Единый Богъ отцовъ нашихъ.

Ерванъ съ гнѣвомъ сказалъ имъ:

— Что вы говорите пустое? Слышите, если онъ увѣритъ меня, что Тотъ, о Которомъ предсказали Пророки, существуетъ, то чего же еще хотите ожидать?

Архіепископъ, видя, что онъ говоритъ искренно, а не льстиво, сказалъ ему:

— Ерванъ, великое ты вносишь искушеніе и выше силъ твое прошеніе, потому что ты просишь не людей, но Бога; однако для того, чтобы увѣровалъ ты и находящіеся съ тобою и чтобы утвердились сердца вѣрующихъ, Богъ силенъ и это сотворитъ. Только скажи окончательно: какъ ты желаешь, чтобы я увѣрилъ тебя?

---

[1]) *Нотарій*—скорописецъ; этимъ именемъ назывались какъ императорскіе секретари, которые вели протоколы самыхъ важныхъ государственныхъ совѣщаній, такъ и секретари патріарховъ.

Ерванъ отвѣчалъ:

— Умоли твоего Владыку: если Онъ есть на Небѣ, какъ ты говоришь, пусть сойдетъ сюда и явится мнѣ, чтобы я бесѣдовалъ съ Нимъ, и клянусь Господомъ, что тотчасъ увѣрую въ Него и крещусь.

Когда Ерванъ произнесъ это, то все множество евреевъ закричало:

— Дѣйствительно, архіепископъ, докажи намъ на дѣлѣ истинность словъ твоихъ, покажи намъ твоего Христа, чтобы мы, не имѣя что отвѣчать, со страхомъ увѣровали въ Него.

И всѣ съ криками пристали къ святому Григорію, чтобы онъ показалъ имъ Христа осязательно, если Онъ живъ по Своемъ распятіи и смерти. Потомъ евреи стали говорить между собою:

— Если архіепископъ покажетъ намъ Христа своего, то что намъ дѣлать? Горе намъ, противъ желанія мы должны будемъ сдѣлаться христіанами.

Другіе же говорили:

— Если онъ покажетъ Христа, то почему не увѣровать въ Него?

Нѣкоторые же такъ говорили:

— Какъ возможно показать Того, Кто, какъ убитый человѣкъ, умеръ, и столько лѣтъ прошло со дня Его смерти? Гдѣ же найдется тѣло и духъ Его, когда всѣ кости и жилы въ гробѣ давно разсыпались?

Архіепископъ, разсуждая о важности дѣла и видя ихъ сильное настояніе, всею душою своею положился на Господа и размышлялъ про себя, что если онъ не умолитъ Владыку Христа объ исполненіи просьбы ихъ, то тогда сильно восторжествуетъ сторона противная, евреи явятся побѣдителями, а христіане какъ бы побѣжденными, и будутъ враги насмѣхаться и поносить христіанъ. И съ надеждою сказалъ еврейскому сонмищу:

— Если пожелаетъ Христосъ, то я буду имѣть возможность показать Его вамъ. Но вы хорошо знаете, что если я вамъ покажу Его и вы не пожелаете увѣровать въ Него, то тотчасъ мечъ погубитъ всѣхъ васъ; если же я, по недостоинству своему, не возмогу показать вамъ Господа Своего, то дальше поступайте по своей волѣ.

Евреи, услыхавъ это, сдѣлались печальными и вмѣстѣ съ тѣмъ радостными: печальными потому, что боялись, что если онъ имъ

покажетъ Христа, то они должны будутъ, противъ желанія, вѣровать въ Него; радостными же—въ надеждѣ, что онъ не покажетъ Христа имъ, и тогда они свободно останутся въ своей вѣрѣ. Но пріятны были слова архіепископа Ервану и съ нимъ находящимся мудрѣйшимъ законоучителямъ; они говорили между собою:

— Невозможно, чтобы человѣкъ, убитый нашими отцами, умершій и запечатанный во гробѣ, украденный своими учениками, спустя 500 лѣтъ могъ быть живымъ.

Святый Григорій, зная слова Господа, сказанныя въ Евангеліи: «а҆́ще и҆́мате вѣ́рꙋ ꙗ҆́кѡ зе́рно горꙋ́шно, рече́те горѣ̀ се́й: прейди̇̀ ѿсю́дꙋ та́мѡ: и҆ пре́йдетъ: и҆ ничто́же не возмо́жно бꙋ́детъ ва́мъ»[1]), и храня ихъ въ умѣ, имѣя притомъ непоколебимую вѣру въ Бога и крѣпко уповая на Него, всталъ со своего мѣста и отошелъ немного—на болѣе удобное для молитвы мѣсто. Царь же со всѣмъ народомъ изумлялся и дивился такому великому дерзновенію къ Богу и вѣрѣ архіепископа, что онъ осмѣливается на такое страшное дѣло, и со страхомъ ожидалъ, что произойдетъ. Святитель, отойдя немного отъ собранія, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и сталъ на молитву. Смиренно преклонивъ колѣна и весь устремившись къ Небу, онъ долго и громко молился во всеуслышаніе всѣхъ присутствовавшихъ, вспоминая всѣ тайны воплощенія Бога Слова и всю жизнь Христа среди людей, начиная съ рождества—до вольныхъ страданій, креста, смерти, тридневнаго воскресенія и вознесенія на Небо. И наконецъ сказалъ:

— Яви Себя, Владыко, живымъ этимъ окаменѣлымъ и ослѣпленнымъ злобою людямъ, яви ради Твоего Святаго Имени, и пусть они глазами увидятъ Твое животворное человѣчество, въ Которое Ты облекся насъ ради и съ Которымъ вознесся на Небо, чтобы, увидѣвши Тебя, они увѣровали въ Тебя—Истиннаго Бога и въ пославшаго Тебя—Отца и Святаго Духа.

Когда онъ оканчивалъ молитву и всѣ со вниманіемъ смотрѣли на него, вдругъ сдѣлалось землетрясеніе и послышался громъ страшный съ востока, такъ что поколебалась земля, и всѣ упали отъ страха. Когда же всѣ, оправившись отъ страха, понемногу встали и подняли глаза къ востоку, то увидѣли, что разверзлось небо и свѣтлое облако съ огненнымъ пламенемъ и солнечными лучами спускалось оттуда на землю. Среди облака видѣнъ

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 17, ст. 20.

былъ Мужъ, прекраснѣйшій всѣхъ сыновъ человѣческихъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, невыразимо сіяющій лицемъ и свѣтящій молніевидными одеждами. Особеннымъ движеніемъ, ступая по облаку, Онъ приближался къ землѣ и сталъ вверху противъ архіепископа на облакѣ, привлекая глаза и сердца всѣхъ къ Себѣ Своею красотою, которую языкъ высказать не можетъ. Отъ страха Его славы, на которую смотрѣть невыносимо, какъ нѣкогда на Ѳаворѣ ученики, такъ пали всѣ ницъ на землю — и царь съ вельможами, и весь народъ отъ мала до велика; іудеи же, объятые великимъ трепетомъ, бросаясь туда и сюда, устремились бѣжать, такъ какъ озареніе Божественнаго свѣта опалило ихъ, и слава Господа, видѣть которую они не могли, великимъ страхомъ охватила ихъ. Но не могли они ни бѣжать ни даже двинуться съ мѣста, потому что невидимая сила держала ихъ. Архіепископъ же, укрѣпленный свыше, громко воззвалъ къ Ервану:

— Ерванъ, вотъ Тотъ, о Комъ много словесныхъ сказаній ты слышалъ, смотри на Него и увѣруй, что Единъ Святъ, Единъ Господь, Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца, аминь.

Ерванъ же помертвѣлъ и не могъ ничего отвѣтить. И слышанъ былъ гласъ Господень:

— Ради молитвы епископа исцѣляетъ васъ Распятый вашими отцами.

Услышавъ этотъ гласъ, всѣ еще болѣе затрепетали и упали на землю, объятые ужасомъ. И какъ нѣкогда Савлъ, по пути въ Дамаскъ, когда его облисталъ свѣтъ съ Неба и раздался голосъ свыше, упалъ на землю и съ открытыми глазами ничего не видѣлъ [1]), такъ ослѣпли и они; хотя глаза ихъ были открыты, однако они ничего не видѣли, а только скорбѣли и горько рыдали. Послѣ совершившагося слышенъ былъ предъ лицемъ Господнимъ какой-то Божественный шумъ, и свѣтлое облако, бывшее подъ стопами Господа, скрыло Его отъ глазъ всѣхъ; оно постепенно сгущалось со всѣхъ сторонъ въ слѣдъ Его, когда Онъ поднимался выше, до тѣхъ поръ, пока Божественная слава не исчезла въ Небѣ и все видѣнное не скрылось отъ глазъ. Царь и всѣ христіане дерзновенно долгое время въ слѣдъ Господа взывали:

— Господи, помилуй!

---

[1]) Кн. Дѣян. Апост., гл. 9, ст. 3—8.

Честный же архіепископъ лежалъ лицомъ на землѣ, со слезами вознося за людей моленіе Господу. Послѣ этого всѣ, собравшіеся на Соборъ — царь съ синклитомъ и народъ, стали почитать архіепископа Григорія съ особеннымъ уваженіемъ и благоговѣніемъ, изумляясь его святости и силѣ молитвы. Евреи же спрашивали другъ друга:

— Братъ, видишь ли что-нибудь?

И отвѣчалъ каждый:

— Ничего не вижу.

И всѣ воскликнули къ Ервану:

— Учитель, что намъ дѣлать?

Ерванъ отвѣчалъ:

— Одни ли вы ослѣпли, увидѣвъ Бога христіанскаго, или христіане также пострадали?

Христіане, слыша это, сказали:

— Мы благодатію Христа хорошо видимъ, и наши глаза теперь здоровѣе, чѣмъ были, вы же одни слѣпы за ваше невѣріе. **Бг҃ъ ѿмщéнїй гдⷭ҇ь, бг҃ъ ѿмщéнїй не ѡ҆бинꙋ́лсѧ є҆́сть**[1]), Онъ уничтожилъ зрѣніе ваше, такъ какъ вы, будучи недостойными, видѣли Его.

Тогда Ерванъ со всѣми евреями сталъ умолять со слезами архіепископа, чтобы онъ исцѣлилъ ихъ ослѣпленные глаза и преподалъ Святое Крещеніе. Архіепископъ спросилъ ихъ: искренно ли они вѣруютъ въ Господа Іисуса Христа? И всѣ засвидѣтельствовали, что вѣруютъ съ убѣжденіемъ. Сейчасъ же архіепископъ и бывшіе съ нимъ епископы и пресвитеры огласили ихъ и приступили къ совершенію Таинства Крещенія. Когда евреи входили въ святую купель[2]), тотчасъ съ глазъ ихъ отпадала какъ бы нѣкая чешуя, и всѣ прозрѣвали и тѣлесными, и духовными очами, «**сéрдцемъ вѣ́рꙋюще въ прáвдꙋ, оу҆сты́ же свои́ми, гдⷭ҇а нáшего і҆и҃са хрⷭ҇та̀, и҆сповѣ́дающе во сп҃сéнїе**»[3]), и всѣ были крещены во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, начиная съ Ервана, у коего самъ царь былъ воспреемникомъ отъ купели и которому дано было въ Святомъ Крещеніи имя—Левъ; царь присоединилъ его къ своему синклиту, сдѣлавъ его патриціемъ[4]) — какъ человѣка умнаго и до-

---

[1]) Псал. 93, ст. 1.

[2]) *Купель*—сосудъ, употребляемый при совершеніи Таинства Крещенія.

[3]) Посл. къ Римлян., гл. 10, ст. 10.

[4]) Т. е. причислилъ къ высшему сословію, соотвѣтстаовавшему нашему родовитому дворянству.

стойнаго чести. Ерванъ сильно раскаявался въ своемъ первоначальномъ заблужденіи и съ ужасомъ изумлялся, непрестанно вспоминая въ умѣ явленіе Господа.

— Какъ это,—говорилъ онъ,—живъ Господь Іисусъ Христосъ, Котораго наши отцы распяли и погребли и Который, какъ мы думали, мертвъ?

И со слезами восклицалъ:

— Господи Іисусе Христе, Сыне Бога Живаго! Прости мнѣ, что я согрѣшилъ въ своемъ невѣдѣніи.

Святаго же архіепископа Ерванъ почиталъ, какъ Ангела Божія, и не желалъ разлучиться съ нимъ. Такъ Омиритская страна просвѣтилась свѣтомъ святой вѣры; по всѣмъ городамъ и селамъ были крещены не только іудеи, но и язычники. И была радость великая по всей странѣ; вмѣстѣ съ людьми и Ангелы радовались о таковомъ обращеніи и покаяніи душъ человѣческихъ, и прославляемъ былъ Богъ, желающій всѣмъ людямъ спасенія.

Потомъ святый архіепископъ Григорій посовѣтовалъ царю, чтобы онъ повелѣлъ іудеямъ не жить вмѣстѣ, но селиться съ христіанами, дабы они не устраивали тайныхъ собраній и совѣщаній. Царь издалъ такой законъ:

«Пусть никто изъ евреевъ не беретъ своей дочери мужа изъ еврейскаго рода, но чтобы бралъ въ зятья изъ христіанъ, и сынъ еврея—чтобы не бралъ невѣсту изъ еврейскихъ дочерей, но чтобы искалъ христіанскую; если же кто осмѣлится нарушить законъ, тотъ подлежитъ усѣченію мечомъ.

Архіепископъ сдѣлалъ это для того, чтобы еврейскій народъ, смѣшавшись съ христіанами, чрезъ нѣсколько лѣтъ совсѣмъ забылъ древнюю ветхозавѣтную вѣру и обычаи. Вездѣ была тишина, полное смиреніе и благочестіе свѣтилось повсюду; царь съ архіепископомъ усердно трудились предъ Богомъ, совершая всенощныя славословія Владыкѣ Христу, заботясь о спасеніи человѣческихъ душъ и управляя царствомъ милостиво и правдиво. Благочестивый царь Аврамій, проживъ въ Омиритской странѣ 30 лѣтъ, умеръ, извѣщенный о днѣ своей смерти святымъ Григоріемъ, и былъ съ честію погребенъ въ городѣ Афарѣ. Немного спустя послѣ смерти царя святый отецъ нашъ Григорій, соблюдши свое стадо, утвердивши вѣру на основаніи Апостоловъ и Пророковъ и сотворивъ много знаменій и чудесъ во славу Божію, кончилъ свою жизнь 19 декабря и съ честію положенъ былъ въ

томъ же городѣ въ усыпальницѣ Великой церкви[1]). Вся Омиритская страна рыдала о немъ, а всего болѣе—крещеные іудеи, потому что онъ былъ отцомъ добрымъ и милостивымъ, пріятнымъ для людей и угоднымъ для Бога, предъ Которымъ святый Григорій и предсталъ въ числѣ другихъ святыхъ іерарховъ, славя съ ними Отца, Сына и Святаго Духа во вѣки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ИЛІИ, ПРОВА и АРИСА

Святые Илія, Провъ и Арисъ происходили изъ Египта. Они исповѣдывали христіанскую вѣру и по ревности къ славѣ Божіей посѣщали страдальцевъ за Христа, заключенныхъ въ темницахъ, утѣшая ихъ среди мученій и вылѣчивая ихъ отъ ранъ. Однажды они пошли въ страну Киликійскую[2]) и при входѣ въ городъ Аскалонъ[3]) у самыхъ городскихъ воротъ задержаны были свирѣпыми невѣрными стражами, которые сочли ихъ за соглядатаевъ и представили къ князю Фирмиліану. На допросѣ предъ княземъ они объявили себя христіанами и за то подверглись жестокимъ мученіямъ. Святый Арисъ первый подвергся многочисленнымъ пыткамъ и преданъ былъ на сожженіе огнемъ. Затѣмъ истязанъ былъ святый Провъ и усѣченъ мечомъ. Наконецъ, послѣ многихъ мученій, усѣченъ былъ мечомъ также и святый Илія[4]).

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ПОЛІЕВКТА и ТИМОѲЕЯ

Святый мученикъ Поліевктъ былъ родомъ изъ Кесаріи[5]), гдѣ онъ съ большимъ успѣхомъ проповѣдывалъ о Христѣ, обращая многихъ невѣрующихъ отъ идолослуженія въ святую вѣру христі-

[1]) *Святый Григорій* скончался около 552 года.

[2]) *Киликія*—юго-восточная береговая область Малой Азіи.

[3]) *Аскалонъ*—древній городъ Филистимскій, въ Палестинѣ, при Средиземномъ морѣ.

[4]) Всѣ сіи мученики пострадали въ 308 году.

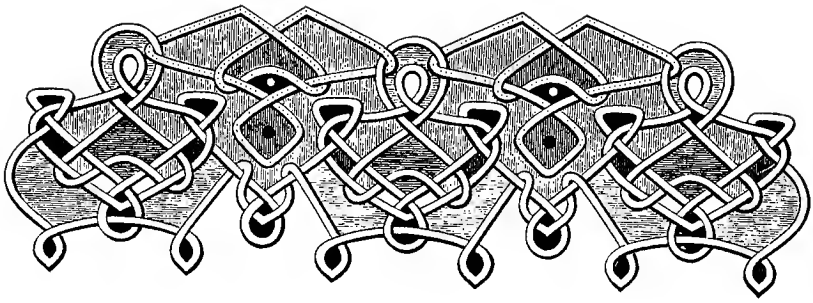
[5]) Здѣсь разумѣется *Кесарія Каппадокійская*, въ восточной части Малой Азіи.

анскую. За свою проповѣдь онъ былъ схваченъ и ввергнутъ въ темницу. Послѣ непрестанныхъ увѣщаній отречься отъ Христа онъ былъ раздираемъ по всему тѣлу желѣзными когтями; затѣмъ разбили ему челюсть и бросили въ раскаленную печь.

Въ то же время въ Мавританіи[1]) съ успѣхомъ проповѣдывалъ вѣру Христову діаконъ Тимоѳей. За сіе онъ преданъ былъ многимъ и тяжкимъ страданіямъ. Онъ былъ вверженъ въ темницу, томимъ голодомъ и жаждою и, выведенный изъ заключенія, послѣ тщетныхъ увѣщаній принести жертву идоламъ взошелъ съ молитвою на приготовленный для него пылавшій костеръ и предалъ духъ свой Богу. Мощи его положены были вѣрующими съ честію въ области Мавританской[2]).

[1]) *Мавританія*—римская побережная провинція на сѣверѣ Африки.

[2]) Святые мученики Поліевктъ и Тимоѳей діаконъ пострадали въ началѣ IV вѣка.



День двадцатый

СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ИГНАТІЯ БОГОНОСЦА

Въ то время, какъ Траянъ вступилъ на римскій престолъ[1]), епископомъ въ Антіохійской Церкви былъ святый Игнатій, Богоносецъ по своему прозванію и дѣламъ, принявшій епископію послѣ святаго Евода, преемника Апостола Петра[2]). О семъ божественномъ Игнатіи Богоносцѣ разсказывается, что когда онъ былъ младенцемъ[3]), а Господь Іисусъ Христосъ жилъ на землѣ съ людьми и училъ народъ о Царствіи Божіемъ, однажды родители Игнатія, стоя среди народа, слушали Словеса Божіи, исходящія изъ устъ Спасителя, имѣя при себѣ и свое дитя. Взгля-

[1]) *Императоръ Траянъ* царствовалъ съ 98 по 117 годъ.

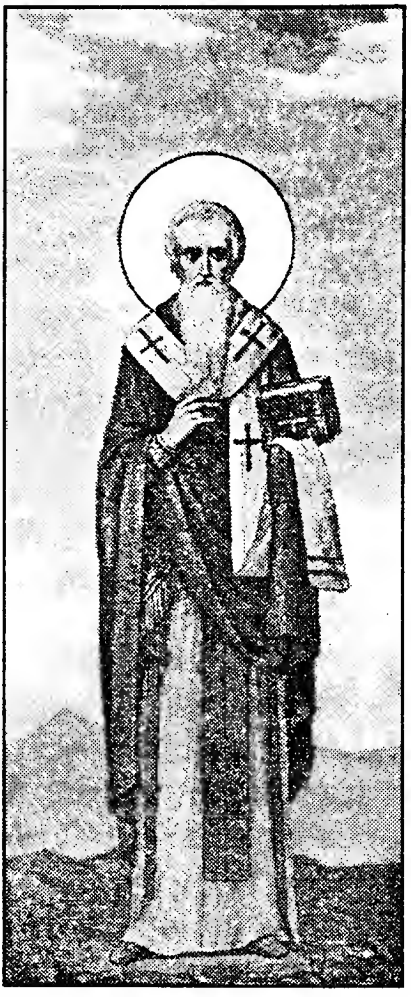
[2]) Въ тѣ времена *Антіохія,* великолѣпная столица Сиріи, была городомъ, послѣ Рима, величайшимъ въ предѣлахъ Римской имперіи и имѣла около 200 000 жителей. Она была поприщемъ проповѣдническихъ трудовъ св. Апостоловъ Петра и Павла; а по смерти ихъ ея коснулась и дѣятельность св. Апостола Іоанна въ Малой Азіи. Теперь Антіохія представляетъ собою бѣдный городокъ Антакіэ въ Азіатской Турціи, лежащій верстахъ въ 10 отъ моря.— *Св. Апостолъ Петръ* управлялъ Антіохійскою Церковію съ 47 по 57 г., преемникъ его, *св. апостолъ Еводъ,*—по 68 г., *св. Игнатій Богоносецъ*—съ 68 по 107 г.

[3]) О мѣстѣ и времени рожденія св. Игнатія и о его первоначальномъ воспитаніи нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Родомъ онъ былъ сиріецъ, сирское его имя *Нуроно* означаетъ «огненный», то же значитъ и *Игнатій*—имя, считающееся производнымъ отъ латинскаго слова ignis—огонь.

нувъ на нихъ, Господь позвалъ къ себѣ отрока Игнатія, поставилъ его среди народа, обнялъ его и, взявъ на руки, сказалъ:

—«А҆́ще не ѡ҆братите́сѧ, и҆ не бꙋ́дете, ꙗ҆́кѡ дѣ́ти, не вни́дете въ цр҃ство нб҃ное», и «и҆́же а҆́ще прїи́метъ ѻ҆́троча таково̀ во и҆́мѧ моѐ, менѐ прїе́млетъ»[1]).

Такъ святый Игнатій и былъ названъ Богоносцемъ, потому что онъ былъ носимъ руками Воплощеннаго Бога, а также и потому, что онъ носилъ Бога въ сердцѣ своемъ и въ устахъ[2]), будучи сосудомъ, подобнымъ святому Апостолу Павлу, сосуду избранному, чтобы носить имя Божіе предъ народами и царями. Онъ былъ сначала ученикомъ святаго Іоанна Богослова[3]), вмѣстѣ со святымъ Поликарпомъ, епископомъ Смирнскимъ[4]). Затѣмъ совѣтомъ всѣхъ святыхъ апостоловъ онъ былъ поставленъ епископомъ въ Антіохіи, гдѣ ранѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, появилось имя христіанское[5]). Принявъ управленіе



Сщ҃енномч҃никъ
І҆гна́тїй

[1]) Еванг. отъ Матѳея, гл. 18, ст. 3 и 5; Еванг. отъ Марка, гл. 9, ст. 37; Еванг. отъ Луки, гл. 9, ст. 48.

[2]) Названіе *Богоносецъ* (θεόφορος), которое придавали святому Игнатію другіе и самъ онъ употреблялъ о себѣ въ посланіяхъ, по его собственному объясненію, означало человѣка, «имѣющаго Христа въ сердцѣ». Сказаніе о томъ, что Іисусъ Христосъ держалъ святаго Игнатія на рукахъ, встрѣчается впервые у Симеона Метафраста, откуда перешло и въ Четьи-Минеи святаго Димитрія. Этимъ сказаніемъ прозваніе святаго Игнатія θεόφορος, т. е. носящій Бога, измѣнено въ θεοφόρος, т. е. носимый Богомъ.

[3]) Святый *Григорій Двоесловъ* пишетъ о святомъ Игнатіи, что онъ былъ также слушателемъ Апостола Петра, другіе—Апостола Павла. Святымъ Іоанномъ Златоустомъ святый Игнатій названъ «общникомъ Апостоловъ и въ рѣчахъ, и въ томъ, что неизреченно» (см. 42-ю бесѣду—О святомъ Игнатіи).

[4]) Поставленный святымъ Апостоломъ Іоанномъ во епископа Смирнскаго, святый Поликарпъ находился въ тѣсной дружбѣ со святымъ Игнатіемъ и дѣлилъ заботы его о церквахъ Божіихъ, а по смерти его остался «вождемъ цѣлой Азіи». Память *св. Поликарпа* празднуется 23 февраля.

[5]) Въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ (гл. 11, ст. 26) сказано объ ап. Варнавѣ и Павлѣ, что, когда они прибыли въ Антіохію, «бы́сть же и҆̀мъ лѣ́то цѣ́ло собира́тисѧ въ це́ркви, и҆ ᲂу҆чи́ти наро́дъ мно́гъ, нарещи́ же пре́жде во а҆нтїохі́и ᲂу҆ченикѝ хрїстїа́ны» (гл. 11, ст. 26).

Церковью, онъ не щадилъ силъ своихъ для проповѣди благочестія, являя во всемъ апостольскую ревность. Сей святый іерархъ установилъ въ Церкви пѣть божественныя пѣсни на два лика, или хора, подобно ликамъ Ангельскимъ, ибо, сподобившись Божественнаго откровенія, онъ видѣлъ, какъ Ангельскіе лики пѣли попеременно: когда одинъ пѣлъ, то другой молчалъ, когда же пѣлъ другой, то первый слушалъ; когда одинъ кончалъ пѣсни, другой начиналъ; такимъ образомъ ангельскіе лики прославляли Святую Троицу, какъ бы передавая другъ другу пѣснопѣнія. Получивъ такое откровеніе, святый Игнатій установилъ сей порядокъ священныхъ пѣснопѣній сначала въ своей Антіохійской Церкви, а отсюда сей прекрасный чинъ былъ принятъ и во всѣхъ Церквахъ[1]). Сей Богоносный архіерей былъ добрымъ правителемъ церковныхъ чиновъ, совершеннымъ служителемъ Христовыхъ Таинствъ[2]), а послѣ и мученикомъ, отданнымъ на съѣденіе звѣрямъ, о чемъ будетъ сказано далѣе.

Въ тяжелой войнѣ со Скиѳами[3]) царь Траянъ одержалъ побѣду. Полагая, что онъ сталъ побѣдителемъ враговъ при помощи своихъ языческихъ боговъ, Траянъ пожелалъ за это возблагодарить ихъ повсемѣстными жертвами, дабы и въ будущее время боги благополучно устрояли его войны и царствованіе. Тогда воздвиглось сильное гоненіе на христіанъ. Царь узналъ, что христіане не только не желаютъ принести жертвы языческимъ богамъ, но и хулятъ ихъ, обличая ихъ ложность, и потому повелѣлъ повсюду убивать христіанъ, не повинующихся его повелѣнію. Когда же сей царь отправился на другую войну—противъ Армянъ и Парѳянъ, то пришлось быть ему въ Антіохіи, и тутъ святый Игнатій Богоносецъ былъ оклеветанъ предъ нимъ за то, что Христа, осужденнаго Пилатомъ на смерть и распятаго на крестѣ, онъ почитаетъ какъ Бога и установляетъ законы о сохраненіи дѣвства,

---

[1]) О семъ свидѣтельствуетъ церковный историкъ Сократъ. Это такъ называемое антифонное пѣніе, употребляемое и нынѣ на церковныхъ Богослуженіяхъ и состоящее изъ ветхозавѣтныхъ Псалмовъ или извѣстныхъ ихъ частей, исполняемыхъ попеременно двумя хорами, стихъ за стихомъ.

[2]) Въ продолженіе сорокалѣтняго правленія Церковію святый Игнатій былъ, по словамъ св. Іоанна Златоуста, образцомъ добродѣтелей. Въ гоненіе Домиціаново (95—96 г.) онъ, какъ пишутъ ученики его, «кормиломъ молитвъ и поста, неутомимостію въ ученіи, ревностію духа противодѣйствовалъ волненію, чтобы не потонулъ кто-либо изъ малодушныхъ или неопытныхъ»... Во время бѣдствій и послѣ того «священникъ Божій просвѣщалъ душу каждаго объясненіемъ Писанія».

[3]) Это было въ 106 году.

о презрѣніи къ богатству и всему, что пріятно въ жизни[1]). Услыхавъ о семъ, Траянъ призвалъ святаго и предъ всѣмъ своимъ синклитомъ сказалъ ему:

— Ты ли, называемый Богоносцемъ, противишься нашему повелѣнію и развращаешь всю Антіохію, ведя ее вслѣдъ своего Христа?

Божественный Игнатій отвѣчалъ:

— Да, это я.

Царь спросилъ:

— Что значитъ названіе твое — *Богоносецъ*?

Святый отвѣчалъ:

— Носящій Христа Бога въ душѣ своей есть Богоносецъ.

— Итакъ,—спросилъ царь,—ты носишь Христа твоего въ себѣ самомъ?

Святый отвѣчалъ:

— Дѣйствительно ношу, потому что написано: «вселю́сѧ въ ни́хъ и҆ похожду̀»[2]).

Царь сказалъ:

— Что же мы, по твоему мнѣнію, не носимъ всегда нашихъ боговъ въ памяти и не имѣемъ ихъ помощниками противъ враговъ?

Богоносецъ отвѣчалъ:

— Горько мнѣ, что ты называешь идоловъ богами, потому что Единъ есть Богъ Истинный, Создатель неба, и земли, и моря, и всего, что въ нихъ находится, Единъ Господь Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій Единородный, и царству Его не будетъ конца. Если бы ты позналъ Его, царь, то порфира твоя, и вѣнецъ, и твой престолъ были бы еще болѣе могущественными.

— Игнатій!—сказалъ царь.—Оставь то, что ты говоришь, и послушай лучше моихъ словъ: если желаешь сдѣлать мнѣ угодное и быть въ числѣ моихъ друзей, то принеси съ нами жертву богамъ и тотчасъ же будешь у насъ первосвященникомъ великаго Дія[3]) и назовешься отцомъ синклита.

---

[1]) Начиная отсюда, разсказывается о мученическомъ подвигѣ святаго Игнатія. Подробныя свѣдѣнія о семъ сохранились въ запискахъ о его мученичествѣ, написанныхъ очевидцами—спутниками, сопровождавшими его изъ Антіохіи въ Римъ. По общему мнѣнію, это были діаконы—Филонъ и Агаѳонидъ, о которыхъ святый Игнатій упоминаетъ въ Посланіяхъ къ Смирнянамъ и Филадельфійцамъ.

[2]) 2-е Посл. къ Коринѳянамъ, гл. 6, ст. 16.

[3]) *Дій*, онъ же *Зевсъ*, и *Юпитеръ*,— главный языческій богъ Грековъ и Римлянъ.

Святый отвѣчалъ:

— Какая польза мнѣ быть первосвященникомъ Дія, когда я— архіерей Христа, Коему всегда приношу хвалу и стараюсь всецѣло принести себя въ жертву, чтобы имѣть въ себѣ подобіе добровольной Его смерти.

Царь сказалъ:

— Кому ты хочешь принести себя въ жертву? Тому ли, кто былъ пригвожденъ ко кресту Понтійскимъ Пилатомъ?

Святый отвѣчалъ:

— Пусть я буду жертвою Тому, Кто пригвоздилъ ко кресту грѣхъ, сокрушилъ начальника грѣха діавола и крестомъ побѣдилъ всю его силу.

Царь сказалъ:

— Мнѣ думается, Игнатій, что ты не имѣешь здраваго ума и правильнаго разсужденія: ты не прельстился бы такъ христіанскими писаніями, если бы хорошо понималъ, какъ выгодно повиноваться царской волѣ и приносить со всѣми жертвы богамъ.

Богоносецъ, еще болѣе воодушевившись, сказалъ:

— Если ты отдашь меня на съѣденіе звѣрямъ, или распнешь меня на крестѣ, или предашь мечу или огню, то я все-таки никогда не принесу жертвы бѣсамъ. Не боюсь я смерти и не ищу временныхъ благъ, но желаю однихъ вѣчныхъ и всячески стремлюсь только къ тому, чтобы придти ко Христу Богу моему, благоизволившему умереть за меня.

Тогда участвовавшіе въ синклитѣ, желая обличить Игнатія въ заблужденіи, сказали:

— Вотъ, ты говоришь, что твой Богъ умеръ; какъ же мертвый можетъ помогать кому-нибудь, а тѣмъ болѣе умершій позорной смертію? Наши же боги дѣйствительно безсмертны и считаются безсмертными.

Богоносецъ отвѣчалъ:

— Господь мой и Богъ, Іисусъ Христосъ, насъ ради вочеловѣчился и для нашего спасенія добровольно принялъ распятіе на крестѣ, смерть и погребеніе, потомъ воскресъ въ третій день, низвергъ и низложилъ силу врага, вознесся на Небеса, откуда сходилъ, чтобы возстановить насъ изъ паденія и опять ввести въ рай, изъ котораго мы были изгнаны, и даровалъ намъ благъ больше, чѣмъ мы имѣли прежде. А изъ почитаемыхъ вами боговъ ни одинъ не сотворилъ подобнаго; будучи людьми злыми, безза-

конными и сотворившими много пагубнаго, они безумнымъ людямъ оставили только какое-то ничтожное представленіе о своемъ божествѣ. Когда же потомъ спало съ нихъ покрывало лжи, обнаружилось, чѣмъ они были и какъ позорно окончили свое существованіе.

Когда святый Игнатій сказалъ это, то царь съ синклитомъ, боясь, чтобы онъ еще болѣе не посрамилъ боговъ ихъ, велѣлъ отвести его въ темницу. Самъ же царь всю ночь не спалъ, размышляя, какою бы казнью лишить жизни Игнатія, и придумалъ осудить его на съѣденіе звѣрямъ, считая эту смерть самою лютою. Утромъ онъ объявилъ объ этомъ синклиту; всѣ согласились, но посовѣтовали ему предать Игнатія звѣрямъ не въ Антіохіи, чтобы онъ не прославился среди своихъ гражданъ, принявъ за свою вѣру мученическую кончину, и чтобы другіе, глядя на него, не укрѣпились въ христіанствѣ. Поэтому и сказали, что его слѣдуетъ въ оковахъ отвести въ Римъ и тамъ предать звѣрямъ; тамъ для него, измученнаго долгимъ путемъ, казнь будетъ еще тяжелѣе, и изъ римлянъ никто не узнаетъ, кто онъ былъ: подумаютъ, что погибъ одинъ изъ злодѣевъ, и не останется по немъ никакой памяти. Этотъ совѣтъ былъ угоденъ царю, и онъ изрекъ смертный приговоръ Игнатію, чтобы онъ въ Римѣ во время праздника при собраніи всего народа былъ отданъ звѣрямъ на растерзаніе. Такъ святый былъ осужденъ нечестивыми, какъ бы въ *позоръ* ангеламъ и людямъ[1]).

Богоносный Игнатій, услыхавъ о себѣ такой приговоръ, воскликнулъ:

— Благодарю Тебя, Господи, что Ты удостоилъ меня засвидѣтельствовать совершенную любовь къ Тебѣ и благоволилъ связать меня желѣзными узами такъ же, какъ Апостола Твоего Павла.

Съ радостью возложилъ онъ на себя оковы, какъ будто прекрасное ожерелье изъ жемчуговъ,—драгоцѣнное украшеніе, съ которымъ онъ желалъ воскреснуть въ будущей жизни[2]). Царь съ войскомъ пошелъ на войну, а божественный страдалецъ, закованный въ тяжелыя оковы, былъ отданъ десяти жестокимъ и немилосерднымъ воинамъ и отправленъ въ Римъ. Выходя изъ Антіохіи, онъ усердно помолился за Церковь и вручилъ свое

---

[1]) 1-е Посл. къ Коринѳянамъ, гл. 4, ст. 9.

[2]) См.: Посланіе святаго Игнатія къ Ефесянамъ.

стадо Богу. Всѣ вѣрующіе плакали о немъ и горько рыдали, а иные, привязанные къ нему горячею любовію, пошли за нимъ въ путь. Въ Селевкіи, при морской гавани, неподалеку отъ Антіохіи святый Игнатій сѣлъ съ воинами на корабль, который долженъ былъ проходить вдоль береговъ Малой Азіи[1]), и послѣ долгаго и опаснаго плаванія прибылъ въ Смирну. Тутъ Игнатій встрѣтилъ и привѣтствовалъ святаго Поликарпа, божественнаго апостола, епископа Смирнскаго, своего соученика, и съ нимъ утѣшался Богодухновенною бесѣдою, радуясь о своихъ узахъ и гордясь своими оковами. Ибо что могло быть для него лучшимъ украшеніемъ, какъ не эти вериги, въ которыя онъ былъ закованъ за Господа своего? Видѣлся онъ также и съ прочими епископами, пресвитерами и діаконами, которые стекались къ нему изъ асійскихъ церквей и городовъ, желая видѣть его и слышать изъ устъ его божественныя слова. Словомъ и примѣромъ утверждая христіанъ въ вѣрѣ, увѣщавая всего болѣе беречься возникавшихъ и распространявшихся тогда ересей и строго держаться апостольскихъ преданій, святый Игнатій умолялъ Поликарпа и вообще всю Церковь помолиться за него, чтобы скорѣе ему сдѣлаться пищею звѣрей и предстать предъ лицемъ Господа, къ Которому стремилась его душа. Видя, что они смущены и не желаютъ его смерти и разлученія съ ними, Игнатій испугался, что и тѣ вѣрующіе, которые находятся въ Римѣ, также смутятся, не стерпятъ того, чтобы онъ отданъ былъ звѣрямъ, и сдѣлаютъ ему какую-нибудь преграду, подымутъ, можетъ быть, руки на тѣхъ, которымъ велѣно отдать его на съѣденіе звѣрямъ, и этимъ затворятъ ему открытую дверь мученичества и желаемой смерти. Поэтому онъ рѣшилъ послать имъ просьбу помолиться о немъ, чтобы не пресѣкался путь его страданій, но чтобы скорѣе онъ былъ растерзанъ звѣрями и перешелъ къ возлюбленному своему Владыкѣ. Писалъ онъ такъ:

«Игнатій Богоносецъ Церкви, помилованной величіемъ Всевышняго Отца и Единаго Сына Его Іисуса Христа, возлюбленной и просвѣщенной по волѣ Того, Которому благоугодно все, совершившееся по любви Іисуса Христа, Бога нашего,—церкви, предсѣдательствующей въ столицѣ области римской, богодостойной, достославной, достоблаженной, достохвальной, достовожделѣнной,

[1]) Это объясняется тѣмъ, что осужденныхъ отправляли не на особомъ, нарочитомъ кораблѣ, а на такомъ, который представлялся случайно и, плывя по своимъ надобностямъ, останавливался въ томъ или другомъ мѣстѣ.

чистой и первенствующей въ любви, Христоименной, Отцеименной, которую и привѣтствую во Имя Іисуса Христа Сына Отчаго,—тѣмъ, которые по плоти и духу соединены между собою во всякой заповѣди Его, нераздѣльно получили полноту благодати Божіей, чистымъ отъ всякаго чуждаго цвѣта[1]), желаетъ премного радоваться во Іисусѣ Христѣ, Богѣ нашемъ.—По молитвѣ къ Богу я получилъ то, о чемъ много просилъ, чтобъ увидѣть ваши Богодостойныя лица. Связанный за Христа, я надѣюсь цѣловать васъ, если воля Божія удостоитъ меня достигнуть конца. Начало положено хорошо: сподоблюсь ли благодати—безпрепятственно получить мой жребій? Ибо я боюсь вашей любви, чтобы она не повредила мнѣ; потому что вамъ легко то, что хотите сдѣлать, а мнѣ трудно достигнуть Бога, если вы пожалѣете меня. Желаю, чтобы вы угождали не людямъ, но Богу, какъ вы и благоугождаете Ему. Ибо ни я уже не буду имѣть такого удобнаго случая достигнуть Бога, ни вы—ознаменовать себя лучшимъ дѣломъ, если будете молчать. Если вы будете молчать обо мнѣ, я буду Божіимъ, если же окажете любовь плоти моей, то я долженъ буду снова вступить на поприще[2]). Не дѣлайте для меня ничего болѣе, какъ чтобы я былъ закланъ Богу теперь, когда жертвенникъ уже готовъ, и тогда составьте любовію хоръ и воспойте хвалебную пѣснь Отцу во Христѣ Іисусѣ, что Богъ удостоилъ епископа Сиріи призвать съ востока на западъ. Прекрасно мнѣ закатиться отъ міра къ Богу, чтобы въ Немъ мнѣ возсіять. Вы никогда никому не завидовали, и другихъ учили тому же. Желаю, чтобы вы подтвердили дѣломъ, что преподаете въ своихъ наставленіяхъ[3]). Только просите для меня у Бога внутренней и внѣшней силы, чтобы я не говорилъ только, но и желалъ, чтобы не назывался только христіаниномъ, но и былъ въ самомъ дѣлѣ. Если я дѣйствительно окажусь имъ, то могу и называться имъ, и только тогда могу быть истинно вѣрнымъ, когда міръ не будетъ болѣе видѣть меня. Ничто видимое не вѣчно: **видимаѧ бо времѧнна: невидимаѧ же, вѣчна**[4]). Богъ нашъ Іисусъ Христосъ является въ большей славѣ, когда Онъ во Отцѣ. Христіанство—не въ молчаливомъ убѣжденіи, но въ величіи дѣла, особенно когда

---

[1]) Т. е. лжеученія.

[2]) Т. е. на поприще этой жизни.

[3]) Святый Игнатій говоритъ здѣсь о славѣ умереть за Христа.

[4]) 2 Посланіе къ Коринѳянамъ, гл. 4, ст. 18.

ненавидитъ его міръ. Я пишу церквамъ и всѣхъ извѣщаю, что добровольно умираю за Бога, если только вы не воспрепятствуете мнѣ. Умоляю васъ: не оказывайте мнѣ неблаговременной любви. Оставьте меня быть пищею звѣрей и посредствомъ ихъ достигнуть Бога. Я—пшеница Божія: пусть измелютъ меня зубы звѣрей, чтобы я сдѣлался чистымъ хлѣбомъ Христовымъ. Лучше приласкайте этихъ звѣрей, чтобы они сдѣлались гробомъ моимъ и ничего не оставили отъ моего тѣла, дабы по смерти не быть мнѣ кому-либо въ тягость. Тогда я буду поистинѣ ученикомъ Христа, когда даже тѣла моего міръ не будетъ видѣть. Молитесь о мнѣ Христу, чтобы я посредствомъ этихъ орудій сдѣлался жертвою Богу. Не какъ Петръ и Павелъ заповѣдую вамъ. Они—Апостолы, а я—осужденный: они—свободные, а я—доселѣ еще рабъ. Но если пострадаю,—буду отпущенникомъ Іисуса и воскресну въ Немъ свободнымъ. Теперь же въ узахъ своихъ я учу не желать ничего мірскаго или суетнаго. На пути изъ Сиріи до Рима на сушѣ и на морѣ, ночью и днемъ я уже борюсь со звѣрями, будучи связанъ съ десятью леопардами, то есть съ отрядомъ воиновъ, которые отъ благодѣяній, имъ оказываемыхъ, дѣлаются только злѣе[1]). Оскорбленіями ихъ я больше научаюсь, но этимъ не оправдываюсь[2]). О, если бы не лишиться мнѣ приготовленныхъ для меня звѣрей! Молюсь, чтобы они съ жадностію бросились на меня. Я заманю ихъ, чтобы они тотчасъ же пожрали меня, а не такъ, какъ они нѣкоторыхъ побоялись и не тронули. Если же добровольно не захотятъ,—я ихъ принужу. Простите мнѣ; я знаю что мнѣ полезно. Теперь только начинаю быть ученикомъ. Ни видимое, ни невидимое—ничто не удержитъ меня придти къ Іисусу Христу. Огонь и крестъ, толпы звѣрей, разсѣченія, расторженія, раздробленія костей, отсѣченіе членовъ, сокрушеніе всего тѣла, лютыя муки діавола пусть придутъ на меня,—только бы достигнуть мнѣ Христа. Никакой пользы не принесутъ мнѣ удовольствія міра, ни царства вѣка сего. Лучше мнѣ умереть за Іисуса Христа, нежели царствовать надъ всею землею: **ка́ѧ бо по́льза человѣ́кꙋ, а҆́ще мі́ръ ве́сь прїѡбрѧ́щетъ, дꙋ́шꙋ же ѿтщети́тъ**[3]). Его ищу, за насъ умершаго, Его желаю, за насъ воскресшаго. Я имѣю

[1]) Намекъ на подарки, которые дѣлали стражамъ Игнатія христіане для смягченія ихъ строгости.

[2]) 1 Посланіе къ Коринѳянамъ, гл. 4, ст. 9.

[3]) Еаангеліе отъ Матѳея, гл. 16, ст. 26.

въ виду выгоду: простите мнѣ, братья! Не препятствуйте мнѣ жить, но желайте мнѣ умереть. Хочу быть Божіимъ: не отдавайте меня міру. Пустите меня къ чистому свѣту: явившись туда, буду человѣкомъ Божіимъ. Дайте мнѣ быть подражателемъ страданій Бога моего. Кто самъ имѣетъ Его въ себѣ, тотъ пусть пойметъ, чего желаю, и окажетъ сочувствіе мнѣ, видя, что занимаетъ меня. Князь вѣка сего хочетъ обольстить меня и разрушить мое желаніе, устремленное къ Богу. Пусть же никто изъ васъ, тамъ находящихся, не помогаетъ ему. Лучше будьте моими, то есть Божіими. Не будьте такими, которые призываютъ Іисуса Христа, а любятъ міръ. Зависть да не обитаетъ въ васъ. И если бы даже лично сталъ я просить васъ о другомъ, не слушайте меня: вѣрьте больше тому, о чемъ пишу вамъ теперь. Живой пишу вамъ, горя желаніемъ умереть. Моя любовь распялась, и нѣтъ во мнѣ огня, любящаго вещество, но вода живая[1]), говорящая во мнѣ, взываетъ мнѣ извнутри: «иди къ Отцу». Нѣтъ для меня сладости въ пищѣ тлѣнной, ни въ удовольствіяхъ этой жизни. Хлѣба Божія желаю, хлѣба небеснаго, хлѣба жизни, который есть Плоть Іисуса Христа, Сына Божія, родившагося въ послѣднее время отъ сѣмени Давида и Авраама. И питія Божія желаю — Крови Его, которая есть любовь нетлѣнная и жизнь вѣчная. Не хочу болѣе жить жизнію человѣковъ. А это исполнится, если вы захотите. Захотите же, прошу васъ, чтобы и вы снискали себѣ благоволеніе. Краткимъ письмомъ прошу васъ. Повѣрьте мнѣ; а Іисусъ Христосъ—неложныя уста, которыми истинно глаголалъ Отецъ,—откроетъ вамъ, что я говорю истину. Молитесь о мнѣ, чтобы я достигъ. Не по плоти я написалъ вамъ это, но по разуму Божію. Если пострадаю, значитъ, вы возлюбили; если же не удостоюсь,—вы возненавидѣли меня. Поминайте въ молитвѣ вашей Церковь Сирійскую: у ней, вмѣсто меня, пастырь теперь Богъ. Одинъ Іисусъ Христосъ будетъ епископствовать въ ней и любовь ваша. А я стыжусь называться однимъ изъ ея членовъ, ибо недостоинъ того, какъ послѣдній изъ нихъ и какъ извергъ. Но если достигну Бога, то, по милости Его, буду чѣмъ-нибудь.—Привѣтствуетъ васъ духъ мой и любовь Церквей, принимавшихъ меня во Имя Іисуса Христа не какъ прохожаго[2]). Ибо

[1]) Вода живая, т. е. Духъ Святый, возбуждающій и укрѣпляющій въ мученической смерти. См.: Евангеліе отъ Іоанна, гл. 4, ст. 10; гл. 7, ст. 3.

[2]) Т. е. съ такою любовью, какъ бы Игнатій былъ ихъ собственный епископъ.

даже и тѣ Церкви, которыя не находились на пути моего плотскаго странствованія, выходили навстрѣчу мнѣ въ городъ. Пишу вамъ это изъ Смирны чрезъ достоблаженныхъ Ефесянъ. При мнѣ же вмѣстѣ со многими другими Крокъ—вождѣленное для меня имя. Тѣхъ же, которые во славу Божію отправились прежде меня изъ Сиріи въ Римъ, думаю, вы уже знаете: скажите имъ, что я близко. Всѣ они достойны Бога и васъ: вамъ надобно во всемъ успокоить ихъ.—Я написалъ вамъ это за девять дней до сентябрьскихъ календъ[1]) т. е. 23 августа[2]). Укрѣпляйтесь до конца въ терпѣніи Іисуса Христа. Аминь».

Это посланіе Игнатій отправилъ съ нѣкоторыми изъ ефесскихъ христіанъ, сопровождавшихъ его, которые отправились въ Римъ кратчайшимъ путемъ[3]). Чрезъ нѣсколько времени и самъ святый вышелъ изъ Смирны въ сопровожденіи воиновъ и прибылъ въ Троаду. Здѣсь онъ получилъ радостную вѣсть, что гоненіе утихло въ Антіохіи и Церкви возвращенъ міръ. Помня во всѣхъ молитвахъ своихъ о своей осиротѣвшей Церкви, онъ просилъ всѣхъ вѣрующихъ молиться о ней: чѣмъ сильнѣе была его радость о спокойствіи его паствы, тѣмъ благодушнѣе онъ шелъ навстрѣчу смерти. Въ такомъ расположеніи души онъ написалъ Посланія къ Филадельфійцамъ (въ Килисиріи) и Смирнянамъ, побуждая христіанъ принять дѣятельное участіе въ радостномъ событіи Антіохійской Церкви, и въ особенности онъ писалъ къ святому Поликарпу, епископу Смирнскому, прося его отправить когонибудь изъ клира въ Антіохію для утѣшенія тамошней Церкви и поручая ему написать къ другимъ Церквамъ, чтобы и они сдѣ-

---

[1]) Такъ считалось по римскому календарю.

[2]) Въ 107 году.

[3]) Изъ Смирны въ Римъ было два пути: одинъ—морской чрезъ Архипелагъ и Средиземное море, другой—сухопутный, чрезъ Македонію. Игнатій былъ веденъ послѣднимъ путемъ; ефесскіе же христіане могли отправиться на кораблѣ и доставить Посланіе Игнатія въ Римъ ранѣе его прибытія. Но и сухимъ путемъ имъ естественно было прибыть въ Римъ ранѣе Игнатія, удрученнаго старостію и замедлившаго въ Смирнѣ. Изъ Смирны святый Игнатій отправилъ три Посланія къ Ефесянамъ, Магнезійцамъ (городъ Магнезія близъ Меандра въ Іоніи) и Траллійцамъ (въ Азіи), приславшимъ въ Смирну для привѣтствія святаго узника своихъ епископовъ съ пресвитерами и діаконами. Въ этихъ посланіяхъ святый Игнатій благодаритъ Церкви за оказанную ему любовь, увѣщеваетъ ихъ паству блюсти единеніе духа и повиноваться епископамъ и пресвитерамъ и предостерегаетъ отъ ложныхъ учителей—христіанъ іудействующихъ, почитавшихъ христіанство только дополненіемъ къ іудейству, и докетовъ, отвергавшихъ истину рожденія, страданія и воскресенія Спасителя и вообще не признававшихъ въ Немъ ничего человѣческаго.

лали то же[1]). Изъ Троады святый Игнатій отплылъ въ Неаполь (въ Македоніи), пѣшимъ прошелъ Филиппополь и Македонію, посѣщая на пути храмы, уча въ нихъ, наставляя и ободряя немощную братію, а также повелѣвая всѣмъ бодро и трезвенно проводить жизнь. Перейдя Епиръ, святый Игнатій въ Епидамнѣ опять сѣлъ на корабль и поплылъ въ Италію черезъ моря Адріатійское и Тирренское. Когда увидѣлъ онъ издали Путеолы (городъ въ Кампаніи), онъ хотѣлъ здѣсь сойти на землю, чтобы придти въ Римъ тѣмъ же путемъ, которымъ нѣкогда Апостолъ Павелъ шелъ на подобный же подвигъ. Но сильный вѣтеръ не допустилъ корабль до берега, и святый Игнатій въ одни сутки прибылъ въ гавань Портъ, недалеко отъ Рима. Воины спѣшили въ Римъ, чтобы поспѣть къ зрѣлищамъ, которыя уже приближались къ концу[2]). Между тѣмъ распространился слухъ о прибытіи Антіохійскаго епископа, и собравшіеся христіане встрѣчали его, полные радости и вмѣстѣ глубокой скорби. Нѣкоторые надѣялись уговорить народъ, чтобы онъ отказался отъ кроваваго зрѣлища смерти праведнаго мужа. Но Игнатій умолялъ изъ любви къ нему не дѣлать сего и, преклонивши колѣна вмѣстѣ съ присутствовавшими братьями, молился Сыну Божію о Церквахъ, о прекращеніи гоненія и о сохраненіи взаимной любви между братьями—вѣрующими. Затѣмъ святый Игнатій былъ отведенъ въ Римъ и отданъ съ царскимъ предписаніемъ городскому епарху. Тотъ, увидя Игнатія Богоносца и прочитавъ царское письмо, тотчасъ велѣлъ приготовить звѣрей. Наступилъ праздничный день, и святый былъ приведенъ на мѣсто осужденія, и весь городъ собрался на это зрѣлище, потому что вездѣ прошелъ слухъ, что епископъ Сирскій будетъ отданъ звѣрямъ. Поставленный на аренѣ, святый обратился свѣтлымъ лицомъ къ народу, гордясь мужественною душею

---

[1]) И такъ всѣхъ Посланій св. Игнатія сохранилось семь. Писаны они были первоначально на греческомъ языкѣ, впослѣдствіи же переведены на сирскій, армянскій, позже на славянскій и въ недавнее время на русскій языки. Содержаніе этихъ Посланій главнымъ образомъ состоитъ изъ увѣщанія христіанъ къ соблюденію внутренняго и внѣшняго единства Церкви, почему справедливо можно назвать святаго Игнатія учителемъ *единенія,* какъ и самъ онъ сознавалъ себя *человѣкомъ, предназначеннымъ къ единенію* (въ Посл. къ Филадельфійцамъ). Затѣмъ большинство ихъ направлено противъ современныхъ лжеученій.

[2]) Эти зрѣлища и игры были такъ называемыя *сатурналіи,* продолженіемъ и заключеніемъ коихъ служили *сигилляріи*; они продолжались семь дней, начиная съ 17 декабря, въ память золотого вѣка, бывшаго, по мнѣнію римскихъ язычниковъ, во время царствованія бога ихъ Сатурна.

и радуясь, что онъ принимаетъ смерть за Христа, и громко сказалъ:

— Римскіе мужи, взирающіе на настоящій мой подвигъ! Вы знаете, что не ради какого-нибудь злодѣянія я принимаю казнь и не за какое-нибудь беззаконіе осужденъ на смерть, но ради Единаго моего Бога, любовью къ Которому я объятъ и къ Которому я сильно стремлюсь. Я—его пшеница и буду смолотъ зубами звѣрей, чтобы быть для Него чистымъ хлѣбомъ.

Какъ только святый сказалъ это, на него были выпущены львы. Тотчасъ набросившись, они растерзали святаго и съѣли, оставивъ только твердыя кости. И исполнилось желаніе святаго, чтобы звѣри были гробомъ его, и Богъ допустилъ совершиться сему по желанію угодника. Онъ могъ бы заградить уста львовъ предъ нимъ, какъ предъ св. Пророкомъ Даніиломъ во рву и предъ святою Ѳеклою также во время казни, ради славы Своего Святаго Имени, однако не сотворилъ сего, изволивъ лучше исполнить желаніе и просьбу раба Своего, чѣмъ прославить всемогущую Свою силу. Такова была кончина святаго Игнатія Богоносца, таковъ его подвигъ, такова его любовь къ Богу.

Когда окончилось зрѣлище, бывшіе въ Римѣ вѣрующіе, которымъ святый писалъ изъ Смирны, и нѣкоторые изъ пришедшихъ съ нимъ собрали оставшіяся кости мученика и, неутѣшно плача о немъ, положили ихъ съ честію въ особенномъ мѣстѣ, внѣ города, въ 20 день Декабря 107 года[1]).

«Мы, видѣвши это собственными глазами, — такъ повѣствуютъ описатели мученичества святаго Игнатія,—всю ночь провели дома въ слезахъ и съ колѣнопреклоненіемъ и молитвою просили Господа утѣшить насъ о случившемся. Когда потомъ мы немного заснули, нѣкоторые изъ насъ увидѣли, какъ святый Игнатій

[1]) Въ Четьихъ-Минеяхъ святаго Димитрія Ростовскаго вслѣдъ за житіемъ святаго Игнатія помѣщено слѣдующее повѣствованіе. «О святомъ Игнатіи Богоносцѣ нѣкоторые повѣствуютъ и сіе. Когда его вели на съѣденіе звѣрямъ и онъ непрестанно имѣлъ на устахъ Имя Іисуса Христа, нечестивые вопросили его, зачѣмъ онъ то Имя непрестанно повторяетъ. Святый отвѣчалъ, что имѣетъ въ сердцѣ своемъ Имя Іисуса Христа начертаннымъ и исповѣдуетъ устами Того, Кого въ сердцѣ всегда носитъ. Когда святый былъ пожранъ звѣрями, при оставшихся его костихъ изволеніемъ Божіимъ сохранилось его сердце, не тронутое звѣрями. Найдя его, невѣрные вспомнили слова святаго Игнатія и разрѣзали сердце его надвое, желая убѣдиться, истинно ли сказанное имъ. И нашли они на обѣихъ внутреннихъ сторонахъ разрѣзаннаго сердца надпись золотыми письменами: «Інсусъ Христосъ». Такъ святый Игнатій былъ Богоносецъ по имени и въ дѣйствительности, всегда нося въ сердцѣ своемъ Христа Бога, богомысленнымъ умомъ какъ тростію написаннаго».

вдругъ явился къ намъ и обнималъ насъ, другіе видѣли его молящимся за насъ, иные же—облитымъ по́томъ, какъ бы послѣ великаго труда, и предстоящимъ Господу. Съ радостію увидѣвши это и сообразивъ сонныя видѣнія, мы воспѣли хвалу Богу, подателю благъ, ублажили святаго мужа и замѣтили день и годъ его кончины для того, чтобы, собираясь въ день его мученичества, имѣть намъ общеніе съ подвижникомъ и доблестнымъ мученикомъ Христовымъ».

Узнавъ о кончинѣ святаго Игнатія, о его мужественномъ великодушіи и о томъ, какъ онъ безъ боязни и съ радостію шелъ на смерть за Бога своего Христа, царь Траянъ сожалѣлъ о немъ. Услыхавъ же о христіанахъ, что они люди добрые, кроткіе, живутъ воздержно, любятъ чистоту, удерживаются отъ всякихъ дурныхъ дѣлъ, ведутъ безпорочную жизнь и ни въ чемъ не противны его царству, но только не имѣютъ многихъ боговъ, а чтутъ Единаго Христа, Траянъ не велѣлъ искать ихъ для казни, но позволилъ имъ жить въ покоѣ. Послѣ сего честны́е останки святаго Игнатія Богоносца были со славою перенесены въ Антіохію[1]) на защищеніе града, на исцѣленіе болящимъ и на веселіе всему стаду сего пастыря, во славу Бога, въ Троицѣ Единаго, отъ всѣхъ славимаго во вѣки. Аминь.

Конда́къ ст҃а́гѡ, гла́съ г҃.

Свѣ́тлыхъ пѡ́двигъ твои́хъ свѣтоно́сный де́нь предпроповѣ́дꙋетъ всѣ́мъ въ верте́пѣ рожде́ннаго[2]): сегѡ́ бо жажда́ѧ ѿ любвѐ наслади́тисѧ, потща́лсѧ є҆сѝ ѿ ѕвѣре́й снѣде́нъ бы́ти. сегѡ̀ ра́ди бг҃оно́сецъ наре́клсѧ є҆сѝ, і҆гна́тїе всемꙋ́дре.

---

[1]) Перенесеніе мощей *св. Игнатія* празднуется 29 января.

[2]) Т. е. Господа нашего Іисуса Христа, предпразднство Рождества Котораго начинаетъ совершаться Церковію съ 20-го декабря.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

ФИЛОГОНІЯ,

епископа Антіохійскаго

Блаженный Филогоній съ ранняго возраста съ усердіемъ изучалъ Божественныя книги и, съ помощію Божіею, въ совершенствѣ ознакомился съ ними; полагая же для себя руководственнымъ правиломъ святое ученіе, онъ просіялъ святостію своей жизни. Филогоній имѣлъ жену и дочь и, будучи адвокатомъ, постоянно посѣщалъ судилище: здѣсь всегда защищалъ онъ людей обижаемыхъ, подавая имъ руку помощи и выступая противъ утѣснителей вдовъ и сиротъ, нищихъ и убогихъ. И просіялъ онъ добродѣтельнымъ житіемъ своимъ. По смерти супруги своей возведенъ былъ онъ на архіерейскую каѳедру[1]). Въ то время въ Церкви христіанской было большое неустройство: хотя гоненія на христіанъ отъ язычниковъ тогда прекратились[2]), но надъ Церковію разразились еще болѣе свирѣпыя бури, то есть начались еретическія волненія. Филогоній, будучи епископомъ, какъ добрый пастырь добрѣ стоялъ на стражѣ своей паствы и своею мудростію пресѣкалъ тѣ смуты, разбирая и опровергая еретическое хитрословесіе. За это его почтилъ похвалою и св. І. Златоустъ[3]), который и сообщаетъ о немъ съ большею подробностію. Такъ, проводя благочестивую ангельскую жизнь, святый Филогоній, управивъ богоугодно врученнымъ имъ стадомъ духовнымъ, съ миромъ преставился въ преславныя обители Отца Небеснаго[4]).

---

[1]) Филогоній послѣ смерти жены своей народомъ насильно былъ взятъ съ судебнаго мѣста и за справедливость поставленъ епископомъ въ 318 году.

[2]) Похвальное слово Филогонію произнесъ св. Іоаннъ Златоустъ въ 386 году.

[3]) Послѣднія гоненія на христіанскую вѣру были при императорахъ Максиміанѣ Галеріи (305—311 гг.) и Ликиніи (307—324 гг.). И въ это время Филогоній, по своей любви къ истинѣ и справедливости, съ успѣхомъ защищалъ Христову вѣру и гонимыхъ христіанъ и явилъ себя исповѣдникомъ. Когда же гонимая вѣра восторжествовала изъ язычествомъ со времени равноапостольнаго Константина, то новыя козни врага Христовой Церкви діавола породили ересь Арія. Но Филогоній, избранный народомъ въ епископы и отъ юности получившій хорошее образованіе, ревностно обличалъ ложныя еретическія мудрованія.

[4]) Скончался въ мирѣ около 323 года.

ЖИТІЕ СВЯТАГО

ДАНІИЛА,

архіепископа Сербскаго[1])

Святый сербскій архіепископъ Даніилъ жилъ при сербскихъ краляхъ Стефанѣ Урошѣ II Милутинѣ[2]), Стефанѣ Урошѣ III Дечанскомъ[3]) и Стефанѣ Душанѣ[4]), въ самое славное время древней Сербіи. Онъ происходилъ изъ знатнаго властелинскаго рода, былъ сынъ богатыхъ родителей[5]), которые имѣли большую семью изъ сыновей и дочерей, умершихъ, впрочемъ, еще во время дѣтства Даніила. Будучи ребенкомъ, Даніилъ просилъ родителей отдать его учителю для книжнаго ученія, но, огорченные смертью прочихъ дѣтей, отецъ и мать не хотѣли разстаться съ сыномъ. Однако мальчикъ настоялъ на своемъ: онъ упросилъ одного родственника помочь ему и тайно отъ родителей ушелъ съ нимъ къ учителю. Учитель зналъ, чей мальчикъ приведенъ къ нему, и старательно принялся за его обученіе. Ребенокъ обнаружилъ необыкновенныя способности и прилежаніе, такъ что скоро превзошелъ своихъ сверстниковъ и товарищей въ училищѣ, самъ сталъ въ состояніи учить другихъ.

Родители сначала очень горевали, но когда узнали, гдѣ находится сынъ и какъ успѣваетъ, то примирились и во всемъ положились на волю Божію.

Между тѣмъ у юноши стало развиваться стремленіе къ цѣломудрію, чистотѣ, посту, бдѣнію и молитвѣ—къ такимъ добродѣтелямъ, каковыми отличаются мужи крѣпкіе; его стала занимать жизнь подвижническая. Онъ искалъ встрѣчи съ иноками, воздавалъ имъ должную честь и вступалъ въ бесѣды объ иноческой жизни, такъ что вскорѣ у него самого возгорѣлось желаніе стать инокомъ, и

---

[1]) Пространное житіе архіепископа Даніила написано его современникомъ и ученикомъ; издано *Даничичемъ* въ книгѣ: «Животи Кралева и архіепископа српских». У Загребу, 1866 г., стр. 328—377.

[2]) *Милутинъ* правилъ съ 1262 г. по 1320.

[3]) Св. Стефанъ Дечанскій правилъ съ 1320 г. по 1331; житіе его см. подъ 11 числомъ ноября.

[4]) *Стефанъ Душанъ* правилъ съ 1331 г. по 1346 съ титуломъ Сербскаго краля, а съ 1346 г.—съ титуломъ царя Сербовъ и Грековъ; умеръ въ 1355 г.

[5]) Годъ и мѣсто рожденія и мірское имя Даніила неизвѣстны.

онъ молилъ Бога о сподобленіи его иноческаго чина. Уже въ это время, много слыша о чудесахъ во Святомъ Градѣ Іерусалимѣ и на Святой Горѣ Аѳонской, онъ горѣлъ желаніемъ посѣтить сіи Святыя мѣста. Но для сего не наступило еще время.

Когда Даніилъ достигъ зрѣлаго возраста, слыша о его достойныхъ качествахъ, Сербскій краль Стефанъ Урошъ Милутинъ призвалъ его къ своему двору, полюбилъ и приблизилъ къ себѣ. Несмотря, однако, на свое знатное происхожденіе и близость къ государю, Даніилъ не возгордился, но и при дворѣ держалъ себя смиренно и ни на минуту не оставлялъ мысли объ иноческой жизни.

Благочестивый краль Милутинъ нерѣдко совершалъ богомольныя путешествія по своей землѣ, посѣщая церкви и монастыри, поклоняясь святынямъ и раздавая богатую милостыню. Въ одно изъ такихъ путешествій въ свитѣ краля находился и Даніилъ. Во время остановки въ монастырѣ Святыя Троицы въ Сопочанахъ[1]) Даніилъ, всегда любившій бесѣду съ иноками, встрѣтилъ одного такого инока, который вполнѣ отвѣчалъ его желаніямъ. Онъ нашелъ въ этомъ инокѣ хорошаго себѣ совѣтника и помощника, согласившагося пособить молодому вельможѣ принять иноческое постриженіе.

Когда краль Милутинъ и свита окончили богомолье въ Сопочѣ, когда всѣ отдались послѣ трудовъ отдыху, благочестивый юноша при помощи названнаго инока тайно, ночью, удалился изъ монастыря. Новый его руководитель привелъ его въ Кончульскій монастырь святаго Николая на рѣкѣ Ибрѣ; игуменомъ сего монастыря Никодимомъ бѣглецъ отъ царскаго двора и постриженъ былъ въ иноческій чинъ съ именемъ Даніила.

Давно жаждавшій иночества Даніилъ, сподобившись принять оное, съ великою ревностію сталъ выполнять иноческіе обѣты; ревностно посѣщая съ другими вмѣстѣ церковныя службы и въ теченіе дня неся всѣ монастырскіе труды, Даніилъ ночью наединѣ предавался бдѣнію, Богомыслію и непрестанной молитвѣ. Молитва, слезы умиленія и покаянія, постъ и другіе подвиги скоро сдѣлали его образцомъ для другихъ иноковъ. Слава его подвиговъ распространилась и за предѣлы монастыря. Скоро онъ сталъ извѣстенъ тогдашнему Сербскому архіепископу Евстаѳію II[2]), который захо-

---

[1]) *Сопоча, Сопочане* находятся при истокахъ рѣки Рашки, въ трехъ часахъ ѣзды отъ Новаго Пазара въ Старой Сербіи; теперь отъ Троицкаго монастыря, задушбины Неманичей, остались однѣ развалины.

[2]) *Евставій II* былъ Сербскимъ архіепископомъ съ 1286 по 1304 г.

тѣлъ вызвать Даніила къ себѣ, нуждаясь въ просвѣщенныхъ и благочестивыхъ духовныхъ лицахъ. Не разъ Евстаѳій звалъ къ себѣ Даніила; но, привыкши къ монастырской жизни, которой давно желалъ, вельможный инокъ не хотѣлъ разстаться съ мѣстомъ своего постриженія, такъ что архіепископъ вынужденъ былъ обратиться къ кралю Милутину, чтобы самъ государь приказалъ монаху явиться къ архіепископу.

Принятый благосклонно Евстаѳіемъ, Даніилъ вскорѣ посвященъ былъ имъ въ іеромонахи и удержанъ архіепископомъ при его дворѣ, который находился въ монастырѣ Жичѣ[1]).

Находясь и при архіепископѣ, Даніилъ продолжалъ подвижническую жизнь, ни въ чемъ не нарушая монашескаго обѣта. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Даніилъ исполнялъ разныя порученія архіепископа и служилъ по дѣламъ управленія Церковію. Даніилъ отличался красотою лица и прекраснымъ голосомъ и имѣлъ «даръ отъ Господа вѣщати смысленно и разумно предъ царями», по Пророку Исаіи.

Издавна Даніилъ желалъ видѣть Святую Аѳонскую Гору. Еще первый сербскій государь, святый Стефанъ Неманя, отецъ перваго сербскаго архіепископа св. Саввы, основалъ на Аѳонѣ сербскій Хиландарскій монастырь, въ которомъ и подвизался Стефанъ, въ иночествѣ Симеонъ Неманя, равно какъ и сынъ его святый Савва. Хиландарскій монастырь на Аѳонѣ сталъ поэтому навсегда самой драгоцѣнной святыней для сербовъ. Краль Милутинъ возобновилъ его; вмѣсто древней небольшой обители онъ создалъ дивный монастырь, который находился невдалекѣ отъ морского берега. По просьбѣ тогдашняго игумена Киріака, Милутинъ для защиты монастыря на самомъ берегу моря построилъ пиргъ, или укрѣпленную башню, съ церковію Спаса—для защиты монастыря отъ морскихъ разбойниковъ.

Упомянутый игуменъ Киріакъ вскорѣ умеръ. Архіепископъ Евстаѳій и краль Милутинъ, заботясь объ избраніи достойнаго преемника, для совѣта созвали Духовный Соборъ, который единодушно остановился на іеромонахѣ Даніилѣ. И вотъ, давно жаждавшій видѣть Святую Аѳонскую Гору Даніилъ назначается прямо игуменомъ знаменитаго уже и тогда, и особенно важнаго для сербовъ Хиландарскаго монастыря.

---

[1]) Монастырь Жича (Житьча, Жидьча), существующій до настоящаго времени, находится на правомъ берегу рѣки Ибра, недалеко отъ впаденія ея въ Сербскую Мораву, въ предѣлахъ теперешняго сербскаго королевства.

Время, въ которое угодно было Богу возвести Даніила на игуменство въ Хиландарѣ, было трудное и тяжелое не только для Святой Горы Аѳонской, но и для всего царства Греческаго. Въ то время двигались уже Турки-Османы на Царьградъ; не только тѣснили въ Азіи, но пытались проникнуть черезъ море и въ Европу. Цари Греческіе употребляли всѣ мѣры для защиты христіанъ отъ невѣрныхъ. Кромѣ своихъ силъ, они всячески старались отыскать и постороннюю помощь. Такъ и Сербскій краль Милутинъ помогалъ царю Греческому Андронику Старшему противъ Турокъ въ Азіи. Потомъ царь Греческій вынужденъ былъ прибѣгнуть къ наемнымъ войскамъ, къ испанскимъ каталонцамъ. Эти сборныя изъ разныхъ народностей наемныя войска не сдержали договора, скоро вошли въ связь съ Турками и изъ помощниковъ и защитниковъ скоро обратились въ лютыхъ враговъ православнаго христіанскаго царства. Они грабили, разоряли и жгли жилища по всему Балканскому полуострову. По берегамъ греческихъ морей свирѣпствовали морскіе разбойники, особенно венеціанскіе. Какъ сухопутные враги — каталонцы, такъ и морскіе — преимущественно венеціанцы не оставили въ покоѣ и Святую Гору Аѳонъ. Преувеличенные слухи о богатствахъ Аѳонскихъ монастырей привлекали хищниковъ, которые, не давая никакой пощады населенію, не разбирая ни званія, ни возраста, плѣняли, убивали и грабили.

Отъ этихъ разбойниковъ — хотя и христіанъ, но латинянъ — не избавилась и сербская Аѳонская Хиландарская лавра.

Въ такое то тяжелое время святый Даніилъ былъ назначенъ на игуменство въ Хиландарѣ.

Краль Милутинъ и архіепископъ Евстаѳій отпустили Даніила съ богатыми дарами для святой Хиландарской лавры. Давно жаждавшій подвизаться на Аѳонѣ святый Даніилъ съ радостью сталъ осуществлять свои давнія надежды. Онъ всею душею предался иноческимъ подвигамъ, твердо поборая всѣ искушенія, которыя многоразлично металъ на пути его спасенія врагъ діаволъ. Примѣръ игумена и его краснорѣчивыя наставленія и поученія поддерживали и распространяли въ монастырѣ благочестіе, единомысліе, порядокъ и взаимную любовь.

Но сверхъ духовныхъ подвиговъ игумену Даніилу пришлось совершать и подвиги внѣшней борьбы — защиты обители отъ упомянутыхъ разбойниковъ, которые опустошили и разорили всю Святую Гору. Въ крѣпкій и благоустроенный Хиландарскій мона-

стырь сбѣжались многіе монахи и простые окрестные жители— женщины и дѣти, ища здѣсь крова и пропитанія.

Всѣ монастырскіе запасы отданы были на пропитаніе бѣдствовавшаго населенія, но и они истощились. Всюду кругомъ распространялся голодъ. Люди и даже скотъ въ опустошенной странѣ гибли отъ голода. Ввиду невыносимаго бѣдствія самые монахи Хиландарскаго монастыря стали разбѣгаться, ища спасенія, но и они попадали въ рабство ко врагамъ или умирали голодною смертію. Только непоколебимый въ твердости игуменъ Даніилъ не падалъ духомъ. Три съ половиной года онъ отсиживался въ укрѣпленной обители. Не разъ враги подступали къ воротамъ монастыря, ломились въ него, но безъ успѣха удалялись, обѣщая снова возвратиться. Даніилъ неутомимо защищался съ бывшими въ монастырѣ людьми и съ постоянною молитвою къ Господу Богу.

Ввиду грозившей страшной опастности заботливый и предусмотрительный игуменъ взялъ обѣщаніе и заложниковъ отъ укрывавшихся въ монастырѣ людей въ томъ, что они будутъ защищать монастырь, рѣшилъ спасти его сокровища и помочь бѣдѣ удаленіемъ на время къ своему покровителю, Сербскому кралю Милутину.

Давши значительную сумму золота оставшимся въ монастырѣ, Даніилъ вмѣстѣ съ нѣсколькими людьми изъ братіи забралъ священную утварь и драгоцѣнности, даже монастырскій скотъ, и отправился въ Сербію сквозь земли, занятыя и опустошенныя непріятелями. По милости Божіей, среди всевозможныхъ опасностей онъ благополучно пробрался въ тогдашнюю сербскую столицу, въ городъ Скопье. Краль Милутинъ съ радостью принялъ игумена Даніила и уговаривалъ его остаться у него до тѣхъ поръ, пока минуетъ опасность. Но Даніилъ, отдавъ Милутину на сохраненіе монастырскія сокровища и скотъ, ушелъ обратно, готовый все потерпѣть, даже мученичество.

На обратномъ пути снова встрѣтились разныя опасности со стороны разбойниковъ и враговъ. Въ одномъ мѣстѣ напалъ на него одинъ владѣтель и хотѣлъ схватить его и ограбить, но бывшіе съ Даніиломъ люди одолѣли благополучно нападавшихъ, связали врага, повели съ собой и отпустили только за предѣлами его владѣній.

Возвратившись въ Хиландарскій монастырь, игуменъ Даніилъ прежде всего позаботился о томъ, чтобы на будущее время защи-

тить и охранить обитель отъ враговъ, которые продолжали свирѣпствовать на Аѳонѣ и въ окрестныхъ земляхъ. Снабдивъ деньгами нѣсколькихъ надежныхъ людей, онъ отправилъ ихъ для закупки хлѣба въ морскихъ пристаняхъ и для найма вооруженныхъ людей для защиты монастыря. Обезпечивъ такимъ образомъ защиту монастыря, самъ Даніилъ удалился въ Аѳонскій монастырь Русикъ къ своему отцу духовному для духовной бесѣды, а вмѣстѣ и ради безопасности, такъ какъ враги искали случая захватить Хиландарскаго игумена въ свои руки. Нашлись два измѣнника въ Хиландарскомъ монастырѣ, которые пришли въ Русикъ, чтобы обманомъ выдать своего игумена врагамъ. Но предусмотрительный и прозорливый Даніилъ съумѣлъ обезоружить ихъ, хотя враги, осадивши Русикъ, пытались сожечь его и захватить Даніила. Но Богъ спасъ Даніила отъ сей опасности: враги завели между собою ссору и неожиданно ушли отъ монастыря.

Возблагодаривъ Бога за избавленіе отъ угрожавшей опасности, Даніилъ со своими духовными дѣтьми и спутниками отправился на берегъ моря въ Аѳонскій же монастырь Ксиропотамъ, который также устроенъ былъ и обезпеченъ святымъ Саввою, архіепископомъ Сербскимъ. Здѣсь Даніилъ вписалъ себя и своихъ родителей въ синодикъ для поминовенія и, проведши нѣсколько дней въ молитвѣ, возвратился въ свой монастырь Хиландарскій.

Между тѣмъ внѣшніе враги, причинявшіе съ лишкомъ три года страшныя бѣдствія и опустошенія, постепенно стали оставлять Аѳонскую гору, и на ней понемногу сталъ водворяться покой. Въ укрощеніи и разсѣяніи сихъ враговъ помогалъ Греческому царю Андронику и Сербскій краль Милутинъ.

Послѣ возстановленія мира и спокойствія на Аѳонѣ Даніилъ, такъ неутомимо и усердно защищавшій и охранявшій сербскую святыню, рѣшился, ради безмолвной и уединенной подвижнической жизни, оставить игуменство въ Хиландарѣ, передавъ его ученику своему Никодиму, и удалился въ Аѳонскій монастырь Карею. Тамъ находилась келья святаго Саввы для безмолвной и уединенной жизни по правиламъ святаго Саввы, по которымъ онъ, иночествуя здѣсь, самъ совершалъ моленія, нощныя стоянія, поклоны и псалмопѣнія. Поселившись въ сей кельѣ, Даніилъ всецѣло отдался духовнымъ подвигамъ, слава о которыхъ распространилась по всей горѣ Аѳонской, такъ что къ нему стали многіе приходить за духовнымъ утѣшеніемъ и наставленіями.

Въ то время, когда Даніилъ подвизался въ Карейскомъ уединеніи, на его родинѣ въ Сербіи возникла война: противъ краля Милутина возсталъ братъ его Драгутинъ, желавшій при помощи короля Венгерскаго отнять у Уроша Милутина сербскій престолъ для своего сына Урошица. Милутинъ находился въ большой опасности. Боясь вторженія враговъ, онъ собралъ свои сокровища въ Баньскомъ монастырѣ, но не имѣлъ надежнаго человѣка, которому могъ бы поручить ихъ храненіе. Тогда за смертію епископа Баньская каѳедра сиротствовала. И вотъ краль Милутинъ вспоминаетъ дѣятельнаго Даніила, бывшаго игумена Хиландарскаго, и отправляетъ къ нему въ Карею одного посла за другимъ, призывая къ себѣ. Преданный уединеннымъ подвигамъ, Даніилъ долго отказывался, но неотступныя просьбы краля заставили его согласиться, и вотъ онъ является къ кралю Милутину. Краль изъясняетъ свои тяжелыя обстоятельства и, вручая собранныя въ Баньскомъ монастырѣ сокровища, проситъ Даніила взять ихъ подъ свою охрану и предлагаетъ ему занять епископскую Баньскую каѳедру. Даніилу очень не хотѣлось разставаться съ уединенной жизнью на Святой Горѣ, но краль Милутинъ наконецъ убѣдилъ его согласиться на помянутое предложеніе, обѣщая снова отпустить его на Святую Гору, когда окончится благополучно война.

Когда краль Милутинъ благополучно вышелъ изъ затрудненій вслѣдствіе возстанія брата Драгутина, Даніилъ сталъ опять проситься на Святую Гору, и какъ ни уговаривалъ краль остаться въ Сербіи, онъ все-таки опять удалился въ любимый Хиландарь, гдѣ, поселившись въ помянутомъ прежде пиргѣ, или башнѣ, снова предается подвигамъ уединенія. Какъ всегда, такъ особенно теперь, онъ предается чтенію и изученію книгъ Божественнаго Писанія.

Святаго Даніила давно влекло желаніе посѣтить Святый Градъ Іерусалимъ и поклониться христіанскимъ святынямъ. И вотъ теперь онъ полагалъ, что, наконецъ, настало благопріятное время для исполненія своего намѣренія. Онъ сталъ готовиться къ путешествію въ Іерусалимъ.

Узнавъ объ этомъ, сербскій краль Милутинъ очень опечалился: онъ не желалъ, чтобы Даніилъ совсѣмъ оставилъ его,— онъ нуждался въ немъ какъ въ человѣкѣ, на котораго можно положиться и который можетъ дать и полезный совѣтъ, и оказать услуги иного рода. Краль сталъ уговаривать Даніила отложить свое намѣреніе и, вмѣсто путешествія въ Іерусалимъ, возвратиться въ Сербію.

гдѣ предстоятъ ему разныя дѣла и почести. Даніилъ уступилъ настояніямъ краля. Баньская епископія была упразднена, сдѣлана игуменствомъ, а Даніилъ оставленъ былъ на жительство при Сербскомъ архіепископѣ Саввѣ III, который отвелъ ему въ своемъ домѣ келлію какъ будущему своему преемнику: ибо Милутинъ, уговаривая Даніила возвратиться въ Сербію, обѣщалъ ему въ будущемъ архіепископскій сербскій престолъ святаго Саввы.

Савва III вскорѣ послѣ того умеръ. На его мѣсто, однако, по неизвѣстнымъ причинамъ избранъ былъ не Даніилъ, а его ученикъ—хиландарскій игуменъ Никодимъ, Даніилъ же получилъ епархію Холмскую [1]).

20 октября 1320 года скончался благочестивый Сербскій краль Стефанъ Урошъ II Милутинъ, правившій Сербіей тридцать лѣтъ, расширившій ея предѣлы и доставившій ей большую славу. Даніилъ былъ извѣщенъ о болѣзни краля и присутствовалъ при его кончинѣ и погребеніи, которое совершалось въ задушбинѣ Милутина, въ Баньскомъ монастырѣ св. Стефана, гдѣ Даніилъ ранѣе былъ епископомъ.

На Сербскій престолъ вступилъ сынъ Милутина, святый Стефанъ Урошъ III Дечанскій [2]).

Сейчасъ же послѣ своей коронаціи онъ вызвалъ и приблизилъ къ себѣ епископа Даніила, котораго съ юныхъ лѣтъ привыкъ любить и цѣнить какъ мудраго совѣтника въ теченіе многихъ лѣтъ при его отцѣ, а особенно — какъ своего помощника и защитника въ тяжелыхъ несчастіяхъ. Заступничеству и ходатайству Даніила Стефанъ Дечанскій былъ обязанъ своимъ освобожденіемъ изъ заточенія въ Царьградѣ и окончательнымъ примиреніемъ съ отцомъ.

Даніилъ, такимъ образомъ, сталъ теперь постояннымъ учителемъ, совѣтникомъ и помощникомъ Сербскаго краля. Въ началѣ правленія Стефана Дечанскаго встрѣтились затрудненія, какъ внутри страны, такъ и извнѣ. Нужно было новому кралю защищаться противъ враговъ внутреннихъ, его соперниковъ, поднявшихъ возстаніе, именно противъ двоюроднаго брата—Владислава, сына краля Драгутина, и противъ брата роднаго по отцу—Константина. Нужно было также охранять себя и Сербію и отъ враговъ внѣшнихъ. Болгарскій царь Михаилъ удалилъ отъ себя жену свою Неду, сестру Стефана Дечанскаго, и искалъ сближенія и союза съ Гре-

[1]) Епархія Холмская, или Захолмская, находилась въ нынѣшней Герцеговинѣ.

[2]) 6-го января 1321 года; см.: житіе св. Стефана Дечанскаго подъ 11 ноября.

ками противъ Сербовъ. Стефану Дечанскому приходилось и оружіемъ защищаться, и прибѣгать къ мирнымъ соглашеніямъ и переговорамъ. Для такихъ переговоровъ не было тогда человѣка болѣе способнаго, какъ епископъ Даніилъ, обладавшій разнообразнымъ житейскимъ опытомъ и необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, особенно же умѣньемъ говорить передъ царями. И вотъ, по просьбѣ и порученію краля Стефана Дечанскаго Даніилъ выполняетъ съ полнымъ успѣхомъ посольство къ Болгарскому царю Михаилу и Цареградскому царю Андронику Младшему.

Исполняя разныя порученія своего государя, Даніилъ не могъ забыть своей любимой Святой Горы Аѳонской и при всякой возможности и теперь уходилъ туда, но долго тамъ оставаться ему уже не приводилось. Такъ, по выполненіи упомянутыхъ посольствъ, онъ удалился было снова на Аѳонъ, но смерть Сербскаго архіепископа Никодима, послѣдовавшая 13 мая 1323 года, заставила его вернуться въ Сербію. Созванный кралемъ Соборъ духовенства и властителей единогласно, 14 сентября того же года, провозгласилъ Даніила «архіепископомъ всѣхъ сербскихъ и поморскихъ земель». Ему было тогда 50 лѣтъ.

Занявши архіепископскій престолъ, Даніилъ всѣми силами своей души предался заботамъ о благѣ Церкви своей такъ горячо любимой родины. Прежде всего, конечно, онъ обратилъ вниманіе на церковное благоустройство какъ внутреннее, такъ и внѣшнее. Какъ мужъ просвѣщенный, онъ старался среди духовенства поднять просвѣщеніе посредствомъ поощренія книжнаго ученія, распространенія школъ и книгъ.

Въ Богослуженіи и жизни церковныхъ людей онъ заботился о введеніи строгаго чина, порядка и благолѣпія. Много заботъ приложено было имъ къ тому, чтобы церкви имѣли нужныя книги; много было введено въ церковное употребленіе и такихъ книгъ, которыхъ ранѣе у Сербовъ еще не было.

Архіепископъ Даніилъ въ теченіе своей долгой жизни пріобрѣлъ большой опытъ въ дѣлахъ строительства и хозяйства. Занявши высшее мѣсто въ управленіи Сербскою Церковію, онъ примѣнилъ къ дѣлу свои обширныя познанія и опытъ. При сочувствіи Сербскаго краля онъ имѣлъ полную возможность при своей горячей ревности заняться внѣшнимъ благоустройствомъ церквей сербскихъ: онъ возводилъ новые великолѣпные храмы, возстановлялъ и перестраивалъ старые, украшалъ ихъ извнѣ и внутри, снабжалъ

церковною утварью, священными одеждами и книгами, украшалъ иконами и стѣнною живописью. Для построенія и украшенія храмовъ онъ добывалъ нужные, часто дорогіе матеріалы какъ въ самой Сербіи, такъ и за ея предѣлами, выписывая какъ мастеровъ, такъ и самые предметы, напримѣръ — изъ Адріатическаго приморья колокола для церквей.

Особенно много трудовъ и заботъ онъ положилъ на устройство и украшеніе церквей въ двухъ архіепископскихъ каѳедральныхъ монастыряхъ, въ Жичѣ и Печи. Въ одномъ мѣстѣ въ знакъ благодаренія за избавленіе его отъ опасностей, которымъ онъ подвергался въ своихъ многоразличныхъ странствованіяхъ по Сербіи и за ея предѣлами, онъ построилъ великолѣпный храмъ въ честь Богоматери, именуемой Одигитріи Цареградской, съ двумя придѣлами—въ честь Іоанна Предтечи и святаго Арсенія архіепископа Сербскаго, и тутъ же — маленькую церковь во имя святаго Николая Чудотворца. Украсивъ ее великолѣпно внутри и снаружи, снабдивъ всѣмъ необходимымъ, онъ установилъ, чтобы въ этомъ храмѣ совершали Богослуженіе греческіе монахи по греческимъ книгамъ и по чину греческихъ монастырей. Въ другомъ мѣстѣ къ ранѣе существовавшимъ церквамъ святыхъ Апостоловъ и святаго Димитрія и имъ построенной Богородичной церкви онъ пристроилъ общую припрату, или трапезу, по подобію храмовъ греческихъ, изъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ и съ различными украшеніями извнутри и извнѣ, а вблизи — пиргъ, или укрѣпленную башню, съ церковію наверху во имя святаго Даніила Столпника.

Въ разныхъ мѣстахъ Сербіи, какъ то въ крѣпости Магличѣ, въ мѣстечкахъ Елицѣ, Лизицѣ и другихъ, архіепископомъ Даніиломъ было или вновь построено, или возобновлено много церквей, монастырей и другихъ зданій, принадлежавшихъ Церкви.

Кромѣ возведенія церковныхъ и другихъ зданій, Даніилъ вездѣ при монастыряхъ и церквахъ заботился объ устройствѣ и разведеніи огородовъ, садовъ, виноградниковъ и вообще хозяйства для обезпеченія различныхъ церковныхъ учрежденій.

Время управленія архіепископа Даніила было лучшимъ временемъ какъ внутренняго, такъ и внѣшняго процвѣтанія Сербской Церкви; много памятниковъ старины отъ того времени сохранилось и донынѣ.

При Стефанѣ Дечанскомъ Даніилъ былъ постояннымъ и главнымъ совѣтникомъ. Когда возгорѣлась война между Сербіей и Бол-

гаріей и когда Стефанъ Дечанскій вмѣстѣ со своимъ сыномъ Стефаномъ Душаномъ отправился въ походъ, Даніилъ оставленъ былъ попечителемъ кралевскаго семейства и главнымъ правителемъ страны. На имя архіепископа Даніила краль посылалъ извѣстія съ поля брани, и архіепископъ учреждалъ молебствія о дарованіи побѣды, а когда въ битвѣ при Вельбуждѣ Сербы одержали рѣшительную побѣду надъ Болгарами, Даніилъ назначилъ благодарственныя молебствія по всей Сербской землѣ. Краль Стефанъ Дечанскій, въ знакъ благодарности Господу Богу за дарованную побѣду, на сокровища, которыя достались ему какъ военная добыча послѣ пораженія Болгаръ, рѣшилъ создать себѣ задушбину, великолѣпный храмъ Вознесенія Господня въ Дечанахъ. Въ избраніи мѣста и построеніи сего драгоцѣннаго художественнаго храма принялъ самое дѣятельное участіе архіепископъ Даніилъ; онъ былъ не только ктиторомъ, строителемъ монастыря, но и вкладчикомъ: онъ на свои средства отстроилъ одну частицу храма какъ свою собственную задушбину[1]).

Немного времени спустя послѣ торжествъ побѣды надъ врагами архіепископу Даніилу пришлось пережить тяжелыя обстоятельства Сербской внутренней смуты, въ которой благочестивому кралю Стефану Дечанскому суждено было погибнуть мученическою смертію отъ убійцъ, дѣйствовавшихъ не безъ вѣдома сына его Стефана Душана[2]).

Стефанъ Душанъ, сдѣлавшись единовластнымъ кралемъ Сербіи, силою оружія распространилъ предѣлы государства и пріобрѣлъ новую славу для Сербіи и Сербской Церкви. Онъ принялъ титулъ царя Сербовъ и Грековъ по завоеваніи нѣкоторыхъ греческихъ областей, а Сербскаго архіепископа возвелъ въ санъ Сербскаго Патріарха. Это было въ 1346 году, но архіепископъ Даніилъ до сихъ событій не дожилъ: онъ мирно скончался 20 декабря 1337 г.

Святый архіепископъ Даніилъ знаменитъ не только какъ благочестивый подвижникъ, церковный и государственный дѣятель, но и какъ просвѣщенный книжный человѣкъ и писатель. Его ученикъ, написавшій его житіе, свидѣтельствуетъ о необыкновенной начитанности Даніила, его любви къ книжному чтенію и просвѣщенію другихъ, о его заботахъ о распространеніи книгъ въ Сер-

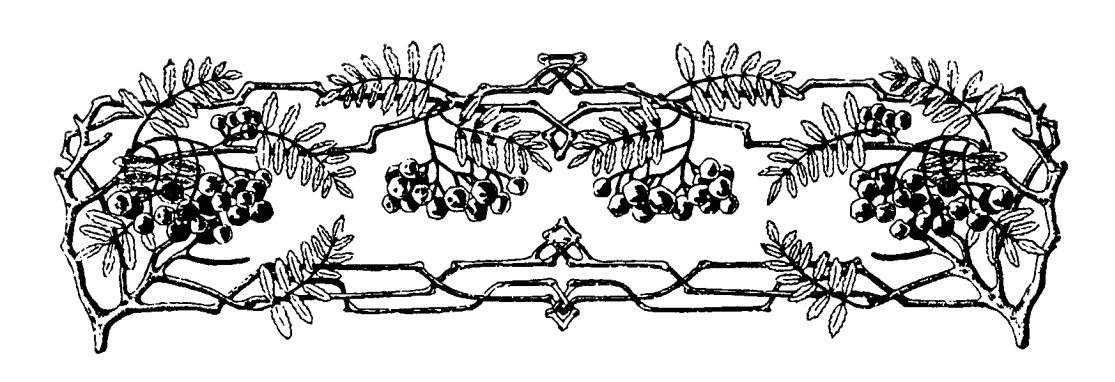
---

[1]) Подробнѣе обо всѣхъ сихъ дѣлахъ см. въ вышеуказанномъ житіи св. Стефана Дечанскаго подъ 11 ноября въ сихъ Минеяхъ-Четьихъ.

[2]) См. то же житіе.

біи не только въ новыхъ спискахъ прежнихъ книгъ, но и въ составленіи и переводѣ книгъ новыхъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ дѣлѣ трудился неутомимо всю жизнь самъ Даніилъ. Какъ писатель, онъ оставилъ послѣ себя обширный и драгоцѣнный трудъ—«Житія кралей и архіепископовъ Сербскихъ». Даніилъ горячо любилъ свою родину и позаботился о томъ, чтобы подвиги и дѣянія прежнихъ кралей и архіепископовъ, изъ коихъ многіе причислены къ лику святыхъ, не остались въ забвеніи[1]). Своимъ примѣромъ и заботами Даніилъ много содѣйствовалъ развитію сербской письменности въ его время, особенно въ любимомъ имъ Хиландарскомъ монастырѣ, долго служившемъ средоточіемъ сербскаго духовнаго просвѣщенія.

[1]) Этотъ трудъ Даніила, называемый иногда то «Родословомъ», то «Цароставникомъ», напечатанъ съ позднѣйшими дополненіями, къ коимъ принадлежитъ и житіе Даніила, написанное однимъ изъ его учениковъ—Даничичемъ въ изданіи, указанномъ въ примѣчаніи 1-мъ.



День двадцать первый

СТРАДАНІЕ

СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ

ІУЛІАНІИ ДѢВЫ

и другихъ съ нею

Въ царствованіе нечестивыхъ царей Римскихъ: на Западѣ— Діоклетіана и на Востокѣ Максиміана, въ византійскомъ городѣ Никомидіи[1]) господствовало идослуженіе. Въ это время тамъ жилъ одинъ богатый и знатный человѣкъ, по имени Африканъ, весьма приверженный къ языческому нечестію; у него была дочь, по имени Іуліанія. Когда Іуліанія начала приходить въ возрастъ и цвѣсти красотою, и въ то же время проявлять умъ и добронравіе, одинъ изъ царскихъ сановниковъ, по имени Елевсій, предупреждая другихъ жениховъ, заранѣе обручился съ нею; совершеніе же брака было отложено до совершеннолѣтія. Между тѣмъ, Іуліанія, услышавъ Евангельскую проповѣдь о Христѣ, увѣровала въ Него и стала тайной христіанкой. При видѣ неба, земли, моря, огня она искала Того, Кто создалъ все это, и отъ созданія научилась познавать Создателя, какъ говоритъ святый Апостолъ Павелъ: **невидимаѧ єгѡ̀ ѿ созда́нїѧ мі́ра творе́ньми помышлѧ́єма ви̑дима сꙋ́ть»**[2]). И размышляла она въ душѣ своей:

[1]) О *Никомидіи* см. на стр. 392, прим. 4.

[2]) Посл. къ Римл., гл. 1, ст. 20.

«Единъ есть Истинный Богъ, Которому должно поклоняться, бездушные же идолы—не боги, но жилища бѣсовъ». Съ этихъ поръ она стала усердно предаваться молитвѣ и чтенію божественныхъ книгъ, поучаясь въ законѣ Господнемъ день и ночь—тайно отъ отца своего, который, какъ ревностный язычникъ, былъ другомъ бѣсовъ и врагомъ христіанъ. Мать же Іуліаніи, хотя тоже была язычница, не отвергала и христіанской вѣры. Впрочемъ, особенно она не заботилась ни о той, ни о другой вѣрѣ — ни идоламъ не служила усердно, ни Христа не почитала, и потому не обращала вниманія на то, какой вѣры держится ея дочь. Итакъ, при нерадѣніи матери блаженная Іуліанія легко могла скрыть отъ отца свою вѣру во Христа и упражняться въ молитвѣ и чтеніи Божественныхъ Писаній. Исполненная въ сердцѣ своемъ любви къ Богу и утвержденная въ благочестіи, она помышляла, какъ бы ей отказаться отъ того, съ кѣмъ она была обручена, и избѣгнуть брака съ нечестивымъ, дѣвство свое соблюсти нерушимымъ отъ идолопоклонника и тѣло сохранить чистымъ отъ слуги бѣсовскаго.

Посему, когда стало приближаться время брака, Іуліанія послала къ своему жениху Елевсію сказать:

— Не готовься напрасно къ браку: да будетъ тебѣ извѣстно, что я не соглашусь идти за тебя замужъ, если ты не сдѣлаешься епархомъ страны этой.

Такъ поступила святая въ увѣренности, что Елевсію невозможно достигнуть этого сана, и такимъ образомъ думала избѣгнуть брака съ нимъ. Но Елевсій, плѣненный любовію къ ней, началъ тщательно домогаться сана епарха — то посредствомъ усиленныхъ просьбъ, то посредствомъ богатыхъ даровъ, то чрезъ сильныхъ ходатаевъ,—умоляя царя почтить его тѣмъ саномъ. И по прошествіи многаго времени, истративъ много имѣнія, онъ, хотя и съ трудомъ, при помощи бѣса, достигнулъ желаемаго; ибо діаволъ, желая помѣшать доброму намѣренію святой дѣвы, помогъ Елевсію. Сдѣлавшись епархомъ, онъ тотчасъ послалъ къ своей невѣстѣ сказать:

— Радуйся, Іуліанія, что имѣешь меня женихомъ, удостоеннымъ славы, ибо я—епархъ! Итакъ, готовься къ браку.

Іуліанія, видя, что посредствомъ вымышленнаго предлога она не избѣгла сѣтей Елевсія, явно открыла то, что долго скрывала въ сердцѣ своемъ, и чрезъ посланныхъ отвѣчала ему такъ:

— Хорошо, что ты удостоенъ епаршества; но если не поклонишься Богу моему и не будешь служить Господу Іисусу Христу, Которому я служу, то ищи себѣ для брака другую; ты мнѣ не угоденъ, ибо я не желаю имѣть мужемъ того, кто не исповѣдуетъ единую со мной вѣру.

Ст҃а́ѧ мч҃нца
Іꙋліанія

Услышавъ это, Елевсій удивился перемѣнѣ въ своей невѣстѣ и сильно разгнѣвался. Призвавъ отца ея Африкана, онъ сталъ спрашивать его:

— Почему дочь твоя и отъ боговъ нашихъ отказывается, и мною гнушается?

При этомъ Елевсій сообщилъ Африкану обо всѣхъ словахъ ея, переданныхъ чрезъ пословъ.

Услыхавъ объ этомъ, Африканъ былъ въ недоумѣніи, удивляясь такому неожиданному обстоятельству, и не менѣе епарха сильно разгнѣвался на Іуліанію, такъ какъ и самъ былъ ревностнымъ почитателемъ своихъ скверныхъ боговъ. Возвратившись домой, онъ сначала кротко и отечески началъ спрашивать дочь свою:

— Скажи мнѣ, дочь возлюбленная и сладкій свѣтъ очей моихъ, почему ты отвращаешься отъ брака и отказываешь епарху?

Іуліанія, не желая даже слышать объ этомъ, отвѣчала:

— Перестань, отецъ! Ибо клянусь надеждою моею—Господомъ моимъ Іисусомъ Христомъ, что Елевсій не вступитъ со мной въ бракъ, если сначала не приметъ вѣры моей, ибо что за бракъ—тѣломъ быть соединенными, духомъ же раздѣленными и враждовать другъ противъ друга?

Тогда отецъ Іуліаніи, внѣ себя отъ гнѣва, воскликнулъ:

— Безумствуешь ты, окаянная, или любишь мученія?

— Мученія за Христа я люблю,—отвѣчала дѣвица.

— Клянусь великими богами—Аполлономъ и Артемидою[1]),— воскликнулъ Африканъ,—что звѣрямъ и псамъ отдамъ я тѣло твое на съѣденіе.

Святая отвѣчала:

— Такъ зачѣмъ же медлишь! Пусть придутъ псы, пусть придутъ звѣри, и пусть будетъ для меня—если это возможно—вмѣсто одной много смертей, ибо я буду радоваться, нѣсколько разъ умирая за Христа и получая отъ Него каждый разъ воздаяніе.

Тогда отецъ, желая склонить ее хитростію къ своему желанію, оставилъ гнѣвъ и ласково началъ бесѣдовать съ нею, прося и уговаривая ее не ослушаться его. Она же, исполненная добраго упованія, возражала и безбоязненно говорила:

— Неужели и ты подобенъ глухимъ богамъ своимъ, ибо имѣешь уши и не слышишь? Не сказала ли я тебѣ съ клятвою, что не можетъ быть у меня общенія съ Елевсіемъ, если сначала онъ не согласится поклониться Христу моему?

Услышавъ это, отецъ заперъ ее въ комнатѣ. Затѣмъ снова вывелъ ее оттуда и добрыми и ласковыми словами со слезами началъ склонять святую къ почитанію боговъ и къ любви къ Елевсію. Но мужественная дѣва снова воскликнула:

— Не принесу жертвы богамъ, не поклонюсь истуканамъ, не полюблю нечестиваго Елевсія! Христу Единому поклоняюсь, Христа почитаю, Христа люблю!

Тогда отецъ, разгнѣвавшись, схватилъ Іуліанію и началъ бить безъ пощады: бросивъ на землю, влачилъ ее за волосы, топталъ ногами,—не какъ родитель, но какъ мучитель, нисколько не являя родительской жалости и, въ своей лютой ярости и неудержимомъ гнѣвѣ, забывъ естественную любовь къ дочери. И билъ онъ ее до тѣхъ поръ, пока самъ не усталъ, такъ что блаженная дѣва едва осталась жива. Послѣ этого онъ отослалъ ее къ ея жениху—епарху Елевсію, чтобы онъ дѣлалъ съ нею что хочетъ. Тотъ же, будучи презираемъ ею, исполненъ былъ на нее великой ярости: дыша гнѣвомъ и скрежеща на нее зубами, онъ считалъ великимъ для себя безчестіемъ, что она возгнушалась имъ и отвергла

[1]) *Аполлонъ*—одинъ изъ наиболѣе почитаемыхъ древними Греками и Римлянами языческихъ боговъ, считавшійся богомъ Солнца и умственнаго просвѣщенія, а также общественнаго порядка, охранителемъ закона и божествомъ прорицанія будущаго. *Артемида*—иначе *Діана*—извѣстная языческая богиня у Грековъ, олицетворяла собою Луну и считалась покровительницею лѣсовъ и охоты. Служеніе этой богинѣ отличалось съ большимъ великолѣпіемъ и блескомъ.

любовь его. Посему онъ очень обрадовался, что она была отдана въ руки его и что онъ получилъ власть надъ нею. И вотъ онъ задумалъ судить ее публично (ибо былъ епархъ), будто бы за непочитаніе боговъ, а на самомъ дѣлѣ — совершая мщеніе за ея презрѣніе къ нему. Возсѣвъ на судилище, онъ повелѣлъ привести къ допросу агницу Христову.

Когда святая дѣва Іуліанія предстала на судъ предъ своимъ женихомъ Елевсіемъ и, какъ заря, возсіяла красотою лица своего, то всѣ обратили на нее свои взоры, удивляясь красотѣ лица ея. Елевсій, лишь только взглянулъ на нее, тотчасъ смягчился, и гнѣвъ его обратился въ любовь. Сначала онъ не могъ сказать ей ни одного жестокаго слова, но началъ мирно и ласково бесѣдовать, будучи охваченъ желаніемъ обладать дѣвицею. Онъ сказалъ ей:

— Повѣрь мнѣ, прекраснѣйшая дѣвица, что если ты изберешь меня своимъ мужемъ, то будешь освобождена отъ всѣхъ, ожидающихъ тебя, тяжкихъ мукъ, хотя бы даже и не согласилась принести жертвы богамъ. Я не буду тебя принуждать къ сему,—только согласись на бракъ со мною.

На это невѣста Христова отвѣчала:

— Никакое слово, ни мука, ни самая смерть не заставятъ меня соединиться бракомъ съ тобою прежде, чѣмъ ты не сдѣлаешься христіаниномъ и не примешь Святаго Крещенія.

— И это я сдѣлалъ бы, возлюбленная,—отвѣчалъ Елевсій,— если бы не боялся царскаго гнѣва: ибо когда царь узнаетъ объ этомъ, то лишитъ меня не только сего высокаго сана, но вмѣстѣ съ нимъ и самой жизни.

Святая сказала:

— Если ты такъ боишься своего царя—смертнаго, временнаго, имѣющаго власть только надъ тѣломъ, а не надъ душою, то какъ я могу не бояться Царя Безсмертнаго, имѣющаго власть надъ всѣми царями и владычествующаго надъ всякимъ дыханіемъ и надъ душою, и какъ могу соединиться супружескимъ союзомъ со врагомъ Его?! Если бы кто изъ твоихъ рабовъ вступилъ въ дружбу со врагомъ твоимъ, пріятно ли это было бы для тебя, и не разгнѣвался ли бы ты за это на раба своего? Итакъ, не обманывайся, не пустословь, надѣясь убѣдить меня. Если хочешь, обратись и ты къ Богу моему; если не сдѣлаешь этого, то убей меня, брось въ огонь, покрой ранами, предай звѣрямъ и подвергни

какимъ угодно мукамъ, но я не послушаюсь тебя, ибо ты противенъ мнѣ; супружество съ тобою для меня все равно, что дружба съ бѣсами, и бракъ съ тобою—то же, что гробъ смердящій, положенный предъ глазами моими.

Услыхавъ это, Елевсій воспламенился гнѣвомъ и измѣнился въ лицѣ своемъ, ибо такова нечистая любовь, когда ее презираютъ и гнушаются ею. Онъ повелѣлъ обнажить Іуліанію и крестообразно растянуть, привязавъ веревками за руки и за ноги, и затѣмъ жестоко бить сухими жилами и прутьями. И была святая бичуема шестью воинами—долгое время, пока не устали сами мучители. Она же, хотя и была по естеству—сосудъ немощной, мужественно претерпѣвала мученія.

Приказавъ воинамъ перестать бичеваніе, епархъ сказалъ Іуліаніи:

— Это, Іуліанія, только начало твоихъ мученій, несравненно же большія ожидаютъ тебя, если ты не принесешь жертвы великой Артемидѣ.

Но мученица, желая лучше переносить мученія, чѣмъ слушать Елевсія, все еще надѣявшагося склонить ее къ исполненію его воли, отвѣчала:

— О, поистинѣ ты безуменъ и безразсуденъ! Почему ты еще не мучаешь меня? Чего еще ждешь? Я болѣе готова терпѣть мученія, чѣмъ ты готовъ мучить меня.

Тогда святая была повѣшена за волосы и висѣла такъ немалую часть дня, такъ что кожа на головѣ ея отстала отъ тѣла, лицо вспухло и брови оттянулись вверхъ. Елевсій же, имѣя, по любви къ ней, еще нѣкоторую надежду, ласково убѣждалъ ее пощадить себя. Когда ласковыя слова его и просьбы не возъимѣли никакого успѣха, онъ еще болѣе разгнѣвался и повелѣлъ сильно раскаленнымъ желѣзомъ опалять бока ея и поджигать другія части тѣла; затѣмъ, связавъ руки ея и пронзивъ острымъ желѣзомъ бедро ея, еле живую ввергнулъ ее въ темницу.

Находясь въ темницѣ, святая Іуліанія лежала, поверженная на землѣ, и взывала къ Богу:

— Господи Боже мой, всемогущій, непобѣдимый въ силѣ и крѣпкій въ дѣлахъ! Отъими отъ меня скорби сіи и отъ постигнувшихъ меня болѣзней избави, какъ избавилъ Даніила отъ львовъ, Ѳеклу — отъ огня и звѣрей! Отецъ мой и мать моя оставили меня,—Ты же, Господи, не отступи отъ меня, но, какъ

нѣкогда сохранилъ Израильтянъ, прошедшихъ чрезъ море, и потопилъ ихъ враговъ, такъ и меня нынѣ сохрани. Возставшаго же противъ меня Елевсія, а съ нимъ и сатану, который старается воспрепятствовать мнѣ въ спасеніи, сокруши, о непобѣдимый Царь!

Когда Іуліанія такъ молилась Богу и молитва была еще на устахъ ея, невидимый врагъ (діаволъ), преобразившись во образъ свѣтлаго Ангела, видимымъ образомъ явился къ ней и сказалъ:

— Вотъ, Іуліанія, ты терпишь тяжкія муки, а еще болѣе тяжкія и воистину нестерпимыя приготовилъ для тебя Елевсій. Когда ты будешь выведена изъ темницы, тотчасъ принеси жертву богамъ, ибо не можешь болѣе переносить сильной лютости мукъ.

Святая спросила:

— Кто ты?

Діаволъ отвѣчалъ:

— Я—Ангелъ, и поелику Богъ много заботится о тебѣ, то послалъ меня къ тебѣ, ибо Онъ желаетъ, чтобы ты послушалась епарха и отъ многихъ мученій не погибло бы тѣло твое. Господь милосердъ и проститъ тебѣ это ради немощи измученной плоти твоей.

Услышавъ это, мученица удивилась и смутилась, ибо видѣла, что явившійся—съ виду Ангелъ, а по рѣчамъ—врагъ. Посему, воздохнувши изъ глубины сердца, со слезами на глазахъ сказала:

— Господи мой, Создатель вселенной, Котораго Единаго хвалятъ Небесныя Силы и трепещетъ множество бѣсовъ! Не презри меня, страждущую ради Тебя, дабы врагъ мой не смѣшалъ когда-либо сладость съ горечью и не подалъ мнѣ. Повѣдай мнѣ, кто тотъ, который говоритъ мнѣ такія слова? Кто тотъ, который называетъ себя рабомъ Твоимъ?

Такъ взывала святая и тотчасъ же была услышана, ибо съ Неба раздался Голосъ:

— Дерзай, Іуліанія! Я—съ тобою! Съ пришедшимъ же къ тебѣ дѣлай, что хочешь: Я даю надъ нимъ тебѣ власть и силу,— и отъ него самого узнай, кто онъ и зачѣмъ пришелъ къ тебѣ?

Такой послѣдовалъ за молитвой Голосъ, а за Голосомъ послѣдовало такое чудо: тотчасъ разрѣшились оковы ея и спало желѣзо съ бедръ, и тогда святая встала съ земли здравою и крѣпкою тѣломъ, а діаволъ, удерживаемый силою Божіею, стоялъ и не могъ бѣжать, будучи связанъ невидимыми узами. Святая мученица схватила его,

какъ раба неключимаго, и, какъ будто допрашивая на судѣ, стала спрашивать, кто онъ, откуда и кѣмъ посланъ. Діаволъ же, хотя и исполненъ былъ лжи, однако, будучи принужденъ мучащею его силою Создателя, началъ—хотя и противъ воли—говорить истину.

— Я,—сказалъ онъ,—діаволъ, одинъ изъ первыхъ князей тьмы и посланъ отцомъ моимъ сатаною искусить и обольстить тебя, ибо мы великую приняли муку отъ молитвъ твоихъ и отъ твоего дѣвическаго цѣломудрія и мужественнаго терпѣнія. Я—тотъ, который нѣкогда посовѣтовалъ въ Раю Евѣ преступить на погибель Заповѣдь Божію. Я внушилъ Каину убить брата своего Авеля. Я научилъ Навуходоносора поставить на полѣ Деирѣ золотого истукана. Я прельстилъ Іудеевъ поклоняться идоламъ. Я премудраго Соломона сдѣлалъ безумнымъ, возбудивъ въ немъ страсть къ женамъ. Я Ироду внушилъ избіеніе младенцевъ, а Іудѣ—предать Учителя и самому удавиться. Я подвиглъ евреевъ побить камнями Стефана, подвигнулъ Нерона распять внизъ головою Петра и усѣчь мечомъ Павла.

Услышавъ это, святая Іуліанія сотворила новое чудо, ибо другія наложила на него узы и раны (кромѣ невидимыхъ, которыми былъ Богомъ связанъ діаволъ), такъ какъ, связавши, стала бить его. И что удивительно—безплотнаго и невещественнаго духа святая могла связать вещественными узами и бить! Ибо сила Божія, удерживающая его не дающими возможности бѣжать узами и наказывающая, хотя невидимо, но дѣйствительною болію, отдала его во власть возлюбленной невѣстѣ Своей. И терпѣлъ бѣсъ боль отъ рукъ дѣвицы, какъ отъ рукъ Божіихъ, ибо вмѣстѣ съ вещественнымъ бичеваніемъ бѣсъ получалъ и невещественную язву—ту, отъ которой воистину получаетъ мученіе рабъ бѣсовскій.

— Увы мнѣ,—восклицалъ онъ,—что мнѣ теперь дѣлать и какъ убѣжать? Многихъ прельстилъ я и подвергнулъ бѣдствіямъ, а теперь самъ прельщенъ и впалъ въ бѣду. Многихъ подвергнулъ я ранамъ, а нынѣ самъ связанъ дѣвическими руками и уязвляюсь ими. Многихъ поработилъ себѣ, а нынѣ самого меня держатъ, какъ плѣнника и раба. О отецъ мой—сатана! Зачѣмъ ты послалъ меня сюда? Неужели не зналъ, что ничего нѣтъ сильнѣе дѣвства и крѣпче молитвъ мученическихъ?

Такъ святая Іуліанія всю ночь мучала бѣса, а поутру епархъ повелѣлъ, если она жива, вывести ее изъ темницы. Святая, идя, влекла за собою и діавола и бросила его въ попавшуюся на

дорогѣ кучу навоза. Затѣмъ она предстала предъ Елевсіемъ, озаряемая прежнею красотою и благообразіемъ лица и здоровая всѣмъ тѣломъ, какъ будто бы никогда не испытывала никакой муки. Удивившись, мучитель сказалъ ей:

— Скажи мнѣ, Іуліанія, когда и какимъ образомъ ты научилась такому волхвованію? И какимъ искусствомъ ты такъ скоро исцѣлилась отъ ранъ, такъ что даже и слѣда отъ нихъ на тебѣ не найдешь?

Святая отвѣчала:

— Ни съ какимъ искусствомъ волшебства я не знакома, но меня исцѣлила неизреченная и всемогущая сила Божія, которая не только тебя, но и отца твоего—сатану постыдила, а меня содѣлала гораздо сильнѣе обоихъ васъ. И ты, и господинъ твой—діаволъ у меня подъ ногами, ибо я связала владыку твоего, которому ты работаешь, и мученія твои сдѣлала какъ бы не бывшими. Такъ Христосъ мой уничтожилъ здѣсь вашу силу, а тамъ—тебѣ, отцу твоему и слугамъ вашимъ уготовилъ огонь вѣчный и страшный тартаръ, тьму кромѣшную и наполненное червями неусыпающими мѣсто, которое ты вскорѣ и получишь.

Тогда мучитель, услыхавъ изъ устъ святой объ огнѣ вѣчномъ, тотчасъ повелѣлъ приготовить великій огонь временный, и была сильно разжжена печь и брошена туда святая. Она же, стоя невредимо въ пламени огненномъ, молилась тамъ ко Господу своему и испустила изъ очей своихъ слезы,—и вдругъ эти малыя слезы стали какъ бы двумя великими источниками и угасили весь огонь.

Весь народъ никомидійскій весьма былъ пораженъ этимъ чудомъ, и увѣровало во Христа мужей около пятисотъ, а женъ—сто тридцать. Всѣ они, какъ бы едиными устами, воскликнули:

— Единъ есть Богъ, Единъ—Тотъ, Котораго прославляетъ мученица Іуліанія; и мы вѣруемъ въ Него, а отъ языческаго идолопоклонства отказываемся. Мы—христіане! Да пріидетъ на насъ мечъ, да пріидетъ огонь, да пріидетъ какая-нибудь самая лютая смерть,—мы готовы вмѣстѣ съ Іуліаніею умереть за Единаго Истиннаго Бога!

Когда они такъ восклицали во всеуслышаніе, епархъ немедленно повелѣлъ привести вооруженныхъ воиновъ и, отдѣливъ всѣхъ увѣровавшихъ отъ собравшагося на зрѣлище народа, усѣчь мечомъ, что и было исполнено. А они всѣ съ радостію преклоняли подъ

мечъ головы свои и умерли за Христа, принимая Крещеніе въ собственной крови своей. Послѣ сего мучитель, дыша неукротимою яростію, повелѣлъ раздѣть святую и бросить въ сильно кипящій котелъ и долго варить, какъ бы нѣкую пищу. Но котелъ этотъ былъ для святой какъ бы теплой баней послѣ трудовъ, ибо нисколько не вредилъ ея тѣлу, а только омывалъ, какъ бы въ купели, ибо къ ней сошелъ Ангелъ Господень и сохранилъ ее невредимою. Огонь же изъ печи устремился на стоявшихъ около и сдѣлалъ то, что нѣкогда съ пещію Вавилонской: всѣхъ, кого достигъ,—сожегъ. Послѣ того котелъ лопнулъ, и мученица вышла изъ него невредимою. Народъ съ удивленіемъ окружилъ ее, какъ бы высокую башню, ибо дѣйствительно святая стала выше всѣхъ ростомъ.

Видя все это, мучитель недоумѣвалъ, что бы ему еще предпринять, такъ какъ всѣ мученія его не достигли цѣли. Считая себя осмѣяннымъ и посрамленнымъ дѣвицею, онъ началъ рвать на себѣ волосы, царапать лицо, рвать на себѣ одежды и отъ сильнаго гнѣва произносить многія хульныя и поносныя слова на своихъ боговъ,—что, служа имъ, онъ не могъ побѣдить одну дѣвицу. Затѣмъ онъ осудилъ святую мученицу Іуліанію на усѣченіе мечомъ.

Діаволъ же, который былъ связанъ святою въ темницѣ, снова явился и, стоя вдали (ибо еще боялся святой мученицы и помнилъ объ ударахъ, нанесенныхъ ею) видимымъ образомъ—въ видѣ человѣка,—радовался ея осужденію на смерть и торопилъ воиновъ поскорѣе взять и предать ее смерти. Когда святая дѣва грознымъ окомъ взглянула на него, онъ тотчасъ затрепеталъ и воскликнулъ:

— Охъ, горе мнѣ! Хочетъ меня сія немилостивая дѣва снова схватить своими руками!

И, воскликнувъ это въ слухъ всѣхъ, діаволъ исчезъ.

Воины, взявъ мученицу, повели ее на усѣченіе; и шла святая въ радости и веселіи, какъ будто бы ведомая на бракъ и спѣшащая къ брачному чертогу. Совершивъ молитву, она преклонила подъ мечъ святую главу свою и была усѣчена мечомъ. Такъ она сочеталась съ своимъ возлюбленнымъ Женихомъ—Христомъ Господомъ, за Котораго съ радостію пострадала[1]).

Нѣкоторая римлянка, по имени Софія, бывшая въ то время по какому-то своему дѣлу въ Никомидіи и возвращавшаяся назадъ—

---

[1]) *Св. Іуліанія* дѣвица и съ нею 500 мужей и 130 женъ пострадали въ 304 году.

въ Римъ, взяла съ собой тѣло мученицы Христовой Іуліаніи. Принесши его въ свой домъ, она впослѣдствіи построила благолѣпную, достойную таковой мученицы, церковь во имя Іуліаніи и съ честію положила въ нее святыя мощи ея[1]).

Елевсія же вскорѣ постигла казнь Божія: когда онъ плылъ по морю, поднялась буря, разбила корабль, и всѣ бывшіе въ кораблѣ потонули. Самъ же Елевсій,—на большую для себя бѣду и мученіе,—спасся отъ потопленія и приплылъ на нѣкоторый островъ, гдѣ и былъ растерзанъ псами.

Такъ съ позоромъ погибъ нечестивый, получивъ достойное возмездіе по дѣламъ своимъ,—за невинное убіеніе святой дѣвы Іуліаніи.

Таковы были мученическій подвигъ невѣсты Христовой Іуліаніи и страдальческая кончина ея.

Обручена она была Елевсію на девятомъ году отъ рожденія своего, на осьмнадцатомъ же году кровію своею сочеталась съ Женихомъ Безсмертнымъ, положивъ за Него душу свою, и нынѣ веселится въ небесномъ чертогѣ со Христомъ Господомъ, отъ всякаго созданія славимымъ въ безконечные вѣки. Аминь.

Конда́къ мч҃нцы, гла́съ г҃:

Дѣ́вства добро́тами преѡчище́нна дѣви́це, и҆ мꙋче́нїѧ вѣнцы̀ і҆ꙋлїа́нїе ны́нѣ вѣнча́вшисѧ, дае́ши сꙋ́щымъ въ нꙋ́ждахъ и҆ недꙋ́зѣхъ и҆сцѣле́нїе, и҆ сп҃се́нїе пристꙋпа́ющымъ къ ра́цѣ твое́й: бж҃е́ственнꙋю бо бл҃года́ть хр҃то́съ и҆сточа́етъ, и҆ жи́знь вѣ́чнꙋю.

---

[1]) Слава св. Іуліаніи весьма велика на Западѣ, и части мощей ея находятся во многихъ странахъ. По западнымъ извѣстіямъ мощи ея (полныя) изъ Никомидіи перенесены въ Путеолы, а оттуда въ Кумы; въ 1207 году онѣ перенесены въ Неаполь. По свидѣтельству же русскаго паломника Антонія, онъ въ 1200 году видѣлъ полныя мощи Іуліаніи въ Царьградѣ.

ЖИТІЕ СВЯТАГО

ПЕТРА,

митрополита Кіевскаго и всея Руси

Святый Петръ, митрополитъ Кіевскій и всея Руси, родился въ землѣ Волынской [1]), отъ благочестивыхъ христіанскихъ родителей [2]). Когда онъ былъ еще во утробѣ матери, на разсвѣтѣ одного воскреснаго дня мать его видѣла такое видѣніе: ей представилось, будто она держитъ на рукахъ своихъ агнца, посреди роговъ котораго выросло густолиственное дерево, имѣющее множество плодовъ и цвѣтовъ; посреди вѣтвей его было множество свѣчей—свѣтящихъ и издающихъ благоуханіе.

Проснувшись, мать недоумѣвала о чудномъ видѣніи, но впослѣдствіи Господь оправдалъ видѣніе, обогативъ Своими дарами ея сына.

Семи лѣтъ отъ рожденія святый Петръ былъ отданъ въ обученіе Божественному Писанію, но сначала онъ учился плохо, о чемъ немало печалились родители его. Сіе же было ради того, чтобы онъ болѣе отъ Бога, нежели отъ людей получилъ книжную премудрость. И дѣйствительно, святый Петръ получилъ ее такимъ образомъ.

Однажды онъ увидѣлъ во снѣ, что къ нему пришелъ нѣкій мужъ въ святительскихъ одеждахъ и сказалъ ему:

— Чадо, отверзи уста твои!

Когда Петръ сдѣлалъ это, явившійся прикоснулся правою рукою къ языку его и, благословивъ его, исполнилъ сладости гортань его.

Проснувшись, отрокъ никого не видѣлъ, но только ощутилъ въ сердцѣ своемъ какъ бы нѣкую сладость и веселіе.

Съ этого времени святый Петръ сталъ быстро понимать, чему училъ его наставникъ; въ скоромъ времени онъ изучилъ все Священное Писаніе и превзошелъ въ ученіи всѣхъ сверстниковъ.

---

[1]) *Волынь* — юго-западная часть Россіи (Украина. — *Ред.*).

[2]) Родители св. Петра были люди состоянія достаточнаго и принадлежали къ сословію боярскому или же купеческому, почему св. Петръ впослѣдствіи и имѣлъ возможность соорудить на свои средства монастырь.

Когда Петру исполнилось двѣнадцать лѣтъ, онъ ушелъ въ близкій къ мѣсту его рожденія монастырь, и принятъ былъ въ число братіи; тамъ несъ онъ монастырскія послушанія: носилъ въ поварню воду и дрова, мылъ братіи власяницы, и ни зимою, ни лѣтомъ нисколько не оставлялъ своего правила. Прежде всѣхъ приходилъ онъ къ церковной службѣ и уходилъ послѣднимъ, въ церкви стоялъ съ благоговѣніемъ, прилежно слушая Божественное Писаніе, никогда не прислоняясь къ стѣнѣ. Наставнику своему всегда оказывалъ послушаніе и съ готовностію служилъ братіи въ смиреніи и молчаніи. По волѣ настоятеля, онъ былъ произведенъ во діакона, а потомъ и во пресвитера. Научился онъ писать и святыя иконы[1]), и, когда писалъ, всѣмъ умомъ и мыслію удалялся отъ земного и, исполняясь богомыслія, ревностно стремился къ добродѣтельному житію.

Послѣ довольно продолжительнаго пребыванія въ томъ монастырѣ по благословенію настоятеля, святый Петръ удалился въ одно пустынное мѣсто и устроилъ себѣ обитель при рѣкѣ Ратѣ[2]). Здѣсь построилъ онъ церковь во имя Спаса нашего Іисуса Христа, и въ короткое время собралось къ нему сюда много братіи.

Святый былъ добръ и незлобивъ и считалъ себя самымъ послѣднимъ изъ всѣхъ; поучалъ всѣхъ съ кротостію, усердно подавалъ милостыню, никогда не отпуская безъ помощи просящаго нищаго и странника, такъ что слухъ о его добродѣтельномъ житіи дошелъ до князя. Посему всѣми онъ былъ почитаемъ, и всѣ принимали отъ него слово наставленія.

Въ то время прибылъ на Русь изъ Константинополя митрополитъ Максимъ[3]), поучая народъ богопреданному ученію. Явившись къ нему съ своею братіею для полученія благословенія, святый Петръ поднесъ ему икону Пресвятой Владычицы нашей

---

[1]) По свидѣтельству древняго житія, св. Петръ обучился искусству иконописанія въ такой степени, что сталъ «иконникъ чуденъ». Памятниками сего доселѣ служатъ находящіяся въ Московскомъ большомъ Успенскомъ соборѣ двѣ иконы Богоматери, имъ написанныя: Успенія Божіей Матери и другая, по его имени нарочито извѣстная подъ именемъ Петровской.

[2]) Это мѣсто было расположено на сѣверъ отъ столицы Галицко-Волынскаго княжества—Львова; рѣка Рата протекаетъ въ нынѣшней австрійской Восточной Галиціи и впадаетъ съ лѣвой стороны въ верхній Западный Бугъ.—Монастырь св. Петра, построенный во имя Спаса (Преображенскій), въ настоящее время не существуетъ; на его мѣстѣ стоитъ теперь село съ приходскою церковію также во имя Спаса.

[3]) Св. Максимъ, грекъ по происхожденію, управлялъ Русскою Церковію съ 1283 по 1304 годъ.

Богородицы, которую самъ написалъ. Святитель же Божій благословилъ его и братію и, принявъ святую икону, берегъ ее у себя въ великой чести.

Спустя немного времени,—когда преставился святитель Максимъ,—нѣкто Геронтій[1]) дерзнулъ восхитить святительство, взять святительскую одежду, ризницу и пастырскій жезлъ, а также и ту икону, которую написалъ Петръ и поднесъ святителю Максиму, и отправился въ Константинополь, желая сдѣлаться русскимъ митрополитомъ.

Тогда князь страны Волынской[2]) сталъ предлагать блаженному Петру,—то самъ прося, то склоняя чрезъ бояръ,—идти въ Константинополь для посвященія на престолъ Кіевской митрополіи; ибо Геронтію никто не сочувствовалъ за его дерзость, съ каковою онъ безъ совѣта и избранія поспѣшилъ восхитить святительскій санъ: **не двéрьми входи́лъ, но прела́зѣлъ и҆́нꙋдѣ**[3]).

Блаженный же Петръ долго не хотѣлъ и отказывался, но, наконецъ, будучи упрошенъ княземъ, боярами и Соборомъ святителей, отправился, а князь послалъ о немъ посланіе къ Святѣйшему Патріарху и ко всему его Собору, высказывая желаніе видѣть Петра на святительскомъ престолѣ.

Когда Геронтій отправился по морю въ Константинополь, плаваніе для него оказалось неблагопріятнымъ: поднялись сильная буря, противные вѣтры и волны, такъ что онъ на пути замедлилъ немало времени. Для блаженнаго же Петра былъ на томъ же морѣ тихій и попутный вѣтеръ, и онъ, точно во снѣ, переплылъ море.

Въ это же время Геронтію явилась въ видѣніи вышеупомянутая икона Пресвятой Владычицы, которая сказала ему:

— Напрасно ты, старецъ, трудишься, ибо не достанется тебѣ святительскій санъ, котораго ты ищешь. Но тотъ, который написалъ меня—Ратскій игуменъ Петръ—служитель Сына Моего и Бога и Мой, будетъ возведенъ на престолъ святительскій и право упасетъ людей своихъ, за которыхъ Сынъ Мой—Христосъ

---

[1]) Одинъ изъ игуменовъ Владимірскихъ.

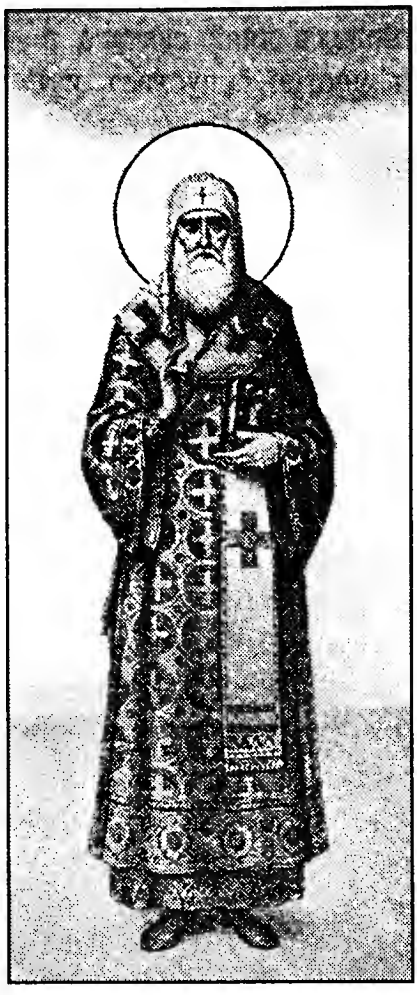
[2]) Здѣсь разумѣется Галицко-Волынскій князь Юрій Львовичъ, который негодовалъ на самоволіе Геронтія тѣмъ болѣе, что на Волыни недовольные удаленіемъ каѳедры изъ Кіева въ дальній Владиміръ желали видѣть митрополита гдѣ-либо на югѣ; особенно же князь Юрій хотѣлъ, чтобы митрополія была въ Галичѣ. Князь Юрій былъ могущественный; владѣя всею Галиціею, онъ именовался даже царемъ Руси.

[3]) Еванг. отъ Іоан., гл. 10, ст. 1.

Господь—пролилъ кровь Свою, отъ Меня воспринятую, и богоугодно поживъ, въ старости доброй съ радостію отойдетъ къ Владыкѣ всѣхъ».

Геронтій въ страхѣ проснулся и повѣдалъ всѣмъ о видѣніи.

Наконецъ, святый Петръ достигъ Константинополя; Патріархомъ Константинопольскимъ былъ тогда Аѳанасій—мужъ дивный, украшавшій своими добродѣтелями престолъ вселенскій[1]). Когда Петръ пришелъ къ Патріарху, храмъ наполнился благоуханіемъ; просвѣщенный свыше Патріархъ уразумѣлъ, что такое благоуханіе было ради пришествія Петра, и съ радостію благословилъ его. Затѣмъ, узнавъ о причинѣ его прибытія, Патріархъ созвалъ Соборъ святителей, и они учинили обычное разсмотрѣніе дѣла. Петръ былъ признанъ достойнымъ святительскаго сана, будучи предуказанъ къ сему прежде своего рожденія.



Ст҃и́тель
Пе́тръ

И такъ Патріархъ, во время совершенія Божественной службы, посвятилъ сего дивнаго Петра на святительское служеніе[2]); при этомъ лицо угодника Божія во время посвященія такъ просіяло, что всѣ дивились и говорили:

— Воистину человѣкъ сей пришелъ къ намъ по повелѣнію Божію, — и всѣ исполнились духовной радости.

Спустя нѣсколько дней прибылъ въ Константинополь и Геронтій и (хотя и противъ воли) разсказалъ обо всемъ, что съ нимъ случилось. Патріархъ же, взявъ у него святительскія одежды, честну́ю икону, пастырскій жезлъ и церковную утварь, все отдалъ въ руки истинному пастырю—Петру.

---

[1]) *Аѳанасій II*—Патріархъ Константинопольскій съ 1303 по 1311 г.

[2]) *Св. Петръ* былъ поставленъ въ митрополиты всея Руси въ 1308 году, на третій годъ послѣ кончины митрополита Максима.

Затѣмъ Святѣйшій Патріархъ, достаточно наставивъ въ теченіе многихъ дней святаго и блаженнаго Петра и благословивъ его, съ честію отпустилъ изъ Константинополя.

Святый Петръ, прибывъ въ свою митрополію, преподалъ всѣмъ миръ и благословеніе и прилежно поучалъ врученное ему Богомъ стадо, переходя съ одного мѣста на другое[1]).

Но лукавый врагъ не вытерпѣлъ сего и измыслилъ противъ святаго Петра козни, внушивъ нѣкоторымъ не признавать его святителемъ. Впрочемъ, изъ таковыхъ потомъ многіе раскаялись, приняли святителя и, покорившись ему, получили отъ него прощеніе.

Спустя нѣкоторое время, лукавый врагъ возбудилъ зависть къ святому Петру въ Андреѣ, епископѣ Тверскомъ[2]), который, не обуздывая языка своего, сталъ распространять о праведникѣ ложные извѣты и, написавъ много ложныхъ и хульныхъ словъ, послалъ къ Святѣйшему Патріарху Аѳанасію. Удивился Патріархъ и счелъ это невѣроятнымъ, однако послалъ одного изъ церковныхъ клириковъ въ землю Русскую, и тогда созванъ былъ Соборъ въ городѣ Переяславлѣ[3]). На Соборѣ томъ присутствовали епископъ Ростовскій Симеонъ, преподобный Прохоръ, игуменъ Печерскій, князья, бояре, священники, иноки и великое множество другихъ. Когда призванъ былъ на Соборъ Тверской епископъ Андрей, стали разслѣдовать дѣло, и когда выступили противъ Петра лжесвидѣтели, произошло великое смятеніе. Виновникъ зла не утаился, но предъ всѣми былъ обнаруженъ. Злоба и клевета Андрея были обличены, и лживый клеветникъ предъ всѣми былъ посрамленъ и уничиженъ. Святый же Петръ не сдѣлалъ ему никакого зла, но простилъ и, довольно всѣхъ поучивъ, отпустилъ съ миромъ Соборъ. Самъ же прилагалъ къ трудамъ труды, умножая во сто данный ему талантъ и являяясь отцомъ для сиротъ.

---

[1]) На другой годъ послѣ своего посвященія св. митрополитъ Петръ переѣхалъ во Владиміръ, гдѣ предшественникомъ его поставлена была каѳедра митрополита всея Руси. Вслѣдъ затѣмъ онъ отправился осматривать епархіи: такъ онъ былъ въ Новгородѣ, въ Брянскѣ и др. городахъ и областяхъ.

[2]) *Тверской епископъ Андрей* происходилъ изъ дома князей Литовскихъ. Онъ возъимѣлъ намѣреніе занять каѳедру митрополита. Знатность рода его и неудовольствіе нѣкоторыхъ на избраннаго Югомъ митрополита поддерживали въ немъ мечту о высшемъ санѣ. Впослѣдствіи онъ, по удаленіи съ каѳедры, скончался въ построенномъ имъ ранѣе Богородицкомъ монастырѣ, на р. Шошѣ (правомъ притокѣ Волги) въ 1323 году.

[3]) Соборъ созванъ былъ въ 1310 году или въ началѣ 1311-го года.—Переяславль Залѣсскій—нынѣ уѣздный городъ Владимірской губерніи.

Въ то время появился нѣкоторый еретикъ-сеитъ [1]), который проповѣдывалъ противное Церкви Христовой и православной вѣрѣ ученіе; святитель Божій предалъ его отлученію,—и злонравный еретикъ погибъ вскорѣ злою смертію.

Послѣ сего угодникъ Божій Петръ прибылъ въ славный городъ Москву, которая въ то время находилась во владѣніи благовѣрнаго Великаго князя Іоанна Даніиловича [2]), украшеннаго всякими добродѣтелями, милостиваго къ нищимъ и духовенству, любившаго храмы и прилежавшаго къ священнымъ книгамъ. Святитель очень полюбилъ его и началъ жить въ томъ городѣ больше, чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ [3]). Совѣтовалъ онъ благовѣрному князю построить въ Москвѣ каменную церковь во имя Успенія Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи, такъ убѣждая его:

— Если ты послушаешь меня, сынъ мой, и создашь храмъ Пресвятой Богородицѣ, то и самъ прославишься больше князей другихъ, и городъ твой будетъ прославленъ: святители поживутъ въ немъ, и взыдутъ руки его на враговъ его, и Богъ въ немъ прославится, и кости мои здѣсь положены будутъ.

Послушавъ совѣта святителя, князь началъ заботиться о построеніи церкви [4]). Когда церковь была заложена, ежедневно происходили работы по ея постройкѣ, и самъ святитель наблюдалъ, чтобы дѣло неустанно шло впередъ.

---

[1]) *Сеитами,* по лѣтописямъ, постоянно называются учители магометанства, которое въ то время такъ ревностно распространялъ ханъ Узбекъ между Татарами; но названіе еретика и отлученіе отъ Церкви, произнесенное св. Петромъ на означеннаго сеита, показываетъ, что это былъ христіанинъ, сильно извращавшій христіанское ученіе; названіе же *сеита* дано ему за увлеченіе нѣкоторыми воззрѣніями магометанства. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, сеитъ былъ новгородскимъ протоіереемъ, увлекшимся магометанскою страстію къ чувственной жизни и проповѣдывавшимъ противъ монашескаго дѣвства съ такою силою, что многіе изъ монаховъ оставили монашество и вступили въ супружество. Обличеніе сеита было во время обзора святителемъ епархій.

[2]) Здѣсь разумѣется Великій князь Московскій *Іоаннъ I Даніиловичъ Калита,* внукъ св. Александра Невскаго, сынъ св. Даніила, основателя Московскаго княжества; княжилъ съ 1328 по 1340 г.; названъ былъ Калитою потому, что, отличаясь любовію къ нищимъ, постоянно носилъ съ собою для раздачи имъ калиту (мѣшокъ) съ деньгами.

[3]) Святитель Петръ, просвѣщенный благодатію, провидѣлъ великую будущность Москвы, хотя тогда это былъ городъ малолюдный; онъ видѣлъ, что Москва соберетъ подъ свою сѣнь раздробленныя и истерзанныя области Россіи, и рѣшился навсегда остаться въ Москвѣ и быть въ ней похороненнымъ, вмѣсто Владиміра. Такимъ образомъ митрополія была перенесена изъ Владиміра въ Москву, что послужило къ возвышенію Москвы и къ прочному основанію мира (при тогдашнихъ междоусобіяхъ удѣльныхъ князей) и величія Россіи.

[4]) Т. е. Успенскаго собора; впослѣдствіи на мѣстѣ его построенъ въ княженіе Великаго князя Іоанна III Васильевича существующій въ настоящемъ видѣ соборъ, освященный въ 1470-мъ году.

Незадолго до блаженной кончины святителя Петра князь Іоаннъ Даніиловичъ видѣлъ слѣдующій сонъ. Ему представилась высокая гора съ снѣгомъ на вершинѣ; и вотъ, внезапно снѣгъ растаялъ и исчезъ. Когда князь пересказалъ святителю поразившій его сонъ, святый сказалъ:

— Высокая гора—ты, князь, а снѣгъ—я смиренный, который скоро долженъ отойти изъ сей жизни въ жизнь вѣчную.

Провидѣвъ, по Божественному откровенію, свою близкую кончину, святитель Божій самъ своими руками устроилъ себѣ гробницу близъ жертвенника въ созидаемомъ храмѣ Пресв. Богородицы. И когда гробница была готова, снова было ему отъ Бога откровеніе о кончинѣ. Исполнившись весь радости, онъ пошелъ въ церковь и совершилъ Божественную службу, помолившись за всѣхъ православныхъ царей и князей, за своего духовнаго сына—благочестиваго князя Іоанна—и за всѣхъ благочестивыхъ христіанъ земли Русской; затѣмъ онъ сотворилъ поминовеніе о почившихъ и причастился Святыхъ Таинъ. Возвратившись изъ церкви, онъ призвалъ весь причтъ и, преподавъ, по обычаю, наставленіе, отпустилъ ихъ. Въ то время онъ раздавалъ много милостыни нищимъ и убогимъ, церквамъ, монастырямъ и духовенству. Между тѣмъ онъ быстро ослабѣвалъ тѣломъ. Когда насталъ день кончины его, святый призвалъ къ себѣ тысяцкаго Вельяминова, управлявшаго тогда городомъ (такъ какъ самого князя въ то время въ городѣ не было), и сказалъ ему:

— Вотъ, чадо, я отхожу отъ житія сего, сыну же моему возлюбленному, князю Іоанну, и его потомству навѣкъ оставляю милость и миръ, и благословеніе Божіе.

Затѣмъ, сдѣлавъ и другія распоряженія, вручилъ ему мѣшокъ съ деньгами для того, чтобы докончить постройку церкви. Преподавши всѣмъ миръ, онъ началъ пѣть вечерню, и когда молитва была еще на устахъ его и самъ онъ воздѣлъ руки къ Богу, душа его отошла ко Господу[1]).

Князь, услышавъ о преставленіи святителя, въ печали поспѣшилъ со всѣми боярами въ городъ; весь народъ плакалъ и скорбѣлъ о его преставленіи. Положивъ на одрѣ честно́е тѣло его, понесли его, по обычаю, къ церкви[2]).

---

[1]) *Св. митрополитъ Петръ* скончался 21-го декабря 1326-го года.

[2]) Св. мощи митрополита Петра были положены въ начатой, но не оконченной имъ церкви Успенія, которая была окончена и освящена уже въ слѣдующемъ, 1327-мъ году.

Въ то время нѣкоторый человѣкъ, одержимый невѣріемъ, подошелъ среди православнаго народа къ тѣлу святителя и въ мысляхъ своихъ сталъ творить ему поношеніе, думая:

«Кто этотъ мертвецъ, котораго провожаютъ самъ князь и столько народу, и почему воздается ему такая почесть?»

Когда онъ подумалъ это, тотчасъ увидалъ святителя сидящимъ на одрѣ и благословляющимъ на обѣ стороны народъ во все время, пока не былъ принесенъ къ гробницѣ. Тогда увѣровалъ человѣкъ тотъ въ святость угодника Божія и разсказалъ народу о видѣнномъ. Принесши святыя мощи Петра во храмъ, положили ихъ въ приготовленной самимъ имъ каменной гробницѣ, гдѣ и донынѣ онѣ почиваютъ, источая различныя чудеса съ вѣрою притекающимъ къ нимъ. Нѣкоторый юноша отъ рожденія имѣлъ разслабленныя и совершенно неподвижныя руки, такъ что не могъ ихъ поднести къ устамъ. Онъ пришелъ къ гробницѣ сего святителя, молясь со слезами, и тотчасъ руки его укрѣпились и стали здоровы. Также одного скорченнаго святый исцѣлилъ и даровалъ слухъ глухому. А одному, бывшему много лѣтъ слѣпымъ, когда онъ пришелъ и помолился, внезапно отверзъ очи. Много и иныхъ благодѣяній и донынѣ чудодѣйственно источается съ вѣрою приходящимъ къ честно́й ракѣ святителя Петра—въ честь и славу въ Троицѣ славимому Богу во вѣки. Аминь.

Тропа́рь ст҃и́телѧ, гла́съ д҃:

Иже пре́жде безпло́днаѧ землѐ, ны́нѣ весели́сѧ: се́ бо хрⷭ҇то́съ свѣти́льника въ тебѣ̀ показа̀, ꙗ҆́вѣ сїѧ́юща въ мі́рѣ, и҆ и҆сцѣлѣва́юща недꙋ́ги и҆ болѣ́зни на́шѧ. сегѡ̀ ра́ди ликꙋ́й и҆ весели́сѧ со дерзнове́нїемъ: ст҃и́тель бо є҆́сть вы́шнѧгѡ сїѧ̀ содѣ́ловаѧй.

При нашествіи Тохтамыша Татары разорили гробницу св. митрополита Петра, думая найти въ ней сокровища; тогда же Успенскій соборъ подвергся опустошительному пожару. Въ 1471 году, когда сломали старый Успенскій соборъ и стали строить новый, созванный Освященный Соборъ рѣшилъ вынуть мощи святаго. Гробъ его былъ найденъ истребленнымъ отъ пожара, но св. мощи угодника Божія сохранились цѣлыми и невредимыми. Совершено было перенесеніе мощей его, въ память чего установлено было празднованіе этого перенесенія 24 августа. Мощи первосвитителя Московскаго почивали открыто, но послѣ нашествія Поляковъ, похитившихъ драгоцѣнную серебряную раку, положены подъ спудомъ и оставались въ этомъ положеніи до 1812 года. Въ этомъ году Наполеонъ раскрылъ гробницу святителя, вѣроятно, съ такимъ же умысломъ, какъ и Тохтамышъ. По удаленіи Французовъ изъ Москвы Московскій архіепископъ Августинъ торжественно открылъ нетлѣнныя мощи митрополита Петра, причемъ они были обносимы вокругъ Успенскаго собора при освященіи его 30-го августа 1813 года. Отъ святители Петра осталось два поученія, имѣющія видъ Окружныхъ Посланій.

Ѝнъ тропа́рь, гла́съ и҃:

Ликꙋ́й свѣ́тлѡ бл҃госла́внѣйшїй гра́де москва̀, и҆мѣ́ѧй въ себѣ̀ а҆рхїере́а петра̀ ꙗ҆́кѡ зарю̀ со́лнца, всю̀ рѡссі́ю чꙋдодѣѧ́нїи ѡ҆зарѧ́юща: то́й бо не́мѡщи врачꙋ́етъ, и҆ недꙋ́ги ꙗ҆́кѡ тьмꙋ̀ прого́нитъ ѿ вопїю́щихъ є҆мꙋ̀: ра́дꙋйсѧ і҆ера́рше бг҃а вы́шнѧгѡ, тобо́ю сїѧ̀ па́ствѣ твое́й содѣ́ловающагѡ.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Взбра́иномꙋ и҆ ди́вномꙋ на́шеѧ земли̇̀ чꙋдотво́рцꙋ, дне́сь любо́вїю тебѣ̀ притека́емъ, пѣ́снь бг҃оно́се плетꙋ́ще: ꙗ҆́кѡ и҆мѣ́ѧ дерзнове́нїе ко гдⷭ҇ꙋ, многоѡбра́зныхъ и҆зба́ви на́съ ѡ҆бстоѧ́нїй, да зове́мъ ти̇̀: ра́дꙋйсѧ ᲂу҆твержде́нїе гра́дꙋ на́шемꙋ.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ѲЕМИСТОКЛЕЯ

Святый Ѳемистоклей жилъ въ царствованіе Декія и былъ пастухомъ овецъ въ городѣ Мѵрахъ Ликійскихъ[1]). Въ то время мѣстный областной правитель Асклипій по повелѣнію царя воздвигъ гоненіе на христіанъ и, между прочимъ, искалъ святаго Діоскорида[2]), который скрываясь бѣжалъ въ горы. Посланные на поиски за Діоскоридомъ встрѣтили Ѳемистоклея, пасшаго овецъ, и спросили его о Діоскоридѣ, но онъ не открылъ имъ скрывавшагося, сказавши:

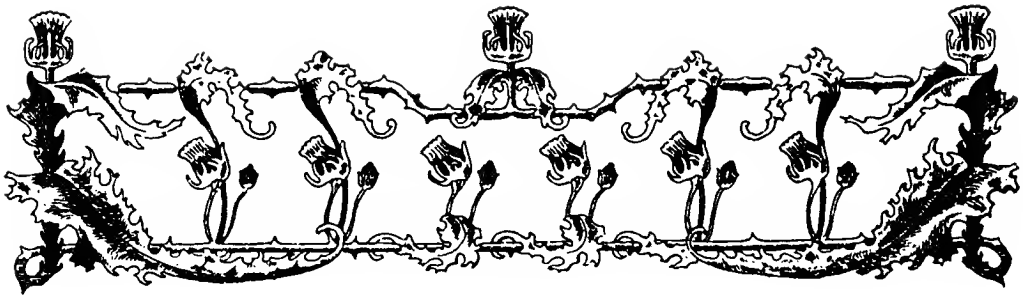
— Здѣсь нѣтъ никого!

А самого себя предалъ, назвавшись христіаниномъ и предъ ними исповѣдавъ Христа. Ѳемистоклей приведенъ былъ къ Асклипію, правителю области. Князь велѣлъ бить его,—и былъ битъ святый по чреву до того, что оно прорвалось; потомъ повѣсили его на деревѣ. Послѣ того, снявши съ дерева, мученика влачили по желѣзу съ острыми спицами, такъ что все тѣло его было изранено и изрѣзано. Такъ предалъ онъ духъ свой Богу[3]).

[1]) *Ликія*—южная приморская область Малой Азіи—входила въ составъ Памфилійской префектуры. Императоръ Ѳеодосій отдѣлилъ ее отъ Памфиліи, при чемъ столицей ея сдѣлались Мѵры. Послѣ 395 г. Лякія стала областью Византійской имперіи; съ VI вѣка находится во власти мусульманъ.

[2]) Память *св. Діоскорида* въ тотъ же 21-й день декабря мѣсяца.

[3]) Св. Ѳемистоклей скончался въ 251 году.



День двадцать второй

СТРАДАНІЕ

СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ

АНАСТАСІИ УЗОРѢШИТЕЛЬНИЦЫ,

ХРИСОГОНА учителя ея, ѲЕОДОТІИ

и другихъ, съ нею пострадавшихъ

Святая Анастасія родилась въ знаменитомъ городѣ Римѣ. Она отличалась своимъ благородствомъ, душевною и тѣлесною красотою, благимъ нравомъ и кротостію. Отецъ ея, по имени Претекстатъ, былъ сенаторомъ и исповѣдывалъ эллинскую языческую вѣру. А мать ея, именемъ Фавста, вѣровала во Христа. Въ дѣвическомъ возрастѣ Анастасія была поручена своею матерью для обученія одному достойному мужу, извѣстному своею ученостію, а еще болѣе—своимъ благочестіемъ. Его звали Хрисогономъ. Онъ былъ христіаниномъ, хорошо зналъ Божественное ученіе Христа и впослѣдствіи сталъ мученикомъ. Отъ этого святаго мужа Анастасія научилась не одной только грамотѣ; она научилась также познавать Того, Кто есть начало всему видимому и невидимому, цѣль всѣхъ сердечныхъ благочестивыхъ желаній, Единый Истинный Богъ, Создатель и Совершитель всего. И стала она прилежно читать христіанскія книги, поучаясь въ Законѣ Господнемъ день и ночь и утверждая свое сердце въ любви къ Богу.

Когда Анастасія закончила свое ученіе у Хрисогона, ее единогласно стали прославлять какъ мудрую и прекрасную дѣву.

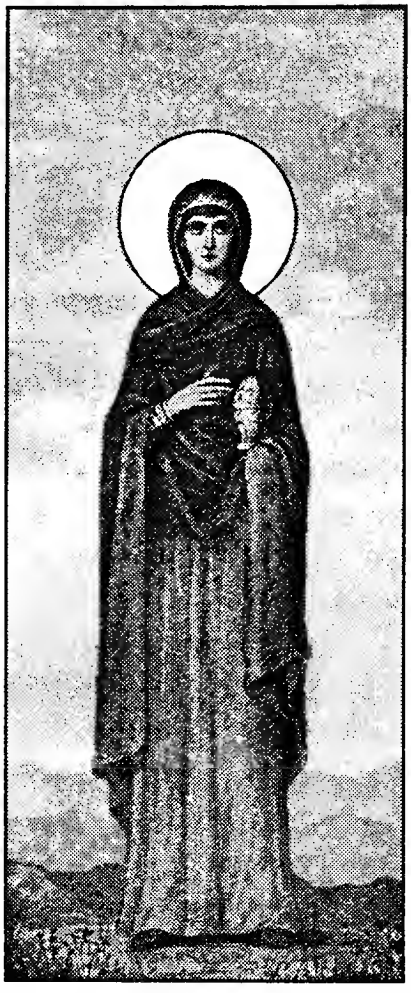
Между тѣмъ, отошла отъ этой жизни блаженная мать Анастасіи, Фавста. Отецъ же святой противъ ея желанія выдалъ ее за нѣкоего Помплія, происходившаго также изъ сенаторскаго рода и исповѣдавшаго эллинскую вѣру; и была Анастасія отведена въ домъ къ жениху—вѣрная къ невѣрному, агница Христова къ волку. Но Богъ, къ Которому возносились ея рыданія, предъ Которымъ она молилась день и ночь, сохранилъ ее. Святая не лишилась своего дѣвства, и нечистый мужъ не осквернилъ ея чистаго тѣла. Анастасія притворилась, что у нея постоянная и неисцѣлимая женская болѣзнь, и говорила, что не можетъ быть женою своему мужу. Иногда мужъ насильно, борьбой, хотѣлъ добиться отъ нея удовлетворенія своей похоти; но Анастасія, съ невидимою помощію Ангела-хранителя, вырывалась изъ его рукъ,—и такъ осталась она непорочною дѣвою.

Часто, снявъ свои роскошныя одежды и драгоцѣнныя украшенія и тайно надѣвъ нищенское рубище, Анастасія выходила изъ дому, невѣдомо для всѣхъ, кромѣ одной рабыни, которая неотлучно сопровождала ее. Съ этой рабыней Анастасія обходила всѣ темницы, золотомъ покупая себѣ у стражи входъ въ нихъ, посѣщала страждущихъ ради Христа, служила имъ съ благоговѣніемъ и усердіемъ, сколько могла. Она умывала руки и ноги заключенныхъ, очищала ихъ спутанные волосы, полные сора, отирала ихъ кровь, обвязывала ихъ раны чистымъ полотномъ, подавала каждому пищу и питье. Потомъ, достаточно послуживъ имъ, она возвращалась домой.

Въ этихъ занятіяхъ часто приходилось ей выходить и входить въ свой домъ, и не скрылось это отъ ея мужа. Онъ узналъ, что Анастасія посѣщаетъ узниковъ, и еще больше разгнѣвался на нее. Еще и прежде онъ былъ раздраженъ на святую за ея отказъ вести съ нимъ супружескую жизнь и много ей за то досаждалъ. А о дѣлахъ Анастасіи онъ узналъ отъ сопровождавшей ее рабыни; эта вѣроломная женщина разсказала ему все.

Жестоко избивъ Анастасію, беззаконный мужъ ея заключилъ святую въ отдѣльной комнатѣ, приставивъ къ ней стражу, такъ что она не могла выйти изъ комнаты. И скорбѣла духомъ святая объ узникахъ за Христа, что не посѣщаетъ ихъ, не служитъ имъ, не снабжаетъ ихъ всѣмъ нужнымъ. Особенно же болѣло сердце

Анастасіи по учителѣ ея—святомъ Хрисогонѣ, что не видитъ она его. Уже два года святый Хрисогонъ претерпѣвалъ много различныхъ мукъ, пребывая въ темницѣ. Находясь на свободѣ, Анастасія часто приходила къ нему. Теперь же, пребывая въ заключеніи и подъ бдительнымъ надзоромъ, она не могла навѣщать своего учителя.



Ст҃а́ѧ великомч҃ница
А҆настасі́а

Особенно сталъ притѣснять Анастасію ея мужъ, когда умеръ отецъ сей благочестивой жены, Претекстатъ; все значительное имѣніе Претекстата перешло по наслѣдству къ Анастасіи — какъ къ единственной дочери, ибо у него не было больше ни дѣтей, ни родственниковъ. И тогда Помплій, воспользовавшись смертію своего тестя, изъ ненависти къ Анастасіи за ея несогласіе къ его плотскимъ желаніямъ замыслилъ уморить ее, чтобы наслѣдовать все ея имѣніе и жить съ другой женою на чужія деньги. Обращаясь со святою какъ съ плѣнницею и рабою, онъ ежедневно истязалъ и мучилъ ее. Это извѣстно изъ письма ея, тайно написаннаго ею Хрисогону и посланнаго чрезъ одну старицу. Вотъ это письмо:

«Святому исповѣднику Христову Хрисогону отъ Анастасіи.

Мой отецъ былъ идолопоклонникъ; но мать моя Фавста жила всегда чистою и благочестивою христіанскою жизнію. И она сдѣлала меня христіанкою съ самыхъ младенческихъ пеленъ. Послѣ ея кончины я приняла на себя тяжкое иго супружества съ язычникомъ. Но, по милосердію ко мнѣ Бога, я успѣшно уклонялась отъ ложа его, притворяясь больною, и теперь во дни и въ ночи объемлю стопы Господа моего Іисуса Христа. Мужъ же мой съ недостойными и скверными идолопоклонниками растрачиваетъ мое наслѣдіе, похваляясь богатствомъ моимъ какъ бы своимъ; а меня — какъ волшебницу и противницу его языческой вѣры — онъ томитъ

въ столь тяжкомъ заключеніи, что мнѣ ничего не остается, какъ только, предавъ духъ Господу, упасть мертвою. Конечно, я должна радоваться, что, пострадавъ за Господа, умру, исповѣдуя Его; но я глубоко скорблю о томъ, что вижу, какъ всѣ мои богатства, обѣщанныя Богу, расточаются руками людей нечестивыхъ и богопротивныхъ. Поэтому прошу тебя, человѣкъ Божій, помолись прилежно Владыкѣ Христу, чтобы Онъ мужа моего или оставилъ живымъ, если вѣдаетъ, что тотъ когда-нибудь увѣруетъ, или, если онъ будетъ все продолжать пребывать въ невѣріи, то да повелитъ ему выйти изъ среды живыхъ и дать мѣсто тѣмъ, кто чтитъ Бога. Лучше ему умереть, чѣмъ не исповѣдывать Сына Божія и препятствовать тѣмъ, кто исповѣдуетъ Его. Призываю Христа во свидѣтели, что, если я буду свободна, то проведу жизнь мою въ служеніи святымъ и буду прилежно о нихъ заботиться, какъ я уже и начала дѣлать... Спасайся, мужъ Божій, и помилуй меня».

На это письмо къ святой Анастасіи пришелъ такой отвѣтъ:

«Хрисогонъ—Анастасіи. Къ тебѣ, смущаемой бурею и волненіями міра сего, скоро придетъ Христосъ, ходящій по водамъ, и единымъ словомъ Своимъ утишитъ вздымающіеся на тебя вѣтры навѣтовъ вражіихъ. Находясь посреди возмущеннаго моря, терпѣливо ожидай Христа, Который придетъ къ тебѣ, и неустанно взывай словами Пророка: «вскꙋ́ю прискóрбна є҆сѝ дꙋшѐ моѧ̀; и҆ вскꙋ́ю смꙋща́еши мѧ̀; ᲂу҆пова́й на бг҃а, ꙗ҆́кѡ и҆сповѣ́мсѧ є҆мꙋ̀, сп҃се́нїе лица̀ моегѡ̀, и҆ бг҃ъ мо́й»[1]). Ожидай отъ Бога двойнаго воздаянія. Ибо тебѣ будетъ возвращено и временное наслѣдство, и даровано будетъ небесное: Господь затѣмъ по временамъ попускаетъ злое и замедляетъ свои благодѣянія, чтобы мы не воздремали въ безопасности. Не смущайся, когда видишь, что бѣды постигаютъ людей, живущихъ въ благочестіи. Господь не отвергаетъ тебя, но испытываетъ. Знай и то, что не прочна защита, подаваемая рукою человѣческой, по слову Писанія: «проклѧ́тъ человѣ́къ и҆́же надѣ́етсѧ на человѣ́ка, и҆ бл҃гослове́нъ человѣ́къ, и҆́же надѣ́етсѧ на гд҃а»[2]). Крѣпко и бодро охраняй себя отъ всѣхъ грѣховъ и ищи утѣшенія отъ Единаго Бога, соблюдая святыя Заповѣди Его. Скоро вернется къ тебѣ мирное время. Какъ послѣ ночной тьмы

---

[1]) Псаломъ 41, ст. 6. По-русски это мѣсто читается такъ: «Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога, ибо я буду еще славить Его, Спасителя моего и Бога моего».

[2]) Кн. Пр. Іереміи, гл. 17, ст. 5.

возсіяваетъ свѣтозарный день, и какъ послѣ жестокой зимы наступаетъ теплая весна, такъ придутъ къ тебѣ золотые и ясные дни, и тогда ты подашь всѣмъ страждущимъ ради имени Христова временное утѣшеніе, а сама несомнѣнно сподобишься вѣчнаго блаженства... Спасайся о Господѣ и молись обо мнѣ».

Вскорѣ Анастасіи суждено было испытать отъ безжалостнаго нечестиваго мужа своего новыя смертельныя обиды, и она опять написала святому Хрисогону письмо. Вотъ что было написано въ немъ:

«Исповѣднику Христову Хрисогону отъ Анастасіи. Помяни меня и помолись за меня, чтобы Господь, по любви къ Коему я терплю муки, о которыхъ разскажетъ тебѣ посланная къ тебѣ старица, принялъ мою душу».

Святый отвѣчалъ ей:

«Хрисогонъ—Анастасіи. Свѣту всегда предшествуетъ тьма, и послѣ болѣзней часто возвращается здоровье, и послѣ смерти обѣщана намъ жизнь. Одинъ и тотъ же конецъ для всякаго—какъ для счастливца, такъ и для страдальца, чтобы скорбящими не овладѣвало отчаяніе и чтобы въ радости люди не предавались самомнѣнію. Одно море, на которомъ пускаются въ путь челны жизней нашихъ, и съ единымъ Кормчимъ души наши совершаютъ свое плаваніе. Корабли однихъ болѣе крѣпки и безъ вреда проходятъ чрезъ волненія, а у другихъ—утлые челны, которые и въ затишьи близки къ потопленію. Близко время гибели тѣхъ, которые не думаютъ придти къ спасительному пристанищу. А ты, непорочная служительница Христова, прилѣпись всею мыслію ко Кресту Христову и приготовь себя къ дѣлу Господню; и когда ты послужишь Христу по собственному твоему желанію, то отъ мученій съ торжествомъ перейдешь въ блаженную жизнь, ко Христу».

Этимъ письмомъ святый Хрисогонъ пророчествовалъ о скорой гибели жестокаго мужа ея, Помплія. И дѣйствительно, послѣдній вскорѣ былъ отправленъ въ Персію посломъ къ Персидскому царю. Отправляясь въ путь, онъ долженъ былъ плыть по морю; корабль, на которомъ онъ плылъ, во время внезапной бури пошелъ ко дну и утонулъ. Такъ погибъ этотъ окаянный человѣкъ. Святая же Анастасія, сохранивъ свое дѣвство, какъ птица, избавилась отъ сѣти ловца. Вмѣстѣ со свободой своей она получила и все наслѣдство, оставшееся ей отъ родителей. И начала она, уже безъ помѣхи отъ кого

бы то ни было, обходить заключенныхъ въ темницахъ. Она служила святымъ страстотерпцамъ Христовымъ не однимъ только имѣніемъ своимъ. Наряду съ этимъ она утѣшала ихъ, своими благоразумными рѣчами возбуждала ихъ къ мужественному терпѣнію и къ безбоязненной смерти за Христа.

Въ то время царь Діоклетіанъ находился въ Аквилеѣ[1]) и направлялъ всѣ свои заботы на то, чтобы ни одному христіанину не удалось тайно уйти изъ его рукъ. Ему донесли изъ Рима, что темницы наполнены великимъ множествомъ христіанъ, что они, несмотря на разнообразныя мученія, не отрицаются отъ своего Христа, и что во всемъ этомъ ихъ подкрѣпляетъ христіанскій учитель Хрисогонъ, которому они покорны, во всемъ слѣдуя его наставленіямъ. Царь приказалъ предать всѣхъ христіанъ мукамъ и смерти, а Хрисогона послать къ нему. Онъ размышлялъ, что если одолѣетъ его упорство, то легко осилитъ и прочихъ христіанъ.

Когда Хрисогона вели къ царю на испытаніе, издалека слѣдовала за своимъ учителемъ и Анастасія.

Увидѣвъ святаго мужа, царь началъ сперва бесѣдовать съ нимъ, съ кротостію увѣщевая его отречься отъ Христа.

— Прими, Хрисогонъ, мой добрый совѣтъ,—говорилъ беззаконный властитель,—присоединись къ нашей вѣрѣ, сдѣлай угодное богамъ и выбери себѣ пріятное вмѣсто скорбнаго, полезное вмѣсто неполезнаго. Знай, что не только ты избавишься отъ мукъ и получишь столь желанную свободу, но сверхъ того сдѣлаешься начальникомъ великаго города Рима.

Святый отвѣчалъ на это:

— Я позналъ Единаго Бога, и Онъ для меня дороже всякаго свѣта и вожделѣннѣе всякой свободы. Онъ мнѣ дороже всей жизни, полезнѣе всѣхъ сокровищъ. Въ Него одного вѣрую я сердцемъ, исповѣдую Его устами, чту Его душою и передъ очами всѣхъ преклоняю Ему мои колѣна. Чтить же многихъ твоихъ бо-

---

[1]) *Аквилея* — городъ въ Верхней Италіи, образовавшійся изъ римской колоніи. Онъ находился при рѣчкѣ Натисонѣ, въ небольшомъ разстояніи отъ Адріатическаго моря. Вскорѣ же послѣ возникновенія своего Аквилея сдѣлалась большимъ торговымъ городомъ, чрезъ который проходили военныя дороги на сѣверъ и въ восточныя страны, вокругъ Адріатическаго моря. Во время имперіи она составляла преддверіе Италіи, и потому здѣсь часто собирались войска. Впослѣдствіи городъ былъ совершенно разрушенъ дикимъ варварскимъ народомъ—Гуннами, и часть жителей его бѣжала въ лагуны рѣки По, гдѣ приняла участіе въ основаніи Венеціи.

говъ, въ которыхъ живутъ бѣсы, я не буду; я мыслю о нихъ такъ же, какъ и Сократъ [1]), который говоритъ о нихъ: «Нужно всячески удаляться отъ нихъ, потому что они соблазняютъ людей и суть извѣстные душегубцы». Дары же и честь, которые ты мнѣ предлагаешь, я цѣню не больше, чѣмъ сонъ и мракъ.

Не могъ больше слышать царь такихъ свободныхъ рѣчей Хрисогона и повелѣлъ воинамъ взять его и, заведя въ пустынное мѣсто, отрубить ему голову. Тѣло святаго было брошено на берегу моря [2]), недалеко отъ жилищъ одного пресвитера Зоила, мужа святой жизни, и трехъ дѣвицъ—сестеръ тѣломъ и духомъ, Агапіи, Хіоніи и Ирины [3]). Этотъ пресвитеръ по откровенію отъ Бога узналъ о тѣлѣ святаго Хрисогона, взялъ его вмѣстѣ съ усѣченною главою и, вложивъ въ ковчегъ, скрылъ у себя дома [4]). По истеченіи же тридцати дней явился ему въ видѣніи святый Хрисогонъ и сказалъ:

Ст҃ы́й мч҃нкъ
ХРѴСОГО́НЪ

---

[1]) *Сократъ*—древній греческій мудрецъ-философъ, жившій въ Аѳинахъ въ V и началѣ IV в. до Рожд. Хр. Отличался возвышеннымъ міровоззрѣніемъ, значительно опередившимъ современниковъ. Между прочимъ, онъ не вѣровалъ во многихъ языческихъ боговъ и былъ монотеистомъ, т. е. утверждалъ, что существуетъ только Единый Богъ. Ввиду этого Сократъ былъ обвиненъ въ безбожіи и за это, а также за то, что онъ будто бы развращалъ юношей (что было несправедливо), осужденъ былъ на смерть чрезъ отравленіе. Въ маѣ 399 г. до Рожд. Хр. Сократъ выпилъ кубокъ цикуты и скончался, окруженный учениками и почитателями. Изъ учениковъ этого философа наиболѣе извѣстенъ Платонъ, который, подобно своему учителю, былъ тоже монотеистомъ.

[2]) Здѣсь разумѣется Адріатическое море, которое представляетъ собою заливъ Средиземнаго и находится между Италіей и Балканскимъ полуостровомъ.

[3]) Память святыхъ трехъ дѣвъ сестеръ: Агапіи, Ирины и Хіоніи совершается апрѣля мѣсяца въ 16-й день.

[4]) Впослѣдствіи честна́я глава св. Хрисогона была перенесена въ Римъ, гдѣ уже при папѣ Симмахѣ (498—514 гг.) существовала церковь во имя мученика и тамъ хранилась глава его. Тѣло же святаго находится въ Венеціи.

— Знай, что въ теченіе предстоящихъ девяти дней три живущія близъ тебя дѣвицы Христовы будутъ взяты на мученія. Ты же скажи рабѣ Господней Анастасіи, чтобы она заботилась о нихъ, возбуждая ихъ къ подвигу мужества, пока онѣ не увѣнчаются мученическими вѣнцами. Будь и ты въ благомъ упованіи, что воспріимешь сладкіе плоды твоихъ трудовъ. Вскорѣ и ты освободишься отъ здѣшней жизни и будешь отведенъ ко Христу съ пострадавшими за Него.

Такое же откровеніе было и святой Анастасіи. И вотъ, вдохновляемая Духомъ Божіимъ, она пришла къ дому пресвитера, котораго никогда не знала, и спрашивала у него, гдѣ тѣ дѣвицы, о мученической кончинѣ которыхъ ему было открыто въ видѣніи.

Потомъ, узнавъ мѣсто ихъ обитанія, она пошла къ нимъ и провела съ ними ночь, бесѣдуя съ ними о любви къ Богу и о спасеніи души. И своею рѣчью увѣщевала ихъ мужественно, до крови, стоять за Христа, Жениха ихъ. У пресвитера же Зоила она увидѣла мощи святаго мученика Христова Хрисогона, своего дорогаго учителя, и много плакала надъ ними теплыми слезами, поручая себя его молитвамъ. Затѣмъ она возвратилась въ Аквилею.

Вскорѣ послѣ того предсказаніе святаго Хрисогона пресвитеру Зоилу исполнилось. Этотъ пресвитеръ, по истеченіи девяти дней, перешелъ къ Господу, а святыя дѣвы Агапія, Хіонія и Ирина были взяты и приведены на допросъ къ царю Діоклетіану. Долго увѣщевалъ онъ ихъ принести жертву идоламъ, прибѣгая то къ ласкамъ, то къ угрозамъ, но не успѣлъ въ томъ и, наконецъ, заключилъ ихъ въ темницу.

Святая же Анастасія, по обычаю своему посѣщая заключенныхъ, пришла къ тѣмъ святымъ дѣвамъ и утѣшала ихъ, возбуждая въ нихъ упованіе на неотступную помощь Христову и надежду на славную побѣду надъ врагами Господа.

Между тѣмъ, царю надо было по государственнымъ дѣламъ отправиться въ Македонію [1]); поэтому святыя дѣвы были поручены мучителю Дулькицію, который ихъ пыталъ и мучилъ, а затѣмъ пере-

---

[1]) *Македоніей* называлась страна, находившаяся на сѣверѣ отъ Эллады (Греціи), между морями Адріатическимъ и Архипелагомъ. Теперь здѣсь находятся двѣ провинціи, входящія въ составъ Европейской Турціи: одна—на востокѣ, носящая древнее названіе Македоніи, другая—на западѣ, называемая Албаніей.

далъ ихъ на истязаніе одному комиту, Сисинію[1]). Послѣдній бросилъ святыхъ Агапію и Хіонію въ огонь. Здѣсь онѣ и предали духъ свой Богу, оставивъ тѣла свои въ огнѣ цѣлыми и неповрежденными. А святую Ирину одинъ изъ воиновъ Сисинія ранилъ стрѣлою изъ тугого лука, послѣ чего святая скончалась. Чистыя тѣла ихъ взяла святая Анастасія, обвила бѣлыми плащаницами съ ароматами и благоговѣйно положила на избранномъ мѣстѣ, ублажая ихъ страданія.

Потомъ Анастасія стала переходить изъ города въ городъ и изъ страны въ страну; святая вездѣ служила христіанамъ, содержимымъ въ узахъ, доставляла на свои средства узникамъ пищу и питье, одежду и все необходимое и оказывала больнымъ врачебную помощь. Она была отрадою для всѣхъ, тяжко испытуемыхъ и изнемогающихъ тѣломъ людей, и золотомъ покупала имъ облегченіе отъ долговременныхъ тяжкихъ узъ. Вотъ поэтому Анастасія и была названа *Узорѣшительницею,* такъ какъ своимъ тайнымъ попеченіемъ она многимъ разрѣшила узы. Однимъ она принесла облегченіе; другихъ, врачуя собственными руками, она вылѣчила отъ неисцѣлимыхъ ранъ, иныхъ, бывшихъ полумертвыми, оживила своимъ уходомъ, давъ имъ здоровье и силы на ожидавшія ихъ новыя мученія. Желая помогать больнымъ и несчастнымъ, она выучилась врачебному искусству и сама лѣчила раненыхъ. Не гнушалась она на рукахъ своихъ носить тѣхъ, которые не могли владѣть ни руками своими, ни ногами, перебитыми или изъязвленными за Христа,—и сама влагала имъ въ уста пищу, поила ихъ, обчищала ихъ гной, обвязывала струпья. И въ томъ только было ея веселье и радость, чтобы послужить Самому Христу въ лицѣ тѣхъ, кто страждетъ за исповѣданіе сладчайшаго Имени Христова. Объ этомъ заботилась она всѣми силами, къ этому стремилась всѣми способами и, трудясь въ этомъ дѣлѣ всею душой, она побѣждала природную немощь свою, отличаясь великодушіемъ и мужественностію, любовію къ Богу и ближнимъ и заботами о святыхъ страдальцахъ, которые всегда близки къ Богу и о которыхъ она говорила вмѣстѣ съ Давидомъ: «**мнѣ ѕѣлѡ̀ чє́стни бы́ша дрꙋ́зи твои̇̀, бж҃е**»[2])!

---

[1]) *Комитами* назывались спутники (свита) высшей чиновной особы въ провинціяхъ, а позднѣе—и спутники императоровъ.

[2]) Псаломъ **138,** ст. 17.

Будучи въ Македоніи и занимаясь тамъ обычнымъ своимъ дѣломъ, святая Узорѣшительница Анастасія познакомилась съ одною очень молодою вдовою Θеодотіею, которая была родомъ изъ страны Виθинской, изъ города Никеи[1]). По смерти мужа она осталась съ тремя младенцами сыновьями и жила въ Македоніи, проводя дни своего вдовства въ усердномъ исповѣданіи христіанства и въ благочестивыхъ подвигахъ. Блаженная Анастасія часто жила у той вдовы, любила ее, какъ вѣрную рабу Христову, и утѣшалась сладкою бесѣдой съ нею о сладчайшей любви къ Богу, изъ-за которой столько святыхъ положили свои души. Съ теченіемъ времени о Θеодотіи узнали, что она христіанка, и честна́я вдова была схвачена и приведена къ царю на допросъ.

Когда она стояла на этомъ нечестивомъ судилищѣ, одинъ изъ окружавшихъ царя, именемъ Левкадій, прельстился ея красотой, такъ какъ она была красива и благолѣпна. Онъ просилъ царя не убивать Θеодотію, но дать ее ему, чтобы онъ могъ на ней жениться. Царь согласился, надѣясь, что мужъ скорѣе обратитъ ее въ идолопоклонство.

Левкадій взялъ Θеодотію съ дѣтьми къ себѣ въ домъ и чего только ни дѣлалъ и ни говорилъ, упрашивая ее, увѣщевая, лаская и грозя, чтобы она отвергласъ Христа и стала его женою. Θеодотія отвѣчала ему:

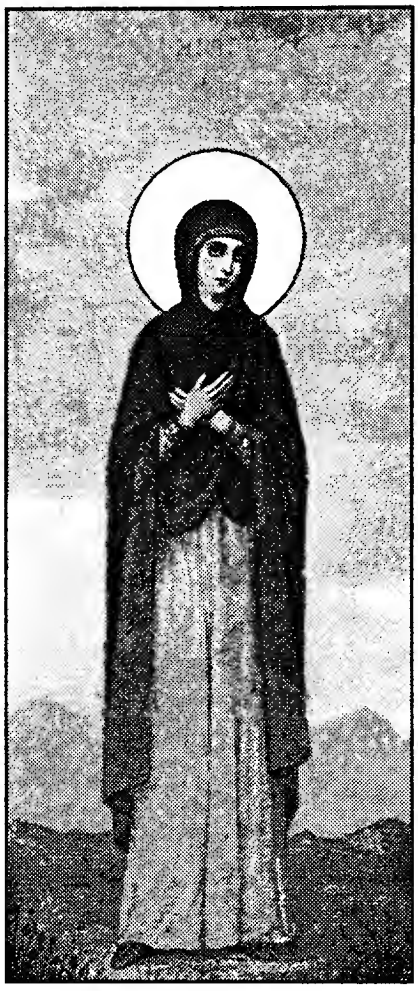
— Если ты хлопочешь, чтобы я была твоей женой изъ-за того, что желаешь моихъ богатствъ и имѣній,—то я добровольно отдаю тебѣ все; оставь же меня работать Христу, чтобы мнѣ вмѣсто всѣхъ богатствъ наслѣдовать одного Христа. Если же ты желаешь меня изъ влеченія къ красотѣ моей и думаешь отвратить меня отъ моего Христа, то знай, что ты стремишься къ невозможному. Ибо легче ты обратишь красоту мою въ безобразіе и жизнь въ смерть, чѣмъ отторгнешь отъ Христа мой умъ и вынудишь у меня согласіе на бракъ съ тобою.

Въ то время Левкадію нужно было сопровождать царя, который куда-то отправлялся. И онъ уѣхалъ, оставивъ Θеодотію въ своемъ домѣ, и долго не возвращался. Θеодотія же, нѣсколько облегченная, служила вмѣстѣ со святою Анастасіею узникамъ, исцѣляла больныхъ, погребала мертвыхъ, укрѣпляла живыхъ къ бо́льшимъ

---

[1]) О *Виθиніи* см. на стр. 287, пр. 4-е. *Никея*—городъ, находившійся въ этой области.

подвигамъ. И вотъ, Діоклетіану снова доносятъ, что темницы по городамъ наполнены христіанами и что негдѣ помѣщаться другимъ узникамъ. Тогда нечестивый мучитель велѣлъ умертвить всѣхъ узниковъ различными казнями, чтобы темницы, освободившись, могли вмѣстить другихъ христіанъ. Была назначена для того одна ночь, во время которой великое множество мучениковъ было призвано къ немерцающему Дню—Христу Господу. Одни скончались отъ меча, другихъ потопила вода, нѣкоторыхъ сожгли огненныя печи, а другихъ живыми приняли нѣдра земли: глубокіе рвы и ямы были наполнены людьми и засыпаны землею и камнями.



Ст҃аѧ мч҃нца
Ѳеодо́тїа

Наутро христолюбивая и блаженная Анастасія, по обычаю своему, пришла въ одну изъ темницъ и, не найдя никого изъ честны́хъ страдальцевъ, наполнила воздухъ жалостными криками и рыданіями. Когда случившіеся тамъ воины спросили ее, зачѣмъ она такъ рыдаетъ, она отвѣчала:

— Ищу рабовъ Бога моего, которые вчера были въ этой темницѣ, а теперь — не знаю, гдѣ находятся.

Воины, видя, что она христіанка, тотчасъ взяли ее и отвели къ начальнику Иллирійской области Флору[1]). Когда святую привели къ игемону, тотъ спросилъ ее:

— Ты христіанка?

---

[1]) *Иллирія* занимала восточное побережье Адріатическаго моря, ограничиваемое на сѣверо-западѣ рѣкою Савою, а на юго-востокѣ—Дриною. Въ настоящее время здѣсь находятся Далмація и Боснія съ Герцеговиной, а также незначительная часть Албаніи. Иллирія находилась рядомъ съ Македоніей, такъ что св. Анастасія, благотворя заключеннымъ въ темницахъ по Македоніи, могла зайти и въ Иллирійскіе предѣлы, почему она и была отведена къ Иллирійскому игемону.

Святая Анастасія отвѣчала:

— Воистину я христіанка. Что тебѣ кажется мерзостнымъ, то мнѣ дорого. А имя христіанки, которое у васъ считается позоромъ, для меня честно и славно.

Тогда игемонъ сталъ разспрашивать Анастасію объ ея происхожденіи и, узнавъ, что она изъ извѣстнаго римскаго рода, съ удивленіемъ спросилъ:

— Что побудило тебя къ тому, что ты, оставивъ Римъ, славное отечество твое, пришла сюда?

Святая отвѣчала ему:

— Не что иное, какъ только Гласъ Господа моего, призывавшаго меня къ Себѣ. Внимая этому Гласу, я оставила отечество и друзей, взяла Крестъ Христа моего и бодро и радостно пошла вслѣдъ за Христомъ.

Игемонъ сказалъ на это:

— Гдѣ тотъ Христосъ, Котораго ты исповѣдуешь?

Анастасія отвѣчала:

— Нѣтъ мѣста, въ которомъ бы не было Христа. Онъ—на небѣ, въ морѣ, и на землѣ, Онъ пребываетъ во всѣхъ, призывающихъ и боящихся Его, просвѣщая ихъ разумъ и всегда находясь съ ними.

Игемонъ спросилъ:

— Гдѣ же находятся люди, боящіеся твоего Христа, о которыхъ ты говоришь? Скажи намъ, чтобы мы узнали ихъ.

Святая отвѣчала:

— Доселѣ они были съ нами на землѣ, живя въ тѣлѣ, теперь же, оставивъ дольній міръ, они на Небѣ и съ высоты смотрятъ на насъ. Это блаженство доставила имъ смерть, принятая за Христа. И я желаю быть въ ихъ числѣ и пойти тѣмъ же путемъ, что и они.

Игемонъ ничего не могъ сдѣлать со знатною римлянкою, прежде чѣмъ о ней не узнаетъ царь, и потому онъ, описавъ все, касающееся Анастасіи, отправилъ это въ особомъ донесеніи Діоклетіану. Діоклетіанъ знавалъ родителей Анастасіи и мужа ея, равно какъ и ее самоё. Понявъ, что она тратитъ на бѣдныхъ христіанъ свое имѣніе, полученное ею отъ родителей, онъ приказалъ привести святую къ себѣ и, увидѣвъ ее, сталъ разспрашивать объ ея состояніи, такъ какъ больше любилъ богатство, чѣмъ своихъ боговъ.

— Гдѣ твои богатства, оставшіяся тебѣ послѣ отца?

Святая мужественно отвѣчала:

— Если бъ у меня оставалось еще что-нибудь изъ сокровищъ и имѣній, которыми бы я могла еще послужить рабамъ моего Христа, то я не предала бы себя въ руки людей, ищущихъ христіанской крови. Но теперь я уже истощила все имущество свое, которое принесла въ жертву Христу, и у меня осталось одно лишь мое тѣло; поэтому я стремлюсь и его принести въ даръ моему Богу.

Видя, какъ святая свободно говоритъ, и провидя ея мужество, царь потерялъ надежду одолѣть ее словами и получить что-нибудь изъ богатствъ ея, объ истощеніи которыхъ онъ только что слышалъ. Онъ боялся вступать съ нею въ дальнѣйшую бесѣду, чтобъ она не пристыдила его своими премудрыми словами, и велѣлъ отвести ее къ областеначальнику, сказавъ при этомъ:

— Не подобаетъ царскому величеству бесѣдовать съ безумной женщиной.

Областеначальникъ ласково спросилъ святую Анастасію:

— Зачѣмъ не хочешь ты принести богамъ жертвы, какъ приносилъ ихъ твой отецъ; зачѣмъ оставила ихъ и почитаешь Христа? Вѣдь ты не знаешь Его: Онъ родился среди іудеевъ и ими же убитъ, какъ злодѣй.

Анастасія отвѣчала:

— И у меня въ домѣ были боги и богини — золотые, серебряные и мѣдные. Я видѣла, какъ они праздно стояли, служа только сѣдалищемъ для птицъ, жилищемъ для пауковъ и мухъ. Поэтому я бросила боговъ и богинь въ огонь, освобождая ихъ отъ безчестія, которые имъ наносили птицы, пауки и мухи. И изъ огня они вышли у меня монетами золотыми, серебряными и мѣдными. На тѣ деньги я напитала многихъ голодныхъ, одѣла нагихъ, помогла немощнымъ, удовлетворила нуждающихся. И такъ изъ тѣхъ боговъ, которые стояли безъ дѣла и безъ пользы, я извлекла пользу для многихъ.

Услышавъ такія слова, областеначальникъ съ яростію воскликнулъ:

— Я и слышать не хочу о твоемъ безбожномъ поступкѣ.

Тогда святая съ усмѣшкой отвѣтила:

— Удивляюсь твоему разуму, судья. Какъ ты можешь называть мой поступокъ—безбожнымъ поступкомъ. Если бъ въ тѣхъ

бездушныхъ идолахъ было хоть одно чувство или одна какая-нибудь сила, то что помѣшало бы имъ освободиться изъ рукъ разрушителей ихъ, или отомстить разрушителямъ, или, наконецъ, кричать и просить помощи отъ васъ? А они даже не знаютъ сами о себѣ, не знаютъ, что съ ними дѣлается.

Прерывая рѣчь святой, судья сказалъ:

— Божественный царь нашъ повелѣлъ тебѣ, отложивъ всѣ лишніе разговоры, сдѣлать одно изъ двухъ: или согласиться на жертвоприношеніе богамъ, или погибнуть злою смертію.

Святая отвѣчала на это, что умереть за Христа не значитъ погибнуть, но—войти въ жизнь вѣчную.

Увидѣвъ, послѣ долгаго разговора, что святая непреклонна, областеначальникъ доложилъ объ этомъ царю. Діоклетіанъ въ великомъ гнѣвѣ сталъ раздумывать, что бы сдѣлать со святою Анастасіею. Кто-то изъ приближенныхъ посовѣтовалъ царю передать ее Ульпіану, жрецу Капитолійскому[1]), чтобы онъ уговорилъ ее отречься отъ Христа, или принудилъ муками, или, если она не покорится, казнилъ бы ее смертію, и если послѣ нея останется какое имущество, взялъ бы его въ Капитолій. Этотъ совѣтъ понравился царю, и онъ передалъ святую Анастасію Ульпіану, верховному жрецу всѣхъ боговъ.

Ульпіанъ съ честію привелъ ее къ себѣ въ домъ, разсчитывая уловить ее скорѣе лестью, чѣмъ угрозами. Послѣ долгихъ ласковыхъ уговоровъ онъ предложилъ ей на выборъ противоположные предметы, заключавшіе въ себѣ все великолѣпіе міра,—и всевозможныя орудія мученій, размѣстивъ все это другъ противъ друга: съ одной стороны—драгоцѣнные камни, а съ другой—обоюдоострые мечи; здѣсь—золотыя ложа, украшенныя драгоцѣнной хрустальной отдѣлкой, а тамъ—желѣзные раскаленные одры, наполненные горящими угольями; здѣсь—монисты[2]), серьги, разные золо-

---

[1]) *Капитолій*—центральная крѣпость Рима, находившаяся на Капитолійскомъ холмѣ, гдѣ сосредоточены были высшія правительственныя учрежденія имперіи. Здѣсь находился храмъ Юпитера Капитолійскаго, который считался главнымъ святилищемъ Рима и въ которомъ часто происходили засѣданія сената какъ по религіознымъ, такъ и по государственнымъ дѣламъ. Храмъ этотъ дважды былъ истребляемъ, и оба раза возобновлялся съ большимъ великолѣпіемъ. Въ послѣдній разъ онъ былъ возобновленъ императоромъ Домиціаномъ (въ 69 или 70 г. по Рожд. Хр.) Верховный жрецъ при храмѣ Юпитера Капитолійскаго въ языческомъ Римѣ пользовался большимъ почетомъ и громаднымъ значеніемъ въ государствѣ.

[2]) *Монисто*—шейное украшеніе, состоявшее изъ цѣпочки или шнура съ монетами, въ видѣ ожерелья. Любопытный образецъ монисты находимъ въ Равенне (въ Италіи),

тые и жемчужные уборы, а тамъ—оковы, вериги и желѣзныя узы. Здѣсь—свѣтлыя зеркала и всевозможные женскіе наряды, а тамъ—желѣзные гребни и рогатины, назначенные для того, чтобы рвать тѣло. Съ одной стороны—драгоцѣнныя одѣянія, съ другой—осколки и деревянные опилки, которыми мучители обыкновенно растравляли раны, нанесенныя мученикамъ. Къ чему поступилъ такъ этотъ коварный и лукавый человѣкъ? Къ чему положилъ онъ противъ предметовъ роскоши—предметы истязаній и мукъ, противъ радующихъ—наводящіе уныніе и противъ ласкающихъ—предметы ужасные? Для того, чтобы одними прельстить или другими устрашить невѣсту Христову. Но она ни на что не обращала вниманія: не желала она ничего, что тѣшитъ, не боялась и не хотѣла бѣжать отъ предметовъ, наводящихъ скорбь и уныніе, и съ бо́льшею охотою смотрѣла на орудіе мучительства, чѣмъ на женскіе уборы. Такимъ образомъ, съ окаяннымъ случилось то, что говоритъ пророкъ: солга̀ непра́вда себѣ̀[1]),—и коварный жрецъ, не предчувствуя, устроилъ все на свое посрамленіе и стыдъ. Ибо Анастасія показала тогда еще бо́льшее мужество и любовь ко Христу, такъ что обнаружились вся суетность коварнаго умысла языческаго жреца и тщетность его лукавства. Когда онъ сказалъ святой: «выбери себѣ съ обѣихъ сторонъ то, что хочешь»,—она, посмотрѣвъ на разложенные предъ нею предметы роскоши и драгоцѣнности, сказала:

— Все это, діаволъ, твое и работающихъ на тебя, съ которыми ты и будешь преданъ вѣчной погибели.

Посмотрѣвъ же на вериги и орудія мукъ, святая Анастасія произнесла:

— Окруженная этими предметами, я стану прекраснѣе и угоднѣе вожделѣнному Жениху моему—Христу. Это я выбираю, а то отвергаю, это люблю ради возлюбленнаго Господа моего, а то ненавижу.

Тогда жрецъ, щадя ее и не теряя надежды, что она измѣнитъ свое желаніе, далъ ей три дня на размышленіе. Но мученица, опечалившись, сказала:

— Зачѣмъ отлагать? Отчего ты не хочешь мучить меня теперь же? Ничего другого ты отъ меня не услышишь, какъ только

въ церкви святаго Виталія, на мозаикѣ, изображающей императрицу Ѳеодору въ сопровожденіи женщинъ; на всѣхъ женщинахъ надѣты монисты, болѣе или менѣе богатыя и состоящія изъ нѣсколькихъ рядовъ украшеній.

[1]) Псаломъ 36, ст. 12.

то, что я говорю теперь: я не принесу жертвы твоимъ богамъ, не исполню воли твоей и твоего царя; а принесу жертву хвалы Царю вѣковъ, Единому безсмертному Богу моему, за Котораго я полагаю мою душу. Мученія же, которыми ты грозишь, презираю, такъ какъ ничего не желаю пріобрѣсть, какъ только одного Христа, въ Которомъ—жизнь вѣчная.

Жрецъ спросилъ ее:

— Неужели и ты избираешь себѣ смерть, подобную Христовой?

Мученица, услышавъ о смерти Христовой, исполнилась радости и сказала:

— Аминь, аминь! Да будетъ такъ со мною, Христосъ, Царь мой!

Жрецъ спросилъ:

— Что значитъ это слово—«аминь»?

Святая отвѣчала:

— Ты не достоинъ ни понимать, ни произносить это слово[1]). Никто изъ разумныхъ людей не вливаетъ драгоцѣнное муро въ гнилой сосудъ.

Тогда Ульпіанъ приказалъ отвести святую Анастасію на три дня къ знакомымъ ей женщинамъ, бывшимъ когда-то ея сосѣдками и подругами, чтобы онѣ уговорили ее вернуться къ отеческимъ богамъ. Чего только ни дѣлали тѣ лукавыя и нечестивыя женщины! Какихъ совѣтовъ, какихъ ласковыхъ и пріятныхъ для женщинъ словъ не нашептывали онѣ Анастасіи, напоминая ей о красотѣ и сладости міра! Но святая была, какъ глухая, которая не слышитъ, и какъ нѣмая, не отверзающая устъ своихъ. Въ тѣ три дня она не приняла ни пищи, ни питія въ уста свои, но непрестанно въ сердцѣ своемъ взывала къ Жениху своему Христу. Черезъ три дня верховный жрецъ Ульпіанъ, видя, что святая Анастасія была тверда въ исповѣданіи вѣры, какъ столпъ непоколебимый и гора неподвижная, осудилъ ее на муки. Но сперва этотъ окаянный человѣкъ, уязвленный ея красотою, желалъ осквернить чистую голубицу Христову своею нечистотою. Однако, когда сей нечестивецъ хотѣлъ прикоснуться къ ней, онъ

---

[1]) *Аминь*—слово еврейское и значитъ: истинно, вѣрно, да будетъ. Это слово часто встрѣчается въ Священныхъ книгахъ—какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта, и одинъ разъ оно прилагается даже къ Самому Сыну Божію, Который есть вѣчная истина (Апокал., гл. 3, ст. 14). Съ древнѣйшихъ временъ это слово употребляется и въ христіанскомъ Богослуженіи.

вдругъ ослѣпъ, страшная боль сжала ему голову, и, какъ безумный, онъ вопилъ и взывалъ къ своимъ богамъ, прося помощи. Онъ приказалъ нести себя въ идольскій храмъ, надѣясь получить помощь отъ тѣхъ, кому служилъ, но, вмѣсто помощи, получилъ бо́льшій вредъ, и вмѣсто жизни—смерть; ибо онъ извергъ свою злобную душу и преселился къ своимъ богамъ—въ адъ. Слухъ объ этомъ чудѣ распространился среди многихъ, а святая мученица Анастасія осталась свободною. Выйдя оттуда, она отправилась къ вышеупомянутой духовной сестрѣ своей Ѳеодотіи, все еще пребывавшей въ домѣ градоначальника Левкадія, и разсказала ей подробно обо всемъ, что она претерпѣла, и о томъ чудѣ, которое чрезъ нее совершилъ Богъ, показавъ надъ ней милость Свою. Вскорѣ послѣ того возвратился и Левкадій изъ Виѳиніи. Онъ опять принялся за старое и по-прежнему старался то ласками, то угрозами склонить Ѳеодотію къ двумъ беззаконіямъ—поклониться его нечестивымъ богамъ и вступить съ нимъ въ постыдный и ненавистный для нея бракъ. Наконецъ, истощивъ всѣ свои усилія и видя, что ни въ чемъ успѣть не можетъ по причинѣ пребыванія здѣсь Анастасіи, жестокій воспылалъ еще большимъ гнѣвомъ: онъ сковалъ и предалъ Анастасію суду, а Ѳеодотію съ ея дѣтьми послалъ связанной въ Виѳинію къ анѳипату Никитію [1]), разсказавъ ему въ письмѣ все, касающееся Ѳеодотіи.

Когда блаженная Ѳеодотія была приведена къ этому проконсулу, то послѣдній, при допросѣ, сталъ грозить ей муками. На это старшій сынъ Ѳеодотіи, по имени Еводъ, небольшой мальчикъ, сказалъ проконсулу:

— Мы, судья, не боимся мукъ, которыя даютъ тѣлу нетлѣніе, а душѣ безсмертіе. Боимся же мы Бога, Который можетъ и душу, и тѣло погубить въ геенне огненной.

Судья, услышавъ такія рѣчи, приказалъ тутъ же, при матери, бить отрока розгами до крови. Мать, смотря на это, радовалась и укрѣпляла своего сына Божественными словами, убѣждая его мужественно претерпѣвать всякое страданіе. Послѣ этого истязанія Ѳеодотію отдали одному безстыдному человѣку, по имени Гиртаку, чтобы тотъ осквернилъ ее. Но едва тотъ, приблизясь къ цѣломудренной рабѣ Божіей, хотѣлъ прикоснуться къ ней, какъ уви-

[1]) *Анѳипатъ*—наименованіе высшаго областного начальника, подъ властію котораго находилось нѣсколько провинцій съ ихъ правителями, называемыми игемонами.

дѣлъ стоящаго возлѣ нея свѣтлаго юношу, который, грозно на него посмотрѣвъ, ударилъ его въ лицо такъ сильно, что онъ былъ окровавленъ. Это чудо ясно видѣлъ и анѳипатъ; но вмѣсто того, чтобы познать Бога, хранящаго чистоту цѣломудренныхъ, онъ обезумѣлъ еще больше, приписывая это чарамъ волхвованія. Онъ велѣлъ разжечь какъ можно жарче печь и бросить въ нее мать съ тремя дѣтьми. И святая Ѳеодотія съ благословенными плодами чрева своего содѣлалась жертвою, благопріятною Богу: она скончалась въ огнѣ[1]).

Въ это время святая Анастасія содержалась въ оковахъ у иллирійскаго игемона.

Этотъ человѣкъ былъ корыстолюбивъ и, услышавъ, что Анастасія владѣетъ большимъ богатствомъ, велѣлъ тайно привести ее къ себѣ и сказалъ ей:

— Я знаю, что ты богата и имѣешь много денегъ и имѣній. При этомъ ты держишься вѣры христіанской, чего и сама не скрываешь. Исполни же Заповѣдь своего Христа, Который повелѣваетъ вамъ презирать всѣ богатства и быть нищими. Уступи мнѣ богатство твое и сдѣлай меня наслѣдникомъ твоего имѣнія. Сдѣлавъ такъ, ты получишь двойную выгоду: исполнишь Заповѣдь Христа и, освободившись изъ нашихъ рукъ, будешь безбоязненно и невозбранно служить своему Богу.

Премудрая Анастасія благоразумно отвѣтила на это:

— Въ Евангеліи есть слово Господа моего: **продáй и҆мѣ́ніе твоѐ и҆ дáждь ни́щымъ, и҆ и҆мѣ́ти и҆́маши сокро́вище на нѣ́сѝ**[2]). Кто будетъ настолько безуменъ, чтобы дать тебѣ, богатому человѣку, то, что принадлежитъ нищимъ? Кто будетъ настолько не разсудителенъ, чтобы дать тебѣ, утопающему въ роскоши и живущему въ сладостяхъ и въ самоуслажденіи, пищу нищихъ? Если я увижу тебя алчущимъ и жаждущимъ, нагимъ и больнымъ и брошеннымъ въ темницу, тогда я сдѣлаю для тебя, какъ надобно, все, повелѣнное намъ Христомъ[3]): напитаю тебя, напою, одѣну, посѣщу, послужу, помогу, подавая тебѣ все нужное.

Разгнѣвался игемонъ на эти слова и въ ярости повелѣлъ заключить святую въ мрачную темницу и морить ее тридцать

---

[1]) Мѣстомъ страданій и мученической кончины св. Ѳеодотіи съ ея сыновьями былъ городъ Никея, въ Виѳиніи.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 19, ст. 21.

[3]) Здѣсь указаніе на Еванг. отъ Матѳ., гл. 25, ст. 34—45.

дней голодомъ. Но она питалась надеждою своею—Христомъ Господомъ: Онъ былъ ей сладкою пищею и утѣшеніемъ въ скорби. Всякую ночь являлась ей святая мученица Ѳеодотія, наполняла радостію ея сердце и укрѣпляла ее. Анастасія о многомъ говорила съ блаженною, о многомъ разспрашивала ее. Между прочимъ, она спросила ее:

— Какъ ты приходишь ко мнѣ по смерти?

Ѳеодотія объяснила ей, что душамъ мучениковъ дарована отъ Бога особая благодать, чтобы и по своемъ отшествіи отъ земли они могли приходить, къ кому пожелаютъ, бесѣдовать съ ними и утѣшать ихъ.

По истеченіи тридцати дней игемонъ, видя, что Анастасія не изнемогла отъ голода и остается здоровой и свѣтлой лицомъ, разъярился противъ стражей, думая, что они доставляли ей пищу. Наконецъ, онъ приказалъ посадить ее въ болѣе крѣпкую темницу, запечаталъ входъ въ нее своею печатью и, приставивъ самую вѣрную стражу, морилъ святую Анастасію голодомъ и жаждою еще тридцать дней. И святая мученица за это время день и ночь питалась одними только слезами и усердно молилась Богу. По истеченіи другихъ тридцати дней игемонъ вывелъ Анастасію изъ темницы и, увидѣвъ, что она опять не измѣнилась лицомъ, осудилъ ее на смерть вмѣстѣ съ другими приговоренными къ казни за различныя злодѣянія. Всѣхъ ихъ опредѣлено было потопить въ морѣ.

Среди приговоренныхъ былъ одинъ благочестивый мужъ, именемъ Евтихіанъ; лишенный ради Христа всего своего имѣнія, онъ осужденъ былъ на ту же смерть. И вотъ, ихъ всѣхъ посадили на корабль и отплыли съ ними въ море. Достигнувъ глубины, воины просверлили нѣсколько отверстій въ кораблѣ, а сами пересѣли въ лодку, нарочно для того приготовленную, и поплыли къ берегу. И когда корабль уже долженъ былъ погрузиться, внезапно находящіеся на немъ увидѣли святую мученицу Ѳеодотію, управляющую парусами и ведущую корабль къ берегу, котораго онъ вскорѣ и достигъ. Всѣ осужденные, видя свое спасеніе отъ потопленія, изумились и, припавъ къ ногамъ двухъ христіанъ—Евтихіана и Анастасіи, умоляли просвѣтить ихъ вѣрою Христовою.

Выйдя на берегъ невреждeнными, они приняли ученіе вѣры отъ Евтихіана и Анастасіи и крестились. Всѣхъ душъ, спасшихся отъ потопленія и увѣровавшихъ во Христа, было сто двадцать.

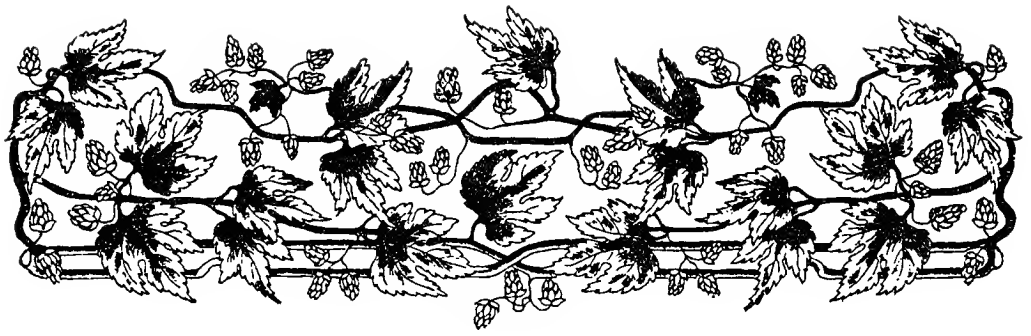
Игемонъ, вскорѣ узнавъ объ этомъ, разгнѣвался и издалъ приказъ схватить ихъ и казнить всевозможными казнями, мученицу же Анастасію растянуть между четырьмя столбами и сжечь. Такъ блаженная Узорѣшительница совершила страдальческій свой подвигъ: разрѣшилась отъ узъ плоти и отошла къ небесной желанной свободѣ[1]). Святое же тѣло ея, неповрежденное огнемъ, было выпрошено у жены игемона одною благочестивою женою, Аполлинаріею, которая похоронила его съ честію въ своемъ виноградникѣ. Со временемъ, когда гоненіе на Церковь прекратилось, она воздвигла надъ могилою мученицы церковь.

Прошло еще много лѣтъ, и честныя мощи святой Анастасіи прославились. Тогда съ великою почестію онѣ были перенесены въ царствующій городъ Константинополь, на защиту и спасеніе городу, во славу Христа Бога нашего со Отцемъ и Святымъ Духомъ, во единомъ Божествѣ прославляемаго во вѣки. Аминь.

Конда́къ мч҃нцы, гла́съ в҃:

Во и҆скꙋше́нїихъ и҆ ско́рбехъ сꙋ́щїи, къ твоемꙋ̀ хра́мꙋ притека́ющїи, прїе́млютъ чⷭ҇тна́ѧ дарова̑нїѧ ѿ живꙋ́щїѧ въ тебѣ̀ бж҃е́ственныѧ бл҃года́ти, а̑настасі́е: ты́ бо при́снѡ то́чнши и҆сцѣле́нїѧ.

[1]) Это было около 304 года, декабря въ 22-й день.



День двадцать третій

ЖИТІЕ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

НИФОНТА,

епископа Кипрскаго

Преподобный Нифонтъ былъ родомъ изъ Пафлагонской страны, изъ города Плагіона[1]), и былъ сынъ одного знаменитаго человѣка, по имени Агапита. Въ отроческомъ возрастѣ онъ былъ порученъ воеводѣ Савватію, присланному изъ Царьграда въ Пафлагонію царемъ Константиномъ Великимъ. Воевода же отослалъ отрока для образованія со своимъ протовестіаріемъ[2]) въ Царьградъ къ своей женѣ. И сталъ учиться отрокъ у пресвитера Петра, жившаго при домѣ воеводы, и учился прилежно и успѣшно, такъ какъ былъ способенъ къ ученію. Въ маломъ возрастѣ Нифонтъ былъ добръ, тихъ, кротокъ, смиренъ и любилъ ходить въ церковь. Придя же въ юношескій возрастъ, онъ сталъ понемногу развращаться отъ дурныхъ товарищей: юноши, если они не воспитаны въ страхѣ Божіемъ, легко поддаются дурному примѣру. И если среди взрослыхъ людей добрый легко развращается злымъ,

---

[1]) Въ сѣверной части Малой Азіи.

[2]) *Протовестіарій*—одна изъ должностей императорскаго Константинопольскаго Двора. Протовестіарій имѣлъ главный надзоръ за царскою одеждою (гардеробомъ).

какъ сказано: **со строптивымъ развратишися**[1]), то еще чаще это бываетъ среди юныхъ, которые естественно болѣе склонны ко злу, чѣмъ къ добру, какъ написано: **прилѣжитъ помышленіе человѣку прилѣжнѡ на ѕлаѧ ѿ юности**[2]). Такъ и юный Нифонтъ началъ вести праздную и лѣнивую жизнь, ѣсть безъ мѣры и упиваться, научился отъ безчинныхъ юношей празднословію и сквернословію, сталъ ходить на представленія скомороховъ, потомъ и на скверныя дѣла и всѣ ночи проводилъ съ товарищами въ беззаконіяхъ, оскверняясь нечистыми грѣхами; къ тому же сталъ онъ и красть, ссориться и драться со всѣми; и другимъ молодымъ людямъ былъ онъ на соблазнъ, такъ какъ не только самъ совершалъ всякое беззаконіе, но и многихъ другихъ склонялъ къ тому же. Одинъ знакомый Нифонта, по имени Василій, постоянно говорилъ ему:

— Горе тебѣ, Нифонтъ! Ты живъ тѣломъ, но уже умеръ душею, и только тѣнь твоя ходитъ среди людей.

А Нифонтъ то не обращалъ вниманія на эти слова, то начиналъ рыдать и плакать о грѣхахъ; однако, продолжая слѣдовать дурнымъ привычкамъ, онъ утопалъ въ скверныхъ дѣлахъ, какъ въ морѣ, и, отчаявшись совсѣмъ въ своемъ спасеніи, говорилъ:

— Я уже погибъ и не могу возвратиться къ покаянію,—такъ по крайней мѣрѣ буду наслаждаться здѣсь земными сладостями.

И до того ожесточилъ діаволъ сердце Нифонта, что онъ не могъ уже совсѣмъ молиться: ибо у него какъ бы камень всегда лежалъ на сердцѣ. А та госпожа, у которой жилъ Нифонтъ, видя такую развратную жизнь его, съ сокрушеніемъ сердечнымъ говорила:

— Горе мнѣ! Откуда на меня эта напасть?

И много разъ наставляла его, ссорилась съ нимъ, бранила и била его, но онъ оставался неисправимъ. Объ этомъ повѣствуется дабы показать, сколь велико милосердіе Божіе, которымъ Онъ выводитъ честно́е изъ недостойнаго и изъ грѣшниковъ дѣлаетъ праведниковъ,—и что нѣтъ грѣха, превышающаго человѣколюбіе Божіе. Пусть и у насъ, грѣшныхъ, будетъ примѣръ, чтобы не отчаяваться намъ, погруженнымъ во многія беззаконія, но исправиться покаяніемъ, подобно Нифонту. Ибо онъ былъ какъ бы сосудомъ грѣха, но впослѣдствіи, черезъ истинное покаяніе, сталъ

---

[1]) Псаломъ 17, ст. 27.

[2]) Кн. Бытія, гл. 8, ст. 21.

сосудомъ Святаго Духа, какъ мы сейчасъ узнаемъ изъ послѣдующаго разсказа.

Стый
НІФОНТЪ

Былъ у Нифонта одинъ другъ, по имени Никодимъ. Однажды пришелъ къ нему Нифонтъ; Никодимъ взглянулъ на него и ужаснулся, съ удивленіемъ смотря ему въ лицо. Нифонтъ спросилъ его:

— Что ты на меня такъ смотришь, словно на незнакомаго?

Никодимъ отвѣчалъ:

— Повѣрь мнѣ, братъ, я никогда тебя такимъ не видалъ, какъ теперь: у тебя лицо страшное, какъ у еѳіопа.

При этихъ словахъ юноша испугался, а вмѣстѣ съ тѣмъ и стыдно стало ему, и, закрывъ лицо рукою, онъ ушелъ опечаленный. По дорогѣ онъ говорилъ самъ себѣ:

— Горе мнѣ, грѣшному! Если въ этомъ мірѣ я черенъ душею и тѣломъ, то что же я буду на судѣ Божіемъ? Какъ явлюсь я предъ Лице Божіе? Горе мнѣ, несчастному! Гдѣ ты теперь, душа? Горе мнѣ! Что мнѣ дѣлать? Могу ли я еще покаяться? Есть ли, кто наставилъ бы меня къ покаянію и сказалъ мнѣ, могу ли я еще спастись? Какъ скажу я Богу: помилуй меня!—когда я совершилъ предъ Нимъ столько скверныхъ дѣлъ?

И много еще, кромѣ этого, говорилъ Нифонтъ самъ себѣ, наконецъ пришелъ домой печальный и усталый; въ немъ боролись противоположные помыслы. Добрый помыслъ говорилъ ему: «Помолись ночью Богу: какъ Онъ хочетъ, такъ и поступитъ съ тобой». А злой помыслъ противился этому, говоря: «Если встанешь на молитву, то потеряешь разсудокъ, будешь юродивымъ, и всѣ станутъ надъ тобой смѣяться».

Бѣсъ влагалъ ему страхъ въ умъ и сильно смущалъ его душу. Онъ же, нѣсколько укрѣпившись, сказалъ самъ себѣ:

«Когда я жилъ блудно, никакого зла со мной не случалось, неужели же теперь, когда я хочу помолиться Богу, со мной случится какое-нибудь зло? Проклятъ ты будь, нечистый и пронырливый бѣсъ, внушающій мнѣ это!»

Ночью Нифонтъ всталъ съ постели и началъ плакать, бить себя въ грудь, говоря:

— Какъ я жилъ благочестиво и добродѣтельно въ прежніе годы, теперь же я умеръ, люто уязвленный грѣхами. Но, **гдⷭ҇и бж҃е мо́й, на тѧ̀ ᲂу҆пова́хъ, сп҃си мѧ, да не когда̀ діаволъ похи́титъ ꙗ҆́кѡ ле́въ дꙋ́шꙋ мою̀, не сꙋ́щꙋ и҆збавлѧ́ющꙋ**[1]).

Когда онъ стоялъ на молитвѣ и смотрѣлъ на востокъ, вдругъ объялъ его густой мракъ, приблизился къ нему и повергъ его въ слабость, болѣзнь и безмѣрный страхъ. Въ ужасѣ легъ Нифонтъ на свою постель, рыдая и плача о грѣхахъ своихъ. Утромъ пошелъ онъ въ церковь; поднявъ глаза, онъ посмотрѣлъ на икону Пречистой Дѣвы Маріи Богородицы и съ воплемъ воскликнулъ:

— Помилуй меня, Заступница христіанъ, Обрадованная Чистая! Помоги мнѣ по Твоей великой милости, ибо Ты—упованіе и надежда кающихся.

При этихъ словахъ его образъ Богоматери улыбнулся, и ликъ Ея былъ радостенъ. Удивился Нифонтъ, увидавъ сіе чудо; онъ обрадовался, и возвеселился сердцемъ, и сказалъ:

— О глубина человѣколюбія Божія! Какъ велика Твоя милость, Господи, которую Ты показываешь надъ согрѣшившими предъ Тобою! Для нихъ Ты далъ и Пречистую Свою Матерь, дабы Она была молитвенницей къ Твоему величію!

Послѣ долгой молитвы, приложившись съ любовію къ иконѣ Пречистой Богородицы, онъ вышелъ, говоря самъ себѣ:

— Смотри, окаянная душа, какъ Богъ насъ любитъ, а мы сами бѣжимъ отъ Него: вотъ Онъ далъ намъ заступницей Пречистую Свою Матерь, а мы и сію Помощницу отвергаемъ.

Послѣ того въ сновидѣніи явился ему діаволъ въ видѣ одного отрока, бывшаго товарища его въ беззаконіяхъ; стоялъ онъ прискорбно, какъ бы въ глубокой печали; посмотрѣлъ на него Нифонтъ и сказалъ:

— Что ты такъ печалишься?

---

[1]) Псаломъ 7, ст. 3.

Отвѣчалъ діаволъ:

— Вотъ уже третій день, какъ ты ходилъ къ своему другу Никодиму и развратился: объ этомъ я скорблю, и не могу перенести, что ты презрѣлъ меня.

Тогда сказалъ Нифонтъ:

— Почему же тебя такъ печалитъ это?

Но діаволъ отвернулся и не далъ ему отвѣта. Тотчасъ Нифонтъ проснулся; онъ понялъ, что діаволъ печалится о его покаяніи; поспѣшно всталъ онъ, пошелъ въ церковь и, вперивъ умъ и очи въ ту икону Пресвятой Богородицы, молился, пока опять не увидѣлъ Ее улыбающеюся и не ощутилъ божественную сладость въ своемъ сердцѣ.

Въ одинъ день, идя въ церковь на молитву, Нифонтъ увидѣлъ какого-то человѣка, безчинствующаго на дорогѣ, и мысленно осудилъ его. Пришедши въ храмъ Божій и по обыкновенію посмотрѣвъ на икону, онъ вдругъ увидѣлъ Пречистую Богородицу съ гнѣвнымъ и строгимъ лицомъ, отворачивающимся отъ него. Ужаснулся Нифонтъ и, опустивъ глаза внизъ, сказалъ себѣ:

— Горе мнѣ, грѣшному! Одна радость была у меня—Твой, Владычица, пресвятой образъ, теперь и онъ отвращаетъ ликъ свой, и за что — не знаю!

Потомъ, размышляя въ себѣ, онъ вдругъ вспомнилъ, какъ осудилъ грѣшника, и понялъ, что за это отвратила отъ него ликъ Свой Матерь Господня. Громко рыдая, сказалъ онъ:

— Боже, прости меня, грѣшнаго: ибо я присвоилъ себѣ Твое достоинство и Твою власть и осудилъ своего ближняго прежде Твоего суда; но помилуй меня, Владыка, на Тебя надѣется душа моя,—съ этого времени никогда я не стану осуждать брата своего.

Много и еще говорилъ Нифонтъ со слезами и, посмотрѣвъ опять на икону, увидѣлъ, что она улыбается по-прежнему, и съ тѣхъ поръ онъ тщательно сталъ оберегать себя отъ осужденія. Такъ бывало всегда: когда случалось согрѣшить ему въ чемъ-либо, то образъ Пречистой Богоматери отвращалъ свой ликъ, и этимъ поучался Нифонтъ и исправлялся.

Однажды, когда Нифонтъ черпалъ изъ колодезя воду бадьей, діаволъ толкнулъ его, и онъ, поскользнувшись обѣими ногами, упалъ въ колодезь; летя внизъ, ухватился онъ за бадью и воззвалъ:

— Владычице, помоги мнѣ!

И тотчасъ онъ оказался невредимо стоящимъ на бревнѣ надъ колодеземъ. Съ этого времени, понявъ, что Богородица хранитъ его, Нифонтъ сталъ всегда имѣть на устахъ Ея имя. Послѣ этого случилось болѣть ему—отъ праздника Воскресенія Христова до дня Преполовенія, и въ болѣзни этой ничего другаго онъ не говорилъ, какъ только:

— Слава Богу моему, слава помощницѣ моей Пречистой Дѣвѣ Маріи.

Въ понедѣльникъ, передъ средой Преполовенія, онъ молился такъ:

«Господи Боже мой, сподоби меня причаститься Святыхъ Твоихъ Таинъ въ день Преполовенія, ибо сильно желаетъ душа моя насытиться Твоею плотію».

Потомъ онъ уснулъ, и было ему такое видѣніе: двѣ пресвѣтлыя жены шли мимо его постели подобно мvроносицамъ,—одна, въ царской багряницѣ, держала масличную вѣтку, другая, похожая на нее, шла за ней и несла маленькій сосудъ съ нѣкоей святыней и вѣтку, омоченную въ святомъ елеѣ; подойдя къ постели, онѣ остановились. И сказала Жена въ царской багряницѣ другой:

— Посмотри, Анастасія, чѣмъ страдаетъ этотъ юноша?

Отвѣчала ей Анастасія[1]):

— Онъ, Госпожа, страдаетъ отъ невоздержнаго языка своего, потому что, когда онъ былъ здоровъ, уста его не закрывались, и теперь Господь наказываетъ его, чтобы не былъ онъ осужденъ тамъ со всѣмъ міромъ; ибо очень любитъ его Богъ и наказываетъ его, а ты, Госпожа, если хочешь, помилуй и помоги ему.

Отвѣчала Жена въ царской багряницѣ:

— Помилую, только веди его туда, куда мы идемъ.

Анастасія взяла его за руку и повела въ храмъ Святыхъ Апостоловъ. Тогда сказала ей Жена въ царской багряницѣ:

— Возьми масла изъ горящей въ алтарѣ лампады и помажь его съ головы до ногъ.

Та помазала и сказала:

— Вотъ, смотри, Владычице, я исполнила Твое приказаніе.

Улыбнулась Жена въ царской багряницѣ и сказала:

— Это знаменіе милосердія, для котораго мы приходили.

---

[1]) Здѣсь разумѣется святая мученица Анастасія Узорѣшительница; память ея празднуется 22 декабря.

И дала Нифонту масличную вѣтку, которую держала въ рукѣ, со слѣдующими словами:

— Смотри и разумѣй, что вѣтка эта отъ благодати Господней; я даю ее тебѣ, потому что теперь излилась на тебя милость прещедраго Бога; а ты борись теперь съ бѣсами и одолѣешь ихъ такъ же легко, какъ бы тростникъ или сѣно.

Нифонтъ поклонился въ ноги и, пробудившись, понялъ, что видѣніе это означало благословеніе Пречистой Богородицы; онъ тотчасъ выздоровѣлъ и всталъ съ постели; во вторникъ онъ подкрѣпился пищею, а въ самый день Преполовенія пришелъ въ церковь и съ великою радостію причастился Божественныхъ Таинъ. Такимъ образомъ, съ помощью Божіей блаженный Нифонтъ оставилъ свою прежнюю грѣховную жизнь, удалился отъ міра и сталъ инокомъ. Онъ сталъ прилежно подвизаться и усиленно трудиться, умерщвляя свое тѣло и порабощая его духу, проводя дни свои въ слезахъ и въ строгомъ покаяніи. Онъ старательно сохранялъ уста свои отъ празднословія, а еще болѣе—отъ сквернословія и клеветы и положилъ себѣ за правило сильно ударять себя сорокъ разъ по лицу, если когда-либо по неосторожности случилось бы ему произнести какое непотребное или бранное слово. Иногда же, положивъ камень въ ротъ, онъ долгое время носилъ его, говоря себѣ:

«Лучше тебѣ, беззаконникъ, ѣсть камни, чѣмъ говорить какія-либо злыя слова».

Часто, затворившись въ своей хижинѣ и раздѣвшись, онъ билъ себя чѣмъ-нибудь по всему тѣлу такъ сильно, что иногда отъ ранъ отпадали куски тѣла. Такъ упорно боролся онъ съ невидимымъ врагомъ, но тотъ велъ съ нимъ сильную борьбу, причиняя ему всякое зло и желая одолѣть его непобѣдимое мужество. Во время молитвы бѣсъ являлся ему—то въ видѣ прыгающей передъ нимъ птицы, то въ видѣ черной собаки, бросающейся на него, чтобы испугать его и прервать его молитву; но онъ прогонялъ бѣса крестнымъ знаменіемъ. Когда онъ чувствовалъ голодъ, бѣсъ приносилъ ему разной рыбной и мясной пищи и вкусныхъ кушаній; но блаженный говорилъ тогда:

— Пища насъ не приблизитъ къ Богу[1],—самъ ѣшь, діаволъ, свою пищу или неси ее туда, гдѣ люди свое чрево дѣлаютъ божествомъ.

[1]) Ср. 1 Посл. Коринѳ., гл. 8, ст. 8.

Когда святый бодрствовалъ, діаволъ наводилъ на него дремоту и крѣпкій сонъ; но блаженный, почувствовавъ это, бралъ палку и больно билъ себя, говоря:

— Я далъ тебѣ ѣсть и пить, а ты хочешь еще и спать: вотъ я палкой успокою тебя.

Если онъ чувствовалъ когда-нибудь плотское вожделѣніе, то цѣлую недѣлю не бралъ въ ротъ хлѣба, морилъ себя голодомъ и жаждою, пока не умерщвлялъ въ себѣ плотскаго вожделѣнія; во время сильной жажды онъ наливалъ себѣ воды, ставилъ передъ собою и, смотря на нее, говорилъ:

— Какъ вкусна эта вода!

Затѣмъ, взявъ немного воды въ ротъ, онъ пробовалъ ее языкомъ и выливалъ на землю. Бѣсъ не вынесъ такого терпѣнія блаженнаго и громко закричалъ:

— Ты побѣдилъ меня, Нифонтъ!

Но святый Нифонтъ, относя побѣду надъ бѣсами Божіей силѣ и помощи, а не своимъ подвигамъ и воздержанію, отвѣчалъ ему:

— Не я тебя побѣждаю, а сила Бога нашего, охраняющаго Своихъ рабовъ.

Богъ попустилъ прійти на Нифонта искушенію, чтобы, испытанный какъ золото въ горнилѣ, онъ оказался достойнымъ благодати Господней; искушеніе же то состояло въ поврежденіи его ума, и оно, по діавольскому навожденію, продолжалось четыре года. Стоялъ однажды Нифонтъ на молитвѣ съ вечера до утра и вдругъ услыхалъ страшный шумъ, несущійся справа налѣво. Святый ужаснулся и думалъ, что̀ это за шумъ; и тотчасъ явился діаволъ съ громкимъ ревомъ и яростью и навелъ такой страхъ на святаго, что умъ его помрачился; едва придя въ себя, онъ хотѣлъ помолиться и осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, какъ діаволъ напалъ на него со словами:

— Оставь молитву, и тогда я не стану бороться съ тобою!

Блаженный же отвѣчалъ:

— Ни за что не послушаю тебя, нечистый духъ: если Богъ повелѣлъ тебѣ погубить меня, съ благодарностью принимаю это, если же нѣтъ, то скоро съ помощію Божіею одолѣю тебя!

Діаволъ сказалъ на это:

— Ты заблуждаешься, Нифонтъ: Бога нѣтъ, ибо гдѣ Онъ?

Такъ постоянно говорилъ ему бѣсъ, развращая и помрачая его умъ. Святый же отвѣчалъ ему:

— Ты говоришь, діаволъ, какъ безумный, ибо: **речѐ безꙋменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть бгъ**[1]).

Онъ хотѣлъ молиться, но не могъ: произносилъ слова, а умъ не покорялся ему. Горько печалился святый, помутившись умомъ; съ этихъ поръ онъ потерялъ разсудокъ и страдалъ; а когда онъ нѣсколько приходилъ въ себя, опять бѣсъ, не переставая, говорилъ ему: «нѣтъ Бога», но святый отвѣчалъ:

— Если даже я впаду въ блудъ, если убью, если еще какой грѣхъ сдѣлаю, но отъ Христа моего не отвергнусь.

Діаволъ же опять говорилъ ему:

— Что ты говоришь: есть ли Христосъ? Нѣтъ Христа: я одинъ всѣмъ владѣю и царствую надъ всѣмъ; кто тебѣ сказалъ, что есть Богъ или Христосъ?

— Не прельстишь меня, темная власть!—отвѣчалъ святый.— Отойди отъ меня, врагъ всякой правды!

Діаволъ же не отступалъ и все боролся съ нимъ, помрачая его умъ и принуждая сказать: «нѣтъ Бога». Такъ четыре года боролся святый съ бѣсомъ и принуждалъ себя къ молитвѣ. Однажды, во время молитвы, усумнившись, есть ли Богъ, взглянулъ онъ на икону Спасителя и, вздохнувъ изъ глубины сердца, простеръ руки къ иконѣ со словами:

— Боже, Боже мой, зачѣмъ Ты меня оставилъ[2])? Дай мнѣ узнать, что Ты—Богъ и что нѣтъ инаго, кромѣ Тебя, чтобы мнѣ не преклониться къ вражьему совѣту.

Съ этими словами онъ увидалъ, что ликъ Христа на иконѣ свѣтится какъ солнце, и при семъ обонялъ благоуханіе несказанное. Въ ужасѣ упалъ онъ на землю, говоря:

— Прости меня, Владыка, что я искушалъ Тебя, сомнѣваясь въ Тебѣ, Богѣ моемъ; теперь я вѣрую, что Ты Единъ Богъ и Создатель всей твари.

Лежа на землѣ, онъ повернулъ голову и посмотрѣлъ на образъ Спаса, и увидѣлъ чудо: образъ Господень двигалъ глазами и бровями, какъ бы живой человѣкъ. Нифонтъ воскликнулъ:

— Благословенъ Богъ мой и благословенно славное Имя Его нынѣ и во вѣки, аминь!

Съ того времени сошла на Нифонта благодать Божія, ибо прошли уже четыре года испытанія его; послѣ сего у него всегда

---

[1]) Псаломъ 13, ст. 1.

[2]) Выраженіе Псалма 21-го, ст. 1.

было веселое и свѣтлое лицо, такъ что нѣкоторые недоумѣвали и говорили:

— Что это значитъ: столько лѣтъ онъ ходилъ угрюмый, а теперь радуется и веселъ?

У святаго же явилось мужество противъ бѣсовъ; насмѣхаясь надъ ними, онъ говорилъ:

— Гдѣ тѣ, кто говоритъ: нѣтъ Бога?

И побѣждалъ ихъ постоянною молитвою. Размышляя о своихъ прежнихъ грѣхахъ, онъ сказалъ себѣ:

— Пойдемъ, грѣшный Нифонтъ, въ церковь, исповѣдуемъ грѣхи наши Господу; тамъ ожидаетъ насъ Отецъ щедрый.

И пошелъ онъ въ церковь. Подойдя къ церковнымъ дверямъ, Нифонтъ поднялъ руки кверху и съ горькимъ стенаніемъ воскликнулъ:

— Пріими, Господи Іисусе Христе, Боже Мой, меня, умершаго душою и умомъ, пріими сквернослова и грѣшника, оскверненнаго душою и тѣломъ, и не отврати Лица Твоего; не говори, Владыко: не знаю, кто ты, но вонми гласу моленія моего и спаси меня, ибо Ты не хочешь смерти грѣшниковъ; и я не отступлю отъ Тебя, пока Ты не услышишь меня и не дашь прощенія моимъ согрѣшеніямъ!

Во время этой молитвы вдругъ послышался сильный шумъ съ Неба, и святый въ восторгѣ увидѣлъ лицо Свѣтлаго Мужа, явившееся въ облакѣ, и были видны протянутыя руки, которыми онъ обнялъ блаженнаго, какъ нѣкогда отецъ блуднаго сына[1]), и цѣловалъ его въ шею, говоря:

— Хорошо ты сдѣлалъ, что пришелъ сюда, скорбящее чадо Мое! Много Я печалился и тужилъ о тебѣ; какъ горѣло Мое сердце ожиданіемъ, когда ты обратишься ко Мнѣ, вечеромъ ли, утромъ ли; теперь Я радуюсь, теперь веселюсь, видя, что ты обратился ко Мнѣ всѣмъ сердцемъ.

Это разсказалъ впослѣдствіи Нифонтъ своему ученику, и при этомъ сильно плакалъ. Послѣ сего, когда онъ молился опять, явился Ангелъ Божій съ чашею, полною мура, которое онъ возлилъ на его голову; и наполнилось благоуханіемъ то мѣсто; также, когда онъ билъ себя по тѣлу, причиняя себѣ раны, Ангелъ сошелъ и кадилъ вокругъ него, распространяя въ томъ мѣстѣ благоуханіе.

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 15, ст. 20.

Настолько просвѣтились духовныя очи у блаженнаго Нифонта, что онъ зналъ тайну сердецъ человѣческихъ; онъ бесѣдовалъ съ Ангелами явно, какъ съ друзьями, и ясно видѣлъ бѣсовъ. Однажды на пути изъ церкви святой Анастасіи въ свою хижину онъ увидѣлъ у воротъ дома одной блудницы Ангела въ видѣ юноши, горько плачущаго, и спросилъ его о причинѣ слезъ. Тотъ отвѣчалъ:

— Я данъ Богомъ на сохраненіе одному человѣку, который спитъ теперь въ этомъ домѣ съ блудницею и тѣмъ жестоко оскорбляетъ меня; не могу видѣть беззаконія, которое онъ дѣлаетъ. Какъ же мнѣ не плакать, когда я вижу, въ какую тьму погрузился образъ Божій?!

Блаженный сказалъ ему:

— Отчего же ты не накажешь его, чтобы онъ отсталъ отъ грѣха?

— Я не имѣю возможности,—отвѣчалъ Ангелъ,—приблизиться къ нему, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ грѣшить, онъ—рабъ бѣсовъ, и я не имѣю надъ нимъ власти: ибо Богъ сотворилъ человѣка со свободной волей и показалъ ему узкій путь и широкій, чтобы онъ ходилъ, по какому хочетъ.

Тогда святый Нифонтъ сказалъ своему ученику:

— Ничего нѣтъ мерзостнѣе блуднаго грѣха; однако, если блудникъ покается, то Богъ приметъ его скорѣе другихъ беззаконниковъ, потому что грѣхъ этотъ является отъ самой природы, по внушенію діавола, а изгоняется эта страсть прилежною молитвою, строгимъ постомъ и различнымъ умерщвленіемъ тѣла.

Видно было святому и то, какъ бѣсы ходятъ въ народѣ и искушаютъ людей, внушая имъ осужденіе, клевету, ссоры и различныя скорби. Однажды онъ увидалъ одного человѣка за работой; и вотъ пришелъ къ нему бѣсъ и началъ шептать ему на ухо. Неподалеку работалъ другой человѣкъ; пришелъ бѣсъ и тому пошепталъ на ухо. Тогда они, оставивъ работу, начали ссориться. Блаженный же, вставъ, сказалъ:

— О бѣсовскій соблазнъ! Какъ ты сѣешь вражду между людьми!

Однажды напалъ на него бѣсъ тщеславія и говорилъ:

— Ты теперь начнешь творить знаменія, и прославится имя твое по всей землѣ, потому что ты угодилъ Богу.

Блаженный же сказалъ тому бѣсу:

— Подожди, и я тебѣ сотворю знаменіе.

И, найдя камень передъ собою, онъ сказалъ:

— Тебѣ говорю, камень: пойди отсюда и перенесись въ другое мѣсто.

Но камень лежалъ неподвижно. Тогда святый сказалъ бѣсу:

— Вотъ твой даръ, діаволъ!

И плюнулъ ему въ лицо; потомъ помолился, и діаволъ тотчасъ исчезъ. Въ другой разъ Нифонтъ видѣлъ одного церковнослужителя, сзади котораго шелъ бѣсъ, внушая ему скверныя и хульныя мысли; человѣкъ этотъ, чувствуя на себѣ козни бѣсовскія, часто обертывался и плевалъ на бѣса. Блаженный сказалъ лукавому духу:

— Перестань, діаволъ, смущать рабовъ Божіихъ! Какая тебѣ польза отъ того, что эта душа пойдетъ въ погибель?

Бѣсъ отвѣчалъ:

— Намъ отъ этого нѣтъ пользы, но у насъ есть приказъ отъ царя нашего и князей, властвующихъ надъ нами,—бороться съ людьми. Если же князья узнаютъ, что мы не боремся съ людьми, то жестоко бьютъ насъ.

Еще разъ видѣлъ блаженный одного инока, идущаго и шепчущаго молитву, а изъ устъ его вылетало огненное пламя и достигало до неба; съ нимъ шелъ и Ангелъ его, съ огненнымъ копьемъ въ рукахъ, которымъ онъ отгонялъ бѣсовъ отъ того инока. Наканунѣ праздника Воскресенія Христова, вечеромъ въ Великую Субботу, стоялъ Нифонтъ въ церкви съ народомъ и увидѣлъ Пречистую Богородицу съ Апостолами и множествомъ святыхъ, Которая пришла въ церковь и съ материнской любовью смотрѣла на присутствовавшихъ людей. Если Она видѣла кого изъ нихъ заботящимся о своемъ спасеніи, то очень радовалась, а смотря на нерадивыхъ, качала головою и плакала; однако, простерши руки, молилась обо всѣхъ Богу, чтобы всѣ получили спасеніе. Видя это, преподобный несказанно обрадовался, что не оставляетъ христіанъ Пречистая Богородица, но постоянно помогаетъ имъ; и ему самому Она была особой Помощницей и Защитницей.

Однажды, когда Нифонтъ спалъ, внезапно явился діаволъ съ оружіемъ въ рукѣ и бросился на него съ намѣреніемъ убить его, но, остановленный силою Божіею, онъ не могъ ничего дурнаго сдѣлать святому и отбѣжалъ прочь, скрежеща зубами и говоря:

— О Марія! Ты всегда прогоняешь меня отъ этого жестокаго для меня человѣка!

Преподобный имѣлъ даръ своими словами наставлять и утѣшать скорбящихъ. Одинъ братъ пришелъ къ святому въ печали и спросилъ:

— Что мнѣ дѣлать, отче? Сильно смущаютъ меня злые бѣсы: ѣмъ ли я, пью ли, или стою на молитвѣ,—они внушаютъ мнѣ въ сердце то ереси, то хулы тяжкія на Господа моего Іисуса Христа и Пречистую Его Матерь и на святыя иконы; боюсь я, что сойдетъ когда-нибудь огонь съ Неба и сожжетъ меня живымъ.

Святый отвѣчалъ ему:

— Пріими, братъ, мой совѣтъ. Когда море волнуется, какія оно поднимаетъ волны и разбиваетъ о камни; волны же опять возвращаются въ море: такъ и помыслы злые, посылаемые діаволомъ, дѣйствуютъ на человѣческую душу; и если человѣкъ послушаетъ его совѣта и послѣдуетъ ему, то погибаетъ, какъ многіе, покорившись ему, и погибли. Если же кто въ борьбѣ съ дурными помыслами не уступаетъ, а еще больше мужается и сопротивляется имъ, презирая бѣса, то злоба бѣса возвращается на него самого, человѣкъ же тотъ получаетъ награду отъ Бога. И ты, чадо, терпи, сопротивляйся бѣсу молитвою и постомъ, и онъ скоро убѣжитъ отъ тебя; берегись клеветы и гнѣва; они всего болѣе вызываютъ хулы.

Такъ, наставивъ брата, отпустилъ его съ миромъ. Не былъ лишенъ преподобный и дара исцѣлять недуги. Пришла къ нему какая-то женщина съ зубной болью и умоляла святаго исцѣлить ее. Онъ сказалъ ей:

— Мы—люди грѣшные и скверные, и не можемъ тебя исцѣлить, если Самъ Богъ не умилосердится надъ тобою.

И съ этими словами Нифонтъ пошелъ въ церковь, помолился и, взявъ масла изъ лампады предъ иконою Пресвятой Богородицы, помазалъ лицо больной по всей опухоли,—и тотчасъ боль прекратилась; исцѣлившись, женщина та ушла, славя Бога. И другую женщину, доставлявшую ему ранѣе пищу, когда она сдѣлалась больной и была близка уже къ смерти, онъ исцѣлилъ молитвою, и она стала здорова. Прозорливыми очами онъ видѣлъ и души человѣческія по исшествіи ихъ изъ тѣла. Однажды, стоя въ церкви святой Анастасіи на молитвѣ, онъ поднялъ глаза къ Небу и увидѣлъ отверстыя Небеса и много Ангеловъ, изъ которыхъ одни сходили внизъ на землю, другіе шли вверхъ, неся на Небо человѣческія души. И вотъ, видитъ онъ, идутъ два Ангела вверхъ,

неся какую-то душу. И когда приблизились они къ блудному мытарству, вышли мытари-бѣсы и сказали съ гнѣвомъ:

— Это наша душа, какъ вы смѣете нести ее мимо?

Ангелы отвѣчали:

— Какой у васъ знакъ на ней, что вы считаете ее своею?

Сказали бѣсы:

— Она до смерти оскверняла себя грѣхами, не только естественными, но даже и противоестественными; кромѣ того, она осуждала ближняго и умерла безъ покаянія. Что вы на это скажете?

— Мы не вѣримъ,—отвѣтили Ангелы,—ни вамъ, ни отцу вашему діаволу, пока не спросимъ Ангела-хранителя этой души.

Когда же его спросили, тотъ сказалъ:

— Правда, много грѣшила эта душа, но когда заболѣла, начала плакать и исповѣдывать грѣхи свои Богу; и если простилъ ее Богъ, то Онъ знаетъ почему: Онъ имѣетъ власть. Слава Его праведному суду!

Тогда Ангелы, посрамивши бѣсовъ, вошли съ душою въ Небесныя врата. Потомъ увидѣлъ блаженный, что Ангелы несутъ еще другую душу, а бѣсы выбѣжали къ нимъ и кричатъ:

— Что вы носите души, не узнавъ ихъ, какъ, напримѣръ, несете и эту—корыстолюбивую, злопамятную, разбой произведшую!

Отвѣчали Ангелы:

— Мы хорошо знаемъ, что хотя она и сдѣлала все это, но плакала и горевала, исповѣдывала грѣхи и подавала милостыню; за это простилъ ее Богъ.

Бѣсы же начали говорить:

— Если уже эта душа достойна милости Божіей, то возьмите и берите грѣшныхъ со всего міра! Чего же мы будемъ трудиться!

Отвѣчали на это Ангелы:

— Всѣ грѣшники, исповѣдующіе свои грѣхи со смиреніемъ и слезами, получатъ прощеніе по милости Божіей, а кто умираетъ безъ покаянія, тѣхъ судитъ Богъ.

Такъ посрамивши лукавыхъ духовъ, Ангелы прошли мимо. Еще увидѣлъ святый, какъ несли душу одного Боголюбиваго человѣка, цѣломудреннаго и милостиваго, любившаго всѣхъ; бѣсы, увидѣвъ ее издали, скрежетали зубами, а Ангелы Божіи выходили ей навстрѣчу изъ Небесныхъ вратъ и такъ привѣтствовали ту душу:

— Слава Тебѣ, Христе Боже, что Ты не оставилъ ее въ рукахъ вражіихъ, но избавилъ ее отъ преисподняго ада.

Чрезъ нѣкоторое время блаженный Нифонтъ увидѣлъ, какъ бѣсы влекли душу въ адъ; это была душа одного раба, котораго господинъ изнурялъ голодомъ и билъ; онъ не стерпѣлъ такого мученія и, по наущенію бѣса, взялъ веревку и удавился; Ангелъ же хранитель его шелъ вдали и горько плакалъ, а бѣсы радовались. Плачущему же Ангелу было повелѣно Богомъ идти въ городъ Римъ и охранять одного новорожденнаго младенца, котораго тамъ въ это время крестили. Преподобный видѣлъ и еще одну душу, которую несли въ воздухѣ Ангелы, а ихъ встрѣчали полчища бѣсовъ; не дошли они и до четвертаго мытарства, какъ бѣсы отняли изъ рукъ святыхъ Ангеловъ ту душу и съ поруганіемъ бросили въ бездну. Это была душа одного клирика церкви святаго Елевѳерія; этотъ клирикъ постоянно прогнѣвлялъ Бога блудомъ, чародѣйствомъ и разбоемъ, умеръ же онъ внезапно безъ покаянія, и была радость бѣсамъ.

Преподобный построилъ церковь въ Царьградѣ во имя Пречистой Богородицы, жилъ при ней и многихъ невѣрныхъ обращалъ ко Христовой вѣрѣ. Не перенесъ діаволъ того, что Нифонтъ многихъ отвлекъ отъ бѣсовскаго соблазна, и пришелъ къ нему со множествомъ бѣсовъ, около тысячи; они ночью напали на святаго и хотѣли мучить; все его жилище было полно бѣсовъ. Онъ же силою крестною запретилъ имъ и съ помощью Божіею и пособіемъ святаго Ангела взялъ каждаго изъ нихъ по одному, давая имъ по тысячѣ ударовъ, пока они не поклялись ему не подходить даже къ тому мѣсту, гдѣ произносится имя Нифонта.

Бесѣдуя однажды съ братіей о пользѣ душевной, Нифонтъ вспомнилъ слѣдующее.

— Былъ,—разсказывалъ онъ,—въ этомъ городѣ у одного знатнаго человѣка рабъ, по имени Василій, ремесломъ портной, дурнаго нрава, сквернословъ, непокорный и скоморохъ; онъ проводилъ все свое время въ играхъ и въ плотскихъ нечистыхъ грѣхахъ съ прелюбодѣями и не слушалъ наставленій своего господина. Дивнымъ же Промысломъ милосердаго Владыки онъ получилъ спасеніе такимъ образомъ: попущеніемъ Божіимъ за людскіе грѣхи случился большой голодъ, и начали хозяева прогонять отъ себя своихъ рабовъ по недостатку пищи; прогналъ и Василія господинъ его. Ушелъ Василій и въ первый же день продалъ одежду, чтобы

достать себѣ пищи, потомъ началъ ходить нагимъ и просить милостыню; а была тогда зима, и онъ мерзъ и трясся отъ стужи. Наконецъ, онъ въ изнеможеніи легъ на одной улицѣ; черезъ нѣсколько времени у него отгнили пальцы на ногахъ, а потомъ и самыя ноги. Василій все терпѣлъ, считая это наказаніемъ за свои грѣхи, и ничего не говорилъ, кромѣ какъ: «Слава Богу за все!» Такъ пролежалъ онъ два мѣсяца на улицѣ, безъ крова, плача и рыдая о грѣхахъ. Случайно шелъ той дорогой одинъ христолюбецъ, по имени Никифоръ. Увидавъ страдальца Василія, онъ велѣлъ своимъ рабамъ нести его въ свой домъ, гдѣ съ любовью успокоилъ его, своими руками постилалъ ему постель и кормилъ его. Черезъ двѣ недѣли, въ субботу, больной Василій началъ говорить:

— Радостенъ для меня вашъ приходъ, Ангелы святые, отдохните немного и пойдемъ.

Они же сказали:

— Нѣтъ, иди скорѣе, ибо тебя зоветъ Господь.

— Немного подождите, — отвѣчалъ Василій, — пока отдамъ долгъ; взялъ я взаймы у одного друга моего десять мѣдницъ и до сего времени не отдалъ; какъ бы меня не задержалъ за это на воздухѣ діаволъ.

И Ангелы ждали, пока Василій, собравъ десять мѣдницъ, не послалъ ихъ тому, кому былъ долженъ, и тогда онъ предалъ духъ свой Богу. Вотъ видите, дѣти,—закончилъ свой разсказъ Нифонтъ,—каковы судьбы Божіи и какъ, по Своему желанію, спасаетъ Онъ грѣшника.

Пришелъ однажды блаженный съ ученикомъ своимъ помолиться въ церковь, которая примыкала къ такъ называемымъ палатамъ Апонія, гдѣ святитель совершалъ Божественную службу; и вотъ отверзлись у святаго духовныя очи, и увидѣлъ онъ огонь, сшедшій съ Неба и покрывшій алтарь и архіерея; во время же пѣнія Трисвятаго явились четыре Ангела и пѣли вмѣстѣ съ пѣвцами. А когда читали апостольское Посланіе, онъ увидѣлъ святаго Апостола Павла, наблюдающаго за чтецомъ сзади; когда же начали читать Евангеліе, то слова, какъ свѣтильники, поднимались къ Небу. Во время перенесенія даровъ открылась церковная завѣса, и раскрылось Небо, и ощущалось чудное благоуханіе; потомъ стали сходить внизъ Ангелы съ пѣніемъ: «Слава Христу Богу!» Они принесли прекраснаго отрока, поставили его

на дискосъ[1]), а сами окружили Престолъ и служили честнымъ Дарамъ; два же Серафима и два Херувима, паря надъ его головою, покрывали своими крылами. Когда наступило время освященія Даровъ и совершенія страшнаго Таинства, одинъ изъ свѣтлѣйшихъ Ангеловъ приступилъ и, взявъ ножъ, закололъ отрока; кровь онъ выпустилъ въ святую Чашу и, положивъ отрока на дискосѣ, самъ сталъ снова съ благоговѣніемъ на свое мѣсто. Потомъ началось причащеніе Божественныхъ Таинъ, и увидѣлъ блаженный, что у однихъ изъ причащавшихся были лица свѣтлыя, какъ солнце, а у другихъ—темныя и мрачныя, какъ у эѳіоповъ. Стоявшіе тутъ Ангелы смотрѣли, какъ кто приступаетъ, и увѣнчивали причащавшихся достойно, а отъ недостойныхъ отворачивались и гнушались ими. По окончаніи святой службы онъ увидалъ, что отрокъ вдругъ опять оказался цѣлымъ—на рукахъ ангельскихъ и вознесся на Небо. Это впослѣдствіи самъ преподобный разсказывалъ своему ученику, который и записалъ это на пользу многимъ.

Однажды святый, идя въ церковь Пресвятой Богородицы, которую онъ самъ построилъ, увидѣлъ, что по дорогѣ идетъ эѳіопъ, очень печальный; это былъ князь бѣсовскій; шли за нимъ и другіе бѣсы. Когда они подошли ближе и услышали церковное пѣніе, то начали меньшіе бѣсы бранить своего князя, говоря:

— Смотри, какъ Имя Іисусово прославляется тѣми, которыхъ мы когда-то держали въ своей власти,—гдѣ же наша сила? Ее одолѣли, и царство наше разрушилось.

Такъ поносили бѣсы своего князя, а онъ сказалъ имъ:

— Не печальтесь, не унывайте, я скоро такъ сдѣлаю, что оставятъ христіане Іисуса и будутъ славить насъ.

Они отошли немного и встрѣтили тридцать мужей; князь бѣсовскій подошелъ къ одному изъ нихъ и пошепталъ ему на ухо,— и тотъ помутился въ умѣ, началъ срамословить, смѣяться и пѣть безстыдныя пѣсни; потомъ встрѣтили музыканта, который шелъ и игралъ. Блаженный увидалъ, какъ одинъ эѳіопъ связываетъ всѣхъ

[1]) *Дискосъ* (греч.—блюдо, тарелка)—блюдо, на которомъ полагается *агнецъ*, т. е. та часть просфоры, которая на Литургіи, по призываніи Святаго Духа, претворяется въ истинное Тѣло Христово. Во время проскомидіи, при изъятіи агнца изъ просфоры и положеніи его на дискосъ, воспоминается Рождество Господа, и дискосъ знаменуетъ собою ясли, въ которые былъ положенъ Младенецъ Іисусъ. Посему на дискосѣ иногда изображается Младенецъ Богочеловѣкъ, лежащій въ ясляхъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, на проскомидіи, при надрѣзываніи агнца на дискосѣ и по перенесеніи Даровъ съ Жертвенника на Престолъ, воспоминается страданіе Господа на крестѣ, Его смерть, положеніе во гробъ, и дискосъ знаменуетъ Голгоѳу и гробъ Спасителя.

одной веревкой и тащитъ за музыкантомъ; и всѣ они пошли съ пляской за нимъ; много народу пристало къ нимъ и пошли дальше— и плясали, и пѣли срамныя пѣсни, ибо бѣсы тащили ихъ, зацѣпивши за сердце. Одинъ же богатый человѣкъ, смотрѣвшій изъ своего дома, далъ музыканту мѣдную монету, чтобы поплясали передъ нимъ. Когда музыкантъ положилъ монету въ свой карманъ, то бѣсы взяли ее и послали въ адъ къ отцу своему сатанѣ и сказали ему:

— Радуйся, отецъ нашъ! Это Алазіонъ, князь нашъ, прислалъ тебѣ жертву, которую принесли наши враги—христіане, давъ мѣдныхъ денегъ за игры.

Взявъ ее, сатана обрадовался и сказалъ:

— Старайтесь, дѣти, чтобы росла наша жертва, и побѣждайте христіанъ.

И потомъ опять возвратилъ монету въ карманъ музыканту. Блаженный же Нифонтъ, видя это духовными очами, съ горечью сказалъ:

— О горе приносящимъ черезъ игры жертву бѣсамъ!

И наставлялъ слушателей, чтобы береглись скверныхъ и безчинныхъ игръ, такъ какъ онѣ—отъ діавола. Однажды, послѣ молитвы, святый былъ въ состояніи духовнаго восторга и увидалъ обширное поле, одинаковой длины и ширины, и на немъ стояло множество эѳіоповъ, раздѣленныхъ на полки; всѣхъ полковъ было триста шестьдесятъ пять—по числу тяжкихъ грѣховъ. Одинъ самый темный эѳіопъ пересчитывалъ воиновъ, устраивая полки, будто къ битвѣ, и говорилъ:

— Смотрите на меня и не бойтесь ничего: сила моя будетъ съ вами!

Нѣсколько бѣсовъ принесли множество различнаго оружія и раздали по полкамъ. Потомъ діаволъ далъ каждому полку силу волшебства и чары и пустилъ ихъ по всей землѣ на Церковь Христову. Когда блаженный Нифонтъ смотрѣлъ на это, вдругъ онъ слышитъ голосъ:

— Обратись, Нифонтъ, на востокъ и смотри.

Онъ обернулся и увидѣлъ чистое и прекрасное на видъ поле и на немъ еще больше, чѣмъ эѳіоповъ, стояло безчисленное множество,—сотни тысячъ,—воиновъ въ бѣлыхъ одеждахъ, всѣ вооруженные, какъ на битву. Затѣмъ явился мужъ, свѣтлѣе солнца, и сказалъ:

— Такъ повелѣваетъ Господь Саваоѳъ: идите по всей землѣ, помогайте христіанамъ и охраняйте ихъ жизнь.

Увидѣвъ это, преподобный прославилъ Бога, помогающаго Своей Церкви.

Преподобный Нифонтъ приближался уже къ старости. Настало время воспріять ему святительскій санъ, который былъ ему предсказанъ отъ Бога въ слѣдующемъ видѣніи. Онъ увидѣлъ какое-то поле, наполненное великимъ множествомъ овецъ,—пастуха же у нихъ не было. Блаженный подумалъ:

— Что же, неужели эти овцы безъ пастуха не боятся волка?

Тотчасъ явился мужъ святолѣпный, подобный святому Апостолу Павлу, и сказалъ:

— Что ты стоишь безъ дѣла и смотришь на царскихъ овецъ, почему ты не пасешь ихъ?

Отвѣчалъ блаженный Нифонтъ:

— Развѣ я буду пасти царскихъ овецъ? Я незнакомъ съ этимъ дѣломъ и весьма слабъ.

А явившійся сказалъ:

— Царь велѣлъ тебѣ пасти ихъ недолго, а потомъ, почивъ, ты получишь великую награду.

И съ этими словами далъ ему жезлъ, поручилъ ему овецъ и ограду и ушелъ. Очнувшись, блаженный подумалъ: «Что это значитъ?» и понялъ, что являвшійся ему мужъ былъ святый Апостолъ Павелъ, овцы—люди, а ограда—Церковь; онъ очень испугался, какъ бы не поставили его епископомъ въ царствующемъ городѣ[1]). И сказалъ себѣ Нифонтъ: «Такъ ли я умолилъ Бога, чтобы ни надъ кѣмъ не властвовать мнѣ? И вотъ Онъ хочетъ мнѣ дать власть! Поступлю, какъ Пророкъ Іона[2]), и убѣгу отсюда!» Взявъ своего ученика, онъ вышелъ изъ своей кельи и сѣлъ на корабль. При тихомъ вѣтрѣ корабль быстро достигъ Александріи, гдѣ тогда былъ Патріархомъ Александръ[3]), правившій Церковію послѣ Петра, пострадавшаго за Христа при Діоклетіанѣ. Въ тотъ же день пришли жители города Констанціи съ острова Кипра и просили Патріарха Александра поставить имъ епископа, кого онъ найдетъ достойнымъ, ибо преставился ихъ пастырь, по

---

[1]) Т. е. въ Константинополѣ.

[2]) Кн. Прор. Іоны, гл. 2.

[3]) Святый Александръ былъ Патріархомъ въ Александріи съ 312 по 326 г.; память его—29 мая.

имени Христофоръ, мужъ святый и почтенный. Патріархъ же сказалъ имъ:

— Подождите немного, пока Богъ укажетъ мнѣ такого человѣка.

И въ ту же ночь Патріархъ увидѣлъ святаго Апостола Павла, который спрашивалъ его:

— Кого ты поставишь епископомъ въ городъ Констанцію?

Патріархъ отвѣчалъ:

— Не знаю: кого Богъ изволитъ.

Явившійся сказалъ:

— Богъ укажетъ тебѣ достойнаго, только будь завтра со всѣмъ клиромъ въ церкви и смотри на входящихъ: и кого увидишь во всемъ похожаго на меня, тому и вручи паству.

Наутро Патріархъ сидѣлъ въ церкви и смотрѣлъ, кто изъ входящихъ будетъ похожъ на являвшагося. Нифонтъ же, ничего не зная о семъ, пошелъ въ церковь и говорилъ на пути ученику:

— Чувствую на сердцѣ какую-то и печаль, и радость: не произойдетъ ли чего съ нами!

И съ этими словами онъ вошелъ въ церковь. Увидѣвъ его, Патріархъ сказалъ своему архидіакону:

— Посмотри, Аѳанасій, не похожъ ли этотъ человѣкъ лицомъ на образъ святаго Апостола Павла?

— Да, отче,—отвѣчалъ архидіаконъ,—дѣйствительно такъ, и достоинъ пасти Церковь Христову: я вижу, что идетъ съ нимъ Ангелъ Божій и бесѣдуетъ; кромѣ того, и вѣнецъ изъ драгоцѣнныхъ камней виденъ на его головѣ.

Тогда Патріархъ подозвалъ святаго, привѣтствовалъ его, и они сѣли. Архидіаконъ сказалъ съ улыбкой Нифонту:

— Отъ чего ты бѣжалъ, отче, къ тому теперь пришелъ противъ своего желанія.

Когда же блаженный узналъ, что̀ съ нимъ будетъ, то сказалъ со вздохомъ:

— Горе мнѣ! Грѣшенъ я и недостоинъ принять такую власть!

Патріархъ отвѣчалъ:

— О, если бъ я такъ недостоинъ былъ!

И съ этими словами всталъ, и началъ Божественную Литургію, и посвятилъ преподобнаго Нифонта въ степень клирика; потомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней посвятилъ его во діакона и пресвитера; послѣ же возвелъ его и въ архіерейскій санъ — при всеобщей

радости о такомъ пастырѣ, явленномъ Богомъ. По поставленіи своемъ во епископа Нифонтъ пробылъ въ Александріи три дня, бесѣдуя съ бывшими тамъ святыми мужами. Послѣ сего Патріархъ отпустилъ Нифонта на его престолъ, пославъ съ нимъ для оказанія ему чести своего архидіакона и другихъ святыхъ мужей. Они прибыли въ кипрскій городъ Констанцію четвертаго сентября; посланные, вручивъ ему паству, возвратились въ Александрію, славя Бога. Святитель же Божій Нифонтъ началъ прилежно пасти стадо Христово и заботиться о спасеніи вѣрующихъ. Онъ былъ отецъ сиротамъ и вдовамъ, безвозмездный врачъ больнымъ и благодѣтель немощнымъ; при этомъ сотворилъ онъ разныя чудеса, которыхъ и переписать всѣхъ невозможно; за сіе онъ очень былъ любимъ и почитаемъ всѣми. Неусыпно заботясь о паствѣ, увидѣлъ онъ однажды большаго эѳіопа, опиравшагося на жезлъ, будто въ печали; онъ шелъ въ городъ и часто отдыхалъ на пути. Святый понялъ, что это діаволъ, и закричалъ ему:

— Тебѣ говорю, скверный, зачѣмъ и какъ ты смѣлъ прійти сюда?

Эѳіопъ посмотрѣлъ на него съ гнѣвомъ, будто хотѣлъ его съѣсть, и сказалъ:

— Я услыхалъ, что ты здѣсь, и пришелъ сокрушить тебя съ твоими овцами.

Святый же сказалъ ему:

— Немощной! Ты самъ сокрушенъ и меня ли хочешь сокрушить? Я видѣлъ, какъ одинъ подвижникъ боролся съ вами, и тридцать вашихъ бѣсовъ изнемогли въ борьбѣ съ нимъ; кто же не посмѣется надъ вашей немощью?!

— Не удивляйся этому,—сказалъ діаволъ,—если бы я имѣлъ прежнюю силу, мнѣ бы ничего не стоило сокрушить тебя; но съ тѣхъ поръ, какъ Іисусъ былъ распятъ, я дѣйствительно немощенъ.

Святый отвѣчалъ:

— И теперь, если я помолюсь моему Христу, то что съ тобой будетъ, безстыдный?

— Я знаю,—отвѣчалъ діаволъ,—что ты много можешь, но не дѣлай мнѣ зла, я уйду изъ твоего города и больше не стану подходить къ нему.

Увидѣвъ это, святитель возблагодарилъ Бога, что Онъ хранитъ его и соблюдаетъ паству его отъ лукаваго бѣса.

Послѣ недолгаго управленія Церковію Христовою святый Нифонтъ приблизился ко времени своей кончины, которую онъ предъузналъ за три дня. Пришелъ тогда къ нему и Великій Аѳанасій, бывшій прежде архидіакономъ, а потомъ, по смерти Александра, занявшій престолъ Александрійской церкви[3]). Ему заблаговременно было возвѣщено Богомъ о близкой кончинѣ Нифонта; и онъ пришелъ посему со всѣмъ клиромъ своимъ въ послѣдній разъ проститься съ угодникомъ Божіимъ. Нифонтъ, увидѣвъ Аѳанасія, спросилъ его:

— Зачѣмъ ты трудился, блаженный отче, приходить ко мнѣ, грѣшному человѣку?

— Я узналъ,—отвѣчалъ Аѳанасій,—что ты завтра уходишь въ вышній Іерусалимъ, и пришелъ побесѣдовать съ тобой; прошу тебя, когда предстанешь предъ Престоломъ Божіимъ, помяни и меня тамъ, чтобы и мнѣ получить милость отъ Господа.

— И ты, отче,—сказалъ святый,—когда совершаешь Божественныя службы, поминай и мою худость.

Въ эту же ночь святый Нифонтъ долго молился о себѣ и о своей паствѣ. И явился ему Ангелъ Господень съ утѣшеніемъ и извѣстіемъ, что ему уготованъ вѣчный покой. Во время утренняго пѣнія онъ началъ тяжко страдать отъ тѣлесной болѣзни, и посему сказалъ своему ученику:

— Чадо, постели мнѣ рогожку на землѣ.

И когда ученикъ исполнилъ его приказаніе, Нифонтъ легъ на нее совсѣмъ больной. Съ наступленіемъ дня пришелъ къ нему Аѳанасій Великій и, сѣвъ около него, спросилъ:

— Отче, есть ли какая польза отъ болѣзни человѣку, или нѣтъ?

Святый отвѣтилъ:

— Какъ золото, когда его жгутъ на огнѣ, отлагаетъ ржавчину, такъ и человѣкъ, болѣя, очищается отъ грѣховъ своихъ.

Потомъ, немного помолчавъ, заплакалъ, а затѣмъ улыбнулся, и просвѣтлѣло его лицо, и сказалъ онъ:

— Привѣтствую васъ, Ангелы святые!

---

[3]) *Святый Аѳанасій Великій* — Патріархъ Александрійскій съ 326 года; сей великій святитель былъ ревностнымъ защитникомъ Православія противъ еретиковъ аріанъ. Святый Аѳанасій оставилъ много сочиненій, представляющихъ собою вѣковѣчный памятникъ несокрушимости Православія никакими врагами. Скончался въ 373 году. Память его празднуется Церковію 18 января и 2 мая.

Немного спустя, онъ сказалъ:

— Радуйтесь, святые мученики!

И еще больше просвѣтилось его лице. Чрезъ нѣсколько времени онъ еще сказалъ:

— Благодать вамъ, блаженные пророки!

Тогда открылись духовныя очи и у Аѳанасія святаго, и увидалъ онъ, что блаженнаго привѣтствуютъ всѣ лики святыхъ, каждый отдѣльно. Потомъ Нифонтъ радостно сказалъ:

— Привѣтствую васъ, священники, преподобные и всѣ святые! —и умолкъ. Вскорѣ онъ воскликнулъ:

— Радуйся, Обрадованная, красный мой свѣтъ, помощница моя и крѣпость, прославляю Тебя, Благая; ибо я помню милость и благодать Твою!

Послѣ сего онъ умолкъ, и просвѣтилось лице его, какъ солнце, такъ что ужаснулись всѣ присутствующіе. Ощущалось и ароматное благоуханіе, а вскорѣ послышался голосъ съ Неба, призывающій его въ вѣчный покой. Такъ предалъ онъ честную и святую душу свою въ руцѣ Божіи декабря въ 23-й день. Плачъ и горькое рыданіе было во всемъ городѣ, и погребли святаго Нифонта съ почестью въ Великой церкви Святыхъ Апостоловъ, славя милосердаго къ грѣшникамъ, дивнаго во святыхъ Отца и Сына, и Святаго Духа нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

СТРАДАНІЕ

СВЯТЫХЪ ДЕСЯТИ МУЧЕНИКОВЪ КРИТСКИХЪ

Декій, царь Римскій, назначилъ на островъ Критъ[1]) правителемъ соименнаго себѣ Декія, который былъ похожъ на своего царя жестокостью, мучительствомъ и гоненіями на христіанъ. Прибывъ на островъ Критъ, Декій тотчасъ велѣлъ разыскивать всѣхъ вѣрующихъ во Христа и приводить къ себѣ на мученіе. И стали приводить къ нему христіанъ, твердыхъ въ вѣрѣ и, послѣ многихъ пытокъ и мукъ, предавали ихъ различнымъ образомъ смерти. Въ это время были взяты и приведены къ мучителю

---

[1]) Объ островѣ *Критѣ* см. прим. 6, на стр. 249.

десятеро славнѣйшихъ мужей. Они были родомъ изъ разныхъ городовъ: изъ Гортинскаго[1]) города—Θеодулъ, Саторнинъ, Евпоръ, Геласій и Евникіанъ; изъ Кіоса—Зотикъ; изъ Епиней—Помпій и Агаθопусъ, изъ Кидоніи—Василидъ, изъ Иракліи—Еварестъ[2]); всѣ же одинаково стремились къ вѣчному небесному блаженству. Они предстали передъ мучителемъ,—и какихъ только смѣлыхъ рѣчей не высказали они, какого мужества не показали, какихъ только мученій не испытали, какихъ мукъ не побѣдили своимъ терпѣніемъ! Ихъ били, мучили, влачили по землѣ, били камнями, насмѣхались надъ ними, плевали на нихъ; такъ въ теченіе тридцати дней терпѣли они всяческія поруганія. 23-го декабря назначенъ былъ судъ, и когда сѣлъ игемонъ, привели на послѣдній судъ страдальцевъ, полныхъ доблести и мужества. Игемонъ же въ безумной ярости жаждалъ жестокими руками погубить святыхъ мучениковъ, а они были готовы терпѣть до послѣдняго издыханія. Съ гнѣвомъ убійца—игемонъ посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ:

— Что за безумцы вы, что ни благоразуміе, ни время не научило васъ тому, что полезно?

Потомъ, какъ будто бы уже устрашивъ ихъ самимъ гнѣвомъ, прибавилъ:

— Принесите жертву, а если нѣтъ, то я больше уже ничего не скажу вамъ, и вы узнаете, каковъ Декій, которому вы не хотите повиноваться!

На это мученики отвѣчали:

— Игемонъ! Мы и словомъ, и дѣломъ въ теченіе уже долгаго времени достаточно показали вамъ, что ни богамъ жертвы не принесемъ, ни вашему повелѣнію не покоримся.

Игемонъ, прервавъ ихъ рѣчь, сказалъ:

— Такъ вы нисколько не думаете о мукахъ, нечестивцы?

— Мы вовсе не боимся мукъ,—отвѣчали святые:—мы даже весьма благодарны тебѣ, что ты приготовилъ намъ такое духовное торжество, т. е. мученіе за Христа, и предложилъ его намъ.

Игемонъ сказалъ:

— Не такъ еще будетъ: вы узнаете силу великихъ боговъ, которыхъ вы безстыдно хулите, не стыдясь многихъ присутствующихъ премудрыхъ людей, которые почитаютъ первѣйшаго изъ

---

[1]) *Гортина,* или *Гортинъ,*—въ древности значительный городъ на о. Критѣ, при р. Леѳеѣ (нынѣ Іеропотамо). Развалины древняго города сохранились и донынѣ.

[2]) *Кіосъ, Епинеи, Кидонія* и *Ираклія*—различные города на о. Критѣ.

боговъ Дія, а также Геру и Рею и другихъ[1]); теперь вы будете подвергнуты такимъ мукамъ, что не только исчезнетъ ваше мужество, но и другіе, такіе же какъ и вы—непокорные, если только такіе найдутся, бояться будутъ.

На это твердые душою мужи опять отвѣчали:

— Не говори намъ, игемонъ, о Діи и матери его Реѣ! Это намъ не новость: знаемъ, слышали отъ отцовъ своихъ о его происхожденіи, жизни и нравахъ. Онъ былъ такъ невоздержанъ и такъ нечестивъ, что прелюбодѣйствовалъ не только съ женщинами, но и съ мужчинами; чародѣйствомъ и волшебной хитростью онъ измѣнялъ свой настоящій видъ и принималъ иной—все для бо́льшаго и бо́льшаго прелюбодѣянія, и постоянно осквернялъ себя постыдными дѣлами. Нѣкоторые, охваченные тою же страстью, подражали его мерзостямъ—ибо чего легче подражать злу?—они провозгласили его богомъ, построили храмы, стали приносить ему жертвы, чтобы и богу казалось пріятнымъ то, что хотѣлось имъ самимъ, чтобы блудъ и невоздержная жизнь не только не считалась ненавистными богу, но, увы! признавалась богоугодными.

Такъ говорили угодники Божіи, игемонъ же терзался отъ гнѣва, чувствуя, что они правы; еще болѣе неистовствовалъ народъ, кидался на мучениковъ и растерзалъ бы ихъ руками, если бъ Декій голосомъ и мановеніемъ руки не прекратилъ волненіе и крикъ въ народѣ. Водворивъ молчаніе, онъ сталъ обдумывать, какую бы лютую смерть изобрѣсти мученикамъ. И тотчасъ по приказу игемона мучители схватили святыхъ на мученіе и стали подвергать ихъ разнообразнымъ мукамъ — одинаковымъ по жестокости и мучительности. Одинъ изъ нихъ былъ повѣшенъ, и его строгали желѣзными когтями: вырывались жилы, и куски его тѣла падали на землю. Другихъ били камнями и острыми кольями по ребрамъ до костей; у третьихъ отъ тяжкихъ ударовъ оловомъ разбивались суставы, ломались и раздроблялись кости. Каждаго мучили различно. Даже слышать больно о такой жестокости мукъ; какъ для милосердыхъ нестерпимо смотрѣть на эти мученія, такъ и слышать тяжело ихъ подробное перечисленіе. Но мученики принимали такія муки совершенно спокойно или, правильнѣе сказать, претерпѣвали ихъ съ радостію, и стоявшимъ вокругъ казалось, что они не столько страдаютъ отъ боли, сколько жалѣютъ

[1]) О *Діѣ*, или *Зевсѣ*, *Герѣ* и о *Реѣ* см. прим. 1, на стр. 350.

о недостаточности мученій и желали бы еще бо́льшихъ. Всѣ сбѣжались посмотрѣть на нихъ какъ на нѣчто новое и удивительное — и вѣрные и невѣрные; вѣрные, сохраняющіе вѣру втайнѣ, спѣшили подивиться мужеству страдальцевъ и чрезъ то утвердиться въ вѣрѣ, а невѣрные—надругаться надъ терпѣніемъ святыхъ и, смотря на ихъ страшное мученіе, насладиться ихъ муками. При этомъ они не только не выказывали ни малѣйшей жалости, но побуждали игемона и мучителей еще къ бо̀льшей жестокости. Побуждаемый ими, игемонъ отдавалъ приказанія, а мучители исполняли ихъ; глашатай же въ это время восклицалъ:

— Пощадите самихъ себя, покоритесь начальникамъ, принесите жертву богамъ.

Мученики же среди такихъ жестокихъ страданій превосходили своимъ мужествомъ и терпѣніемъ всѣхъ: и народъ, и глашатая, и мучителей, и самого игемона, и болѣе всего князя ихъ—сатану и всю его силу. Всѣ мученики, какъ бы согласившись между собою, взывали:

— Мы — христіане, Христова жертва, закланная за Христа; если и десять тысячъ разъ нужно будетъ умереть, умремъ охотно!

Когда же святые мученики пренебрегли всѣми муками, тогда усердный слуга сатаны Декій, отчаявшись въ возможности убѣдить ихъ и принудить принести жертву, произнесъ надъ ними смертный приговоръ. Святыхъ повели на усѣченіе мечомъ къ мѣсту, отстоящему недалеко отъ города; оно называлось у жителей той страны Алоній. По дорогѣ къ нему страдальцы проявили нѣчто новое и необыкновенное: во все время мученія они были единодушны и единомысленны, подъ конецъ же стали спорить только о томъ, кому изъ нихъ первому идти подъ мечъ и раньше принять вѣнецъ. Но этотъ споръ прекратилъ Ѳеодулъ,—одинъ изъ сихъ святыхъ мучениковъ,—говоря, что тотъ изъ нихъ будетъ первымъ, кто послѣ всѣхъ подставитъ свою главу подъ мечъ: если, видя предъ собою усѣкновеніе и смерть всѣхъ остальныхъ друзей своихъ, не убоится нимало, не проявитъ никакой скорби, не измѣнится даже въ лицѣ, то онъ поистинѣ явится славнѣйшимъ подвижникомъ и побѣдителемъ. Всѣ согласились со словами Ѳеодула. Прежде всего они воспѣли общую пѣснь къ Богу:

—«**Бл҃гослове́нъ гдⷭ҇ь, и҆́же не дадѐ на́съ въ лови́твꙋ зꙋбѡ́мъ и҆́хъ. дꙋша̀ на́ша ꙗ҆́кѡ пти́ца и҆зба́висѧ ѿ сѣ́ти ловѧ́щихъ**» и проч.[1]). По-

[1]) Псаломъ 123, ст. 6—7.

томъ, пришедши на названное мѣсто, каждый изъ нихъ произнесъ слѣдующую молитву:

— Прости, Господи, рабамъ Твоимъ и пріими пролитіе крови нашей за насъ и за нашихъ сродниковъ и друзей, и за все отечество; пусть освободятся отъ тьмы невѣдѣнія и свѣтлыми очами узрятъ христіанскую вѣру, и познаютъ Тебя, Истиннаго Свѣта, Царя Вѣчнаго!

Послѣ ихъ молитвы стали отсѣкать имъ одному за другимъ святыя и побѣдоносныя главы, души же ихъ съ радостью восходили ко Христу Богу. Послѣ ихъ усѣченія, когда ушли мучители, нѣкоторые изъ христіанъ, оставшись на томъ мѣстѣ, собрали святыя тѣла мучениковъ и погребли съ честію[1]).

По окончаніи гоненія, когда возсіяло опять благочестіе, блаженный Павелъ, епископъ города Гортины, прибывъ въ Константинополь, испросилъ позволеніе перенести тѣла святыхъ изъ мѣста Алонія,—въ которомъ они были погребены послѣ усѣченія мечомъ,—въ Гортину. Возвратившись въ Критъ и прибывъ на мѣсто Алоній со множествомъ христіанъ, изъ которыхъ нѣкоторые были при страданіи святыхъ, и очистивъ лежащую на нихъ землю, онъ нашелъ тѣла ихъ какъ бы во влагѣ, сохранившіяся волею Божіею неповрежденными и цѣлыми, и перенесъ ихъ со славою, въ охраненіе городу и на помощь всѣмъ, въ ней нуждающимся. Ихъ молитвами да сподобимся и мы стать участниками уготованныхъ имъ небесныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа Нашего Христа, Ему же со Отцемъ и Святымъ Духомъ честь и слава во вѣки, аминь.

Конда́къ мч҃нкѡвъ, гла́съ д҃:

Ценни́ца возсїѧ̀ мч҃нкѡвъ чⷭ҇тно́е страда́льчество, предѡзаря́ющее на́мъ въ верте́пѣ ражда́емаго, є҆го́же дв҃а безсѣ́меннѡ роди̑[2]).

---

[1]) Это было въ половинѣ II вѣка.

[2]) Т. е. Господа нашего Іисуса Христа, предпразднство Рождества Котораго совершается Церковію въ сіи дни.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

ПАВЛА,

епископа Неокесарійскаго

Святый отецъ нашъ Павелъ, будучи епископомъ Неокесарійскимъ[1]), настолько прославился добродѣтелями, что дивное имя его стало извѣстно Ликинію[2]), царствовавшему тогда въ Никомидіи. Ликиній, начавшій жестокое гоненіе противъ христіанъ, потребовалъ Павла къ себѣ. И когда посланные представили святаго на судъ царя, то, прежде всего, старались подѣйствовать на него угрозами и томили голодомъ, а потомъ начали бить его. Все это святый мужественно переносилъ, и всѣ удивлялись его терпѣнію. Послѣ того подвергли его еще такой пыткѣ: раскаленный желѣзный обручъ, испускавшій огненныя искры, ковачъ посредствомъ клещей положилъ святому на ладонь, а другою его ладонью прикрылъ этотъ обручъ и, стянувши скобами обѣ его руки, держалъ пока не остыло желѣзо. Отъ того двигательные мускулы въ рукахъ святаго свились и омертвѣли, такъ что пальцы его уже не могли ни сгибаться, ни разгибаться. Затѣмъ преподобнаго отца связали и отвезли къ берегамъ рѣки Евфратъ и тамъ заключили въ темницу.

Когда императоръ Константинъ Великій, оставивъ Римъ, окончательно воцарился на Востокѣ и въ указѣ по этому случаю выразилъ желаніе, чтобы всѣ его подданные были христіанами, тогда всѣмъ, кто за Имя Христово былъ въ изгнаніи и заточеніи, дарована была свобода, и каждый возвращался на свою родину. Тогда же и святый отецъ нашъ Павелъ, тоже отпущенный на свободу, занялъ свой святительскій престолъ и просіялъ благо-

[1]) Блаж. Ѳеодоритъ именуетъ Павла епископомъ Неокесаріи—крѣпости, лежащей на берегахъ Евфрата.

[2]) *Ликиній*—царствовалъ съ 307 по 324 г. въ восточной половинѣ Римской имперіи сначала какъ соправитель императора Галерія и потомъ самостоятельно. Въ то время какъ Константинъ Великій сталъ императоромъ на Западѣ, Ликиній—язычникъ—сначала относился почти благосклонно къ христіанамъ; но когда Константинъ рѣшительно объявилъ себя покровителемъ христіанства, Ликиній сдѣлался яростнымъ гонителемъ Церкви Христовой, подозрѣвая Константина въ намѣреніи завладѣть и Востокомъ, а своихъ подданныхъ-христіанъ—въ сочувствіи Константину и желаніи подчиниться ему.

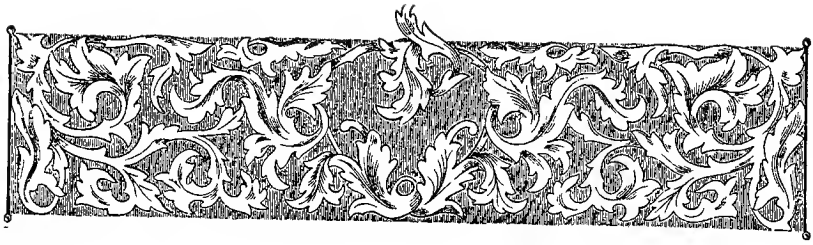
честіемъ, какъ и прежде, когда былъ еще отшельникомъ; наряду съ прочими 318 святыми Отцами Собора и онъ, присутствуя на первомъ Никейскомъ (Вселенскомъ) Соборѣ [1]), былъ тамъ однимъ изъ тѣхъ, которые носили на тѣлѣ своемъ язвы [2]) Господа Іисуса: изъ присутствовавшихъ на Соборѣ Отцовъ иные лишены были рукъ, иные—ушей, иные—носа, другіе—глазъ или имѣли какое-либо другое на тѣлѣ поврежденіе; одни за Христа претерпѣли біеніе, переломленіе костей, истерзаніе составовъ, другіе перенесли огненное опаленіе и строганіе тѣлесныхъ своихъ членовъ. Среди нихъ и блаженный Павелъ являлся доброчестнымъ страдальцемъ за вѣру Христову, такъ какъ и онъ имѣлъ на себѣ слѣды палочныхъ побоевъ, и святыя руки его обожженныя были, сведены и не дѣйствовали. Соборъ составленъ былъ противъ злочестиваго еретика Арія, который Божественнымъ судомъ тогда былъ преданъ проклятію. Послѣ Собора Отцы представлялись царю. Блаженный царь Константинъ при этомъ взялъ руки блаженнаго Павла и, облобызавъ ихъ и прикладывая къ глазамъ своимъ и другимъ членамъ своего тѣла, возгласилъ:

— Велика наша радость привѣтствовать того, кто такъ пострадалъ за Христа Бога нашего и цѣловать эти сожженныя руки, теперь безпомощныя.

Возвратился потомъ блаженный Павелъ въ свой городъ на святительскую каѳедру и, послѣ многихъ лѣтъ управленія паствою, съ миромъ отошелъ ко Господу.

[1]) Въ 325 году.

[2]) По примѣру Апостола Павла, который въ Посланіи къ Галатамъ гл. 6, ст. 17, восклицаетъ: «а҆́зъ бо ꙗ҆́звы гд҃а і҆и҃са на тѣ́лѣ моє́мъ ношꙋ̀».



День двадцать четвертый

ЖИТІЕ и СТРАДАНІЕ

СВЯТОЙ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ

ЕВГЕНІИ

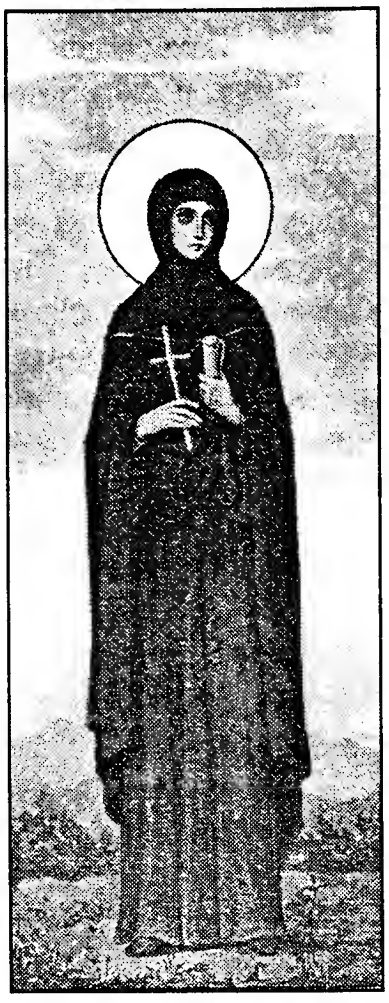
Въ седьмой годъ царствованія Римскаго императора Коммода, наслѣдовавшаго престолъ послѣ отца своего Марка Аврелія[1]), былъ назначенъ правителемъ всего Египта нѣкій знаменитый вельможа, по имени Филиппъ. Получивъ такое назначеніе, Филиппъ переѣхалъ со своей женой Клавдіей и съ дѣтьми изъ Рима въ Александрію. У него было два сына — Авитъ и Сергій и единственная дочь, Евгенія, прекрасная лицомъ и цѣломудренная духомъ, о житіи которой и предлагается настоящее повѣствованіе.

Филиппъ управлялъ Египтомъ по римскимъ законамъ и по обычаямъ предковъ. Онъ очень не любилъ чародѣевъ, волшебниковъ и всячески преслѣдовалъ ихъ. Также онъ не любилъ и евреевъ, даже до того, что не могъ слышать еврейскаго имени. Милостивѣе всего онъ относился къ христіанамъ и, хотя изгналъ ихъ изъ Александріи по царскому повелѣнію, однако позволилъ имъ мирно селиться и служить своему Богу въ предмѣстьяхъ этого города. Филиппъ уважалъ христіанъ за чистоту ихъ жизни и мудрость. Самъ онъ охотно занимался греческой философіей, въ которой воспитывалъ и свою дочь Евгенію, желая, чтобы она

---

[1]) *Маркъ Аврелій* — Римскій императоръ, царствовалъ съ 161 до 180 г. *Коммодъ*, сынъ его, царствоаалъ отъ 180 по 192 г.

пріобрѣла хорошія познанія въ философіи. Кромѣ того, Филиппъ обучалъ Евгенію свободно и красиво говорить на обоихъ языкахъ, латинскомъ и греческомъ. Обладая яснымъ умомъ и прилежаніемъ, Евгенія легко преуспѣвала въ наукахъ. Что она разъ слышала или читала, то уже всегда твердо помнила, храня въ своемъ сердцѣ такъ, какъ бы это было вырѣзано на мѣдной доскѣ. Была она также прекрасна лицомъ и стройна тѣломъ, но еще лучше и прекраснѣе — цѣломудріемъ своихъ мыслей и дѣвственной чистотой. Поэтому одинъ изъ знатнѣйшихъ римскихъ сановниковъ, по имени Аквилинъ, пожелалъ обручить ее въ невѣсты своему сыну Аквилію. Но когда родители спросили ее, согласна ли она выйти замужъ за этого благороднаго юношу, то Евгенія отвѣтила:



Прп҃бномч҃ница
Є҆ѵгє́нїа

— Мужа надо избирать себѣ лучшаго по жизни, а не по происхожденію, ибо съ нимъ придется жить, а не съ родомъ его.

Также и другіе благородные и богатые юноши желали обручиться съ ней, но она отказывала всѣмъ подъ видомъ того, что ей не угоденъ ихъ образъ жизни, а на самомъ дѣлѣ избѣгая супружества изъ любви къ дѣвственной чистотѣ, ибо ея единственное желаніе и забота заключались въ томъ, чтобы пребывать въ дѣвствѣ.

Такъ пріуготовлялся прекрасный и чистый сосудъ къ принятію Божественнаго мѵра; и вскорѣ истинная вѣра послѣдовала за ея добрыми дѣлами, и Евгенія чистой приступила къ чистому источнику благочестія. Началомъ ея обращенія къ Богу послужило слѣдующее событіе. Случайно, или лучше сказать — по Божественному произволенію, ей пришлось читать книгу посланій святаго Апостола Павла. Внимательно читая и уразумѣвая ее, Евге-

нія узнала о бытіи Единаго Истиннаго Бога, сотворившаго вселенную: и тотчасъ просвѣтился умъ ея, который издавна былъ предочищенъ и предуготованъ къ принятію Святаго Духа. Сердцемъ она твердо увѣровала во Христа, но не смѣла открыто исповѣдать Его устами, боясь гнѣва родителей.

Когда по царскому повелѣнію изгнали изъ Александріи христіанъ, ученіе коихъ Евгенія сильно желала услышать, то она выпросила у родителей позволеніе съѣздить въ одно изъ своихъ ближайшихъ помѣстій—подъ предлогомъ отдыха въ сельскомъ уединеніи, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы исполнить свое желаніе. Не подозрѣвая о намѣреніи Евгеніи, родители отпустили ее въ помѣстье. Проѣзжая въ колесницѣ со своими евнухами и рабами мимо монастыря, находившагося въ одномъ изъ христіанскихъ поселеній, Евгенія услышала, какъ иноки пѣли за оградой: «всѝ бо́зи ꙗ҆зы̑къ бѣ̑сове, гдⷭ҇ь же нѣ̑сѧ сотворѝ»[1]). Слыша эти слова и устыдившись отеческаго заблужденія, она вздохнула изъ глубины души и сказала двумъ своимъ евнухамъ, изъ которыхъ одного звали Протомъ, а другого Іакинѳомъ:

— Вы достаточно обучались со мной наукамъ; мы вмѣстѣ постигли ученія философовъ: Сократа, Аристотеля и Платона, извѣстныя заблужденія стоиковъ и мнѣнія Эпикура[2]), а равнымъ образомъ прочли и изучили сочиненія другихъ софистовъ и поэтовъ. Вы, конечно, понимаете, что все это басни, не имѣющія за собой ничего, кромѣ развѣ обманчиваго для многихъ подобія истины. Не безъизвѣстно намъ также, какъ хвалятся своей премудростью Эллины, изъ коихъ одни всячески доказываютъ, что нѣтъ никакого Бога, а другіе полагаютъ, что боговъ много, причемъ однихъ боговъ считаютъ бо́льшими, а другихъ меньшими. Христіане же побѣждаютъ всѣхъ ихъ однимъ словомъ, говоря: «всѝ бо́зи ꙗ҆зы̑къ бѣ̑сове», ибо вѣра въ этихъ языческихъ боговъ есть настоящее безуміе и ведетъ къ погибели. А ученіе христіанъ: «гдⷭ҇ь же нѣ̑сѧ сотворѝ» открыто признаетъ Единаго Бога и даетъ намъ познаніе о нашемъ всеобщемъ Господѣ. Согласно съ этимъ учитъ и Апостолъ ихъ, Павелъ, писанія котораго, доказывающія бытіе Единаго Бога, я читала вчера и третьяго дня. И я вѣрую въ слова этого Апостола, какъ очень ясныя и достойныя довѣрія, ибо они

---

[1]) Псал. 35, ст. 5.

[2]) *Сократъ, Платонъ* (ученикъ его), *Аристотель* (ученикъ Платона), *Эпикуръ* —извѣстные греческіе философы, жившіе въ IV в. до Р. Хр.

основываютъ вѣру на дѣлахъ. Апостолъ въ своихъ посланіяхъ ясно указываетъ путь ко спасенію, и вы, если пожелаете, можете послѣдовать его указанію. Я же не буду больше зваться вашей госпожой, но сестрой и сослужительницей, ибо мы имѣемъ общаго Господа и Отца—Бога. Будемъ же единодушны и единомысленны, какъ братья, и вмѣстѣ рѣшимъ обратиться ко Христу. Я слышала, что христіанскій епископъ Елій[1]) построилъ здѣсь монастырь, гдѣ иноки непрестанно днемъ и ночью прославляютъ пѣснопѣніями Бога. Епископъ поручилъ обитель нѣкоему пресвитеру Ѳеодору, о чудесныхъ дѣлахъ котораго разсказываютъ, что онъ своей молитвой подаетъ прозрѣніе слѣпымъ, изгоняетъ бѣсовъ и врачуетъ всякія болѣзни однимъ своимъ словомъ. Говорятъ еще, что въ этотъ монастырь ни въ какомъ случаѣ не позволяютъ входить женщинамъ. Поэтому, остригите мнѣ волосы, одѣньте въ мужскую одежду и ночью отведите меня туда. Мы назначимъ наше возвращеніе въ городъ поздно вечеромъ; всѣ рабы пусть идутъ впереди колесницы, а вы двое позади. Я тихо сойду съ колесницы и мы скроемся тайно отъ всѣхъ; колесница же возвратится домой пустой, а мы пойдемъ къ рабамъ Божіимъ.

Такія слова Евгеніи, равно какъ и ея намѣреніе, пришлись по сердцу обоимъ евнухамъ, и когда настала ночь, они поступили, какъ было заранѣе условлено. Поздно вечеромъ на обратномъ пути въ городъ они тайно спустили Евгенію съ колесницы, такъ что никто изъ рабовъ этого не замѣтилъ; скрывшись, они облекли ее въ мужскую одежду, остригли ея дѣвическіе волосы и направились къ монастырю. Не доходя до обители, они увидѣли приближеніе блаженнаго Елія, епископа Иліопольскаго[2]). Въ Египтѣ былъ такой обычай, что когда епископъ обходилъ монастыри и церкви, то народъ сопровождалъ его съ пѣснопѣніями. Такъ и здѣсь съ епископомъ Еліемъ, впереди и позади его, шло около десяти тысячъ мужей, пѣвшихъ и восклицавшихъ:

— **Пꙋ́ть бл҃гочести́выхъ пра́въ бы́сть, и҆ прїꙋгото́ванъ пꙋ́ть бл҃гочести́выхъ**[3]).

Услышавъ такія слова, Евгенія сказала своимъ друзьямъ:

— Вникните въ смыслъ этихъ стиховъ и замѣтьте, какъ всѣ слова ихъ подходятъ къ намъ. Когда мы бесѣдовали объ Истин-

---

[1]) Память его—14 іюля.

[2]) *Иліополь*—городъ въ нижнемъ (сѣверномъ) Египтѣ.

[3]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 26, ст. 7.

номъ Богѣ, мы слышали пѣніе: «всѝ бо́зи ꙗ҆зы́къ бѣ́сове: гдⷭ҇ь же нѣ́са сотворѝ». Теперь же, когда мы отправились въ путь, которымъ желаемъ придти ко Христу, отвратившись отъ идолослуженія,—вотъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, встрѣчая насъ, единогласно поютъ: Пꙋ́ть бл҃гочестѝвыхъ пра́въ бы́сть, и҆ прїꙋгото́ванъ пꙋ́ть бл҃гочестѝвыхъ. И мнѣ кажется, что это произошло не случайно, но по Божественному произволенію. Посмотримъ, куда идетъ этотъ народъ, и если къ той же обители, куда и мы направляемся, то присоединимся къ нимъ и пойдемъ вмѣстѣ, какъ бы ихъ друзья.

Присоединившись къ шедшему съ пѣніемъ народу, они на пути спросили одного человѣка:

— Кто этотъ старецъ, который ѣдетъ на ослѣ посреди окружающаго его народа?

И услышали въ отвѣтъ, что это—епископъ Елій, христіанинъ отъ юности своей, возросшій въ монастырѣ. Когда его еще отрокомъ посылали принести огня отъ сосѣда, онъ приносилъ въ полѣ своей одежды горящіе угли, и одежда его не опалялась: такъ угоденъ былъ онъ Богу еще въ дѣтствѣ.

— Нѣсколько дней тому назадъ,—продолжалъ спрошенный,—въ здѣшнихъ мѣстахъ появился нѣкій волхвъ, по имени Зарій, прельщающій людей разными хитростями и чарами: онъ называлъ обманщикомъ епископа Елія, о себѣ же самомъ говорилъ, что онъ добрый наставникъ, посланный къ людямъ Христомъ. И вотъ множество христіанъ собрались и пришли къ отцу нашему, котораго вы видите, и сказали: мы слышимъ, какъ Зарій утверждаетъ, что онъ посланъ Христомъ, поэтому или пріими его въ общеніе съ собой, или же, если слова его ложны, отвергни его, и мы послѣдуемъ за тѣмъ изъ васъ, кто выйдетъ побѣдителемъ изъ словеснаго состязанія. Святый епископъ Елій согласился на споръ съ Заріемъ: онъ надѣялся на Христа, какъ Зарій—на своихъ бѣсовъ. Былъ назначенъ день для спора и приготовлено мѣсто посреди Иліополя. Волхвъ Зарій явился со своими волшебными чарами, епископъ же пришелъ съ Богодухновенными глаголами и, благословивъ народъ, сказалъ: ны́нѣ позна́ете дꙋ́хи, ꙗ҆́же ѿ бг҃а сꙋ́ть[1]). Обратившись затѣмъ къ Зарію, онъ началъ съ нимъ великое словесное состязаніе. Но волхвъ былъ искусенъ въ своемъ обманѣ, гордъ и безчиненъ въ рѣчи; онъ старался побѣдить не силою истины,

[1]) 1 Посл. Іоанна, гл. 4, ст. 2.

но безстыднымъ многословіемъ. Поэтому кроткій и незлобивый епископъ не могъ его переспорить, и народъ скорбѣлъ, что Зарій одолѣваетъ епископа въ состязаніи. Замѣтивъ это, Елій потребовалъ, чтобы утихло волненіе, и сказалъ народу: надлежитъ намъ нынѣ послѣдовать указанію Апостола Павла, которое онъ даетъ своему ученіку Тимоѳею: **не словопрѣтися, ни на кꙋюже потрѣбꙋ, на разорѣніе слышащихъ**[1]). Но чтобы кто-нибудь не подумалъ, что мы приводимъ это свидѣтельство Апостола не для выясненія истины, а изъ боязни,—пусть среди города разожгутъ костеръ, и мы оба войдемъ въ пламя: и кто изъ насъ не сгоритъ, тотъ и есть истинный посланникъ Христовъ. Это предложеніе пришлось по сердцу всему народу; тотчасъ же разожгли великій костеръ. Епископъ сталъ звать волхва въ пламя, но тотъ отвѣтилъ: войди первымъ въ огонь, такъ какъ ты предложилъ это испытаніе. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ и воздѣвъ руки къ Небу, епископъ вошелъ въ средину костра и простоялъ тамъ около получаса, окруженный великимъ пламенемъ, но нимало не опаленный имъ: огонь не коснулся ни его волосъ, ни даже одежды. Онъ звалъ и Зарія войти въ огонь, но тотъ, устрашившись, попытался убѣжать. Тогда народъ схватилъ его и насильственно бросилъ въ огонь. Волхвъ тотчасъ же началъ горѣть и сгорѣлъ бы совсѣмъ, если бы святый епископъ Елій не избавилъ его отъ огня полусожженнаго, но еще живаго. Послѣ сего изгнали волхва съ безчестіемъ изъ предѣловъ Иліополя. А епископа, котораго вы видите, куда бы онъ ни пошелъ, всюду сопровождаетъ народъ съ божественнымъ пѣніемъ.

Внимая этому повѣствованію, блаженная Евгенія радовалась духомъ, изумлялась, глубоко вздыхала и, наконецъ, начала усердно просить бесѣдовавшаго съ нею мужа (имя его было Евтропій):

— Молю тебя, господинъ мой, возвѣсти святому епископу о насъ, желающихъ обратиться отъ идоловъ ко Христу. Мы братья и съ общаго согласія рѣшили стать христіанами и пребывать совмѣстно въ этомъ монастырѣ, никогда не разлучаясь другъ съ другомъ.

— Умолчите теперь объ этомъ,—отвѣтилъ имъ мужъ,—пока епископъ не войдетъ въ монастырь и не отдохнетъ немного отъ пути; а когда будетъ удобное время, я, согласно вашему желанію, возвѣщу ему о васъ.

[1]) 2 Посл. къ Тим., гл. 2, ст. 14.

Когда они приблизились къ монастырю, навстрѣчу епископу вышли иноки и воспѣвали:

— Прїѧ́хомъ бж҃е мл҃ть твою̀ посредѣ̀ люде́й твои́хъ[1]).

Вмѣстѣ съ епископомъ и народомъ вошли внутрь монастыря и Евгенія, похожая на юношу своимъ одѣяніемъ и короткими волосами, и ея евнухи. Совершивъ въ церкви Божественную службу и подкрѣпившись немного пищей въ десятомъ часу вечера, какъ это было въ обычаѣ у постниковъ, святый Елій почилъ отъ трудовъ и увидѣлъ во снѣ слѣдующее видѣніе: какіе-то мужи носили на рукахъ и, какъ бога, почитали жертвами и поклоненіемъ женское изваяніе, подобное одной изъ эллинскихъ богинь. Тяжело было видѣть епископу, какъ люди прельщаются, впадая въ идолопоклонство, и онъ сказалъ, обратившись къ находившейся среди нихъ богинѣ:

— Подобаетъ ли тебѣ, созданію Божію, быть почитаемой людьми за Бога и принимать отъ нихъ поклоненіе, приличествующее одному Богу?

Услыхавъ эти слова, богиня тотчасъ же покинула поклонявшихся ей мужей и послѣдовала за епископомъ, говоря:

— Не покину тебя и не отступлю отъ тебя, пока ты не приведешь меня къ Творцу и Создателю моему и не вручишь меня Ему.

Воспрянувъ отъ сна, епископъ размышлялъ объ этомъ видѣніи. И вотъ, вошелъ къ нему Евтропій и сказалъ:

— Владыка! Три отрока, родныхъ брата, единодушно оставляя идолопоклонство и желая быть причисленными къ лику служащихъ Христу въ этомъ монастырѣ, вошли сегодня вслѣдъ за тобою въ обитель и со слезами молили меня возвѣстить о нихъ твоей святынѣ.

Епископъ въ великой радости воскликнулъ:

— Благодарю Тебя, Господи Іисусе Христе, сподобившаго меня нынѣ услышать такую радостную вѣсть!

И повелѣлъ тотчасъ призвать къ себѣ тѣхъ трехъ отроковъ. Когда они одни вошли и предстали предъ епископомъ, святитель сначала произнесъ молитву, а затѣмъ началъ отечески и съ любовью бесѣдовать съ Евгеніей, разспрашивая объ ихъ именахъ, происхожденіи и отечествѣ. Въ дѣвическомъ смущеніи Евгенія смиренно отвѣчала:

[1]) Псал. 47, ст. 10.

— Родомъ мы изъ славнаго города Рима и отечество наше Римъ. Мы братья по плоти. Имя перваго изъ насъ—Протъ, другой—Іакинѳъ, я же самъ зовусь Евгеніемъ.

Ласково глядя на нее, епископъ Елій сказалъ:

— Правильно зовешься ты Евгеніемъ, Евгенія! Имя твое[1]) согласуется съ духомъ твоимъ, ибо ты имѣешь благородную, мужественную душу и во всѣхъ отношеніяхъ являешься мужемъ. Крѣпко держи въ умѣ свое рѣшеніе, побѣждай свою женскую природу и ты возмужаешь и утвердишься о Христѣ, ради Котораго ты, будучи женой, выдаешь себя за мужа, измѣняя женскій образъ и имя изъ любви къ Богу. Я говорю это тебѣ, не обличая тебя, не порицая твою женскую природу и не желая отвлечь тебя отъ твоего намѣренія, но чтобы ты узнала, какое попеченіе имѣетъ о тебѣ Богъ, Который открылъ мнѣ все, относящееся до тебя, не утаивъ ничего: кто ты, и какъ придешь ко мнѣ, и кто еще придетъ съ тобой ко мнѣ. Итакъ, Евгенія, постарайся явиться не менѣе мужественной духомъ, чѣмъ своимъ видомъ: ибо и это открылъ мнѣ Господь мой, что ты уготовила Ему изъ себя чистый сосудъ, непорочно сохраняя свое дѣвство и отвергая соблазны земной жизни.

Обратившись затѣмъ къ Проту и Іакинѳу, святитель сказалъ:

— Вы рабы по имени, но свободны духомъ, ибо духъ вашъ не порабощенъ ничѣмъ земнымъ. Поэтому не я, но Самъ Господь Іисусъ Христосъ говоритъ вамъ: не ктомꙋ васъ глаго́лю рабы̑, но дрꙋ́ги[2]). Блаженны вы ради таковой вашей свободы, но еще блаженнѣе ради вашего содружества и единенія со Христомъ: ибо вы единодушно согласились взять на себя Его иго и нисколько не воспрепятствовали блаженной Евгеніи въ ея намѣреніи, но вмѣстѣ съ ней горите духомъ и желаніемъ служить Господу. И когда она покинетъ эту жизнь, то и вы вмѣстѣ съ ней удостоитесь отъ Господа тѣхъ же вѣнцовъ и воздаянія, какъ и она.

Никто не присутствовалъ при этой бесѣдѣ Евгеніи и евнуховъ съ епископомъ. Евгеніи Елій повелѣлъ оставаться въ мужской одеждѣ, ибо никто не зналъ ея тайны. И она вмѣстѣ съ евнухами не раньше покинула монастырь, пока епископъ крестилъ ихъ всѣхъ и причислилъ къ лику иночествующихъ.

---

[1]) *Евгенія* въ переводѣ съ греческаго означаетъ «благородная, мужественная».

[2]) Еванг. отъ Іоан., гл. 15, ст. 15.

Теперь узнаемъ, что произошло съ тѣхъ поръ, какъ святая вмѣстѣ съ Протомъ и Іакинѳомъ тайно отъ рабовъ сошла съ колесницы и какъ горевали о ней ея родители.

Колесница пустая продолжала свой путь и уже приближалась къ дому, а рабы все шли впереди ея, не подозрѣвая о случившемся. Домашніе слуги вышли со свѣтильниками навстрѣчу Евгеніи. Подойдя къ колесницѣ, они нашли ее пустой и, не видя своей госпожи, были въ великомъ недоумѣніи. Отецъ ея, мать, братья и всѣ слуги пришли въ смущеніе и повсюду раздались крики, вопли, рыданія и сильный плачъ. По всему городу начались разспросы, и народъ александрійскій удивлялся, что́ сдѣлалось съ дочерью правителя. Многочисленные рабы были разосланы повсюду, чтобы отыскать Евгенію. Они обошли не только весь городъ, но и всю страну Египетскую и никого не забыли разспросить на пути и въ домахъ: купцовъ, земледѣльцевъ и странниковъ, но нигдѣ не могли ничего услышать о той драгоцѣнной жемчужинѣ, которую Десница Вышняго хранила до срока въ своей сокровищницѣ.

Родители днемъ и ночью плакали о Евгеніи и неутѣшно рыдали, часто призывая ея имя, терзая свои лица, посыпая пепломъ главу и падая на землю отъ изнеможенія и сердечной скорби.

— Евгенія, дщерь наша любезная, — взывали они, — свѣтъ нашъ, куда ты скрылась отъ нашихъ очей? Утѣшеніе наше, гдѣ утаилась? Надежда наша, неужели ты погибла?

И родители рыдали о своей дочери, братья плакали о своей сестрѣ, рабы же и рабыни проливали слезы о своей госпожѣ. Всѣ граждане также сожалѣли о Евгеніи и сочувствовали горю правителя какъ своего добраго господина и властителя. Затѣмъ начали вопрошать волхвовъ и чародѣевъ и приносить идоламъ многочисленныя жертвы въ надеждѣ, не возвѣститъ ли какой-нибудь изъ боговъ о погибшей дѣвицѣ. Но и отъ нихъ не могли ничего узнать. Волхвы и чародѣи молчали, будучи лживы и несвѣдущи, идолы же — будучи бездушны. Наконецъ, кто-то изъ жителей Александріи выдумалъ басню для утѣшенія правителя, а именно утверждали, что имъ открыто, будто боги возлюбили красоту Евгеніи, восхитили ее на небеса и сопричислили къ себѣ. Огорченный отецъ повѣрилъ этой баснѣ, немного утѣшился въ печали и съ трудомъ измѣнилъ свой плачъ на радость. Онъ тотчасъ же велѣлъ вылить изъ золота идола, похожаго на его любимую дочь,

поставилъ его на видномъ мѣстѣ въ Александріи и началъ всенародно почитать Евгенію какъ новую богиню новыми празднествами и приношеніемъ многочисленныхъ жертвъ. И этимъ онъ думалъ утѣшить свою печаль. Однако мать Евгеніи Клавдія и братья, Авитъ и Сергій, не повѣрили баснѣ и продолжали непрестанно и неутѣшно плакать о Евгеніи.

Тѣмъ временемъ блаженная дѣва, скрывшаяся подъ мужской одеждой и именемъ и считавшаяся мужчиной по суровому образу жизни, жила въ упомянутомъ монастырѣ, усердно проходя иноческое послушаніе и служа Богу. Она такъ преуспѣла въ Божественномъ ученіи, что черезъ два года знала уже наизусть все Священное Писаніе: миромъ же душа ея была столь преисполнена, что всѣ почитали ее за одного изъ Ангеловъ. Никто не могъ узнать о ея женской природѣ, которую скрывала сила Христова и непорочное дѣвство, а по своей жизни и совершенныхъ мужей она приводила въ удивленіе. Рѣчь ея была смиренна, привѣтлива, кротка и немногословна, исполнена страха Божія и назиданія. Никто не приходилъ раньше ея къ церковной службѣ и никто не уходилъ послѣ нея. Всѣмъ она была на пользу и назиданіе: скорбящихъ утѣшала, съ радующимися радовалась; отдавшихся гнѣву и ярости смиряла однимъ словомъ; на горделиваго же такъ дѣйствовалъ видъ ея смиреннаго житія, что сразу смирялъ его гордость и дѣлалъ кроткимъ.

Спустя немного времени, она получила отъ Бога даръ чудотвореній. Когда она посѣщала какого-нибудь больного, то тотчасъ уже самымъ ея пришествіемъ прогонялась болѣзнь и подавалось больному полное здравіе. Два евнуха ея—Протъ и Іакинѳъ, пребывали съ ней неотступно и были подражателями ея жизни, ея вѣрными рабами и друзьями.

Спустя три года по ея обращеніи къ Богу скончался игуменъ того монастыря, и собравшіеся братія стали единодушно молить блаженную, чтобы она была ихъ игуменомъ: они не вѣдали той охраняемой Богомъ тайны, что ихъ Евгеній по природѣ не мужъ, а жена. Они видѣли ея мудрое, непорочное и Богоугодное житіе, несравненно превосходящее житіе всѣхъ постниковъ этого монастыря, и поэтому долго молили и понуждали ее принять начальство надъ ними. Съ одной стороны — опасаясь, что ей, какъ женѣ, неприлично и противозаконно управлять мужами, съ другой же— стыдясь обмануть и отвергнуть усердное моленіе столькихъ честныхъ иноковъ, святая сказала имъ:

— Молю васъ, братія, принесите сюда святое Евангеліе.

И когда оно было принесено, она продолжала:

— Подобаетъ христіанамъ о всякомъ избраніи прежде всего вопрошать Самого Господа Христа. Посмотримъ, что намъ повелитъ Христосъ въ этомъ дѣлѣ и будемъ повиноваться Его изволенію.

Когда въ присутствіи всей братіи разогнули Евангеліе, то нашли слѣдующія слова: «**ꙗ҆́же а҆́ще хо́щетъ въ ва́съ бы́ти, да бꙋ́детъ ва́мъ слꙋга̀: и҆ и҆́же а҆́ще хо́щетъ въ ва́съ бы́ти пе́рвый, бꙋ́ди ва́мъ ра́бъ**»[1]). По прочтеніи этихъ словъ святая возгласила:

— Вотъ, я повинуюсь повелѣнію Христову и вашей просьбѣ. Пусть буду я слугой и рабомъ вашей любви.

И всѣ обрадовались ея согласію. И принялъ мнимый Евгеній, на самомъ же дѣлѣ Евгенія, игуменство въ томъ монастырѣ, и сталъ для всѣхъ какъ бы плѣнникомъ и рабомъ, непрестанно трудящимся на всю братію, носящимъ воду, рубящимъ дрова, чистящимъ всѣ келліи и съ великимъ усердіемъ служащимъ всѣмъ. Для своего пребыванія Евгенія выбрала келлію вратаря, чтобы превосходствомъ келліи не показать себя выше другихъ. Трудясь по монастырскимъ дѣламъ, она никогда не пропускала обычнаго церковнаго правила, т. е. Утрени, Часовъ (а въ особенные дни — Литургіи) и Вечерни. И казался ей понапрасну погубленнымъ тотъ часъ, въ который бы она не воздала хвалы Богу; и она тщательно наблюдала за тѣмъ, чтобы и часъ одинъ не прошелъ безъ славословія Божія. Въ рукахъ у нея была работа, а въ устахъ непрестанная молитва. И получила она власть надъ нечистыми духами, чтобы изгонять ихъ изъ людей, и дана была благодать ей творить иныя чудеса, подробно разсказать о которыхъ не достанетъ и времени. Но разскажемъ, какъ началось гоненіе на святую, а также и прочее время и конецъ ея жизни и страданій.

Была въ Александріи одна женщина, по имени Меланѳія, богатая имуществомъ, но нищая добрыми дѣлами. Она заболѣла лихорадкой и страдала ею больше года. Помѣстье ея находилось вблизи отъ монастыря, гдѣ жила Евгенія. Услышавъ однажды, что инокъ, по имени Евгеній, исцѣляетъ всякія болѣзни, она поспѣшно отправилась къ нему и молила исцѣлить ее отъ недуга. Сжалившись надъ ней, Евгенія помазала ее святымъ елеемъ, и она тот-

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 20, ст. 26, 27.

часъ же извергла все, что было внутри ея вреднаго, причинявшаго ей болѣзнь, и, выздоровѣвъ, пѣшкомъ вернулась въ свое помѣстье. Спустя немного времени, она приготовила три сосуда изъ чистаго серебра и, наполнивъ ихъ деньгами, послала къ своему безкорыстному врачу въ благодарность за полученное исцѣленіе. Но Евгенія не приняла подарка и отослала къ ней обратно, сказавъ:

— Мы изобилуемъ и преизобилуемъ всѣми благами о Богѣ нашемъ. Совѣтую же тебѣ, возлюбленная Меланѳія, раздать все это нищимъ и нуждающимся.

Увидавъ свои дары возвращенными, Меланѳія очень опечалилась. Придя въ монастырь, какими только мольбами она ни молила и какими просьбами ни понуждала Евгенію не отказываться отъ принесенныхъ даровъ! Наконецъ, ей съ трудомъ удалось умолить настоятеля Евгенія, чтобы онъ повелѣлъ отнести сосуды въ церковную сосудохранительницу, гдѣ хранились вещи для церковнаго служенія.

Съ этихъ поръ Меланѳія стала часто посѣщать Евгенія и возъимѣла сильную любовь къ нему, не зная того, что подъ мужскою одеждою и именемъ скрывалась женщина. Видя его столь юнымъ и прекраснымъ, Меланѳія не думала, чтобы такой юноша могъ всегда жить въ чистотѣ, свое же исцѣленіе она стала приписывать не святости, а его врачебному искусству. И вотъ, со дня на день она стала разгораться все бо́льшимъ и бо́льшимъ желаніемъ вступить съ нимъ въ плотскую связь и искала только удобнаго времени и мѣста, чтобы исполнить свое желаніе. И вотъ однажды, находясь въ своемъ помѣстьѣ недалеко отъ монастыря, Меланѳія, распалившись нечистой похотью къ юному черноризцу, притворилась больной и послала къ нему съ просьбой посѣтить ее наединѣ и помочь ей, какъ и въ первый разъ.

Придя къ ней, блаженная Евгенія сѣла передъ постелью Меланѳіи, страдавшей не болѣзнью, но плотскимъ вожделѣніемъ. Взирая на лицо Евгенія, Меланѳія была не въ силахъ далѣе скрывать въ себѣ таившійся и долго разжигавшій ее огонь. Она раскрыла свои безстыдныя уста и начала любодѣйную рѣчь, прельщая его и увлекая ко грѣху, какъ нѣкогда увлекала Іосифа египтянка, жена Пентефрія[1]).

---

[1]) Кн. Быт., гл. 39, ст. 7—20.

— Я объята нестерпимымъ желаніемъ и любовію къ тебѣ,— говорила она,—и мой духъ не можетъ успокоиться, пока ты не согласишься стать господиномъ надъ всѣмъ моимъ имуществомъ, а для меня — супругомъ. Для чего ты напрасно умерщвляешь себя ненужнымъ воздержаніемъ и самовольно губишь въ нищетѣ и нуждѣ дни твоей юности, въ такой сильной степени изнуряя тѣло и изсушая красоту лица? Вотъ громадныя имѣнія, вотъ множество золота и серебра, драгоцѣнныхъ камней и дорогихъ одеждъ, великое число рабовъ и рабынь! Вотъ, наконецъ, ты видишь и меня, юную и прекрасную, овдовѣвшую только въ этомъ году, къ тому же бездѣтную, такъ что нѣтъ наслѣдника моимъ богатствамъ. Наслѣдуй имъ самъ и стань моимъ господиномъ и владыкой.

Все это и еще многое другое говорила Меланѳія, прельщая Евгенію. Но преподобная Евгенія, стыдясь безстыдства этой блудницы, грозно отвѣтила ей:

— Замолчи, жена, замолчи! И не пытайся повредить мнѣ ядомъ древняго змія. Я вижу, что ты содѣлала изъ себя великое жилище діавола; отступи отъ слугъ Божіихъ, искусительница; богатства же твои пусть наслѣдуютъ подобные тебѣ любострастники; наше же богатство заключается въ убожествѣ со Христомъ. Что же касается до брака, то да не помыслитъ даже умъ нашъ когда-нибудь о плотскихъ наслажденіяхъ. О блаженная чистота, не продадимъ тебя за тлѣнныя богатства! О святое дѣвство, не осквернимъ тебя любодѣяніемъ! О Матерь Божія и Дѣва, на Которую уповаю, не измѣню я своимъ обѣтамъ! Одинъ у насъ бракъ—наша любовь ко Христу; одни у насъ богатства—блага, уготованныя на Небесахъ; одно наслѣдство—познаніе истины!

Сказавъ это, блаженная тотчасъ же встала и ушла въ свой монастырь; Меланѳія же, исполнившись невыразимаго стыда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гнѣва, отправилась въ городъ и, явившись къ правителю, сказала ему:

— Нѣкій христіанскій юноша, выдающій себя за врача и живущій въ монастырѣ недалеко отъ моего помѣстья, пришелъ ко мнѣ въ домъ, и я позволила ему войти въ мою горницу для врачеванія. Но онъ, считая меня за одну изъ безчестныхъ и безстыдныхъ женщинъ, началъ понуждать меня къ дурному дѣлу сначала льстивыми словами, а затѣмъ хотѣлъ употребить насиліе; и если бы я не закричала и рабыня не поспѣшила прибѣжать на

мой зовъ, то этотъ безстыдный юноша навѣрное бы осквернилъ меня насиліемъ, какъ варваръ плѣнницу.

Такія слова Меланѳіи привели правителя въ сильный гнѣвъ, и онъ тотчасъ же послалъ слугъ, чтобы взять не одного только юношу Евгенія, называемаго врачомъ, но и всѣхъ, живущихъ съ нимъ, и, заковавъ ихъ въ желѣзныя оковы, держать въ узахъ. Но такъ какъ одна темница не могла вмѣстить всѣхъ иноковъ, находившихся съ Евгеніей, то ихъ распредѣлили по разнымъ темницамъ. Слухъ объ этомъ событіи распространился не только во всей Александріи, но и по окрестнымъ городамъ; и много оскорбленій и поношеній вынесли христіане отъ язычниковъ, ибо всѣ, слышавшіе разсказъ Меланѳіи, вѣрили въ истинность словъ ея, такъ какъ она славилась среди язычниковъ честностью и благородствомъ происхожденія.

Назначили день, когда должны были совершиться судъ надъ иноками и казнь ихъ; нѣкоторыхъ изъ нихъ правитель хотѣлъ отдать на съѣденіе звѣрямъ, другихъ—сжечь огнемъ, иныхъ—повѣсить на деревѣ, а прочихъ погубить разными другими мученіями. И вотъ, когда наступилъ назначенный день, сошлось множество народа не только изъ города, но и изо всѣхъ его окрестностей. Собралось также весьма много христіанъ, среди коихъ было много пресвитеровъ и нѣсколько епископовъ: они пришли, чтобы увидѣть кончину неповинныхъ рабовъ Божіихъ (христіане были увѣрены въ ложности клеветы), взять останки ихъ и предать честно́му погребенію.

Какъ только пришелъ правитель Филиппъ со своими сыновьями Авитомъ и Сергіемъ и сѣлъ на обычномъ мѣстѣ, предназначенномъ для судьи, тотчасъ же привели на середину позорища блаженную Евгенію, тайну которой никто еще не вѣдалъ, съ ея евнухами и прочими иноками, закованными въ тяжелые желѣзные оковы. Тогда народъ громко закричалъ:

— Пусть погибнутъ эти нечестивые беззаконники!

Правитель же повелѣлъ, чтобы подвели ближе къ нему для испытанія начальника злыхъ (какъ они говорили), непорочную агницу Христову, чтобы положили передъ ней всѣ орудія мученій и чтобы предстали готовые и грозные палачи.

И стояла святая Евгенія на судѣ передъ отцомъ своимъ и братьями, неповинная ни въ какомъ злѣ, скрытая подъ мужской иноческой одеждой и низко опустивъ главу, чтобы не быть тот-

часъ же узнанной. Обратившись къ ней, правитель грозно спросилъ:

— Скажи намъ, беззаконный христіанинъ, такъ ли заповѣдалъ вамъ вашъ Христосъ, чтобы вы творили скверныя дѣла и хитростями склоняли честныхъ женщинъ на исполненіе вашихъ дурныхъ вожделѣній? Скажи намъ, нечестивецъ, какъ дерзнулъ ты войти въ домъ свѣтлѣйшей госпожи Меланѳіи и понуждать ея благороднѣйшую чистоту къ оскверненію? Лукаво выдавая себя за врача, ты оказался врагомъ и насильникомъ. И вотъ ты примешь достойную казнь за твое бозстыдное и дерзкое намѣреніе и, будучи злымъ, погибнешь злою же смертью.

Такъ съ сильнымъ гнѣвомъ говорилъ правитель, а блаженная Евгенія кротко отвѣчала ему:

— Господь мой, Іисусъ Христосъ, Которому я служу, учитъ чистотѣ и обѣщаетъ вѣчную жизнь, хранящимъ непорочное дѣвство. Мы можемъ тотчасъ же показать, что Меланѳія ложно обвиняетъ насъ. Но лучше, чтобы мы сами пострадали и не потеряли плодовъ нашего терпѣнія, нежели чтобы ей, побѣжденной и обличенной, пришлось претерпѣть какое-либо зло. Впрочемъ, если ты поклянешься мнѣ именемъ твоихъ царей, что не причинишь этой лжесвидѣтельницѣ никакого зла, то мы сейчасъ допросимъ ее о грѣхѣ, въ которомъ она насъ неповинно обвиняетъ, и увидимъ, что она сама окажется въ немъ виновной.

Послѣ того какъ правитель поклялся ей и обѣщалъ исполнить просимое, Евгенія сказала, обратившись къ Меланѳіи:

— Меланѳія, самое имя[1]) твое свидѣтельствуетъ о чернотѣ и помраченіи! Много различныхъ мученій уготовала ты христіанамъ своей ложной клеветой. Что же, настаивай, чтобы насъ терзали, жгли и били! Но убѣдись, что не таковы у Христа рабы, какими ты ихъ ложно показываешь. Приведи же ту рабыню, которую ты назвала очевидицей нашего грѣха, чтобы изъ ея устъ изобличилась ложь и стала явной истина.

Но приведенная рабыня прибавила ложь ко лжи, чтобы угодить своей госпожѣ, ибо какъ же она могла сказать что-либо противъ нея.

— Я знаю,—говорила она,—что этотъ безстыдный юноша часто грѣшитъ съ простыми женщинами; онъ, дерзкій, многократно

---

[1]) *Меланѳія* въ переводѣ съ греческаго означаетъ—«черноцвѣтная».

приставалъ и ко мнѣ и, наконецъ, осмѣлился посягнуть и на мою госпожу. Войдя въ ея спальню въ первомъ часу дня, онъ сначала бесѣдовалъ съ нею, какъ врачъ, заботясь о здоровьѣ, затѣмъ началъ говорить безстыдныя рѣчи и, наконецъ, хотѣлъ произвести надъ ней насиліе и, вѣроятно, совершилъ бы свое беззаконное дѣло, если бы я поспѣшно не созвала другихъ служанокъ и не избавила нашу госпожу отъ рукъ этого блудника.

Судья велѣлъ призвать другихъ прислужницъ, но и тѣ также свидѣтельствовали противъ инока Евгенія, помогая своей госпожѣ. Тогда правитель въ сильномъ гнѣвѣ воскликнулъ:

— Что можешь ты возразить имъ, нечестивецъ, когда столько свидѣтелей побѣждаютъ тебя и изобличаютъ твое беззаконіе?

— Теперь настало время говорить,—отвѣтила святая Евгенія,—ибо кончилось время молчанія. Настало время свободно исповѣдать истину, чтобы не торжествовала безмѣрно возводимая на насъ ложь и не ходили среди язычниковъ худые слухи о христіанахъ. Поистинѣ я желала сохранить мою тайну до конца моей жизни и тѣмъ обличить на будущемъ судѣ Христовомъ возводимую на насъ ложь и доказать мою чистоту передъ Тѣмъ, изъ любви къ Которому я ее хранила. Что̀ до сихъ поръ я тщательно старалась утаить, то теперь мнѣ придется обнаружить для того, чтобы беззаконіе не торжествовало надъ невинностью и языческое нечестіе не глумилось надъ благочестивой и цѣломудренной христіанской жизнью, и не насмѣхалось надъ нею. Я открою истину не изъ тщеславія, но для прославленія Имени Іисуса Христа; ибо такова сила сего святаго Имени, что и жены, живущія въ страхѣ Божіемъ, сподобляются достоинства мужей и люди одного пола не могутъ быть вѣрой выше людей другого пола, какъ говоритъ учитель христіанскій Апостолъ Павелъ: нѣтъ у Бога различія между мужемъ и женой, вси̑ бо вы̀ є҆ди́но є҆стѐ ѡ҆ хр҃тѣ і҆и҃сѣ[1]). Такъ и я пожелала ради Христа, въ Котораго увѣровала, Котораго всей душой возлюбила и на Котораго возложила все мое упованіе, по жизни и по внѣшнему виду быть скорѣе мужемъ, чѣмъ женой, соблюдая свое дѣвство единому Чистѣйшему и Нетлѣнному Небесному Жениху.

Говоря такъ, она раздрала сверху свою одежду, обнажила часть своего святаго и чистаго дѣвическаго тѣла, и правитель увидалъ, что она женщина. Тогда Евгенія сказала ему:

[1]) Посл. къ Галат., гл. 3, ст. 28.

— Господинъ мой, ты—мой отецъ по плоти, Клавдія же—моя мать, а сидящіе съ тобою Авитъ и Сергій—мои братья. Сама же я—дочь твоя Евгенія, отрекшаяся отъ міра и всѣхъ его наслажденій изъ любви ко Христу; вотъ Протъ и Іакинѳъ, мои евнухи, вмѣстѣ съ которыми я приняла ученіе Христово. И такую благодать явилъ на мнѣ Христосъ, что по Своему милосердію сдѣлалъ меня побѣдительницей всѣхъ похотей и страстей; и я непоколебимо вѣрую, что Онъ и до конца сохранитъ меня такою же, какова я теперь.

Она еще не успѣла докончить своей рѣчи, какъ отецъ и братья на основаніи ея словъ, а также и по нѣкоторымъ чертамъ ея лица (ибо они пристально всматривались въ нее) признали, что она дѣйствительно Евгенія. Тотчасъ же въ несказанной радости и со слезами они вскочили со своихъ мѣстъ и бросились къ ней, обнимая ее, цѣлуя, плача отъ радости и веселясь, что внезапно нашли Евгенію, безъ которой и самый свѣтъ міра сего пересталъ быть имъ пріятнымъ. Тотчасъ же было возвѣщено и матери ея, Клавдіи, что дочь ея Евгенія нашлась. Та поспѣшно пришла и чего только не дѣлала, увидавъ свою возлюбленную Евгенію, какими ласковыми словами не осыпала ее, смотря на свою дочь какъ бы на воскресшую изъ мертвыхъ. Видя происшедшее, народъ изумлялся и громко взывалъ:

— Единъ Христосъ, Единъ Истинный Богъ, Богъ христіанскій!

А множество христіанъ, пришедшихъ со своими епископами и пресвитерами для погребенія тѣлъ мучениковъ, также пѣли, исполнившись несказанной радости:

— Десни́ца твоѧ̀, гдⷭ҇и, просла́висѧ въ крѣ́пости: десна́ѧ твоѧ̀ рꙋ́ка̀, гдⷭ҇и, сокрꙋ́ши̑ враги̑. Кто̀ бг҃ъ ве́лїй, ꙗ҆́кѡ бг҃ъ на́шъ; ѿкрыва́ѧй сокрове́ннаѧ, и҆ та́йнаѧ ѡ҆блича́ѧй, ᲂу҆ловлѧ́ѧй премꙋ́дрыхъ въ мꙋ́дрости и҆́хъ[1]).

Затѣмъ принесли златотканныя одежды съ драгоцѣнными украшеніями, въ которыя родители и братья Евгеніи противъ ея воли облекли ее, и посадили на высокомъ мѣстѣ, чтобы всѣ ее видѣли и вмѣстѣ съ ними радовались обрѣтенію утраченной. Тотчасъ же освободили отъ оковъ иноковъ, находившихся въ узахъ вмѣстѣ съ Евгеніей, обласкали ихъ и стали почитать какъ истинныхъ рабовъ Христовыхъ.

[1]) Кн. Исх., гл. 15, ст. 6; Псал. 76, ст. 14; Кн. Іов., гл. 5, ст. 13.

Меланѳія же исполнилась великаго страха и стыда; и не успѣла еще она уйти съ мѣста суда, какъ огонь ниспалъ съ Неба на ея домъ и сжегъ его до основанія со всѣми богатствами и сокровищами, такъ что не осталось и слѣда отъ чего-либо. И была великая радость для всѣхъ вѣрующихъ въ Александріи и во всемъ Египтѣ; особенно же, когда крестился и увѣровалъ въ Господа нашего Іисуса Христа самъ правитель Филиппъ съ женой, съ сыновьями и со всѣмъ домомъ; великое множество язычниковъ приняло тогда Святое Крещеніе, и миръ былъ возвращенъ Христовой Церкви.

Вскорѣ послѣ этихъ событій правитель Филиппъ послалъ царямъ Северу и Антонину[1]) посланіе, въ которомъ писалъ, что для царства Римскаго неполезно изгонять изъ городовъ христіанъ, весьма нужныхъ для общаго блага народа. Цари послушались его совѣта, и во всѣхъ египетскихъ городахъ христіане вернули себѣ свои мѣста, земли, храмы и достоинства, пользуясь миромъ,—и христіанское благочестіе процвѣтало.

Но святыню всегда сопровождаетъ зависть врага, и грѣхъ воюетъ противъ добродѣтели. Такъ и теперь нѣкоторымъ знатнѣйшимъ идолопоклонникамъ Александріи тяжело было видѣть, какъ со дня на день умножалось число христіанъ, а число поклоняющихся идоламъ все болѣе и болѣе сокращалось. Наученные своимъ отцомъ сатаною, они отправились къ царямъ съ клеветой на правителя Филиппа.

— Цѣлыхъ девять лѣтъ,—говорили они,—Филиппъ хорошо управлялъ египетской страной и строго соблюдалъ царскіе законы. Но мы не знаемъ, что съ нимъ теперь сдѣлалось: такъ онъ измѣнился. Онъ оставилъ служеніе богамъ нашихъ отцовъ и весь народъ влечетъ за собой къ поклоненію Тому, Кого (какъ всѣ утверждаютъ) Іудеи казнили въ Палестинѣ, распявъ на крестѣ. Нѣтъ болѣе уваженія и должнаго повиновенія вашимъ царскимъ законамъ. Всѣмъ намъ онъ предпочелъ нечестивыхъ христіанъ, изъ которыхъ многіе, посѣщая храмы нашихъ боговъ, осыпаютъ ихъ безчисленными хулами, называютъ ихъ деревомъ, безчувственными камнями и бездушными идолами.

Такими и подобными рѣчами они подвигли на гнѣвъ противъ Филиппа обоихъ царей, которые и прислали ему слѣдующее посланіе:

---

[1]) Римскій императоръ Септимій Северъ (193—211 гг.) имѣлъ соправителемъ сына своего Антонина.

«Божественнѣйшій царь, правившій до насъ и знавшій твое благочестіе и почитаніе отеческихъ римскихъ боговъ, поставилъ тебя въ Александріи не правителемъ, но какъ бы царемъ Египта, и узаконилъ, чтобы ты до самой смерти своей безсмѣнно владѣлъ этой страной и чтобы никто другой не былъ поставленъ на твое мѣсто. Эту честь и мы соблюдали неприкосновенно, но только до тѣхъ поръ, пока ты былъ другомъ и служителемъ боговъ. Но теперь мы слышимъ о тебѣ, что ты и боговъ оставилъ, и къ намъ являешься нерасположеннымъ. Поэтому мы повелѣваемъ, чтобы ты или вернулся къ прежнему почитанію римскихъ боговъ и тогда продолжай по-прежнему наслаждаться почестями и славою, или же, если не перестанешь отвергать боговъ, тотчасъ оставь свой санъ и откажись отъ своихъ имѣній.»

Прочитавъ царское посланіе, правитель сказался больнымъ, чтобы успѣть продать все свое имущество и раздать его: частью — церквамъ, частью же — нищимъ.

Блаженный Филиппъ обладалъ даромъ краснорѣчія и многихъ знатныхъ эллиновъ убѣдилъ и обратилъ въ христіанство своими рѣчами, а малодушныхъ и колеблющихся въ вѣрѣ укрѣпилъ и утвердилъ.

Когда же имѣніе его было распродано и роздано, онъ снялъ съ себя санъ правителя, и тотчасъ же всѣ александрійскіе христіане избрали его себѣ въ епископы. Спустя нѣкоторое время, прибылъ на его мѣсто изъ Рима другой правитель, по имени Терентій, который хотѣлъ убить Филиппа, но боялся народа, ибо всѣ были готовы пожертвовать жизнью за своего епископа. Поэтому онъ нанялъ тайныхъ убійцъ, которые, войдя къ святому и заставъ его одного, молящагося Богу, ударили его мечами и, вышедши вонъ, скрылись. Это тотчасъ же сдѣлалось извѣстнымъ по всему городу, и всюду распространился великій плачъ, вопль и смятеніе. Боясь какъ бы народъ не понялъ его коварства, Терентій велѣлъ немедленно разыскать убійцъ и заключилъ ихъ въ темницу, связавъ тяжелыми оковами, какъ бы намѣреваясь предать ихъ жестокимъ мученіямъ и казни. Блаженный же епископъ Филиппъ прожилъ три дня послѣ полученныхъ ранъ и, скончавшись о Господѣ мученической кончиной, сподобился и мученическаго вѣнца. Въ служеніи епископскомъ онъ пробылъ годъ и три мѣсяца. Погребли его внутри города на мѣстѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Изіумъ, въ построенной имъ самимъ церкви.

Продержавъ убійцъ нѣкоторое время въ темницѣ, правитель Терентій отпустилъ ихъ на свободу, какъ бы по царскому повелѣнію, и тогда всѣ поняли, что святый епископъ убитъ по его приказанію. По смерти отца святая Евгенія собрала вокругъ себя христіанскихъ дѣвъ и продолжала вмѣстѣ съ ними служить Богу, проводя дѣвственную жизнь; мать же ея, Клавдія, построила обширный страннопріимный домъ и посвятила себя на служеніе странникамъ и больнымъ. Спустя немалое время, она вернулась въ свое отечество, Римъ, захвативъ съ собою обоихъ сыновей и блаженную дочь Евгенію, и поселилась тамъ въ своемъ помѣстьѣ. Римское правительство благосклонно приняло Авита и Сергія, и одинъ изъ нихъ былъ назначенъ областеначальникомъ въ Карѳагенѣ [1]), а другой—царскимъ намѣстникомъ въ Африкѣ.

Между тѣмъ святая Евгенія, живя въ Римѣ, тайно приводила ко Христу и увѣщевала хранить дѣвство многихъ дѣвъ—дочерей знатныхъ вельможъ. Въ то время въ Римѣ проживала одна юная дѣва, царскаго рода, осиротѣвшая послѣ кончины своихъ родителей, по имени Василла. Она была поручена до своего совершеннолѣтія своему дядѣ Элину и обручена царями одному извѣстному храбростью и благородствомъ юношѣ, по имени Помпею. Но бракъ былъ отложенъ на нѣсколько лѣтъ, ибо Василла осталась по смерти родителей еще очень юной. Часто слыша объ имени Христовомъ и объ Евгеніи, о ея дѣвственной и цѣломудренной жизни и о чудесахъ, творимыхъ силою Христовой, она возгорѣлась духомъ, ибо Господь таинственными путями призывалъ ее къ Своему небесному чертогу. У нея было два желанія: узнать достовѣрно о Христѣ и увидѣть Евгенію. Но пойти къ ней самой и бесѣдовать съ ней она не могла — какъ изъ боязни, чтобы объ этомъ не узналъ ея женихъ, такъ и по причинѣ бывшаго въ то время въ Римѣ гоненія на христіанъ. Поэтому Василла послала къ Евгеніи преданнаго ей слугу съ просьбой, чтобы та, хотя письменно, возвѣстила ей о Христѣ и научила, какъ должно вѣровать въ Него.

Святая Евгенія сильно обрадовалась такому вѣстнику. Рѣшивши вмѣстѣ съ матерью своею и съ евнухами, что письмо не можетъ такъ научить, какъ слова, исходящія изъ устъ человѣка, она велѣла евнухамъ приготовиться, желая послать ихъ какъ бы въ даръ Василлѣ. Посылая ихъ, Евгенія писала:

[1]) Древній городъ на сѣверѣ Африки. Нынѣ на его мѣстѣ расположенъ Тунисъ.

«Вотъ, я посылаю тебѣ въ даръ, возлюбленная сестра Василла, двухъ вѣрныхъ рабовъ моихъ, евнуховъ Прота и Іакинѳа, отъ юности возросшихъ вмѣстѣ со мной, и да будутъ они тебѣ отъ меня живымъ письмомъ».

Василла съ радостью приняла евнуховъ—по виду рабовъ, но на дѣлѣ апостоловъ Христовыхъ. Бесѣдуя съ ней и днемъ, и ночью, они научили ее святой вѣрѣ, ибо она постоянно со вниманіемъ, радостью и умиленіемъ слушала Божественныя слова, исходящія изъ устъ ихъ, и всѣмъ сердцемъ увѣровала въ единаго христіанскаго Бога, Создателя всего. Извѣщенный объ этомъ папа Римскій, блаженный Корнилій[1]), тайно пришелъ къ ней и окрестилъ ее во имя Святыя Троицы. Затѣмъ и дядя ея Элинъ увѣровалъ во Христа, такъ что Василла легко могла видѣться съ Евгеніей и наслаждаться святой и пріятной бесѣдой съ ней. Каждую ночь Евгенія невозбранно приходила къ ней въ домъ подъ покровительствомъ ея дяди.

Такимъ образомъ святая Евгенія и блаженная мать ея Клавдія обратили ко Христу много людей. Всѣ римскія христіанскія вдовицы имѣли прибѣжище у Клавдіи, а дѣвы—у Евгеніи, и находили у нихъ покой тѣлу и душѣ. Каждую субботу вечеромъ святый папа Римскій Корнилій посылалъ въ домъ Клавдіи молитвы и Псалмы[2]), чтобы онѣ всю ночь молились и славословили Бога; а утромъ, когда пропоютъ пѣтухи, онъ самъ приходилъ къ нимъ, крестилъ обращающихся ко Христу, совершалъ Божественную Литургію и причащалъ всѣхъ женъ Божественныхъ Таинъ. И Церковь Божія умножалась и процвѣтала среди гоненія, какъ лилія среди терній. О, сколь много святыя дѣвы Евгенія и Василла обращали къ Богу дѣвъ, святая Клавдія—женъ, а блаженные евнухи Протъ и Іакинѳъ—юношей!

Когда же воцарились нечестивые цари Валеріанъ и Галліенъ[3]), гоненіе на христіанъ усилилось. Цари издали повелѣніе избивать всѣхъ учителей христіанскихъ, и прежде всего стали разыскивать для убіенія святаго папу Корнилія.

Встрѣтившись въ это время со святой Василлой, святая Евгенія сказала ей:

---

[1]) *Св. Корнилій,* папа Римскій, управлялъ Римскою Церковію съ 251 по 253 г.

[2]) Т. е. богослужебныя книги, которыя въ то время были рѣдкостью и имѣлись у немногихъ.

[3]) *Валеріанъ* — Римскій императоръ, царствовалъ съ 253 по 260 г. Галліенъ, сынъ его, царствовалъ съ 260 по 268 г.

— Господь открылъ мнѣ, что ты скоро примешь мученическій вѣнецъ за свое дѣвство.

— Меня Господь также благоволилъ извѣстить о тебѣ,—отвѣчала Василла,—что ты получишь двойной вѣнецъ мученическій: одинъ—за скорби и напасти, перенесенныя тобою въ Александріи, другой же—за ту кровь, которую ты прольешь въ страданіяхъ за Христа.

Тогда блаженная Евгенія воздѣла руки свои къ Небу и сказала:

— Господи Іисусе, Сыне Вышняго, ради нашего спасенія родившійся отъ Дѣвы, Пречистой Матери Твоей, приведи всѣхъ ввѣренныхъ мнѣ Тобою дѣвъ въ нетлѣнномъ дѣвствѣ въ вѣчное Царство славы Твоей!

Обратившись затѣмъ ко множеству сидѣвшихъ вмѣстѣ съ нею и съ Василлою дѣвъ Христовыхъ, блаженная Евгенія сказала:

— Настало время собиранія винограда, когда гроздія обрѣзаются и затѣмъ предлагаются въ видѣ вина на царскій столъ. И нѣтъ ни одного сильнаго царства или высокаго сана, которые бы не украшались кровію этихъ гроздій. Такъ и вы, мои вѣтви и гроздія моего сердца, будьте готовы для Господа. Дѣвство приближаетъ къ Богу; дѣвство уподобляетъ насъ Ангеламъ; оно—мать вѣчной жизни, подруга святыни, безопасный путь на Небо, госпожа радости, вождь силы чудотворенія, теплота и вѣнецъ вѣры, крѣпость и утвержденіе любви. Ни о чемъ не должны мы такъ стараться, ни о чемъ такъ заботиться, какъ о пребываніи въ непорочномъ дѣвствѣ; но еще славнѣе умереть за дѣвство. Что такое суетныя и обманчивыя наслажденія этого міра, которыя, появляясь, причиняютъ временную радость, а исчезая—вѣчныя страданія; приносятъ кратковременный смѣхъ, чтобы поразить вѣчнымъ плачемъ; показываютъ скороувядающіе цвѣты удовольствій, чтобы доставить непреходящія горести; обѣщаютъ счастливую жизнь въ настоящемъ вѣкѣ, чтобы въ будущемъ предать вѣчнымъ мукамъ. Ради всего этого, о возлюбленнѣйшія дѣвы, донынѣ подвизавшіяся со мной дѣвственнымъ подвигомъ, продолжайте пребывать въ любви Господней, какъ начали. Наступили для васъ дни временнаго плача, чтобы вы могли возвеселиться и возрадоваться въ вѣчности. Я же предаю васъ Святому Духу и вѣрую, что Онъ соблюдетъ васъ чистыми и непорочными. Не старайтесь болѣе увидѣть мое плотское лицо, но смотрите духовными очами на мои дѣла и поступки.

Преподавъ имъ такое увѣщаніе, Евгенія поцѣловала каждую изъ нихъ и утѣшила плачущихъ; помолившись затѣмъ вмѣстѣ съ Василлой и поцѣловавшись, онѣ разошлись. Въ тотъ же день одна изъ рабынь святой Василлы отправилась къ жениху своей госпожи, Помпею, и сказала ему:

— Господинъ мой, я знаю, что цари обѣщали тебѣ въ супружество мою госпожу, и ты вотъ уже болѣе шести лѣтъ дожидаешься ея совершеннолѣтія и не заключаешь брака. Я пришла теперь извѣстить тебя, что тебѣ уже не придется вступить съ ней въ бракъ, ибо дядя и воспитатель ея—христіанинъ и сама она всей душой обратилась въ христіанскую вѣру и теперь гнушается не только тобой, но и всѣмъ міромъ. У нея есть два евнуха, присланныхъ ей Евгеніей, и она почитаетъ ихъ, какъ своихъ господъ, ежедневно цѣлуя у нихъ ноги какъ бы у безсмертныхъ боговъ. Эти евнухи и суть учители христіанскаго волхованія.

Разсказъ рабыни привелъ Помпея въ сильнѣйшій гнѣвъ; вскочивъ съ мѣста, онъ тотчасъ же отправился къ Элину, воспитателю Василлы.

— На этихъ дняхъ,—сказалъ онъ ему,—я рѣшилъ вступить въ бракъ. Поэтому позволь мнѣ повидаться съ дѣвицей, которую непобѣдимые цари даровали мнѣ въ супруги.

Воспитатель сейчасъ же догадался, что Помпей узналъ объ ихъ обращеніи ко Христу, и отвѣтилъ:

— Пока Василла была мала и неразумна, до тѣхъ поръ я берегъ ее и хранилъ какъ зѣницу ока и воспитывалъ подобающимъ образомъ. Но теперь она уже приходитъ въ совершенный возрастъ и разумъ и по знатности своего происхожденія хочетъ быть совершенно свободной и никому не подвластной. Поэтому не въ моей власти позволить тебѣ увидѣться съ ней: это зависитъ отъ ея собственнаго согласія.

Разгнѣвавшись еще больше, Помпей пришелъ къ жилищу Василлы и началъ стучать въ двери, повелѣвая привратницамъ возвѣстить о немъ Василлѣ.

Но, узнавъ объ его приходѣ, Василла не впустила его къ себѣ.

— Не подобаетъ юношѣ,—отвѣтила она,—вести бесѣды наединѣ съ дѣвицей; дѣвицѣ же неприлично даже смотрѣть на мужское лицо. Къ тому же я не знаю, съ какимъ умысломъ пришелъ ко мнѣ Помпей.

Удалившись со стыдомъ, Помпей упросилъ нѣкоторыхъ вельможъ и вмѣстѣ съ ними бросился къ ногамъ царей съ жалобой на свою невѣсту и на Евгенію.

— О свѣтлѣйшіе цари,—сказалъ онъ,—помогите своимъ римлянамъ и изгоните изъ города вѣру въ новаго Бога, проповѣдуемаго Евгеніей. Издавна наносятъ вредъ народу эти люди, именующіе себя христіанами. Они попираютъ наши законы, презираютъ нашихъ боговъ какъ бы суетныхъ идоловъ и искажаютъ законы самой природы, не позволяя невѣстѣ выходить замужъ за обрученнаго ей жениха. Если не будетъ браковъ, то откуда же будутъ родиться люди, а если они не будутъ родиться, то надъ кѣмъ же вы будете властвовать? Откуда будутъ войска и сила римскаго народа? Кто будетъ побѣждать враговъ? Какъ будетъ существовать наше отечество, и какъ сложится жизнь человѣческая?

Много и другаго въ этомъ же родѣ говорилъ Помпей, обливаясь слезами. Царь Галліенъ со всѣми своими вельможами сжалился надъ нимъ и тотчасъ же издалъ повелѣніе, чтобы дѣва Василла или согласилась выйти замужъ за своего жениха, или же была казнена мечомъ; относительно же Евгеніи повелѣлъ, чтобы она принесла жертву богамъ или погибла въ мученіяхъ. Кромѣ того, царь повелѣлъ, чтобы всѣ христіане предавались смерти,—и не одни только христіане, но даже и тѣ, которые бы дерзнули укрывать у себя христіанъ, также подвергались бы казни.

Когда царское повелѣніе дошло до святой дѣвы Василлы, она громко и безстрашно отвѣтила:

— Мой женихъ—Царь царей, Христосъ, Сынъ Божій, и, кромѣ Него, я не хочу знать другаго, тлѣннаго мужа.

Послѣ этихъ словъ ее сейчасъ же закололи мечомъ. Взяты были также и два святые евнуха, Протъ и Іакинѳъ, и ихъ повлекли къ идольскому храму для поклоненія скверному богу Дію[1]). Но едва святые успѣли войти въ храмъ, какъ идолъ упалъ къ ихъ ногамъ и разсыпался въ прахъ и пепелъ. Правитель города, Никитій, узнавъ объ этомъ, повелѣлъ отсѣчь имъ головы, полагая, что они своимъ чародѣйствомъ сокрушили бога Дія. Святую же Евгенію онъ вызвалъ къ себѣ и началъ ее разспра-

[1]) Кончина святыхъ Евгеніи, Клавдіи, Василлы, Прота и Іакинѳа послѣдовала около 262 г. Гробы Прота и Іакинѳа были открыты при папѣ Дамасѣ въ 366 году, и надъ ними выстроена была вскорѣ церковь. Въ настоящее время мощи Прота почиваютъ въ Римѣ въ церкви Іоанна Предтечи у Флорентинцевъ, мощи Іакинѳа—въ церкви Апостола Павла остійской, мощи Евгеніи—въ церкви 12 Апостоловъ, мощи Василлы—въ церкви Пракседы.

шивать о волшебномъ искусствѣ. Отвѣчая ему, святая стала подробно и премудро разсказывать о Единомъ Истинномъ Богѣ, са́маго Имени Котораго бѣсы боятся и трепещутъ, такъ что падаютъ вмѣстѣ съ идолами. Не обращая вниманія на ея слова, правитель приказалъ отвести ее въ храмъ Діаны для принесенія жертвы; но она еще не успѣла вступить въ него, какъ храмъ разрушился вмѣстѣ съ идоломъ. Узнавъ объ этомъ, царь велѣлъ бросить ее въ рѣку Тибръ съ привязаннымъ на шею камнемъ. Но когда это было исполнено, камень тотчасъ же отвязался, и святая пошла по водѣ, какъ по сушѣ. Тогда ее снова схватили и ввергли въ сильно разжженную печь; но печь внезапно остыла, нимало не повредивъ святой, которая вышла изъ нея совершенно цѣлой. Затѣмъ ее бросили въ глубокій и мрачный ровъ и въ теченіе десяти дней морили голодомъ: но лучъ Божественной благодати не переставалъ озарять святую, и посылалась ей съ Неба пища. Во рву явился Евгеніи Господь нашъ Іисусъ Христосъ и сказалъ:

— Я — твой Спаситель, Котораго ты возлюбила и любишь всей душой и всѣмъ сердцемъ и ради Котораго ты терпишь эти страданія. Я облеку тебя великою славою и исполню неизреченною радостью. Да будетъ знаменіемъ для тебя и то, что Я пріиму тебя въ Свои Небесныя селенія въ тотъ самый день, когда Я родился на землѣ изъ чистой, дѣвственной утробы.

Неизреченною радостью наполнило сердце святой дѣвы это явленіе Господне, и она стала радостно ожидать времени своего разлученія съ тѣломъ. Въ самый день Рождества Христова былъ посланъ къ ней въ ровъ палачъ, который и умертвилъ ее мечомъ[1]).

Такъ приняла конецъ временной жизни и своихъ земныхъ страданій, начало же жизни вѣчной и блаженной святая и преподобная дѣва Евгенія. Блаженная мать ея Клавдія со своими домашними взяла ее святое и честно́е тѣло и погребла въ родовомъ помѣстьѣ, недалеко отъ Рима, гдѣ святая Евгенія при жизни погребала тѣла многихъ вѣрующихъ.

Когда однажды ночью мать плакала на ея гробницѣ, святая Евгенія явилась ей со множествомъ другихъ дѣвъ, окруженная великой славой, и сказала:

— Радуйся и веселись, мать моя, что Христосъ ввелъ меня въ радость святыхъ, отца же моего — въ число патріарховъ: въ

[1]) По мѣсяцеслову блажен. Іеронима и нѣкоторымъ другимъ, свят. Евгенія пострадала 25-го декабря.

воскресный день Онъ приметъ и тебя въ вѣчное веселіе. Заповѣдуй сыновьямъ твоимъ, моимъ братьямъ, чтобы они до конца свято соблюдали званіе христіанское, принятое въ Крещеніи, чтобы они не только тѣломъ, но и духомъ были мнѣ братьями и чтобы мы такимъ образомъ принесли весь нашъ родъ въ благопріятный даръ Богу.

Когда святая говорила такъ своей матери, стали слышны голоса множества святыхъ Ангеловъ, поющихъ и славящихъ Отца, и Сына, и Святаго Духа — Единаго въ Троицѣ Бога, Ему же и отъ насъ, грѣшныхъ, да будетъ слава и хвала во вѣки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

НИКОЛАЯ МОНАХА

Преподобный отецъ нашъ Николай былъ первоначально воеводою при царѣ Греческомъ Никифорѣ[1]) и имѣлъ подъ своимъ начальствомъ много воинскихъ полковъ. Однажды, когда царь Никифоръ воевалъ съ Болгарами, Николай также выступилъ въ походъ со своими воинами: къ вечеру онъ вошелъ въ гостинницу, поужиналъ вмѣстѣ съ гостинникомъ и, помолившись, легъ спать. Но вотъ во вторую и третью стражу ночную[2]) дочь гостинника, возбужденная сатанинскимъ пожеланіемъ на грѣхъ, тихо подошла къ постели воеводы, разбудила его и стала увлекать на любодѣяніе грѣшными рѣчами.

— Отступись отъ твоего сатанинскаго неистоваго вожделѣнія, дѣвица, — сказалъ ей воевода, — и не желай осквернить свое дѣвство, меня же окаяннаго низвергнуть въ глубину ада!

Немного устыдившись, она отошла, но, спустя недолго, опять приступила къ нему, склоняя на грѣхъ цѣломудреннаго мужа. Воевода ее снова отослалъ, но она въ третій разъ пришла къ нему, распаляемая отъ бѣса блудною похотью. Тогда блаженный воевода сказалъ ей:

---

[1]) Византійскій императоръ *Никифоръ I* царствовалъ съ 802 по 811 г.

[2]) Въ древности для охраненія жилищъ и городовъ отъ нападеній враговъ и другихъ угрожающихъ опасностей раздѣляли на нѣсколько смѣнъ сторожей, чтобы правильной смѣной стражи предотвратить ея утомленіе. Посему и время считалось по стражамъ — первая стража, вторая стража и т. д.

— О окаянная, исполненная всякаго безстыдства и неистовства, раба своихъ страстей! Не видишь ли, что бѣсы возмущаютъ тебя, желая растлить твое дѣвство и сдѣлать тебя посмѣшищемъ и позоромъ для всего рода твоего и для всѣхъ людей, душу же твою ввергнуть въ вѣчную муку? Не видишь ли также, что я недостойный иду на кровопролитную войну съ чужимъ народомъ? Какъ же я оскверню свое тѣло, идя на брань! Нѣтъ, Богъ мнѣ поможетъ, и я не осквернюсь!

Это и еще многое другое сказалъ онъ безстыдной дѣвицѣ и со стыдомъ отослалъ ее отъ себя. Когда наступилъ день, воевода всталъ и, помолившись, отправился въ дальнѣйшій путь. На слѣдующую ночь онъ во снѣ увидѣлъ себя стоящимъ въ какомъ-то воздушномъ мѣстѣ. Близъ него сидѣлъ нѣкто Сильный, у Котораго правая нога была положена на лѣвую.

— Видишь ли этихъ воиновъ съ обѣихъ сторонъ?—спросилъ Онъ Николая.

— Да, Господинъ мой,—отвѣтилъ тотъ,—вижу, что Греки побиваютъ Болгаръ.

Тогда Мужъ, явившійся праведному воеводѣ, сказалъ ему:

— Взгляни на насъ.

Взглянувъ на Того Сильнаго, воевода увидѣлъ, что Онъ переложилъ лѣвую ногу на правую. Послѣ этого праведный Николай обернулся къ воинамъ и увидѣлъ, что Болгары окрѣпли и безпощадно побиваютъ греческіе полки.

Когда же битва прекратилась, то Сильный сказалъ праведному воеводѣ:

— Разсмотри тщательно тѣла убитыхъ и скажи, что увидишь.

Осмотрѣвшись, воевода увидѣлъ, что все поле покрыто мертвыми тѣлами, посреди же нихъ одно мѣсто, поросшее травой и пустое, такой величины, что на немъ можно лечь только одному человѣку.

— Господинъ мой,—сказалъ онъ,—все поле покрыто трупами безпощадно убитыхъ Грековъ, кромѣ одного только мѣста, на которомъ можно лечь одному человѣку.

— Что же ты думаешь объ этомъ?—спросилъ тогда его Сильный.

Воевода же отвѣтилъ Ему:

— Я невѣжда, Господинъ мой, и человѣкъ некнижный, и не понимаю этого.

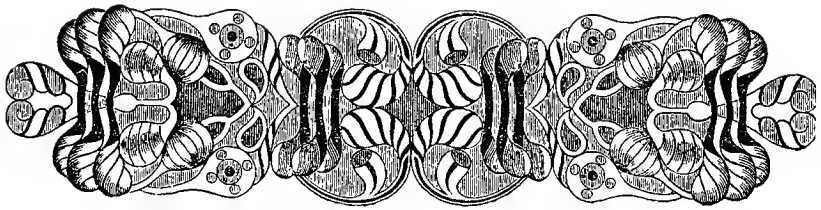
Тогда тотъ страшный Мужъ сказалъ ему:

— Это пустое и поросшее травой мѣсто, равное ложу одного человѣка, было приготовлено для тебя. Ты долженъ былъ возлечь на немъ, убитый вмѣстѣ съ друзьями твоими, и заполнить его пустоту. Но такъ какъ ты въ прошедшую ночь мужественно отогналъ отъ себя злокозненнаго змія, трижды боровшагося съ тобою, склоняя тебя на грѣхъ и желая умертвить, то вотъ ты самъ освободилъ себя отъ смерти: это поросшее травою мѣсто оставилъ пустымъ, душу же свою спасъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Остальное время жизни твоей ты, спасшись отъ смерти, поработаешь Мнѣ.

Прпⷣбный
Нїколáй

Видя и слыша все это, праведный Николай пришелъ въ трепетъ, воспрянулъ отъ сна, объятый страхомъ и ужасомъ, и, вставши, помолился Богу за своихъ воиновъ. Когда же настало сраженіе и съ обѣихъ сторонъ сражались съ великою яростью, то сначала греки осиливали и одолѣвали Болгаръ, но затѣмъ Болгары внезапно воспрянули и начали одолѣвать Грековъ. Какъ разъяренные звѣри, они храбро бросились на греческіе полки и погнали Грековъ, безпощадно избивая ихъ. Скоро вся сила греческая пала отъ мечей Болгаръ, и самому царю Никифору съ трудомъ удалось бѣжать съ малою дружиною.

Тогда предводитель греческихъ полковъ, блаженный Николай, увидѣвъ исполненіе своего сна, вознесъ благодареніе Богу за спасеніе отъ смерти и, оставивъ свой санъ, удалился въ монастырь, неутѣшно плача и рыдая о погибшихъ воинахъ. Принявъ святую схиму и усердно послуживъ Богу въ теченіе долгихъ лѣтъ, онъ сдѣлался однимъ изъ прозорливыхъ и великихъ Отцовъ. Съ ними онъ сподобился и части на Небесахъ со Христомъ Іисусомъ Господомъ нашимъ, Которому слава во вѣки. Аминь.



День двадцать пятый

СКАЗАНІЕ
о Рождествѣ Господа Бога и Спаса нашего
ІИСУСА ХРИСТА[1])

Рождество Іисуса Христа было такъ: оно случилось по обрученіи Преблагословенной Матери Его, Пречистой Дѣвы

[1]) Въ этомъ Сказаніи изложены разныя подробности о Рождествѣ Христовомъ, которыхъ нѣтъ въ Евангельскомъ повѣствованіи. Почти всѣ они заимствованы изъ такъ называемыхъ *апокрифическихъ евангелій*. Подъ этимъ именемъ извѣстны сказанія о различныхъ обстоятельствахъ земной жизни Спасителя, особенно о времени Его младенчества и отрочества, которыя появились еще въ самые первые вѣка христіанской Церкви. Одни изъ этихъ сказаній представляютъ не что иное, какъ письменное изложеніе тѣхъ обстоятельствъ земной жизни Христовой, которыя, хотя и не вошли въ Евангельское повѣствованіе, однако благоговѣйно сохранялись путемъ устныхъ разсказовъ въ средѣ истинно благочестивыхъ христіанъ, которымъ дороги были всякія воспоминанія о земной жизни Спасителя. Очень многіе изъ таковыхъ разсказовъ представляли изъ себя описанія такихъ событій, которыя вся Церковь облобызала какъ отголоски истиннаго преданія о лицѣ Христа, Богоматери, Іосифа и др. евангельскихъ святыхъ мужей и женъ. Къ этому разряду сказаній слѣдуетъ отнести въ особенности «Первоевангеліе Іакова» (πρωτευαγγέλιον τοῦ Ἰακώβου), которое несомнѣнно есть древнѣйшій памятникъ дошедшей до насъ апокрифической литературы изъ области евангельской исторіи. Многія святоотеческія свидѣтельства, которыя святитель Димитрій приводитъ въ своемъ Сказаніи о Рождествѣ Христовомъ, заимствованы святыми Отцами и учителями Церкви именно изъ этого древнѣйшаго «апокрифическаго евангелія». Но рядомъ съ сочиненіями, въ которыхъ большая часть сказаній основана была на древнемъ церковномъ преданіи и не заключала въ себѣ ничего неправильнаго, еще въ первые вѣка христіанской Церкви появились и другаго рода апокрифическіе сборники сказаній о земной жизни Христа, въ которыхъ очень ясно замѣтна авторская рука различныхъ еретиковъ, какъ, напр., гностиковъ, евіонитовъ и др. Къ таковымъ сочиненіямъ слѣдуетъ отнести, напр., такъ называемое «Евангеліе Ѳомы», также «Евангеліе дѣтства Спасителя» и нѣкоторыя другія. Если въ нихъ и повторяются многія сказанія, находящіяся въ «Первоевангеліи Іакова», то рядомъ съ ними встрѣчается много и другихъ, въ которыхъ очень ясно замѣтны слѣды еретическихъ ученій. Отъ такого рода апокрифическихъ сказаній Церковь, конечно, всячески отвращалась и строго ихъ осуждала.

Маріи, съ Іосифомъ, мужемъ праведнымъ и уже старымъ (ибо ему было восемьдесятъ лѣтъ). Пречистая Дѣва дана была ему, по свидѣтельству святаго Григорія Нисскаго[1]) и святаго Епифанія Кипрскаго[2]), подъ видомъ супружества, дабы онъ хранилъ Ея дѣвство и заботился о Ней. Еще прежде, чѣмъ они стали жить вмѣстѣ, оказалось, что Она имѣетъ во чревѣ отъ Духа Святаго. Іосифъ былъ мнимымъ мужемъ Маріи, а въ дѣйствительности хранителемъ посвященной Богу дѣвической чистоты Ея и очевидцемъ Ея непорочной жизни. Ибо Господу угодно было утаить отъ діавола тайну Своего воплощенія отъ Пречистой Дѣвы, и для сего Онъ покрылъ дѣвство Матери Своей супружествомъ, чтобы врагъ не зналъ, что это та Дѣва, о Которой предрекъ Исаія: **сѐ дѣ́ва во чре́вѣ пріи́метъ**[3]). Объ этомъ свидѣтельствуетъ святый Аѳанасій, архіепископъ Александрійскій[4]), въ слѣдующихъ словахъ: «Іосифъ долженъ былъ послужить таинству, чтобы Дѣва, какъ бы имѣющая мужа, славилась[5]) и чтобы самая истина вещи

[1]) *Св. Григорій Нисскій,* братъ св. Василія Великаго, епископъ города Ниссы въ Каппадокіи, одинъ изъ знаменитѣйшихъ Отцовъ Церкви IV вѣка, извѣстный своею ревностною борьбою съ аріанствомъ и многими сочиненіями—богословскими, философскими и проповѣдническими, изъ которыхъ самыя замѣчательныя слѣдующія: *Великое Огласительное слово* (λόγος κατηχητικὸς ὁ μέγας), въ которомъ св. Отецъ представляетъ образецъ того, какъ убѣждать Іудеевъ и язычниковъ въ истинѣ христіанства; разговоръ *о душѣ и воскресеніи* (Περὶ ψυχῆς καὶ ἀναστάσεως) между св. Григоріемъ и его сестрою, преп. Макриною, по смерти ихъ брата св. Василія Великаго; затѣмъ много твореній противъ разныхъ еретиковъ и немало бесѣдъ на св. Писаніе и проповѣдей. Св. Григорій скончался въ 394 году. Память его совершается Церковію 10 января.

[2]) *Св. Епифаній, епископъ Кипрскій* (или, вѣрнѣе, города Саламина на о. Кипрѣ), родомъ Іудей, получившій Св. Крещеніе на 16-мъ году жизни. Первую половину своего служенія Церкви провелъ онъ въ Скитской пустынѣ, въ строгихъ подвигахъ, затѣмъ основалъ въ Палестинѣ иноческую обитель, гдѣ около 30 лѣтъ былъ настоятелемъ. Уже въ старости возведенъ онъ былъ на Саламинскую епископскую каѳедру, на которой скончался въ 403 году. Главное его сочиненіе *О ересяхъ,* или собственно, *лѣкарственный ящичекъ противъ восьмидесяти ересей* (Πανάριον ἤτοι κιβωτίον κατὰ αἱρέσεων ὀγδοήκοντα), въ которомъ онъ сообщаетъ свѣдѣнія о разныхъ ересяхъ древнихъ и новыхъ, ему современныхъ. Память его — 12 мая.

[3]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 7, ст. 14.

[4]) *Св. Аѳанасій Великій, архіепископъ Александрійскій,* знаменитый поборникъ Православія противъ аріанской ереси, доблестный исповѣдникъ и страдалецъ за истину, который претерпѣлъ въ теченіе своего долгаго управленія Александрійскою Церковію пять изгнаній и, наконецъ, послѣ многихъ трудовъ и гоненій, преставился въ 373 году. Онъ много писалъ въ защиту православнаго ученія о Сынѣ Божіемъ. Извѣстнѣйшія его сочиненія слѣдующія: *Противъ Еллиновъ* (Κατὰ Ἑλλήνων), въ которомъ онъ опровергаетъ язычество; затѣмъ многія творенія, направленныя къ опроверженію ученія Арія и къ защитѣ православнаго ученія о единосущіи Сына Божія съ Богомъ Отцомъ. Также нѣкоторыя истолковательныя сочиненія, напр. *Толкованіе на Псалмы* и нѣкр. др. твореніе. Память св. Аѳанасія Церковь совершаетъ 2 мая и 18 января.

[5]) Извѣстно, что у Іудеевъ, до явленія Мессіи, дѣвство было скорѣе въ поношеніи и только супружество почиталось вполнѣ благословеннымъ состояніемъ.

осталась сокрытою отъ діавола, дабы онъ не зналъ имѣющаго совершиться, какимъ образомъ Богъ благоизволитъ пребывать съ людьми» (Слово на Рождество Христово). И святый Василій Великій [1]) говоритъ: «Обрученіе съ Іосифомъ совершилось для того, чтобы утаить отъ князя вѣка сего (т. е. діавола) воплощеніе Сына Божія» (Слово на Рождество Христово). То же говоритъ и святый Іоаннъ Дамаскинъ [2]): «Іосифъ обручается Маріи какъ мужъ, чтобы діаволъ, не зная о безмужномъ Рождествѣ Христовомъ отъ Дѣвы, отступилъ, т. е. пересталъ возбуждать Ирода и подстрекать Іудеевъ къ зависти. Ибо діаволъ съ самаго того времени, когда Исаія предрекъ, что **сѐ дѣ́ва во чре́вѣ пріи́метъ и҆ роди́тъ**, зорко слѣдилъ за всѣми дѣвицами, какъ бы которая изъ нихъ не зачала безъ мужа и не родила, оставаясь дѣвою. Божіе смотреніе устроило обрученіе Дѣвы Маріи съ Іосифомъ, дабы отъ князя тьмы утаилось и дѣвство Пречистой Богородицы, и воплощеніе Бога Слова». Еще прежде совершенія супружеской тайны Пречистая Дѣва Марія оказалась имѣющею во чревѣ отъ Духа Святаго, и возрастало святое чрево Ея, вмѣщающее въ себѣ невмѣстимаго Бога. Особенно же обнаружилась Ея беременность тогда, когда, по прошествіи своего трехмѣсячнаго пребыванія у Елисаветы, Она возвратилась въ домъ свой [3]), и Божественный плодъ внутри Ея съ каждымъ днемъ возрасталъ, а день рожденія младенца Христа все болѣе и болѣе приближался. Уви-

---

[1]) *Св. Василій Великій, архіепископъ Кесаріи Каппадокійской,*—одинъ изъ величайшихъ святителей IV вѣка, удостоившійся, вмѣстѣ съ святымъ Григоріемъ Богословомъ и св. Іоанномъ Златоустомъ, наименованія «вселенскаго учителя». Получивъ истинно христіанское воспитаніе въ средѣ своей благочестивой семьи и потомъ всестороннее научное образованіе въ Кесаріе-Палестинской и Аенинской школахъ, онъ началъ свое служеніе Церкви въ самое трудное для нея время, когда аріанскіе споры сильно волновали и раздирали ее. Послѣ долгаго пребыванія въ Понтійской пустыни, гдѣ онъ проводилъ самую строгую подвижническую жизнь, принялъ онъ пресвитерскій санъ въ 364 году, а въ 370 г. занялъ мѣсто Кесарійскаго архіепископа. Въ этомъ санѣ онъ твердо защищалъ Православіе противъ аріанства и, несмотря на усиленныя старанія тогдашняго императора Валента, яраго приверженца Арісвой ереси, привлечь его на свою сторону, неуклонно стоялъ на стражѣ православной вѣры. Изъ его многочисленныхъ твореній особенно извѣстны: *Бесѣды на Шестодневъ; Бесѣды на прор. Исаію; Бесѣды на Псалмы,* многія сочиненія противъ аріанъ, *Правила монашескія, Литургія,* много Словъ, писемъ и молитвъ и др. Скончался св. Василій въ 379 году. Память его — 1 и 30 января.

[2]) *Св. Іоаннъ Дамаскинъ,* сначала правитель г. Дамаска, а потомъ инокъ знаменитой іерусалимской Лавры св. Саввы Освященнаго, знаменитый защитникъ Православія противъ иконоборческой ереси, авторъ *Точнаго изложенія Православной вѣры* (первой Догматики), также многихъ церковныхъ пѣснопѣній. Скончался въ концѣ VIII вѣка. Память его — 4 декабря.

[3]) Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 56.

дѣвъ это, Іосифъ былъ въ великомъ недоумѣніи и печали, ибо онъ думалъ, что Она нарушила обѣтъ дѣвства. Въ великомъ смущеніи праведный старецъ говорилъ: «Какъ могло это произойти? Я не позналъ Ея и даже мыслію не согрѣшилъ противъ Нея, а вотъ Она беременна. Увы, какъ это случилось? Кто прельстилъ Ее? И что̀ мнѣ дѣлать, не знаю. Обличить ли мнѣ Ее, какъ законопреступницу, или умолчать ради стыда, который тогда ляжетъ на Нее и на меня? Если я обличу Ее, то, конечно, Она будетъ побита камнями по Закону Моисееву, и я явлюсь какъ бы мучителемъ, предавшимъ Ее на лютую смерть. Если же я не подвергну Ее обличенію, то буду имѣть часть съ прелюбодѣями. Что же мнѣ дѣлать? Недоумѣваю. Отпущу я Ее тайно, пусть идетъ Она куда хочетъ. Или я самъ уйду отъ Нея въ далекую страну, чтобы глаза мои не видѣли такого поношенія». Размышляя такъ, праведный Іосифъ подошелъ къ Дѣвѣ Маріи и сказалъ Ей, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ святый Софроній, Патріархъ Іерусалимскій[1]): «мр҃іе, что̀ дѣ́ло сїѐ, є҆́же въ тебѣ̀ зрю̀; за че́сть, срамотꙋ̀: за весе́лїе, ско́рбь: вмѣ́сто є҆́же хвали́тисѧ, ᲂу҆кори́знꙋ мѝ принесла̀ є҆сѝ: ѿ і҆ере́й и҆з̾ цр҃кве ꙗ҆́кѡ непоро́чнꙋ тѧ̀ прїѧ́хъ, и҆ что̀ сѐ ви́димое»[2])? И святый Аѳанасій Александрійскій о томъ же повѣствуетъ такъ: «Іосифъ, видя, что Дѣва Марія имѣетъ во чревѣ, но не вѣдая, какое великое сокровище внутри Ея, въ смущеніи такъ вопрошалъ Ее: «Что̀ случилось съ Тобою, Марія? Не Ты ли чистая Дѣва, воспитанная въ священныхъ притворахъ храма? Не Ты ли Марія, не хотѣвшая взирать на лица мужей? Не Ты ли Марія, Которую священники не могли уговорить вступить въ бракъ? Не Ты ли Марія, обѣщавшая сохранить розу дѣвства неувядаемою? Гдѣ чертогъ Твоего цѣломудрія? Гдѣ горница, охранявшая Твою дѣвственную чистоту? Гдѣ Твое стыдливое лицо? Я сты усь, а Ты чувствуешь дерзновеніе, поелику я утаиваю грѣхъ Твой». Когда Іосифъ все это говорилъ къ Ней, то — о, какъ стыдилась нескверная Агница, не-

---

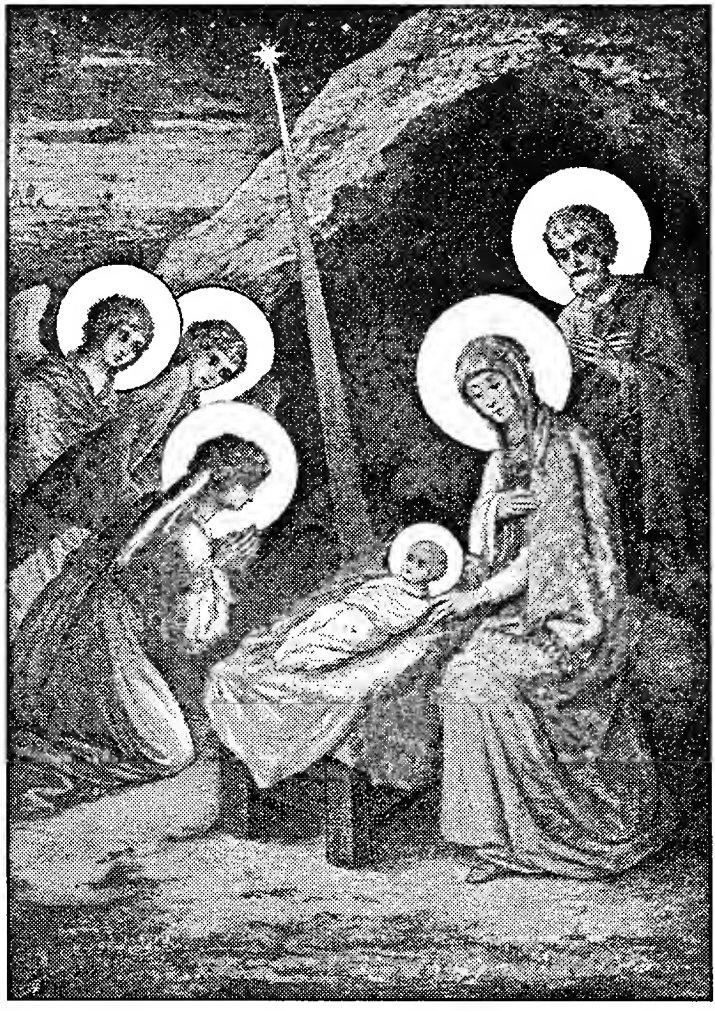
[1]) *Св. Софроній, Патріархъ Іерусалимскій,* сначала простой монахъ. Онъ былъ твердымъ защитникомъ православной вѣры противъ ереси моноѳелитовъ, учившихъ, что во Христѣ только одно естество. Въ его патріаршество Арабы (Сарацины) завладѣли Іерусалимомъ, въ 637 году, а въ 641 г. святитель преставился. Изъ твореній его особенно извѣстны: *соборное* его *посланіе* противъ моноѳелитовъ, много Словъ на разные праздники, объясненіе на Литургію, каноны (трипѣснцы) на дни Вел. Поста и Цвѣтной Тріоди (до Вознесенія), стихиры для часовъ предпразднества Рождества Христова и др. Память его совершается 11 марта.

[2]) Изъ службы предпразднства Рождества Христова, тропарь на первомъ Царскомъ Часѣ.

порочная голубица, цѣломудренная Дѣва, краснѣя въ лицѣ отъ такихъ словъ Іосифовыхъ! Не смѣла Она открыть ему о благовѣстіи, которое принесъ Ей Архангелъ, и о пророчествѣ, которое изрекла о Ней Елисавета,—не смѣла Она сдѣлать сего потому, что боялась показаться тщеславною и любящею похвалу. О семъ свидѣтельствуетъ и вышеупомянутый святый Аѳанасій, который влагаетъ въ уста Ея такія слова къ Іосифу: «Если Я буду Сама о себѣ повѣствовать тебѣ, то покажусь тебѣ тщеславною. Потерпи немного, Іосифъ, и пастыри откроютъ тебѣ обо Мнѣ». Одно только и говорила Дѣва Марія Іосифу въ отвѣтъ на его недоумѣніе: «Живъ Господь, хранящій Меня донынѣ въ непорочномъ дѣвствѣ, ибо Я не познала грѣха, никто не прикоснулся Меня, а то, что̀ во Мнѣ, отъ Божія хотѣнія и по Божію дѣйствію». Іосифъ же, какъ человѣкъ, думалъ по-человѣчески и подозрѣвалъ, что Ея зачатіе произошло отъ грѣха. Но, будучи праведнымъ, онъ не хотѣлъ обличить Ея, а захотѣлъ тайно отпустить Ее или (какъ написано въ сирскомъ переводѣ) онъ задумалъ тайно оставить Ее, то есть уйти отъ Нея куда-нибудь далеко. Когда же онъ это помыслилъ, вотъ Ангелъ Господень во снѣ явился ему, говоря: «Іосифъ, сынъ Давидовъ, не бойся принять Марію—жену твою». Ангелъ потому называетъ Дѣву женою Іосифа, чтобы опровергнуть мысль его о прелюбодѣяніи (ибо Іосифъ думалъ, что Марія зачала отъ прелюбодѣянія). Ангелъ какъ бы такъ говорилъ Іосифу: «Обрученная тебѣ жена, а не принадлежащая иному мужу». О семъ блаженный Ѳеофилактъ[1]) говоритъ такъ: «Ангелъ называетъ Марію женою Іосифа, показывая этимъ, что обрученная ему не осквернилась съ инымъ. А также и потому, чтобы вмѣстѣ съ дѣвствомъ было почтено и законное супружество». Такъ разсуждаетъ и святый Василій Великій: «Ангелъ назвалъ Марію и Дѣвою, и обрученною мужу, чтобы и дѣвство почтить, и бракъ не укорить. Дѣвство было избрано какъ необходимое для святаго рожденія, а обрученіе, которое есть начало брака, было совершено по Закону для того, чтобы не подумалъ кто, что рожденіе произошло отъ беззаконія, а также и для того, чтобы Іосифъ былъ всегдашнимъ свидѣтелемъ Маріиной чистоты, дабы Она не подверглась нареканіямъ за то, что будто

---

[1]) *Блаженный Ѳеофилактъ, архіепископъ г. Охриды въ Болгаріи,*—извѣстный своимъ толкованіемъ на Четвероевангеліе, въ которомъ онъ слѣдуетъ во многомъ св. Златоусту. Скончался около 1085 года.



РЖ҃ТВО̀ ХРТО̀ВО

бы осквернила дѣвство. Она имѣла (въ лицѣ Іосифа) Себѣ обручника, который былъ свидѣтелемъ и хранителемъ Ея жизни» (слово на Рождество Хр.). Ангелъ говоритъ Іосифу: «Не бойся принять Марію—жену твою». Эти слова означаютъ: «Прими жену свою по обрученію, и дѣву по Ея обѣту, данному Богу (такъ объясняютъ святый Григорій Нисскій и блаженный Іеронимъ [1]), ибо Она есть первая въ израильскомъ народѣ дѣва, которая обѣщала Богу соблюсти Свое дѣвство неоскверненнымъ до самой кончины. Не бойся, ибо родившееся въ Ней есть отъ Духа Святаго. Родитъ же Сына, и наречешь имя Ему,—наречешь имя какъ отецъ, хотя ты и не участвовалъ въ Его рожденіи; потому что отцамъ обычно давать имена своимъ дѣтямъ, какъ и Авраамъ назвалъ сына своего Исаакомъ [2]). Такъ и ты, хотя ты и не природный, но только мнимый отецъ Младенца, по-отцовски послужишь Ему, нарекши Ему имя». Блаженный Ѳеофилактъ такъ говоритъ Іосифу отъ лица Ангела: «Хотя ты и не имѣлъ никакого участія въ рожденіи Младенца, но я хочу дать тебѣ этотъ санъ (отеческій), чтобы ты нарекъ Ему и имя; ты назовешь Ему имя, хотя Онъ и не есть твое рожденіе; чрезъ это ты сдѣлаешь Ему то, что свойственно отцу. Какое же имя? Іисусъ, что значитъ Спаситель, ибо Онъ спасетъ людей Своихъ отъ грѣховъ ихъ». Іосифъ, вставши отъ сна, сдѣлалъ такъ, какъ повелѣлъ ему Ангелъ Господень, и принялъ жену свою, обрученную ему, Которая была непорочною Дѣвою, посвященною Господу чрезъ обѣтъ дѣвства, и Матерію Владыки, зачавшею Спасителя міра отъ Духа Святаго. Онъ принялъ Ее какъ обручницу свою, съ любовію воздавая Ей великую честь какъ Господней Дѣвѣ и служа Ей съ благоговѣніемъ и страхомъ какъ Матери Спасителя. И҆ не зна́ѧше є҆ѧ̀, до́ндеже роди̑ [3]), т. е. (по изъясненію Ѳеофилакта) никогда не познавалъ Ея, какъ жену. Ибо какъ могъ онъ, будучи праведенъ, познать Ее, Которая дана ему была изъ храма Господня не для брака, а для храненія Ея дѣвства подъ видомъ брака? Какъ могъ онъ прикоснуться дѣвицѣ Господней, Которая обѣщала Богу вѣчное дѣвство? Какъ могъ онъ коснуться Пренепорочной Матери Го-

---

[1]) *Блаженный Іеронимъ*—знаменитый виѳлеемскій подвижникъ конца IV-го и первой четверти V вѣка, извѣстный своими учеными занятіями Св. Писаніемъ, также многочисленными письмами и толкованіями на разныя книги Св. Писанія. Скончался въ 420 году.

[2]) Кн. Бытія, гл. 21, ст. 2.

[3]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 1, ст. 25.

спода своего и Создателя? А то, что Евангеліе говоритъ: **до́ндеже роди̑**,—это составляетъ обычное выраженіе Писанія, которое употребляетъ слово **до́ндеже** въ смыслѣ нескончаемаго времени. Ибо и Давидъ говоритъ: **речѐ гдⷭ҇ь гдⷭ҇и моемꙋ̀: сѣди̑ ѡ҆деснꙋ́ю менѐ, до́ндеже положꙋ̀ враги̑ твоѧ̑ подно́жїе но́гъ твои́хъ** [1]). Здѣсь не та мысль, что Господь—Сынъ только дотолѣ будетъ сидѣть одесную Господа Отца, доколѣ Онъ не положитъ враговъ Его къ подножію ногъ Его; но та, что и послѣ того, какъ враги Его будутъ покорены подъ ноги Его, Господь Сынъ еще преславнѣе сидѣть будетъ, какъ Побѣдитель, въ безконечные вѣки. Подобно сему пишется о святомъ Іосифѣ: «**не зна́ѧше ѥ҆ѧ̀, до́ндеже роди̑**— не въ томъ смыслѣ, будто бы потомъ онъ долженъ былъ познать Ее, какъ думали нѣкоторые еретики [2]), каковое ученіе чуждо Православной Церкви; но въ томъ смыслѣ, что, по рожденіи такого Сына, Который былъ Богомъ воплощеннымъ, и послѣ столь великихъ чудесъ, совершившихся во время рождества Его, которыхъ Іосифъ былъ самовидцемъ, благочестивый сей старецъ не только не смѣлъ коснуться Ея, но и глубоко почиталъ Ее, какъ рабъ госпожу свою, служа Ей какъ Матери Божіей со страхомъ и трепетомъ. О томъ словѣ **до́ндеже** святый Ѳеофилактъ бесѣдуетъ такъ: «Писаніе обычно такъ говорить, какъ и о потопѣ оно говоритъ: **не возврати́сѧ вра́нъ въ ковче́гъ, до́ндеже и҆зсѧ́че вода̀ ѿ земли̑** [3]), а воронъ и потомъ не возвратился. И Христосъ говоритъ: **а҆́зъ съ ва́ми є҆́смь до скончанїѧ̀ вѣ́ка** [4]). А развѣ по скончаніи вѣка Онъ не будетъ съ нами? Напротивъ, тогда еще болѣе, въ безконечные вѣки, будетъ Онъ съ нами. Такъ и здѣсь говорится: **до́ндеже роди̑**, т. е. что Іосифъ не познавалъ Пресвятую Дѣву ни до рожденія, ни послѣ рожденія Христа, подобно тому, какъ и Господь и въ продолженіе вѣка, и по скончаніи вѣка будетъ съ нами неотступно. Да и какъ могъ Іосифъ коснуться Пречистой Дѣвы

---

[1]) Псаломъ 109, ст. 1. Сей Псаломъ есть одинъ изъ пророческихъ, или мессіанскихъ Псалмовъ, такъ какъ въ немъ говорится о торжествѣ Мессіи-Христа надъ Своими врагами и о прославленіи Его святаго человѣчества.

[2]) Еретики, отрицавшіе приснодѣвство Пресвятой Дѣвы Богородицы, были слѣдующіе: во-первыхъ, такъ называемые *антидикомаріанитъ* въ Аравіи, въ IV вѣкѣ, противъ которыхъ писалъ св. Епифаній Кипрскій; затѣмъ, въ концѣ IV вѣка, *Гельвидій*, монахъ *Іовиніанъ* и епископъ Сардикійскій *Бонозъ*. Противъ Гельвидія и Іовиніана писалъ блаж. Іероннмъ.

[3]) Кн. Бытія, гл. 8, ст. 7.

[4]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 28, ст. 20.

послѣ того, какъ узналъ о неизреченномъ рожденіи отъ Нея Спасителя?»

Непорочное дѣвство Пречистой Богородицы и по рождествѣ Спасителя ясно открывается и изъ того, что, когда Іосифъ началъ сомнѣваться относительно беременной Дѣвицы и даже помышлялъ, не лишена ли Она насильственно дѣвства,—тогда явился ему Ангелъ и назвалъ Марію его женою: **не оу҆бо́йсѧ**, сказалъ онъ, **прїѧ́ти мр҃їа́мъ жены̀ твоеѧ̀**, и этимъ опровергъ его мнѣніе о прелюбодѣяніи (какъ объ этомъ и выше было сказано). Когда же тотъ же Ангелъ явился Іосифу уже послѣ Рождества Христова въ Виѳлеемѣ и въ Египтѣ, когда сей праведный старецъ уже получилъ откровеніе о чистотѣ Маріиной и Богомладенцѣ, рождаемомъ отъ Духа Святаго,—тогда Ангелъ не называетъ уже Пречистую Дѣву Марію его женою, но только Матерію Рожденнаго, ибо такъ пишется въ Евангеліи: **ѿше́дшымъ волхвѡ́мъ, сѐ а҆́гг҃лъ гдⷭ҇нь во снѣ̀ ꙗ҆ви́сѧ і҆ѡ́сифꙋ, глаго́лѧ: воста́въ поими̑ ѻ҆́троча̀ и҆ мт҃рь є҆го̀**, (а не жену твою), **и҆ бѣжи̑ во є҆гѵ́петъ**[1]). И снова въ Египтѣ говоритъ Ангелъ Іосифу: **воста́въ поими̑ ѻ҆́троча̀ и҆ мт҃рь є҆гѡ̀ и҆ и҆ди̑ въ зе́млю і҆и҃левꙋ**[2]), явно показывая этимъ, что не на бракъ направлялъ онъ Іосифа, а на служеніе Младенцу и Матери Его. Итакъ, Іосифъ не только не познавалъ Марію какъ жену свою до тѣхъ поръ, когда Она родила Сына своего первенца, но и послѣ рожденія Богомладенца Она осталась нетлѣнною Дѣвою, какъ о томъ согласно свидѣтельствуютъ всѣ великіе учители церковные.

Повѣствуется и то[3]), что въ то время, когда Пресвятая Дѣва Марія уже имѣла во чревѣ, одинъ изъ книжниковъ, по имени Аннинъ (уже послѣ явленія Ангела Іосифу), пришедши въ домъ ихъ и увидѣвъ беременную Дѣвицу, поспѣшно пошелъ къ первосвященнику и ко всему синедріону и сказалъ имъ: «Тотъ Іосифъ плотникъ, котораго вы называли праведнымъ, совершилъ беззаконіе: онъ тайно растлилъ и осквернилъ Дѣву, Которая дана была ему изъ храма Господня на храненіе, и вотъ Она теперь имѣетъ во чревѣ». Посланные первосвященникомъ слуги пошли

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 2, ст. 13.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 2, ст. 20.

[3]) Этотъ разсказъ содержится въ *апокрифическомъ евангеліи Іакова* (т. н. «первоевангеліи Іакова»), въ главахъ 15 и 16. Онъ же повторяется и во многихъ др. апокрифическихъ сочиненіяхъ, напр. въ «*Исторіи рожденія Маріи и дѣтства Спасителя*», хотя съ нѣкоторыми варіантами.

въ домъ Іосифовъ и нашли Марію беременною, какъ сказалъ имъ тотъ книжникъ. Взяли они Ее вмѣстѣ съ Іосифомъ и повели къ первосвященнику и ко всему синедріону. Первосвященникъ же сказалъ Дѣвѣ Маріи: «Забыла Господа Бога ты, воспитанная во Святомъ Святыхъ, получавшая пищу изъ рукъ ангельскихъ и слышавшая пѣніе ангельское! Что это ты сдѣлала?» Она же съ плачемъ говорила: «Живъ Господь Богъ мой, я чиста и мужа не знаю». Затѣмъ сказалъ первосвященникъ и Іосифу: «Что это ты сдѣлалъ?» Онъ отвѣтилъ: «Живъ Господь Богъ мой, я чистъ отъ Нея». Первосвященникъ же сказалъ ему: «Такъ какъ ты не подклонилъ главы своей подъ крѣпкую руку Божію, чтобы благословенно было потомство твое, и въ тайнѣ отъ сыновъ Израилевыхъ смѣсился ты съ Дѣвою, посвященною въ даръ Господу; посему вы должны съ нею выпить воду обличенія[1]), чтобы Господь обнаружилъ грѣхъ вашъ предъ всѣми».

А Богомъ чрезъ Моисея былъ установленъ такой судъ, какъ объ этомъ пишется въ 4-й книгѣ Моисеевой (Числъ), въ главѣ 5-й: если какой-нибудь мужчина или какая-нибудь женщина будутъ заподозрѣны въ прелюбодѣяніи и не откроютъ о себѣ истины, то таковымъ подавалась во храмѣ Господнемъ вода клятвенная при особыхъ священныхъ дѣйствіяхъ и при особомъ чинѣ. И судомъ Божіимъ совершалось, послѣ питія того, нѣкоторое обличительное знаменіе надъ совершившимъ прелюбодѣяніе, каковое знаменіе обнаруживало совершенное беззаконіе. Этою именно водою первосвященникъ съ подобающимъ чиномъ напоилъ сначала Іосифа, а потомъ Марію, и не совершилось надъ Нею никакого обличительнаго знаменія, такъ что народъ дивился тому, что грѣхъ ихъ не обнаружился. Тогда первосвященникъ сказалъ имъ:

---

[1]) Здѣсь разумѣется извѣстный обрядъ, который, по Закону Моисееву (Кн. Числ. 5 гл.), совершался въ случаѣ подозрѣнія супругомъ своей жены въ прелюбодѣяніи. Подозрѣваемое лицо приводилось къ священнику, который, послѣ жертвоприношенія, бралъ священной воды въ глиняный сосудъ, положивъ въ нее пыли съ полу скиніи или храма (когда онъ замѣнилъ скинію), обнажалъ голову жены и затѣмъ, положивъ въ ея руки хлѣбное приношеніе, и, самъ въ своей рукѣ держа воду, произносилъ на нее торжественное заклинаніе такого рода: что въ случаѣ ея невинности эта вода не будетъ для нея наказаніемъ, но въ случаѣ виновности будетъ такимъ для нея проклятіемъ, отъ котораго ея бедра изсохнутъ и чрево ея вспухнетъ. Послѣ нѣкоторыхъ другихъ обрядовъ, священникъ давалъ женѣ пить эту воду. Замѣчательно, что по сказанію апокрифическаго евангелія, первосвященникъ самъ (а не священникъ) совершилъ этотъ обрядъ, притомъ не только надъ Дѣвой Маріей, но и надъ Іосифомъ.

— Если Господь Богъ не явилъ вашего грѣха, то идите съ миромъ.

И отпустилъ ихъ. Іосифъ же, взявъ Дѣву Марію, пошелъ въ домъ свой, радуясь и славя Бога Израилева.

Послѣ того вышло повелѣніе отъ кесаря Августа[1]) сдѣлать перепись по всей землѣ, и всѣ шли записываться каждый въ свой городъ. Пошелъ и Іосифъ изъ Галилеи, изъ города Назарета, въ Іудею, въ городъ Давидовъ, называемый Виѳлеемомъ; потому что онъ происходилъ изъ дома и рода Давидова,—записаться съ Маріею, обрученною ему женою, которая была беременна. Виѳлеемъ—маленькій городъ, недалеко отъ Іерусалима, по направленію къ югу; лежитъ при дорогѣ, которая ведетъ въ горную страну, къ Хеврону, священническому городу, гдѣ находился домъ Захаріи и гдѣ Пречистая Дѣва, послѣ архангельскаго благовѣстія, посѣтила и привѣтствовала Елисавету, матерь Предтечи. Такимъ образомъ Виѳлеемъ лежитъ на срединѣ пути между Іерусалимомъ и Хевроном, а отъ Назарета, галилейскаго города, онъ на разстояніи дней трехъ пути или немного болѣе. Называется же Виѳлеемъ городомъ Давидовымъ потому, что въ немъ родился Давидъ и былъ въ немъ же помазанъ на царство; тамъ же умерла Рахиль, и гробъ Іессея, отца Давидова, тамъ же указывается[2]). Прежнее названіе Виѳлеема было Евфраѳа, но Іаковъ, когда пасъ тамъ свои стада, назвалъ это мѣсто домомъ хлѣба (Виѳлеемомъ), провидя духомъ и предвозвѣщая, что въ томъ мѣстѣ долженъ былъ родиться **хлѣбъ, сшедшій съ небесъ**[3]), Христосъ Господь. А около Виѳлеема, къ востоку, противъ колодца Давидова, около котораго онъ однажды сильно возжаждалъ и сказалъ: **кто напоитъ мѧ водою ѿ рова, ѩже въ виѳлеемѣ при вратѣхъ**[4])?—находится пещера въ каменной горѣ, на которой расположенъ городъ Виѳлеемъ. Недалеко отъ этой пещеры находилось поле, принадлежавшее Саломіи, которая также была жительницею Виѳлеема и приходилась родственницею какъ Дѣвѣ Маріи, такъ

---

[1]) *Августъ*, первый Римскій императоръ (15 г. до Р. Хр.—14 г. по Р. Хр.) Полное его имя было: Каій-Юлій-Цезарь-Октавіанъ-Августъ. Онъ былъ сынъ Октавія и Акціи, дочери Юліи, сестры Юлія-Цезаря. Битва при Акціумѣ, въ которой онъ побѣдилъ Марка-Антонія, сдѣлала его единовластнымъ правителемъ обширнѣйшей Римской имперіи. Въ его царствованіе произведена была по всей этой имперіи та перепись, о которой говорится въ евангельской исторіи (Еваиг. отъ Лук., 2, ст. 1) и которая побудила св. Іосифа и Пресвятую Дѣву Марію идти въ Виѳлеемъ.

[2]) Кн. Бытія, гл. 35, ст. 19.

[3]) Еванг. отъ Іоан., гл. 6, ст. 51.

[4]) 2 Кн. Царствъ, гл. 23, ст. 15.

и Іосифу. И когда Іосифъ приближался къ городу, не вѣдавшей брака Чистой Невѣстѣ пришло время родить, и онъ сталъ искать дома для ночлега, гдѣ Родящая могла бы найти удобное для Себя мѣсто, чтобы произвести на свѣтъ благословенный Плодъ Своего чрева. Но не нашелъ онъ для себя пристанища, по причинѣ множества народа, пришедшаго записываться, который не только переполнилъ общую гостинницу, но и весь городъ. Поэтому Іосифъ и удалился въ названную пещеру, потому—что не было имъ мѣста въ гостинницѣ, а день уже склонялся къ вечеру. А та пещера служила пристанищемъ для скота, и въ ней-то Пречистая и Преблагословенная Дѣва въ полночный часъ усердно молилась Богу и, вся пребывая въ богомысліи и горя желаніемъ Господа и любовію къ Нему, родила безъ болѣзни Господа нашего Іисуса Христа, въ двадцать пятый день декабря[1]). Такъ и подобало родить безболѣзненно Той, Которая зачала безъ супружеской сладости: **не познáхъ**, сказала Она, **слáсти, брáкꙋ ѥ҆́смь непричáстна**[2]). А поелику Она зачала въ чистотѣ, то и родила Она безъ болѣзни, какъ объ этомъ говоритъ святый Григорій Нисскій: «Дѣва зачала, Дѣва носила въ утробѣ, Дѣва родила, Дѣва осталась дѣвою; еще не было на землѣ чуда, подобнаго сему» (Слово на Рождество Христово). И святый Дамаскинъ говоритъ: «**Ѿ чꙋдесѐ нóвагѡ всѣ́хъ дрéвнихъ чꙋдéсъ: кто́ бо познà мáтерь безъ мꙋ́жа рóждшꙋю**[3])? Безъ мужа родила Пресвятая Дѣва Христа подобно тому, какъ Адамъ произвелъ безъ жены Еву, о чемъ Златоустъ святый[4]) говоритъ

---

[1]) Преданіе, что Рождество Христово произошло именно 25 декабря, весьма древнее. Еще въ Апостольскихъ Постановленіяхъ (Кн. V, гл. 12) говорится: «Храните, братіе, дни праздничные, и во-первыхъ, день Рождества Христова, которое да празднуется вами въ 25 день десятаго мѣсяца (decembri)». И Климентъ Александрійскій во II вѣкѣ указываетъ на 25 декабря какъ на день Рождества Христова. Впрочемъ, въ первые три вѣка, когда гоненія стѣсняли свободу христіанскаго Богослуженія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Востока праздникъ Рождества Христова соединялся съ праздникомъ Богоявленія, 6 января. Эта практика продолжается у армянъ и доселѣ.

[2]) Стихира 2-я Благовѣщенія Пресв. Богородицы, на «Господи, воззвахъ».

[3]) Стихира на стиховнѣ, гласъ 2-й.

[4]) *Св. Іоаннъ Златоустъ, архіепископъ Константинопольскій,* — знаменитый Отецъ Церкви конца IV-го и начала V-го вѣковъ, прославившійся особенно своими многочисленными проповѣдническими трудами. За свое необыкновенное красноречіе онъ и получилъ имя *Златоуста.* Сначала (и большую часть своей жизни) провелъ онъ въ санѣ пресвитера въ Антіохіи, а въ самомъ концѣ IV-го вѣка занялъ каѳедру Константинопольскаго архіепископа. За этотъ послѣдній періодъ своей жизни онъ претерпѣлъ много гоненій со стороны императрицы Евдоксіи, супруги импер. Аркадія, и кончилъ жизнь въ ссылкѣ, въ Арменіи (въ 407 г.). Память его—13 ноября и 30 января. Ему принадлежитъ Литургія, совершающаяся въ Православной Церкви большую часть года.

такъ: «Какъ Адамъ безъ жены произвелъ жену, такъ и здѣсь Дѣва безъ мужа родила Мужа, воздавая чрезъ это долгъ мужамъ за Еву. Адамъ остался цѣлымъ по извлеченіи изъ тѣла его ребра, и Дѣва пребыла нетлѣнною по рожденіи Младенца» (Слово на Рождество Христово). И исполнилось то, что̀ какъ бы въ тѣни прообразовано было въ неопалимомъ кустѣ и въ Чермномъ морѣ: **ꙗ҆́коже бо ку́пина̀ не сгара́ше ѡ҆пала́ема** (воспѣваетъ Церковь), **та́кѡ дѣ́ва родила̀ є҆сѝ, и҆ дѣ́ва пребыла̀ є҆сѝ**[1]). И въ другомъ мѣстѣ: **мо́ре по проше́ствіи і҆и҃левѣ пребы́сть непрохо́дно: непоро́чная по рожде́ствѣ є҆ммануи́левѣ пребы́сть нетлѣ́нна**[2]). Такъ, безъ поврежденія Своего дѣвства, Приснодѣва Марія родила воплощеннаго Бога. И совершилось это рожденіе безъ обычной помощи и службы бабки, какъ о томъ свидѣтельствуетъ святый Аѳанасій Александрійскій, когда, бесѣдуя о слѣдующихъ словахъ евангельскихъ: **роди̑ сн҃а своего̀ пе́рвенца, и҆ пови́тъ є҆го̀, и҆ положѝ є҆го̀ въ ꙗ҆́слехъ**[3]),—говоритъ такъ: «Посмотри на таинственное рожденіе Дѣвы: Сама родила Она, и Сама спеленала Младенца. У мірскихъ женщинъ одна раждаетъ, а другая пеленаетъ, а у Пресвятой Дѣвы не такъ. Сама родила Она, и Сама спеленала. Сама будучи безболѣзненною матерію и необученною бабкою, не попустила Она никому коснуться нечистыми руками Пречистаго Рождества: Сама Она послужила Рожденному отъ Нея, и спеленала Его, и положила въ ясли». Такъ же говоритъ святый Кипріанъ[4]): «Въ рождествѣ и послѣ рождества Дѣва Божественною силою осталась дѣвою,—Она, Которая родила безболѣзненно и не нуждалась ни въ какихъ услугахъ со стороны бабки, но Сама была и родительницей, и рожденію служительницей, и поэтому воздаетъ Младенцу Своему благоговѣйное попеченіе: осязаетъ Его, обнимаетъ, лобызаетъ, подаетъ сосецъ, и все сіе совершаетъ радостно, безъ всякой болѣзни, безъ всякой немощи природы, обычной при рожденіи». Итакъ, Сама Она Своими дѣвическими руками послу-

---

[1]) Догматикъ 2-го гласа.

[2]) Догматикъ 5-го гласа.

[3]) Еванг. отъ Луки, гл. 2, ст. 7.

[4]) *Св. Кипріанъ, епископъ Карѳагенскій,* до своего обращенія ко Христу учитель краснорѣчія. Его обратилъ въ христіанство пресвитеръ Цецилій. Съ 248 года св. Кипріанъ занялъ епископскую Карѳагенскую каѳедру; пережилъ сильное гоненіе Декія, а въ гоненіе Валеріана пострадалъ мученически за Христа, въ 258 г. Отъ него осталось много сочиненій, касающихся церковнаго управленія и разныхъ современныхъ ему церковныхъ вопросовъ. Есть среди его твореній и много писемъ и отдѣльныхъ трактатовъ, въ которыхъ онъ объясняетъ и нѣкоторыя мѣста Св. Писанія. Память его — 31 августа.

жила нетлѣнному Своему Рождеству (Божественному Младенцу), ожидая старицы Саломіи, сродницы Своей, которую пошелъ звать Іосифъ для услуженія Пресвятой Дѣвѣ. Но Саломія пришла, когда совершилось уже дѣло, ибо Та, Которая родила, Она же и служила, нося Младенца, повивая Его и полагая въ ясли.

Святый священномученикъ Зинонъ епископъ[1]) передаетъ еще, что бабка, когда пришла, не вѣрила, что рождество было дѣвственное и безболѣзненное, и старалась, съ помощію обычныхъ пріемовъ повивальнаго искусства, узнать, истинно ли таково сіе рождество. Но тотчасъ поразила ее казнь за дерзновенное дѣло ея, ибо рука ея, осмѣлившаяся совершить то испытаніе, внезапно сильно воспалилась огненною болѣзнію и засохла. Когда же болящая приложила свою руку къ Божественному Младенцу, она тотчасъ исцѣлилась и стала такъ же здорова, какъ была раньше. Тогда Саломія увѣровала, что Матерь есть Дѣва, а Младенецъ—Богъ[2]).

Послѣ сего непорочная Родительница и необычная Служительница Своему новорожденному Младенцу, спеленавъ сладчайшее Чадо Свое льняными бѣлыми чистыми тонкими пеленами, заблаговременно приготовленными для сего и изъ Назаретъ принесенными, и, положивъ Его въ ясляхъ, находившихся въ той же пещерѣ, поклонилась Ему какъ Богу и Создателю Своему, о чемъ вспоминаетъ блаженный Іосифъ, творецъ каноновъ[3]), когда обращается къ Пречистой Дѣвѣ съ такими словами: **Воплоще́ннаго ѻ҆трокови́це, и҆ ѡ҆бложе́ннаго человѣ́ческимъ подо́бїемъ, держа́щи рꙋка́ми и҆ покланѧ́ющисѧ и҆ лобыза́ющи мт҃рски: ча́до, глаго́лала є҆сѝ, сладча́йшее, ка́кѡ тѧ̀ си́це держꙋ̀, держа́щаго рꙋко́ю всю̀ тва́рь**[4]). Достовѣрно, что Богоотроковица поклонилась до земли Рожденному отъ Нея, лежащему въ ясляхъ, и ихъ съ удивленіемъ окружали невидимо Ан-

---

[1]) *Св. Зинонъ,* епископъ Веронскій, исповѣдникъ и чудотворецъ, скончался въ 380 г. Память его совершается 12-го апрѣля. Послѣ него осталось 16 пространныхъ и 7 краткихъ наставленій, заключающихъ въ себѣ пастырскія наставленія о всѣхъ главныхъ предметахъ, нужныхъ для христіанина, съ примѣненіемъ къ нуждамъ тогдашняго времени.

[2]) Это сказаніе взято изъ «Первоевангелія Іакова».

[3]) *Преп. Іосифъ Пѣснописецъ,* творецъ каноновъ, родомъ изъ Сициліи, а затѣмъ подвижникъ одной Солунской обители. Во время иконоборческаго гоненія при импер. Львѣ Армянинѣ много пострадалъ за Православіе. При другомъ иконоборческомъ императорѣ, Ѳеофилѣ, сосланъ былъ въ Херсонесъ, откуда возвращенъ былъ императрицею Ѳеодорою. Скончался въ 883 году. Память его — 4 апрѣля. Онъ написалъ много пѣснопѣній, особенно много Каноновъ (около 48).

[4]) Служба предпразднества Рождества Христова декабря 23-го, пѣснь 8-я.

гельскіе Чины, какъ о томъ и Церковь свидѣтельствуетъ, когда говоритъ: **ѡ҆крꙋжа́хꙋ, ꙗ҆́кѡ пр҃то́лъ херꙋві́мскїй, а҆́гг҃ли ꙗ҆́сли: верте́пъ бо не́бо зрѧ́хꙋ, лежа́щꙋ въ не́мъ вл҃цѣ**[1]). А къ яслямъ были привязаны волъ и оселъ, дабы исполнилось Писаніе: **позна̀ во́лъ стѧжа́вшаго и҆̀, и҆ ѻ҆се́лъ ꙗ҆́сли господи́на своегѡ̀**[2]). А эти волъ и оселъ приведены были Іосифомъ изъ Назарета. Оселъ приведенъ былъ ради беременной Дѣвы, чтобы везти Ее на себѣ во время пути, а вола привелъ Іосифъ для того, чтобы продать его и отдать должную дань, взимавшуюся по повелѣнію кесаря, а также и для себя купить все нужное. Оба эти безсловесныя животныя, стоя у яслей, своимъ дыханіемъ согрѣвали Младенца по случаю тогдашняго зимняго времени, и такимъ образомъ служили своему Владыкѣ и Творцу[3]). Іосифъ же поклонился и Родившемуся, и Родившей, ибо тогда позналъ онъ, что Рожденное отъ Нея—отъ Духа Святаго, какъ о семъ говоритъ и святый Аѳанасій: «Воистину не зналъ Ея Іосифъ, пока не родила Она Сына Своего первенца; до тѣхъ поръ, пока Дѣва носила Зачатое отъ Нея, не зналъ Ея Іосифъ, не вѣдалъ онъ, что̀ въ Ней, не вѣдалъ онъ, что̀ въ Ней совершается. Когда же родила Она, тогда позналъ онъ; тогда позналъ Іосифъ о Дѣвѣ, какая была Ея сила, и кѣмъ Она сподобилась стать. Тогда позналъ онъ, увидѣвъ Дѣву, сосцами питающую и въ то же время хранящую нетлѣнный цвѣтъ дѣвства. Тогда позналъ онъ, когда Дѣва родила, но не испытала того, что свойственно родильницамъ. Тогда позналъ онъ, что камень несѣкомый давалъ сосецъ духовному Камню[4]). Тогда позналъ Іосифъ, что о Ней писалъ Исаія: «**сѐ дв҃а во чре́вѣ прїи́метъ**». Эти слова святаго Аѳанасія удостовѣряютъ, что въ то время позналъ Іосифъ силу таинства и, познавъ, поклонился со страхомъ и радостію, благодаря воплощеннаго Бога, сподобившаго его быть самовидцемъ и служителемъ сей тайны.—Относительно же времени рождества

---

[1]) Служба предпразднества Рождества Христова 23-го декабря, трипѣснецъ на повечеріи, пѣснь 9-я.

[2]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 1, ст. 3.

[3]) Это сказаніе также извлечено изъ апокрифическихъ евангелій. Напримѣръ, его можно находить въ *«Исторіи дѣтства Спасителя»*.

[4]) Въ этихъ словахъ, очевидно, имѣются въ виду *два* мѣста Св. Писанія: Кн. Прор. Даніила, гл. 2, ст. 34 (гдѣ св. Пророкъ Даніилъ объясняетъ царю Навуходоносору его сонъ объ истуканѣ и гдѣ въ *несѣкомой горѣ*, отъ которой оторвался *камень безъ рукъ*, прообразована была Пресв. Дѣва и сверхъестественное рожденіе отъ Нея Христа), а также 1 Посл. къ Кор., гл. 10, ст. 4, (гдѣ Ап. Павелъ называетъ Христа *духовнымъ Камнемъ*).

Христова многіе достовѣрные писатели говорятъ, что это была полночь, слѣдовавшая по субботѣ и предшествовавшая дню недѣльному: и это извѣстіе согласуется съ Шестымъ Вселенскимъ Соборомъ[1]), который такъ объясняетъ празднованіе дня недѣльнаго (воскреснаго): «Ибо въ тотъ день Богъ сотворилъ свѣтъ; въ тотъ же день Господь благоволилъ родиться; въ тотъ же день принялъ Онъ Крещеніе во Іорданѣ отъ Іоанна; въ тотъ же день Самъ премилостивый Искупитель рода человѣческаго, нашего ради спасенія, изъ мертвыхъ воскресъ; въ тотъ же день Онъ изліялъ Святаго Духа на учениковъ Своихъ». Ибо какъ, по достовѣрному же извѣстію, Онъ зачатъ былъ въ дѣвической утробѣ во время Благовѣщенія въ пятницу и въ пятницу же пострадалъ,—такъ въ день недѣльный Онъ родился и въ день недѣльный же воскресъ. И прилично было Христу родиться въ день недѣльный, въ который Богъ сказалъ: **да бꙋ́детъ свѣ́тъ**, и въ который **бы́сть свѣ́тъ**[2]); въ тотъ же день подобало, чтобы и Самъ Онъ, Свѣтъ присносущный, возсіялъ міру. А то что Христосъ имѣлъ родиться ночью и въ извѣстный ея часъ, объ этомъ пророчески предречено въ книгѣ Премудрости Соломоновой, гдѣ говорится такъ: **ти́хомꙋ бо молча́нїю содержа́щꙋ всѧ̑, и҆ но́щи во свое́мъ тече́нїи преполовлѧ́ющейсѧ, всемогꙋ́щее сло́во твое̑, гдⷭ҇и, съ нб҃съ ѿ престо́лѡвъ ца́рскихъ жесто́къ ра́тникъ въ среди́нꙋ поги́бельныѧ землѝ сни́де**[3]). Совершились и великія чудеса во вселенной во время Рождества Христова. Такъ, въ тотъ самый часъ, въ который Господь нашъ изшелъ чрезъ дѣвическія врата, запечатлѣнныя чистотою, внезапно въ той пещерѣ истекъ изъ камня источникъ воды, а въ Римѣ вышелъ изъ земли источникъ елея и потекъ въ рѣку Тибръ. Храмъ идольскій, именуемый

---

[1]) *Шестой Вселенскій Соборъ* созванъ былъ въ 680 году, въ царствованіе императора Константина Погоната, противъ ереси *монофелитовъ*, учившихъ объ одномъ естестве въ воплощенномъ Христѣ Спасителѣ и осудившій эту ересь. Соборъ происходилъ въ Константинополѣ.

[2]) Кн. Бытія, гл. 1, ст. 3.

[3]) Это мѣсто изъ книги Премудрости Соломоновой (гл. 18, ст. 14—15) имѣетъ въ виду, собственно, ту ночь, когда всемогущимъ дѣйствіемъ Божіимъ поражены были первенцы египетскіе, а первенцы еврейскіе были пощажены Ангеломъ-истребителемъ. Святитель Димитрій приводитъ это мѣсто какъ пророчество о благодатной ночи Рождества Христова,—вѣроятно, на томъ основаніи, что, подобно тому, какъ та ночь (египетская) была спасительна для народа Божія, такъ эта ночь (виѳлеемская) принесла спасеніе *всѣмъ* людямъ. По-русски приведенное мѣсто изъ кн. Премудрости Соломоновой читается такъ: «Ибо, когда все окружало тихое безмолвіе, и ночь въ своемъ теченіи достигла середины, сошло съ Небесъ отъ царственныхъ Престоловъ на средину погибельной земли всемогущее Слово Твое какъ грозный воинъ».

вѣчнымъ, разрушился; идолы сокрушились, и на небѣ явилось тамъ же три солнца. А въ Испаніи въ ту же ночь явилось облако свѣтлѣе солнца, въ Іудейской странѣ виноградники энгаддскіе расцвѣли, несмотря на зимнее время[1]). Особенно же чудесно было то, что описано въ Евангеліи, когда Ангелы сошли съ Небесъ съ пѣснопѣніемъ и ясно предстали предъ людьми. Случилось это такъ. Противъ той пещеры, въ которой родился Христосъ, по свидѣтельству блаженнаго Іеронима, находилась очень высокая башня, называемая Адеръ, въ которой жили пастыри стадъ. Тамъ въ ту ночь трое изъ нихъ случайно бодрствовали и стерегли свое стадо, и вотъ верховный среди Силъ Небесныхъ Ангелъ (которымъ, по мнѣнію святаго Кипріана, былъ святый благовѣстникъ Гавріилъ) явился имъ въ великомъ сіяніи, блистая Небесною Славою, которою онъ и ихъ осіявалъ; увидѣвъ его, они очень испугались. Но явившійся Ангелъ, повелѣвъ имъ оставить страхъ и не бояться, благовѣстилъ имъ о радости, наступившей для всего міра чрезъ рождество Спасителя. При этомъ онъ указалъ имъ и признакъ истинности своего благовѣстія: **ѡ҆брѧ́щете**, сказалъ онъ, **младе́нца пови́та лежа́ща въ ꙗ҆́слехъ.** Въ то время, какъ Ангелъ говорилъ имъ это, внезапно услышалось на воздухѣ пѣніе множества Небесныхъ Воинствъ, прославлявшихъ Бога и воспѣвавшихъ: **сла́ва въ вы́шнихъ бг҃у, и҆ на землѝ ми́ръ, въ человѣ́цѣхъ бл҃говоле́нїе**[2]); послѣ этого ангельскаго явленія и пѣнія Силъ Небесныхъ пастыри, посовѣтовавшись другъ съ другомъ, пошли поспѣшно въ Виѳлеемъ, чтобы посмотрѣть, истинны ли слова Ангела; и они пошли, и увидѣли Пречистую Дѣву Марію Богородицу и святаго Іосифа, Ея обручника, а также Младенца спеленатаго, лежащаго въ ясляхъ. И увѣровавъ несомнѣнно, что это есть Христосъ Господь, ожидаемый Мессія, пришедшій спасти родъ человѣческій, они поклонились Ему и разсказали все, что видѣли и слышали и что сказано было имъ отъ Ангела о Семъ Младенцѣ. И всѣ слышавшіе (Іосифъ, Саломія и тѣ, которые въ то время пришли туда) дивились словамъ пастырей, въ особенности же Пречистая Дѣва Матерь, безболѣзненно родившая, соблюдала всѣ эти слова, слагая ихъ въ сердцѣ Своемъ. И пастыри воротились, славя и хваля Бога. Такъ

---

[1]) Вѣроятно, эти сказанія заимствованы были св. Димитріемъ Ростовскимъ изъ нѣкоторыхъ западныхъ сказаній о Рождествѣ Христовомъ, изъ которыхъ нѣкоторыя перешли и въ наши древнерусскіе рукописные и печатные сборники.

[2]) Еваиг. отъ Луки, гл. 2, ст. 12—14.

совершилось Рождество Іисуса Христа, Господа нашего, Которому и отъ насъ грѣшныхъ да будетъ честь и слава, поклоненіе и благодареніе со безначальнымъ Его Отцемъ и со Присносущнымъ Духомъ нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь пра́здника, гла́съ д҃:

Рж҃ство̀ твоѐ хр҃тѐ бж҃е на́шъ, возсїѧ̀ мі́рови свѣ́тъ ра́зꙋма: въ не́мъ бо ѕвѣзда́мъ слꙋжа́щїи, ѕвѣздо́ю оу҆ча́хꙋсѧ тебѣ̀ кла́нѧтисѧ сл҃нцꙋ пра́вды, и҆ тебѐ вѣ́дѣти съ высоты̀ восто́ка: гд҃и, сла́ва тебѣ̀.

Конда́къ, гла́съ г҃:

Дв҃а дне́сь пресꙋ́щественнагѡ ражда́етъ, и҆ землѧ̀ верте́пъ непристꙋ́пномꙋ прино́ситъ, а҆́гг҃ли съ па́стырьми славосло́вѧтъ, волсви́ же со ѕвѣздо́ю пꙋтеше́ствꙋютъ: на́съ бо ра́ди роди́сѧ ѻ҆трочѧ̀ мла́до превѣ́чный бг҃ъ.

СЛОВО

на

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Небесный благовѣстникъ указываетъ виѳлеемскимъ пастырямъ такое знаменіе пришествія въ міръ Спасителя: Младенца, повитаго пеленами и положеннаго въ ясляхъ. Ибо говоритъ онъ имъ такъ: ѡ҆брѧ́щетѐ младе́нца пови́та лежа́ща въ ꙗ҆́слехъ [1]). Можетъ быть, кто-нибудь помыслитъ, что не великое это знаменіе—увидѣть спеленатаго младенца, ибо всякому новорожденному младенцу обычно быть повитымъ. То было бы великимъ знаменіемъ, если бы Ангелъ, во свидѣтельство и для яснаго удостовѣренія Рождества Христова, показалъ нѣчто необычное, какъ, напримѣръ, волхвамъ звѣзду на Востокѣ или какъ сивилла [2]) показала Августу въ солнцѣ дѣвицу, державшую на рукахъ младенца. Но, если кто

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 2, ст. 11—12.

[2]) *Сивиллы*—это были прорицательницы у язычниковъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ, напр. сивиллѣ кумейской, сивиллѣ эритрейской и др., древними христіанскими писателями приписывались предсказанія и о Спасителѣ, и вообще о временахъ Новаго Завѣта.

захочетъ духовнымъ окомъ присмотрѣться къ таинствамъ, совершающимся въ томъ повитомъ Младенцѣ, тотъ увидитъ и познаетъ, что знаменіе, указанное Ангеломъ пастырямъ: Младенецъ повитый, лежащій въ ясляхъ,—есть великое знаменіе. Ибо сей Младенецъ есть Тотъ, Рождество Котораго открыло міру свѣтъ боговѣдѣнія, яснѣе звѣздъ и солнца, и пелены Его—шире облаковъ, ясли Его—пространнѣе Небесъ, ибо въ нихъ лежалъ Невмѣстимый Христосъ Богъ. Итакъ, обратимъ свои мысленные взоры на младенчество Христово. Ибо Тотъ, Кто вѣки сотворилъ и отъ вѣчности уготовалъ намъ спасеніе, Сей, какъ младенецъ, явился на землѣ, чтобы обновить ветхость нашей природы: ѡ҆брѧ́щете, сказалъ Ангелъ, младе́нца.

Можетъ быть, кто-нибудь могъ быть того мнѣнія, что Христосъ долженъ былъ придти въ міръ не какъ младенецъ, но какъ исполинъ, по пророчеству Давида, который такъ предсказалъ о пришествіи Мессіи: и҆ то́й ꙗ҆́кѡ жени́хъ и҆сходѧ́й ѿ черто́га своегѡ̀ (т. е. отъ утробы Пречистой Дѣвы), возра́дꙋется ꙗ҆́кѡ и҆соли́нъ тещи̑ пꙋ́ть[1]). Поэтому, можетъ быть, и Ангелъ говоритъ: найдете младенца, а не исполина. Но, если мы поразмыслимъ о младенчествѣ Христовомъ, то найдемъ иную причину таковыхъ словъ Ангела. Какъ Рождество Христово было не похоже на обычное рожденіе человѣческое, но было необычайно и сверхъестественно, такъ и младенчество Его не обычное и не похожее на младенчество прочихъ младенцевъ. Всѣ новорожденные младенцы немощны и несмысленны; они не имѣютъ въ себѣ силы и ничего не умѣютъ дѣлать до тѣхъ поръ, пока, послѣ долгаго времени ихъ возрастанія, у нихъ начнутъ проявляться и съ ними возрастать сила и разумъ. А сей новорожденный Младенецъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, раждается и съ силою, и съ разумомъ. Поэтому и Ангелъ указываетъ на такого Младенца, Который раждается и съ непобѣдимою силою, и съ неизреченною мудростію, какъ на чудо, единственное въ своемъ родѣ и никогда еще не виданное въ мірѣ. Что касается непобѣдимой Его крѣпости и силы, то о ней въ нынѣшній праздникъ не умолчала Церковь, когда воспѣваетъ вмѣстѣ съ Пророкомъ Исаіею: бг҃ъ крѣ́пкі́й, властели́нъ, кн҃зь ми́ра[2]). Гдѣ-то

---

[1]) Буквально это мѣсто изъ Псалма 18-го, ст. 6 относится къ солнцу, которое Псалмопѣвецъ сравниваетъ съ женихомъ и исполиномъ, выходящимъ изъ своего чертога. Святитель Димитрій видитъ здѣсь пророческое указаніе на явленіе въ міръ Мессіи-Христа.

[2]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 9, ст. 6.

говорится, что левъ познается по когтямъ. Левъ отъ колѣна Іудова, Христосъ, ѿ младыхъ ногтей (т. е. съ младенчества Своего) открывается какъ гдь крѣпокъ и силенъ, гдь силенъ въ брани[1]). Обратимъ вниманіе на то, сколь велика крѣпость и сила новорожденнаго Младенца. Какъ только стала распространяться вѣсть о Его Рождествѣ, Иродъ уже смутися и весь Іерусалимъ съ нимъ[2]). Еще не говоритъ Младенецъ, а уже устрашаетъ тѣхъ, которые нарекли имена свои на землѣ; еще Онъ въ пеленахъ, а уже наполнилъ ужасомъ мучителей; еще Онъ въ ясляхъ, а уже потрясъ сидящаго на царскомъ престолѣ.

Одинъ изъ искуснѣйшихъ врачей передаетъ, что тѣмъ, которые имѣютъ быть въ мірѣ великими, именитыми и славными, или же царями и храбрыми воинами,—тѣмъ, по его словамъ, свойственно ѿ младыхъ ногтей (т. е. младенчества) предуказывать свое будущее могущество и свои будущія дѣянія. При этомъ сей же врачъ говоритъ, что еще не родился Периклъ[3]), а уже устрашилъ Грековъ сновидѣніями; еще не родился Александръ[4]), а уже всѣми назывался сыномъ Юпитера[5]) и властелиномъ царства. И въ другомъ мѣстѣ повѣствуется, что муравьи приносили пшеничныя зерна и полагали ихъ въ уста Миду, царю Фригійскому[6]), когда еще онъ былъ младенцемъ, во время его сна, предуказывая этимъ на его будущія безчисленныя богатства. Такъ и нашъ Царь и Владыка, новорожденный нынѣ Младенецъ, являетъ еще въ дѣтствѣ Своемъ ясныя указанія на Свои будущія силы и дѣянія. На тѣ будущія богатства, которыя уготованы любящимъ Его, указываетъ то знаменіе, что, по Его устроенію, Ему изъ отдаленнѣйшихъ странъ приносятся золото, ливанъ и смирна. Будущую Его побѣду надъ смертію и діаволомъ и торжество Его надъ всѣмъ адомъ предъизображаетъ то, что Онъ потрясаетъ и смущаетъ Ирода и весь Іерусалимъ. Та власть Его надъ видимымъ и невидимымъ міромъ, которая дарована будетъ Его человѣчеству и о которой Онъ въ

---

[1]) Псаломъ 23, ст. 8.

[2]) Еванг. отъ Мате., гл. 2, ст. 3.

[3]) *Периклъ*—извѣстный государственный мужъ древнихъ Аѳинъ, жившій въ V вѣкѣ до Р. Хр.

[4]) Т. е. знаменитый *Александръ Македонскій*, славный завоеватель почти всего Востока, жившій въ IV вѣкѣ до Р. Хр.

[5]) *Юпитеръ*, или *Зевсъ*,—главное божество древнихъ Грековъ и Римлянъ (*Юпитеръ*—римское его наименованіе; *Зевсъ*, или *Зевесъ*,—греческое).

[6]) *Мидъ*, или *Мидасъ*,—полумиѳическій Фригійскій царь, о которомъ сохранилось много легендарныхъ разсказовъ.

свое время скажетъ: **дадéсѧ мѝ всѧ́ка влáсть на нб҃сѝ и҆ на землѝ**[1]), предъизображается тѣмъ, что, по Его волѣ, Рождеству Его служатъ Ангелы и пастыри, а восточные цари поклоняются, по пророчеству Давидову: **и҆ поклóнѧтсѧ є҆мꙋ̀ всѝ цáрїе зéмстїи**[2]). Ибо вотъ уже исполнилось это пророчество, когда Онъ, какъ Царь царствующихъ, былъ почтенъ со стороны трехъ земныхъ царей поклоненіемъ и дарами. Предстоятель Церкви Иппонской блаженный Августинъ[3]) прекрасно говоритъ объ этомъ такъ: «Таковы знаменія Рождества Твоего, Господи Іисусе: прежде чѣмъ морскія волны сгладятся подъ ногами Твоими, когда Ты ходить будешь по морю; прежде чѣмъ умолкнутъ вѣтры повелѣніемъ Твоимъ; прежде чѣмъ мертвые словомъ Твоимъ возстанутъ; прежде чѣмъ солнце въ минуту смерти Твоей померкнетъ, и земля, при воскресеніи Твоемъ изъ гроба, потрясется, и Небо при вознесеніи Твоемъ отверзется; прежде чѣмъ все это и иное чудесное Ты совершишь,—прежде сего Ты еще носишься Материнскими руками и въ то же время открываешься, какъ Господь всего міра». Таковы крѣпость и сила новорожденнаго Младенца, Господа нашего Іисуса Христа, что еще въ дѣтствѣ Своемъ Онъ ясно открывается какъ всемогущій Владыка: **бг҃ъ крѣ́покъ вл҃ка.** Поистинѣ **си́ла** Божія **въ нéмощи совершáетсѧ**[4]). Ибо въ малыхъ и немощныхъ членахъ младенческихъ видимъ мы великую силу Іисуса Христа, на которую указываетъ Церковь, когда уподобляетъ родившагося Господа агнцу и когда называетъ Его агнцемъ, прославляя Его въ несѣдальномъ моленіи о поклоненіи пастырей такими словами: **ви́дѧтъ сегò, ꙗ҆́кѡ а҆́гнца непорóчна, во чрéвѣ мр҃і́инѣ ᲂу҆пáсшасѧ, ю҆́же пою́ще рѣ́ша: рáдꙋйсѧ, а҆́гнца и҆ пáстырѧ мт҃и**[5]). Здѣсь родившійся отъ Дѣвы Христосъ и уподобленъ агнцу, и нареченъ агнцемъ. Но какая въ агнцѣ крѣпость, какая сила? Сила воистину неодолѣнная, что̀ мы видимъ изъ слѣдующаго. Нѣкогда Іоаннъ Богословъ узрѣлъ въ откровеніи своемъ различныхъ звѣрей и змѣй, которые выходили изъ различныхъ мѣстъ,—изъ моря, изъ бездны и изъ пустыни, съ

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 28, ст. 18.

[2]) Псаломъ 71, ст. 11.

[3]) *Блаженный Августинъ,* епископъ г. Иппона, въ сѣв. Африкѣ,—знаменитый Отецъ Западной Церкви, оставившій много сочиненій по догматическимъ вопросамъ, а также и немало толкованій разныхъ книгъ и отдѣльныхъ мѣстъ Св. Писанія. Скончался въ 430 году.

[4]) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 12, ст. 9.

[5]) **А҆кáѳїстъ прест҃ѣ́й бц҃ѣ,** икосъ 4-й.

многими страшными головами и открытыми устами, полными смертоноснаго яда,—и которыхъ самый видъ былъ весьма ужасенъ. Всѣ они возстаютъ противъ одного Агнца, какъ говоритъ Писаніе: **сі́и со а҆́гнцемъ бра́нь сотворѧ́тъ**[1]). Можетъ быть, взирая на эту борьбу тѣхъ змѣй и звѣрей съ Агнцемъ, кто-нибудь подумаетъ, что одинъ даже изъ слабѣйшихъ звѣрей тотчасъ возьметъ и растерзаетъ Агнца, такъ что большимъ звѣрямъ не съ кѣмъ будетъ уже и бороться. Но посмотри на силу Агнца: Онъ такъ крѣпко вооружился противъ нихъ, что вся та сила звѣриная внезапно, по Его дѣйствію, падаетъ и уходитъ въ землю, какъ написано: **а҆́гнецъ побѣди́тъ ѧ҆̀, ꙗ҆́кѡ гдⷭ҇ь господе́мъ є҆́сть, и҆ цр҃ь царе́мъ**[2]). О воистину это—великая сила Агнца! Сей Агнецъ знаменуетъ Сына Божія; а змѣи и звѣри означаютъ бѣсовъ и ихъ слугъ. Здѣсь вещь, достойная размышленія: почему Ангелъ, показавъ подъ этими образами борьбу Сына Божія съ Его врагами, не назвалъ Его настоящимъ Его именемъ, принесеннымъ съ Неба, во время благовѣщенія Пречистой Дѣвѣ и даннымъ при обрѣзаніи? Почему не сказалъ: «сіи съ Іисусомъ Христомъ будутъ вести борьбу», а сказалъ: «сіи съ Агнцемъ будутъ вести борьбу?» Воистину потому, что Онъ уже въ Рождествѣ Своемъ, не ожидая нареченія Себѣ имени, низлагаетъ враговъ Своихъ. Еще какъ агнецъ покоится Онъ на сѣнѣ, а уже ломаетъ мысленныхъ змѣй и звѣрей, какъ тростникъ, сокрушаетъ ихъ, какъ глиняные сосуды. Хорошо пишется въ пророчествѣ: **нарцы̀ и҆́мѧ є҆мꙋ̀: ско́рѡ плѣни̇̀, на́глѡ расхи́ти: зане пре́жде не́же разꙋмѣ́ти ѻ҆троча́ти назва́ти ѻ҆тца̀ и҆ли̇̀ ма́терь, прїи́метъ си́лꙋ дама́сковꙋ и҆ коры̑сти самарі̑йскїѧ**[3]). Не ждетъ Сей новорожденный Агнецъ того времени, когда Онъ станетъ львомъ, и сказано будетъ о Немъ: **сѐ побѣди́лъ є҆́сть ле́въ ѿ колѣ́на і҆ꙋ́дова**[4]). Не выжидаетъ Сей Младенецъ того времени, когда Онъ возрастетъ

---

[1]) Апокалипс., гл. 17, ст. 14.

[2]) Апокалипс., гл. 17, ст. 14.

[3]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 8, ст. 3—4. Это мѣсто взято изъ пророческой книги Исаіи и по-русски читается такъ: «и нареки ему имя: *магер-шелал-хашъ-базъ;* ибо прежде, нежели дитя будетъ умѣть выговорить: отецъ мой, мать моя,—богатства Дамаска и добычи Самарійскія понесутъ предъ царемъ Ассирійскимъ».—Здѣсь излагается повелѣніе, данное Господомъ Пророку Исаіи, чтобы онъ далъ своему сыну имя, которое съ еврейскаго языка означаетъ: «спѣшитъ грабежъ, ускоряетъ добыча». Такое имя должно было послужить для современниковъ Пророка знаменіемъ скорой побѣды Іудейскаго народа надъ Сирійскимъ и Израильскимъ царствомъ. Нѣкоторые толкователи видятъ въ этомъ таинственномъ нареченіи имени сыну Пророка какъ бы прообразъ славы и могущества Мессіи. Въ этомъ смыслѣ его и приводитъ въ данномъ мѣстѣ сватитель Димитрій.

[4]) Апокалипс., гл. 5, ст. 5.

силою, какъ исполинъ. Не ждетъ Сіе Дитя того времени, когда юные члены Его получатъ силу какъ у Сампсона[1]). Но, прежде чѣмъ начинаетъ Оно сосать сосцы Матери Своей, побѣждаетъ Оно враговъ Своихъ. Прежде чѣмъ возможетъ Оно произносить устами имя Свое или имя Своей Пречистой Матери, истребляетъ изъ книги жизни имена недостойныхъ. Прежде чѣмъ Сей Младенецъ начнетъ пріобрѣтать, по мѣрѣ возрастанія Своего, мужескую силу, Онъ низлагаетъ съ престоловъ сильныхъ: **а҃гнецъ побѣди́тъ а҃, ꙗ҆́кѡ гдⷭ҇ь господе́мъ є҆́сть, и҆ цр҃ь царе́мъ.** Такова крѣпость нашего Агнца, такова непобѣдимая сила Божественнаго Младенца, съ которою Онъ раждается!

Раждается же Онъ вмѣстѣ и съ разумомъ, ибо Тотъ, Кто имѣетъ въ младенчествѣ Своемъ крѣпость и силу, Тотъ имѣетъ вмѣстѣ и разумъ. **Вели́й гдⷭ҇ь на́шъ, и҆ ве́лїѧ крѣ́пость є҆гѡ̀, и҆ ра́зꙋма є҆гѡ̀ нѣ́сть числа̀**[2]). Есть ли какой младенецъ, къ которому прилично было бы приложить слѣдующія слова: **па́че ста́рецъ разꙋмѣ́хъ**[3])? Только къ Божественному Младенцу приложимы сіи слова. Обыкновенные младенцы при своемъ рожденіи ничего не понимаютъ до времени своего возрастанія, да и при возрастаніи имъ нужно бываетъ ученіе, для того чтобы они могли понимать. Сей же Божественный Младенецъ, какъ и до Рождества Своего былъ самою премудростію, такъ и въ Рождествѣ Своемъ есть **глꙋбина̀ премꙋдрости и҆ ра́зꙋма бж҃їѧ**[4]). По младенчеству Онъ подчиненъ условіямъ времени, а премудростію Онъ предвѣченъ. Раждается намъ и Младенецъ, и **ве́тхїй де́нми**[5]), Дитя, и (вмѣстѣ) Отецъ, какъ о томъ говоритъ нынѣ въ Рождество Его Исаія Пророкъ: **ѻ҆́цъ вꙋдꙋщагѡ вѣ́ка**[6]). Сіе наименованіе «Отецъ» приличествуетъ не дѣтямъ, но мужамъ, и никто еще не называлъ когда-нибудь младенца, питающагося млекомъ матери, отцомъ. Тѣмъ не менѣе пророкъ, не обинуясь, называетъ родившагося Христа отцомъ. Почему же? Чтобы показать, что въ томъ обо̀женномъ Младенцѣ тотъ же

---

[1]) *Сампсонъ,* одинъ изъ Судей Израильскихъ, извѣстный своею необычайною силою. Исторія Сампсона изложена въ книгѣ Судей, въ гл. 13, 14, 15 и 16.

[2]) Псаломъ 146, ст. 5.

[3]) Псаломъ 118, ст. 100.

[4]) Посл. къ Римл., гл. 11, ст. 33.

[5]) Подъ образомъ *ветхаго денми,* т. е. глубокаго старца, видѣлъ Бога Пророкъ Даніилъ (Дан. 7, 9—13). Старость была символомъ *вѣчности* Божіей. Въ данномъ мѣстѣ святитель Димитрій, именуя Богомладенца *ветхимъ денми,* хочетъ указать на Его предвѣчное существованіе какъ Бога.

[6]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 9, ст. 6.

разумъ, та же премудрость, какъ и въ Отцѣ вѣчнодневномъ. Какъ какой-нибудь премудрѣйшій отецъ по отношенію къ своимъ дѣтямъ, такъ и Сей Небесный Младенецъ, родившійся отъ Пречистой Богородицы, поступаетъ съ нами. И вотъ по какому знаменію удостовѣряемся мы въ томъ, что для насъ родился нынѣ Спаситель: поелику Онъ въ младенчествѣ Своемъ является для насъ отцомъ. Какимъ же образомъ бываетъ Онъ для насъ отцомъ? Послушаемъ, какъ это бываетъ: раждаясь Самъ, Онъ въ то же время и насъ возраждаетъ отъ смерти къ жизни не иначе, какъ евангельскій отецъ блуднаго сына, бывшаго ранѣе мертвымъ и потомъ ожившаго. Тотъ отецъ, чтобы возродить мертваго сына своего къ жизни, палъ на шею ему и облобызалъ его. Это отеческое лобзаніе было знакомъ для сына, что прощены его грѣхи, которые были причиною его духовной смерти, ибо чрезъ грѣхъ приходитъ смерть; а послѣ того, какъ грѣхи, эти причины смерти, были отъяты отъ грѣшника чрезъ прощеніе, тотчасъ же мертвый ожилъ. Ибо подобно тому, какъ по прошествіи ночи бываетъ день, такъ и послѣ удаленія отъ человѣка мрачной грѣховной смерти начинаетъ сіять благодать Божія, которая есть жизнь для души. Воистину сіе вѣрно, что Христосъ Спаситель нашъ облобызалъ насъ въ Рождествѣ Своемъ, насъ, умершихъ грѣхами, возродилъ къ жизни благодатію Своей, и чрезъ это Онъ является для насъ премудрымъ отцомъ въ Своемъ младенчествѣ. А чтобы уразумѣть, что Христосъ Спаситель нашъ облобызалъ насъ въ Рождествѣ Своемъ, обратимъ вниманіе на то, какъ въ книгѣ Пѣснь Пѣсней нѣкое боголюбивое лицо такъ пламенно выражаетъ желаніе соединенія съ Богомъ: **да лобжетъ мѧ ѿ лобзаніи оустъ своихъ**[1]). Хотимъ ли мы узнать, кто это желаетъ Божія лобзанія? Послушаемъ святаго Амвросія[2]), который говоритъ, что наша природа, наша плоть, она-то и желаетъ достигнуть чрезъ воплощеніе Сына Божія Божіей любви и близости къ Богу, чтобы ей можно было зрѣть Его какъ бы

---

[1]) Приведенный текстъ взятъ изъ книги *Пѣснь Пѣсней* (гл. 1, ст. 1), въ которой невѣста, пламенно желающая получить лобзаніе жениха своего, изображаетъ родъ человѣческій, пламенно желающій скорѣе узрѣть Спасителя и получить отъ Него спасеніе.

[2]) *Св. Амвросій, епископъ Медіоланскій,* который имѣлъ, можно сказать, такое же значеніе для западной половины Вселенской Церкви, какое св. Василій Великій для восточной; потому что и св. Амвросій, подобно св. Василію, особенно прославился какъ ревностный поборникъ и защитникъ Православія противъ аріанства. Много онъ оставилъ и писаній, въ которыхъ частію объясняетъ Слово Божіе, частію излагаетъ ученіе вѣры, частію поучаетъ христіанскимъ добродѣтелямъ.— Скончался св. Амвросій въ 397 году. Память его — 7 декабря.

лицомъ къ лицу и лобызать Его какъ бы устами къ устамъ лобзаніемъ святымъ. Сей учитель говоритъ объ этомъ такъ: «будемъ понимать, что (то боголюбивое лицо въ книгѣ Пѣснь Пѣсней) это та плоть, которая въ лицѣ Адама была омочена ядомъ змія и согнивала отъ смрада грѣховнаго. Она, узнавши по многимъ пророчествамъ, что придетъ Богъ, Который, упразднивъ лесть зміину, изліетъ благодать Святаго Духа,—молится, говоря такъ: **да лобжетъ мѧ ѿ лобзаніи оустъ своихъ**. И Златоустъ святый такъ говоритъ отъ лица Церкви, собранной изъ язычниковъ: «Я, Церковь изъ язычниковъ, не столько хочу, чтобы Онъ говорилъ со мною чрезъ Моисея, Исаію, Іеремію и чрезъ другихъ Пророковъ, сколько хочу того, чтобы Онъ Самъ собесѣдовалъ со мною. Итакъ, пусть Самъ Онъ явится, и я буду говорить съ Нимъ устами къ устамъ. Пусть Онъ придетъ и облобызаетъ меня лобзаніемъ устъ Своихъ. Слышу я Іеремію, говорящаго о Немъ такъ: **глꙋбоко̀ сердце** (человѣка) **паче всѣхъ, и человѣкъ ѥсть, и кто̀ познаетъ ѥго̀**[1])? Я желаю Самого Его, чтобы Онъ явился и облобызалъ меня лобзаніемъ устъ Своихъ. Слышу я Амоса, вѣщающаго о Немъ такъ: **сѐ мꙋжъ стоѧй на ѻ҃градѣ адамантовѣ, и въ рꙋцѣ ѥгѡ̀ адамантъ**[2]). Но я ищу Его Самого, чтобы Онъ пришелъ и облобызалъ меня лобзаніемъ устъ Своихъ».—Изъ этихъ словъ святыхъ учителей ясно открывается, что лобзаніе Божіе съ нашею природою есть воплощеніе Сына Божія. Ибо подобно тому, какъ въ лобзаніи уста прилагаются къ устамъ, такъ и въ воплощеніи Спасителя природа Божія приложилась къ природѣ человѣческой и соединилась съ нею. Такъ, въ Рождествѣ Своемъ, Христосъ Спаситель нашъ, какъ отецъ, облобызалъ насъ, о чемъ предрекъ Давидъ, когда сказалъ: **правда и миръ ѡ҃блобызастасѧ**[3]), въ каковомъ мѣстѣ толкователь Евѳимій (Зигабенъ)[4]) подъ **правдою** разумѣетъ природу Божію, ибо одинъ Богъ есть праведный Судія, а подъ **миромъ**—человѣческую природу во Христѣ, по причинѣ присущей сей природѣ истинной кротости. О сихъ двухъ естествахъ потому говорится, что они

[1]) Кн. Прор. Іереміи, гл. 17, ст. 9. Здѣсь указанное пророчество Іереміи берется какъ изображеніе непостижимости воплощенія Сына Божія.

[2]) Кн. Прор. Амоса, гл. 7, ст. 7. Въ пророчествѣ Амоса, приведенномъ здѣсь, св. отецъ видитъ предсказаніе о Божественномъ могуществѣ Мессіи.

[3]) Псаломъ 84, ст. 11.

[4]) *Евѳимій Зигабенъ* (или Зигаденъ)—константинопольскій инокъ первой половины XII вѣка, извѣстный догматистъ и истолкователь Св. Писанія. Въ своихъ толкованіяхъ онъ не самостоятельный писатель, но только собиратель прежнихъ святоотеческихъ толкованій.

взаимно облобызались, что они имѣютъ во Христѣ тѣсное соединеніе, согласіе и соизволеніе.

Истинно же и то, что чрезъ это лобзаніе Христосъ Спаситель нашъ возродилъ насъ въ Рождествѣ Своемъ изъ смерти грѣховной къ жизни Божественной благодати. Въ 4-й книгѣ Царствъ[1]) читается слѣдующее. Когда жена соманитянка просила пророка Елисея, пребывавшаго на горѣ Кармилъ, чтобы онъ, вошедши въ домъ ея, воскресилъ ея умершаго сына, то Пророкъ не отправился тотчасъ самъ, а послалъ сначала слугу своего Гіезія съ своимъ жезломъ, дабы онъ положилъ этотъ жезлъ на лицо отрока; но умершій не издавалъ голоса и не внималъ Гіезію. Когда же самъ Пророкъ пришелъ къ умершему, онъ приложилъ свои уста къ его устамъ и дунулъ на него,—и вотъ отрокъ открылъ глаза свои. Обрати вниманіе на то, какъ мертвому отроку дарована жизнь чрезъ приложеніе устъ Пророка къ его устамъ, какъ это бываетъ при лобзаніи. Поистинѣ тамъ было лобзаніе, когда уста прилагались къ устамъ отрока, и чрезъ лобзаніе сихъ устъ воскресъ мертвый. Это было прообразованіемъ Христова воплощенія. Смерть, вошедши черезъ грѣхъ въ міръ, похитила перваго отрока Адама, едва начавшаго жить. Женщина, природа человѣческая, съ умиленіемъ взываетъ къ Богу: **гдⷭ҇и, преклони̑ нб҃са̀, и̂ сни́ди**[2]): **просвѣти̑ лицѐ твоѐ и̂ сп҃се́мсѧ**[3]). Господь Богъ не тотчасъ Самъ приходитъ, но, подобно тому, какъ Елисей послалъ слугу своего, такъ и Господь посылаетъ сначала рабовъ Своихъ—пророковъ съ жезломъ Закона, чтобы они возлагали этотъ жезлъ на отрока, на родъ Адамовъ; но сей отрокъ еще не ожилъ, люди еще пребывали **во тьмѣ̀ и̂ сѣ́ни сме́ртнѣй**[4]). Когда же Самъ Господь пришелъ въ воплощеніи Своемъ и, какъ сказано, приложилъ **оу҆стнѣ̀** Божества Своего къ устамъ человѣчества и облобызалъ насъ лобзаніемъ устъ Своихъ, то отрокъ тотчасъ возсталъ, мертвый воскресъ, **а҆да́мъ воззва́сѧ, є҆́ва свободи́сѧ, и̂ мы̀ ѡ҆жи́хомъ**[5]),—отъ смерти возродились мы къ жизни въ Рождествѣ Христовомъ. Это подобно такой старинной повѣсти. Одинъ добрый другъ, видя, что любимый его другъ раненъ ядоноснымъ мечомъ врага, прилежно заботится о томъ, какъ бы исцѣлить его

---

[1]) 4 Кн. Царствъ, гл. 4, ст. 28—30; 34—35.

[2]) Псаломъ 143, ст. 5.

[3]) Псаломъ 79, ст. 4.

[4]) Ср. Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 79.

[5]) Воскресный Богородиченъ предъ великимъ Славословіемъ.

отъ смертной раны. Но вотъ врачи говорятъ ему, что та рана неисцѣльна, ибо мечъ, напоенный ядомъ, не только уязвилъ плоть и произвелъ большую рану, но тѣмъ же ядомъ повредилъ все тѣло, такъ что смерть во всякомъ случаѣ ожидаетъ друга его, развѣ только кто-нибудь искупитъ его своимъ здоровьемъ такимъ способомъ: пусть приложитъ свои уста къ его ранѣ и высосетъ изъ нея тотъ ядъ; «тогда бы другъ твой,—говорятъ врачи,—легко получилъ исцѣленіе, но за то высосавшій ядъ во всякомъ случаѣ умеръ бы». Услышавъ это, истинный друголюбецъ, несмотря на то, что и собственная его жизнь была ему не горька, тѣмъ не менѣе, любя своего друга больше, чѣмъ самого себя, и предпочитая его здоровье своей собственной жизни,—уврачевалъ друга тѣмъ, выше указаннымъ, образомъ,—чрезъ приложеніе своихъ устъ къ его ранѣ высосалъ ядъ и своею смертію даровалъ пріятелю своему здоровье. Подобно сему и Господь Богъ нашъ сдѣлалъ съ нами, уязвленными ядоноснымъ мечомъ грѣха адскаго воителя. Никто не могъ насъ исцѣлить отъ раны и избавить отъ смерти безъ того, чтобы сначала не отнять отъ насъ смертный вредъ. Не обрѣталось столь совершеннаго врача, доколѣ Самъ Онъ—Вышній, Сѣдящій на Херувимахъ, совершенный Врачъ и Творецъ душъ и тѣлесъ, приложилъ уста Свои, т. е. Сына Своего; ибо какъ Духъ Святый называется въ Писаніи Отчимъ перстомъ: ѡ҆ пе́рстѣ бж҃їи, говоритъ Господь, и҆згоню̀ бѣ́сы [1]),—такъ Богъ Сынъ именуется Отчими устнами, какъ написано: дꙋ́хомъ ᲂу҆́стъ є҆гѡ̀ всѧ̀ си́ла и҆́хъ [2]). Итакъ, говорю, Господь Богъ приложилъ уста Свои, т. е. Своего возлюбленнаго Сына, изъ любви къ роду человѣческому, къ ранѣ естества нашего: та́кѡ возлюбѝ бг҃ъ мі́ръ, ꙗ҆́кѡ и҆ сн҃а своего̀ є҆диноро́днаго да́лъ є҆́сть [3]). Какія же уста разумѣю я? Богъ Сынъ, соединившись съ уязвленнымъ естествомъ нашимъ, взялъ на Себя тотъ грѣховный ядъ: взявшій грѣхи міра, Онъ грѣхи наши понесъ и исцѣлилъ насъ, положивши за насъ Свое здравіе. Чрезъ это Онъ возродилъ насъ къ благодатной жизни чрезъ Свое лобзаніе, т. е. чрезъ воплощеніе, и, такимъ образомъ, въ Своемъ младенчествѣ показалъ Себя какъ нашъ Спаситель, премудрый Отецъ нашъ, искусный Врачъ и прелюбезный Другъ. Посмотри же на младенчество Христово, какъ Христосъ раждается: и съ непобѣдимою силою, и съ непостижи-

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 11, ст. 20.
[2]) Псаломъ 32, ст. 6.
[3]) Еванг. отъ Іоан., гл. 3, ст. 16.

мою премудростію. И справедливо Ангелъ указываетъ пастырямъ, какъ на знаменіе пришествія въ міръ Спасителя, Младенца — Младенца же необычайнаго и не подобнаго по Своему рожденію другимъ Младенцамъ: Младенца крѣпкаго и разумнаго, Дитя сильное и премудрое. Вотъ вамъ знаменіе: найдете Младенца, и Младенца повитаго, ибо и пелены Младенца Того полны таинствъ. Св. Амвросій говоритъ: «Христосъ повивается пеленами, чтобы ты разрѣшился отъ смертныхъ рубищъ. Въ томъ и заключается таинство пеленъ Христовыхъ, чтобы мы совлеклись грубыхъ рубищъ тлѣнія, въ которыя облекла насъ смерть». Вникнемъ внимательно въ слова Амвросіевы. Почему не сказалъ онъ «*одного* рубища», но «*рубищъ* ты разрѣшился?» Полагаю, что онъ разумѣетъ здѣсь Адамовы рубища, ибо Адамъ, послѣ своего грѣхопаденія, имѣлъ два рубища: лиственное и кожаное. Лиственное—въ раю, которое Адамъ и Ева сами себѣ сдѣлали: **сши́ста ли́ствїе смоко́вное, и҆ сотвори́ста себѣ̀ препоѧ̑санїѧ**[1]). А кожаное рубище—внѣ рая, когда Богъ сдѣлалъ Адаму и женѣ его **ри҆зы кѡ́жаны** и облекъ ихъ въ эти ризы[2]). Оба эти рубища были смертны, ибо тѣ листья были отъ дерева, привнесшаго человѣку смерть; поелику нѣкоторые изъ учителей Церкви полагаютъ, что то дерево, отъ котораго запрещено было Адаму вкушать плоды, была смоковница. И кожа была отъ звѣря убитаго. Лиственное рубище означало Адамово преслушаніе, чрезъ которое онъ отпалъ отъ Бога, какъ листъ отъ дерева; а кожаное было знаменіемъ плотолюбія или безсловесной похоти. Христосъ же, новый Адамъ, повитъ былъ пеленами, чтобы разрѣшить человѣка отъ того и другаго рубища, именно: отъ преслушанія и отъ безсловесныхъ вожделѣній; ибо Его святыя пелены таинственно изображаютъ собою и послушаніе, и чистоту,—изображаютъ послушаніе, какъ изъясняетъ вышеупомянутый учитель Церкви святый Амвросій.

— Посмотри на таинство,—говоритъ онъ,—изъ дѣвической утробы вышелъ и рабъ и (вмѣстѣ) Господь: рабъ, чтобы работать, ибо кто препоясуется пеленами, тотъ препоясуется для услуженія; Господь же—чтобы владычествовать. Хорошо то служеніе, которое пріобрѣло Ему Имя, которое выше всякаго имени, ибо что для иныхъ является безчестіемъ, то для Христа есть слава». Обратимъ вниманіе на эти слова. Кто препоясуется пеленами, тотъ препоясуется

[1]) Кн. Бытія, гл. 3, ст. 7.
[2]) Кн. Бытія, гл. 3, ст. 21.

для услуженія. Итакъ, въ пеленахъ выражено послушаніе Христово, поелику дѣлающій и служащій есть послушникъ. А послушнику прилично себя препоясывать, согласно повелѣнію нѣкоего господина въ Евангеліи: **оу҆гото́вай, что̀ вечеря́ю, и҆ препоя́сався слꙋжѝ мѝ**[1]). И Господь нашъ взялъ на Себя чинъ послушника, ибо говоритъ о Себѣ: **не прїидо́хъ, да послꙋ́жатъ мѝ, но да послꙋжꙋ̀ и҆̀мъ**[2]); препоясуется Онъ пеленами, чтобы послужить намъ, согласно слову Евангельскому: **а҆ми́нь глаго́лю ва́мъ, ꙗ҆́кѡ препоя́шется и҆ посади́тъ и҆̀хъ, и҆ минꙋ́въ послꙋ́житъ и҆̀мъ**[3]). А тѣмъ Своимъ послушничьимъ служеніемъ исцѣляетъ Онъ непослушаніе Адамово. Ветхій Адамъ былъ непослушенъ, а новый—**послꙋшли́въ да́же до сме́рти**[4]). Такимъ образомъ пеленами Христова послушанія разрѣшается рубище Адамова непослушанія. А что̀ касается чистоты, то мы и ее увидимъ таинственно изображенною въ пеленахъ Господнихъ, если поразмыслимъ, почему ветхій Адамъ былъ покрытъ кожаною одеждою, а новый Адамъ льняными (какъ это достовѣрно извѣстно) пеленами, еще прежде Пречистою Богородицею для того приготовленными. Часто такъ случается среди людей, что внѣшняя одежда соотвѣтствуетъ внутренней мысли и нраву человѣка, такъ что чрезъ внѣшнее одѣяніе явно обнаруживается **внꙋ́треннїй се́рдца человѣ́къ**[5]). Гордый Иродъ[6]) въ названный въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ день облекся въ одежду царскую, и эта одежда развѣ не соотвѣтствовала его внутреннему высокоумію? Поистинѣ соотвѣтствовала, какъ о томъ говоритъ Писаніе: **сѣ́дъ на сꙋди́ще** (предъ народомъ съ гордостію) **глаго́лаше къ ни́мъ**[7]). Черезъ гордое совнѣ одѣяніе явно обнаруживалась внутренняя гордость. Смиренная и богобоязненная царица Есѳирь[8]) нѣкогда въ нужное для сего время

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. **17**, ст. 8.

[2]) Ср. Еванг. отъ Матѳ., гл. **20**, ст. 28. Еванг. отъ Марка, гл. **10**, ст. 45.

[3]) Еванг. отъ Луки, гл. **12**, ст. 37.

[4]) Посл. къ Филипп., гл. **2**, ст. 8.

[5]) Ср. 2 Посл. къ Коринѳ., гл. **4**, ст. 16.

[6]) Т. е. *Иродъ Агриппа,* который получилъ отъ Римскаго императора Калигулы въ управленіе Іудею. Онъ для того, чтобы понравиться Іудеямъ, воздвигъ гоненіе на христіанъ и казнилъ св. ап. Іакова Зеведеева, а Ап. Петра заключилъ въ темницу, откуда св. Апостолъ былъ чудесно избавленъ Ангеломъ. Смерть Ирода Агриппы произошла вскорѣ послѣ того, какъ онъ явился въ Кесаріи всенародно, на площади, въ царской одеждѣ, и когда льстецы стали называть его богомъ (См. объ этомъ въ кн. Дѣян. Ап., гл. **12**, 21—23).

[7]) Кн. Дѣян. Ап., гл. **12**, ст. 21.

[8]) *Есѳирь,* благочестивая Іудеянка, сдѣлавшаяся супругою царя Персидскаго Ассуира (вѣроятно, Артаксеркса Лонгимана) и спасшая свой народъ отъ избіенія, которое задумалъ противъ этого народа злой вельможа Аманъ. Это описано въ книгѣ *Есѳирь.*

одѣлась также въ принадлежности царскаго достоинства, но не отъ гордости, а по случаю опасности, угрожавшей еврейскому народу; по прошествіи же трехъ дней, когда она кончила молиться, сняла она съ себя одежды скорбныя и одѣлась въ свои праздничныя одѣянія[1]). Эти послѣднія одежды ея не соотвѣтствовали ли ея свѣтлой душѣ и ея доброму и чистому намѣренію? Конечно соотвѣтствовали, какъ говоритъ Писаніе: **и҆ бы́сть доброзра́чна, призыва́ющи всеви́дца бг҃а и҆ сп҃си́теля**[2]), такъ что внѣшняя ея красота соотвѣтствовала ея внутренней, душевной красотѣ. Вспомнимъ и Адама. Когда онъ въ раю согрѣшилъ, то сдѣлался изъ человѣка какъ бы дикимъ звѣремъ: звѣремъ, ибо онъ похитилъ запрещенный плодъ; дикимъ же потому, что онъ тогда началъ бѣгать и укрываться, какъ звѣрь въ пустынѣ. Такому его звѣриному расположенію должна была соотвѣтствовать и звѣриная, кожаная одежда, чтобы внутренній нравъ и внѣшняя одежда соотвѣтствовали другъ другу. Такъ же понимаетъ это св. Григорій Нисскій (въ жизни Моисея), который такъ говоритъ о семъ: «пусть употребляютъ кожи звѣриныя тѣ, которыя внутри, звѣринымъ своимъ нравомъ, обезобразили душу». Пойми, почему ветхій Адамъ былъ въ рубищѣ и почему новый Адамъ, Христосъ, повивается льняными пеленами. Ленъ, по свидѣтельству Григорія и Исидора[3]), является въ Св. Писаніи образомъ чистоты,—почему въ Ветхомъ Завѣтѣ и священническія одежды были сдѣланы изъ льна, въ знакъ непорочнаго и чистаго служенія священниковъ. Съ этимъ согласенъ и блаж. Іеронимъ, который, въ посланіи къ Фабіолѣ[4]), говоритъ такъ: «когда мы, приготовляясь къ облеченію себя во Христа, отлагаемъ кожаныя одежды, тогда надѣваемъ на себя одежду льняную, не имѣющую въ себѣ никакой скверны, но во всемъ чистую». Льняная одежда назначена какъ знакъ чистоты, но, о, какъ чистъ Христосъ Спаситель нашъ! **Непови́ненъ рꙋка́ма и҆ чи́стъ се́рдцемъ, грѣха̀ не сотворѝ, и҆ ле́сть не ѡ҆брѣ́тесѧ во ᲂу҆стѣ́хъ є҆гѡ̀**[5]). Онъ такъ чистъ, что самыя чистыя и свѣтлыя звѣзды угасаютъ предъ Его чистотою, согласно Писанію: **звѣ́зды нечи́сты сꙋ́ть**

---

[1]) Кн. Есенрь, гл. 4—5.

[2]) Кн. Есенрь, гл. 5, ст. 1.

[3]) *Преподобный Исидоръ Пелусіотъ* — подвижникъ египетскій V вѣка, авторъ 200 писемъ, въ которыхъ объясняетъ многія мѣста Св. Писанія. Память его — 4 февраля.

[4]) *Фабіола* — знатная Римлянка, ученица блаж. Іеронима, съ которою онъ велъ переписку.

[5]) Псаломъ 23, ст. 4. Псал. 31, ст. 2.

пред нимъ[1]). А такому Пречистому Младенцу, отъ Пречистой Дѣвы рожденному, не кожаная, звѣриная одежда была прилична, но чистый ленъ и бѣлыя пелены; для того, чтобы было взаимное соотвѣтствіе между чистотой внутренней и внѣшней. Но здѣсь еще не конецъ значенію пеленъ. Почему Адамъ одѣвается въ звѣриную кожу, а Христосъ въ льняныя пелены? Кожа имѣетъ такое тѣсное соединеніе съ тѣломъ, какъ ничто другое. И потому кожа такъ крѣпко облекаетъ тѣло, что можно только съ большимъ усиліемъ отодрать ее отъ тѣла, а ленъ не знаетъ никакой плоти; онъ самъ собою существуетъ и не имѣетъ такого соединенія съ плотію. Вотъ въ этомъ-то и заключается послѣднее основаніе для того, почему Адамъ облеченъ былъ въ кожи, а Христосъ въ ленъ. Плотяненъ былъ Адамъ: онъ до того любилъ плоть ѿ плоти своей, что не хотѣлъ ея оставить даже и въ злѣйшемъ случаѣ,—въ прогнѣваніи Бога,—но вмѣстѣ съ нею, кожа съ плотію, прогнѣвалъ своего Создателя; поэтому Господь и облекъ его въ плотское, кожаное рубище, какъ плотскаѧ мꙋдрствꙋющаго[2]). А Христосъ, хотя и явился носящимъ плоть, но былъ все-таки превыше всякой плоти, будучи Самъ Источникомъ чистоты. Посему Онъ и повитъ былъ льняными пеленами, не имѣющими никакого соединенія съ плотію, и чрезъ это разрѣшилъ кожаное рубище плотолюбія и безсловесной похоти. Посмотри на таинство пеленъ Христовыхъ: эти пелены суть пластыри на наши грѣховныя язвы; онѣ отираютъ слезы отъ очей нашихъ, онѣ неразлучно связываютъ насъ для ближайшаго соединенія съ Богомъ и въ совершенную къ Нему любовь. Еще и ясли, въ которыхъ возлежалъ повитый Младенецъ, не лишены таинственнаго значенія. Послушаемъ, что говоритъ о семъ блаженный Ѳеодоритъ[3]): «Посмотри,—говоритъ онъ,—на убогое пребываніе Того, Кто обогащаетъ Небо; посмотри на ясли Сѣдящаго на Херувимахъ; посмотри на Его земную нищету, размышляя о Его небесномъ богатствѣ. Обнищалъ Богъ, богатый въ милости, чтобы мы обогатились Его нищетою, и для того положенъ былъ въ ясли Царь Небесный, дабы мы научились Его самовольной нищетѣ и смиренію». А святый Кипріанъ говоритъ: «Для того полагается Онъ въ ясли, чтобы мы, измѣнивши скотское

---

[1]) Кн. Іова, гл. 25, ст. 5.

[2]) Посл. къ Римл., гл. 8, ст. 5.

[3]) *Блаженный Ѳеодоритъ,* епископъ Киррскій въ Сиріи, извѣстный особенно своими толкованіями на Св. Писаніе. Онъ жилъ въ V вѣкѣ.

житіе, питались не сѣномъ (грѣховныхъ сластей), но небеснымъ хлѣбомъ». И еще говоритъ Ѳеодоритъ: «Въ ясляхъ полагается Слово Божіе, чтобы и словесные, и безсловесные (т. е. праведные и грѣшные) свободно и невозбранно причащались спасительной пищи».

Таково таинство яслей Господнихъ, и таково очевидное знаменіе пришествія въ міръ Спасителя, указанное Ангеломъ пастырямъ: младе́нецъ пови́тъ, лежа́щь въ ꙗ҆́слехъ. И поистинѣ это великое знаменіе, ибо оно полно великихъ таинствъ, какъ мы уже слышали.

Итакъ, да будетъ родившемуся насъ ради Божественному Тому Младенцу честь, благодареніе и поклоненіе отъ всей твари, и родившей Его Пречистой и Преблагословенной Дѣве Маріи слава и похвала отъ всѣхъ родовъ во вѣки. Аминь.

СКАЗАНІЕ

О ПОКЛОНЕНІИ ВОЛХВОВЪ

Іи҆́сꙋ ро́ждшꙋсѧ въ вндлеемѣ̀ і҆ꙋде́йстѣмъ, во дни̑ и҆́рѡда царѧ̀, сѐ волсви̑ ѿ востѡ́къ прїидо́ша[1]),—не изъ какой-нибудь одной восточной страны, но отъ разныхъ странъ, какъ это видно изъ писаній святыхъ Отцовъ, различно говорящихъ объ этомъ. Иные изъ нихъ того мнѣнія, что волхвы были изъ Персіи[2]); такъ думаютъ святый Златоустъ, святый Кириллъ Александрійскій[3]), Ѳеофилактъ и прочіе,—на томъ основаніи, что особенно въ той странѣ процвѣтало искусство звѣздочетцевъ[4]), и никто не могъ тамъ стать царемъ, если предварительно не изучитъ этого искусства. Другіе же пола-

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 2, ст. 1.

[2]) *Персія*—страна, лежащая между Аравіей, Малой Азіей—съ одной стороны и Индіей и Туркестаномъ—съ другой.

[3]) *Св. Кириллъ, архіепископъ Александрійскій,*—ревностный защитникъ Православія противъ несторіанской ереси, которая учила, что Христосъ, родившійся отъ Пресвятой Дѣвы, былъ простымъ человѣкомъ, съ которымъ Божество соединилось только впослѣдствіи. Св. Кириллъ ревностно боролся съ этимъ лжеученіемъ. Среди его твореній есть много толкованій книгъ Св. Писанія. Скончался онъ въ 444 году. Память его—9 іюня и 18 января.

[4]) Это искусство состояло въ томъ, что по движеніямъ звѣздъ и др. небесныхъ свѣтилъ и по ихъ такому или иному положенію опредѣлялась судьба людей, а также дѣлались предсказанія о будущихъ событіяхъ.

гаютъ, что волхвы были изъ Аравіи[1]); такого мнѣнія держатся: святый мученикъ Іустинъ[2]), святый Кипріанъ, святый Епифаній,— на томъ основаніи, что эта страна весьма богата была золотомъ, ливаномъ и смирною[3]). А нѣкоторые думаютъ, что волхвы пришли изъ Эѳіопіи[4]); потому что оттуда пришла нѣкогда царица Савская, т. е. Эѳіопская, въ Іерусалимъ, чтобы послушать премудрости Соломона[5]), что, по объясненію блаженнаго Іеронима, прообразовало настоящее событіе, именно: пришествіе волхвовъ къ духовному Соломону—Христу, Который есть Божія премудрость (блаж. Іеронимъ, толкованіе на Пророка Исаію). И Давидъ говоритъ: **ѐѳїо́пїа предвари́тъ рꙋ́кꙋ свою̀ къ бг҃ꙋ**[6]). Впрочемъ, всѣ названныя страны—восточныя и смежныя одна съ другою, изобиловали золотомъ, ливаномъ и ароматами, во всѣхъ нихъ распространено было занятіе волшебствомъ и звѣздочетствомъ; притомъ мудрецамъ въ этихъ странахъ не безъизвѣстно было пророчество Валаамово[7]) объ имѣвшей возсіять звѣздѣ, каковое пророчество передавалось у нихъ изъ рода въ родъ—частію устно, частію письменно. Можно думать, самое вѣрное то, что одинъ изъ волхвовъ былъ изъ Персіи, другой —изъ Аравіи, а третій—изъ Эѳіопіи, потому что на ихъ происхожденіе изъ различныхъ странъ есть указаніе въ пророчествѣ Давида, гдѣ сказано: **ца́рїе ѳарсі́йстїи и҆ о҆́строви да́ры принесꙋ́тъ, ца́рїе а҆ра́встїи и҆ сава̀ да́ры приведꙋ́тъ**[8]). Это предрекъ Давидъ о волхвахъ, имѣвшихъ придти ко Христу съ дарами, какъ предполагаютъ толкователи Божественнаго Писанія. Слова Дави-

---

[1]) *Аравія*—обширная страна на юго-западѣ Азіи, занимающая полуостровъ къ югу отъ Сиріи и Палестины.

[2]) *Св. мученикъ Іустинъ Философъ,* прежде язычникъ, а потомъ обратившійся въ христіанство и соединившій занятіе философіей съ званіемъ христіанина. Изъ его сочиненій особенно замѣчательны *двѣ защитительныя рѣчи (или апологіи),* поданныя имъ императорамъ Антонину Пію и Марку Аврелію въ пользу христіанъ; также *бесѣда съ Трифономъ іудеемъ.* Св. Іустинъ пострадалъ мученически въ гоненіе Марка Аврелія. Память его—1 іюня.

[3]) *Ливанъ*—родъ благовонной смолы, употреблявшейся при Богослуженіи для воскуренія. *Смирна*—благовонное вещество изъ царства растительнаго (сокъ изъ коры *мирры*), употреблявшееся при погребеніи умершихъ и предохранявшее тѣло умершаго отъ тлѣнія.

[4]) *Эѳіопія*—страна въ Африкѣ, у береговъ Краснаго моря, нынѣшняя Абиссинія.

[5]) См. 3 Кн. Царствъ, гл. **10**, ст. 1—13.

[6]) Псаломъ **67**, ст. 32.

[7]) *Валаамъ*—пророкъ, котораго призвалъ изъ Месопотаміи Моавитскій царь Валакъ, чтобы онъ проклялъ евреевъ, но который, по внезапному дѣйствію Духа Божія, изрекъ еврейскому народу благословеніе и при этомъ предрекъ явленіе Мессіи (пророчество Валаама о звѣздѣ отъ Іакова). См. объ этомъ Кн. Числъ, гл. **22, 23** и **24.**

[8]) Псаломъ **71**, ст. 10.

довы: «царіе Ѳарсійстіи» означаетъ: «заморскіе», ибо «Ѳарсисъ» означаетъ «море»; итакъ, разумѣй здѣсь Персію, какъ находящуюся за моремъ[1]). «Царіе Аравстіи» явно указываетъ на Аравію. А на Эѳіопію указываетъ Давидъ, когда говоритъ: «и Сава дары приведутъ», ибо Сава—это городъ, который есть столица всей Эѳіопіи. Итакъ, тѣ три волхва были изъ Персіи, Аравіи и Эѳіопіи. Волхвами же называются они не въ смыслѣ людей, занимавшихся бѣсовскими волхвованіями и зловредными чарами, а потому, что у Аравитянъ, Сирійцевъ, Персовъ, Эѳіоплянъ и у другихъ восточныхъ народовъ былъ обычай называть волхвами своихъ мудрецовъ и звѣздочетцевъ. И эти волхвы были не изъ числа волшебниковъ и чародѣевъ, но изъ числа мудрѣйшихъ звѣздочетцевъ и философовъ[2]). Называются они и царями не въ смыслѣ могущественныхъ царей, властителей многихъ странъ, но какъ получившіе отъ нихъ каждый свой городъ или опредѣленное княжество. Ибо Св. Писаніе имѣетъ обыкновеніе называть властителей отдѣльныхъ городовъ царями, какъ это видно изъ книги Бытія, изъ главы 14-й. А изъ какихъ именно городовъ были тѣ цари, объ этомъ нѣтъ достовѣрнаго извѣстія; только то извѣстно, что—изъ странъ восточныхъ и что ихъ было трое, по числу трехъ принесенныхъ ими даровъ: золота, ливана и смирны. Хотя каждый изъ нихъ шелъ изъ своей страны, тѣмъ не менѣе, водимые одною звѣздою, они, по смотрѣнію Божію, сошлись во время своего путешествія воедино и, узнавши намѣреніе другъ у друга, шли вмѣстѣ, слѣдуя звѣздѣ, о которой нѣкогда предрекъ весьма славный звѣздочетецъ Валаамъ, сказавъ: **возсїѧ́етъ ѕвѣзда̀ ѿ і҆а́кѡва, и҆ воста́нетъ чл҃вѣ́къ ѿ і҆и҃лѧ**[3]). Что же это была за звѣзда? Златоустъ и Ѳеофилактъ утверждаютъ, что она не была изъ числа небесныхъ или видимыхъ свѣтилъ, но что это была нѣкоторая Божественная и ангельская сила, явившаяся вмѣсто звѣзды. Ибо всѣ звѣзды съ самаго сотворенія міра имѣютъ свое бытіе, а эта звѣзда явилась въ концѣ вѣковъ, при воплощеніи Бога-Слова. Всѣ звѣзды имѣютъ свое мѣсто на небѣ, а эта звѣзда видима была на воздухѣ; всѣ звѣзды, обыкновенно, совершаютъ свое теченіе съ востока на западъ, а эта

---

[1]) Не совсѣмъ точно, что Персія находится отъ Палестины за моремъ, потому что *Персидскій заливъ* отдѣляетъ Персію только отъ Аравіи.

[2]) *Философы*—люди занимавшіеся изслѣдованіемъ вопросовъ о происхожденіи міра и человѣка, также вопросомъ о добродѣтели, о конечной цѣли всего существующаго, о смыслѣ человѣческой жизни и о мног. друг.

[3]) Кн. Числъ, гл. 24, ст. 17.

звѣзда необычно двигалась съ востока къ югу, по направленію къ Іерусалиму; всѣ звѣзды сіяютъ только ночью, а эта звѣзда и днемъ сіяла подобно солнцу, несравненно превосходя небесныя звѣзды и сіяніемъ, и величіемъ; всѣ звѣзды съ прочими свѣтилами— съ солнцемъ, съ луною и со всѣмъ кругомъ небесныхъ тѣлъ — имѣютъ свое постоянное движеніе и теченіе, а эта звѣзда иногда шла, иногда же останавливалась, какъ и Ѳеофилактъ говоритъ: «Когда шли волхвы, тогда шла и звѣзда, а когда они отдыхали, то и она стояла». О времени же явленія звѣзды той различные толкователи различно мыслятъ: одни говорятъ, что она явилась въ самую ночь и въ самый часъ рождества Спасителя отъ Дѣвы, но это мнѣніе невѣроятно; ибо если бы звѣзда явилась въ то время, то какъ могли бы волхвы издалека дойти до Іерусалима въ короткій срокъ? Іосифъ, по прошествіи 40 дней послѣ рожденія Богомладенца и по исполненіи законнаго очищенія во храмѣ, тотчасъ, не медля въ своемъ домѣ въ Назаретѣ, взявъ только необходимое для путешествія, поспѣшно направился къ Египту. Хотя нѣкоторые и говорятъ, что тѣ волхвы взяли быстрыхъ коней и, совершая поспѣшно свой путь, доѣхали до Виѳлеема въ 13-й день по Рождествѣ Христовѣ, однако это невѣроятно. Вѣдь они были царями, а не скороходами, и шли съ дарами и со многими слугами, что̀ приличествовало царскому сану и чести, а также съ животными и вещами, нужными для путешествія; поэтому какъ возможно было дойти до города Виѳлеема изъ Персіи, Аравіи и Эѳіопіи въ 13 дней? Притомъ они удержаны были нѣкоторое время въ Іерусалимѣ Иродомъ до тѣхъ поръ, пока—послѣ того, какъ были собраны и спрошены первосвященники и книжники,— не выяснилось, что Христосъ долженъ родиться въ Виѳлеемѣ іудейскомъ. Другіе же толкователи, къ которымъ принадлежитъ и святый Епифаній, говорятъ, что звѣзда явилась въ часъ Рождества Христова, но что волхвы пришли на поклоненіе по прошествіи двухъ лѣтъ и нашли Младенца Христа уже двухлѣтнимъ. Это мнѣніе основано на томъ, что Иродъ приказалъ убивать младенцевъ отъ двухъ лѣтъ и ниже—по времени, о которомъ онъ тщательно узналъ отъ волхвовъ. Но такое мнѣніе святый Ѳеофилактъ называетъ явно невѣрнымъ, ибо существуетъ вѣрное всей Церкви пониманіе, по которому тѣ волхвы поклонились Христу въ Виѳлеемѣ, когда Христосъ находился еще въ пещерѣ; а по прошествіи двухъ лѣтъ Христосъ не только не былъ въ Виѳлеемѣ, но даже

и не въ Палестинѣ, но въ Египтѣ. Ибо, какъ сказано, по свидѣтельству святаго Луки, послѣ очищенія въ 40-й день во храмѣ, гдѣ старецъ Симеонъ срѣтилъ Господа, и послѣ того, какъ совершилось все по Закону Господню, святый Іосифъ и Пречистая Дѣва Марія съ Младенцемъ тотчасъ возвратились въ Галилею, а не въ Іудею, возвратились въ свой городъ Назаретъ, а не въ Виѳлеемъ; и уже изъ Назарета, по повелѣнію Ангела, направились въ Египетъ. Какъ же могли волхвы, по прошествіи двухъ лѣтъ, найти Христа въ Виѳлеемѣ? А Никифоръ, древній греческій историкъ[1]), передаетъ, что звѣзда явилась на Востокѣ за два года до Рождества и что два года волхвы ѣхали до Іерусалима, такъ что доѣхали въ самый часъ Рождества. По-видимому, и этотъ историкъ согласенъ съ тѣмъ, что̀ пишется въ Евангеліи объ избіеніи младенцевъ отъ двухъ лѣтъ и ниже, но и его мнѣніе недостовѣрно. Ибо какая была бы нужда тѣмъ волхвамъ въ двухлѣтнемъ путешествіи изъ восточныхъ странъ, откуда можно дойти до Іерусалима въ два или три мѣсяца? Если даже они и медленно, и продолжительное время путешествовали, какъ цари, тѣмъ не менѣе невѣроятно, чтобы они провели въ пути болѣе шести или семи мѣсяцевъ, потому что восточныя страны, какъ Персія, Аравія и Еѳіопія, не такъ далеки отъ Іерусалима, чтобы между ними и этимъ городомъ могъ быть путь двухлѣтній. Какое же мнѣніе о времени явленія звѣзды есть достовѣрное? Думаю, что мнѣніе святаго Іоанна Златоуста и Ѳеофилакта. Эти учители говорятъ такъ: «Звѣзда явилась волхвамъ прежде Рождества Христова. Такъ какъ имъ предстояло много времени провести въ путешествіи, то посему звѣзда явилась имъ задолго до Рождества Спасителя, чтобы они могли, достигнувъ Виѳлеема, поклониться Христу, находящемуся еще въ пеленахъ. Обратимъ вниманіе на то, что эти учители Церкви не назначаютъ той звѣздѣ двухлѣтняго времени, но только говорятъ, что «прежде многаго времени», какъ бы говоря: «за нѣсколько мѣсяцевъ». На основаніи такого толкованія Златоуста и Ѳеофилакта, по которому звѣзда явилась до времени Рождества Христова, подобаетъ разумѣть такъ, что въ самый тотъ день и часъ, въ которые, благовѣщеніемъ Архангеловымъ и Святаго Духа наитіемъ, Слово сдѣлалось плотію, зачавшись въ пренепорочной утробѣ дѣвической, за девять мѣсяцевъ предъ рождествомъ звѣзда явилась

[1]) *Никифоръ Каллистъ*, греческій историкъ XIV вѣка, оставившій намъ «Исторію Церкви».

ПОКЛОНЕ́НІЕ ВОЛХВО́В

... было свѣтло, по свидѣ... ...во храмѣ, гдѣ ... ...

...той ...

...многаго времени...

основаніи такого ... до ...

рому святая явилась до времени ... Архангела, ...

... что въ самый тотъ день и часъ, въ которые, ... Архангеломъ и Святаго Духа наитіемъ, Слово ... въ пречистой утробѣ ...

на востокѣ. Понимая такъ, мы не отступимъ отъ свидѣтельства вышеупомянутыхъ учителей и въ то же время отвергнемъ невѣроятное замедленіе волхвовъ на пути въ теченіе двухъ лѣтъ; о двухлѣтнемъ же возрастѣ убіенныхъ младенцевъ будетъ сказано дальше, въ день ихъ памяти. Итакъ, за девять мѣсяцевъ, какъ мы сейчасъ сказали, до Рождества Христова, во время благовѣщенія, волхвы увидали звѣзду на востокѣ и сначала въ удивленіи и въ недоумѣніи размышляли о томъ, что бы это могла быть за звѣзда? Не есть ли она какой-нибудь метеоръ[1]), блистающій въ воздухѣ и возвѣщающій какія-либо несчастія, какъ это предвозвѣщаютъ и кометы[2]). Да и на самомъ дѣлѣ та звѣзда предвозвѣщала въ тѣхъ странахъ несчастіе для душегубца-врага, именно: паденіе идоловъ, изгнаніе бѣсовъ, свѣта же святой вѣры яркое сіяніе. Потомъ, понявши, что эта звѣзда не случайная, но имѣющая Божественную природу и Божественное подобіе, волхвы вспомнили древнее пророчество Валаамово, а также вразумились и тѣмъ, что предсказала индійская сивилла Эритрея[3]) о той же звѣздѣ; особенно же, какъ разумѣетъ святый Левъ, папа Римскій[4]), будучи тайно научены Самимъ Богомъ, что настало время рожденія Господа и Царя всей вселенной, имѣющаго родиться во Израили, какъ и Валаамъ предрекъ: **востáнетъ чл҃вѣкъ ѿ і҃илѧ**[5]),—и что это есть Его звѣзда, издавна предвозвѣщенная. Повѣривъ несомнѣнно, что это именно такъ, и вполнѣ снарядившись въ путь, отправились они изъ своихъ странъ и, какъ уже было сказано, во время путешествія сошлись вмѣстѣ и въ единомысліи совершали путь. А между тѣмъ истекалъ девятимѣсячный срокъ со времени явленія звѣзды, и приближался часъ Рождества

---

[1]) *Метеоры*—по новѣйшему мнѣнію, части одной разсыпавшейся планеты (планета—звѣзда, имѣющая движеніе), иногда падающія на земную поверхность.

[2]) *Комета*—свѣтило небесное, не имѣющее правильнаго движенія по небосклону, но появляющееся послѣ долгихъ періодовъ. По древнимъ представленіямъ, кометы въ разныя времена предвѣщали различныя бѣдствія и несчастія.

[3]) *Сивилла Эритрейская,* т. е. изъ города *Эритреи,* который находился, вѣроятно, на берегу Краснаго моря, въ Эѳіопіи, нынѣшней Абиссиніи. Здѣсь сивилла эритрейская неточно названа индійскою.—Впрочемъ, были и еще три Эритреи: одна—въ Греціи, въ Беотіи, другая въ—Малой Азіи, третья—въ Этоліи.

[4]) *Св. Левъ, папа Римскій,* одинъ изъ великихъ святителей и защитниковъ Православія, жившій въ V вѣкѣ и прославившійся особенно своею ревностною борьбою противъ ереси Евтихія, учившаго, что во Христѣ только одно естество. Св. Левъ оставилъ намъ много Словъ на разныя мѣста Св. Писанія, а также Слова догматическія съ изложеніемъ православнаго ученія о двухъ естествахъ во Христѣ; такого же содержанія и его Посланія. Память св. Льва — 18 февраля.

[5]) Кн. Числъ, гл. 24, ст. 17.

Христова. И они приближались къ предѣламъ Палестинскимъ и, наконецъ, достигли и столицы Іудеи—Іерусалима, въ самый день Рождества Христова. Когда же они подходили къ Іерусалиму, звѣзда, которая вела ихъ, вдругъ скрылась изъ глазъ; потому что, если бы та же звѣзда засіяла и въ Іерусалимѣ, народъ во всякомъ случаѣ увидалъ бы ее и вмѣстѣ съ нею пошелъ бы за волхвами ко Христу. Тогда бы и Иродъ, и завистливые іудейскіе начальники синагоги узнали, гдѣ находится рожденный Христосъ, и по зависти убили бы Его преждевременно. Но Божіе смотрѣніе, которое лучше устраиваетъ наше спасеніе, повелѣло звѣздѣ скрыться, частію для того, чтобы ищущіе души Младенца не узнали мѣста пещеры, частію же потому, что глаза злонравнаго іудейскаго народа были недостойны увидѣть ту пречудную звѣзду; а частію, дабы испытать ихъ вѣру,—повѣрятъ ли они словамъ тѣхъ волхвовъ, которые возвѣщали пришествіе Мессіи, и захотятъ ли познать Христа, Спасителя міра; если не захотятъ, то пусть это будетъ имъ на бо́льшее осужденіе. Такъ разсуждаетъ объ этомъ блаженный Ѳеофилактъ: «Для чего,—говоритъ онъ,—пришли волхвы? На осужденіе Іудеямъ, ибо если волхвы, будучи язычниками, повѣрили, то какой отвѣтъ могутъ воздать Іудеи? Волхвы изъ столь далекихъ странъ пришли поклониться Христу, а Іудеи, имѣя Его у себя, гнали Его».

Волхвы, вошедши въ столичный городъ Іерусалимъ, спрашивали о новорожденномъ Царѣ: **гдѣ є҆́сть рожде́йсѧ цр҃ь і҆ꙋде́йскїй; ви́дѣхомъ бо ѕвѣздꙋ̀ є҆гѡ̀ на восто́цѣ, и҆ прїидо́хомъ поклони́тисѧ є҆мꙋ̀** [1]). И тотчасъ эта вѣсть удивила народъ и смутила царя Ирода и всѣхъ іерусалимскихъ начальниковъ. Царь, собравши всѣхъ первосвященниковъ и книжниковъ, спрашивалъ ихъ:

— Гдѣ долженъ родиться Христосъ?

Онъ сталъ бояться, какъ бы у него не отнято было царство, и размышлялъ о томъ, какъ бы убить новорожденнаго Царя. Узнавъ, что Христосъ долженъ родиться въ Виѳлеемѣ, онъ призвалъ волхвовъ и выпыталъ у нихъ о времени явленія звѣзды. Затѣмъ, скрывши обманъ, имѣя неправедную мысль и злое намѣреніе, сказалъ лукаво:

— **Ше́дше и҆спыта́йте и҆звѣ́стнѡ ѡ҆ ѻ҆троча́ти: є҆гда́ же ѡ҆брѧ́щете, возвѣсти́те мѝ, ꙗ҆́кѡ да и҆ а҆́зъ ше́дъ поклонюсѧ є҆мꙋ̀** [2]).

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 2, ст. 2.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 2, ст. 8.

Когда волхвы ушли изъ Іерусалима, тотчасъ явилась звѣзда, водившая ихъ, и пошла предъ ними, и они очень обрадовались вторичному ея появленію. И шла она предъ ними, пока не довела ихъ до Виѳлеема, до пещеры, и не остановилась надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находился Младенецъ. Надъ тѣмъ жилищемъ, гдѣ находился Младенецъ, остановилась звѣзда, т. е. она сошла съ высоты внизъ и приблизилась къ землѣ. Иначе нельзя было бы узнать, надъ какимъ мѣстомъ она стоитъ, если бы она не сошла ниже. Такъ разсуждаетъ и блаженный Ѳеофилактъ, слѣдуя святому Златоусту: «Это было необычайное знаменіе, говоритъ онъ, потому что звѣзда сошла съ высоты, и, спустившись къ землѣ, показала волхвамъ мѣсто. Ибо если бы она находилась на высотѣ, то какъ могли бы они узнать опредѣленное мѣсто, гдѣ находился Христосъ? Потому что каждая звѣзда господствуетъ надъ многими мѣстами. Какъ и ты часто видишь Луну наверху своего дома, такъ и мнѣ кажется, что она находится надъ моимъ домомъ; и всѣмъ кажется подобное, именно: будто только надъ ними стоитъ Луна или какая-нибудь звѣзда. Подобнымъ образомъ и та звѣзда не могла бы явно указать на Христа, если бы не сошла внизъ и не остановилась надъ главою Младенца». И по этому чуду видно, что та звѣзда не была изъ числа звѣздъ, находящихся на тверди небесной, но была особой силой Божіей. Итакъ, волхвы нашли Того, Кого искали, когда вошли въ домъ, какъ говоритъ Евангеліе. На этомъ основаніи многіе полагаютъ, что они нашли Христа не въ пещерѣ, но въ одномъ изъ домовъ города, такъ какъ Евангеліе упоминаетъ не пещеру, но домъ. По сему мнѣнію, Евангеліе какъ бы такъ говоритъ: «Когда множество народа, пришедшаго для переписи, разошлось, то сдѣлались свободными и общая гостинница, и другіе дома виѳлеемскихъ гражданъ; тогда и Матерь съ Младенцемъ переведена была изъ пещеры въ одинъ изъ домовъ. Но святый мученикъ Іустинъ, Златоустъ, Григорій Нисскій и Іеронимъ говорятъ, что Господь оставался въ пещерѣ, гдѣ родился, до самаго времени очищенія, которое бывало въ 40-й день, и что тамъ нашли Его и волхвы. И такъ случилось для того, чтобы земные цари узнали, что царство новорожденнаго Царя въ нищетѣ, въ смиреніи и въ презрѣніи мірской славы, а не въ богатствахъ, тщеславіи и палатахъ. Цѣль сего была также и та, чтобы при этомъ могла сильнѣе проявиться ихъ вѣра, въ силу которой они не раскаялись и не возроптали, когда нашли

Того, ради Котораго совершили такой продолжительный путь и Котораго надѣялись найти въ царскихъ палатахъ,—въ такой нищетѣ.

Найдя Господа въ пещерѣ, волхвы поклонились Ему падши, т. е., не простымъ поклоненіемъ, но подобающимъ Богу, не только какъ человѣку, но и какъ Богу; потому что, какъ говорятъ святый Ириней[1]) и папа Левъ, «тѣ волхвы таинственно просвѣщенные благодатію Господнею, увидѣвши Младенца, познали и увѣровали, что Онъ—Богъ, и посему поклонились Ему не только какъ Царю, но и какъ Богу,—поклоненіемъ, приличествующимъ Богу. Поэтому и написано: **па́дше и҆ ѿве́рзше сокрови́ща своѧ́, принесо́ша є҆мꙋ̀ да́ры**[2]), исполняя повелѣнное: **да не ѩ҆ви́шисѧ пред̾ гдⷭ҇емъ то́щь**[3]). Какіе же дары? Золото, ливанъ и смирну: золото—какъ Царю, ливанъ—какъ Богу, смирну—какъ смертному человѣку (Блаженный Ѳеофилактъ). Ибо смирною Іудеи помазывали тѣло умершаго, желая сохранить его цѣлымъ. Такимъ образомъ три царя почтили Единаго отъ Троицы тремя дарами, и этими дарами исповѣдали въ Немъ два естества. Объ этомъ святый Левъ говоритъ такъ: «Они приносятъ ливанъ — Богу, смирну — человѣку, золото—Царю, правильно почитая Божіе и человѣческое естество въ единствѣ; сердцемъ они въ это вѣруютъ, а дарами исповѣдуютъ».

Получивши вѣсть во снѣ отъ Ангела, явившагося имъ, чтобы они не возвратились къ Ироду, злоумышляющему и намѣревающемуся убить новорожденнаго Царя, волхвы инымъ путемъ возвратились каждый въ свою страну, и тамъ сдѣлались учителями и проповѣдниками Христовыми, по достовѣрному свидѣтельству Никифора. Ибо, проповѣдуя пришествіе въ міръ Христа, Сына Божія, они научали людей вѣровать въ Него, какъ и сами они вѣровали; и несомнѣнно, что они по смерти сподобились быть причтенными къ лику святыхъ. А имена ихъ такія: первый—Мелхіоръ, старый и сѣдой, съ длинными волосами и бородой; онъ принесъ золото Царю и Владыкѣ. Второй—Гаспаръ, молодой и безъ бороды съ лицемъ румянымъ; онъ принесъ ливанъ вочеловѣчившемуся Богу. Третій—Валтасаръ, смуглый лицомъ, съ длин-

---

[1]) *Св. Ириней, епископъ Ліонскій,* въ Галліи,—священномученикъ, пострадавшій въ гоненіе Септимія Севера, въ 202 году. Онъ былъ ученикомъ св. Поликарпа Смирнскаго (ученика св. Ап. Іоанна Богослова). Главное сочиненіе св. Иринея—*Противъ ересей,* или, вѣрнѣе, *Обличеніе лжеименнаго знанія.*—Память св. Иринея —23 августа.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 2, ст. 11.

[3]) Кн. Исходъ, гл. 23, ст. 15.

ною бородою, онъ принесъ смирну смертному Сыну Человѣческому. Ихъ тѣла, послѣ многихъ лѣтъ, перенесены были сначала въ Константинополь, затѣмъ въ Медіоланъ [1]), потомъ въ Кельнъ [2]), въ честь воплощеннаго Христа Бога, Которому съ Родившею Его да будетъ отъ насъ слава во вѣки. Аминь.

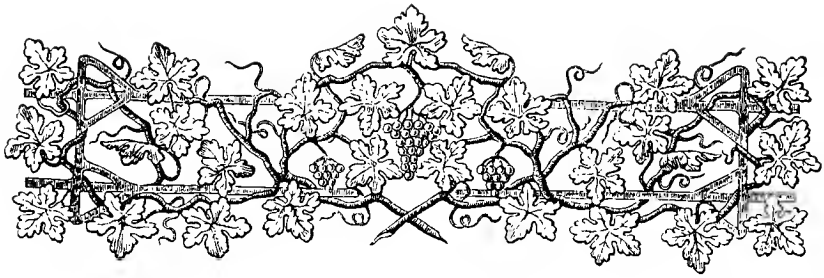
Кондакъ праздника, гласъ ѕ:

Иже прежде денницы ѿ ѻ҃ца безъ матере родивыйся, на земли безъ ѻ҃ца воплотися днесь изъ тебе: тѣмже звѣзда благовѣствуетъ волхвомъ, а҃гг҃ли же съ пастырьми поютъ несказанное рж҃тво твое, благодатная.

---

[1]) *Медіоланъ*, нынѣшній *Миланъ*, городъ въ Сѣв. Италіи, столица древней Лигурін.

[2]) *Кельнъ* (древ. *Колонія Агриппина*), древній городъ на Рейнѣ, въ Германіи, знаменитый своимъ величественнымъ соборомъ, въ которомъ, по благочестивому вѣрованію западныхъ христіанъ, покоятся части мощей свв. трехъ волхвовъ. Святитель Димитрій также считаетъ Кельнъ обладателемъ этой святыни.



День двадцать шестой

СКАЗАНІЕ

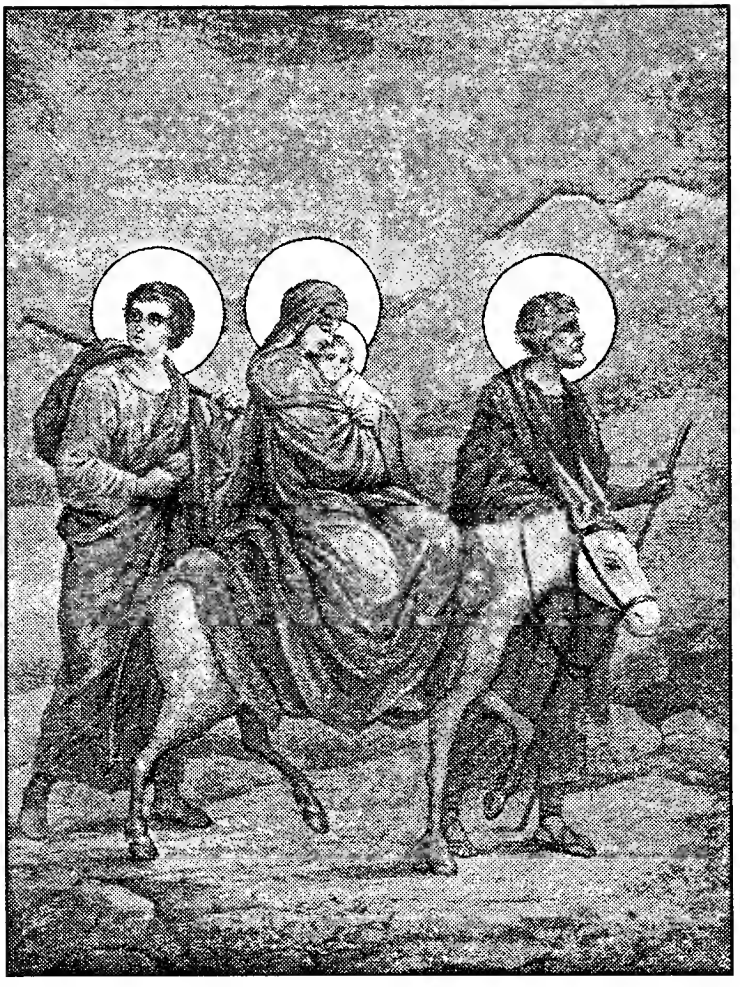
о бѣгствѣ

ПРЕЧИСТЫЯ ДѢВЫ БОГОРОДИЦЫ СЪ БОГОМЛАДЕНЦЕМЪ

въ Египетъ

После того, какъ волхвы ушли изъ Виѳлеема, Ангелъ Господень во снѣ явился Іосифу, повелѣвая ему, чтобы онъ вмѣстѣ съ новорожденнымъ младенцемъ Іисусомъ Христомъ и Матерію Его, Пречистою Дѣвою Маріею, бѣжалъ въ Египетъ и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока ему повелѣно будетъ оттуда возвратиться, такъ какъ Иродъ хочетъ искать Младенца, чтобы погубить Его. Іосифъ, вставъ, взялъ Младенца и Матерь Его ночью и пошелъ въ Египетъ. Но сначала, прежде отшествія своего туда, онъ исполнилъ въ храмѣ Соломоновомъ все, что опредѣлено было по Закону Господню, ибо дни очищенія Пречистой и Пренепорочной Богоматери уже наступили, и въ томъ храмѣ срѣтили Господа нашего старецъ Симеонъ и Анна пророчица. Потомъ, исполнивъ все, что̀ опредѣлено было въ Законѣ, Іосифъ пошелъ въ Назаретъ, въ домъ свой. Ибо такъ говоритъ святый Лука: **ꙗ҆́кѡ скончáшасѧ всѧ̑ по закóнꙋ гдⷭ҇ню, возвратѝшасѧ въ галїлéю, во грáдъ свóй назарéтъ** [1]). Отсюда явно, что они не тотчасъ направились

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 2, ст. 39.



БѢГСТВО ВО ЄГИ́ПЕТЪ

изъ Виѳлеема къ Египту, но сначала пошли въ храмъ Господень, затѣмъ въ Назаретъ и, наконецъ, въ Египетъ. О томъ свидѣтельствуетъ и святый Ѳеофилактъ въ толкованіи на Евангелиста Матѳея, когда пишетъ такъ: «*Вопросъ:* Какъ это говоритъ Евангелистъ Лука, что Господь удалился въ Назаретъ по прошествіи 40 дней по рожденіи Своемъ и послѣ срѣтенія Своего старцемъ Симеономъ? А здѣсь святый Матѳей говоритъ, что онъ пришелъ въ Назаретъ уже по возвращеніи изъ Египта? *Отвѣтъ:* Знай, что Евангелистъ Лука упоминаетъ о томъ, о чемъ умолчалъ Евангелистъ Матѳей, именно—что Господь (говоритъ Лука) по рождествѣ Своемъ пошелъ въ Назаретъ. А Матѳей говоритъ о томъ, что случилось уже послѣ того, именно: какъ нашъ Господь бѣжалъ въ Египетъ и какъ, по возвращеніи оттуда, снова пошелъ въ Назаретъ. Вообще Евангелисты не противорѣчатъ другъ другу, но только Лука говоритъ объ удаленіи Христа *изъ Виѳлеема* въ Назаретъ, а Матѳей повѣствуетъ о Его возвращеніи въ Назаретъ *изъ Египта*». Итакъ, по выходѣ изъ храма Господня святые путники сначала отправились въ Назаретъ и немедленно сдѣлали распоряженіе относительно своего дома; а затѣмъ, захвативши все, нужное для путешествія, поспѣшно, ночью (чтобы ближайшіе сосѣди не узнали этого) направились по дорогѣ къ Египту. При этомъ они взяли съ собою, для услуженія, и Іакова, старшаго сына Іосифова, названнаго впослѣдствіи братомъ Господнимъ, что видно изъ церковнаго пѣснопѣнія на 23-е октября, гдѣ поется такъ: **Є҆же по пло́ти гдⷭ҇нѧ жела́нїѧ мꙋ́дре, бра́тъ показа́лсѧ є҆сѝ, ᲂу҆чени́къ, и҆ самови́децъ бж҃е́ственныхъ та̑инъ, бѣ́гаѧй съ ни́мъ, и҆ во є҆гѵ́птѣ бы́въ со і҆ѡ́сифомъ, мт҃рїю же і҆и҃сово́ю: съ ни́миже молѝ сп҃сти́сѧ на́мъ**[1]). Отсюда явно, что и Іаковъ сопутствовалъ святому семейству на пути въ Египетъ, служа ему во время путешествія. А бѣжалъ Господь въ Египетъ частію для того, чтобы показать, что Онъ есть истинный человѣкъ воплощенный, а не духъ и привидѣніе (на что указываетъ святый Ефремъ въ словѣ на Преображеніе, когда говоритъ: «Если бы Онъ не былъ плотію, то тогда съ Кѣмъ же бѣжалъ Іосифъ въ Египетъ?»); а частію для того, чтобы научить насъ бѣжать гнѣва и ярости человѣческой, а не съ гордостію противиться имъ. Такъ объясняетъ и Златоустъ: «Въ своемъ бѣгствѣ,—говорилъ онъ,—Господь научаетъ насъ давать мѣсто ярости, т. е. бѣгать человѣческой ярости. И если Всемогущій бѣжитъ,

[1]) На стиховнѣ стихвра 2-я.

то мы, гордые, научаемся этимъ не подвергать себя опасности». Цѣль бѣгства Господня въ Египетъ и та, чтобы очистить Египетъ отъ идоловъ и, какъ говоритъ святый папа Левъ, чтобы не безъ этой страны, въ которой въ первый разъ чрезъ закланіе агнца были прообразованы спасительное знаменіе креста и Пасха Господня,—уготовалось таинство святѣйшей жертвы. Также и чтобы исполнилось слѣдующее пророчество Исаіино: **сѐ гдⷭ҇ь сѣди́тъ на ѻ҆́блацѣ ле́гцѣ, и҆ прїи́детъ въ є҆гѵ́петъ, и҆ потрѧсѹ́тсѧ рѹкотворе́ннаѧ є҆гѵ́петскаѧ ѿ лица̀ є҆гѡ̀**[1]). Въ этомъ мѣстѣ подъ облакомъ святый Амвросій разумѣетъ Пречистую Дѣву, Которая принесла на рукахъ Своихъ Господа въ Египетъ, и пали идолы египетскихъ боговъ. Тотъ облакъ, Пречистая Дѣва,—легокъ, ибо Она не отягощена никакимъ бременемъ какого-либо грѣха или плотскаго вожделѣнія и познанія супружества.

Передается и то, что когда праведный Іосифъ, Пречистая Дѣва и Богомладенецъ шли въ Египетъ, въ одномъ пустынномъ мѣстѣ напали на нихъ разбойники и хотѣли отнять у нихъ осла, на которомъ они везли то немногое, что̀ необходимо было имъ въ дорогу, и на которомъ иногда и сами ѣздили. Одинъ же изъ тѣхъ разбойниковъ, увидѣвъ Младенца необычайной красоты и удивившись такой красотѣ, сказалъ:

— Если бы Богъ принялъ на Себя человѣческое тѣло, то не могъ бы быть красивѣе сего Младенца.

Сказавъ это, онъ запретилъ своимъ товарищамъ, прочимъ разбойникамъ, и не далъ имъ ничѣмъ обидѣть сихъ путниковъ. Тогда Пречистая Богородица сказала тому разбойнику:

— Знай, что Сей Младенецъ воздастъ тебѣ щедрымъ воздаяніемъ за то, что ты охранилъ Его.

Этотъ разбойникъ былъ тотъ самый, который впослѣдствіи, при распятіи Христа, былъ повѣшенъ на крестѣ по правую сторону и которому Господь сказалъ: «**Дне́сь со мно́ю бꙋ́деши въ раи̇̀**»[2]). И исполнилось пророческое предсказаніе Божіей Матери, что «воздастъ тебѣ Сей Младенецъ».

Когда они вошли въ Египетскую страну и находились въ предѣлахъ Ѳиваиды, приблизились они къ городу Ермополю[3]). Близъ

---

[1]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 19, ст. 10.

[2]) Еванг. отъ Луки, гл. 23, ст. 43.

[3]) *Ѳиваида*—область знаменитаго въ древности египетскаго города Ѳивы; этимъ же именемъ назывался, по имени главнаго города, и вообще весь Верхній (Южный)

входа въ сей городъ росло очень красивое дерево, называвшееся *персея*, которое тамошніе жители, по своему идолопоклонническому обычаю, почитали какъ бога—изъ-за его высоты и величественной красоты, поклоняясь ему и принося ему жертвы; ибо въ томъ деревѣ жилъ и бѣсъ, почитаемый ими. Когда Пречистая Богоматерь съ Божественнымъ Младенцемъ приблизилась къ тому дереву, тотчасъ оно сильно потряслось, ибо бѣсъ, убоявшись пришествія Іисусова, бѣжалъ. А дерево приклонило свою верхушку до самой земли, воздавая подобающее поклоненіе своему Создателю и Его Родительницѣ, Пречистой Дѣвѣ; кромѣ того, оно оградило ихъ тѣнію своихъ многолиственныхъ вѣтвей отъ солнечнаго зноя и тѣмъ дало возможность утомленнымъ святѣйшимъ путникамъ отдохнуть. И въ такомъ наклоненномъ видѣ осталось то дерево въ очевидное знаменіе пришествія Господа въ Египетъ. Послѣ того, какъ подъ симъ деревомъ Господь съ Своею Матерію и Іосифомъ отдыхали, это дерево получило цѣлебную силу, ибо отъ его вѣтвей исцѣлялись всякія болѣзни. Затѣмъ святые путники прежде всего вошли въ тотъ городъ—и идольскій храмъ, находившійся въ немъ, и идолы всѣ тотчасъ пали. О семъ храмѣ упоминаетъ Палладій въ Лавсаикѣ [1]): «Мы видѣли,—говоритъ онъ,—тамъ (въ Ермополѣ) идольскій храмъ, въ которомъ во время пришествія Спасителя упали всѣ идолы ницъ на землю. Также и въ одномъ селеніи, называемомъ Сиренъ, упало триста шестьдесятъ пять идоловъ въ одномъ храмѣ въ то время, какъ вошелъ въ селеніе Христосъ съ Пречистою Матерію [2]).

Египетъ. *Ермополь*—одинъ изъ значительныхъ городовъ древняго Египта, служившій виднымъ религіознымъ центромъ язычества.

[1]) *Палладій Еленопольскій* (368—430 г.) былъ уроженецъ Галатіи; въ 388 году прибылъ въ Александрію, оттуда потомъ удалился въ близлежащую пустыню для подвиговъ безмолвія, а потомъ переселился въ Виѳлеемъ; въ 399 году избранъ въ епископа Еленопольскаго, въ Виѳиніи, въ Малой Азіи. Послѣ того императоръ Аркадій сослалъ его какъ сторонника св. Іоанна Златоуста въ Верхній Египетъ, откуда въ 408 г. онъ перемѣщенъ въ Антиною, а въ 412 году возвращенъ на свою каѳедру, въ Еленополь. По просьбѣ Каппадокійскаго префекта Лавса, въ 420 году онъ составилъ собраніе жизнеописаній святыхъ подвижниковъ и сказаній о нихъ, которое въ честь его назвалъ «Лавсаикомъ».—Память Палладія Еленопольскаго въ Субботу Сырную.

[2]) Всѣ подробности о путешествіи Пресвятой Дѣвы съ Богомладенцемъ Іисусомъ и съ прав. Іосифомъ въ Египетъ и о пребываніи ихъ тамъ такъ же, какъ и многія подробности о рождествѣ Христовомъ, заимствованы изъ апокрифическихъ евангелій, въ особенности изъ такъ называемаго «Евангелія дѣтства Спасителя», также и изъ апокрифическаго сочиненія, извѣстнаго подъ заглавіемъ: «Исторія рожденія Маріи и дѣтства Спасителя».—Преданіе о паденіи идоловъ египетскихъ при въѣздѣ св. семейства въ Египетъ упоминается и въ акаѳистѣ Спасителю, гдѣ говорится: *идоли бо, Спасе нашъ, не терпяще Твоея крѣпости, падоша* (Икосъ 6-й).

Да и во всемъ Египтѣ во время пришествія Господня сокрушились идолы, и бѣсы бѣжали изъ нихъ, и исполнилось въ этомъ событіи то, что предрекъ св. пророкъ Іеремія, находясь въ Египтѣ, когда сказалъ: «Всѣ идолы должны будутъ упасть, и всѣ изображенія боговъ сокрушиться тогда, когда придетъ сюда Дѣва Матерь съ Младенцемъ, рожденнымъ въ ясляхъ». Со времени сего Іереміина пророчества у Египтянъ существовалъ обычай изображать Дѣву, покоющуюся на постели, а близъ Нея Младенца, лежащаго въ ясляхъ и повитаго пеленами, и поклоняться этому изображенію. Когда однажды царь Птоломей спросилъ египетскихъ жрецовъ, для чего они это дѣлаютъ, тѣ отвѣтили: «Это— тайна, возвѣщенная древнѣйшимъ предкамъ нашимъ однимъ святымъ пророкомъ, и мы ждемъ исполненія того пророчества и раскрытія сей тайны».

Послѣ сего святые путешественники повернули немного въ сторону отъ города Ермополя и, ища мѣста для остановки, вошли въ селеніе, называвшееся Натарея, лежащее недалеко отъ Иліополя[1]). Іосифъ близъ этого селенія оставилъ Пречистую Дѣву Марію со Христомъ Господомъ, а самъ пошелъ въ селеніе ради пріобрѣтенія потребнаго. А то смоковничное дерево, пріютившее святыхъ странниковъ подъ собою, раздвоилось сверху до низу и опустило свой верхъ, образуя какъ бы сѣнь или шатеръ надъ ихъ главою; а внизу, у своего корня, оно образовало въ той разсѣлинѣ какъ бы углубленіе, удобное для пребыванія, и тамъ Пречистая Дѣва съ Младенцемъ легла и отдохнула отъ путешествія. То мѣсто и до сего времени въ большомъ почитаніи не только у христіанъ, но и у сарациновъ, которые и до сихъ поръ (какъ это разсказывается достовѣрными очевидцами) возжигаютъ свѣтильникъ съ елеемъ въ разсѣлинѣ дерева въ честь почивавшей тамъ Дѣвы съ Младенцемъ. Іосифу и Пресвятой Богородицѣ захотѣлось остаться въ томъ селеніи, и, найдя для себя недалеко отъ того дерева хижину, они начали въ ней жить. Совершилось и другое чудо силою Божественнаго Младенца, ибо тамъ же, близъ ихъ мѣстопребыванія и близъ того чудеснаго дерева, явился внезапно источникъ живой воды, изъ котораго Пречистая Дѣва черпала для своей потребы и въ которомъ устраивала купанье для Своего Младенца. Существуетъ тотъ источникъ и донынѣ, имѣя очень

---

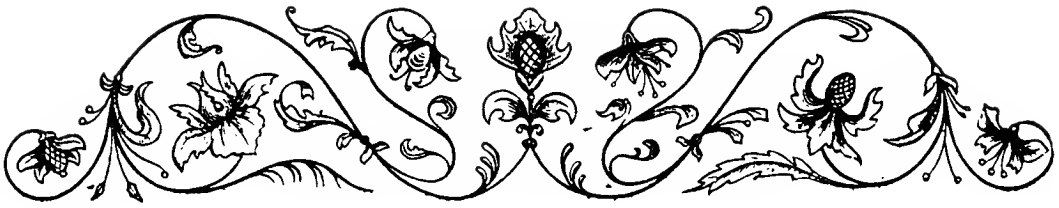
[1]) *Иліополь*—городъ въ Нижнемъ (Сѣверномъ) Египтѣ.

холодную и здоровую воду. А что еще удивительнѣе, что во всей землѣ Египетской это единственный источникъ живой воды, и онъ славится въ томъ селеніи. Симъ кончается повѣствованіе о пребываніи Пречистой Богоматери со Христомъ въ Египтѣ, гдѣ они пробыли нѣсколько лѣтъ. Но точнаго извѣстія о томъ, сколько лѣтъ провелъ Господь въ Египтѣ,—нѣтъ. Св. Епифаній говоритъ, что—два года, а Никифоръ—три года, а Георгій Кедринъ—пять лѣтъ; иные же, какъ Аммоній Александрійскій, думаютъ, что семь лѣтъ. Во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что до кончины Иродовой, какъ и Евангеліе говоритъ: и҆ бѣ та́мѡ до ᲂу҆ме́ртвїѧ и҆ро́ѡдова[1]).

Послѣ же убіенія виѳлеемскихъ младенцевъ и послѣ того, какъ окаянный Иродъ погибъ злою смертію, Ангелъ Господень опять явился во снѣ Іосифу, повелѣвая ему возвратиться изъ страны Египетской въ землю Израилеву, ибо (сказалъ онъ) и҆зомро́ша и҆щꙋ́щїи дꙋ́шꙋ ѻ҆троча́те. Іосифъ всталъ, взялъ Младенца и Матерь Его и пошелъ въ Іудею, которая составляла лучшую и бо̀льшую часть земли Израильской. Услышавъ же, что Архелай царствуетъ въ Іудеѣ вмѣсто Ирода, отца своего, онъ убоялся идти туда. Ибо Иродъ оставилъ послѣ себя трехъ сыновей: перваго—Архелая, другаго—Ирода Антипу, а третьяго, самаго младшаго,—Филиппа. Всѣ они, по смерти отца своего, отправились въ Римъ, къ кесарю, изъ-за соперничества, такъ какъ каждый изъ нихъ хотѣлъ получить царство отца. Кесарь, не давая ни одному изъ нихъ царской чести, раздѣлилъ царство на четыре части, назвавъ ихъ тетрархіями. Старшему брату Архелаю онъ далъ Іудею, Ироду Антипѣ далъ Галилею, а младшему брату Филиппу—Трахонитскую страну; Авилинію же далъ онъ Лисанію, младшему сыну Лисанія старшаго, нѣкогда друга Иродова, а потомъ убитаго имъ по зависти. Отпуская всѣхъ ихъ изъ Рима, кесарь обѣщалъ Архелаю и царскую честь, если только онъ обнаружитъ хорошее и заботливое управленіе своею частію. Но Архелай нисколько не лучше былъ жестокаго отца своего, мучая и убивая многихъ, ибо, пришедши въ Іерусалимъ, онъ тотчасъ напрасно убилъ три тысячи народа, и многихъ гражданъ велѣлъ мучить въ день праздника среди храма, предъ всѣмъ собраніемъ іудеевъ. По причинѣ такой своей жестокости, онъ былъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, оклеветанъ, лишенъ власти и сосланъ въ заточеніе. Іосифъ, при

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 2, ст. 15.

своемъ возвращеніи, услышалъ, что царствуетъ этотъ злой Архелай, хотя и безъ царскаго титула, и убоялся идти въ Іудею; получивъ же извѣщеніе во снѣ отъ того Ангела, который уже прежде являлся ему, ушелъ въ предѣлы галилейскіе, во владѣніе Ирода Антипы, брата Архелая, ибо этотъ Иродъ съ бо́льшею кротостію правилъ народомъ, чѣмъ братъ его; и поселился Іосифъ въ городѣ Назаретѣ, въ своемъ домѣ, гдѣ они и прежде жили, дабы исполнилось предсказанное о Христѣ Господѣ пророками, что Онъ назовется Назореемъ. Ему слава во вѣки. Аминь.



ЖИТІЕ

ПРАВЕДНАГО ЦАРЯ

ДАВИДА[1]

Святый царь и Пророкъ Давидъ происходилъ изъ колѣна Іудина. Отецъ его Іессей былъ однимъ изъ старѣйшинъ города Виѳлеема и имѣлъ восемь сыновей, изъ которыхъ Давидъ былъ младшимъ. Когда Давидъ достигъ отроческаго возраста, отецъ поручилъ ему пасти свои стада. Уединенно жилъ отрокъ среди стадъ, оберегая родительское достояніе; когда приходилъ левъ или медвѣдь и уносилъ овцу изъ стада, то Давидъ гнался за ними и отнималъ добычу; когда звѣрь бросался на него, то Давидъ бралъ его за космы, поражалъ и умерщвлялъ. Господь хранилъ отрока, ибо онъ былъ благочестивъ и не любилъ праздности; онъ устроилъ себѣ музыкальный инструментъ со струнами и въ часы досуга упражнялся въ пѣніи и игрѣ на этомъ инструментѣ. Данную отъ Бога способность къ этому искусству Давидъ обратилъ на службу Богу, на прославленіе Его Святаго Имени; непрестанно пребывая въ Богомысліи, отрокъ, бряцая на струнахъ, воспѣвалъ премудрость и благость Отца Небеснаго, являемыя во всемъ созданіи Божіемъ и въ жизни человѣческой.

Въ то время царемъ Израильскимъ былъ Саулъ. Нѣкоторыми своими поступками онъ обнаружилъ непокорность повелѣніямъ Господнимъ и показалъ, что свои собственныя силы и желанія

---

[1]) Память праведныхъ Давида царя, Іосифа обручника и Іакова брата Божія совершается въ недѣлю по Рождествѣ Христовѣ, которая посему и называется *недѣлею Богоотецъ*. Если эта недѣля случится 1-го января, т. е. по отданіи Рождества Христова, то служба упомянутымъ святымъ отправляется 26-го декабря.

онъ ставитъ выше воли и милости Царя царствующихъ. Тогда Господь повелѣлъ пророку Самуилу объявить Саулу:

— За то, что ты отвергъ слово Господне, и Онъ отвергъ тебя, чтобы ты не былъ царемъ.

Вскорѣ послѣ того Господь послалъ Самуила къ Іессею виѳлеемлянину,—ибо «между сыновьями его Я усмотрѣлъ себѣ царя»,—сказалъ Господь. Прибывши въ Виѳлеемъ, пророкъ приказалъ старѣйшинамъ города приготовиться, чтобы принести жертву Богу Израилеву, пригласивъ къ сему и Іессея съ сыновьями. Когда пришли дѣти Іессея, Самуилъ, увидавъ старшаго изъ нихъ Еліана подумалъ, что онъ—избранникъ Божій, но Господь сказалъ пророку:

— Не смотри на видъ его и на высоту роста его; Я отринулъ его. Я смотрю не такъ, какъ смотритъ человѣкъ: ибо человѣкъ смотритъ на лицо, а Господь смотритъ на сердце.

И ни объ одномъ изъ бывшихъ съ Іессеемъ семи сыновей Самуилъ не получилъ откровенія; тогда онъ спросилъ Іессея, всѣ ли дѣти его здѣсь. Старецъ отвѣтилъ, что есть еще одинъ сынъ, который пасетъ овецъ; пророкъ приказалъ послать за отрокомъ. Когда пришелъ Давидъ, Господь сказалъ Самуилу:

— Встань, помажь его, ибо это онъ.

Пророкъ взялъ принесенный имъ съ собою рогъ съ елеемъ и помазалъ Давида среди его братьевъ. И почивалъ Духъ Господень на Давидѣ съ того дня и послѣ. Затѣмъ Самуилъ ушелъ изъ Виѳлеема, а отрокъ возвратился къ прежнему своему дѣлу.

А отъ Саула отступилъ Духъ Господень, и онъ впалъ въ болѣзнь бѣснованія; мучительны были припадки этой болѣзни, и Саулъ постоянно находился въ раздраженномъ состояніи, томимый мрачными думами. Тогда царедворцы посовѣтывали своему государю пригласить человѣка, хорошо играющаго на гусляхъ, чтобы тотъ своею игрою успокаивалъ царя во время припадковъ болѣзни. Саулъ согласился, и тогда одинъ изъ придворныхъ указалъ на Давида. По приказанію царя, восемнадцатилѣтній юноша—пастырь былъ призванъ къ царскому двору; когда Саулъ болѣзненно мучился, Давидъ игралъ на своихъ гусляхъ, благоугождая Богу, и отраднѣе и лучше становилось Саулу, и злой духъ отступалъ отъ него. Давидъ очень понравился царю и сдѣлался его оруженосцемъ; но служба его при дворѣ не была безпрерывной, и онъ имѣлъ возможность надолго уходить въ свой родной городъ и продолжать заниматься своимъ пастушескимъ дѣломъ.

Ст҃ый пр҃ро́къ
Дв҃дъ

Вскорѣ произошло нашествіе Филистимлянъ[1]) на землю Израильскую. Вступивъ въ предѣлы колѣна Іудина, они расположились лагеремъ между Сокхоѳомъ и Азекомъ въ Ефесъ-Даммимѣ[2]). Саулъ съ израильскимъ войскомъ остановился верстахъ въ двухъ южнѣе; между обоими лагерями находилась обширная долина. Филистимляне задумали покончить войну обычнымъ въ древности поединкомъ, и изъ ихъ стана выступилъ великанъ Голіаѳъ, уроженецъ Геѳа, изъ рода Энаковъ[3]). Онъ былъ ростомъ шести локтей и одной пяди[4]), т. е. 4 аршинъ и 14 вершковъ; на немъ было полное воинское вооруженіе изъ мѣди: чешуйчатая броня, вѣсомъ пять тысячъ сиклей[5]), шлемъ, наколѣнники и щитъ; въ рукахъ онъ несъ желѣзное копье вѣсомъ шестьдесятъ сиклей. Обращаясь къ войску израильскому, Голіаѳъ восклицалъ:

— Выберите изъ себя человѣка, и пусть сойдетъ ко мнѣ; если онъ убьетъ меня, то мы будемъ вашими рабами; если же я одолѣю его, то вы будете нашими рабами и будете служить намъ.

Грозный видъ великана устрашалъ сыновъ Израилевыхъ, и никто изъ нихъ не рѣшался вступить въ единоборство съ Голіа-

---

[1]) *Филистимляне* — потомки Месраима, сына Хамова; народъ этотъ, родственный Египтянамъ, жилъ въ юго-западной части Палестины, по берегу Средиземнаго моря въ долинѣ Сефельской.

[2]) *Сокховъ*, нынѣ *Шувейке*, — городъ въ холмистой мѣстности, верстахъ въ 24 къ юго-западу отъ Іерусалима. *Азекъ*, теперешній Дэиръ-Эл-Азбекъ, верстахъ въ 13 сѣвернѣе Сокхоѳа. Ефесъ Даммимъ (предѣлъ крови) былъ на мѣстѣ нынѣшняго Беидъ-Фазебъ (домъ кровопролитія) — верстахъ въ двухъ южнѣе Азека.

[3]) Сыновъ Энака еврейскіе соглядатаи назвали исполинами (Числ., гл. 13, ст. 34); о проживаніи ихъ въ Геѳѣ, см.: Кн. Іис. Нав. гл. 11, ст. 22.

[4]) Еврейскія мѣры длины: локоть=12 вершкамъ; пядень=6 верш.

[5]) *Еврейскій сикль* вѣсилъ 3 зол. 34, 40 дол.

ѳомъ, который съ каждымъ днемъ дѣлался высокомѣрнѣе и, выступая въ теченіе сорока дней, поносилъ Израильтянъ.

Братья Давида находились тогда въ числѣ воиновъ, выступившихъ противъ Филистимлянъ; однажды Іессей послалъ младшаго своего сына къ войску, чтобы провѣдать братьевъ и отнести имъ немного хлѣбныхъ запасовъ. Юноша пришелъ къ войсковому обозу, когда войско выведено было въ строй и съ крикомъ готовилось къ сраженію; Давидъ поспѣшилъ къ рядамъ израильскаго войска, чтобы повидаться съ братьями. Пока онъ съ ними разговаривалъ, изъ филистимскаго строя вышелъ Голіаѳъ и сталъ говорить свои гордыя рѣчи; при видѣ великана Израильтяне разбѣжались въ страхѣ; въ рядахъ ихъ говорили:

— Если бы кто убилъ Голіаѳа, одарилъ бы того царь великимъ богатствомъ, и дочь свою выдалъ бы за него, и домъ отца его сдѣлалъ бы свободнымъ въ Израилѣ.

Глубоко возмутился юный сынъ Іессея высокомѣріемъ филистимскаго великана.

— Какъ смѣетъ этотъ необрѣзанный филистимлянинъ поносить такъ воинство Бога Живаго, — съ негодованіемъ говорилъ Давидъ израильскимъ воинамъ.

Слова юноши дошли до царя, и тотъ призвалъ его къ себѣ. Могучею вѣрою въ помощь Божію дышали рѣчи Давида, когда онъ просилъ Саула разрѣшить ему сразиться съ Голіаѳомъ, такъ что царь, наконецъ, сказалъ:

— Иди, и да будетъ Господь съ тобою.

Давидъ отказался отъ воинскаго вооруженія, въ которое былъ облеченъ по приказанію Саула, ибо не привыкъ къ нему. Онъ взялъ свой пастушескій посохъ, пращу и сумку, въ которую положилъ пять набранныхъ въ ручьѣ гладкихъ камней, и въ такомъ снаряженіи пошелъ навстрѣчу Голіаѳу.

На издѣвательство и брань филистимскаго великана Давидъ отвѣчалъ:

— Ты идешь противъ меня съ мечомъ, копьемъ и щитомъ, а я иду противъ тебя во Имя Господа Саваоѳа, Бога воинствъ израильскихъ, которыя ты поносилъ. Нынѣ предастъ тебя Господь въ руку мою, и я убью тебя, и сниму главу твою, и отдамъ трупъ твой и трупы войска филистимскаго птицамъ небеснымъ и звѣрямъ земнымъ, и узнаетъ вся земля, что есть Богъ во Израилѣ. И узнаетъ весь этотъ сонмъ, что не мечомъ и копьемъ спасаетъ Господь.

И надежда на помощь Божію не посрамила юношу; камень, мѣтко пущенный изъ пращи Давида, ударилъ великана въ лобъ съ такою силой, что Голіаѳъ упалъ на землю; тогда Давидъ подбѣжалъ къ нему и его же собственнымъ мечомъ отсѣкъ ему голову. Пораженные подвигомъ Давида Филистимляне обратились въ бѣгство, а израильское войско, овладѣвъ ихъ лагеремъ, побѣдоносно преслѣдовало враговъ до предѣловъ ихъ страны.

Держа въ рукахъ голову убитаго великана, Давидъ предсталъ предъ Саула. Обрадованный царь оставилъ юношу при себѣ и, къ общему удовольствію всего народа, возвелъ его въ званіе военачальника. Когда побѣдители возвращались домой, по дорогѣ во всѣхъ городахъ Израилевыхъ имъ устраивали торжественныя встрѣчи, и женщины плясали, играя на тимпанахъ и кимвалахъ, при пѣніи побѣдной пѣсни съ припѣвомъ:

— Саулъ побѣдилъ тысячи, а Давидъ десятки тысячъ.

Такое выраженіе любви народной къ Давиду было непріятно царю; Саулъ узналъ отъ пророка, что Господь отвергъ отъ него царство и отдалъ другому; въ Давидѣ сталъ видѣть царь своего преемника и началъ подозрительно относиться къ юношѣ. Тяжкій недугъ, мучившій Саула, благодаря этому усиливался, и царь временами приходилъ въ бѣшенство; дважды во время этихъ припадковъ онъ бросалъ копьемъ въ Давида, который игралъ на гусляхъ, чтобы успокоить царя, но юноша, хранимый Духомъ Божіимъ, избѣгъ смерти; послѣ этого Саулъ сталъ бояться Давида и удалилъ его отъ себя, поставивъ его тысяченачальникомъ. Въ этой должности Давидъ во всѣхъ дѣлахъ поступалъ благоразумно, чѣмъ и заслужилъ еще бо̀льшую любовь народа къ великому неудовольствію Саула, который сталъ искать его смерти.

Сначала царь дѣйствовалъ съ коварствомъ, посылая Давида въ опасные походы противъ Филистимлянъ. «Пусть не моя рука будетъ на немъ, а рука Филистимлянъ будетъ на немъ»,—злоумышлялъ Саулъ. Посылая Давида на войну, царь обѣщалъ ему руку старшей своей дочери Меровы, которую, однако, отдалъ за другаго, а Давиду предложилъ вступить въ бракъ съ другою дочерью—съ Мелхолою, поставивъ условіемъ, чтобы Давидъ совершилъ другой, еще болѣе опасный походъ.

— Развѣ легко быть зятемъ царя, а я—человѣкъ бѣдный и незначительный,—смиренно отвѣчалъ юный воевода на столь лестныя предложенія.

Господь хранилъ Своего избранника, и онъ возвращался каждый разъ съ побѣдою, такъ что имя его прославилось, и Саулъ вынужденъ былъ выдать за него Мелхолу, которая любила Давида. Послѣ того зависть Саула еще болѣе усилилась; онъ сдѣлался врагомъ Давида на всю жизнь и сталъ прямо высказывать намѣреніе убить зятя.

Одинъ изъ сыновей Саула, доблестный Іонаѳанъ, еще со времени побѣды надъ Голіаѳомъ полюбилъ Давида какъ свою душу; тѣсная дружба соединяла обоихъ юношей. Зная злое намѣреніе отца, Іоанаѳанъ говорилъ Саулу:

— Да не грѣшитъ царь противъ раба своего Давида, ибо онъ ничѣмъ не согрѣшилъ противъ тебя, и дѣла его весьма полезны для тебя; онъ подвергалъ опасности жизнь свою, чтобы поразить Филистимлянина, и Господь содѣлалъ великое спасеніе всему Израилю; ты видѣлъ это и радовался; для чего же ты хочешь согрѣшить противъ невинной крови и умертвить Давида безъ причины?

Царь поклялся, что не убьетъ Давида, и между царемъ и его зятемъ установились добрыя отношенія, но ненадолго; вскорѣ началась война съ Филистимлянами, въ которой Давидъ одержалъ рѣшительную побѣду. Тогда Саулъ въ припадкѣ бѣшенства еще разъ покушался пригвоздить къ стѣнѣ копьемъ Давида, игравшаго предъ нимъ на гусляхъ. Давидъ успѣлъ убѣжать и скрылся въ своемъ домѣ. Царь послалъ воиновъ окружить домъ, чтобы схватить Давида, когда тотъ выйдетъ, и предать смерти. Безвыходно было положеніе невиннаго страдальца, но Давидъ не отчаялся, а искалъ утѣшенія и помощи въ молитвѣ, изображеніе которой находится въ 58-мъ вдохновенномъ его Псалмѣ.

«Избавь меня отъ враговъ моихъ, Боже мой, — восклицалъ Давидъ, — защити меня отъ возстающихъ на меня. Ибо вотъ, они подстерегаютъ душу мою, собираются на меня сильные не за преступленіе мое и не за грѣхъ мой, Господи; безъ вины моей сбѣгаются и вооружаются. Подвигнись на помощь мнѣ и воззри. Сила у нихъ, но я къ Тебѣ прибѣгаю, ибо заступникъ мой Богъ.»

Такъ взывалъ Давидъ, и Господь спасъ его отъ неминуемой гибели рукою любящей супруги, которая спустила мужа по веревкѣ изъ окна.

Съ этого времени начались странствованія Давида. Царь преслѣдовалъ своего зятя, «какъ куропатку по горамъ»[1]). Давидъ не на-

[1]) 1 Кн. Царствъ, гл. 26, ст. 20.

ходилъ себѣ пристанища ни въ поселеніяхъ израильскихъ, ни въ городахъ сосѣдей Филистимлянъ, помнившихъ прежнія его побѣды. Тщетно пытался Іонаѳанъ умилостивить царя, который даже жену Давида отдалъ замужъ за другого; первосвященникъ Ахимелехъ со всѣмъ своимъ родомъ былъ казненъ Сауломъ, который заподозрѣлъ его въ сочувствіи зятю[1]). Давидъ успѣлъ, впрочемъ, укрыть отъ царскаго гнѣва своихъ родителей, помѣстивъ ихъ у царя Моавитскаго[2]). По откровенію Божію, данному чрезъ пророка Гада, Давидъ пришелъ въ предѣлы колѣна Іудина и здѣсь скрывался отъ царя въ гористыхъ и пустынныхъ мѣстностяхъ къ югу отъ Виѳлеема; около него стали собираться всѣ, недовольные Сауломъ, такъ что вскорѣ Давидъ сталъ уже во главѣ отряда до 400 человѣкъ, людей мужественныхъ и воинственныхъ. Съ этимъ отрядомъ Давидъ, самъ гонимый царемъ, успѣвалъ, однако, служить родному народу; онъ изгналъ Филистимлянъ изъ захваченнаго ими города Кеиля, находившагося въ горахъ іудейскихъ, и оберегалъ пасущіяся въ этихъ горахъ стада отъ набѣговъ хищниковъ пустыни.

Давидъ вручилъ свою жизнь въ волю Божію, и Господь хранилъ Своего помазанника; такъ, когда Давидъ находился въ Кеилѣ и Саулъ намѣревался схватить его тамъ, Господь открылъ Давиду, что жители города выдадутъ его царю; почему Давидъ со своимъ отрядомъ оставилъ этотъ городъ, и «они ходили, гдѣ могли»[3]). Найдя себѣ убѣжище въ гористыхъ, лишенныхъ всякой растительности пустыняхъ Зифъ и Маонъ, на западномъ берегу Мертваго моря, Давидъ едва не былъ окруженъ царскимъ войскомъ, но въ это время Саулъ получилъ извѣстіе о набѣгѣ Филистимлянъ и долженъ былъ на время прекратить преслѣдованіе. Отразивъ непріятелей, царь вернулся съ войскомъ изъ пустыни, чтобы поймать Давида. Разыскивая бѣглецовъ въ этой дикой мѣстности, изобилующей ущельями и пещерами, Саулъ однажды зашелъ въ одну изъ пещеръ, гдѣ въ это время скрывался Давидъ съ нѣкоторыми изъ своихъ приверженцевъ. Не замѣтивъ враговъ, притаившихся въ темнотѣ, Саулъ снялъ свою мантію; между тѣмъ окружавшіе Давида узнали царя и стали говорить своему предводителю:

---

[1]) Ахимелехъ, когда Давидъ во время своихъ странствованій пришелъ къ нему, далъ ему священныхъ хлѣбовъ и мечъ Голіаѳа. До Саула достигло извѣстіе объ этомъ, почему онъ и заподозрилъ первосвященника въ сочувствіи Давиду.

[2]) *Моавитяне* были потомки Моава, сына Лотова; они жили къ востоку отъ Мертваго моря.

[3]) 1 Кн. Царствъ, гл. **23**, ст. 13.

— Нынѣ день, о которомъ говорилъ тебѣ Господь: вотъ, Я предамъ врага твоего въ руки твои, и сдѣлаешь съ нимъ, что тебѣ угодно.

Давидъ отвѣчалъ:

— Да не попуститъ мнѣ Господь сдѣлать это господину моему, помазаннику Господню, чтобы наложить руку мою на него, ибо онъ—помазанникъ Господень.

Онъ осторожно отрѣзалъ край мантіи Саула и, когда царь, выйдя изъ пещеры, удалился на нѣкоторое разстояніе, кликнулъ его. Саулъ оглянулся, а Давидъ, поклонившись ему до земли, сталъ убѣждать царя не вѣрить злымъ навѣтамъ.

— Отецъ мой,—говорилъ юноша,—посмотри на край одежды твоей въ рукѣ моей; я отрѣзалъ край одежды твоей, а тебя не убилъ. Узнай и убѣдись, что нѣтъ въ рукѣ моей зла, ни коварства, и я не согрѣшилъ противъ тебя; а ты ищешь души моей, чтобы отнять ее. Да разсудитъ Господь между мною и тобою, и да отмститъ тебѣ Господь за меня, но рука моя не будетъ на тебѣ. Господь разсмотритъ и разберетъ дѣло мое, и спасетъ меня отъ руки твоей.

Саулъ былъ глубоко растроганъ великодушіемъ гонимаго имъ человѣка и со слезами сознавался въ своей неправотѣ; послѣ того царь возвратился въ свою столицу, а Давидъ продолжалъ странствовать въ пустынѣ.

Недолго помнилъ Саулъ о благородномъ поступкѣ Давида. Собственная подозрительность вмѣстѣ съ усиленіемъ Давида, число сочувствующихъ, которое все увеличивалось, побудили царя возобновить преслѣдованіе, и съ трехтысячнымъ отрядомъ Саулъ опять выступилъ въ пустыню. Давидъ внимательно слѣдилъ за дѣйствіями царя и, когда тотъ расположился станомъ на одной изъ возвышенностей, Давидъ укрѣпился на горѣ, откуда видѣнъ былъ царскій станъ. Чтобы точнѣе узнать силы Саула, Давидъ съ однимъ изъ своихъ послѣдователей, Авессою, ночью проникъ въ станъ царя; безпечность царскихъ воеводъ была такъ велика, что даже у царскаго шатра не было сторожа, и Давидъ со своимъ спутникомъ вошли туда. Саулъ спалъ крѣпкимъ сномъ, у его изголовья стояло воткнутое въ землю копье. Авесса вызвался поразить Саула этимъ копьемъ на смерть, но Давидъ сказалъ:

— Живъ Господь! Пусть поразитъ его Господь, или пріидетъ день его и онъ умретъ, или пойдетъ на войну и погибнетъ; меня

же да не попуститъ Господь поднять руку на помазанника Господня!

Онъ взялъ находившіяся въ шатрѣ копье и чашу съ водой, чтобы показать Саулу, что жизнь царя опять была въ его рукахъ, и, никѣмъ не замѣченный, ушелъ изъ стана. Взойдя въ свой лагерь, Давидъ громкимъ голосомъ сталъ упрекать царскихъ воеводъ за то, что они плохо охраняютъ государя. Саулъ услыхалъ голосъ Давида и вступилъ съ нимъ издали въ бесѣду.

Царь говорилъ:

— Согрѣшилъ я; возвратись, сынъ мой Давидъ, ибо я не буду дѣлать тебѣ зла, потому что душа моя была дорога нынѣ въ глазахъ твоихъ; безумно поступалъ я и очень много погрѣшалъ.

Давидъ отвѣчалъ:

— Вотъ копье царя, пусть одинъ изъ отроковъ прійдетъ и возьметъ его. И да воздастъ Господь каждому по правдѣ его и по истинѣ его, такъ какъ Господь предавалъ царя въ руки мои, но я не хотѣлъ поднять руки моей на помазанника Господня. И пусть какъ драгоцѣнна была жизнь твоя въ глазахъ моихъ, такъ цѣнится моя жизнь въ очахъ Господа, и да покроетъ Онъ меня и да избавитъ отъ всякой бѣды.

На прощанье Саулъ благословилъ Давида Именемъ Господнимъ, и съ тѣхъ поръ они болѣе не видѣлись.

Давидъ имѣлъ много основаній не довѣрять благимъ намѣреніямъ и обѣщаніямъ Саула и потому счелъ болѣе безопаснымъ для себя оставить предѣлы Израильскаго царства и переселиться въ землю Филистимлянъ. На южной ея границѣ находился городъ Секелагъ, который и былъ отведенъ Филистимскимъ царемъ для жительства Давида съ его приверженцами, числомъ до 600 человѣкъ. Отсюда Давидъ дѣлалъ походы противъ жителей пустыни, исконныхъ враговъ израильскаго народа. Между тѣмъ царь Филистимскій предпринялъ грозное нашествіе на землю израильскую и потребовалъ, чтобы въ немъ принималъ участіе и Давидъ со своимъ отрядомъ. Невыразимо тяжело было исполнить это Давиду, горячо любившему родной свой народъ, но и здѣсь не оставила его помощь Божія, на которую онъ всегда крѣпко уповалъ: князья филистимскіе заподозрили, что онъ, какъ еврей, не можетъ быть вѣрнымъ союзникомъ враговъ своего отечества, и настояли, чтобы Давидъ возвратился въ Секелагъ. На обратномъ пути онъ узналъ,

что городъ его разоренъ Амалекитянами[1]), которые захватили семейства и имущества какъ его, такъ и его приверженцевъ, и увели въ пустыню. Въ самомъ отрядѣ Давида поднялось возмущеніе; въ горькой скорби о своихъ сыновьяхъ и дочеряхъ, захваченныхъ непріятелемъ, спутники Давида хотѣли побить его камнями. Но Давидъ укрѣпился надеждою на Господа Бога своего, погнался за хищниками и отбилъ всю ихъ добычу.

Происходившая тѣмъ временемъ война между Филистимлянами и Израильтянами кончилась пораженіемъ послѣднихъ при горахъ Гелвуйскихъ[2]); въ битвѣ этой палъ Саулъ и сынъ его Іонаѳанъ. Вѣсть объ ихъ кончинѣ принесъ Давиду Амалекитянинъ, который разсказалъ при этомъ, что, по просьбѣ Саула, онъ убилъ его, когда того преслѣдовали Филистимляне. При такомъ разсказѣ Давидъ воскликнулъ:

— Какъ не побоялся ты поднять руку, чтобы убить помазанника Господня?

И приказалъ казнить вѣстника. Искреннюю и глубокую скорбь о преслѣдовавшемъ его Саулѣ и дорогомъ своемъ другѣ Іонаѳанѣ Давидъ излилъ во вдохновенной пѣсни:

«Горы Гелвуйскія, — восклицаетъ Псалмопѣвецъ, — да не сойдетъ ни роса, ни дождь на васъ и да не будетъ на васъ полей съ плодами, ибо тамъ поверженъ щитъ сильныхъ, щитъ Саула, какъ бы не былъ онъ помазанъ елеемъ. Саулъ и Іонаѳанъ, любезные и согласные въ жизни своей, не разлучились и по смерти своей, быстрѣе орловъ и сильнѣе львовъ они были. Скорблю о тебѣ, братъ мой Іонаѳанъ, ты былъ очень дорогъ для меня; любовь твоя для меня была превыше любви женской».

Оплакавъ Саула и Іонаѳана, Давидъ, по откровенію Божію, перешелъ въ предѣлы колѣна Іудина и поселился со всѣми своими спутниками въ Хевронѣ[3]). Здѣсь Давидъ былъ помазанъ елеемъ и провозглашенъ царемъ южной страны Израильскаго государства[4]), тогда какъ надъ остальной его частью воцарился сынъ

---

[1]) *Амалекитяне* — потомки Исава; этотъ народъ населялъ земля между страною филистимскою и Египтомъ.

[2]) Горы эти съ юга огибаютъ долину Эздрелонскую, которая раздѣляетъ Галилею отъ Самаріи.

[3]) *Хевронъ* — одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Палестины: онъ расположенъ верстахъ въ 20 къ югу отъ Виѳлеема; въ немъ находятся гробницы праотцевъ — Авраама, Исаака и Іакова съ ихъ семействами (кромѣ Рахили, погребенной въ Виѳлеемѣ).

[4]) Это было около 1055 года до Рождества Христова.

Саула Іевосѳей, котораго возвелъ на царство военачальникъ Авениръ. Около двухъ лѣтъ продолжалось раздѣленіе царства, но, по слову Божію, изреченному чрезъ пророка Самуила, власть надъ Израилемъ не могла оставаться въ домѣ Саула. Іевосѳей былъ убитъ двумя измѣнниками изъ числа собственныхъ тѣлохранителей, убійцы принесли его голову къ Давиду и разсчитывали получить награду. Но Давидъ, оплакавъ смерть своего соперника, воскликнулъ:

— Живъ Господь, избавившій душу мою отъ всякой скорби! Если того, кто принесъ мнѣ извѣстіе, что умеръ Саулъ, и кто считалъ себя радостнымъ вѣстникомъ, я схватилъ и убилъ въ Секелагѣ, вмѣсто того чтобы дать ему награду; то теперь, когда негодные люди убили человѣка невиннаго въ его домѣ, на его постели, неужели я не взыщу крови отъ руки вашей и не истреблю васъ отъ земли!

И убійцы были казнены. Послѣ того въ Хевронѣ собрались представители всѣхъ колѣнъ израильскихъ, и Давидъ, при общемъ ликованіи народа, былъ помазанъ въ цари всего Израиля.

Первымъ дѣломъ Давида было устройство новой столицы государства. Съ сею цѣлію онъ избралъ сильную крѣпость, находившуюся на рубежѣ колѣнъ Іудина и Веніаминова и бывшую во власти хананейскаго племени Іевуссеевъ; когда послѣдніе отказались уступить ее Давиду добровольно, полководецъ его Іоавъ взялъ крѣпость приступомъ. Давидъ назвалъ эту крѣпость Іерусалимомъ, т. е. городомъ мира, и построилъ здѣсь свой новый дворецъ; новая столица вскорѣ процвѣла пышно и богато и впослѣдствіи сдѣлалась знаменитѣйшимъ городомъ въ свѣтѣ—какъ мѣсто важнѣйшихъ событій въ дѣлѣ спасенія рода человѣческаго. Чтобы освятить свою столицу и самому быть въ непосредственной близости къ мѣсту пребыванія славы Господней, Давидъ устроилъ въ Іерусалимѣ скинію, во всемъ подобную той, которую Моисей соорудилъ, по повелѣнію Божію, въ пустынѣ и которая находилась во времена Давида въ Гаваонѣ[1]). Сюда перенесъ онъ высшую святыню народа Божія Ковчегъ Завѣта изъ Каріаѳъ-Іарима[2]). Перенесеніе святыни происходило съ великой торжественностію. Въ шествіи участвовало до семидесяти тысячъ Израильтянъ. Первоначально Ковчегъ везли на колесницѣ, но такъ какъ Господь

[1]) Нынѣ деревня Эль-Джибъ, въ двухъ часахъ пути отъ Іерусалима на сѣверъ.

[2]) *Каріаѳъ-Іаримъ* — хананскій городъ вблизи Гаваона.

поразилъ смертью одного израильтянина, дерзнувшаго коснуться Ковчега, чтобы поддержать его, когда колесница покачнулась, то въ теченіе остального пути Ковчегъ несли на рукахъ члены священническаго колѣна Левіина. Когда несшіе Ковчегъ проходили по шести шаговъ, приносились жертвы Господу изъ тельца и овцы. Шествіе слѣдовало при пѣніи Псалмовъ, при громкихъ звукахъ трубъ и другихъ музыкальныхъ орудій и радостныхъ кликахъ народа. Самъ царь въ благоговѣйномъ ликованіи плясалъ предъ Ковчегомъ Господнимъ, отложивъ царское свое одѣяніе и оставаясь въ священнической льняной одеждѣ. Когда Ковчегъ поставленъ былъ на своемъ мѣстѣ въ скиніи, Давидъ принесъ Господу всесожженія и жертвы мирныя и благословилъ народъ Именемъ Господа Саваоѳа. Жена его Мелхола, возвращенная къ себѣ Давидомъ по смерти Саула, укоряла царя за его поведеніе при перенесеніи Ковчега, видя въ томъ униженіе царскаго достоинства даже въ глазахъ женщинъ. Но Давидъ отвѣчалъ:

— Предъ Господомъ играть и плясать буду; и я еще больше уничижусь и сдѣлаюсь еще ничтожнѣе въ глазахъ моихъ и предъ служанками, о которыхъ ты говоришь, и буду славенъ.

Какъ при древней скиніи въ Гаваонѣ, такъ и при Ковчегѣ Божіемъ, «на которомъ нарицается Имя Господа Саваоѳа, сидящаго на Херувимахъ», Давидъ учредилъ порядокъ Богослуженія согласно съ Закономъ, даннымъ чрезъ Моисея. Съ этою цѣлію онъ раздѣлилъ назначенныхъ къ служенію Божію потомковъ Левія на чреды, распредѣливъ между ними обязанности служенія. Избраны были знаменитѣйшіе музыканты и пѣвцы, которые должны были образовать правильные хоры и составлять пѣснопѣнія для Богослуженій, а также прославлять Бога, «играя на трубахъ, кимвалахъ и разныхъ музыкальныхъ орудіяхъ». Такими лицами были Еманъ, Асафъ и Еѳанъ, а во главѣ нихъ стоялъ самъ Давидъ, въ годы испытаній съ особымъ разсужденіемъ вникавшій въ пути Промысла и постоянно изливавшій свои благочестивыя чувствованія во вдохновенныхъ Псалмахъ.

Въ этихъ священныхъ пѣсняхъ Давидъ изображалъ тяжесть и глубину незаслуженныхъ страданій гоненія; Псалмами же онъ успокоивалъ себя въ страхѣ, облегчалъ скорбь свою, утишая справедливые порывы гнѣва и негодованія на человѣческую неправду; въ нихъ же изливалъ предъ Богомъ глубокую скорбь свою и просилъ Его помощи; пѣснопѣніями же Давидъ окрылялъ духъ свой

къ безропотному перенесенію страданій, укрѣплялъ себя въ упованіи на Бога помощника и возсылалъ Ему хвалу и благодарность за непрестанное Его попеченіе и охраненіе среди опасностей. При этомъ нерѣдко отъ изображенія собственныхъ страданій съ надеждой избавленія гонимый Псалмопѣвецъ въ пророческомъ духѣ переносился въ пѣснопѣніяхъ своихъ въ отдаленное будущее и созерцалъ Страдальца Христа; въ невинныхъ Его страданіяхъ Пророкъ-Псалмопѣвецъ провидѣлъ всемірную побѣду надъ зломъ и открытіе новаго царства правды [1]). Когда Давидъ сдѣлался царемъ всего Израиля, свой высокій даръ пѣснопѣнія онъ употреблялъ для воспитанія въ своемъ народѣ духа вѣры и благочестія [2]), любви къ отечеству [3]), мужества [4]), справедливости [5]) и другихъ добродѣтелей. Всѣ важнѣйшія событія въ царствованіе Давида сопровождались пѣсненными изліяніями благочестивой души государя-Псалмопѣвца. По свидѣтельству премудраго сына Сирахова, Давидъ «послѣ каждаго дѣла своего приносилъ благодареніе Всевышнему словомъ хвалы; отъ всего сердца онъ воспѣвалъ и любилъ Создателя своего. И поставилъ предъ жертвенникомъ пѣснопѣвцевъ, чтобы голосомъ ихъ услаждать пѣснопѣніе; онъ далъ праздникамъ благолѣпіе и съ точностію опредѣлилъ времена, чтобы они хвалили святое Имя Его и съ ранняго утра оглашали святилище» [6]).

Ревнуя о прославленіи Имени Господня, Давидъ сказалъ пророку Наѳану:

— Вотъ, я живу въ домѣ кедровомъ, а Ковчегъ Божій находится подъ шатромъ.

Пророкъ одобрилъ намѣреніе царя построить постоянный храмъ Господень, но въ ту же ночь получилъ откровеніе отъ Господа, которое и передалъ Давиду. Господь сказалъ Давиду чрезъ пророка:

— Когда исполнятся дни твои и ты почіешь со отцами твоими, то Я возставлю послѣ тебя сѣмя твое, которое произойдетъ изъ чреслъ твоихъ, и упрочу царство его. Онъ построитъ домъ Имени Моему, и Я утвержу престолъ царства его на вѣки. Я буду ему отцомъ, и онъ будетъ Мнѣ сыномъ, и если онъ согрѣшитъ,

---

[1]) Псалмы 33, 51, 53, 55, 56, 58, 14.

[2]) Псалмы 1, 11, 13, 14, 18, 23, 28, 35, 63, 103, 104, 121, 144.

[3]) Псаломъ 132.

[4]) Псалмы 9, 19, 20, 32 и др.

[5]) Псалмы 14, 36 и др.

[6]) Кн. Іисуса, сына Сир., гл. 47, ст. 9—12.

Я накажу его жезломъ мужей и уздами сыновъ человѣческихъ, но милости моей не отниму отъ него, какъ Я отнималъ отъ Саула, котораго Я отвергъ предъ лицемъ твоимъ. И будетъ непоколебимъ домъ твой и царство твое навѣки предъ лицемъ Моимъ, и престолъ твой устоитъ навѣки.

Это высокое обѣтованіе, бывшее важнѣйшимъ доказательствомъ особеннаго благоволенія Божія къ Давиду и роду его, прояснило и возвысило пророчественный взоръ царя на будущую судьбу его царства. Пророкъ-Псалмопѣвецъ находитъ въ этомъ обѣтованіи неисчерпаемый источникъ пѣснопѣній о грядущемъ вѣчномъ царствѣ сына Давидова, Христа Спасителя міра, Котораго исповѣдуетъ предвѣчнымъ Сыномъ Божіимъ, называя себя рабомъ Его; въ своихъ побѣдахъ надъ окружающими народами Давидъ видитъ пораженіе враговъ Христа и всемірное распространеніе Его владычества, возвѣщая въ торжественныхъ пѣснопѣніяхъ будущую славу царства Христова.

И царствовалъ Давидъ надъ всѣмъ Израилемъ, и творилъ судъ и правду всему народу своему. Устанавливая внутренній порядокъ въ царствѣ Израильскомъ, потрясенный въ послѣдніе годы Саула, Давидъ главнѣйшимъ образомъ заботился объ угожденіи Богу—Небесному Царю Израиля, представителемъ Котораго онъ былъ, и о пользѣ народной. Цѣлью всей его жизни было лишь исполнять данный Богомъ Законъ и сдѣлать его обязательнымъ для всѣхъ своихъ подданныхъ. Благодаря такому правленію Давида столица его, Іерусалимъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ послѣ него была «вѣрной столицей, исполненной правосудія». Полное послушаніе Давида Божественной волѣ увѣнчалось славными его побѣдами надъ иноплеменниками; при немъ царство Израильское достигло тѣхъ предѣловъ, которые обѣтованы были потомству Авраама при заключеніи завѣта. Благодаря побѣдамъ Давида его владычество простиралось отъ Чермнаго моря до рѣки Евфрата, на югѣ доходило до Аравійской пустыни, а на сѣверѣ захватывало Сирію, съ запада кончаясь у Средиземнаго моря. Израиль былъ въ то время могущественнымъ государствомъ, имѣвшимъ подъ своей властью множество народовъ—данниковъ, богатымъ внутри и отъ военной добычи, и вслѣдствіе полной безопасности подданныхъ царя еврейскаго и ихъ имущества. При такихъ явныхъ проявленіяхъ милости Божіей Давиду оставалось только смиренно благодарить Бога и творить добро во славу Его Святаго Имени. Но присущія чело-

вѣку слабости и немощи не были чужды и Давиду; окруженный земной славой и великолѣпіемъ, онъ допустилъ проявленіе этихъ слабостей, послѣдствія чего для него оказались очень тяжелыми.

Подобно другимъ государямъ Востока Давидъ имѣлъ нѣсколько женъ и наложницъ; связанная съ этимъ роскошь и пышность царскаго двора имѣли изнѣживающее и разслабляющее вліяніе на нравственную природу Давида. Поэтому, когда однажды, гуляя на кровлѣ своего дворца, онъ увидалъ на сосѣднемъ дворѣ купающуюся красивую женщину, то не захотѣлъ подавить въ себѣ преступной страсти, а приказалъ привести женщину къ себѣ. Женщина эта, по имени Вирсавія, была женою одного изъ военачальниковъ Давида—Уріи, бывшаго въ то время въ походѣ, и сдѣлалась отъ царя беременною. Узнавъ объ этомъ, Давидъ сначала пытался скрыть свой грѣхъ отъ мужа, для чего и призвалъ его къ женѣ въ Іерусалимъ; но когда это не удалось, приказалъ своему главнокомандующему поставить Урію во время сраженія въ наиболѣе опасное мѣсто. Урія былъ убитъ въ сраженіи, а Вирсавія сдѣлалась женою Давида и родила ему сына. И было это дѣло, которое сдѣлалъ Давидъ, зло въ очахъ Господа. Для обличенія царя пришелъ къ нему пророкъ Наѳанъ, который сказалъ Давиду Именемъ Господнимъ:

— Зачѣмъ ты пренебрегъ слово Господа, сдѣлалъ злое предъ очами Его? Итакъ, не отступитъ мечъ отъ дома твоего во вѣки за то, что ты пренебрегъ Меня и взялъ жену Уріи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ пророкъ предсказалъ скорую смерть ребенка, родившагося отъ Вирсавіи. Дитя дѣйствительно заболѣло; семь дней молился Давидъ о ребенкѣ въ полномъ уединеніи безъ пищи и безъ сна. Когда дитя скончалось, Давидъ смиренно покорился волѣ Божіей; покорность эта была столь же совершенна, какъ искренно и глубоко было его раскаяніе въ содѣланномъ грѣхѣ; сокрушеніе его сердца выразилось въ пламенномъ покаянномъ Псалмѣ, который навсегда сталъ покаянной молитвой всякаго кающагося грѣшника[1]).

Судъ Божій за совершенное преступленіе вскорѣ сказался въ семействѣ Давида цѣлымъ рядомъ гнусныхъ и кровавыхъ событій. Между двумя любимыми сыновьями Давида отъ разныхъ женъ, красавцами Амнономъ и Авессаломомъ, возгорѣлась смертельная вражда за то, что Амнонъ оскорбилъ сестру Авессалома—Ѳамарь, а

[1]) Псаломъ 50.

братъ отмстилъ за это безчестіе Амнону, измѣннически убивъ его во время пира, и бѣжалъ изъ страны. Горько оплакивалъ царь потерю дѣтей—любимцевъ и только черезъ нѣсколько лѣтъ дозволилъ Авессалому возвратиться къ царскому дворцу. За эту высокую милость преступный сынъ отплатилъ отцу черной неблагодарностью. Онъ возбудилъ возстаніе противъ престарѣлаго уже Давида; благодаря своей угодливости и льстивому участію къ нуждамъ простого народа Авессаломъ съумѣлъ собрать около себя множество приверженцевъ и провозгласилъ себя царемъ въ Хевронѣ; составился сильный заговоръ, и народъ стекался и умножался около Авессалома.

Услышавъ объ этомъ, Давидъ съ небольшимъ числомъ приближенныхъ рѣшилъ удалиться для безопасности въ страну заіорданскую; первосвященникъ хотѣлъ сопровождать царя съ Ковчегомъ Завѣта.

Но Давидъ сказалъ первосвященнику:

— Возврати Ковчегъ Божій въ городъ, и пусть онъ стоитъ на своемъ мѣстѣ. Если я обрѣту милость предъ очами Господа, то Онъ возвратитъ меня и дастъ мнѣ видѣть Его и жилище Его. А если Онъ скажетъ такъ: «Нѣтъ моего благоволенія къ тебѣ; то вотъ я: пусть творитъ со мною, что Ему благоугодно.

Перейдя Кедрскій потокъ[1]), Давидъ пошелъ на гору Елеонскую, шелъ и плакалъ, голова его была покрыта; онъ шелъ босой, и всѣ люди, бывшіе съ нимъ, покрыли каждый голову свою, шли и плакали. Лучшіе изъ народа сочувствовали горькому положенію старца-царя, но нашлись и такіе, которые воспользовались случаемъ безнаказанно оскорбить страдальца. Такъ, нѣкто Семей изъ рода Саулова дерзко ругался надъ царемъ, бросая въ него камнями и грязью; возмущенные этимъ, спутники Давида просили дозволенія казнить дерзкаго; но страдалецъ сказалъ:

— Оставьте его, пусть злословитъ, ибо Господь повелѣлъ ему. Можетъ быть, Господь призритъ на уничиженіе мое и воздастъ мнѣ благостью за теперешнее его злословіе.

То же упованіе на милосердіе Божіе сказалось и въ умилительныхъ пѣснопѣніяхъ[2]), въ которыхъ въ то тяжелое время изливалъ передъ Господомъ свою душу старецъ Давидъ, оскорбленный въ чувствахъ отца и государя.

---

[1]) Потокъ этотъ протекалъ съ восточной стороны Іерусалима.

[2]) Псалмы 6, 31, 37, 38, и 142.

И извелъ Господь раба Своего изъ воздвигшейся на него напасти. За Іорданомъ собралось вокругъ законнаго царя сильное войско, начальствованіе надъ которымъ Давидъ вручилъ испытаннымъ полководцамъ Іоаву, Авессѣ и Еѳѳею. По совѣту ихъ самъ оставшись въ тылу своего войска, Давидъ просилъ военачальниковъ пощадить жизнь своего прежняго сына. Эта его просьба не была, однако, исполнена: когда войско Авессалома было разбито, самъ онъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ; во время стремительной скачки лѣсомъ Авессаломъ запутался пышными своими волосами въ вѣтвяхъ дуба и повисъ на немъ; здѣсь настигнулъ его Іоавъ и разстрѣлялъ его; изувѣченное тѣло мятежнаго царевича было брошено въ яму, которая завалена была огромной кучей камней — во исполненіе предписанія Закона Моисеева, чтобы непокорные дѣти побивались камнями. Узнавъ объ этомъ, несчастный отецъ не вспомнилъ зла, причиненнаго ему сыномъ; онъ пошелъ въ горницу и плакалъ и, когда шелъ, говорилъ такъ:

— Сынъ мой Авессаломъ, сынъ мой, сынъ мой Авессаломъ! О, кто далъ бы мнѣ умереть вмѣсто тебя, Авессаломъ, сынъ мой, сынъ мой!

Испыталъ Давидъ сердечныя огорченія и отъ народныхъ бѣдствій, которыми посѣщалъ Богъ землю израильскую: это были трехлѣтній голодъ и трехдневная моровая язва. Со смиреніемъ и покорностію волѣ Господней принималъ Давидъ эти испытанія, умилостивляя правду Божію молитвами и всесожженіями за грѣхи свои и своего народа.

Послѣдніе годы своего царствованія, протекшія въ ненарушимомъ мирѣ, Давидъ провелъ въ приготовленіяхъ къ тому великому дѣлу, которое, по волѣ Божіей, долженъ былъ исполнить его преемникъ — именно: къ сооруженію храма Господня. Разработаны были чертежи всѣхъ построекъ священнаго зданія и изготовлены рисунки всѣхъ принадлежностей Богослуженія; собраны были всѣ матеріалы, потребные для полнаго устройства храма, равно и мастера всякаго рода. Все это Давидъ еще при жизни передалъ въ присутствіи народныхъ старѣйшинъ сыну своему Соломону, который, по слову Господню, долженъ былъ наслѣдовать престолъ; при этомъ старѣйшины принесли богатыя пожертвованія и отъ себя; народъ радовался ихъ усердію. Царь во вдохновенной молитвѣ посвятилъ Господу какъ тѣ сокровища, которыя самъ скопилъ на сооруженіе храма, такъ и доброхотныя приношенія своихъ подданныхъ на это великое дѣло.

— Кто я,—взываетъ Давидъ,—и кто народъ мой, чтобы мы имѣли возможность такъ жертвовать! Но отъ Тебя все и отъ руки Твоей полученное мы отдали Тебѣ. Знаю, Боже мой, что Ты испытуешь сердце и любишь чистосердечіе: я отъ чистаго сердца пожертвовалъ все сіе и нынѣ вижу, что и народъ Твой, здѣсь находящійся, съ радостью жертвуетъ Тебѣ. Господи, Боже Авраама, Исаака и Израиля, отцовъ нашихъ! Сохрани въ вѣкъ сіе расположеніе мыслей сердца народа Твоего и направь сердце ихъ къ Тебѣ. Соломону же, сыну моему, дай сердце правое, чтобы соблюдать заповѣди Твои, откровенія Твои и уставы Твои и исполнить все это и построить зданіе, для котораго я сдѣлалъ приготовленіе.

Вскорѣ послѣ того Давидъ поставилъ Соломона царемъ, и онъ былъ помазанъ на царство первосвященникомъ Садокомъ; весь народъ ликовалъ, и поздравляли Давида всѣ его слуги, а старецъ царь, удрученный немощью, поклонился на ложѣ своемъ и сказалъ:

— Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, Который сегодня далъ отъ сѣмени моего сидящаго на престолѣ моемъ, и очи мои видятъ это.

И возвеличилъ Господь Соломона предъ очами всего Израиля, и даровалъ ему славу царства, какой не имѣлъ прежде него ни одинъ царь у Израиля.

И Давидъ, сынъ Іессеевъ, царствовалъ надъ всѣмъ Израилемъ, времени царствованія его было сорокъ лѣтъ: въ Хевронѣ царствовалъ онъ семь лѣтъ и въ Іерусалимѣ тридцать три года. И умеръ въ доброй старости, насыщенный жизнью, богатствомъ и славой; и воцарился Соломонъ, сынъ его, вмѣсто него.

Святый апостолъ Петръ именуетъ царя Давида Пророкомъ[1]). Святый же Аѳанасій Александрійскій въ толкованіи на 20 псаломъ учитъ: «Царь Давидъ возвеличенъ уже тѣмъ, что отъ сѣмени его родилось спасеніе міру. Ибо душевно желалъ онъ сего и о семъ молился. Посему и дано ему сіе, какъ нѣкій **вѣнецъ ѿ камене честна**[2]), прославляющій главу. Ибо во всѣхъ народахъ прославляется Давидъ вмѣстѣ съ Господомъ и Сыномъ своимъ по плоти. Даже не только вѣнцемъ было для него спасеніе сіе, но и желаніемъ, и долгоденствіемъ и славою, и велелѣпіемъ и весе-

[1]) Кн. Дѣян. Ап., гл. 2, ст. 30.
[2]) Псаломъ 20, ст. 4.

ліемъ, и радостію и надеждою, и незыблемою милостію». Въ толкованіи на слова Псалма пятидесятаго: **научу беззаконныя путемъ твоимъ и нечестивіи къ тебѣ обратятся**[1]) святый Іоаннъ Златоустъ влагаетъ въ уста Псалмопѣвца слѣдующее исповѣданіе Господу:

«Ты удостоилъ меня такой чести, что открылъ мнѣ Сына Своего и содѣлалъ Его вѣдомымъ для меня; я позналъ, что Ты имѣешь Сына, принявшаго естество человѣческое, узналъ, что Ты имѣешь Сопрестольнаго Тебѣ, и я возвѣстилъ вселенной крестъ, погребеніе, нисшествіе во адъ, воскресеніе Его, сказалъ о судѣ Его, сказалъ о спасеніи язычниковъ, сказалъ объ избраніи Апостоловъ, сказалъ объ отверженіи іудеевъ, сказалъ о призваніи Церкви, сказалъ о ликѣ дѣвъ, сказалъ о сиденіи Его одесную Тебя».—«Такъ, Давидъ,—продолжаетъ святый Отецъ,—ты возвѣстилъ пророчества обо всемъ; для чего же взываешь: «**Сердце чисто созижди во мнѣ боже и духъ правъ обнови во утробѣ моей**[2])? Ты—царь; ты одѣтъ въ діадиму, ты облеченъ порфирой. Но,—говоритъ онъ,—все это трава, ночь и сновидѣніе, я ищу другой красоты; даруй мнѣ Духа Святаго, чтобы Ты опять бесѣдовалъ со мною и я бесѣдовалъ съ Тобою; Духъ отступилъ отъ меня, какъ отлетаетъ голубь при видѣ грязи, я хочу возвратить Его, тогда пріиду и явлюсь предъ лицемъ Твоимъ; а теперь не могу выносить этого, потерявъ дерзновеніе предъ Тобою. Видишь, какъ Давидъ исповѣдуется предъ Богомъ. Смотри же, сколь великое зло—грѣхъ. Прелюбодѣяніе, убійство, преступленіе Закона, нарушеніе заповѣдей Господнихъ. Говорю это не для того, чтобы осудить Пророка, но чтобы показать скорое его раскаяніе. Скоро совершенъ грѣхъ, еще скорѣе—раскаяніе. Согрѣшивъ съ женою Уріи, онъ былъ пораженъ этимъ грѣхомъ и, приступивъ къ написанію Псалма, воскликнулъ:

— **Помилуй мя, боже, по великѣй милости твоей**[3])...

И полнымъ раскаяніемъ онъ получилъ полное отпущеніе грѣха».

И въ чертахъ характера праведника царя-Пророка, и въ обстоятельствахъ его жизни, исполненной испытаній, богомудрые отцы видятъ указаніе на Сына Давидова по плоти — на Господа нашего Іисуса Христа и на его земную жизнь. Святый Златоустъ

---

[1]) Псаломъ 50, ст. 15.

[2]) Псаломъ 50, ст. 12.

[3]) Псаломъ 50.

разсуждая о скромности, смиренномудріи и кротости Давида, учитъ: «И кроткій Давидъ поразилъ Голіаѳа, прогналъ войско и одержалъ побѣду. Вообще кроткому свойственно прощать обиды, нанесенныя ему, и отмщать за обиды, нанесенныя другимъ. Такъ и поступалъ Христосъ». Святый Аѳанасій Александрійскій въ толкованіяхъ на Псалмы 51, 56 и 58 свидѣтельствуетъ, что Псалмы эти, изображая бѣдствія Давида отъ Саула, предуказали Господа нашего Іисуса Христа, благодѣющаго неблагодарнымъ Израильтянамъ (которыхъ представляетъ Саулъ) и преслѣдуемаго ихъ навѣтами, предуказали лицо Іуды и благовѣствовали о призваніи всѣхъ язычниковъ послѣ того, какъ Израиль за злочестіе отринутъ будетъ отъ водительства Божія. Соотвѣтственно сему Господь нашъ Іисусъ Христосъ у Пророковъ часто изображается подъ именемъ Давида, христіане называются сѣменемъ Давида; господство Христа Спасителя—ключомъ Давида; Престолъ Его—престоломъ Давида; Церковь Христова именуется домомъ Давида.

Боговдохновенныя повѣствованія Давида впослѣдствіи собраны были въ одну книгу Псалмовъ, или Псалтирь; святый Аѳанасій Александрійскій свидѣтельствуетъ, что совершилъ это нѣкто изъ Пророковъ. Блаженный Ѳеодоритъ въ своемъ толкованіи на Псалмы учитъ: «Иные говорятъ, что не всѣ Псалмы принадлежатъ Давиду, но есть написанные и иными. Почему, такъ разумѣя и надписанія, одни Псалмы приписали Идиѳуму, другіе—Эѳаму, иные же—сынамъ Кореовымъ, и еще—иные Асафу, дознавъ изъ книги Паралипоменонъ, что и они были пророки. Я ничего о семъ не утверждаю. Ибо увеличится ли для меня польза отъ того, что всѣ ли Псалмы Давидовы, или отчасти принадлежатъ и упомянутымъ предъ симъ, когда очевидно, что всѣ они написаны по дѣйствію Божественнаго Духа? Знаемъ, что и божественнаго Давида Пророка, и тѣхъ книга Паралипоменонъ именуетъ пророками. Пророку же свойственно предоставлять языкъ свой въ орудіе благодати Духа, по изреченному въ Псалмахъ: **ꙗзы́къ мо́й тро́сть кни́жника скоропи́сца**[1]). Впрочемъ, пусть превозмогаетъ приговоръ большинства, а большая часть писателей утверждали, что Псалмы принадлежатъ Давиду».

Святый Василій Великій такъ изображаетъ высокое значеніе книги Псалмовъ для христіанской жизни: «**всѧ́ко пнса́нїе богодꙋх-**

---

[1]) Псаломъ 44, ст. 2.

новѣ́нно и҆ поле́зно є҆́сть[1]), для того написано Духомъ Святымъ, чтобы въ немъ, какъ въ общей врачебницѣ душъ, всѣ мы—человѣки—находили врачевство, каждый отъ собственнаго своего недуга. Ибо сказано: и҆сцѣле́нїе ᲂу҆толи́тъ грѣхѝ вели́ки[2]). Но иному учатъ Пророки, иному бытописатели; въ одномъ—наставляетъ Законъ, а въ другомъ—предложенное въ видѣ приточнаго увѣщанія; книга же Псалмовъ объемлетъ въ себѣ полезное изъ всѣхъ книгъ. Она пророчествуетъ о будущемъ, приводитъ на память событія, даетъ законы для жизни, предлагаетъ правила для дѣятельности. Короче сказать, она есть общая сокровищница добрыхъ ученій и тщательно отыскиваетъ, что каждому на пользу. Она врачуетъ и застарѣлыя раны души, и недавно уязвленному подаетъ скорое исцѣніе, и болѣзненное возстановляетъ и неповрежденное поддерживаетъ, вообще же, сколько можно, истребляетъ страсти, которыя въ жизни человѣческой подъ разными видами господствуютъ надъ душами. И присемъ производитъ она въ человѣкѣ какое-то тихое услажденіе и удовольствіе, которое дѣлаетъ разсудокъ цѣломудреннымъ. Псаломъ—тишина душѣ, раздаятель мира, онъ утишаетъ мятежные и волнующіеся помыслы; онъ смягчаетъ раздражительность души и уцѣломудриваетъ невоздержность. Псаломъ—посредникъ дружбы, единеніе между далекими, примиреніе враждующихъ. Ибо кто можетъ почитать еще врагами того, съ кѣмъ возносилъ единый гласъ къ Богу? Посему псалмопѣніе доставляетъ намъ одно изъ величайшихъ благъ—любовь, изобрѣтя совокупное пѣніе вмѣсто узла къ единенію и сводя людей въ единый согласный ликъ. Псаломъ—убѣжище отъ демоновъ, вступленіе подъ защиту ангеловъ, оружіе въ ночныхъ страхованіяхъ, упокоеніе отъ дневныхъ трудовъ, безопасность для младенцевъ, украшеніе въ цвѣтущемъ возрастѣ, утѣшеніе старцамъ, самое приличное убранство для женъ. Псаломъ населяетъ пустыни, уцѣломудриваетъ торжища. Для нововступающихъ это—начатки ученія, для преуспѣвающихъ—прирощенія вѣдѣнія, для совершенныхъ—утвержденіе: это—гласъ Церкви. Это—мудрое изобрѣтеніе учителя, устраивающаго, чтобы мы пѣли и вмѣстѣ учились полезному. Къ ученіямъ примѣшивается пріятность сладкопѣнія, чтобы, вмѣстѣ съ пріятнымъ и усладительнымъ для слуха, принимали мы непримѣтнымъ образомъ и то, что есть полезнаго въ словѣ. Ибо съ принужденіемъ выучи-

[1]) 2 Посл. къ Тимоѳ., гл. 3, ст. 16.
[2]) Екклес., гл. 10, ст. 4.

ваемое не остается въ насъ надолго; а что съ вдохновеніемъ и пріятностью принято, то въ душахъ укореняется тверже». «Въ Псалмахъ достойно еще удивленія и слѣдующее,—учитъ святый Аѳанасій Александрійскій: въ другихъ книгахъ, что говорятъ святые и о чемъ они говорятъ,—то читающіе относятъ къ тѣмъ именно, о комъ сіе написано, да и слушающіе отличаютъ себя отъ описываемыхъ лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь; и если удивляются и соревнуютъ повѣствуемымъ дѣяніямъ, то все сіе оказывается подражаніемъ. Но кто беретъ въ руки книгу Псалмовъ, тотъ если пророчество о Спасителѣ проходитъ и съ обычнымъ удивленіемъ и благоговѣніемъ, какъ и въ другихъ писаніяхъ, то прочіе Псалмы читаетъ уже какъ собственныя слова свои; да и слушающій, какъ будто самъ отъ себя произнося это, приходитъ въ умиленіе, и всѣ реченія пѣснопѣній дѣлаются ему близкими, какъ бы дѣйствительно его собственныя».

Бг҃оотца̀ всѝ восхва̀лимъ дв҃да царѧ̀, и҆з негѡ́ бо про́йде же́злъ дв҃а, и҆ и҆з нем̀ возсїѧ̀ цвѣ́тъ хрⷭ҇то́съ, и҆ а҆да́ма со є҆́ною ѿ тлѝ воззва̀, ꙗ҆́кѡ бл҃гоѹтро́бенъ. (Стих. дня, на «Господи, воззвахъ»).

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

ІОСИФА,

обручника Пречистыя Дѣвы Богородицы

Святый Іосифъ былъ царскаго рода, изъ дома Давида и Соломона, внукъ Матѳатовъ, правнукъ Еліезеровъ, сынъ Іакова по природѣ, а Иліинъ по закону ужичества [1]). Ибо его дѣдъ Матѳатъ, по рожденіи отца его Іакова, умеръ. Жену же Матѳатову, мать Іакова, взялъ за себя въ замужество Мелхій, отъ

[1]) *Законъ ужичества*, или *левиратъ*, состоялъ въ томъ, что, если мужъ умиралъ, не оставивъ дѣтей, то братъ, пережившій его, по древнему обычаю (Кн. Быт. 38, 8 и дал.) долженъ былъ, какъ *деверь* (jabam, levir), вступить въ бракъ съ овдовѣвшею женою брата (снохою). Этотъ Законъ изложенъ у Моисея во Второзаконіи (гл. 25, ст. 5—10). Интересно здѣсь отмѣтить, что левиратъ существуетъ и у многихъ народовъ Востока, напр. у Персовъ, Индійцевъ, Афганцевъ, Друзовъ, у большей части кавказскихъ племенъ и др. По закону левирата, дѣти отъ левиратскаго брака считались дѣтьми того лица, чью вдову взялъ, по этому закону, деверь себѣ въ замужество; это и значило «воздвигнуть сѣмя брата своего».

колѣна Наѳана, сына Давидова, и родилъ Илія. А Илій женился и умеръ бездѣтнымъ; а послѣ него Іаковъ, который былъ его братомъ отъ одной матери, но не отъ одного отца, взялъ за себя жену его; потому что Законъ предписывалъ, что если кто умретъ, не имѣя дѣтей, то пусть братъ его возьметъ за себя жену его и воскреситъ потомство своего брата. По этому то Закону Іаковъ взялъ за себя жену братнюю и родилъ сего святаго Іосифа обручника, и былъ Іосифъ, какъ уже сказано, сыномъ обоихъ: по природѣ — Іакова, а по Закону — Илія. Вотъ почему св. Евангелистъ Лука, излагая родословіе Христа, назвалъ отцомъ Іосифовымъ Илія, говоря о Христѣ такъ: **сы́й, ꙗ҆́кѡ мни́мь, сн҃ъ і҆ѡ́сифовъ, и҆лі́евъ, матѳда́товъ**[1]), называя Илія вмѣсто Іакова.—Объ этомъ святомъ Іосифѣ существуютъ различныя мнѣнія у западныхъ и у восточныхъ христіанъ. Западные говорятъ, что онъ до самой кончины своей былъ дѣвственникомъ, совершенно не вступая въ бракъ; а восточные утверждаютъ, что онъ имѣлъ жену и родилъ дѣтей. Такъ, Никифоръ, древній греческій историкъ, слѣдуя св. Ипполиту, передаетъ, что онъ женился на Саломіи; но не думай (прибавляетъ онъ), что это та Саломія, которая находилась въ Виѳлеемѣ и была нареченною бабкою Господа; это была иная Саломія. Ибо та была родственница Елисаветы и Пресвятой Богородицы, а эта была дочь Аггея, брата Захаріи, отца Предтечи; Аггей же и Захарія были сыновьями священника Варахіи. Имѣя въ супружествѣ сію Саломію, дочь Аггея, святый Іосифъ родилъ четырехъ сыновей: Іакова, Симона, Іуду, Іосію и двухъ дочерей, Есѳирь и Ѳамарь, или, какъ говорятъ другіе,—Марѳу; а Синаксарь

Ст҃ый і҆ѡ́сифъ

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 3, ст. 23—24.

недѣли святыхъ мѵроносицъ присовокупляетъ еще и третью дочь, именемъ Саломію, которая была замужемъ за Зеведеемъ. А Георгій Кедринъ, упомянувъ о двухъ дочеряхъ Іосифа, говоритъ, что одна изъ нихъ, Марія, была выдана замужъ за Клеопу, брата Іосифа, уже послѣ возвращенія Іосифа изъ Египта; но та Марія, какъ кажется, то же лицо, что и Мароа, или Ѳамарь [1]). Какая бы она ни была дочь, и сколько бы у Іосифа ни было дочерей,— во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что Іосифъ былъ женатъ и имѣлъ сыновей и дочерей. По кончинѣ же своей жены Саломіи святый Іосифъ жилъ въ вдовствѣ довольно времени, проводя дни свои въ чистотѣ. Во Святомъ Евангеліи его святая и непорочная жизнь засвидѣтельствована слѣдующими, хотя и краткими, но весьма похвальными словами: **Іѡ́сифъ же мѹ́жъ є҆ѧ̀, пра́веденъ сы́й** [2]). И что можетъ быть больше такого свидѣтельства? Онъ былъ столь праведенъ, что своею святостію превзошелъ прочихъ праведныхъ праотцевъ и патріарховъ. Ибо кто былъ достоинъ стать обручникомъ и мнимымъ мужемъ Пречистой Дѣвы, Матери Божіей?! И кому дана была таковая честь,—сдѣлаться нареченнымъ отцомъ Христовымъ?! Поистинѣ Господь обрѣлъ сего мужа по сердцу Своему, которому Онъ открылъ **безвѣ́стнаѧ и҆ та́йнаѧ премѹ́дрости** Своей [3]), содѣлавъ его служителемъ таинства нашего спасенія. Поистинѣ онъ былъ достоинъ таковой чести и такого служенія, ради совершенной по добродѣтелямъ жизни своей. Когда онъ былъ уже старъ, лѣтъ восьмидесяти, обручена была ему Пречистая Дѣва Марія и дана была ему для храненія Своего дѣвства (а не для плотскаго, дѣйствительнаго супружества). И онъ со всякимъ благоговѣніемъ и страхомъ служилъ Ей какъ Матери Божіей, а своей и всего міра Госпожѣ и Владычицѣ (увѣрившись въ этомъ отъ Ангела, который являлся ему во снѣ), также и рожденному отъ Нея Богомладенцу—и во время бѣгства въ Египетъ, и по возвращеніи оттуда, и во время пребыванія въ Назаретѣ, добывая Имъ пропитаніе отъ трудовъ рукъ своихъ, ибо онъ былъ плотникомъ и человѣкомъ бѣднымъ, хотя и цар-

---

[1]) Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что въ грузинскихъ святцахъ въ числѣ свв. женъ Мѵроносицъ, почитается и св. Ѳамарь (подъ именемъ *Тамары*). Очевидно, преданіе, сохраняемое Грузинскою Церковію, сходно съ тѣмъ извѣстіемъ, по которому Ѳамарь могла быть и дочерью Іосифа, и впослѣдствіи мѵроносицею, вмѣстѣ съ сестрою своею, Саломіею (другою дочерью праведнаго старца).

[2]) Еванг. отъ Мате., гл. 1, ст. 19.

[3]) Псаломъ 50, ст. 8.

скаго рода. Ибо Господь восхотѣлъ родиться въ нищетѣ, заимствовавъ отъ царскаго рода только плоть, но не царскую славу, богатство и владычество. Посему Онъ благоизволилъ имѣть нищею и Свою Пречистую Матерь, нищимъ и мнимаго отца Своего, подавая образъ смиренія. Проживъ всего сто десять лѣтъ [1]), св. Іосифъ мирно скончался и отошелъ къ отцамъ своимъ, находившимся въ шеолѣ [2]), неся туда радостную и вѣрную вѣсть о томъ, что пришелъ желанный Мессія, имѣющій освободить и спасти родъ человѣческій,—Христосъ Господь, Которому слава во вѣки, аминь.

Тропа́рь ст҃ы́хъ (і҆ѡ́сифа и҆ дв҃да), гла́съ в҃:

Бл҃говѣ́ствꙋй і҆ѡ́сифе, дв҃дꙋ чꙋдеса̀ бг҃оцѣ̑ꙋ: дв҃ꙋ ви́дѣлъ є҆сѝ ро́ждшꙋю, съ па́стырьми славосло́вилъ є҆сѝ, съ волхвы̀ поклони́лсѧ є҆сѝ, а҆́гг҃ломъ вѣ́сть прїе́мъ: молѝ хр҃та̀ бг҃а сп҃сти̑ дꙋ́шы на́шѧ.

Конда́къ, гла́съ г҃:

Ве́селїѧ дне́сь дв҃дъ и҆сполнѧ́етсѧ бж҃е́ственный, і҆ѡ́сифъ же хвале́нїе со і҆а́кѡвомъ прино́ситъ: вѣне́цъ бо сро́дствомъ хр҃то́вымъ прїе́мше ра́дꙋютсѧ, и҆ неизрече́ннѡ на землѝ ро́ждшагосѧ воспѣва́ютъ: ще́дре, сп҃са́й тебѐ чтꙋ́щыѧ.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

ЕВѲИМІЯ,

епископа Сардійскаго

Святый Евѳимій жилъ въ царствованіе Константина и Ирины [3]) и такъ прославился своимъ благочестіемъ, что сіялъ, какъ лучезарная звѣзда, иноческимъ житіемъ своимъ въ Христовой Церкви. За сіе онъ удостоенъ былъ епископскаго сана [4]) и присутствовалъ на Никейскомъ второмъ—Седьмомъ Вселенскомъ Соборѣ [5]), на ко-

---

[1]) Это преданіе о 110-лѣтнемъ возрастѣ прав. Іосифа сходно съ извѣстіемъ, что онъ преставился 111-ти лѣтъ, о чемъ мы находимъ упоминаніе въ апокрифической «Исторіи плотника Іосифа».

[2]) *Шеолъ* — адъ, жилище мертвыхъ.

[3]) Константинъ и Ирина царствовали: первый — съ 780 по 797 годъ, вторая — съ 797 по 802 годъ.

[4]) *Св. Евѳимій* былъ епископомъ Сардійскимъ (въ Мизіи, въ Малой Азіи).

[5]) Соборъ этотъ противъ иконоборцевъ былъ въ 787 году.

торомъ безбоязненно съ ревностію боролся противъ еретиковъ и посрамилъ ихъ; былъ посылаемъ онъ также царями еще съ разными государственными порученіями въ мѣстности, гдѣ господствовали крамолы и мятежи. Когда же воцарился Никифоръ[1]), святый Евѳимій, вмѣстѣ съ другими православными епископами, былъ сосланъ въ западную Паталарею[2]), какъ будто за насильственное постриженіе одной дѣвицы[3]), и съ того времени до самой своей страдальческой кончины уже не возвращался въ свою епископію и не управлялъ ею. Черезъ двадцать девять лѣтъ, когда императорскій престолъ въ греческомъ государствѣ занялъ звѣронравный Левъ[4]), святый вызванъ былъ изъ заточенія[5]), представленъ къ царю и подвергся отъ него допросу объ иконопочитаніи: по обычаю своему онъ дерзновенно обличалъ еретическое нечестіе и произнесъ мучителю отлученіе отъ Церкви. Царь сильно разгнѣвался на исповѣдника и сослалъ его опять въ заточеніе въ городъ Ассъ[6]). Вслѣдъ затѣмъ императоръ Левъ сверженъ былъ съ престола и погибъ отъ меча; ему наслѣдовалъ императоръ Михаилъ, который назывался Косноязычнымъ. При этомъ царѣ преподобный былъ вызванъ изъ Асса и принуждаемъ отказаться отъ иконопочитанія: но онъ безбоязненно во всеуслышаніе произнесъ такое изреченіе:

— Кто не поклоняется образу Господа нашего Іисуса Христа по человѣчеству, того анаѳематствуемъ.

За это онъ былъ подвергнутъ сначала біенію, а потомъ— ссылкѣ въ Критъ[7]), гдѣ и заключенъ былъ въ мрачную темницу и, сверхъ того, еще подвергся жестокой пыткѣ: его растянули на четырехъ столбахъ и били воловьими жилами, такъ что тѣло его

---

[1]) *Никифоръ* царствовалъ въ 802—811 гг.

[2]) *Паталарея*—островъ между Сициліею и Тунисомъ, ближе къ Африкѣ.

[3]) На самомъ же дѣлѣ за обличеніе беззаконнаго царя, который возвелъ гоненіе на всѣхъ тѣхъ, кто, вмѣстѣ съ Студійскими монахами, не хотѣлъ имѣть общенія съ отлученнымъ, но императоромъ Никифоромъ возстановленнымъ экономомъ Іосифомъ—за совершеніе брака императора Константина VI съ Ѳеодотіей при жизни первой его супруги.

[4]) *Левъ V Армянинъ иконоборецъ* — царствовалъ въ 813—820 гг.

[5]) *Св. Евѳимій* — столпъ Церкви, находясь и въ ссылкѣ, по свидѣтельству преподобнаго Ѳеодора Студита, «былъ свѣтильникомъ, просвѣщающимъ многихъ и приводящимъ къ Богу медоточивымъ ученіемъ своимъ», и, такимъ образомъ, причинялъ безпокойство еретику-царю. Вызванный изъ заточенія къ допросу въ 815 году, святый Евѳимій, вмѣстѣ съ Патріархомъ Никифоромъ и другими православными епископами, ревностно обличалъ царя за иконоборство.

[6]) *Ассъ*—укрѣпленный городъ въ Мизіи же при Адрамитскомъ заливѣ.

[7]) По инымъ извѣстіямъ, св. Евѳимій заточенъ былъ въ Акритѣ на Черномъ морѣ.

покрылось множествомъ ранъ и распухло. Проживъ немного послѣ того, святый исповѣдникъ съ миромъ предалъ духъ свой Богу[1]).

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ЕВАРЕСТА

Святый Еварестъ, родомъ изъ Малой Азіи, Галатійской епархіи, имѣлъ родителей знатныхъ; но имена ихъ неизвѣстны. Императоромъ въ Византійскомъ царствѣ тогда былъ Левъ, жестокій гонитель иконопочитанія, который погибъ отъ меча, воспріявъ такимъ образомъ достойную, какъ богопротивникъ, кончину[2]). Преемникомъ его былъ Михаилъ[3]), который также съ подозрительною непріязнію относился къ Православію.

Еварестъ отрокъ, приходя въ совершенный возрастъ, получилъ достаточное образованіе и былъ по-апостольски всѣмъ всѣ[4]): родителямъ — благопокоренъ, къ товарищамъ и сосѣдямъ — доброрасположенъ, чужимъ и своимъ — достолюбезенъ, всегда и во всемъ правдивъ и ко всѣмъ предупредителенъ своею любовію. Съ отрочества, такимъ образомъ, Еварестъ возгорѣлъ желаніемъ жить по Божественнымъ заповѣдямъ и — возлюбилъ иночество. Между тѣмъ отецъ его отправился по своимъ дѣламъ въ Константинополь; пошелъ туда же вмѣстѣ съ нимъ и Еварестъ. Тамъ онъ былъ принятъ нѣкіимъ родственникомъ своимъ, патриціемъ Вріенніемъ, достигшимъ почетнаго общественнаго положенія. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того царицѣ Ѳеодорѣ нужно было отправить посольство къ Болгарамъ[5]); посломъ назначенъ былъ вышеупомянутый патри-

---

[1]) Скончался *св. Евѳимій* около 840 года, при сынѣ Михаила II Косноязычнаго — Ѳеофилѣ. Мощи св. исповѣдника Евѳимія, по свидѣтельству Никодима, находятся въ Анхіалѣ, городѣ во Ѳракіи, на берегу Чернаго моря, и источаютъ многія чудеса.

[2]) *Левъ V Армянинъ* — императоръ Византійскій, царствовалъ съ 813 по 820 г.

[3]) *Императоръ Михаилъ II Косноязычный,* вступивъ на престолъ въ 820 г., вызвалъ изъ заточенія Патріарха Никифора, преподобнаго Ѳеодора Студита и другихъ православныхъ, пострадавшихъ за иконопочитаніе при Львѣ Армянинѣ; но онъ не возстановилъ иконопочитанія, дозволивъ только частное почитаніе иконъ въ домахъ.

[4]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 9, ст. 22.

[5]) *Болгары* — дикій народъ — разгромили, около 817 года, городъ Адріанополь; захватили въ плѣнъ архіепископа Мануила (память его и пострадавшихъ съ нимъ 377 мучениковъ — 22 января); потомъ они вынуждены были заключить миръ съ Греками и даже

цій Вріенній. Онъ взялъ съ собою и честнаго Евареста. Когда они дошли до нѣкоего мѣста, называемаго Скупель [1]), то остановились и прожили тамъ нѣсколько времени. Здѣсь блаженный Еварестъ, по особому нѣкоему обстоятельству устроеніемъ Божіимъ, получилъ санъ пресвитера, а затѣмъ, проводя подвижническую жизнь, воспринялъ онъ и то, къ чему всегда съ любовію стремилась душа его,—постригся въ монашество, возложивъ на себя, такимъ образомъ, столь вожделѣнное ему ярмо Господне. Случилось ему въ это время пріобрѣсть книгу приснопамятнаго Ефрема [2]); прочитавъ ее и увлекаясь предлагаемымъ въ ней назиданіемъ, Еварестъ сталъ ревностнымъ исполнителемъ благочестивыхъ наставленій Ефрема; а такое его душевное настроеніе и добродѣтельная жизнь привели къ тому, что ему вручили охранительныя для путешествія письма и съ молитвою отправили его въ Студійскую обитель [3]). Прибывъ въ эту обитель, онъ былъ принятъ въ нее, и всецѣло посвятилъ себя иноческимъ подвигамъ, и, усмотрѣвъ одного изъ братіи особенно высоко стоящаго въ духовной жизни, сблизился съ нимъ и прилагалъ труды къ трудамъ, соревнуя этому брату въ восхожденіи къ совершенству, хотя другіе и не примѣчали того. Пища его состояла изъ малаго куска хлѣба, притомъ сухаго; вареную же пищу Еварестъ принималъ только одинъ разъ въ недѣлю. О другихъ же его подвигахъ и трудахъ невозможно и пересказать; довольно упомянуть, что на плечахъ своихъ по нагому тѣлу онъ носилъ тяжелыя желѣзныя вереги и чресла его были опоясаны. И всѣхъ онъ превзошелъ тогда добродѣтельной жизнію своею и, проживъ такъ богоугодно семьдесятъ пять лѣтъ, предалъ духъ свой Господу [4]).

дать заложниковъ, въ числѣ коихъ была сестра Болгарскаго князя Бориса. Она получила тогда въ Константинополѣ христіанское воспитаніе и была крещена съ именемъ Ѳеодоры. Послѣ 850 года она возвратилась въ Болгарію и располагала своего брата къ христіанству. Благодаря ея, между прочимъ, вліянію князь Борисъ принялъ христіанство, былъ крещенъ въ 864 году и названъ Михаиломъ.

[1]) *Скупель — Скопла* —мѣстность въ Албаніи, на Балканскомъ полуостровѣ.

[2]) Преподобнаго Ефрема Сирина, діакона Едесской церкви, † 373 г. память его 28 января.

[3]) Студійскій монастырь въ Константинополѣ—основанъ при императорѣ Львѣ Великомъ въ половинѣ V вѣка; при импер. Константинѣ Копронимѣ во второй половинѣ VIII столѣтія много пострадалъ отъ иконоборцевъ, наибольшей славы достигъ при препод. Ѳеодорѣ Студитѣ, стоявшемъ во главѣ православныхъ въ борьбѣ съ иконоборцами—въ началѣ IX в. Турки уничтожили монастырь и церковь обратили въ мечеть.

[4]) *Преп. Еварестъ* скончался около 825 года. Погребенъ онъ былъ въ Коккоровійскомъ монастырѣ.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

КОНСТАНТИНА СИНАДСКАГО

Преподобный Константинъ родился въ городѣ Синадѣ[1]) и былъ по происхожденію іудей. Будучи еще малолѣтнимъ, онъ однажды, сопровождая свою мать, увидѣлъ христіанина, зѣвнувшаго и сотворившаго крестное знаменіе на своихъ устахъ. По подражанію, и онъ сталъ дѣлать подобное. Между тѣмъ, такое наружное уподобленіе расположило его со вниманіемъ относиться и ко внутреннему содержанію христіанской вѣры. Душою онъ ощущалъ теплоту благодати Божіей, и лицо его просвѣтлѣло; озаряемый свыше таинственнымъ наставленіемъ, онъ въ продолженіе многихъ дней даже какъ бы забывалъ о тѣлесной пищѣ, не ощущая голода. Это было соблазномъ для окружающихъ его[2]): одна дѣвица еврейка однажды дерзко поглумилась надъ нимъ, но была за то имъ сначала умерщвлена знаменіемъ честнáго креста, а потомъ оживлена. Внимая, такимъ образомъ, чистымъ, вѣрующимъ сердцемъ Гласу Господа[3]), онъ оставилъ своихъ родныхъ и, какъ бы по указанію Божественнаго облака[4]), дошелъ до мѣста, называемаго «*душевное спасеніе*», гдѣ проживали тогда великіе мужи, сіявшіе добродѣтелями и подвигами иноческими. Представившись настоятелю этихъ иноковъ, онъ разсказалъ ему о себѣ все подробно: тотъ велѣлъ принести крестъ и приказалъ ему облобызать его. Блаженный съ радостью началъ лобызать святый крестъ и положилъ его себѣ на голову, на которой тотчасъ отпечатлѣлось знаменіе всечестнаго оружія, неизгладимо сохранившееся и впослѣдствіи, даже до самой его смерти. Послѣ того сподобился онъ Святаго Крещенія и нареченъ былъ Константиномъ. Послѣ Крещенія онъ удалился въ одно близлежащее мѣсто и тамъ ревностно посвятилъ себя подвигамъ духовной жизни; при желаніи принять иноческій чинъ онъ, еще до постриженія, всѣхъ превосходилъ уже

---

[1]) *Синадъ*, или *Синнады*,—городъ на сѣверѣ Фригіи, близъ горной цѣпи, гдѣ находились знаменитыя Синнадскія мраморныя ломки. Нынѣ—развалины близъ Ескикара—Гассафъ.

[2]) 1 Посланіе къ Коринѳ., гл. 1, ст. 23.

[3]) Посланіе къ Евреямъ, гл. 4, ст. 7.

[4]) Кн. Исходъ, гл. 13, ст. 21. Мѣсто, до котораго дошелъ преподобный, была гора *Сина* въ Сиріи, гдѣ подвизались святые отшельники уже въ III вѣкѣ.

строгимъ благочестіемъ, устроля свою жизнь по примѣру и наставленіямъ святаго Апостола Павла. Когда же Константинъ произносилъ иноческіе обѣты Богу, мѣсто, гдѣ это происходило, наполнилось благоуханіемъ, и сами собою отверзлись предъ нимъ церковныя двери. При своей душевной чистотѣ онъ удостоился еще особеннаго дара: онъ былъ прозорливцемъ, ибо предъ нимъ открыты были даже помыслы каждаго брата. Изъ этой обители предпринялъ онъ путешествіе къ Олимпу[1]), приходилъ затѣмъ въ Атталію[2]), перейдя дивнымъ образомъ быструю рѣку, посѣтилъ Муры Ликійскія и многія другія мѣста и опять пришелъ къ Олимпу. Здѣсь Константинъ сорокъ дней провелъ безъ пищи, будучи закопаннымъ въ землю до чреслъ. Потомъ противъ воли своей онъ принялъ священный санъ и, не оставляя подвижническихъ трудовъ, странствовалъ еще въ Атрою[3]). За восемь мѣсяцевъ предсказалъ онъ о своей кончинѣ и, согласно этому предсказанію, мирно преставился ко Господу[4]).

[1]) *Олимпъ*—гора въ Малой Азіи, въ окрестностяхъ которой находились славные въ то время монастыри, въ коихъ подвизались великіе подвижники, напр. Іоаннкій Великій и т. д.

[2]) *Атталія*—прибрежный городъ Памфиліи, основанный еа 1½ вѣка до Рождества Христова Атталомъ II Филадельфомъ и названный по его имени.

[3]) *Атроя*—городъ, отстоящій недалеко отъ Олимпа.

[4]) Преп. Константинъ жилъ и подвизался въ VIII вѣкѣ.

День двадцать седьмой

СТРАДАНІЕ

СВЯТАГО ПЕРВОМУЧЕНИКА и АРХИДІАКОНА

СТЕФАНА

Когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ, по совершеніи таинства спасенія нашего, вознесся на Небо и отъ Отца ниспослалъ на Апостоловъ Духа Святаго, въ видѣ огненныхъ языковъ [1]), и первенствующая Церковь (Іерусалимская) начала умножаться, возникло въ ней вскорѣ неудовольствіе между христіанами изъ еллиновъ [2]) и евреевъ. Здѣсь разумѣются не тѣ еллины, которые поклонялись идоламъ и которыхъ Священное Писаніе обыкновенно называло язычниками. Язычникамъ въ то время еще не былъ открытъ доступъ къ вѣрѣ во Христа и не проповѣдывалось имъ слово спасенія; даже по убіеніи архидіакона Стефана еще нескоро стали допускать язычниковъ въ собраніе вѣрныхъ. Первымъ изъ язычниковъ христіаниномъ былъ Корнилій Сотникъ [3]), но, едва крестилъ его св. Петръ, вознегодовали христіане изъ обрѣзанныхъ іудеевъ на то, что Петръ ходилъ къ необрѣзаннымъ, и роптали на него до тѣхъ поръ, пока онъ не разсказалъ имъ о

---

[1]) Кн. Дѣян. Ап., гл. 2, ст. 1—4.

[2]) *Еллинами* назывались іудеи, жившіе въ разныхъ странахъ языческаго міра и говорившіе на очень распространенномъ еллинскомъ (греческомъ) языкѣ; на праздникъ они приходили въ Іерусалимъ и подолгу жили въ немъ.

[3]) Кн. Дѣян. Ап., гл. 10.

видѣніи, бывшемъ ему,—о плащаницѣ, спущенной съ Неба [1]). Тогда они успокоились и прославили Бога, говоря:

— Видно, и язычникамъ далъ Богъ покаяніе въ жизнь.

Итакъ, при жизни святаго Стефана роптали на евреевъ еллины не изъ числа язычниковъ, а бывшіе также изъ евреевъ и хранившіе тотъ же Законъ, данный Моисеемъ, но разсѣявшіеся по разнымъ странамъ (какъ и святый Апостолъ Іаковъ въ своемъ Посланіи пишетъ: **ѻ҆бѣмана́десѧте колѣ́нома, и҆̀же въ разсѣ́ѧнїи, ра́доватисѧ** [2]) и усвоившіе еллинскій языкъ (но не вѣру и нравы); посему ихъ и называли еллинами тѣ, которые жили въ Іерусалимѣ. Подобнымъ образомъ и Златоустъ выражается: «Еллинами, о коихъ говорится въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, я полагаю, назывались говорящіе по-еллински потому только, что они по-гречески говорили, будучи евреями». Между такими-то еллинами-христіанами и возникъ ропотъ на христіанъ изъ евреевъ іерусалимскихъ, ропотъ за то, что вдовы еллиновъ были пренебрегаемы при ежедневномъ назначеніи служеній: или имъ назначалась низшая работа, или имъ давалась меньшая и худшая доля пищи и одежды.

При такомъ положеніи дѣлъ святые двѣнадцать Апостоловъ созвали всѣхъ бывшихъ тогда вѣрующихъ и сказали имъ:

— Нехорошо намъ, оставивши Слово Божіе, пещись о столахъ. Итакъ, братія, выберите изъ среды себя семь человѣкъ, исполненныхъ Святаго Духа и мудрости; ихъ поставимъ на эту службу; а мы постоянно пребудемъ въ молитвѣ и служеніи Слова [3]).

Это предложеніе святыхъ Апостоловъ было одобрено всѣмъ собраніемъ вѣрныхъ, которые немедленно избрали: Стефана, мужа исполненнаго вѣры и Духа Святаго, Филиппа, Прохора, Никанора, Тимона, Пармена и Николая, уроженца антіохійскаго.

Самыя имена сихъ избранниковъ показываютъ, что они были родомъ не изъ тѣхъ евреевъ, которые жили въ Іерусалимѣ, но изъ тѣхъ, которые проживали въ еллинскихъ странахъ, ибо имена ихъ—не еврейскія, а еллинскія. Изъ нихъ Стефанъ приходился родственникомъ Савлу, впослѣдствіи призванному Господомъ съ именемъ Павла къ вѣрѣ и апостольскому служенію; Павелъ же былъ родомъ изъ города Тарса, въ Киликіи [4]). Эти семь мужей

[1]) Кн. Дѣян. Ап., гл. 11, ст. 5—18.

[2]) Посл. Іак., гл. 1, ст. 1.

[3]) Кн. Дѣян. Ап., гл. 6, ст. 2—4.

[4]) *Киликія* — приморская область на юго-востокѣ Малой Азіи. *Тарсъ* — главный городъ Киликіи, и донынѣ цвѣтущій городъ.

потому избраны были изъ еллиновъ для служенія бѣднымъ вдовамъ, чтобы еллины, доселѣ скорбѣвшіе о пренебреженіи своихъ вдовицъ, успокоились наконецъ и перестали жаловаться и роптать.

Первомч҃нкъ Стефа́нъ

Всѣ сіи избранники были приведены къ Апостоламъ, и тѣ помолились, возложили на нихъ руки и посвятили ихъ въ діаконы (служители).

Первымъ между ними былъ Стефанъ, исполненный вѣры и силы, и потому назывался архидіакономъ. По благодати Божіей, онъ творилъ много знаменій и чудесъ среди вѣрныхъ: а если о чудесахъ его не упоминается въ Священномъ Писаніи, это нисколько не удивительно, ибо и о дѣлахъ Самого Христа Господа сказано: **а҆́ще бы по є҆ди́номꙋ пи́сана бы́ша, ни самомꙋ̀ мню̀ всемꙋ̀ мі́рꙋ вмѣсти́ти пи́шемыхъ кни́гъ**[1]). Впрочемъ, съ полнымъ основаніемъ можно сказать, что святый Стефанъ, подобно старѣйшимъ Апостоламъ, возлагалъ руки на больныхъ, и они становились здоровыми. Кромѣ сего, онъ былъ мужъ сильный словомъ и дѣломъ, вѣрныхъ утверждалъ въ вѣрѣ, невѣрныхъ же іудеевъ обличалъ, доказывая имъ отъ Закона и Пророковъ, что они несправедливо, по зависти, убили Сына Божія, Мессію, ожидаемаго столько вѣковъ. И когда между іудеями, и фарисеями, и саддукеями, и греческими евреями разгорѣлся однажды споръ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, и одни говорили, что Онъ—Пророкъ, другіе же—что онъ льстецъ, а иные—что Онъ—Сынъ Божій, святый Стефанъ, взойдя на возвышеніе, сталъ благовѣствовать всѣмъ о Христѣ Господѣ, говоря:

— Мужіе братіе! Зачѣмъ усиливается между вами раздраженіе, и весь Іерусалимъ раздѣляется на партіи? Блаженъ тотъ изъ васъ,

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 21, ст. 25.

кто увѣровалъ въ Господа нашего Іисуса Христа, ибо Онъ, для того, чтобы освободить насъ отъ грѣховъ нашихъ, сошелъ съ Небесъ и родился отъ Пресвятыя и Пречистыя Дѣвы, избранной прежде созданія міра; Онъ принялъ на Себя и понесъ наши немощи и недуги, слѣпымъ даровалъ зрѣніе, прокаженныхъ очищалъ, бѣсовъ изгонялъ.

Они же, услышавъ слова его, стали спорить съ нимъ, усиливались опровергать его и хулить проповѣдуемаго имъ Господа, какъ написано объ этомъ въ книгѣ Дѣяній св. Апостолъ:

«Нѣкоторые изъ такъ называемой синагоги Либертинцевъ и Киринейцевъ и Александрійцевъ и нѣкоторые изъ Киликіи и Асіи вступили въ споръ со Стефаномъ»[1]).

Ибо евреи, жившіе между греками въ разныхъ отдаленныхъ странахъ, имѣли особыя свои синагоги въ Іерусалимѣ. И такимъ образомъ, кромѣ первенствующей архисинагоги еврейской, въ Іерусалимѣ много было синагогъ разныхъ пришельцевъ, или евреевъ, жившихъ въ различныхъ странахъ, и отъ каждой страны евреи исключительно въ свою синагогу въ Іерусалимѣ посылали дѣтей учиться Закону Божію. Да и сами они, ежегодно приходя на поклоненіе ко храму Соломонову, проживали при своихъ синагогахъ, и собирались въ нихъ, и учились въ нихъ, какъ это видно изъ второй главы книги Дѣяній Апостольскихъ: «Въ Іерусалимѣ находились Іудеи, люди набожные изъ всякаго народа подъ небесами, Парѳяне, Мидяне и Еламиты» и прочіе[2]), т. е. евреи, жившіе въ Парѳіи, въ Мидіи, въ Еламѣ[3]), и въ прочихъ тамъ указанныхъ странахъ, пришедшіе теперь на праздникъ въ Іерусалимъ. Соотвѣтственно сему были въ Іерусалимѣ синагоги Киликійская, Александрійская, Киринейская[4]). О Либертинской[5]) же разсказываютъ, что въ ней было особенное племя евреевъ, ведущее свой родъ отъ тѣхъ, которые нѣкогда были плѣнены

---

[1]) Кн. Дѣян. Ап., гл. 9, ст. 9.

[2]) Кн. Дѣян. Ап., гл. 2, ст. 5—9.

[3]) Все это—провинціи прежнихъ могущественныхъ царствъ, впослѣдствіи подчиненныхъ Римской имперіи; онѣ лежали между Каспійскимъ моремъ и Персидскимъ заливомъ. *Парѳія*—большая страна къ юго-востоку отъ Каспійскаго моря. *Мидія*—западная часть Ирана, къ югу отъ Каспійскаго моря. *Еламъ*—страна, лежавшая за Месопотаміею, по ту сторону Тигра и вдоль этой рѣки къ югу до Персидскаго залива.

[4]) *Киринея*—область верхней Ливіи, по сѣверному берегу Африки, къ западу отъ Египта.

[5]) *Либертинцы* (съ латинскаго—свободные, или вольноотпущенники)—Іудеи, побѣжденные Римлянами во время войнъ ихъ съ ними, особенно при Помпеѣ, лѣтъ за 60 до Р. Хр.

Помпеемъ римскимъ[1]), потомъ отпущены на свободу и поэтому назывались либеры, что значитъ—свободные. Точно такъ же и св. Златоустъ говоритъ: «Либертинами назывались тѣ, коимъ была дарована свобода римлянами. И такъ какъ въ Іерусалимѣ жили пришельцы изъ разныхъ странъ, то они и синагоги свои въ немъ имѣли, гдѣ слушали чтеніе Закона и молились».

Сіи то собранія въ синагогахъ—либертинской, киринейской и другихъ, споря со Стефаномъ, не могли противостоять мудрости и Духу, Которымъ онъ говорилъ, и святый Стефанъ въ то время словомъ истины одолѣлъ три части свѣта—Европу, Азію и Африку: одолѣлъ Европу въ лицѣ либертинъ, пришедшихъ изъ Рима, находящагося въ Европѣ, одолѣлъ Азію въ лицѣ киликіянъ, уроженцевъ Азіи, одолѣлъ Африку въ лицѣ киринейцевъ и александрійцевъ, происходившихъ изъ Африки.

Они же, не имѣя силы сказать что-либо противъ проповѣдуемой Стефаномъ истины, свѣтлѣйшей солнца, воспламенились на него гнѣвомъ и, полные зависти, подучили нѣкоторыхъ изъ своихъ единомышленниковъ, привыкшихъ говорить ложь, объявить главной архисинагогѣ еврейской, будто они слышали, какъ Стефанъ говорилъ хульныя рѣчи противъ Моисея и Бога. Возмутивъ, такимъ образомъ, народъ, и старѣйшинъ, и книжниковъ, они напали на святаго Стефана, схватили и привели его въ синагогу къ первосвященникамъ и великому множеству законоучителей; тутъ же представили и ложныхъ свидѣтелей, которые утверждали:

— Сей человѣкъ не перестаетъ говорить хульныя рѣчи на св. мѣсто сіе и на Законъ, и мы слышали, какъ онъ говорилъ, что Іисусъ Назорей разрушитъ мѣсто сіе и перемѣнитъ обычаи, которые установилъ намъ Моисей.

Святый же Стефанъ стоялъ невозмутимо среди этого убійственнаго собранія, какъ Ангелъ Божій, сіяя свѣтомъ божественной благодати, какъ нѣкогда Моисей: ибо преобразился внѣшній видъ лица его, и всѣ, бывшіе въ собраніи, смотря на него, видѣли лицо его, какъ лицо Ангела.

Первосвященникъ спросилъ его:

— Справедливо ли то, что говорятъ о тебѣ свидѣтели?

---

[1]) *Помпей*—знаменитый римскій полководецъ и завоеватель, впослѣдствіи, по уничтоженіи въ Римѣ республики, въ качествѣ одного изъ тріумвировъ самовластно управлявшій третьею частью государства.

Святый, раскрывъ уста свои, произнесъ длинную рѣчь. Онъ началъ отъ Авраама, который первый получилъ обѣтованіе о пришествіи Мессіи, и затѣмъ разсказалъ всю исторію до Моисея, вспоминая о немъ съ полнымъ благоговѣніемъ и уваженіемъ, и этимъ ясно показывалъ и возражалъ противъ лжесвидѣтелей, что самъ онъ вовсе не хулитель ни Моисея, ни Закона Божія, даннаго чрезъ Моисея, и еще яснѣе доказывалъ, что именно отцы ихъ были хулителями.

— Не восхотѣли,—говорилъ онъ,—отцы наши быть послушными ему, но отринули Его и обратились сердцами своими къ Египту[1]).

Потомъ, возражая на другую клевету, будто бы онъ произносилъ хулу на мѣсто святое, сказалъ:

— Соломонъ построилъ Ему храмъ[2]).

Этими словами онъ какъ бы хотѣлъ сказать: «Я чту мѣсто святое, по Божіему благоволенію мудро устроенное царемъ Соломономъ и освященное славою Господнею, явленною облакомъ; я почитаю храмъ, во славу Божію созданный людьми, но при семъ и то исповѣдую, что Богъ болѣе любитъ пребывать въ невещественныхъ, нерукотворенныхъ храмахъ, т. е. въ душахъ человѣческихъ чистыхъ».

— Всевышній не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ,—говорилъ онъ,—какъ говоритъ Богъ чрезъ Пророка: нб҃о мнѣ̀ престо́лъ є҆́сть, землѧ́ же подно́жїе нога́ма мои́ма: кі́й хра́мъ сози́ждете мѝ, глаго́летъ гдⷭ҇ь: и҆лѝ ко́е мѣ́сто поко́ищꙋ моемꙋ̀; всѧ̑ бо сїѧ̑ сотворѝ рꙋка̀ моѧ̀[3]).

Наконецъ, исполнившись божественной ревности, какъ нѣкогда Илія, святый Стефанъ обратился съ обличительной рѣчью противъ всего собранія:

— Жестоковыйные люди съ необрѣзаннымъ сердцемъ и ушами! Вы всегда противитесь Духу Святому: какъ отцы ваши, такъ и вы. Кого изъ пророковъ не гнали отцы ваши? Они убили предвозвѣстившихъ пришествіе Праведника (обѣтованнаго Мессіи), Котораго предателями и убійцами сдѣлались нынѣ вы[4]).

---

[1]) Кн. Дѣян. Ап., гл. 7, ст. 39.
[2]) Кн. Дѣян. Ап., гл. 7, ст. 47.
[3]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 66, ст. 1—2.
[4]) Кн. Дѣян. Ап., гл. 7, ст. 51.

Сіи слова святаго возбудили въ первосвященникѣ и книжникахъ невыразимую ярость, и всѣ они, слушая сіе, рвались сердцами своими и скрежетали на него зубами своими.

Но Стефанъ не обращалъ вниманія на ихъ гнѣвъ, ибо былъ исполненъ Духа Святаго, Который и дѣлалъ его мужественнымъ и боговдохновеннымъ. Взглянувъ на Небо, онъ увидѣлъ славу Божію. Доселѣ онъ проникнутъ былъ лишь желаніемъ узрѣть ее и съ полной вѣрою твердо надѣялся достигнуть сего, а теперь, еще до кончины своей, сталъ созерцать ее и, какъ близкій къ смерти, встрѣчалъ ее какъ начало блаженства; онъ увидѣлъ и Самого Христа Іисуса, Владыку и Господа своего, стоящаго въ Небѣ и какъ бы ожидающаго къ Себѣ прихода его, когда, наконецъ, разрѣшившись отъ тѣла, скорѣе пойдетъ къ Нему и тамъ, гдѣ Онъ, Самъ Господь, тамъ и слуга Его будетъ [1]).

И то, что онъ видѣлъ, то объявилъ всѣмъ, воскликнувъ громкимъ голосомъ:

— Вотъ, я вижу Небеса отверстыя и Сына Человѣческаго, стоящаго одесную Бога [2]).

Онъ не скрылъ сего видѣнія, какъ обыкновенно дѣлали святые мужи, которые, конечно, по смиренію своему, не открывали явленій, посылаемыхъ имъ отъ Бога, но всѣмъ объявилъ преславное откровеніе для того, чтобы вѣрные утвердились въ вѣрѣ, а невѣрные были посрамлены. И для того еще онъ сдѣлалъ сіе, чтобы и будущихъ послѣ его мучениковъ увѣрить, что страдающимъ за Христа нѣтъ препятствія къ восхожденію на Небо и какого-либо испытанія, но открытъ прямой, свободный путь, Небо отверсто, воздаяніе готово, Самъ Подвигоположникъ, стоя, ждетъ, Господня слава сама срѣтаетъ мученика во Вратахъ небесныхъ. И посему святый первомученикъ повѣдалъ въ слухъ всѣхъ, что онъ видитъ, какъ бы призывая этимъ и другихъ послѣ себя къ тому же вѣнцу мученическому.

Но завистливые іудеи, привыкшіе убивать пророковъ и возставшіе на Самого Господа, Исполнителя Закона и Пророковъ, не стерпѣли словъ истины, будучи сами лживы, и не захотѣли слушать откровенія святаго Стефана, но подняли громкій крикъ, стали затыкать свои уши и, единодушно устремясь къ нему, возложили на него свои убійственныя руки, вывели изъ города, какъ

[1]) По слову Спасителя. См.: Еванг. отъ Іоан., гл. 12, ст. 26.

[2]) Кн. Дѣян. Ап., гл. 7, ст. 56.

прежде Господа Іисуса, благоизволившаго пострадать внѣ стѣнъ, и каменіемъ побивали благаго и вѣрнаго раба Господня. А чтобы легче было бросать камни на святаго, лжесвидѣтели и убійцы сняли съ себя верхнія одежды и сложили ихъ при ногахъ одного юноши, по имени Савла, который хотя былъ единоплеменникомъ и родственникомъ убиваемаго, но болѣе другихъ раздраженъ былъ противъ него — изъ слѣпой ревности къ Ветхому Закону. Савлъ— говорится въ Дѣяніяхъ—одобрялъ убіеніе его[1]). И св. Златоустъ говоритъ о семъ такъ: «Скорбѣлъ Савлъ, что у него не было много рукъ, чтобы всѣми ими можно было поражать Стефана, и доволенъ былъ лишь тѣмъ, что мученика побивали многія руки лжесвидѣтелей, которыхъ одежды онъ сторожилъ».

Въ то самое время, когда святаго Стефана убивали въ долинѣ Іосафатовой (которая лежитъ между Іерусалимомъ и Елеономъ, при Кедрскомъ потокѣ, имѣвшемъ множество камней по берегамъ), вдали, на нѣкоторомъ возвышеніи, взирая съ горы, стояла Пречистая Дѣва со святымъ Іоанномъ Богословомъ и прилежно молилась о Стефанѣ ко Господу и Сыну Своему, да укрѣпитъ его въ терпѣніи и приметъ душу его въ руки Свои. О, какъ сладостна, хотя и отъ жестокихъ ударовъ камнями, была смерть святаго первомученика, когда съ высоты Небесной Сладчайшій Іисусъ, а съ горы земной Сладчайшая Матерь съ возлюбленнымъ ученикомъ взирали на его подвигъ! И святый Стефанъ, подъ частымъ каменнымъ дождемъ, падающимъ на него, весь обагряясь кровію, ослабѣвая силами и разрѣшаясь отъ узъ плоти, скорбѣлъ сердцемъ не о себѣ, а о тѣхъ, которые убивали его, и прилежнѣе о нихъ, чѣмъ о себѣ, молился предъ смертію: ибо о себѣ, стоя прямо, говорилъ:

— Господи Іисусе, пріими духъ мой[2]).

Потомъ, преклонивъ колѣна, молился о своихъ убійцахъ, восклицая:

— Господи, не вмѣни имъ грѣха сего[3]).

Съ этими словами святый предалъ Христу свою чистую душу.

Такъ скончался добрый подвижникъ, такъ увѣнчался, какъ бы багряными цвѣтами, окровавленными камнями первый мученикъ и вошелъ въ отверстое, видѣнное имъ, Небо къ Господу и Царю славы, соцарствовать съ Нимъ въ безконечномъ царствѣ.

---

[1]) Кн. Дѣян. Ап., гл. 8, ст. 1.
[2]) Кн. Дѣян. Ап., гл. 7, ст. 59.
[3]) Кн. Дѣян. Ап., гл. 7, ст. 60.

Архидіакономъ онъ рукоположенъ былъ святыми Апостолами вскорѣ послѣ Пятидесятницы и пострадалъ въ томъ же, по Вознесеніи Господнемъ, году, 27 декабря, имѣя отъ роду немного болѣе 30-ти лѣтъ. Лицомъ онъ былъ прекрасенъ, но еще прекраснѣе душою.

Тѣло же его святое было повержено на снѣденіе звѣрямъ и птицамъ, и лежало день и ночь непогребеннымъ. И только на другую ночь Гамаліилъ [1]), извѣстный въ Іерусалимѣ еврейскій законоучитель (который и самъ потомъ увѣровалъ во Христа съ сыномъ своимъ Авивомъ), послалъ честныхъ и вѣрныхъ людей и, тайно взявши тѣло святаго, отнесъ въ свое имѣніе, отстоявшее отъ Іерусалима на 20 стадій [2]), называемое Кафаргамала, и съ честію похоронилъ тамъ, сотворивъ надъ нимъ плачъ великій. «И кто бы не плакалъ,—говоритъ Златоустъ,—смотря на того кроткаго агнца, побіеннаго камнями и лежащаго мертвымъ!»

Чрезъ много лѣтъ послѣ того благочестивая царица Греческая Евдокія, супруга Ѳеодосія Младшаго [3]), прибывши въ Іерусалимъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ святый первомученикъ Стефанъ былъ убитъ и земля обагрилась его честно́ю кровію, создала прекрасную церковь во имя его [4]), въ честь же Христу Богу, Ему же слава во вѣки. Аминь.

Тропа́рь первомч҃нка, гла́съ д҃:

Подвигомъ до́брымъ подвиза́лся є҆сѝ первомч҃нче хр҃то́въ и҆ а҆п҃ле, и҆ мꙋчи́телей ѡ҆бличи́лъ є҆сѝ нечести́е: ка́менїемъ бо побїе́нъ ѿ рꙋ́къ беззако́нныхъ, вѣне́цъ ѿ ꙗ҆́же свы́ше десни́цы прїѧ́лъ є҆сѝ, и҆ къ бг҃ꙋ взыва́лъ є҆сѝ вопїѧ̀: гдⷭ҇и, не поста́ви и҆̀мъ грѣха̀ сегѡ̀.

Конда́къ, гла́съ г҃:

Ꙗ҆́ка вчера̀ на́мъ пло́тїю прихожда́ше, и҆ ра́бъ дне́сь ѿ пло́ти и҆схожда́ше: вчера̀ цр҃твꙋ́ѧй пло́тїю роди́сѧ, дне́сь ра́бъ ка́менїемъ поби-ва́етсѧ. тогѡ̀ ра́ди и҆ скончава́етсѧ первомч҃нкъ и҆ бж҃е́ственный стефа́нъ.

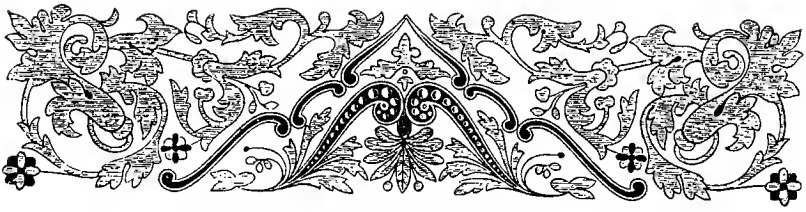
---

[1]) *Гамаліилъ*—знаменитый законоучитель еврейскій, занимавшій высокое мѣсто въ Іерусалимскомъ синедріонѣ, уважаемый всѣмъ народомъ, такъ что его называли «славою Закона». Преданіе говоритъ, что онъ, вмѣстѣ съ сыномъ Авивомъ, крещенъ былъ Апостолами Петромъ и Іоанномъ.

[2]) Около $3^1/_2$ верстъ.

[3]) *Ѳеодосій II,* или *Младшій,* царствовалъ съ 408 по 450 г.

[4]) Церковь освящена въ 460 году; она была такъ обширна, что въ ней помѣщалось до 10 000 человѣкъ.



ЖИТІЕ и СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА и ИСПОВѢДНИКА
ѲЕОДОРА
и БРАТА ЕГО ПРЕПОДОБНАГО
ѲЕОФАНА[1]
начертанныхъ

Среди мучениковъ, пострадавшихъ за Христа, одни подвизались за христіанскую вѣру, противустоя защищавшимъ свое идолопоклонническое заблужденіе язычникамъ; другіе же, подвизаясь за правую вѣру противъ христіанъ же, но только неправославно вѣровавшихъ, понесли не меньше трудовъ, чѣмъ первые, за что и получили равные съ ними вѣнцы. Въ ряду послѣднихъ находится дивный и великій Ѳеодоръ.

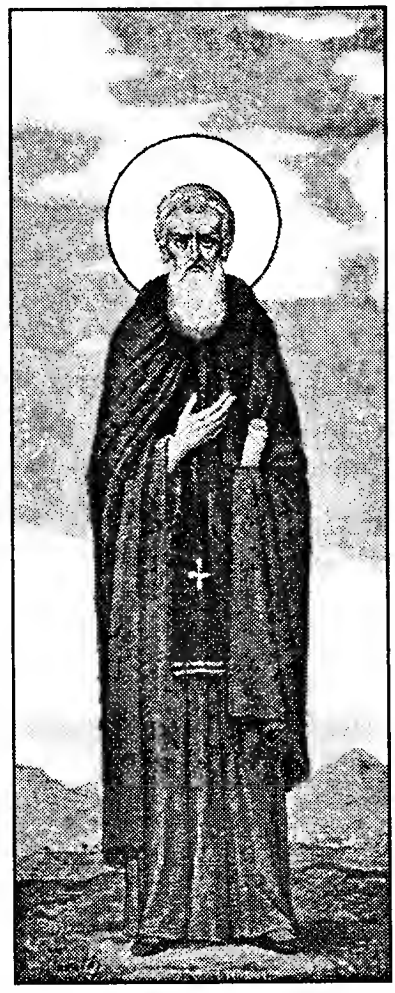
Ѳеодора возрастила Палестина, данная Богомъ въ наслѣдіе Аврааму и справедливо называемая Землей Обѣтованной, такъ какъ не только изъ нея вышелъ весь ликъ пророковъ и патріарховъ, но и Самъ Христосъ по плоти произошелъ изъ нея же, а также и весь соборъ Богоугодныхъ Апостоловъ. Та же страна явила міру и этотъ свѣтильникъ вѣры и столпъ благочестія,—святаго Ѳеодора, ибо его благородные родители[2]), все состояніе и богат-

---

[1]) Изображеніе св. Ѳеофана см. въ Октябрской книгѣ «Житій святыхъ», на стр. 245.

[2]) Отцомъ преподобнаго былъ пресвитеръ Іона, скончавшійся въ монастырѣ св. Саввы Освященнаго, память коего 5-го декабря. Память *пресвитера Іоны* совершается 22-го сентября.

ство коихъ заключалось въ томъ, что они именовались христіанами, жили во Святомъ Градѣ Іерусалимѣ.



Прп҃бномч҃нкъ
Ѳеодоръ

Святый Θеодоръ еще въ юности пріобрѣлъ великую мудрость, и въ отроческихъ лѣтахъ онъ обладалъ уже не отроческимъ умомъ: вмѣсто того, чтобы заниматься дѣтскими играми или увлекаться зрѣлищами, онъ постоянно пребывалъ въ храмахъ Божіихъ, и не было для него ничего пріятнѣе, какъ взирать на дѣла благія и честныя и поучаться имъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обнаруживалъ также безпрекословное повиновеніе своимъ родителямъ. Однимъ словомъ, преподобный, подобно плодоносному саду, съ самаго начала своей жизни показалъ, каковъ онъ будетъ впослѣдствіи.

Когда онъ подросъ, родители отдали его въ монастырь святаго Саввы[1]) одному ученому и добродѣтельному пресвитеру, чтобы онъ изучилъ Божественныя книги Священ. Писанія, а вмѣстѣ съ этимъ обучился и страху Божію. У Θеодора былъ братъ, по имени Θеофанъ, моложе его по возрасту, но равный ему по добродѣтели. Онъ вмѣстѣ со старшимъ братомъ находился въ обученіи у одного и того же пресвитера. Обладая острымъ умомъ, Θеодоръ въ короткій срокъ прошелъ всю преподанную ему книжную мудрость. Не довольствуясь этимъ, но стремясь къ пріобрѣтенію болѣе высокихъ познаній, онъ вышелъ изъ обители и, найдя одного преклонныхъ лѣтъ человѣка, преисполненнаго мудрости, упросилъ его, чтобы тотъ взялъ его къ себѣ въ ученики. Отъ этого человѣка святый Θеодоръ не только вполнѣ усвоилъ всю внѣшнюю мудрость[2]), но также пріобрѣлъ прочный

[1]) Разумѣется тотъ же самый монастырь Саввы Освященнаго, гдѣ впослѣдствіи скончался отецъ святаго Θеодора.

[2]) *Внѣшняя мудрость*—то же, что мудрость мірская, которая называлась такъ въ отличіе отъ религіознаго знанія, именуемаго мудростію духовною, внутреннею.

навыкъ и въ духовномъ вѣдѣніи. Онъ научился отъ старца презирать міръ и все мірское и, овладѣвъ въ совершенствѣ обѣими науками—мірской и духовной,— снова вернулся въ обитель святаго Саввы.

Сдѣлавшись инокомъ и творя угодныя Богу дѣла, Θеодоръ многихъ превзошелъ своей жизнію. Кто былъ тамъ болѣе кротокъ, чѣмъ онъ? Кто незлобивѣе его? Кто воздержнѣе? Кто лучше его зналъ время, когда надо было молчать или сказать что-нибудь, или исполнить какое-либо дѣло такъ, чтобы ни нарушить свое безмолвіе, ни потерять случай сказать въ свое время что-нибудь полезное, ни пропустить какую-либо монастырскую работу? Кто въ такой степени умертвилъ свое тѣло, обуздалъ языкъ и глаза и отразилъ нападенія помысловъ, въ какой сдѣлалъ все это Θеодоръ? За такія его добродѣтели, по Божію смотрѣнію и по желанію всѣхъ братій обители, Іерусалимскій святитель посвятилъ его въ санъ пресвитера. Такимъ образомъ обитель святаго Саввы имѣла его у себя какъ добрую пчелу, прилежно собирающую медъ добродѣтелей. О Θеодорѣ надо еще сказать, что онъ уподобился пророку Іереміи, которому сказано: «**прѣ́жде не́же мнѣ̀ созда́ти тѧ̀ во чре́вѣ, позна́хъ тѧ̀, и̂ прѣ́жде не́же и̂зы́ти тебѣ̀ и̂з̾ ложе́снъ, ѡ̂свѧти́хъ тѧ̀**»[1]). Ибо когда онъ еще отрокомъ жилъ въ Лаврѣ[2]) и обучался грамотѣ у выше помянутаго пресвитера, то этотъ боговдохновенный мужъ пророчествовалъ о немъ, что сей прекрасный юноша завершитъ свою земную подвижническую жизнь мученической кончиной ради Христа. Это и сбылось впослѣдствіи, какъ покажетъ дальнѣйшее повѣствованіе.

Въ то время снова вспыхнула иконоборческая ересь, искорененная изъ Церкви послѣ Льва Исаврянина[3]), Константина Копронима[4]) и его сына Льва[5]) и преданная проклятію VII-ымъ Вселенскимъ Соборомъ[6]), созваннымъ благочестивой царицей Ири-

---

[1]) Книга Прор. Іереміи, гл. 1, ст. 5.

[2]) Лавра, или монастырь, св. Саввы.

[3]) *Императоръ Левъ Исаврянинъ* (717—741 гг.) былъ первымъ иконоборцемъ, издавшимъ повелѣніе выбрасывать св. иконы изъ церквей и уничтожать ихъ.

[4]) *Императоръ Константинъ Копронимъ* (741—775 гг.) сильно поддерживалъ иконоборческую ересь. Онъ созвалъ въ Константинополѣ Соборъ, названный имъ вселенскимъ, на которомъ отвергнуто было иконопочитаніе.

[5]) *Императоръ Левъ*, по прозванію Хазаръ, царствовалъ съ 775 по 780 г. Онъ поддерживалъ иконоборчество, но слабо.

[6]) VII Вселенскій Соборъ былъ созванъ въ Никеѣ въ 787 г. Онъ утвердилъ иконопочитаніе, а Соборъ, бывшій при Константинѣ Копронимѣ, призналъ еретическимъ.

ной и ея сыномъ Константиномъ[1]). Вновь возстановилъ эту ересь злочестивый царь Левъ Армянинъ[2]), о первоначальной жизни котораго здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ. Въ царствованіе Никифора[3]) онъ былъ сперва начальникомъ армянской гвардіи, а потомъ знатнымъ сановникомъ и предводителемъ восточной арміи. Затѣмъ онъ хитростью взошелъ на престолъ, свергнувъ добраго и благочестиваго царя Михаила, по прозвищу Рангава[4]), котораго онъ заставилъ постричься въ иночество; при этомъ онъ оскопилъ его сыновей Игнатія и Θеофилакта и отослалъ Михаила съ женой и дѣтьми въ заточеніе.

Когда святѣйшій Патріархъ Никифоръ[5]) вѣнчалъ Льва Армянина въ соборной церкви на царство и возлагалъ на голову его вѣнецъ, то почувствовалъ въ рукахъ своихъ боль, какъ отъ тернія, какъ будто вѣнецъ въ рукахъ святителя сталъ терновымъ, причинявшимъ болѣзненные уколы, и понялъ тогда святѣйшій Патріархъ, что это ясное знаменіе тѣхъ великихъ скорбей и бѣдствій, которыя нанесетъ впослѣдствіи Христовой Церкви этотъ царь.

Вначалѣ лукавый царь скрывалъ таившуюся въ немъ ересь и казался какъ бы благочестивымъ, пока не укрѣпился на престолѣ. Но послѣ великой войны съ Болгарами, въ которой онъ явился славнымъ побѣдителемъ, онъ, наконецъ, извергнулъ таящійся въ немъ ядъ злобы, открыто показавъ себя иконоборцемъ. Началось это такъ: вернувшись съ войны, царь вспомнилъ объ одномъ затворникѣ, нѣкогда предсказавшемъ ему, что онъ будетъ царемъ, что и сбылось. Задумавъ отблагодарить его за это пророчество, царь послалъ ему съ однимъ вѣрнымъ слугой разные дары: золотые и серебряные сосуды, различныя кушанья и индійскіе ароматы[6]). Но царскій посланникъ не засталъ уже этого инока, такъ какъ тотъ скончался, а вмѣсто него въ томъ же затворѣ жилъ ученикъ его Савватій. Посланникъ царскій сталъ уговаривать его

---

[1]) *Св. царица Ирина,* супруга Льва Хазара, сначала, по смерти мужа, управляла имперіей за малолѣтствомъ сына своего, императора Константина Порфиророднаго (780—792 гг.), отъ его имени, а потомъ отъ своего (797—802 г.).

[2]) *Императоръ Левъ Армянинъ* царствовалъ съ 813 по 820 г.

[3]) *Императоръ Никифоръ I* царствовалъ съ 802 по 811 г.

[4]) *Императоръ Михаилъ I Рангавъ* царствовалъ съ 811 по 813 г.

[5]) *Св. Патріархъ Никифоръ* управлялъ Константинопольскою Церковію съ 806 по 815 г., скончался въ 828 г. въ заточеніи; память его — 13 марта и 2 іюня.

[6]) *Индійскіе ароматы* — ароматы, привезенные изъ Индіи. Индія—страна, находившаяся на большомъ южномъ полуостровѣ Восточной Азіи; издавна славилась своими благовонными растеніями.

принять царскіе дары, присланные его учителю, и помолиться о царѣ. Но Савватій отвергъ дары, а вмѣстѣ съ ними и принесшаго ихъ, и назвалъ царя недостойнымъ царскаго престола за то, что онъ почитаетъ иконы и повинуется догматамъ, установленнымъ прежней царицей Ириной и бывшимъ Патріархомъ Тарасіемъ[1]). При этомъ окаянный злословилъ Ирину и Тарасія, называя первую рысью, а второго народнымъ возмутителемъ; царю же Льву онъ угрожалъ скорымъ лишеніемъ царства и жизни, если онъ въ непродолжительномъ времени не отвергнетъ иконъ какъ идоловъ.

Возвратившись къ царю, посланникъ разсказалъ ему все слышанное отъ черноризца и передалъ еще письменное посланіе отъ него о томъ же. Въ недоумѣніи царь призвалъ одного изъ вѣрнѣйшихъ своихъ совѣтниковъ, по имени Ѳеодота, сына Мелиссійскаго патриція Михаила[2]), по прозвищу Касситера, и наединѣ совѣтовался съ нимъ, что дѣлать. Ѳеодотъ уже давно былъ зараженъ иконоборческой ересью и только выжидалъ удобнаго случая, чтобы открыто исповѣдать свое нечестіе. Онъ далъ царю слѣдующій совѣтъ:

— Въ Дагистинскомъ монастырѣ,—сказалъ онъ,—живетъ одинъ святый инокъ, чудотворецъ и прозорливецъ: надо съ нимъ побесѣдовать и поступить такъ, какъ онъ посовѣтуетъ.

Когда царь согласился съ нимъ, Ѳеодотъ тайно поспѣшилъ въ Дагистинскій монастырь къ намѣченному имъ черноризцу, который былъ еретикомъ. Придя къ нему, онъ сказалъ:

— Въ наступающую ночь царь придетъ къ тебѣ въ худой одеждѣ, чтобы побесѣдовать о вѣрѣ и другихъ предметахъ и получить отъ тебя разумный совѣтъ. Ты же убѣди его принять отвергнутые догматы прежняго царя Льва Исаврянина и выбросить изъ Божьихъ храмовъ идолы (такъ окаянный называлъ святыя иконы). Затѣмъ постарайся устрашить его, что если онъ этого не сдѣлаетъ, то въ скоромъ времени, вмѣстѣ съ жизнью, лишится и царства; если же онъ пообѣщаетъ исполнить это, то пророчески предреки ему долгую жизнь и благополучное царствованіе.

Такимъ образомъ, еретикъ Ѳеодотъ съ еретикомъ же инокомъ сговорились привлечь къ своему нечестію царя, имѣвшаго удобо-

---

[1]) *Св. патріархъ Тарасій* управлялъ Константинопольскою Церковію съ 784 по 806 г. При немъ былъ созванъ VII Вселенскій Соборъ, утвердившій иконопочитаніе.

[2]) *Мелисса*—городъ во Фригіи, которая обнимала всю среднюю часть западной половины малоазійскаго полуострова. О названіи *патрицій* см. на 390 стр. пр. 2.

преклонное къ ихъ замыслу сердце. Ничего не зная о лукавствѣ Θеодота, царь ночью всталъ и въ худой одеждѣ (чтобы не быть узнаннымъ) пошелъ къ этому ложному чудотворцу и лживому пророку. Проводникомъ его былъ все тотъ же Θеодотъ. Когда они пришли къ помянутому черноризцу и бесѣда уже началась, черноризецъ, стоя около царя и какъ бы по Божественному откровенію узнавъ объ его царскомъ санѣ, съ удивленіемъ произнесъ:

— Нехорошо поступилъ ты, царь, скрывая передъ нами подъ худыми одеждами свое царское достоинство. Но хотя ты и поступилъ такъ, однако благодать Духа Божія не позволила намъ долго оставаться въ невѣдѣніи и открыла, что ты царь, а не простой человѣкъ.

Царь пришелъ въ ужасъ отъ этихъ словъ и, убѣдившись въ святости и прозорливости черноризца, повѣрилъ его пророческому дару и способности чудотворенія. Онъ легко склонился къ тому, что тотъ приказывалъ, нисколько не сомнѣваясь во всемъ, что пророчествовали его уста, и принимая гибельный для души и полный змѣинаго яда совѣтъ еретика какъ здравый и душеполезный. Немедленно же онъ обѣщался исполнить всѣ совѣты черноризца, наученнаго подобнымъ ему еретикомъ Θеодотомъ, и ушелъ полный злаго намѣренія воздвигнуть гоненіе на святыя иконы. И вотъ, подобно сильной бурѣ, нечестивый царь началъ возмущать покой Церкви Христовой. Святѣйшаго Патріарха Никифора, не потворствовавшаго его нечестивому намѣренію, онъ сослалъ въ заточеніе въ Прокониссъ [1]); точно такъ же изгналъ онъ и заключилъ въ отдаленныхъ странахъ Θеофана, настоятеля обители, извѣстной подъ названіемъ Великаго Села [2]), а также Θеодора Студита [3]) и многихъ другихъ великихъ и Боговдохновенныхъ отцовъ, сильно сопротивлявшихся ему. На патріаршій же престолъ онъ возвелъ въ самый день Воскресенія Христова вышепомянутаго еретика Θеодота Милиссійскаго, по прозвищу Касси-

---

[1]) *Прокониссъ* — островъ въ Мраморномъ морѣ, нынѣ Мармара; служилъ мѣстомъ ссылки для многихъ исповѣдниковъ во время иконоборческихъ смутъ.

[2]) Разумѣется *св. Θеофанъ,* сынъ константинопольскаго вельможи, постригшійся въ иночество по смерти императора Льва Хазара, при которомъ онъ занималъ высокое положеніе. Память его совершается 12-го марта. Обитель «Великое село» находилась недалеко отъ Константинополя въ лѣсистыхъ горахъ Сигріанскихъ, на берегу рѣки Риндака.

[3]) *Θеодоръ Студитъ* — настоятель знаменитаго Студійскаго монастыря. Память его — 11-го ноября.

тера. И былъ онъ, какъ «мѣрзость запустѣнія, стоящая на мѣстѣ святѣ»[1]).

Тогда Богъ, въ праведномъ гнѣвѣ Своемъ на нечестіе царя, не замедлилъ наказать его своимъ судомъ и попустилъ внезапное нашествіе иноплеменниковъ. То были обитавшіе въ восточныхъ пустыняхъ Аравитяне; собравъ всю свою силу, они вторглись въ греческія области, опустошая земли, нападая на палестинскіе монастыри и, между другими, на обитель святаго Саввы, гдѣ иночествовалъ блаженный Θеодоръ со своимъ братомъ Θеофаномъ. Святѣйшій Патріархъ Святаго Града Іерусалима понялъ, что это казнь за грѣхи и слѣдствіе гнѣва Божія за безчестіе и отверженіе святыхъ иконъ. Побуждаемый ревностію по Православію онъ началъ искать, какимъ бы образомъ погасить это пламя и обличить зло, творимое нарушителями отеческихъ преданій, вводящими новшества. Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ онъ нашелъ подходящаго для этого дѣла человѣка въ лицѣ преподобнаго Θеодора, извѣстнаго своей праведной жизнью и мудростью, дышавшаго Божественной ревностью и съ непоколебимымъ мужествомъ стоявшаго на стражѣ Православія. Оградивъ его молитвой и утвердивъ надеждой на Христа, Патріархъ послалъ его въ царствующій градъ для обличенія беззаконія.

Блаженный Θеодоръ, какъ послушный сынъ, не отказался отъ исполненія приказанія. Готовый немедленно понести за правую вѣру не только многочисленные труды, но и принять страданія и даже душу свою положить за честь святыхъ иконъ, онъ съ радостію повиновался. Взявъ съ собою своего брата Θеофана, Θеодоръ отправился въ путь и скоро достигъ царской столицы. Здѣсь онъ прежде всего безстрашно обличилъ въ ереси наемника, не бывшаго пастыремъ, т. е. Θеодота Милиссійскаго, лжепатріарха Константинопольскаго. Преподобный открыто укорялъ его въ томъ, что онъ развращаетъ тѣхъ, кѣмъ и управляетъ, губитъ словесныхъ овецъ стада Христова, питаемыхъ вредной пищей еретическаго ученія, и разоряетъ Церковь Правовѣрія, созидая капище зловѣрія. Представъ затѣмъ передъ самимъ царемъ и имѣя во устахъ Божественное слово, подобное острому мечу, Θеодоръ началъ устрашать царя, ясно доказывая ему, что онъ не только губитъ свою душу, но и людей Божіихъ влечетъ за собою въ погибель, развращая ихъ посредствомъ обмана. Въ то же время

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 24, ст. 15; ср. Кн. Прор. Даніила, гл. 9, ст. 27.

онъ умолялъ его снова вернуться къ благочестію, оставивъ злочестивое мудрованіе.

— Можетъ быть,—сказалъ онъ,—ты умилостивишь такимъ образомъ Господа и не испіешь всю Чашу Гнѣва Божія, тяготѣющаго надъ тобою.

Удивившись свободной рѣчи мужа, убѣдительности его словъ, кротости нрава и его безстрашному дерзновенію, царь кротко принялъ обличеніе. Призвавъ его вторично, царь началъ дружески бесѣдовать съ нимъ, спросилъ, кто онъ, откуда пришелъ и чего хочетъ достигнуть своей дерзновенной рѣчью. Сообщивъ царю о своемъ отечествѣ и прибытіи изъ Палестины, святый разсказалъ также и о причинѣ своего прихода, а именно, что нарочно пришелъ къ нему, чтобы открыто вступиться за Божію честь, видя, какъ безчестятъ Царя Небеснаго въ Его иконахъ и оскорбляютъ Его въ лицѣ неправедно гонимыхъ служителей Его.

— Не подобаетъ,—говорилъ онъ,—бояться земного царя больше небеснаго; нашъ долгъ обличать царей, если они прогнѣвляютъ Бога.

Затѣмъ преподобный сталъ излагать догматы святой вѣры и учить воздаянію Божественнымъ иконамъ должнаго поклоненія. Приведя много мѣстъ изъ Священнаго Писанія, онъ прибавилъ, что почитаніе святыхъ иконъ есть знакъ нашей любви и стремленія ко Христу, а также свидѣтельство нашей вѣры и нашего исповѣданія Его воплощенія. Царь долго спорилъ съ нимъ, много возражалъ ему отъ своего зловѣрія, но безуспѣшно, такъ какъ слова Божественнаго мужа были тверды, какъ адамантъ, а вѣра его непоколебима, какъ твердая стѣна. Послѣ долгаго спора Θеодоръ побѣдилъ царя въ словопреніи и доказалъ ему несправедливость его воззрѣній. Что же тогда сдѣлалъ лукавый царь? Онъ задумалъ лестью поколебать непоколебимаго, пытаясь мольбой, и дарами, и обѣщаніемъ почестей склонить Θеодора къ единомыслію съ собой; но не имѣлъ успѣха. Послѣ многихъ увѣщаній со стороны царя святый смѣло и безбоязненно сказалъ ему:

— Ты забылъ свои обѣты, царь, данные тобою Богу, когда архіерей возлагалъ вѣнецъ на главу твою. Пощади свою душу, верни Церкви украшеніе ея, не воздвигай брань на Бога, Судію праведнаго и крѣпкаго!

Тогда царь перемѣнилъ коварную кротость на свою природную и свойственную его имени звѣриную ярость. Онъ приказалъ долго

и сильно бить исповѣдника Христова Θеодора и его брата Θеофана, и затѣмъ сослалъ ихъ въ заточеніе къ морскому устью, запретивъ кому бы то ни было подавать имъ пищу, питье и одежду, чтобы,—какъ говорилъ нечестивый царь,—«злые погибли злою смертью».

Но когда святые страдали за Христовы иконы, томимые хладомъ, гладомъ и жаждою, бгъ ѿмщеніе гдь не замедлилъ воздать беззаконному Своимъ праведнымъ судомъ. Въ скоромъ времени имѣющій общія со звѣрями имя и жестокость погибъ общей съ ними смертью, ибо его закололи, какъ звѣря. Гибель эта была предзнаменована въ особомъ откровеніи, которое получила мать царя незадолго до смерти своего нечестиваго сына. Уже много лѣтъ она была вдовой и проводила воздержную жизнь. Однажды во снѣ она имѣла слѣдующее видѣніе: ей казалось, что она шла во Влахернскую церковь Пречистой Дѣвы Богородицы[1]) и, входя въ дверь, встрѣтила нѣкую Пресвѣтлую Дѣву, окруженную множествомъ мужей въ бѣлыхъ ризахъ, между тѣмъ какъ церковь была залита потоками крови. Дѣва велѣла одному изъ мужей, облеченныхъ въ бѣлыя ризы, почерпнуть и наполнить кровью глиняный сосудъ и отдать его матери нечестиваго царя, чтобы та выпила. Видя это, мать царя съ ужасомъ сказала:

— Я уже много лѣтъ не ѣмъ мяса по причинѣ моего вдовства и не беру въ уста чего-либо кроваваго. Какъ же я буду пить эту кровь?

Тогда Пресвѣтлая Дѣва съ гнѣвомъ спросила ее:

— Зачѣмъ же сынъ твой не перестаетъ исполняться крови и этимъ прогнѣвлять Меня и Моего Божественнаго Сына?

Здѣсь сонъ прервался, и мать царя тотчасъ же проснулась въ страхѣ и трепетѣ. Съ этихъ поръ она стала непрестанно и со слезами увѣщевать своего царственнаго сына, чтобы онъ пересталъ низвергать святыя иконы и проливать изъ-за нихъ христіанскую кровь. Но второй Іуда, послушный рабъ ереси и лукавый обманщикъ, остался неисправимымъ.

---

[1]) *Влахерны*—мѣстность въ Константинополѣ на западной сторонѣ города. Во времена процвѣтанія Византійской имперіи славилась по всему Востоку своими святынями. Особенно извѣстны были Влахерны по Богородичной церкви, построенной императоромъ Львомъ I Великимъ (457—474 гг.), при которомъ въ эту церковь въ 474 г. были положены честныя ризы Пресвятой Богородицы, перенесенныя изъ Палестины. Здѣсь же, вмѣстѣ съ одеждою Богородицы, хранились въ златокованномъ ковчегѣ головной покровъ Ея (омофоръ) и часть пояса.

Вскорѣ послѣ того было и второе видѣніе, на этотъ разъ самому царю, за шесть дней до его мучительной кончины. Ему явился въ видѣніи святѣйшій Тарасій, давно уже скончавшійся и бывшій Патріархомъ въ царствованіе Ирины и Константина. Съ великимъ гнѣвомъ Тарасій повелѣвалъ въ видѣніи нѣкоему мужу, по имени Михаилу, ударить царя мечомъ. Исполняя повелѣніе, Михаилъ нанесъ царю сильный ударъ мечомъ и пронзилъ его. Царь видѣлъ все это самъ и проснулся въ великомъ трепетѣ, недоумѣвая, что это должно означать. Думая, что въ монастырѣ святаго Тарасія живетъ какой-то Михаилъ, замышляющій убить его, онъ тотчасъ же послалъ за монахами и, развѣдывая о Михаилѣ, приказалъ держать ихъ въ оковахъ, пока они не представятъ ему находящагося среди нихъ Михаила.

Въ Константинополѣ въ это время проживалъ нѣкій воевода, по имени Михаилъ, а по прозвищу Травлей или Валвосъ[1]), родомъ изъ Амореи[2]). Прежде онъ самъ много помогалъ Льву въ достиженіи царскаго престола, былъ вѣренъ ему и любимъ имъ, такъ что Левъ даже сталъ воспріемникомъ его сына. Но, впослѣдствіи, разгнѣвавшись на царя по какой-то причинѣ, Михаилъ перемѣнилъ свою дружбу на вражду и, пируя со своими друзьями, часто въ пьяномъ видѣ, по неосторожности, злословилъ царя. Видя, что Михаилъ враждебно относится къ царю, нѣкоторые изъ тайныхъ враговъ послѣдняго присоединились къ нему, и число ихъ было немало; они совѣщались убить царя, а Михаила возвести на царство. Будучи невоздерженъ на языкъ, Михаилъ не скрылъ этого, но гдѣ-то похвалился, что будетъ царемъ. Это слово дошло до царя, и онъ немедленно схватилъ Михаила и осудилъ его на сожженіе живымъ. Связаннаго Михаила уже вели въ банную печь, около которой присутствовалъ царь, желая самъ увидѣть его кончину. Это было 24 декабря въ канунъ Рождества Христова. Жена царя, Θеодосія, узнавъ объ этомъ, поспѣшно вышла изъ своихъ палатъ и стала съ гнѣвомъ укорять царя и даже называть его богопротивнымъ за то, что онъ не почитаетъ даже святаго дня, когда ему предстоитъ причаститься Божественныхъ Таинъ. Царь послушался ея и велѣлъ вернуть Михаила, отлагая его сож-

---

[1]) Наименованіе: *Травлій*—латинское, а *Валвосъ (Балба)*—греческое. По-русски то и другое значитъ: *Косноязычный*. Этотъ Михаилъ сдѣлался впослѣдствіи императоромъ и царствовалъ съ 820 по 829 г.

[2]) *Аморея*—городъ въ малоазійской провинціи—Фригіи.

женіе до другого времени, а затѣмъ, обернувшись къ царицѣ, сказалъ:

— Я поступилъ, какъ ты повелѣла, жена, и сегодня послушался твоего гнѣвнаго увѣщанія, но и сама ты, и дѣти наши увидите, что будетъ послѣ.

Этими словами беззаконный царь невольно изрекъ о себѣ пророчество, потому что близка была его кончина.

Сторожить закованнаго Михаила царь поручилъ одному изъ дворцовыхъ стражниковъ, по имени Папію, а самъ взялъ къ себѣ ключи отъ оковъ узника и всю эту ночь провелъ безъ сна и въ печали,—это скорбѣлъ духъ его, не вѣдая, что дѣлать. Вставши, царь пошелъ взглянуть на узника,—что тотъ дѣлаетъ: плачетъ ли и сѣтуетъ ли, какъ то обыкновенно бываетъ у осужденныхъ на смерть? Открывъ тихонько тайную дверь въ комнату Папія, онъ увидѣлъ нѣчто совершенно неожиданное для себя: именно Михаила, котораго онъ надѣялся найти сѣтующимъ и скорбящимъ, онъ увидѣлъ въ глубокомъ снѣ, почивающимъ на высокомъ и украшенномъ ложѣ Папія, а самого Папія — дремлющимъ на голой землѣ. Царь пришелъ въ ужасъ, видя осужденнаго узника въ такомъ почетѣ и спокойствіи, и удалился въ гнѣвѣ, грозясь погубить не только Михаила, но и Папія. Это слышалъ одинъ отрокъ, находившійся въ той же комнатѣ. Узнавъ царя, онъ разбудилъ Михаила и Папія и разсказалъ имъ, что приходилъ царь и грозился погубить ихъ обоихъ. Всѣ были въ страхѣ. Тогда Михаилъ, безъ сопротивленія со стороны Папія, послалъ къ своимъ единомышленникамъ нѣкоего Ѳеоктиста съ повелѣніемъ сказать имъ:

— Если вы теперь же безъ промедленія не приведете въ исполненіе того, о чемъ мы совѣщались, то завтра я разскажу о васъ царю и обличу каждаго поодиночкѣ, чтобы не одинъ я погибъ злою смертью, но и вы всѣ умерли вмѣстѣ со мною.

Соучастники въ заговорѣ испугались такой угрозы и, собравшись, стали обдумывать, какъ бы имъ избавить и себя, и Михаила отъ угрожающей бѣды и смерти. Дѣло было въ полночь, и въ церквахъ начиналось обычное Всенощное бдѣніе подъ Рождество Христово. Посовѣтовавшись, они спрятали оружіе подъ одежды и пошли къ такъ называемымъ слоновымъ дверямъ, ведшимъ въ царскій дворецъ. Смѣшавшись тамъ съ царскими пѣвчими, входившими черезъ эти двери во дворцовую церковь, они вмѣстѣ съ ними вошли въ церковь, какъ бы на бдѣніе. Царь также

пришелъ въ церковь и, стоя на правомъ клиросѣ, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ, самъ начиналъ церковное пѣніе: онъ обладалъ очень громкимъ голосомъ.

Уже пѣли Канонъ и приближалась седьмая пѣснь, когда заговорщики тихо стали говорить другъ другу:

— Что мы здѣсь стоимъ безъ дѣла? Скоро кончится пѣніе. Чего же мы ждемъ?

Въ это самое время царь громко запѣлъ: «Всецр҃ѧ любо́вїю оу҆ловле́ннїи о҆́троцы, оу҆кори́ша» [1]). И вотъ одинъ изъ заговорщиковъ, вынувъ мечъ изъ-подъ одежды, бросился на царя, но ошибся: вмѣсто царя онъ ударилъ регента праваго клироса — потому ли, что онъ ростомъ походилъ на царя, или же потому, что вслѣдствіе стужи онъ имѣлъ, такъ же какъ и царь, покрытую голову; когда регентъ обнажилъ голову, то ошибка обнаружилась. Самъ же царь, увидѣвъ ихъ замыселъ, побѣжалъ въ алтарь и, схвативъ крестъ, сталъ имъ защищаться въ дверяхъ, отражая удары заговорщиковъ. Но вотъ подошелъ какой-то страшный воинъ громаднаго роста. Увидавъ этого воина, царь началъ заклинать его Божьимъ алтаремъ не причинять ему зла.

— Теперь время не заклинаній, но убійства, — отвѣтилъ тотъ и нанесъ Льву Армянину своимъ оружіемъ сильный ударъ, жестоко поразивъ его и отрубивъ руку вмѣстѣ съ концомъ креста. Тогда и остальные воины начали рубить царя по всему тѣлу. Упавъ на полъ, Левъ лежалъ въ лужѣ своей крови и еще продолжалъ дышать. Видя, что онъ еще дышитъ, одинъ изъ воиновъ отсѣкъ ему голову.

Такъ, закланный, какъ звѣрь, беззаконный царь на разсвѣтѣ дня въ жестокихъ мученіяхъ испустилъ свой духъ. Убитъ онъ былъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ впервые дерзнулъ бросить на землю, оплевать и растоптать ногами образъ Спасителя. Процарствовалъ Левъ Армянинъ 7 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ, но своею жестокостію сравнялся съ великими древними гонителями Церкви. По совершеніи убійства тѣло его было выброшено на площадь города и весь день пролежало неубраннымъ. И не было никого, кто бы пожалѣлъ о его смерти, но весь городъ радовался.

Разсказываютъ еще, что въ тотъ самый часъ, когда былъ убитъ этотъ окаянный хулитель иконъ, былъ слышенъ съ Неба

---

[1]) 7-й ирмосъ втораго Канона на праздникъ Рождества Христова.

радостный гласъ, возвѣщавшій многимъ смерть злочестиваго царя. Нѣкоторые моряки, слышавшіе этотъ гласъ, записали часъ и потомъ узнали, что въ это время дѣйствительно погибъ кровопійца, подобный, согласно своему имени, звѣрямъ. Съ дѣтьми же его случилось въ удвоенной степени то, что онъ самъ причинилъ дѣтямъ своего предмѣстника, царя Михаила Рангава: какъ было уже сказано выше, онъ оскопилъ двухъ сыновей Михаила, точно такъ же были оскоплены и его четыре сына: Василій, названный Константиномъ и предназначенный къ царствованію, Савватій, Григорій и Θеодосій. Послѣдній не вынесъ болѣзни, слѣдующей за оскопленіемъ, умеръ и былъ погребенъ вмѣстѣ съ отцомъ, а Василій, названный Константиномъ, онѣмѣлъ отъ той же болѣзни. Всѣ они были заточены вмѣстѣ съ ихъ матерью.

Послѣ убіенія Льва воины отправились къ Михаилу и посадили его на царскій престолъ съ оковами на ногахъ (ибо ключъ отъ оковъ, какъ было сказано, хранился у самого царя Льва).

Затѣмъ, когда уже наступилъ день, они разбили оковы и отвели его въ соборъ. Такимъ образомъ Михаилъ Травлей вѣнчался на царство въ самый день Рождества Христова.

Вскорѣ послѣ воцаренія Михаила всѣ Христовы исповѣдники были освобождены изъ заточенія и невозбранно вернулись къ себѣ домой. Хотя новый царь Михаилъ не былъ православнымъ и былъ приверженцемъ той же иконоборческой ереси, однако онъ не преслѣдовалъ православныхъ, предоставляя каждому свободу вѣровать по-своему. Онъ былъ человѣкъ несвѣдущій въ словѣ Божіемъ и не занимался книжнымъ чтеніемъ, но былъ весь погруженъ въ мірскую суету и житейскія попеченія.

Блаженный Θеодоръ со своимъ братомъ Θеофаномъ вернулись однако не въ свое отечество—Палестину, но въ Царьградъ,—удѣлъ, доставшійся имъ для проповѣди, и начали открыто исповѣдывать благочестіе, многихъ отвращая отъ иконоборческой ереси и наставляя въ истинной вѣрѣ.

Жилъ въ то время въ Царьградѣ нѣкій мужъ, по имени Іоаннъ [1]), который держался той же ереси, что и царь, и пользовался у него большимъ вліяніемъ. Нося иноческую одежду и лицемѣрно показывая себя образцомъ добродѣтелей, онъ обманулъ не только царя, но и многихъ членовъ верховнаго правительства,

[1]) Здѣсь разумѣется *Іоаннъ Грамматикъ*, воспитатель царя Θеофила, впослѣдствіи (въ 832—842 гг.) Патріархъ Константинопольскій; умеръ въ заточеніи.

такъ что тѣ его слушали и во всемъ слѣдовали его лукавымъ совѣтамъ. Онъ взошелъ на патріаршій престолъ, наслѣдуя еретику Θеодоту, будучи и самъ такимъ же еретикомъ. Не желая видѣть на свободѣ Θеодора и Θеофана, этихъ двухъ свѣтильниковъ Православія, просвѣщающихъ весь царственный городъ, онъ заключилъ ихъ въ темницу; потомъ призвавъ ихъ къ себѣ для собесѣдованія, долго спорилъ съ ними, но, не будучи въ состояніи побѣдить ихъ, изгналъ ихъ изъ города, выхлопотавъ на это особый царскій приказъ (такъ какъ онъ былъ учителемъ и первымъ совѣтникомъ царя). Этимъ приказомъ святые Θеодоръ и Θеофанъ были сосланы въ заточеніе въ страну, извѣстную подъ названіемъ Сосθеній[1]). Но для преподобныхъ исповѣдниковъ чужая страна стала ради Христа какъ бы отечествомъ, ибо они всюду готовы были пострадать за Христовы иконы.

Вскорѣ послѣ этого царь Михаилъ скончался, оставивъ по себѣ на престолѣ сына Θеофила[2]), усерднѣе другихъ приверженнаго къ иконоборческой ереси и снова воздвигшаго гоненіе на Церковь. Снова начали выбрасывать и предавать поруганію святыя иконы, снова начали готовить для православныхъ истязанія, темницы и судилища, снова возобновились всякаго рода неправедныя мучительства. Многіе, устрашившись мукъ, повиновались, хотя впослѣдствіи и покаялись. Въ это время постигли новыя страданія и Θеодора. Царю стало извѣстно, что онъ непоколебимъ въ своемъ исповѣданіи и непреодолимъ въ своемъ словѣ, и какъ самъ чтитъ иконы, такъ учитъ поступать и другихъ[3]). Тотчасъ же нечестивый царь приказалъ взять преподобнаго Θеодора на судъ, и вотъ, по царскому повелѣнію, привели блаженнаго вмѣстѣ съ братомъ его Θеофаномъ и другими православными къ городскому епарху на истязаніе. Когда, послѣ долгаго словеснаго спора, ласкательствъ и угрозъ правителя, Θеодоръ не склонился на его убѣжденія, то блаженнаго обнажили и въ теченіе долгаго времени сильно били толстыми плетьми. Когда же мучители перестали его бить, онъ сталъ посреди судилища нагой и окровавленный, украшенный передъ Ангелами и людьми полученными за Христа

---

[1]) *Сосθеній* — мѣстность въ окрестностяхъ Константинополя.

[2]) *Императоръ Θеофилъ* царствовалъ съ 829 по 842 г.

[3]) Памятниками этой просвѣтительной дѣятельности св. Θеодора являются поученія, оставшіяся отъ него. Ему же приписывается «Размышленіе о почитаніи иконъ» и книга «О православной вѣрѣ».

ранами. Епарху показалось неприличнымъ это зрѣлище, но святый сказалъ:

— Я—борецъ и вышелъ бороться къ врагамъ за иконы Господа моего, борцы же выходятъ на борьбу обыкновенно нагими. Если я увижу изнемогающимъ кого-нибудь изъ вѣрныхъ, терпящихъ теперь отъ васъ раны, то тотчасъ же, вмѣсто него, подставлю подъ удары свое тѣло. И этимъ пополню недостатокъ его терпѣнія. Вотъ для чего стою я нагимъ!

О сильный мужъ! О свободная рѣчь! О усердіе къ Богу! Послѣ того Ѳеодоръ съ братомъ снова были посланы въ заточеніе въ Афусію [1]). Кто разскажетъ злостраданія, вынесенныя ими на пути и въ указанномъ мѣстѣ: оковы, бури, голодъ, солнечный зной, ночной морозъ, клеветы, ежедневное умираніе и возстанія? Кто подробно сочтетъ новыя раны, удары, заушенія? Достаточно сказать, что ради Христа они съ радостью терпѣли всѣ эти мученія вмѣстѣ съ долгимъ изгнаніемъ.

Прошло два года, и ихъ снова, по царскому приказу, привели въ Константинополь и представили на испытаніе самому царю: ибо очень хотѣлось ему склонить ихъ въ свое зловѣріе. Что они претерпѣли въ это время, явствуетъ изъ написаннаго ими впослѣдствіи посланія къ Іоанну, епископу Кизическому [2]). Въ этомъ посланіи они сами повѣствуютъ о себѣ слѣдующее:

«Когда насъ привели въ царскій дворецъ и мы входили въ дверь, то царь показался намъ очень страшнымъ и дышащимъ яростью. Множество придворныхъ отовсюду окружили насъ, и мы издали поклонились царю. Онъ же свирѣпымъ голосомъ и въ рѣзкихъ выраженіяхъ велѣлъ намъ подойти ближе къ себѣ и спросилъ:

— Въ какой странѣ вы родились?

Когда мы отвѣтили: «въ Моавитской странѣ» [3]),—онъ снова спросилъ:

— Зачѣмъ же вы пришли сюда?

И прежде чѣмъ мы успѣли отвѣтить, онъ приказалъ бить насъ по лицу. И долго заушали насъ тяжкими ударами, такъ что мы едва

---

[1]) *Афусія,* иначе *Офіусса,*—островъ близъ Царьграда.

[2]) *Кизикъ*—городъ въ сѣверо-западной части Малой Азіи, на южномъ берегу Мраморнаго моря.

[3]) Моавитская страна находилась въ Палестинѣ, на восточномъ берегу Мертваго моря. Границами ея были: на западъ—Мертвое море, на сѣверъ—колѣно Рувимово, на востокъ—Аравійская пустыня, на югъ—Идумея.

не упали на полъ, и если бы я не схватился за одежду бившаго меня (говоритъ Θеодоръ), то упалъ бы къ подножію царскаго престола, но, держась за одежду, я неподвижно принималъ удары. Когда насъ перестали бить, царь снова спросилъ:

— Зачѣмъ вы сюда пришли?

Мы молчали и смотрѣли внизъ, такъ какъ не пришли еще въ себя отъ страданій, причиненныхъ ударами. Тогда царь яростно обратился къ близъ стоявшему правителю и, пылая великимъ гнѣвомъ и непристойно бранясь, сказалъ:

— Возьми ихъ отсюда и, заклеймивъ ихъ лица, отдай двумъ сарацинамъ [1]), чтобы тѣ отвели ихъ въ свою землю.

Невдалекѣ стоялъ какой-то стихотворецъ, державшій въ рукахъ хартію съ написанными относительно насъ готовыми стихами. Царь велѣлъ ему прочесть ихъ и прибавилъ:

— Если стихи плохи, то не смущайся этимъ.

А тотъ отвѣтилъ:

— Достаточно и такихъ стиховъ для ихъ поруганія.

Кто-то изъ присутствовавшихъ еще замѣтилъ:

— Они, владыка, даже недостойны лучшихъ.

Затѣмъ были прочтены слѣдующіе стихи:

«Такъ какъ всѣ любятъ посѣщать градъ,
Гдѣ пречистыя ноги Бога Слова стояли
Для возстановленія вселенной,—
Явились во всечестномъ мѣстѣ
И эти лукавые и нечистые сосуды.
Совершивъ тамъ много постыднаго,
По невѣрію и злочестію,
Они прогнаны оттуда, какъ отступники;
Но, и прибѣжавъ въ царствующій градъ,
И тутъ не оставили своего неистоваго буйства.
Посему заклейменные, какъ злодѣи, на лицахъ.
Осуждаются и снова изгоняются».

Выслушавъ чтеніе стиховъ, царь повелѣлъ отвести насъ подъ стражу (такъ говорили о себѣ святые). Когда мы вышли, кто-то догналъ насъ и, повелѣвъ вернуться, поспѣшно доставилъ насъ обратно къ царю.

---

[1]) Такъ назывались у христіанскихъ писателей всѣ мусульмане, въ особенности же—Аравитяне.

Увидѣвъ насъ, царь сказалъ:

— Мнѣ кажется, что, уходя, вы говорили про себя: мы надругались надъ царемъ. Но сначала я самъ надругаюсь надъ вами и тогда отпущу васъ.

Сказавъ это, онъ велѣлъ насъ раздѣть. Послѣ того, какъ насъ обоихъ раздѣли, перваго начали бить меня (говоритъ Θеодоръ), причемъ самъ царь помогалъ истязателямъ и непрестанно кричалъ:

— Бей сильнѣе!

И били меня по плечамъ и по груди безъ всякой пощады и милости. Пока меня били, я громко восклицалъ:

— Мы ни въ чемъ не согрѣшили противъ тебя, царь!

А также:

— Господи, помилуй! Пресвятая Богородица, пріиди къ намъ на помощь!

Затѣмъ стали бить моего брата, который взывалъ подобнымъ же образомъ:

— Пресвятая Богородица, бѣжавшая съ Сыномъ Своимъ въ Египетъ, призри на мои мученія! Господи, Господи, избавляющій слабаго отъ рукъ сильнѣйшихъ, не отыми помощи Твоей отъ насъ!

Вволю надругавшись надъ нами, царь снова велѣлъ отвести насъ подъ стражу».

Все это написали о себѣ къ епископу Кизическому сами доблестные страдальцы.

Спустя четыре дня ихъ снова привели къ епарху, который ласково сказалъ имъ:

— Только разъ причаститесь Св. Таинъ вмѣстѣ съ нами, и я отпущу васъ идти куда захотите.

Но блаженный Θеодоръ отвѣчилъ ему:

— Твое предложеніе, епархъ, похоже на то, какъ если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ: объ одномъ молю тебя, позволь только отсѣчь тебѣ главу, а затѣмъ можешь идти куда хочешь. Знай, что отвратить насъ отъ правовѣрія такъ же трудно, какъ переставить небо и землю такъ, чтобы земля стала наверху, а небо—внизу.

Тогда епархъ приказалъ заклеймить имъ лица начертаніемъ на нихъ вышеуказанныхъ стиховъ. Недавно полученные страдальцами раны еще не зажили и причиняли имъ страшную боль. Несмотря на это ихъ растянули на доскахъ лицами кверху и начали колоть имъ лица нарочно приготовленными орудіями,

выбивая на нихъ выше приведенные стихи. Весь день мучили ихъ этимъ начертаніемъ, и только, когда зашло солнце и наступили сумерки, мучители прекратили истязанія. Уходя отъ епарха, начертанные страдальцы сказали:

— Знайте всѣ, находящіеся здѣсь, что стоящій на стражѣ рая Херувимъ отступитъ при нашемъ приходѣ, увидавъ на нашихъ лицахъ эти начертанія, и опуститъ свое пламенное оружіе, открывая намъ свободный доступъ въ рай. Ибо еще отъ вѣка не было этого новаго мученія, причиненнаго намъ нынѣ. И во всякомъ случаѣ эти начертанія будутъ и на ликѣ Христовомъ, и на васъ падетъ вина въ семъ, ибо Онъ говоритъ: «Поне́же сотвори́сте є҆ди́номꙋ си́хъ бра́тїй мои́хъ ме́ньшихъ, мнѣ̀ сотвори́сте»[1]).

Послѣ этого новаго и безчеловѣчнаго мученія, понесеннаго за святыя иконы, когда кровь еще не перестала струиться, святыхъ заключили въ темницу, а затѣмъ по повелѣнію вышеупомянутаго Іоанна, бывшаго въ то время патріархомъ,—снова сослали въ заточеніе въ Апамею Виѳинскую[2]). При этомъ былъ отданъ приказъ, чтобы, когда они тамъ умрутъ, не сподоблять ихъ тѣла погребенія, но выбросить далеко за городъ, какъ трупы животныхъ. По пути на мѣсто заточенія святыхъ исповѣдниковъ случилось имъ пройти мимо того острова, гдѣ жилъ въ то время, также въ заточеніи за святыя иконы, святый Меѳодій[3]), впослѣдствіи Патріархъ Цареградскій[4]). Онъ сидѣлъ тамъ запертый въ гробовой пещерѣ съ двумя разбойниками и получалъ пищу отъ какого-то рыбака. Случайно встрѣтившись по дорогѣ съ этимъ рыбакомъ, святые разузнали отъ него все о святомъ Меѳодіи. Не имѣя возможности увидѣться съ нимъ, по жестокости сопровождавшихъ ихъ воиновъ, они написали и послали къ нему, при помощи того же рыбака, слѣдующее небольшое стихотвореніе:

«Живому мертвецу и мертвому животворцу,
Живущему на землѣ и попирающему землю,
Пишутъ начертанные узники — узнику».

Святый Меѳодій утѣшился духомъ, прочтя эти стихи, а узнавъ еще о преподобныхъ страстотерпцахъ изъ разсказа рыбака, онъ

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 25, ст. 40.

[2]) *Апамея Виѳинская* такъ называлась въ отличіе отъ *Апамеи Сирской*. Виѳинія — сѣверо-западная область Малой Азіи.

[3]) Память св. Меѳодія совершается 14 іюня.

[4]) Съ 842 по 846 годъ.

воздалъ благодареніе Богу, укрѣпившему ихъ на такой подвигъ, и написалъ имъ стихами же слѣдующее:

«Вписанныхъ въ книги небесныя,
Двухъ, запечатлѣнныхъ по лицу,
Тѣхъ, кто погребенъ раньше смерти,
Привѣтствуетъ соузникъ живопогребенный».

Ведомые воинами преподобные достигли Апамеи, неся на челахъ достовѣрныя знаменія своей благочестной вѣры во Христа; тамъ они были заключены въ темницу. Будучи уже преклоннаго возраста, преподобный Θеодоръ изнемогъ здѣсь отъ многочисленныхъ ранъ и перенесенныхъ трудовъ. Въ день памяти святаго первомученика Стефана [1]) онъ почилъ о Господѣ и отошелъ въ вѣчное успокоеніе, оставивъ свое многострадальное тѣло въ оковахъ, за Христа подъятыхъ. Преподобный Θеофанъ, его братъ по плоти и по духу, оплакавъ свое разлученіе съ братомъ и пропѣвъ надгробныя пѣснопѣнія надъ нимъ, положилъ его въ деревянный гробъ. Разсказываютъ, что одинъ великій по своимъ добродѣтелямъ старецъ случайно былъ въ Апамеѣ во время преставленія преподобнаго Θеодора и услыхалъ ангельское пѣніе, съ высоты возвѣщавшее о торжественномъ восшествіи души мученика, вмѣстѣ съ Ангелами, на Небо.

По смерти царя Θеофила Церкви былъ дарованъ миръ. Благочестивая царица Θеодора съ своимъ сыномъ Михаиломъ [2]) возвратила изъ заточенія всѣхъ святыхъ отцовъ и воздала имъ честь и хвалу. Тогда освободили отъ темничнаго заключенія и святаго Θеофана. Онъ вмѣстѣ съ прочими пришелъ въ Царьградъ, неся на своемъ челѣ знаменіе своей побѣды надъ зловѣріемъ, и былъ почитаемъ среди святыхъ отцовъ, какъ Херувимъ среди Ангеловъ. Въ первую недѣлю Святой Четыредесятницы были съ великимъ торжествомъ внесены въ церковь святые иконы [3]). На это торжество блаженный Θеофанъ написалъ и воспѣлъ прекрасный Канонъ [4]).

---

[1]) Память первомученика Стефана совершается 27 декабря, когда совершается память и св. Θеодора Начертаннаго.

[2]) *Императоръ Михаилъ III* (въ 842—867 гг.) вступилъ на престолъ 4-хъ лѣтъ, а потому государствомъ до 855 г. управляла мать его, св. царица Θеодора.

[3]) Это было 19-го февраля, 842 г. День этотъ былъ названъ днемъ Торжества Православія и его положено было праздновать ежегодно въ первое воскресеніе Великаго Поста.

[4]) Θеофанъ оставилъ послѣ себя много сочиненій въ защиту Православія, и въ особенности извѣстенъ какъ писатель Каноновъ, число коихъ достигаетъ до 148. Луч-

Затѣмъ онъ былъ поставленъ въ митрополиты города Никеи и рукоположенъ святымъ Патріархомъ Меθодіемъ, тѣмъ самымъ, который былъ раньше заключенъ въ гробовой пещерѣ. Такимъ то образомъ возсіялъ свѣтъ Православія и благодатію Христовою совершенно была прогнана тьма иконоборческой ереси, въ теченіе 120 лѣтъ смущавшая и помрачавшая Божію Церковь.

Вскорѣ послѣ того были перенесены изъ Апамеи въ Халкидонъ [1]) мощи исповѣдника Христова преподобнаго Θеодора [2]), причемъ отъ нихъ подавалось много исцѣленій во славу Христа Бога, со Отцемъ и Духомъ славимаго во вѣки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

ΘЕОДОРА,

архіепископа Константинопольскаго

Святый Θеодоръ былъ родомъ изъ Константинополя, гдѣ и получилъ воспитаніе. Когда онъ достигъ зрѣлаго возраста, то сначала за свое великое благочестіе былъ посвященъ въ санъ пресвитера Великой церкви [3]); потомъ онъ былъ сдѣланъ синкелломъ [4]) и скевофилаксомъ [5]). По кончинѣ Святѣйшаго Патріарха Константинопольскаго онъ понуждаемъ былъ всѣми боярами, самимъ царемъ, особенно же Освященнымъ Соборомъ принять въ

шіе Каноны его—Канонъ на Недѣлю Православія, всѣ Каноны Апостоламъ и объ усопшихъ. Кромѣ того, св. Θеофанъ писалъ и стихиры на нѣкоторые дни.

[1]) *Халкидонъ* — находился противъ Константинополя, на малоазійскомъ берегу Босфора.

[2]) Это было еще при жизни брата его Θеофана, который написалъ св. Θеодору Канонъ съ акростихомъ: твоѧ̑ бра́те бли̑жнѧѧ плетꙋ̀ хвалы̑, т. е. твои, братъ, истинныя сплетаю хвалы.

[3]) Т. е. собора св. Софіи.

[4]) *Синкеллъ* — членъ патріаршаго совѣта, завѣдывавшаго дѣлами церковнаго управленія. Синкеллы исполняли разныя порученія Патріарховъ, были непосредственными свидѣтелями ихъ жизни, находившимися постоянно при нихъ, и послѣ смерти нерѣдко ихъ преемниками.

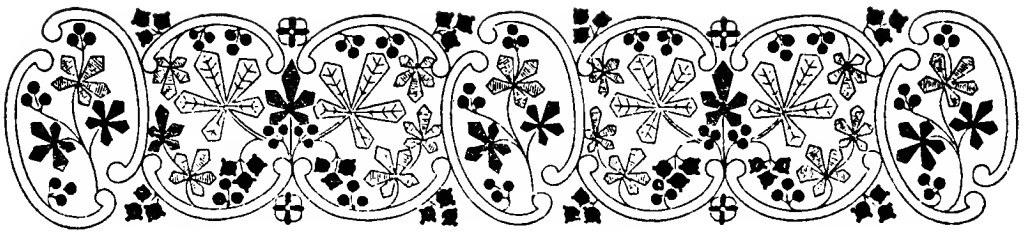
[5]) *Скевофилаксъ* — сосудохранитель, ризничій.

свои руки управленіе церковью и былъ возведенъ въ санъ Константинопольскаго Патріарха[1]). Спустя нѣкоторое время, по злымъ навѣтамъ враговъ своихъ, онъ былъ низложенъ съ патріаршаго престола; но потомъ истина восторжествовала, и святый Ѳеодоръ снова былъ возведенъ на патріаршій престолъ[2]). Добрѣ управивъ Церковь Божію, онъ чрезъ два съ лишкомъ года съ миромъ отошелъ ко Господу[3]).

[1]) Это было въ 676 году.

[2]) *Св. Ѳеодоръ* былъ низверженъ съ патріаршаго престола въ 678 году и возстановленъ въ 683 году.

[3]) Св. Ѳеодоръ скончался около 686 года.



День двадцать восьмой

СТРАДАНІЕ
ДВАДЦАТИ ТЫСЯЧЪ МУЧЕНИКОВЪ,
въ Никомидіи сожженныхъ

Во второй годъ царствованія императора Максиміана [1]), когда уже готовилось жестокое гоненіе на христіанъ, святая вѣра Христова благоустроялась и процвѣтала, и богоносные пастыри и учители Церкви открыто исповѣдывали православные догматы. Въ числѣ ихъ былъ тогда и святый Кириллъ, славный епископъ Никомидійской [2]) церкви, украшенный праведною жизнію и даромъ слова. Распространяясь, благодаря его проповѣди, христіанская вѣра стала уже достигать и до царскихъ палатъ. Многіе изъ ближайшихъ слугъ царскихъ начинали отвращаться отъ идоловъ и обращаться ко Христу. Узнавъ объ этомъ, Максиміанъ задумалъ немедленно воздвигнуть гоненіе на Церковь Христову, но ему въ это время предстояла война съ варварами; поэтому онъ рѣшилъ сначала ополчиться на внѣшнихъ враговъ и побѣдить ихъ, а затѣмъ объявить и внутреннюю войну—не врагамъ, но своимъ же подданнымъ и вѣрнымъ помощникамъ, христіанамъ,—укрѣпляющимъ отечество своими молитвами и правой вѣрой. Когда покинулъ онъ Никомидію, отправившись на войну съ эѳіопами, то

---

[1]) *Максиміанъ II Галерій* — зять и соправитель Римскаго императора Діоклетіана, впослѣдствіи его преемникъ (съ 305—311 г.).

[2]) *Никомидія* — цвѣтущій городъ Малой Азіи на берегу Мраморнаго моря, столица восточной половины Римской имперіи при Діоклетіанѣ и его преемникахъ.

свѣтъ святой вѣры возсіялъ еще ярче, просвѣщая невѣрныхъ; воинство же Христово тѣмъ временемъ возрастало въ числѣ и готовилось къ предстоящему подвигу.

Была въ то время въ Никомидіи одна прекрасная дѣва, воспитанная въ царскихъ чертогахъ, по имени Домна. Царь вручилъ ее своимъ сквернымъ богамъ, обрекши на храненіе дѣвства, и сдѣлалъ ее при своемъ дворцѣ главной идольской жрицей.

Божіимъ Промышленіемъ попала въ ея руки книга Новозавѣтныхъ писаній, читая которую дѣва начала просвѣщаться душой. Она обрадовалась, что обрѣла такое духовное сокровище, удивлялась великой вѣрѣ христіанъ во Единаго Бога и скорбѣла душой, что до сихъ поръ находилась во тьмѣ невѣдѣнія и заблужденія. Усердно желая болѣе совершенно ознакомиться съ христіанской вѣрой и пріобщиться ей, она, нимало не медля, призвала одну дѣву христіанку, дочь знатнаго вельможи, и, получивъ отъ нея наставленіе, отправилась ночью тайно отъ всѣхъ къ святому епископу Кириллу. Достаточно наставивъ дѣвицу въ Божественномъ писаніи и осѣнивъ крестнымъ знаменіемъ, епископъ огласилъ [1]) ее и поручилъ одному святому діакону, по имени Агапію, чтобы, подъ его руководствомъ, она приготовила себя постомъ и молитвами къ Святому Крещенію. Домна все повелѣваемое ей совершала втайнѣ, такъ что никто объ этомъ не зналъ, кромѣ одного ея евнуха [2]), кротостью нрава подобнаго ей, по имени Индиса, который вмѣстѣ съ нею обратился къ святой вѣрѣ и также готовился къ принятію Крещенія. Когда пришелъ къ концу назначенный епископомъ срокъ, Домна и Индисъ были крещены. Такимъ образомъ дѣва, которой было не больше четырнадцати лѣтъ, вскорѣ послѣ перваго рожденія — плотскаго родилась и вторымъ рожденіемъ—духовнымъ.

Вернувшись во дворецъ, она съ этихъ поръ ничѣмъ больше не занималась, кромѣ молитвы, поста и чтенія Божественнаго Писанія. Однажды, читая Дѣянія Апостольскія, дошла она до слѣдующаго мѣста: «**Є҆ли́цы бо госпо́дїе се́лѡмъ и҆лѝ домовѡ́мъ бѧ́хꙋ, продаю́ще приноша́хꙋ цѣ́ны продае́мыхъ и҆ полага́хꙋ при нога́хъ а҆по́-**

[1]) *Оглашеніемъ* называлось предварительное испытаніе готовившихся къ принятію Св. Крещенія и обученіе ихъ истинамъ вѣры. Оно длилось отъ 40 дней до 3 лѣтъ, иногда же, по обстоятельствамъ, сокращалось до нѣсколькихъ дней.

[2]) *Евнухъ* собственно значитъ — *скопецъ*. Въ древности былъ обычай окружать знатныхъ женщинъ услугами евнуховъ, которые при царскомъ дворѣ занимали выдающееся положеніе.

ѥтѡлъ» [1]). Святая Домна рѣшила поступить такъ же. Собравъ все свое имущество, золото и серебро, жемчугъ и драгоцѣнные камни, дорогія одѣянія и все дѣвическое убранство, она тайно отнесла это къ своему духовному отцу, святому Кириллу. Положивъ все къ его ногамъ, какъ бы къ ногамъ апостольскимъ, она умоляла его вырученныя за все это деньги раздать собственными руками нуждающимся, что и было исполнено. Вскорѣ послѣ этого святый Кириллъ преставился и отошелъ къ Богу. Глубоко храня въ своемъ сердцѣ всѣ его наставленія, Домна днемъ и ночью старалась угождать Богу, усердно служа Ему со своимъ единомышленникомъ и духовнымъ собратомъ, евнухомъ Индисомъ, вмѣстѣ съ которымъ она возродилась водою и Духомъ [2]). Поучаясь въ Законѣ Господнемъ, они ежедневно постились вплоть до самаго вечера; вкушаемая же позднимъ вечеромъ трапеза ихъ состояла изъ черстваго хлѣба и воды; а пища, назначенная царемъ и ежедневно подаваемая имъ, насыщала голодныхъ, ибо они тайно раздавали все нищимъ. Проводя такую Богоугодную жизнь, они, подобно граду, стоящему на верху горы [3]), не могли утаиться, хотя всячески и тщательно укрывались. Благочестіе ихъ обнаружилось подобно свѣтильнику, открытому изъ-подъ спуда [4]), и сокровищу, обрѣтенному въ полѣ [5]). Такъ было угодно Богу, чтобы эта святая двоица стала примѣромъ для вѣрныхъ и посрамленіемъ для невѣрныхъ.

О ежедневномъ постѣ Домны и Индиса провѣдалъ начальникъ евнуховъ, управлявшій всѣмъ дворцомъ и завѣдывавшій царскимъ столомъ. Вмѣсто того, чтобы изумиться такой строгости ихъ жизни, онъ прибѣгнулъ къ мученіямъ и долго билъ ихъ, вынуждая ихъ признаться, на что употребляется выдаваемая имъ пища; но они скрывали свою добродѣтель и не хотѣли сознаться въ ней. Тогда подошелъ одинъ евнухъ, персъ по происхожденію и по вѣрѣ, и началъ разсказывать начальнику евнуховъ объ ихъ добродѣтели, выставляя ее какъ бы нѣкое злодѣяніе и сопровождая свой разсказъ клеветами и оскорбленіями. Онъ говорилъ о кроткой и чистой жизни Домны и Индиса, о воздержаніи отъ пищи

---

[1]) Кн. Дѣян. Ап., гл. 4, ст. 34—35.

[2]) Согласно евангельскому выраженію. См.: Еванг. отъ Матѳ., гл. 3, ст. 5.

[3]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 14.

[4]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 15.

[5]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 13, ст. 14.

и о томъ, что они раздаютъ приносимую имъ пищу убогимъ христіанамъ, противникамъ царя.

— Если хочешь узнать истину,—сказалъ онъ въ заключеніе,—то открой ихъ хранилища, и ты увидишь, что мои слова неложны.

Тогда начальникъ евнуховъ, бывшій въ то же время и управляющимъ царскимъ дворцомъ, взявъ ключи, пошелъ осматривать ихъ жилища и хранилища; открывъ ихъ, онъ ничего не нашелъ, кромѣ честнаго креста, книги Новаго Завѣта, двухъ тростниковыхъ подстилокъ, лежавшихъ на землѣ, глиняной кадильницы, свѣчи и небольшого деревяннаго сосуда съ Пречистыми Таинами [1]).

— Но гдѣ же золото,—спросилъ онъ ихъ тогда,—гдѣ драгоцѣнныя одежды и прочія дорогія вещи и украшенія?

Не получивъ отвѣта, онъ снова подвергъ Домну и Индиса мученіямъ, но безуспѣшно. Тогда онъ велѣлъ отвести ихъ въ другое мѣсто и держать въ заточеніи, пока онъ не скажетъ о нихъ царю. Когда святую дѣву выводили изъ ея жилища для заключенія, она тайно взяла книгу Новозавѣтныхъ Писаній и скрыла ее въ своей одеждѣ: книга была мала, и ее легко было спрятать; а Индисъ взялъ такимъ же образомъ небольшой сосудецъ съ Божественными Таинами. Ихъ обоихъ заперли и долгое время морили голодомъ и жаждой: такъ рѣшилъ ихъ неправедный мучитель, чтобы питавшіе голодныхъ сами умерли голодной смертью. Отъ долгаго пребыванія безъ пищи юная дѣва впала въ тѣлесную болѣзнь; но Пекущійся о птицахъ и о звѣряхъ, Отверзающій руку Свою и Насыщающій всякое животное по благоволенію [2]), Богъ—Промыслитель не презрѣлъ Своихъ рабовъ, ослабѣвшихъ отъ долгаго голода: въ одну ночь Онъ послалъ имъ Ангеловъ Своихъ, которые осіяли ихъ во тьмѣ небеснымъ свѣтомъ, предложили имъ чудную трапезу—небесную пищу и необычайное питіе и удалились. Домна же и Индисъ укрѣпились, вкусивъ предложеннаго имъ, и забыли пережитыя злостраданія. Утѣшенные явленіемъ Ангеловъ и насыщенные ангельской пищей, они просвѣтились лицами и, какъ бы сидя въ чертогахъ радости, запѣли

---

[1]) У христіанъ первыхъ вѣковъ былъ обычай причащаться ежедневно Св. Таинъ; но такъ какъ не было возможности служить Литургію ежедневно, то Св. Таины выдавались вѣрующимъ на домъ.

[2]) Псаломъ 144, ст. 16.

Псаломъ Давида: ꙗ҆́кѡ ѿ тꙋ́ка и҆ ма́сти да и҆спо́лнитсѧ дꙋша̀ моѧ̀, и҆ ᲂу҆стна́ма ра́дости восхва́лѧтъ тѧ̀ ᲂу҆ста̀ моѧ̀ [1]).

Вскорѣ послѣ этого пришелъ и начальникъ евнуховъ посмотрѣть, побѣждены ли они голодомъ, ибо онъ полагалъ этимъ способомъ заставить ихъ повиноваться себѣ. Но, увидя ихъ радостными, свѣтлыми лицомъ и веселящимися духомъ, онъ перемѣнилъ свое гнѣвное и жестокое обращеніе, которымъ не былъ въ состояніи ничего достигнуть, на притворную кротость; онъ велѣлъ имъ поселиться по-прежнему въ ихъ первомъ жилищѣ и въ изобиліи снабдилъ всѣмъ нужнымъ — пищей и одеждой, золотомъ и серебромъ, и дѣвическимъ убранствомъ, отпуская всего не меньше, чѣмъ какъ дѣлалъ это прежде. Но святая Домна снова тайно раздавала все нищимъ, и не только пищу, но и драгоцѣнныя одѣянія. Видя же множество нищихъ, стекающихся къ ней, какъ къ своей питательницѣ, она взяла свой поясъ, украшенный драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, и все прочее убранство и отослала къ діакону Алимпію съ просьбой продать все это и употребить вырученныя деньги на прокормленіе нищихъ. Размышляя затѣмъ, какимъ бы способомъ избѣгнуть жительства съ грѣшниками и пребыванія во дворцѣ, исполненномъ идольскаго нечестія, святая Домна вспомнила о Богоотцѣ Давидѣ, бѣжавшемъ отъ лица Саула и притворившемся безумнымъ предъ Анхусомъ, царемъ Геѳскимъ [2]). Притворившись тоже безумной, она стала падать, источать слюну, трястись и кричать. Узнавъ объ этомъ, управлявшій царскимъ дворцомъ начальникъ евнуховъ опечалился, недоумѣвая, какъ бы ее вылѣчить. Услышавъ, что христіане исцѣляютъ такія болѣзни, онъ призвалъ епископа христіанскаго — святаго Анѳима [3]), преемника святаго Кирилла, и вручилъ ему дѣву, чтобы тотъ исцѣлилъ ее до возвращенія царя съ войны, евнуха же Индиса онъ приставилъ къ ней, чтобы прислуживать.

Постигнувъ духомъ намѣреніе Домны, епископъ охотно принялъ ее и отослалъ въ одинъ дѣвическій монастырь. Домна же несказанно радовалась и веселилась, что избавилась отъ пребыванія съ нечестивыми и сподобилась жить съ христіанами.

---

[1]) Псаломъ **62**, ст. 6.

[2]) 1 Кн. Царствъ, гл. **21**, ст. 13.

[3]) Память *священномученика Анѳима,* епископа Никомидійскаго, празднуется Церковію 3-го сентября.

Спустя нѣкоторое время, Максиміанъ съ торжествомъ возвратился съ войны. Приписывая свою побѣду надъ врагами не Всевышнему Богу, сильному въ браняхъ, а своимъ бездушнымъ идоламъ, онъ захотѣлъ отблагодарить ихъ непотребными жертвами, а вмѣстѣ съ тѣмъ начать гоненіе на христіанъ. Приготовивъ посреди города мѣсто для зрѣлища, онъ вынесъ туда изъ своего дворца золотыхъ и серебряныхъ идоловъ, поставилъ ихъ на царскихъ престолахъ и, увѣнчавъ цвѣтами, сталъ приносить имъ въ жертву тучныхъ воловъ. Жрецамъ же царь приказалъ окроплять стоящій кругомъ народъ жертвенной кровью. И тотчасъ же находившіеся въ числѣ зрителей христіане начали выходить изъ толпы, чтобы не оскверниться окропленіемъ идоложертвенною кровью. Увидѣвъ это, царь началъ громко говорить, обратясь къ народу:

— Куда вы уходите, о люди, предпочитающіе тьму свѣту и не вѣрящіе въ бытіе сихъ боговъ, которыми держится вселенная? Развѣ вы не видите настоящихъ торжествъ и побѣдъ? Развѣ вы не видите, сколь много благъ прилагается къ прежнимъ благамъ, какъ все содержится въ покоѣ, какъ ежедневно прибываютъ новыя блага, и мы теперь обладаемъ такими, которыми раньше не владѣли? Развѣ не видите, какъ растетъ наша слава, расширяется царство, покоряются одни города, другіе же будутъ покорены нами? Развѣ не видите, какъ порабощаются нами царства другихъ народовъ и какъ все дѣлается согласно нашему желанію? Чьимъ же промышленіемъ все это совершается, какъ не промышленіемъ тѣхъ боговъ, которымъ мы служимъ? Да убѣдятъ васъ въ этомъ благопріятность погоды, умѣренные дожди и даруемое богами изобиліе плодовъ.

Такъ говорилъ беззаконный царь, выдавая небылицу за быль, и намѣревался еще сказать многое другое, но Господь, Котораго **сꙋдьбы̑ и҆́стинны, ѡ҆правда̑нны вкꙋпѣ** [1]), не попустилъ больше лжи хвастаться и возноситься надъ истиной: внезапно, среди яснаго дня и при сіяніи полуденнаго солнца, раздался грохотъ страшныхъ громовъ, небо омрачилось темными тучами, пролился сильный дождь съ великимъ вѣтромъ и бурей, молніями и градомъ. Такимъ образомъ ясно обнаружился Гнѣвъ Божій на нечестивыхъ: иные, испугавшись громовъ, падали какъ мертвые, другіе, бросившись бѣжать, давили другъ друга, и многіе лишились въ

[1]) Псаломъ 18, ст. 10.

толпѣ жизни, растоптанные ногами; самъ же царь, объятый страхомъ и ужасомъ, со стыдомъ бѣжалъ во дворецъ. Такъ прекратилось зрѣлище и нарушился богоненавистный праздникъ съ его скверными жертвами. Рѣки переполнились водой отъ великаго дождя и потопили нивы, уничтоживъ весь трудъ земледѣльцевъ, такъ какъ было время жатвы. Все же это произошло для того, чтобы нечестивые познали крѣпкую руку Единаго Бога, сущаго на Небесахъ. Но не уразумѣлъ этого ослѣпленный злобою жестокосердый царь: вмѣсто того, чтобы познать силу Истиннаго Бога, онъ впалъ въ еще большее безуміе, воздвигая брань противъ Страшнаго и Лишающаго жизни царей [1]).

Вскорѣ послѣ этого, не находя Домны и Индиса среди жрецовъ-служителей его двѣнадцати главнѣйшихъ ложныхъ боговъ, стоявшихъ во дворцѣ, царь спросилъ, гдѣ они. Услышавъ, будто Домна лишилась разсудка и находится у людей, умѣющихъ лѣчить эту болѣзнь, а Индисъ приставленъ къ ней, чтобы ее оберегать и служить ей, Максиміанъ сильно разгнѣвался на начальника евнуховъ, освободившаго ихъ отъ службы богамъ, лишилъ его сана и наказалъ самымъ позорнымъ безчестіемъ, приставивъ его ходить за верблюдами въ Клавдіополѣ [2]). Призвавъ затѣмъ Индиса, царь вернулъ его къ прежней обязанности: служить богамъ, стоявшимъ въ царскомъ дворцѣ. Но Индисъ безъ вѣдома царя продолжалъ служить только Единому Истинному Богу, въ Котораго вѣровалъ. Тѣмъ временемъ Максиміанъ началъ открыто преслѣдовать Церковь Христову, разоряя святые храмы и сооружая идольскія капища. Начальниками во всѣхъ областяхъ имперіи онъ назначилъ людей жестокихъ, обязанныхъ безъ пощады мучить христіанъ. Самъ царь былъ главнымъ и первымъ по жестокости мучителемъ; онъ убивалъ и истреблялъ христіанъ и проливалъ неповинную кровь какъ бы воду. Иногда онъ пытался обмануть ихъ лукавыми словами, чтобы потомъ предать мученіямъ и смерти неподчинившихся его коварному обману. Отыскивая скрывавшагося въ нѣкоемъ мѣстѣ святѣйшаго епископа Анѳима и не находя его, Максиміанъ однажды самъ вошелъ въ христіанскую церковь со множествомъ вооруженныхъ воиновъ, какъ волкъ въ стадо. Обратившись къ народу, онъ пытался то ласками, то угрозами привлечь всѣхъ къ своему заблужденію. Наконецъ онъ сказалъ:

---

[1]) Псаломъ 75, ст. 13.

[2]) *Клавдіополь* — одинъ изъ городовъ Малоазійской области Киликіи.

— Отступите отъ вашей суетной вѣры; если же не отступите, то казнь не замедлитъ постигнуть васъ. Видите этотъ храмъ, въ которомъ вы собрались: вскорѣ я сожгу его вмѣстѣ съ вами.

Христіанскій пресвитеръ — святый Гликерій мужественно противосталъ ему и постыдилъ беззаконника безстрашными словами:

— Обѣщанные тобою дары,—сказалъ онъ,—не привлекаютъ насъ, царь; угрозъ же твоихъ мы не боимся. Все, что ни есть въ мірѣ, мы почитаемъ какъ бы за сонъ и даже вмѣнили бы себѣ въ скорбь и Божіе наказаніе, что не претерпѣваемъ за Христа жесточайшихъ мученій. Ты хвалишься побѣдой надъ варварами, но терпишь пораженія даже отъ христіанскихъ женъ и дѣтей, ибо явно непреодолима сила нашего Христа. Кто не помнитъ недавнихъ громовъ и молній, необычайнаго грома и дождя? Многіе изъ васъ внезапно умерли, и плоды земные погибли отъ неожиданнаго наводненія. Это было явнымъ знаменіемъ гнѣва Божія, возбужденнаго тѣмъ, что ты все приписалъ своимъ ложнымъ богамъ, а не Богу Истинному. Не боимся мы твоихъ гоненій: Царь всяческихъ даровалъ намъ свыше оружіе, которымъ мы такъ же вооружаемся и защищаемся, какъ нынѣ ты своими оруженосцами. Противостоя тебѣ, мы твердо надѣемся одержать чудесную побѣду, ибо, будучи побиваемы, мы одолѣваемъ, а падая—побѣждаемъ.

Хотя царь и сильно гнѣвался въ сердцѣ своемъ, слыша эти слова, однако вышелъ изъ церкви, не причинивъ никому никакого зла. А благочестивый народъ, находившійся въ церкви, прославлялъ блаженнаго Гликерія за такое безстрашіе. Однако, будучи не въ состояніи долго сдерживать свою ярость, царь вскорѣ повелѣлъ схватить Гликерія, представить на свой неправедный судъ и безъ всякаго допроса подвергнуть жестокому біенію. И били мученика до тѣхъ поръ, пока мучители сами не изнемогли. Когда же его били, то глашатай возглашалъ:

— Говори поменьше, Гликерій; не будь гордъ, ни мятежливъ, ни безчиненъ, почитай царя и римскіе законы.

Мученикъ же, будучи сильнѣе своихъ мучителей, взывалъ къ своему Небесному Царю:

— Господи Іисусе Христе! Какъ Ты укрѣплялъ меня говорить о Тебѣ, такъ укрѣпи и пострадать за Тебя, чтобы этими страданіями сдѣлаться мнѣ достойнымъ большаго воздаянія.

Какъ разгорается огонь, такъ отъ этихъ словъ еще сильнѣе разгорѣлась ярость мучителя Максиміана. Онъ самъ присутствовалъ при мученіи для того, чтобы палачи наносили тѣлу мученика болѣе жестокіе удары и раны, пока земля не напиталась его кровью и не стали видны кости, обнажившіяся отъ мяса, не были раздроблены всѣ члены мученика, и только языкъ еще продолжалъ свободно вѣщать:

— Я — христіанинъ, рабъ Христа, единаго Истиннаго Бога; единъ Онъ—Господь мой, единъ Онъ—Царь мой!

Не будучи въ состояніи долѣе слышать такія слова Гликерія, мучитель велѣлъ сжечь его за городомъ. И былъ онъ благовонной жертвой Богу и всесожженіемъ благопріятнымъ.

Вскорѣ снова насталъ богомерзкій языческій праздникъ. Повели жертвенныхъ животныхъ къ стоявшему во дворцѣ капищу двѣнадцати главныхъ боговъ. Глядя на жрецовъ, шедшихъ въ бѣлыхъ одеждахъ, и не видя среди нихъ Индиса, царь спросилъ, гдѣ онъ. Индисъ же одѣлся во вретище и затворился въ своей горницѣ, сѣтуя и плача о погибели нечестивыхъ. Объ этомъ возвѣстили царю. Немедленно вызвавъ къ себѣ Индиса и видя его въ одеждахъ скорби и плача, царь понялъ, въ чемъ дѣло, и, не спрашивая о его вѣрѣ и жизни его, велѣлъ наложить ему на руки, на ноги и на шею оковы и ввергнуть въ темницу. Затѣмъ онъ началъ снова спрашивать о Домнѣ, забывъ сказанное ему раньше, и въ гнѣвѣ, какъ бы пьяный, часто повторялъ:

— Гдѣ же Домна? Гдѣ жрица Діаны и Минервы?

Ему вновь отвѣтили, что она лишилась разсудка и что поэтому начальникъ евнуховъ выслалъ ее изъ дворца. Вспомнивъ тогда о начальникѣ евнуховъ, царь повелѣлъ обезглавить его и искать всюду Домну. Это царское повелѣніе стало извѣстно и въ монастырѣ, гдѣ пребывала Домна. Видя, что невозможно скрыть ее, игуменія монастыря, Агаѳія, остригла ее по-мужски и одѣла въ мужскую одежду. Оградивъ ее затѣмъ слезной молитвой, она выпустила Домну изъ своей святой обители, чтобы дѣва скрывалась въ мужскомъ образѣ посреди мужей и не могла бы быть узнана. Искавшіе Домну нигдѣ не могли найти ее. Это привело царя въ еще сильнѣйшій гнѣвъ; онъ повелѣлъ разорить всѣ монастыри, дѣвъ же обезчестить и осквернить насиліемъ. И тотчасъ же по всему городу начали твориться такія бѣдствія и разоренія, какъ будто онъ находился въ плѣну у варваровъ. Тѣ изъ дѣвъ,

которыя были крѣпче тѣломъ, бѣжали въ горы и пустыни, скрываясь въ пещерахъ и пропастяхъ земныхъ, предпочитая жить со звѣрями и быть растерзанными ими, нежели съ беззаконниками и попасть въ руки гнусныхъ людей. Тѣ же изъ дѣвъ, которымъ не удалось бѣжать, были схвачены и однѣ повлечены на судъ и мученія, другія же—въ народныя блудилища, на оскверненіе. Но сила Христова укрѣпляла ихъ всѣхъ и сохраняла непосрамленными и непоруганными. Въ числѣ ихъ была одна, по имени Ѳеофила, особенно выдѣлявшаяся и сіявшая посреди дѣвъ, какъ бы луна среди звѣздъ, красотою и привлекательностью, благородствомъ и чистотой жизни. Когда безстыдные воины насильно влекли ее въ блудилище, она воздѣла очи и руки къ Небу и со слезами взывала:

— О Іисусе мой, любовь моя, свѣтъ мой, дыханіе мое, хранитель дѣвства моего и жизни моей, воззри на невѣсту Твою! Призри на меня, Женихъ мой невидимый, и поспѣши мнѣ на помощь, да не нарушится обѣтъ дѣвства моего, завѣщаннаго Тебѣ, ибо уже нѣтъ больше времени даже для молитвы! Не предай звѣрямъ душу, исповѣдующую Имя Твое, да не растерзаютъ волки Твою овцу! Сохрани Твою невѣсту, о Женихъ мой! Соблюди мое дѣвство, о Источникъ чистоты, да прославится Имя Твое, славимое Ангелами!

Такъ она молилась, и Богъ уже готовилъ исполненіе ея молитвы. Когда ввели ее въ нечистое жилище открытыхъ грѣшницъ, вошелъ къ ней одинъ изъ воиновъ, полный нечистаго желанія, чтобы осквернить непорочную невѣсту Христову; и вотъ, едва онъ приблизился къ ней, какъ тотчасъ же упалъ на землю мертвымъ и лежалъ у ногъ ея, испустивъ духъ. Другіе воины тѣмъ временемъ стояли снаружи и ожидали его выхода, сердясь, что онъ такъ долго медлитъ, и желая сами войти туда же. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, распаленный грѣховнымъ желаніемъ, не вытерпѣвъ, вошелъ и пришелъ въ ужасъ, увидѣвъ друга своего мертвымъ. Когда же узрѣлъ онъ еще и неприступный свѣтъ, осіявавшій святую дѣву, то тотчасъ же лишился зрѣнія и, ослѣпнувъ, сталъ ощупывать руками стѣну, чтобы выйти наружу, но не могъ. Той же участи подверглись и многіе другіе, безстыдно и съ нечистымъ желаніемъ входившіе къ дѣвѣ. Это стало извѣстно стоявшимъ снаружи, и они пришли всѣ вмѣстѣ не ради похоти, но чтобы посмотрѣть, что случилось, и увидѣли дѣву чинно сидящей и читающей неболь-

шую книжку: это было Евангеліе, которое она хранила у себя; рядомъ стоялъ прекрасный юноша, сіявшій несказаннымъ свѣтомъ, и взиралъ молніеносными очами. Увидѣвъ юношу, нечестивые тотчасъ же въ великомъ ужасѣ бросились бѣжать; другіе же взывали:

— Кто подобенъ Богу христіанскому?

Когда настала ночь, свѣтоносный юноша вывелъ оттуда дѣву, довелъ до Великой церкви и, поставивъ ее на паперти, сказалъ:

— Миръ тебѣ!

Затѣмъ онъ удалился, оставивъ святую дѣву Ѳеофилу объятую страхомъ и радостію: страхомъ, потому что покинулъ ее заступникъ, радостію же, такъ какъ благополучно избѣгла рукъ беззаконниковъ. Подойдя къ дверямъ церкви, она стала стучать, чтобы ей отперли, ибо собравшіеся внутри для совершенія всенощнаго моленія Богу христіане заперли двери изъ страха передъ нечестивыми язычниками. Одинъ изъ діаконовъ спросилъ изнутри, кто это стучитъ; услышавъ и признавъ голосъ Ѳеофилы, онъ возвѣстилъ объ этомъ предстоявшему въ церкви народу. Когда отперли дверь, то весь народъ устремился къ святой дѣвѣ: всѣмъ были извѣстны какъ знатность ея происхожденія, такъ и святость жизни. О, сколь радостно и съ какими слезами восхвалили всѣ Бога, когда узнали, какъ она спаслась отъ насилія нечестивыхъ и какую милость сотворилъ съ ней Господь, крѣпкою рукою сохранивъ неглѣннымъ ея дѣвство! Ибо она не скрыла преславныхъ чудесъ Божіихъ, которыя подобаетъ не скрывать, но возвѣщать. Святая же дѣва, павши ницъ, омочила помостъ церковный слезами радости, и всѣ принесли Владыкѣ Христу общее благодареніе.

Въ это время были обвинены передъ царемъ въ принадлежности къ христіанской вѣрѣ нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ вельможъ и главныхъ слугъ царскаго двора. Въ числѣ ихъ находился нѣкто Дороѳей, прославившійся своею военной славой и гражданскими заслугами, носившій титулъ намѣстника Италіи; вмѣстѣ съ нимъ находились также Мардоній и Мигдоній и другіе сановники, славные своими заслугами, но еще болѣе славные вѣрой и благочестіемъ. Когда ихъ привели для допроса, царь первоначально сталъ жестоко укорять ихъ, а затѣмъ велѣлъ долго и безпощадно бить и, заключивъ въ оковы, бросить въ темницу. Не проходило дня безъ того, чтобы христіанъ не схватывали, не мучили и не предавали различнымъ казнямъ. Но вотъ наступилъ праздникъ Рож-

дества Христова[1]), и Новорожденному должна была быть принесена изобильная жертва. Всѣ вѣрные собрались въ церковь. Тогда нечестивые слуги нечестиваго Максиміана, пришедши къ нему, сказали:

— Царь! Сегодня великій праздникъ у христіанъ, они выдумываютъ басню, будто это день рожденія ихъ Бога, и всѣ собрались въ церковь, чтобы отпраздновать это событіе. Поэтому, сдѣлай такъ, чтобы уловъ не выскользнулъ изъ сѣти: прикажи воинамъ занять входъ въ ихъ церковь, и пусть передъ церковными вратами будетъ поставленъ жертвенникъ нашимъ богамъ; глашатаи же пусть повелятъ имъ тотчасъ же выйти изъ церкви и немедленно принести жертвы богамъ. Если они послушаются, то ты поступишь съ ними, какъ будетъ угодно твоей царской волѣ. Но если соизволишь послѣдовать нашему совѣту, то повели, чтобы воины обступили церковь кругомъ, подожгли ее и погубили всѣхъ до единаго изъ христіанъ, не покоряющихся тебѣ. Истребивъ, такимъ образомъ, заразъ опасныхъ и вредныхъ для твоего царства людей, ты на будущее время будешь безъ заботъ.

Не кончили еще они своей рѣчи, какъ Максиміанъ, перебивъ ихъ, воскликнулъ:

— Клянусь великими богами, что я давно уже самъ замышлялъ сдѣлать это, и не знаю, что мнѣ до сихъ поръ помѣшало исполнить задуманное! Великая благодарность подобаетъ вамъ нынѣ, о боги, ибо это вы устроили такъ, что и слугамъ моимъ во время пришелъ на умъ тотъ же полезный для царства нашего замыселъ.

И онъ тотчасъ же приказалъ главнымъ изъ своихъ тѣлохранителей отправиться со множествомъ воинства, обложить христіанскую церковь пенькою, древесными стружками и другими легко воспламеняющимися вещами и тщательно охранять съ обнаженнымъ оружіемъ всѣ выходы изъ нея, чтобы ни одинъ христіанинъ не избѣгнулъ ихъ рукъ. Когда все это было исполнено, въ церковь вошелъ глашатай, посланный царемъ и, ставши посрединѣ, громко возгласилъ:

Мужи, собравшіеся здѣсь! Владыка вселенной Максиміанъ, пославшій меня вамъ, предлагаетъ вамъ выбрать одно изъ двухъ: или, выйдя изъ церкви, немедленно принесите жертву богамъ —

[1]) Это было въ 303-мъ году по Р. Хр.

и вы останетесь живы; жертвенникъ для этого уже приготовленъ передъ дверьми; или же, если не послушаетесь, погибнете здѣсь всѣ вмѣстѣ злою смертью: огонь уже готовъ, и церковь кругомъ обложена хворостомъ. Поэтому выбирайте скорѣе, что хотите.

Сказавъ это, онъ умолкъ. Тогда стоявшій у алтаря архидіаконъ, сердце котораго было возжжено огнемъ Божественной благодати, сказалъ, обратившись къ народу:

— О возлюбленные и единомысленные братья! Неужели вы не вѣдаете, что сотворили въ Вавилонѣ три отрока[1]), непоколебимому мужеству въ истинной вѣрѣ и крѣпости которыхъ мы несказанно удивлялись, когда нѣсколько дней тому назадъ праздновали ихъ память! Какъ и сами они воспѣли пѣснь и всю созданную природу призывали къ восхваленію Господа всѣхъ, какъ бы не посреди огня находясь, но гуляя среди нѣжныхъ цвѣтовъ! И мы не только величали ихъ, но и желали стать соучастниками ихъ вѣнцовъ. Уподобимся же и мы тѣмъ тремъ отрокамъ, такъ какъ и само время нынѣшнее призываетъ насъ къ этому: ибо и царь Максиміанъ подобенъ Навуходоносору; хотя они оба и отличаются именами, но очень схожи и согласны между собой по своему мучительству и безбожію. Не стыдно ли было бы намъ, когда тѣ, будучи отроками, и притомъ только въ числѣ трехъ, и не имѣя еще ни одного примѣра великодушнаго подвига за истинную вѣру, такъ славно подвизались; мы же гораздо многочисленнѣе ихъ, и даже воистину какъ бы безчисленны; многіе изъ насъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и мы имѣемъ передъ собою столь много примѣровъ мужественныхъ страданій за Христа: итакъ, не стыдно ли было бы намъ, находясь въ такомъ числѣ и возрастѣ, показать себя привязанными къ кратковременой жизни, боязливыми и малодушными и не воспользоваться, какъ бы великимъ преимуществомъ, нынѣшнимъ временемъ, призывающимъ насъ къ подвигу,— не презрѣть временной жизни ради Бога, создавшаго насъ и предавшаго на смерть душу Свою за насъ, и не дать нашей смертью свидѣтельства нашей крѣпкой и непоколебимой вѣры?! И воистину, это былъ бы безмѣрный позоръ. Я говорю это на тотъ случай, если бы за нашимъ страданіемъ не послѣдовало никакого воздаянія. Но ничтожны страданія вѣка сего по сравненію съ положеннымъ намъ воздаяніемъ за гробомъ: вѣчная и безболѣзненная жизнь

[1]) Т. е. Ананія, Азарія и Мисаилъ (Кн. Прор. Дан., гл. 3), память которыхъ совершается 17-го декабря.

назначена намъ взамѣнъ здѣшней—бѣдственной и краткой, непреходящая слава за презрѣніе славы скороувядающей, неотъемлемыя богатства и никогда не прелагающееся въ печаль веселіе. Неужели же мы еще захотимъ здѣшней жизни! Не постараемся ли мы лучше, пользуясь благопріятнымъ временемъ, достигнуть скорѣе той вѣчной жизни, умерши за Христа? Воззрите, о братья, на алтарь Господень и уразумѣйте, что Истинный Господь нашъ и Богъ принесенъ на немъ нынѣ въ жертву за насъ. Не положимъ ли и мы за Него наши души на этомъ святомъ мѣстѣ? И не принесемъ ли мы Ему ихъ во всесожженіе, какъ бы нѣкую жертву?

Такъ говорилъ святый архидіаконъ, и всѣ возгорѣлись желаніемъ умереть за Христа и единогласно воскликнули:

— Мы—христіане, мы—христіане, царь, и не почитаемъ твоихъ ложныхъ боговъ!

Объ этомъ было возвѣщено Максиміану, который повелѣлъ тогда сжечь церковь со всѣми находившимися тамъ христіанами. Тѣмъ временемъ вѣрные собрали въ церкви всѣхъ бывшихъ среди нихъ оглашенныхъ и раздѣлили на четыре части, чтобы скорѣе успѣть совершить надъ ними Св. Крещеніе. По совершеніи Крещенія и мѵропомазанія всѣ были причащены Святыхъ Таинъ. Въ то время, какъ это происходило, воины зажгли по повелѣнію нечестиваго царя хворость и паклю вокругъ церкви; стѣны ея скоро загорѣлись, и окружившее ее со всѣхъ сторонъ великое пламя поднималось къ небу и, проникая внутрь, быстро поядало все. Сожигаемые христіане громко взывали къ Богу, воспѣвая пѣснь трехъ отроковъ и призывая всякую тварь къ пѣснопѣнію. И не успѣли еще они окончить свои пѣснопѣнія, какъ предали свои святыя души въ руцѣ Господа, въ жертву, благопріятную непорочному Агнцу, закланному за міръ. Число сгорѣвшихъ достигало двадцати тысячъ человѣкъ. Такъ перешло славное ополченіе святыхъ мучениковъ изъ Церкви Воинствующей въ Церковь Торжествующую праздновать нескончаемый праздникъ радованія. По прошествіи пяти дней огонь еще продолжалъ поядать останки храма и курился дымъ; но отъ сожженныхъ тѣлъ не только не было смрада, но и дымъ былъ какой-то необычайный, благовонный; великое благоуханіе, исходившее отъ пожарища, разливалось по воздуху, и видно было золотистое сіяніе, какое бываетъ и по восходѣ солнца на востокѣ. Максиміанъ же, полагая, что онъ уже погубилъ и истребилъ всѣхъ христіанъ, какіе только были въ

городѣ, занялся играми, конскими ристалищами и разными зрѣлищами.

Около того мѣста, гдѣ происходили зрѣлища, было въ Никомидіи великое капище языческой богини Цереры[1]). Однажды придя къ ея капищу со всѣмъ своимъ воинствомъ и съ народомъ, царь Максиміанъ приносилъ жертвы богинѣ. Тогда одинъ изъ воиновъ, по имени Зинонъ, по сану полководецъ, подвигнутый ревностью къ истинной вѣрѣ и не терпя зрѣлища такого нечестія, сталъ на высокомъ мѣстѣ и воскликнулъ, обращаясь къ царю:

— Заблуждаешься ты, царь, принося жертвы безчувственнымъ камнямъ и нѣмому дереву. Это подлинно обманъ бѣсовъ, ведущій къ погибели своихъ поклонниковъ. Разсуди, о Максиміанъ, и, обративъ къ Небу твои тѣлесныя очи вмѣстѣ съ духовными, познай Создателя изъ Его видимаго созданія. Чрезъ тварь познай, каковъ ея Творецъ, и научись благочестно почитать Бога, благоволящаго не къ крови и жертвенному дыму безсловесныхъ животныхъ, но къ непорочнымъ душамъ человѣческимъ и чистымъ сердцамъ!

Услышавъ это, Максиміанъ велѣлъ сокрушить Зинону камнями уста и разбить лицо и зубы, а затѣмъ еле живого вывести за городъ и умертвить мечомъ. Такъ увѣнчался святый мученикъ Зинонъ вѣнцомъ мученическимъ.

Тѣмъ временемъ святый Дороѳей сидѣлъ въ оковахъ вмѣстѣ съ Индисомъ и прочей дружиной. Блаженный епископъ Анѳимъ посѣщалъ ихъ изъ мѣста своего убѣжища частыми посланіями, укрѣплялъ ихъ, увѣщевалъ быть твердыми въ вѣрѣ и возбуждалъ къ подвигу. Однажды нечестивые схватили и привели къ царю діакона Ѳеофила, шедшаго къ мученикамъ съ посланіемъ отъ Анѳима. Прочтя посланіе епископа, царь пришелъ въ ярость, ибо тамъ было написано не то, что ему угодно, но что полезно святымъ. Онъ велѣлъ немедленно привести къ себѣ Дороѳея съ его дружиной; гнѣвно взглянувъ на нихъ и укоривъ ихъ, онъ далъ имъ прочитать посланіе Анѳима. Они же, увидѣвъ діакона, возрадовались душой и издалека привѣтствовали его свѣтлыми взорами и радостными лицами, читаемыя же слова святителя

---

[1]) *Церера, или Деметра,*—греко-римская богиня земледѣлія и плодородія. Очень распространенныя празднества въ честь ея отличались безнравственностью.

слагали въ сердцахъ своихъ. Гнѣвно взглянувъ на діакона, царь грозно сказалъ ему:

— Скажи мнѣ, окаянный, кто далъ тебѣ это письмо и гдѣ онъ скрывается?

Діаконъ сотворилъ сначала въ сердцѣ молитву къ Богу и затѣмъ безстрашно отвѣтилъ:

— Посланіе это далъ мнѣ пастырь, который, находясь нынѣ вдали отъ своего стада, увѣщеваетъ его и побуждаетъ къ благочестію. Въ особенности же теперь, когда онъ узналъ о нашествіи волковъ и другихъ звѣрей, онъ громко повелѣваетъ и возвѣщаетъ своимъ овцамъ, что имъ надлежитъ дѣлать. Слова же, возвѣщаемыя имъ, не суть его, но заимствованы имъ у Верховнаго и Перваго нашего Пастыря, сказавшаго; **не оу҆бо́йтесѧ ѿ оу҆бива́ющихъ тѣ́ло, дꙋши́ же не могꙋ́щихъ оу҆би́ти**[1]). Вотъ, я уже возвѣстилъ тебѣ, кто мнѣ далъ это посланіе, а гдѣ находится пославшій его, этого я не скажу: было бы явнымъ безуміемъ, если бы я, получившій отъ своего пастыря столько добра, сталъ его предателемъ; онъ скоро и безъ насъ обнаружится, ибо **не мо́жетъ гра́дъ оу҆кры́тисѧ верхꙋ̀ горы̀ стоѧ̀**[2]), какъ возвѣщено это Божественнымъ гласомъ.

Не будучи въ состояніи дольше слышать смѣлую рѣчь діакона, царь повелѣлъ тотчасъ же отрѣзать его честны́й языкъ, а затѣмъ умертвить его за городомъ камнями и стрѣлами. Потомъ онъ посредствомъ различныхъ мученій предалъ смерти и остальныхъ святыхъ мучениковъ: Дороѳею отсѣкли голову, Мардонія сожгли огнемъ, Мигдонія живаго засыпали въ ямѣ землей, Горгонія же, Индиса и Петра бросили въ море, привязавъ имъ къ шеѣ жерновные камни. Такъ совершили свой подвигъ и отошли ко Господу Богу однимъ путемъ, хотя и различными смертями доблестные мученики Христовы.

Тѣмъ временемъ святая Домна скрывалась въ пещерѣ на одной горѣ, питаясь растеніями, росшими вокругъ пещеры. Слыша о смерти святыхъ мучениковъ, она радовалась духомъ, что они перешли изъ юдоли здѣшней горестной жизни въ желанный край вѣчнаго веселія. Особенно же радовалась она объ Индисѣ, своемъ духовномъ единомысленномъ братѣ и сообщникѣ ея духовнаго рожденія въ Крещеніи. Готовя себя къ подвигу и прося помощи

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 28.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 14.

свыше, она скорбѣла о себѣ, что изъ нихъ всѣхъ она одна еще не отошла ко Господу тѣмъ же путемъ мученичества. Затѣмъ она сошла съ горы и вошла въ городъ въ той самой мужской одеждѣ, въ которую ее облекла ея духовная мать Агаѳія. Не находя блаженной Агаѳіи, которую она пришла искать, Домна поняла, что она сгорѣла въ церкви вмѣстѣ со множествомъ другихъ дѣвъ, и горько заплакала; она не жалѣла о ея смерти, но скорбѣла, что не сподобилась сама умереть вмѣстѣ съ нею за Христа. И стоя на мѣстѣ сожженной церкви, Домна плакала и рыдала, смачивая пепелъ своими слезами. Когда наступила ночь, она пошла на морской берегъ, гдѣ былъ потопленъ Индисъ съ прочими мучениками. И вотъ рыбаки, стоявшіе тамъ и готовившіе сѣти для ловли, увидѣвъ святую дѣву и принявъ ее по мужской одеждѣ за мужа, сказали ей:

— Приди и помоги намъ, юноша; если мы что-нибудь поймаемъ, то и тебѣ удѣлимъ часть.

Она охотно пришла къ нимъ на помощь. Когда забросили сѣти для ловли и вытаскивали ихъ затѣмъ на берегъ, то ощутили въ неводѣ такую тяжесть, что съ трудомъ могли выволочь его на берегъ. Ночь была лунная, и они увидѣли множество рыбы, а посреди улова—тѣла трехъ мучениковъ: Горгонія, Индиса и Петра. Рыбаки пришли въ великій ужасъ и, быстро собравъ сѣти и уловъ, а тѣла положивши на землю, поспѣшили сѣсть въ ладью, чтобы отплыть на другой берегъ. Они звали съ собою и мнимаго юношу, но тотъ не захотѣлъ ѣхать съ ними. Тогда они дали ему за трудъ часть пойманной рыбы и немного хлѣба и отплыли оттуда. Святая же дѣва Домна подошла къ тѣламъ мучениковъ и, узнавъ каждаго, въ особенности же возлюбленнаго Индиса, стала съ несказанною радостью обнимать и цѣловать ихъ и проливать надъ ними обильныя горячія слезы. Поднявшись, она увидѣла на морѣ корабль, пристававшій къ берегу и шедшій на однихъ веслахъ при опущенныхъ парусахъ. Отойдя отъ тѣлъ святыхъ мучениковъ, Домна приблизилась къ кораблю и, обратившись къ корабельщикамъ, показала имъ свою рыбу. Полагая, что рыба продается и желая ее купить, капитанъ корабля спросилъ о цѣнѣ, но Домна отвѣтила ему, чтобы онъ взялъ даромъ. Тогда онъ въ недоумѣніи сказалъ:

— Именемъ Христовымъ, скажи по истинѣ, почемъ ты продаешь рыбу?

Услышавъ Имя Христово, святая Домна поняла, что на кораблѣ христіане, и повѣдала имъ о тѣлахъ святыхъ мучениковъ, обо всѣхъ мученіяхъ, которымъ они были подвергнуты, и объ ихъ именахъ. Тогда капитанъ корабля тотчасъ же вынесъ со своими друзьями чистыя полотна и ароматы и, завернувъ тѣла святыхъ, отнесъ ихъ къ городской стѣнѣ, гдѣ у воротъ, недалеко отъ рѣки, принялъ конецъ житія своего святый Дороѳей. Тамъ они благоговѣйно погребли тѣла мучениковъ. Узнавъ, что Домна одной съ ними вѣры и принимая ее къ тому же за юношу, капитанъ корабля сталъ умолять ее вмѣстѣ съ нимъ взойти на корабль.

— Пребудемъ неразлучно вмѣстѣ до конца нашей жизни,— говорилъ онъ.

Но она, не соглашаясь, велѣла ему продолжать свой путь.

— Я останусь здѣсь,—сказала она,—ибо уже близокъ конецъ моей жизни, и я не хочу, чтобы тѣло мое разлучилось отъ тѣлъ святыхъ, съ которыми при жизни я была соединена духомъ и вѣрой.

Тогда капитанъ далъ ей достаточное количество золота—не для какой-нибудь тѣлесной потребности, такъ какъ въ этомъ она не нуждалась, но на ароматы и ѳиміамъ для почтенія гробницъ святыхъ—и отправился въ путь свой. Святая же Домна день и ночь пребывала при гробницахъ мучениковъ, кадя и благоухая имъ и молясь со слезами.

Но не было возможно, чтобы дѣло свѣта утаилось передъ ходящими во тьмѣ, или чтобы желаніе мученичества святой Домны осталось не исполненнымъ, ибо ея святость и благочестіе изобличали ее. Царю было возвѣщено, что какой-то юноша обходитъ христіанскіе гробницы и кадитъ имъ. Царь разсмѣялся и сказалъ:

— Подобаетъ и ему погибнуть одинаковой съ ними смертью, чтобы онъ на опытѣ узналъ, какъ напрасно воздается такая честь людямъ, ничего уже больше не значащимъ по смерти.

Сказавъ это, онъ немедленно послалъ отсѣчь ей голову. И умертвили мечомъ святую Домну въ то время, какъ она молилась при гробницахъ святыхъ мучениковъ. Честно́е тѣло ея нечестивые сожгли огнемъ. Въ это же время былъ убитъ мечомъ послѣ долгихъ мученій и святый мученикъ Евѳимій. Такъ украсилась Никомидія своими мучениками, какъ звѣздами, пополняя число двадцати тысячъ чуднымъ Гликеріемъ, блаженнѣйшимъ Зинономъ и Ѳеофиломъ; къ нимъ присоединились также Дороѳей съ Мардо-

ніемъ и Мигдоніемъ, Индисъ съ Горгоніемъ[1]) и Петромъ и три святыя дѣвы—Агаѳія, Ѳеофила и прекрасная Домна; завершеніемъ же всего лика былъ Евѳимій, во славу Христа, Истиннаго Бога, Ему же со Отцомъ и Святымъ Духомъ честь и слава во вѣки. Аминь.

Тропа́рь мч҃нкѡвъ, гла́съ в҃:

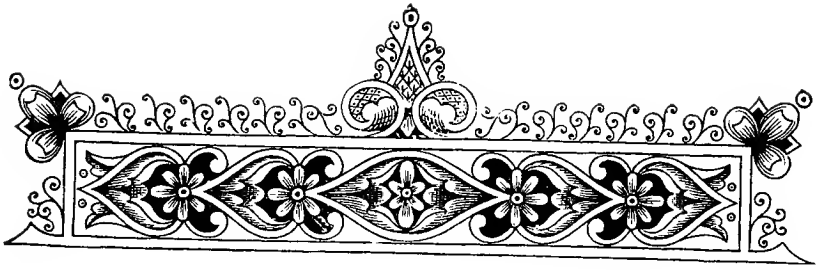
Стр҃тотéрпцы гд҃ни, бл҃жéнна землѧ̀, напи́вшаѧсѧ кровьмѝ ва́шими, и҆ свѧ̑та селéнїѧ, прїи́мшаѧ тѣлеса̀ ва̑ша: въ по́двизѣ бо врага̀ побѣди́сте, и҆ хр҃та̀ со дерзновéнїемъ проповѣ́дасте. того̀ ꙗ҆́кѡ бл҃га моли́те сп҃сти́сѧ, мо́лимсѧ, дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Твéрди дꙋшéю по вѣ́рѣ ст҃і́и, ѻ҆гнéмъ страда̑нїѧ прїéмше двѣ̀ тьмѣ̀ страда́лецъ, вопїю́ще ро́ждшемꙋсѧ ѿ дв҃ы: прїимѝ всесожжéнїѧ на̑ша за тѧ̀, ꙗ҆́коже да́ры пéрсскихъ царéй, зла́то, и҆ смѵ́рнꙋ, и҆ лїва́нъ, превѣ́чный бж҃е.

---

[1]) Мощи *св. муч. Горгонія* впослѣдствіи перенесены были въ Римъ.



День двадцать девятый

ПАМЯТЬ
ЧЕТЫРНАДЦАТИ ТЫСЯЧЪ МЛАДЕНЦЕВЪ,
отъ Ирода въ Виолеемѣ избіенныхъ

Иродъ, увидѣвъ себя осмѣяннымъ волхвами, весьма разгнѣвался[1]). На кого же онъ разгнѣвался? Съ одной стороны — на волхвовъ, которые осмѣяли его, съ другой же—на новорожденнаго Царя Іудейскаго. На волхвовъ онъ гнѣвался за то, что они не возвратились къ нему и не возвѣстили о Младенцѣ; на Христа же гнѣвался изъ боязни, какъ бы Онъ не отнялъ у него царство; ибо, не зная, что царство Христово «не отъ міра сего»[2]), Иродъ полагалъ, что Христосъ будетъ владѣть земнымъ царствомъ. Что же сдѣлалъ окаянный Иродъ, не будучи въ состояніи ни отомстить волхвамъ, ибо они уже ушли, ни убить Христа, ибо Его нельзя было найти? Онъ излилъ свой гнѣвъ на неповинныхъ младенцевъ. Какъ лютый звѣрь, когда бываетъ раненъ, часто не смотритъ на того, кто его ранилъ, но бросается прямо на то, что у него передъ глазами, и въ ярости терзаетъ это, какъ бы самого виновника своей раны; такъ и Иродъ, мучимый гнѣвомъ и не находя виновниковъ своего гнѣва, обратилъ свою ярость на младенцевъ, ни въ чемъ не повинныхъ предъ нимъ. Онъ послалъ вооруженныхъ, какъ бы на войну, воиновъ, чтобы «избить всѣхъ

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 2, ст. 16.
[2]) Еванг. отъ Іоан., гл. 18, ст. 36.

младенцевъ въ Виѳлеемѣ и во всѣхъ окрестностяхъ его отъ двухъ лѣтъ и ниже, по времени, которое вывѣдалъ отъ волхвовъ»[1]). Иродъ помнилъ указанное волхвами время появленія звѣзды, которая, согласно толкованію святаго Златоуста и святаго Ѳеофилакта, появилась еще до Рождества Христова. Но за сколько именно времени? Если она явилась въ самый часъ Благовѣщенія, то отъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы до Рождества Христова прошло девять мѣсяцевъ. Но волхвы пришли въ Іерусалимъ въ самый день Рождества и поклонились Христу въ Виѳлеемѣ, и инымъ путемъ отошли въ страну свою: поэтому Иродъ не тотчасъ же узналъ, что осмѣянъ ими, но полагалъ сначала, что они, не нашедши искомаго младенца и устыдившись своей ошибки, не посмѣли явиться къ нему и тайно, со стыдомъ, вернулись къ себѣ. Затѣмъ, спустя сорокъ дней, совершилось во храмѣ Соломоновомъ славное событіе: старецъ Симеонъ и Анна пророчица[2]) встрѣтили здѣсь Божественнаго Младенца, принесеннаго Богоматерію въ день очищенія[3]), и засвидѣтельствовали о Христѣ и много явно благовѣствовали о Немъ народу. Слухъ обо всемъ, что произошло во храмѣ во время Срѣтенія Господня, распространился по всему Іерусалиму и достигъ до царя. Тогда Иродъ понялъ, что это и есть воистину искомый Младенецъ и что справедливо было сказанное волхвами о новорожденномъ Царѣ, Котораго они нашли въ Виѳлеемѣ, но не возвратились къ Ироду, презрѣвъ его власть. Беззаконный Иродъ разъярился необычайно. Онъ тотчасъ же сталъ пытаться найти Младенца съ помощью коварства и тайныхъ ухищреній, но не могъ, ибо Іосифъ бѣжалъ съ Нимъ въ Египетъ тотчасъ же послѣ бывшаго ему видѣнія. Старанія Ирода найти Христа продолжались въ теченіе года. Послѣ этого ему по какой-то причинѣ понадобилось отправиться въ Римъ къ Кесарю, и Иродъ былъ въ великомъ смущеніи, что еще не нашелъ искомаго Младенца, ибо боялся, какъ бы въ его отсутствіе не нашелся и не прославился въ народѣ новый царь и не отнялъ бы у него Іудейское царство. Поэтому онъ тотчасъ же рѣшилъ въ умѣ своемъ избить всѣхъ дѣтей виѳлеемскихъ, чтобы погубить, такимъ обра-

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 2, ст. 16.

[2]) Память ихъ празднуется Церковію 3-го февраля.

[3]) По Закону Моисееву (Кн. Лев., гл. 12), женщина—черезъ 40 дней послѣ рожденія младенца, если младенецъ былъ мужскаго пола, и чрезъ 60, если младенецъ былъ женскаго пола—должна была придти въ храмъ къ священнику и принести въ жертву Богу агнца однолѣтняго или двухъ голубей. Этотъ обрядъ назывался *очищеніемъ*.

зомъ, вмѣстѣ съ ними и родившагося Царя. И совершилось это беззаконное дѣтоубійство въ первый годъ по Рождествѣ Христовомъ, 29 декабря; въ этотъ день и принято Церковью праздновать память избіенныхъ младенцевъ. Отъ времени же появленія звѣзды прошло тогда одинъ годъ и девять мѣсяцевъ. А то, что Иродъ избилъ младенцевъ отъ двухъ лѣтъ и ниже, это онъ сдѣлалъ изъ боязни и для большей безопасности. Такъ святый Златоустъ говоритъ: «Не дивись, что Иродъ повелѣлъ избивать младенцевъ отъ двухъ лѣтъ и ниже: ярость и боязнь сошлись въ мучителѣ; поэтому Иродъ сталъ весьма остороженъ и отъ великой боязни обрекъ на убіеніе и болѣе старшій возрастъ». Согласно съ этимъ говоритъ и Евѳимій[1]): «Иродъ полагалъ, что звѣзда не тотчасъ же появилась волхвамъ, но что младенецъ родился задолго до ея появленія. Для большей безопасности онъ и повелѣлъ предварить время на два года».

Побивались младенцы различно: однихъ убивали мечомъ, другихъ разбивали о камни и стѣны, иныхъ бросали оземь и попирали ногами, душили руками, разрывали и раздирали на части, пронзали, разрубали пополамъ. Горько рыдали матери: великій вопль ихъ доходилъ до Небесъ; онѣ рвали на себѣ волосы и одежду и терзали себя, такъ что исполнились слова Пророка Іереміи: **гла́съ въ ра́мѣ слы́шанъ бы́сть, пла́чъ и҆ ры́да́нїе, и҆ во́пль мно́гъ: рахи́ль пла́чꙋ́щисѧ ча́дъ свои́хъ, и҆ не хотѧ́ше ᲂу҆тѣ́шитисѧ, ꙗ҆́кѡ не сꙋ́ть**[2]). Рамой назывался городъ, стоявшій на холмѣ, въ предѣлахъ колѣна Веніаминова. Рахилью же нѣкоторые именовали Виѳлеемъ, ибо въ немъ была погребена Рахиль, супруга патріарха Іакова, мать Веніамина. Отъ гробницы ея и Виѳлеемъ получилъ наименованіе Рахили. Итакъ, когда въ Рахили, т. е. въ Виѳлеемѣ, избивали младенцевъ, то въ городѣ Рамѣ, какъ отстоявшемъ не очень далеко отъ Виѳлеема, были слышны плачъ, рыданіе и великій вопль матерей, плакавшихъ о своихъ убитыхъ чадахъ. Плачъ этотъ отчасти описываютъ два святые Іоанна: Златоустъ и Дамаскинъ. Первый изъ нихъ повѣствуетъ слѣдующее.

«Видя это, матери спрашивали убійцъ:

— За что вы убиваете нашихъ дѣтей? Какую обиду причинили они царю или вамъ?

---

[1]) *Евѳимій Зигабенъ*—византійскій богословъ XII вѣка; написалъ исторію ересей и толкованія на Четвероевангеліе, Псалмы и книгу Пѣснь Пѣсней.

[2]) Кн. Прор. Іерем., гл. 31, ст. 15. Еванг. отъ Матѳ., гл. 2, ст. 18.

И не было никого, кто бы отвѣтилъ, почему совершается это напрасное убійство, не было никого, кто бы утѣшилъ ихъ въ этомъ великомъ горѣ. Онѣ же съ воплями взывали къ воинамъ:

— Пощадите насъ, пощадите! Развѣ у васъ у самихъ нѣтъ матерей? Развѣ вы не вѣдаете любви материнской? Развѣ у васъ нѣтъ женъ? Развѣ не были вы любимы вашими матерями? Неужели вы не страшитесь, что и съ вашими дѣтьми случится то же? Сжальтесь надъ нами! Не лишайте насъ дѣтей нашихъ, но избейте сначала насъ самихъ, ибо мы не въ силахъ перенести смерть нашихъ дѣтей! Пронзайте насъ самихъ! Если наши дѣти причинили вамъ какое-либо зло, то пусть и мы умремъ вмѣстѣ съ ними!

Такъ вопили онѣ въ сердечной тоскѣ и, обезумѣвъ отъ печали, забывши стыдъ, раздирали на себѣ одежды, отъ скорби били себя въ грудь, терзали себѣ лица, рвали волосы и призывали Небеса во свидѣтели, взывая къ Богу:

— О Владыко нашъ, Господи! Что значитъ эта великая жестокость царя? Онъ возстаетъ на Твое твореніе: Ты создалъ, а онъ убиваетъ; Ты далъ намъ дѣтей, а онъ отнимаетъ ихъ у насъ! Зачѣмъ родили мы на свѣтъ мальчиковъ, если наши младенцы должны подвергаться столь жестокой смерти?»

Святый Іоаннъ Дамаскинъ повѣствуетъ объ этомъ плачѣ такъ:

«Матери, претерпѣвшія страданія при рожденіи своихъ дѣтей, сидѣли при трупахъ убитыхъ младенцевъ съ распущенными волосами; воздѣвая руки къ Небу, онѣ рвали на себѣ волосы, посыпали головы пылью, призывали Небеса во свидѣтели и, обливаясь слезами, такъ говорили къ отсутствующему Ироду, какъ бы къ присутствующему:

— Что значитъ это повелѣніе твое, царь, направленное противъ насъ? Развѣ ты не отецъ своихъ дѣтей? Развѣ ты не знаешь, какъ велика любовь родителей къ дѣтямъ? Звѣзда ли оскорбила тебя? Но почему ты тогда не направляешь свои стрѣлы въ небо, а изсушаешь молоко въ нашихъ сосцахъ? Волхвы ли причинили тебѣ зло? Но тогда почему же ты не воюешь съ Персіей, а лишаешь дѣтей Виѳлеемъ? Если родился новый царь и ты узналъ о немъ изъ книгъ, то схвати Гавріила и посади его въ темницу!»

Вскорѣ по избіеніи святыхъ младенцевъ, число коихъ было четырнадцать тысячъ, казнь Божія постигла и самого убійцу, царя Ирода. Жестокъ былъ конецъ его жизни, какъ повѣствуетъ о томъ

святый Ѳеофилактъ: одержимый горячкою и болѣзнью внутренностей, опухолью ногъ, загражденіемъ ноздрей, трясеніемъ всего тѣла и распаденіемъ всѣхъ членовъ, лукавый царь, съѣдаемый червями, въ страшныхъ мученіяхъ испустилъ духъ. Повѣствуется также, что ему недостаточно было избить Виѳлеемскихъ младенцевъ, но еще при самой кончинѣ своей онъ предалъ смерти множество знатнѣйшихъ и славнѣйшихъ гражданъ Іерусалима: такъ онъ казнилъ Гиркана, первосвященника Іудейскаго, а также всѣхъ тѣхъ первосвященниковъ и книжниковъ народныхъ, которыхъ раньше спрашивалъ: «Гдѣ дóлжно родиться Христу?»—и которые отвѣтили ему: «Въ Виѳлеемѣ іудейскомъ».

Всѣхъ онъ впослѣдствіи умертвилъ мечомъ. И это было для нихъ праведнымъ судомъ Божіимъ, такъ что всѣ они вмѣстѣ съ Иродомъ скончались въ жестокихъ мученіяхъ, какъ возвѣстилъ о томъ Ангелъ Іосифу въ Египтѣ:

— Умерли искавшіе души Младенца.

Очевидно, искалъ не одинъ Иродъ, но всѣ совѣтники его, первосвященники и книжники. Поэтому и умеръ не одинъ Иродъ, но и всѣ, искавшіе вмѣстѣ съ нимъ души Младенца. Тотъ былъ умерщвленъ самимъ Богомъ, а эти были избиты Иродомъ. Кому они сочувствовали, отъ того и приняли жестокую кончину. А что всѣ они искали убить Христа и были единодушны съ Иродомъ, это явствуетъ вотъ откуда: когда скончался праведный старецъ Симеонъ Богопріимецъ, свидѣтельствовавшій о Христѣ въ храмѣ и передъ всѣмъ народомъ, то они за это не сподобили его достойнаго погребенія, которое бы приличествовало столь святому мужу, премудрому учителю, прозорливому пророку и уважаемому всѣми старцу. Также предали они смерти и святаго пророка Захарію за то, что онъ поставилъ на мѣстѣ дѣвицъ, гдѣ не подобало стоять замужнимъ женщинамъ, Пречистую Дѣву, вошедшую съ Младенцемъ во храмъ для очищенія. Объ этомъ упоминаютъ Григорій Нисскій, Кириллъ Александрійскій и Андрей Критскій.

Когда увидѣли это книжники и фарисеи, то пришли въ негодованіе; Захарія же противосталъ имъ, удостовѣряя, что сія Матерь и по рождествѣ осталась чистой Дѣвой. Они не повѣрили ему, и тогда святый сказалъ, что природа человѣческая вмѣстѣ со всякимъ созданіемъ подчинена своему Создателю и что въ Его всесильной волѣ устраивать тварь Свою по Своему произволенію и сдѣлать такъ, чтобы Дѣва родила и по рождествѣ пребыла Дѣвою же.

— Посему,—говорилъ онъ,—и сію Матерь я допустилъ на мѣсто дѣвицъ какъ истинную Дѣву.

Книжники разъярились въ сердцахъ своихъ на Захарію, какъ на явнаго законопреступника, и, снѣдаемые завистью, гнѣвались какъ на то, что матерь Младенца была поставлена на мѣстѣ дѣвицъ, такъ и на то, что возглашались такія свидѣтельства о Младенцѣ. Они не утаили своихъ чувствъ передъ Иродомъ, но выказали ему ихъ и немедленно начали искать Младенца, но не нашли Его, потому что Іосифъ тѣмъ временемъ бѣжалъ съ Маріей въ Египетъ. Съ тѣхъ поръ книжники стали сильно гнѣваться на святаго Захарію, а вмѣстѣ съ нимъ и на старца Симеона. Симеонъ вскорѣ скончался, и они не сподобили его достойнаго погребенія. Захарія же впослѣдствіи, по ихъ просьбамъ, былъ осужденъ Иродомъ на смерть. Во время избіенія Виѳлеемскихъ младенцевъ былъ убитъ святый Захарія между церковью и алтаремъ за то, что не отдалъ на убіеніе сына своего Іоанна. Такъ отмстили ему книжники и фарисеи за его свидѣтельство о Пречистой Дѣвѣ и за то, что поставилъ Ее во храмѣ на мѣстѣ дѣвицъ. Вскорѣ и сами они приняли заслуженную казнь отъ руки своего же царя Ирода. Какой мѣрой они мѣрили, такой и было имъ отмѣрено. Отдѣльно отъ нихъ были также усѣчены Иродомъ 70 мудрѣйшихъ мужей, собраніе которыхъ называлось Синедріономъ [1]). Одного только изъ нихъ онъ оставилъ въ живыхъ, но и того повелѣлъ ослѣпить. Были въ то время въ Іерусалимѣ два премудрыхъ, знаменитыхъ и любимыхъ всѣми учителя: Іуда, называемый Аврифеемъ, и Матѳей Гаргулоѳи; ихъ онъ велѣлъ сжечь живыми вмѣстѣ съ нѣкоторыми ихъ друзьями; но еще раньше этого Иродъ свирѣпо возсталъ на свой собственный домъ: казнилъ своего брата Ферора, сестру Саломію и мужа ея, происходившаго изъ колѣна Давидова, свою жену Маріамну—тоже изъ колѣна Давидова [2]), рожденнаго отъ нея сына своего Антипатра, затѣмъ еще двухъ сыновей—Аристовула и Александра и много другихъ предалъ онъ неповинно смерти. Наконецъ, находясь уже при смерти, Иродъ завѣщалъ вѣрнѣйшимъ изъ своихъ

---

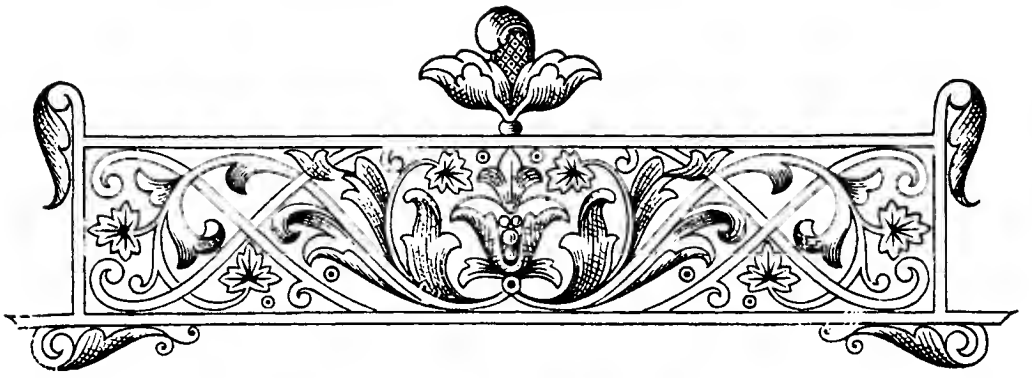
[1]) *Синедріонъ* — верховное судилище іудейское, завѣдовавшее также и государственными дѣлами; оно состояло изъ 70—72 членовъ и собиралось подъ главенствомъ первосвященника.

[2]) Ироду были извѣстны пророчества о рожденіи Мессіи изъ сѣмени Давидова. Поэтому онъ и старался истребить все современное ему потомство Давида, не щадя даже своихъ родственниковъ.

воиновъ относительно прочихъ славныхъ мужей іудейскихъ, которыхъ еще немало осталось у него содержимыхъ въ оковахъ,— чтобы, когда онъ испуститъ духъ, воины немедленно убили всѣхъ этихъ узниковъ: да не возрадуются Іудеи о его смерти, но скорѣе да восплачутся при видѣ столькихъ мужей своихъ убитыми[1]). Такъ погибъ злой злою же смертію, погубивъ многихъ вмѣстѣ съ собою. Онъ вселился во адѣ вмѣстѣ со своими единомышленниками. Святые же младенцы, за Христа избіенные, водворились съ Ангелами на Небесахъ, ибо таковыхъ дѣтей воистину есть Царство Небесное[2]) о Христѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки. Аминь.

[1]) Повелѣніе это, къ счастію, не было исполнено.

[2]) Еванг. отъ Луки, гл. 18, ст. 16.



ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

МАРКЕЛЛА,

игумена Обители Неусыпающихъ

Преподобный Маркеллъ былъ родомъ изъ Сирскаго города Апамеи и происходилъ изъ славнаго и богатаго христіанскаго семейства. Въ юныхъ лѣтахъ лишившись родителей, онъ пошелъ въ великую Антіохію, чтобы обучиться тамъ различнымъ наукамъ, которыми онъ въ скоромъ времени вполнѣ овладѣлъ, и тогда возгорѣлся желаніемъ пріобрѣтенія также и внутренней, духовной мудрости. Для этого Маркеллъ рѣшилъ отправиться въ Ефесъ, гдѣ, какъ онъ слышалъ, было множество мужей, совершенныхъ въ добродѣтели. Выйдя изъ Антіохіи, онъ прежде всего роздалъ нищимъ все богатое отцовское наслѣдіе, которымъ владѣлъ въ Апамеѣ, и, презрѣвъ, такимъ образомъ, все мірское, вскорѣ достигъ Ефеса. Поселившись здѣсь у одного благочестиваго человѣка, онъ началъ подвизаться въ добродѣтели подъ руководствомъ нѣкоего Промота, достигшаго высшаго духовнаго совершенства. И блаженный Маркеллъ получалъ великую духовную пользу, взирая на добродѣтельное житіе его и другихъ святыхъ мужей Ефесскихъ.

Какъ бы сплетая себѣ вѣнецъ изъ различныхъ цвѣтовъ, онъ поучался различнымъ добродѣтелямъ, имѣя передъ собой различные образы Богоугоднаго житія. Живя въ добровольной нищетѣ, онъ трудомъ рукъ своихъ пріобрѣталъ потребное для тѣла. Умѣя красиво писать, онъ всѣ ночи проводилъ въ молитвѣ, а дни — въ

переписыванiи книгъ; эти книги онъ продавалъ по справедливой цѣнѣ и часть денегъ употреблялъ на свои нужды, а остальное раздавалъ нищимъ. Таково было начало его добродѣтельнаго житiя. Услышавъ затѣмъ, что въ Византiи живетъ нѣкiй авва Александръ[1]), премудрый и великiй въ дѣлѣ и словѣ, способный многихъ привести ко спасенiю, Маркеллъ покинулъ Ефесъ и поспѣшилъ къ нему. Въ то время святый Александръ пребывалъ съ братiею своею при церкви святаго Мины[2]); впослѣдствiи же онъ построилъ на морскомъ берегу знаменитый монастырь, въ которомъ ввелъ новый уставъ, повелѣвавшiй днемъ и ночью славить Бога непрестаннымъ псалмопѣнiемъ: братiя пѣли въ церкви, смѣняясь по часамъ. Придя въ Византiю, Маркеллъ познакомился съ однимъ инокомъ этой обители, по имени Iаковомъ, который и привелъ его къ аввѣ Александру. Авва, провидя въ немъ благодать Божiю, облекъ его въ иноческiй чинъ и предсказалъ о Маркеллѣ и Iаковѣ, что они сподобятся многихъ Божественныхъ дарованiй. А именно, говоря о нихъ обоихъ, онъ сказалъ:

— Андрей первый пошелъ во слѣдъ Христа, но Iоаннъ настигъ его.

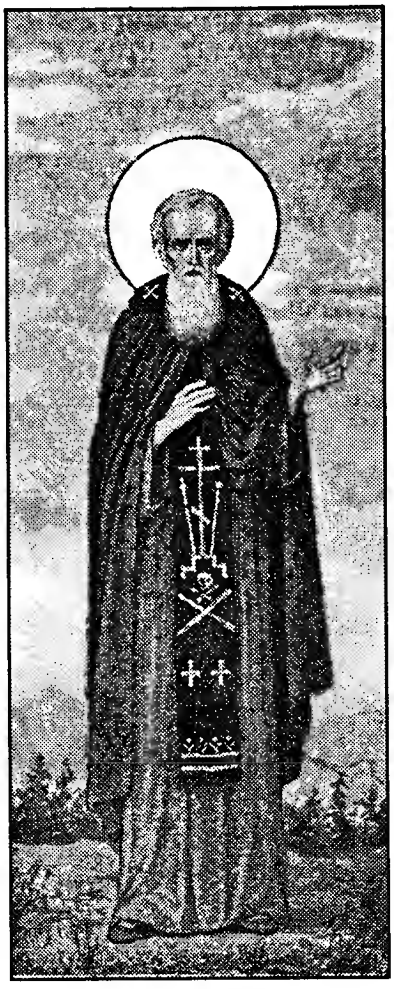
Андреемъ онъ назвалъ Iакова, а Iоанномъ Маркелла, ибо видѣлъ, что оба одинаково горѣли духомъ къ Богу, и, если Iаковъ, подобно Апостолу Андрею, первый взялъ на себя иго Христово, то Маркеллъ, подобно Апостолу Iоанну, превзошелъ его многими дарованiями. А Маркеллъ былъ воистину подобенъ святому Iоанну—дѣвственнику и Богослову—своимъ непорочнымъ дѣвствомъ и Богодухновенной премудростiю. Подвизаясь достаточное время въ этой обители, Маркеллъ стяжалъ даръ прозорливости и, провидя скорую кончину своего учителя, аввы Александра, а также и то, что по преставленiи аввы честь настоятельства будетъ предложена ему, Маркеллъ тайно вышелъ изъ монастыря: будучи еще юнымъ, онъ не захотѣлъ властвовать надъ старыми и имѣть подначальныхъ себѣ, предпочитая самъ находиться подъ началомъ. Онъ началъ обходить окрестныя страны, посѣщая подвизающихся различнымъ образомъ отцовъ и отъ каждаго изъ нихъ получая для себя особую пользу. Тѣмъ временемъ святый Александръ отошелъ ко Господу. Вся братiя единодушно желала имѣть на его

---

[1]) Память его—23-го февраля. *Авва*—съ еврейскаго языка значитъ отецъ; такъ называли на Востокѣ наставниковъ иночества.

[2]) Память св. мученика Минны — 11 ноября.

мѣстѣ Маркелла и скорбѣла, не находя его нигдѣ. Не найдя Маркелла, поставили начальникомъ обители нѣкоего Іоанна, мужа преклонныхъ лѣтъ и благоразумнаго. Узнавъ объ этомъ избраніи, святый Маркеллъ немедленно возвратился въ свою обитель, и вся братія радовалась его возвращенію. Авва Іоаннъ весьма любилъ его, ибо онъ былъ ему весьма полезенъ, какъ бы правая рука его. Спустя нѣкоторое время авва Іоаннъ перенесъ монастырь въ другое, болѣе уединенное мѣсто въ Виѳиніи[1]), противъ города Сосѳенія[2]), называвшееся Иринеумъ, что значитъ, «мирное», ибо это мѣсто, удаленное отъ народной молвы и шума, было воистину мирнымъ прибѣжищемъ для иноковъ. Въ перенесенномъ монастырѣ неизмѣнно сохранился также и его прежній уставъ, данный преподобнымъ Александромъ, и повелѣвавшій братіи посмѣнно днемъ и ночью славословить въ церкви Бога: ради этого устава монастырь и носилъ названіе Обители Неусыпающихъ. Вся постройка на новомъ мѣстѣ и заботы о монастырѣ были поручены Маркеллу — какъ человѣку вѣрному и благоискусному во всякомъ дѣлѣ. Ему же вскорѣ надлежало принять и самое начальство надъ монастыремъ, что̀ и самъ онъ провидѣлъ своими прозорливыми очами и о чемъ также было открыто Богомъ нѣкоторымъ изъ братіи. Игуменъ одного ближняго монастыря—Македоній (не тотъ Македоній, который былъ духоборцемъ, а другой: тотъ былъ изъ числа отверженныхъ[3]), а сей изъ



Прп҃бный
Маркéллъ

[1]) *Виѳинія*—область Малой Азіи, лежащая на берегу Чернаго и Мраморнаго моря, съ главнымъ городомъ Никомидіей.

[2]) *Сосѳеній*—городокъ, расположенный въ окрестности Царьграда.

[3]) Еретикъ Македоній не признавалъ Духа Святаго Богомъ, а считалъ его тварью, не имѣющей участія въ Божествѣ и славѣ Отца и Сына. Ересь Македонія осуждена на II-мъ Вселенскомъ Соборѣ въ 381 году.

числа преподобныхъ), мужъ прозорливый, предсказалъ преподобному Маркеллу, что тотъ не только будетъ пастыремъ словеснаго стада, но что и самое имя его прославится по всей землѣ ради добродѣтельнаго житія его и святости.

«Много эллиновъ и варваровъ,—говорилъ онъ,—наученныхъ имъ, оставятъ отеческое заблужденіе и обратятся къ Богу, и Богъ будетъ прославляемъ чрезъ него.»

Преподобный же Маркеллъ былъ столь смиреннымъ, что не гнушался самъ пасти монастырскихъ ословъ, и братіи едва удалось умолить его, достойнаго стать пастыремъ словеснаго стада,—перестать пасти безсловесныхъ.

Въ скоромъ времени авва Іоаннъ отошелъ ко Господу, и блаженный Маркеллъ былъ поставленъ игуменомъ обители Неусыпающихъ. И былъ онъ весьма милостивъ къ нищимъ, ежедневно питая множество алчущихъ. И Богъ споспѣшествовалъ его доброму служенію: какъ Онъ нѣкогда умножилъ пять хлѣбовъ и двѣ рыбы для пропитанія пяти тысячъ человѣкъ[1]), такъ и въ обители Маркелла малое количество пищи невидимо и чудесно умножалось, такъ что хватало не только для братіи, но и на ежедневное пропитаніе множества нищихъ и странниковъ, какъ о томъ будетъ разсказано далѣе.

Словесное стадо Маркелла увеличивалось, и братія ежедневно прибывали въ числѣ. Для столь большаго числа духовныхъ мужей, собравшихся къ Маркеллу ради его добродѣтелей, потребовалась болѣе пространная ограда, болѣе обширный храмъ для молитвы, бо̀льшіе запасы пищи и другія необходимыя для жизни человѣческой потребности; Маркеллъ же въ то время истощилъ все на пропитаніе нищихъ. Но Богъ, на Котораго преподобный возложилъ все свое упованіе, не оставилъ рабовъ Своихъ, и слѣдующимъ образомъ доставилъ все необходимое.

Былъ нѣкій мужъ, по имени Фаретрій, обладавшій большимъ богатствомъ. Возлюбивъ благочестивую жизнь, онъ пришелъ къ преподобному Маркеллу, приведя съ собою и двухъ сыновей своихъ, еще малыхъ отроковъ, и изъявилъ желаніе стать инокомъ. Онъ даровалъ обители всѣ свои богатства и вскорѣ былъ облеченъ въ иноческій чинъ вмѣстѣ съ обоими сыновьями. На пожертвованное имъ имѣніе была прежде всего выстроена новая, камен-

---

[1]) Еванг. отъ Матѳея, гл. 14, ст. 18—21.

ная церковь, прекрасная и обширная, затѣмъ была перестроена вся ограда монастырская и воздвигнуто множество новыхъ келлій, а ветхія келліи были обновлены. Кромѣ того, была устроена больница, а также страннопріимный домъ, и было закончено постройкой все необходимое. Пища, одежда и прочія потребности были пріобрѣтены для монастыря также на средства, пожертвованныя Фаретріемъ. Такъ Богъ Промыслитель **и҆щꙋщымъ пре́жде цр҃твїѧ бж҃їѧ и҆ пра́вды є҆гѡ̀, сїѧ̑ всѧ̑ приложѝ** [1]).

Слава о преподобномъ Маркеллѣ и объ установленномъ въ его обители непрестанномъ славословіи распространялась повсюду; многіе соревновали этому уставу и вводили его въ своихъ монастыряхъ, испрашивая себѣ наставниковъ у преподобнаго. И какъ рѣки истекали изъ Эдема [2]), такъ изъ обители Маркелла расходились по всѣмъ монастырямъ, расположеннымъ въ разныхъ странахъ и городахъ, уставы и обычаи иноческаго житія и непрестаннаго церковнаго пѣнія. Во всякомъ монастырѣ игуменами были иноки изъ обители Маркелла, и вездѣ соблюдался чинъ Обители Неусыпающихъ, ибо Маркеллъ былъ чиноначальникомъ, архимандритомъ, законодавцемъ и управителемъ всѣхъ монастырей, какіе только были въ той странѣ. И многіе изъ грековъ и варваровъ обратились къ Истинному Богу по наставленіямъ Маркелла согласно пророчеству упомянутаго выше прозорливаго Македонія. Такъ лики земныхъ Ангеловъ, день и ночь славословящихъ Бога, все болѣе и болѣе умножались.

Надлежитъ теперь повѣдать и о чудесахъ преподобнаго Маркелла.

Нѣкіе три епископа были взяты въ плѣнъ варварами; освободившись изъ плѣна, они возвращались домой, но такъ какъ путь ихъ пролегалъ мимо обители преподобнаго Маркелла, то они свернули съ дороги и зашли къ нему. Онъ съ любовію принялъ и упокоилъ ихъ, и когда они собрались въ обратный путь, то пожелалъ дать имъ что-либо на дорогу—какъ людямъ весьма бѣднымъ. Призвавъ эконома, по имени Іуліана, преподобный спросилъ, сколько у него въ хранилищѣ денегъ?

— Десять сребренниковъ [3]),—отвѣчалъ тотъ.

---

[1]) Евянг. отъ Матѳея, гл. 6, ст. 33.

[2]) То есть, изъ рая первыхъ людей. Изъ него вытекали 4 рѣки: Фисонъ, Гихонъ, Тигръ и Евфратъ (см.: Кн. Бытіе, гл. 2, ст. 10—14).

[3]) *Одинъ сребренникъ* (серебряный динарій) равнялся 22 копѣйкамъ.

Тогда Маркеллъ повелѣлъ отдать всѣ деньги тѣмъ тремъ епископамъ, но экономъ пошелъ и далъ каждому только по одному сребреннику, а прочіе удержалъ на нужды монастыря. Духомъ провидя это, святый призвалъ эконома и велѣлъ ему непремѣнно отдать епископамъ и прочіе сребренники. Тогда экономъ далъ имъ еще по два и, истративъ такимъ образомъ девять, все-таки удержалъ десятый; и это онъ сдѣлалъ ради нищихъ, ежедневно приходившихъ въ монастырь. Послѣ сего одинъ благочестивый человѣкъ, побуждаемый духомъ, пришелъ къ преподобному и далъ ему на нужды монастыря девяносто талантовъ[1]) золота. Тогда преподобный Маркеллъ призвалъ эконома Іуліана и съ гнѣвомъ началъ обличать его скупость:

— Вотъ, Богъ хотѣлъ намъ послать рукою сего благочестиваго человѣка сто талантовъ, но такъ какъ ты удержалъ одинъ сребренникъ, преслушавъ мое повелѣніе, то нашъ общій Промыслитель, хотѣвшій воздать намъ сторицею, лишилъ насъ десяти талантовъ.

Пристыженный экономъ упалъ къ его ногамъ, прося прощенія.

Преподобный обладалъ также благодатію подавать исцѣленія болящимъ: онъ исцѣлилъ однимъ прикосновеніемъ монаха Елпидія, имѣвшаго во рту болѣзненную опухоль. Также уврачевалъ онъ своимъ прикосновеніемъ монаха Стефана, страдавшаго сильною желудочною болѣзнію, такъ что никакое лѣченіе не помогало ему и онъ уже отчаялся въ своей жизни: святый исцѣлилъ его, дотронувшись до чрева и хребта его. Когда разболѣлся вышеупомянутый экономъ Іуліанъ и уже былъ близокъ къ смерти, преподобный подалъ ему двойное врачевство—душевное и тѣлесное: онъ сперва научилъ его не преступать повелѣній игумена и не уповать на временное богатство, а полагаться на Бога, равно о всѣхъ заботящагося, и, такимъ образомъ, исправивъ его душу, онъ исцѣлилъ его и отъ тѣлесной болѣзни.

Надлежитъ повѣдать и о еще болѣе чудесномъ событіи. Одинъ еврей страдалъ неизлѣчимою болѣзнью: онъ имѣлъ на тѣлѣ своемъ смрадныя язвы. Когда оказалось тщетнымъ уже все искусство врачей и больной отчаялся въ излѣченіи, тогда онъ прибѣгъ къ преподобному Маркеллу, сему скорому и безкорыстному

---

[1]) *Талантъ* равнялся приблизительно 1500 рублямъ.

цѣлителю — какъ къ своей послѣдней надеждѣ. Преподобный спросилъ еврея о вѣрѣ, и когда узналъ о его злочестіи, то сказалъ, что ему невозможно получить исцѣленіе, если онъ раньше не отступитъ отъ своего нечестія и не приметъ христіанской вѣры. Еврей обѣщался, что тотчасъ же обратится ко Христу, какъ только получитъ исцѣленіе. Преклонившись къ его мольбѣ, старецъ исцѣлилъ своей молитвой болящаго, и исцѣленный немедленно принялъ вѣру христіанскую. Но не прошло еще и четырехъ дней, какъ еврей снова вернулся къ своему нечестію. Возвратилась къ нему также и его прежняя болѣзнь: какъ за вѣрой послѣдовало исцѣленіе, такъ и за отступничествомъ его—прежняя болѣзнь. Принужденный, хотя и противъ воли, снова прибѣгнуть къ святому, онъ опять отрекся отъ своего нечестія, присоединился къ благочестію и преклонялъ на милость незлобиваго отца. Получивъ исцѣленіе въ другой разъ, онъ, по истеченіи немногихъ дней, вновь какъ **свинїѧ̀ въ ка́лъ ти́нный по́йде**[1]),—и опять постигла его еще болѣе жестокая болѣзнь.

Что же сдѣлалъ нечестивецъ? Онъ снова безстыдно прибѣгаетъ къ святому. И такъ повторялось нѣсколько разъ. Наконецъ, преподобный сказалъ ему:

— Знай, человѣче, что не меня ты обманываешь, а Христа, ибо не я исцѣляю тебя, но Христосъ, и ты не можешь утаить передъ Его всевидящимъ окомъ нечестія твоего сердца, почитая Его устами, а сердцемъ далеко отстоя отъ Него[2]),—на словахъ исповѣдуя благочестіе, а на дѣлѣ уклоняясь къ своему прежнему злочестію. Безъ всякаго лукавства обратись всѣмъ сердцемъ ко Христу, и ты тотчасъ же исцѣлишься — и не только тѣломъ, но и душою.

Но нечестивый и несмысленный еврей отвѣтилъ святому:

— Что бы мнѣ ни пришлось терпѣть, никогда не оставлю вѣру отцовъ.

Услышавъ эти слова, преподобный молча ушелъ отъ него, а еврей, немного отойдя отъ обители, внезапно упалъ и сталъ мертвъ — какъ тѣломъ, такъ и душой. Узнавъ объ этомъ, святый отецъ заплакалъ, и сказалъ:

— **Не и҆скꙋсиши гд҃а бг҃а твоегѡ̀**[3]).

---

[1]) 2 Посл. Ап. Петра, гл. 2, ст. 22.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 15, ст. 8.

[3]) Кн. Второзак., гл. 6, ст. 16.

Но продолжимъ наше повѣствованіе объ исцѣленіи вѣрныхъ. Одинъ человѣкъ, по имени Киръ, ставшій впослѣдствіи великимъ въ иноческомъ житіи и многимъ послужившій на пользу и укрѣпленіе, прежде принятія иночества обладалъ большою тѣлесною силою и искусствомъ въ борьбѣ. Неожиданно, попущеніемъ Божіимъ, діаволъ поразилъ его съ ногъ до головы гнойной болѣзнью, какъ нѣкогда Іова, и сгнила на немъ не только вся кожа, но и плоть и жилы, такъ что видны были однѣ обнаженныя кости. Какъ велики были страданія сего человѣка—нельзя даже и описать. И невозможно было ему излѣчиться никакими врачевствами человѣческими, но только Божественными, подателемъ которыхъ и былъ святый Маркеллъ. Когда больной припалъ къ нему, со слезами моля объ исцѣленіи, блаженный тотчасъ же воздѣлъ къ Небу руки и по обычаю сотворилъ усердную молитву о болящемъ. Прикоснувшись затѣмъ рукой къ его язвамъ, онъ сказалъ:

— О добрый человѣкъ! Не подобаетъ этимъ страданіямъ одолѣть тебя, и не приличествуетъ борющемуся съ невидимыми врагами имѣть попеченіе о тѣлѣ. Уповай, и если изберешь Вышняго прибѣжищемъ твоимъ[1]), то удалится эта язва изъ храмины тѣла твоего.

Такъ говорилъ святый, и болѣзнь немедленно оставила того человѣка. Язвы стали покрываться плотью видимо для всѣхъ, подобно тому, какъ описывается сіе въ пророчествѣ Іезекіиля[2]): жилы исправлялись, суставы укрѣплялись и покрывались кожею. И Киръ, сверхъ всякаго ожиданія, быстро выздоровѣлъ. И подавалъ угодникъ Божій по благодати, данной ему отъ Бога, чудесныя исцѣлѣнія не только тѣмъ, до коихъ прикасался своими руками, но даже и далеко отстоявшимъ отъ него.

Супругѣ нѣкоего діакона Евгенія настало время родовъ, но она не могла родить,—и ни врачи, ни повивальныя бабки не могли оказать ей помощи. Уже всѣ отчаялись въ ея жизни, и она лежала безъ сознанія. Тогда мужъ ея, діаконъ Евгеній, припалъ къ стопамъ преподобнаго и со слезами сталъ умолять его о помощи. Преподобный помолился и, благословивъ хлѣбъ, далъ его діакону, чтобы тотъ поскорѣе положилъ на грудь болящей. И какъ только это было исполнено, жена родила младенца и освободилась отъ страданія.

---

[1]) Псаломъ 90, ст. 9.

[2]) Кн. Прор. Іезек., гл. 38, ст. 8.

Придя въ себя, она стала спрашивать:

— Гдѣ инокъ, разрѣшившій мои страданія? Гдѣ освободившій меня отъ смерти?

На вопросъ же, кто тотъ инокъ, о которомъ она говоритъ, и каковъ онъ лицомъ, женщина описала внѣшній обликъ явившагося ей инока, и всѣ узнали, что это былъ преподобный Маркеллъ, который явился ей и избавилъ ее отъ смерти.

Этотъ блаженный отецъ достигъ такого совершенства въ иноческой жизни, что ради непорочности и святости его Ангелы сожительствовали ему. Игуменъ одного монастыря, расположеннаго при рѣкѣ Евфратѣ[1]), Сергій, много слышавъ о преподобномъ, пришелъ, чтобы увидать его, и увидѣлъ несравненно больше того, чѣмъ ему разсказывали о Маркеллѣ. Однажды они стояли вмѣстѣ на молитвѣ, и Сергій увидѣлъ, что, когда преподобный Маркеллъ преклонялъ колѣна, то два свѣтлыхъ Ангела поддерживали его съ обѣихъ сторонъ и поднимали съ земли, лицо же его, во время молитвы, становилось свѣтло, какъ молнія. Увидѣвъ это, Сергій затрепеталъ отъ страха, и душа его едва не покинула тѣло отъ ужаса.

И другимъ великимъ отцамъ Богъ также давалъ откровенія объ угодникѣ Своемъ Маркеллѣ. Елисей, игуменъ Десскаго монастыря, желалъ увидѣть святаго и узнать о его житіи; когда онъ молился объ этомъ Богу, то Господь явилъ ему въ видѣніи Маркелла такимъ, каковъ онъ былъ по своему внѣшнему виду, и открылъ ему высоту его добродѣтелей. Объ этомъ Елисей впослѣдствіи разсказалъ ученику святаго Маркелла—Петру, случайно находившемуся у него.

Гавдіолу, игумену монастыря, расположеннаго въ городѣ Помпеѣ, при морѣ Евксинскомъ[2]), было открыто, что Маркеллу дана отъ Бога благодать, равная съ законодавцемъ Моисеемъ. Гавдіолъ засвидѣтельствовалъ объ этомъ Ѳалассію, ученику Маркелла. Поистинѣ преподобный обладалъ даромъ пророчества, ибо что̀ онъ кому-нибудь прорекалъ, то всегда и сбывалось. Однажды пришелъ къ нему одинъ епископъ, очень скупой. Блаженный попро-

---

[1]) Большая рѣка, впадающая въ Персидскій заливъ, истоки ея находятся въ горахъ Арменіи.

[2]) Теперь—Черное море. Раньше оно называлось Аксинскимъ, т. е. неблагополучнымъ, по причинѣ бурь; когда же берега его стали понемногу заселяться греками, то они прозвали его Евксинскимъ, т. е. гостепріимнымъ.

силъ у него взаймы два златника[1]) для раздачи нищимъ, но епископъ отказалъ ему и не далъ, сказавши, что не имѣетъ самъ. Тогда преподобный пророчески сказалъ ему:

— Вскорѣ не будешь ты имѣть даже и собственнаго тѣла своего, которое будетъ принято могилою, золото же твое достанется монастырской братіи.

Такъ и случилось. Не прошло и двухъ дней, какъ епископъ умеръ, а имущество его было отдано въ обитель преподобнаго, согласно его пророчеству. Преподобный провидѣлъ далеко отстоящее какъ бы находящееся вблизи. Однажды ученики его плыли по Евксинскому морю въ корабляхъ ради какой-то монастырской нужды. Была великая буря, море волновалось, и они уже отчаявались въ своей жизни; въ сіе время преподобный явился имъ и спасъ ихъ, благополучно приведя къ пристани. Когда они были въ городѣ Анкирѣ[2]), одинъ изъ нихъ, по имени Павелъ, сильно разболѣлся, и иноки, бывшіе съ нимъ, уже помышляли оставить его тамъ. Тогда больной, вздохнувъ изъ глубины сердечной, со слезами воскликнулъ:

— Отче Маркелле, гдѣ же твои молитвы? Ты вручилъ меня Богу, а я вотъ погибаю, и что всего прискорбнѣе, погибаю внѣ твоего стада и вдали отъ моихъ братій!

Такъ со слезами говорилъ больной въ городѣ Анкирѣ, и преподобный въ обители услышалъ его плачъ и болѣзнованіе и сказалъ ученику своему Кесарію, что одинъ изъ посланныхъ на службу братій обрѣтается въ скорби и болѣзни. Вставши, онъ помолился о немъ, и Павелъ тотчасъ выздоровѣлъ. Кесарій же замѣтилъ время, и когда братія вернулись, то оказалось, что Павелъ выздоровѣлъ въ Анкирѣ въ тотъ самый часъ, когда святый отецъ, провидя его болѣзнь, молился о немъ.

Однажды Богъ наказалъ землю великимъ голодомъ. Начальникъ житницы монастырской, по имени Малхъ, пришелъ къ преподобному и извѣстилъ, что жито уже приходитъ къ концу и хлѣба едва хватитъ на десять дней.

— Ступай,—отвѣтилъ ему святый,—и исполняй свое послушаніе, ни о чемъ не заботясь.

Полагая, что авва надѣется, что откуда-нибудь издалека будетъ доставленъ въ изобиліи хлѣбъ, Малхъ, по обычаю, продол-

---

[1]) *Златникъ* (золотой динарій) равняется 25 сребренникамъ, т. е. около 5 р. 50 к.

[2]) *Анкира*, нынѣ *Ангора*, древній городъ малоазійской области Галатіи.

жалъ раздавать изъ житницы хлѣбъ не только на потребности братіи, но и убогимъ. Прошло пять дней, въ житницѣ уже совсѣмъ мало оставалось хлѣба, и Малхъ снова пришелъ къ аввѣ, извѣщая объ оскудѣніи жита. Но авва опять, какъ и въ первый разъ, отослалъ его къ своему дѣлу, повелѣвая ему не заботиться объ этомъ. Спустя два дня въ житницѣ ничего больше не осталось, и Малхъ въ смущеніи вернулся къ аввѣ. Преподобный, вставши, пошелъ къ житницѣ и велѣлъ Малху отпереть ее.

Малхъ же съ клятвою увѣрялъ, что не осталось и одного зерна и незачѣмъ отпирать, однако отперъ. И вотъ онъ увидѣлъ житницу, полную всякаго жита, и пришелъ въ ужасъ; преподобный же укорилъ его за невѣріе. И съ того времени житница не оскудѣвала, пока не минулъ голодъ: сколько завѣдующій ею потреблялъ въ одинъ день, настолько же она оказывалась наполненной на слѣдующій. И такимъ образомъ преподобный прокормилъ во время голода не только братію, но и великое множество нищихъ и убогихъ, странниковъ и пришельцевъ. Дивны всѣ эти дѣла Господни, совершенныя угодникомъ Его Маркелломъ, но далѣе слѣдуютъ еще болѣе чудесныя событія.

Нѣкто Павелъ,—не тотъ, о которомъ было говорено выше, но другой, монахъ иной обители,—страдая тяжкою болѣзнью, послалъ къ святому съ мольбою, чтобы тотъ пришелъ къ нему. Дойдя до обители Маркелла, посланный засталъ его бесѣдующимъ о догматахъ церковныхъ съ епископомъ Халкидонскимъ [1]), и святому нельзя было отправиться къ больному прежде, чѣмъ онъ не кончитъ свою бесѣду съ епископомъ о дѣлахъ церковныхъ. Тѣмъ временемъ больной скончался, и когда преподобный пришелъ, то уже всѣ обряды надъ усопшимъ были совершены и его выносили для погребенія. Обладая великою вѣрою, святый отецъ возвелъ къ Небу свои тѣлесныя и духовныя очи, усердно помолился Богу въ тайной клѣти сердца своего, какъ онъ имѣлъ обычай дѣлать, и положилъ руку свою на умершаго. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ мысленно насмѣхались, говоря:

«Что это сей старецъ не вѣритъ смерти лежащаго брата и испытываетъ рукою?»

---

[1]) *Халкидонъ*—городъ Малой Азіи на берегу Мраморнаго моря, прославившійся какъ мѣсто IV-го Вселенскаго Собора.

Когда они такъ думали, а святый касался усопшаго своею рукою, послѣдній внезапно ожилъ, поднялся, сѣлъ на одрѣ и началъ говорить. Всѣ пришли въ ужасъ и трепетъ отъ этого страшнаго чуда, преподобный же запретилъ присутствовавшимъ говорить объ этомъ; но величіе Божіе и столь высокія дарованія Его въ преподобномъ не могли утаиться.

Подобаетъ намъ сказать также о силѣ и власти, какую преподобный Маркеллъ имѣлъ надъ бѣсами. Подобно праху, возметаемому великимъ вѣтромъ, изгонялись бѣсы изъ людей его молитвами. Однажды приведены были къ нему четыре бѣсноватыхъ, жестоко мучимыхъ бѣсами, которые возопили къ святому:

— Повели намъ выйти, ибо ты имѣешь власть надъ нами!

Но святый молчалъ и даже не смотрѣлъ на нихъ, а только про себя молился Богу:

— Господи, помилуй Твое созданіе!

Онъ хорошо зналъ коварство бѣсовъ, хотѣвшихъ вовлечь его въ высокоуміе своими лукавыми словами. И пока святый безмолвствовалъ, бѣсы вышли, побѣжденные его смиреніемъ.

Но кто будетъ въ состояніи подробно повѣдать о чудесахъ преподобнаго отца нашего? Кто измѣритъ Божію благодать, почивавшую на немъ? Кто выразитъ словомъ его великую вѣру, которою могъ онъ творить подобныя дѣла? Не достанетъ времени для повѣствованія о всемъ. Вотъ одно изъ его безчисленныхъ чудесъ, достаточное для пользы нашей и для прославленія дивнаго во святыхъ Своихъ Бога. Однажды въ Византіи произошелъ великій пожаръ, и весь городъ былъ объятъ пламенемъ, казнимый Богомъ за грѣхи своихъ жителей. Не было никакой возможности угасить неукротимую силу огня, поядавшаго все сильнымъ вихремъ и обращавшаго все въ пепелъ. Уже не было надежды, чтобы хотя одинъ домъ уцѣлѣлъ отъ пожара, ибо весь городъ былъ кругомъ объятъ пламенемъ. Узнавъ объ этомъ, преподобный Маркеллъ сталъ на молитву, воздѣвъ руки къ Небу и проливая слезы изъ очей. И вотъ огонь немедленно остановился и не пошелъ дальше, и половина города спаслась: ибо вся огненная сила внезапно угасилась, какъ бы великимъ дождемъ, каплями слезъ преподобнаго.

Послѣ того случилось еще слѣдующее. Одинъ вельможа, по имени Ардавурій, сынъ Аспара, жестокій нравомъ и аріанинъ по вѣрѣ, разгнѣвался на одного изъ своихъ подчиненныхъ, именемъ Іоанна,

и хотѣлъ убить его. Не имѣя мѣста, гдѣ скрыться, Іоаннъ бѣжалъ въ обитель преподобнаго Маркелла. Ардавурій узналъ объ этомъ и послалъ рабовъ, чтобы взять его оттуда, но преподобный не выдалъ его. Вельможа снова послалъ рабовъ къ Маркеллу съ просьбой, а вмѣстѣ и съ угрозой немедленно отдать Іоанна, но преподобный и этихъ отпустилъ ни съ чѣмъ. Тогда разгнѣванный Ардавурій послалъ вооруженныхъ воиновъ, чтобы они силою извлекли Іоанна изъ монастыря и убили мечомъ тѣхъ, кто станетъ сопротивляться. И вотъ, когда воины съ обнаженнымъ оружіемъ обступили кругомъ обители и намѣревались овладѣть оградой, братія пришли къ святому и съ плачемъ умоляли его выдать Іоанна воинамъ, дабы изъ-за него и они не погибли неповинно. Но преподобный не послушалъ братіи (ибо былъ весьма милосердъ и не хотѣлъ выдать на смерть человѣка неповиннаго) и обратился къ оружію духовному — къ силѣ Честнáго Креста, оградившись которымъ онъ самъ вышелъ навстрѣчу воинамъ. И тотчасъ же великій страхъ напалъ на всѣхъ воиновъ: они узрѣли Крестъ, сіявшій какъ солнце, а вокругъ него — великое пламя, молніи и громы. Побросавши оружіе, они въ ужасѣ бѣжали къ пославшему ихъ. Услыхавъ объ этомъ, Ардавурій и самъ пришелъ въ ужасъ и, укротивъ свой гнѣвъ, простилъ Іоанна.

Такъ какъ здѣсь было упомянуто объ Ардавуріи и объ отцѣ его Аспарѣ, то не лишнимъ будетъ повѣдать и объ ихъ кончинѣ, о коей было открыто преподобному. Аспаръ, происходившій изъ Готскаго [1]) племени, былъ первымъ послѣ царя по знатности и по могуществу и начальствовалъ надо всѣмъ греческимъ воинствомъ. У него было два сына: старшій — Ардавурій и младшій — Патрикій. Онъ во многомъ старался противодѣйствовать царю и со всѣмъ своимъ домомъ тайно враждовалъ противъ царскаго рода; Аспаръ причинялъ много зла Церкви Христовой тѣмъ, что помогалъ аріанамъ. Благочестивый же и Христолюбивый царь Левъ [2]), названный Великимъ, былъ кротокъ и богобоязненъ и терпѣлъ его до времени — отчасти по незлобію, отчасти же потому, что вся сила греческаго воинства, среди котораго было тогда

---

[1]) *Готѳы,* или *готы,*—германское племя, жившее первоначально къ юго-востоку отъ Балтійскаго моря. Впослѣдствіи они раздѣлились на восточныхъ и западныхъ и разселились почти по всей Европѣ. Готы приняли Христову вѣру, но въ искаженномъ видѣ—отъ аріанъ.

[2]) Царствовалъ съ 457 по 474 годъ.

множество аріанъ, была привержена къ дому Аспара и повиновалась ему: этому злочестивому дому суждено было вскорѣ погибнуть. Преподобный Маркеллъ имѣлъ о немъ во снѣ слѣдующее видѣніе: Левъ боролся со зміемъ, который, будучи безмѣрной величины, билъ его хвостомъ и одолѣвалъ. Побѣждаемый левъ скорбѣлъ и тщетно обходилъ вокругъ змія, не будучи въ состояніи причинить ему какой-либо вредъ. Затѣмъ оба—и левъ, и змій—легли отдохнуть, утомленные борьбой. Спустя немного времени левъ отдохнулъ и, собравшись съ силами, внезапно, какъ бы пробудившись отъ сна, устремился на змія съ великою яростью и побѣдилъ его, ударивъ о землю. Узрѣвъ это въ видѣніи, авва Маркеллъ предрекъ, что Аспаръ погибнетъ отъ царя со всѣмъ своимъ домомъ, ибо видѣнный левъ прообразовалъ царя Льва, великій же змій—Аспара, который былъ воистину зміемъ, уязвляющимъ Православіе и наносящимъ ему вредъ своимъ аріанскимъ злочестіемъ. Въ скоромъ времени видѣніе и предсказаніе святаго сбылись. Благочестивый царь Левъ пожелалъ своею милостью и благостью примирить съ собою Аспара и сыновей его и изъ враговъ сдѣлать ихъ себѣ друзьями, а также старался привести ихъ къ благочестію. Поэтому онъ обручилъ дочь свою Аріадну младшему сыну Аспара Патрикію, котораго и хотѣлъ оставить по себѣ царемъ, ибо не имѣлъ сына и намѣревался возвести на престолъ своего зятя. Но тогда въ благочестивомъ народѣ поднялся ропотъ: всѣ устрашились, что Церковь Христова будетъ до конца унижена навѣтами и злобою аріанъ, ибо зять царя былъ аріаниномъ. Всѣ православные, собравшись вмѣстѣ съ епископами и священниками и взявъ съ собою святаго старца Маркелла, пошли къ царю на ипподромъ[1]) и сказали ему, чтобы онъ не возводилъ на царскій престолъ еретика, но чтобы зять царя или отрекся отъ аріанской ереси, или же, если хочетъ непремѣнно пребывать въ ней, не принималъ царскаго достоинства.

Успокаивая народъ, царь Левъ всячески обѣщалъ привести зятя къ Православію. И хотя зять, хотя и изъ лукавства, присоединился къ истинной вѣрѣ, однако ропотъ въ народѣ не умолкалъ. Въ это время обнаружились козни Аспара и злоба его,—открылось, что онъ не только стремился къ царскому вѣнцу, но и искалъ вмѣстѣ со своими сыновьями главы царя и намѣре-

[1]) *Ипподромъ*—мѣсто, гдѣ происходятъ конскія состязанія; оно служило также для всѣхъ многолюдныхъ собраній.

вался убить его. Тогда весь народъ возсталъ противъ дома Аспарова, не вынося его коварства, и всячески пытался погубить его. Но Аспаръ, убоявшись, бѣжалъ съ сыновьями своими въ Халкидонъ и заперся въ церкви мученицы Евѳиміи [1]), причемъ множество воиновъ стояло вокругъ церкви и охраняло его безопасность. Но послѣ примирительныхъ рѣчей царя онъ вышелъ оттуда и возвратился снова въ Царьградъ. Вскорѣ затѣмъ и самъ Аспаръ, и сынъ его Ардавурій были убиты Зинономъ по приказу царя; зять же царевъ, Патрикій, былъ сосланъ въ заточеніе, а обрученная ему царевна Аріадна была выдана замужъ за Зинона, пріявшаго, впослѣдствіи, по смерти царя Льва и Греческое царство [2]). Такъ погибъ нечестивый родъ Аспаровъ, побѣжденный Львомъ—по пророчеству святаго.

Но возвратимся опять къ преподобному Маркеллу. Когда народъ со святителями и съ пресвитерами, а также и съ преподобнымъ Маркелломъ шелъ къ царю Льву на ипподромъ, то многіе изъ вѣрующихъ удостоились видѣть, какъ Ангелъ Божій въ образѣ прекраснаго юноши, облеченнаго въ бѣлую одежду и препоясаннаго золотымъ поясомъ, сопровождалъ святаго Маркелла и поддерживалъ его подъ руку; видѣли же это во все то время, когда онъ шелъ съ народомъ и когда возвращался назадъ, вплоть до дверей своего жилища. Доведя его до дверей, Ангелъ сталъ невидимъ. Отсюда явствуетъ, сколь любимъ былъ Богомъ блаженный отецъ нашъ Маркеллъ, ибо Онъ посылалъ Ангеловъ Своихъ для служенія Маркеллу, чтобы водить и охранять его въ пути. И сбывались на немъ слова Писанія:

«А҆́гг҃лѡмъ свои҆́мъ заповѣ́сть ѡ҆ тебѣ̀, сохрани́ти тѧ̀ во всѣ́хъ пꙋте́хъ твои́хъ, на рꙋка́хъ во́змꙋтъ тѧ̀, да не когда̀ преткне́ши ѡ҆ ка́мень но́гꙋ твою̀» [3]).

Шестьдесятъ лѣтъ проживъ въ иноческомъ подвигѣ, преподобный Маркеллъ приблизился наконецъ къ блаженной кончинѣ своей. И сравнялся онъ съ пророками—прозорливостью, съ патріархами—вѣрою и несомнѣннымъ упованіемъ на Бога, съ мучениками—повседневнымъ умерщвленіемъ тѣла; онъ уподоблялся Боговидѣніемъ Пророку Моисею, которому былъ равенъ и благодатію, кротостью—Давиду, ревностью въ вѣрѣ—Апостолу Петру,

---

[1]) Память ея—16 сентября.

[2]) *Зинонъ* царствовалъ съ 474 по 476 годъ.

[3]) Псаломъ 90, ст. 11.

дѣвствомъ и Богословіемъ—Іоанну, благодатію же исцѣленій—всѣмъ апостоламъ, ибо онъ былъ для всѣхъ источникомъ исцѣленій и рѣкою чудесныхъ благотвореній. Когда преподобный лежалъ на одрѣ болѣзни, множество иноковъ со слезами окружали его. Въ числѣ ихъ былъ нѣкто, именемъ Лукіанъ, знатнаго происхожденія, презрѣвшій все мірское, вступившій на путь иночества и болѣе иныхъ преуспѣвшій въ добродѣтельномъ житіи; плача сильнѣе другихъ, онъ молилъ святаго, чтобы тотъ не оставлялъ его безъ своего руководства, какъ безъ кормчаго, бѣдствовать въ морѣ здѣшней жизни, посреди волнъ искушеній, но взялъ бы его съ собою. Воззрѣвъ на него, преподобный сказалъ:

— Дерзай, чадо, ибо вскорѣ послѣ моего отшествія и ты пойдешь вслѣдъ за мною.

Изъ окрестныхъ монастырей собрались игумены и братія, а изъ царскаго града пришли святители и вельможи посѣтить болящаго и дать ему послѣднее цѣлованіе. Преподобный же подавалъ каждому надлежащее наставленіе и много бесѣдовалъ съ ними о пользѣ души и о вѣчной жизни. Затѣмъ онъ велѣлъ имъ на время отойти отъ себя, какъ бы показывая этимъ, что желаетъ немного уснуть. Когда же всѣ отошли, онъ уснулъ блаженнымъ и вѣчнопокойнымъ сномъ, предавъ въ руки Божіи свою святую душу [1]). Погребли его въ церкви, построенной имъ же самимъ. Блаженный же Лукіанъ неотступно плакалъ на его гробѣ, и вотъ въ пятый день явился ему въ видѣніи преподобный и сказалъ:

— Что ты скорбишь? Развѣ не вѣришь, что я умолилъ о тебѣ Бога и ты немедленно же будешь со мною?

На третій день послѣ сего видѣнія Лукіанъ почилъ о Господѣ, переживъ своего отца и наставника на восемь дней. Такъ и по преставленіи своемъ исполнилъ преподобный Маркеллъ свое пророчество, скоро взявши къ себѣ, согласно обѣщанію, любимаго ученика своего Лукіана, и предсталъ со святыми, съ коими сравнялся добродѣтельною жизнію, Святѣйшему всѣхъ святыхъ Владыкѣ своему, въ вѣчной радости и веселіи, коихъ и мы да сподобимся его молитвами, благодатію же Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки. Аминь.

---

[1]) Преподобный Маркеллъ скончался около 486 года.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНЫХЪ

МАРКА ПЕЩЕРНИКА и ѲЕОФИЛА ПЛАЧЛИВАГО

Во времени, когда подвизался блаженный Маркъ, лучше всего свидѣтельствуетъ то событіе, что при немъ были перенесены изъ пещеры во святую Великую церковь честныя мощи преподобнаго отца нашего Ѳеодосія[1]). По принятіи святаго ангельскаго образа блаженный Маркъ поселился въ пещерѣ и жилъ въ ней, занимаясь тѣмъ, что выкапывалъ руками своими много помѣщеній, не только для упражненія въ молитвѣ[2]), но и для погребенія усопшихъ братій, причемъ вырытую землю выносилъ на своихъ плечахъ. Такъ трудился онъ непрестанно въ семъ богоугодномъ дѣлѣ, ожидая великой награды на Небесахъ, но не желая получать ее на землѣ; ибо когда кто-нибудь принуждалъ его взять какую-либо вещь за его трудъ, то онъ тотчасъ же отдавалъ полученное бѣднымъ. Кромѣ того, блаженный опоясался желѣзнымъ поясомъ, который и носилъ въ теченіе всей своей жизни, день и ночь проводя въ молитвѣ. Вмѣстѣ съ непрестанной молитвой блаженный Маркъ соединялъ и строгій постъ, такъ какъ и Самъ Господь сочеталъ постъ съ молитвой[3]); поэтому преподобный даже воду пилъ умѣренно изъ мѣднаго креста, который внутри былъ пустымъ, измѣряя ее этой праведной мѣрой. Такимъ образомъ онъ окончательно побѣдилъ исконнаго врага рода человѣческаго «похотствующаго на духъ»[4]), умертвилъ плоть свою — и не только заключеніемъ, но и трудомъ и оковами, воздержаніемъ отъ сна и голодомъ, не только безмолвіемъ въ темной пещерѣ, но и копаніемъ земли, и желѣзнымъ опоясаніемъ, бдѣніемъ и постомъ. Пребывая въ ангельскомъ образѣ, святый и на дѣлѣ явилъ себя какъ бы безплотнымъ, такъ что не боялся смерти, а скорѣе смерть боялась его гласа, какъ трубы архангельской, ибо преподобный отецъ нашъ Маркъ получилъ отъ Господа такую

---

[1]) Это было въ 1091 году, когда мощи пр. Ѳеодосія были перенесены изъ пещеры въ церковь Успенія Богородицы. Православная Церковь празднуетъ сіе событіе 14 августа.

[2]) У иноковъ Кіево-Печерскаго монастыря былъ обычай удаляться въ пещеры для уединенной молитвы. Для этого вырывали въ стѣнахъ пещеръ углубленія, которыя и доселѣ можно видѣть въ пещерахъ.

[3]) Какъ это можно видѣть изъ словъ Господа Іисуса Христа объ изгнаніи бѣсовъ: «сей родъ не исходитъ, токмѡ молитвою и постомъ» (Еванг. отъ Матѳ., гл. 17, ст. 21).

[4]) Т. е. всегда желающаго противнаго духу (Послан. къ Гал., гл. 5, ст. 17).

силу чудотворенія, что и мертвые слушались его повелѣнія, какъ это и было засвидѣтельствовано многочисленными чудесами.

Однажды, когда онъ по обычаю рылъ могилу, то изнемогъ послѣ долгаго труда и оставилъ ее тѣсной и недостаточно расширенной. Случилось же такъ, что одинъ инокъ, болѣвшій передъ тѣмъ, умеръ, и не было для погребенія его другого мѣста, кромѣ того, которое вырылъ Маркъ. Мертваго принесли въ пещеру и съ трудомъ могли уложить въ тѣсную могилу. Тогда братія стали роптать на Марка, что изъ-за тѣсноты могилы они не могли какъ дòлжно положить покойнаго и возлить на него елей. Пещерникъ же со смиреніемъ кланялся имъ и говорилъ:

— Простите меня, отцы, по немощи моей не докончилъ я могилы.

Но они еще сильнѣе продолжали упрекать и укорять его. Тогда блаженный сказалъ мертвому:

— Братъ, такъ какъ мѣсто тѣсно, то самъ подвинься и, принявши елей, возлей на себя.

Мертвый тотчасъ протянулъ руку и, немного приподнявшись, принялъ елей, возлилъ его крестообразно на лицо и грудь себѣ и снова возвратилъ сосудъ, а самъ, на глазахъ у всѣхъ, возлегъ, оправилъ себя и почилъ.

При видѣ такого поразительнаго чуда всѣхъ объялъ сильный страхъ и трепетъ.

Въ другой разъ случилось, что одинъ братъ скончался послѣ долгой болѣзни. Одинъ изъ его друзей обтеръ его по обычаю губкою, а потомъ пошелъ въ пещеру, желая видѣть мѣсто, гдѣ будетъ положено тѣло его любимаго друга, и спросилъ объ этомъ блаженнаго пещерника Марка.

Блаженный же отвѣтилъ ему:

— Пойди скажи брату, чтобы онъ подождалъ до утра слѣдующаго дня, пока я выкопаю для него могилу, и тогда онъ отойдетъ въ покой вѣчной жизни.

— Отче,—отвѣтилъ пещернику братъ,—я уже обтеръ губкою его мертвое тѣло; кому же ты велишь мнѣ сказать это?

— Ты видишь, что мѣсто еще не готово,—снова сказалъ ему Маркъ,—и я говорю тебѣ: пойди скажи умершему: «Такъ говоритъ тебѣ грѣшный Маркъ: братъ, побудь здѣсь еще этотъ день, пока я приготовлю для тебя могилу, и тогда возвѣщу тебѣ, и завтра ты отойдешь къ желанному тобой Христу».

Братъ повиновался и, придя въ монастырь, засталъ всю братію совершающей обычное пѣніе надъ умершимъ. Тогда онъ сказалъ умершему:

— Братъ! Маркъ говоритъ, что могила еще не готова для тебя; подожди поэтому здѣсь до завтра.

Едва онъ произнесъ эти слова къ удивленію всѣхъ, какъ мертвый немедленно открылъ глаза, и душа его вернулась въ него. И пробылъ онъ тотъ день и слѣдующую ночь живымъ, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, но только взирая открытыми глазами. А утромъ тотъ же братъ снова пошелъ въ пещеру узнать, приготовлено ли мѣсто. Святый Маркъ сказалъ ему:

— Пойди скажи ожившему: говоритъ тебѣ Маркъ: «Оставь эту временную жизнь и перейди въ вѣчную; отдай духъ твой Богу, тѣло же твое пусть будетъ положено здѣсь въ пещерѣ со святыми отцами. Ибо вотъ уже могила готова для тебя».

Братъ, вернувшись, передалъ все это ожившему; тотъ немедленно смежилъ свои очи, предалъ духъ свой въ руцѣ Божіи, и былъ съ честью положенъ въ пещерѣ въ приготовленной могилѣ. И всѣ изумлялись сему преславному чуду—какъ мертвый ожилъ по слову блаженнаго и снова умеръ по его же слову — и усердно прославили Бога.

Въ другой разъ случилось слѣдующее. Были въ томъ же Кіево-Печерскомъ монастырѣ два брата—Іоаннъ и Ѳеофилъ, имѣвшіе другъ къ другу самую сердечную любовь; отъ дней юности своей они были во всемъ единомысленны и съ одинаковой ревностію служили Богу. Они упросили блаженнаго Марка вырыть общую могилу для погребенія ихъ, когда повелитъ имъ Господь умереть. Спустя долгое время старшій братъ Ѳеофилъ отлучился куда-то по нуждамъ монастыря, а младшій — Іоаннъ, угодивши Богу, заболѣлъ, умеръ и былъ положенъ въ пещерѣ въ приготовленномъ мѣстѣ. Черезъ нѣсколько дней Ѳеофилъ возвратился и, узнавъ о смерти брата, сильно скорбѣлъ. Взявъ съ собой нѣкоторыхъ изъ братій, онъ пошелъ въ пещеру, желая увидать, на какомъ мѣстѣ положенъ усопшій. Увидавъ же, что онъ положенъ въ ихъ общей могилѣ на верхнемъ мѣстѣ, Ѳеофилъ пришелъ въ негодованіе и сталъ сильно роптать на Марка, говоря:

— Зачѣмъ ты положилъ брата на моемъ мѣстѣ, ибо я старше его!

Смиренный же пещерникъ кланялся ему и говорилъ:

— Прости меня, братъ, я согрѣшилъ.

Затѣмъ, обратившись къ умершему, сказалъ:

— Братъ, встань и уступи это мѣсто твоему старшему брату, самъ же лягъ на нижнемъ.

И тотчасъ по слову блаженнаго мертвый всталъ и легъ на нижнемъ мѣстѣ. Всѣ, пришедшіе съ Ѳеофиломъ, видѣли это чудо и пришли въ сильный страхъ и ужасъ. Братъ же, роптавшій на блаженнаго Марка, упалъ къ ногамъ его, прося прощенія:

— Согрѣшилъ я, отче, заставивъ брата сдвинуться съ мѣста,— говорилъ онъ,—молю тебя: повели ему снова лечь на прежнемъ мѣстѣ.

Но блаженный отвѣтилъ ему:

— Самъ Господь устроилъ такъ, что тѣло сего умершаго показало, какую любовь онъ и по смерти сохранилъ къ тебѣ, подчиняясь твоему старшинству и удаляясь изъ верхней части приготовленной для васъ обоихъ общей могилы. Господь устроилъ такъ, чтобы прекратить вражду, возникшую между нами изъ-за твоего ропота, и чтобы ты не имѣлъ злобы и вражды ко мнѣ. Воскрешать же мертвыхъ—дѣло Божіе; а я человѣкъ грѣшный, и поэтому не могу сказать сему умершему: возстань и лягъ снова на верхнемъ мѣстѣ. Повели ему ты: не послушаетъ ли онъ тебя? Знай также и то, что надлежало тебѣ уже больше не выйти изъ пещеры, чтобы немедленно наслѣдовать свое старшинство и сейчасъ же быть положеннымъ здѣсь. Но такъ какъ ты еще не готовъ для исхода, то пойди позаботься о спасеніи твоей души и, спустя нѣсколько дней, будешь принесенъ сюда.

Услыша это, Ѳеофилъ сталъ сильно скорбѣть, полагая, что тутъ же упадетъ и умретъ, и даже не надѣялся дойти до монастыря. Съ трудомъ придя въ себя, онъ вернулся въ свою келлію и предался неутѣшному плачу. Онъ роздалъ всѣ свои вещи, оставивъ себѣ только рубашку и мантію. Каждый день ожидалъ онъ смертнаго часа, и никто не могъ удержать его отъ горькаго плача; хотѣвшіе же утѣшить повергали его въ еще бо́льшія рыданія. И никогда не могли принудить его отвѣдать вкусной пищи: слезы его день и ночь служили ему хлѣбомъ[1]). Когда наступалъ день, онъ омывалъ лицо свое слезами и говорилъ:

— Не знаю, доживу ли до вечера.

Когда же наступала ночь, онъ снова омрачалъ слезами свѣтъ очей своихъ, говоря:

[1]) Псаломъ 41, ст. 4.

— Кто знаетъ, доживу ли до утра! Многіе, возставши утромъ отъ сна, не достигли вечера или другого сна, кромѣ смерти; и многіе, уснувши, не вставали со своего ложа. Какъ же могу надѣяться остаться въ живыхъ я, получившій извѣщеніе, что мнѣ скоро предстоитъ скончаться?

И непрестанно плача и постясь, онъ молился, да подастъ ему Господь, по неизмѣримой щедрости Своей, время покаянія. Поступая такъ въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ въ такой степени изнурилъ свою плоть, что можно было сосчитать его кости, и отъ многихъ слезъ лишился зрѣнія.

Преподобный же отецъ нашъ Маркъ, провидѣвъ часъ отшествія своего ко Господу, призвалъ Ѳеофила и сказалъ ему:

— Прости мнѣ, братъ, что я причинилъ тебѣ такую тяжкую печаль и моли Бога о мнѣ, ибо вотъ я уже ухожу изъ сего міра. Если же буду имѣть дерзновеніе, не забуду молить о тебѣ Господа, чтобы Онъ сподобилъ насъ обоихъ узрѣть Его пресвятое Лице, увидѣть тамъ другъ друга и пребывать вмѣстѣ съ преподобными отцами нашими, Антоніемъ и Ѳеодосіемъ Печерскими.

Ѳеофилъ же со слезами отвѣтилъ ему:

— Зачѣмъ ты покидаешь меня, отче? Или возьми меня съ собою, или подай мнѣ здѣсь прозрѣніе. Знаю, что по грѣхамъ моимъ я палъ бы мертвымъ въ пещерѣ передъ тобою, когда ты воскресилъ умершаго брата моего; но, ради святыхъ молитвъ твоихъ, Господь пощадилъ меня, ожидая моего покаянія. И нынѣ ты можешь даровать мнѣ то, о чемъ молю тебя: чтобы мнѣ или отойти съ тобою ко Господу, или прозрѣть.

— Не скорби, братъ,—отвѣтилъ ему преподобный Маркъ,— что ты ослѣпъ тѣлесными очами Господа ради, ибо духовными очами ты прозрѣлъ и имѣешь истинный разумъ, и я считаю за благо быть виновникомъ твоего ослѣпленія: я предрекъ тебѣ смерть, желая полезнаго для души твоей и желая привести въ смиреніе твое плотское высокоуміе, ибо **сердца сокрушенна и смиренна** (а не хвалящагося старшинствомъ) **бгъ не уничижитъ**[1]). Поэтому нѣтъ тебѣ нужды видѣть сей кратковременный свѣтъ, но проси у Господа, чтобы узрѣть тебѣ славу Его въ присносущномъ свѣтѣ. И не желай смерти: она наступитъ, хотя бы и противъ твоего желанія. Но да будетъ тебѣ сіе знаменіемъ твоего отшествія: за три дня до твоей кончины исцѣлится твоя слѣпота, и ты зрячимъ

[1]) Псаломъ 50, ст. 19.

отойдешь ко Господу и узришь тамъ нескончаемый свѣтъ и неизреченную славу.

Оставивъ такое пророчество о кончинѣ Ѳеофила, преподобный отецъ нашъ Маркъ и самъ окончилъ о Господѣ свою временную жизнь на землѣ и перешелъ въ жизнь вѣчную на Небесахъ, съ Самимъ Первоначальникомъ воскресенія[1]) Іисусомъ и со всѣми святыми пророками, какъ повелѣвавшій мертвыми и пророчествовавшій. Чудотворныя мощи его положены въ пещерѣ, гдѣ онъ самъ ископалъ себѣ могилу, и подаютъ неоскудѣвающія исцѣленія всѣмъ, съ вѣрою притекающимъ къ его честнóй ракѣ; тутъ же лежатъ и желѣзныя вериги, которыя носилъ на себѣ преподобный, и мѣдный крестъ, изъ котораго онъ пилъ воду и который онъ столь освятилъ своими устами, что сообщилъ ему чудотворную силу. Ибо кто только съ вѣрою и постясь приходитъ и пьетъ святую воду изъ этого честнáго креста,—всѣ получаютъ чудесное исцѣленіе вѣрнѣе, чѣмъ отъ какихъ-либо врачебныхъ водъ.

Блаженный же Ѳеофилъ удвоилъ свои рыданія, горько плача и о разлукѣ съ отцомъ и наставникомъ своимъ, преподобнымъ Маркомъ, и о своей кончинѣ, которую ожидалъ каждый день. Вспоминая пророчество пещерника, онъ проливалъ источники слезъ, но онѣ у него отъ этого только умножались. Былъ у блаженнаго Ѳеофила такой обычай: когда онъ упражнялся въ молитвѣ и у него текли обильныя слезы, то онъ подставлялъ сосудъ, надъ которымъ и плакалъ, и за много лѣтъ онъ наполнилъ его слезами доверху. Вскорѣ снова вернулось къ нему зрѣніе, согласно обѣщанію преподобнаго Марка. Тогда Ѳеофилъ уразумѣлъ, что близка его кончина. Посему онъ началъ усердно молиться Богу, чтобы угодны были Ему его слезы, и, воздѣвая руки къ Небу, говорилъ такъ:

— Владыко человѣколюбче, Господи Іисусе Христе, Боже мой! Не хотящій смерти грѣшниковъ, но ожидающій обращенія ихъ, вѣдущій немощи наши, Царь пресвятый, Утѣшитель благій, здравіе болящихъ, спасеніе грѣшныхъ, укрѣпленіе изнемогающихъ, возстаніе падающихъ, молюся Тебѣ въ часъ сей! Удиви на мнѣ недостойномъ милость Твою, пріими изліяніе горькихъ слезъ моихъ! Излей на меня неисчерпаемую пучину благоутробія Твоего и содѣлай такъ, чтобы не подвергнуться мнѣ искушенію въ воз-

---

[1]) Т. е. положившимъ начало воскресенія, первымъ воскресшимъ.

душныхъ мытарствахъ[1]) и не подпасть подъ власть князя тьмы ради молитвъ великихъ угодниковъ Твоихъ, преподобныхъ отцовъ нашихъ, Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ и всѣхъ святыхъ отъ вѣка Тебѣ благоугодившихъ.

Когда произнесъ блаженный Ѳеофилъ сію молитву, Ангелъ Господень предсталъ ему во образѣ прекраснаго юноши и сказалъ:

— Хорошо молишься ты, Ѳеофилъ, но зачѣмъ превозносишься количествомъ собранныхъ тобою слезъ?

И Ангелъ показалъ ему свой сосудъ, гораздо бо́льшій сосуда Ѳеофила, исполненный благоуханія, какъ бы отъ многоцѣннаго мѵ́ра.

— Вотъ слезы твои,—сказалъ при этомъ Ангелъ,—которыя ты излилъ отъ сердца въ молитвахъ къ Богу и отеръ рукой, или полотенцемъ, или одеждой, или же которыя упали изъ глазъ твоихъ на землю. Я собралъ ихъ всѣ въ этотъ сосудъ и сохранилъ по повелѣнію Владыки и Творца моего. И нынѣ я посланъ возвѣстить тебѣ радость, дабы ты съ веселіемъ отошелъ къ Сказавшему: бл҃же́ни пла́чꙋщїи, ꙗ҆́кѡ тїи ᲂу҆тѣ́шатсѧ[2]).

Произнесши это и оставивши на мѣстѣ сосудъ, Ангелъ сталъ невидимъ. Блаженный же Ѳеофилъ, призвавъ игумена, разсказалъ ему о явленіи Ангела и о словахъ Его, а также показалъ и оба сосуда, наполненные слезами: одинъ — свой, а другой — Ангельскій, издававшій благоуханіе лучшее всѣхъ ароматовъ, и просилъ по преставленіи своемъ излить ихъ на его тѣло. На третій день по прозрѣніи онъ отошелъ ко Господу для созерцанія Пресвятыя Троицы. Честно́е тѣло его положили въ пещерѣ, рядомъ съ любимымъ имъ братомъ, блаженнымъ Іоанномъ, близъ преподобнаго Марка. И помазали его изъ сосуда ангельскаго, отчего вся пещера наполнилась благоуханіемъ. Потомъ возлили на него и другой сосудъ — слезный, дабы сѣявшій на землѣ слезами пожалъ на Небеси радостью. Эту радость онъ и получилъ ходатайствомъ преподобнаго наставника своего Марка пещерника и чудотворца, благодатію же Бога всякія утѣхи, Которому, въ Троицѣ восхваляемому, подобаетъ всякая слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) *Мытарство* собственно значитъ: мытница, гдѣ собирались пошлины; отсюда, далѣе,— мѣсто лихоимства, притѣсненій. Въ духовномъ смыслѣ подъ именемъ мытарствъ разумѣются истязанія души по исходѣ изъ тѣла, прежде суда Божія надъ нею, производимыя въ воздушномъ пространствѣ злыми духами.

[2]) Еванг. отъ Мате., гл. 5, ст. 4.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ѲАДДЕЯ ИСПОВѢДНИКА[1])

Преподобный Ѳаддей жилъ во время господства иконоборческой ереси. Когда онъ, вмѣстѣ съ другими, былъ схваченъ и приведенъ на судъ, то злочестивые иконоборцы[1]) хотѣли принудить его попрать ногами святую икону, но не могли сего сдѣлать. Поэтому они поступили такъ: положили на землю икону Спасителя, а святаго Ѳаддея насильно поставили на нее, и хотя онъ весьма сильно упирался, однако противъ воли вынужденъ былъ наступить на святую икону, будучи поставленъ на нее сильными мужами. Тогда мучитель сказалъ ему:

— Вотъ, ты попираешь икону Христа своего, зачѣмъ же болѣе противишься намъ? Теперь уже надлежитъ тебѣ стать единомышленнымъ съ нами.

Но исповѣдникъ Христовъ отвѣтилъ ему:

— Проклятый и злочестивый, и исполненный всякой нечистоты! Не по своей волѣ сдѣлалъ я сіе: да не будетъ этого, но принужденъ былъ насильно твоимъ коварствомъ и неправеднымъ судомъ. Я же поклоняюсь иконѣ Христа Бога моего, и цѣлую ее, и желаю съ радостью умереть за нее.

Посрамленный этими словами нечестивый мучитель повелѣлъ бить святаго палицами, пока онъ не умретъ. И когда рѣшили, что онъ уже умеръ, то за ноги извлекли его изъ города. Влачимый, какъ мертвый, по торжищу и по грязи, святый Ѳаддей былъ брошенъ подъ городскою стѣною. Нѣкто изъ благочестивыхъ христіанъ нашелъ его тамъ и омылъ, еще дышавшаго, отъ грязи. Послѣ этого святый Ѳаддей прожилъ еще три дня и предалъ духъ свой Богу[2]).

[1]) *Исповѣдниками* называются тѣ лица, которыя во время гоненій за вѣру открыто исповѣдали себя христіанами и претерпѣли мученія, но остались въ живыхъ. Они пользовались особымъ уваженіемъ среди христіанъ: такъ, имъ было предоставлено право возсоединенія съ Церковью падшихъ и отрекшихся.

[2]) Преподобный Ѳаддей Исповѣдникъ скончался въ 818 г.

День тридцатый

СТРАДАНІЕ
СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
АНИСІИ ДѢВИЦЫ

Въ царствованіе нечестиваго императора Максиміана[1]) жила въ славномъ городѣ Солуни[2]) одна отроковица, по имени Анисія, дочь богатыхъ христіанскихъ родителей, воспитывавшихъ ее въ страхѣ Божіемъ, такъ что добродѣтелями она возрастала скорѣе, нежели лѣтами, ибо родители вскармливали ее болѣе истинами вѣры и благочестія, нежели молокомъ. Когда миновали ея младенческіе годы и Анисія выросла прекрасною отроковицею, родители тщательно обучили ее всей книжной премудрости. Одаренная разумомъ Анисія быстро и легко усвоила все и являла на дѣлѣ достойные плоды ученія. Исполненная Духа Божія, она обладала воистину ангельскимъ нравомъ, лицо же ея свѣтилось несравненной красотой. Въ это время она рѣдко выходила изъ дому и, скрывая въ горницѣ свою юную красоту, часто съ прискорбіемъ говорила себѣ:

«О обманчивая жизнь юности, погубляющая однихъ и погубляемая другими! Хороша старость, но, увы мнѣ! Скорбью ис-

---

[1]) *Императоръ Максиміанъ* царствовалъ съ 284 по 305 годъ.

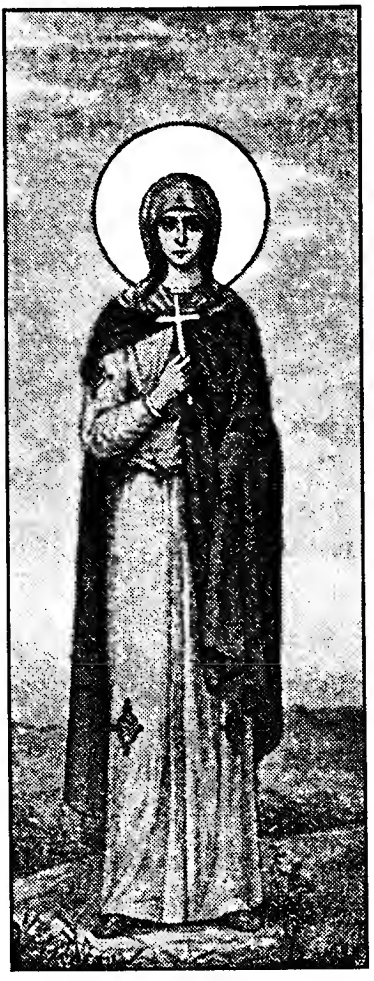
[2]) *Солунь,* или *Ѳессалоника,*—весьма значительный древній городъ Македоніи, лежавшій въ глубинѣ большого Солунскаго, или Ѳерлійскаго, залива при Эгейскомъ морѣ (Архипелагѣ). Въ настоящее время городъ этотъ, подъ именемъ Салоники, послѣ Константинополя первый торговый и мануфактурный городъ въ Европейской Турціи, съ весьма многочисленнымъ населеніемъ.

полняетъ меня долгота времени, ибо долгіе годы придется дожидаться ея, долгіе годы отдѣляютъ меня отъ Неба!»

И Анисія никогда не переставала призывать на помощь Христа, преклоняя колѣна и проливая на землю обильныя слезы. Когда родители ея отошли ко Господу и она сдѣлалась наслѣдницей отцовскаго имущества, то стала размышлять, что бы ей сдѣлать со своимъ богатствомъ. Ибо родителями ея были собраны великія сокровища серебра и золота, обширныя имѣнія, громадныя стада, безчисленное множество рабовъ и рабынь, многоцѣнныя шелковыя и златотканныя одежды, золотая утварь, украшенная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями и сіяющая великолѣпіемъ. Увидѣвъ все это, святая Анисія сказала:

— Какъ спастись посреди столькихъ богатствъ земныхъ? Какъ наступить на главу древняго змія—діавола и преодолѣть его силу? Но я знаю, что сдѣлать: я употреблю противъ змія змѣиную же хитрость. Какъ самъ онъ ежегодно обновляется, совлекая съ себя свою ветхую кожу, такъ и я избавлюсь отъ своихъ богатствъ. Ибо они наносятъ сильный вредъ употребляющимъ ихъ во зло и поражаютъ неисцѣлимымъ ядомъ всѣхъ собирающихъ ихъ, скупыхъ же и немилостивыхъ связываютъ своими оковами и сѣтями. Обладаніе помѣстьями пріучаетъ къ гнѣву и накопляетъ богатства обманомъ и неправедной мѣрой, многоцѣнныя одежды научаютъ тщеславной поступи и вовлекаютъ въ грѣхъ; золотыя цѣпи и ожерелья заставляютъ горделиво поднимать голову, ибо желаютъ, чтобы люди ихъ видѣли и восхваляли. Вотъ какъ я съ ними поступлю: буду ихъ естественною госпожею, прежде чѣмъ они получатъ неестественное господство надо мною. Стану воистину госпожею ихъ и расточу ихъ во благо, уклоняясь вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ порождаемыхъ ими искушеній. Я найду для нихъ крѣпкую охрану: вложу ихъ, какъ въ сокровищницу, въ дома вдовицъ, сиротъ и нищихъ. И вѣренъ поручитель мой, Господь, Который воздастъ мнѣ не вдвойнѣ только, но сторицею и содѣлаетъ меня участницей вѣчной жизни. Раздамъ все, чтобы все получить въ цѣлости, умноженное во сто кратъ, и, раздавши, возьму крестъ Христовъ. Ибо тогда мнѣ легко будетъ послѣдовать Христу, оставивъ на землѣ земное, чтобы пожить съ Ангелами на Небесахъ. Лучше избѣжать жизни пагубной и нечистой и возжелать жизни непреходящей и подвиговъ духовныхъ. Перемѣню временное на вѣчное: почту нетлѣнный бракъ, пребуду въ цѣломудріи

и сохраню для Создателя чистымъ свое тѣло. Нынѣ надобно творить куплю, пока есть торжище. Гоненія и преслѣдованія пусть исходатайствуютъ мнѣ награду на Небесахъ. Мучители и муки пусть откроютъ мнѣ доступъ къ райскимъ утѣхамъ, раны же и темница пусть введутъ меня въ чертогъ Христовъ; ибо не одни только мужи получаютъ воздаянія, но и жены сподобляются вѣнцовъ.



Ст҃а́ѧ мч҃нца
а҆нѵ́сїа

Такъ говорила она въ себѣ и молилась со слезами:

— Господи, Іисусе Христе! Свѣте мой! Источниче безсмертія! Корень нетлѣнія, неизреченно зачатый въ дѣвственной утробѣ и по рождествѣ сохранившій нетлѣнной Пречистую Твою Матерь! Благій Господи, содѣлай, чтобы и я вошла въ ликъ дѣвственницъ и не была отлучена отъ чертога Твоего! Включи меня въ число мудрыхъ дѣвъ[1]) и сподоби встрѣтить Тебя съ неугасимымъ свѣтильникомъ, да буду причастницей славы Твоей, непорочно совершивши свой подвигъ!

Помолившись такъ, святая Анисія тотчасъ же продала все свое имущество и притомъ не по той цѣнѣ, какую оно стоило, и не такъ, какъ бываетъ обыкновенно при рыночныхъ продажахъ и купляхъ. Ибо она говорила покупщику:

— Знай, что продаваемыя вещи принадлежатъ нищимъ и убогимъ. Поэтому назначь справедливую цѣну, чтобы получить вмѣстѣ также и нѣкое воздаяніе, ибо праведенъ Господь и любитъ правду, и воздаетъ по правдѣ.

Когда было продано все имущество, она стала раздавать вырученныя деньги нищимъ и страждущимъ въ заключеніи. Входя сама

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 25, ст. 1—12.

во всѣ темницы, святая не только подавала все нужное, но и служила собственноручно узникамъ, въ особенности тѣмъ, кои послѣ многихъ мученій и ранъ не могли послужить себѣ сами. Таковыхъ она лѣчила, помазуя мазями и перевязывая ихъ раны, утѣшала скорбѣвшихъ, посѣщала лежавшихъ на одрѣ болѣзни и помогала имъ отъ своихъ богатствъ; обходила площади и улицы и щедрою рукою подавала обильную помощь всѣмъ нищимъ и больнымъ, лежащимъ на гноищѣ, какихъ только находила. При этомъ она говорила себѣ: «Не буду я искать утѣхъ и наслажденій въ богатствахъ, которыя въ день суда не сравняются даже съ каплей воды».

Когда же Анисія истратила все до послѣдней монеты, ничего не оставивъ для себя, то она затворилась въ нѣкоей горницѣ и собственноручнымъ трудомъ стала добывать необходимую для тѣла пищу, въ потѣ лица своего вкушая хлѣбъ свой, слѣдуя словамъ Апостола: «а҆́ще кто̀ не хо́щетъ дѣ́лати, нижѐ да ꙗ҆́стъ»[1]), ибо христіанамъ подобаетъ питаться отъ труда рукъ своихъ. Подвизаясь въ молитвахъ и постѣ, Анисія жила подобно безплотной. Привыкнувъ къ подвигамъ и суровой жизни, она дни проводила въ трудахъ и чтеніи божественныхъ книгъ, а ночи — въ псалмопѣніи и молитвахъ. Ложемъ ей служила земля, вмѣсто мягкой постели у нея была единственная тростниковая подстилка, вмѣсто теплыхъ одѣялъ — худыя рубища; спала она очень мало, ибо говорила себѣ: «Небезопасно мнѣ спать, когда врагъ мой бодрствуетъ».

При этомъ святая проливала обильныя слезы, и воздыханія ея были многочисленнѣе словъ, исходившихъ изъ ея устъ. Въ такой степени объята была она Божественной любовью, что когда преклоняла колѣна на молитву, то ей казалось, что она припадаетъ къ ногамъ Спасителя и лобызаетъ ихъ, и волосами своими отираетъ прахъ съ ногъ Господнихъ[2]). Эта мысль порождала въ ней источники слезъ, подобно тому какъ нѣкогда плакала та, которая слезами омыла ноги Владыки и власами главы своей отерла ихъ[3]); и было у нея непрестанное желаніе освободиться отъ узъ тѣла и жить со Христомъ. И она, молясь, ударяла себя въ грудь и говорила:

---

[1]) 2 Послан. къ Сол., гл. 3, ст. 10.

[2]) Служба св. Анисіи, 2-я стихира на «гдⷭ҇и, воззва́хъ».

[3]) Еванг. отъ Луки, гл. 7, ст. 36—50.

— Всемогущій Господи, Боже, Отче Единороднаго Сына Твоего Іисуса Христа, Господа и Бога и Спасителя нашего, сидящій на Престолѣ славы Твоей! Ты, Которому служатъ тысячи тысячъ Архангеловъ и Которому предстоятъ тьмы темъ[1]), повинующихся повелѣнію Его Престоловъ, Господствъ, Началъ и Властей, Котораго хвалятъ Херувимы и непрестанно славословятъ Серафимы[2]), вопія Трисвятую пѣснь! Ты, погрузившій въ адскія бездны возмутившихся противъ Тебя духовъ и связавшій нерушимыми оковами лишившагося Твоей благодати змія, низвергшій престолъ его на землю, лишившій его небеснаго служенія и блаженной жизни и позоромъ креста поправшій его гордыню! Ты, пославшій намъ изъ непорочныхъ нѣдръ Твоихъ Бога Слова, предвѣчнаго Спасителя душъ нашихъ, рожденнаго отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, и Имъ взыскавшій погибшее, утвердившій немощное и исцѣлившій сокрушенное! Тебя призываю всѣмъ сердцемъ моимъ, смиренная и грѣшная раба Твоя. Ты, вѣдающій помышленія каждаго человѣка, возжегшій въ сердцѣ моемъ горячую любовь къ Тебѣ, пріиди и спаси меня, недостойную рабу Твою, ибо Тебя желаю, Тебя ищу и къ Тебѣ прилѣпляюсь всей крѣпостью моею. Господи Боже Сыне, пріими молитву мою, приносимую Тебѣ сердцемъ сокрушеннымъ и духомъ смиреннымъ. Не презри меня, о Іисусе Христе, за которую былъ Ты пригвожденъ ко кресту, ударяемъ по ланитамъ и за которую испилъ желчь съ уксусомъ, вкусилъ горькую смерть, въ третій же день воскресъ изъ мертвыхъ и вознесся на Небеса и сидишь одесную Отца: не посрами меня и не отринь меня изъ числа рабынь Твоихъ, но сподоби меня христіанской кончины по образу святаго Креста Твоего! Содѣлай меня участницей страданій Твоихъ, да буду достойна явиться предъ лице Твое. Соблюди меня вѣрной Тебѣ! **Пригвозди̑ стра́хꙋ твоемꙋ̀ плѡ́ти моѧ̑: ѿ сꙋде́бъ бо твои́хъ ᲂу҆боѧ́хсѧ**[3]): **ѿврати̑ ѻ҆́чи мои̑ не ви́дѣти сꙋеты̀**[4]), но отверзи ихъ, молю Тебя, да **ᲂу҆разꙋмѣ́ю чꙋдеса̀ ѿ зако́на твоегѡ̀**[5]). Тебѣ предана я отъ чрева матери моей, Ты Господь мой! **Ѻ҆те́цъ мо́й и҆ ма́ти моѧ̀ ѡ҆ста́виста мѧ̀**[6]), Ты

---

[1]) *Тьма* — десять тысячъ.

[2]) *Серафимы, Херувимы, Престолы, Господства, Силы, Власти, Начала, Архангелы* и *Ангелы* — чины ангельскіе, которыхъ Святая Церковь насчитываетъ всего 9.

[3]) Псаломъ 118, ст. 120.

[4]) Псал. 118, ст. 37.

[5]) Псаломъ 118, ст. 18.

[6]) Псаломъ 26, ст. 10.

же, Господи, воспринялъ меня. Правыми содѣлай пути мои, да не исполнится стыда раба Твоя, но сотворѝ со мнóю знáменїе во блáго[1]) и исполни прошеніе мое, ибо прéд тобóю всѐ желáнїе моѐ, и҆ воздыхáнїе моѐ ѿ тебѐ не оу҆тáйсѧ[2]). И снова молюсь Тебѣ, Боже Отче, помоги мнѣ, да не обрящется грѣха на мнѣ, рабѣ Твоей; ибо Тебѣ приношу себя въ жертву. Прими же меня, какъ всесожженіе овецъ и тельцовъ, и какъ тьмы тучныхъ агнцевъ да будетъ жертва моя предъ Тобою. И сподоби меня послѣдовать Агнцу Твоему непорочному, Іисусу Христу, съ Которымъ да будетъ Тебѣ, со Святымъ Духомъ, слава, честь и сила во вѣки вѣковъ, аминь.

Помолившись такъ, святая Анисія встала и осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ. Все сіе видѣлъ лукавый врагъ рода человѣческаго и не могъ вынести ея ангельской и небесной жизни. Онъ узрѣлъ ее уже пребывающей духомъ на Небесахъ и всѣмъ сердцемъ желающей пострадать за Христа, и скрежеталъ зубами своими на нее, и покушался поколебать и опрокинуть ея горницу: но, видя ее повсюду огражденной крестнымъ знаменіемъ, онъ отбѣгалъ, какъ бы гонимый невидимыми ударами. Однако иногда ему удавалось внушить святой лѣность и уныніе, но она немедленно сокрушала его коварство, ограждаясь, какъ стѣной, непрестанной молитвой. И врагъ истины скорбѣлъ и говорилъ себѣ:

— Увы мнѣ окаянному! Ангеловъ совлекъ я за собою съ Небесъ, многихъ сильныхъ покорилъ я, а нынѣ юноши и отроковицы смѣются надо мною. Они любятъ смерть больше жизни и увѣнчанные ею текутъ къ Небесамъ и оставляютъ мнѣ міръ сей пустымъ. Утѣшала меня кровь убиваемыхъ мучениковъ, но ихъ вѣра и подвиги и проповѣдь ихъ измѣнили цѣлые города и народы. Храмы мои разрушаются, прорицалища умолкаютъ, жертвенники ниспровергаются, жрецы, веселившіеся раньше, приходятъ въ уныніе. На погибель мою всюду водружается крестъ, и царство мое приходитъ въ упадокъ, ибо радостные въ мукахъ страшны въ гробахъ: они жгутъ меня, бьютъ и прогоняютъ отовсюду; а то, что было мною изобрѣтено противъ нихъ, обратилось на еще горшую бѣду мою. Но я знаю, что сдѣлать съ ними: я нашелъ одну новую хитрость.

---

[1]) Псаломъ 85, ст. 17.
[2]) Псаломъ 37, ст. 10.

И тотчасъ же врагъ выдумываетъ слѣдующее: желая похоронить въ пыли забвенія славу святыхъ мучениковъ, дабы не помнили о нихъ послѣдующія поколѣнія, сдѣлать безвѣстными ихъ подвиги и лишить описанія, завистникъ устроилъ такъ, чтобы христіане избивались повсюду безъ суда и испытанія, уже не царями и военачальниками, но самыми простыми и послѣдними людьми. Всезлобный врагъ не разумѣлъ, что Богъ требуетъ не словъ, а только добраго произволенія.

Погубивъ великое множество христіанъ, Максиміанъ, по діавольскому наущенію, притворился какъ бы изнемогшимъ. Вдоволь насытившись кровью неповинныхъ, онъ уподобился кровожадному звѣрю, который, когда уже пресытится мясомъ и болѣе не хочетъ ѣсть, то кажется какъ бы кроткимъ и пренебрегаетъ мимоходящими животными,—такъ и этотъ нечестивый мучитель, получивъ отвращеніе къ убійству, притворился кроткимъ. Онъ говорилъ:

— Недостойны христіане того, чтобы ихъ умерщвлять передъ царскими очами. Какая нужда испытывать и судить ихъ и записывать ихъ слова и дѣянія? Ибо эти записи будутъ читаться и передаваться изъ рода въ родъ тѣми, кои исповѣдуютъ ту же христіанскую вѣру, и память ихъ будетъ праздноваться затѣмъ во вѣки. Почему же мнѣ не повелѣть, чтобы ихъ закалали, какъ животныхъ, безъ допроса и записей—такъ, чтобы и смерть ихъ была безвѣстной и память о нихъ заглохла въ молчаніи?

Принявъ такое рѣшеніе, нечестивый царь тотчасъ же издалъ повсюду повелѣніе, чтобы всякій желающій могъ убивать христіанъ безъ боязни, не опасаясь ни суда, ни казни за убійство. И стали избивать христіанъ безъ числа ежедневно и во всѣхъ странахъ, и городахъ, и селахъ, на площадяхъ и дорогахъ. Всякій встрѣчавшій вѣрующаго какъ только узнавалъ, что онъ христіанинъ, тотчасъ же, не говоря ни слова, ударялъ его чѣмъ-либо, или пронзалъ ножомъ и разрубалъ мечомъ или другимъ какимъ-либо случившимся орудіемъ, камнемъ или палкой и убивалъ, какъ звѣря, такъ что исполнились слова Писанія: **тебѐ ра́ди оу҆мерщвлѧ́емсѧ вѣ́сь де́нь, вмѣни́хомсѧ ꙗ҆́кѡ ѻ҆́вцы заколе́нїѧ**[1]).

Въ это жестокое для христіанъ время святая Анисія, горящая въ сердцѣ желаніемъ умереть за Христа, вышла однажды изъ своей горницы, побуждаемая духомъ, и намѣревалась идти ко храму

[1]) Псаломъ 43, ст. 23.

Господню. Входя въ такъ называемыя Касантріотійскія ворота, она услышала шумъ въ народѣ. Нечестивые праздновали въ этотъ день праздникъ солнца и приносили свои нечистыя жертвы. И вотъ, одинъ изъ царскихъ воиновъ, шедшій навстрѣчу, увидѣвъ прекрасную дѣву, святую Анисію, остановилъ ее, наущаемый самимъ діаволомъ, и сказалъ:

— Остановись, дѣвица, и скажи мнѣ, куда ты идешь?

Видя его безстыдство и дерзость и полагая, что это вражіе искушеніе, она на глазахъ его оградила себя крестнымъ знаменіемъ. Но воинъ не устыдился цѣломудреннаго молчанія дѣвы, а почитая его за безчестіе для себя и выраженіе презрѣнія, подобно звѣрю схватилъ ее, какъ волкъ хватаетъ овцу, ибо воистину онъ былъ лютѣе звѣря, и грознымъ голосомъ спросилъ ее: кто она и откуда идетъ? Желая освободиться отъ его рукъ и дерзкихъ, устремленныхъ на нее взглядовъ, агница Христова попыталась избавиться отъ него кроткимъ отвѣтомъ и сказала:

— Я—раба Христова и иду въ церковь.

Но безстыдный воинъ, побуждаемый бывшимъ въ немъ бѣсомъ, возразилъ ей:

— Не пущу тебя, но поведу тебя въ то мѣсто, гдѣ приносятъ жертвы богамъ нашимъ, ибо сегодня мы почитаемъ празднествомъ солнце.

Говоря это, онъ пытался насильно снять покровъ, бывшій на головѣ ея, желая совершенно открыть ея лицо, но она мужественно сопротивлялась ему и не позволяла открыть себѣ главу, но плюнула ему въ лицо и произнесла:

— Да запретитъ тебѣ, діаволъ, Господь мой Іисусъ Христосъ!

Тогда воинъ, не вынося Имени Христова, обнажилъ бывшій при немъ мечъ и, ударивъ ее въ бокъ, пронзилъ насквозь. Святая дѣва упала на землю и вмѣстѣ съ излившеюся кровью предала свою святую душу въ руцѣ Христа Бога своего, Котораго любила и умереть за Котораго усердно желала во всѣ дни своей жизни. Видѣвшіе это прохожіе обступили ее уже мертвую и лежавшую въ крови, и одни оплакивали ея юныя лѣта и жестокую кончину, другіе же роптали на безбожнаго царя, издавшаго такой суровый законъ, чтобы губить невинныхъ людей. Нѣкоторые изъ вѣрующихъ взяли ея честныя мощи и, съ честью убравъ ихъ, погребли въ двухъ верстахъ отъ вратъ Касантріотійскихъ, съ лѣвой стороны отъ народнаго пути. Впослѣдствіи надъ мѣстомъ по-

гребенія Анисіи былъ выстроенъ молитвенный домъ. Произошло это въ тѣ времена, когда на землѣ владычествовалъ Максиміанъ, надъ вѣрующими же царствовалъ въ безконечные вѣки Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Которому со Отцемъ и Святымъ Духомъ честь и слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ФИЛЕТЕРА

Однажды, когда Діоклетіанъ прибылъ въ Никомидію, ему было сообщено объ одномъ христіанинѣ. Царь тотчасъ же послалъ за нимъ, приказавъ привести его къ себѣ, и при видѣ его пришелъ въ изумленіе: святый былъ высокъ ростомъ и весьма красивъ. Потому Діоклетіанъ назвалъ его богомъ, а не человѣкомъ. И сказалъ ему царь:

— Скажи намъ—откуда ты? И какъ тебѣ имя? И какого ты происхожденія?

Святый отвѣтилъ:

— Я родился и воспитывался здѣсь, въ Никомидіи, сынъ епарха, по вѣрѣ христіанинъ и живу съ христіанами.

Подозвавъ его къ себѣ поближе, царь хотѣлъ сначала подѣйствовать на него ласковою рѣчью, произнося въ то же время хулы на Господа нашего Іисуса Христа.—Святый отступилъ отъ богохульника и, возведя очи свои къ Небу, сказалъ:

— Да заградятся уста того, кто дерзаетъ хулить Христа моего, пусть то будетъ царь или кто иной.

И тотчасъ произошло землетрясеніе и послышался страшный громъ, такъ что царь и окружающіе его затрепетали. Послѣ того Филетеръ брошенъ былъ въ раскаленную печь. Но святый помолился,—и печь разсыпалась, огонь погасъ, и онъ вышелъ невредимымъ. Царь же подъ вліяніемъ только что совершившагося чуда, а также по вниманію къ его красотѣ и знатности рода, даровалъ ему свободу идти куда хочетъ.

Впослѣдствіи, когда въ Никомидіи царствовалъ Максиміанъ[1]), святый опять оговоренъ былъ предъ царемъ: и опять, представъ

---

[1]) *Максиміанъ II Галерій,* зять и преемникъ императора Діоклетіана, царствовалъ въ восточной половинѣ Римской имперіи съ 305 до 311 года.

царю, онъ исповѣдалъ Христа Бога нашего, Творца всего міра и Промыслителя. За это прежде всего начали бить его палками: мучители-исполнители казни въ своемъ усердіи доходили при этомъ до совершеннаго изнеможенія, такъ что сами падали на землю едва живыми, а святый, казалось, не ощущалъ никакой боли, какъ будто страдалъ не онъ, а кто-то другой: такъ укрѣплялъ его Христосъ. Потомъ онъ былъ повѣшенъ и подвергнутъ строганію; затѣмъ бросили его на растерзаніе звѣрямъ, но звѣри только валялись у ногъ святаго;—насильно ввели его въ капище, чтобы тамъ заставить поклониться идоламъ, но мученикъ вознесъ молитву къ Богу, и идолы распались и ниспроверглись на землю. Тогда царь далъ повелѣніе умертвить святаго мечомъ, но у слуги, который схватилъ его, рука тотчасъ изсохла; такая же участь постигла и другаго исполнителя царскаго приказа: какъ только занесъ онъ руку съ мечомъ надъ головою святаго, чтобы отсѣчь ее, рука его отнялась. Послѣ того мученикъ посаженъ былъ въ темницу и закованъ въ цѣпи. И такъ какъ онъ не обнаруживалъ ни малѣйшей склонности къ покорности, то царь осудилъ его на изгнаніе въ Проконнисъ [1]), куда онъ связанный и былъ отправленъ. На пути онъ совершилъ немало чудесъ: изгонялъ бѣсовъ, очищалъ прокаженныхъ и врачевалъ всякія иныя болѣзни; однимъ словомъ ниспровергъ идоловъ; прикоснулся къ идольскому великолѣпно построенному капищу, и оно распалось до основанія. Всѣ эти чудесныя знаменія и особенно послѣднее—разрушеніе капища—многихъ расположили къ вѣрѣ во Христа, въ томъ числѣ и шестерыхъ воиновъ съ ихъ начальникомъ, которымъ велѣно было отвести святаго въ ссылку.

Когда мученикъ и сопровождавшая его стража дошли до Сигріанскихъ странъ [2]), гдѣ святый также совершилъ много чудесъ, окружавшіе его сказали, что здѣсь вблизи находится нѣкоторый человѣкъ, по имени Еввіотъ [3]), христіанинъ, который претерпѣлъ многія и жестокія страданія за Христа отъ князя, но остался невредимъ и творитъ великія чудеса. Слыша объ этомъ, святый Филетеръ рѣшился зайти и повидаться съ Еввіотомъ. Въ это время блаженному Еввіоту явился Ангелъ Господень и сказалъ:

---

[1]) *Проконнисъ*—островъ на Мраморномъ морѣ, нынѣ Мармара.

[2]) *Сигріанская страна*—горностая мѣстность около Кизика, въ Малой Азіи.

[3]) Память *св. муч. Еввіота* — 18 декабря.

— Выйди изъ кельи своей и иди на нѣкое мѣсто въ срѣтеніе Филетера сострадальца твоего.

Отшельникъ тотчасъ же вышелъ изъ кельи и началъ сходить съ горы, на которой обиталъ. Между тѣмъ Филетеръ, по указанію одного поселянина, направляя путь свой навстрѣчу Еввіоту, началъ восходить на Сигріанскую гору вмѣстѣ съ начальникомъ и шестью воинами, увѣровавшими и крестившимися, и желавшими не разлучаться съ нимъ. Пройдя немного, они встрѣтили блаженнаго Еввіота, сходящаго къ нимъ, и, привѣтствуя другъ друга, исполнились взаимной радости. Веселясь духовно, взошли всѣ они на гору въ жилище святаго Еввіота и пробыли тамъ вмѣстѣ семь дней. И уснулъ блаженный Филетеръ сномъ, котораго желалъ съ любовію: преставился къ любимому имъ и возлюбившему его Христу Богу, предавъ въ руцѣ Его духъ свой [1]). Блаженный Еввіотъ похоронилъ его въ мѣстѣ своего обитанія. По прошествіи одиннадцати дней скончались и начальникъ конвоя и шесть воиновъ, сопровождавшіе святаго, и всѣ они погребены были близъ мощей святаго мученика.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ЗОТИКА СИРОТОПИТАТЕЛЯ

Преподобный Зотикъ происходитъ изъ знатнаго и славнаго рода и родился въ городѣ Римѣ. Съ молодыхъ лѣтъ онъ изучилъ всякую премудрость мірскую и духовную, вслѣдствіе чего его приблизилъ къ себѣ первый христіанскій императоръ, Константинъ Великій [2]). Когда сей благочестивый государь перенесъ столицу имперіи изъ Рима въ Константинополь [3]), то блаженный Зотикъ, вмѣстѣ съ другими приближенными царя, переселился въ сей городъ и здѣсь былъ почтенъ магистріанскимъ саномъ [4]).

---

[1]) Кончина *св. мученика Филетера* послѣдовала въ 311-мъ году.

[2]) *Императоръ Константинъ Великій* царствовалъ въ 306—337 гг.

[3]) Это было въ 330 г., когда послѣдовало торжественное освященіе города, который получилъ названіе «Новаго Рима» вмѣсто прежняго—Византіи. Впрочемъ, это названіе рѣдко прилагалось къ Византіи, которая, по имени Константина Великаго, преимущественно называлась Константинополемъ, т. е. городомъ Константина.

[4]) *Магистръ*—собственно учитель; но при Византійскихъ императорахъ это имя означало одну изъ высшихъ придворныхъ должностей, нѣчто вродѣ нынѣшняго Министра Двора.

Но вскорѣ, отвергшись мірской чести и суеты, онъ принялъ священство. Какъ Авраамъ свою кущу, такъ святый Зотикъ свой домъ открылъ для принятія и питанія нищихъ; принималъ въ страннопріимницу лишенныхъ крова, странниковъ и болящихъ, былъ истиннымъ отцомъ для вдовицъ, немощныхъ и сирыхъ.

Въ то время усилилась въ городѣ болѣзнь—проказа, которая всегда свирѣпствовала на Востокѣ. Чтобы прекратить распространеніе болѣзни, изданъ былъ приказъ бросать въ море всякаго прокаженнаго. Милосердный Зотикъ, распаляясь божественною любовію, отправился къ царю и сказалъ ему:

— О царь! Дай мнѣ, рабу твоему, какъ можно больше золота, чтобы я могъ купить тебѣ драгоцѣнныхъ жемчуговъ, блестящихъ камней для утвари твоей, такъ какъ я очень опытенъ въ этихъ дѣлахъ.

Царь, любя Зотика, повелѣлъ исполнить его просьбу, и сей боголюбезный служитель добра, взявъ золото, вышелъ изъ царскаго дворца съ веселіемъ и радостію. Для золота онъ нашелъ наилучшее употребленіе: у воиновъ, которымъ было поручено епархомъ брать прокаженныхъ и бросать ихъ въ море, святый Зотикъ посредствомъ золота выкупалъ несчастныхъ и бралъ ихъ на свое попеченіе. Около Константинополя, на противоположномъ берегу Босфора, на одной горѣ онъ построилъ больницы для прокаженныхъ и тамъ ихъ врачевалъ. Такъ онъ на прокаженныхъ и больныхъ истратилъ все золото, данное ему Великимъ Константиномъ.

Между тѣмъ сей благочестивый царь умеръ, и на царскій престолъ вступилъ сынъ его, Констанцій [1]), который не подражалъ благочестію отца: онъ впалъ въ Аріеву ересь и преслѣдовалъ православныхъ. Святому Зотику также суждено было претерпѣть страданіе отъ него. По наговору отъ злобныхъ людей, которые разсказали ему, какъ Зотикъ бралъ у отца его золото для покупки драгоцѣнныхъ камней,—царь призвалъ Зотика и спросилъ его:

— Приготовилъ ли ты жемчуги и другіе драгоцѣнные камни для утвари нашей, на покупку которыхъ ты взялъ у державнаго отца нашего столько золота?

Зотикъ отвѣтилъ:

— Приготовь, царь, корабль, и я покажу тебѣ такое богатство, какого раньше ты не имѣлъ.

[1]) *Императоръ Констанцій* царствовалъ въ 337—361 гг.

Потомъ, переправившись вмѣстѣ съ царемъ на другой берегъ Босфора, онъ повелъ его къ больницамъ и, показывая прокаженныхъ и больныхъ, сказалъ:

— Вотъ, царь, прекрасные камни и блестящій жемчугъ, которые я добылъ для спасенія твоего съ немалымъ трудомъ и дорогою цѣною.

Царь разгнѣвался на святаго и повелѣлъ привязать его къ дикимъ муламъ и гнать ихъ черезъ поля и дороги. Влекомый мулами по камнямъ, преподобный испытывалъ тяжкія мученія: всѣ члены его были растерзаны острыми камнями; когда же затѣмъ мулы быстро совлекли его съ горы, самыя кости его сокрушились, и онъ предалъ душу свою въ руцѣ Господа[1]). А на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ скончался, истекъ источникъ чистой и сладкой воды, и этою водою исцѣлялись всякія болѣзни въ прославленіе угодника Божія, во славу и честь единаго въ Троицѣ Бога, всѣми славимаго и поклоняемаго во вѣки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОЙ

ΘЕОДОРЫ КЕСАРІЙСКОЙ

Преподобная Θеодора подвизалась въ Кесарійской обители святой Анны; жила она въ царствованіе Льва Исаврянина и сына его Константина Копронима[2]) и происходила изъ знатнаго и славнаго рода; отецъ ея, по имени Θеофилъ, имѣлъ высокое званіе патриція, мать ея называлась Θеодорою. Эта послѣдняя, будучи въ продолженіе многихъ лѣтъ неплодною, сокрушалась и прилежно молилась Богу, особенно же она обращалась съ слезной мольбой къ Пресвятой Богородицѣ и получила даръ, уподобившій ее праведной Аннѣ, матери Богородицы: неплодство Θеодоры разрѣшилось, она зачала и родила дочь. Когда дочь возросла, то мать привела ее въ церковь святой Анны, какъ посвященную Богу отъ рожденія. Отроковица Θеодора принята была въ монастырь, гдѣ и стала жить подъ добрымъ руководствомъ благочестивой

[1]) Это было около половины IV вѣка.

[2]) *Левъ III Исаврянинъ* царствовалъ въ 717—741 г.; ему наслѣдовалъ сынъ его *Константинъ V Копронимъ* (741—775 гг.); эти императоры были первыми иконоборцами.

игуменіи и была научена божественнымъ книгамъ. Между тѣмъ богобоязненная добродѣтельная жизнь юной инокини нестерпима была для вселукаваго бѣса, который видѣлъ въ томъ свое посрамленіе. И вотъ внушилъ онъ императору Льву-иконоборцу мысль выдать замужъ непорочную агницу за одного изъ своихъ придворныхъ чиновниковъ. Она насильно была взята и, съ мучительною скорбію отторгнутая отъ сестеръ обители, привезена въ Константинополь. Здѣсь уже все было приготовлено для ея брака; по волѣ царской, уготованъ былъ и брачный чертогъ. Но конецъ этого лукаваго замысла былъ неожиданно такой: Богъ, наказавшій нѣкогда египтянина, обуреваемаго похотливымъ вожделѣніемъ на Сарру [1]), и низложившій силу Тиридата, покушавшагося на цѣломудріе Рипсиміи [2]), спасъ чудеснымъ образомъ и Ѳеодору отъ оскверненія чрезъ насильственный бракъ. Во время брачнаго пиршества на столицу сдѣлали нападеніе скиѳы [3]); женихъ тотчасъ посланъ былъ противъ непріятелей и въ первой же схваткѣ погибъ. Между тѣмъ, среди всеобщаго смятенія непорочная агница Христова Ѳеодора, пользуясь представившейся свободой, незамѣтно для присутствовавшихъ на брачномъ пиру скрылась и, взявъ съ собою золото, серебро, драгоцѣнности и одежды, украшенныя дорогими камнями, пошла на берегъ моря, сѣла въ корабль и возвратилась въ свою обитель, радуясь и за все благодаря Бога. Когда же потомъ одинъ изъ царскихъ чиновниковъ, узнавъ о скрывшейся Ѳеодорѣ, прибылъ въ монастырь и нашелъ ее уже принявшею постриженіе и одѣтою въ рубище, то оставилъ ее, по устроенію Промыслителя Бога, въ покоѣ. Освободившись такимъ образомъ окончательно отъ своихъ преслѣдователей, преподобная Ѳеодора подвигами воздержанія настолько изнурила свою плоть, что видимы были кости ея чрезъ тѣлесные покровы. Пищу ея

---

[1]) Кн. Бытія, гл. 12, ст. 10—20.

[2]) *Тиридатъ*, царь Армянскій, былъ въ дружбѣ съ императоромъ Римскимъ Діоклетіаномъ; послѣдній избралъ было Рипсимію-христіанку себѣ въ жены, но она убѣжала и скрылась въ одномъ изъ монастырей Арменіи. Діоклетіанъ просилъ Тиридата найти ее и прислать къ нему, или же, если пожелаетъ, взять ее себѣ въ жены. Узнавъ объ удивительной красотѣ Рипсиміи, Тиридатъ воспламенился страстнымъ желаніемъ овладѣть ею и послалъ за ней; но посланные—съ богатыми подарками—были поражены громомъ и возвратились въ страшномъ ужасѣ. Разгнѣванный царь отправилъ цѣлый воинскій отрядъ; Рипсимія была приведена къ царю и введена въ его опочивальню. Царь пытался сдѣлать надъ нею насиліе, но—побѣдитель Готовъ и Персовъ—оказался не въ силахъ одолѣть дѣву—невѣсту Христову.

[3]) *Скиѳіей* называлась страна, лежащая на сѣверо-востокѣ и Византіи, и побережья Понта (Чернаго моря).

составлялъ лишь одинъ небольшой кусокъ хлѣба и то только въ два или три дня. Единственная одежда ея была изъ грубой шерсти; постель ея была настлана острыми камнями, прикрытыми суровымъ рубищемъ: такъ она соблюдала бдѣніе и во время невольнаго, тяжелаго сна, а часто она проводила и цѣлыя ночи безъ сна. Недовольствуясь этими подвигами, она обложила тѣло свое желѣзными веригами и настолько изнурила всѣ суставы и тѣлесные члены, что отъ костей ея исходилъ смрадный запахъ. И такъ въ продолженіе многихъ лѣтъ процвѣтая всякими добродѣтелями, перешла она въ нестарѣющуюся и блаженную жизнь[1]).

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОЙ

Θеодоры Цареградской

Преподобная Θеодора была родомъ гречанка, имѣла большое богатство и жила сначала въ христіанскомъ супружествѣ. По смерти мужа она, по заповѣди Господней, *взяла крестъ свой* и приняла монашескій чинъ, чтобы слѣдовать за Христомъ[2]). Это было въ царствованіе Романа[3]) при жизни преподобнаго Василія Новаго[4]), который проживалъ въ домѣ Θеодоры, въ нарочито для него устроенной моленной келліи, и подъ руководствомъ котораго она проводила благочестивую жизнь. Доживъ такъ до старости, она преставилась мѣсяца декабря въ тридцатый день. И когда душа преподобной Θеодоры, по разлученіи отъ тѣла, несена была святыми Ангелами, то преподобный Василій предупредительно далъ имъ, на помощь ея душѣ, какъ бы нѣкій капиталъ для выкупа, доставъ изъ своей пазухи ковчежецъ.

У того Василія былъ ученикъ, по имени Григорій, который молитвенно спрашивалъ Василія:

— Гдѣ пребываетъ Θеодора?

---

[1]) Кончина *преподобной Θеодоры* послѣдовала во второй половинѣ VIII вѣка.

[2]) Еванг. отъ Марка, гл. 8, ст. 34; Еванг. отъ Матѳ., гл. 16, ст. 24.

[3]) *Императоръ Романъ I Лакапенъ* царствовалъ въ Византіи съ 919 по 944 г.

[4]) *Преподобный Василій Новый* пятьдесятъ лѣтъ подвизался въ Константинополѣ и умеръ около половины X столѣтія. Память его—26-го марта.

И вотъ однажды, когда Григорій спалъ, къ нему явился свѣтлаго вида юноша и сказалъ:

— Иди скорѣе, тебя зоветъ преподобный Василій, чтобы показать тебѣ Ѳеодору.

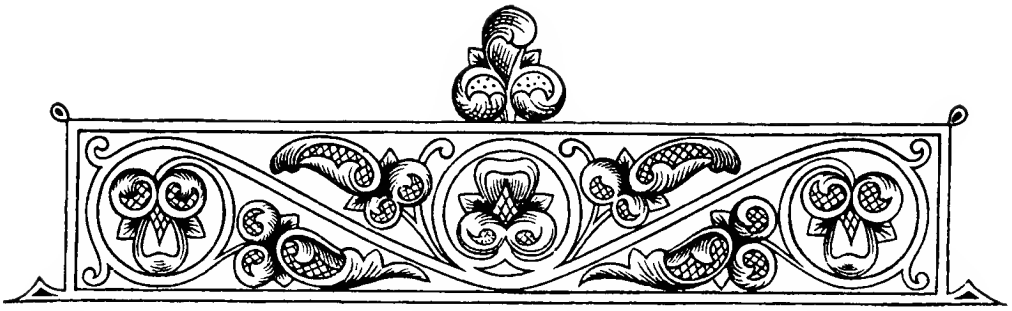
Григорій тотчасъ восхищенъ былъ къ вратамъ рая, потомъ введенъ былъ въ мѣста святыя и тамъ увидѣлъ онъ преподобнаго Василія и Ѳеодору, и всѣ они вмѣстѣ возрадовались. И спросилъ Григорій:

— Госпожа Ѳеодора! Какъ ты претерпѣла страшный часъ смерти и какъ избавилась отъ лукавыхъ духовъ?

Она же разсказала по порядку:

— Когда я душою своею разлучилась отъ тѣла, то увидѣла страшныхъ еѳіоповъ, которые показывали мнѣ свитокъ съ начертаніемъ всѣхъ моихъ первыхъ дѣлъ и взвизгивали, какъ свиньи, скрежеща на меня зубами. Потомъ взяли меня Ангелы и понесли по мытарствамъ. Первое мытарство было—лживость; второе—клевета; третье—зависть; четвертое—ложная обидчивость по самолюбію; пятое—гнѣвъ съ яростію; шестое—гордость; седьмое—брань и срамословіе; восьмое—лихоимство и лесть; девятое—тщеславіе; десятое—сребролюбіе; одиннадцатое—пьянство; двѣнадцатое—злопамятованіе; тринадцатое—чародѣйство; четырнадцатое—волхвованіе и употребленіе талисмановъ; пятнадцатое—чревоугодіе и идолослуженіе; шестнадцатое—прелюбодѣяніе; семнадцатое—убійство; восемнадцатое—воровство; девятнадцатое—блудодѣяніе; двадцатое—немилосердіе. И если въ какомъ-либо мытарствѣ для моего оправданія показаніе только моихъ добрыхъ дѣлъ было недостаточно, то Ангелы прибавляли къ моимъ добрымъ дѣламъ отъ дара добрыхъ дѣлъ преподобнаго Василія. Такъ я и прошла безпрепятственно всѣ мытарства и была введена въ это блаженное мѣсто. Если же душа будетъ грѣшна, то предается тѣмъ еѳіопамъ, а они, терзая, сведутъ ее въ муки.

И тотчасъ Григорій проснулся и разсказалъ намъ, что̀ онъ видѣлъ и что̀ слышалъ въ состояніи своего соннаго восхищенія. Мы же, слышавъ то̀, удивлялись и благодарили великаго Бога и Спаса нашего, сподобившаго Ѳеодору Своего достоянія въ Небесныхъ обителяхъ.



День тридцать первый

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНОЙ МАТЕРИ НАШЕЙ

МЕЛАНІИ РИМЛЯНЫНИ

Какъ добрые плоды рождаются на добромъ деревѣ, такъ и святая отрасль прозябаетъ отъ святаго корня. Это мы видимъ на примѣрѣ преподобной Меланіи, которая произошла отъ благочестивыхъ христіанскихъ родителей. Отецъ и дѣдъ ея были въ числѣ высшихъ сенаторовъ. Придя въ возрастъ, Меланія горячо желала сохранить непорочнымъ свое дѣвство и часто всѣми силами умоляла о томъ родителей. Но такъ какъ она была у нихъ единственною дочерью и не было другого наслѣдника безчисленныхъ ихъ имѣній и богатствъ, то, поэтому, когда святой исполнилось четырнадцать лѣтъ, они отдали ее, противъ ея воли, въ замужество человѣку равному ей знатностью, именемъ Апиніану, которому шелъ семнадцатый годъ. Когда бракъ былъ заключенъ, Меланія не разсталась со своею мыслію и желаніемъ—хранить если уже не дѣвство, то чистоту, и всячески склоняла супруга своего къ воздержанію, часто увѣщавая его и говоря со слезами:

— Какъ бы счастливы были мы, если бы вмѣстѣ прожили въ чистотѣ, въ юности нашей работая Богу безъ плотскаго сопряженія,—чего я всегда желала и желаю! Тогда мы проводили бы съ тобою прекрасную Богоугодную жизнь. Если же твоя страсть, столь свойственная юности, одолѣваетъ тебя и препятствуетъ тебѣ исполнить мою просьбу, такъ что ты не можешь побѣдить плот-

скихъ желаній,—то оставь меня и не будь препятствіемъ моему желанію. Въ выкупъ за себя я предоставляю тебѣ всѣ мои богатства, рабовъ и рабынь, сокровища, золото и серебро и другое безчисленное имущество. Владѣй всѣмъ этимъ, только дозволь мнѣ быть свободной отъ плотскихъ сношеній.

Выслушавъ такія слова, Апиніанъ не отказалъ ей въ исполненіи ея желанія совершенно, но не далъ ей и полнаго согласія, а только ласково сказалъ:

— Этого не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока у насъ не будетъ наслѣдника нашимъ имѣніямъ. Когда же у насъ родится такой наслѣдникъ, тогда и я не отстану отъ твоего добраго намѣренія, ибо нехорошо, если жена опережаетъ мужа въ добромъ дѣлѣ и стремленіи къ Богу. Подождемъ, пока Богъ не дастъ намъ плода нашего супружества, и тогда согласно приступимъ къ жизни, къ какой ты стремишься.

Меланія согласилась съ этимъ намѣреніемъ мужа, и вотъ Богъ послалъ имъ дочь. По рожденіи ея Меланія дала за нее обѣтъ дѣвства, какъ бы платя свой долгъ: она желала, чтобъ дочь ея соблюла то, чего сама она не могла соблюсти, выданная противъ воли замужъ.

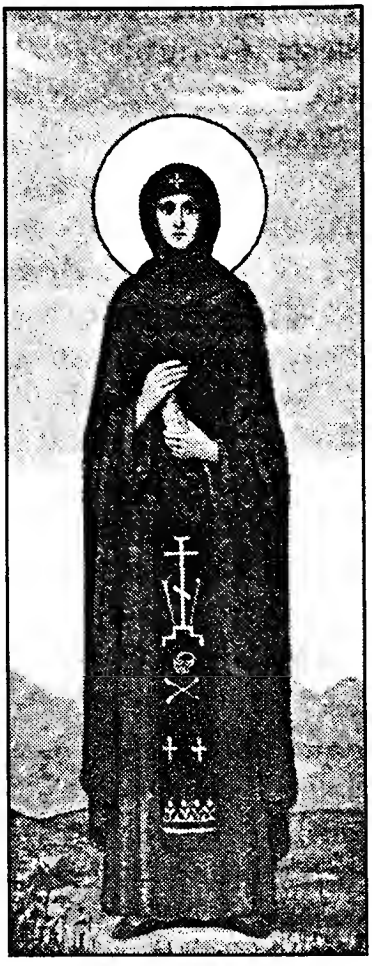
Потомъ, готовясь къ иной жизни, она стала пріучать себя къ воздержанію и умерщвленію тѣла: постилась, лишила себя всякаго угожденія плоти, не хотѣла носить красивыхъ одеждъ и драгоцѣнныхъ женскихъ украшеній, не ходила въ баню. А когда мужъ или родители убѣждали ее пойти въ баню, то она не обнажала своего тѣла и выходила оттуда, омывъ только лицо, причемъ запрещала рабынямъ говорить кому-нибудь о томъ и дѣлала имъ подарки, чтобы онѣ молчали. При этомъ она потребовала отъ мужа исполненія его обѣщанія:

— У насъ уже есть,—говорила она,—наслѣдница нашему состоянію. Будемъ же обходиться безъ брачныхъ сношеній, какъ ты обѣщался.

Но онъ не послушалъ жены.

Меланія, видя его несогласіе, замыслила тайно бѣжать въ невѣдомую страну, оставивъ отца, мать, мужа, ребенка и все богатство: такъ сильно она была охвачена стремленіемъ къ Богу и желаніемъ жить въ чистотѣ. Она сдѣлала бы это немедленно, если бъ ее не удержали совѣты нѣкоторыхъ благоразумныхъ людей, которые напомнили ей слѣдующее апостольское слово: «ѡ҆жєнѝв-

шимся завѣщавáю, не áзъ, но гдь: женѣ ѿ мꙋжа не разлꙋчáтися и еще: «что́ бо вѣси, жéно, áще мꙋжа спсéши»[1])? Итакъ, удержанная мыслію о спасеніи мужа, она отказалась отъ своей мысли о бѣгствѣ. Однако ей тяжело было исполнять супружескій долгъ. Она тайно носила на тѣлѣ жесткую власяницу и лишь когда знала, что останется съ мужемъ наединѣ, тогда снимала ее, чтобы мужъ не узналъ о такой ея жизни. Но какъ-то узнала объ этомъ сестра ея отца и стала смѣяться надъ этою власяною одеждой, досаждая и понося изъ-за нея святую. Меланія со слезами умоляла ее никому не разсказывать о томъ, что она узнала.



Прпбнаѧ Меланія

Вскорѣ послѣ того Меланія зачала во второй разъ, и уже приближалось ей время родить. Наступила память святаго мученика Лаврентія[2]). Всю ночь святая провела безъ сна, молясь съ колѣнопреклоненіемъ и воспѣвая Псалмы. При этомъ она старалась осилить естественную природную боль. Настало утро, но она не прекратила свою многотрудную молитву. Жестокія боли роженицы усиливались до крайней степени, но она все еще преклоняла на молитву колѣни и, наконецъ, изнемогла отъ всенощнаго молитвеннаго труда и отъ естественной болѣзни. Тогда она въ тяжкихъ мукахъ родила младенца мужескаго пола. Принявъ Святое Крещеніе, младенецъ тотчасъ отошелъ отъ этого міра къ Небесному отечеству. Послѣ этихъ родовъ Меланія сильно заболѣла и была близка къ смерти. Мужъ ея, стоя у ея кровати, самъ остался едва живъ отъ тоски по ней и сожалѣнія. Въ своемъ горѣ онъ поспѣшилъ въ церковь, гдѣ съ рыданіемъ молился Богу, прося

[1]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 7, ст. 10 и 16.

[2]) Св. мученикъ Лаврентій, архидіаконъ Римской Церкви, претерпѣлъ мученическую кончину въ 258 году, будучи распростертъ на желѣзной рѣшеткѣ. Память его—10-го августа.

у него исцѣленія дорогой супруги. Меланія же, видя, что время благопріятно для того, чтобы склонить мужа къ своему намѣренію, послала сказать ему, когда онъ находился еще въ церкви:

— Если хочешь, чтобы я и ты были живы, дай обѣщаніе передъ Богомъ, что ты больше ко мнѣ не прикоснешься, и будемъ мы до конца нашей жизни оба жить въ чистотѣ.

Мужъ Меланіи, любя ее невыразимо и ставя здоровье ея выше своего, повиновался ея волѣ и далъ обѣтъ предъ Богомъ жить съ нею въ чистотѣ. Когда посланный вернулся и разсказалъ это Меланіи, она обрадовалась, и ей стало легче. Тѣлесная болѣзнь ея уступила мѣсто духовной радости, и Меланія прославляла Вышняго, Который помогъ ей, исполнивъ чрезъ болѣзнь самое завѣтное желаніе ея сердца.

Когда Меланія встала отъ одра болѣзни, ея дочь, прекрасная отрасль дѣвства, обѣщанная Богу, отошла къ Нему. Смерть ея еще больше склонила Апиніана къ храненію чистоты, тѣмъ болѣе что Меланія не переставала убѣждать его къ этому.

— Видишь,—говорила она, когда скончалась ихъ дочь,—какъ Самъ Богъ призываетъ насъ къ чистой жизни? Если бы Ему угодно было продолженіе нашего плотскаго супружества, Онъ не взялъ бы у насъ нашихъ дѣтей.

И такъ Апиніанъ и Меланія послѣ плотскаго естественнаго супружества вступили въ супружество высшее, духовное и побуждали другъ друга къ добродѣтели, упражняясь въ постѣ, молитвѣ, трудахъ, умерщвленіи плоти. Они согласились всѣ имѣнія отдать въ лицѣ нищихъ Христу, самимъ же совсѣмъ отречься отъ міра и стать иноками. Но родители Меланіи никакъ не хотѣли допустить этого. И вотъ, однажды ночью, когда Апиніанъ и Меланія много о томъ скорбѣли и совѣщались другъ съ другомъ, какъ бы избавиться имъ отъ хитросплетенныхъ сѣтей міра, внезапно осѣнила ихъ свыше Божественная благодать. Они ощутили великое благоуханіе, сходящее съ Неба, какого не можетъ постигнуть умъ и описать языкъ, и исполнились такой духовной отрады, что забыли всю свою скорбь. Съ тѣхъ поръ святыми овладѣла еще бо̀льшая жажда духовныхъ благъ: міръ и все, что въ мірѣ, опротивѣли имъ, и они рѣшили, бросивъ все, бѣжать куда-нибудь и стать иноками. Но Божій Промыселъ уготовилъ имъ иной путь къ достиженію желаемаго.

Вскорѣ умеръ отецъ Меланіи, и Апиніанъ съ Меланіею стали свободными въ своихъ дѣйствіяхъ. Но такъ какъ у нихъ было много богатствъ, которыя они обѣщались посвятить Христу, то они не тотчасъ разстались съ міромъ и отечествомъ своимъ. На то время, пока они не раздадутъ всего бѣднымъ, они избрали для себя мѣстожительствомъ одно свое имѣніе въ пригородѣ Рима и жили, строго храня чистоту. Въ то время, какъ эта блаженная чета избрала себѣ такую Богоугодную жизнь, Апиніану начинался 24-ый годъ, Меланіи же заканчивался 20-ый[1]). Поистинѣ великое чудо, что въ тѣ годы, въ которые юность горитъ обыкновенно огнемъ плотскихъ страстей,—эта святая чета, ведя жизнь выше плотскаго естества, оставалась неопаляемой, подобно отрокамъ въ пещи Вавилонской.

Все это произошло при руководствѣ Меланіи. Она, какъ мудрая раба Господня, строго наблюдала и за собою, и за мужемъ, такъ что была для своего мужа учительницею, наставницею, руководительницею на пути Господнемъ. Проводя такую дивную жизнь, они продавали свои имѣнія и безпрепятственно оказывали помощь нуждающимся.

Въ это время Богъ послалъ имъ одно испытаніе. Братъ Апиніана, именемъ Северъ, видя такую жизнь блаженной четы, сталъ считать Апиніана и Меланію ни во что и отнимать у нихъ нѣкоторыя имѣнія. Когда же увидѣлъ, что они не сопротивляются ему и не заботятся объ отнятомъ имуществѣ, сталъ помышлять о бо̀льшемъ, присвояя себѣ все. Апиніанъ и Меланія, по своему незлобію, терпѣли это, возложивъ упованіе на Бога. Печалило ихъ только одно: видя, какъ имѣнія, предназначенныя ими Христу, идутъ въ руки завистливому человѣку, они скорбѣли о томъ, что расхищается достояніе нищихъ. Но Господь, Который защищаетъ рабовъ Своихъ и избавляетъ ихъ изъ рукъ обидящихъ ихъ, возставилъ противъ Севера благочестивую царицу Верину[2]). Она слышала о богоугодной жизни Апиніана и Меланіи и, узнавъ, что Северъ отнимаетъ у нихъ имѣнія, призвала ихъ къ себѣ, и приняла ихъ съ почетомъ. Когда благочестивые супруги предстали предъ царицей въ убогой одеждѣ и со смиреннымъ видомъ,—то царица много дивилась ихъ убожеству и смиренію; потомъ, обнявъ Мела-

---

[1]) Эта перемѣна въ жизни Меланіи произошла въ 401 г.

[2]) *Верина*—супруга императора Гонорія, управлявшаго западною половиною Римской имперіи съ 395 по 423 г.

нію, она сказала ей: «Блаженна ты, избравшая себѣ такую жизнь!» При этомъ царица обѣщала отомстить за нихъ Северу. Но Меланія и Апиніанъ просили ее не прибѣгать къ мести, а только усовѣстить Севера, чтобы онъ не дѣлалъ имъ больше обидъ.

— Намъ,—сказали они,—лучше терпѣть обиды, чѣмъ обижать кого-нибудь, ибо Божественное Писаніе повелѣваетъ тому, кого ударили въ ланиту, подставить обидчику и другую[1]). Мы благодаримъ тебя, владычица, за то, что ты хочешь милостиво защитить насъ, но не просимъ мстить Северу. Наоборотъ, просимъ, чтобы ему не было изъ-за насъ сдѣлано никакого зла. Съ насъ довольно, если отнынѣ онъ перестанетъ дурно поступать съ нами и отнимать то, что принадлежитъ не намъ, а Христу и рабамъ Христовымъ—сиротамъ и вдовицамъ, нищимъ и убогимъ.

Еще просили они царицу, чтобы имъ можно было свободно, безъ всякихъ препятствій, продать ихъ большія имѣнія, которыя представляли собою города и селенія, находившіеся не только въ Италіи, въ области Римской, но и въ Сициліи[2]), въ Испаніи, Галліи и Британіи. Такъ богаты были родители Меланіи, что, кромѣ царя, не было никого богаче ихъ. Царица исполнила просьбу Апиніана и Меланіи, и имъ дана была свобода невозбранно продавать всѣ свои имѣнія, гдѣ бы они не находились. У Меланіи было желаніе дать царской сестрѣ нѣкоторые многоцѣнные дары, но та не захотѣла взять ничего изъ предлагаемаго, считая за святотатство взять что-либо изъ вещей, дарованныхъ Христу. Наконецъ, Апиніанъ и Меланія возвратились съ великою честью изъ царскихъ палатъ къ мѣсту своего пребыванія.

О размѣрахъ принадлежавшаго имъ богатства, которое они отдали Христу, можно судить изъ того, что въ то время никто не могъ купить ихъ дома въ Римѣ за соотвѣтствующую цѣну. Только впослѣдствіи, когда домъ былъ подожженъ варварами и значительно попорченъ пожаромъ, онъ былъ проданъ за цѣну, меньшую своей стоимости, и вырученныя отъ продажи его деньги были розданы убогимъ. Такимъ образомъ, можно положительно сказать, что Апиніанъ и Меланія выказали большее усердіе къ Богу, чѣмъ Іовъ. Ибо онъ благодарилъ Бога, когда лишился богатства помимо своей воли, а эти добровольно отказались

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 39.

[2]) *Сицилія*—большой островъ въ Средиземномъ морѣ близъ юго-западной оконечности Апенинскаго полуострова (Италіи).

отъ такихъ богатствъ, стремясь къ нищетѣ. Сначала такая жизнь была для нихъ полна скорбей и казалась весьма трудною, но потомъ стала легка и полна всякихъ утѣшеній: ибо ѝго Христово бл҃го и҆ бре́мѧ Его легко̀ є҆́сть[1]).

Діаволъ покушался искусить благочестивыхъ супруговъ корыстолюбіемъ. Однажды, когда принесено было имъ множество золота за проданныя имѣнія, онъ сталъ влагать имъ въ душу какую-то страсть къ золоту. Но Меланія, уразумѣвъ козни древняго змія, тотчасъ стерла его главу, вмѣняя золото за прахъ и неудержимо тратя его на убогихъ. Блаженная разсказывала о себѣ слѣдующее:

— Было у меня одно имѣніе съ домомъ на высокомъ прекрасномъ мѣстѣ; оно было лучше всѣхъ нашихъ имѣній. Съ одной стороны отъ него—разстилалось море, и съ горы было видно, какъ плывутъ корабли, какъ рыбаки ловятъ рыбъ. Съ другой—подымались высокія деревья, виднѣлись засѣянныя поля, сады и богатые виноградники; въ одномъ мѣстѣ были устроены роскошныя купальни, въ другомъ—водные источники; тамъ слышалось пѣніе различныхъ птицъ, здѣсь находились всякаго рода звѣри въ огражденныхъ для нихъ мѣстахъ, и охота за ними была успѣшна. И врагъ внушилъ мнѣ мысль поберечь это имѣніе ради его красоты и не продавать его, но сохранить для себя, чтобы жить въ немъ. Но, Божіею благодатію, я почувствовала, что это козни врага, и, обративъ мой умъ къ го́рнимъ селеніямъ, я немедленно продала то имѣніе и вырученныя деньги отдала Христу моему.

Послѣ продажи благочестивыми супругами ихъ италійскихъ имѣній, подаянія ихъ потекли подобно многоводнымъ рѣкамъ во всѣ концы земли. Они разсылали много милостыни въ Месопотамію, Финикію, Сирію, Египетъ и Палестину—церквамъ и монастырямъ мужскимъ и женскимъ, страннопріимнымъ домамъ и больницамъ, сиротамъ и вдовамъ, находящимся въ оковахъ и въ темницахъ, а также и на выкупъ плѣнныхъ. И Западъ, и Востокъ наполнены были щедротами, шедшими изъ ихъ рукъ. Иногда они покупали цѣлые острова, въ тихихъ и малолюдныхъ мѣстахъ и, построивъ тамъ монастыри, отдавали ихъ на содержаніе духовнаго чина. Повсюду украшали они святыя церкви золотомъ и серебромъ, священническими златотканными ризами и не щадили денегъ на церковное благолѣпіе. Потомъ, оставивъ малую часть своихъ

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 11, ст. 30.

земель въ Италіи непроданною, они, вмѣстѣ съ матерью Меланіи, которая была еще жива, сѣли на корабль и отплыли въ Сицилію, отчасти, чтобы самимъ продать тамошнія свои имѣнія, отчасти же, чтобы посѣтить блаженнаго епископа Павлина, своего отца духовнаго.

Вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда на Римъ напали варвары[1]) и опустошили мечомъ и огнемъ всѣ окрестности города и всю Италійскую землю. Хорошо сдѣлали святые, что успѣли, съ помощью Божіею, продать свои имѣнія раньше этого бѣдствія. Ибо то, чему предстояло погибнуть даромъ, безъ всякаго воздаянія отъ Бога, то превратилось для нихъ въ стократное воздаяніе въ вѣчной жизни. Къ тому же они сохранили цѣлымъ и свое временное здравіе, покидая Италію, какъ Лотъ—Содомъ[2]), прежде лютаго разоренія ея варварами. Побывавъ въ Сициліи и по дорогѣ туда повидавшись со святымъ Павлиномъ епископомъ Ноланскимъ[3]), они устроили дѣла касательно бывшихъ тамъ имѣній и отплыли къ Ливіи и Карѳагену[4]).

Когда они плыли по морю, поднялись сильная буря и великое волненіе, которыя продолжались много дней. Прѣсная вода въ кораблѣ уже оскудѣвала, между тѣмъ гребцовъ и слугъ было множество, и всѣ они терпѣли сильную жажду. Святая Меланія, понявъ, что Господь не благословляетъ избранный ими путь въ Ливію, приказала повернуть паруса вслѣдъ вѣтру, полагаясь на Бога, что Онъ направитъ корабль, куда захочетъ. Подхваченные вѣтромъ, они пристали къ одному острову. Незадолго до ихъ прибытія варвары, внезапно напавъ на этотъ островъ, завладѣли имъ и увели съ собою великое множество мужчинъ и женщинъ, а оставшимся жителямъ послали сказать, чтобы они, если хотятъ, скорѣе выкупили плѣнныхъ: иначе всѣ плѣнные будутъ обезглавлены. Населеніе острова находилось въ сильной печали, такъ какъ, по скудости средствъ, немногіе могли заплатить выкупъ.

---

[1]) Разумѣются *Готѳы*, народъ германскаго племени, которые осаждали Римъ въ 408, 409 и 410 годахъ и, наконецъ, разграбили его.

[2]) *Лотъ*—племянникъ родоначальника евреевъ—Авраама. Отдѣлившись отъ дяди, онъ поселился съ своимъ семействомъ въ Содомѣ—городѣ, находившемся въ долинѣ, на мѣстѣ которой образовалось Мертвое море. Когда содомляне своими грѣхами прогнѣвали Бога и Богъ осудилъ Содомъ на уничтоженіе, то Лотъ, предъувѣдомленный о томъ Ангеломъ, вмѣстѣ съ женою и дочерьми бѣжалъ изъ Содома.

[3]) Городъ *Нола* находился на югѣ Италіи, въ Кампаніи. Св. Паулинъ былъ епископомъ въ Нолѣ съ 409 по 431 г. Память его—мѣсяца января въ 23-й день.

[4]) На сѣверѣ Африки, почти противъ Италіи.

Въ то время присталъ къ острову корабль, на которомъ плыли Меланія и Апиніанъ. Епископъ того острова, услыхавъ, что къ нимъ присталъ корабль изъ Рима, пришелъ просить помощи на выкупъ плѣнныхъ и получилъ больше, чѣмъ ожидалъ. Сжалившись надъ ними, Меланія и Апиніанъ дали столько золота, сколько требовалось на выкупъ всѣхъ плѣнныхъ. Когда они отчалили отъ этого острова, подулъ вѣтеръ тихій и благопріятный, и вскорѣ они достигли Карѳагена. Выйдя тамъ изъ корабля, они творили свои обильныя дѣла милосердія, благотворя церквамъ и монастырямъ, облегчая положеніе нищихъ и больныхъ.

Творя такія добрыя дѣла, они поселились въ одномъ городѣ, находящемся недалеко отъ Карѳагена, который назывался Тагаста. Епископомъ Тагасты былъ Алипій, другъ блаженнаго Августина[1]), мужъ искусный въ словѣ и ученіи, мудро наставлявшій всѣхъ, приходившихъ къ нему. Полюбивъ этого добраго пастыря, Апиніанъ и святая Меланія богато украсили его церковь и купили для нея много угодій; кромѣ того, они создали тамъ два монастыря, одинъ мужской—на восемьдесятъ иноковъ, другой женскій—на сто тридцать инокинь, и обезпечили эти монастыри землею и всѣмъ нужнымъ. Святая Меланія стала пріучать себя постепенно къ посту все болѣе и болѣе строгому, сначала вкушала черезъ день, потомъ черезъ два, наконецъ, оставалась безъ пищи всю недѣлю, кромѣ субботы и воскресенья. Иногда она занималась переписываніемъ книгъ, такъ какъ она писала очень красиво и безъ ошибокъ, иногда изготовляла одежды для нищихъ. Переписанныя книги она посылала на продажу, а вырученныя этимъ трудомъ деньги раздавала нищимъ. Усердно занималась она и чтеніемъ Священнаго Писанія. Когда руки ея уставали отъ работы или отъ письма, то она упражнялась въ чтеніи и какъ бы задавала работу очамъ своимъ. Если же и глаза ея уставали отъ долгаго чтенія, ей помогалъ слухъ, потому что она приказывала другимъ читать, а сама слушала. У нея былъ обычай ежегодно трижды прочитывать Ветхій и Новый Завѣтъ; а наиболѣе важныя мѣста она удерживала у себя въ памяти и постоянно имѣла на устахъ. Спала она ночью едва два часа, и то не на постели, а на землѣ, на худой рогожѣ. Она говорила, что всегда нужно бодрствовать, потому что не знаемъ, въ какой часъ придетъ воръ.

---

[1]) О *блаж. Августинѣ* см. пр. 3, на стр. 693.—Алипій избранъ былъ на епископскую каѳедру въ Тагастѣ въ 391 г.

Къ такому подвижническому образу жизни она пріучила и прислуживавшихъ ей дѣвицъ; но немало и юношей склонила она жить въ чистотѣ и хранить дѣвство. Много душъ невѣрныхъ пріобрѣла она для Христа и привела къ Богу.

Послѣ семилѣтней жизни въ Карѳагенѣ Меланія пожелала видѣть Святыя мѣста, находящіяся въ Іерусалимѣ. Сѣвъ на корабль съ матерью и съ Апиніаномъ, который прежде былъ мужемъ ея, а теперь уже духовнымъ братомъ и спостникомъ, она поплыла вмѣстѣ съ ними по морю. Корабль, на которомъ они плыли, при благопріятномъ вѣтрѣ благополучно присталъ къ Александріи. Здѣсь они привѣтствовали святаго Кирилла, архіепископа Александрійскаго[1]). Насладившись общеніемъ съ нимъ, они отправились опять по морю и достигли Святаго Града Іерусалима. Прибывъ сюда, они съ великимъ умиленіемъ и невыразимою отрадою на сердцѣ обходили Святыя мѣста, которыя освятилъ святѣйшими стопами Своими Господь нашъ и Пречистая Богоматерь. У Гроба Господня блаженная Меланія всякую ночь оставалась съ вечера для молитвы. Тамъ возсылала она ко Христу Господу теплыя моленія, плача, припадая ко Гробу Господню, обнимая его и лобызая.

Во время пребыванія Меланіи и Апиніана во Іерусалимѣ одинъ вѣрный другъ ихъ продалъ оставшіяся италійскія имѣнія ихъ и прислалъ деньги къ нимъ въ Іерусалимъ.

Побывавъ въ Іерусалимѣ, они пожелали еще отправиться въ Египетъ, чтобы видѣть тамъ пустынныхъ отцовъ и послужить имъ отъ своего имѣнія. Они отправились по морю въ путь, а мать свою, которая была очень стара и утомлена, оставили во Святомъ Градѣ. При этомъ ей было поручено построить для ихъ жительства домъ на Елеонской горѣ.

Въ Египтѣ Меланія съ своимъ духовнымъ братомъ Апиніаномъ посѣщали пустынныхъ отцовъ и получали для души великую пользу отъ ихъ Богодухновенныхъ рѣчей. Въ то же время они оказали тамъ великія щедроты нуждающимся. Но при этомъ они встрѣтили немало такихъ нестяжательныхъ отцовъ, которые не пожелали взять предлагаемой имъ милостыни и бѣжали отъ золота, какъ отъ жала змѣи. Въ числѣ такихъ былъ одинъ—именемъ Ефестіонъ, который, на мольбы ихъ принять нѣсколько золотыхъ

---

[1]) О св. *Кириллѣ Александрійскомъ* см. пр. 3, на стр. 704.

монетъ, отказался отъ этого. Обходя келлію его и разсматривая имущество пустынника, Меланія нашла только рогожу и водоносъ, немного сухого хлѣба и коробъ, въ которомъ была соль. Она потихоньку положила золото въ этотъ коробъ и покрыла солью. Когда они вышли отъ пустынника, отъ старца не утаился этотъ поступокъ Меланіи. Онъ, найдя золото, побѣжалъ за ними, громко восклицая, чтобы они остановились и подождали его. Когда они остановились, старецъ показалъ имъ золото, которое держалъ въ своей рукѣ, и сказалъ:

— Не нужно мнѣ этого: не знаю, на что его употребить; возьмите свое добро назадъ.

Тѣ отвѣчали:

— Если оно не нужно тебѣ, отдай другимъ.

Но старецъ возразилъ:

— Кому здѣсь нужно это, и на что? Вы видите, что мѣсто здѣсь пустое.

Тѣ все не хотѣли взять отъ старца назадъ своего золота, и тогда онъ бросилъ его въ рѣку и возвратился въ келлію.

Послѣ того путники прибыли снова въ Александрію, затѣмъ въ Нитрію[1]), всюду обходя жилища пустынниковъ, подобно пчеламъ, летающимъ по различнымъ цвѣтамъ и собирающимъ съ нихъ. Затѣмъ они вернулись въ Іерусалимъ, обогатившись многополезными назиданіями, полученными отъ святыхъ пустынниковъ. И, какъ надѣялись, нашли уже готовымъ домъ для себя у Елеонской горы. Тамъ они и поселились.

Меланія затворилась въ тѣсной келліи, положивъ такой завѣтъ, чтобы ни ей никого не видать, ни ее чтобъ никто не видѣлъ. Только разъ въ недѣлю ее посѣщали мать ея и духовный братъ Апиніанъ. Въ такомъ затворѣ она провела четырнадцать лѣтъ. Въ это время преставилась мать Меланіи, исполненная добрыхъ дѣлъ и благаго упованія. Святая, сотворивъ должное поминовеніе по почившей матери, снова затворилась въ еще болѣе тѣсной и очень темной комнатѣ, и провела въ ней одинъ годъ. Повсюду прошла о ней слава, многіе стали приходить къ ней ради духовной пользы. Тогда Меланія вышла изъ затвора, чтобы послужить спасенію другихъ. Она устроила монастырь, собравъ свыше девя-

---

[1]) *Нитрія*—гора къ югу отъ Александріи, на западъ отъ рѣки Нила, близъ Ливійской пустыни. Названіе горы получилось отъ нитры, или селитры, въ озерахъ, примыкавшихъ къ горѣ.

носта дѣвицъ. Къ ней собралось много и явныхъ грѣшницъ, и, наставляемыя ею на путь покаянія, они начали вести Богоугодную жизнь. Для своего монастыря Меланія избрала игуменію, сама же стала служить всѣмъ, какъ раба, и заботилась о всѣхъ, какъ мать. Она поучала сестеръ разнымъ добродѣтелямъ, во первыхъ—чистотѣ, потомъ—любви, безъ которой не можетъ быть совершенною ни одна добродѣтель, затѣмъ смиренію, послушанію, терпѣнію и незлобію. Въ назиданіе она разсказала имъ слѣдующую повѣсть.

«Къ одному великому старцу какъ-то пришелъ нѣкій юноша, желая быть его ученикомъ. А старецъ, показывая съ самого начала, какимъ долженъ быть ученикъ, велѣлъ ему взять жезлъ и накрѣпко бить столпъ, стоящій у воротъ, наскакивая на него и ударяя его ногами. Ученикъ, повинуясь старцу, ударялъ бездушный столпъ, сколько было у него силъ. Старецъ спросилъ юношу:

— Оказывалъ ли тебѣ этотъ столпъ, который ты ударялъ, сопротивленіе и оскорбился ли? Побѣжалъ ли онъ съ своего мѣста или бросился на тебя?

Юноша отвѣчалъ:

— Нѣтъ!

Старецъ сказалъ тогда:

— Бей же его крѣпче, сопровождай удары самыми жестокими словами: досаждай, укоряй, обезчещивай, поноси и всячески злословь его.

Когда юноша и это сдѣлалъ, старецъ спросилъ:

— Разгнѣвался ли на тебя поносимый столпъ, сказалъ ли что-нибудь противъ тебя? Порогалъ ли, или укорилъ тебя?

Юноша отвѣчалъ:

— Нѣтъ, отче! Да и какъ можетъ разгнѣваться столпъ нечувствующій и бездушный?

Старецъ опять сказалъ:

— Если ты можешь быть такимъ, какъ этотъ столпъ, не гнѣваясь на тѣхъ, кто бьетъ тебя, не бѣгая отъ ударовъ, не прекословя тѣмъ, кто приказываетъ тебѣ, не возражая укорами на укоры, если ты среди всякихъ скорбей останешься постоянно непоколебимымъ, какъ столпъ, то приходи, будь нашимъ ученикомъ. Иначе же не приближайся и къ нашимъ дверямъ.»

Такою повѣстью блаженная поучала сестеръ терпѣнію и незлобію, и онѣ назидались этимъ примѣромъ, который былъ имъ на

пользу. Поучая и наставляя сестеръ созданнаго ею монастыря, святая Меланія въ то же время соорудила въ томъ монастырѣ благолѣпную церковь и постаралась, чтобы церковь была освящена святыми мощами Пророка Захаріи, первомученика Стефана и сорока мучениковъ.

Послѣ этихъ событій ея духовный братъ, бывшій прежде супругомъ по плоти, блаженный Апиніанъ, угодивъ Господу Богу, отошелъ къ Нему уже въ иноческомъ чинѣ. Меланія съ честію погребла его и потомъ сама стала готовиться къ исходу, ожидая скорой кончины. Но Промыслъ Божій продлилъ ея жизнь для спасенія другихъ. По смерти Апиніана Меланія создала еще мужской монастырь и истратила на это уже послѣднее свое имущество, отдавъ все во славу Божію. Такимъ образомъ та, которая духомъ давно уже стяжала нищету, стала нищею тѣлесно.

Въ то время пришло къ Меланіи посланіе изъ Царьграда, отъ дяди ея Волусіана Римлянина. Этотъ Волусіанъ, получившій тогда должность римскаго анѳипата[1]), съ особымъ порученіемъ отъ западнаго императора былъ отправленъ въ Византію. Прибывъ на Востокъ, онъ пожелалъ увидаться со своей племянницею преподобною Меланіею. Поэтому онъ нарочно послалъ къ ней въ Іерусалимъ, прося ее пріѣхать къ нему въ Византію и повидаться съ нимъ. Сперва Меланія не хотѣла отправляться къ дядѣ, такъ какъ онъ придерживался еллинскаго многобожія; но потомъ, по совѣту духовныхъ отцовъ, она поѣхала къ нему, побуждаемая надеждою обратить его къ Богу. По пути во всѣхъ городахъ, гдѣ останавливалась святая, всюду воздавалась ей великая честь, ибо Богъ прославляетъ прославляющихъ Его. Ее встрѣчали архіереи и священники, старѣйшины городскіе и народъ, и всѣ принимали ее съ любовью, какъ бы пришелицу съ Неба, потому что всему міру сіялъ свѣтъ ея добродѣтелей и святой жизни. Въ самой же столицѣ она также была принята съ великою честью царемъ Ѳеодосіемъ Младшимъ, царицею его Евдокіею и Патріархомъ Прокломъ. Дядю своего Волусіана она застала больнымъ. Увидѣвъ ее, дядя много удивлялся ея иноческому одѣянію и умерщвленію плоти, ибо лицо ея изсохло отъ долгихъ постовъ и трудовъ и прежняя красота ея увяла. И воскликнулъ Волусіанъ:

— Какою стала ты, возлюбленная Меланія!

---

[1]) *Анѳипатъ* — начальникъ области, въ составъ которой входило нѣсколько провинцій.

Но къ чему долго разсказывать? Отчасти личность Меланіи, отчасти святый Проклъ[1]), больше же всего Боговдохновенная бесѣда благочестивой рабы Христовой и полезныя ея увѣщеванія сдѣлали вскорѣ то, что дядя ея отвергъ еллинское нечестіе и принялъ Святое Крещеніе. Сподобившись Святыхъ Таинъ, онъ чрезъ немного дней послѣ того предалъ духъ свой Богу и былъ погребенъ руками святой Меланіи.

Во время своего довольно продолжительнаго пребыванія въ Византіи Меланія обратила къ правой вѣрѣ многихъ изъ ереси Несторія, которая тогда сильно смущала Церковь, а также сохранила отъ отпаденій многихъ православныхъ, ибо Господь даровалъ ей такую благодать, что не могли ее никакъ одолѣть еретическія хитросплетенныя рѣчи несторіанъ. Преподобная прекрасно знала Писаніе, употребивъ всѣ годы своей жизни на его чтеніе и исполняясь благодати Святаго Духа. Съ утра до вечера съ нею бесѣдовали различные люди и вопрошали ее о Православіи, а она давала премудрые отвѣты, такъ что вся столица дивилась ея премудрости. Потомъ блаженная снова возвратилась въ Іерусалимъ и, приближаясь къ кончинѣ своей, приготовлялась къ доброму исходу.

Ей былъ данъ даръ исцѣленій, и она исцѣляла многія болѣзни. Изъ этихъ исцѣленій, совершенныхъ ею, разскажемъ о нѣкоторыхъ, въ доказательство вселившейся въ нее Божіей благодати.

Царица Евдокія[2]), нарекшая преподобную Меланію своею духовною матерью, прибыла въ Іерусалимъ, отчасти—чтобы поклониться Святымъ мѣстамъ, отчасти—чтобы посѣтить свою духовную мать.

По дорогѣ она вывихнула ногу и сильно страдала, такъ что не могла ступить. Когда же святая Меланія только коснулась ея ноги,—нога стала здоровою.

Одна молодая женщина была мучима бѣсомъ, который такъ заключилъ ей уста, что ихъ нельзя было открыть, она не могла выговорить ни слова, ни вкусить пищи, и ее ждала смерть—скорѣе отъ долгаго лишенія пищи, чѣмъ отъ мученій бѣса. Эту женщину преподобная Меланія исцѣлила молитвою, помазавъ ее святымъ елеемъ. Бѣсъ вышелъ изъ нея, и ея уста открылись, чтобы

---

[1]) *Св. Проклъ*—Патріархъ Константинопольскій съ 434 по 447 г.

[2]) *Императрица Евдокія*—супруга восточнаго императора Ѳеодосія II, царствовавшаго съ 408 по 450 г.

славословить и благодарить Бога, и, вкусивъ пищи, она стала здоровой.

Другая женщина была беременной, и настало время родить ей; но не могла она сдѣлать этого, такъ какъ ребенокъ умеръ у нея въ утробѣ. Терзаемая страшными болями, она была при смерти. Но святая Меланія помогла этой женщинѣ своими молитвами. Какъ только на грудь больной женщины былъ наложенъ поясъ, она разрѣшилась отъ бремени: изъ нея вышелъ мертвый плодъ, ей стало легче, и она стала говорить, тогда какъ раньше не могла произнести ни одного слова.

Провидя свое отшествіе къ Богу, преподобная обошла Святыя мѣста во Іерусалимѣ и въ окрестностяхъ, въ Виѳлеемѣ и Галилеѣ. Когда наступилъ праздникъ Рождества Христова, она была на Всенощномъ бдѣніи въ вертепѣ, гдѣ родился Христосъ, и тамъ сказала одной изъ сестеръ, своей родственницѣ, которая была при ней неотступно, что уже въ послѣдній разъ она справляетъ съ ними праздникъ Рождества Христова. Родственница святой, услышавъ такія слова, горько заплакала. Потомъ на день святаго первомученика Стефана Меланія была на Всенощномъ бдѣніи въ храмѣ его, находящемся въ построенной ею обители. Читая сестрамъ объ убіеніи святаго первомученика, она прибавила къ этому отъ себя, что читаетъ имъ уже въ послѣдній разъ. Великій плачъ поднялся тогда о ней между сестрами: онѣ поняли, что святая вскорѣ покинетъ этотъ міръ. Меланія же по своему обычаю долго утѣшала ихъ Боговдохновенными рѣчами своими и поучала добродѣтелямъ. Потомъ она вышла въ церковь и стала молиться:

— Господи Боже мой, Котораго я избрала и возлюбила отъ начала, Котораго я предпочла плотскому мужу, богатствамъ, славѣ и сластямъ мірскимъ, Которому отъ рожденія моего вручила я тѣло и душу мою, ради Котораго я предавалась воздержанію, такъ что и кости прилипли къ плоти моей,—Который руководилъ десницей Моей и наставлялъ меня внушеніемъ Своимъ,— и нынѣ Ты услышь молитвенный вопль мой. И пусть эти слезы мои подвигнутъ потоки милосердія Твоего ко мнѣ. Очисти грѣховныя скверны мои вольныя и невольныя. Уготови мнѣ путь къ Себѣ безъ всякаго смущенія и препятствія, чтобы воздушные злые бѣсы не удержали меня. Ты знаешь, Безсмертный, смертное естество наше. Ты знаешь, Человѣколюбецъ, что нѣтъ чело-

вѣка безъ скверны; нѣтъ такого, на которомъ врагъ не могъ бы найти какой-нибудь вины, хотя бы онъ жилъ и одинъ день. Но Ты, Владыко, презрѣвъ всѣ мои грѣхи, содѣлай меня чистою на судѣ Твоемъ.

Такъ молилась святая Меланія и, еще не окончивъ молитвы, начала испытывать тѣлесную боль. Но, хотя она и изнемогала отъ болѣзни, все же не прекращала своего труда, ходила на обычное церковное Богослуженіе и съ утра наставляла сестеръ поученіями. Потомъ она причастилась Пречистыхъ и Божественныхъ Таинъ изъ рукъ епископа Елевѳеропольскаго[1]), пришедшаго съ клиромъ посѣтить ее, и стала ожидать наступленія смерти. При этомъ она утѣшала родственницу свою, горько оплакивавшую разлуку со святою, а также и всѣхъ сестеръ и, простившись со всѣми послѣднимъ цѣлованіемъ, сказала слѣдующія слова:

— Какъ Богу было угодно — такъ и сбылось.

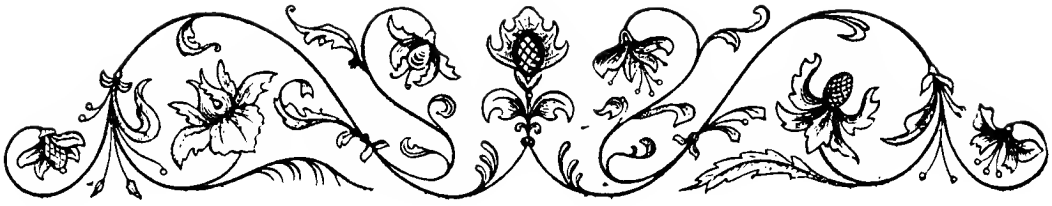
Съ этими словами она, лежа на простомъ одрѣ, предала духъ свой въ руцѣ Божіи, крѣпко смеживъ очи и сложивъ руки на груди крестообразно[2]).

На погребеніе ея собрались иноки и инокини изъ всѣхъ монастырей, находившихся вокругъ Святаго Града, и всю ночь пѣли надъ нею Псалмы, потомъ съ честью похоронили ее. Святая же ея душа отошла ко Господу Богу, Котораго она возлюбила и Которому усердно работала всѣ дни жизни своей. И теперь, со всѣми святыми, пріобщаясь славы Его, она и о насъ грѣшныхъ молитъ тамъ Отца, и Сына, и Святаго Духа, Единаго въ Троицѣ Бога. Ему слава во вѣки. Аминь.

[1]) *Елевѳерополь* — городъ въ южной Палестинѣ, на дорогѣ между Іерусалимомъ и Газою. Въ настоящее время здѣсь расположено селеніе, лежащее при выходѣ изъ равнины Сефельской въ Нагорную землю Іудину. Недалеко отъ этого селенія лежатъ развалины древняго Елевѳерополя.

[2]) Это было 31 декабря въ 439 году.

ПРИЛОЖЕНІЯ



ЖИТІЕ

СВЯТАГО ПРАВЕДНАГО

пресвитера ІОАННА, КРОНШТАДТСКАГО ЧУДОТВОРЦА

В ночь на 19-ое октября 1829-го года на берегахъ рѣки Пинеги, въ селѣ Сурѣ, Пинежскаго уѣзда, Архангельской губерніи, въ 600 верстахъ отъ Бѣлаго моря, въ бѣдной семьѣ сельскаго причетника Ильи Сергіева родился мальчикъ — такой хилый и болѣзненный, что родители, не разсчитывая, что онъ проживетъ даже нѣсколько дней, въ ту же ночь окрестили его, давъ ему имя въ честь преподоб. Іоанна Рыльскаго, память котораго празднуется на слѣдующій день.

Дивенъ Божій Промыселъ! Никто изъ видѣвшихъ ребенка не могъ и подумать, чтобы онъ могъ прожить болѣе нѣсколькихъ дней, но "судьбы Господни неисповѣдимы", и вотъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ отецъ Іоаннъ, когда-то хилый и болѣзненный ребенокъ, сдѣлался избраннымъ сосудомъ Божіимъ, обильно источающимъ благодать на всѣхъ, съ вѣрою притекающихъ къ нему.

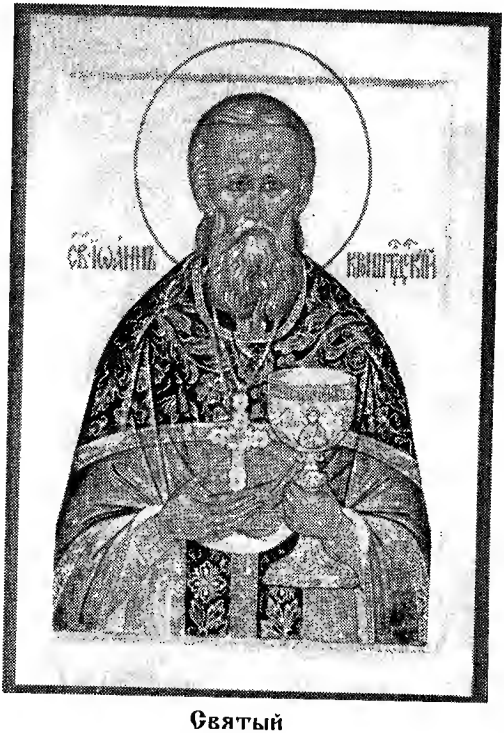
Вскорѣ послѣ Крещенія ребенокъ видимо сталъ поправляться, и благочестивые родители его, приписывая это чудесному дѣйствію Святаго Крещенія, ревностно взялись за воспитаніе подраставшаго Іоанна, внушая ему самыя строгія правила благочестія.

Въ крайней нуждѣ жила семья сельскаго причетника Ильи Сергіева: бѣдность, безысходная нужда — вотъ что было ея удѣломъ!

Пресвитер Иоанн Кронштадтский причислен к лику святых Поместным собором Русской Православной Церкви в июле 1990 г.

И изъ такой-то нищеты милосердому Господу угодно было воздвигнуть свѣтильникъ да свѣтитъ міру!

Благодаря нравственному вліянію окружающихъ Іоаннъ росъ молчаливымъ, сосредоточеннымъ въ самомъ себе мальчикомъ, и только церковное Богослуженіе съ пѣснопѣніями и молитвами восхищали душу кроткаго отрока. Живя близко съ природою, онъ восхищался ею: каждая полевая былинка, каждое насѣкомое возбуждали въ немъ покорность и благоговѣніе предъ величіемъ Творца всяческихъ...



Святый ІОАННЪ

Позднѣе въ одномъ мѣстѣ онъ скажетъ:

"Дивно всемогущество Твое, Господи! Какъ Ты сказалъ въ началѣ, такъ донынѣ каждый злакъ, каждое деревцо и дерево слушаются Тебя! Съ наступленіемъ весны, лишь только будетъ достаточное количество теплоты для развитія растеній, у бездушной Твоей твари начинается дивная работа въ скромной неизвѣстности нѣдра земного, также — на стебляхъ и сучьяхъ деревъ, безъ шуму, безъ стуку, правильно, постепенно. Вотъ они выходятъ на свѣтъ Божій: ни одна травушка, ни одинъ листочекъ, ни одно деревцо не собьется съ пути, не забудетъ даннаго ему образа (формы) и смотрите,— откуда что берется: травка на землѣ или листочекъ на деревѣ развертывается, становится шире и шире, больше и больше, и, наконецъ, голая земля покрывается прекраснымъ разноцветнымъ ковромъ, который манитъ и глазъ, и обоняніе; а деревья наряжаются въ лиственную густую одежду и прикрываютъ свои члены. Такъ все дѣлается живописно, нарядно на нашей землѣ отъ этихъ растеній! И все это берется какъ будто изъ ничего, по одному слову Господню, сказанному однажды навсегда! Да и мы, братія, не изъ того же ли небытія возникаемъ къ бытію? Чѣмъ мы бываемъ въ началѣ

— *въ чреслѣхъ отчіихъ?* (Посл. къ Евр. 7, 10). Не очевидно ли чрезъ это Творецъ даетъ намъ знать, что въ началѣ Онъ привелъ все изъ небытія въ бытіе? Братія, будемъ смотреть на растенія и поучаться. Какъ очевиденъ, осязателенъ Господь нашъ, нашъ Отецъ всемогущій, въ этихъ растеніяхъ! Каждая травка, каждый листочекъ, каждый цветокъ какъ будто шепчетъ намъ: "тутъ Господь!" Разсматривайте, братія, премудрое устройство растеній и познавайте въ нихъ Бога"...

Когда Іоанну минуло девять лѣтъ, отецъ отвезъ его въ архангельское Приходское училище, съ трудомъ собравъ для этого послѣднія крохи.

Трудно сначала давалась грамота неподготовленному мальчику, ближайшихъ руководителей у него не было, до всего доходить приходилось самому; но сила Божія видимо подкрѣпляла его, вооружая терпѣніемъ и энергіею. Впрочемъ, и на него иногда нападало отчаяніе въ возможности хотя какихъ-нибудь успѣховъ въ ученіи; но будучи пріученъ съ дѣтства въ трудныя минуты жизни прибѣгать къ Богу съ горячей мольбою, Іоаннъ молилъ Его, чтобы Онъ далъ ему разумѣтъ то, что давалось съ такимъ трудомъ. Разъ, въ одинъ изъ такихъ тяжелыхъ моментовъ, въ глубокую полночь, когда всѣ ученики уже спали, онъ обратился съ горячей простодушной дѣтской мольбой къ Богу о ниспосланіи ему разумѣнія наукъ. И дѣтская мольба была услышана: Божественная благодать осѣнила его, и съ техъ поръ, какъ выражается отецъ Іоаннъ въ своей автобіографіи, завѣса спала съ его очей, и онъ сталъ хорошо понимать преподаваемое ему, такъ что по переходѣ въ Семинарію успѣхи его въ наукахъ увеличивались съ каждымъ годомъ, и въ 1851 году Іоаннъ Сергіевъ окончилъ Семінарію, и мѣстное епархіальное начальство отправило его на казенный счетъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію, что въ тогдашнее время было явленіемъ рѣдкимъ.

Столичная жизнь, обыкновенно развращающая молодое поколѣніе, и Академія нисколько не измѣнили Іоанна Сергіева: онъ оставался все тѣмъ же религіознымъ юношею, живущимъ внутреннею духовно-созерцательною жизнію. Вскорѣ по поступленіи Іоанна Сергіева въ Академію умеръ его отецъ, бывшій единственной поддержкой своей старой супруги, матери отца Іоанна. И молодой студентъ, свято хранившій чувство сыновней любви, заменилъ своей горячо любимой матери отца, посылая ей около десяти рублей в месяцъ, которые онъ получалъ, принявъ въ ущербъ своим занятіямъ предложенное ему мѣсто письмоводителя в академическомъ правленіи съ жалованіемъ около десяти рублей.

Когда Іоанну было семнадцать лѣтъ, то онъ хотѣлъ принять монашество и отправиться куда-нибудь за предѣлы нашего отечества миссіоне-

ромъ, чтобы тамъ, далеко за предѣлами Россіи, среди тьмы язычества распространять свѣтъ Православія. Но всемудрый Промыслъ рѣшилъ иначе, и впослѣдствіи ему пришлось всю жизнь провести у моря, почти не выѣзжая изъ Россіи.

Однажды, во время одной изъ частыхъ своихъ прогулокъ по академическому саду, молодой студентъ Іоаннъ Сергіевъ размышлялъ о своей будущей миссіонерской дѣятельности. Онъ совершенно свыкся съ мыслью о дѣятельности такого рода. Окончивъ прогулку, онъ заснулъ и во снѣ увидалъ себя священникомъ, служащимъ въ кронштадтскомъ Андреевскомъ соборѣ, о которомъ до сихъ поръ не имѣлъ никакого понятія.

Сонъ этотъ вскорѣ же сбылся. Въ 1855 году Іоанн Сергіевъ окончилъ Академію со степенью кандидата богословія, и ему предложено было вступить въ бракъ съ дочерью протоіерея К. П. Несвицкого, Елизаветою, и принять санъ священника. Молодой кандидатъ Академіи принялъ это предложеніе и былъ рукоположенъ въ санъ священника, занявъ первую открывшуюся вакансію въ окрестностяхъ Петербурга.

И тутъ было суждено сбыться его вѣщему сну: случай выпалъ въ кронштадтскій Андреевскій соборъ.

Съ 12-го декабря 1855 года начинается трудная, нравственно-отвѣтственная, плодотворная пастырская дѣятельность священника Іоанна Ильича Сергіева, котораго народъ переименовалъ въ *отца Іоанна Кронштадтскаго.*

Какъ лучшую иллюстрацію пастырской дѣятельности приведемъ его собственныя слова:

"Съ первыхъ же дней своего высокаго служенія Церкви я поставилъ себѣ за правило: сколь возможно искреннѣе относиться къ своему дѣлу, къ пастырству и священнослуженію, строго слѣдить за собою, за своею внутреннею жизнью"...

Каждый воскресный день отецъ Іоаннъ произносилъ въ церкви проповѣди или велъ бесѣды. Кромѣ того, сознавая всю высоту своего сана, отецъ Іоаннъ чрезъ внутреннее самоиспытаніе проникъ духомъ, что пастырю прежде всего необходимо заслужить любовь паствы, что только ея сердечное отношеніе къ нему можетъ служить прочной поддержкой и утѣшеніемъ въ многотрудномъ дѣлѣ священства, поэтому онъ заранѣе составилъ планъ своей духовной дѣятельности, планъ самый высоконравственный — хранить въ чистой совѣсти дары Св. Духа, сообщенные чрезъ архипастырское рукоположеніе, совершать Богослуженія по возможности каждодневно, приносить безкровную жертву, укрѣпляясь духомъ, возносить Всевышнему молитвы о вѣрующихъ и, наконецъ, по

прохожденіи земнаго пути предстать на Страшномъ Судѣ предъ Лицемъ Нелицеприятнаго Судіи и отдать отчетъ не только о своихъ дѣлахъ, но и о дѣлахъ паствы, которую ему было поручено не оставлять и вести въ дѣлахъ спасенія.

Сознавая также, что пастырь долженъ служить въ дѣлѣ спасенія своей паствы не только словомъ, но и дѣломъ, отецъ Іоаннъ поставилъ въ основу своего служенія полнѣйшее самоотреченіе въ нравственномъ отношеніи, а въ отношеніи къ ближнимъ — евангельскую любовь, т. е. такую, которая пріобрѣтается не внѣшними качествами, а дѣлами, каковымъ, по наставленію Апостола Павла, долженъ быть пресвитеръ: образъ буди вѣрнымъ: словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою (1 Посл. къ Тимоѳ. 4, 12).

Кромѣ проповѣдничества, отецъ Іоаннъ съ первыхъ же шаговъ своего служенія Царю Небесному возымѣлъ попеченіе о бѣдныхъ, болящихъ и скорбящихъ.

Еще съ 60-хъ годовъ Кронштадтъ служилъ мѣстомъ административной ссылки нищихъ, бродягъ и разнаго рода провинившихся и порочныхъ людей, главнымъ образомъ мѣщанъ и разнаго сброда.

Эти ссыльные назывались "посадскими", и въ описываемое время мирные граждане много терпѣли отъ нихъ, ночью же на городскихъ улицахъ нерѣдко случались нападенія и грабежи.

И вотъ на этихъ-то падшихъ, презираемыхъ всѣми людей обратилъ вниманіе любвеобильный пастырь.

Отецъ Іоаннъ, не гнушаясь вещественною и нравственною грязью этихъ "золоторотцевъ", немедленно, по первому же зову, являлся къ нимъ для совершенія требъ. И появленіе этого "пастыря добраго" среди отпавшихъ овецъ словеснаго стада было подобно солнечному лучу, проникшему въ темный и мрачный подвалъ, и чѣмъ далѣе этотъ лучъ проникаетъ туда, тѣмъ свѣтлѣе и веселѣе становится въ немъ.

Появленіе отца Іоанна всегда приносило съ собою неистощимый запасъ отеческихъ наставленій, милосердія, утѣшенія и способствовало нравственному поднятію этихъ блудныхъ сыновъ.

Будучи и самъ съ дѣтскихъ лѣтъ бѣднякомъ, отецъ Іоаннъ близко принялъ къ сердцу и очень тонко понялъ нужду этихъ несчастныхъ.

Обыкновенно, когда отецъ Іоаннъ приходилъ куда-нибудь въ трущобу, откуда просили его о посѣщеніи, то, удовлетворивъ нуждающегося въ немъ, часто просиживалъ довольно продолжительное время, наставляя бѣдняковъ христіанскому ученію, и даже не гнушался вкусить скудной трапезы бѣдняка, помня слова Апостола: предлагаемое да ядятъ.

Кроме изложеннаго, въ это же самое время отецъ Іоаннъ трудился и на поприщѣ педагогики, сперва законоучителемъ въ кронштадтскомъ городскомъ училищѣ, а затемъ — въ гимназіи.

Въ началѣ своего священнослуженія отецъ Іоаннъ обществомъ встрѣченъ былъ холодно: глазамъ современниковъ отецъ Іоаннъ представлялся какъ бы экзальтированнымъ, сосредоточеннымъ, уходящимъ внутрь себя, презирающимъ внѣшнее впечатлѣніе человѣкомъ. Нерѣдко онъ возбуждалъ удивленіе, а то и насмѣшки. Нѣкоторые даже считали его за помѣшаннаго. Конечно, слухи объ этомъ не могли не достигнуть отца Іоанна, но они нисколько не смущали его свѣтлую, чистую душу. Для человѣка зауряднаго, немощнаго духомъ, казалось бы, не могло быть исхода изъ этой борьбы, но отецъ Іоаннъ, одаренный свыше необычайною силою духа, понялъ свой обычный исходъ — вѣру, и вѣра, наконецъ, достигла того, что постепенно совершился благопріятный переворотъ въ общественномъ мнѣніи: въ молодомъ священникѣ перестали уже видѣть юродиваго, напротивъ, всѣмъ стало ясно, что именно такимъ и долженъ быть истинный служитель Православной Церкви. Какъ и все въ нашей жизни обыкновенно начинается съ малаго, такъ и въ этомъ случаѣ начало счастливой перемѣны общественнаго мнѣнія положили тѣ маленькіе, ничтожные бѣдные люди, подонки общества, "золоторотцы", на которыхъ прежде всего обратилъ свое сердечное вниманіе отецъ Іоаннъ.

И такъ, среди презрѣнныхъ обществомъ бѣдняковъ отецъ Іоаннъ началъ свою благотворительность, принявшую со временемъ огромные размѣры. Вѣсть о необыкновенномъ священникѣ быстро распространилась по Кронштадту. Разсказы о подвигахъ милосердія, любви и благотворной дѣятельности новаго пастыря ходили изъ устъ въ уста и стали распространяться за предѣлы Кронштадта. Дворъ маленькаго домика, занимаемаго отцомъ Іоанномъ, сталъ наполняться всякимъ народомъ: сюда стекались страждущіе, недугующіе, нуждающіеся и обремененные, нищіе шли толпами, приходили пьющіе запоемъ, страждущіе семейными невзгодами, покинутые мужья или жены... Всѣмъ была нужда до батюшки, и всѣ получали должное. Его приглашали, просили молитвы, благословенія, денежной помощи, открывали ему свою душу. И добрый батюшка никому не отказывалъ, всѣхъ принималъ, молился съ ними, обнадеживалъ, утѣшалъ, шелъ по первому же зову къ больнымъ, ѣхалъ за десятки, даже сотни верстъ и вездѣ вносилъ миръ, надежду и любовь; каждый уходилъ отъ него съ облегченнымъ сердцемъ, съ облегченными страданіями.

Приходитъ онъ, напримеръ, въ бѣдную семью, пораженную болѣзнью; видитъ, что некому сходить даже за съѣстными припасами, а то нѣтъ и копѣйки на черный хлѣбъ, изъ одного угла доносятся стоны матери семейства, изъ другого — несмолкаемый плачъ голодныхъ, иззябшихъ и тоже хворыхъ ребятишекъ. Картина удручающая!.. Тогда отецъ Іоаннъ самъ отправляется въ лавочку за провизіей, въ аптеку за лѣкарствами или приводитъ доктора, вообще окружаетъ родственными попеченіями семью, оставляя ей свои послѣдніе гроши, не имѣя въ то время и самъ лишнихъ денегъ. Уходилъ онъ оттуда радостный, съ твердой вѣрой въ милосердіе Божіе и надѣясь, что Господь пошлетъ ему средства для дальнѣйшихъ благодѣяній, помня слова Святаго Писанія, что "рука дающаго не оскудѣваетъ".

Съ 1857-го г. начинается педагогическая дѣятельность отца Іоанна, сначала — въ должности законоучителя въ Кронштадтскомъ городскомъ училищѣ, а затемъ — въ 1862-мъ г. въ Кронштадтской гимназіи. Когда ему было предложено взять на себя преподаваніе Закона Божія, отецъ Іоаннъ былъ очень обрадованъ, такъ какъ съ открытіемъ гимназій ему давалась возможность руководить дѣтьми до зрѣлаго возраста и такимъ образомъ способствовать подготовкѣ изъ ребенка достойнаго члена общества, возможность дать государству прежде всего *человѣка* и *христіанина.*

Одинъ изъ его учениковъ, занявшій въ последствіи высокое положеніе, такимъ образомъ вспоминалъ о своемъ обожаемомъ наставникѣ: "Нужно было видеть, съ какимъ одушевленіемъ, съ какимъ пониманіемъ и ясностью отецъ Іоаннъ передавалъ намъ свои познанія христіанскаго ученія, съ какимъ неподдѣльнымъ чувствомъ разсказывалъ о страданіяхъ Спасителя. Такъ и представляется глазамъ его бодрая фигура съ яснымъ, любящимъ взоромъ, обращеннымъ на насъ. И во всю жизнь впечатлѣніе этого взгляда и этой любви не изгладится въ нашей памяти".

Бывали случаи, когда педагогическій совѣтъ гимназій, потерявъ надежду на исправленіе какого-нибудь лѣниваго воспитанника, приговаривалъ его къ исключенію. Тогда отецъ Іоаннъ являлся его заступникомъ передъ начальствомъ, упрашивалъ не подвергать несчастнаго такому жестокому наказанію, ручался за его исправленіе и всегда успѣвалъ склонить совѣтъ въ пользу виновнаго, а потомъ уже самъ принимался за его исправленіе, усовѣщивая и наставляя на путь истины. Проходило нѣсколько лѣтъ, и изъ ребенка, не подававшаго никакихъ надеждъ, вырабатывался полезный членъ общества.

Каждое поученіе отца Іоанна какъ проповѣдника дышитъ жизнью, правдой и убѣжденностью. Съ перваго раза, прослушавъ проповѣдь отца

Іоанна, как будто не получалось впечатлѣнія, но всѣ мысли его твердо запоминались, наводили на размышленіе и заставляли вникнуть въ самого себя, призадуматься... Отецъ Іоаннъ *не проповѣдовалъ,* не влагалъ въ чужіе мозги своихъ ученій, а "помогалъ родиться" своимъ собственнымъ хорошимъ мыслямъ, вызывалъ ихъ изъ головы. И этотъ способъ часто приводилъ къ самымъ прекраснымъ результатамъ. Какъ бы ни была сильна и эффектна "проповѣдь" (она, конечно, произведетъ иногда даже ошеломляющее впечатлѣніе), но своя собственная мысль, получившая самостоятельное развитіе, всегда прочнѣе засядетъ въ головѣ и скорѣе приведетъ человѣка къ желанной цѣли.

Будучи самъ отъ природы смиреннымъ и кроткимъ, отецъ Іоаннъ и своей паствѣ настойчиво внушалъ эти добродетели: "Надо умѣть господствовать надъ своимъ сердцемъ въ минуту оскорбленія, подавлять въ себѣ гнѣвъ и неудовольствіе въ самомъ началѣ. Укорилъ кто тебя, а ты благословляй. Билъ, а ты терпи. Презираетъ и за ничто почитаетъ онъ тебя, а ты приведи себѣ на мысль, что изъ земли ты составленъ и въ землю опять разрѣшишься. Кто ограждаетъ себя такими разсужденіями, тотъ найдетъ, что всякое безчестіе меньше дѣйствительности".

"Таланты,— говоритъ онъ,— данные каждому изъ насъ Богомъ для общаго блага, а не для угожденія только нашему собственному самолюбію, развѣ не побуждаютъ насъ къ услугѣ нашимъ собратьямъ въ ихъ нуждѣ? Тебѣ оставленъ нищій, хотя ты слишкомъ надменно проходишь мимо него. Вразумись чужими бѣдами. Дай хотя самую малость бѣдному, и то не будетъ малостью для того, кто нуждается,— и для Самаго Бога, если подаяніе будетъ по силѣ".

Въ современномъ обществѣ сложились своеобразныя, въ высшей степени не гуманныя, понятія о милостынѣ. Сплошь и рядомъ приходится слышать толки о томъ, что милостыня распложаетъ тунеядцевъ, людей порочныхъ, вредныхъ, что слѣдуетъ благотворить с разборомъ, дабы не вдаться въ обманъ и вмѣсто добра не сдѣлать зла. Но досточтимый милосердый пастырь такой взглядъ разбиваетъ повтореніемъ краткаго, но знаменательнаго изреченія Пастыреначальника и Совершителя любви, Господа Іисуса Христа: *всякому просящему дай.*

Въ одномъ изъ своихъ поученій онъ говорилъ такъ: "Въ нашъ вѣкъ презираютъ нищихъ, называютъ ихъ бродягами, тунеядцами и лучше предпочитаютъ деньги свои истрачивать на многоразличные прихоти, на роскошь безполезную, чѣмъ подавать, хотя немного, нищимъ. Гдѣ же братская любовь между христіанами, которая *милосердствуетъ, не превозносится, не гордится, не мыслитъ зла и не раздражается?* (1 Посл. къ

Кор. 13, 4, 5). Гдѣ эта любовь, промышляющая о ближнемъ, какъ о себѣ, желающая ближнимъ счастія и довольства, какъ и себѣ? Гдѣ вѣра в слова Христовы: понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе? (Еванг. отъ Матѳ. 25, 40) или слова другого Писанія: милуяй нища, взаимъ даетъ Богови, по даянію же его воздастся ему? (Притч. 19, 17)".

Въ нашъ вѣкъ наживы встрѣчаются, къ несчастію, слишкомъ частые примѣры того, какъ нѣкоторыя лица, нечестнымъ путемъ нажившія состоянія, пускаются въ широкую благотворительность, т. е. громадные суммы отдаютъ на богоугодныя заведенія, сами предпринимаютъ учрежденіе такихъ заведеній, одѣляютъ нищихъ и т. п. Конечно, дѣлается это не съ цѣлью благотворить, а болѣе изъ своекорыстныхъ видовъ. Вотъ какъ смотрелъ на благотворительность этихъ людей отецъ Іоаннъ: "Должно дѣлать добро изъ своей собственности, пріобрѣтенной честными трудами, а не хищеніемъ, обманомъ и неправдою, и, чтобы подавать милостыню достаточную, надобно ограничивать свои издержки, напримѣръ, не покупать излишнихъ дорогихъ вещей роскоши, безъ коихъ можно легко обойтись, ибо это есть похищеніе собственности бѣдныхъ, такъ какъ избытки наши принадлежатъ имъ"...

Вотъ общіе чисто-христіанскіе взгляды почтеннаго пастыря на дѣла милосердія: взгляды и убѣжденія ежеминутно, ежечасно примѣняемые имъ самимъ въ окружающей средѣ. Весь проникнутый отеческою любовію къ подрастающему поколѣнію, полный горячей заботы объ его благѣ, онъ говорилъ, между прочимъ, ученикамъ:

"Вы учитесь, дѣти, языкамъ — русскому, французскому, немѣцкому, латинскому: дѣло хорошее; но смотрите, больше всего учитесь языку любви — самому живому, выразительному, сильному языку. Безъ него знаніе языковъ не принесетъ никакой существенной пользы; *если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдь звенящая или кимвалъ звучащій.* Въ чемъ же оказывается любовь? — А вотъ в чемъ: *любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ. Все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ. Любовь никогда не перестаетъ.* Итакъ, дѣти любезныя, съ науками внѣшними старайтесь успѣвать наиболѣе въ этой внутренней, сердечной наукѣ — въ наукѣ любви, вѣры, молитвы, кротости, смиренія, обходительности и ласковости, терпѣнія, послушанія, теплоты и цѣломудрія, милосердія и сострадательности къ людямъ, доброжела-

тельства и услужливости, сдержанности во всемъ, безкорыстія и самоотверженія, въ наукѣ очищенія сердца отъ всякихъ нечистыхъ, лукавыхъ и злыхъ мыслей,— въ снисходительности къ человѣческой слабости, въ терпѣливомъ перенесеніи всего. Если будете успѣвать въ этой внутренней духовной наукѣ, то поистинѣ будете пшеницею Божіей, и соберетъ васъ Господь въ житницу Царствія Своего Небеснаго, и вы будете благоуспѣшны и во внѣшнихъ наукахъ, ибо ищущему прежде Царствія Божія и правды Его все прочее приложится отъ великодаровитаго Бога".

Ставя въ основу своей нравственной жизни милосердіе и будучи добрымъ пастыремъ вверенного ему Господомъ словеснаго стада, отецъ Іоаннъ въ заботахъ о кронштадтскихъ нищихъ и бѣдноте вникалъ во всѣ частные и общественные причины бѣдности, особое значеніе придавая последнимъ, т. е. соціальнымъ. Видя въ каждомъ изъ этихъ несчастныхъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе жизни,— твореніе Божіе, отецъ Іоаннъ съ перваго дня священства вынашивалъ благую идею устройства такого учрежденія, которое давало бы возможность *получать помощь не какъ подаяніе, а какъ награду за трудъ,* давало возможность заработка на насущныя потребности, *не допуская* вмѣстѣ с тѣмъ *нравственнаго паденія бѣдняка,* чего никогда не можетъ дать милостыня, часто служащая причиною тунеядства.

Такимъ учрежденіемъ сталъ построенный въ 1882 году "Домъ Трудолюбія" въ Кронштадтѣ — рузультатъ 9-ти лѣтнихъ стараній и страданій отца Іоанна.

Домъ Трудолюбія состоялъ изъ нѣсколькихъ благотворительныхъ учрежденій, которыя въ сущности и составляли одно цѣлое. По отчету за 1890 г. въ немъ находились:

1) начальное народное училище для мальчиковъ и дѣвочекъ;
2) убѣжище для сиротъ и дѣтское дневное пристанище (пріютъ);
3) второй пріютъ для малолѣтнихъ;
4) лѣчебница для приходящихъ;
5) народныя чтенія;
6) ночлежный пріютъ (въ особомъ зданіи);
7) народная безплатная читальня.

Кромѣ того, имѣлись мастерскія, доставляющія неимущему люду заработокъ:

Пенькощинная мастерская, в которой за отчетный год работало 22 144 человѣка.

Женская мастерская, состоявшая въ началѣ изъ двухъ отдѣловъ: моднаго и бѣлошвейнаго; позднѣе былъ присоединенъ новый отдѣлъ —

вышивки и мѣтки бѣлья. Въ теченіе года ежедневно работало въ мастерской отъ 30—40 дѣвушекъ.

Сапожная мастерская, въ которой подъ руководствомъ опытного мастера обучалось 12 мальчиковъ.

Картузная мастерская —ежедневно работало 5 человѣкъ [1]).

Благотворительныя учрежденія при Домѣ Трудолюбія и самъ Домъ требовали большихъ субсидій. Считаемъ не лишнимъ привести еще нѣкоторыя цифровыя данныя, которыя сразу укажутъ на главнѣйшую двигательную силу въ дѣлѣ благотворительности, но силу, умышленно, изъ скромности, остающуюся въ тѣни. Беремъ изъ отчета слѣдующее:

Ежегодные субсидіи:

Отъ Ея Императорскаго Высочества В. К. Александры Іосифовны	150 руб.
Отъ Ея Императорскаго Высочества В. К. Екатерины Михайловны	150 руб.
Отъ Его Императорскаго Высочества В. К. Александра Михайловича	100 руб.
Изъ Государственнаго Казначейства	1000 руб.
Отъ Петергофской земской управы	400 руб.
Отъ Кронштадтской городской управы	200 руб.
Итого:	2000 руб.

Пожертвованія протоіерея І. И. Сергіева

Въ теченіе 1890 г. пожертвовано:

Въ неприкосновенный капиталъ	20 500 руб.
На попечительство	6605 руб.
На ночлежный пріютъ	700 руб.
На постройку алтаря при церкви Дома Трудолюбія	1200 руб.
Итого:	29 005 руб.

Пожертвованія частныхъ лицъ выразились в суммѣ 1029 руб. 75 коп.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что, скромный и въ сущности бѣдный труженикъ, отецъ Іоаннъ являлся самымъ крупнымъ жертвователемъ и твердою опорою имъ же начатого дѣла. Отъ вѣрующихъ стекались къ

[1]) В катастрофе переворота 1917 года Дом Трудолюбия и все учреждения при нем прекратили свое существование.

нему огромныя пожертвованія, но ничего изъ этого не удерживалъ у себя этотъ благородный мужъ.

Несомнѣнно, что привлеченіе этой массы денегъ къ одному человѣку только и можно объяснить тою высоконравственною жизнью и исполненіемъ евангельскихъ заповѣдей, которыхъ постоянно придерживался отецъ Іоаннъ. Онъ былъ истинный безсребрѣнникъ: отецъ Іоаннъ раздавалъ такое количество изъ своихъ скромныхъ получекъ, что дома ему не хватало на самое необходимоѣ. Поэтому, когда онъ сталъ преподавателемъ Закона Божія, его учительское жалованіе стало выдаваться на руки не ему, а его женѣ. Женѣ же своей, которая не сразу поняла его путь, онъ говорилъ: "Счастливыхъ семей, Лиза, и безъ насъ довольно... А мы с тобой посвятимъ себя на служеніе Богу" [1]).

Много и много не только у насъ на Руси, но и далеко за предѣлами ея, было страждущаго народа, который молитвами отца Іоанна Кронштадтскаго не только получалъ утѣшеніе въ своихъ недугахъ и скорбяхъ, но и исцѣленій в такихъ болѣзняхъ, которыя не поддавались докторскому искусству. Молитвенная помощь его, всегда съ его стороны простая, ничего чудеснаго прямо не обѣщающая, была иногда поразительно чудесною. Истинно вѣруя въ дѣйственность силы Божіей, отецъ Іоанн возбуждалъ крѣпкую вѣру въ чудотворную силу Божію в сердцахъ прибегавшихъ къ его молитвенной помощи. И уже поэтому — по его особенному дару молитвы и исцѣленія — можно назвать отца Іоанна чудотворцемъ. Митрополитъ Кіевскій и Галицкий, Высокопреосвященнѣйшій Платонъ такъ выразился объ отцѣ Іоаннѣ: "Благодареніе Богу! отцу Іоанну Кронштадтскому Господь далъ сугубую благодать!"

Время освятило множество примеровъ чудодѣйственной силы молитвы отца Іоанна. Приведемъ несколько изъ нихъ.

Въ Сестрорѣцкѣ проживало одно богатое и всѣми уважаемое семейство. Кажется, оно ничѣмъ не было обдѣлено отъ Бога, но одно горе грызло всѣхъ — это болѣзнь любимого всѣми члена семейства, молодого человѣка, который страдалъ неизлѣчимою болѣзнью съ дѣтства. Въ особенности эта необъяснимая болѣзнь печалила отца и мать больного. Отчаяніе ихъ не знало никакихъ предѣловъ. Обращались они за совѣтами къ лучшимъ докторамъ, не жалѣя никакихъ средствъ, но и самые искуснѣйшіе врачи не могли пріостановить развитіе этой загадочной болѣзни. Ѣздили они по

---

[1]) Вступив в брак, отец Иоанн решил остаться девственником и уговорил свою жену быть ему как бы сестрой. По некоторым данным, она не сразу согласилась с таким положением и даже жаловалась Церковным властям, но потом примирилась и стала самоотверженным другом отца Иоанна и его помощницей. Она называла его всегда: "брат Иван".

разнымъ монастырямъ и церквамъ, служили молебны о здравіи больного. Но все было напрасно. Болѣзнь все усиливалась болѣе и болѣе. Дѣло в томъ, что сынъ ихъ еще въ дѣтствѣ отъ недосмотра прислуги повредилъ себѣ позвоночный хребетъ. Сначала на это никто не обратилъ вниманія, но съ теченіемъ времени болѣзнь настолько усилилась, что позвоночный хребетъ совсѣмъ искривился, и у несчастнаго молодого человѣка выросъ довольно значительный горбъ на спинѣ и на груди. Несчастный юноша страдалъ ужаснымъ образомъ отъ этой болѣзни — как физически, такъ и нравственно. Будущность пугала, и бывали такія минуты, что страдалецъ, въ порыве отчаянія, просилъ смерти у Бога. Но еще болѣе страдали его родные, видя, какъ ихъ любимецъ мучается и постепенно все сохнетъ и сохнетъ. Отчаяніе ихъ не знало предѣловъ тѣмъ болѣе, что они истощили всѣ средства къ спасенію больного.

Но вотъ когда извѣстность про чудодѣйственную силу молитвы отца Іоанна Кронштадтскаго распространилась повсюду и достигла до больного, то онъ сталъ просить своихъ родныхъ, чтобы они съѣздили въ Кронштадтъ къ отцу Іоанну и пригласили его пріѣхать въ домъ больного отслужить молебенъ и помолиться о выздоровленіи страдальца.

Родные больного юноши, ни въ чемъ никогда не отказывавшіе ему и не жалѣвшіе никакихъ расходовъ на облегченіе участи страдальца, тотчасъ же исполнили желаніе своего любимца, тѣмъ болѣе, что это желаніе юноши совпало съ ихъ желаніемъ. Они сами думали объ этомъ давно, но ждали, чтобы прежде объ этомъ высказался больной.

Тотчасъ же отецъ больного отправился къ отцу Іоанну и пригласилъ его навѣстить больного и помолиться за него. Это было въ концѣ 1890 года.

Всегда отзывчивый къ страданіямъ ближнихъ, отецъ Іоаннъ исполнилъ его просьбу и прибылъ къ больному.

Какова была радость родныхъ и въ особенности самого больного,— описать трудно. Самъ страдалецъ разсказывалъ, что какъ только показался отецъ Іоаннъ, то онъ ощутилъ какую-то душевную радость и облегченіе въ своихъ страданіяхъ.

Прежде всего отецъ Іоаннъ благословилъ больного, обласкалъ и утѣшилъ. Затѣмъ, разспросивъ о происхожденіи и развитіи болѣзни, спросилъ: вѣритъ ли больной въ могущество и милосердіе Божіе, и что Бог не только силенъ облегчить страданія, но и даровать полное исцѣленіе отъ неизлѣчимаго недуга.

При этомъ смиренный пастырь добавилъ, что онъ какъ священникъ обязанъ молиться за всѣхъ, въ особенности за болящихъ, но Богъ даруетъ просимое только по силѣ вѣры просящаго.

Страдалецъ въ порывѣ особеннаго какого-то теплаго чувства и душевнаго восторга отвѣтилъ:

— Да, я вполнѣ вѣрую въ Истиннаго Бога и въ Его неизреченную къ намъ милость, благодать и любовь, но боюсь, батюшка, что вѣра моя черезчуръ слаба и ничтожна, чтобы получить по ней милосердіе Божіе, а потому-то я прошу васъ помолиться обо мнѣ, грѣшномъ страдальцѣ, чтобы Богъ, по молитвѣ вашей, хотя немного облегчилъ мою немощь.

— Богъ разсудитъ, какова твоя вѣра, а ты укрѣпися въ ней и непоколебимо надѣйся на милость Спасителя, пришедшаго въ міръ для спасенія грѣшниковъ, а не праведниковъ, ибо помощь врача нужна болящему, а не здоровому!

Такъ утѣшалъ больного отецъ Іоаннъ.

Вслѣдъ затѣмъ отецъ Іоаннъ началъ служить молебенъ о здравіи больного. И вотъ, когда онъ, благословляя страдальца, возложилъ свои руки на его голову, то больной сразу почувствовалъ облегченіе отъ своей болѣзни. Страданія его утихли, и затѣмъ постепенно спинной хребетъ его исправился, и горбы на спинѣ и груди исчезли, какъ будто ихъ никогда не было. И больной совсѣмъ выздоровѣлъ. Радости страдальца и его родныхъ не было предѣловъ. Они не знали, какъ и чѣмъ благодарить отца Іоанна. Но онъ отклонилъ всѣ благодарности и, прощаясь съ облагодѣтельствованнымъ имъ семействомъ, въ назиданіе сказалъ:

— И впредь обращайтесь въ горѣ и болѣзни къ милосердію Божію при посредствѣ вашего духовнаго отца и помните слова Ап. Іакова: "Боленъ ли кто изъ васъ, пусть призоветъ пресвитеровъ Церкви, и пусть помолятся надъ нимъ, помазавши его елеемъ во Имя Господне. И молитва вѣры исцѣлитъ болящаго, и возставитъ его Господъ; и если онъ содѣлалъ грѣхи — простятся ему".

*
* *

Отецъ Іоаннъ замѣтилъ въ храмѣ изнуреннаго старика на костылѣ, съ лицомъ, выражавшимъ страшное горе и страданіе. Батюшка подозвалъ его къ себѣ послѣ Богослуженія и выразилъ желаніе проводить его до дому. Оказалось, что этотъ старикъ, еще "николаевскихъ временъ" солдатъ, имѣетъ негодяя-сына и голодаетъ по нѣскольку дней.

— Вотъ тебѣ, старикъ, мелочь. Но ты молись и благодари Господа. Я сдѣлаю тебя богачомъ,— сказалъ ему на прощанье отецъ Іоаннъ.

Старичокъ думалъ въ простотѣ души, что добрый пастырь дастъ ему много денегъ, но въ сверткѣ, данномъ отцомъ Іоанномъ, оказалось всего на полтину мѣди. Онъ сталъ ждать. Между тѣмъ отецъ Іоаннъ разыс-

калъ его сына и въ теченіе цѣлаго мѣсяца ежедневно посвящалъ ему нѣсколько часовъ; они вмѣстѣ занимались, молились, и впослѣдствіи пьяница и мелкій плутъ сделался честнымъ, трудолюбивымъ и способнымъ мастеромъ, имѣющимъ собственный домъ в Кронштадтѣ.

— Такъ вотъ богатство, обѣщанное мнѣ батюшкой,— говорилъ послѣ со слезами старикъ, перебравшись жить къ своему сыну и любуясь крошками-внучатами.

Семья эта далѣе считалась самою благочестивою и богобоязненною, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самою счастливою.

*

* *

Въ 1880 году одинъ сановникъ въ С.-Петербургѣ пригласилъ отца Іоанна помолиться объ его исцѣленіи. Онъ уже два года не сходилъ съ постели.

Отецъ Іоаннъ пришелъ, горячо помолился Господу, и когда его молитва была Имъ услышана, обратился къ больному:

— Встань, и помолимся вмѣстѣ!

— Я не могу пошевельнуться! — едва могъ проговорить больной.

Тогда пастырь положилъ на него руку и повторилъ: "встань и помолимся вмѣстѣ!"

И... больной всталъ и началъ внятно повторять слова молитвы за отцомъ Іоанномъ.

Окончивши вмѣстѣ съ больнымъ молитву, отець Іоаннъ помогъ ему лечь на кровать.

Давъ обычное наставленіе больному, отецъ Іоаннъ ушелъ.

На другой день больной совершенно выздоровѣлъ.

Случай этотъ быстро распространился, какъ совершенно невѣроятный въ наше грѣховное время, и къ отцу Іоанну начали стекаться всѣ страждущіе, труждающіеся и обремененные.

*

* *

Вотъ разсказъ одного бѣдняка. "Въ началѣ 1893-го года непосильная работа свалила меня: я опасно заболѣлъ. Усиліямъ докторовъ моя болѣзнь не поддавалась, и страданія, причиняемыя мнѣ болью въ печени и зудъ отъ разлитія желчи во всемъ тѣлѣ, не давали мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Домашніе мои, измученные уходомъ за мною и нравственнымъ страданіемъ за исходъ болѣзни, обратились къ "кронштадтскому батюшкѣ" съ просьбою объ его пріѣздѣ къ больному, и... онъ пріѣхалъ. Пріѣхалъ въ бѣдную квартирку болящаго и, подойдя къ постели, кротко и ласково сказалъ: "Вставай,

помолимся". И я, встававшій только съ помощью ухаживавшихъ за мною, теперь нашелъ силы встать, одѣться и выйти въ другую комнату, гдѣ были уже приготовлены столъ и икона для молебна, опустился на колѣни и благоговейно слушалъ, какъ пастырь взывалъ къ Владычицѣ о моемъ исцѣленіи. Съ каждымъ словомъ молитвы я чувствовалъ, какъ какая-то чудная сила вливается в меня, сердце трепетно билось, боли стихали и слезы,— крупныя, благодатныя слезы,— лились изъ глазъ... И не я одинъ плакалъ — плакали всѣ, кто былъ въ комнате, исключая только того, кто взывалъ къ Богоматери, прося Ея помощи и призывая Ея заступничество за болящаго. Наконецъ, окончивъ молитву, онъ съ ясной улыбкой обратился ко мнѣ съ вопросомъ: "Что болѣе всего причиняетъ тебѣ страданіе?" Я сказалъ о моей болѣзни и пожаловался на жгучій зудъ, разъѣдавшій мое тѣло и не дававшій мнѣ ни минуты покоя ни днемъ, ни ночью. Онъ прикоснулся къ больному мѣсту, провелъ нѣсколько разъ руками по моему тѣлу, благословилъ меня и, сказавъ: "Молись Богу,— будешь здоровъ!", — уѣхалъ. Все это совершилось такъ быстро, такъ неожиданно, точно во снѣ. Я не ложился болѣе въ постель, и черезъ двѣ недѣли принялся за работу. Болѣзнь прошла, не возвращалась, и я забылъ о томъ, кто далъ мнѣ возможность жить, работать, помогать въ заработкѣ другимъ.

Прошелъ годъ, и тотъ же трудъ вторично подорвалъ мои силы: у меня открылось легочное кровохарканіе. Я вспомнилъ отца Іоанна, послалъ ему телеграмму съ просьбой о молитвѣ и далъ обѣщаніе поѣхать при первой возможности въ Кронштадтъ, чтобъ лично просить его благословенія. И черезъ недѣлю я былъ здоровъ".

Этотъ беднякъ сдѣлался позднѣе миссіонеромъ.

*

* *

Приведемъ разсказъ одного изъ ревностныхъ почитателей высокочтимаго пастыря, отца Іоанна:

— Почти два года уже, какъ я познакомился съ однимъ изъ почитателей отца Іоанна, котораго буду называть Петромъ Ивановичемъ. Много вечеровъ провели мы въ дружеской бесѣдѣ, дѣлили другъ съ другомъ свои впечатлѣнія, интересовавшія насъ наблюденія, и въ настоящее время Петръ Ивановичъ дѣлитъ со мной всѣ свои радости и горе. Мы и до сихъ поръ встрѣчаемся съ нимъ очень часто.

Лѣтъ 10 тому назадъ Петръ Ивановичъ занималъ на службѣ видный постъ, носилъ блестящій мундиръ и жилъ, какъ подобаетъ жить особѣ V-го класса, получающей 6000 руб. годового содержанія. Къ религіи П. И. относился вполнѣ равнодушно: не то чтобы онъ былъ атеистомъ, а

просто обходилъ вопросы вѣры молчаніемъ, находя, что и такъ прожить вѣкъ можно, а "умирать буду — подумаю"... Для окружающихъ онъ былъ человѣкъ сухой и почти злой; помощи или добра онъ никому не оказывалъ, а если приходилось покарать, пощады или состраданія — ни-ни! "Живымъ въ гробъ уложу," — говорилъ онъ самъ.

Характеръ ли такой суровый былъ у П. И., или воспитаніе, служба закалили его, но только человѣкъ — кремень былъ, и любовью окружающихъ онъ не пользовался...

В 1882 году у П. И. скоропостижно умерла жена — единственное существо, нѣжно имъ любимое. Передъ смертью, когда доктора отказались уже лѣчить больную, П. И. послалъ за отцомъ Іоанномъ:

— Пусть помолится — все равно умираетъ, а если выздоровѣетъ — увѣрую!

Отецъ Іоаннъ отвѣчалъ посланному:

— Мнѣ у васъ дѣлать нечего!

И не поѣхалъ... Больная умерла... П. И. пришелъ въ отчаяніе... Онъ сиделъ уже с револьверомъ въ рукѣ, когда ему точно молнія ударила въ голову: "А вѣдь отець Іоаннъ не поѣхалъ: у васъ, говоритъ, мнѣ дѣлать нечего... Отчего не поѣхалъ? Что это за отець Іоаннъ?! Къ В. поѣхалъ, и тамъ ребенокъ умирающій поправился".

Петр Ивановичъ погрузился въ думы и просиделъ болѣе часа неподвижно. Когда онъ очнулся, въ его мозгу созрѣлъ ясный и опредѣленный планъ дѣйствий...

На другой же день онъ отправился къ отцу Іоанну и просилъ исповѣди. Здесь вылилась, такъ сказать, вся наболѣвшая душа его.

— Со смертью жены,— разсказывалъ послѣ Петръ Ивановичъ,— предо мною открылась какая-то пропасть, бездна, мрачная пустота... Я почувствовалъ холодъ смерти и безсиліе всѣхъ нашихъ знаній, которыми человѣчество гордится, суетность всѣхъ заботъ, хлопотъ... Если человѣкъ, со всей наукой такъ безсиленъ и ничтоженъ передъ природой, если все существованіе, вся цѣль жизни только и ограничивается смертнымъ часомъ, только для того мы живемъ, чтобы при первой случайности обратиться въ гніющій прахъ,— то стоитъ ли жить?! Чего ради мы живемъ?.. Нѣтъ, этого не можетъ быть! Тайна и отрицаніе не синонимы. Если мы не знаемъ природы, даже зародышныхъ клѣточекъ, и не можемъ уяснить себѣ своего существованія,— то изъ этого не слѣдуетъ, что все таинственное, духовное, невидимое не существуетъ!..

Отецъ Іоаннъ не далъ П. И. отпущенія грѣховъ и ограничился только молитвою.

Въ первый разъ въ жизни П. И. испыталъ какое-то непонятное чувство, неизвѣстное ему раньше, но хорошее, благотворное чувство. Съ первыхъ словъ молитвы онъ забылъ все земное, что раньше исключительно занимало его мысли; передъ его духовными очами раскрылся новый, прекрасный міръ... И странно, въ этомъ мірѣ онъ не чужой, и ему тамъ есть мѣсто!

— Хотѣлось бы мнѣ остаться тамъ навсегда, никогда не разлучаться съ этимъ міромъ, но молитва была кончена, и батюшка пригласилъ меня удалиться... Почти съ ужасомъ спросилъ я: неужели мнѣ нельзя больше никогда прійти еще? Но батюшка кротко такъ смотрѣлъ на меня и ласково произнесъ: "можешь каждый день приходить"...

Петръ Ивановичъ дѣйствительно сталъ ходить каждый день и, случалось, ловилъ батюшку съ утра до вечера, чтобы помолиться вмѣстѣ нѣсколько минутъ. Черезъ недѣлю или полторы онъ получилъ Св. Причащеніе. Первымъ результатомъ его "новой" жизни было совершенно другое отношеніе ко всѣмъ людямъ, начиная съ прислуги, солдатъ и др. простолюдиновъ. У него было страстное желаніе помочь, услужить *каждому,* вызвать удовольствіе на лицѣ, улыбку, доставить всякому что-нибудь пріятное.

Суровый характеръ П. И. преобразился до такой степени, что онъ потерялъ всякую способность сердиться; напротивъ, какую бы непріятность ему ни причинили, онъ жалѣлъ только провинившагося и старался всѣми силами убѣдить его, что такъ поступать не слѣдовало. Когда ему приходилось слышать о враждующихъ или о комъ-нибудь обиженномъ, онъ страшно волновался и принималъ всѣ мѣры, чтобы какъ-нибудь ослабить непріятныя послѣдствія. Само собою разумѣется, что все свободное время онъ проводилъ въ чтеніи Библіи и молитвѣ; онъ пристрастился къ этому занятію, какъ пьяница къ вину, и страдалъ ужасно, если ему цѣлый день не удалось раскрыть "родной книги"...

Въ домашней жизни П. И. также многое измѣнилось. Онъ бросилъ курить, совершенно пересталъ пить, упростилъ столъ до минимума, удалилъ всѣ предметы роскоши и, выйдя въ отставку, посвятилъ себя всецѣло воспитанію дѣтей: сына и двухъ дочерей.

Главнымъ врагомъ П. И. за его "перерожденіе" сдѣлался его родной братъ, называвшій его "юродивымъ".

— Скажи, кому же я причинилъ вредъ своимъ "юродствомъ"? Я совершенно счастливъ; дѣти, полагаю, не проиграютъ отъ того, что я больше посвящаю имъ времени и вниманія... Окружающимъ, ты самъ знаешь, я многимъ принесъ существенную пользу, а не вредъ...

— Да ты вѣдь сдѣлался нетерпимъ въ приличномъ обществѣ; ты потерялъ карьеру, ведешь такой образъ жизни, что у тебя никто не бываетъ...

— Постой. Я потерялъ карьеру — это вѣрно, но скажи по совѣсти — потеряла ли служба отъ того, что я вышелъ въ отставку? Вѣдь *нѣтъ?* Ты самъ это хорошо знаешь. Служба была мнѣ нужна, а не я службѣ! Затѣмъ относительно того, что нашимъ знакомымъ нельзя у меня пьянствовать или картежничать, то согласись — не обязанъ же я ради такой глупости отказываться отъ своихъ взглядовъ, убѣжденій и ломать собственную жизнь. И безъ меня всѣ наши пріятели найдутъ, гдѣ напиться...

— Да съ чего же ты себя-то изводишь?

— Клянусь тебѣ памятью моей жены, что я никогда не былъ такъ счастливъ, какъ теперь. Ничто не могло мнѣ доставить такого удовольствія, какъ глава прочитанной Библіи... Я счастливъ совершенно въ своемъ "юродствѣ", и оно никому не приноситъ вреда, скорѣе пользу; почему же мнѣ не "юродствовать"?.. Ты говоришь, что застрѣлился бы, если бы потерял свое положение, а я легко могу *все* потерять потому что то, безъ чего я не могъ бы теперь жить, т. е. вѣра и молитва, у меня никто не въ состояніи отнять. Ты, значитъ, зависишь отъ тысячи случайностей, а я — ни отъ кого. Ты долженъ бояться всего: болѣзни, паденія курса, нерасположенія своего "общества", смерти близкихъ людей и т. д., и т. д., а я — ничего, потому что мое "юродство" заменяетъ и поглощаетъ для меня *все.* Ты не можешь жить безъ теперешняго положенія, значитъ, сколько же людей и случаевъ могутъ приговорить тебя къ смертной казни?! Ты дрожишь при мысли о гробовой доскѣ, потому что не увѣренъ въ послѣдующемъ, а я съ радостнымъ трепетомъ жду этого момента, хотя и жизнь даетъ мнѣ много радостей. Кто же изъ насъ счастливѣе?

— Эти разсужденія напоминаютъ мнѣ бредъ больныхъ въ домѣ умалишенныхъ. Ты замѣчалъ, что идіоты всегда смѣются? Вѣроятно, у нихъ такое же радостное настроение, какъ и твое...

— Софизмъ и парадоксъ — не доказательства. Ты знаешь, что умалишенные и идіоты страшно страдают *физически,* а я такъ здоровъ, что ты самъ завидуешь моему здоровью. Умалишенные теряютъ разсудокъ и не могутъ мыслить логично, а я еще вчера сделалъ за тебя три докладныхъ записки, и вѣдь никто не нашел ихъ бредомъ умалишеннаго. Зачѣмъ ты меня напрасно оскорбляешь?..

Петръ Ивановичъ живетъ со своими "новыми взглядами" седьмой уже годъ. Онъ каждый мѣсяцъ причащается у отца Іоанна, каждый

праздникъ посѣщаетъ церковь и живетъ тихою, счастливою жизнью. Всѣ тѣ, которые считаютъ его за "юродиваго", не брезгуютъ обращаться къ нему за помощью и пользуются какъ его знаніями, опытностью, такъ и деньгами. Отказа нѣтъ никому: у П. И. нѣтъ удовольствія выше, какъ помочъ *врагу* своему.

Но могутъ ли быть у него враги?

*

* *

Отецъ Іоаннъ довольно часто посѣщалъ купеческое семейство С. на Васильевскомъ островѣ, по 12 линіи, близъ Малаго пр. Въ этомъ же домѣ жили три молодыхъ человѣка изъ учащихся, нерѣдко подтрунивавшихъ надъ непонятной имъ популярностью отца Іоанна, собирающаго толпу вездѣ, гдѣ онъ только появляется. Однажды имъ пришла мысль "посмѣяться" надъ цѣлебной силой молитвъ кронштадтскаго пастыря, и они придумали такой фокусъ. К-ій, самый бойкій юноша, отправился въ семейство С. убедительно просить о. Іоанна, когда онъ будетъ у нихъ, заѣхать къ его умирающему товарищу. С-въ прикинется тяжко больнымъ, а М-нъ изобразитъ плачущаго брата у постели умирающаго. Сказано — сдѣлано.

Отецъ Іоаннъ выслушалъ просьбу К-го, посмотрѣлъ пристально на него и сказалъ:

— Я никому не отказываю въ молитвѣ и зайду къ вамъ, но помните, что вы *шутите* съ Богомъ!..

К-ій сконфузился, но все-таки, настаивая на просьбѣ, увѣрялъ, что товарищъ при смерти.

— Хорошо, я сейчасъ буду.

Не прошло и 10 минутъ, какъ у дверей квартиры молодыхъ людей раздался звонокъ. С-въ юркнулъ въ постель, покрылся одѣялами и началъ слабо стонать. М-нъ опустился на колѣни у изголовья мнимобольного, а К-ій бросился отворять двери.

— Где *вашъ* больной? — отрывисто спросилъ пастырь, делая удареніе на слове "вашъ".

— Пожалуйте, батюшка, пожалуйте,— засуетился К-ій и повелъ гостя въ смежную комнату.

Больной продолжалъ стонать, а М-нъ всхлипывалъ.

Отецъ Іоаннъ остановился посреди комнаты и глазами искалъ образъ. Иконы въ комнатѣ не оказалось. Тогда онъ опустился на колѣни посреди комнаты и, перекрестившись, началъ молиться...

— Господи, пошли имъ по вѣрѣ ихъ...

— Аминь!

Отець Іоаннъ быстро поднялся и, не прощаясь, направился къ выходу. К-ій и М-нъ побѣжали его провожать до лѣстницы...

Съ громкимъ смѣхомъ возвратились они въ комнату больного.

— Ваня, Ваня, вставай: отець Іоаннъ уѣхалъ...

— Да вставай же, полно притворяться, вѣдь онъ уѣхалъ...

Увы! несчастный не притворялся. Онъ лежалъ въ полномъ параличѣ: языкъ, руки, ноги — все отнялось, и только усиленное морганіе глазъ показывало, что юноша живъ и хочетъ что-то сказать.

Столбнякъ ужаса нашелъ на шутниковъ. Они не понимали, что кругомъ происходитъ, и когда пришли въ себя, переглянулись и горько заплакали надъ "живымъ трупомъ".

— Ваня, Ваня, надъ Богомъ мы хотѣли смѣяться... прости, прости насъ...

Послали за докторами. Три опытныхъ врача провели всю ночъ у постели больного и констатировали такой параличъ, который излѣчивается годами, если только излѣчивается.

— Вѣроятно, страшное горе поразило вашего товарища: вся его нервная система разбита,— говорили врачи.

Молодые люди только рыдали, не рѣшаясь разсказать врачамъ истину.

Съ первымъ же поѣздомъ наутро оба шутника поѣхали въ Кронштадтъ. Отецъ Іоаннъ не могъ ихъ принять до вечера, и когда ему доложили о молодыхъ людяхъ, онъ выслалъ имъ сказать, что ничего для нихъ сдѣлать не въ состояніи. М-нъ и К-ій всю ночь продежурили у сѣренькаго домика и, когда поутру отецъ Іоаннъ показался, бросились ему въ ноги, умоляя простить ихъ.

Добрый пастырь поднялъ юношей и велелъ имъ идти въ церковь. Тамъ, послѣ Литургіи, онъ отвелъ ихъ къ иконѣ св. Николая Чудотворца, и здѣсь около двухъ часовъ длилось наставленіе. Почтенный пастырь началъ съ указанія на неприличіе ихъ поступка, на то, что они не имѣютъ права шутить съ людьми старше ихъ, и затѣмъ перешелъ къ изложенію евангельскаго ученія.

— Теперь помолимся,— сказалъ отецъ Іоаннъ, когда наставленіе было окончено.

Нечего и говорить, что молодые люди никогда еще такъ не молились, какъ въ эту минуту. Св. икона Чудотворца казалась имъ живымъ ликомъ, сначала грознымъ, а потомъ все болѣе и болѣе милосердымъ.

— Поѣзжайте с Богомъ и Его славословьте.

У юношей точно гора свалилась съ плечъ. Они чувствовали непонятную для нихъ радость: душа ихъ ликовала, и все окружающее казалось имъ въ какомъ-то радужномъ свѣтѣ.

Товарищи пріѣхали домой къ вечеру. Имъ отворилъ дверь С-въ.

— Ваня, ты ли это? Ты здоровъ! — бросились къ нему друзья.

— Почти здоровъ. Голова только тяжела и какая-то усталость во всемъ тѣлѣ...

Оказалось, что въ тотъ именно часъ, когда въ Кронштадтѣ отецъ Іоаннъ молился съ юношами у иконы св. Николая Чудотворца, С-въ приподнялся, и постепенно къ нему стала возвращаться возможность владѣть онѣмѣлыми членами. Первою ожила правая рука, и первымъ движеніемъ ея было крестное знаменіе.

Едва ли надо прибавлять, что молодымъ людямъ не приходило уже въ голову шутить надъ вопросами вѣры и религіи.

*

* *

На далекомъ Уралѣ, въ Екатеринбургѣ, проживалъ богатый золотопромышленникъ З-въ, слывшій тамъ отцомъ всѣхъ нуждающихся и страдающихъ.

Однажды З-въ самъ спустился въ шахту, на глубину около 30 саженъ въ землю, дѣлалъ тамъ распоряженія, указанія и только что приказалъ подымать себя наверхъ, какъ вдругъ оторвалась глыба руды, и несчастнаго засыпало. Сотни рабочихъ рукъ лихорадочно стали спасать любимаго хозяина, но все-таки прошло сравнительно много времени и притомъ З-въ получилъ сильные ушибы падавшей землей, такъ что его вынули безъ всякихъ признаковъ жизни. Доктора на пріискѣ, конечно, не было; послали въ Екатеринбургъ, верстъ за 70—80, но З-въ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни.

— Вотъ что, господа,— братился къ толпѣ главный приказчикъ пріиска: — молитесь вы всѣ, а я пошлю сейчасъ срочную телеграмму отцу Іоанну въ Кронштадтъ.

Немедленно пригласили священника служить молебствіе: тысячная толпа опустилась на колѣни, и раздались громкія рыданія.

Скоро прибылъ врачъ. Осмотрѣлъ больного, ощупалъ пульсъ, принялъ всѣ извѣстныя ему мѣры возвращенія къ жизни... и, перекрестивъ безжизненный трупъ, сказалъ:

— Безнадеженъ...

— Умеръ, умеръ! — пронеслась въ толпѣ роковая вѣсть, и послышались новыя рыданія.

— Нѣтъ, признаковъ смерти еще нѣтъ, но только развѣ чудо можетъ спасти больного. Смерть должна наступить съ минуты на минуту.

Шли томительные часы. Отъ одра З-ва не отходили ни докторъ, ни его многочисленные члены семьи.

На дворѣ была толпа рабочихъ, не расходившихся до полученія рѣшительнаго извѣстія объ исходѣ катастрофы. Всѣ ждали, ждали... Но чего?

Извѣстія от отца Іоанна! Масса и не знала еще ничего объ отце Іоаннѣ, но инстинктивно ждала чуда изъ Кронштадта...

Часа черезъ три во всемъ домѣ поднялась суматоха.

— Вздохнулъ, вздохнулъ! — слышались возгласы.

Дѣйствительно, больной слабо вздохнулъ и подалъ признакъ еще неугасшей жизни. Взглянули на часы. Было безъ четверти 3 или, по петербургскому времени, 2 часа 15 минутъ. Докторъ и близкіе удвоили вниманіе и уходъ за больнымъ; минутъ черезъ десять послѣдовалъ еще вздохъ, но уже глубже и спокойнѣе. Къ вечеру умирающій открылъ глаза и на другой день сидѣлъ на постели.

Отъ отца Іоанна была получена депеша: "Въ 2 часа 15 минутъ отслужилъ молебенъ".

Нечего и говорить о произведенномъ впечатлѣніи. Выздоровѣвшій З-въ славилъ Бога и въ память отца Іоанна устроилъ близъ своего пріиска богадѣльню для престарѣлыхъ рабочихъ и вдовъ. На другой годъ онъ нарочно поѣхалъ въ Кронштадтъ, чтобы лично благодарить отца Іоанна и помолиться съ нимъ въ храмѣ.

*

* *

Осенью 1891-го года регентъ и учитель пѣнія при лейб-гвардіи Павловскомъ полку Григорій Афанасьевичъ Станкевичъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Приглашены были доктора столицы, но они не оказали никакой помощи. Между тѣмъ, болѣзнь усилилась настолько, что больной не могъ даже говорить. Наконецъ, онъ былъ приговоренъ къ смерти,— доктора сознали свое безсиліе и отказались лѣчить его. Нужно сказать, что г-нъ Станкевичъ за свое гуманное обращеніе былъ особенно любимъ своими учениками. И вотъ, одному изъ нихъ пришла мысль послать телеграмму отцу Іоанну въ Кронштадтъ отъ имени всѣхъ учениковъ, чтобы онъ помолился о выздоровленіи ихъ любимаго учителя.

Немедленно мысль эта была приведена въ исполненіе; были собраны изъ дѣтскихъ кармановъ гроши, и послана телеграмма къ любимому батюшкѣ съ просьбою помолиться о выздоровленіи ихъ учителя и объ отвѣтѣ. Отецъ Іоаннъ не замедлилъ своимъ отвѣтомъ, въ которомъ пояснилъ, что онъ помолился о выздоровленіи ихъ любимаго учителя. И что же оказалось? Г-нъ Станкевичъ съ того самаго момента сталъ быстро поправляться, и черезъ нѣсколько времени болѣзни не было и слѣда. Что не могло сдѣлать искусство врачей, то сдѣлалось по молитвѣ избранника Божія. Это чудес-

ное исцѣленіе произвело сильное впечатлѣніе на дѣтскія сердца. Дѣти были въ восторгѣ, но въ восторгѣ какомъ-то особенномъ, религіозномъ. Радость ихъ была неописуема. *Ихъ* просьбу исполнилъ любвеобильный отецъ Іоаннъ!!.. Помолился за ихъ дорогого наставника! И они, дѣти, виновники выздоровленія его! Какъ не радоваться этому?!

*

* *

Про чудодѣйственную силу молитвы отца Іоанна Кронштадтского свидѣтельствуютъ и лица петербургскаго столичнаго духовенства, которыя или испытали ее на себѣ, или были очевидцами.

Протодіаконъ Исаакіевскаго собора Василій Николаевичъ Малининъ разсказывалъ: "У меня года полтора тому назадъ сильно захворалъ малолѣтній сынъ Сережа; во рту, подъ языкомъ, у него образовался громадный наростъ чернаго злокачественнаго цвѣта. Наростъ этотъ все болѣе и болѣе росъ. Страданія ребенка были ужасны; языкъ у него, благодаря нарыву, поднялся къ нёбу; онъ не только ничего не могъ пить и ѣсть, но даже и говорить. Обращались мы къ разнымъ докторамъ нашей столицы, но тѣ нисколько не облегчили страданій малютки. Наконецъ, посовѣтовали положить его в лѣчебницу и сдѣлать ему операцію.

Жена моя,— продолжилъ о. протодіаконъ,— будучи больна, отправилась въ Кронштадтъ помолиться и испросить благословеніе у отца Іоанна и захватила съ собою и больного нашего Сережу, чтобы добрый пастырь Церкви благословилъ страдальца и помолился за него. По пріѣздѣ туда она тотчасъ же отправилась къ отцу Іоанну. Добрый батюшка принялъ ее ласково, благословилъ, спросилъ про меня и утѣшилъ ее. Затемъ спросилъ: "Какъ зовутъ вашего сына, чѣмъ онъ страдаетъ, и обращались ли за помощью къ докторамъ?" Услыша ответъ, что нашего сына зовутъ Сергѣемъ и что доктора нисколько не помогли ему и совѣтуютъ сдѣлать операцію, отецъ Іоаннъ съ ласкою потрепалъ его по головѣ и благословилъ. Потомъ открылъ у него ротикъ, осмотрѣлъ и, ощупавъ наростъ, снова благословилъ нашего мальчика. И, обращаясь къ моей женѣ, сказалъ: "Не бойтесь, надѣйтесь на милосердіе Божіе! Операціи же не нужно дѣлать никакой. Вашъ сынъ при помощи Божіей и такъ скоро поправится?" И что же? Черезъ недѣлю нароста не было и слѣда. Онъ сталъ самъ собою исчезать и, наконецъ, пропалъ совсемъ. Нашъ мальчикъ поправился и теперь окончательно здоровъ".

Присутствовавшій при этомъ разсказѣ сынъ о. протодіакона виновникъ этого сообщенія Сережа съ дѣской наивностью добавилъ: "А я теперь и утромъ, и вечеромъ молюсь за батюшку отца Іоанна".

Разсказъ о необыкновенномъ, пламенномъ, вдохновенномъ подвижническомъ служеніи отца Іоанна Церкви и людямъ можно продолжать и продолжать... Такъ проходила вся жизнь выдающегося Пастыря и въ такихъ трудахъ онъ ждалъ и приближенія своей смерти, и она, наконецъ, приблизилась. Долго отецъ Іоаннъ не хотелъ поддаваться мучительной болѣзни (она длилась три года) и не хотелъ прекращать служить, но это становилось все труднѣе. Въ послѣдніе мѣсяцы мучительныя боли не давали покоя ни днемъ, ни ночью, прекращаясь развѣ какъ на 15—20 минутъ въ сутки. Но во время служѣнія Литургіи природа давала ему ослабу часа на два.

Свою последнюю Литургію онъ служилъ 10 декабря 1908 г.

Послѣ этого отца Іоанна ежедневно стали причащать на дому. Посетившему его во время болѣзни митрополиту Московскому Владиміру (впослѣдствіи ставшему первой среди епіскоповъ жертвой революціи) отецъ Іоаннъ сказалъ: "Благодарю Господа моего за ниспосланные мнѣ страданія для предъочищенія моей грешной души. Оживляетъ Святое Причащеніе".

18 декабря отецъ Іоаннъ спросилъ игуменію Ангелину: "Какое сѣгодня число?" и, получивъ ответъ, сказалъ: "Слава Богу, еще два дня, все успѣемъ сделать".

19-го числа онъ находился уже в полусознательномъ состояніи, но къ вѣчеру пришелъ въ себя и жаловался на жаръ во всемъ телѣ. Окружавшіе его поняли, что онъ умираетъ. Для того, чтобы успеть причастить отца Іоанна Святою Кровію (потому что твердого онъ не могъ уже проглотить), раннюю Литургію въ ночь съ 19-го на 20-ое служили въ 3 часа ночи. Многіе, въ томъ числѣ и священнослужители, плакали во время этой службы. Потомъ пошли причащать отца Іоанна. Онъ былъ в полузабытьи и говорилъ: "Душно мнѣ, душно". Не безъ труда удалось его причастить. Въ 6 час. утра священники стали читать отходную.

Въ 7 час. 40 мин. 20-го декабря 1908 года отецъ Іоаннъ скончался на 80-м году жизни.

Похороненъ отецъ Іоаннъ в Санктъ-Петербургѣ. Гробница его в нижнемъ храмѣ Іоанновского женскаго монастыря на речкѣ Карповкѣ стала мѣстомъ постояннаго паломничества многихъ людей. Ее украшали цветами, ставили передъ ней свѣчи, служили около нее панихиды о почитаемомъ Пастыре.

Существовалъ даже обычай приносить запечатанные письма (которые потомъ сжигали) съ молитвами, обращенными къ отцу Іоанну за помощью въ томъ или иномъ дѣлѣ. Существовало немало свидетельствъ,

что такимъ путемъ выраженные пожеланія нередко сбывались. Сохранилось немало показаній и о томъ, что на могиле отца Іоанна происходили исцеленія отъ различныхъ болѣзней. Кромѣ того, многіе люди открыто утвѣрждали и утвѣрждаютъ, что, при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ, они молитвѣнно обращались и обращаются к отцу Іоанну, и молитва ихъ бывала и бываетъ услышана.

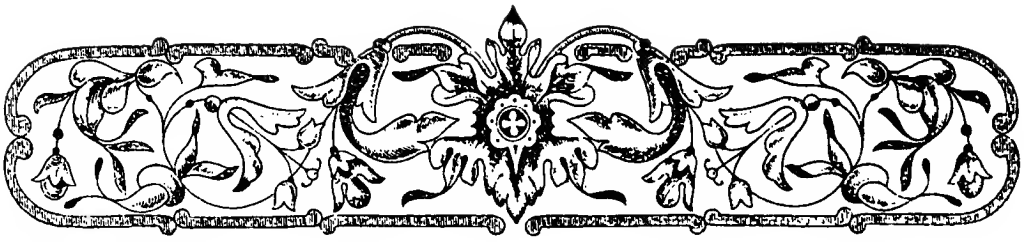
Молитвами его да сохранитъ Господь Богъ и насъ всѣхъ отъ всякой скорби и болѣзни! Богу же, дивному во святыхъ Своихъ, да будетъ всякая честь, слава и поклоненіе — всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропарь, глас а҃:

Православныя вѣры поборниче, земли Россійскія печальниче, пастыреми правило и образе вернымъ, покаянія и жизни во Христе проповедниче, Божественныхъ Таинъ благоговейный служителю и дерзновенный о людехъ молитвенниче, отче праведный Иоанне, целителю и преднивный чудотворче, граду Кронштадту похвало и Церкве нашѣя украшеніе, моли Всеблагаго Бога умирити міръ и спасти души наша.

Кондак, глас г҃:

Днесь пастырь Кронштадтскій предстоитъ Прѣстолу Божію и усердно молитъ о вѣрныхъ Христа Пастырѣначальника, обѣтованіе давшего: «Созижду Церковь Мою, и врата адова не одолеютъ Ея».



ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

СВЯТАГО

ПЕТРА (МОГИЛЫ),

митрополита Киевского и Галицкого

Святитель Петр (Могила), митрополит Киевский и Галицкий, — один из выдающихся православных иерархов XVI-XVII веков.

Петр Могила родился в конце 1596 года в семье воевод (князей) Молдавских, отличавшейся особым благочестием. Дядя Петра Могилы — Георгий — был православным Молдавским митрополитом (1587—1589 гг.), другой дядя — Иеремия — господарем Молдавским (1595—1606 гг.) и, наконец, отец Петра Могилы Симеон был воеводою Волошским, с 1601 года — господарем Валахии, а с 1607 года — Молдавии. Род воевод Могил славился своею ревностию и приверженностию к Православию, покровительствовал Львовскому Православному братству и присылал ему значительные средства. Нет сомнения, что именно Митрополит Георгий посеял в душе юноши, будущего Митрополита Петра, добрые семена и глубокую религиозность, знания, любовь к Богу и к Святой Православной Церкви.

Когда Петру исполнилось одиннадцать лет, семья Могилы перебралась на западные украинские земли, бывшие под Польшей. Вопреки господствующей здесь католической вере, семья Петра Могилы хранила Православие и даже содействовала его процветанию. Так, отец Петра Могилы и родной дядя Иеремия строят Успенский храм при Львовском братстве; двоюродная сестра Петра известна как основательница и благодетельница многих монастырей на Левобережье Украины.

Митрополит Петр (Могила) причислен к лику святых Священным Синодом Украинской Православной Церкви 6 декабря 1996 г.

Свое первое образование будущий Митрополит получил при Православном Львовском братстве, где проникся любовью и ревностью к своей Православной вере и неприязнью к Унии. Далее он продолжил свое образование во Франции — в Парижской Сорбонне, куда отправил его отец. Несомненно, что Петр Могила был образованнейшим человеком своего времени, свободно владел классическими — латинским и греческим — языками, несколькими европейскими. Со временем сын воеводы Петр Могила поступил на военную службу и в 24 года участвовал в боях под Цецорией, где Войско Польское потерпело поражение, а через год (в 1621 г.) в чине старшины Войска Польского участвовал в битве под Хотином в рядах ревностных защитников христианства против турецкого нашествия.

В 1622 году Петр Могила приезжает в Киев — в Свято-Успенскую Киево-Печерскую Лавру — на праздник Успения Божией Матери. Здесь, в Киеве, он часто посещает Митрополита Иова (Борецкого), который становится его духовным отцом и играет большую роль в формировании его религиозного мировоззрения. И вскоре княжич Петр Могила отказывается от блистательной светской карьеры: в 1625 году он принимает иноческий постриг от архимандрита Захарии (Копыстинского).

Неизвестно, что заставило Петра Могилу променять блистательную карьеру, ожидавшую его в миру, на скромный удел монаха: пути Промысла Божия неисследимы и часто, вопреки всем человеческим предположениям, ведут смертного человека к высокой, Богом определенной, цели. Здесь очевидно свершилось Божие благоволение, о чем говорит Псалмопевец: "**правда и мир облобызастася**" (Псал. 84, ст. 11), то есть то духовное наследие, которое получил в юношестве Петр Могила от своего дяди Митрополита Георгия, дружба и беседы с Митрополитом Иовом (Борецким) и наместником Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры архимандритом Захарией (Копыстинским) навсегда определили его дальнейший жизненный путь.

С этого времени начинается новый период в жизни Петра Могилы — период апологетического служения Церкви. Отрешившись от доспехов воина земного, он становится воином Христовым, становится на путь служения Церкви Христовой и Святому Православию.

Время, в которое Митрополиту Петру (Могиле) выпало служить нашей Святой Церкви, пришлось на очень сложное для Церкви время — время церковных борений, время нестроений, раскола. Тогда паства особенно нуждалась в слове, которое поддерживало бы сомневающихся и направило бы их по верному пути к спасению, по которому следовала вся Кафолическая Соборная Православная Церковь.

Положение Православной Церкви на Западных территориях, оказавшихся под Польшей после провозглашения в 1596 году церковной Унии, признаной государственной властью вместо извечного в истории украинского народа

Православия, — можно приравнять к положению Вселенской Церкви Христовой в первые три столетия христианства. Навязанная народу Уния стала великим бедствием и испытанием для Православной Церкви. Как некогда христиане в языческом Риме, — православное население на Западных территориях за приверженность отеческой вере указом Сигизмунда III, фанатичного католика, было поставлено в положение преступников. Его насильно загоняли в чужую веру. Униатские епископы изгоняли православных священников из приходов и ставили на их место униатов. У православных отнимали храмы, священников подвергали насилию, бросали в тюрьмы. В городах православных не допускали к городским должностям, притесняли в ремеслах и торговле. Более всего горя терпели от неистовствующих униатов, поддерживаемых Сигизмундом III, православные в северо-западных пределах Руси и в Литве. Нелегко было и на Волыни.

Святитель Петр

Невзирая на все гонения против православных, они твердо держались веры отцов. Важную услугу в борьбе за Православие оказывали православные братства и монастыри, оставшиеся верными "греческой вере". Церковь обрела также крепкую опору в лице своих чад — патриотов, защитников веры, которые открыто, ничего не боясь, выступали на генеральных Сеймах, что все-таки разрешала конституция Речи Посполитой. Яркий пример апологетства Православия этого смутного времени выявился в лице Митрополита Петра (Могилы).

1625 год. Это было самое горячее в противостоянии время, когда католики и униаты, опережая друг друга, забросали Православную Церковь ругательными произведениями. Потомок княжеского рода, прекрасно образованный, сохранивший многие влиятельные связи, Могила и в сане простого иеромонаха имел особое влияние на иерархические дела. Как уже говорилось, Петр Могила был в тесном общении с тогдашним Митрополитом Иовом (Борецким), а также с наместником Киево-Печерской Лавры архимандритом Захарией (Копыстинским). С ними он думал высокую думу о тяжелом положении Церкви Православной, по их благословению осуществил он замысел, дотоле небывалый. Опасаясь не столько огня и меча

врагов веры истинной, сколько пагубного и лукаво-искусительного их учения, Петр Могила принимает решение создать им наидостойнейших противников. С этой целью, с согласия всего киевского духовенства, он выбирает молодых людей из монашества и белого духовенства и отправляет их на свои собственные средства в разные зарубежные учебные заведения для усовершенствования в высших науках. В числе их были: Сильвестр Коссов, Исаия Трофимович, Тарасий Земка, Иннокентий Гизель. Намереваясь создать при Киево-Печерском монастыре высшую школу для подготовки борцов с Унией, Петр Могила надеялся через короткое время обрести в лице этих стипендиатов также достойных учителей для этой школы.

Тем временем и сам Петр Могила не оставался бездеятельным наблюдателем борьбы униатов с православными. Под именем Филалета выходили в свет произведения, в которых с замечательной силой разоблачались корыстные и противные чистоте веры побуждения католиков к распространению униатства. Этим псевдонимом пользовался вместе с другими и Петр Могила. Очевидно, что апологетические сочинения выходили в стенах Киево-Печерской Лавры, не сдавшейся униатам, где уже с 1616 года работала типография, основанная наместником архимандритом Елисеем (Плетенецким) — известным богословом, религиозным писателем, основоположником школы проповедников при Лавре.

По смерти наместника Лавры архимандрита Захарии (Копыстинского) Петр Могила, по общему согласию всей братии, был возведен в сан архимандрита Киево-Печерской Лавры, на что через три года вышло и благословение Кирилла Лукариса, Патриарха Константинопольского, с предоставлением ему звания Экзарха патриаршего престола.

Как архимандрит Киево-Печерской Лавры Петр (Могила) принимает активное участие во всех созываемых Соборах Западнорусской Церкви. Особым был Собор, проходивший 13 — 24 августа 1628 года в Киеве, на котором был предан осуждению архиепископ Полоцкий Мелетий (Смотрицкий) и его сочинение “Апология”. Под руководством Митрополита Иова (Борецкого) и архимандрита Петра (Могилы) “Апология” Смотрицкого внимательно была изучена двумя просвещеннейшими протоиереями — Лаврентием Зизанием и Андреем Мужеловским. Они выбрали из этой работы ложные мысли, противные Православию, свидетельствовавшие об отступничестве Смотрицкого, и изложили обвинения против него в 105 пунктах. После долгих уговоров Мелетий, опасаясь мести казаков за приверженность к Унии, отрекся от своей “Апологии” и принес Собору раскаяние, хотя и неискреннее. На втором заседании Собора была составлена и подписана Соборная грамота ко всему православному народу, в которой Митрополит и архиереи, а в их числе и архимандрит Петр (Могила), призывали к Православию и убеждали всех пребывать твердыми в своей Православной вере.

2 марта 1631 года скончался Митрополит Иов (Борецкий). Место его занял Исаия (Копинский), бывший в то время архиепископом Смоленским. Посланные архимандритом Петром за границу люди стали возвращаться на родину для большого дела — просвещения народа, но различные слои общества во главе с гетманом Петрижицким обратились к архимандриту Петру с просьбой не создавать особого училища в Киево-Печерской Лавре, а соединить его с Богоявленским училищем на Подоле в Киеве, дабы не возникло духа соперничества между училищами. Просьба эта была разумна, и архимандрит Петр согласился. Но в 1631 году, с целью повышения уровня духовного просвещения в Западнорусской Церкви, так необходимого в борьбе с латинством, основал, отдельно от существующей уже в Киеве Братской школы, высшее училище "для преподавания вольных наук на греческом, славянском и латинском языках". А когда 30 декабря 1631 года члены братства составили акт, в котором архимандрит Петр назывался старшим братом, блюстителем и пожизненным опекуном Киевского братства, и подчинили свою школу исключительно власти Константинопольского Патриарха, он соединил свою лаврскую школу с Братской. Для процветания этой школы он приложил многие усилия: переименовал ее в Коллегию, расширил в ней преподавание, прибавив науки философские и богословские, и обеспечил ее материальное состояние, пожертвовав ей многие вотчины. Эта Коллегия, названная Киево-Могилянской, стала образцом для всех духовно-учебных заведений на территории Восточной Европы и подготовила многих образованных пастырей и ревностных защитников Православия. Дабы создать в этой Коллегии преподавательский состав, который соответствовал бы высокому уровню своего назначения, профессоров этой школы архимандрит Петр посылал для обучения за границу. Подобную школу он создал и в Виннице — в Вознесенском монастыре, подчиненном Киево-Братскому и тоже называвшемся Братским. В том же 1631 году Петр Могила начинает строительство каменного строения, предназначавшегося для аудиторий. Как строительство будущих аудиторий, так и содержание наставников и школяров Петр Могила принял на свое собственное содержание.

В Святой Лавре архимандрит Петр расширил типографию, продолжал издавать книги, старался поднять духовную дисциплину среди лаврских монахов.

В апреле 1632 года скончался король Сигизмунд III. Согласно польским обычаям, по смерти короля собирался сначала Сейм, называемый "Конвокацийный", на котором делался обзор предыдущего царствования и подавались разные мнения об улучшении порядка, а затем собирался Сейм "Элекцийный" — для избрания нового короля. Первый Сейм состоялся в Кракове, куда приглашены были все чины — духовные и светские. Митрополит Киевский Исаия (Копинский), обремененный немощами и старостью, не мог отправиться сам и, по совету всего киевского духовенства, отправил на Сейм в качестве своего представителя архимандрита Петра (Могилу). Со

стороны Митрополита Исаии это был лучший выбор для участия православной делегации в Сейме.

С целью законным путем истребовать от Речи Посполитой возвращения прав и свободы деятельности Православной Церкви вокруг архимандрита Петра сплотились остатки православного дворянства. Немедленно по прибытии в Краков архимандрит Петр от лица сопровождавшего его духовенства и дворян объявил, что они до тех пор не примут участия в Сейме, пока, согласно инструкциям, данным им от всего народа, не получат от Сейма гарантии, что все епископства и прочие церковные достоинства вместе с имениями, отобранными униатами от православных, будут возвращены им. Такое настоятельное требование изумило членов Сейма, но, не желая останавливать из-за этого открытие заседаний и терять время в споре, королевич Владислав принял предложение архимандрита Петра (Могилы). Видя это, униатский митрополит Вельямин (Рутский) начал было защищать права своих единоверцев, но, заметив неуспех, старался всеми силами, по крайней мере, отложить на дальнейшее время исполнение этого проекта. Архимандрит Петр действовал еще более неусыпно и вынудил Рутского подписать соглашение (мемориал), в котором предполагалось отдать православным Киевскую митрополию, предоставить Львовское епископство, Печерский и Жидачевский монастыри с их имениями, отдать по несколько церквей в некоторых городах, разрешить братствам свободно распоряжаться школами, мещанам — занимать городские должности. Акт этот утвержден был печатями королевича и митрополита Вельямина (Рутского), и для большего их веса было об этом упомянуто в конвакационных актах, которые были разосланы по всем местам несмотря на несогласие папского нунция и самого Папы.

Однако архимандрита Петра и это не устраивало. Он старался уговорить представителей разных воеводств не уступать католикам и униатам. Начались новые споры, некоторые члены Сейма отстаивали униатов, но против всех них стоял архимандрит Петр, которого не так легко было побороть. Противники архимандрита Петра, столкнувшись с умным, твердым и дальновидным защитником Православия, проиграли.

Несмотря на все протесты католического и униатского духовенства православные получили от короля Владислава диплом, которым подтверждалось свободное исповедание веры, совершение Таинств, разрешение реставрировать церкви и строить новые, создавать при церквах и монастырях братства, богадельни, школы, семинарии и типографии. Повелено было Сеймом все споры и распри прекратить, все приговоры прежних Сеймов против православных уничтожить и впредь жить всем в покое без притеснений друг друга. В силу этой привилегии подтверждено было право православному духовенству, дворянству и всему народу православному в Литве и

Польше избирать себе православного Митрополита и посвящаться ему от Константинопольского Патриарха. Все киевские монастыри были переданы в ведение православного Киевского митрополита. Эти постановления, несмотря на протесты униатов, утверждены были королем и Сеймом 1 ноября 1632 года. Добиться данного положения и выйти победителем в этой неравной борьбе мог только Петр Могила — княжич по происхождению, имевший мало равных себе по воспитанию, выдающийся, тонкий дипломат, образец в вере и по ревности к Святому Православию.

Православные дворяне вместе с духовными лицами, бывшие на Сейме, решили избрать Петра (Могилу) Митрополитом Киевским, на что он дал свое согласие. Таким образом он был избран православным дворянством и духовенством кандидатом на Киевскую митрополию.

После своего избрания в кандидаты архимандрит Петр сразу обратился к королю Владиславу IV за утверждением в этом звании и сохранении Киево-Печерской архимандрии. Но, чтобы не произвести какого-либо смятения между православными, оставшимися в Киеве, он отправил в Константинополь ректора Киевских Духовных школ Исаию Трофимовича для получения от Патриарха благословения на свое посвящение в Митрополиты. Бывший тогда на патриаршем Константинопольском престоле Кирилл (Контарино) без всякого прекословия дал свое благословение.

Оградив свое избрание всеми законными формальностями, архимандрит Петр при полной поддержке Киевского и Луцкого братств отправился в г. Львов, где в ставропигиальном монастыре Успения Пресвятой Богородицы встретился с единственным православным епископом, сохранившим свою кафедру, — Иеремией (Тиссаровским), титуловавшимся Экзархом Константинопольского патриархата и имевшим право совершать посвящение Киевского митрополита от имени Вселенского Патриарха. К назначенному сроку прибыли во Львов три православные епископа, хотя и уволенные униатами от своих епархий: Аврамий (бывший Пинский и Туровский), Исаакий (бывший Луцкий) и Паисий (бывший Холмский), множество православных духовных лиц и мирян.

Наречение архимандрита Петра (Могилы) во епископа происходило на Светлой седмице, а посвящение во епископа — в Светлую Субботу, возведение в сан Митрополита — в неделю Фомину, которая в 1633 году приходилась на 28 апреля. Посвящение архимандрита Петра происходило в церкви Львовского ставропигиального братства, на построение которой много жертвовали православные молдавские воеводы.

Митрополит Петр прожил во Львове около двух месяцев и все это время ходатайствовал перед королем о преобразовании Киево-Братской и Богоявленской школ в православную Академию. Однако высокие чины Сейма отвергали просьбу Митрополита Петра, но король изъявил твердую волю,

— и прошение Петра Могилы было утверждено с наименованием школы не Академией, а Коллегией.

В конце июня 1633 года Митрополит Петр торжественно отправился на свою кафедру в Киев, где ему были поднесены поздравления и панегирики: один — от Лавры, другой — от Киево-Братского училища.

Митрополит Петр приступил к благоустроению своей митрополии. Основываясь на Грамотах короля, он прежде всего начал отнимать у униатов православные монастыри и храмы, в том числе — Софийский собор и Выдубицкий монастырь.

Деятельность Митрополита Петра отличалась большою разносторонностью. Соединяя в своих руках должности Митрополита Киевского и архимандрита Киево-Печерского, он располагал большою властию и большими материальными средствами. Человек энергичный, настойчивый, Митрополит Петр шел прямо к намеченной цели. Благодаря этому ему удалось достигнуть многого из того, что он намечал. Он был человек, преданный Православной вере, и как сильная личность оставил неизгладимый след в истории просвещения и культурного развития всей Украины. Киев при нем окончательно стал центром для всего православного населения не только Украины, но и Польши, и Литвы.

Нестроения в Православной Церкви, так ярко проявившиеся во второй половине XVI века — накануне введения Унии (1596 г.), не могли исчезнуть сразу, особенно при ожесточенной борьбе униатов против православных. Эти сложности церковной жизни были оставлены Митрополиту Петру в наследие от его предшественников, но в силу того, что он королем официально был утвержден на митрополии, условия для Православной Церкви на Украине ему удалось значительно улучшить.

Святитель Петр стремился всеми средствами улучшить и внутреннее состояние вверенной ему Церкви, много заботился об улучшении церковной дисциплины. Он боролся против разных отступлений при посвящении в духовный сан. Церковную иерархию подчинил более строгому надзору, и для этой цели заведены были особые митрополичьи наместники с весьма широкими полномочиями.

Чтобы удовлетворить духовные запросы своей паствы, Митрополит Петр печатал в Лаврской типографии святоотеческие сочинения, а в 1637 году его повелением и благословением напечатано было “Евангелие учительное”, или собрание поучений на все воскресенья и праздники года, — книга весьма необходимая как пособие для священнослужителей в проповедывании Слова Божия. Издана она была на общедоступном для народа языке с предисловием, написанным самим Митрополитом, в котором он, обращаясь к священникам, убеждал их как можно чаще читать это учительное Евангелие — и самим поучаться от него, и народ наставлять в истинах веры и спасения.

Организовав все возможное и необходимое, Митрополит Петр обратил свой взор к Киево-Братскому училищу и занялся внутренним его преобразованием. Получив статус Коллегии для училища, Петр Могила открыл в своей школе полный курс наук словесных, начиная с нижних классов — до философии и богословия, создал при Коллегии библиотеку и типографию.

Для подготовки будущих проповедников при Киево-Могилянской Коллегии трудами Митрополита Петра в высшем богословском классе изучалась гомилетика, предшествовала этой науке риторика, которая изучалась в среднем классе. Преподавание риторики ничем не отличалось от того, каким оно было в самых известных высших училищах Европы того времени. Преподаватели гомилетики не ограничивались лекционным материалом в стенах училища; для наглядного примера мудрый основатель Коллегиума Митрополит Петр ввел как новацию проповедь для преподавателей. На каждый воскресный и праздничный день назначался очередной коллегиант, который проповедывал в большой Братской церкви. Кроме того, установлены были так называемые инструкции, одна из которых называлась большой, другая — малой.

Первая состояла из поучений, провозглашаемых в течение всего года перед поздней Литургией учителями риторики или префектом в классе риторическом. Предметом этой инструкции было систематическое последовательное толкование какой-либо книги Старого, чаще — Нового Завета. Кроме воспитанников, обязанных непременно быть на этой инструкции, к слушанию ее безпрепятственно допускались и лица посторонние, особенно богомольцы, приходившие издалека на поклонение киевским святыням. Малая инструкция состояла из разъяснения народу православного катехизиса. Это делалось на ранней обедне, для чего избирался один из младших учителей, который в течение всего года появлялся на церковной кафедре со своими поучениями.

Серьезное внимание Митрополит Петр обратил на киевские святыни, большинство из которых пребывали в запустении: он возобновил и украсил Киево-Софийский собор, находившийся в полуразрушенном состоянии, произвел раскопки части Десятинного храма и на месте ее построил небольшую церковь. По распоряжению Митрополита были возобновлены церкви Трехсвятительская и Спаса на Берестове, а также Михайловская церковь в Киево-Выдубицком монастыре, построенная в 1070 — 1088 годах Всеволодом Ярославичем и разрушенная наводнением Днепра в 80-х годах XVI столетия, и многие другие.

В это же время весь свой словесный и поэтический талант святитель Петр направил на воспитание православного народа.

Литературная полемика православных с иноверцами и издательская деятельность при Митрополите Петре приобрела особое значение. Для этого митрополит располагал крупными литературными силами, которые сумел собрать в

Киеве, обладая при этом материальными средствами и Печерской типографией, поставленной его предшественниками по архимандрии Печерской.

Полемика православных с униатами и католиками, начиная с XVI века, отличалась страстностью и большой нетерпимостью между обеими сторонами. На это было обращено внимание на Сейме 1632 года, и в "пункты успокоения религии греческой" была внесена статья, по которой обе стороны — православные и униаты — обязывались жить в мире и не наступать одна на другую, "письменные и словесные состязания между собою прекратить и на будущее время никаких сочинений, которыми привыкли оскорблять друг друга, не издавать, наукою и добрыми примерами поддерживать взаимное согласие..."

В период разгара религиозных страстей Митрополитом Петром в утешение и одобрение православных было составлено замечательное молитвословие "О умирении" Православной Церкви. Данное молитвословие было напечатано в типографии Киево-Печерской Лавры под заглавием: "Парафимиа". Это — плод религиозного воодушевления, вызванного борьбой Митрополита Петра с иноверием, свидетельствующий о глубокой надежде на милость Божию, предстательство Пресвятой Богородицы и святых угодников Божиих, особенно — на молитвы подвижников Печерских, к которым святитель Петр ежедневно прибегал со своей молитвой и черпал от их подвига силы духовного стояния за Святое Православие.

В 1635 году в Лаврской типографии был отпечатан известный труд Сильвестра Коссова "Экзегезис", в том же году в Святой Лавре был напечатан и "Патерикон Печерский, или житие св. Отцов Печерских", вышедший из-под пера того же Сильвестра Коссова. "Патерикон" был направлен против точки зрения тех лиц, которые старались подвергнуть сомнению святость Печерских Отцов. В этой книге была помещена хронология православных Митрополитов русских от принятия Киевской Русью Крещения до Петра (Могилы) — с целью показать как православным, так и униатам с латинянами, что, вопреки мнению последних, русские приняли Святую веру от Православного Востока, а не от Папы, и что русские митрополиты всегда были подчинены Патриарху Константинопольскому, а не Папе.

Продолжением и завершением "Патерикона" явилась "Тератургима" — книга печерского инока Афанасия Кальнофойского, напечатанная в Печерской Лавре в 1638 году. Она была составлена по благословению Митрополита Петра (Могилы) и, по выражению автора, тщательно была отполирована в Киево-Могилянской комиссии. Целью "Тератургимы" являлось собрание сведений о чудесах, совершившихся в Лавре в новейшее время. Кроме того, Афанасий сообщил исторические сведения о Киево-Печерской Лавре, о надгробиях в ней, о ее фундаторах и благотворителях, а также о киевских пещерах.

Известно, что для "Тератургимы" материалом послужили собственные записи Митрополита Петра (Могилы) с повествованиями о разных чудесах и знамениях, о святых печерских угодниках Божиих.

Митрополит Петр, занимаясь разработкой этой темы, заимствовал примеры из текущей жизни, из личного опыта, из бесед с иноками и набожными христианами, несомненно веруя в действительность повествуемых чудес, добросовестно стараясь отразить подвиги святых угодников Божиих, указывая время, место и свидетелей для назидания духовного воздержания и ревности, для Святой Церкви грядущих поколений.

Все сказания Митрополита Петра основываются на двух положениях: 1—и теперь еще есть святые подвижники в Православной Церкви; 2—и теперь еще совершаются Богом чудеса в Православной Церкви, свидетельствующие о ее благодатности.

Митрополит Петр является автором и величайшего сочинения "Лифос" — "Камень", появившегося в 1644 году. Этот труд вышел под псевдонимом Евсевия Пимена, т. е. благочестивого пастыря, и был написан на польском языке, так как главной целью автора была защита Православия от нападок католиков. В этом произведении святитель Петр фактически выступил против Кассиана Саковича, ревностного последователя Римской Церкви. Появление этого труда вызвало в польской литературе целый ряд трактатов, подтверждающих, что "Камень" — одно из выдающихся творений полемической литературы XVII века.

Уникален еще один труд Митрополита Петра: им был составлен и издан в 1646 году Требник, или "Евхалогион", с целью дать юго-западному духовенству не только вновь обработанную официальную богослужебную книгу, очищенную от погрешностей и заблуждений, вкравшихся в церковную обрядность украинских церквей под влиянием католичества, но и цельное, всестороннее практическое руководство по всем случаям совершения частного Богослужения для пастырей Церкви.

Огромный фолиант Митрополита Петра имеет 1529 страниц. "Ведая несомненно, — пишет Митрополит Петр в предисловии, — что противники наши... называют наших духовных неучами в совершении Божественных Таинств и других Богослужений, утверждают, что Русь Православная уклонилась в ересь, не знает ни числа, ни формы, ни обрядов Божественных Таинств, не умеет дать о них отчета и в совершении их держится различного способа, — я, по благодати Божией, предпринял предотвратить такое поношение противников от православного причта Святой Русской Церкви, как может видеть каждый просвещенный и благочестивый читатель этой книги, названной Требником". Митрополит Петр составил свой Требник на основе греческих евхологиев и древнеславянских письменных источников. И до сего дня Требник Петра Могилы не утратил своей ценности для священства нашей Православной Церкви.

Кроме того, Митрополитом Петром были задуманы две колоссальные работы: "Жития святых" и исправление славянского текста Библии. Это его заботами монах Киевского Кирилловского монастыря Димитрий (в миру Данило Туптало) — впоследствии святитель Димитрий Ростовский — создал первый в нашей Церкви свод Житий Святых, навсегда ставший настольной книгой верующих людей.

Ревностью к молитвенным подвигам Преподобных Отцов Печерских Митрополитом Петром был утвержден праздник (Собор всех Преподобных Отцов Киево-Печерских), который всегда празднуется во вторую Неделю Великого Поста как переходящее празднование и в который народ наш православный, воспевая подвиги преподобных, укрепляется благочестием их веры.

Вся жизнь Митрополита Петра — человека глубочайшей веры, большого ума, образования и твердого характера, страдательно переживавшего нужды Церкви, — была употреблена для возвышения и развития Православной Церкви во времена овладения Украиной Речью Посполитой. Не было ни одной сферы церковной деятельности, чтобы она не оказалась в поле зрения Митрополита Петра. Своей кипучей энергией и неутомимым трудом он вел борьбу за развитие православной богословской науки, церковного Богослужения, издания богослужебных книг, реставрации православных святынь, монастырской жизни и особенного попечения о Святой Лавре — все это было предметом забот Митрополита. С его именем тесно связаны почти все наиболее замечательные события, имевшие благотворное влияние на ход церковной и общественной жизни нашего народа. Этот период жизни нашей Церкви можно назвать временем Митрополита Петра (Могилы).

Четырнадцать лет управлял Киевской митрополией защититель веры Христовой Петр (Могила), четырнадцать лет отдыхала она от озлобленного, жестокого преследования католиков и униатов.

Святитель Петр, снедаемый ревностию по Боге и его Святой Церкви, внезапно, как пламенная свеча догоревшая, умер в последнюю ночь 1646 года на новый, 1647 год, т. е. 1 января 1647 года, в полном расцвете сил. Он отдал праведную свою душу в руце Божии, едва завершив ровно полвека своей подвижнической жизни. Тело святителя Петра было перенесено из Киево-Печерской Лавры в Софийский собор. 9/22 марта останки Митрополита, не подвергшиеся во все эти месяцы тлению, были преданы земле на указанном им самим месте — в Великой Печерской (Успенской) соборной церкви возле левого клироса.

О том, что Митрополит Петр (Могила) в своих архипастырских заботах был полностью предан нашему православному народу, свидетельствует вся его жизнь.

Стараясь уберечь паству православную от пагубности униатства, Митрополит Петр говорил: "Всякого рода расколы — это тонкая сеть врага рода человеческого". Сеятели раздоров среди православного народа желали влиться в православную ограду Церкви, чтобы, как волки в овечьей шкуре, производить соблазны среди верующих. Отделившиеся от Святого Православия

сами порвали единение с полнотой Христовой Церкви. Согласно слов святого Апостола Павла, подобные учителя, "**имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйтесь**" (2 Посл. к Тимоф. 3, 5).

Ревнуя о чистоте единства Святой Православной Церкви и непорочности ее вероучения, Владыка Петр говорил: "Для православного христианина необходимо верить в Бога, принадлежать Святой христианской Церкви, исполнять все заповеди Господни, строго держаться Апостольских и Святоотеческих Постановлений, канонов Церкви и под руководством Христовой Церкви приближаться к вечному спасению. Христианину необходимо не верить всякой лжи униатской, не слушать разных лжеучителей, которые отвлекают нас от веры в Бога и от Православной Церкви".

Унаследовав некрадимое богатство православного учения великих подвижников веры, мы с благоговением отдаем священную дань Божиему избраннику — верному стражу Его Святой Церкви — святителю Петру (Могиле), препоручая себя его святым молитвам и заступничеству перед Богом за боголюбивый народ наш с верою, что по его молитвенному ходатайству Господь поможет нам препобедить все козни врагов нашего православного народа и Его Святой Церкви, взывающим к нему: "Всемилостивый Господи, молитвами Святителя Петра утверди твою Святую Православную Церковь и пребуди с народом нашим от ныне и до века". Аминь.

Стихира , глас ā:

Веселися, граде Киеве, торжествуйте, вси православнии людие, днесь бо, яко светоблестательная звезда, память святителя Петра — ратоборца Христова, на тверди Церкви Христовой просия, юже мы всерадостно совершающе, вопием: утверди, Святителю, Святую Православную веру и прощения грехов наших испроси, да воцарится мир и благоденствие в державе нашей.

Стихира, глас ѝ:

Троицы поборниче преславный, защитниче Святаго Православия непобедимый, державы же бесовския низложителю, помози нам мечем веры вооружитися, и надеждею несумненною отчаяния губительнаго избавитися; молитвами твоими и Креста силою, развергшиися хлябе адова — козни блудоверов победити, верою чистою, яко светильником путеводным, совершенства любви достигнути, тебе бо дадеся благодать спасти от бед душы наша, святителю Петре, отче наш!

АЛФАВИТЪ СВЯТЫХЪ,

коихъ житія и памяти помѣщены въ сей книгѣ

Имена святыхъ	дни	стр.
Аввакумъ* пророкъ	2	35
Авксентій* мученикъ	13	353
Аггей* пророкъ	16	436
Азарія* отрокъ	17	446
Аиоалъ мученикъ	11	325
Акепсій мученикъ	11	325
Александръ Іерусалимскій	12	351
Амвросій* Медіоланскій	7	212
Ананія* отрокъ	17	446
Анастасія* великомученица	22	595
Андрей преподобный	2	47
Анисія* мученица	30	835
Анна пророчица	9	257
Анѳія святая	15	417
Аполлоній* мученикъ	14	392
Аполлосъ апостолъ	8	245
Арисъ мученикъ	19	546
Арсеній Латрскій	13	390
Аѳанасій Печерскій	2	42
Аѳинодоръ мученикъ	7	238
Варвара* великомученица	4	75
Вонифатій* Милостивый	19	514
Вонифатій* мученикъ	19	505
Гемеллъ святый	10	286
Григорій* Омиритскій	19	520
Давидъ* царь	26	725
Даніилъ исповѣдникъ	17	471
Даніилъ* пророкъ	17	446
Даніилъ Сербскій	20	563
Даніилъ* Столпникъ	11	293
Еварестъ преподобный	26	751
Евгеній* мученикъ	13	353
Евгенія* преподобномученица	24	644
Евграфъ* мученикъ	10	263
Евстратій* мученикъ	13	353
Евѳимій Сардійскій	26	749
Елевѳерій мученикъ	15	433
Елевѳерій священномученикъ	15	417
Епафродитъ* апостолъ	8	245
Ермогенъ* мученикъ	10	263
Захарія преподобный	5	171
Зотикъ Сиротопитатель	30	845
Игнатій* Богоносецъ	20	548
Илія мученикъ	19	546
Ираклемонъ преподобный	2	47
Іоаннъ* Дамаскинъ	4	97
Іоаннъ* Молчальникъ	3	53
Іоаннъ Поливотскій	4	117
Іоаннъ преподобный	2	47
Іоаннъ* Кронштадтскій	20	869
Іосифъ* Обручникъ	26	746
Іуліанія* мученица	21	575
Каллиникъ* мученикъ	14	392
Каріонъ преподобный	5	171
Кесарь* апостолъ	8	245
Кифа* апостолъ	8	245
Константинъ Синадскій	26	753
Левкій* мученикъ	14	392
Лука Столпникъ	11	328
Лукія* мученица	13	384
Мардарій* мученикъ	13	353
Маринъ мученикъ	16	445
Маркеллъ* преподобный	29	811
Маркъ пещерникъ	29	827
Меланія* мученица	31	851
Мина* мученикъ	10	263
Миракcъ мученикъ	11	325
Миропія мученица	2	40
Мисаилъ* отрокъ	17	446
Михаилъ преподобный	18	501
Модестъ* Іерусалимскій	18	499
Наумъ* пророкъ	1	5
Николай* преподобный	24	669
Николай* Чудотворецъ	6	174

*) Звѣздочка, поставленная около имени святаго, означаетъ, что въ книгѣ помѣщено его изображеніе.

Имена святыхъ	дни	стр.
Никонъ Печерскій	11	321
Нилъ * Столобенскій	7	234
Нифонтъ * Кипрскій	23	615
Орестъ * мученикъ	13	353
Павелъ повинникъ	7	239
Павелъ Латрскій	15	431
Павелъ Неокесарійскій	23	642
Пардъ преподобный	15	434
Патапій * преподобный	8	242
Петръ * митрополитъ	21	586
Петръ * (Могила) святитель	31	895
Полієвктъ мученикъ	19	546
Провъ мученикъ	19	546
Разумникъ мученикъ	12	352
Савва * Освященный	5	119
Савва * Сторожевскій	3	69
Севастіанъ * мученикъ	18	473
Сосѳенъ * апостолъ	8	245
Софонія * пророкъ	3	48
Софроній Кипрскій	9	262
Спиридонъ * Тримифунтскій	12	330
Стефанъ новосіятель	9	260
Стефанъ * первомученикъ	27	755
Стефанъ Сербскій	2	44
Стефанъ * Сурожскій	15	425
Тимоѳей мученикъ	19	546
Тихикъ * апостолъ	8	245
Филаретъ * Милостивый	1	8
Филетеръ мученикъ	30	843
Филимонъ * мученикъ	14	392
Филогоній святый	20	562
Флоръ Амійскій	18	501
Хрисогонъ * мученикъ	22	595
Ѳаддей исповѣдникъ	29	834
Ѳемистоклей мученикъ	21	594
Ѳеодора Кесарійская	30	847
Ѳеодора Цареградская	30	849
Ѳеодоръ Константинопольскій	27	783
Ѳеодоръ * Начертанный	27	764
Ѳеодотія * мученица	22	595
Ѳеофанія блаженная	16	438
Ѳеофанъ Начертанный	27	764
Ѳеофилъ плачливый	29	827
Ѳеофилъ преподобный	2	47
Ѳирсъ * мученикъ	14	392
Ѳома Дефуркинъ	10	287

ПРАЗДНИКИ и ПАМЯТИ:

	дни	стр.
Зачатіе св. Богопраматери Анны *	9	253
Память мучениковъ въ Африкѣ пострадавшихъ	8	251
Память 14 000 младенцевъ Виѳлеемскихъ	29	804
Сказаніе о бѣгствѣ во Египетъ *	26	716
Сказаніе о поклоненіи волхвовъ *	25	704
Сказаніе о Рождествѣ Христовомъ *	25	672
Слово на Рождество Христово	25	690
Страданіе 10 мучениковъ Критскихъ	23	637
Страданіе 20 000 мучениковъ Никомидійскихъ	28	785